

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

на **2020** год

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Е36

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям*

Редакционная коллегия:

*В. Е. Багно, чл.-корр. РАН, А. В. Лавров, академик РАН, С. И. Николаев,
чл.-корр. РАН, М. М. Павлова, д. ф. н., Н. В. Семенова, к. ф. н.,
Н. Н. Скатов, чл.-корр. РАН, Т. С. Царькова, д. ф. н., Ю. М. Чихалова*

Ответственный редактор:

Т. С. Царькова

Секретари редакционной коллегии:

Н. В. Семенова, Ю. М. Чихалова

Рецензенты:

С. В. Денисенко, д. ф. н., Е. Р. Обатнина, д. ф. н.

Е36 Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год / [отв. ред. Т. С. Царькова]. — СПб.: ООО «Родник», 2020. — 768 с. [текст], 8 с. [ил.].

В «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год» вошли статьи, сообщения и публикации, основанные на ранее не известных специалистам-гуманитариям архивных материалах. Хронологические рамки привлеченных исследователями рукописей чрезвычайно широки: от столбцов XVII в. до юбилейной публикации, посвященной 150-летней годовщине со дня рождения И. А. Бунина, и обзора новых поступлений отдела за 2017 год.

Открывающая книгу статья Л. К. Хитрово не только представляет личную и творческую биографию филолога-архивиста Льва Борисовича Модзалевского, но и самым непосредственным образом вписывает новые страницы в историю Пушкинского Дома и его Рукописного отдела. В статье А. Г. Носовой, посвященной художнику И. А. Владимирову, биографический сюжет получает неожиданную интригующую развязку.

Зная трагический конец жизни 25-летнего секретаря Русского посольства 1828 г. в Персии, помощника А. С. Грибоедова, Карла Аделунга, с особым психологическим напряжением читатель будет знакомиться с его последними письмами — путевыми дневниками. Несомненный интерес эти письма представляют также для историков-краеведов Кавказа. Столь же необычен по жанру дневник чиновника АН Вл. А. Рышкова, посвященный исключительно детству дочери. Он привлечет бытописателей нач. XX в. Тяжелый быт военного времени в эвакуации и спецпоселениях, стойкость интеллигенции, преодолевающей силой духа эти тяготы, запечатлены в воспоминаниях Г. М. Фридендера и письмах к нему О. И. Ильинской.

Продолжающиеся публикации — воспоминания В. В. Зоценко (1950-е гг.), а также главы из книги И. А. Гриневской «Путешествие в Края Солнца», в которых освещается начальный период постижения русскими основ восточных религий.

Настоящим открытием стало scrupulous текстологическое исследование Г. К. Кручининой и А. А. Черновой, убедительно доказывающее авторство черновой тетради стихов 1917 г. В. П. Палея, ранее приписываемое поэту и критику Н. В. Недоброву. Завершает сборник информация о вновь обработанных архивных материалах, доступных исследователям. Книга, несомненно, заинтересует филологов, архивистов, историков, медиевистов, искусствоведов, музыковедов, преподавателей и студентов — всех читателей, не равнодушных к истории русской культуры.

ISBN 978-5-99052-520-7

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2020
© ООО «Издательство «Росток»»,
макет, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE
(PUSHKIN HOUSE)

YEAR BOOK
OF THE MANUSCRIPT
DEPARTMENT
OF PUSHKIN HOUSE

for 2020

SAINT-PETERSBURG
2020

Editorial Board:

*V. E. Bagno, Y. M. Chihalova, A. V. Lavrov, S. I. Nikolaev, M. M. Pavlova, N. I. Scatov,
N. V. Semenova, T. S. Tsar'kova*

Editor-in-Chief

T. S. Tsar'kova

Reviewers:

S. V. Denisenko, E. R. Obatnina

Е36 Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год / [Отв. ред. Т. С. Царькова]. — СПб.: ООО «Родник», 2020. — 768 с. [текст], 8 с. [ил.].

The «Yearbook of the Manuscript Department of Pushkinskij Dom for 2020» includes articles, reports and publications based on unknown archival materials. The chronological framework of the manuscripts is extremely wide: from the columns of the XVII century to the publication dedicated to the 150th anniversary of the birth of Ivan Bunin, and the review of new arrivals of the Department for 2017.

The opening article of L. K. Khitrovo presents the personal and creative biography of the philologist and archivist Lev Borisovich Modzalevsky, puts new pages in the history of the Pushkinskij House and its Manuscript Department. In the article of A. G. Nosova, dedicated to the artist I. A. Vladimirov, the biographical plot receives an unexpected intriguing denouement.

Being aware of the tragic death (1828) of Karl Adelung, a 25-year-old secretary of Russian Embassy in Persia, who was assistant of A. S. Griboedov, reader will follow his last letters and travel diaries with a special psychological tension. These letters will be undoubtedly interesting for historians of the Caucasus. The diary of V. A. Ryshkov, an officer of Academy of Science, is dedicated exclusively to his daughter's childhood. It will attract those scholars who analyses the history of everyday life of the beginning of XXth century. Hard life of wartime in evacuation and in forced settlements (spetsposelenija), the resistance of intelligentsia to overcome these burdens by the power of the spirit are revealed in the memories of G. M. Friedlander and letters of I. O. Elias.

Memories of V. Zoshchenko (1950) is a continuing publication so as the chapters from the book of I. A. Grinevskaya «Journey to the edge of the Sun», which covered the initial period of the Russian understanding of the fundamentals of Eastern religions.

The real discovery was the scrupulous textual research of G. K. Kruchimina and A. A. Chernova, convincingly proving the authorship of the draft notebook of poems of 1917 to V. P. Paley, that was previously attributed to the poet and critic N. V. Nedobrovo. The collection concludes with information on newly processed archival materials available to researchers. The book will undoubtedly interest philologists, archivists, historians, medievalists, art historians, musicologists, teachers and students — all readers who are not indifferent to the history of Russian culture.

I. СТАТЬИ, СООБЩЕНИЯ

Л. К. Хитрово

**Л. Б. МОДЗАЛЕВСКИЙ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ
ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО АРХИВА
В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА**

Аннотация: В статье содержатся новые и дополнительные сведения о Л. Б. Модзалевском, известном пушкинисте, ломоносоведе, специалисте по истории науки и литературы XVIII–XIX вв., сотруднике двух академических учреждений: Архива АН и Пушкинского Дома. В связи с деятельностью ученого в Музейной и Архивной Комиссии впервые публикуются подлинные документы военных лет об эвакуации академических ценностей из Ленинграда, Москвы и хранении их в Свердловске, Новороссийске, Томске и Казани.

Ключевые слова: Л. Б. Модзалевский, Архив Академии наук, Пушкинский Дом, биография, научная деятельность, эвакуация академических ценностей, Музей.

Abstract: The article provides new additional information on L. B. Modzalevsky, the famous Pushkin and Lomonosov scholar, specialist in the history of science as well as of the 18th–19th century literature, and research associate of two academic institutions: the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Pushkin House (Pushkinsky Dom). Published here for the first time are original World War II documents related to the scientist's work in the Museum and Archival Committee concerning the evacuation of academic treasures from Leningrad and Moscow and their conservation in Sverdlovsk, Novorossijsk, Tomsk and Kazan'.

Keywords: L. B. Modzalevsky, the Archive of the Russian Academy of Sciences, the Pushkin House (Pushkinsky Dom), biography, scientific work, evacuation of academic treasures, Museum.

В разные годы вышли в свет работы, относящиеся к биографии Л. Б. Модзалевского.¹ В настоящее время появилась возможность со-

¹ Редакция. Памяти Л. Б. Модзалевского (1902–1948) // Бюллетени Рукописного отдела. М.; Л., 1950. Вып. 2. С. 81–82; Баскаков В. Н. Пушкинский Дом, 1905–1930–1980 (Исторический очерк). Л., 1980 (по указателю); Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006 (по указателю); Князев Г. А. Дни великих испытаний: Дневники, 1941–1945. СПб., 2009 (по указателю); Модзалевская Т. Л. Лев Борисович Модзалевский (1902–1948): Страницы жизни. СПб., 2009; Тункина И. В. К изданию монографии Л. Б. Модзалевского о М. В. Ломоносове // Модзалевский Л. Б. М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: Из истории русской литературы и просвещения середи-

держась в них сведения уточнить и дополнить по документам из его личного архива (ф. 187), который находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.² В архивных материалах отразились ключевые события личной и научной биографии ученого.

Лев Борисович Модзалевский — известный литературовед, историк-архивист, палеограф, текстолог, генеалог, библиограф, специалист по истории русской науки и культуры XVIII—XIX вв. — родился 27 июля (9 авг. по новому стилю) 1902 г. в Петербурге в семье потомственного дворянина, титулярного советника Бориса Львовича Модзалевского (1874—1928). Был крещен 14 авг. 1902 г. во Входаиерусалимской Знаменской церкви в Петербурге (на пересечении Невского пр. и Знаменской ул.; с 1923 г. — ул. Восстания). Восприемниками его были брат и сестры Бориса Львовича: мичман 14-го Флотского экипажа Вс. Л. Модзалевский, Н. Л. Модзалевская и Т. Л. Микешина (урожд. Модзалевская).³

Отец Льва, юрист по образованию и историк литературы по призванию, служил в то время младшим письмоводителем Канцелярии конференции Императорской академии наук. Позднее он стал одним из основателей Пушкинского Дома и членом-корреспондентом Академии наук (с 1918 г.).

Б. Л. Модзалевский состоял в браке с 31 мая 1900 г. с дочерью крестьянина Бежецкого уезда Тверской губернии Екатериной Васильевной Решеткиной, которая родилась в 1873 г. (погибла при артобстреле немецкими войсками в середине сентября 1941 г. в городе Слуцке; в наст. время — г. Павловск).

В семье помимо Льва было еще трое детей: дочь Александра (1899—1971), дочь Елена (1901—1906; умерла от тифа) и сын Вадим (Дима; 1907—1941).

31 апр. 1919 г. Борис Львович официально развелся с Е. В. Решеткиной и 12 июня того же года женился на Варваре Николаевне Гувениус (1871—1937; в 1-м браке Висковатовой). Но уже после помолвки, состоявшейся 4 апр. 1910 г., вторая жена Модзалевского стала заниматься воспитанием и образованием его детей от первого брака. Имея диплом домашней учительницы, она обучала их музыке, рисованию, французскому языку. К счастью для Бориса Львовича, с того времени между Варварой Николаевной и Львом сложились не формальные, а по-настоящему родственные отношения. Для него она до конца своей жизни была другом и любящей матерью, а он заботливым сыном.

ны XVIII в. / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2011 (Серия «Ad Fontes: Материалы и исследования по истории науки». Вып. 1). С. 4—12.

² В 1932—1934 гг. Пушкинский Дом имел официальное название — Институт русской литературы АН СССР; в 1935—1949 гг. — Институт литературы АН СССР; с 1949 г. — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

³ Копию выписи из метрической книги, выданную 27 сент. 1913 г., см.: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 1, л. 1—2.

Получив хорошее домашнее образование, Лев с приготовительного по 5-й класс (1910—1917) учился в знаменитой Петербургской мужской классической гимназии К. И. Мая. В 5-м классе его друзьями-одноклассниками были Борис Владимирович Пестинский (будущий художник), Николай Александрович Бенуа (впоследствии театральный художник) и Юрий Николаевич Рерих (будущий востоковед). Вместе они в 1916—1917 гг. издавали гимназические рукописные иллюстративные журналы: «Orator» и «Свободный orator».⁴

К началу нового 1917—1918 учебного года Лев по настоянию отца выехал в Саратовскую губернию, где учился в 6-м классе Хвалынской мужской гимназии. Его соучеником был Михаил Маштаков, сын П. Л. Маштакова (1872—1942), уроженца Хвалынского уезда Саратовской губернии, близкого знакомого Б. Л. Модзалевского, который в 1910-х гг. в Петербурге служил ученым корректором в издательстве Академии наук. Младший сын Петра Лазаревича, Олег, приходился крестником Борису Львовичу.⁵

В 1919 г. 17-летний Лев Борисович возвратился в Петроград, завершил среднее образование в Единой трудовой школе II ступени (бывшие гимназия и реальное училище К. И. Мая) и поступил в Петроградский университет на историко-филологический факультет. Возможно, его, как выпускника из школы II ступени, по правилам того времени приняли без вступительных экзаменов (достоверных сведений к настоящему времени не обнаружено). Проучился он недолго, с первого курса был отчислен, — вероятно, из-за не сданных в сессию экзаменов.

В 1922 г. Лев Борисович восстановился на факультете общественных наук по славяно-русской секции Отделения языковедения и литературы.⁶ В студенческие годы проявился интерес Модзалевского к источниковедению.

Своими учителями прежде всего он считал отца, от которого «воспринял любовь к научной работе и к документальным изысканиям», С. А. Венгерова, чьи лекции ему довелось слышать на филологическом факультете в последний год жизни известного библиографа, а также Б. М. Эйхенбаума и Ю. Г. Оксмана. После 1922 г. Модзалевский стал участником их исследовательских семинаров.⁷

Готовясь к семинару Эйхенбаума «История русской литературы (гр. А. К. Толстой)», он под наблюдением отца работал с архивными

⁴ Сохранившиеся номера журналов см.: Там же, № 24, 25.

⁵ Подлинную атрибутированную фотографию Л. Б. Модзалевского в группе учеников Хвалынской мужской гимназии см.: Там же, № 67; а также: *Б. Л. Модзалевский. Из записных книжек 1920—1928 гг.* / публ. Т. И. Краснобородько, Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории: 1905—2005. СПб., 2005. С. 17 (запись под датой: 21 авг. 1920 г.).

⁶ Копию свидетельства об окончании Ленинградского ун-та: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 28, л. 1, 2.

⁷ Автобиография Л. Б. Модзалевского: Там же, № 17, л. 6.

документами, находившимися в Пушкинском Доме. На занятии, которое состоялось 20 янв. 1923 г., сделал сообщение «Граф А. К. Толстой (из собраний Пушкинского Дома)», 7 марта 1925 г. прочитал реферат, посвященный дяде писателя: «А. А. Перовский (Погорельский). Биографический очерк».⁸

Тогда же, создавая источниковедческую базу для дальнейших самостоятельных работ, Лев Борисович фронтально просмотрел архивные фонды Пушкинского Дома, выявил и скопировал тексты творческих материалов писателя, автографы его писем, адресованные разным лицам. Подборки собранных документов под названиями: «Автографы гр. А. К. Толстого, находящиеся в Пушкинском Доме при Российской Академии наук, <выявленные> к 21 марта 1923 г.», «Полное собрание писем гр. А. К. Толстого. 1836—1875. Тексты» сохранились в его личном архиве.⁹ С привлечением этих материалов в 1924 г. вышла в свет первая публикация Льва Борисовича «Кузьма Прутков (А. К. Толстой). Стихи и пародии» и несколько последующих.¹⁰

Другая студенческая работа была опубликована им по окончании университета, но связана с занятиями в Пушкинском семинаре Ю. Г. Оксмана. В 1924—1925 учебном году Модзалевский как участник семинара Юлиана Григоровича, по согласованию с Пушкинским комитетом, занимался работой по проекту Государственного института истории искусств. По нему предполагалось подготовить шесть выпусков с краткими описаниями рукописей поэта под редакцией Н. В. Измайлова и Ю. Г. Оксмана в серийном издании «Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР». Лев Борисович подготовил первый и единственный выпуск в этой серии: «Рукописи Пушкина в собрании Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде», вышедший в 1929 г. в издательстве «Academia».

Ценность проделанной Модзалевским работы раскрывалась в аннотации, помещенной в «Каталоге книг» академических изданий. В ней отмечалось: «Издание, началом которого является настоящий выпуск, дает краткий регистрационный перечень всех рукописей Пушкина, который должен быть указателем текстов, особенностей их положения и состава, сводкою всех частных описаний, разбросанных в отдельных изданиях, систематизированной и подчиненной единой схеме. Это единственное в своем роде и образцово составленное издание — ценнейший и незаменимый вклад в нашу пушкиниану, оно заинтересует

⁸ РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 29, л. 1—9; № 32, л. 1—38.

⁹ Там же, оп. 1, № 7—12.

¹⁰ *Модзалевский Л. Б.* Кузьма Прутков (А. К. Толстой). Стихи и пародии // Русский современник. 1924. № 1. С. 212—226; *Модзалевский Л. Б.* Афоризмы Козьмы Пруткова, не вошедшие в Полное собрание его сочинений: К 50-летию со дня смерти // Огонек. 1925. № 44 (135). С. 14—15; *Модзалевский Л. Б.* Козьма Прутков и А. К. Толстой // Красная новь. 1926. № 4. С. 107—111, и др.

многочисленных исследователей творчества Пушкина и техники его мастерства».¹¹

Но в начале работы над этим проектом сложились обстоятельства, из-за которых Лев Борисович тяжело переживал за физическое и моральное здоровье отца, а также за собственное профессиональное будущее. В 1924 г. Б. Л. Модзалевского, исполнявшего в то время обязанности директора Пушкинского Дома (вместо выехавшего в Болгарию Н. А. Котляревского), обвинили по сфабрикованному доносу «в корысти», в «преступных махинациях с государственными средствами и государственным имуществом». 12 янв. 1924 г. он был арестован и находился в общей с уголовниками камере при Управлении ленинградской милиции (на пл. Урицкого — так в то время называлась Дворцовая пл.). По ходатайству Академии наук 16 янв. его отпустили. Расследование же «преступного» дела длилось до первых чисел января будущего 1925 года.¹²

Отец Льва Борисовича еще не был оправдан, когда с 16 мая 1924 г. в Ленинградском университете по постановлению СНК РСФСР о переустройстве высшей советской школы началась перерегистрация студентов с радикальной «чисткой» по социальному признаку. Как сын дворянина, к тому же находившегося под следствием, Лев Борисович попадал в списки на «вычищение» вместе со своим двоюродным братом О. Г. Бартевым, у которого до Октябрьского переворота отец служил офицером в царской армии. По постановлению перерегистрационной комиссии Олега Бартева из университета исключили, навсегда лишив права на получение высшего образования. Модзалевского, к его удивлению, оставили. Об этом событии Модзалевский и Бартев извещали в письме от 1 июня 1924 г. свою двоюродную сестру Н. Л. Брюн (в замуж. Дмитриеву), договариваясь с ней о личной встрече в Вырице.¹³ Это единственный сохранившийся в архиве документ, по которому стало возможным восстановить, с какими «обстоятельствами переживаемого времени» столкнулся Лев Борисович, когда его успешно начавшаяся исследовательская работа могла тут же прерваться.

22 июля 1925 г. Модзалевский получил свидетельство об окончании университета. 1 янв. 1926 г. стал сверхштатным аспирантом 4-й секции Новой и новейшей литературы Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском государственном университете. Под руководством научного руководителя Ю. Г. Оксмана он собирал подготовительный материал для кандидатской диссертации: «Творчество

¹¹ Каталог книг: Academia. М.: Academia, 1930. С. 5.

¹² Об аресте Б. Л. Модзалевского см. подробнее в публикации: *Зародова Л. Д.* Переписка Б. Л. Модзалевского с А. Ф. Кони // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 373—375.

¹³ См.: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 3, № 3, л. 3—4.

А. А. Перовского (Антония Погорельского). Эпизод из истории русского романтизма 30-х годов XIX в.»; участвовал в работах секционных групп ИЛЯЗВ, составлял указатель к литературным альманахам 1820—1837 гг.¹⁴

12 мая 1926 г. Ю. Г. Оксман представил Президиуму 4-й секции ИЛЯЗВ отчет о работе своего аспиранта. В нем отмечалось, что «несмотря на сравнительно короткий срок пребывания Л. Б. Модзалевского в институте, он успел зарекомендовать себя как сведущий, трудолюбивый и способный научный работник, активный участник секционных групп Русской художественной прозы и Пушкинской. Что же касается самостоятельных опытов и разысканий Л. Б. Модзалевского в области русской литературы XIX века, то все они представляют несомненный научный интерес. Кроме того, Л. Б. Модзалевский закончил подготовку к печати и комментирование неизданных писем А. К. Толстого (всего около 120 №№ — <по архивам> Пушкинского Дома, Публичной библиотеки, Центрархива и Румянцевского музея), приступил к работе: «Труды Г. В. Плеханова в области истории русской общственности и литературы XVIII и XIX вв.» и продолжает работу по составлению хронологической канвы для биографии А. К. Толстого».¹⁵

Но отзыв Ю. Г. Оксмана не был принят во внимание. 22 февр. 1927 г. Модзалевский получил уведомление за подписью директора ИЛЯЗВ при ЛГУ Н. С. Державина, в котором сообщалось, что, по согласованию с Комиссией по подготовке научных работников (протокол № 70), он с 19 янв. отчислен из аспирантуры из-за несданного экзамена по марксистской методологии.¹⁶ По этой причине целый ряд научных замыслов и разысканий Модзалевского 1920-х гг., относящихся прежде всего к жизни и творчеству А. К. Толстого и А. А. Перовского, остались незавершенными.

Служебная деятельность Льва Борисовича началась рано, с 17-летнего возраста, и проходила непрерывно в системе Академии наук.

В 1919—1925 гг. он занимал должности временного научного сотрудника 3-го разряда в Книгохранилище Российской академии наук (с 1 июля 1919 г. по 1 авг. 1921 г.); временного научного сотрудника Пушкинского Дома с откомандированием в Мологский уезд Ярославской губернии для обследования документов архива и библиотеки в бывшем имении А. Б. и М. А. Куракиных (с 9 по 12 авг. 1920 г.); агента для поручений I-го разряда по Канцелярии правления АН с возложенными обязанностями агента по местному АН (с 1 марта по 15 дек. 1921 г.), помощника зав. хозяйственной частью АН (с 1 марта по 1 июня

¹⁴ Документы Л. Б. Модзалевского по обучению в ИЛЯЗВ при ЛГУ: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 33, л. 2.

¹⁵ Там же, л. 6.

¹⁶ Там же, л. 8.

1922 г.), зав. делопроизводством и секретарем Строительной комиссии (с 11 ноября 1921 г.).¹⁷

С 5 дек. 1925 г. Лев Борисович стал сотрудником Архива АН, где сначала был научно-техническим сотрудником, затем помощником архивиста (в 1929—1930 гг.), ученым архивистом (в 1930—1932 гг.), старшим ученым архивистом (1932—1934 гг.), старшим научным сотрудником (с 1935 г.).¹⁸

Основной темой его научных занятий стало изучение истории русской науки. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Лев Борисович, разбирая архивные фонды К. Ф. Вольфа, М. А. Кастрена, Г. И. Лангсдорфа, И. И. Редовского, Б. С. Якоби и других известных ученых, разработал их научные биографии. Позднее осуществлял руководство научно-издательской деятельностью Архива АН (составлял отчеты, планы, вел переписку с издательством Академии наук), занимался подготовкой к печати выпусков серийного издания «Труды Архива Академии наук». Для первого выпуска (в 1933 г.) составил и отредактировал (совместно с Г. А. Князевым) «Обозрение архивных материалов». Для второго (в 1935 г.) отредактировал научное описание: «Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века», над которым работала Л. И. Любименко. В 1937 г. в третьем выпуске «Трудов Архива Академии наук» Модзалевский, исполнивший обязанности хранителя рукописей М. В. Ломоносова, опубликовал свою работу «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР».

С 18 апр. 1928 г. Лев Борисович одновременно с работой в Архиве стал сверхштатным научным сотрудником Пушкинского Дома. 26 ноября 1929 г. был уволен согласно постановлению Правительственной комиссии по проверке аппарата Академии наук. Но, несмотря на эти обстоятельства, не прекращал своих исследований по биографии и творческому наследию А. С. Пушкина.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. он подготовил совместно с С. Я. Гессеном книгу «Разговоры Пушкина» (1929), написал для разных изданий цикл статей, посвященных поэту. Среди них — «Выстрел Дантеса. Неизданное письмо о смерти Пушкина» (1929); «Новые автографы Пушкина» (1931). В 1934 г. Лев Борисович обнаружил и опубликовал текст поэмы «Тень Фонвизина», доказав ее принадлежность Пушкину.¹⁹

В 1930 г. по приглашению П. Е. Щеголева он стал участником первого Полного собрания сочинений А. С. Пушкина (приложение к журналу «Красная нива»). К «Путеводителю» для пятого тома (1930 г.) отредактировал три текста поэта («Отрывки из писем, мысли и заме-

¹⁷ Личный листок по учету кадров Л. Б. Модзалевского: Там же, оп. 2, № 19, л. 1—2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Модзалевский Л. Б.* «Тень Фонвизина»: Неизданная сатирическая поэма Пушкина»: Сообщение // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16/18. С. 815—824.

чания», «Выписки о Поле Поттере» и «Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве. 1830»); для шестого тома — подготовил 106 отдельных статей (1931 г.). Позднее занимался комментированием третьего тома писем Пушкина за 1831—1833 гг., начатого в последние годы жизни Борисом Львовичем. Предполагалось, что он будет издан Ленинградским отделением Госиздата так, как и два предыдущих в 1926 и 1928 гг.

В связи с этими работами 23 сент. 1930 г. Щеголев писал о своем подопечном в профсоюзную Секцию научных работников: «Льва Модзалевского я знаю давно и слежу за его работой. Ученик своего отца, он с рвением идет по его стопам. Последнее время он работал под моим руководством по Пушкину для Гизовского издания сочинений Пушкина. Л. Б. Модзалевский сочетает солидные библиографические знания с текстологическим опытом. В настоящее время, по моей инициативе, Ленотгиз передал ему ответственную работу по завершению комментирования писем Пушкина, не законченного Б. Л. Модзалевским».²⁰

Письма Пушкина за 1831—1833 гг., к которым Лев Борисович вслед за отцом с 1930 г. готовил комментарии, вошли в третий том писем поэта. В 1935 г. том вышел в свет под редакцией и с примечаниями Л. Б. Модзалевского в издательстве «Academia».

В 1933 г. по решению Президиума АН Льва Борисовича ввели в состав Пушкинской комиссии ИЛИ (в 1945—1946 гг. он был ее секретарем). В том же году постановлением Президиума Академии наук комиссию официально причислили к Институту русской литературы. Таким образом, Модзалевский, продолжая работу в Архиве АН, получил по совместительству должность научного сотрудника Пушкинского Дома. Он фактически стал первым штатным хранителем Пушкинского фонда, которому был присвоен № 244, и впервые сформировал его первую архивную опись: «Автографы А. С. Пушкина в архиве А. С. Пушкина Рукописного отдела ИЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР». Экземпляр этой описи, в которую Л. Б. Модзалевский вносил поправки и дополнения, сохранился в архиве ученого.²¹

Позднее (с мая 1939 г. по 1 июня 1940 г.) по условиям договора, заключенного с дирекцией института, Лев Борисович заведовал не только Пушкинским, но также рукописными фондами Лермонтова и Гоголя, занимался атрибуцией архивных документов, проводил консультации, кроме того, на договорной основе участвовал в издательских проектах института.²²

25 окт. 1935 г. постановлением Президиума АН СССР Модзалевскому по совокупности научных работ в области истории русской нау-

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 26, л. 2.

²¹ Там же, № 18, л. 1—47.

²² Там же, № 42, л. 26; издательские договоры и соглашения Л. Б. Модзалевского за 1929—1947 гг. на работы, посвященные Н. В. Гоголю, М. Ю. Лермонтову, А. С. Пушкину, см.: Там же, № 109—140.

ки и литературы была присуждена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации.

Важными вехами в деятельности ученого и для пушкиноведения в целом стали вышедшие в свет два издания: «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты» (1935, соавт. с М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер) и «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание» (1937, соавт. с Б. В. Томашевским) с приложением таблицы сортов бумаги, на которой в разные годы писал поэт. На основе этих работ были уточнены многие датировки произведений Пушкина и идентифицированы автографы его современников.²³

8 апреля 1938 г., после завершившейся в Москве Всесоюзной Пушкинской выставки, посвященной 100-летию со дня смерти поэта, Л. Б. Модзалевскому было отправлено письмо за подписью зам. директора Института мировой литературы им. М. Горького, А. А. Канчева.

Сообщая о том, что институт приступил к выполнению Постановления правительства об организации Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, он обратился ко Льву Борисовичу с просьбой: «Взять на себя выявление и учет автографного (так!) наследия А. С. Пушкина, архивных документов, связанных с его жизнью и творчеством; и редких книг поэта и о нем, находящихся в разных государственных и общественных учреждениях г. Ленинграда и Ленинградской области».²⁴

Отвечая А. А. Канчеву, Модзалевский 25 апреля сообщал: «В настоящее время для меня выяснилось, что один, без помощника-исполнителя я не в состоянии при всем моем желании взять на себя предлагаемое мне поручение, так как, работая в двух научных учреждениях Академии наук СССР, я связан с пребыванием в течение служебных часов (с 10 до 5 ч.) в названных учреждениях; и потому ограничен в своем передвижении по городу в служебное время».²⁵

Позднее, 19 окт. 1939 г., Л. И. Пономарев, первый директор Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, отправил Модзалевскому телеграмму с предложением занять должность заведующего Рукописным сектором Музея с окладом в тысячу рублей. Оно заинтересовало Лева Борисовича, потому что к тому времени музей располагал самым полным собранием автографов поэта.

20 окт. 1939 г. он отправил письмо Пономареву, сообщая в нем о том, что «получил телеграмму с предложением занять должность заведующего Рукописным сектором Музея А. С. Пушкина и сегодня телеграфировал <...> о принципиальном согласии».²⁶ Вместе с тем, Лев Борисович

²³ Левкович Я. Л. Борис Викторович Томашевский // Борис Викторович Томашевский: 1890–1957: К 100-летию со дня рождения. М., 1991. С. 12–13.

²⁴ См.: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, ед. хр. № 119, л. 1.

²⁵ Там же, л. 2, 2 об.

²⁶ Там же, л. 5.

оговаривал в письме условия, при которых он сможет дать окончательный ответ по поводу предлагаемой ему должности в Москве. Модзалевский писал Пономареву: «Мой заработок <...> выражается ежемесячно в сумме 1.300 рублей, не считая отдельных гонорарных работ. Ваше предложение ставки в размере 1000 рублей в месяц меня, естественно, удовлетворить не может. Я могу согласиться лишь на 1.500 р. в месяц. Кроме того, неясен из Вашей телеграммы вопрос с предоставлением мне жилой площади, имея в виду, что у меня для моей научной работы имеется громадная, научно подобранная по специальности библиотека (ок<оло> 10.000 томов), которую я не могу ликвидировать при переезде в Москву. Прошу сообщить мне поэтому, может ли быть мне предоставлена квартира, в которой я смог бы разместиться с семьей в 5 человек и с моей библиотекой?»²⁷

Не получив из Москвы ответов на волновавшие его вопросы, Модзалевский продолжал исполнять ответственные поручения одновременно в двух ленинградских академических учреждениях.

В 1939 г. его избрали членом Комиссии по истории АН под председательством акад. С. И. Вавилова. Он занимался редактированием (совм. с А. И. Андреевым) «Ломоносовских сборников». Первый из них вышел в свет до войны (1940), два других — после ее окончания (1946, 1948). К началу 1942 г. написал главу «История Академии Наук. 1830—1855 гг.» для большого коллективного издания «История Академии Наук 1725—1925 гг.», в которой, по отзыву А. И. Андреева, «проявил исключительное знание источников и эпохи и дал большое исследование на тему, представляющее, в сущности, самостоятельный научно-исследовательский труд».²⁸

В начале Великой Отечественной войны, когда линия фронта подходила к Пулковским высотам и возникла опасность безвозвратной утраты уникального архива Главной астрономической обсерватории АН СССР, его, как члена Комиссии, по постановлению Президиума АН СССР дважды, 28 июля и 9 авг. 1941 г., направляли в Пулково. В результате ценнейшие документы за 100-летнее существование Обсерватории были спасены. Модзалевский вместе со своим сослуживцем по Архиву АН, П. М. Стуловым, сумели вывезти их в Ленинград до начала упорных боев за Пулковские высоты.²⁹

12 окт. 1941 г. Льва Борисовича временно уволили из Пушкинского Дома в связи с сокращением штатов, но он оставался в штате Архива АН.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, ед. хр. № 119, л. 5 об. — 6.

²⁸ Отзыв докт. истор. наук, члена Ученого совета Комиссии по истории АН А. И. Андреева о работе Л. Б. Модзалевского от 13 марта: Там же, № 38, л. 1.

²⁹ Распоряжение Президиума АН о командировании Модзалевского в Пулковскую обсерваторию см.: Там же, № 42, л. 1; также: *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. С. 174.

После первой блокадной зимы сотрудницы Архива АН Ирина Сергеевна Лосева и Анна Викентьевна Цветникова³⁰ на ручной грузовой тележке отвезли обессиленного от голода Модзалевского в госпиталь. Лев Борисович записал в академическом справочнике-календаре: «21 апреля 1942 г. Понедельник. Я поступил в госпиталь № 108 со скрюченной от цинги ногой (ул. Герцена, д. № 39, “Астория”). <...> 19 мая 1942 г. Вторник. Переведен из “Астории” в другой госпиталь по ул. Плеханова, д. № 17, (в наст. время — пер. Гривцова, дом № 12) здание б<ывшей> 2-й СПб. гимназии, где учился мой отец».³¹ 29 июня 1942 г. с диагнозом «истощение I степени и остаточные явления цинги» Льва Борисовича направили на амбулаторное лечение.³²

12 июля 1942 г. Л. Б. Модзалевского вместе с женой Е. А. Модзалевской, тещей В. Н. Фаворской и сестрой первой жены, Е. Н. Ващенко эвакуировали из Ленинграда в Казань, оттуда в Елабугу: «Прибыли в Елабугу в воскресенье, 27 июля», — отметил он еще одну памятную дату в академическом справочнике-календаре.³³

В Елабуге Модзалевский заведовал кафедрой истории русской литературы в эвакуированном Воронежском государственном университете, читал курс лекций и руководил исследовательским семинаром по литературе XVIII века.

В апр. 1943 г. он вынужден был оставить преподавательскую деятельность в Елабуге и выехать в Казань, где стал выполнять новые возложенные на него поручения и обязанности. В связи с предстоящим 150-летним юбилеем со дня рождения Н. И. Лобачевского Лев Борисович по распоряжению акад. С. И. Вавилова приступил к руководству группой сотрудников по выявлению архивных биографических документов известного российского математика для подготовки посвященного этому событию издания. В 1948 г. в ряду других юбилейных работ появилась книга «Материалы к биографии Н. И. Лобачевского», которую составил и отредактировал Модзалевский (Труды Комиссии по истории физико-математических наук под ред. С. И. Вавилова).

15 июня 1943 г. его избрали секретарем Музейной и Архивной Комиссии АН СССР.

1 июля того же, 1943-го, года Лев Борисович получил должность старшего научного сотрудника и был назначен заведующим Рукопис-

³⁰ Лосева Ирина Сергеевна (1904 — после 1943) в 1935–1943 гг. — науч. сотр., учен. секретарь Архива АН; с июля 1942 г. исполняла обязанности директора Архива; Цветникова Анна Викентьевна (1903 — после 1953) в 1936–1953 гг. — архивариус, комендант, источник, мл. научн. сотр. Архива АН СССР. Сведения приводятся по изд.: Миллеровские чтения: К 275-летию Архива Российской академии наук: сб. науч. ст. по материалам Межд. науч. конф. 25–25 апр. 2013 г., Санкт-Петербург. СПб., 2013. С. 111.

³¹ См.: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 28, л. 17 об., 20 об.

³² Справка из больницы, выданная Л. Б. Модзалевскому 29 июня 1942 г.: Там же, оп. 2, № 48, л. 1.

³³ Там же, № 26, л. 17.

ным отделом Пушкинского Дома. (Документы, связанные с его деятельностью в Комиссии и в Рукописном отделе Пушкинского Дома в годы Великой отечественной войны, публикуются в Приложении.)

В мае 1944 г. Модзалевский возвратился из Казани в Ленинград и приступил к организации работы Рукописного отдела Института литературы в условиях послевоенного времени.

В 1945 г. он инициировал создание специального периодического издания: «Бюллетени Рукописного отдела Института литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР». Два первых выпуска этого издания вышли в свет с участием Модзалевского. Для первого из них (1947 г.) он (совм. с Л. М. Добровольским) составил «Краткий исторический очерк», посвященный 35-летней истории собрания фондов и коллекций Рукописного отдела, и подготовил к печати публикацию «Ранняя редакция стихотворения А. А. Блока “Пушкинскому Дому”» из альбома Е. П. Казанович. В другом выпуске (1949 г.; посмертно) вышло в свет его «Краткое описание автографов М. Ю. Лермонтова в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР».

С 1 мая 1946 г. Лев Борисович по собственному желанию оставил заведование Рукописным отделом, чтобы завершить докторскую диссертацию «Ломоносов и его литературные отношения в Академии Наук (из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века)», успешная защита которой состоялась в Институте литературы 28 мая 1947 г.

В 1948 г. Модзалевский закончил подготовку к печати первого комментированного научно-критического свода всей научной переписки М. В. Ломоносова за 1737—1765 гг. и подготовил первый том его полного собрания сочинений.

Современники, отмечая заслуги Льва Борисовича, рассматривали его исследовательскую и научно-организационную деятельность «как весьма особенное и значительное явление». Так, 15 марта 1942 г. акад. И. Ю. Крачковский писал в отзыве о нем: «В лице Л. Б. Модзалевского мы встречаем редкое и счастливое сочетание архивного деятеля-теоретика и практика, крупного библиографа и снискавшего почетную известность литературоведа. Только исключительно счастливой обстановкой, окружавшей его в первый период научного труда, может быть объяснен такой факт. Этот период падает на трудное по внешним обстоятельствам время первых лет Октябрьской революции, но Л. Б. Модзалевский все время имел перед глазами пример своего отца — основателя Пушкинского Дома, выдающегося архивиста и заслуженного литературоведа».³⁴

Ю. Г. Оксман, который с 1913 г. состоял в деловых и дружеских взаимоотношениях с Б. Л. Модзалевским и близко общался со Львом Бо-

³⁴ Отзыв И. Ю. Крачковского о работе Л. Б. Модзалевского: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 48, л. 1.

рисовичем со времени его обучения в университете и в аспирантуре, знал, как отец и сын походили друг на друга по образу жизни, по преданному служению науке. Юлиан Григорьевич надеялся на то, что Л. Б. Модзалевский, в отличие от отца, который перегружал себя работой и потому так рано, на 54-м году, ушел из жизни, сможет с большим вниманием относиться к своему здоровью. 7 янв. 1948 г. он писал Л. Б. Модзалевскому:

«Очень было бы интересно знать, как наладился ваш быт, дорогой Лев Борисович. Берегите себя, не перерабатывайте сверх сил. Помните, как сгорел — бессмысленно и безвременно — Борис Львович, один из самых замечательных людей русской науки, большой ученый и большой человек, положивший себя с таким неслыханным самоотвержением в фундамент Пушкинского Дома».³⁵

Перегруженный должностными обязанностями, исследовательскими, редакторскими, договорными и организационными работами в двух академических учреждениях, многими специальными ответственными поручениями, Лев Борисович умер, не дожив до 46 лет. Он трагически погиб от болевого шока 26 июня 1948 г. во время служебной командировки, выпав из поезда при невыясненных обстоятельствах, рядом с железнодорожной станцией Вышний Волочек Калининской области (в наст. время — Тверская). Лев Борисович направлялся из Ленинграда в Москву, где должен был получить (в соответствии с Постановлением Президиума АН от 2 июня 1948 г.) из Литературного музея А.С. Пушкина при ИМЛИ АН СССР автографы поэта.³⁶ 30 июня 1948 г. его похоронили в Ленинграде на Кленовом участке Волкова кладбища.

Л. Б. Модзалевский — автор более 120 научных трудов по истории русской науки и литературы XVIII—XIX вв.: монографии «Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (1751—1763)» (опубл. посмертно СПб., 2011), книг, статей, описаний и обзоров архивных документов; составитель картотеки «Personalia» с биографическими, библиографическими и генеалогическими сведениями о деятелях литературы и общественно-политического движения XVIII—XX вв.; составитель, редактор и комментатор отдельных томов собр. соч. и писем А. С. Пушкина; редактор собр. соч. М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Радищева, Н. Г. Чернышевского, серийного издания «Труды Архива АН СССР» (1933—1940, вышло 5 выпусков); организатор, автор и редактор «Бюллетеней Рукописного отдела Института литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР» и др.

Особенно много им сделано для изучения биографии и творческого наследия А. С. Пушкина, М. В. Ломоносова и Н. И. Лобачевского.

³⁵ Там же, № 264, л. 5.

³⁶ Существующее в литературе о Л. Б. Модзалевском мнение о причастности к его гибели органов НКВД не имеет документальных подтверждений.

Основные его труды вошли в золотой фонд исследовательских работ российских историков науки и литературы.

22 дек. 1942 г. Л. Б. Модзалевскому была вручена медаль: «За оборону Ленинграда». 10 июля 1945 г. в связи с 220-летним юбилеем Академии наук СССР за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники он был награжден орденом «Знак почета». 4 февр. 1946 г. Лев Борисович получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

ПРИЛОЖЕНИЕ

15 июня 1943 г. на Распорядительном совещании Президиума АН СССР было принято постановление об организации Музейной и Архивной Комиссии (вместо Музейной Комиссии 1939 г.), которая стала осуществлять «общее руководство и контроль от имени Президиума АН СССР по учету, специальному надзору и хранению музейных и архивных ценностей и проверке их состояния на местах, а также подготовку к плановому сосредоточению по окончанию войны всех разрозненных материалов».³⁷ В нее вошли: академики П. И. Степанов (председатель), Н. С. Державин (зам. председателя), А. А. Борисяк, С. И. Вавилов, А. М. Деборин, А. Е. Ферсман, И. Ю. Крачковский, Б. Д. Греков; Г. А. Князев (директор Архива АН СССР). Л. Б. Модзалевский был назначен научным секретарем.

Эвакуация культурных, художественных, исторических ценностей из Ленинграда и Москвы проходила с 30 июня 1941 г. по 19 авг. 1942 г.

30 июня 1941 г. в Свердловск из Ленинграда отправился первый специальный поезд из 22 вагонов с эрмитажными сокровищами, упакованными в 1118 ящиков. Возглавлял эшелон заведующий Отделом западноевропейского искусства В. Ф. Левинсон-Лессинг.³⁸

6 июля 1941 г. в составе военного эшелона Артиллерийского исторического музея Красной армии были эвакуированы в Новосибирск 28 ящиков с музейными, архивными и библиотечными ценностями, принадлежавшими Пушкинскому Дому. Среди них находились рукописи Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина и других выдающихся писателей.³⁹

20 июля 1941 г. в Свердловск отбыл второй эшелон с музейными ценностями из Эрмитажа. Вместе с ними были отправлены из Институ-

³⁷ Копия выписки из протокола № 6 Распорядительного заседания Президиума АН СССР в комплексе документов по деятельности Л. Б. Модзалевского в Архивной и Музейной Комиссии: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 91, л. 1, 2.

³⁸ *Зимина О. Г.* Трудный путь к Победе // «Мы будем помнить эти годы...»: Эрмитажная летопись войны и победы: каталог выставки. СПб., 2015. С. 9, 10.

³⁹ Об эвакуации и реэвакуации пушкинодомских материалов см.: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. С. 283—300.

та литературы 42 ящика с книгами из личной библиотеки А. С. Пушкина, 12 ящиков с материалами из собрания Фонограммархива; из Архива АН — 30 ящиков с рукописными фондами; из Музея истории религии Академии наук — 7 ящиков с музейными материалами и две коллекции из Музея Горного института с золотыми самородками и музыкальными инструментами. Начальником этого поезда из 23 вагонов был назначен заведующий Отделением Сибири Эрмитажа М. П. Грязнов.

В августе 1941 г. в Томск прибыли из Москвы архивные и музейные материалы, принадлежавшие Музею Л. Н. Толстого, Музею-усадьбе «Ясная Поляна» и Институту мировой литературы им. А. М. Горького с его учреждениями и секторами.

В июле 1942 г. началась эвакуация историко-литературных и музейных материалов Пушкинского Дома в Казань. По устному распоряжению начальника Ленинградского административно-хозяйственного управления (ЛАХУ) Академии наук СССР М. Е. Федосеева из блокадного Ленинграда сопровождали ценный груз сотрудник ЛАХУ Н. А. Семеновский и завхоз Зоологического института АН СССР Клименко.

Транспортировка материалов в трудных военных условиях проходила в несколько этапов. Сначала 19 июля 1942 г. 107 ящиков с архивными материалами, 6 ящиков с двумя старинными бронзовыми люстрами вместе с уникальным фонографом были погружены в два вагона и отправлены в порт «Осиновец». 23 июля их перезагрузили на баржу и переправили на другой берег Ладожского озера к пирсу № 2 «Косы». Ночью весь груз выгрузили и вывезли на вагонетках под открытое небо к платформам железной дороги. 26 июля погрузили в вагоны другого состава, который направился в Казань.⁴⁰

Л. Б. Модзалевский, исполняя секретарские обязанности организованной в 1943 г. Комиссии, осуществлял надзор за состоянием эвакуированных академических историко-культурных ценностей, которые находились в Казани, где в то время он постоянно проживал до эвакуации в Ленинград; а также в Свердловске, Новосибирске и Томске, куда его неоднократно направляли с инспекционными поручениями.

В этих центральных сибирских городах и в Казани размещались временные хранилища. Для них использовались арендуемые Академией наук помещения в зданиях, принадлежавших Свердловской картинной галерее (на ул. Вайнера, дом 11; филиал на ул. Первомайской, дом 24), Дому науки и культуры (на пл. Сталина, дом 38, где находился Новосибирский государственный театр оперы и балета), Научной библиотеке Томского государственного университета (на пр. Тимирязева, дом 3), Центральному музею краеведения Татарской АССР (в Казани, в основном здании на ул. Чернышевского, дом 2 и во флигеле, выходящем во двор).

⁴⁰ См. объяснительную записку (от 31 июля 1943 г.) ответственного исполнителя ЛАХУ АН СССР Н. А. Семеновского, сопровождавшего материалы, которые вывозились из Ленинграда в Казань: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 91, л. 16—16 об.

В личном архиве Модзалевского имеется значительный комплекс материалов, относящихся к его секретарской деятельности в Музейной и Архивной Комиссии: командировочные удостоверения ученого, составленные им ревизионные акты обследования хранилищ и находящихся в них материалов; отчеты, докладные записки, переписка с сотрудниками Академии наук и др. По этим документам военного времени удалось установить событийную канву организационных мероприятий по эвакуации академических ценностей из Ленинграда и Москвы, а также уточнить их объем, состав, даты отправления в Сибирь и Казань; выяснить адреса зданий, в которых находились временные хранилища; ознакомиться с их внутренними помещениями и созданными в них условиями хранения и охраны документов.⁴¹ Преамбула к публикуемым материалам написана с опорой на эти источники.

В настоящей работе впервые публикуются три документа военных лет: 1) Отчет Рукописного отдела (Архива) Института литературы Академии наук СССР с июля 1 по 31 декабря 1943 года. Казань; 2) Отчет Л. Б. Модзалевского о командировке в Новосибирск, Томск, Свердловск и Казань, в которой он находился с 28 ноября по 25 декабря 1943 г.; 3) Акт о контрольном вскрытии одного из ящиков с книгами из личной библиотеки А. С. Пушкина, составленный 22 декабря 1943 г. в Свердловске.⁴²

Орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами.

1. «Отчет Рукописного отдела (Архива) Института литературы Академии наук СССР с июля 1 по 31 декабря 1943 года. Казань»

В июле 1942 года 107 ящиков с ценнейшими архивными материалами Рукописного Отдела были эвакуированы из Ленинграда в Казань в исключительно тяжелых условиях эвакуации и в течение последующего времени находились до июля 1943 года в состоянии консервации. Сперва на складе Техснаба Академии Наук СССР, а затем в неотапливаемом помещении Центрального музея краеведения Татарского АССР, по ул. Чернышевского, д. 2.

Только с 1 июля 1943 года Рукописный отдел на базе этих 107 ящиков развернул предварительную работу по проверке состояния этих архивных материалов путем контрольного постепенного вскрытия указанных ящиков. Под руководством вновь назначенного заведующего Рукописным отделом профессора Л. Б. Модзалевского приглашенный младший научный сотрудник С. И. Рогозина,⁴³ при одном

⁴¹ Там же, № 91, л. 1—105; также см.: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. С. 294—300.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 91, л. 26—54.

⁴³ *Рогозина С. И.* — вероятно, сотр. Казанского гос. университета.

техническом сотруднике и с помощью 4-х аспирантов, работавших поочередно в помещении отдела, было произведено контрольное вскрытие названных ящиков. Причем на каждый ящик составлялся подробный акт вскрытия и описания внешней сохранности самих материалов, с одновременной проверкой содержания каждого ящика, согласно имеющимся в распоряжении отдела описям, составленным еще при укладке ящиков в Ленинграде. Тем самым производилась и приемка всех материалов.

По этому вопросу следует сказать, что укладка и составление описей на каждый ящик еще в Ленинграде в условиях спешной подготовки ящиков к эвакуации производились недостаточно аккуратно и тщательно. Поэтому при проверке содержимого оказалось, что в некоторых ящиках наличие материалов не всегда соответствовало содержанию описей: иногда материала в наличии оказывалось больше, иногда — меньше. Все расхождения в каждом отдельном случае точно фиксировались в актах приемки и проверки. Некоторые описи ящиков составлялись в Ленинграде настолько кратко, что сейчас уже нет возможности точно фиксировать отсутствие или дополнительное наличие материалов в каждом отдельном ящике. Во всяком случае, за исключением 2-х ящиков (номера 6 и 61), обнаруженных впоследствии в Московском отделении Архива Академии наук СССР в Москве (куда они случайно были доставлены при содействии заведующего Московским отделением Архива Ф. Д. Гетмана, после того как они были потеряны в дороге за время перевозки их из Ленинграда в Казань), и 2–3-х ящиков, разбитых в дороге во время перевозки (причем все их содержание оказалось в наличии), — все остальные ящики, до их вскрытия в помещении отдела, находились налицо во внешней сохранности, и никаких утрат самого материала после произведенной проверки не обнаруживается. Мелкие расхождения в отдельных единицах хранения по сравнению с описями могут быть объяснены лишь указанной неточностью во время упаковки материалов в ящики еще в Ленинграде. К началу нового 1944 года вся работа по деконсервации ящиков с архивными материалами, в общем количестве 105 ящиков, полностью закончена.

Что касается состояния извлеченных из ящиков архивных материалов, то здесь необходимо констатировать, что, наряду с большинством абсолютно не пострадавших материалов, некоторые из них частично все же отсырели, пропитались влагой, а некоторые рукописи в переплетах покрылись снаружи налетом плесени. Коллективу работавших в отделе сотрудников и аспирантов пришлось проделать большую и кропотливую, а главное — длительную работу по ликвидации всех последствий этих процессов: были произведены просушка влажных рукописей, снятие плесени с переплетов и т. п. мероприятия, которые проводились под непосредственным наблюдением и руководством заведующего Рукописным отделом. В результате этой работы пострадавшие рукописи были приведены в нормальное (в отношении влажно-

сти) состояние. И никаких следов порчи бумаги и, особенно, текста на них не осталось, за исключением рукописей из части архива Аксаковых, находившихся в особо подмокшем ящике за № 49, а также рукописей из части архива Д. П. Ознобишина (из ящика № 53) и некоторых других. Многие рукописи, бывшие в этих ящиках, после просушки несут на себе некоторые следы порчи бумаги и отчасти текстов и впоследствии при нормальных условиях хранения потребуют специальной реставрации в специальной реставрационной мастерской, которой в Казани в настоящее время не имеется.

За отчетный период времени подвергнуто проверке, просмотру и частично просушке свыше 55.000 единиц хранения архивных материалов, если считать в среднем по 500 единиц хранения в каждом из 105 вскрытых ящиков.

Условия, при которых приходилось производить указанную сложную и ответственную работу, нужно считать, безусловно, ненормальными в особенности при начале работы. Достаточно отметить, что самое помещение в течение трех первых месяцев (июль—сентябрь) являлось во многих отношениях непригодным для правильной постановки работы (потолок со следами протечек, влажность воздуха и т. п.). Постоянное ежедневное проветривание помещения на протяжении летних месяцев отчасти ликвидировало недостатки помещения, но не разрешало вопроса о дальнейшем хранении материалов в осенних и зимних условиях. Сказывалось также и полное отсутствие элементарного оборудования (стеллажей, шкафов, коробок, столов, стульев и т. п.), не было и самых необходимых хозяйственных принадлежностей и предметов, специфически важных для хранения подобных ценностей (например, пломбираторов и др.). Все это, безусловно, отражалось на темпах работы Рукописного отдела в целом. Нужно сказать, что руководство Центрального музея краеведения в лице его директора В. М. Дьяконова всячески шло навстречу нуждам отдела. Постепенно музей предоставил в распоряжение отдела некоторое оборудование (несколько шкафов, столов, стульев и др.), ежедневно пломбировал своими пломбами помещение Рукописного отдела и оказывал внимание к его неотложным потребностям.

Наконец, вполне сознавая ценность хранящихся в Рукописном отделе материалов, дирекция музея пошла отделу навстречу в самом главном вопросе: предоставила Рукописному отделу одно из лучших своих помещений, сухое, теплое и закрывающееся специальными металлическими жалюзи, во втором этаже, но с печным отоплением. В первых числах октября 1943 года все имущество Рукописного отдела в течение двух дней было переведено в новое помещение. Причем эта сложная и большая работа была осуществлена настолько планомерно и организованно, что (уже после переброски материалов и оборудования в новое помещение) Рукописный отдел на следующий же день смог продолжать свою текущую работу (без всякого ущерба и даже бо-

лее интенсивно, чем раньше), вследствие получения дополнительного оборудования от музея, которое обеспечивает в настоящее время хранение вынутых из ящиков материалов.

В связи с поступающими от разных лиц предложениями о приобретении от них рукописей и других архивных материалов, имеющих историко-литературное значение, по инициативе Рукописного отдела дирекция Института литературы АН СССР приказом от 6-го ноября 1943 г. за № 194 образовала специальную постоянную Экспертно-оценочную комиссию в составе: председателя — заведующего Рукописным отделом профессора Л. Б. Модзалевского; членов Комиссии: члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц,⁴⁴ пом-ошника >директора Института литературы Т. И. Шаргородского, ученого секретаря института М. О. Скрипиля⁴⁵ и старшего научного сотрудника Д. С. Лихачева.⁴⁶ Комиссия эта имела два заседания (10-го ноября и 28-го декабря 1943 года), на которых по докладу председателя подвергла экспертизе и оценке предложенные к приобретению разные архивные материалы, принадлежащие профессору М. А. Васильеву в Казани. Всего по актам приобретено у него материалов, имеющих историко-литературное значение, в рукописях XVII—XIX вв. на сумму 6.080 рублей. Среди них нужно отметить автографы: Л. Н. Толстого, Д. Б. Григоровича, П. Д. Боборыкина, А. А. Шахматова, Г. Н. Потанина и многих других; часть архива казанского деятеля Н. Я. Агафонова; материалы из архива поэта Д. П. Ознобишина, служащие дополнением к приобретенному ранее архиву Ознобишина; материалы «Общества любителей русской словесности при Казанском Университете» за 1899—1901 гг.; бумаги «Общества вольных упражнений в российской словесности в Казани» за 1806—1814 гг. с автографами С. Т. Аксакова и многие др. На очереди стоит рассмотрение новой партии рукописных материалов, предлагаемых к приобретению профессором М. А. Васильевым и другими лицами.⁴⁷ От гражданина Н. М. Коровина постанов-

⁴⁴ *Адрианова-Перетц Варвара Павловна* (1888—1972) — ст. науч. сотр. (с 1934 г.) Отдела древнерусской лит-ры ИЛИ; д-р филол. наук (с 1935 г.), чл.-корр. (с 1943 г.), в 1947—1954 гг. возглавляла Отдел.

⁴⁵ *Скрипиль Михаил Осипович* (1892—1957) — науч. сотр. (с 1934 г.) Отдела древнерусской лит-ры, с 1942 до апр. 1945 г. — учен. секр. ИЛИ.

⁴⁶ *Лихачев Дмитрий Сергеевич* (1906—1999) — ст. науч. сотр. Отдела древнерусской лит-ры (в 1938—1941 гг.), зав. Сектором (в 1954—1999 гг.); впоследствии акад. АН СССР (с 1970 г.), РАН (с 1991 г.).

⁴⁷ Приобретенные в 1943—1944 гг. у историка литературы, профессора Казанского университета Михаила Андреевича Васильева (1878 — после 1944) документы составили вновь образованные фонды в РО Пушкинского Дома: ф. 141 (личный арх. М. А. Васильева); ф. 13 (личный арх. Н. Я. Агафонова, прозаика, историка-краеведа, библиографа, редактора-издателя «Камско-Волжской газеты»); ф. 107 (арх. Казанского общества отечественной словесности); ф. 634 (личный арх. Г. Н. Потанина, писателя); см.: Кн. пост. за 1943 г., № 9, 10; подробнее см.: Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома: Аннотированный указатель. СПб.,

лением Комиссии приобретен для Музея Института литературы портрет маслом XVII в. писателя Максима Грека, хранящийся временно в Рукописном Отделе института и подлежащий затем передаче в Музей Института литературы.⁴⁸ Во время работы по вскрытию ящиков Рукописного отдела заведующий отделом, просматривая лично все проверяемые материалы, одновременно производил выявление наиболее интересных и важных литературных материалов и автографов с целью дальнейшей подготовки их к печати в «Трудах Института литературы». Среди выявленных материалов, ранее совсем неизвестных, им определены по почерку следующие автографы:

1) Рукопись В. А. Жуковского с историко-литературными набросками. 2) Отрывок из неизвестного литературного произведения Н. В. Гоголя. 3) Письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к И. С. Аксакову. 4) Автограф стихотворений поэта гр. А. К. Толстого и некоторые другие рукописи. Для специалиста по В. Г. Белинскому ст. научному сотруднику Н. И. Мордовченко⁴⁹ предоставлен для работы неизвестный до настоящего времени автографический материал В. Г. Белинского (его рукопись о воспитании и большое количество писем раннего периода его деятельности). Аспиранту (так!) Л. М. Лотман⁵⁰ предоставлены для работы по ее диссертации автографы драматурга А. Н. Островского и среди них черновик его речи о Пушкине, имеющий важное значение в истории создания этой речи.⁵¹ Кроме того, Л. М. Лотман во время работы над рукописями пользовалась постоянной научной консультацией как заведующего Рукописным отделом, так и его заместителя Н. И. Мордовченко. Научную консультацию получали также и другие аспиранты. Наиболее ценные из перечисленных материалов в настоящее время подготавливаются к печати для специального отдела

1999. В 1949 г. по распоряжению Президиума АН автограф письма Л. Н. Толстого к П. П. Васильеву из ф. 141 был передан в Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве. Рукописи XVII—XIX вв. в настоящее время хранятся в Дрeвлекранилище им. В. И. Малышева: Р. IV, оп. 24, № 20, 33, 80 и др.

⁴⁸ Имеется в виду приобретенная у известного казанского коллекционера, собирателя предметов старинного быта Николая Мефодиевича Коровина икона с изображением Максима Грека работы неустановленного художника. В 1945 г. после эвакуации академических ценностей в Ленинград она была передана на хранение в Литературный музей Пушкинского Дома (см. запись в Кн. пост. Литературного музея ИРЛИ за 1945 г.: инв. № ПДИ—58765).

⁴⁹ *Мордовченко Николай Иванович* (1904—1951) — ст. науч. сотр. Пушкинского Дома в 1934—1951 гг., специалист по изучению журнальной деятельности В. Г. Белинского, в 1948 г. защитил докт. дисс. «Русская критика первой четверти XIX в.».

⁵⁰ *Лотман Лидия Михайловна* (1917—2011) — аспирантка ИЛИ (с 1939 г.), в 1946 г. защитила канд. дисс. «А. Н. Островский и натуральная школа 40-х годов», в 1972 г. — докт. дисс. «Русская художественная проза 1860-х годов»; науч. сотр., ст. науч. сотр., вед. науч. сотр. Пушкинского Дома (1946—2001 гг.).

⁵¹ Имеется в виду речь А. Н. Островского по случаю открытия 18 июня 1880 г. памятника А. С. Пушкину в Москве. См.: РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 2, № 20.

в «Трудах» Института литературы (Л. М. Лотман, Л. Б. Модзалевский и Н. И. Мордовченко).

В ноябре—декабре 1943 г. заведующий Рукописным отделом был командирован дирекцией Института литературы в Новосибирск для обследования состояния эвакуированных туда еще в июле 1941 г. из Ленинграда архивных, музейных и библиотечных ценностей Института (рукописи Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина и других классиков). На обратном пути заведующий Рукописным отделом был в Свердловске, где также обследовал состояние эвакуированных туда из Ленинграда вместе с материалами Государственного Эрмитажа архивных и библиотечных материалов Института литературы (личная библиотека Пушкина и Фонограммархив). Подробный отчет о командировке зав. Рукописным отделом представил в дирекцию Института. По этому отчету дирекция Института литературы вынесла решение о признании условий хранения архивных, библиотечных и музейных материалов и в Новосибирске, и в Свердловске соответствующими требованиям, предъявляемым в настоящее время к хранению ценных архивных материалов. На время отсутствия заведующего отделом по постановлению дирекции замещал его ст. научный сотрудник Н. И. Мордовченко.

Опыт работы в условиях эвакуации показал, что существующий штат сотрудников (указанный выше) ни в какой мере не соответствует истинным потребностям Рукописного отдела. В дальнейшем при развертывании работы потребуются, конечно, увеличение штата Рукописного отдела на несколько единиц, а также ассигнования дополнительных средств, что подробно обосновано в специальной докладной записке к бюджету Рукописного отдела, представленной в дирекцию Института литературы АН СССР.

По докладу заведующего Рукописным отделом на совещании дирекции Института литературы, состоявшегося 3 января 1944 г., постановила считать произведенную в течение полугода работу в Рукописном отделе по деконсервации всех рукописных материалов, находящихся в Казани, вполне удовлетворительной.

Зав. Рукописным отделом (Архивом)
Института литературы АН СССР
профессор Л. Б. Модзалевский
7 января 1944 г. Казань.

2. «Отчет о командировке ученого секретаря Музейной и Архивной Комиссии в Новосибирск, Томск, Новосибирск, Свердловск и Казань с 28 ноября по 25 декабря 1943 года»

Я выехал из Москвы 28 ноября и приехал в Новосибирск 3 декабря 1943 года, где сразу же приступил к ознакомлению с состоянием архивных, библиотечных и музейных ценностей, принадлежащих Академии

Наук СССР и эвакуированных из Ленинграда еще в июле 1941 года. Как выяснилось на месте, кроме материалов, принадлежащих Институту литературы Академии Наук СССР, в Новосибирске никаких других ценностей, принадлежащих Академии наук СССР, не оказалось, как это было известно Комиссии до моей командировки.

При материалах Института литературы АН СССР безвыездно в Новосибирске находятся: уполномоченный по управлению и хранению архивных и музейных фондов Института литературы АН старший научный сотрудник Лев Михайлович Добровольский⁵² и его заместитель, директор Государственного Пушкинского заповедника Михаил Зиновьевич Закгейм. Оба они и сопровождали ценные материалы Института из Ленинграда в Новосибирск в июле 1941 г., когда эти материалы были эвакуированы в составе военного эшелона Артиллерийского исторического музея Красной армии в Ленинграде.

Как показало обследование упомянутых материалов и условий их хранения в Новосибирске, произведенное мною с 3 по 7 декабря с. г., (совместно с указанными представителями Института литературы), в настоящее время все вывезенные ценности этого Института в количестве двадцати семи (27) ящиков находятся в наличии в здании Дома науки и культуры (Новосибирского государственного театра оперы и балета, на площади Сталина, д. № 38), во 2 этаже, в специальном хранилище фондов филиала Государственной Третьяковской галереи, директором которого является Александр Иванович Самошкин. В этом хранилище сосредоточены, объединяемые филиалом Государственной Третьяковской галереи, музейные фонды, принадлежащие следующим московским учреждениям: 1) Филиалу Третьяковской Галереи, 2) Музею изящных искусств им. А. С. Пушкина, 3) Музею нового западного искусства, 4) Музею восточных культур, 5) Музею Московской консерватории. Кроме того, в этом же здании хранятся фонды следующих эвакуированных музеев: 1) Харьковской картинной галереи им. Т. Г. Шевченко, 2) Ленинградского артиллерийского исторического музея Красной армии, 3) Ленинградских дворцов-музеев, кроме Гатчинского, 4) Ленинградского этнографического музея, 5) Горьковского (Нижегородского) краеведческого музея, 6) Смоленского исторического музея и 7) Сумского краеведческого музея.

Основным арендатором хранилища является филиал Государственной Третьяковской галереи, а Институт литературы Академии Наук СССР выплачивает арендные суммы непосредственно Третьяковской галерее на ее текущий счет в размере 4100 рублей в год.

⁵² *Добровольский Лев Михайлович* (1900–1963) — науч. сотр. Пушкинского Дома (в 1933–1963 гг.), с окт. 1939 г. по март 1940 г. исполнял обязанности зав. РО, с июля 1941 по дек. 1944 г. был уполномоченным АН СССР по хранению архивных и музейных фондов ПД, вывезенных в Новосибирск, в ноябре 1945 г. защитил канд. дисс. «Русская запрещенная книга 1855–1905 гг.».

Хранилище представляет собою большой двухсветный зал, отапливаемый, как и все здания театра, центральным пароводяным отоплением, с электрическим освещением. Состояние теплового режима в хранилище нужно признать вполне удовлетворительным, соответствующим всем правилам хранения музейных и архивных ценностей. Хранилище обеспечивается вентиляцией и специальной установкой для регулирования сухости и влажности воздуха. Надзор за температурным и атмосферным режимом в хранилище осуществляется круглые сутки ученым реставратором Государственной Третьяковской галереи Михаилом Александровичем Александровским, который производит наблюдения при помощи специальных приборов (психрометров, барографов и др.).

Охрана ценностей полностью обеспечивается: 1) круглосуточными дежурствами внутри хранилища научного персонала перечисленных музеев и в их числе указанными представителями Института литературы АН; 2) круглосуточной военизированной охраной НКВД; 3) наружными постами милиции у входа в хранилище и постами милиции в других помещениях здания; 4) ограничением права входа в хранилище только для дежурных и ответственных хранителей фондов этих музеев, а в исключительных случаях допущением посторонних лиц на основании специальных разовых пропусков за подписью директора филиала Государственной Третьяковской галереи; 5) разрешением входа на территорию Дома науки и культуры через контрольно-пропускную будку по пропускам, выдаваемым по предъявлении соответствующих документов. Все перечисленные мероприятия полностью обеспечивают недопущение бесконтрольного проноса каких-либо предметов, входа и выхода посторонних лиц.

Вследствие изложенного я считаю, что общие условия и хранения состояния архивных, библиотечных и музейных ценностей, принадлежащих Институту литературы АН СССР, безусловно, нормальны и обеспечивают в полной мере их сохранность.

Что касается внутреннего состояния материалов, эвакуированных в 27-ми ящиках, то для более детального изучения сохранности материалов уполномоченный Института литературы Л. М. Добровольский (совместно со своим заместителем М. З. Закгеймом, в присутствии ученого реставратора филиала Государственной Третьяковской галереи М. А. Александровского) произвел контрольное вскрытие двух ящиков с архивными и музейными материалами за № 10 и № 22 (см. прилагаемые акты от 7 июня и 17 июня и 5 августа 1943 г. (не публикуются — Л. К. Хитрово)).

Вскрытие и осмотр этих ящиков показал хорошую сохранность материалов обоих ящиков. Наряду с этим обнаружена хорошая упаковка и сохранность ящика за № 10 с архивными материалами (фонды М. Ю. Лермонтова и К. Ф. Рыльева) и недостаточно продуманная упаковка ящика № 22 с музейными материалами (картины и мемориаль-

ные предметы). Этот ящик был значительно перегружен экспонатами, причем мемориальные предметы давили на полотно картин, вследствие чего наблюдалось провисание полотна картин и трение лакового слоя, что вызвало необходимость все мемориальные предметы выделить в особый ящик. При этом предметы были пересыпаны нафталином (чего не было сделано при их первоначальной упаковке), а картины (полотна), после некоторой их обработки консервационно-реставрационного характера, были переупакованы согласно правилам хранения, принятым в Государственной Третьяковской галерее. Таким образом, в настоящее время общее количество ящиков, принадлежащих Институту литературы, увеличилось на один ящик и составляет всего 28 ящиков.

Во время произведенного мною обследования состояния хранения музейных и архивных фондов Института литературы я пришел к выводу о необходимости дополнительного вскрытия новых двух ящиков Института с целью контроля их содержимого и выяснения сохранности материалов с точки зрения их влажности. Мною были вскрыты ящики за №№ 16 и 23 (в присутствии Л. М. Добровольского, М. З. Заггейма и М. А. Александровского), что и зафиксировано специальным актом от 6 декабря 1943 г. (см.: в приложении (не публикуется — Л. К. Хитрово)).

Это новое контрольное вскрытие показало, что материалы и этих двух ящиков со стороны их влажности и консервации находятся также в вполне удовлетворительном состоянии. При проверке наличия содержимого ящика № 16 с архивными материалами с вложенной в ящик описью все материалы оказались налицо. Однако при подробной проверке содержимого ящика № 25 с музейными материалами мною было установлено значительное несоответствие фактического наличия материалов с описью. С одной стороны, оказалось отсутствие некоторых портретов и рисунков, а с другой — установлено наличие в этом ящике портретов, не вошедших в опись. Этот факт может быть объяснен лишь небрежностью первоначальной упаковки этого ящика, произведенной еще в Ленинграде при эвакуации в Музее Института литературы АН СССР. Для выяснения указанного несоответствия следовало бы произвести контрольное вскрытие и остальных двух ящиков с музейными ценностями за №№ 24 и 25 из общего числа в 28 ящиков. Ящики за №№ 1–21 заполнены архивными материалами, ящики за №№ 26 и 27 заполнены библиотечными материалами и ящики за №№ 22, 23, 24, 25 и 28 заполнены музейными материалами. Но мною совместно с представителями Института вскрытие этих двух последних ящиков с музейными ценностями признано было нецелесообразным, вследствие наличия в них преимущественно материальных ценностей (мемориальных предметов из драгоценных металлов) и ввиду невозможности в Новосибирске достать необходимое количество новых пломб, а также отсутствия в настоящее время пломбиратора Ин-

ститута литературы АН СССР в распоряжении уполномоченного этого Института.

На основании полученных мною сведений после контрольного вскрытия ящиков можно констатировать, что общая сохранность всех ящиков Института литературы, находящихся в одинаковых условиях консервации, не подлежит сомнению и в отношении влажности материалы всех остальных ящиков находятся в вполне удовлетворительном состоянии.

Об общем состоянии и охране ценнейшего имущества Академии наук СССР в Новосибирске мною составлен соответствующий акт от 18 декабря 1943 г. (на обратном пути, после посещения мною Томска, когда необходимо было совершить пересадку в Новосибирске для дальнейшего следования в Свердловск; см.: в приложении (не публикуется. — *Л. К. Хитрово*)). Из Новосибирска в Томск я выехал 7 декабря, куда и приехал на следующий день. Трудности пути отразились на моем здоровье. Сразу же по приезде в Томск я заболел гриппом в сильной форме, который приковал меня к постели на целых шесть дней. Только 13 декабря я смог приступить к работе по обследованию состояния музейных, архивных и библиотечных ценностей, принадлежащих Академии наук СССР и эвакуированных в этот университетский город.

Обследование произведено было мною с 13 по 16 декабря 1943 г. В Томске я ознакомился сначала с эвакуированными ценностями, принадлежащими Государственному музею Л. Н. Толстого Академии наук СССР в г. Москве и его филиалу Музея-усадьбы «Ясная Поляна». При этих ценностях с августа 1941 г. безвыездно состоит уполномоченный Толстовского музея, кандидат филологических наук Владимир Александрович Жданов, в присутствии которого я и ознакомился с состоянием материалов и с условиями их хранения. Мною установлено, что все ценности Толстовского музея и Музея-усадьбы «Ясная Поляна» сосредоточены в одной комнате (в здании с железобетонными перекрытиями Научной библиотеки Томского государственного университета, проспект Тимирязева, дом 3), предоставленной музеям Томским государственным университетом в августе 1941 г. Комната эта — в первом этаже, в два окна, выходящих во двор. Отапливается центральным паровым отоплением, как и все здание. По инициативе В. А. Жданова на двух окнах со стороны двора были установлены специальные металлические решетки, а с внутренней стороны — деревянные створчатые ставни и сплошные занавески. Единственная дверь в это помещение обита снаружи железом, в комнате установлен огнетушитель, мешок с песком, часть электропроводки введена в специальные резиновые трубки, но, как правило, помещение хранения постоянно остается не под током. Вход в самое помещение производится через соседнее помещение библиотечного абонемента, которое открыто только в рабочие часы; доступ посторонних лиц в помещение фондов Музея не

разрешается. Право входа в него имеет только хранитель фондов В. А. Жданов, который ежедневно пломбирует помещение и следит за состоянием находящихся в его ведении ценностей.

Охрана библиотечного здания осуществляется штатом пожарно-сторожевой охраны библиотеки, а ночью — дежурством ответственных сотрудников Библиотеки. Охрану библиотеки и тем самым фондов Музея нужно считать недостаточной в количественном и в качественном отношении. Хранителем фондов В. А. Ждановым принимались меры к усилению ее, но, несмотря даже на наличие специального распоряжения зам. председателя Совнаркома РСФСР тов. А. В. Гриценко (от 26 августа 1943 г. за № 8-АГ), добиться каких-либо результатов в этом отношении до сих пор В. А. Жданову не удалось. Им поставлен перед дирекцией Музея Толстого в Москве вопрос о специальной воензированной охране, для введения которой требуется, однако, специальное постановление Совнаркома. В интересах охраны В. А. Жданову удалось после длительных хлопот установить в своей квартире (ул. Герцена, д. 29) телефон только в самое последнее время.

Все перечисленные мероприятия по установлению надлежащего режима хранения и охраны ценностей нужно признать в данных условиях вполне удовлетворительными. В. А. Жданов проявил в этом отношении большую инициативу и недавно ездил на несколько дней в Новосибирск с специальной целью ознакомления с постановкой дела хранения в филиале Государственной Третьяковской галереи.

За отсутствием психрометра и термометра, которых, по словам В. А. Жданова, ни в Томске, ни в Новосибирске не было возможности приобрести, точные измерения влажности помещения и его температуры не производятся (температура эпизодически измеряется термометром Библиотеки). Тем не менее, я пришел к выводу, что в помещении поддерживается нормальная комнатная температура и влажность. С этой целью регулируются батареи центрального парового отопления, воздух в случае его резкой сухости увлажняется мокрыми тканями, паркетный пол также увлажняется.

Происходившие в период эвакуации 1941—1943 гг. контрольные вскрытия ящиков с рукописями, книгами и музейными предметами (с актами этих вскрытий я имел возможность ознакомиться) показали вполне удовлетворительное их состояние в отношении влажности и внешней сохранности.

Общее количество хранящихся в помещении Толстовского музея ящиков, вывезенных из Москвы и «Ясной Поляны», составляет сто сорок (140). Из них принадлежит Музею-усадьбе «Ясная Поляна» сто шесть (106) и Музею Толстого в Москве — тридцать четыре (34), из коих двадцать девять (29) содержат рукописи и пять (5) — музейные предметы.

Все ценности, вывезенные из Москвы, по словам В. А. Жданова, упакованы внутри ящиков в дермантин, оберегающий бумагу и карти-

ны от атмосферных влияний. Несколько хуже упакован в ящиках материал, вывезенный из «Ясной Поляны»: внутри ящиков материал ничем, кроме газет, не обернут. Согласно акту от 23 ноября 1941 г. (прилагается в копии), при перевозке пострадали лишь две картины: портрет Л. Н. Толстого в копии и вид дома Л. Н. Толстого, художника Калачева (прорывы холста). По заключению художника-реставратора В. В. Желтухина из Москвы, приезжавшего в Томск, обе картины могут быть легко реставрированы.

С целью выяснения состояния архивных и музейных ценностей, а также с профилактическими целями В. А. Жданов периодически производил контрольное вскрытие ящиков с составлением соответствующих актов, с которыми я имел возможность ознакомиться. В частности, ежегодно проветриваются и пересыпаются нафталином с пиретрумом шерстяные ткани из Яснополянского музея, хранящиеся в большом сундуке, бытовые вещи по указанию дирекции музея не проветривались. Ящик со старыми книгами из Яснополянской библиотеки после вскрытия был подвергнут специальной экспертизе ученого энтомолога Томского университета (признаков вредителей обнаружено не было). Часть Яснополянской библиотеки, уложенная в ящики, при упаковке вследствие спешки без описей была документирована уже в Томске. Два портрета работа художника Барду с изображениями отца и деда Л. Н. Толстого⁵³ (осыпавшаяся пастель) реставрированы художником-реставратором В. В. Желтухиным с соблюдением необходимых требований и с контрольной фотодокументацией. В настоящее время с момента доставки в Томск все картины из Яснополянского дома-усадьбы хранятся в открытом виде и все время до июля 1943 г. находились под наблюдением В. В. Желтухина, уехавшего затем в Москву. Я имел возможность осмотреть часть этих картин и убедился в их внешней сохранности. В. А. Жданов поставил уже вопрос об обратной укладке этих картин в ящики с соблюдением всех необходимых условий хранения: с этой целью он договорился с дирекцией филиала Третьяковской галереи в Новосибирске о приглашении в Томск их специалистов-упаковщиков и ждет от дирекции Толстовского музея соответствующих упаковочных материалов (дермантин, бумага и проч.). Всего открыто с картинами 4 ящика за №№ 5, 6, 7 и 12.

Из ящиков с картинами, принадлежащими Московскому музею, вскрывались Комиссией 7 декабря 1942 года два ящика (из пяти), причем была установлена хорошая их сохранность, и ящики были вновь закрыты.

Что же касается ящиков с рукописями Л. Н. Толстого, то в настоящее время в открытом виде находятся два (2) ящика за №№ 4 и 27. Над материалами этих ящиков производится текущая архивная работа.

⁵³ Имеются в виду портреты Н. И. и И. А. Толстых, отца и деда по материнской линии Л. Н. Толстого, художника К.-В. Барду.

С целью проверки состояния и сохранности материалов я произвел 16 декабря 1943 г. (совместно с В. А. Ждановым) контрольное вскрытие ящика № 5 с рукописями Л. Н. Толстого, о чем составлен отдельный акт (см.: приложение (не публикуется — *Л. К. Хитрово*)). Состояние материалов найдено вполне удовлетворительным: рукописи не имеют видимых изменений и хорошо упакованы.

В результате произведенного мною изучения состояния ценностей Музея Л. Н. Толстого и Музея-усадьбы «Ясная Поляна» я могу констатировать, что как общие условия хранения, так и внутренняя сохранность материалов в ящиках и вне их не вызывает сомнения и в отношении влажности материалы находятся в вполне удовлетворительном состоянии. Об этом мною и В. А. Ждановым составлен отдельный акт, приложенный к настоящему отчету.

Одновременно с 13 до 16 декабря 1943 г. я (в присутствии ответственного уполномоченного Президиума Академии наук СССР директора Архива А. М. Горького Елены Федоровны Розмирович)⁵⁴ производил обследование эвакуированных в Томск ценностей: Архива А. М. Горького, Института мировой литературы им. М. Горького и музеев А. М. Горького и А. С. Пушкина, принадлежащих Академии наук СССР. Е. Ф. Розмирович, являвшаяся уполномоченным Президиума АН СССР по хранению ценностей Музея Л. Н. Толстого, (до выделения этого музея в самостоятельное учреждение Академии наук СССР из состава Института мировой литературы им. А. М. Горького), хотя она продолжает и в настоящее время нести общее наблюдение за всеми эвакуированными в Томск архивными, музейными и библиотечными ценностями Академии наук СССР; находится при этих ценностях с момента их эвакуации из Москвы осенью 1941 года.

Обследованию подвергались материалы следующих секторов и музеев Института мировой литературы им. А. М. Горького: 1. сектора рукописей, 2. сектора художественной иллюстрации, 3. Музея А. М. Горького, 4. Архива А. М. Горького и 6. Музея А. С. Пушкина.

Мною установлено, что ценности названных учреждений сосредоточены в одной комнате того же здания Научной библиотеки Томского государственного университета, рядом с комнатой, занятой имуществом Музея Л. Н. Толстого. Комнату эту Институт мировой литературы им. А. М. Горького получил от Томского государственного университета в августе 1941 года. Она находится в первом этаже, в два окна, выходящих во двор, отапливается центральным паровым отоплением. По инициативе Е. Ф. Розмирович, на двух окнах со стороны двора были поставлены специальные металлические решетки и с внутренней стороны — деревянные створчатые ставни и сплошные занавески. Един-

⁵⁴ *Розмирович* (урожд. *Майш*, 1886—1953) *Елена Федоровна (Фердинандовна)* — директор Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в 1935—1939 гг.), зав. Архивом М. Горького (в 1937—1953 гг.).

ственная входная дверь в это помещение обита снаружи железом, в комнате установлен огнетушитель, мешок с песком, часть электропроводки введена в специальные резиновые трубки, но, как правило, помещение хранения постоянно остается не под током. Вход в само помещение производится через соседнее помещение библиотечного абонеента, которое открыто только в рабочие часы; доступ посторонних лиц в помещение фондов института не разрешается. Право входа в него имеет только ответственный уполномоченный Е. Ф. Розмирович, которая ежедневно пломбирует помещение и следит за состоянием находящихся в ее ведении всех ценностей. Об охране здания библиотеки уже было говорено выше. Но в связи с ее недостаточностью Е. Ф. Розмирович неоднократно обращалась в дирекцию Института мировой литературы и добилась обещания Наркомпроса РСФСР об увеличении штата охраны и увеличении окладов с будущего 1944 года, а в текущем году с этой же целью институт выделил специальную штатную единицу с увеличенным окладом.

Все перечисленные мероприятия по установлению надлежащего режима хранения и охраны ценностей института нужно признать в данных условиях вполне удовлетворительными. Измерения температуры помещения производятся эпизодически термометром библиотеки. Тем не менее, можно констатировать также, что в помещении поддерживается нормальная комнатная температура и влажность. Последняя регулируется мокрыми тканями в тех случаях, когда происходит резкая сухость воздуха от центрального отопления.

Происходившие в период эвакуации 1941—1943 гг. контрольные вскрытия ящиков с рукописями, книгами и музейными предметами, что зафиксировано выделенными мною актами, показывали вполне удовлетворительное их состояние в отношении влажности и внешней сохранности.

Общее количество хранящихся в помещении института ящиков, вывезенных из Москвы, составляет сто тридцать два (132). Из них пять (5) ящиков принадлежат сектору художественной иллюстрации, пятнадцать (15) ящиков — сектору рукописей, восемнадцать (18) ящиков — Музею А. М. Горького, тридцать четыре (34) ящика — музею А. С. Пушкина и шестьдесят (60) ящиков — Архиву А. М. Горького. В течение 1941—1943 гг. Е. Ф. Розмирович систематически производила контрольное вскрытие ящиков по всем музеям и секторам, о чем составлялись соответствующие акты. Контрольные вскрытия показали, во-первых, хорошую укладку материалов и упаковку самих ящиков и, во-вторых, хорошую сохранность материалов в отношении влажности. Для осмотра ящиков с картинами при вскрытии их присутствовал приглашаемый художник-реставратор из Москвы В. В. Желтухин. Неблагополучное состояние рукописей было обнаружено лишь однажды 15 апреля 1942 г. при вскрытии трех ящиков (№№ 5, 6 и 7) с древними рукописями сектора рукописей. На них была найдена плесень, возник-

шая, как было установлено, еще при упаковке этих ящиков в 1941 г. в Москве, так как эти рукописи находились перед упаковкой в здании, предназначенном к сносу, ввиду реконструкции Красной площади, и были долгое время в помещении, уже наполовину снесенном. Для ликвидации плесени были приняты соответствующие меры с участием специалиста-энтомолога доцента Р. П. Бережкова, который установил безопасность возникшей плесени, затем удаленной с рукописей. При повторном вскрытии этих ящиков через известный промежуток времени весь материал оказался в нормальном состоянии. В настоящее время в открытом состоянии хранятся материалы двух ящиков из архива А. М. Горького в связи с производящейся текущей архивной и научной работой по подготовке к печати «Переписки Горького с Роменом Ролланом»⁵⁵ и двух других ящиков с материалами Музея А. М. Горького, также в связи с текущей работой по подготовке к печати книги «Горький и Репин». При ознакомлении с этими материалами мною констатировано их нормальное состояние в отношении внешней сохранности влажности и способов их хранения в специальных коробках и обложках. Специальное новое контрольное вскрытие ящиков из общего числа в 132 ящика, принадлежащих Институту мировой литературы им А. М. Горького, мною было признано нецелесообразным ввиду одинаковых условий хранения их с материалами Музея Л. Н. Толстого и вследствие достаточности данных о состоянии рукописей, полученных предыдущими контрольными вскрытиями.

В связи с неопределенным положением с топливом для отапливания помещения Библиотеки Томского университета, в котором хранятся ценности Академии наук СССР, я совместно с Е. Ф. Розмирович 16 декабря был у ректора Томского университета. У него мы обсудили этот вопрос, причем выяснилось, что университет не имеет централизованного снабжения топливом и зависит исключительно от местного Городского совета, который недостаточно и не регулярно снабжает и университет, и библиотеку, находящуюся в соседнем здании, необходимым количеством топлива. Было решено, что университет обратится в Наркомпрос с соответствующим ходатайством, а копию своего ходатайства направит в Президиум Академии наук СССР с просьбой о поддержке его перед Наркомпросом.

О результатах произведенного мною изучения состояния ценностей, принадлежащих Архиву А. М. Горького, Институту мировой литературы им А. М. Горького с его музеями А. М. Горького и А. С. Пушкина и находящихся в ведении и наблюдении Е. Ф. Розмирович, я совместно с нею составил отдельный акт, прилагаемый к настоящему отчету (не публикуется. — Л. К. Хитрово).

16 декабря я выехал из Томска в Новосибирск, куда и приехал на следующий день. В Новосибирске необходимо было хлопотать о полу-

⁵⁵ Замыслы изданий «Переписка Горького с Р. Ролланом», «Горький и Репин» в то время только начинали разрабатываться.

чении места в поезде, идущем на Москву, и вследствие этого я смог выехать лишь 16 декабря, пробыв в Новосибирске два дня (17 и 18 декабря). Билет я получил по броне Новосибирского облисполкома при содействии уполномоченного по делам науки и искусства тов. Малкина, с которым я имел возможность переговорить о ценностях Академии, хранящихся в Новосибирске, и которого просил от имени Президиума АН СССР оказывать уполномоченному Института литературы АН СССР Л. М. Добровольскому свое содействие во всех случаях, когда помощь и содействие Новосибирского облисполкома могут быть необходимы.

Выехав 18 декабря из Новосибирска, я приехал в Свердловск 21 декабря утром и в тот же день посетил директора филиала Государственного Эрмитажа профессора Владимира Францевича Левинсон-Лессинга, в ведении которого находятся ящики с архивным, музейным и библиотечным имуществом АН СССР. Совместно с В. Ф. Левинсон-Лессингом я провел проверку состояния, методов хранения и охраны сданных на хранение в Ленинграде Государственному Эрмитажу этого имущества, эвакуированного затем осенью 1941 года в Свердловск в составе II эшелона Государственного Эрмитажа. Этим обстоятельством объясняется отсутствие при материалах АН СССР представителя или уполномоченного Академии.

Произведенным обследованием установлено, что большая часть вывезенных материалов, принадлежащих Академии Наук СССР, хранится в особом здании с железобетонными перекрытиями, отведенном музею Государственного Эрмитажа в городе Свердловске по улице Вайнера, д. 11, во втором этаже; здание отапливается центральным пароводяным отоплением, а материалы эти находятся в двух больших залах упакованными в ящиках, совместно с ценностями, принадлежащими Государственному Эрмитажу, который производит ежедневные измерения как температуры помещений, в которых хранятся ценности, так и измерения влажности при помощи психрометра и термометра. Наблюдения, произведенные за 1941—1943 гг. в отношении режима хранения, зафиксированные соответствующими таблицами, показывают вполне нормальные условия теплового режима этих помещений на протяжении всего периода эвакуации материалов. Внешняя и внутренняя охрана как самого здания, так и внутренних помещений обеспечивается с одной стороны специальными постами милиции, а с другой — круглосуточной пожарной охраной и круглосуточным дежурством научных сотрудников филиала Государственного Эрмитажа. Допуск в помещения хранения посторонних лиц производится по специальным пропускам, выдаваемым дирекцией филиала Государственного Эрмитажа. Таким образом, благодаря указанным мероприятиям исключена всякая возможность выноса из помещений хранения, охраняемых филиалом Государственного Эрмитажа, ценностей.

Что касается непосредственно материалов, принадлежащих Академии Наук СССР, то, согласно описи, составленной при отправке ящиков с имуществом Академии наук СССР из Ленинграда в 1941 году, филиал Государственного Эрмитажа хранит в настоящее время в указанном здании в полном соответствии с данными этих актов следующие ящики с ценностями, принадлежащими следующим учреждениям Академии Наук СССР: 1. тридцать (30) ящиков с архивными материалами Архива Академии наук СССР за №№ 1–30 (шифр ААН); 2. сорок два (42) ящика с библиотечными материалами Института литературы Академии наук СССР (библиотека Пушкина) №№ 1–42 (шифр ИЛИ ПБ); 3. двенадцать (12) ящиков, принадлежащих Институту литературы Академии наук с материалами Фонограммархива за №№ 1–12 (шифр ИЛИ АН) и 4. семь (7) ящиков с музейным имуществом Музея истории религии Академии наук СССР за №№ 1, 2, 3, 4, 15, 16, 21 (шифр МИР). Все указанные ящики общим числом девяносто один (91) находятся в полной внешней сохранности. Причем следует отметить, что в то время, как ящики Архива Академии наук СССР являются однотипными, ящики других перечисленных учреждений не имеют одинакового внешнего вида, различны по величине, а материалы, принадлежащие Музею истории религии, уложены частью в ящики разного объема, а частью даже в металлические сундуки с настоящими замками. Следует отметить, что один (1) из ящиков за № 14.16, принадлежащий этому музею, и также один (1) из ящиков, принадлежащий Архиву Академии наук СССР, находятся в другом помещении и другом здании филиала Государственного Эрмитажа по Первомайской ул., д. 24. Но они хранятся в тех же условиях, что и все остальные ящики в хранилищах по ул. Вайнера, д. 11.

Можно констатировать, что за все время эвакуации ни один из ящиков Академии наук не контролировался в отношении внутренней проверки состояния упакованных в них материалов. Но, так как тепловой режим за все это время был одинаковым с режимом ящиков с имуществом Эрмитажа, то и состояние материалов, находящихся в ящиках Академии наук, не могло подвергнуться каким-либо изменениям в отношении увеличения влажности; ввиду вполне благоприятного в этом отношении состояния имущества, принадлежащего Государственному Эрмитажу, ящики которого неоднократно подвергались контрольным вскрытиям, что видно из имеющихся в распоряжении филиала Государственного Эрмитажа актов этих вскрытий.

Тем не менее, было признано целесообразным произвести контрольное вскрытие одного из ящиков, принадлежавших Академии наук СССР. С этой целью мною было произведено контрольное вскрытие ящика № 4 Института литературы Академии наук СССР, содержащего часть личной библиотеки Пушкина (см.: прилагаемый акт). Вскрытие это показало вполне удовлетворительное состояние контролируемых материалов, по которому можно судить о таковом же, удовлетвори-

тельном состоянии и материалов всех остальных ящиков Академии наук СССР, хранящихся в одинаковых условиях. Вскрытие ящика проводилось реставратором Эрмитажа Ф. А. Каликиным, который затем вновь закрыл ящик, на который была наложена пломба Филиала Государственного Эрмитажа.

О результатах произведенного мною обследования состояния ценностей Академии наук в Свердловске, находящихся в ведении филиала Государственного Эрмитажа я, совместно с проф. В. Ф. Левинсон-Лессингом, а также с зам. директора Эрмитажа проф. М. Э. Матье, составил отдельный акт, прилагаемый к этому отчету (не публикуется. — Л. К. Хитрово).

Выехав 22 декабря из Свердловска, я 25 декабря прибыл в Казань, где имел постоянное место жительства (впредь до реэвакуации в Ленинград).

Так как я являюсь заведующим Рукописным отделом (Архивом) Института литературы Академии наук СССР в Казани, то считаю необходимым дополнить свой отчет сведениями о состоянии архивных материалов, принадлежащих названному Институту и временно находящихся в Казани, в одном из помещений Центрального музея краеведения Татарской АССР.⁵⁶

В июле 1942 года 107 ящиков с ценнейшими архивными материалами Рукописного отдела были эвакуированы из Ленинграда в Казань в исключительно тяжелых условиях эвакуации и в течение последующего времени находились до июля 1943 года в состоянии консервации, сперва на складе Техснаба Академии наук СССР, а затем в неотапливаемом помещении Центрального музея краеведения Татарской АССР, по улице Чернышевского, дом 2.

Только с 1 июля 1943 года Рукописный отдел на базе этих 107 ящиков развернул предварительную работу по проверке состояния этих архивных материалов путем контрольного постепенного вскрытия указанных ящиков. Под моим руководством (назначен заведующим Рукописным отделом с 1 июля 1943 года) приглашенный младший сотрудник С. И. Рогозина при одном техническом сотруднике и с помощью 4-х аспирантов, работавших поочередно в помещении отдела, произвели контрольное вскрытие всех названных ящиков. Причем на каждый ящик составлялся подробный акт вскрытия и описания внешней сохранности самих материалов, с одновременной проверкой содержания каждого ящика, согласно имеющимся в распоряжении отдела описям, составленным еще при укладке ящиков в Ленинграде. Тем самым производилась и приемка всех материалов.

По этому вопросу следует сказать, что укладка и составление описей на каждый ящик еще в Ленинграде в условиях спешной подготовки

⁵⁶ Далее текст этого документа частично повторяет текст первого публикуемого документа о работе Рукописного отдела ИЛИ.

ящичков к эвакуации производилась недостаточно аккуратно и тщательно. Поэтому при проверке содержимого оказалось, что в некоторых ящиках наличие материалов не всегда соответствовало содержанию описи: иногда материала в наличии оказывалось больше, иногда — меньше. Все расхождения в каждом отдельном случае точно фиксировались в актах приемки и проверки. Некоторые описи ящичков составлялись в Ленинграде настолько кратко, что сейчас уже нет возможности точно фиксировать отсутствие или дополнительное наличие материалов в каждом отдельном ящике. Во всяком случае, за исключением двух ящичков (№ 6 и № 61), обнаруженных впоследствии в Московском отделении Архива Академии наук СССР в Москве (куда они случайно были доставлены при содействии заведующего московским отделением Архива Ф. Д. Гетмана; после того, как они были потеряны в дороге за время перевозки их из Ленинграда в Казань, о чем я производил специальное расследование, изложенное в моей докладной записке на имя зам. председателя Музейной и Архивной комиссии акад. Н. С. Державина от 31 июля 1943 г.); и двух ящичков, разбитых в дороге во время перевозки (причем все их содержимое оказалось в наличии), — все остальные ящики до их вскрытия в помещении отдела находились налицо во внешней сохранности, и никаких утрат самого материала после произведенной проверки не обнаруживается. Мелкие расхождения в отдельных единицах хранения по сравнению с описаниями могут быть объяснимы лишь указанной неточностью во время упаковки материалов в ящики еще в Ленинграде. В начале нового 1944 года вся работа по деконсервации ящичков с архивными материалами, в общем количестве 105 ящичков полностью закончена.

Что касается состояния извлеченных из ящичков архивных материалов, то здесь необходимо констатировать, что, наряду с большинством абсолютно не пострадавших материалов, некоторые из них частично все же отсырели, пропитались влагой, а некоторые рукописи в переплетах покрылись снаружи налетом плесени. Коллективу работавших в отделе сотрудников и аспирантов пришлось проделать большую и кропотливую, а главное — длительную работу по ликвидации всех последствий этих процессов: были произведены просушка влажных рукописей, снятие плесени с переплетов и т. п. мероприятия, которые проводились под непосредственно моим наблюдением и руководством. В результате этой работы пострадавшие рукописи были приведены в нормальное в отношении влажности состояние. И никаких следов порчи бумаги и, особенно, текста на них не осталось, за исключением рукописей части архива Аксаковых, находившихся в особо подмокшем ящике за № 49; а также рукописей части архива Д. П. Ознобишина (из ящика № 53) и некоторых других. Многие рукописи, бывшие в этих ящиках после просушки, носят на себе некоторые следы порчи бумаги и отчасти текстов и впоследствии при нормальных условиях хранения

потребуют специальной реставрации в специальной реставрационной мастерской, которой в Казани в настоящее время не имеется.

Условия, при которых приходилось производить указанную сложную и ответственную работу, нужно считать безусловно ненормальными, в особенности при начале работы. Достаточно отметить, что само помещение в течение трех первых месяцев (июль — сентябрь) являлось во многих отношениях непригодным для правильной постановки работы (потолок со следами протечек, влажность воздуха и т. п.). Постоянное ежедневное проветривание помещений на протяжении летних месяцев отчасти ликвидировало недостатки помещения, но не разрешало вопроса о дальнейшем хранении материалов в осенних и зимних условиях.

Сказывалось также и полное отсутствие элементарного оборудования (стеллажей, шкафов, коробок, столов, стульев и т. п.), не было и самых необходимых хозяйственных принадлежностей и предметов, специфически важных для хранения подобных ценностей (например, пломбиратора и др.). Всё это, безусловно, отражалось на темпах работы Рукописного отдела в целом. Нужно сказать, что руководство Центрального музея в лице его директора В. М. Дьяконова всячески шло навстречу нуждам отдела. Постепенно музей предоставил в распоряжение отдела некоторое оборудование (несколько шкафов, столов, стульев и др.), ежедневно пломбировал своими пломбами помещения Рукописного отдела и оказывал внимание к его неотложным потребностям.

Наконец, вполне сознавая ценность хранящихся в Рукописном отделе материалов, дирекция Музея пошла отдела навстречу в самом главном вопросе — предоставила Рукописному отделу одно из лучших своих помещений, сухое, теплое и закрывающееся специальными металлическими жалюзи, во втором этаже, но с печным отоплением. В первых числах октября 1943 года все имущество Рукописного отдела в течение двух дней было переведено в новое помещение. Причем эта сложная и большая работа была осуществлена настолько планомерно и организовано, что уже после переброски материалов и оборудования в новое помещение Рукописный отдел на следующий же день смог продолжить свою текущую работу без всякого ущерба и даже более интенсивно, чем раньше, вследствие получения дополнительного оборудования от музея, которое обеспечивает теперь хранение вынутых из ящиков материалов.

В настоящее время в помещении Рукописного отдела поддерживается нормальная ровная температура при помощи одной из двух печей. Измерение влажности не производится из-за отсутствия психрометра, которого не удалось до сих пор достать, несмотря на многие попытки в этом направлении. Во всяком случае, можно утверждать, что влажность воздуха в помещении вполне нормальная, а самый материал, хранящийся сейчас частью на временных стеллажах и частью

в шкафах, при ежедневном осмотре его не имеет никаких видимых изменений.

Помещение Рукописного отдела примыкает непосредственно к художественной картинной галерее Центрального музея краеведения с произведениями крупных мастеров и охраняется круглосуточными дежурствами сотрудников музея, действующими на основании специальных инструкций музея. В самом помещении отдела в рабочие часы происходит ежедневная текущая работа сотрудников Рукописного отдела, и вход в него посторонним лицам воспрещен. Помещение обеспечено двумя огнетушителями. Электрическое освещение, несмотря на имеющуюся электропроводку, бездействует, так как ток от общей электросети Музея отключен. Наружные двери, выходящие в картинную галерею, ежедневно пломбируются пломбами Рукописного отдела при помощи специально заказанного после длительных хлопот пломбиратора с шифром Института литературы. Опасность каких-либо протечек воды абсолютно исключена, так как помещение хранения находится во втором этаже четырехэтажного каменного старинного здания на сводах.

По моему докладу дирекция Института литературы 3 января 1944 г. приняла итоги деконсервации всех архивных материалов института, находящихся в Казани, вполне удовлетворительными.

В заключение я считаю совершенно необходимым обратить внимание Комиссии на непрерывную, добросовестную и плодотворную деятельность хранителей архивных, музейных и библиотечных ценностей Академии наук как в Новосибирске, так и в Томске — Л. М. Добровольского, Е. Ф. Розмирович и В. А. Жданова, которые в течение более двух лет выполняют свое ответственное дело в полном отрыве от привычной для них обстановки для научной работы и в трудных личных бытовых условиях. Последнее обстоятельство особенно отразилось на состоянии здоровья ст. научного сотрудника Л. М. Добровольского, перенесшего тяжелую форму плеврита и нуждающегося в лечении.

Ученый секретарь Музейной и Архивной Комиссии при Президиуме АН СССР профессор Л. Б. Модзалевский.

5 января 1944 год. Казань.

«Акт контрольного вскрытия ящика с книгами из личной библиотеки А. С. Пушкина»

22 декабря 1943 г., г. Свердловск. Мы, нижеподписавшиеся, ученый секретарь Музейной и Архивной Комиссии при Президиуме Академии наук СССР профессор Л. Б. Модзалевский, действующий на основании постановления Президиума Академии наук СССР от 15 июня 1943 года, — с одной стороны, и директор филиала Государственного Эрмитажа профессор В. Ф. Левинсон-Лессинг, зам. директора Эрмитажа профессор М. Э. Матье и реставратор Эрмитажа Ф. А. Каликин —

с другой стороны, составили настоящий акт в том, что произвели контрольное вскрытие принадлежащего Институту литературы Академии наук СССР и эвакуированного из Ленинграда одного ящика за № 4, содержащего часть книг из личной библиотеки Пушкина. При этом постановлено, что ящик этот оказался в полной внешней сохранности, был запечатан пломбой хозяйственной части Института литературы Академии наук СССР, которая при вскрытии ящика была снята. Содержание ящика было проверено по вложенной в ящик описи, и все книги, значащиеся по этой описи, оказались в наличии. Причем указанные в описи под № 4 сочинения Шатобриана в количестве 17 томов на самом деле обнаружены в большем количестве, а именно — в количестве 19 томов. Это расхождение произошло вследствие того, что пятый том сочинений Шатобриана состоит не из одной, а из трех библиотечных единиц (т. V, т. V bis, т. V ter), что и было пропущено при укладке книг в ящик еще в Ленинграде. Все книги оказались упакованными в газеты и находятся в нормальном в отношении влажности состоянии, и никаких видимых изменений в отношении их сохранности обнаружено не было. После проверки состояния находящихся в ящике материалов он вновь был заколочен и запечатан пломбой филиала Государственного Эрмитажа.

Настоящий акт составлен в трех экземплярах: два для Академии наук и один для филиала Государственного Эрмитажа.

Ученый секретарь Музейной и Архивной Комиссии
при Президиуме АН СССР профессор Л. Б. Модзалевский
Директор филиала Государственного Эрмитажа
профессор В. Ф. Левинсон-Лессинг.
Зам. директора филиала Государственного Эрмитажа
профессор М. Э. Матье

Старший реставратор Государственного Эрмитажа Ф. А. Каликин.

По окончании Великой Отечественной войны к ноябрю 1945 г. все академические ценности были возвращены из Сибири и Казани в Ленинград и Москву. Под наблюдением Л. Б. Модзалевского как члена Архивной и Музейной комиссии и заведующего Рукописным отделом Пушкинского Дома проходила реэвакуация материалов из Казани. 26 февраля 1945 г. он доставил в Ленинград рукописи русских писателей XVIII—XIX вв.

15 ноября 1945 г. Распорядительное заседание Президиума АН СССР приняло решение о «нецелесообразности дальнейшего существования Музейно-архивной комиссии АН СССР».⁵⁷

⁵⁷ См. копию выписки из протокола № 20 заседания Президиума АН: РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2, № 91, л. 95.

Л. Е. Мисайлиди

**«СОБСТВЕННОСТЬ СЛЕПЦА Г. И. ШИРЯЕВА»:
ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
БАТЮШКОВСКИХ ФОНДОВ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ**

Аннотация: Статья посвящена изобразительным и рукописным материалам поэта К. Н. Батюшкова, поступившим в Пушкинский Дом в составе архива журнала «Русская Старина» (ранее принадлежали известному путешественнику по Святым местам слепцу Г. И. Ширяеву). Впервые была выявлена рукописная часть собрания, публикуются неизвестные ранее архивные источники, связанные с историей бытования материалов коллекции.

Ключевые слова: собрание, реликвия, оригинал, автограф, владелец, история бытования материалов коллекции.

Abstract: The article is devoted to the fine art and handwritten materials of the poet K. N. Batyushkov, which were passed to Pushkinsky Dom as a part of the magazine «Russkaja Starina» (previously they belonged to G. I. Shiryaev, the famous blind traveler in the holy sites). For the first time the manuscript part of the collection is revealed, previously unknown archival sources related to the history of the collection are published.

Keywords: collection, relics, original, autograph, owner, the history of the collection materials.

В Литературном музее Пушкинского Дома хранится небольшая по объему, но очень ценная коллекция материалов, относящихся к Константину Николаевичу Батюшкову.¹

Среди них особого внимания, несомненно, заслуживает эскиз его портрета (бумага, акварель; 11,0 x 9,0; инв. 41), исполненный с натуры в Вологде в доме племянника и опекуна поэта Григория Абрамовича Гревенса.²

¹ См.: *Мисайлиди Л. Е. Реликвии К. Н. Батюшкова в собрании Пушкинского Дома // Мои пенаты: Русская провинция и ее роль в истории культуры: Сб. материалов по итогам Всероссийской научной конференции (Вологда, 29–30 мая 2017 г.). Вологда, 2017. С. 53–55. Некоторые сведения, приведенные в данной публикации, были уточнены в настоящей статье.*

² *Гревенс (Гревени, Гревенец, Гревениц) Григорий Абрамович* (1803—между 1882 и 1887) — сын рано умершей старшей сестры поэта Анны Николаевны (1782—1809) и Абрама Ильича Гревенса (1760—1827). В 1821 г. закончил Морской кадетский корпус, служил во флоте 7 лет. В мае 1832 г. переехал с семьей в Вологду.

Известно, что большой поэт не позволял себя рисовать: существует единственное изображение Батюшкова этих лет — это рисунок, снятый со спины Николаем Васильевичем Бергом, посетившим поэта в Вологде вместе с С. П. Шевыревым в 1847 г.³

Вероятно, появлением портрета Батюшкова, выполненного с натуры с его позволения в конце 1840-х гг., мы обязаны его сестрам Елизавете Николаевне Шпиловой (1782—1853),⁴ переехавшей с мужем из Петербурга в Вологду в 1847 г., и Варваре Николаевне Соколовой (1791—1881),⁵ которая приехала из своего имения для свидания с сестрой и братом. Так с натуры был выполнен маленький акварельный эскиз, на котором Батюшков изображен в парадном сюртуке с цветком аютиных глазок в петлице. Интересно, что на обороте портрета оказался набросок портрета молодой девушки, выполненный акварелью.⁶

По-видимому, вскоре на основе эскиза была заказана акварель, принадлежавшая младшей сестре Батюшкова Варваре Николаевне,⁷ которая завещала ее своему племяннику Г. А. Гревенсу, а тот уже передал единокровному брату поэта Помпею Николаевичу Батюшкову.⁸

С 1833 г. — опекун К. Н. Батюшкова. С 1834 г. — почетный смотритель Вологодского уездного училища, в 1835 и 1837 гг. избирался почетным попечителем Вологодской губернской гимназии, в 1838 г. перемещен на должность помощника, а затем и управляющего удельной конторой. Подробнее о нем см.: *Лазарчук Р. М.* К. Н. Батюшков и Вологодский край: Из архивных разысканий. Череповец, 2007. С. 203—245.

³ *Шевырев С. П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850. Ч. I. С. 112—113.

⁴ Подробнее о ней и ее семье см.: *Лазарчук Р. М.* К. Н. Батюшков и Вологодский край. С. 184—202.

⁵ Подробнее о ней и ее семье см.: Там же. С. 150—183.

⁶ По некоторым предположениям, это изображение старшей дочери Г. А. Гревенса Анны Григорьевны (о ней см. сноску 11).

⁷ *Б. н.* К портрету поэта К. Н. Батюшкова // Исторический Вестник. 1891. № 6. С. 773. В заметке от редакции имеется ссылка на М. И. Городецкого, поделившего своими сведениями о портрете, опубликованном в журнале (гравюра В. В. Матэ с живописного оригинала). История написания портрета была известна Городецкому от брата поэта П. Н. Батюшкова (о нем см. сноску 8), у которого хранилась акварель, восходящая к эскизу, выполненному с натуры, и живописный портрет того же типа, с которого, вероятно, и была выполнена гравюра Матэ.

⁸ *Батюшков Помпей Николаевич* (1811—1892) — действительный тайный советник, историк, этнограф. Рано осиротел. Попечение о нем взяли на себя брат К. Н. Батюшков и его сестры. Учился в пансионе пастора И. Мюральта, затем в Артиллерийском училище. Служил в гвардейской конной артиллерии, в 1840 г. вышел в отставку. В 1846 г. вступил в гражданскую службу и сделал блестящую карьеру, дослужившись до члена Совета министров. Служба его протекала преимущественно в Виленском крае и Петербурге. С 1870 г. — помощник председателя Православного миссионерского общества, с 1872 г. — вице-президент Комиссии по сооружению храма Христа Спасителя в Москве, автор трудов по истории, археологии и этнографии Юго-Западной и Северной России. В 1885—1887 гг. издал собрание сочинений своего покойного брата К. Н. Батюшкова под редакцией Л. Н. Майкова.

В настоящее время акварель находится в собрании Гос. Литературного музея в Москве (ГЛМ). Именно к ней в свою очередь восходят живописные портреты, хранящиеся в фондах музея Пушкинского Дома и ГЛМ.

В музей Пушкинского Дома эскиз портрета Батюшкова поступил вместе с двумя акварелями поэта вологодского периода. Одна из них представляет собой пейзаж в круге с изображением дома при свете луны (бумага, акварель, белила, цв. и гр. карандаши, аппликация; диам. 13,3 (из.), 18,2 × 18,4 (л.); инв. 5925/2), другая — фигуру Наполеона с курительной трубкой на фоне пейзажа (бумага, акварель, цв. и гр. карандаши; 14,8 × 9,9 (из.), 18,1 × 12,2 (л.); инв. 5925/1).⁹ На обороте эскиза портрета и акварели с изображением Наполеона имеется надпись «Собственность слепца Г. И. Ширяева». На другой акварели Батюшкова аналогичная надпись располагается уже под изображением на полях.

К портрету и рисункам прилагалась сопроводительная записка, хранящаяся в музее: «Батюшкова стихи, письмо и проч. материалы. Всего Девять Нумеровъ — въ числе коихъ три рисунка. Собственность слепца Г. И. Ширяева». Надписи на рисунках и записка выполнены одной рукой.

Три рисунка, обозначенные в записке, нам уже известны: это эскиз портрета Батюшкова и две его акварели. Таким образом, остальные 6 «нумеровъ» — это материалы, которые предстояло искать в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Первой находкой стало письмо Батюшкова к его внучатой племяннице Анне Григорьевне Гревенс¹⁰ от 24 ноября <1850—1853>, хранящееся в архиве «Русской Старины».¹¹ Письмо оказалось копией, на нем нашлась и знакомая надпись «Собственность слепца Г. И. Ширяева», впрочем, зачеркнутая карандашом.

В этом же архиве были обнаружены еще 4 номера с той же надписью, зачеркнутой карандашом: 1. Стихотворение Батюшкова «Певец в беседе Славянороссов» (1813) (копия);¹² 2. Стихотворение Батюшко-

⁹ О рисунках Батюшкова см.: Кошелев В. А. О рисунках Батюшкова // Рисунки писателей: Сборник научных статей. СПб., 2000. С. 160—178; Монахова Е. Н. «Стихотворения для глаза»: К вопросу о рисунках К. Н. Батюшкова из собрания Литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН // Константин Батюшков: Эпоха. Поэзия. Судьба: В 2 кн. Кн. 1: Исследования и материалы. Вологда, 2008. С. 139—148.

¹⁰ Гревенс Анна Григорьевна (в замуж. Ивановна; 1834—?) — старшая дочь Г. А. и Е. П. Гревенсов. Была дружна с Батюшковым, состояла с ним в переписке. Выйдя замуж, жила в Пинском уезде Минской губернии.

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 145. Во II т. «Сочинений» К. Н. Батюшкова (М., 1989) напечатано по автографу ИРЛИ с указанием публикации в «Русской Старине» (1883. Т. 39. Вып. 7—9. С. 552).

¹² РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 140. В I т. «Сочинений» К. Н. Батюшкова (М., 1989) напечатано по «оленинскому» списку из собрания ГПБ. Указание на копию, находящуюся в РО ИРЛИ, в комментарии отсутствует.

ва «Подражание Горацию» (1852) на русском и французском языках и замечание Батюшкова на басню Крылова «Крестьяне и Река» от 24 апреля 1852 г.» (копия);¹³ 3. Письмо К. Н. Батюшкова П. И Белецкому от 28 сентября 1853 г. (автограф);¹⁴ 4. П. Г. Гревениц, К. Н. Батюшков. Биографический очерк (автограф).¹⁵

Материалы были опубликованы в сентябрьском номере журнала за 1883 г.,¹⁶ впрочем, без указания владельца. По какой-то причине его имя редакция решила не указывать, поэтому надпись о владельце и была зачеркнута.

Сопоставление публикации с подлинными рукописями оказалось весьма интересным.

Опираясь на записку, цитированную нами ранее, редакция поместила рукописные материалы под номерами I—VI. При этом из списка был исключен биографический очерк о Батюшкове, который предваряет публикацию. В то же время стихи «Подражание Горацию», французский текст стихотворения и замечание Батюшкова на басню Крылова были разделены на три номера (I, II, III). Сюда же за номером V помещено стихотворение Батюшкова «Надпись к портрету графа Буксгевдена Шведского и Финского...»,¹⁷ на котором надпись о владельце отсутствует. При этом стихотворение «Певец в беседе Славянороссов» из публикации было исключено, возможно, в связи с тем, что было опубликовано еще при жизни автора.

Интересно, что в 1855 г. директор училищ Вологодской губернии Александр Сергеевич Власов в своих заметках «Подробные сведения о последних днях Константина Николаевича Батюшкова»,¹⁸ описывает

¹³ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 141. В I т. «Сочинений» К. Н. Батюшкова (М., 1989) напечатано «Подражание Горацию» по публикации в «Русской Старине» (1883. Т. 39. Вып. 7—9. С. 552) без указания на копию в РО ИРЛИ. Замечание Батюшкова на басню Крылова «Крестьяне и Река» опубликовано в «Русской Старине» (1883. Т. 39. Вып. 7—9. С. 552).

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 144. Во II т. «Сочинений» К. Н. Батюшкова (М., 1989) напечатано по автографу ИРЛИ с указанием публикации в «Русской Старине» (1883. Т. 39. Вып. 7—9. С. 552).

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 146, л. 1—6. Опубликован в «Русской Старине» (1883. Т. 39. Вып. 7—9. С. 551—552).

¹⁶ Русская Старина. 1883. Т. 39. Вып. 7—9. С. 551—553.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 139.

¹⁸ Заметки были приложены к письму, адресованному начальнику Власова А. Е. Кисловскому — вице-директору департамента народного просвещения, просьбу которого, собственно, Власов и исполнил. По предположению В. А. Кошелева, инициатором записок был П. А. Вяземский, который в 1855 г. занимался сбором материалов о Батюшкове. Как начальник Кисловского (Вяземский был товарищем министра народного просвещения), он и дал поручение своему подчиненному. См.: Власов А. С. Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде (Публикация В. А. Кошелева) // Новиков Н. Н. К. Н. Батюшков под гнетом душевной болезни: Историко-литературный психологический очерк. Арзамас, 2005. С. 276—294 (далее: Власов А. С.). Впервые были опубликованы: Латыпова Т. Л. Подробные сведения

и цитирует виденные им в доме Григория Абрамовича Гревенса автографы Батюшкова. Два автографа, описанные Власовым, представлены в материалах, находившихся в собственности Ширияева в копиях. Среди них: стихотворение «Подражание Горацию», написанное «по просьбе <...> племянницы для ее альбома, на золотообрезном голубом листочке» с указанием даты «1852 г.», и написанный карандашом перевод этих стихов на французский «на простом полулисте бумаги».¹⁹ Также Власову удалось познакомиться и с замечанием Батюшкова на басню Крылова «Крестьяне и река», текст которого он также приводит.²⁰

Комплекс батюшковских материалов, опубликованных в «Русской Старине», предваряет очерк внучатого племянника поэта Петра Григорьевича Гревенса²¹ «Константин Николаевич Батюшков в 1853 г.», написанный в ноябре 1853 г. Любопытно, что в примечании редакции к рассказу Гревенса о любви Батюшкова к рисованию мы находим описание рисунков поэта, хранящихся в музее и входящих вместе с портретом поэта в те «9 Нумеров», которые принадлежали слепцу Ширияеву. «Пред нами два таких рисунка сумасшедшего К. Н. Батюшкова: ландшафт, покрытый общим зеленым цветом (имеется в виду рисунок в круге — ред.), и портрет Наполеона I: император стоит в треуголке и покуривает трубочку “носогрейку”». ²² Следует отметить, что в письме Батюшкова Белецкому поэт благодарит своего адресата за присылку портрета Наполеона. Вполне вероятно, что поэт мог при прощании по-

о последних днях Константина Николаевича Батюшкова // Наше наследие. 2002. № 61. С. 67–71.

¹⁹ Власов А. С. С. 282–283. По-видимому, племянницей Власов называет жену племянника поэта Елизавету Петровну Гревенс, урожд. Брянчанинову (1812 — после 1887). Стихи упомянуты в письме Батюшкова к А. Г. Гревенс от 8 июля <1849 г.> и подтверждают, что адресатом стихотворения могла быть именно Елизавета Петровна: «Прошу Елисавету Петровну не показывать моих новых стихов “Подражание Горацию” Александру Петровичу Брянчанинову <...>». (Батюшков К. Н. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 587–588). Некоторые исследователи адресатом стихотворения называют внучатых племянниц Батюшкова. Так, В. А. Кошелев относит его к Александре Григорьевне Гревенс (Там же. С. 484), а А. Ю. Сергеева-Клятис — к Елизавете Григорьевне Гревенс (Сергеева-Клятис А. Ю. Батюшков. М., 2001. С. 133–134). Трудно себе представить, что какую-либо из внучатых племянниц Батюшков мог бы назвать в стихотворении «сестрицей», в то же время так он вполне мог обращаться к Елизавете Петровне, к которой относился с почтением и любовью.

²⁰ Власов А. С. С. 283.

²¹ Петр Григорьевич Гревенс (1831–1866) — старший сын Г. А. и Е. П. Гревенсов. В 1852 г. закончил С.-Петербургский университет со степенью кандидата. Служил в Вологде. В 1860-х гг. был предводителем дворянства Вологодского уезда. 17 ноября 1866 г. покончил жизнь самоубийством из-за растраты казенных денег. За архивную справку о дате рождения Гревенса приношу свою благодарность исследовательнице из Вологды И. В. Чекаловой.

²² Русская Старина. 1883. Т. 39. Вып. 7–9. С. 550.

дарить своему корреспонденту рисунок, изображающий Наполеона, а тот прислал ему гравюру или литографию с его портретом. Напомню, что в стихотворении «Подражание Горацию» упомянут и «наш друг Наполеон». Так образ врага с годами трансформировался в сознании поэта в образ героя и даже «друга».

Заметим, что в примечании не упомянут акварельный портрет Батюшкова. Дело в том, что на момент публикации батюшковских материалов этот иконографический тип был никому, кроме близких, неизвестен. Таким образом, авторы публикации, по-видимому, даже не предполагали, кто на нем изображен. Мы уже знаем, что только в 1891 г. в журнале «Исторический Вестник» была опубликована гравюра В. В. Матэ, выполненная с живописного портрета, восходящего к акварельному эскизу, принадлежавшему Ширяеву.

Автограф очерка о Батюшкове из собрания «Русской Старины» имеет интересующую нас надпись «Собственность слепца Г. И. Ширяева», также зачеркнутую.²³ На последней странице рукописи помещено не публиковавшееся ранее письмо Петра Гревенса, в котором он обращается к некоему Петру Ивановичу. Приводим это письмо с некоторыми сокращениями:

«Вот и все, что я мог собрать, мой добрейший Петр Иванович, и, хотя давно бы должен вам отправить статейку, но виноват, замедлил по разным причинам. Письмо ваше <...> получил и тогда же затеял писать, но много было разных хлопот, которые до сей минуты лишали меня удовольствия побеседовать с вами. Слышал, что Вы <...> довольно дурные подаете о себе вести, неужели до сих пор ничего нет и не предвидится?²⁴ Сделайте милость, Петр Иванович, зайдите в магазин Смирдина, узнайте о книгах, которые мы желаем иметь от него, скоро ли он вышлет, и, кроме того, по прилагаемой квитанции справьтесь, отчего из магазина до сих пор не высылают нам и тех книг, на которые мы послали 12 руб. сереб. Прилагаю при этом письмо Конст. Никол. И прошу вас дополнить конец моей статьи, ибо хвалить себя нельзя. Отец мой два дня как воротился из вояжа и потому вам не пишет. Прощайте, обнимаю Вас. Пишите скорее и побольше к преданному вам Гревенцу».²⁵

Поскольку в тексте упомянуто письмо К. Н. Батюшкова, пересылаемое корреспонденту Петра Гревенса, то без сомнения Петр Иванович — это Петр Иванович Белецкий, последний адресат поэта. Именно ему писал письмо и молодой Гревенс. Возможно, Белецкому принадлежала и идея написания и издания этого биографического очерка, которое по каким-то причинам тогда не было осуществлено.

Сведений о Белецком в комментариях к письму во 2-м томе «Сочинений» К. Н. Батюшкова (М., 1989) не оказалось.

²³ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 146. На л. 1 справа надпись карандашом: «Получено 3 декабря 1853 г.».

²⁴ Скорее всего речь идет о трудностях с устройством на службу.

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 146, л. 6 об.

Тем не менее, личность этого человека довольно примечательна. Петр Иванович Белецкий (1819—1870) — выпускник юридического факультета Петербургского университета (1843), служил преподавателем истории во 2-м и 1-м Кадетских корпусах. 23 апреля 1849 г. по доносу агента полиции П. Антонелли был необоснованно привлечен к следствию по делу М. В. Петрашевского. 10 июля после двух с лишним месяцев пребывания в крепости Белецкий был освобожден из-под стражи с отдачей под секретный надзор и запрещением преподавать, но 17 июля был вновь арестован за оскорбление своего доносчика, которого случайно встретил на улице. В «Записках для сведения», веденных шефом жандармов Л. В. Дубельтом в 1849 г. во время следствия по делу петрашевцев, он так описывает историю с высылкой Белецкого: «По докладу об этом г<осподину> военному министру (А. И. Чернышеву — ред.) Его Сиятельство, принимая во внимание, с одной стороны, что *Белецкий* не восчувствовал сделанного ему взыскания и не смягчил строптивного своего характера, а с другой, что нанесенное им оскорбление относится до самого полезного агента, которого правительство должно защищать, признал необходимым окончить это дело административно и уже сделал распоряжение к высылке *Белецкого* в Вологду под строжайший надзор полиции».²⁶ Любопытно, что на полях дневника Дубельта рукою Николая I написано карандашом: «Туда и дорога».²⁷ Так 22 июля 1849 г. Белецкий был сослан в Вологду.

В апреле 1853 г. он был прощен и вернулся в Петербург, но запрещение преподавать оставалось в силе до ноября 1859 г. В Вологде Белецкий, лишенный возможности служить по специальности, без средств и дружеского участия оказался в чрезвычайно стесненных и унижительных обстоятельствах. К счастью, в начале 1852 г. он обрел неожиданного покровителя в лице вологодского помещика Ивана Николаевича Эндаурова,²⁸ который, по-видимому, и познакомил Белецкого с семьей Гревенсов.

Письмо Петра Гревенса к Белецкому свидетельствует о доверительных отношениях, которые установились у бывшего ссыльного с родственным кругом Батюшкова. Именно Белецкому было адресовано последнее письмо больного Константина Николаевича — и это несомненный знак симпатии и доверия, которые, обычно недоверчивый, поэт питал к своему адресату. Можно себе представить, какие чувства

²⁶ Дубельт Л. В. Записки для сведения. 1849 // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Новая серия. Т. MMIV. М., 2005. С. 218.

²⁷ Там же.

²⁸ См. письмо П. И. Белецкого нач. Штаба военных учебных заведения ген. Я. И. Ростовцеву от 12 янв. 1852 г. // ОР РНБ, ф. 1160, № 207, л. 68—69. Иван Николаевич Эндауров — полковник, владелец имения Братково Вологодской губернии, состоятельный помещик и предприниматель. Род Эндауровых был вписан в 6-ю и 2-ю части родословных книг Вологодской и Смоленской губерний.

испытывал ссыльный по отношению к живой легенде, каким для него являлся Батюшков, сохранивший, несмотря на болезнь, прекрасную память и блестящую эрудицию. Из письма молодого Гревенса мы узнаем, что Белецкий состоял в переписке с его отцом и опекуном Батюшкова Григорием Абрамовичем Гревенсом. И, судя по всему, особенно близкие отношения его связывали с Петром Гревенсом, приехавшим в Вологду в 1852 г. после окончания Петербургского университета. Бывший учитель истории был для молодого кандидата авторитетом, которому он доверил публикацию своего очерка. Следует отметить, что кроме двух автографов, несомненно, принадлежавших Белецкому к концу 1853 г., у него же могли находиться и копии остальных батюшковских автографов как памятный подарок другу от семейства Гревенсов.

Позволю также высказать предположение о рисунках Батюшкова из этого собрания. Известно, что поэт охотно дарил рисунки людям, к которым имел сердечное расположение. К таким лицам можно без преувеличения отнести и Белецкого.

Издание очерка «Константин Николаевич Батюшков в 1853 году» при его жизни так и не состоялось. После кончины поэта Гревенс сделал публикацию «Несколько заметок о К. Н. Батюшкове» в «Вологодских губернских ведомостях»,²⁹ возможно, использовав частично свой старый текст.

Нам достоверно известно только то, что уникальные батюшковские материалы оказались в собственности слепца Г. И. Ширяева.

До сего времени личность владельца этих реликвий почти не привлекала внимания исследователей, а она заслуживает особого рассказа.

На могиле Ширяева на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в С.-Петербурге установлен памятник, объясняющий всю его жизнь и служение. На надгробном памятнике выбита надпись: «Дивный слѣпецъ одиноко странствовавший по святымъ мѣстамъ Россіи и Востока съ 1834 по 1845 годъ / Письма Святогорца святой горы Аѳонской», на памятной плите: «Достопамятному слѣпцу Григорию Ивановичу Ширяеву усерднѣйшему подвижнику прославленія памяти святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Мефодія. Род 28 сент. 1822 г. Сконч. 3 мая 1875 г.».

В настоящее время имя этого человека практически забыто, хотя он несомненно оставил свой след в истории Русской церкви. Ему посвящена статья Е. Ястребцова в «Русском биографическом словаре».³⁰ Обширный биографический очерк «Рассказ о слепце Григории Ширяеве»

²⁹ Вологодские губернские ведомости. 1855. 15 окт. (№ 42). С. 353–356; 22 окт. (№ 43). С. 361–363.

³⁰ Ястребцов Е. Ширяев Григорий Иванович // РБС. Т. Шебанов-Шютц. СПб., 1911. С. 306–307.

И. К. Яхонтова³¹ был опубликован в шести номерах журнала «Духовная Беседа» за 1875 и 1876 гг.³²

Странник, духовный писатель, издатель, действительный член Императорского Вольного экономического и Миссионерского обществ Григорий Иванович Ширияев (1822, по некоторым сведениям 1817—1875) родился в селе Борисове Камышловского уезда Пермской губернии в зажиточной крестьянской семье, но в возрасте девяти лет, заболев оспой, лишился зрения. К счастью, крестный отец Григория, местный священник, принял в нем участие: мальчик жил у него, постоянно посещал церковь. Обладая прекрасной памятью, юный слепец знал службы наизусть и мог даже выступать в роли чтеца на богослужениях. Этот опыт развил и его проповеднический дар, который он неоднократно применял впоследствии, в том числе и в своих сочинениях. В тридцать лет при материальной поддержке деда отправился по Святым местам. До четырнадцати лет у него были попутчики, а потом он начал ходить один, снарядившись по обычаю паломников посохом, котомкой, кружкой у пояса.

Таким образом Ширияев побывал в Казани, Костроме, Владимире, Свяжске, Нижнем Новгороде, Ростове, Воронеже, Одессе, Киеве и в Соловецком монастыре. Позднее посетил Константинополь, Иерусалим, Александрию, горы Синай и Афон и другие Святые места, а через несколько лет повторил свое путешествие. По словам протоиерея И. Яхонтова, «он побывал и в древлславянском Солуне, — и здесь, где некогда св. Павел проповедовал Христа иудеям и язычникам, где увидели свет славянские равноапостолы Кирилл и Мефодий, дерзновенно обличал поклонников лжепророка (т. е. магометан — ред.)».³³ По возвращении из своего второго путешествия в 1846 г. слепец был принят митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым).

Позднее Григорий Ширияев занялся издательской деятельностью. Первое осуществленное им издание — «Описание Спасского монастыря, находящегося в уездном городе Орлове Вятской губернии» (1848). Одна из самых известных книг, изданных на средства Ширияева —

³¹ Яхонтов Иван (Иоанн) Константинович (1819—1888) — протоиерей, проповедник, духовный писатель, магистр Санкт-Петербургской духовной академии, гл. редактор журнала «Духовная Беседа». С 1856 по 1874 г. настоятель Церкви Воздвижения Креста Господня (Ямской) (ныне Крестовоздвиженский казачий собор) в С.-Петербурге, с 1874 г. настоятель Никольского морского собора. Биографический очерк о Ширияеве свидетельствует о близком знакомстве автора со своим героем. Ему же принадлежало надгробное слово, произнесенное при отпевании Григория Ширияева (см.: Яхонтов И. К., *прот.* Слово при погребении слепца Григория Ивановича Ширияева // Странник. 1875. Т. 2, № 5. С. 141—142).

³² Яхонтов И. Рассказ о слепце Григории Ширияеве // Духовная Беседа. 1875. № 20. С. 311—320; № 26. С. 402—405; 1876. № 37. С. 241—250; № 38. С. 280—287; № 40. С. 331—335; № 41. С. 354—356.

³³ Яхонтов И. К., *прот.* Слово при погребении слепца Григория Ивановича Ширияева // Странник. 1875. Т. 2, № 5. С. 141—142.

«Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской» (1850), написанные афонским иеромонахом Серафимом (Веснинным),³⁴ с которым слепец познакомился во время своего паломничества на Афон. Успех «писем» у публики был исключительный. Многие периодические издания откликнулись на их выход из печати: рецензии появились в «Северной Пчеле», «Москвитянине», «Отечественных Записках», «Санкт-Петербургских Ведомостях» и т. д. Впрочем, Ширяеву пришлось перенести и много огорчений с их публикацией, которой препятствовала духовная цензура. В тексте первого издания слепец упоминается почти в каждой главе и становится одним из героев повествования, довольно подробно изложена и его биография.³⁵ По словам его биографа, по возвращении из-за границы, и особенно после издания «Писем Святогорца», «Григорий Иванович ласково был принят в кругу духовного и светского образованного общества».³⁶ Среди его покровителей — выдающийся пастырь архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий,³⁷ кн. Анастасия Николаевна Урусова, в имени которой Подклинье Порховского уезда Псковской губернии часто останавливался слепец,³⁸ и др. В 1850 г. в Москве вместе с Веснинным Григорий Иванович побывал у Николая Васильевича Гоголя.³⁹

Среди оригинальных сочинений слепца «Вечерние рассказы странника на родине о том, каким путем и как добраться до святого града Иерусалима» (1859), предназначенные для народного чтения, были высоко оценены критиками и выдержали 3 издания.

³⁴ *Веснин Семен Авдиевич*, в малой схиме *Серафим* (1814—1853) — иеромонах Русской православной церкви, путешественник по Святым местам. Из семьи священника. По окончании Вятской духовной семинарии стал священником, но после смерти жены постригся в монашество с именем Серафим. Известен как путешественник и автор многих сочинений о Святых местах, писавший под именем «святогорца». На Афоне принял схиму с именем Сергей. Состоял в переписке с архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием (Борисовым).

³⁵ Удивительно, что упоминание о Ширяеве практически исключено из всех последующих изданий «Писем».

³⁶ *Яхонтов И.* Рассказ о слепце Григории Ширяеве // *Духовная Беседа*. 1875. № 26. С. 404.

³⁷ *Иннокентий* (в миру *Борисов Иван Алексеевич*; 1800—1857) — с 24 февр. 1848 г. архиепископ Херсонский и Таврический. Член Российской академии (1836). Член Святейшего синода с 26 авг. 1856 г. Знаменитый проповедник. В архиве архиепископа Иннокентия сохранилось 7 писем Ширяева к нему за разные годы (РО РНБ, ф. 313, № 37, 39—44).

³⁸ *Урусова Анастасия Николаевна* (*урожд. Бороздина*), кн. (1809—1877) — дочь Николая Михайловича и Елизаветы Алексеевны Бороздиных. Фрейлина имп. двора. С 1834 г. жена кн. Николая Александровича Урусова (1808—1843), поручика л.-гв. Измайловского полка, адъютанта вел. кн. Михаила Павловича. Обладала прекрасным голосом. По словам современников, ее голосом восхищалась итальянская певица А. Каталани.

³⁹ Об этом см. в письме А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 28 июня 1850 г.: РГАЛИ, ф. 10, оп. 3, № 164, л. 2.

Деятельность Ширияева по восстановлению памяти и прославлению основателей славянской письменности свв. Кирилла и Мефодия занимает особое место в его биографии.⁴⁰ Празднование тысячелетия России в 1862 г. практически совпало с тысячелетием славянской азбуки, которое должно было отмечаться через год. К этим датам и были изданы Ширияевым следующие сочинения: «Изображение святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия с кратким жизнеописанием их» (СПб., 1862), «Краткое житие просветителей славян, святителей Христовых святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» (СПб., 1864) «Проповеднические подвиги апостолов славянских святых Кирилла и Мефодия» (СПб., 1866). Комментируя последнее издание, автор статьи о Ширияеве в «Русском биографическом словаре» называет его роскошным, отмечая икону свв. Кирилла и Мефодия, отпечатанную хромолитографическим способом на холсте, наклеенном на деревянную рамку.⁴¹ По-видимому, судьба этого издания не удовлетворяла Ширияева, который писал М. П. Погодину: «Новому моему изданию мало здесь сочувствия, и из журнальных критик вообще видно, что цель издания не понята. Но удивительнее всего для меня невнимательность гг. Аксакова и Каткова, которые как истинные Русские патриоты должны бы понять современную пользу труда моего».⁴²

Особое значение Ширияев придавал распространению жития свв. Кирилла и Мефодия среди славян-иноверцев, утративших православную веру не по своей воле. Для этой цели было написано «Братское приветствие русского слепца Григория Ширияева близким сердцу единоплеменникам славянам» (СПб., 1864), распространявшееся не только в России, но в славянских землях. По свидетельству Ширияева, было разослано в славянские земли тайными путями 20 000 экз. этого сочинения.

К сожалению, биография Ширияева не дает нам ответа на вопрос, как в его распоряжении оказались батюшковские материалы. Также неизвестна и судьба его архива.

Были ли знакомы Белецкий и Ширияев, также неизвестно. Возможно, имея большой издательский опыт и связи, Ширияев по чьей-то просьбе взял на себя обязательство эти материалы издать. Но, как мы знаем, произошло это через тринадцать лет после смерти Белецкого и через восемь лет после смерти Ширияева.

Выдержкой из очерка Петра Гревенса «Константин Николаевич Батюшков в 1853 г.» нам бы хотелось закончить рассказ о батюшковских материалах, принадлежавших слепцу Ширияеву, и их непростой судьбе:

⁴⁰ Возможно, стараниями Ширияева в 1872 г. под сводами колокольни Кресто-воздвиженского храма была устроена церковь свв. Кирилла и Мефодия.

⁴¹ *Ястребов Е.* Ширияев Григорий Иванович // РБС. Т. Шебанов-Шютц. СПб., 1911. С. 307.

⁴² Письмо Г. И. Ширияева М. П. Погодину от 4 марта 1867 г. // РГИА, ф. 1108, оп. 1, д. 297, л. 1–2.

«Конечно, в Батюшкове не осталось ничего от прежнего его поэтического таланта, но, неизменный в любви своей к природе, он и теперь не перестает ею жить. Главное его занятие составляет живопись. Рисует он цветы с натуры, но иногда выходят из-под его кисти и пейзажи, впрочем, что-то печальное составляет характер его рисунка. Луна, крест и лошадь составляют непременную принадлежность его ландшафта. Иногда вспоминает он о друзьях и чаще других о Карамзине и Жуковском. <...> При моральном потрясении К. Н. сохранил замечательную память, так иногда он наизусть читает целые тирады Корнеля, Тасса или нашего Державина. Зрение, впрочем, начало ему изменять, и он употребляет очки, но и то года с три (ему теперь — в 1853 г. — 67 лет). Из своих походов он чаще всего говорит о финляндском и о кампании 1814 года, а из сражений — о Гейльсберге, где был ранен в ногу, и о Лейпциге, где потерял друга своего Петина».⁴³

Библиографический список

1. *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989.
2. *Власов А. С.* Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде (Публикация В. А. Кошелева) // *Новиков Н. Н.* К. Н. Батюшков под гнетом душевной болезни: Историко-литературный психологический очерк. Арзамас, 2005. С. 276—294.
3. *Дубельт Л. В.* Записки для сведения. 1849 // *Российский Архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.* Новая серия. Т. MMIV. М., 2005. С. 218.
4. Б. п. К портрету поэта К. Н. Батюшкова // *Исторический Вестник.* 1891. № 6. С. 773.
5. *Лазарчук Р. М.* К. Н. Батюшков и Вологодский край: Из архивных разысканий. Череповец, 2007.
6. *Монахова Е. Н.* «Стихотворения для глаза»: К вопросу о рисунках К. Н. Батюшкова из собрания Литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН // *Константин Батюшков: Эпоха. Поэзия. Судьба: В 2 кн. Кн. 1: Исследования и материалы.* Вологда, 2008. С. 139—148.
7. *Русская Старина.* 1883. Т. 39. Вып. 7—9. С. 550—553.
8. *Серафим (Веснин), иеромонах.* Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. М., 1850.
9. *Шевырев С. П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850. Ч. I. С. 112—113.
10. *Яхонтов И.* Рассказ о слепце Григории Ширяеве // *Духовная Беседа.* 1875. № 20. С. 311—320; № 26. С. 402—405; 1876. № 37. С. 241—250; № 38. С. 280—287; № 40. С. 331—335; № 41. С. 354—356. 1.

⁴³ *Русская Старина.* 1883. Т. 39. Вып. 7—9. С. 550. *Петин Иван Александрович* (1789—1813) — близкий друг Батюшкова, выпускник Московского благородного пансиона. Учился в Пажеском корпусе. Мечтал о военной карьере, участвовал в «Военном Журнале».

А. В. Сысоева

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА: ПРОПАГАНДА И ТВОРЧЕСТВО*

Аннотация: Специфика Литературного объединения Красной армии и флота состоит в том, что в нем соединились пропаганда и творчество, оно сочетало в себе черты государственного проекта и собственно литературной организации. Военная тематика отвечала опыту и мировосприятию членов объединения, а их произведения нельзя считать исключительно пропагандистскими текстами, могущими быть лишь предметом изучения военного историка. Объединение являлось частью творческой биографии каждого своего члена и как литературная организация должно стать предметом исследования историка литературы. Документы объединения дают богатый материал для изучения в русле разных гуманитарных наук, могут лечь в основу междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ), история военной пропаганды, история литературной организации, пропаганда и творчество

Abstract: The specifics of Literary Association of the Red Army and Navy consists in connection of propaganda and creativity, in combining the features of the state project and the literary organization. The military subject corresponded experience and worldview of LARAN members, and it is impossible to consider their works to be exclusively propaganda texts and a subject of studying only for the military historian. Association was a part of the creative biography of each member and has to become an object of research of the historian of literature as the literary organization. The activity of the organization could be addressed by different branches of humanities or interdisciplinary.

Keywords: Literary Association of the Red Army and Navy (LARAN), history of military propaganda, history of the literary organization, propaganda and creativity

В Рукописном отделе Института русской литературы хранится фонд Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ). Документы фонда относятся к деятельности Ленинградско-Балтий-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00104 «Задача писателя – укрепление обороноспособности страны»: институализация военной литературы в Ленинградско-Балтийском отделении Литературного объединения Красной армии и флота»), ИРЛИ РАН.

ского отделения (ЛБО) организации. География отделений была широкой: они были образованы в Белоруссии, на Украине, Дальнем Востоке, Кавказе и в других военных округах. Объединение было сформировано 29 июля 1930 г. на собрании писателей в Москве. В Центральный совет входили в том числе писатели и теоретики из Ленинграда (Вс. Вишневский, Н. Свиринов и др.), активно участвовавшие в создании организации. Уже 15 августа было проведено учредительное собрание ЛБО. О значительной роли в структуре организации отделения с более чем 100 членами говорит наличие собственного печатного органа, ежемесячника «Залп».

Цель объединения была обозначена в уставе как «пропаганда в художественной форме задач обороны страны».¹ То есть речь шла об интересах государства, а не о творческих задачах; объединение не имело собственной творческой платформы, было подконтрольно политическому управлению армии (о чем свидетельствуют, в частности, переписка организации с политуправлением, помета рукой Вс. Вишневского на плане военизации писателей о том, что он «составлен в точном соответствии директиве отд<ела> печати ПУР'а»² и др.). Таким образом, документы объединения представляют интерес для историка, занимающегося вопросами военной пропаганды. Организация может рассматриваться как инструмент пропаганды, реализовывавший одновременно агитацию среди писателей, которых призывали обращаться к военной тематике, и среди читателей, которые получали результат творчества членов объединения через журналы «Залп» и «ЛОКАФ», альманахи, специальные серии книг.

Именно эта особенность объединения — прямая связь с государством через армию — и выведена на первый план в работах современных исследователей об организации. Е. Добренко, ведя речь о ЛОКАФе, обращает внимание на то, как с помощью объединения создавался «институт государственной литературы»;³ естественным следствием такого взгляда являются акценты, расставленные при рассмотрении творчества членов объединения: в первую очередь исследователя интересуют штампы как признак «дискурса власти на уровне высказывания».⁴ З. С. Закружная и Д. С. Московская в статье, основанной на материалах фонда ЛОКАФ, хранящегося в ОР ИМЛИ, сфокусировали

¹ Временный устав Литературного объединения Красной Армии и Флота // ОР ИМЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 135, л. 1.

² Планы работы Ленинградско-Балтийского отделения ЛОКАФ по военной подготовке писателей // РГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, № 3807, л. 12.

³ Добренко Е. Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон: сб. ст. / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 227.

⁴ Добренко Е. «Каждому хочется что-то творить...» // Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 165.

внимание на институциональном статусе организации, который обеспечивал преимущества ее членам.⁵

Можно было бы предположить, что организация, созданная силами, лежавшими вне литературного процесса, оказалась образованием искусственным и нежизнеспособным. Однако за 2 года существования одним Ленинградско-Балтийским отделением было издано более 30 книг, и это были не только произведения малых форм, но и романы. В театрах (Малом драматическом, Музкомедии и др.) ставились спектакли по сценариям членов отделения, вышло 2 кинофильма. Отделение сотрудничало в том числе с Институтом русской литературы, где была образована секция по изучению проблем войны и армии в художественной литературе. После Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» начатая в организации деятельность не прекратилась. Так, ежемесячник «Залп» выходил в свет еще в 1933 и 1934 гг.; журнал «ЛОКАФ» был переименован, под названием «Знамя» он существует до сих пор, за это время, конечно, изменив тематику и политическую платформу.

Одновременно с подчеркиванием государственной поддержки объединения, рассмотрением организации как инструмента военной пропаганды возможна потеря целого пласта деятельности ЛОКАФ. Характерно, что в положениях, выносимых на защиту в первом развернутом исследовании, посвященном истории объединения, диссертации З. С. Закружной, оказалось следующее: «ЛОКАФ — единственное литературное объединение, реализовавшее установку на принципиальный непрофессионализм литератора — критика и писателя»,⁶ при этом ни одно из положений не связано с работой с профессиональными писателями.

В программной статье Н. Свирина, заведующего критическим сектором ЛБО, созданной на основе речи, прочитанной им на учредительном собрании отделения, говорится о двух основных направлениях работы организации, и это не только призыв ударников в литературу, но и военизация профессиональных писателей.⁷ Начиная писатели, красноармейцы и краснофлотцы, не становились сразу членами объединения, им предлагали роль слушателей литературных кружков. Организация в основе своей состояла из профессиональных писателей. Будучи членами ЛОКАФ или по заказу объединения, свои произведения издавали Н. Л. Браун, Вс. В. Вишневский, В. П. Ганибесов,

⁵ Закружная З. С., Московская Д. С. Институциональное измерение советской литературы. К истории забытого литературного объединения ЛОКАФ // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 15.

⁶ Закружная З. С. История Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) (по материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019. С. 7.

⁷ Свирин Н. Художественное слово на службу обороне // Залп. Четвертая очередь. Л., 1930. С. 7.

А. И. Гитович, А. М. Дмитриев, А. А. Исбах, Б. А. Лавренев, В. А. Луговской, П. Н. Лукницкий, А. А. Прокофьев, Л. С. Соболев, А. И. Тарасов-Родионов, Г. С. Фиш, С. П. Щипачев и мн. др. Так, Дмитриев выпустил повесть «Есть — вести корабль», Вишневский издал пьесу «Последний решительный» и начал работу над пьесой «Оптимистическая трагедия». Сектор военизации писателей ЛБО функционировал успешно, выполняя разные виды работ: 1) издание статей и выступление с докладами, которые подготавливали нужные настроения в творческой среде (в них шла речь о военной угрозе и гражданском долге каждого писателя, о необходимости подготовки к будущей войне, перечислялись темы, которые надо осветить); 2) организацию лекционного курса обучения, объединявшего идеологически верные взгляды на военный вопрос (курс сопровождался тренировками в стрельбе и выполнением творческих заданий); 3) проведение военно-писательской игры с практической творческой работой, которая оценивалась и комментировалась руководством; 4) отправку писателей в части, на корабли, на маневры, в лагерь.⁸

Важной особенностью объединения, благодаря которой ее члены работали не только из-за материальной выгоды и возможности опубликовать свои произведения, стало то, что оно отвечало настроениям эпохи и было рассчитано на людей, многие из которых прошли войны начала XX в. и продолжали жить войной, у них зачастую отсутствовало ощущение безопасности и надежности мира. Так, тема войны не сходила со страниц дневника Вишневого, все события, в том числе связанные с творческой жизнью, он видел как битву и подавал с соответствующей лексикой («атака», «бой»⁹ и пр.). Страх военной угрозы нагнетался с помощью газет и радио, естественным образом писатели, как и остальные граждане, были ему подвержены. Страны-соседи воспринимались как потенциально враждебные. Все эти настроения ярко проявились в деятельности ЛОКАФ. Была военизирована лексика внутренней переписки, выступлений, критических статей (так, литература называлась «орудием подготовки новой войны <...> орудием обороны СССР», важной задачей была борьба с пацифизмом: «Боевая проблема сегодняшнего дня — гуманизм и пацифизм в художествен-

⁸ См. подробнее: *Сысоева А. В.* Военизаторские курсы 1931 года в Ленинграде как способ формирования советской оборонной литературы // Новое литературное обозрение. 2020. № 164. С. 123–134. Об особенностях организации военно-писательской игры и проверке творческих заданий см.: *Сысоева А. В.* Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями // Русская литература. 2019. № 4. С. 159–165.

⁹ *Вишневский Вс.* Записные книжки // Вишневский Вс. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1961. Т. 6 (дополнительный): Выступления и радиоречи. Записные книжки. Письма / Сост., подг. текстов и примеч. С. К. Вишневецкой; под ред. П. П. Вершигоры, С. К. Вишневецкой, И. С. Исакова, К. М. Симонова, А. К. Тарасенкова, А. П. Штейна. С. 188, 189.

ной литературе»¹⁰ и др.). Характерна реакция отделения на проект Дома советской литературы, универсального комплекса, в котором жилых пространств было меньше, чем общественных: в ответном письме подробно разъяснялось, почему ЛБО ЛОКАФ недостаточно выделенных комнат, сколько помещений и под какие нужды необходимы, второму же требованию уделен всего один абзац: «Проект положения совершенно не предусматривает постройки тира. Секретариат считает совершенно необходимым иметь при доме тир для стрельбы из мелкокалиберных винтовок примерно на 100 метров. Надобность в постройке тира доказывать не приходится: по-нашему, она очевидна сама собой».¹¹ В этом же ряду фактов, характеризующих настроения эпохи, находится полемика вокруг романа М. Слонимского «Лавровы». А. Бобунов в критической статье «За красноармейского писателя» обвинил автора в нечистоплотности из-за того, что он допустил в романе «Лавровы» ошибки в описании технических деталей чистки винтовки, на основании чего был сделан вывод о том, что он винтовку в руках не держал: «Правда, удивление берет, что взрослый человек в наше время не имеет представления о винтовке, но допустим, что Слонимский может не знать ее и никогда не видел даже, как она разряжается».¹² Такого Ленинградско-Балтийское отделение потерпеть не могло, в ответном письме, подписанном членами Президиума ЛБО ЛОКАФ, было сказано: «...обвинение в “нечистоплотности”, т. е. в изображении того, чего писатель якобы никогда “не видел”, — не что иное, как грубый и необоснованный наскок. К сведению Б. А., М. Слонимский — участник империалистической войны и винтовку видел не раз».¹³ Так что военная тематика для писателей-членов ЛОКАФ не была чем-то чуждым, навязанным, она отвечала их опыту и мировосприятию, а произведения периода их членства в ЛОКАФ нельзя считать исключительно пропагандистскими текстами, написанными по указанию извне и могущими быть лишь предметом изучения военного историка. Такой подход обесценивает целый пласт творчества писателей, драматургов, сценаристов и киноработников, составлявших значительную часть творческой среды тех городов и районов, в которых были открыты отделения организации. Их произведения этого периода привлекали внимание, становились предметом обсуждений и споров и влияли тем самым на творчество других авторов (в частности, получала противоположные оценки критики, неоднократно становилась предметом

¹⁰ Свирин Н. Г. Основные теоретические проблемы ЛОКАФ. С. 49, 50.

¹¹ ЛБО ЛОКАФ. Письмо в секретариат ФОСП от 10 октября 1931 г. // РО ИРЛИ, ф. 498 (ЛБО ЛОКАФ). Фонд находится в научно-технической обработке.

¹² Б. А. За красноармейского писателя // ЛОКАФ. 1931. № 8. С. 43.

¹³ Б. п. От редакции // ЛОКАФ. 1931. № 9. Сентябрь. С. 138. Процитировав обращение, редакция журнала заявила, что «солидаризуется с письмом президиума ЛБ ЛОКАФ и сообщает, что в оригинале статьи слова об “авторской нечистоплотности” были выброшены и появились в печати случайно» (там же).

творческих дискуссий пьеса Вишневого «Последний решительный», поставленная в ГосТиМе). ЛОКАФ был частью творческой биографии каждого своего члена и именно как литературная организация должен стать предметом исследования историка литературы.

Специфика ЛОКАФ состоит в том, что в нем соединились и пропаганда, и творчество, оно сочетало в себе черты государственного проекта и собственно литературной организации. Документы объединения дают богатый материал для изучения в русле разных гуманитарных наук, могут лечь в основу междисциплинарных исследований. В объединении произошла встреча интенций государства и личных стремлений его членов. Призыв власти нашел отклик в творческой среде, поскольку являлся органическим следствием настроений эпохи, одновременно их же продуцируя.

Библиографический список

1. *Добренко Е.* «Каждому хочется что-то творить...» // Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 161–171.
2. *Добренко Е.* Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон: сб. ст. / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 225–241.
3. *Закружная З. С.* История Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) (по материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019. 31 с.
4. *Закружная З. С., Московская Д. С.* Институциональное измерение советской литературы. К истории забытого литературного объединения ЛОКАФ // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 12–18.
5. *Сысоева А. В.* Военизаторские курсы 1931 года в Ленинграде как способ формирования советской оборонной литературы // Новое литературное обозрение. 2020. № 164. С. 123–134.
6. *Сысоева А. В.* Создание советской военной пропаганды в Ленинграде начала 1930-х годов: новый метод работы с писателями // Русская литература. 2019. № 4. С. 159–165.

А. Г. Носова

К БИОГРАФИИ ХУДОЖНИКА И. А. ВЛАДИМИРОВА

Аннотация: Жизнь и творчество известного художника-баталиста И. А. Владимиров достаточно изучены. Однако при подготовке к публикации нового документа, небольшого письма его к Л. Л. Толстому, которое дополняет его биографию, при знакомстве с опубликованными воспоминаниями художника и обращении к прессе того времени были обнаружены неизвестные и малоизвестные факты, позволяющие по-новому посмотреть на некоторые события творческой жизни художника. Это дает возможность уточнить его биографию, подлинность письма И. Е. Репина и сведения в изданиях, в которых публиковались воспоминания И. А. Владимиров и письмо И. Е. Репина к нему. В дополнение к биографии И. А. Владимиров впервые публикуются четыре его письма к И. Е. Репину, хранящиеся в Научном архиве Российской академии художеств.

Ключевые слова: И. А. Владимиров, реализм, революции 1905 г., 1917 г.; «нецензурные» картины, Л. Л. Толстой, выставка «Салон» С. К. Маковского, воспоминания, письмо И. Е. Репина, художественная и литературная мистификация, письма И. А. Владимиров к И. Е. Репину.

Abstract: The life and work of the famous battle painter I. A. Vladimirov are rather well studied. However, during the preparation for the publication of a new document, a small letter to L. L. Tolstoy, which complements his biography, upon an encounter with the artist's published memoirs and addressing to the press of that time, unknown and little-known facts were discovered, allowing a fresh look at some events of the artist's creative life. This makes it possible to clarify his biography, authenticity of the letter of I. E. Repin and information in the publications where the memoirs of I. A. Vladimirov and letter of I. E. Repin to him were published. In addition to biography of I. A. Vladimirov four his letters to I. E. Repin stored in the Scientific Archive of the Russian Academy of Arts are published for the first time.

Keywords: I. A. Vladimirov, realism, revolutions of 1905, 1917, unallowed paintings, L. L. Tolstoy, "Salon" exhibition of S. K. Makovsky, memoirs, letter by I. E. Repin, art and literature mystification, letters of I. A. Vladimirov to I. E. Repin.

В 2019 году исполняется 150 лет со дня рождения Ивана Алексеевича Владимиров, живописца, рисовальщика, заслуженного деятеля искусств РСФСР. Известен он как художник реалистической школы в живописи, баталист, автор цикла работ, посвященных Русско-японской войне, революции 1905 г., Первой мировой войне, документальных

зарисовок 1917—1918 гг.; археолог, художественный корреспондент, педагог, автор рассказов.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится автограф художника И. А. Владимирова, письмо его ко Льву Львовичу Толстому. Оно поступило в составе архива Л. Л. Толстого в 1922 г.

Иван Алексеевич Владимиров¹ родился в г. Вильно 23 (10) янв. 1869 г. Отец его, Алексей Порфирьевич Владимиров (Никольский), окончил Московскую духовную академию. Мать — англичанка, Екатерина Вагхорн, известная художница-акварелистка. Они поженились в Лондоне, в 1865 г., когда А. П. Владимиров находился там при русской миссии, затем он был направлен в Вильно для устройства Публичной библиотеки и музея древностей этого края. Здесь и прошло раннее детство маленького Джоника.

От матери он унаследовал хорошее знание английского и французского языков, любовь к рисованию, и родители поощряли эту склонность. Он очень много рисовал, с отцом посещал музей древностей, там хранились оружие и другие предметы старины, живописные произведения, которые произвели на него неизгладимые впечатления. Мальчик рано лишился матери, ему было всего четыре года, и отец много с ним занимался, поощрял его любовь к литературе, чтению; особенно любил он приключенческую литературу, которая пробудила в нем страсть к далеким путешествиям.

Когда Иван учился в железнодорожном училище, вместе со своим приятелем он поехал в Либаву, чтобы увидеть море, и случайно там встретил своего дядю по матери, Джона Вагхорна, капитана океанского парохода. С разрешения отца будущий художник отправляется в далекое плавание почти на целый год. Он посетил крупнейшие города Европы, Северной и Южной Америки, побывал в портах многих стран, в селениях Западной Африки, в Нью-Йорке.

В дальнейшей жизни у него будут две страсти: страсть к рисованию и страсть к путешествиям.

В 1888 г. И. А. Владимиров поступил в Виленскую рисовальную школу, которой руководил академик И. П. Трутнев.² Преподавание в школе велось по старым академическим правилам. По совету Трутнева будущий художник едет в Петербург поступать в Академию художеств. В 1891 г. его, как не имевшего полного образовательного ценза, при-

¹ При составлении краткой биографии И. А. Владимирова использовались изд.: Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь: В 6 т. М., 1970/1983. Т. 2. М., 1972. С. 298—299; *Роцин А. И.* Иван Алексеевич Владимиров. Жизнь и творчество. 1869—1947. Л., 1974 (далее: *Роцин А. И.* Иван Алексеевич Владимиров); *Баторевич Н. И.* Вся жизнь я служил России...: Жизнь и творчество художника И. А. Владимирова. СПб., 2013 (далее: *Баторевич Н. И.* Вся жизнь я служил России); *Баторевич Н. И.* Первая мировая война глазами художника. СПб., 2014.

² *Трутнев Иван Петрович* (1836—1912), живописец, педагог.

няли вольнослушателем в гипсо-головной класс. Здесь он стремился посвятить себя любимой батальной живописи и поступил в батальный класс Б. П. Виллевалде.³ Далее его учителями были А. Д. Кившенко⁴ и Ф. А. Рубо.⁵ В первый год обучения в Академии он получил малую серебряную медаль и в рисовальном классе был отмечен высшей наградой.

Чтобы стать действительным учеником Академии художеств, он уезжает в Одессу и поступает на общеобразовательные курсы при Одесской рисовальной школе и также занимается в ее художественных классах. Сдав экзамены по общеобразовательным предметам, получает две серебряные медали за живопись и рисунок и возвращается в Петербург в Академию художеств в батальную мастерскую в качестве действительного ученика.

В период пребывания в Одессе И. А. Владимиров много путешествовал по Крыму, из Керчи в Батум на небольшом парусном судне, пешком дошел до Тифлиса, прошел по Военно-Осетинской и Военно-Грузинской горным дорогам, делая в пути зарисовки и этюды.

В Академии художеств была выставлена его первая жанровая картина «У горного ручья», которую он написал под впечатлением от пребывания на Кавказе. Картина была приобретена прямо с выставки собирателем живописи К. Т. Солдатенковым. В течение 1891—1893 гг. он окончил рисовально-батальный и рисовально-натурный классы. В 1893 г. за композицию «Взятие турецкого редута» получил большую серебряную медаль и в том же году за картину «Перевязочный пункт во время Кавказской войны» — звание классного художника 2-й степени.

После окончания Академии И. А. Владимиров в 1894 г. для изучения военной жизни был зачислен в Одесское пехотное юнкерское училище и после его окончания снова поступает в батальный класс реформированной Академии для совершенствования мастерства. В 1897 г. за картину «Поражение кабардинцев на реке Малке» он получил звание классного художника 1-й степени. По окончании Академии работал в Париже в мастерской баталиста Э. Детайля. По возвращении из Парижа это был уже сложившийся художник, который по своим художественным взглядам был ближе всего к передвижникам. В эти годы было создано множество произведений передвижнического и жанрового характера: «На пожаре» (1894), «Белые ночи» (1896), «Благотворитель (На дровяном складе)» (1897), «Пара гнедых» (1898), «Горе крестьянина» (1902), «Изобретатель и капиталист» (1903), «Именины

³ Виллевалде Богдан (Готфрид) Павлович (1818/1819 — 1903), живописец, баталист, жанрист, портретист, пейзажист, педагог.

⁴ Кившенко Алексей Данилович (1851—1895), живописец, рисовальщик, акварелист, иллюстратор, педагог.

⁵ Рубо Франц Алексеевич (1856—1928), живописец, баталист, мастер панорамных композиций, педагог.

деда» (1904) — картина получила большую серебряную медаль на Международной выставке в Сан-Луи.⁶

В 1898 г. И. А. Владимиров женился на Марии Гавриловне Федоровой, она была дочерью мебельного мастера, и в 1899 г. переехал с ней в собственный дом на Большой Гребецкой улице. На строительство собственного дома художник в 1897 г. взял ссуду на 20 лет, которую выплатил в 1917 г. Он принимал участие и в проектировании, и в строительстве дома, сам следил за процессом его сооружения.

В 1900 г. в семье родилась дочь Екатерина, но через несколько месяцев ребенок умер. В 1902 г. родилась дочь Нина, затем Вера, Евгений, Зина, Елена. В 1911 г. — сын Иван. В доме всегда было много родственников и друзей.⁷

Чтобы вывезти свою маленькую дочь Нину в хвойные леса, как советовал доктор, в 1904 г. Иван Алексеевич приступил к постройке дачи в Келломяках (сейчас Комарово). Им был разработан проект, сам художник принимал в строительстве непосредственное участие, в доме была устроена и мастерская художника. В дальнейшем семья жила на даче с мая по октябрь. Владимиров много работал: «Он писал с природы зимой и летом, писал красоты золотой осени и прозрачную нежность весеннего леса, занесенные снегом поэтические места Келломяк, писал закаты и восходы солнца, всегда разное и красивое море, небо, засиживаясь за мольбертом летом до 9—10 часов вечера, начиная работу с 6—7 часов утра. Время за мольбертом было для папы лучшим отдыхом, он забывал все на свете, полностью отдаваясь искусству, живописи, преданный ей всей душой».⁸ На даче всегда было многолюдно, собирались друзья, родственники, знакомые. Играли в «крокет, серсо, горелки, лапту», на лошадях ездили в Куоккалу, Терриоки, купались в заливе, зимой катались на лыжах.

В 1913 г. по заказу Келломякского пожарного общества, в котором состоял И. А. Владимиров, был создан «План дачного района Келломяки Финляндской железной дороги».⁹ Это был кропотливый

⁶ Роцин А. И. Иван Алексеевич Владимиров. С. 7—20.

⁷ Баторевич Н. И. Всю жизнь я служил России. С. 35, 37, 39.

⁸ Там же. С. 44, 45, 48, 50—51.

⁹ См.: Баторевич Н. И. Всю жизнь я служил России. С. 350. О существовании этой карты сообщила Ирина Александровна Снеговая, филолог, краевед, директор музея «Келломяки-Комарово» в историко-литературном сборнике «Комарово-Келломяки. Статьи и воспоминания» (СПб., 2010. С. 49): «<...> Для истории Келломяк-Комарово эта карта бесценна: она не только дает представление о том, как выглядел поселок в то время, но на ней перечислены фамилии владельцев участков. Из нее явствует, что в Келломяках жили представители семейства знаменитого императорского ювелира Карла Фаберже, архитекторы Гавриил Барановский и Николай Никонов и многие другие.

Спустя 90 лет карта Владимирова вернулась туда, где была создана, и вот каким образом. В газете «Метро» была опубликована небольшая заметка о поселке. Газета случайно попала в руки внучки Владимирова, Натальи Игоревны Баторе-

труд, результатом которого стал документ, который до сегодняшних дней не потерял своего культурно-исторического значения.

После революции, «уже после того как участок в Келломяках и дом на Большой Гребенцкой в Петрограде были отобраны представителями советской власти, Иван Алексеевич ни разу не приехал в свой любимый дачный дом и сад, которые он с такой заботой создавал. Квартира, хотя и уменьшенная по площади, была оставлена художнику».¹⁰

В 1904 г. И. А. Владимиров приглашают работать художником-корреспондентом в журнал «Нива», где он приобретает навыки художественного репортажа. Художником-корреспондентом он работает во время землетрясения в Шемахе, в Китае во время восстания боксеров. Затем едет на Дальний Восток в Харбин, Мукден, Порт-Артур. В Манчжурии он принимает участие в сражениях. Делает с натуры зарисовки, наброски, этюды для будущих картин. За время пребывания в действующей армии было собрано большое количество материала, который нашел отражение в серии батальных картин, посвященных Русско-японской войне. Возвратившись в Петербург, в 1906 г. он устроил большую выставку своих работ (12 картин и 42 этюда). Среди них: «Орудие в опасности» (1905) и «Артиллерийский поединок» (1905) — обе удостоены премии имени А. И. Куинджи, «Вернулся с войны» (1905), «У колодца в Манчжурии» (1906) и др. Батальные полотна И. А. Владимиров были показаны на выставках академической, акварельной, Товарищества передвижников, Товарищества художников, Общества имени А. И. Куинджи. Они утвердили его славу баталиста.

Во время революции 1905—1907 гг. художник был также в центре событий. 9 января 1905 г. он находился в колоннах демонстрантов у Зимнего дворца и в других местах города, делал реалистически точные зарисовки. В Москве он также тщательно фиксирует подробности баррикадных боев на Пресне, нередко делает пометки на зарисовках. В дальнейшем эти рисунки послужили ему для создания картин.¹¹

Сам художник писал об этом времени: «В следующем 1905 году в Петербурге, я почувствовал какие-то неясные, но очень привлекательные идеи свободной жизни в России.

Всюду на заводах, фабриках и высших учебных заведениях начались сходки, забастовки, на которые я очень охотно ходил и прислушивался <...>.

Зарисовки революционных сцен и боев, сделанных мною с натуры, или под свежим впечатлением, я хранил тайно у своих знакомых, боясь обыска в моей квартире.¹² Несмотря на опасность, я посылал в англ-

вич. Она специально приехала в Комарово и подарила копию карты, выполненную самим И. В. Владимировым».

¹⁰ См.: *Баторевич Н. И.* Вся жизнь я служил России. С. 59.

¹¹ *Роцин А. И.* Иван Алексеевич Владимиров. С. 22—23, 26, 28.

¹² В статье Н. Пушкина «Первый день великого пролога» читаем: «Из рассказа художника Оскара Юльевича Клевера (младшего сына Ю. Ю. Клевера) стало из-

лийский журнал¹³ иллюстрации и зарисовки кровавых революционных событий, за что очень попал под надзор полиции, а за картину «Арест студента»¹⁴ меня самого арестовали и посадили в тюрьму. Меня скоро освободили по настоятельной просьбе английского посольства, но в течение двух лет я находился под надзором полиции и не имел права выезда из города».¹⁵

И. А. Владимиров непосредственно был очевидцем исторических событий революционного движения 1905 года, которые описывал в своих рассказах. Например, как газетному сотруднику ему приходилось бывать и на рабочих собраниях, где выступал Григорий Гапон.¹⁶ О нем много говорили, одни восхваляли его, другие чувствовали в нем провокатора. После кровавых событий 1905 года он почти перестал появляться в обществе, кто-то даже говорил, что он был убит во время расстрела у Нарвских ворот, но затем он снова стал бывать на нелегальных собраниях, но популярность его упала, о нем перестали говорить, и в конце ноября он исчез окончательно. Через несколько месяцев о Гапоне совсем забыли. И вот однажды, в апреле 1906 года, Ивану Алексеичу позвонил художник Н. И. Кравченко,¹⁷ товарищ по Академии художеств, и попросил его поехать с ним в Шувалово, чтобы помочь ему снять дачу. Они договорились о встрече на Финляндском вокзале и поехали. К сожалению, прошлогодняя дача была уже занята, они пошли дальше, но все лучшие дачи уже были сданы. Так они дошли до Озерков, и там понравившиеся дачи уже были сданы. Затем подошли к одной из дач с мезонином, стоявшей на косогоре, спросили у вышедшей хозяйки, свободна ли она. Та отвечала, что более года дача занята, жильцы ей нравились, оплатили и за зиму, но как уехали по первому снегу, так больше и не появлялись. И она не знает, будут ли

вестно, что в первые же дни революции Владимиров исполнил несколько законченных рисунков, запечатлев день 9 января. Эти рисунки вместе с записками и другими материалами Владимиров отдал на хранение Ю. Ю. Клеверу. Маститый художник, профессор пейзажной живописи, академик, был вне всякого подозрения. Он жил открыто, широко, в свое удовольствие и был далек от политики. Достоверность сообщения Оскара Юльевича не вызвала сомнений». См.: *Пушков Н. Первый день великого пролога* // Нева. 1986. № 3. С. 205.

¹³ Журнал «Дейли график».

¹⁴ В 1901 г. картина «Арест студента» была выставлена на «Весенней выставке», но 22 февраля была снята с выставки по просьбе министра иностранных дел Д. С. Сипягина, который в конфиденциальном письме вице-президенту АХ И. И. Толстому просил убрать ее с выставки, поскольку «вследствие своей тенденциозности, собирает перед собой учащуюся молодежь и дает повод к разным нежелательным толкам». См.: *Баторевич Н. И.* Вся жизнь я служил России. С. 153–154.

¹⁵ Краткая автобиография художника Ивана Алексеевича Владимирова // Научный архив Российской академии художеств (НА РАХ), ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 2–3.

¹⁶ *Гапон Георгий Аполлонович* (1870–1906), священник Русской православной церкви, политический деятель, профсоюзный лидер.

¹⁷ *Кравченко Николай Иванович* (1867–1941), художник-баталист, журналист, писатель.

снова снимать, пока она их ждет. Художники все-таки попросили показать дачу. Жильцы ключи с собой увезли, но у нее был один ключ, и она открыла. Вошли на первый этаж, попросили показать мезонин на верхнем этаже. Дверь была закрыта на всякий замок, от которого ключа не было, дверь смогли открыть и вошли наверх. В комнате был беспорядок, были заметны следы борьбы нескольких человек. Открыли ключом еще одну дверь в маленькую комнату и с удивлением увидели на полу сидящую фигуру, накрытую шубой. По бумагам, найденным у убитого, оказалось, что это Григорий Гапон. Хозяйку попросили кого-нибудь послать за полицией, а сами художники поспешили все зарисовать с натуры. Через час приехали полицейские, их допросили. Они предъявили документы, сказав, что они художники, Кравченко — сотрудник газеты «Новое время», а Владимиров — сотрудник «Петербургского листка» и журнала «Огонек». Владимиров сделал снимки. Процедура судебно-медицинского осмотра длилась очень долго. После этого события его еще не раз вызывали в жандармское отделение и допрашивали.¹⁸

В 1912 г. началась Болгаро-турецкая война. И. А. Владимиров в качестве художника-корреспондента английского иллюстрированного еженедельника «Дейли график» и петербургского журнала «Нива» едет на Балканы, где, находясь в действующей армии, много рисует и пишет с натуры.

В 1914 г. осенью художник уезжает на северо-западный фронт, он принимал непосредственное участие в боях, был ранен, награжден медалью. Опять он делает зарисовки, рисунки, акварели, много фотографирует. Рисунки были помещены в русских и иностранных журналах.

Весной 1915 г. снова уехал на юго-западный и западный фронты, где опять много работал. Его батальные работы 1912—1915 гг. (акварели, рисунки, этюды) были показаны на выставке в Петербурге в залах Общества поощрения художеств (1915),¹⁹ где, как писал художник: «цензура бессмысленно сняла с выставки целый ряд моих работ и мне пригрозили тюрьмой, но как-то обошлось благополучно...».²⁰

Пришел 1917 г. Произошла Февральская буржуазно-демократическая революция, затем Октябрьская. «Очень многие художники воспринимали события как нечто обязательное в жизни, как начало нового, как сигнал к решению новых задач»,²¹ как надежду и на изменение художественной жизни.

¹⁸ Баторевич Н. И. Вся жизнь я служил России. С. 201—205. Сведения об обнаружении Гапона именно художниками нами документально не проверялись.

¹⁹ См.: Каталог выставки картин, акварелей и набросков из действующей армии художника И. А. Владимирова в залах Императорского Общества Поощрения Художеств. Петроград, 1915; Роцин А. И. Иван Алексеевич Владимиров. С. 28, 35—37; Баторевич Н. И. Первая мировая война глазами художника. СПб., 2014.

²⁰ НА РАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 4.

²¹ Баторевич Н. И. Вся жизнь я служил России. С. 161.

И. А. Владимиров вместе с другими художниками поступил в милицию и проработал милиционером до июля 1918 г. На службе он был в гуще происходящих событий. Имея при себе карманные альбомы, он всегда фиксировал происходящее, дома по свежим впечатлениям дорабатывал. Множество рисунков, зарисовок, акварелей, документально засвидетельствованных революционных событий стали материалом для будущих живописных полотен художника. Поскольку Владимиров был корреспондентом английского журнала «The Graphic»,²² то ряд рисунков был выполнен и опубликован там по заказу журнала и перепечатан в российских журналах и газетах.²³

С приходом Советской власти Владимиров, как и другие художники-реалисты: И. И. Бродский, А. А. Рылов, Г. Н. Горелов, Г. К. Савицкий, К. С. Петров-Водкин, Б. М. Кустодиев, — принимает участие в становлении нового советского искусства, продолжая бороться с «левыми» течениями — футуристами, кубистами, беспредметниками. Он отстаивает принципы реализма, выступая вместе с другими художниками на диспутах, принимает участие в разработке деклараций реалистов, которые входили в Товарищество передвижных художественных выставок, Общину художников, Общество имени А. И. Куинджи и были в то время единым сплоченным коллективом, борющимся за реализм.

И. А. Владимиров преподает в художественных студиях, рабочих кружках, Художественно-промышленном техникуме.²⁴

После Октябрьской революции И. А. Владимиров был членом Ассоциации художников революционной России (АХРР) (1923—1928), активно участвуя в выставках. Художником создан целый ряд произведений на историко-революционные темы: «Революция победила» (Февральские дни на рабочей окраине (1917), «Долой орла» (1917), «Арест царских генералов» (1918), «Взятие Зимнего дворца 25 октября 1917 г.» (1918), «Высадка десанта кронштадтских моряков с транспорта Амур» (1923) «Выступление В. И. Ленина на митинге» (1924), «Расстрел народа перед Зимним дворцом 9 января 1905 г.» (1924), «Бегство буржуазии из Новороссийска» (1926), «Взятие буденовцами Мелитополя» (1930) и др. Темы Октябрьской революции и Гражданской войны, борьбы и побед Красной Армии, событий революции в деревне художник и далее продолжал развивать в своих работах: «Ликвидация врангелевского фронта» (1932), «Взятие красными войсками Уфы» (1936), «Октябрь в деревне» (1936), «Смена власти на селе» (1936) и др.

²² Сотрудником журнала он был до 1920 г.: «Еще в 1920 году все мои связи с английским журналом оборвались, и я исключительно стал работать для своей дорогой Родины». См.: НА РГАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 8.

²³ *Баторевич Н. И.* Вся жизнь я служил России. С. 164.

²⁴ *Роцин А. И.* Иван Алексеевич Владимиров. С. 42, 44.

К чисто батальным темам художник возвращается в период Советско-финской войны. В 1939–1940 гг. он вновь дважды выезжает на фронт и в Выборг, результатом является создание картин: «Въезд советских войск в Выборг», «Сдача белофиннов», «Штурм финского дота».

В годы Великой Отечественной войны И. А. Владимиров находился в Ленинграде. Снова художник не расставался с альбомом, еще до прорыва блокады выезжал на различные участки Ленинградского фронта. В блокадном городе он выполнил многочисленные зарисовки, агитационные плакаты, книжные иллюстрации на военные темы, написал картины: «Бой у Пулкова» (1941), «Разгром партизанами германского карательного отряда» (1942), «Бой за Тихвин» (1943), «Бой на улицах Берлина» (1946) и др. Он также был автором блокадных дневниковых записей, которые составили 13 тетрадей. В блокаду он потерял старшую дочь Нину и жену, Марию Гавриловну.

В марте 1945 г. в связи с 75-летием был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1946 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Художником были созданы сотни картин, тысячи рисунков и иллюстраций. Он участвовал во многих выставках: Академии художеств, Товарищества передвижников, Общества имени А. И. Куинджи, акварелистов, АХРР, 10-летия и 15-летия Красной Армии, «Индустрия социализма», международных — в Париже и Нью-Йорке. Его произведения находятся в крупнейших музеях и художественных галереях Ленинграда, Москвы, Лондона, Нью-Йорка.²⁵

Умер И. А. Владимиров 14 декабря 1947 г.

В Музее ИРЛИ художественных работ И. А. Владимирова нет, в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится автограф Ивана Алексеевича Владимирова: небольшое письмо его ко Льву Львовичу Толстому, написанное в самый разгар революционных событий 1905 г., когда «цензурные ограничения политического характера непосредственно коснулись и выставочной деятельности, что вызвало осуждение не только в демократическом, но и в умеренно-либеральном лагере».²⁶

В январе 1906 г. цензура запретила к показу картину Н. И. Кравченко «Революция идет» на его персональной выставке в Пассаже. В феврале 1906 г. на выставке Санкт-Петербургского общества художников, проходившей также в Пассаже, были конфискованы картины

²⁵ См.: *Роцин А. И.* Иван Алексеевич Владимиров. С. 6, 55–56, 58, 62–64, 66, 70.

²⁶ *Северюхин Д. Я.* Цензура художественных выставок // Старый художественный Петербург: рынок и самоорганизация художников (от начала XVIII века до 1932 года). СПб., 2008. С. 99 (далее: *Северюхин Д. Я.* Старый художественный Петербург).

П. И. Геллера «После погрома», М. Л. Маймона «Опять на родине», акварель М. Г. Мальшева «Безумству храбрых поем мы славу...», картины В. В. Мазуровского «Очистка площади», Г. К. Бакмансона «Портрет Г.». 15 февраля 1906 г. цензурные запреты коснулись и Весенней выставки в залах Академии художеств. Были сняты картины: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» И. И. Бродского, «Обыск» И. М. Шлуглейта и «Случайная жертва» Н. И. Фешина, «Не ходи» и «Военное положение» И. А. Владимирова.²⁷

Сам художник писал, что «несколько картин “Не ходи”, “Бой на Пресне” и др<угие> были сняты цензором с выставки».²⁸ Обращает на себя внимание заметка без подписи в «Биржевых ведомостях» в рубрике «Искусство и художники», которая касается непосредственно И. А. Владимирова: «Известный художник И. А. Владимиров, *никогда не отличавшийся крайним образом мыслей* (курсив мой. — А. Н.), жалуется на чрезмерное к себе внимание со стороны сыскной полиции. За ним следят, известен каждый шаг его...

Дело в том, что *художника принимают за другого Владимирова*,²⁹ *который пишет корреспонденции о действиях карательных отрядов в Голтувине и Перове* (курсив мой. — А. Н.).

Секретарь Академии художеств г. Лобойков тщательно допытывался, не одно ли и то же лицо — автор статей о московских ужасах и автор картины «На Пресне».

Подозрения г. Лобойкова и были главной причиной снятия с Весенней выставки такой безобидной картины, как холстик Владимирова «На Пресне»».³⁰

Весенняя выставка всегда проходила в залах Академии художеств. С октября 1905 г. музей Академии художеств и античные залы были закрыты для публики, поэтому председатель комитета Весенней выставки 1905 г. А. И. Куинджи просит открыть залы за две недели для приема картин на выставку. 14 февраля 1906 г. смотритель зданий С. Маргаритов сообщает приставу 1-го участка Васильевской части, что 15 февраля в залах АХ открывается Весенняя выставка картин с платой за вход по 40 коп. Выставка будет открыта ежедневно с 10 до 4 часов дня.³¹

За день до открытия секретарем В. Лобойковым пересылается бумага председателю комитета выставки А. И. Куинджи: «Имею честь

²⁷ Там же. С. 99—100.

²⁸ НА РАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 67.

²⁹ *Владимиров В.* — псевдоним журналиста *Попова Владимира Евграфовича*, сотрудника газет «Двадцатый век» и «Русь», автора книги «Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской жел. дор.» (М., 1906). Он вел журналистское расследование по поручению редакции газеты «Русь».

³⁰ Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 2 марта. № 9205. С. 4.

³¹ См.: РГИА, ф. 789, оп. 13, д. 50, л. 11, 16.

уведомить Вас, что Его Императорское Высочество Августейший президент³² 14 февраля изволил указать, чтобы на Весенней выставке в залах Академии до ее открытия побывал цензор, после чего выставка может быть открыта для публики. Об изложенном имею честь уведомить Вас для зависящих распоряжений».³³ Это стандартная процедура. Но Куинджи отвечает, что он болен и просит все бумаги послать Крыжицкому.³⁴ Тут, видимо, что-то по времени не сложилось с цензором, и Лобойков уже 15 февраля, в день открытия, в 11.30 утра докладывает президенту АХ: «Оказывается, что комитет выставки разослал до 200 приглашений почетным гостям на vernissage.

Чтобы не производить нежелательного скандала у дверей Академии, я, по просьбе председателя комитета выставки А. И. Куинджи, разрешил допустить публику на выставку, закрыв три картины, вызывающие сомнения по содержанию.

Вместе с тем будет сообщено цензору, чтобы он пришел осмотреть выставку.

Об <происшедшем?> имею честь ничтожнейше доложить Вашему Императорскому Высочеству».³⁵

Далее, 15 же февраля, ответ: «Г. хранителю Музеев. Канцелярия Императорской Академии Художеств препровождает при сем, для зависящего распоряжения, копию извещения на имя Председателя Комитета Весенней выставки, в котором сказано, что Его Императорское Высочество Августейший президент Академии изволил указать, чтобы Весенняя выставка была открыта публике только после того, как она будет осмотрена цензором».³⁶

Картины были сняты с выставки.

В «Биржевых ведомостях» отчеты о выставках писал Н. Н. Брешко-Брешковский³⁷ под псевдонимами Н. Вериги, Гвид.

Лев Львович Толстой³⁸ 18 февраля 1906 г. пишет письмо в редакцию газеты «Биржевые ведомости»³⁹:

³² Вел. кн. Константин Константинович (1858–1915) был президентом АХ с 1889 по 1915 год.

³³ См.: РГИА, ф. 789, оп. 13, д. 50, л. 17. Дело Академии художеств о Весенней выставке 1906 г.

³⁴ Там же, л. 18. *Крыжицкий Константин Яковлевич* (1858–1911) — живописец-пейзажист, академик и действительный член Императорской Академии Художеств.

³⁵ Там же, л. 23.

³⁶ Там же, л. 24.

³⁷ *Брешко-Брешковский Николай Николаевич* (1874–1943) — писатель, журналист, художественный критик, сценарист, режиссер.

³⁸ *Толстой Лев Львович* (1869–1945) — писатель, публицист, драматург, издатель, сын Л. Н. Толстого, член «Союза 17 октября».

³⁹ *Толстой Л. Л.* Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 18 февр. № 9195. С. 4.

«М<илостивый> Г<осударь>, г<осподин> редактор!⁴⁰

Горячо сочувствую взглядам вашей газеты относительно нелепого снятия картин с Весенней выставки. Благодаря заметкам вашим мной принят шаг, чтобы картины были вновь поставлены на выставку. Очень буду сожалеть, если не удастся.

Примите и проч<ее>.

Л. Л. Толстой».

Нам неизвестно, были ли знакомы лично в это время Л. Л. Толстой и И. А. Владимиров, но позже художник бывал и в Ясной Поляне, так как писал портреты Л. Н. Толстого,⁴¹ и, возможно, они познакомились. Л. Л. Толстой в данный период активно участвует в литературной и общественно-политической жизни России. В 1904 г. хотел ехать корреспондентом на Русско-японскую войну. Выступает в печати с циклом статей «Мысли и жизнь» о войне на Дальнем Востоке. Назревали события 1905 г.⁴² Цензурой была запрещена его новая пьеса «За кулисами войны», о которой цензор И. Литвинов писал: «Все подобные пьесы разрешались только при том условии, когда они проникнуты патриотическим духом и способны подействовать на зрителя в ободряющем духе. Драма Л. Л. Толстого принадлежит к категории резонерских и наводящих уныние произведений».⁴³

Именно это было причиной первого обращения писателя к Николаю II 3 января 1905 г., а 9 января 1905 г. он стал очевидцем событий Кровавого воскресенья. 14 января он снова направил послание царю, где изложил свое видение событий и предложения, как «помочь России и оживить ее в настоящую минуту».⁴⁴ 27 января получил аудиенцию у государя. Далее были еще письма. Как отмечают авторы цитируемой статьи: «Л. Л. Толстому очень хотелось верить в то, что расцвет России начнется и благодаря его личному участию в событиях, т. е. благодаря его статьям, выступлениям на партийных собраниях и, конечно, благодаря его обращениям к Николаю II с конкретными предложениями по улучшению российской государственности».⁴⁵

Видимо, надеясь, что в данный момент он в силах повлиять на то, чтобы картины вернулись на выставку, он предпринял какие-то дей-

⁴⁰ Редактором газеты в данный период был Станислав Максимилианович Проппер (1853? 1855?–1931).

⁴¹ «Это он! (Толстой на пашне)», 1908; «Л. Н. Толстой», 1909; «Портрет Л. Н. Толстого», 1909; «Золотая осень в Ясной Поляне», 1909. См.: *Роцин А. И. Иван Алексеевич Владимиров*. С. 77.

⁴² См.: «Время идет интереснейшее...» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II) / Публ. В. Н. Абросимовой и С. Р. Зориной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 111.

⁴³ Там же. С. 115. Премьера пьесы состоялась 22 февраля 1906 г. (Там же. С. 118).

⁴⁴ Там же. С. 138.

⁴⁵ Там же. С. 132.

ствия и написал свою заметку. Но осуществить возвращение запрещенных картин на выставку Л. Л. Толстому не удалось.

Письмо И. А. Владимирова написано в ответ на это письмо Л. Л. Толстого. Непосредственный, искренний отклик незаслуженно обиженного человека приоткрывает нам живого художника с его чувствами и переживаниями: его разочарование, что результат труда, на который требуется столько сил, времени, вдохновения, напряженной, кропотливой работы, вдруг кем-то, по чьей-то воле перечеркнут, а ты просто должен покориться, смолчать. Для натуры художественной, часто впечатлительной и ранимой, это очень тяжело. А проявленное сочувствие, да еще дающее надежду, с благодарностью принимается.

Глубокоуважаемый
Лев Львович!

В Биржевых Ведомостях, вчера, 18 февр<аля> вечером, я прочел Ваше теплое письмо о нас...

Позвольте этими несколькими строками, написанными от чистого сердца, благодарить Вас за Ваше доброе, честное истинно русское отношение к нам — бесправным и безвольным художникам.

Благодарю Вас за нравственную поддержку... Благодарю за отзывчивость Вашу ко мне, как одному из авторов позорно арестованных картин на Весенней выставке.

Художник-баталист
Ив<ан> Алексеев<ич> Владимиров.

19 февраля 1906 г.
СПб, Боль<шая> Гребецкая 69 кв. 3

На конверте:
Здесь
Таврическая ул. 19.⁴⁶

Его Сиятельству графу
Льву Львовичу
Толстому.
Штемпели: 19 II 1906; 20 II 1906.

Итак, картины на выставку не вернулись, зритель их не увидел.

Но 24 февраля 1906 г. в газете «Биржевые ведомости»⁴⁷ была напечатана заметка: «К «нецензурным» художникам (Письмо в редакцию)»:

⁴⁶ В Петербург, в свой дом на Таврической, 19, Л. Л. Толстой переехал из Ясной Поляны после смерти своего первенца Левушки (1898—1900) в 1901 г. В доме был надстроен еще один этаж, часть квартир сдавалась в наем. Л. Л. Толстому приходилось все время ездить то в Швецию, то в Москву и Ясную Поляну. См.: Сын и отец: По страницам дневниковых записей и мемуаров Л. Л. Толстого / Подг. текстов, публ. и коммент. В. Н. Абросимовой и С. Р. Зориной. Вступит. статья В. Н. Абросимовой // Лица: Биографический альманах. 4. М.; СПб., 1994. С. 178.

⁴⁷ Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 24 февр. № 9200. С. 4

«2 апреля в Париже выходит под редакцией Александра Валентиновича Амфитеатрова литературно-политический сборник “Красное знамя”.

“Мне пришла в голову идея, которой вы может быть, не откажетесь помочь, — пишет мне А. В. Амфитеатров: — не достанете ли вы по вашим связям с художниками фотографий с картин, статуй и прочее, которые цензура убрала с выставок? Срок дня помещения в сборнике не позже 7 (20) марта. По снятии клише можем оригинал возвратить...”

Не имея возможности лично объехать всех “нецензурных” художников, обращаюсь к желающим с покорнейшей просьбой прислать фотографии с “нецензурных” картин и скульптур. Адрес: 12, Фонарный, для пересылки А. В. Амфитеатрову.

Ник. Брешко-Брешковский.

Р. S. Остальные газеты покорнейше прошу перепечатать это письмо».

В следующих выпусках газеты также упоминалось об этом, но упоминалась только выставка «петербуржцев»: «Петербургжцы нецензурные воспрянули духом. Репродукции запрещенных цензурой картин будут почти все «помещены в сборнике “Красное знамя”, что выйдет в Париже под редакцией талантливого А. В. Амфитеатрова».⁴⁸ Далее: «Еще о “нецензурных” живописцах. В литературно-политическом сборнике “Красное знамя”, что под редакцией Амфитеатрова выйдет через месяц в Париже, будет напечатан ряд репродукций с картин, снятых цензором с выставки “петербуржцев...”».⁴⁹

Но в 1906 г. в Санкт-Петербурге вышел альбом «“Картины жизни”, который был издан неким “Союзом художников”».⁵⁰ «Мы помещаем здесь 11 воспроизведений с картин, удаленных попечительной цензурой с петербургских выставок настоящего сезона, — писали издатели. — Наш альбом неполон. Всех художественных жертв нашего “конституционного режима” было в настоящем году 15. К сожалению, с четырех произведений нам снимков достать не удалось <...>. Авторы этих картин сделали попытку откликнуться на современность. Этот отклик мог, разумеется, быть только криком боли и ужаса, криком любви и гнева. Мы приветствуем эту попытку <...>».⁵¹

Первая иллюстрация в альбоме — картина И. А. Владимирова «Военное положение», пятая — «Не ходи». Картины, снятые с выставки, все-таки увидели свет.

Очень интересен случай из биографии И. А. Владимирова, описанный в воспоминаниях художника под названием «Владимирова не надо!..», опубликованный под названием: «Так были высмеяны “новаторы”».⁵²

⁴⁸ Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 3 марта. № 9206. С. 4.

⁴⁹ Там же. 16 марта. № 9217. С. 4.

⁵⁰ *Северюхин Д. Я.* Старый художественный Петербург. С. 101.

⁵¹ См.: Картины жизни, снятые цензурой с выставок 1906 года: Альбом репродукций. СПб.: Тип. «Герольд», [1906]. (Без нумерации страниц).

⁵² Рукопись хранится в НА РАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 16—19 об.; впервые опубликовано, без фамилии публикатора: Так были высмеяны «новаторы». (Из воспо-

И. А. Владимиров писал: «... в один прекрасный летний день, в 1911 году, проходя мимо дворца Меншикова, что на углу набережной Невы и Кадетской линии, я прочел на дверях объявление об устройстве и скором открытии большой художественной выставки картин и скульптур под названием “Салон”». ⁵³ Он вошел, работа по подготовке выставки уже кипела. Подойдя к столу, в организаторе, «франтовато одетом молодом господине с большой бутоньеркой цветов в петлице», он узнал сына профессора К. Е. Маковского, С. К. Маковского, и предложил свое участие в выставке двумя уже готовыми картинами. Тот с радостью согласился и попросил назвать фамилию. Услышав, кто перед ним, — отказал: «Вы, кажется, деятельно-активный участник правых выставок... Академической... Передвижной... Нет! Нет! Вы человек старой гнилой школы. — Вы не можете выставлять свои работы в моем “Салоне”. Нет! Нам работ Владимирова не надо!.. не надо!.. Прощайте!». ⁵⁴

В тот же вечер художник приступил к работе над тремя новыми картинами из финской жизни: «Пастушка», «Счастливый рыбак» и «Снегири». Писал их «не считаясь с точностью рисунка и не стесняясь в подборе красок». Через несколько дней они были переданы в «Салон» под вымышленным именем финского художника «Карл Флинта» из Хельсинки и участвовали в выставке. Для конспирации он передал их на выставку завернутыми в финские газеты, через знакомого финна-носильщика с Финляндского вокзала. На вернисаже Владимиров сам не пошел, а послал жену. Она сообщала, что все картины висят на видном месте и хорошо освещены, и имели большой успех у посетителей выставки. Она слушала, как «все громко выражали одобрение, даже восторг и находили, что в этих картинах видна необыкновенная искренность, выражен яркий талант бесхитростного финляндского автора». ⁵⁵

Далее Владимиров писал, что в «прессе быстро появились отзывы и отчеты о новой выставке. Газеты с правым, так называемым “старым” духом, разносили выставку, указывая на жалкие потуги новоявленных, безграмотных новаторов подражать французским импрессионистам, и выделяли лишь несколько картин, среди которых упоминались работы “известного” финского художника — Карла Флинта, отличающиеся искренней передачей родных мотивов.

В газетке с “левым”, “новаторским” уклоном, рьяно поддерживающим декадентов и им подобных, говорилось, что никогда еще в Петербурге не было такой интересной выставки, как первый Салон. Среди

минаний художника И. А. Владимирова) // Художник. 1960. № 12. С. 32—34. Следует отметить, что текст воспоминаний в журнале несколько отредактирован и дан с купюрами.

⁵³ Художник. 1960. № 12. С. 33.

⁵⁴ Там же. С. 34.

⁵⁵ Там же.

картин, говорилось в отчете, нет ни одной работы старых, надоевших, бездарных художников, выставка составлена исключительно из произведений молодых, высокоталантливых художников». ⁵⁶ Особо выделяли картины финна Карла Флинта из Гельсингфорса, который «широко известен как первоклассный художник — певец природы». Владимиров отмечал также, что «даже такой маститый искусствовед, популярный художественный критик и знаток искусства, как Александр Бенуа, в своем отчете о Салоне написал, что картины финского художника Карла Флинта полны самобытности, что талантливый автор отразил художественное мировоззрение своего народа». ⁵⁷ Две картины были сразу же приобретены. Третью картину «Снегири» художник от имени Карла Флинта попросил не продавать, чтобы сохранить хоть одну с наклейкой Салона для себя. За неделю до окончания выставки он написал в «широко распространенной газете небольшую заметку, в которой заявил, что художник Карл Флинта совсем не существует, что это лицо мифическое и является только псевдонимом художника И. А. Владимирова. Моя заметка произвела потрясающее действие: весь Петербург узнал, что художник Владимиров жестоко насмеялся над устроителями Салона и над их "новаторством"». ⁵⁸

Он получил множество писем и открыток и приветственных, и ругательных. Между письмами, как писал художник, он хранил открытку И. Репина, с таким текстом:

«Дорогой Иван Алексеевич! Спешу приветствовать Вас за Вашу великолепную шутку над нахальными мазилками и жалкими пигмеями, вообразившими себя новаторами нашего родного искусства. Ваша шутка нанесла убийственный удар по всем декадентам и прочим мазилкам — врагам реализма в живописи. ⁵⁹ Ваш И. Репин. Куоккало. Пенаты.

Штемпель 2 сентября 1911 г.» ⁶⁰

Теперь добавим текст из рукописи, который не вошел в публикацию в журнале, но он важен для нашего исследования.

«Одновременно я объяснил, что проделал эту шутку для того, чтобы публично доказать свою художественную силу и технику и убедить администрацию Салона, что художник Владимиров всегда сумеет написать картину на любой сюжет лучше безграмотных модных новаторов». ⁶¹

«Вскоре после появления моей обличительной заметки, — продолжал И. А. Владимиров, — я получил интересное письмо от некоего бир-

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 34.

⁵⁹ В рукописи сначала было «в искусстве», слово зачеркнуто и написано «в живописи».

⁶⁰ См.: НА РАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 19 об.

⁶¹ Там же, л. 19.

жевого маклера, господина Хольма,⁶² жившего в богатом особняке на Большой Гребецкой улице (ныне на Пионерской улице), поблизости от моей мастерской. В своем письме господин Хольм, этот финансовый полубог, приветствовал меня за мою заметку и просил разрешения побывать у меня в мастерской, причем сообщил свой телефон.

Мы сговорились. Он пришел на следующий день и, прежде всего, горячо поблагодарил за мою шутку и заявил, что картину “Пастушка” он купил и теперь просит, чтобы я рядом с подписью Карла Флинта написал свою настоящую подпись. Впоследствии я бывал у Хольма в его особняке и видел его коллекцию картин русских художников, тут были прекрасные оригиналы Сурикова, Репина, Сверчкова, Семирадского, Айвазовского, Куинджи и работы заграничных мастеров Рубенса, Вандика, Мурильо и др. Узнав ближе Ф. Хольма, я убедился, что он действительно любит искусство и тонко понимает и разбирается в художественных произведениях».⁶³

Интересно, как И. А. Владимиров писал о дальнейших судьбах некоторых участников Салона, эта часть тоже не была опубликована: «Большинство из них, бросив невыгодную в материальном отношении мазню, закаялись тратить время на бессмысленную, никому не интересную порчу красок и холста, занялись более доходным делом, а именно: двое поступили в страховое общество простыми конторщиками.

Двое других заделались рисовальщиками обоев на фабрику Лихачевой и стали недурно зарабатывать, исполняя самые невероятные заказы обоев.

А несколько, несомненно, даровитых молодых людей, искренно любивших искусство, взяли за художественное учение, поступили в Академию художеств, образовали кружок, в котором изучали компо-

⁶² Холм (Хольм) Франц Карлович (? – 24 янв. 1909) – биржевой нотариус. См.: Петербургский листок. 1909. 29 янв. № 5. Бесплатное прибавление к Петербургскому листку, к № 28. С. 47: «Ф. К. Холм <...> был чрезвычайно популярен в банковских сферах. Большинство банков протестовало просроченные векселя именно у Холма, чем давало ему колоссальные заработки. Холм был широко известен в спортивных кружках как незаменимый посетитель всех беговых состязаний <...>». По справочнику «Весь Петербург»: «с. с. куп. 1 г., биржевой нотариус; чл. правления страх. об-ва “Россия”; СПб. комм. об-во; имп. Царскоевское поощрит. скак. об-во; адр.: Невский 7; Б. Гребецкая, 26». См.: Весь Петербург (алфавитный указатель). 1904–1909.

⁶³ См.: НА РАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 19. В своем духовном завещании он распорядился, чтобы после его смерти: «Из принадлежащего мне движимого имущества, находящегося в квартире моей по Невскому проспекту № 7, все картины, эскизы, гравюры, акварели, фотографии, бронзовые группы и прочие предметы, имеющие художественное значение, были переданы в Академию художеств <...>», что и было сделано после его кончины специально созданной комиссией в составе М. П. Боткина, П. А. Брюллова и Н. Н. Дубовского. См.: РГИА, ф. 789, оп. 13, д. 79 (О завещании С.-Петербургским нотариусом Францем Карловичем Холм разных художественных вещей в собственность Императорской Академии художеств. 1909), л. 2, 4.

зицию, анатомию, теорию теней и перспективу. Я лично познакомился со всеми этими молодыми художниками и всячески помогал им своими советами. Частенько они вспоминали историю в Салоне и приговаривали, — только жизнь в натуре даст нам новаторство для искусства».⁶⁴

Вот такая история произошла с художником. В каком году были написаны эти воспоминания — неизвестно, дата не указана, но явно уже после революции, так как рукопись представлена в современной орфографии.

Время открытия «Салона» И. А. Владимиров указал неверно. Он писал, что объявление об устройстве и скором открытии выставки прочитал «в один прекрасный летний день, в 1911 году», а «Салон» был открыт с 4 января по 8 марта 1909 года, то есть на три года раньше, и не летом, а зимой. Ошибся? Может быть, запямятовал по прошествии лет?

Эта художественная мистификация невольно вызывает ассоциацию с другой широко известной литературной мистификацией 1909 года: с Черубиной де Габриак⁶⁵. И в том и в другом случае это связано с С. К. Маковским, который не принял в редактируемый им журнал «Аполлон» стихи Е. И. Дмитриевой, а в организованный им «Салон» — картины И. А. Владимирова. Но произведения под вымышленными именами охотно были приняты, их восхваляли, ими восхищались. Правда, история с Владимировым случилась раньше и раскрылась перед закрытием выставки, то есть до 8 марта 1909 г., а Черубина была разоблачена в конце 1909 года (напомним, что первый номер «Аполлона» вышел 25 октября 1909 г.).

Однако об этой истории в «Салоне», так живо и красочно описанной И. А. Владимировым, вызвавшей тогда такой широкий общественный резонанс («Весь Петербург узнал...»), ранее нам было ничего не известно, захотелось обратиться к первоисточникам, посмотреть живые отклики в прессе, почитать полемику.

Но при изучении каталога выставки «Салон»⁶⁶ было обнаружено, что автор произведений под фамилией Карл Флинта отсутствует, он там не указан, как и другой финский художник, участвовавший в выставке, Юхо Риссанен. Иногда бывает такое, что не все участники выставок указываются в каталоге.⁶⁷ Сам художник в воспоминаниях го-

⁶⁴ Эта часть не вошла в публикацию, см. рукопись: НА РАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 19—19 об.

⁶⁵ Черубина де Габриак — литературный псевдоним-мистификация Дмитриевой (в замуж. Васильева) Елизаветы Ивановны (1887—1928), поэтессы, драматурга.

⁶⁶ Каталог «Салона», выставки живописи, графики, скульптуры и архитектуры, устроенной в 1909 году в помещениях музея и «меньшиковских комнатах» первого Кадетского корпуса. СПб., 1909. 101 с.

Нами были просмотрены экземпляры каталога в библиотеках АХ, РНБ, БАН.

⁶⁷ См. об этом: Северюхин Д. Я. Старый художественный Петербург. Здесь на с. 263, в примеч. 164, говорится: «В каталоге указано 450 номеров 77 авторов; из

ворил *о трех* картинах, представленных на выставке. Однако в списке под названием «Картины И. А. Владимирова, бывшие на выставках», составленном художником еще до революции (точной даты нет, но список дан в старой орфографии и заканчивается 1914 г.), то есть по прошествии небольшого временного отрезка от самого события, указано: «В том же году <1909. — А. Н.> И. А. Владимировым были поставлены две картины “Зимние друзья” и “Счастливый Ганс” на выставку Салона (в Кадетском корпусе) под фамилией финляндского художника (вымышленного) “Карл Флинта”»,⁶⁸ то есть указаны только *две* картины и под другими названиями.

Далее, в прессе, в частности в газете «Слово» за 1909 г. (январь — март), где печатались отчеты о выставках,⁶⁹ критик И. Лазаревский, под рубрикой «Художественные заметки», в статьях о «Салоне» писал о достоинствах и недостатках «Салона», отдельную статью посвятил Рериху, характеризовал художников разных течений и группировок, художников крайних направлений — писал о Серове, Бенуа, Билибине, Сомове, Баксте, Яремиче, Головине, Гауше, Богаевском, Сапунове, Судейкине, Петрове-Водкине, Кандинском, Явленском, Якулове, Шитове, Веревкиной, Чурлянисе и др.

Однако упоминаний о работах Карла Флинта в газете «Слово» не обнаружено.

прессе известно об участии в выставках ряда не упомянутых в каталоге художников, в частности, М. С. Сарьяна, П. В. Кузнецова, П. С. Уткина, финского живописца Ю. Риссанена и др.»

В этом каталоге действительно не упомянуты некоторые участники выставки, но в данном случае именно М. С. Сарьян, П. В. Кузнецов, П. С. Уткин — и не были ее участниками.

В заметке о выставке в газете «Слово» 1909 г. от 8 (21 янв.), в № 672, на с. 5, критик Ив. Лазаревский писал: «...художественному пониманию и чувству С. Маковского ближе крайние течения в нашем искусстве <...>. От своего влечения он отказаться не смог и теперь, и это отразилось в организации салона. И надо признать, что первый русский художественный салон вышел односторонним. Но, давая столь односторонний салон, С. Маковский почему-то пропустил (т. е. не взял на выставку. — А. Н.) таких характерных художников крайнего направления, как, например, Пав. Кузнецов, Уткин, Сарьян, Яковлев. Они, во всяком случае, намного любопытнее и характернее выставленных в изобилии Кандинских, Шитовых и т. п. С другой стороны, если салон должен являться показателем современного творчества в России, то нельзя было пропускать (т. е. не брать на выставку. — А. Н.) таких художников, как, например, Репин, братья Коровины, Поленов, Ап. Васнецов, и лучше было вовсе не представлять Сурикова и Викт. Васнецова, чем давать несколько незначительных вещей, столь мало характерных для их творчества».

⁶⁸ См.: НА РАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 69.

⁶⁹ Статьи, посвященные «Салону», — Слово. 1909. 3 янв. № 667. С. 5; 5 янв. № 669. С. 3; 8 янв. № 672. С. 5; 9 янв. № 673. С. 5; 11 янв. № 675. С. 5; 15 янв. № 679. С. 6; 17 янв. № 681. С. 4—5; 21 янв. № 685. С. 7; 22 янв. (№ 686). С. 5; 5 февр. № 700. С. 7; 8 февр. № 703. С. 5.

В обширном итоговом обзоре о «Салоне» в журнале «Вестник Европы» Ив. Лазаревский⁷⁰ также не отметил Карла Флинта.

В выпусках газеты «Биржевые ведомости» за 1909 г. (январь — март)⁷¹ о выставке «Салон» за подписью «-ский» критик Н. Брешко-Брешковский писал в нескольких заметках под общим названием «Модернисты в гостях у Петра Великого». Он отметил «самых сильных», которые «выставку выносят на своих плечах»: Е. Лансере, Головина, Бакста, Ал. Бенуа, Серова, Рериха. С возмущением говорил о «новом типе художника»: «Это — накипь дней. Безусые, безбородые юноши. Они носят коротенькие в обтяжку эксцентричные курточки, пишут уродливых женщин с зелеными животами и называют Репина и братьев Маковских “хулиганами от палитры”, которых “всякий уважающий искусство, должен гнать со всех выставок в шею”... Эта отвратительная фраза — не грубый уродливый шарж, а печальная действительность <...>; <...> много сумасшедших, варварских, раскрашенных в два тона пейзажей и такой белиберды, в которой сам черт ногу сломит. Ужасен Кончаловский со своими портретами, и прямо обидно, что это зять Сурикова. Но мимо этих господ. Мимо Кончаловских, Явленских и Сапуновых <...>». ⁷² Писал, что «в “Салоне” — сгруппировались крайне левые <...>»; что «в “Салоне” — законченность, выписка считаются чем-то позорным, антихудожественным <...>» и т. д.⁷³

Но и в газете «Биржевые ведомости», упоминаний о работах финского художника Карла Флинта также не обнаружено.

На выставке побывал И. Е. Репин, о чем также писали «Биржевые ведомости»: «Живя в своем Куоккала, Репин внимательно следит за жизнью искусства вообще и выставками в частности. Он не пропускает ни одной. Вооружив в пенсне свои зоркие, пытливые глаза, великий художник, не торопясь, переходит от одной картины к другой, попутно роняя меткие, характерные замечания и словечки.

Долго пробыл И. Е. на выставке Салона. Общее впечатление Репина не в пользу выставки. В частности же, нравятся ему Покровский, Аронсон, Кустодиев, Лансере. Компания Явленских, Кончаловских и Милиоти в ужас привела Репина.

⁷⁰ Лазаревский И. Из художественной хроники // Вестник Европы. 1909. Т. II. Кн. 3. С. 424—433.

⁷¹ Статьи, посвященные «Салону», — Биржевые ведомости. 1909. Веч. вып.: 2 янв. № 10888. С. 6; 3 янв. № 10890. С. 4; 5 янв. № 10892. С. 4; 6 янв. № 10894. С. 3; 7 янв. № 10895. С. 5 («У крайних правых от палитры» (Выставка петербуржцев)) — упоминание о «Салоне»; 9 янв. № 10899. С. 5; 15 янв. № 10909. С. 3 («Репин о выставке в Салоне»); 26 янв. № 10927. С. 5; 7 февр. № 10948. С. 3 («В Новом обществе художников» — упоминание о «Салоне»); 3 марта. № 10988. С. 1 (Сообщение о том, что выставка открыта последнюю неделю); 4 марта. № 10990. С. 1 (Сообщение о закрытии выставки).

⁷² См.: Биржевые ведомости. 1909. 6 янв. № 10894. С. 3.

⁷³ См.: Там же. 7 янв. № 10895. С. 5.

— Это какое-то одичание, — говорил он, — решительно ничего нет за душой у этих художников, ни формы, ни чувства, ни самой элементарной гармонии красок. Как можно ставить подобные вещи! А этот Харламов с его домиками — какая нелепая безграмотность.

Относительно некоторых, вконец оскорбивших его, как чуткого художника, Репин, шутя и тихо посмеиваясь, выразился так:

— По-моему, лучшее средство отбить у них охоту к таким упражнениям, это разложить их да высечь их же собственными холстами...⁷⁴

Он также не отметил Карла Флинта.

Напомним, что И. А. Владимиров писал, что за неделю до окончания «Салона» (то есть в реальности это должно было быть в самом конце февраля 1909 г., так как выставка закрылась 8 марта) поместил заметку в «широко распространенной газете», намекая, по-видимому, на «Биржевые ведомости», что Карл Флинта «лицо мифическое и является только псевдонимом художника И. А. Владимирова».⁷⁵

Удивительно, но, изучив все номера газет за это время, мы не обнаружили никакого письма в редакцию или заметки И. А. Владимирова.

Закралось сомнение: не произошла ли какая-то ошибка и были ли действительно указанные работы представлены на выставке? Еще раз обратились к каталогу, экземпляр которого находится в РГБ, и на этот раз это было другое издание, с «Добавлением к каталогу».⁷⁶ В нем Флинта (Karl Flinta) действительно был назван как участник, но было указано, что экспонировалась только одна его картина (№ 478), под названием «Зима».

Кроме него указан был также и другой финский художник Риссанен (Juho Rissanen)⁷⁷ с тремя картинами: «Прощание», «Работница», «Финляндские девушки».⁷⁸

⁷⁴ Биржевые ведомости. 1909. 15 янв. № 10909. С. 3: «Репин о выставке “Салон”».

⁷⁵ В рукописи И. А. Владимиров не указывает название газеты: «я написал в широко распространенной газете небольшую заметку», но в книге газета уже указана точно: «Владимиров заявил через широко распространенную газету “Биржевые ведомости”...». См.: *Рощин А. И.* Иван Алексеевич Владимиров. С. 33; также читаем и у Н. И. Баторевич: «Владимиров в газете “Биржевые ведомости” раскрыл читателю...». См.: *Баторевич Н. И.* Вся жизнь я служил России. С. 171. Откуда взяты эти точные сведения, нам установить не удалось.

⁷⁶ «Салон», выставка (1908—1909; Санкт-Петербург). Салон, 1908—1909 [Текст]; [каталог]. [СПб.], [1909]. 104 с.; С. 103. См.: <https://search.rsl.ru>.

⁷⁷ *Риссанен Юхо Вилхо (Rissanen Juho Vilho; 1873—1950)* — финский художник. В 1897 г. он поступил на учебу в Петербургскую академию художеств, где обучался под руководством И. Е. Репина. «Молодому Риссанену, вышедшему из социальных низов финского общества, были близки художественная концепция изображения повседневной жизни простого народа и реалистическое направление в образах родной природы группы молодых передвижников, возглавляемых Иваном Крамским и Ильей Репиным, в связи с чем на берегах Невы он нашел единомышленников» (<http://www.wikiwnd.com/ru>).

⁷⁸ «Салон», выставка (1908—1909; Санкт-Петербург). Салон, 1908—1909 [Текст]; [каталог]. [СПб.], [1909]. 104 с. С. 102. См.: <https://search.rsl.ru>

Итак, судя по дополнению к этому изданию каталога, в «Салоне» все же была выставлена, но только одна картина И. А. Владимирова «Зима».

Поиск отзывов о выставке был продолжен далее.

Напомним, что в воспоминаниях Владимиров писал, что в своем отчете о «Салоне» даже А. Бенуа отметил картины финского художника Карла Флинта. Бенуа публиковал свои критические статьи о «Салоне» в газете «Речь» под общим заголовком «Художественные письма», которые в наши дни были выпущены отдельной книгой.⁷⁹

Но и в этих статьях, к сожалению, нам не удалось отыскать ни одного упоминания А. Н. Бенуа о художнике Карле Флинта.

Однако здесь мы нашли упоминание А. Н. Бенуа о другом финском художнике, Юхо Риссанене: «Приходится оставить без обсуждения целый ряд интересных явлений в “Салоне”. Особенно это досадно за красочные фантазии Сапунова и Милиоти, за поэтичные картины Петербурга — Остроумовой, за изощрения фантазии Якулова, за любопытные рисунки с “космическими” сюжетами Юона, за другие графические работы, за парадный портрет Кустодиева, за “городские кошмары” Добужинского, за любопытную символизацию Грабаря русского мещанства, за дивные эскизы Головина и за его испанок, за грандиозные пейзажи Богаевского, за почтенные этюды финна Риссанена <...> (курсив мой. — А. Н.)».⁸⁰

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1909 г. (январь — февраль) О. Базанкур в своих трех статьях «Салон»⁸¹ в рубрике «По выставкам», описывая впечатления от работ художников разных направлений, отмечает, что «проходя залу за залой, кажущимися бесконечными, наталкиваешься изредка на отрадные оазисы Головина, Маковской-Люкш, Бенуа, Борисова-Мусатова, но все же остается от выставки доминирующее впечатление балласта и шарлатанства <...>. С декоративной стороны — выставка обставлена превосходно. Как все тонко обдуманно, как верно рассчитано на эффект, начиная с каталога,

⁷⁹ А. Н. Бенуа публиковал свои еженедельные критические статьи, объединенные под общим заголовком «Художественные письма», в газете «Речь» с 1908 по 1917 г. Опубликовано: Александр Николаевич Бенуа. Художественные письма 1908—1917, газета «Речь». Петербург. Т. 1: 1908—1910. СПб., 2006 (далее: Бенуа. Художественные письма). Статьи А. Н. Бенуа 1909 г.: По поводу «Салона» (7 янв. № 6; С. 66—71), Музейные приобретения (23 янв. № 20; С. 71—75), Рерих на выставке «Салона» (28 янв. № 27; С. 75—80), Сомов и Стеллецкий на выставке «Салона» (5 февр. № 35; С. 81—86), Еще о «Салоне» (11 февр. № 40; С. 86—93), Обилие выставок (18 февр. № 47; С. 94—98), Салон и Союз — вандализм (8 апр. № 94; С. 128—134), Москва и Петербург (22 апр. № 108; С. 139—143).

⁸⁰ Цит. по: Бенуа. Художественные письма. С. 91.

⁸¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 8 янв. № 5. С. 2; 1909. 15 янв. № 11. С. 3; 1909. 17 янв. № 13. С. 3.

который, оставляя бездну пустого места, благодаря этому толстеет и производит чрезвычайно внушительное впечатление».⁸²

Упоминаний о работах художника К. Флинта не обнаружено.

В газете «Новое время», в обзоре Н. Кравченко «Салон. I»,⁸³ упоминаний о художнике К. Флинта также не обнаружено.

В «Московском еженедельнике», в статье Г. К. Лукомского «О выставке Салон в Петербурге»,⁸⁴ где он анализирует все разделы выставки, отмечая «брань и издевательство публики у работ Явленского», среди называемых им художников имени Карла Флинта не обнаружено.

Затем мы обратились к отзывам о «Салоне» в модернистских изданиях «Весы» и «Золотое руно».⁸⁵ В статье «Петербургские выставки. Сезон 1908—1909 года» В. Станюкович, анализируя взгляд С. К. Маковского на задачи и цели «Салона», приводит его слова: «Настало время объединительных выставок, совмещающих различные течения, но с очень осторожным приемом картин. Выставок таланта, в каком бы направлении он ни выражался».⁸⁶ Характеризуя произведения художников, представленных на выставке, критик приходит к выводу, что «С. Маковский в части исполнил свое обещание. На выставке нет случайных картин. Авторы — люди, несомненно, отмеченные талантом. Выставка обширна, пестра, как и должен быть “Салон”... но едва ли лучше хорошей выставки “Союза”».

Широкой и серьезно обдуманной программы я не заметил.

Выставка не вызвала к жизни ничего нового, ни на что не рискнула, — она либеральна в хорошем значении этого слова, но так чувствуется на ней, что медовый месяц искусства красок прошел и на смену крупным художников боевого периода никто не выходит. Их сменяет группа образованных и мало оригинальных авторов. Новые художники прекрасно подготовлены к своей деятельности и, как культурных деятелей, их следует приветствовать».⁸⁷

Итак, опять о художнике Карле Флинта в статье нет ни слова.

И. А. Владимиров писал также о том, что две картины были сразу куплены на выставке. Но ни в одном из отчетов в просмотренных газетах о проданных на выставке картинах Карл Флинта не упоминался.

⁸² Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 8 янв. № 5. С. 2.

⁸³ Новое время. 1909. 7 янв. № 11790. С. 4. Последующая его статья или статьи оказались нам недоступны.

⁸⁴ Лукомский Г. К. О выставке Салон в Петербурге // Московский еженедельник. 1909. 26 марта. № 13. С. 42—47.

⁸⁵ Лавров А. В., Максимов Д. Е. «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 65—136; Лавров А. В. «Золотое руно» // Там же. С. 137—173.

⁸⁶ Станюкович В. Петербургские выставки. Сезон 1908—1909 // Весы. 1909. № 3. С. 109.

⁸⁷ Там же. С. 113.

Но вот, наконец-то, в журнале «Золотое руно», в статье художника М. Ф. Ларионова «Итоги петербургского сезона»,⁸⁸ в которой «автор резко критически отнесся к работам большинства мирискусников», мы нашли косвенное упоминание о картине Карла Флинта.

В «Художественных письмах» А. Н. Бенуа писал: «Странный журнал “Золотое руно”. Никак он не может наладиться, никак не может взять настоящий тон и выдержать его. Руководит им московская молодежь с причудником Н. П. Рябушинским во главе, и хочется им во что бы то ни стало быть самыми крайними, самыми дерзкими во всей русской жизни. Но, с другой стороны, их прельщает мысль тягаться с покойным “Миром искусства”, и они претендуют на большой энциклопедизм, ударяются и в историю, и в философию и пытаются устанавливать какие-то абсолютные точки зрения».⁸⁹

А. Бенуа называл статью «статейка о выставках какой-то М. Л., в которой обнаружилось невежество, совершенно компрометирующее руководителей журнала и накладывающее на все дело хулиганский оттенок»⁹⁰. Приведем цитату: «Открывшаяся 4 января в Петербурге художественная выставка — Салон производит странное разбитое впечатление. Масса художественного материала, разбросанного буквально везде — в коридорах, в небольших комнатках, полутемных углах, размещена без всякой системы по личному, ни на чем не основанному желанию устроителя. Непонятная смесь художников прошлого поколения с последними модернистами (причем на степень таланта тех и других совершенно не было обращено внимания) не позволяет ни на чем особенно сосредоточиться и оставляет вас совершенно равнодушным перед рядом стен, увешенных картинами. *Сейчас же при входе в длинном коридоре натыкаешься на странное сопоставление каких-то розовых птичек на ветке, покрытой снегом, точно с коробки от монпасье* (курсив мой. — А. Н.), и плотной женщины, просеивающей сквозь сито хлебные зерна, работы финляндского художника».⁹¹ Здесь, по-видимому, имеется в виду картина Карла Флинта, названная в каталоге «Зима», а в воспоминаниях — «Снегири». Других картин с изображением птиц по каталогу выставки мы не нашли. А вторая картина — по описанию, по-видимому, картина Юхо Риссанена «Женщина с ситом» 1908 г., которая сейчас находится в художественном музее «Атенеум» в Хельсинки, а в каталоге называется «Работница» (?).⁹²

⁸⁸ М. Л. [Ларионов М. Ф.]. Итоги петербургского сезона. (Две заметки) // Золотое руно. 1909. № 2/3. С. 113—114.

⁸⁹ Цит. по: Бенуа А. Н. Москва и Петербург (22 апр. 1909 г., № 108) // Бенуа. Художественные письма. С. 139.

⁹⁰ Там же. С. 139. Эта статья послужила поводом для отказа от сотрудничества с журналом многих петербургских художников и некоторых москвичей, писал Бенуа.

⁹¹ Там же. С. 142.

⁹² См.: bitBazar.ru/lot/94759

Вот и нашлось единственное упоминание о произведении Карла Флинта в основных просмотренных нами откликах на выставку «Салон».

Однако имя настоящего художника И. А. Владимиров в это же время неоднократно упоминается в откликах критиков. Одновременно с «Салоном» проходили и другие выставки, которые критики сравнивали с «Салоном»,⁹³ как уже указывалось выше, в частности «Весенняя выставка», в которой участвовал и Владимиров.

Здесь уже не оставляют вниманием работы И. А. Владимиров: «Кроме Шмарова, историческая живопись представлена еще Владимировым. У него — из Петровской эпохи. На берегу горит работа. Люди, как муравьи, суетятся вокруг строящегося корабля. Петр, высокий, с полугневым лицом, указывает по направлению корабля тростью щеголеватому петиметру.

— Бездельничаешь, мол, ступай, помогай, белоручка!

Любящий литературную злободневность Владимиров изобразил и Толстого, отдыхающего на одной из яснополянских скамеек. Великий старец — похож, и в лице много прекрасной мягкости, которая так характерна для него и которой не может схватить и передать ни одна фотография».⁹⁴

Упоминается И. А. Владимиров среди авторов работ о Л. Н. Толстом на проходящей в это же время выставке передвижников.⁹⁵

Итак, подведем итоги наблюдений:

1. В выставке «Салон» 1909 года И. А. Владимиров действительно принимал участие под вымышленным именем Карл Флинта с картиной «Зима».

2. Дата открытия выставки и событий указана неверно: 1911 год вместо 1909, то есть с разницей в три года. Ошибся или умышленно?

3. Ни в каких периодических изданиях, просмотренных нами, мы не нашли ни одного упоминания о работах финского художника Карла Флинта, кроме одного косвенного о картине «Снегири».

4. Откликов А. Н. Бенуа на творчество К. Флинта в его отчетах о выставках не обнаружено.

5. Ни письма в редакцию, ни заметки И. А. Владимиров в «Биржевых ведомостях» «за неделю до окончания выставки» (в реальности это

⁹³ Например, о портрете вел. кн. Владимира Александровича кисти И. Е. Репина пишут: «В. К. изображен за письменным столом в момент работы. Живопись эскизная, сильная смелая. Сделанная несколькими мазками чернильница, по виртуозности, стоит доброй половины меньшеиковского Салона...» (*Брешко-Брешковский Н. Н. (-о-ский)*). Весенняя академическая выставка. I // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 9 февр. № 10950. С. 4).

⁹⁴ Там же. С. 5.

⁹⁵ Там же. 10 февр. № 10952. С. 5: У Передвижников. Последние могикане и новое поколение.

конец февраля — начало марта 1909 г.) с сообщением, что Карл Флинта — лицо мифическое, а картины принадлежат художнику И. А. Владимирову, также обнаружено не было.

6. Франц Карлович Хольм, о котором Владимиров пишет в воспоминаниях, лицо совершенно реальное, но умер он ранее описываемых событий, 24 января 1909 года, а написано, что их встреча состоялась уже после разоблачения мистификации, то есть в реальности это должно было бы быть после 8 марта 1909 г. Да еще и указан 1911 год, то есть через три года после смерти нотариуса. Художник также писал, что *впоследствии* бывал у Хольма и узнал его ближе, чего уж никак не могло быть. Они могли быть знакомы только ранее.

7. Картину «Пастушка» Хольм также не мог купить на выставке, так как она там не выставлялась, она (под названием «Маленькая пастушка») была представлена на выставке «Товарищества передвижников» в 1909 г., на это указывал сам художник в дореволюционном списке картин, участвовавших в выставках.⁹⁶

8. Открытку И. Е. Репина, текст которой приводится в воспоминаниях, с приветствием за «великолепную шутку» и с указанием: «штемпель 2 сентября 1911 г.», к сожалению, видимо, нужно признать за мистификацию (?) Почему? Рассмотрим документ. Рукопись воспоминаний была окончена Владимировым. Последнее предложение вычеркнуто так тщательно, что прочитать его невозможно без специальной техники. Далее стоит подпись: И. Владимиров. Она также зачеркнута. Затем, видимо, не сразу, позднее, так как чуть разнятся чернила (не расплываются), перо и почерк (чуть мельче, собранней, чем в предыдущих записях), он приписал: «В заключение привожу текст открытки И. Репина...». В самом тексте тоже есть исправление: зачеркнуто в «искусстве» и написано в «живописи». И в конце: «Штемпель 2 сентября 1911 г.».⁹⁷

В подавляющем большинстве И. Е. Репин датировал свои письма⁹⁸. Здесь же цитируемое письмо не датировано, что тоже могло быть, но наше внимание специально обращается именно на дату штемпеля. Но почему указывается 1911 г.? Ведь выставка была в 1909 г.? И Репин посетил ее, и известна его реакция. И если была бы такая открытка, она бы была и датирована 1909 г. Было бы, наверное, странным получить от Репина открытку с таким содержанием, с сиюминутным откликом,

⁹⁶ См.: НА РАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 69.

⁹⁷ Там же, л. 19 об. Полный текст открытки — см. сноску 60.

⁹⁸ См., например: *Репин И. Избранные письма*: В 2 т. 1867 — 1930 / сост. и авт. вступ. статьи И. А. Бродский. М., 1969 (далее: *Репин И. Избранные письма*); *Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка. 1906—1929*. М., 2006; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2017 год: Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы и коллекционеры XVIII—XX веков в фондах и коллекциях Рукописного отдела Пушкинского Дома: Творческие и биографические материалы. Указатель. СПб., 2018. С. 261—266.

в 1911 году, через 3 года после события. Но И. А. Владимиров все действие перенес в 1911 г., поэтому, как нам кажется, он специально обращает наше внимание на дату.

Напомним, что впервые воспоминания были опубликованы в журнале «Художник» в 1960 г. (см. сноску 52). Предваряло публикацию вступительное слово: «Издательство “Художник РСФСР” готовит к печати книгу “Воспоминания о И. Репине”, в которой публикуется много неизданных материалов о жизни и творчестве великого художника.

Среди писем И. Репина обращает на себя внимание небольшое письмо, адресованное известному художнику-баталисту И. А. Владимирову».

Возникает вопрос: среди каких писем, имеющих в распоряжении издателей для подготовки книги? Говорится о нем как об отдельно существующем письме, а не как письме, только цитируемом в воспоминаниях. Приводится его текст. И далее: «Содержание этого письма было бы непонятным, если бы не сохранились воспоминания И. А. Владимирова. В них рассказывается история одной шутки, придуманной художником для разоблачения мнимого новаторства декадентствующих художников, организовавших выставку модернистической живописи “Салон”».⁹⁹ И затем следует текст воспоминаний.

В 1969 г. анонсированная книга вышла под названием «Новое о Репине». Здесь вновь помещены те же воспоминания художника. Но публикация уже называлась: «И. А. Владимиров. История одного письма».¹⁰⁰ Сначала опять был воспроизведен текст открытки Репина. Но со вступительным словом произошли метаморфозы, и оно превратилось в часть текста воспоминаний, написанных уже от лица самого Владимирова: «Содержание этого письма будет непонятным, если не рассказать историю одной шутки, *придуманной мною* (курсив мой. — А. Н.) для разоблачения мнимого новаторства декадентствующих эстетов, организовавших в 1911 году выставку модернистской живописи “Салон”».¹⁰¹

Но самое удивительное, что в конце публикации указано, что «воспоминания написаны для настоящего сборника». А далее кратко о художнике: «Иван Алексеевич Владимиров (1869—1947) <...>».¹⁰²

Отметим несколько вольное обращение издателей с исходным документом, с источником.

Это же письмо было опубликовано в «Избранных письмах» И. Е. Репина.¹⁰³ Издание вышло чуть позже «Нового о Репине», но в том

⁹⁹ Художник. 1960. № 12. С. 32

¹⁰⁰ Новое о Репине: Статьи и письма художника: Воспоминания учеников и друзей: Публикации / ред.-сост. И. А. Бродский и В. Н. Москвинов. Л., 1969. С. 329—332 (далее: Новое о Репине).

¹⁰¹ Там же. С. 329

¹⁰² Там же. С. 332.

¹⁰³ Репин И. Избранные письма. Т. 2. С. 282.

же 1969 г.¹⁰⁴ Издатели в предисловии пишут, что письма печатаются по подлинникам.¹⁰⁵ В указателе «Местонахождение писем И. Е. Репина — 1-й и 2-й тома»¹⁰⁶ мы не обнаружили ссылки на какой-либо архив, где хранится подлинник этого письма. А именно в рубрике: «Научно-библиографический архив Академии художеств СССР. Ленинград»¹⁰⁷ мы также не нашли ни имени И. А. Владимиров, ни указания, что текст письма взят из воспоминаний художника, там хранящихся, хотя в примечании к нему есть краткие пояснения из этих воспоминаний.¹⁰⁸ Там же в рубрике о письмах «Местонахождение неизвестно»¹⁰⁹ это письмо также не фигурирует.

То есть письмо приводится в издании, но источник по изданию установить не удалось. По-видимому, как мы и предполагали, самого письма не существует, оно печатается по тексту, приведенному только в воспоминаниях И. А. Владимиров, хранящихся в НА РАХ, и это нигде не оговорено.

Итак, относясь с полным доверием к источнику, исследователи ввели сведения об этой художественной мистификации в научный оборот.

Следует отметить, что художник был в дружеских отношениях с И. Е. Репиным, относился к нему с огромным почтением, искренней симпатией и любовью и состоял с ним в переписке и до революции, когда жил неподалеку в Келломяках, и после, когда граница закрылась. В архиве Репина сохранились четыре неопубликованных письма И. А. Владимиров к нему.¹¹⁰ Приведем их:

1

Ст<анция> Келломяки
фин<ляндской> жел<езной> дор<оги>
1 августа.

Глубокоуважаемый дорогой Илья Ефимович!

С сердечным восторгом шлю Вам поздравление с днем Вашего Ангела, — от всей души я желаю Вам крепкого здоровья и бодрости для продолжения Вашего великого служения Святому Искусству. Я очень огорчен, что

¹⁰⁴ Подписано к печати 31 окт. 1969 г., а предыдущее 25 дек. 1968 г.

¹⁰⁵ См.: «Письма печатаются по подлинникам <...>. За исключением писем В. И. Сурикову <...> и К. А. Коровину <...>, имеющихся в копиях» (*Репин И. Избранные письма*. Т. 1. С. 18).

¹⁰⁶ Там же. Т. 2. С. 415—418.

¹⁰⁷ Там же. С. 415.

¹⁰⁸ Здесь в примеч. 1 — опечатка в годе смерти, указан 1942 г. вместо 1947 г. В примеч. 2: «Владимиров отправил на выставку “Салон” 1911 г., на которой были представлены работы художников-модернистов, три картины, выполненные им в “новаторском духе”, и подписал фамилией несуществующего художника Карла Флинта. Картины были приняты на выставку, а одна из них, “Счастливый рыбак”, продана. О своей мистификации Владимиров сообщил через газеты» (Там же. С. 282).

¹⁰⁹ Там же. С. 418.

¹¹⁰ См.: НА РАХ, ф. 25, оп. 1, д. 606; оп. 2, д. 133.

не могу лично приехать, чтобы пожать Вашу руку, но я уверен, что Вы поверите моему письменному выражению моего искреннего глубокого почтения к Вам.

Очень прошу Вас передать мой сердечный привет Наталии Борисовне¹¹¹.
Ваш ИВладимиров.
Келломаки Морская ул<ица> соб<ственный> дом.¹¹²

2

Глубокоуважаемый и дорогой Илья Ефимович

С чувством необычайного восторга пишу Вам эти строки, чтобы выразить Вам мой сердечный привет... мое восхищение... мое поклонение перед Вами, — великим родным художником.

Теперь, в дни смуты и тревоги, когда жизнь разбита и когда душа страдает и теряется в тяжелой борьбе за кусок черствого хлеба, — Ваш праздник¹¹³ озарил меня, как и всех художников, светом вечной красоты и живительным теплом весны...

Думая о Вашей многолетней великой художественной деятельности, я испытывал радостный восторг жизни, — и я в бессвязной, но сердечно-чистой форме благодарю Божественную Судьбу за то, что Она хранит Вас как славный светоч искусства нашей многострадальной Родины.

Искренно преданный Вам ИВладимиров.
Петроград 22 ноября 1917 года.
Боль<шая> Гребецкая № 69.¹¹⁴

3

Открытое письмо:
Suomi Kuokkala vil. Penati
Professori E. Repin.

Финляндия Куоккала Вилла Пенаты.
Професору Илье Репину

1/9 июля <?> 1922

Дорогой Илья Ефимович!

Шлю Вам приветствие и поздравляю Вас с днем Ангела, и от всего сердца желаю Вам здоровья и бодрости...

На днях узнал, что письма идут прямо в Финляндию, и я пользуюсь случаем, чтобы приветствовать Вас и сообщить, что я и многие друзья частенько Вас вспоминаем и мечтаем о личной встрече с Вами, — чтобы пожать Вашу руку и взглянуть Вам в глаза... Сегодня открылась Выставка Товарищества Художников, — она имела солидный успех — чистой прибыли и продажи картин. Но, в общем, нам художникам тяжело живется — Искренне любящий Вас Иван Владимиров.

¹¹¹ *Нордман-Северова Н. Б.* (1863—1914), писательница, жена И. Е. Репина.

¹¹² НА РАХ, ф. 25, оп. 1, д. 606, л. 1.

¹¹³ Речь идет о праздновании в Русском музее 45-летия художественной деятельности И. Е. Репина, оно отмечалось с опозданием на год. Это был последний приезд его в Петроград.

¹¹⁴ НА РАХ, ф. 25, оп. 2, д. 133, л. 1.

Штемпели на открытке:

1. Петроград 2. 8. 22.

2. Петроград 4. 8.22. (и еще 2 таких же).

3. Отпечаталась только нижняя половина: 7. VIII. 22.¹¹⁵

4

Ленинград

30 июля 1924.

Глубокоуважаемый

дорогой

Илья Ефимович!

Мое бескорыстное, искреннее чувство любви и почитания побуждает меня написать эти строки Вам и поздравить Вас с радостным днем Вашего Ангела. Каждый год я с чувством особого трепетного почтения пишу Вам эти строчки, желая от всей души здоровья и сил жить и работать на славу Святого искусства...

Милой Вере Ильиничне¹¹⁶ и друзьям (кто еще не забыл меня) мой сердечный привет.

Истинно уважающий Вас худож<ник> Иван Алексеевич Владимиров.

Р. S. Быть может, это письмо и не дойдет до Вас, но я все же считаю себя счастливым, что надеюсь — авось и дойдет моя строчка поздравления.

ИВ.

Ленинград Большая Гребецкая ул<ица> дом 69 кв. 5.¹¹⁷

По-видимому, именно за это, последнее письмо И. Е. Репин поблагодарил И. А. Владимирову в своем письме Обществу имени А. И. Куинджи 1924 года: «Владимиров — Иван Алексеевич — спасибо за письмо».¹¹⁸

Но вернемся к воспоминаниям. Итак, принимая во внимание все пункты итогов наших поисков и наблюдений, с осторожностью, но вынуждены прийти к выводу: следует признать воспоминания И. А. Владимирову о «Салоне» — литературной мистификацией (?).

Но зачем это было сделано?

Можно предположить, что в далеком 1909 году И. А. Владимиров решил принять участие в выставке «Салон» под вымышленным именем, с произведениями, написанными в не свойственной ему манере, может быть, как эксперимент? Попробовать себя в другом жанре? В то время он был уже известным, сложившимся художником. Кстати, он в своих биографиях, сохранившихся в личном деле,¹¹⁹ при перечисле-

¹¹⁵ Там же, л. 2.

¹¹⁶ *Репина Вера Ильинична* (1872—1948), дочь художника.

¹¹⁷ НА РАХ, ф. 25, оп. 2, д. 133, л. 3, 4.

¹¹⁸ *Репин И. Избранные письма*. Т. 2. С. 354.

¹¹⁹ См.: РГИА, ф. 789, оп. 11, д. 78: Личное дело Ивана Алексеевича Владимирову. Л. 62—67: «Владимиров Иван Алексеевич» (получено от художника И. А. Владимирову (его жизнеописание) З.И.16); Л. 59—62: «Краткая биография художника И. А. Владимирову», также от 3 марта 1916 г. Эти автобиографии были написаны

нии выставок не упоминал об участии в «Салоне». Поучаствовал и «забыл» об этом.

А по прошествии лет, быть может, попались на глаза старые номера «Биржевых ведомостей» за 1909 год. И всколыхнулись воспоминания о «Салоне». И решил он поведать нам, потомкам, свой вариант событий относительно этой выставки, защитив свои художественные взгляды, взгляды своих единомышленников, да и самого И. Е. Репина, «отомстив» во времени, всем этим «нахальным мазилкам и жалким пигмеям, вообразившим себя новаторами нашего родного искусства»?

В заметке «Модернисты в гостях у Петра Великого» в «Биржевых ведомостях» читаем: «В этом старом гнезде, где так много шемящей суровой поэзии, приютился Сергей Маковский со своим "Салоном". Интересна подготовительная, созидательная работа. Затягиваются стены материей, суетятся плотники, обойщики».¹²⁰ В воспоминаниях у художника: «...В просторных залах, залитых светом двухъярусных окон, плотники уже устанавливали стойки и прибавали перекладки для щитов, а целая артель обойщиков обтягивала готовые щиты серым полотном».¹²¹ Как похоже.

Но все-таки, с какой целью написаны эти воспоминания и когда?

по просьбе секретаря Академии художеств В. Лобойкова, «для облегчения моей работы и для достижения полной точности сведений». Он просил доставить «не позже марта сего года, Ваше sig<riculum> vitae с обозначением Ваших произведений», так как 25 января 1916 г. на собрании Академии действительными членами императорской Академии художеств Н. Н. Дубовским, В. Е. Маковским и В. А. Беклемишевым (Л. 58) было предложено удостоить И. А. Владимирову звания академика. Баллотировка должна была состояться в октябре 1916 г. Собрание Академии состоялось 25 октября 1916 г., где «подано за удостоверение 15 голосов (10 присутствующих», 2 отсутствующих и 3 предложивших и 18 присутствующих против удостоверения)» (л. 57), то есть в звании академика Владимиров тогда не был утвержден. «Какова причина? Сказать довольно сложно, — пишет Н. И. Баторевич. — Но можно предполагать, что художник получил отрицательный ответ в связи с установлением за ним негласного надзора. В дальнейшем газета «Вечернее время» за 29 июля 1917 г. поместила сообщение о том, что положение кандидатов в академики Академии художеств, среди которых было имя И. А. Владимиров, выдвинутых на присвоение этого звания еще до февральских событий, остается неопределенным. Это было связано с тем, что реформируемая Академия баллотировку не производила и «по новому, создававшемуся уставу предполагала эти звания ликвидировать». См.: *Баторевич Н. И.* *Всю жизнь я служил России.* С. 55—56. А далее произошли события 1917 г. Сам художник писал об этом в других кратких автобиографиях: «Настал 1917... Как раз перед концом февраля, профессора И. Е. Репин (В. А. Беклемишев. — А. Н.), В. Е. Маковский и Н. Е. Дубовской представили меня к званию «академика», — а 27 февраля <...> весь народ вышел на улицы...» (НА РАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 8); в 1946 г.: «Двенадцать лет я работал при царизме и только в последний год (1917 в феврале) я был представлен к почетному званию «академика»...» (Там же, л. 23 об.). Художник в автобиографиях ошибочно указал даты представления к званию академика.

¹²⁰ См.: Биржевые ведомости. 1909. 3 янв. № 10890. С. 4.

¹²¹ Художник. 1960. № 12. С. 34.

Известно, что на протяжении всей своей жизни И. А. Владимиров был ревностным защитником реализма в изобразительном искусстве, особенно в 1920—1930-е годы, когда шло становление нового искусства. Возможно, воспоминания — это его декларация, его манифест (?), в котором он «протестует против засилья в русском искусстве формотворчества, выступает с разоблачением жалких “новаций” модернистов»?¹²²

В любом случае, художник сделал это в такой изящной, необычной форме, так легко, красиво и виртуозно, что веришь: все так и было на самом деле.

Воспоминания не датированы. Мы предполагали, что они были написаны до войны. Но, сравнивая этот документ с другим, датированным 29 июня 1946 г., «Краткой автобиографией художника И. А. Владимирова»,¹²³ которую он посылал в Комитет по делам искусства,¹²⁴ приходим к выводу, что воспоминания написаны приблизительно (?) в это же время. Почерк пожилого человека одного времени...

В 1946 г. художник был удостоен почетного звания заслуженного деятеля искусств РСФСР.

В 1947 г. И. А. Владимиров умер.

Напомним, у И. А. Владимирова при жизни были две персональные выставки.

В феврале-марте 2017 г. в Москве, в Музее современной истории, прошла выставка живописца под названием «Революция. Первый залп. Иван Владимиров — свидетель непростого времени», приуроченная к столетней годовщине «Великой российской революции 1917 г.». На выставке были представлены более пятидесяти графических и живописных произведений Ивана Владимирова, созданных им в первой половине XX века, из собрания Музея и частной коллекции Владимира Руги. «Многочисленные работы Владимирова, написанные на историко-революционные сюжеты, были известны в СССР. В то же время широкой публике оставались неизвестны его картины, тонко высмеивающие быт и настроения послереволюционной эпохи. На выставке были представлены как хрестоматийные, так и ма-

¹²² *Роцин А. И.* Иван Алексеевич Владимиров. С. 32.

¹²³ См.: НА РАХ, ф. 33, оп. 1, д. 17, л. 1—9.

¹²⁴ Там же, л. 23—23 об.: «От художника Ивана Алексеевича Владимирова, Ленинград, Пионерская ул. 60, кв. 3.

В прошлом году я, узнав от моих друзей, что в Комитете по делам искусства организуется подробный учет художественных сил, работавших непрерывно с начала нашей Великой Социалистической Революции, я послал на имя Председателя Комитета свою краткую автобиографию и перечень работ, но больше года прошло, а я не получил ни малейшего извещения.

Ввиду этого я, теперь узнав, что учет производится, решил послать свою биографию и перечень работ снова <...>».

лоизвестные, показывающие непарадную сторону революции, работы». ¹²⁵

В январе-феврале 2020 г. в Санкт-Петербурге, в Государственном музее политической истории, проходила выставка, посвященная 150-летию со дня рождения художника. Было представлено 30 художественных работ И. А. Владимирова из собрания музея, в том числе 10 живописных произведений и графика. ¹²⁶

Таким образом, в результате исследования в научный оборот вводятся некоторые ранее неизвестные документы: письмо И. А. Владимирова к Л. Л. Толстому и неизвестные и малоизвестные факты, позволяющие уточнить биографию художника, подлинность письма И. Е. Репина и сведения в изданиях, в которых публиковались воспоминания И. А. Владимирова и письмо И. Е. Репина к нему, а также четыре письма И. А. Владимирова к И. Е. Репину, хранящиеся в Научном архиве Российской академии художеств.

Библиографический список

1. *Баторевич Н. И.* Вся жизнь я служил России...: Жизнь и творчество художника И. А. Владимирова. СПб., 2013.
2. *Баторевич Н. И.* Первая мировая война глазами художника. СПб., 2014.
3. Бена Александр Николаевич. Художественные письма 1908–1917, газета «Речь». Петербург. Т. 1: 1908–1910. СПб., 2006.
4. Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 2 марта. № 9205 (о И. А. Владимирове).
5. Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 2 янв. № 10888 (сообщение об открытии выставки).
6. Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 9 янв. № 10899 (о покупке картин на выставках).
7. Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 26 янв. № 10927 (о вечерах новой музыки в «Салоне»).
8. Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 7 февр. № 10948 (упоминание о «Салоне»).
9. Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 3 марта. № 10988 (сообщение, что выставка открыта последнюю неделю).
10. Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 4 марта. № 10990 (сообщение о закрытии выставки).
11. *Брешко-Брешковский (-ский)*. «У крайних правых от палитры» (Выставка петербуржцев) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 6 янв. № 10895.
12. *Брешко-Брешковский Н. Н. (-ский)*. Весенняя выставка. I // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 9 февр. № 10950.
13. *Брешко-Брешковский Н. Н. (Н. Б.-Б.)*. Выставка «петербуржцев». II // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 3 марта. № 9206.

¹²⁵ См.: <https://www.sovrhistory.ru/history>

¹²⁶ См.: www.culture.ru

14. *Брешко-Брешковский Н. Н. (-ский)*. Модернисты в гостях у Петра Великого // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 3 янв. № 10890; *Брешко-Брешковский Н. Н. (-ский)*. Модернисты в гостях у Петра Великого. II // Биржевые ведомости Веч. вып. 1909. 5 янв. № 10892; *Брешко-Брешковский Н. Н. (-ский)*. Модернисты в гостях у Петра Великого. III // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 6 янв. № 10894.
15. *Брешко-Брешковский Н. Н. (-ский)*. У Передвижников. Последние могилы и новое поколение // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 10 февр. № 10952.
16. *Брешко-Брешковский Ник.* К «нецензурным» художникам (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 24 февр. № 9200.
17. Весь Петербург (алфавитный указатель). 1904–1909.
18. *Владимиров В.* Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской жел. дор. М., 1906.
19. «Время идет интереснейшее...» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II) / Публ. В. Н. Абросимовой и С. Р. Зориной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 98–168.
20. *Гинсбург И.* Скульптура в Салоне // Слово. 1909. 5 февр. № 700; 8 февр. № 703.
21. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2017 год: Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы и коллекционеры XVIII–XX веков в фондах и коллекциях Рукописного отдела Пушкинского Дома: Творческие и биографические материалы. Указатель. СПб., 2018.
22. Каталог «Салона», выставки живописи, графики, скульптуры и архитектуры, устроенной в 1909 году в помещениях музея и «меньшиковских комнатах» первого Кадетского корпуса. СПб., 1909.
23. Картины жизни, снятые цензурой с выставок 1906 года: Альбом репродукций. СПб.: Тип. «Герольд», [1906].
24. Комарово–Келломяки: Статьи и воспоминания. СПб., 2010.
25. *Лавров А. В.* «Золотое руно» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 137–173.
26. *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 65–136.
27. *Лазаревский И.* Художественные заметки. Салон. I // Слово. 1909. 8 янв. № 672.
28. *Лазаревский И.* Художественные заметки. Салон. II // Слово. 1909. 9 янв. № 673.
29. *Лазаревский И.* Художественные заметки. Салон. III // Слово. 1909. 11 янв. № 675.
30. *Лазаревский И.* Художественные заметки. Салон. IV // Слово. 1909. 17 янв. № 681.
31. *Лазаревский И.* Художественные заметки. Салон. V // Слово. 1909. 21 янв. № 685.
32. *Лазаревский И.* Из художественной хроники // Вестник Европы. 1909. Т. II. Кн. 3. С. 424–433.

33. *Лукомский Г. К.* О выставке Салон в Петербурге // Московский еженедельник. 1909. 26 марта. № 13.
34. *М. Л. [Ларионов М. Ф.]*. Итоги петербургского сезона. (Две заметки) // Золотое руно. 1909. № 2/3. С. 113—114.
35. Новое время. 1909. 7 янв. № 11790.
36. Новое о Репине: Статьи и письма художника: Воспоминания учеников и друзей: Публикации / Ред.-сост. И. А. Бродский и В. Н. Москвинов. Л., 1969.
37. Петербургский листок. 1909. 29 янв. № 5. Бесплатное прибавление к Петербургскому листку, к № 28.
38. *Пушков Н.* Первый день великого пролога // Нева. 1986. № 3. С. 205—208.
39. *Репин И.* Избранные письма в двух томах. 1867 — 1930 / Сост. и авт. вступит. статьи И. А. Бродский. М., 1969.
40. Репин о выставке в Салоне // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 15 янв. № 10909.
41. *Репин И. Е., Чуковский К. И.* Переписка. 1906—1929. М., 2006.
42. *Роцин А. И.* Иван Алексеевич Владимиров. Жизнь и творчество. 1869 — 1947. Л., 1974.
43. «Салон», выставка (1908—1909; Санкт-Петербург). Салон, 1908—1909 [Текст]; [каталог]. [СПб.], [1909].
44. Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 8 янв. № 5. С. 2; 1909. 15 янв. № 11. С. 3; 17 янв. № 13. С. 3.
45. *Северюхин Д. Я.* Салон С. К. Маковского // Старый художественный Петербург: рынок и самоорганизация художников (от начала XVIII века до 1932 года). СПб., 2008. С. 218—231.
46. *Северюхин Д. Я.* Цензура художественных выставок // Старый художественный Петербург: рынок и самоорганизация художников (от начала XVIII века до 1932 года). СПб., 2008. С. 95—103.
47. Слово. 1909. 3 янв. № 667; 5 янв. № 669; 15 янв. № 679; 22 янв. № 686.
48. *Станюкович В.* Петербургские выставки. Сезон 1908—1909 // Весы. 1909. № 3. С. 109—114.
49. Сын и отец: По страницам дневниковых записей и мемуаров Л. Л. Толстого / Подг. текстов, публ. и коммент. В. Н. Абросимовой и С. Р. Зориной. Вступит. статья В. Н. Абросимовой // Лица: Биографический альманах. 4. М.; СПб., 1994. С. 173—287.
50. Так были высмеяны «новаторы». (Из воспоминаний художника И. А. Владимирова) // Художник. 1960. № 12. С. 32—34.
51. *Толстой Л. Л.* Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 18 февр. № 9195.
52. Художники народов СССР: Библиографический словарь: В 6 т. М., 1970/1983. М., 1972. Т. 2.

Электронные ресурсы

53. bitBazar.ru/lot/94759
54. <https://search.rsl.ru>
55. <https://www.sovrhistory.ru/history>
56. www.culture.ru
57. <https://www.wikiwnd.com/ru>

II. ПУБЛИКАЦИИ

**«ПИСЬМА ИЗ ПЕРСИИ» 1828 ГОДА
СЕКРЕТАРЯ РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА КАРЛА АДЕЛУНГА
В ПОЛНОМ ПЕРЕВОДЕ**

*(Вступительная статья, подготовка текста,
перевод и комментарии Е. В. Юдиной и И. М. Могилевич)*

Аннотация: Полный перевод писем Карла Аделунга, второго секретаря посольства, возглавляемого А. С. Грибоедовым, выполнен впервые. Ранее (1946 г.) был опубликован перевод менее четвертой части всего объема писем; он имеет неточности и ошибки, устраненные в настоящем переводе. Письма адресованы в Петербург Федору Павловичу Аделунгу, отцу автора; они написаны по дороге в Тифлис, во время комплектования посольства в Тифлисе и дальнейшего следования через Ереван в Тебриз. Кроме путевых впечатлений по маршруту следования и в Закавказье, письма содержат бытовые и этнографические черты жизни на недавно завоеванных Россией территориях, упоминания множества военных и чиновников Закавказья, сведения о первых годах существования трех немецких колоний в Грузии и рутинных подробностях функционирования дипломатической миссии. Помимо этого, письма в целом представляют собой роман воспитания.

Ключевые слова: Русско-персидская и Русско-турецкая война; 1828 г.; взаимодействие исламского и христианского мира в Закавказье; Тифлис; Ереван; Тебриз; А. С. Грибоедов; К. Ф., Ф. Ф., А. Ф., Н. Ф., Ф. П. Аделунги; Е. Р., М. Е., П. Е., Ф. Е. Коцебу.

Abstract: Karl Adelung was the second secretary of the embassy headed by A. S. Griboedov. This is the first full translation of Karl Adelung's letters. The previously published translation of these letters (dated to 1946) covered only less than the quarter of the letters' text and contained several inaccuracies which are corrected in our publication. K. Adelung addressed these letters to his father, Fyodor Pavlovich Adelung. He wrote these letters on his trip to Tiflis (Tbilisi), during the embassy recruitment period in Tiflis and while he was travelling to Tabriz through Erivan (Yerevan). Apart from the Adelung's impressions about the terrain through which his road ran and about the Transcaucasia, the letters also contain the notes on ethnography and material culture of the communities inhabiting the territories recently conquered by Russian Empire. The letters also mention many military officers and officials of Transcaucasia, the details of diplomatic mission's routine and the information about the first years of three German colonies in Georgia. Besides this, the letters can be regarded as an 'Bildungsroman'.

Key-words: Russo-Persian War; Russo-Turkish War; 1828 year; the Islamic-Christian relations in Transcaucasia; Tiflis; Erivan; Tabriz; A. S. Griboedov; the Adelungs: K. F., F. F., A. F., N. F., F. P.; the von Kotzebues: E. R, M. E, P. E., F. E.

Вся беда в том, что мемуаристы и историки (вне зависимости от степени их честности) являются или художниками, фантастически преобразующими наблюдаемую жизнь, или посредственностями (более частый случай), бессознательно искажающими реальность, подгоняя ее под свои банальные и примитивные представления. В лучшем случае мы можем составить собственное мнение об историческом лице, если владеем тем, что написано им самим, — особенно в форме писем, дневников, автобиографии и т. д.

*В. В. Набоков*¹

«Briefe aus Persien» («Письма из Персии», встречаются также названия «Персидские письма», «Письма к отцу») второго секретаря русского посольства в Персии 1828 г. Карла Аделунга являются одним из базовых источников для всех, пишущих о А. С. Грибоедове. Не претендуя на исчерпывающую библиографию, укажем на популярные биографии драматурга и дипломата² и на академические издания.³ Между тем написанные по-немецки «Письма из Персии» не публиковались ни в оригинале, ни в виде полного перевода на русском языке. В 1946 г. О. И. Попова опубликовала русский перевод 18 извлечений из писем К. Аделунга — отрывков, имеющих, по мнению публикатора, отношение к Грибоедову.⁴

Двадцать одно письмо К. Аделунга (почти 180 страниц почтового формата) хранятся в специально для них изготовленной темно-лиловой сафьяновой папке с позолотным тиснением «Briefe aus Persien von Karl Adelung. 1828» и изящным кантом по периметру.⁵ Они написаны антиквой, а не куррентом, с орфографическими и стилистическими ошибками, что свидетельствует, как и обращение к русскому языку для

¹ *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 551. Далее — *Набоков*.

² Например: *Дмитриев С. Н.* Последний год Грибоедова: Триумф. Любовь. Гибель: Историческое расследование. М., 2017 (далее — *Дмитриев*); *Kelly L.* Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russia's Mission to the shah of Persia. NY, 2006.

³ Например: *Тархова Н. А.* Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790—1829. М., 2017 (далее — *Тархова*); *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3. СПб., 2006 (далее этот том — *ПСС*); *Пиксанов Н. К.* Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова. 1791—1829. М., 2000 (далее — *Пиксанов*); *Kneip J. R.* A. S. Griboedov: His Life and Work as a Russian Diplomat, 1817—1829. Dissertation Ph. D. Ohio, 1976.

⁴ *Попова О. И.* Грибоедов в письмах К. Ф. Аделунга отцу // Литературное наследство. Т. 47/48: А. С. Грибоедов / Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. М., 1946. С. 243—264.

⁵ РО ИРЛИ РАН, ф. 457, № 18.

обозначения некоторых реалий, о том, что автор вырос в русской языковой среде. Письма, отправленные из Еревана (№ 15 и 16) и Тебриза (№ 17–20), несут следы окуливания на противочумных карантинах. Кроме писем Карла Аделунга, в папке хранятся клочок бумаги с карандашным любительским рисунком (спящая в кресле раскормленная собачка) и листок со старательно выписанными детской рукой несколькими строками по-гречески: «Несправедливая смерть возлюбленного сына прекрасного человека генерала Аделунга потрясла наше сердце! И Святой Бог да утешит его».⁶ Очевидно, это соболезнование (возможно, написанное К. Д. Ламбросом, подростком-сиротой, жившим в семье статского советника Аделунга и не нашедшим эквивалента чину своего опекуна в древнегреческом) тронуло горевавшего, и он присоединил его к письмам родного сына. В папку вложены и 4 листа писчего формата,⁷ на которых текст написан немецкой скорописью и тематически не связан с письмами К. Аделунга. «Письма из Персии», как и некоторые другие материалы небольшого фонда Ф. П. и Н. Ф. Аделунгов ИРЛИ РАН, были приобретены в 1919 г. Б. Л. Модзалевским⁸ у вдовы племянника Карла Аделунга Николая Николаевича Аделунга⁹ (см. Схему на с. 112).

Сравнение этих писем и опубликованных переведенных отрывков из них выявило в последних не только неточности (в датах, топонимах, именах), но и смысловые ошибки. Однако побудило выполнить полный перевод не только желание исправить это, но и стремление ввести в научный оборот новую информацию о Кавказе и Закавказье начала XIX в. Речь идет о не включенных в публикацию 1946 г. темах: о работе администрации Кавказской линии, о состоянии дорог, торговли и бытовых особенностях движения по маршруту Петербург — Тифлис, о быте и безопасности переселенцев из центральных областей России и Германии, стоимости жизни и санитарном состоянии Тифлиса, бытовавших слухах, спектаклях любительского армейского театра, картинах жизни недавно завоеванных персидских городов и деревень, экипировке путешественников.

⁶ Перевод сотрудника Института восточных рукописей РАН (далее — ИВР РАН) Максима Владимировича Фионина.

⁷ РО ИРЛИ, ф. 457, № 18, л. 55–57 об.

⁸ Стоимость приобретаемого архива составила одну тысячу рублей. В то время, из-за приближения фронта к Петрограду, на эти деньги можно было купить 4,5 кг картофеля или 1,5 кг сахара (*Сомов К. А. Дневник 1917–1923. М., 2017. С. 342*).

⁹ Дело фонда Аделунгов Федора Павловича и его сына Николая Федоровича (ф. 457, л. 1). *Аделунг Николай Николаевич* (1859–1917) родился и получил образование в Германии, участвовал добровольцем в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., приехал работать в Россию в 1897 г. энтомологом Зоологического музея ИАН. Историк науки. Он умер от сердечного приступа; его вдова получила в ИАН деньги на похороны и далее обращалась за пособием в конце 1918 г. (Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее — СПФ АРАН), ф. 4, оп. 4, № 4, л. 8–11 об., 103, 120, 154).

«Письма из Персии» вступают в своеобразный диалог с другими текстами лиц, побывавших в тех же местах и примерно в то же время: «Путешествием в Арзрум» 1829 г. Пушкина и путешествиями его героев, персидскими записками 1817 г. и 1826 г. М. Е. Коцебу¹⁰ и записками 1826 г. — Ф. Ф. Бартоломея.¹¹ Слог и сюжеты писем К. Ф. Аделунга заметно отличаются от написанного двумя последними упомянутыми авторами, не говоря уже о южном дневнике П. И. Кёппена 1827—1829 гг., клонящемся к форме ежедневника,¹² архаичном по стилю, академичном по сюжетам и почти лишенном эмоционального обаяния. Неопубликованные воспоминания В. Н. Григорьева,¹³ зафиксированные 40 лет спустя после событий, хронологически неточны и гораздо менее информативны.

Перед читателем писем К. Аделунга разворачивается увлекательное и художественное повествование не только о путешествии героя, но и его взрослении. В путь отправился 25-летний интеллигентный, интересующийся естественной историей и немного инфантильный молодой человек, впервые покинувший родительский дом. Он любит музыку и театр, но почему-то мечтает о Востоке¹⁴ (хотя восточными языками не владеет); в дороге он с собой берет французский роман середины XVIII в. Его спутник в поездке и сослуживец (первый секретарь посольства И. С. Мальцов) младше его на 4 года, но гораздо практичнее. Казалось бы, долгое заточение в экипаже и гостинице неизбежно приведет к сближению молодых людей, но к концу дороги, задолжав своему спутнику изрядную сумму, он совершенно от него отдалился: Карлу с его тонкой наблюдательностью и богатым воображением его коллега кажется суховатым, излишне рациональным и не способным к эмоциональному сопереживанию.

До отъезда из Петербурга К. Аделунг занимал мелкую должность в МИД, даже не упоминаемую в календарях. Дорогой Карл Федорович

¹⁰ Записки М. Е. Коцебу были опубликованы в 1819 г. хлопотами его отца, драматурга и писателя Августа Коцебу на французском, немецком и английском языках — см.: *Kotzebue M. Narrative of a Journey into Persia, in the Suit of the Imperial Russian Embassy in the Year 1817.* London, 1819 (далее — *Kotzebue*). В 1901 г. (40 лет спустя после смерти автора) в «Кавказском сборнике» была опубликована статья: *Коцебу М. Е. Описание вторжения персиян в Грузию в 1826 г.* // Эл. ресурс, дата доступа 11 авг. 2020 г. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Kotsebu_M_E/red.htm.

¹¹ *Бартоломей Ф. Ф. Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 г.* // Русская Старина. 1904. Т. 118, кн. 4. С. 3 (далее — *Бартоломей*).

¹² СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 145 и 146.

¹³ ОР РНБ, ф. 225, № 5.

¹⁴ Близко знавший всех Аделунгов П. И. Кёппен (см. Схему на с. 112) предположил, что Карл хотел собрать материал о путешествии Афанасия Никитина (тверского купца, описавшего свое посещение Персии и индийских княжеств в 1466—1472 гг.). По его мнению, Карл мог бы стать или литератором, или ученым. Несомненно одно: «Он столь сильно, столь ревностно стремился в Персию, столь усердно приготавливал свой отъезд...» (СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 145, л. 54).

планировал осматривать достопримечательности, о которых читал в книгах выдающейся библиотеки своего отца, но мало что смог разглядеть из коляски, которую покидал совсем ненадолго. Примечательно его восприятие Москвы, где он провел три дня: город, выгоревший 16 лет назад, показался Карлу Федоровичу более нарядным и благоустроенным по сравнению с Петербургом. Но вот К. Аделунг закончил чтение романа, определенного В. В. Набоковым как «полная белиберда», потерял очки и начал меняться — теперь он уже не жалуется на холодные июньские ночи, назойливых насекомых и свои рыночные промахи, а пишет о просторном мире, полном новыми вкусами, цветами, запахами, видами, бытом, другими историями и самыми разнообразными людьми: кочующими калмыками и возвращающимися с войны кавалеристами; дорожными строителями-осетинами, красавицами-чеченками и немецкими проповедниками с их паствой — колонистами-виноградарями; грузинскими князьями, крестьянами и банщиками; российскими генералами, чиновниками и их женами; персидскими принцами, ханами, администраторами и беженцами; знакомыми из Ревеля, Петербурга и Павловска. О присущем К. Аделунгу остром взгляде и литературном даре свидетельствует то, что по мере вживания в мультикультурную среду Закавказья его письма насыщаются местными топонимами и иранизмами. Он не просто обозначает чужого, а узнает в иноплеменниках грузин, армян, курдов, чеченцев, азербайджанцев, осетин, калмыков. Как в сочиненном романе, в письмах нагнетается интерес, предвзятое появление Нины Александровны Чавчавадзе, а ее венчание и свадьбу автор пропустил, так как прихворнул и остался дома.

Карл Федорович любит шутить и в последних письмах иронией маскирует осуждение некоторых административных распоряжений. Из неумехи, с трудом управляющегося с рекомендательными письмами, он превратился в инициатора розыска плененных немецких колонистов и не только в азартного, но и расчетливого коллекционера, выполнившего поручения отца, касающиеся Учебного отделения восточных языков при МИД (далее — УОВЯ). Очень современным кажется мультикультурализм К. Аделунга: он не только организует сбор средств на строительство церкви в немецкой колонии пиетистов, его искренне огорчает варварское обращение с древними христианскими церквями Закавказья и переоборудование мечети в православный храм в завоеванном Ереване.

У Карла Федоровича были далекие планы, связанные с работой для Закавказской компании Завелейского — Грибоедова, и он взялся за изучение персидского языка. Путешествие не уменьшило привязанность Карла Федоровича к семье, дому, друзьям и сослуживцам — просто он настолько возмужал, что его любви и симпатий хватает для целого мира. Его письма напоминают роман воспитания, в конце которого юноша исчезает и появляется — мужчина.

Публикуемые письма по жанру относятся к путевым дневникам, но имеют более причудливую структуру: в некоторых письмах (№ 9–16) рассказ о «сегодня» прерывается вставками из дневника К. Аделунга, относящимися к практически ежедневной фиксации периода с 26 июня по 12 сент. 1828 г. К. Аделунг, пользовавшийся при написании писем своим дневником, называл и эти свои письма «дневником». Вслед за ним так эти письма называл и его отец.¹⁵ В одном из последних писем (№ 18) Карл Федорович сообщил, что дневник его в Шуше (по-видимому, его он отдал на хранение пастору, с которым сблизился в колонии Элизабетталь).

Полезно взглянуть на письма Аделунга как на исторический документ. Жанр семейной переписки должен снять сомнения в ангажированности автора и умышленности его текста; да вот можно ли доверять автору, чья фамилия, по известному выражению,¹⁶ «не оканчивается на -ов»? К сожалению, до сих пор в плаще патриотизма выступает нежелание обратиться к новым источникам, ведь объяснить неудачу дела «немецким засильем» на российской дипломатической службе или «английскими происками» нетрудно и, главное, привычно и объясняющему, и внимающему. К сожалению, даже в недавних работах о посольстве Грибоедова принято сетовать на засилье иностранцев в МИД первой половины XIX в., а не проводить совокупный анализ источников.¹⁷ Письма К. Аделунга демонстрируют, насколько русскими было

¹⁵ В письме, посланном из Петербурга на Кавказ П. И. Кёппену, Ф. П. Аделунг писал буквально за неделю до гибели сына: «Перс Карл в настоящее время в Тегеране, в своем последнем письме он уверяет, что очень счастлив и доволен. Его дневник <...> чрезвычайно интересен. Вы прочтете его этим летом...» (СПФ АРАН, ф. 30, оп. 3, № 1, л. 25).

¹⁶ *Меньков П. К.* Записки. Т. 1: Дунай и немцы. СПб, 1898. С. 252.

¹⁷ В качестве нескольких примеров, обычно исключаемых из анализа гибели миссии Грибоедова, можно указать на следующие. Организаторами российской школы подготовки национальных кадров драгоманов (переводчиков с восточных языков) были стамбульский потомок генуэзцев, перешедший из французского подданства в российское *Фонтон Антон Антонович* (1780–1864) и немец Ф. П. Аделунг. Консулом в Персию Ермолов, тогда всесильный командующий отдельным Кавказским корпусом, назначил серба венецианского происхождения. В подготовленных к печати Вал. А. Жуковским, но не изданных письмах французского инженера на персидской службе Б. Семино отмечено отдаление англичан (советников и дипломатов) от шаха и наследного принца после поражения под Мианом (РО ИВР РАН, ф. 17, оп. 1, № 43, л. 17 об.—18, 37–39). Английские дипломаты в самом начале Персидской войны 1826 г. добились у шаха освобождения арестованного в Тебризе посольства А. С. Меншикова и в янв. 1829 г. вызволили из заточения уцелевшего в тегеранской резне И. С. Мальцова. Свою беременную жену Грибоедов оставил в Тебризе в декабре 1828 г. на попечении английского посланника Дж. Макдональда. Английские миссии в Афганистане неоднократно истребляла толпа солдат и горожан, недовольных англичанами. Так погибли: в 1841 г. — миссия А. Бёрнса; в 1879 г. — миссия П. Каваньяри. В неизданных многословных дневниках В. А. Косаговского приведены не только воспоминания очевидца (69 лет спустя) о нападении

множество офицеров и чиновников, хотя и с удовольствием говоривших и писавших по-немецки (письмо № 11), но не менее виртуозно владевших «российским» языком. Карл Федорович, родившийся в Петербурге и дальше Павловска и Ревеля от него не отъезжавший, во всех своих письмах смотрит и рассуждает о России как о родной стране. Например, он тонко почувствовал неблагополучие деревень черноземной России (письмо № 7: «Но деревни становятся все более бедными, дома просто печальны и убоги, хотя это и не хижины, крытые соломой.... Это производит впечатление трагическое; вообще я имел совершенно другое представление о России — такого жалкого зрелища я не мог бы себе представить, особенно на центральной дороге. Я не мог не удивляться этому, и особенно тому, что я никогда об этом не слышал»). Карл Федорович попадает в болезненную точку, которой не касались в официальных корреспонденциях, и сообщает, что стоявшие в устье Аракса уланы потеряли около 85% своего состава от болезней (письмо № 9). Полный перевод писем позволяет читателю вывести свое суждение о национальном сознании К. Аделунга — нам он кажется молодым россиянином, тесно связанным с историей, культурой и природой России. Таким образом, «Письма из Персии», дающие возможность проникновения во внутренний мир их автора, еще раз напоминают о том, что множество лиц российской истории, науки и культуры, чьи фамилии «не на -ов», не «вносили вклад» как люди со стороны, а мыслили и действовали как россияне.

Письма К. Аделунга создают совершенно новое представление о положении немецких переселенцев (колонистов) в Закавказье. Пиетисты, всего 10 лет как обосновавшиеся в десятке закавказских колоний, не прозябали и не замкнулись в своем «расколе» (как показано во многих отечественных работах), а хозяйственно процветали и были открыты общению. Их переселение было высочайше одобрено во время Венского конгресса 1815 г.: Александр I, встретившись с представителями лютеран-сепаратистов и ознакомившись с их учением, разрешил их переселение на Кавказ. Около полутора тысяч семей с немалыми трудностями добрались до назначенных в Грузии и Азербайджане мест. Эту часть немецких переселенцев в эмиграцию двигали не только экономические и социальные трудности, возникшие на их родине, но и их вероучение. Пиетисты мечтали об объединении всех христианских церквей; Россия представлялась им достаточно веротерпимой, а Кавказ находился гораздо ближе к горе Арарат и Палестине (их конеч-

на миссию Грибоедова (РО ИВР РАН, ф. 30, оп. 1, № 3, л. 375—380), но и описана привычная для персидской «народной демократии» техника разгрома обороняемого строения с крыши как способ выражения «народного недовольствия», которое автор дневников наблюдал в Тегеране в мае 1900 г. (Там же, № 6, л. 130—150). Еще в 1830—1840 гг. из карательных горных экспедиций русские офицеры приводили в штаб Корпуса в Ставрополь телеги с головами убитых немирных горцев (см.: Филиппсон Г. И. Воспоминания. М., 1885. С. 102).

ным целям), чем родное Вюртембергское королевство. В свою очередь, русская администрация, организуя переселение немецких крестьян и ремесленников, надеялась внедрить с их помощью новые европейские приемы ведения сельского хозяйства, развить ремесла в недавно присоединенном Закавказье и христианизировать мусульманское население. Такие крупные администраторы, как М. С. Воронцов, А. П. Ермолов, К. Х. Бенкендорф, способствовали переселению пиетистов и организовывали их прием в Крыму и Закавказье. В отличие от большинства современных работ, базирующихся на анализе официальных документов и констатирующих трудности и небольшую успешность новых поселений, свидетельство К. Аделунга фиксирует благополучие поселенцев и позитивное настроение колонистов.

Дают «Письма из Персии» и небольшой новый штрих к глубоко разработанной декабристской теме. Отправленный на Кавказ «кровью врагов смывать» позор, покрывший лейб-гвардию (далее ЛГ), Сводный полк, сформированный из вышедших на площадь нижних чинов Московского и Гренадерского полков и Флотского экипажа, включал и младших офицеров, с декабристскими организациями не связанных и к следствию не привлекавшихся. Двое из них — Н. И. Веригин и Р. Р. Ховен — неоднократно упоминаются в письмах К. Аделунга.

Разумеется, в письмах, оборвавшихся за месяц до гибели посольства, не может содержаться описание его гибели.¹⁸ В этих письмах, полных энергии и оптимизма, нет даже предчувствия смерти (письмо № 18). В этом они противоречат многочисленным воспоминаниям друзей Грибоедова, после гибели посольства рассказавших о мрачных предчувствиях посла и даже припомнивших имя им якобы указанного будущего убийцы. Может ли полный перевод дать что-то новое исследователям разгрома миссии? Да, некоторую контекстную информацию — может.

¹⁸ Тут молодцом оказался первый секретарь посольства И. С. Мальцов, один из четырех уцелевших во время уничтожения миссии. Он укрылся (в буквальном смысле, в ковре или сундуке) почти на три часа бойни, но описал картину гибели сотрудников, в том числе и К. Аделунга. Проведя после этого 20 дней под персидской охраной (по сути, между жизнью и смертью), в своем рапорте начальству он фактически изложил ход событий, представленных персидской стороной (*Берже Ад. П. Смерть А. С. Грибоедова // Русская Старина. 1872. Т. 6, кн. 8. С. 163–207*). Выдержка не оставила И. С. Мальцова и в ответе на письмо Ф. П. Аделунга — он практически повторил свое официальное донесение: «Я тщетно старался добыть какие-либо подробности о его смерти; все, что мною узнано, заключается в том, что он искал спасения в бане, при посольском доме, где и пал под ударами кинжалов» (*Русская Старина. 1877. Т. 11, кн. 9. С. 277*). Источники своей информации по данному вопросу, как истинный дипломат, И. С. Мальцов не раскрыл. Схожие подробности (баню и кинжалы) упомянул и 40 лет спустя в своих воспоминаниях В. Н. Григорьев, узнавший о гибели посольства в феврале 1829 г. в Нахичевани от приехавшего туда Тавризского консула К. А. Амбургера (РО РНБ, ф. 225, № 5, л. 49 об.).

До сегодняшнего дня из работы в работу повторяется старая (и в начале XIX в. политически оправданная) версия причин расправы с посольством: английские интриги и неискушенность Грибоедова в восточном этикете.¹⁹ Относительно первой причины письма К. Аделунга хранят молчание, если не считать сильного и положительного его впечатления от Аббас-Мирзы,²⁰ наследного принца, пригласившего для модернизации страны иностранных специалистов и отправлявшего своих соотечественников для обучения в Англию. Можно предположить, что наблюдательный Карл почувствовал трагизм положения наследного принца: военное поражение, отсутствие средств для выплаты контрибуции и угроза отца-шаха назначить другого наследника.

А вот относительно условий профессиональной деятельности дипломатов письма весьма красноречивы. Из них мы узнаем, какими небольшими средствами располагало посольство при очень сильной дороговизне в Закавказье. Это приводило к необходимости найма сотрудников прямо на месте (из Петербурга приехали, кроме самого посла, только два секретаря,²¹ явно недостаточно подготовленные). Грибоедов, сам обучившийся дипломатическим премудростям, как и восточным языкам, самостоятельно, в процессе 10-летней дипломатической работы, иронизировал по поводу уровня подготовки переводчиков из УОВЯ («юные ориентальные дипломаты, которые цветут здесь как сонные воды, в бездействии»²²) и предпочел взять в Персию таких же, как и он сам, драгоманов-практиков и немало мультилингвов из закавказских христиан, желавших отыскать своих близких среди пленников и рабов в Персии. С одной стороны, личный интерес усиливал успех розыска; но он же мог заставить переступить порог до-

¹⁹ Любопытно указать на возможный источник, давший подобное толкование. В свите персидского «извинительного» посольства находился бывший офицер-топограф французской армии Бартелеми Семино, долго и надежно служивший как консультант, топограф и инженер у наследного принца Аббас-Мирзы и ненавидевший англичан. В 1829 г., болтая в Тифлисе с одним из сосланных декабристов, он не только хвастал полученным российским орденом (ответный дипломатический дар участникам извинительной миссии) и российским пенсионом (цена его вербовки), но и аудиенцией у российского императора, которому он изъяснил «английский след» в тегеранской трагедии. По словам большого патриота Франции Семино, англичане ненавидели Грибоедова за его «надменность» (см.: *Гангелов А. С.* Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангелова. М., 1888. С. 165–167, далее — *Гангелов*).

²⁰ *Аббас-Мирза* (1789–1833) — наследный принц Персии с 1816 г.; с 1799 г. — наместник Азербиджана, с 1805 г. — Азербиджана и Карабаха, с 1833 г. — и Хорасана. Отец 26 сыновей и 22 дочерей. Автор персидской модернизации. Имел сложные отношения как с отцом и братьями, так и с европейскими дипломатами.

²¹ Таким же малочисленным было в 1839 г. и английское посольство в Персии: посол *МакНейл*, помощник и секретарь (все трое свободно владели персидским и обходились без переводчиков). См.: *Толстой В. С.* Сер Джон Макнил // *Русский Архив*. 1874. Кн. I. С. 884. Далее — *Толстой*.

²² Грибоедов — Родофиникину. Письмо от 10 июля 1828 г. // ПСС. С. 210–212.

зволненной в чужой стране активности.²³ Та же самая экономия заставляла персонал посольства жить рядом с уже отысканными пленниками,²⁴ что утомляло дипломатов, являлось поводом для пересудов²⁵ и позволяло посторонним и видеть, и слышать то, что должно было быть известно только узкому кругу.

Даже вполне демократически воспитанный и скрупулезно отмечающий свои траты К. Аделунг вышел за рамки полученного в Петербурге полугодового жалованья, чуть ли не доезжая Тифлиса (его годовой оклад — 350 голландских червонцев,²⁶ или 1120 рублей серебром, или 4144 рублей ассигнациями) и занимал деньги даже у своего начальника (письма № 17, 19); что же говорить о переводчиках консульства или штаба Корпуса, чье годовое содержание чуть превышало 2 тысячи рублей.²⁷ Видимо, вопросы экономии средств были совсем не последними при принятии решений при развертывании и передвижении миссии. Из письма № 18 мы узнаем, что петербургское начальство экономило не только на жалованьи сотрудников, но и на почтовых расходах — необходимые для работы книги отказывались принять в официальную почту. Грибоедов также считал зарплаты сотрудников недостаточными.²⁸

Для работы посольства, кроме сотрудников и денежного обеспечения, необходимы полномочные документы, оборудование, справочники и, разумеется, дипломатические подарки. Как известно из переписки Грибоедова, миссию настолько торопливо отправили из Петербурга, что своих полномочных грамот он дождался в Тифлисе только 12 июля 1828 г.²⁹ Имущество посольства и дипломатические подарки (вместе с некоторыми тяжелыми личными вещами служащих) двигались сложным сухопутно-водным путем до Астрахани, а потом, по плану

²³ Das Ausland. 1830.18.X. № 289. S. 1162—1163. Например, одного из переводчиков миссии, *Дадашева Василия* (?—1829), несколькими годами ранее удаляли из тебризского консульства по требованию персидской стороны за «конфликтное поведение» (Das Ausland. 1830. 16.XII. № 289. S. 1155).

²⁴ Грибоедов — Нессельроде. Письмо от 23 окт. 1828 г. // ПСС. С. 264—266.

²⁵ *Толстой*. С. 895.

²⁶ *Дмитриев*. С. 350.

²⁷ Годом ранее, в 1827 г., английская миссия в Персии пыталась переманить служащего у Аббас-Мирзы француза Б. Семино на должность консульского переводчика и помощника инженера с годовым жалованьем в 1200 дукатов (РО ИВР РАН, ф. 17, оп. 1, № 43, л. 17 об.), а годом позже, в 1829 г., он стал получать как российский осведомитель по 120 дукатов в год (*Балащенко Ю. Д.* К вопросу о составе искупительного посольства Хосров Мирзы в 1829 году в Россию // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов востока. М., 1986. Ч. 1. С. 105).

²⁸ Грибоедов — Паскевичу. Письмо от 12 нояб. 1828 г. // ПСС. С. 281—282.

²⁹ Грибоедов — Родофиникину. Письмо от 12 июля 1828 г. // ПСС. С. 214—215. Возможно, такая поспешность диктовалась не только начавшимся наступлением на территории европейской Турции, но и печальным опытом отложенного на будущее исполнения Гюлистанского договора 1813 г., подписанного по итогам Русско-персидской войны 1804—1813 г.

Грибоедова, в Зензели,³⁰ Ставрополь и Тифлис.³¹ По ошибке из Астрахани груз прибыл в Ленкоран и осел в глухом порту, что потребовало от посольства усилий по его розыску.³² Подарки добрались до Казвина к моменту гибели посольства и вернулись в Тебриз в апреле 1829 г.³³ Как известно, отсутствие соответствующих статусу российского посланника даров не осталось незамеченным в Тегеране.³⁴

Из писем Аделунга известно, что дипломаты уделяли много времени розыску и возвращению на родину плененных в Закавказье. Важнейшей обязанностью Грибоедова было ускорение выплаты контрибуции.³⁵ Кроме этого, согласно поручению, инспирированному академиком Френом и профессором Сенковским и высочайше одобренным, дипломатов обязывали собирать рукописи и книги по академическому списку.³⁶ И, наконец, по требованию Военного министерства, дипломаты должны были собирать разведывательную информацию.³⁷ Можно ли было исполнить все эти поручения втроем и с теми ограниченными ресурсами, которыми располагала миссия? В письме К. Аделунга № 16 говорится о большой работе продолжительностью в 4–5 месяцев, которую необходимо проделать в Тебризе; однако миссия покинула город через несколько недель по требованию петербургского начальства.

Хотя пояснения к событиям, именам и топонимам, встречающимся в письмах, приведены в комментариях, необходимо дать некоторые разъяснения, касающиеся семьи К. Ф. Аделунга и состояния русского востоковедческого образования первой четверти XIX в.

Адресатом писем является отец Карла Аделунга — Федор Павлович Аделунг, однако обращены они ко всей семье (см. Схему на с. 112); письма пересылают или переписывают для находящихся в отъезде, а также для ближнего круга друзей семьи.

Мать Карла Аделунга — Фридерика Вильгельмина Анна Мария³⁸ Раль (1778–1848) — принадлежала не к «банкирской» ветви этой известной семьи (Александр Александрович Раль — придворный банкир с 1796 по 1817 г.), а к военной. Ее отец, Христиан Фридрих (Федор Гри-

³⁰ Грибоедов — Родофиникину. Письмо от 10 июля 1828 г. // ПСС. С. 210–212.

³¹ Грибоедов — Булгарину. Письмо начала июня 1828 г. // ПСС. С. 144–145.

³² *Дмитриев*. С. 521.

³³ *Дмитриев*. С. 670.

³⁴ *Das Ausland*. 1830. 18.X. № 291. S. 1163.

³⁵ Грибоедов — Нессельроде. Письмо от 20 окт. 1828 г. // ПСС. С. 253–259.

³⁶ СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2-1828, № 23, л. 46–50 об. Ироничная реакция Грибоедова на это поручение известна из его ответа академику Френу // ПСС. С. 145–146.

³⁷ *Кривопапов А. А.* Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019. С. 117–118.

³⁸ В прошении 1839 г. о принятии подданства Российской империи Федор Павлович назвал жену Феодорой (СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 14). Уже после смерти мужа, в 1845 г., вдова именуется Фридерикой Федоровной (ЦГИА СПб, ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 43).

горьевич) Раль, в составе армий разных стран участвовал во множестве войн и перешел в русскую службу в 1770 г. Он дослужился до звания генерал-майора артиллерии и оставил многочисленное потомство — семь сыновей (все служили в российской армии и пятеро из них приняли участие в войне 1812—1814 гг.) и пять дочерей.³⁹ С Ф. П. Аделунгом Фридерика Раль обвенчалась 20 ноября 1799 г.⁴⁰ После гибели сына Карла в Тегеране она с мужем, как и мать Грибоедова, принимала извинения от внука персидского шаха Хосров-Мирзы во время его «извинительного» посольства летом 1829 г.⁴¹

Первенец в семье Аделунгов — Фридрих Иоганн (1800 — после 1859), обучался в Петришуле (где ранее училась его мать), а затем три года (1814—1816) — в Санкт-Петербургской Губернской гимназии, после шестого (предпоследнего) класса которой поступил юнкером в 4-й Пионерный батальон. Он получил высшее специальное образование в Инженерном училище,⁴² а с 1821 г. служил в ЛГ Саперном батальоне.⁴³ Трудно удержаться от предположения, что Инженерное училище рекомендовал куратор этого заведения и бывший ученик его отца великий князь Николай Павлович. Сильное влияние на Фридриха Аделунга, подростка времен наполеоновских войн, оказали, по всей вероятности, братья его матери — недаром своего единственного сына он назвал именем дяди, Сергея Федоровича Раля, погибшего в Русско-шведскую войну 1808—1809 гг.⁴⁴ Во время декабрьского мятежа 1825 г. Саперный батальон благополучно произвел переприсягу Николаю Павловичу и более суток нес охрану императорской семьи в Зимнем дворце. Поручик Ф. Ф. Аделунг с небольшим караулом стоял у кабинета императора Николая I.⁴⁵ В апреле 1828 г. Саперный батальон через Дунайские княжества походом двинулся к Варне, после взятия которой за работы по минированию Ф. Ф. Аделунг получил повышение в чине, два ордена и ревматизм. Зимой 1828—1829 г. он лечился в Тульчине.⁴⁶ Уже в начале весны 1829 г., из-за нехватки военных инженеров, по выбору нового шефа батальона в. к. Михаила Павловича пять офицеров, и среди них и штабс-капитан Аделунг, были прикомандированы к войскам, безуспешно пытавшимся взять крепость Силистрию.⁴⁷ Там Фе-

³⁹ Ляхов Ю. Б. Род фон Ралль. С. 3. // Сайт Светланы Мрочковской-Балашовой. Эл. ресурс, дата доступа: 11 авг. 2020 г., <http://www.pushkin-book.ru/id=521.html>, далее — Ляхов.

⁴⁰ ЦГИА СПб, ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 45—46.

⁴¹ *Weilage zur Allgemeinen Zeitung*. 1830. 29.I. № 29. S. 115.

⁴² *Максимовский М. С.* Исторический очерк развития Главного Инженерного училища 1819—1869. СПб., 1869. С. 63 2-й паг.

⁴³ ЦГИА СПб, ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 11—32.

⁴⁴ Ляхов.

⁴⁵ *Волькенштейн А.* История лейб-гвардии Саперного батальона 1812—1852. СПб., 1879. С. 28—29. Далее — *Волькенштейн*.

⁴⁶ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 3, № 1, л. 25.

⁴⁷ *Волькенштейн*. С. 116.

дор Федорович за «отличное мужество и деятельность» при производстве траншейных работ был дважды награжден и получил контузию почек, после чего был переведен в штаб командующего Дибича.⁴⁸ Самое активное участие принял капитан Ф. Ф. Аделунг и в Польской кампании (подавлении Польского восстания 1830—1831 гг.), за что получил наградную полусаблю «за храбрость».⁴⁹ После 1846 г. кавалер ордена Св. Георгия IV степени (по выслуге) генерал-майор Ф. Ф. Аделунг стал инспектором Корпуса лесничих, а с 1859 г. — вице-директором Лесного департамента.⁵⁰

Старшая сестра Карла Аделунга, Александрина (1802—1872), в 1830 г. вышла замуж за Петра Ивановича Кёппена (1793—1864). Давний друг семьи Аделунгов и сотрудник в некоторых работах главы этого дома, П. И. Кёппен был журналистом, лингвистом, палеографом, географом, историком, статистиком, археологом, этнографом, адъюнктом АН, а затем и полным академиком. После свадьбы и отъезда Кёппенов к месту службы в Крым Александрина стала активным помощником мужа — она вела метеорологические и фенологические наблюдения; беременная, в 1830 г. работала в холерном карантине Симферополя.⁵¹ Никто из сыновей выдающегося ученого Федора Павловича Аделунга ученым не стал; а вот его внуки — Кёппены (как и один из сыновей Николая Федоровича Аделунга, энтомолог Николай Николаевич Аделунг) оказались незаурядно одарены в этой сфере. Федор Петрович Кёппен — член-корреспондент Императорской Академии наук (далее — ИАН), ботаник, энтомолог и библиограф. Алексей Петрович Кёппен — горный инженер-практик и разведчик недр Сахалина, пионер в теории и практике охраны труда на шахтах, успешный предприниматель и журналист, прозорливо указавший на зависимость успехов добычи сырья от развития инфраструктуры и законодательства страны. Владимир Петрович Кёппен — российско-немецкий географ и метеоролог, основатель научной климатологии (его классификацией климатов пользуются и сегодня).

Александр Федорович Аделунг (1805—1868), младший брат Карла, учился в Санкт-Петербургской Губернской гимназии в одном с ним классе⁵² и окончил ее в декабре 1822 г. Прослужив пару месяцев канце-

⁴⁸ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 3, № 1, л. 29.

⁴⁹ *Волькенштейн*. С. 169—170.

⁵⁰ Адрес-календарь или Общий штат Российской империи на 1847 г. СПб, 1847. Ч. 1/2. С. 255.

⁵¹ *Кёппен Ф. П.* Биография П. И. Кёппена // Сб. Отд-ния рус. языка и словесности ИАН. 1911. Т. 89. №5. С.152.

⁵² Список учеников С.-Петербургской Губернской Гимназии, получивших за отличное благонравие и прилежание к наукам похвальные листы // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1817. № XLIII. Ч. 1. С. 270—279. По-видимому, своих трех старших мальчиков Аделунги отдали в открытую в 1805 г. Губернскую гимназию для погружения в русскую языковую среду. Об их академических успехах есть данные только за 1816 г.: Федор (Фриц) последний

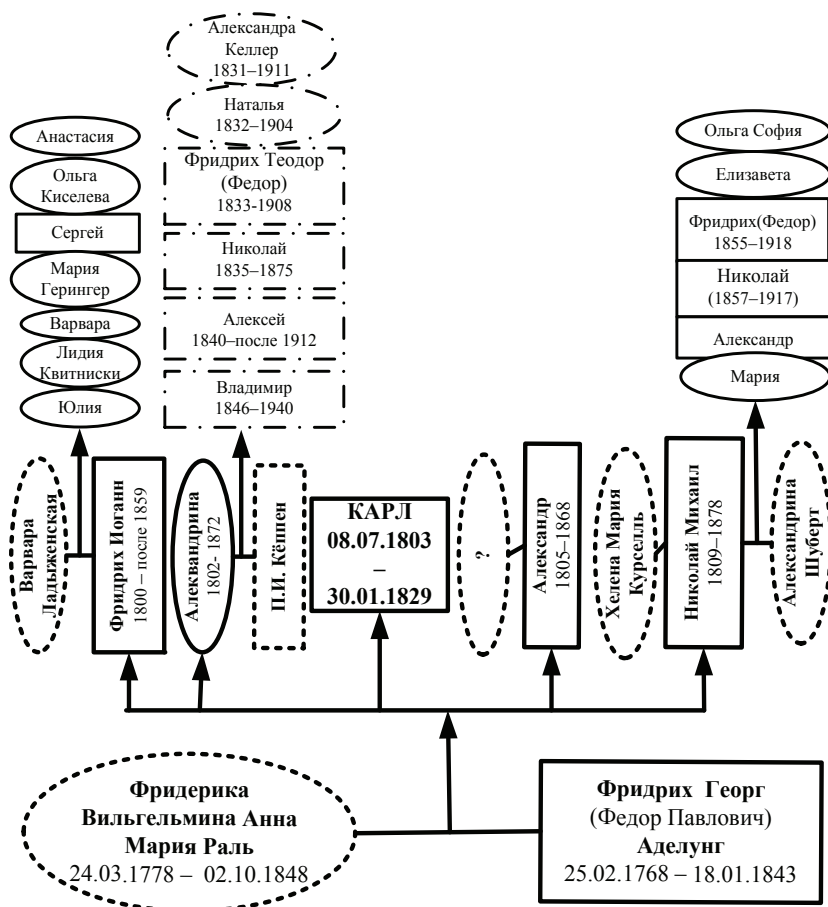

Схема родственных связей Аделунгов.

В овалах – имена женщин; в прямоугольниках – мужчин. Сплошные линии – урожденные Аделунги; пунктирные – вошедшие в семью через брак; штрих-пунктирные – внуки Кёппены.

ляристом в департаменте Путей сообщения МВД, Александр Федорович получил сходное назначение в МИД. Через полгода службы в его ведение перешла библиотека Коллегии иностранных дел, и только через 3 года он стал переводчиком в этом министерстве. Еще через 3 года, спустя несколько месяцев после гибели Карла, Александр Аделунг получил место в Вене – третьим секретарем посольства. До позиции

в рейтинге пятиклассников, Александр – 28-й из 52 третьеклассников, а Карл даже не включен в рейтинг. Возможно, эти показатели демонстрируют не особенности их развития, а являются результатом еще недостаточного освоения ими языка.

младшего секретаря посольства он добирался почти 6 лет, а генеральным консулом в Данциге был с 1849 г. до своей ранней смерти.⁵³

Самый младший, пятый ребенок в семье, Николай Михаил Аделунг (1809—1879), получил при крещении в восприемники сразу двух великих князей — Николая и Михаила Павловичей,⁵⁴ чьим преподавателем уже более 5 лет состоял его отец. Наверное, как младший, Николай Федорович был особенно любим и близок отцу. После кончины отца сын переиздал фундаментальный труд отца,⁵⁵ получивший 14-ю Демидовскую премию 1845 г., дополнив его вторым томом по заметкам отцовского архива. Николай Федорович регулярно оказывал отцу помощь в работе (по крайней мере техническую) — его рукой сделан перевод с немецкого статьи Ф. П. Аделунга «Иностранные путешественники в России» («Reisende in Russland»), предназначенный для дальнейшей работы с текстом.⁵⁶ В январе 1828 г. Николай Аделунг поступил в УОВЯ, проучился 11 месяцев и был вынужден оставить учебу из-за болезни глаз.⁵⁷ Далее Николая Федоровича ждали почти такие же перемещения в МИД, как и его брата Александра: канцелярист, переводчик, дипломатический курьер. В тридцать лет он стал служить по особым поручениям (иностранные корреспонденция и литература) в департаментах Военных поселений, потом Путей сообщения, затем Военно-походной по флоту канцелярии.⁵⁸ Наконец, только в 37 лет Николай Федорович, до этого известный только как ипполог-любитель,⁵⁹ нашел место по душе и способностям: он стал секретарем будущей королевы Вюртембергской великой княгини Ольги Николаевны. В Штутгарте он создал свою семью: овдовев после недолгого первого брака в 1846 г., в 1848 г. он женился на дочери генерала Ф. Ф. Шуберта Александре Федоровне.

Отец семейства, Федор Павлович (Фридрих Георг) Аделунг (1768—1843), был племянником известного немецкого филолога, историка и библиотекаря саксонского курфюрста Иоганна Христофа Аделунга (1732—1806), который воспитывал его с 12 до 19 лет.⁶⁰ После окончания Лейпцигского университета (философия и право) Ф. П. Аделунг с ученой целью посетил Вену, Рим, Палермо, Неаполь, где работал в крупнейших библиотеках, включая Ватиканскую, занимаясь старонемецкими рукописями и книгами. В 1793 г. он побывал в Петербурге,

⁵³ ЦГИА СПб., ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 33—36 об.

⁵⁴ Там же, л. 51—52.

⁵⁵ Книга «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений Фридриха Аделунга» вышла на немецком языке и была переведена на русский в 1864 г.

⁵⁶ СПФ АРАН, ф. 89, оп. 1, № 54.

⁵⁷ РО ИРЛИ, ф. 457, № 19, л. 1.

⁵⁸ ЦГИА СПб., ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 37—42 об.

⁵⁹ РО ИРЛИ, ф. 457, № 19, л. 12—12 об.

⁶⁰ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 42.

а в 1794 г., вместе с графом Георгом Броуном (сыном рижского генерал-губернатора Ю. Ю. Броуна), почти год путешествовал по Германии и Нидерландам. В 1795 г., после присоединения герцогства Курляндского к России, стал секретарем магистрата в Митаве,⁶¹ в которой генерал-губернатором был барон П. А. Пален.

В 1797 г. Ф. П. Аделунг переехал в Петербург⁶² со своим шефом — бароном Паленом, а в 1800 г. из домашнего секретаря барона превратился в государственного служащего — он стал цензором Санкт-Петербургского немецкого театра.⁶³ В 1801 г. Федор Павлович стал одним из основателей Филармонического общества.⁶⁴ (Наверное, свою музыкальность Карл Аделунг унаследовал от отца, посещавшего музыкальные собрания барона А. А. Раля и устраивавшего благотворительные филармонические концерты в пользу бесплатной Глазной клиники В. В. Лерхе.⁶⁵) Ф. П. Аделунг был азартным коллекционером. Из своего итальянского путешествия он привез ценную коллекцию: приобретенные у него в 1804 г. 2477 листов эстампов, гравюр и акварелей XVI—XVIII вв. легли в основу музея открывающегося Харьковского университета.⁶⁶ В этом же южном путешествии стала складываться и нумизматическая коллекция Ф. П. Аделунга, часть которой была приобретена вдовствующей императрицей Марией Федоровной, а часть (после смерти ученого) — Императорским Эрмитажем.⁶⁷ Библиотека Аделунга также была знаменита (4023 печатные книги), удостоилась специальной статьи сразу после смерти ученого в 1843 г.⁶⁸ и частями вошла в состав библиотек ИАН и ИПБ. Возможно, все эти собрания отнимали значительную часть семейного бюджета — ведь все исследования, публикации и собрания Федор Павлович вел на собственный счет, а заработки его официальной службы роскошными не назвать. Наверное, именно этим можно объяснить высочайшее участие в материальных проблемах семьи Аделунга: в 1835 г. Федору Павловичу были пожалованы 10 тысяч рублей для уплаты долгов, а после его смерти

⁶¹ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 48, л. 42.

⁶² РО ИВР РАН, ф. 1, оп. 1, № 14, л. 21—22.

⁶³ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 16.

⁶⁴ *Козырева М. Г.* Придворный банкир А. Ралль // Немцы в России = Die deutschen in Russland: Петерб. немцы / Под ред. Г. И. Смагина. СПб., 1999. С. 208.

⁶⁵ ЦГИА СПб., ф. 201, оп. 1, д. 3, л. 1, 5, 11, 20, 30 об.

⁶⁶ *Титарь В. П.* К вопросу о коллекции Ф. Аделунга и «художниках», присланных В. Н. Каразиным в Харьковский университет // Сайт «Откуда родом» департамента генеалогии Харьковского частного музея городской усадьбы. Эл. ресурс, дата доступа: 11 авг. 2020 г., <http://otkudarodom.ua/ru/k-voprosu-o-kollekcii-f-adelunga-i-hudozhnikah-prislannyh-v-n-karazinyum-v-harkovskiy-universitet-v-p.>

⁶⁷ *Спаский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 128—129, 139—142, 146, 168, 218. Далее — *Спаский*.

⁶⁸ *Шегрен А. И.* О книгах и рукописях Ф. П. Аделунга // С.-Петербургские ведомости. 1844. № 231 и 232.

в 1843 г. его вдове в виде исключения была назначена повышенная пенсия в 4 тысячи рублей.⁶⁹

В 1802 г. Федор Павлович стал помощником управляющего благотворительными заведениями Петербурга и проработал в императорском Человеколюбивом обществе почти 25 лет. В 1805 г. он стал помощником редактора в Комиссии составления законов. В 1803 г. Федор Павлович был принят одним из преподавателей (а с 1811 г. — наставником) младших сыновей Павла I — семилетнего Николая и пятилетнего Михаила Павловичей.⁷⁰ Ф. П. Аделунг преподавал им мифологию, античное военное дело и мораль на немецком, французском и латыни, причем в случае сложной латыни переводил первоисточник на немецкий, а затем обсуждал с учениками уже перевод.⁷¹ В 1811—1812 гг. он преподавал в Гатчине историю и археологию великой княжне Анне Павловне; на его лекциях присутствовала и вдовствующая императрица.⁷² Важно отметить, что последняя, известная своим живым интересом к образованию детей (и не только собственных), не оборвала контактов с Ф. П. Аделунгом и после окончания учения своих детей — Ф. П. Аделунг подносил императрице не только свои труды, но и сочинения своих друзей,⁷³ и некоторое время в 1812 г. официально «состоял при императрице».⁷⁴

В 1819 г., в связи с совершеннолетием своих августейших учеников, Федор Павлович получил место в Коллегии иностранных дел — экспедитором (начальник отделения) немецкого языка, а в 1824 г. возглавил созданное за год до этого УОВЯ;⁷⁵ и это было такое место службы, на котором Ф. П. Аделунг смог реализовать и свои исследовательские, и организаторские способности. Его труды были оценены начальством — в 1835 г., приняв подданство России, Федор Павлович занял пост старшего советника МИД.⁷⁶ По словам министра К. В. Нессельроде, старшие советники производили важнейшие политические и секретные дела под его личным руководством; а «их занятия требовали особенных знаний, способностей и трудов...».⁷⁷

⁶⁹ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 17 об. и 32.

⁷⁰ Там же, л. 15 об., 42.

⁷¹ *Пятниковский А. П.* Сочинение великого князя Николая Павловича о Марке Аврелии (Письмо к профессору морали Аделунгу) // Русская Старина. 1874. Т. 9. С. 252—257.

⁷² СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 42.

⁷³ Там же, № 139, л. 5.

⁷⁴ ЦГИА СПб., ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 5.

⁷⁵ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 487, л. 16 об.—17; АИВР РАН, ф. 17, оп. 1, № 183, л. 1; ЦГИА СПб., ф. 536, оп. 6, № 1461, л. 6 об.

⁷⁶ Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902. С. 4.

⁷⁷ *Тупицын О. М.* К вопросу о «немецком засилье» и «невежестве» в МИД России второй четверти XIX в. // Русский сборник. Исследования по истории России. /Под ред. О. Р. Айрапетова и др. М., 2009. Т. 4. С. 41. Эл. ресурс, дата доступа 11 авг. 2020 г., <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=>

Однако главными занятиями Федора Павловича были науки: лингвистика, история, источниковедение. Сравнительной лингвистикой Ф. П. Аделунг начал заниматься еще в свой первый приезд в Петербург в 1793 г., причем включился в ученые труды Екатерины II. Современные исследователи дискутируют о реальном вкладе августейшего соавтора в «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787–1789);⁷⁸ однако современники Ф. П. Аделунга, собравшись в 1821 г. литографически издать факсимиле рукописей императрицы по этой теме, обратились к содействию Аделунга,⁷⁹ так как он трудился над частью «словаря языков народов американской и гиперборейской расы северо-западной Америки и северо-восточной Азии».⁸⁰ И хотя усилия Ф. П. Аделунга по отысканию истоков славянских языков в санскрите и конструировании единого праязыка сегодня поддерживают немного ученых, два века назад эти разыскания легли в фундамент новой науки — лингвистики. Изданные Федором Павловичем санскритские тексты, хранящиеся в Императорской ПБ, расширили источниковедческую базу европейских ученых. Ф. П. Аделунг опубликовал много работ по российской истории, в том числе востребованный и сегодня сборник описаний средневековой Руси иностранными путешественниками.⁸¹ Знаком академического признания научных трудов Ф. П. Аделунга служат звания члена-корреспондента ИАН (с 1809 г.) и почетного академика ИАН (с 1838 г.). О моральном авторитете ученого свидетельствует факт избрания 37-летнего Ф. П. Аделунга в церковный Совет Петрикирхе, членом которого он оставался до конца жизни, а в 1833 г. стал его председателем.

Потребности текущей политики (торговая и военная ориентации на восточные направления) первой четверти XIX в. требовали специалистов не только классического востоковедения, но и практического. Таких специалистов начали готовить внутри системы МИД: перешедший в 1799 г. в российское подданство из французского А. А. Фонтон, российский дипломат, написал в 1820 г. проект,⁸² а грек, профессор турецкого языка Г. М. Влангали в течение первого (1823 г.) года руководил работой Учебного отделения, куда перешли преподавать Деманж, Шармуа и Топчибашев.⁸³ Вначале в УОВЯ принимали соискателей

0ahUKewjFsaTv_vbKAhXFPZoKHcboC-UQFggbMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.iarex.ru%2Fbooks%2Fbook36.pdf&usg=AFQjCNEf6NuUWCJg4w6OoKjNTFTB2jQ76w&sig2=2QZblE6ECkGLg3EikarfjQ&bvm=bv.114195076,d.bGs&cad=rjt.

⁷⁸ *Ивинский А. Д.* Екатерина II и «Сравнительные словари всех языков и наречий» // *Русская речь.* 2016. № 5. С. 75–81.

⁷⁹ СПФ АРАН, ф. 30, оп. 3, № 51, л. 1а–1а об.

⁸⁰ ОР РНБ, ф. 7, № 141.

⁸¹ *Аделунг Ф. П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864.

⁸² РО ИВР РАН, ф. 1, оп. 1, № 189, л. 9.

⁸³ Сайт МИД РФ. Раздел «Летопись дипломатической жизни МИД России в 1802–1856 гг.». Эл. ресурс, дата доступа: 11 авг. 2020 г.: <https://idd.mid.ru/letopis->

с университетским образованием (в том числе востоковедов⁸⁴), обучали арабскому, персидскому и турецкому языкам, основам дипломатической службы, географии, статистике и истории Востока (последние три предмета читали на французском). Обучение было двухгодичным, число студентов, находящихся на полном пансионе, получавших стипендию и носивших мундиры МИДа, ограничивалось шестью.⁸⁵ Отъезд Влангали к штабу действующей в Закавказье армии освободил место начальника, и в 1824 г. его занял Ф. П. Аделунг, руководивший Отделением до своей кончины в 1843 г. Все попытки Федора Павловича расширить число преподаваемых языков (включить китайский, японский и хинди) оказались неуспешными. При нем в Отделении стала комплектоваться (покупками и дарами) библиотека, включая современные деловые бумаги, а также и нумизматическое собрание; расширили круг изучаемых предметов (нумизматика, каллиграфия, итальянский, английский языки).⁸⁶ Много сил отдавал Ф. П. Аделунг подбору преподавателей (и профессоров, и их ассистентов); и если блестящего Шармуа он получил «в наследство» от закрытого на время университета, то ему на смену в 1839 г. Федор Павлович пригласил не менее даровитого педагога — араба из Египта — шейха Мухаммад-Айяд Антави, а университет смог переманить последнего только 9 лет спустя, уже после смерти Аделунга.⁸⁷ После Ф. П. Аделунга УОВЯ успешно развивалось, на его базе шла подготовка переводчиков и для Военного министерства (Военный институт иностранных языков);⁸⁸ после преобразования в 1917 г. Отделение стало более массовым институтом, включающим все основные мировые языковые направления.

Среди рабочих бумаг и писем Федора Павловича Аделунга есть незаглавленный и недатированный листок — автограф Ф. П. Аделунга с эпитафией на немецком языке,⁸⁹ переведенной Владимиром Корневым следующим образом:

Заботой, советом и делом, неиссякаемой добротой
Ты всегда был готов помочь, и где мог — помогал с удовольствием.
Ты набожен был, светел и с христианской совестью,
Благодарен, предан и жизнерадостен пред лицом Господа.
Образ твоей любви, ее верность и неустанное стремление
навек будут жить в наших сердцах — так же, как и чувство скорби.

diplomaticeskoj-sluzby/-/asset_publisher/5H3VC9AbCsvL/content/ministerstvo-inostrannyh-del-rossii-v-1802-1856-gg-?inheritRedirect=false.

⁸⁴ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 6, № 91.

⁸⁵ РО ИВР РАН, ф. 17, оп. 1, № 183, л. 6 об.—7.

⁸⁶ Там же, № 184, л. 76—77.

⁸⁷ *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879. С. 133.

⁸⁸ *Певцов М. Г.* Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и их воспитанники. СПб, 1902. 34 с.

⁸⁹ СПФ АРАН, ф. 89, оп. 1, № 153.

Мы полагаем, что эти строки посвящены Карлу Федоровичу Аделунгу, чей образ, возникающий при чтении «Писем из Персии», легко совмещается со строками эпитафии.

В полный перевод писем К. Аделунга включены (в фигурных скобках) опубликованные в 1946 г. отрывки, при этом наши исправления выделены жирным шрифтом, а ошибки этого более раннего перевода вынесены в сноски. Слова, написанные К. Аделунгом по-русски, и русские, транскрибированные латиницей, заключены в угловые скобки. При переводе максимально сохранялось авторское оформление писем; лишь для структурирования текста использовались абзацы, которыми К. Аделунг пренебрегал — по-видимому, для экономии места. В комментариях ссылки на общедоступные энциклопедии, справочники и указатели⁹⁰ не приведены. Также не поясняли имена и названия, для которых это уже исчерпывающе сделали ранее другие исследователи.⁹¹ В письмах названия переименованных, или ныне не существующих, или написанных Аделунгом с ошибками топонимов приведены согласно картографической традиции первой трети XIX в.,⁹² но *ер* и *десятеричное* и не использовались. Даты указаны по юлианскому календарю.

Письма из Персии. 1828.

№ 1.¹ Новгород 6 июня 1828.

Всего несколько слов — пока запрягают. Мы прибыли в восемь вечера благополучно. Уехали полвторого ночи — Мальцов² так торопился, что я не смог посетить Софийский собор. Я полюбовался только прекрасным видом на него с моста. Пожалуйста, успокой маму — я здоров и бодр, и радостно иду навстречу цели. Самое трудное преодолено, и перспектива открывается прекрасная. В пятницу³ надеемся быть в Москве, где задержимся на 2 дня. Отовсюду буду писать, но не рассчитывайте, что будет надежная оказия. Все дело случая. Если Александрина⁴ получит это письмо, то пусть она от моего имени передаст привет семейству Коцебу.⁵ А я действительно на пути в Персию, и чем далее, тем больше я мыслями в Петербурге и в Ревеле. Всем приветы. КА.

⁹⁰ Включая «Поколенные росписи и другие генеалогические материалы из собрания Эрика Амбургера, относящиеся к выходцам из-за границы и их российским потомкам» и «Петербургский некрополь» (*Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912—1913. Т. 1—4).

⁹¹ См.: *Тархова* и *ПСС*.

⁹² *Хатов А. И.* Кавказ: Генеральная карта земель... : СПб., 1819; *Броневский С. М.* Кавказ: Карта Кавказских земель с частью Великой Армении. СПб., 1823; *Ховен фон дер.* Кавказский край. Тифлис, 1838; *Колоколов П. Ф.* Кавказ: Карта российских владений. СПб., 1836; *Зубов П. П.* Картина Кавказского края... СПб., 1834. Ч. 1. С. 110—138. Далее — *Зубов*.

¹ Письмо адресовано: <Его превосходительству Федору Павловичу Аделунгу. В С. Петербург у Семеновского моста в доме Шмидта № 123>. К. Аделунг ошибся: верное написание имени домовладельца — Шмит; это угловой дом Апраксина переулка и Фонтанки.

² *Мальцов Иван Сергеевич* (1807—1880) был первым секретарем посольства Грибоедова. После окончания Университетского благородного пансиона в Москве он поступил на службу в Коллегию иностранных дел, в ее Московские архивы. Уцелел при разгроме посольства в Тегеране 30 янв. 1829 г.; через полгода двадцатидвухлетний Мальцов стал консулом в Тебризе и сделал успешную дипломатическую карьеру. Но не только: унаследовав фамильные стекольные предприятия и капиталы, он многократно их приумножил, вводя технические новшества и расширяя спектр производств (текстильное, металлургическое), делая ставку на массовые изделия низкой себестоимости. Свое состояние завещал племяннику Ю. С. Нечаеву-Мальцову, капиталы которого положили начало музею им. Пушкина в Москве (см.: *Пак Н. Т.* Мальцовы // Сайт Гусь-Хрустальный. Эл. ресурс, дата доступа: 11 авг. 2020 г., https://gunotes.narod.ru/people/text_1_1.html).

³ 8 июня 1828 г.

⁴ Старшая сестра Карла в это время жила в Ревеле.

⁵ У драматурга и писателя *Августа Коцебу* (1777—1819) от трех его браков было 17 детей. После убийства в 1819 г. в зарубежной командировке отца семейства воспитание его детей происходило на казенный счет. В 1828 г. в Ревеле жили: вдова с младшим сыном, ее незамужние падчерицы и бывал недавно женившийся 41-летний капитан 1-го ранга *Коцебу Оттон (Антон Евстафьевич)* (1787—1846). На Кавказе служил: 39-летний полковник Мориц (Маврикий Евстафьевич), 29-летний офицер Нижегородского драгунского полка Август-Юлий, 27-летний поручик Пауль (Павел Евстафьевич) и в гражданской службе 20-летний Фридрих. В Санкт-Петербурге служил в Азиатском департаменте МИД 24-летний Карл и учились 19-летний Георг (Егор), 16-летний Вильгельм (Василий) и 14-летний Александр. Очевидно, знакомство Ф. П. Аделунга с драматургом А. Коцебу произошло в 1801 г. в Санкт-Петербурге, когда Ф. П. Аделунг получил место цензора Санкт-Петербургского немецкого театра, где высочайшим приказом с июля 1800 г. директорствовал А. Коцебу (*Коцебу А.* Достопамятный год моей жизни. М., 2001. С. 222). Впрочем, их знакомство могло произойти и до этого: после возвращения из сибирской ссылки в Санкт-Петербург А. Коцебу регулярно бывал в доме шефа Ф. П. Аделунга — барона Палена (*Коцебу, фон А.* История заговора, который 11-го марта 1801 года лишил императора Павла престола и жизни. СПб., 1900. С. 6).

№ 2.¹ Тверь 8 июня 1828.

Я держу слово и пишу часто. У меня проблема с чернилами и перьями. Моя шкатулка так уложена, что ее трудно доставать. Путешествие пока складывается хорошо. Коляска удобна, и я совершенно здоров и постоянно голоден. Все идет хорошо, и если Богу будет угодно, то завтра утром будем в Москве. Всем приветы. К.

¹ Письмо адресовано: <Его превосходительству Федору Павловичу Аделунгу. В С. Петербург. Отдать в Почтамт>.

{№ 3. Москва 10 июня 1828 г.}

Со вчерашнего полудня мы уже в Москве, и только завтра я отнесу это письмо на почту, так как уже поздно, а по воскресеньям почта не ходит. Я не уверен, дошли ли мои записки из Новгорода и Твери, ведь их я оставлял на постоялых дворах, где за чаевые обещали их отправить. Наше путешествие было благополучно.

В Новгород прибыли вечером около восьми. Мы проехали мимо Софийского собора, и я его не заметил, т. к. Мальцов очень спешил, а остановились мы далеко от собора. Так что мое желание рассмотреть ворота церкви и остальное, самое примечательное, осталось неудовлетворенным. Мы оставались здесь ровно столько, чтобы выпить чая.

О городах <Крестцы>, Валдае, <Вышнем Волочке> и Торжке говорить нечего. Может, там и есть достопримечательности, но при такой спешке эти города не являют ничего, кроме деревянных домов. И только порой какое-нибудь каменное разваливающееся здание отличает их от бедной деревеньки. В Вышнем Волочке я хотел посетить церковный двор, однако не удалось — он расположен слишком далеко от почтовой станции.

В Твери мы обедали в пятницу в гостинице «Милан», и на десерт, кроме хороших пирогов, была такая гроза, какой я не видывал: молнии и удары грома шли одновременно, но мы не испугались и пустились в путь. В городе мне запомнилось только большое количество старых церквей, которые я не смог хорошо разглядеть из-за сильного дождя — видно было только вблизи.

До Валдая дорога была приличной. Она примерно такая же, как Царскосельская; но от последнего перед Клином города¹ она становится песчаной, так что мы некоторые станции проезжали за 5 часов.² Только в деревнях, через которые мы двигались, встречается мощение или настилы из деревянного бруса. Я не представлял, что дорога в Москву так неудобна. Некоторые красивые виды на Валдае с моста через Волхов очаровательны, а все остальные — или банальны, или представляют собой просторы, поросшие кустарником.

О Петровском дворце³ мне нечего сказать, кроме его странного стиля, но смотрится он приятно и мило. От него видно огромную Москву с золотыми куполами. Я едва успел переодеться, как снова пустился в путь, чтобы доставить несколько писем.

Сначала я пошел к Бильротам;⁴ когда я вошел, мне навстречу вышел его старший сын, которого я принял за отца — он высокий, статный. Когда вышел сам Бильрот, то мы друг друга не узнали. Можешь представить, что из-за худобы и бледности он неузнаваем; он не жалуется больше на здоровье и думает, что он поправится. По его словам, здесь дела идут очень плохо, и с оловянными солдатиками совсем плохо. Он несколько разочарован тем, что ты не пишешь ему, но постепенно он так разговорился, что велел подать бокал вина, а после и кофе. Я вынужден был обещать прийти еще раз.

Гарткнохов⁵ я довольно долго разыскивал, т. к. он до сих пор не имеет квартиры в Воспитательном доме,⁶ и дома я их не застал, и сегодня утром вновь не застал. Они уехали с семьей Голицыных за город и приедут после обеда. Я повторю попытку. Остальные письма я не доставил, так как вчера вечером думал попить чаю у Гарткнохов и не брал писем с собой.

Я вернулся через Кремль на Девичье поле, и это солидная прогулка. И хотя мне всё казалось ново, все же я узнавал места благодаря виденным изображениям и осмотрел кое-что. Все великолепно и роскошно, на всех улицах дворцы, каких мало увидишь в Петербурге. Я думаю, нет ни одного места в городе, где не стоит хотя бы одна церковь. Я уже совершил несколько дальних прогулок и все искал место, где нет креста, но это мне не удалось. Из наших комнат в доме Мальцова⁷ открывается вид на Девичье поле, на Воробьевы горы,⁸ которые, кстати, всего лишь холмы.

{Я только что возвратился с очень большой прогулки, я разыскивал дом Грибоедова,⁹ в котором живет его мать,¹⁰ и ради этого сделал большой крюк. Я очень обрадовался, найдя там его самого; он только что приехал и завтра уезжает опять;} поскольку Мальцова нет сейчас дома, я окончу письмо сегодня вечером, когда он решит об отъезде и все будет согласовано.

Наше путешествие начнется после трапезы; пока я отдал только одно письмо — Бильроту. Я не знаю, как я поступлю с остальными, вероятно, они останутся недоставленными.

После того, как я дважды напрасно побывал у Гарткнохов, вчера вечером я застал их; они были так добры, что предложили мне прогуляться в Нескучный сад,¹¹ и я с удовольствием согласился. Это очаровательное место, подобного я не видал: замечательная природа, великолепный вид на город и прекрасные окрестности; все доставило мне наслаждение; после двух очень утомительных дней я отдохнул полностью.

{Я должен сократить письмо, т. к. хотел бы написать Александрине, потом надо идти на почту, к Грибоедову, а к часу дня на обед к Гарткноху. Если бы было больше времени, я мог бы написать еще о многом; но, к сожалению, я должен очень торопиться. Только что условились, что я расстанусь с Мальцовым в Калуге и встречу с ним в Орле¹².} Он даст мне на это время свою коляску и слугу, поскольку, по его словам, он предпочитает коляску в имение не брать.

Как печально, что давно нет о вас известий, я не могу устроить получение писем ваших в дороге — пишите мне прямо в Тифлис.¹³ Я очень прошу, чтобы письма ваши встретили меня там; после получения этого письма пишите туда — на адрес фрау Коцебу¹⁴ для Александра. Господь вас храни. КА.

¹ Последний перед Клином город — Тверь; очевидно, благоприятное впечатление на К. Аделунга произвело старинное (середины XVI в.) село Завидово, последняя станция перед Клином.

² Расстояние между почтовыми станциями — 17–30 верст; то есть секретари персидской миссии, при сильной спешке, летом в дождь делали только по 5–6 верст в час по песчаной дороге. Вопрос передвижения на почтовых и курьерских в эти годы подробно разобрал Набоков (*Набоков*. С. 201 и 509): зимой в санях дистанцию Петербург — Москва (примерно 780 км) императоры делали со следующими средними скоростями: Петр I — около 16,3 км/ч; Александр I — около 18,6 км/ч, а Николай I — около 20,6 км/ч. Пушкин, отправленный в южную ссылку, в мае 1820 г. проезжал в день около 140 км. В февр. 1817 г. фельдъегерь двигался по маршруту Петербург — Тифлис со средней скоростью 200 км в день, а Аделунг с Мальцовым — летом 1828 г. по этому же маршруту делали по 130 км в день.

³ Одна из достопримечательностей Москвы XIX в. — Петровский путевой императорский дворец; его запомнила и Татьяна Ларина при проезде через город зимой 1822 г. Наблюдательный К. Аделунг не зря отметил «странность» путевого дворца, построенного М. Ф. Казаковым по желанию Екатерины II: своим обликом, по мнению Рахматулина (*Рахматулин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы*. М., 2009. С. 520–525. Далее — *Рахматулин*), он воплощает «Первый Рим в Третьем».

⁴ *Бильрот Фридрих (Федор Федорович)* (1764–1840), чиновник Горного департамента МВД.

⁵ *Гарткнох Карл Эдуард* (1775–1839) родился в Риге в семье издателя и книгопродавца Иоганна Фридриха Гарткноха. В Вене был учеником знаменитого музыканта Я. Н. Гуммеля (1778–1837); концертировал и преподавал в Лейпциге и Веймаре; в 1825 г. — в Санкт-Петербурге; с 1827 г. преподавал в Московском воспитательном доме, готовя домашних учителей музыки (см.: *Красуский В. Краткий исторический очерк Императорского московского Воспитательного дома*. М., 1878. С. 18).

⁶ Первое (1764 г.) в России государственное учреждение для ухода и первоначального воспитания незаконнорожденных и оставшихся без попечения детей. Концепт учреждения принадлежал М. В. Ломоносову; разработал планы и долгие годы руководил Домом И. И. Бецкой. Здание Дома (архитектор К. И. Бланк) сохранилось при пожаре 1812 г. (*Рахматулин*. С. 164).

⁷ В доме Ивана Акимовича Мальцова (Малая Якиманка, № 596) остановились секретари персидского посольства. В этом доме в семье дяди после смерти своего отца жил с 1823 г. И. С. Мальцов.

⁸ Одно из узловых мест московской истории. Начатое по проекту А. Витберга в 1817 г. строительство храма Христа Спасителя на Воробьевых горах было остановлено в 1827 г. и возобновилось 10 лет спустя (уже по проекту К. Тона) на Волхонке. В 1828–1838 гг. в бывших рабочих бараках располагалась пересыльная тюрьма, в которой творил свой подвиг доктор Гааз. Архитектурной отметкой места во время приезда в Москву К. Аделунга, кроме тюрьмы, искусственных террас и фундаментов неосуществленного храма, был Васильевский замок, принадлежащий кн. Юсуповым (*Рахматулин*. С. 371–375, 391, 407).

⁹ Двухэтажный дом № 20 в Хамовниках, примерно в 5 км к северу от дома И. А. Мальцова, был построен после пожара 1812 г. на месте дома, где родился А. С. Грибоедов в 1890 или 1895 г.

¹⁰ *Грибоедова Анастасия Федоровна* (1768–1839).

¹¹ В начале XIX в. территория Нескучного сада за Калужской заставой принадлежала кн. Трубецкому; общественный сад был организован после покупки

усадьбы дворцовым ведомством в 1826 г. Ныне сад является частью парка им. Горького.

¹² В переводе 1946 г.: Орше.

¹³ Тифлис (совр. Тбилиси) — грузинский город V в., с XI в. — столица Грузии, неоднократно разоренный монголами, персами и турками. Столицей объединенных Картли-Кахетии стал в 1762 г.; с 1783 г. — под протекторатом России. С этого времени — место дислокации командующего отдельным Кавказским корпусом. В 1795 г. разорен персами; около 15 тысяч жителей города и окрестностей были уведены в рабство.

¹⁴ *Коцебу Елена Романовна* (1804—1877), дочь Тифлисского гражданского губернатора генерала Р. И. Ховена, жена М. Е. Коцебу. Грибоедов в 1821 г. сожалел о ее браке (ПСС. С. 143).

{№ 4. Калуга 12 июня 1828. Вечер, 9 часов.}

Только сейчас принялся за письмо, хотя с 5 часов я на месте. Мы остались ночевать на почтовой станции, т. к. в коляске ремни передних рессор порвались, и их только к утру починят. Мальцов час назад уехал в имение своего дяди¹ и оставил мне коляску и двух слуг. Сам он поедет в кибитке, я завтра еду в Орел — 180 верст отсюда — и буду ждать его там, а потом, в полдень пятницы,² мы поедем через Курск, Новочеркасск и Ставрополь во Владикавказ.

Я немного осмотрел город, но ничего не нашел занимательного, кроме короткого <тулупчика>, который мне пригодится для ночного сна. До сих пор я очень мерз. Вечерний чай с ромом и ночью, иногда немножко мадеры, которые греют хорошо, но недолго. Теперь будет по-другому. Я озадачился из-за писем господам в Москве, потому что я рассудил, что они могли содержать что-то, что касалось не только меня; поэтому я попросил одного воспитанника Университетского благородного пансиона³ (которому я передал два письма от его брата), доставить эти оставшиеся неврученными письма, что он мне и обещал сделать в тот же вечер. Может, это было неправильно, но как иначе?

Вчера, как я уже писал, я обедал у Гарткнохов; жена чувствовала себя нехорошо, и я ее не видел в этот раз. Я не могу не повторить тебе, как дружелюбен и любезен был он сам. После неприятных двух дней, когда я чувствовал себя одиноким и покинутым, я пообещал на обратном пути посетить его. И он также передал вам всем свои приветы. С Бильротом я больше не встретился: отъезд был слишком внезапен.

{Вчера,⁴ **после визита к Грибоедову**, в 8 вечера, мы выехали из Москвы⁵; в Ставрополе мы опять встретимся с ним; не могу передать, как я этому рад; чем ближе я его узнаю, тем больше я его ценю и люблю. Я встретил у него Петрозилиуса, который просил меня передать тебе его почтение, хотя он и не знаком с тобой лично; он и Грибоедов не находили слов для похвал тебе; дело дошло до того, что Петрозилиус воскликнул: «Все, что зовется Аделунг, велико и станет знаменитым».} Он был столь сердечен, что обнял и расцеловал меня.

Путь из Москвы сюда великолепен. Все вперед, вниз и вверх. Великолепные хлебные поля, пестрые луга — таких красивых я не видал, роскошные березовые и дубовые рощи; ах! Все так красиво, и всем я мог наслаждаться только наполовину: я все время один; Мальцов это не ощущает, каким бы добрым и приятным он ни был в остальном.

Еще в Москве мы попробовали земляники, и уже через несколько станций за 15 копеек медью получили миску с горкой крупных и отборных ягод. Их хватило и нам, и трем слугам. Мы приготовили их с сахаром и сметаной, как ты это делал в Павловске. Я должен сказать, что это не совсем удалось — не так, как было с тобой в маленькой комнате в крепости.⁶

У меня нет времени писать Александрине — поздно, я устал, хочу отдохнуть; ты ведь пересылаешь все мои письма в Ревель? Если попадут в руки доброй Александрины, то передавай сердечный поцелуй ей и маме. Я чувствую себя хорошо и радуюсь моменту, когда снова увижу Грибоедова. Сестра будет так добра, что передаст привет от меня семейству Коцебу, и особенно Ене.⁷

Если с почтой в Орле повезет, то я снова напишу; это письмо уйдет завтра. Я буду писать так часто, как смогу. И очень прошу, придерживайтесь тех 14 дней, через которые я буду ожидать ваших писем в Тифлисе. Если вы писали уже, и это будет происходить не слишком редко, то шлите их в Департамент⁸ — Александр⁹ знает, что делать с ними. Фрицу Коцебу¹⁰ я написал из Москвы пару строк для того, чтобы сообщить ему о моем прибытии. Как я радуюсь встрече с ним! Желаю благополучия, и помните обо мне. КА.

¹ Дядя И. С. Мальцова — *Мальцов Иван Акимович* (1774—1853) — наследник и владелец Гусевского хрустального завода, принадлежал к первому дворянскому поколению купеческой семьи. Он основал несколько стекольных и сахарных заводов и, купив производство у Демидовых, положил основу успешному металлургическому бизнесу. Был женат на разведенной жене Василия Львовича Пушкина; литературный салон в их московском доме посещали Пушкин и Грибоедов. Дятьково (имение и хрустальный завод в Брянской области) расположено в 180 км от Орла и 210 км от Калуги.

² 15 июня 1828 г.

³ Одно из старейших государственных средних учебных заведений России, его предшественница — гимназия — была основана одновременно с Московским университетом в 1755 г. Пансион был закрыт в 1830 г., после критики его порядков Николаем I.

⁴ 11 июня 1828 г.

⁵ В переводе 1946 г.: где задержались у Грибоедова.

⁶ Крепость Бип (Мариенталь), построена в Павловске в 1797 г. по проекту В. Ф. Бренны по приказу Павла I как подарок императрице Марии Федоровне. В крепости размещалась первая в России школа для глухих детей, основанная императрицей. В Павловск ежегодно выезжал на дачу Ф. П. Аделунг с детьми, а потом и с внуками (СПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 35, л. 3).

⁷ Возможно, Еня — домашнее имя второй из доживших до взрослости дочерей драматурга Коцебу — *Элизаветы Эмили Коцебу* (1797—1866).

⁸ Департамент Коллегии иностранных дел, где в это время служили братья Карл и Александр Аделунги. Департамент пересылал письма дипломатам, но отсылал в пересылке посылки (см. письмо № 18).

⁹ Александр Федорович Аделунг.

¹⁰ *Коцебу Фридрих Вильгельм* (1808—1880) — седьмой сын драматурга Августа Коцебу (третий ребенок от третьего брака), в 1826 г. окончил Царскосельский благородный пансион с 3-й серебряной медалью, в это время — чиновник по особым поручениям гражданского губернатора Тифлиса; всю жизнь служил на Кавказе, в конце службы — действительный статский советник, управляющий почт на Кавказе.

{№ 5. Орел 15 июня 1828. 10 часов утра.}

Хотя почта отсюда уйдет только в понедельник, я использую свое пребывание здесь, чтобы сообщить о себе, так как в Курске, возможно, это уже не получится — может быть, мы там не будем останавливаться. Вместо 6 часов утра среды, тринадцатого, я отправился из Калуги только после обеда, в 5 часов. Ремни рессор подоспели слишком поздно. Скрасила мне все утро до обеда Юлия Руссо,¹ так что город я видел мало и не смог найти в нем ничего привлекательного.

Гостиный двор красив и просторен; он представляет собой четырехугольник с 10 павильонами внутри. Весь из камня и напоминает очень Щукин двор.² Только в Калуге все чище и красивее.

С моим <тулупом> мне не очень повезло: когда я вернулся с ним на почтовую станцию, оказалось, что он совершенно изъеден молью, так что он не годен. Когда я снова на следующий день пошел в лавку, она была закрыта — меня провели.

Здесь, в Орле, я попытаюсь во второй раз излечиться³ — путь из Калуги сюда довольно хорош и проходит через прелестную местность: <Ока> петляет так красиво по долинам и выглядит замечательно — река показывается 7—8 раз вблизи дороги.

В Белёве, куда я прибыл утром, мне показали дом, в котором умерла императрица Елизавета Алексеевна.⁴ Как известно, это богадельня, а комната, где она умерла, — часовня. Как Белёв, так и Калуга расположены живописно на берегах Оки (я думаю); во всех городах, что лежат за Москвой, церковей больше, чем домов, и большей частью это старинные здания в особом стиле.

{Я ожидаю Мальцова здесь, в Орле, к 4 часам дня;⁵ мы поедем вместе без остановок до Ставрополя, откуда отправляемся дальше с Грибоедовым. Я окончу мое письмо, когда мы будем готовы к отъезду.⁶}

Позднее. Уже 6 часов, а Мальцова нет. Так как мы можем выехать ночью, я должен отнести письмо на почту. От проезжающих принимают почту в любое время. Сердечный привет Александру, Николаю,⁷ Мэтью⁸ и Коцебу, а также Костаки⁹ от КА.

Где только можно будет, я напишу.

¹ Роман в письмах Ж. Ж. Руссо «Юлия, или новая Элоиза» написан в 1757–1760 гг.; по мнению В. В. Набокова, некоторыми поворотами сюжета он напоминает еще не завершённый в 1828 г. «Евгений Онегин» (Набоков. С. 296–297).

² Существующий и ныне в Санкт-Петербурге торговый комплекс Апраксин двор (строение второй половины XIX в.) до 1833 г. представлял собой два соседствующих благоустроенных рынка — Апраксин и Шукин.

³ К. Аделунга укачивало на разбитых дорогах.

⁴ Супруга Александра I императрица Елизавета Алексеевна после смерти мужа 19 нояб. 1825 г. в Таганроге (где она проходила климатолечение) отправилась в Москву, но скончалась по дороге, в Белёве 4 мая 1826 г.

⁵ В переводе 1946 г.: около 4 часов дня.

⁶ В переводе 1946 г.: Я оканчиваю свое письмо, так как мы собираемся выезжать.

⁷ Н. Ф. Аделунг, в это время — студент УОВЯ.

⁸ Возможно, М. М. Андерсону. Андерсоны — одна из известнейших британских семей Петербурга, как по длительности проживания (более века в городе рождались, жили и трудились 5 поколений), так по широте и объёму коммерческой деятельности (экспортно-импортные операции, кожевенное, текстильное и маргариновое предприятия — см.: *Барышников М. Н.* Иностранцы во внешней торговле царской России (институциональное пространство деятельности) // Проблемы современной экономики. 2004. № 3.). По возрасту к К. Аделунгу был наиболее близок третий сын купца 1-й гильдии Мэтью Андерсона — *Матвей Матвеевич* (1798–1877). В это время семья Андерсонов занималась отзывом своего опрочметчиво поданного в 1825 г. прошения о вступлении в российское подданство (ЦГИА СПб., ф. 254, оп. 1, № 2979, л. 2–6). Благодаря этому сохранилось паспортное описание внешности Мэтью-младшего: «...рост средний, волосы, брови — белокурые, глаза голубые, нос прямой, рот средний, подбородок круглый, лицо продолговатое».

⁹ *Ламброс Костаки* — сын грека с о. Крит Димитроса Ламброса. Вместе с матерью бежал в 1822 г. из турецкого рабства в Одессу, лечился и воспитывался несколько лет в семье Ф. П. Аделунга (Письмо П. Г. Ободовского графу Каподистрия от 24 декабря 1828 г. // Русская Старина. 1903. Т. 116, кн. 11. С. 359–361). К. Ламброс учился на средства императрицы Александры Федоровны в 3-й Санкт-Петербургской гимназии, которую окончил вторым в выпуске 1833 г. Ф. П. Аделунг организовал в Санкт-Петербурге подписку на выкуп из рабства его братьев. К. Ламброс стал переводчиком с персидского.

{№ 6.1 Станция Кагальницкая (вторая после города Аксай на Дону), в 200 верстах от Ставрополя.²

Утро 1/2 8.

Я очень боюсь, что вы беспокоитесь обо мне, так как я очень долго не писал; но после Орла мы проезжали через немногие города и все время ночью; к тому же мы боялись, что Грибоедов уже ожидает нас в Ставрополе, и поэтому скакали во всю мочь. Я **хочу**³ написать вам из Ставрополя, где мы будем, во всей вероятности, завтра вечером, но Тифлисская почта⁴ уходит в Петербург рано утром, и притом один раз в неделю. Здешний почтмейстер обещает мне передать это письмо первому **же** почтальону; посмотрим, выйдет ли из этого что-нибудь. Кагальницкая — первая станция после скрещения большого Харьковского

и Воронежского трактов; мы узнали здесь, что Грибоедов еще не проехал, очень обрадовались этому, так как нам не надо будет спешить.} Сообщение о нашем путешествии из Орла я пошлю вам, если будет побольше времени (я думаю, не ранее чем из Тифлиса), поэтому не беспокойтесь, если не напишу до Тифлиса. Все идет как хотелось. Мы едем очень быстро и со всеми удобствами, и я чувствую себя хорошо. Сердечный привет в Ревель через Александрину всем Коцебу. Я напишу ей не прежде Тифлиса. Готовность письма зависит от того, где я пишу. Мухи здесь на всех станциях ужасно бесцеремонные. Прощайте по крайней мере на восемь, а может быть, и на 14 дней. Мама пусть не беспокоится — иначе невозможно. Прощайте, приветы братьям, Мэтью, Коцебу, Костаки и маленькому Александру.

¹ Письмо адресовано: <Его превосходительству Федору Павловичу Аделунгу. В С. Петербург. Отдать в Почтамт>.

² Расстояние между Кагальницкой и Ставрополем составляет почти 300 км.

³ В переводе 1946 г.: хотел.

⁴ Регулярное почтовое сообщение Москва — Тифлис учреждено в нояб. 1826 г.

№ 7. Ставрополь, 24 июня 1828. Утро.

С одной станции, название которой я позабыл,¹ и со второй (местечко Аксай на Дону²) я написал несколько строчек в Петербург, чтобы дать знать о себе после длительного промежутка. Но сейчас я не знаю, будет ли доставлено вовремя это письмо. За чаевые я передал его смотрителю, который обещал его отправить с экстренной почтой в Тифлис; мне придется долго ждать сообщения от вас. Очень мучительно не иметь никаких известий от вас; вот уже скоро 3 недели, как я вас покинул, и за это время чего только не могло произойти. Бог даст, по прибытии в Тифлис я что-нибудь получу от вас.

Как я обещал, сообщаю более подробно о путешествии из Орла. Мальцов прибыл в тот же вечер, когда я писал. После чаю и перемены лошадей мы около полуночи поехали дальше. На следующий вечер случилась небольшая неприятность: на второй станции перед Курском³ я с сожалением заметил, что пропал мой лорнет — его долго искали, но найти не смогли. После длительных поисков я решил остаться в экипаже и послать ямщика на предыдущую станцию для поиска там. Нужно было проехать 32 версты туда и обратно. Один из них взял эту заботу на себя и отправился. Мальцов с коляской и двумя слугами поехал дальше. Я пообедал или, скорее, поужинал; прошло 3,5 часа после отъезда моего курьера, и около 8 вечера я все еще сидел <нрзб 1 слово>.

К счастью, я не напрасно задержался; около девяти вечера заметил посланного курьера, и я обрадовался, когда он из своего сапога вынул лорнет; я с удовольствием отдал ему обещанные деньги, т. к. я очень жалел о потере. Теперь необходимо догнать Мальцова. Между тем у не-

го было много времени, чтоб уехать далеко, и я спешил как мог. Слова в <подорожной «по Высочайшему повелению»> возымели свое действие, так что я дважды получал курьерских лошадей. В Курске, куда я приехал в полночь, лошадей не оказалось; полицмейстер приказал оставить 30 лошадей для генерала Клейнмихеля.⁴ Я спросил смотрителя, кому он хочет подчиняться — полицмейстеру или императору, и он не отвечал ничего, но через 5 минут меня уже везла чудесная курьерская тройка.

На другое утро, около 12 часов, я нагнал своего товарища и был очень рад покинуть кибитку. Мальцов, для того чтобы избежать перекладывания чемоданов, купил в Москве большую кибитку, и именно она меня почти что довела до болезни: путь, который я проехал в ней по тракту — ничего страшного, но я едва мог перенести ужасное курское уличное мошение, по сравнению с которым петербургское — настоящее шоссе. Город при этом такой пыльный из конца в конец. Уже от Москвы дорога идет все время хлебными полями, и чем ближе к Орлу, тем их более. Но деревни становятся все более бедными, дома просто печальны и убоги, хотя это и не хижины, крытые соломой.

Нетронутая природа почти не встречается, и дорога непрерывно ведет то вверх, то вниз, но везде без растительности: только хлебные поля. Это хорошо, но для путешествующего мало удовольствия. Я очень обрадовался, когда увидел в одной деревне птицу — очень красивую сизоворонку,⁵ и она была настолько непуганой, что мы проехали очень близко, но она не улетела.

{В воскресенье, 17-го, около 5 час утра мы прибыли в Харьков и, **умывшись, побрившись и напившись чаю, немного осмотрелись в городе.**⁶ Я очень хотел навестить мать Кёппена,⁷ но было слишком рано, а мы должны были спешить, чтобы не заставить Грибоедова ожидать нас в Ставрополе.}

Замечательными зданиями Харьков не богат: здание университета старо и незначительно; только обсерватория красивая и новая. Как и повсюду, я интересовался в лавках восточными монетами; но получил, как и везде, ответ, что ничего такого нет.

После этого города пошли степи, и тянутся они до Ставрополя. Города, которых здесь немного, не заслуживают этого названия. Бахмут и Славянск, без преувеличения, еще более бедные, убогие и грязные, чем любая деревня петербургских окрестностей. В Бахмуте, например, нет даже улиц; все тут стоит вперемешку с крытыми соломой глиняными мазанками без труб, и в нем буквально не получить и хлеба. Это производит впечатление трагическое; вообще я имел совершенно другое представление о России — такого жалкого зрелища я не мог бы себе представить, особенно на центральной дороге. Я не мог не удивляться этому, и особенно тому, что я никогда об этом не слышал.

И какими бы в целом скучными степи ни были, все же местами можно видеть приятное изобилие и роскошное цветение. Это были но-

вые для меня растения; и даже знакомые выглядят здесь совершенно иначе — здесь все крупнее и красивее. Многообразие и количество насекомых трудно представить себе; слышишь постоянно жужжание и стрекот, и хочется собрать их для коллекции. Большая часть степей покрыта благоухающими травами: мята и прочее. Вечерами было так хорошо вдыхать ароматный воздух. Среди дикорастущих цветов я приметил, в частности, желтые и розовато-красные плетистые розы; маленькие бледно-красные пахучие вьюнки, растущие вдоль дорог; в большом количестве цветы, растущие в Павловске на террасах неподалеку от дворца, — их листья снизу зеленые, а сверху более красноватые или голубоватые⁸ — и их так много. Пока запрягали лошадей, я ходил в степь и остался бы там подольше, потому что это нечто необычное и прекрасное, как бы однообразны и пустынные они ни были. Время от времени видишь курганы, и не редко; также здесь еще стоят каменные идолы высотой в 2 аршина⁹ приблизительно. Они выглядят как египетские обелиски, и у некоторых даже заметен платок или повязка, со свисающими по обеим сторонам груди концами. Большая часть этих странных фигур стоит вдоль дороги для того, чтобы, как мне сказали, указывать путь.

Короче, перед местечком Аксай на Дону, где переправа, мы увидели отряд калмыков с приблизительно пятьюдесятью верблюдами; последние были доставлены, чтобы везти отсюда груз сухарей во Вторую армию.¹⁰ На меня произвели сильное впечатление виды природы, и мне показались сном эти грязные парни и эти странные уродливые верблюды.

При переправе через Дон, которая задержала нас на несколько часов, мы встретили казаков, возвращавшихся из Грузии¹¹ и Имеретии¹² на родину. Часть их участвовала в Персидском походе.¹³ Я поговорил с некоторыми из них и восхитился их радости, испытываемой ими при виде родных мест, после 6 лет, проведенных вдали от родины. На одной станции, приблизительно в 110 верстах отсюда, мы встретили генеральшу Сипягину,¹⁴ которая ехала в Москву в четырех экипажах, для чего понадобилось 20 лошадей. Хотя это и было для нас неприятно (мы не получили лошадей), это обрадовало меня, т. к. я поговорил с одним из сопровождавших генеральшу адъютантов Сипягина, который знает всех Коцебу в Грузии. Особенно мне приятно было, что он мне мог рассказать о фрау Коцебу.

Ничего особенного на Дону я не видал, кроме нескольких калмыцких юрт, которые мы посетили; а на здании одной почтовой станции заметили парочку очаровательных голов овнов. В этой части степи калмыки встречаются часто,¹⁵ но обычно вдали от дороги. Только в двух местах мы видели несколько юрт. В большинстве случаев они бегом говорят по-русски, но грязны и противны.

{Вчера, около 5 часов утра, приехали мы наконец в Ставрополь и узнали, что Грибоедов еще не приезжал.} Мы остановились на так

называемом постоялом дворе, где получили одну меблированную комнату. Еду и чай нам доставляют из единственного местного трактира. Надеюсь, что мы будем недолго ждать министра,¹⁶ т. к. очень неприятно быть в неопределенности. К счастью, я нашел путешествие Гамба¹⁷ у Мальцова, ведь я имел неосторожность взять с собой только два тома «Юлии» Руссо, которые дочитал в Калуге и Орле. О том, чтобы пойти куда-нибудь, нечего и думать — вчера было невыносимо жарко, и мы очень устали от езды, а сегодня идет дождь. Местоположение города¹⁸ самое благоприятное, и после тысячи верст степей особенно отрадно снова увидеть деревья, среди которых довольно красивые и высокие тополя. У нас комната, где из одного окна виден проселок и рядом с ним гора, на склоне которой строят рынок. На вершине стоит каменный крест с надписью на медной доске о том, что в ноябре 1816 г. был заложен камень церкви Николая Чудотворца. Но о строительстве даже и не думают.¹⁹ С вершины этой горы вид как из нашего другого окна, только, естественно, обширнее. Во-первых, видишь часть Кавказа: близкие горы, хотя и невысокие, однако вдали, как туманы, мерцают и некоторые высокие вершины, названий которых тут не знают. Весь город лежит на одном склоне и имеет приятный вид.

Вчера я был в местных лавках, здесь купцы разных национальностей: русские, черкесы,²⁰ татары²¹ и евреи. Все говорят по-русски, но между собой на своем языке. Мальцов купил у одного черкеса довольно красивый, хотя не новый, кинжал за 10 руб. ассигнациями с каким-то особым железным клинком. Я уже спрашивал тут о восточных монетах у местных менял — но не смог ничего найти. Однако, когда я вчера снова там проходил, один из торговцев сказал, что у него есть нерусская копейка, которую он мне хочет подарить. Я заплатил за нее серебряной мелочью и посылаю ее тебе. Что это, сможет решить Джафар.²² Я не могу тебе описать, как я обрадовался этой находке; может, позднее повезет еще. Спрашивал и о каламах,²³ но здесь их нет — их здесь не используют.

Позавчера из Персии в город вернулись уланы; сегодня проходили под нашими окнами; из полка не осталось ни одного полного эскадрона; они пострадали в меньшей степени от огня, чем от судьбы.²⁴ Полк прошлым летом имел плохое место для лагеря, и это сгубило большую их часть. Этот полк, как и вся кавалерия в Грузии, носит, с разрешения императора, белую форму, <нрзб 1 слово> шапки с козырьками, часто белые.

Есть еще много, что мог бы рассказать, но прошлая ночь меня совсем измучила, я никогда не видел такого количества блох на себе. Это было просто невыносимо, я не мог заснуть даже на четверть часа. Едва рассвело, меня начали мучить еще и невыносимые мухи. Особенно из-за этих неприятностей мне хочется, чтобы поскорее приехал Грибодев; если это произойдет сегодня, то мы проведем здесь еще лишь одну ночь, а завтра сможем тронуться дальше. Обычно отсюда получают

четырёх казаков конвоя на экипаж. Сколько мы получим, не знаю — может быть, больше, т. к. причина в том, что мы ждем Грибоедова. Во Владикавказе сопровождение состоит из роты и одной или двух пушек, которые конвой регулярно, раз в неделю, использует. Мы получим конвой, как только прибудем туда, даже если нет твердо установленной даты.

Когда я отдохну (может быть, после обеда), я напишу Александри-не. Если не сумею, то не обижайтесь — это не из-за лени. Сердечный привет Шерерам,²⁵ Александру, который уже в Петербурге, и Мэтью, и особенно Коцебу. Прощайте до Тифлиса, откуда я снова напишу. КА. 25 утром.²⁶

Прежде чем придет почта из Тифлиса, у меня есть время рассказать о вчерашнем вечере. Вчера впервые за время существования города здесь было театральное представление. Мы узнали об этом случайно, когда я, сидя у окна, услышал разговор на улице; мы сразу приобрели два места в середине первого ряда и пошли туда в 7 часов. К каменной стене пристроили три помоста и сверху — крышу из холста. Весь театр невелик, размером с восточную лавку. Среди так называемых кресел, из которых составлены 4 ряда по 9 мест, настоящих кресел было 6—8. Так как мы билеты просили по записке, в которой мы назвали себя секретарями посольства, то каждый получил настоящее кресло. Грязные и поломанные кухонные стулья представляли собой остальные кресла. Партер составляли 8 рядов скамеек, и он был заполнен так же, как и все кресла. Больше всего мне понравилась непринужденность обстановки: актеры (сплошь мужчины, и большей частью — местные офицеры²⁷) шумели и танцевали за почти прозрачным занавесом; состав оркестра вышел из-за занавеса и прыгнул на свои места. Когда стемнело так, что стало уже едва видно, из-за занавеса вышел инвалид в овчинном тулупе, пробрался сквозь оркестр и зажег с каждой стороны зала по сальной свече на стенах и затем люстру (деревянный крест с 8 свечами). Все это было так убого, неподобающе и плохо, как и представить нельзя. Опера была очень плоха, о музыке и речи нет, все как попало, все вразнобой. И представь себе, что один немец, который сидел перед нами, не мог нахвалиться на это, и не только он один. Все аплодировали непрерывно.

Также пять дам почтили представление — из них две были из простых, а две — дочери вице-губернатора провинции.²⁸ Как в Петербурге, были и здесь кресла впереди в центре для Губернатора Паскевича²⁹ и Начальника Кавказа Эмануэля.³⁰ Последний не присутствовал, т. к. он несколько дней назад уехал в завоеванную Анапу,³¹ чтобы встретить губернатора.

И вот уже три недели у меня нет никаких новостей.

Я слышал, но без подробностей, что Spakclī³² и Анапа взяты, и Меншиков³³ получил Георгия 3-й степ.³⁴ Я новости узнаю быстрее и больше из писем, чем из газет. Александр, возможно, возьмет это на

себя и будет сообщать мне о новостях. Мне очень хочется услышать что-то новое. Я привык к этому.

Театр был причиной того, что я не написал Александрине, а сейчас слишком поздно, и я не хочу упускать момент, чтобы пораньше отнести письмо на почту. И действительно, трудно найти время для писем во время пути: даже если оно есть, ты чувствуешь себя плохо и туго соображаешь от жары, которая стоит здесь уже 8 дней. Однако жара действует на меня менее, чем я полагал; мое вчерашнее плохое самочувствие я приписываю вину, которое мы пили несколько дней назад и которое явно было подделкой. Мальцов и я чувствовали дискомфорт, большую вялость, головокружение и отсутствие аппетита, и бессонная ночь тоже способствовала этому. Но сегодня я снова здоров, несмотря на жару. Прекрасный сон укрепил меня настолько, что я уже выпил два стакана очень вкусного кофе. Я раздобыл корень имбиря.³⁵ Мы оба чувствуем себя хорошо. Здесь можно найти грузинское вино по 50 коп. бутылка, такое легкое и приятное на вкус. В Тифлисе оно, как и в Кахетии,³⁶ стоит 15 коп. бутылка.

Еще раз всем сердечный привет. Александрина пусть передаст привет Коцебу и Карлу, если он уже в Ревеле. Прощайте. КА.

Сегодня уже третий день, как мы ждем Грибоедова; кто знает, сколько это еще продлится. Хотя Ставрополь и губернский город, но это совсем пустыня; нет никакого общественного сада, нет ни одного деревца; только вдали Кавказ, который скоро встанет между нами!

Прилагаю афишу и театральные билеты.³⁷

¹ Станция Кагальницкая — см. письмо № 6.

² Письмо отсутствует.

³ Курасовские постоянные дворы.

⁴ *Клейнмихель Петр Андреевич* (1793—1869) — выдвигенец Аракчеева; с 1826 г. генерал-адъютант, один из организаторов военных поселений. Свою историческую известность (противник железнодорожного строительства в должности министра путей сообщения, организатор сверхбыстрого восстановления Зимнего дворца после пожара и «отец» внебрачных детей Николая I) заслужил позднее, в 1830—1840 гг.

⁵ *Coracias garrulus* — всеядная перелетная птица размером с мелкого голубя (до 200 г) с тропически ярким зеленовато-голубым оперением.

⁶ В переводе 1946 г.: осмотрев слегка город, мы побрились, вымылись и напились чаю.

⁷ *Кёппен Каролина Ивановна* (урожд. *Шульц*) (1772—1851). Часть семьи при бывшего в 1786 г. в Россию доктора *Кёппена Ивана Ивановича* (1752—1808), включая его вдову, осталась жить в Харькове.

⁸ По-видимому, это — *Coleus*, или крапивка, высаживаемый в Павловске при Марии Федоровне как однолетнее, а на юге — многолетнее растение.

⁹ 140 см.

¹⁰ Весной 1828 г. части Второй армии были выдвинуты на территорию подконтрольных Турции Молдавии, Валахии и Бессарабии. Верблюды в распоряжении русской армии появились в янв. 1827 г. после рейда генерала В. Г. Мадатова

в Мешкинский округ: кочевавшие азербайджанцы убрались так поспешно, что оставили огромное количество своего скота и 2 тысячи верблюдов (*Помто*. С. 641).

¹¹ В XV—XVIII вв. Грузия входила в состав Персии, затем Османской империи; в 1783—1787 гг. находилась под протекторатом Российской империи, а в 1802 г. была включена в ее состав.

¹² Имеретия — древнее государство в западной части совр. Грузии с центром в Кугаиси; обособилась от Грузинского царства в конце XV в. С середины XVI в. входила в состав Османской империи. С 1813 г. — в составе Российской империи.

¹³ Персидская война 1826—1828 гг. на северных территориях совр. Азербайджана и Армении. Основные военные действия завершились в окт. 1827 г. Заключенный по ее итогам Туркманчайский договор не только подтвердил принадлежность России территорий, завоеванных в первую Персидскую войну 1804—1813 гг. (Гюлистанский договор), но и переход в ее состав еще двух северо-азербайджанских провинций — Нахичеванского и Эриванского ханств.

¹⁴ Вторая жена генерала Н. М. Сипягина, Елизавета Сергеевна, встречу с которой описал К. Аделунг, ехала в Москву в последнем триместре беременности и там умерла родами, не узнав о смерти мужа от пневмонии в Тифлисе.

¹⁵ Еще за 50 лет до поездки К. Аделунга Ставрополье было местом привычных кочевий калмыков (*Помто*. С. 28—30). Поселенные в степной зоне Предкавказья казаки и крестьяне страдали от угона скота калмыками (на людей последние не нападали). Целенаправленная политика вытеснения привела к тому, что в 1771 г. калмыцкий хан принял предложение китайского императора и почти с 90% своих подданных откочевал в Джунгарию (Китай). Оставшиеся в России калмыки потеряли самоуправление. Российское правительство привлекало калмыков на военную службу: несколько калмыцких полков участвовали в войне 1812—1814 гг., служили в Кавказском корпусе (см.: *Любимов С. Князя Тюменевы // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии*. 1915. Вып. 7. С. 1—5).

¹⁶ Должность «полномочного министра-резидента» (посланника) и чин статского советника получил Грибоедов перед последней командировкой в Персию для повышения статуса российского представителя, добивавшегося выполнения Туркманчайского мирного договора.

¹⁷ *Гамба Жак Франсуа* (1763—1833) — образованный французский промышленник, разоренный революцией; предпринял два путешествия в Переднюю Азию, посетил не только российский Кавказ, но и Москву и Санкт-Петербург. Ратовал за расширение взаимной торговли через черноморский регион; был французским консулом в Тифлисе во время Персидской и Турецкой войн. В 1824 г. издал в Париже иллюстрированное описание своих кавказских путешествий с приложением карт. Часть книги в 1826—1828 гг. была опубликована в «Северном Архиве» Булгарина.

¹⁸ Ставрополь заложен в 1776 г. как крепость Азово-Моздокской линии, около которой казаки Хоперского полка основали станицу, в 1785 г. получившую статус города. В 1803 г. в нем открылось приходское училище, в 1822 г. Ставрополь стал областным городом, в котором проживало чуть более 1 тысячи человек. В 1828 г. в городе появилось первое моление и фонари. Гимназию открыли в 1837 г.; в ней сверх программы изучали азербайджанский и армянский языки.

¹⁹ Закладной камень церкви появился после того, как город миновала эпидемия чумы. Жившие в городе казаки, обыватели и военные пользовались казацкой церковью и ветхим Троицким собором. Церковь Св. Николая была освящена только в 1841 г.

²⁰ В XIX в. под черкесами подразумевали множество населявших Кавказ этнических и субэтнических групп, сегодня именуемых «адыге».

²¹ Обычное для того времени именование азербайджанцев.

²² Наверное, *Топчибашев Мирза Джафар* (1790—1869). (Он сам писал свою фамилию как Тобчибашев.) По отцу — грузин, по матери — азербайджанец, из образованной военной семьи, служившей последним царям Картли-Кахети. Получил образование в Тифлисе. Впервые попал в Санкт-Петербург в 1817 г. как переводчик персидского посольства. В 1819 г. начал преподавание персидского, арабского и турецкого языков (владел еще армянским и грузинским) в ГПИ (ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, № 1934, л. 13—18), с 1823 г. — в УОВЯ. В 1824 г. давал частные уроки Грибоедову. В 1833—1834 г. безвозмездно обучал трех слушателей Академии Генерального штаба (*Филипсон Г. И.* Воспоминания. М., 1885. С. 84—85; далее — *Филипсон*). В МИД проработал почти всю жизнь.

²³ Письменная принадлежность, остро отточенная тростинка, применяется в арабской каллиграфии. Руководитель УОВЯ Ф. П. Аделунг ввел каллиграфию в учебные планы и, очевидно, просил сына купить соответствующий инструмент.

²⁴ Вторая уланская дивизия была введена на Кавказ в нояб. 1826 г. и сразу, после нахождения на зимних квартирах в прикаспийском Азербайджане, потеряла не только практически всех выведенных из России коней, но около половины личного состава умершими и больными (*Потто*. С. 672, 695, 819). Пятнадцать лет спустя плановое ежегодное доукомплектование нижних чинов в Абхазии составляло 16% (*Филипсон*. С. 193).

²⁵ Глава семейства петербургских *Шереров Александр Николас (Александр Иванович)* (1771—1824) родился и умер в Санкт-Петербурге, но получил образование в Германии и до 1802 г. работал в Европе, где опубликовал более полусотни работ по неорганической, физической, аналитической и технической химии; издавал немецкий химический журнал (СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2-1815, № 24, л. 4—8 об.). С 1802 г. преподавал в Дерпте, с 1804 г. — в Санкт-Петербурге: в Медико-хирургической академии (далее — ИМХА), Педагогическом институте, Горном Кадетском корпусе (ЦГИА СПб., ф. 13, оп. 1, № 1649 и № 232; ф. 963, оп. 1, № 570 и 2065). В 1805 г. был избран адъюнктом ИАН, через 2 года — экстраординарным, а еще через 7 лет — ординарным академиком (СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2-1815, № 26, л. 15—16 об.). Работая в АН, Шерер не только продолжил издание журнала, написал пособие по русской химической номенклатуре, руководство по преподаванию химии, монографию о минеральных водах России, руководил воспитанниками АН, но и составлял по разработанной им системе всеобщий каталог химической литературы и решил множество задач по химической технологии и контролю производств (например, способ аттестации пороха) (СПФ АРАН, Р. V, оп. 1-Ш, д. 13 / 1-9, л. 1—2 об., 9). С 1814 г. работал штатным консультантом департамента Внутренней торговли и мануфактур МВД (СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2-181, № 29, л. 5—5 об.).

Семья Шереров жила в академическом доме на 7-й линии Васильевского острова. Незадолго до своей кончины академик Шерер определил своего 16-летнего сына *Шерера Александра* (1809—1875), выпускника частного пансиона пастора *Муральта И.* (1780—1850), в академические воспитанники (студент ИАН, учившийся по индивидуальному плану академика-куратора и получающий годовое содержание 600 руб.) (см.: СПФ АРАН, ф. 5, оп. 1-1824, № 111). Очевидно, академик Шерер был любим коллегам: после его кончины они не только перевели его сына в зевы АН (совр. аспирантура), но настойчиво хлопотали о назначении вдове с детьми пенсионера в треть 2200-рублевого академического оклада, для которого по закону о 20-летнем стаже не хватало 5 месяцев (см.: СПФ АРАН, ф. 5, оп. 1-1825, № 158, л. 3—4 об.).

В 1828 г. в Санкт-Петербурге жили вдова академика — *Шерер Шарлота Фридрика*, урожд. *Раль* (1780—1859), младшая сестра матери К. Аделунга и ее дочери

Шерер Амалия (1805–1861), с 1825 г. — жена академика Пандера и *Шерер Мария Шарлота* (1807–1882), позднее Вальц. Их брат, 19-летний *Шерер Александр*, в это время изучал химию в Дерптском университете, готовясь к профессорскому званию со стипендией ИАН. Наверное, коллеги академика не кривили душой, когда в просьбе на высочайшее имя писали, что «...покойный Шерер оставил свое семейство в весьма жалком положении...», т. к., несмотря на то, что молодой Шерер также специализировался в химии, вдова в 1827 г. хлопотала о продаже библиотеки мужа (см.: СПФ АРАН, ф. 5, оп. 1-1827, № 262). В 1832 г. Шерер-младший стал профессором кафедры «Химии приспособленной к искусствам и ремеслам» Санкт-Петербургского Технологического института (СПФ АРАН, ф. 1, оп. 2-1832, № 2, л. 60–65 об.).

²⁶ 25 июня 1828 г.

²⁷ Центром Кавказской линии, протянувшейся от Черного до Каспийского моря, был Пятигорск, расположенный в 200 км юго-восточнее Ставрополя. Приняв командование Линией в 1826 г., генерал Эмануэль организовал в Ставрополе обучение и обмундирование подразделений Кавказского корпуса, которые нашел недостаточными, проводя ротацию через этот «Учебный центр» (*Голицын Н. Б.* Жизнеописание генерал от кавалерии Емануеля. СПб., 1851. С. 61–62, далее — *Голицын*).

²⁸ В 1828 г. в Кавказской области при губернаторе К. Ф. Стале сменились два вице-губернатора: К. Ф. Адлерберг и Е. И. Мечников.

²⁹ Более точно — Главноуправляющий гражданской частью в Грузии, губернии Астраханской и области Кавказской, командующий отдельным Кавказским корпусом, командующий военной Каспийской флотилией Иван Федорович Паскевич.

³⁰ Более точно — начальник Кавказской области в 1826–1831 гг. (до этого — Кавказской линии) *Георгий (Егор) Арсеньевич Эмануэль (Эмануэль, Емануель)* (1775–1837) — российский генерал черногорского происхождения, выходец из Австрии, вступил в российскую службу в апр. 1797 г. поручиком в ЛГ Гусарский полк. Герой Бородинской и Реймской битв, участвовал в зарубежных походах и в Париже пожалован генерал-лейтенантом. Вступил в командование Кавказской линией в сент. 1826 г. Как начальник области подчинялся Главноуправляющему в Грузии. Был тяжело ранен во время карательной экспедиции 1831 г. и оставил службу (*Потто*. С. 1171; *Голицын*. С. 59–64).

³¹ 11 июня 1828 г. крепость Анапа была взята русскими войсками в четвертый раз (до этого — в 1791, 1807, 1811 гг.) и с тех пор входит в состав России. Из-за удаленности от расположения Кавказского корпуса Анапой занималась Дунайская армия: с эскадры адмирала А. С. Грейга десантировались части, и через несколько дней блокады и штурма крепость пала (*Потто*. С. 840).

³² Редкий пример в письмах Аделунга, когда названный топоним не имеет даже фонетического сходства с существовавшими объектами. В один день с Анапой (11 июня 1828 г.) была взята турецкая крепость Кюстенджи (Констанца в совр. Румынии). Или, возможно, К. Аделунг имел в виду располагавшуюся в Цемесской бухте крепость Соуджк-кале (Сучак-кала, Суджук-кале), которая, как и Анапа, являлась центром работорговли и была взята чуть позднее Анапы.

³³ *Меншиков Александр Сергеевич* (1787–1869) в 1826–1827 гг. возглавлял посольство в Персию, и только его находчивость и решительность (а также содействие английских дипломатов) позволили миссии благополучно вернуться в Россию, несмотря на начатые персами военные действия (*Бартоломей*). Весной 1828 г. Меншиков командовал десантным отрядом, взявшим крепость Анапу; затем осадой Варны и был там тяжело ранен.

³⁴ Пример бытовавших в то время «наградных» слухов. Кн. Меншиков был награжден в авг. 1828 г. после ранения под Варной орденом Александра Невского

(см.: Список кавалерам императорских российских орденов всех наименований на лето от рождества Христова 1828. СПб., 1829. С. 25. Ч. 1).

³⁵ Два века назад корень имбиря использовали при лечении отравлений как детоксикант; сегодня его чаще используют как иммуномодулятор.

³⁶ Область Грузии (юго-восточнее Тбилиси) в VIII—XII вв. была независимым царством. В составе России с 1801 г. В долинах Кахетии (включая Алазанскую) располагались и располагаются центры виноделия.

³⁷ К сожалению, и то, и другое отсутствует.

{№ 8.¹ Тифлис 7 июля 1828.

С позавчерашнего вечера я здесь и **только сейчас**,² за несколько часов до ухода экстренной почты, нашел несколько минут, чтобы **сообщить**³ о моей счастливой будущности. Мне до сих пор еще негде жить, и я два раза ночевал у **Ховенов**.⁴ Вчерашний день прошел очень быстро — представление Сипягину,⁵ обед у Грибоедова и вечер у **Ховенов**.⁶ На следующей неделе напишу подробнее — я здоров и счастлив иметь дом. Время, перо и чернила не позволяют мне писать больше. Сердечный привет в Ревель. Ваши письма я нашел здесь прямо у Фрица,⁷ они меня очень обрадовали, я не ожидал их обнаружить тут. КА

Фриц К. передает всем привет, и сегодня я не успеваю отправить его вместе с этим письмом.

¹ Письмо адресовано: <Его превосходительству Федору Павловичу Аделунгу. В С. Петербург. Отдать в Почтамт>.

² В переводе 1946 г.: наконец.

³ В переводе 1946 г.: подумать.

⁴ В переводе 1946 г.: ген. Ховена. В это время в доме гражданского губернатора Тифлиса генерал-майора *Ховена Романа Ивановича* (1775—1861) жили его дочь Елена Романовна Коцебу с мужем и четырьмя детьми, ее девери Пауль и Фриц Коцебу и ее младший брат Роман Романович Ховен. Самый младший сын Р. И. Ховена — *Ховен Иван Романович* (1815—1881) в это время оканчивал Царскосельский лицей; оба брата получили элитное образование на казенный счет благодаря хлопотам А. П. Ермолова, многолетнего близкого друга генерала Ховена (см.: ЦГИА СПб., ф. 1022, оп. 1, № 422, л. 1, 5, 8, 10, 12). Став военным, Иван Романович тоже служил на Кавказе в 1836—1847 и 1857—1859 гг. (ЦГИА СПб., ф. 1437, оп. 3, № 18, л. 1 об., 2 об.). Дом губернатора Ховена был надежной базой служивших на Кавказе — в 1824 г. там хранились сундуки уехавшего в Петербург Грибоедова (См.: *Пиксанов*. С. 49).

⁵ *Сипягин Николай Мартемьянович* (1785—1828) — участник войн с Наполеоном, генерал-лейтенант, с марта 1827 г. — Тифлисский военный губернатор, участник Персидской и Турецкой кампаний 1826—1828 гг.; нерядовой администратор, деятельный строитель Тифлиса, реорганизатор судебной власти в Закавказье, организатор просвещения в крае.

⁶ В переводе 1946 г.: Ховена.

⁷ Фридрих Вильгельм Коцебу.

{Тифлис 14 июля 1828}

Надеюсь, те строчки, которые отправил седьмого¹ с последней почтой, ты получишь. Я писал их в страшной спешке перед отходом почты и очень торопился, т. к. пакеты были уже готовы к отправке. Сердечно благодарю за ваши милые письма — как я был рад, когда Фриц К. отдал мне их. Я совсем не ожидал найти их у Фрица; и как я тосковал по вам, и уже терял надежду получить их. Было очень трудно после первой разлуки целый месяц жить без известий, и я ожидал с тоской прибытия в Тифлис, где я, даже если и не сразу, должен был что-то получить. Пока я был совершенно здоров, кроме небольшого недомогания в Ставрополе. Ни жара, ни трудности разного рода на меня нисколько не повлияли, и я надеюсь, также будет и дальше. Каким счастливым меня сделало сообщение о хорошем самочувствии Александрины. Я так ждал этого. Поскольку по первым письмам из Ревеля не все было хорошо, а теперь, как вы пишете, воды, воздух и Еня, которая ей служит главным лекарством, скоро восстановят ее здоровье. Как и прежде, я буду посылать описание моего путешествия, а нынешнее сообщение — о проезде из Ставрополя до Тифлиса.

{26 июня в 7 часов приехал, наконец, Грибоедов в Ставрополь. Я не смогу описать мою радость по этому поводу. Я чувствую истинную привязанность и любовь к этому превосходному человеку. Мы были **в чём-то похожем на сад**,² когда он за нами прислал; он занял комнату рядом с нашей. Несмотря на усталость, он, как всегда, был очень любезен и рассказал нам много интересного; мы пили у него чай, ужинали и не заметили, как настало 11 часов, когда мы и расстались. Ужин был превосходный, такого можно только пожелать. Хороший повар, которого держит Грибоедов, заставил нас забыть, что мы находимся в пути. В среду, 27-го, в 10 часов утра, уселись мы с Мальцовым **в коляску**³ и отправились в путь. Грибоедов уехал вечером, так как нам надо было 7 лошадей, а он боялся не получить ни одной.}

Дорога после Ставрополя шла на подъем, из-за которого мы двигались медленно; через 12 верст мы получили наш первый конвой, который состоял из одного жалкого донского казака. По так называемому «открытому листу», который мы получили от ставропольского коменданта, нам двоим полагалось 6 человек, однако это не исполняется; мало того, что получили только одного, но и этот, единственный, чаще всего отсутствовал. Каждые 3 версты на кургане или возвышенности стоит лачужка-сторожка с тремя казаками. И когда проезжаешь ее, то казаки меняются. Обычно они для собственного удобства сидят внутри; и так как в этих местах довольно безопасно, то на них никто не обращает внимания и не задерживается из-за них. И даже если забанцы⁴ и нападают, то такой ленивый казак ничего не делает против одного черкеса. Следующие два поста расположены поблизости; но, прежде чем они смогут предпринять что-нибудь, разбойники достиг-

нут цели и унесут добычу, и ночью уйдут снова за Кубань. Но уже давно вблизи Ставрополя ничего подобного не случилось.

Горы, через которые движешься между Ставрополем и бывшей Александрией,⁵ довольно пологие, так что все станции преодолеваешь будто по одной горе. Замечательная трава покрывает склоны, и постоянно я видел либо незнакомые мне цветы, либо такие, которые у нас являются садовыми. Так, например, в большом количестве цветет красный бессмертник; желтые и розовые мальвы покрывают большие участки; встречается и самый прекрасный здесь — дикий голубой цикорий. К сожалению, все видел из окна на ходу; на станциях, которые лежат в долинах, — только низенькая трава. Конечно, скотина тоже способствует этому.

Каждые 20—25 верст проезжаешь деревню. В них живут русские, которых переселил сюда Потемкин,⁶ и тут всегда имеется станция. В остальном весь отрезок от Дона до Владикавказа⁷ пустынный и пустой. В 8 часов мы прибыли в Александрию (Александровка) — этот Богом забытый городок, в котором жителей немного, но есть что-то вроде постоянного двора, где мы переночевали. В этих местах никогда не ездят ночью из-за потенциальной опасности, т. к. после заката казаки покидают посты, останавливающие <закубанцев>.

Мы насладились чаем и легли спать. После продолжительного времени я наконец заснул спокойно — в комнате было прохладно; а т. к. ставни были закрыты и днем, то в помещении не было надоедливых мух. Моя жесткая кровать, которая состояла из деревянной скамьи, покрытой моим пальто, не помешала мне крепко спать и проснуться отдохнувшим и бодрым. Насколько дорого было наше пребывание в Ставрополе! Здесь мы заплатили за комнату и вечерний и утренний чай 1 рубль серебром. В Ставрополе просто комната стоила 2 руб. в сутки.

28⁸ около половины седьмого утра мы снова сели в коляску; на встречном пути шли отряды улан, возвращавшихся из Персии.⁹ Их количество, вид и изнуренные кони свидетельствуют о больших лишениях. От всего полка, бывшего в Персии, не осталось и восьмой части. Почти всю войну у них были посты в самой нездоровой влажной местности реки Аракс,¹⁰ и, не видев врага, они очень пострадали.

После того, как поднимаешься на возвышенность, справа видна первая гора хребта — это Бештау.¹¹ Она высится одиноко и имеет форму сахарной головы. Так как это была первая настоящая гора, виденная мною, то она и произвела на меня сильное впечатление. То, что я видел до сих пор, — ерунда; их можно рассматривать как введение в Кавказ. В зависимости от того, поднимались мы или спускались, она то появлялась, то исчезала; иногда мне казалось, что вижу ее прямо передо мной, а когда я спрашивал ямщика, насколько она далеко, ответ был: 30—40 верст.

Ночь на пятницу 29 июня мы провели в укрепленной казацкой станции, т. к. на станции не нашлось комнаты для ночлега. Нам предоставили чистую просторную комнату у <хорунжего> (прапорщик у казаков), у которого мы заночевали. Тут мы услышали разные ужасные подробности о нападении черкесов в конце мая на деревню <Незлюбная>¹² и о сражении, которое произошло между казаками и пехотной ротой с нападавшими. Рота находилась в 4 верстах от станицы; деревня удалена на 10 верст отсюда и на 8 верст от Георгиевска. Должно быть, вы в Петербурге уже слышали об этом несчастье. Из Ставрополя, где мы узнали об этом, я ничего не писал, чтобы не волновать вас, но теперь, когда опасность позади, я могу об этом рассказать. Так называемые <закубанцы> (черкесы) перешли Кубань; было их около 2 тысяч человек в сопровождении 10 турок. И хотя об их планах знали даже в Ставрополе, ничего не предприняли, чтобы их прогнать. Генерал Эмануэль, как и остальные <начальники>, считали все это вымыслом. Эта орда быстро передвигалась, и каждая деревня вблизи Георгиевска ожидала нападения. Станица, где мы ночевали, была в их числе, т. к. эта орда взяла направление на Незлюбную только в двух верстах отсюда, у деревни <Мариинская>. Когда в этом убедились в Георгиевске, против орды послали около пятисот казаков (которые могли бы справиться с приблизительно сотней черкесов) и пехотную роту с двумя орудиями. Но вместо того, чтобы сразу напасть на врага, они стали преследовать его; перед деревней <Незлюбной> эта орда расположилась в кустах в пяти верстах от деревни, и наши сделали то же. Но, едва рассвело, как жители (в большинстве женщины и дети, так как мужчины были на уборке) были разбужены нападением. Это было ужасное пробуждение: деревня была разграблена, часть женщин убили, часть — пленили; все дети младше 12 лет были изранены или убиты. Казаки рассказали, что сами видели, как эти варвары хватили за ноги младенцев и малышей и разбивали им головы о камни или отрубали их.

Это слишком ужасно — рассказывать обо всех этих зверствах. Я не мог бы этого представить себе никогда в жизни. После того, как все случилось, пришла долгожданная, но опоздавшая помощь. Русские преградили орде дорогу, и, должно быть, это было ошибкой и причиной печального исхода сражения. Полковник Радионов¹³ (казак — командир всего отряда) не послушал совета унтер-офицера образовать каре — он велел поставить рядом обе пушки; когда черкесы приблизились, приказал стрелять; но еще до выстрела враги, почти все в броне, кинулись врукопашную и устроили бойню. Радионов и один майор сразу погибли, а третий штаб-офицер лежит раненый¹⁴ в Георгиевске и с трудом поправляется. Из нижних чинов мы потеряли 80 человек. Казакам удалось опрокинуть их в бегство; однако <закубанцы> освободили поле боя только для того, чтобы забрать свою добычу. Незначительные вещи они побросали, убежали и несколько женщин, но многие при этом были убиты. Все деревни и станицы были в состоянии величай-

шего страха. В станице, где мы ночевали, мы получили известие о взятии Анапы¹⁵ и попытались наших хозяев убедить, что в ближайшее время станет безопаснее; однако они боялись, и не без основания, что эти разбойники, прежде чем положат конец их активности, попытаются напасть еще раз. К сожалению, это вполне возможно при почти полностью ликвидированных защитных отрядах.¹⁶

29¹⁷ около 7 часов утра мы отправились в дорогу, и едва мы покинули станицу, как справа появился Эльбрус¹⁸ во всей красе; его снежная вершина в 17 тысяч футов¹⁹ величаво возвышалась на фоне волшебной горной цепи. Я не мог представить эту снежную горную массу — такой высокой казалась мне гора на расстоянии 150 верст. Солнце освещало ее так красиво и придавало ей очаровывающее теплое сияние. Мы долго любовались этой прекрасной картиной; весь Кавказ лежал в дымке, и Эльбрус мы потом больше не видели; путь, проделанный в этот день, шел через травянистую степь, а кроме этого, ничего примечательного.

{В полдень мы²⁰ **были в так называемом городе Екатеринограде,²¹ который представляет собой большую укрепленную деревню. Однако в ней есть базар, который я посетил ради монет, и только вечером я вернулся домой.**

Вечером Грибоедов (он догнал нас на последней станции перед городом, отсюда мы поехали вместе) пригласил меня на прогулку: он хотел показать мне горную цепь с одной возвышенности. Эльбрус и правая сторона гор были закрыты облаками, но остальные вершины и между ними Казбек²² стояли в полном блеске. Снежные вершины были озарены золотым светом, и вся эта картина была так великолепна, что мы оторвались от нее только тогда, когда темнота скрыла ее от нас. Грибоедов каждую минуту восклицал: «Не правда ли, это прекрасно! Как это великолепно!» Я же совсем не мог говорить, — **это было слишком великолепное зрелище!**²³} И я стоял, как прикованный, и наслаждался им. Если б вы могли любоваться всем этим вместе со мной! {Обогнув быструю речку **Малку,**²⁴ мы возвратились домой пить чай. С этого вечера я полюбил Грибоедова еще сильнее: как наслаждался он природой и как он был отзывчив и добр! В Екатеринограде нельзя получить почтовых лошадей, надо нанимать вольных до Владикавказа. Чтобы достать лошадей, Грибоедов попросил меня пойти к коменданту **города и позаботиться об этом.** Я явился к нему впервые в роли секретаря миссии и все хорошо устроил. 30-го мы выехали с конвоем в 20 казаков, так как дорога опасна.

Так как мы **не меняли**²⁵ лошадей, мы должны были сделать два привала — первый на укрепленной станции с двумя пушками, где мы обедали, а второй — на подобной же станции, где мы ночевали. Вечером выехали мы из крепости, чтобы вновь восхищаться Кавказом.} Мы подъехали к горам намного ближе вчерашнего, и поэтому размеры их казались мне гигантскими: прекрасный закат еще более украсил зрелище.

{1²⁶ июля.²⁷

От этой станции до одного минарета, уцелевшего от разрушенной деревни и отстоящего от станции на 7 верст, мы ехали, ввиду опасной дороги, под усиленным конвоем. 1-го июля, **во втором часу**²⁸ ночи, выступил наш отряд в таком порядке: впереди ехали 3 казака, за ними шли 10 пехотных солдат с барабанщиком; затем ехала пушка с артиллеристами и 4 экипажа; за ними опять 10 пехотных солдат и 3 казака.} С обеих сторон каждого экипажа шли казак или пехотинец. {Командовал этим отрядом гарнизонный офицер-артиллерист. Барабан дал сигнал к выступлению, и в полной темноте мы выехали. Так как нас сопровождала пехота, мы плелись шагом.} Это медленное движение, мрак ночи и звук барабана каждые 5 минут, окрики офицера — все это казалось странной защитой от разбойников. {К минарету мы подошли в 6 часов утра;} он расположен в красивой долине между двух лесистых холмов напротив небольшого форта. {После часового отдыха мы отправились дальше.} т. к. пехота должна была возвращаться для сопровождения почты, то мы двинулись с 10 казаками, несмотря на опасность и благодаря удаче {вечером благополучно прибыли во Владикавказ. Мы остановились у одной старой знакомой Грибоедова, полковницы Огаревой,²⁹ у которой мы и остались на ночь. Ее муж держал наблюдение **за**³⁰ дорогой и отсутствовал. Добрая женщина не знала, что и сделать, чтоб Грибоедову предоставить все возможные удобства.³¹ **Как русский человек, она не могла не попотчевать нас.** Чай, компот, ужин быстро следовали один за другим. Нас, обоих секретарей, она устроила на ночь в кабинете своего мужа.

Во Владикавказе нанимают лошадей до Тифлиса:³² мы должны заплатить за пару 90 руб., что, как нам сказали, было недорого, **так как порой приходится платить по**³³ 125 руб. Мы долго обсуждали, отпустить ли нам экипажи и ехать дальше верхом, или же удержать их, так как в этом месте через горы идет хорошая дорога.

Наконец решили задержать коляску, и 2-го июля, в 10 часов утра, мы выехали. Один офицер, Захаревич, который незадолго был назначен главным приставом над калмыками,³⁴ присоединился к нам со своей кибиткой.}

Крепость Владикавказ довольно значительна и расположена перед перевалом, который идет до долины Арагви. Одна верста от города — и начинаются горы. Путь идет вдоль быстрого и стремительного Терека, несущего грязную и мутную воду. В горах вид меняется ежеминутно; путь ведет сначала между Терекком и крутой скалой. Я не мог сделать ни шагу без удивления. В большинстве случаев мы шли пешком, чтобы насладиться природой. В горах нам навстречу вышли несколько чеченок — одна — настоящая красавица; но она была единственной из виденных мной.

{Первая станция, Балта, находится всего в 17 верстах от Владикавказа, поэтому мы на ней не останавливались и продолжили путь до

Ларса.³⁵ После обеда мы покинули Ларс. По совету Грибоедова, мы поехали на казачьих лошадях, чтобы **иметь лучший обзор**.³⁶ Несмотря на опасность, нас сопровождали от Владикавказа до Ананура всего 7 пехотных солдат и столько же казаков.} Как Балта, так и Ларс представляют собой аулы, или деревни чеченцев, и имеют, как и все аулы в горах, четырехугольную башню в центре деревни, в которой жители прячутся при нападениях. В башнях нет дверей; в них поднимаются по лестнице и проникают через окно; дети и женщины располагаются внизу, а мужчины стоят у бойниц для защиты.

Путь идет между высоких скал вдоль Терека, который здесь очень бурлив. Он несет пенные воды и часто разрушает дорогу. Дорога здесь очень странная. Часто она идет под гранитной скалой, в одном месте проходишь через искусственный грот, созданный взрывом. Он так низок, что в экипаже приходится опускать верх и покидать коляску. Путь идет то по правой, то по левой стороне Терека; так как вода непрерывно подмывает дорогу.

{Вечером прибыли мы в форт Дариель.} Он полностью окружен высокими голыми гранитными горами, и находишься там как в котле. Это место настолько узкое, что солнце светит несколько часов. {Здесь мы должны были ночевать. Во вторник, 3-го июля, в 3 часа утра, согревшись стаканом чая} (т. к. местность расположена высоко, то в Дариеле прохладно, а ночами просто холодно). {Отправились мы снова в путь; на этот раз мы не получили верховых лошадей, и я прошел 20 верст пешком, так как ехать в экипаже по этим тропам неудобно. Дальнейший путь до Тифлиса и мое пребывание там следует с ближайшей почтой.} Как ни казалось ужасным пребывание здесь днем, но по настоящему страшным оно стало ночью. Все было черно, и только прямо сверху над нами можно было видеть маленький кусочек неба со звездами. Я ночевал в коляске и каждый раз, просыпаясь, пугался этой картины. Наконец, рассвело, и я был рад, что ночь окончилась. Утром все были под впечатлением прошедшей ночи. Никогда в жизни я не видел природу такой грозящей и мертвающей. Шум бушующего Терека усиливал впечатление.

В нескольких верстах от Дариеля картина меняется и становится снова приятной: горы, поросшие травой, и, время от времени, слева и справа, видны прекрасные долины. К сожалению, эти долины нельзя посетить — они кишат осетинами, которые не слишком цивилизованны: бессовестно нападают и грабят, а также совершают вещи и похуже.³⁷ В одной из прекрасных долин находятся станция и деревня Стефан-Цминда,³⁸ которая ныне, так же как и гора, носит имя князя Казибега.³⁹ Дальнейший путь до Тифлиса и мое пребывание в нем опишу в следующем письме.

Я не сумел, как намеревался, отправить это письмо. Кроме того, я должен написать Александрине, от которой уже получил 2 письма. Я здоров и чувствую себя хорошо в доме Ховена. Особенно мне прия-

тен Пауль Коцебу,⁴⁰ с которым я часто и с удовольствием беседую. Он интересно рассказывает истории о Персидском походе и Персии, которую он объехал до Исфахана.⁴¹ Неудачное падение с лошади задерживает его здесь; он повредил бедро, в результате чего его мышцы ослабли, и он с нетерпением ждет выздоровления, чтобы идти воевать. Он дал мне для тебя монеты, которые привез из Исфахана. Несколько монет я заполучил на Кавказе. Александра я благодарю за оба его письма. К сожалению, у меня нет времени ответить на них; напишу со следующей почтой. КА

{Грибоедов уехал сегодня утром с Мальцовым в главную квартиру и возвратится через 4—5 недель. Я буду ожидать его здесь.}

¹ 7 июля 1828 г., письмо № 8. Письмо от 24 июля не имеет номера, но следующее письмо от 25 июля имеет порядковый № 10.

² В переводе 1946 г.: в саду.

³ В переводе 1946 г.: на дрожжи.

⁴ К. Аделунг использует именование «закубанцы» для указания на «немирное» (оказывающее сопротивление российской колонизации) горское население. В 1828 г. на юго-западе Закавказья, на левом берегу Кубани, жили, кроме коренных племен, тогда называемых черкесами (совр. шапсуги, адыгейцы, черкесы), мигрировавшие с востока в результате Кавказских войн кабардинцы. В то время эта территория управлялась мелкими турецкими ханами.

⁵ Слобода Александрия основана в 1783 г. переселенцами из центральных районов России; находилась в 15 км от ставившегося нездоровым климатом Георгиевска и в 100 км от Ставрополя.

⁶ *Потемкин Павел Сергеевич* (1743—1796), троюродный брат светлейшего князя Таврического, отстоял от Пугачева Казань и отличился на Первой турецкой войне. Прибыл на Кавказ в 1782 г. Активный его колонизатор, с 1784 г. — первый кавказский генерал-губернатор и командующий Кавказской линией. Инициировал переселение государственных крестьян и однодворцев из малоземельной центральной России (*Потто*. С. 54—55).

⁷ Через год после вступления Грузии под протекторат России, в 1784 г., из Моздока (крепость Кавказской линии) в Закавказье была построена дорога с несколькими крепостями на ней. Одна из них, у входа в Дарьяльское ущелье, — Владикавказ. В 1860 г. крепость стала городом — центром Терской области.

⁸ 28 июня 1828 г.

⁹ См. примеч. 24 к письму № 7.

¹⁰ Аракс (Арас) — крупнейший южный приток Куры; по нему проходила русско-персидская граница в начале XIX в. и граница СССР с Ираном и Турцией.

¹¹ Бештау — пять вблизи расположенных вершин в районе города Минеральные Воды; самая из них высокая — 1400 м. В 200 км от Ставрополя, в 150 км от Александрии, в 40 км от станции Незлобной.

¹² Станица Кавказского линейного казачьего войска Незлобная основана в 1784 г. в 30 км от Горячеводска. Иначе о нападении на Незлобную и попытках препятствовать рейду отряда закубанцев изложено у *Потто* (с. 1183—1187) и у *Голицына* (с. 69—72). Краткое сообщение о нападении сделал Грибоедов в письме Булгарину (ПСС. С. 150—152).

¹³ *Голицын* (с. 69—72) называет его подполковником Войска Донского Родионовым.

¹⁴ Раненого майора Казачковского, командира прикомандированного подразделения егерского батальона, вылечил в Пятигорске доктор Шлиттер (*Помто*. С. 1187 и *Голицын*. С. 72).

¹⁵ Принадлежность Анапы Турции и ее близость к местам поселения немирных горских народов делали этот город перевалочным пунктом турецкой работорговли.

¹⁶ Защитных отрядов на Кавказской линии было недостаточно и до начала Персидской и Турецкой войн, а в 1826—1829 гг. линия осталась совсем слабо защищенной: прибывающее из центральной России военное пополнение не справлялось с караульной службой, требующей специальных навыков и сноровки. После окончания Турецкой войны командующий Паскевич предпринял ряд жестких рейдов по усмирению горских народов и организовал местную милицию.

¹⁷ 29 июня 1828 г.

¹⁸ Через полгода после гибели посольства Грибоедова, в авг. 1829 г., на Эльбрус вошла первая научная экспедиция. На саму вершину с проводником и несколькими солдатами отправился только 25-летний адъютант физики ИАН Э. Х. Ленц, а в базовом лагере остались начальник экспедиции — генерал Эмануэль и его 14-летний сын, трое командированных ИАН ученых и полковник Мориц Коцебу (СПФА РАН, ф. 30. оп. 1, № 145, л. 55 об.—56). Экспедицию до подножия сопровождали несколько сотен солдат с двумя пушками (*Помто*. С. 1216). В благодарность за организацию экспедиции ИАН почтила генерала Эмануэля званием почетного академика (*Голицын*. С. 93).

¹⁹ Высота первой вершины Европы составляет 5642 м, а не 5182 м (17 тысяч футов), как пишет К. Аделунг, и не 16 330 футов, как оценил первопроходец Э. Х. Ленц.

²⁰ В переводе 1946 г.: приехали в Екатериноград; по названию это город, на самом же деле это большая деревня с крепостью; все же здесь есть базар, куда я и пошел за мятой, но вернулся с пустыми руками.

²¹ Станица Екатериноградская возникла близ одноименной крепости в 1777 г.; в 1785 г., после переезда туда генерал-губернатора П. С. Потемкина, ненадолго получила статус города.

²² Потухший вулкан на границе России и Грузии высотой 5034 м.

²³ В переводе 1946 г.: он был слишком велик.

²⁴ В переводе 1946 г.: Мальту.

²⁵ В переводе 1946 г.: получили своих прежних.

²⁶ В переводе 1946 г.: 13.

²⁷ 1 июля 1828 г.

²⁸ В переводе 1946 г.: в час.

²⁹ Справочники называют мужа А. П. Огаревой подполковником (ПСС. С. 657).

³⁰ В переводе 1946 г.: над.

³¹ В переводе 1946 г.: но, как все русские, она не дала этого никому почувствовать.

³² Служивший в это время во Владикавказе гарнизонным адъютантом сосланный без разжалования декабрист *Гангблов (Гангблудзе) Александр Семенович* (1801—1891) сообщал, что обывателей во Владикавказе не было, а местная «промышленность» состояла в аренде лошадей, которых держали офицеры гарнизона, в большинстве своем польского происхождения (*Гангблов*. С. 127, 135—139).

³³ В переводе 1946 г.: так как накануне платили.

³⁴ Систему приставов над народами Кавказа и Закавказья, непосредственно подчиненных командующему Кавказской линией, ввел генерал П. Д. Цицианов; ее усовершенствовал А. П. Ермолов, требовавший от приставов знания местных языков, поэтому приставами часто становились служившие в российской армии мест-

ные уроженцы (*Потто*. С. 266, 509). Система еще существовала в 1914 г. Приставов оставшихся в России и приписанных в 1800 г. к Войску Донскому калмыков назначал Войсковой атаман (*Броневский В.* Описание Донской земли, нравов и обычаев жителей. СПб., 1834. С. 88).

³⁵ Ларс (Ларское) (31 км от Владикавказа) так же, как и Балта, был захвачен осетинами в 1804 г.; весной 1829 г. здесь отряд осетин атаковал «извинительную» миссию Хосров-Мирзы, внука персидского шаха (*Потто*. С. 166, 774).

³⁶ В переводе 1946 г.: чувствовать себя свободней.

³⁷ Потто называет 1828 г. спокойным (всего одно разбойное нападение с жертвами на Военно-Грузинской дороге), но в 1829 г., когда из-за Турецкой войны охранение было сильно сокращено, нападения участились (*Потто*. С. 1104).

³⁸ По легенде, село Стефан-Цминда носит имя отшельника (святой Степан), предупредившего жителей о сходе лавины. Затем селение было переименовано в Казбек, а потом стали так называть и вершину, прежде называвшуюся Мкинвари.

³⁹ Во время восстания 1804 г. осетины осадили Стефан-Цминду, гарнизон крепости взяли в плен, а князь выплатил значительный штраф за сотрудничество с русскими. Более подробно о князе — см. письмо № 10.

⁴⁰ *Коцебу Пауль Деметриус (Павел Евстафьевич)* (1801–1884) — пятый сын драматурга А. Коцебу был однокашником братьев Аделунгов по Санкт-Петербургской Губернской гимназии. После окончания Московского училища колонновожатых служил на Кавказе по картографической части. Принимал участие в Персидской войне, был награжден. В июне 1828 г. вдвоем с переводчиком вывел пешую колонну в 1200 пленных россиян и во время длительного похода потерял умершими только двоих и заболевшими — пятнадцать (см.: Георгиевские кавалеры или подвиги кавалеров ордена св. великомученика и победоносца Георгия, всех степеней, с обозрением их службы и жизни. СПб., 1861. Выпуск 2-й. С. 32). После Турецкой войны 1829 г., в которой П. Коцебу вновь отличился, начался его быстрый и долгий карьерный рост, окончившийся полным генеральством, графским титулом и многими высшими государственными постами.

⁴¹ Исфахан (Эсфахан, Эсфехан) — персидский город VII в., расположенный на пути между Каспием и Персидским заливом, Алеппо и Бухарой. Центр одноименной провинции, входящей в историческую область Ирак.

{№ 10. Тифлис 25 июля 1828.}

Вчера вечером я вернулся из колонии Элизабетталъ,¹ где провел шесть очень приятных дней. Письмо, которое я оттуда написал Александру, вероятно, вовремя доставят: один колонист увез его в город для отправки. Вначале я не хотел ехать за город, чтобы продолжить писать свои письма, но когда я узнал, что могу и оттуда давать о себе знать, то я решил, что вы не обидитесь, что я в этот раз буду краток; поэтому я принял приглашение Мензенкампа² и поскакал с ним туда. Мое следующее сообщение о поездке может прийти позднее, но в нем будет столько подробностей, сколько возможно. Этого я буду держаться и далее.

{3-го июля в 10 часов утра **достигли**³ мы Казбека.} Эта станция, в которой 5—6 домов с плоскими крышами, принадлежит князю Казибегу, молодому осетину, и местность эта платит ему подати. Напротив станции расположена маленькая церковь, которую построил отец мо-

лодого князя. Церковь гранитная и очень симпатичная. Внутри ее ничего интересного. Мы здесь позавтракали; Казибег угощал нас жареной бараниной, нарезанной кубиками, — очень вкусно. Это блюдо называется как-то по-особому, но название вылетело из моей головы. Этот завтрак имел азиатский характер — мы лежали на ковре и ели руками. {Местность была необычайно красива; перед нами были **довольно высокие**⁴ горы, над которыми поднимал свои снежные вершины великолепный Казбек (он получил свое имя **по имени**⁵ князя). Грибоедову пришлось несколько раз напоминать мне о **еде**⁶ — так долго любовался я этой **неповторимой**⁷ местностью. В прежнее время каждые семь лет с вершины той горы срывались снежные глыбы, которые, как громадные лавины, скатывались вниз и заполняли долины, так что дорога на две недели бывала засыпана и всякое сообщение прекращалось.} Ныне уже часть лета миновала, но снег еще не сошел; однако охотники за горными козлами (их тут называют турами) думают, что будущим летом следует ожидать лавину.

{Дорога от Казбека до Коби, так же как и прежний путь, шла вдоль свирепого Терека;} однако долина здесь расширяется и то тут, то там видна трава и дышится легче. {Мы **едва** проехали несколько верст, когда нам **навстречу вышел**⁸ офицер водных путей сообщения и сказал, что образовавшаяся от таяния снега вода сделала дорогу непроходимой. **После** некоторого размышления Грибоедов решил ехать дальше. Мы подъехали наконец к месту **провала дороги**⁹ и увидели, что перейти **провал**¹⁰ будет очень трудно; к счастью, над исправлением дороги трудилось много рабочих. Наши экипажи были **распряжены**,¹¹ осторожно опущены в провал и вытащены с другой стороны несколькими сотнями солдат и осетин.¹² Несмотря на тяжкую работу, через 40 минут мы смогли¹³ ехать дальше.} Такие препятствия здесь, на Кавказе, не редкость, и как только рабочие устраняют один провал, им приходится ремонтировать в другом месте. По дороге я видел, кроме природных красот, водопад, который срывался с большой высоты между двух гор. Все водопады, которые можно видеть здесь, непостоянны — их образует снег, который тает в июле и августе на вершинах невысоких гор.

{За несколько верст до ближайшей станции Коби¹⁴ нас встретил некий майор Чилиев¹⁵ со свитой примерно в 10 человек казаков и грузин; он был знаком с Грибоедовым раньше; узнав о его приезде на Кавказ, он вышел его приветствовать.} Он начальник горцев этой местности и очень приветливый человек. Мы встретили здесь, в Коби, двух офицеров Московского полка,¹⁶ так называемых «хлебопеков», едущих впереди гвардейского полка, везущего персидское золото¹⁷ в Петербург. Мы познакомились с ними; и в одном, Веригине,¹⁸ я нашел довольно приятного молодого человека.

{Коби представляет собою редут, состоящий из **трех-четырёх**¹⁹ строений, расположенных в прелестной долине. Нам подали здесь

обед, который заставил нас позабыть, что мы находимся в пути; нас было семеро за столом: Грибоедов, два **гвардейских**²⁰ офицера, Чилиев, командир редута и два секретаря. За столом было очень весело. После обеда, около 5 часов, простившись с обоими офицерами, мы поехали дальше; майор нас провожал. После того, как мы прошли верст 5 по очень трудной дороге, встретились нам несколько осетин, которые отозвали Чилиева в сторону и что-то сказали ему на ухо. Мы узнали, что в трех верстах отсюда собрались 300 осетин **и поджидают путешников**;²¹ люди, которые нам сообщили это известие, были разведчиками. Несмотря на это предупреждение, Грибоедов решил ехать дальше, но, уступив в конце концов просьбам и мольбам Чилиева, вернулся с тем, чтоб продолжать путь на **другое утро**.²² Мы ехали верхом, поэтому обратный путь не был для нас труден; но с экипажами люди измучились; было очень трудно повернуть их на узкой дороге. Вечер мы провели в разговорах с Грибоедовым}; я использовал также некоторые моменты, чтобы поспрашивать в 3—4 домиках у грузин о монетах. И я выторговал одну монету, которую я тебе послал 14 дней назад с монетами Пауля Коцебу. Я видел, кроме того, еще несколько монет, которые мне показались не древними; кроме того, я счел их слишком дорогими, т. к. этот человек за 1 монету просил 3—4 рубля.

{26 июля.}

В среду 4 июля около 5 утра мы снова сели на коней для продолжения действительно трудного пути. Дорога поднимается все время до изгиба Терека, который только в этом месте от нее удаляется. Больших трудов стоило подняться через <Крестовую гору> (или, как Гамба переводит это на французский, Mont St. Christophe!).²³ Гора так называется из-за каменного креста, установленного повелением Ермолова; крест приходится иногда восстанавливать из-за попадания в него молний. Сейчас он стоит невредим уже 10 лет. Тут же после крутого спуска с Крестовой горы, сразу приходится подниматься на еще более высокую гору, которая называется Гуд-гора. Путь идет не через вершину, однако я и Мальцов решили подняться на вершину — это нам стоило большого труда: мы не думали, что она так высока. Труднее всего было спуститься верхом, так как гора очень крута.

После нее начинается Грузия с изобильной и приветливой природой. Особенно приятно после грозного Кавказа попасть в этот край. Здесь можно действительно отдохнуть. Примерно в 8 верстах от Пасанаура снова нам повстречался Чилиев со своими грузинами. Он покинул нас в Коби. Недалеко за Пасанауром, где мы не задержались, т. к. Чилиев нас пригласил к себе, я поскакал с ним галопом вперед. Впервые я ехал так быстро и свалился бы, если бы худая казачья лошадь была попузатей. Таким образом я проскакал 4 версты до дома майора, расположенного в прелестной долине. Долина тянется около 40 верст вдоль Арагви; и это самое красивое, что я видал. Горы по обе стороны покрыты кустарником, между которым время от времени расположе-

ны грузинские деревни, которые узнаваемы по круглой башенке. Их очень трудно разглядеть, т. к. жилища спрятаны прямо в земле. Я тут вспомнил такого же рода Рейнскую местность:²⁴ здесь все башни укреплены и подобны старинным замкам, только река здесь очень узкая. После хорошего завтрака все затихли, и я использовал это время для прогулки по округе. И, несмотря на жару, не пожалел об этом. В большинстве случаев все было ново: растения, насекомые — я никогда не видел их раньше; много видов колючего кустарника — прекрасные белые розы, барбарисы и другие кусты занимали меня несколько часов до обеда. И, вернувшись, я не чувствовал усталости и был очень доволен прогулкой.

После обеда, наполовину азиатского, где не обошлось без плова, который я здесь впервые попробовал, мы в сопровождении любезного хозяина в 4 часа отправились. Так как путь отсюда гораздо лучше, мы проехали его в экипажах. Здесь уже в конвое нет нужды, хотя можно попросить для сопровождения казаков по всей Грузии, если хочешь. Мы проехали без остановки 2 станции по великолепной местности. Среди впервые увиденных растений были, в частности, прекрасный грецкий орех с благоухающими листьями, похожими на листья платана, и еще в изобилии дикий виноград.

В сумерках мы приехали на станцию Ананур. Этот пост расположен под старым большим замком, который стоит на склоне горы. Раньше здесь хоронили грузинских царей; мы хотели провести здесь только ночь, поэтому замка не посетили. Спали мы в колясках, т. к. комнаты на станции были настолько полны блохами, что это невозможно вытерпеть.²⁵

{5 июля в утренних сумерках мы поехали по прекрасной местности до маленького городка Душет, где мы остановились у начальника водных сообщений, чтобы выпить чаю; когда мы пили, явились чиновники в парадной форме засвидетельствовать почтение проезжавшему министру; не могу тебе передать, **как**²⁶ это **было забавно**;²⁷ **мы** от всего сердца хохотали, когда эти провинциалы ушли. Когда мы собирались в путь, один грузинский князь (**размером с пятерых грузин**) поднес Грибоедову корзину с цветами и огурцами; эти последние, несмотря на то что их очень много здесь, считаются фруктами и всегда подносятся в торжественных случаях.} Это большой турецкий огурец;²⁸ обычные огурцы тут неизвестны.

{**Под Гартискари**²⁹ — последней станции перед Тифлисом — мы обедали под дубом на разостланном ковре. Здесь нас ожидали чиновники, выехавшие навстречу Грибоедову, — два его курьера,³⁰ тифлисский исправник и некоторые другие;³¹ число этих чиновников все время прибывало по дороге к Гартискари: кто верхом, кто в дрожках; между ними был и Шаумбург.³² Дорога прекрасна до самого Мцхета, древней резиденции здешних царей, насчитывающей 3000 лет;} но отсюда до Тифлиса — каменистые горы, которые выглядят печально.

{Но мы не могли остановиться у этих **руин**,³³ так как Грибоедов спешил скорее прибыть в Тифлис.} Я смог увидеть только несколько церквей вдоль дороги.

{После целого месяца путешествия в 9 часов приехали мы наконец в Тифлис. Для Грибоедова были приготовлены комнаты в доме графа Паскевича; нас отвели в один частный дом, где мы нашли 3 комнаты без мебели и без оконных рам.} Все их содержимое составляли одна постель, полная клопов, стол и стул. Я, сняв пальто, сразу ушел, чтобы отыскать Фрица Коцебу. После вопросов о губернаторе один грузин повел меня по улочкам со множеством освещенных жилищ к дому генерала Ховена. Здесь во дворе я встретил кого-то, у него в темноте и спросил о Фрице; представь себе мою радость — это был сам Коцебу. Он предложил мне переночевать у Ховенов, и я согласился, т. к. другого пристанища у меня не было. Мы с ним спали на галерее, и никто не знал, что я здесь. Мне было странно, что я в Тифлисе; я часто забывался сном, и вновь из-за духоты просыпался, снова ощущал себя здесь. Ночь была очень темной — только несколько молний позволили разглядеть Куру, над которой расположен дом, и, на другом берегу наискосок, — крепость. После долгого бодрствования я наконец заснул под шум реки.

{На другой день нам отвели помещение тоже в доме Паскевича, так как другого подходящего не было. Надев парадную форму, отправился я с Мальцовым представляться Сипягину.} Он встретил нас в своем кабинете, сидя за письменным столом, и, задав несколько вопросов, отпустил. {В этот день, так же как и все время, когда Грибоедов был тут, обедали мы у него. Он держал уже стол á la Ministre: шампанское, ананасы, мороженое и прочее подавалось постоянно; но обедающих было мало, один или двое посторонних, не больше.} Фриц Коцебу представил меня у Ховенов. Старый Ховен — прекрасный, искренний человек, который сразу сказал, что я буду жить у него. Его дочь, жена Морица,³⁴ очень милая женщина, как и ее брат,³⁵ служащий адъютантом у Сипягина. Но больше всех мне нравится Пауль Коцебу, у которого многосторонние интересы. Мы часто вспоминаем время, проведенное нами в гимназии,³⁶ или говорим о наших семьях. Большую часть времени я беседую с ним. Его путешествие до Исфахана для освобождения пленных³⁷ дает ему богатый материал для рассказов.

{7-го июля я провел **утро**³⁸ у Мальцова, с которым мы отправились обедать к Грибоедову; вечер провел я **довольно**³⁹ приятно у Ховенов, где были гвардейские офицеры. 8-го выступили отсюда с персидским золотом два гвардейских батальона; в декабре они будут в Петербурге.} Я провел свой день рождения очень тихо — впервые я не праздновал дома. Мы долго думали, что мы будем делать в этот день (Фриц и я) — однако ничего не придумали — в воскресенье было много по-мех; в частности, для получения лошадей, т. к. мы хотели совершить прогулку за город. Так как прошло уже много времени, и я вам не пи-

сал, то я расскажу только о днях, когда происходило что-нибудь интересное.

Я пропущу сразу один день и перейду к 10 июля.

10 июля я купил у одного из курьеров миссии лошадь, на которой поеду в Тегеран. Это персидский жеребец, если и не особенно красивый, то сильный и послушный. Я заплатил 15 дукатов,⁴⁰ а за новое персидское седло — 5 дукатов. В тот же день я нанял также слугу, который пять лет служил у Мазаровича,⁴¹ и он постирал мне белье; он говорит на татарском; я плачу ему 4 дуката в месяц,⁴² что кажется довольно дорого, но это не так, т. к. обычный слуга в Персии получает 2 дуката и обслуживает только одного. К тому же моего слугу знает Грибоедов и переводчики,⁴³ и они мне его очень рекомендовали, так что у меня — хороший слуга. Здесь, в Тифлисе, он ухаживает за моей лошастью, он хорошо стирает и довольно быстро.

{11-го июля управление Сипягина давало завтрак по случаю освящения своего нового помещения; я также был приглашен}, поскольку я познакомился с несколькими его молодыми служащими. {Самого Сипягина не было, так как он был в отъезде.} Среди гостей были генерал Ховен, полицмейстер и другие. {Все было очень прилично и окончилось шампанским}, которое пили за здоровье военного и гражданского губернаторов.⁴⁴ {В то время как Грибоедов обедал, я работал по его поручению в комнате Мальцова, так как уже закусил хорошо. Вечером я был дома, т. е. у Ховенов, куда пришел и Грибоедов.

12-го, в 5 часов утра, я был с Коцебу в монастырской церкви}, которая расположена на горе за Тифлисом и куда каждый четверг совершают паломничества грузинки. Путь туда очень крутой и неудобный, и ничем не вознаграждается. Это маленькая церковь, где нет ничего достопримечательного. {Весь день пробыл я у Грибоедова за работой, было много дела, так как он на другой день должен был ехать в главную квартиру. Вечером, получив от него инструкции, я с ним простился.

Утром 13-го он уехал с Мальцовым. Хотя мне было **бы** интересно повидать лагерь и особенно войну, **но**, с другой стороны, я был рад, что он оставил меня здесь.} Иначе я не виделся бы ни с Фрицем, ни с Паулем Коцебу. {Таким образом, я живу здесь спокойно и приятно и только желаю, чтоб так продолжалось подольше.} У меня снова мало времени, и я должен написать для будущей почты. На этот раз я не получил никакой почты — не произошло ли что-нибудь в Департаменте? — до сих пор у меня только одно письмо от тебя, два от Александрины и одно от Александра. Так что твое последнее письмо — это письмо от 17 июня, и я с тех пор не знаю, как ты себя чувствуешь. Внутри письма две монеты, из которых медную я купил за 1,6 рубля в лавке, а золотую монету я выменял за один дукат. Будь так добр, деньги запиши в мои расходы. Сердечные приветы всем в Петербурге и Ревеле, а также Вирстам.⁴⁵ Я здоров и доволен. КА

¹ Элизабетталь — поселок (колония) в 20 км от Тифлиса, близ Асурети, основан в 1817—1818 гг. 69 pietистами — выходцами из Вюртемберга.

² Мензенкамф Иван Иванович (1792—1860) — сын капитана русской службы из лифляндских дворян. Отставной лейтенант флота, он дослужился до статского советника (Десимон С. Де-Симон Н. И. похоронена на Верхнем хуторе Де-Симон (ныне поселок Прогресс). Сайт De Simon family. Эл. ресурс, дата доступа 11 авг. 2020 г., <https://desimon.family/blog/n-i-pokhoronena-na-verkhnem-khutore>, далее — Десимон). В 1828 г. — в чине коллежского асессора стал старшим членом в Конторе управления поселенными в Грузии колонистами с годовым жалованьем в 450 рублей серебром (Высочайший указ от 17 апр. 1819 по 1-му департаменту Правительствующего сената).

³ В переводе 1946 г.: дошли.

⁴ В переводе 1946 г.: очень высокие.

⁵ В переводе 1946 г.: от одного.

⁶ В переводе 1946 г.: обеде.

⁷ В переводе 1946 г.: единственной.

⁸ В переводе 1946 г.: подошел.

⁹ В переводе 1946 г.: прорыва.

¹⁰ В переводе 1946 г.: дорогу.

¹¹ В переводе 1946 г.: отложены.

¹² В переводе 1946 г.: солдатами и осетинами.

¹³ В переводе 1946 г.: сесть в экипаж и.

¹⁴ Древнее село, появившееся в котловине у перевала колесной дороги в Закавказье. В начале XIX в. здесь проживали осетины, грузины и армяне.

¹⁵ Чилашвили (Чиляев, Челяев) Борис Гаврилович (1798—1850) был в 1826 г. комендантом пограничной Карабагской провинции, одним из 6 офицеров, руководивших обороной крепости Шуши при ее осаде персиянами. Был лично известен Аббас-Мирзе, и именно его вытребовали в заложники после отказа русских сдать крепость (Андреев В. Воспоминания из кавказской старины // Кавказский сборник. 1876. Т. 1. С. 21, далее — Андреев). В 1828 г. — правитель горских народов Военно-Грузинской дороги. В 1829 г. — майор; участник походов против горских народов 1830—1850 гг. (Потто. С. 578—579, 582, 584, 1110). В чине генерал-майора командовал Лезгинской пограничной линией.

¹⁶ Это были офицеры ЛГ Сводного полка, собранного из нижних чинов Гвардейского Флотского экипажа, ЛГ Московского и ЛГ Гренадерского полков, вышедших на площадь 14 дек. 1825 г. Этот полк отправился из Санкт-Петербурга в конце февр. 1826 г., дождался начала навигации в Рыбинске, сплавился по Волге до Астрахани, Каспием прибыл в середине июля 1826 г. к Шандруковой пристани (вблизи Кизляра). ЛГ Сводный полк блестяще зарекомендовал себя взятием Аббас-Абада, Сардар-Абада и Еревана. 8 июля 1828 г. полк из Тифлиса выступил сухопутным путем через Москву в Санкт-Петербург, куда прибыл 8 дек. 1828 г. От Тебриза до Ахсы на Дону полк конвоировал персидское золото, а до Санкт-Петербурга — остальные трофеи.

¹⁷ Первоначально размер контрибуции, затребованной Паскевичем, был 15 куруров золотых туманов (7,5 млн туманов, или 30 млн рублей серебром). Однако вскоре сумма была сокращена до 10 куруров, причем первые пять должны были быть уплачены до подписания мирного договора. Затем переговоры были прерваны, а когда 10 февр. 1828 г. подписали Туркманчайский мир, то до выплаты 7 куруров российские войска оставались в Тебризе; в обеспечении 8-го курура войска остались в Хойской провинции, а уплата последних двух (9-го и 10-го куруров) была отложена на несколько лет (Потто. С. 745, 757). Россия нуждалась не только

в деньгах для планируемой войны с Турцией, но и в войсках, задерживающихся в Персии для обеспечения этой выплаты. Одной из задач посольства Грибоедова было получение 8-го курура, уплату которого персияне предлагали провести продовольствием и фуражом.

¹⁸ *Веригин Николай Иванович* (1805—1875) — офицер ЛГ Сводного полка в 1826—1828 гг., старший брат будущего генерал-адъютанта и историка *Веригина Александра Ивановича* (1807—1891). В числе группы младших офицеров был отправлен на Кавказ вместе с солдатами ЛГ Московского полка, отказавшимися пере-присягать Николаю I. Подпоручик Веригин 14 дек. 1825 г. оставался в казармах вместе с основной частью полка. Был произведен в поручики 3 нояб. 1827 г.; 2 дек. 1827 г. получил высочайшую благодарность за осаду Аббас-Абада, а 7 марта 1828 г. — орден Св. Владимир 4 степ. Вместе с полком вернулся в Санкт-Петербург.

¹⁹ В переводе 1946 г.: 34-х.

²⁰ В переводе 1946 г.: грузинские.

²¹ В переводе 1946 г.: чтоб напасть на проезжающих.

²² В переводе 1946 г.: другой день.

²³ Таким искажением топонима возмущался и П. Зубов (*Зубов*. Ч. 2. С. 171). Он утверждал, что крест поставлен над могилой управляющего горскими народами.

²⁴ В 1794 г. из Санкт-Петербурга Ф. П. Аделунг отправился в путешествие по Рейну (РОИВР РАН, ф. 1, оп. 1, № 14, л. 22); очевидно, по своему обыкновению, он приобрел там графический материал, который позднее рассматривал дома с детьми.

²⁵ К. Аделунг не привередлив: отвратительные бытовые условия для проезжающих по Военно-грузинской дороге (холод, нехватка мест в помещениях и их антисанитария, дороговизна припасов и услуг носильщиков) отмечали и другие авторы (см.: *Зубов*. Ч. 2. С. 181—186).

²⁶ В переводе 1946 г.: что.

²⁷ В переводе 1946 г.: была за картина.

²⁸ По сегодняшний день наиболее распространенный сортотип выращиваемых в Турции огурцов — Анатолийский с серповидным зеленцом. Однако юмор ситуации имеет не ботаническую, а культурологическую окраску: как и в других культурах Востока, не растерявших архаичные корни, встреча и приветствие гостя связано с поднесением подарка. Форма плода турецкого огурца («бута», «слеза Аллаха») символизирует жизнь и благополучие.

²⁹ В переводе 1946 г.: В Гартискаре.

³⁰ Известны имена пяти курьеров миссии Грибоедова: двое были ранены, но выжили во время разгрома посольства, и трое погибли. Маловероятно, что их было всего пятеро, и кто из них уже ожидал посольство в Тифлисе — неизвестно. См.: *Дмитриев*. С. 608.

³¹ В переводе 1946 г.: чиновники подъезжали.

³² *Шаумбург Иван Христофорович* (1801—1853) — сын придворного музыканта, одноклассник Фрица Аделунга по Губернской гимназии. Окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета в первом выпуске; в июне 1823 г. был причислен к МИД и отправлен в 1824 г. драгоманом в Тебриз, под начало консула С. И. Мазаровича. В 1826—1827 гг. работал в посольстве А. С. Меншикова, в военные 1827—1828 гг. — переводчик в штабе Паскевича. Летом 1829 г. Шаумбург сопровождал «извинительную» персидскую делегацию в Санкт-Петербург, после чего (отслужив положенные казеннокоштному студенту 6 лет) вышел в отставку и до своей смерти (от холеры) преподавал географию в различных учебных заведениях столицы. Был дважды женат и имел 4 детей (ЦГИА СПб., ф. 268, оп. 1, № 13215, л. 4, 5, 8—12).

³³ В переводе 1946 г.: развалин.

³⁴ *Коцебу Мориц (Маврикий Евстафьевич)* (1788—1861) — третий сын Августа Коцебу. Как и его старший брат Отто, волонтером поступил на шлюп «Надежда» и участвовал в первой российской кругосветке под командованием родственника своей мачехи И. Ф. Крузенштерна. Участник войн 4-й коалиции и Отечественной войны, на которой попал в плен. Вернувшись из плена в 1816 г., стажировался у академика Ф. И. Шуберта, был прикомандирован как астроном и картограф в посольство А. П. Ермолова в Персию. В 1828 г. — обер-квартирмейстер отдельного Кавказского корпуса, полковник, проводил многочисленные топографические съемки на Кавказе и в Закавказье. Вскоре был смещен Паскевичем со своей должности за неуместный, по мнению неуживчивого командующего, совет не держать войска летом в долинах Закавказья (*Андреев*. С. 6). Грибоедов неоднократно упоминал Морица в своих письмах, и неизменно — с отрицательной коннотацией. Возможно, причиной была информация о неодобрительных отношениях несовершеннолетнего М. Коцебу с членами кругосветной экспедиции Е. К. Фридрихи и К. Ф. Эсленбергом (Первая русская кругосветная экспедиция 1803—1806 в дневниках Макара Ратманова / Отв. ред. О. М. Федорова. СПб., 2015. С. 384).

³⁵ *Ховен Роман Романович* (род. между 1807/1809 гг.) учился в Царскосельском благородном пансионе 4 года, вышел в 1825 г. в ЛГ Гренадерский полк и за неделю до декабрьского восстания был произведен в прапорщики. В составе ЛГ Сводного полка принял участие в Персидской войне, получил благодарность за взятие Аббасабада, одним из первых со своею ротой ворвался в брешь Ереванской крепости 1 окт. 1827 г. и был назначен ординарцем к генералу Давыдову; в марте 1828 награжден орденом Св. Анны 3 степени, после чего был прикомандирован к генералу Сипягину (*Скрудковский С.Э.* ЛГ Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. СПб., 1896. С. 43). Всю жизнь служил на Кавказе, вышел в отставку в 1861 г. генерал-майором. Будучи с 1852 г. комендантом Бакинской крепости, много занимался озеленением и благоустройством этого города.

³⁶ Пауль Коцебу со своим старшим братом *Коцебу Августом Юлием* (1799—1876) жили в пансионе Санкт-Петербургской Губернской гимназии вместе с братьями Аделунгами.

³⁷ Розыск и возвращение пленных были не только опасными, но и морально нелегким: кроме похищенных и пленных, в Персии было много дезертиров российской армии, которых также стремились вернуть. По окончании Персидской войны и объявлении о возвращении войск в Россию массовые побеги к персиянам удалось несколько сократить только объявлением премии в 10 червонцев (120 рублей) за донос на дезертира (см.: *Гангелов*. С. 166). О психологической травме, полученной при возвращении этой категории пленных, писал Грибоедов (письма Мазаровичу от 11 сент., 13 сент. и 6 окт. 1819 г. (ПСС. С. 28—41)). Как далее следует из писем К. Аделунга и из письма Грибоедова (письмо Нессельроде от 26 июля 1828 г. (ПСС. С. 218—221)), тяжело было этим заниматься и П. Е. Коцебу.

³⁸ В переводе 1946 г.: день.

³⁹ В переводе 1946 г.: очень.

⁴⁰ В это время 1 дукат равнялся примерно 3,2 рублей серебром, или 12 рублей ассигнациями. То есть конь с седлом обошлись почти в 240 рублей, что составляло почти $\frac{3}{4}$ месячного оклада К. Аделунга. Голландские дукаты тайно изготавливали на Санкт-Петербургском монетном дворе вплоть до 1868 г. для выплаты жалованья воевавшим и служившим на Востоке и Польше.

⁴¹ *Мазарович Семен Иванович* (?—1852), венецианец сербского происхождения, служил в России врачом и был выбран «за расторопность» А. П. Ермоловым на вакантное место поверенного в делах в его персидское посольство в 1818 г. Оставался поверенным в делах в Тебризе до 1826 г. и был смещен после отставки генерала

Ермолова. В 1828—1830 гг. — статский советник, чиновник по особым поручениям у И. Ф. Паскевича, потом — в центральном аппарате Азиатского департамента.

⁴² В продолжение всех российско-персидских переговоров в Туркманчае принц Аббас-Мирза получал от российской стороны 50 дукаатов ежедневно (РО ИВР РАН., ф. 17, оп. 1, № 43, л. 34).

⁴³ В миссии Грибоедова переводчиками были: Мелик-Шахназаров мирза-Нариман, Василий Дадашев (Дадаш-бек), Петр Калатозов (Калатозишвили), Василий Яковлевич Ваценко (в дек. 1828 г. он остался в Тебризе) (*Дмитриев*. С. 608). Ваценко был принят на службу только в авг. 1828 г., однако он мог знать бытовые подробности Мазаровича, так как его отец, Я. К. Ваценко, был российским консулом в Тегеране в 1821—1825 гг. (то есть тогда, когда поверенным в Тебризе был Мазарович).

⁴⁴ Гражданского — Р. И. Ховена; военного — Н. М. Сипягина.

⁴⁵ *Вирст Фридрих Готфрид (Федор Христианович)* (иногда, особенно в делопроизводстве ИАН, его имя писали как Вюрст) (1763—1831) — действительный статский советник, уроженец Берлина, с 1828 г. — почетный член ИАН, купец, управляющий таможенным округом, экономист, профессор Шляхетского кадетского корпуса, заведующий статистическим отделением МВД. В 1826 г. стал кавалером ордена Св. Владимира 2 ст. Автор нескольких книг по экономике России, часть тиража которых он дарил российским университетам (ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, № 3054, л. 4). Настойчиво пропагандировал необходимость торгового доминирования России на Черном море (*Головки Ю. И. Труды исторического факультета СПбГУ*. 2014. № 17. С. 83—107). Он живо интересовался возможностью морской торговли с Китаем (*Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке*. М., 2000. С. 17). Был трижды женат; его сын от первого брака был немного старше К. Аделунга. Очевидно, Вирсты были добрыми знакомыми не только Аделунгов, но и Коцебу — они забирали гимназистов Августа и Пауля Коцебу из пансиона на каникулах, когда их отец жил за границей (*Kotzebue*. P. 5).

{№ 11.Тифлис. 3-го августа 1828.}

Дорогой отец, сердечно благодарю тебя за письмо № 2; я получил его здесь вместе с письмами Александрины и Александра, пришедших попозже — я нашел их здесь вечером, когда вернулся из колонии Элизабетталь. Читал их в хронологическом порядке, т. е. письмо Александрины от 1 июля первым; в нем она сообщает, что мама простудилась, и я очень обеспокоился, но твое письмо меня успокоило, и я обрадовался, что вы снова все здоровы. Также хорошие вести о Фрице¹ обрадовали меня: то, как он доволен, что они приближаются к своей цели. Монеты, посланные тебе, ты, вероятно, получил. Еще у меня есть 15 медных монет, которые недавно попались мне в лавках и которые я купил, т. к. их выторговал за 1 руб. 60 коп. Если появится возможность, то pošлю их тебе. Что касается больших золотых монет, то я не забуду поговорить о них с Грибоедовым после его возвращения. Вот уже 4 недели как я в Тифлисе и половину времени провел не здесь. Я у Ховенов познакомился с господином Мензенкампом, президентом канцелярии администрации по управлению немецкими колониями в Грузии. Он настолько приятный человек, что мне кажется, что я его знаю давно.

14 июля я и Ф. Коцебу поехали верхом к нему в колонию. Я ехал на своем смирном жеребце. Путь в колонию Элизабетталь, что в 20 верстах от Тифлиса, идет большей частью через горы, и места очаровательны. Сразу, как покидаешь город, видна скалистая гора высотой в 2 версты, и с этой вершины виден весь город у ее подножия.² На полпути вниз есть трудный участок, так что мы сочли целесообразным спуститься вниз пешком. Здесь я впервые увидел черепаху в ее естественной среде — она была длиной приблизительно в $\frac{3}{4}$ фута и довольно широкая. Я поднял ее с земли, чтобы показать Коцебу, шедшему впереди, — она пыталась защищаться когтями и, когда я перевернул ее на спину и понес, она пыталась защититься, как это делают лисы,³ — я ее тотчас перевернул.

В час полудни мы достигли колонии и были тепло встречены. Жена Мензенкампа⁴ — полька — молодая, красивая и любезная. Самое прекрасное, что при встрече не было формальностей — я с первых минут почувствовал себя как дома. Колония расположена в очень красивой долине с чистым хорошим воздухом, которым невозможно не наслаждаться после духоты и жары Тифлиса. Особенно приятно мне было находиться среди немцев и слышать немецкую речь.

15 июля верхом с Коцебу мы поехали к руинам одной находящейся поблизости церкви, местоположение которой он знал. Мы скакали по живописным местам верст восемь через горы, однако церкви не нашли. Хотя мы и не достигли цели своей верховой прогулки, я был очень доволен, т. к. мы увидели живописные места, и я опять заметил похожую на вчерашнюю черепаху. Почти каждый день я знакомлюсь с новыми, известными мне по книгам (особенно книгам Бертуха⁵), растениями. Так, я увидел здесь кизил,⁶ айву и много видов сливы. К сожалению, все фрукты еще не успели и потому несъедобны.

В понедельник утром, 16-го⁷, мы отправились с Мензенкампом и молодым Бароцци⁸ в путь к городу; небо было покрыто черными тучами, закрывавшими все вершины гор и грозившими скорым дождем. Мы проехали несколько верст, когда небо вовсе потемнело, и Мензенкамп уговорил нас вернуться. После некоторых споров мы решили вернуться в Элизабетталь, и дождь нас пощадил. Я не пожалел о возвращении, т. к. в этот день я познакомился с двумя проповедниками, из которых один — пастор Вёр⁹ — мне особенно понравился. Он вырос в Базеле и приехал как миссионер в Шушу в Карабахе, где он находился и в 1826 г. во время ее осады.¹⁰ Я беседую с ним с удовольствием и все больше ценю его и люблю. Он много рассказал мне о Зарембе,¹¹ с которым он znalся в Шуше, где тот и остался.

После обеда мы сделали еще одну попытку найти руину. На этот раз мы отправились в другую сторону, но опять не нашли ее. Мы проезжали через дикие места, которые были прекрасны. Одно место было особенно красивым и пугающим — путь вел между высокими крутыми скалами через кусты и поросли все глубже в джунгли и так далеко, что

мы под конец не могли продолжать движение из-за сплошных зарослей. Нам было жаль, что мы не можем двигаться дальше, но мы повернули назад. Высоко в горах на небольшом плато я увидел первый гигантский платан. Ствол внизу, где не было ветвей, около 5—6 аршин,¹² потом делится на два, покрытых красивейшей листвой. Конечно, ему несколько веков.

На другой день, 17-го,¹³ мы поскакали в город. Наша компания состояла из двух проповедников — Вёра и Залтета,¹⁴ Мензенкампфа, одного колониста, который был проводником, и меня. Фриц Коцебу и Бароцци уехали еще утром. Наша кавалькада двигалась очень медленно, 20 верст мы проехали за 6 часов, однако это время прошло в разговорах незаметно. На полпути мы подкрепились около горного родника хлебом и вином.

{**Прибыв в город в 9 часов вечера, я сразу поскакал**¹⁵ на квартиру Грибоедова, чтобы сдать лошадь **моему слуге**.¹⁶ Въехав¹⁷ во двор, я увидел большое количество поклажи; когда я спросил, чьи это вещи, мне ответили: «Грибоедова». Я подумал, что он распорядился их послать вслед за ним в главную квартиру. Но как же я был удивлен, когда услышал у Ховенов, что он возвратился еще 14-го, так как лошади, отъехав 50 верст, не захотели идти дальше. Утром на другой день я снова пошел к нему, чтобы с ним поговорить; к сожалению, я уже не застал его, так как незадолго до моего прихода он уехал опять. **Вернется**¹⁸ ли он в Тифлис и когда — пока неизвестно; до сих пор от него нет известий. Офицер, доставивший из Ахалкалака¹⁹ знамена, встретил его в этой крепости; он ехал тогда из Карса,²⁰ где он думал найти Паскевича, в Ахалцых,²¹ который окружен и перед которым находится главная квартира. Также меня очень ошеломило известие о том, что Грибоедов женится. Его будущая жена — молодая шестнадцатилетняя княжна Нина Чавчавадзе; **говорят**, она очень любезна, очень красива и **широко**²² образованна. Эта женитьба, естественно, **придаст**²³ совсем иной характер нашему обществу в Персии, и я думаю, что я **должен радоваться**²⁴ этой перемене. О свадьбе я ничего не узнал; говорят, что если он сейчас не вернется в Тифлис, то свадьба состоится в декабре. Несомненно, известия о нем придут на днях, и тогда все разъяснится.

Так как я увидел, что мне нечего больше делать в Тифлисе, а Мензенкампф звал меня ехать с ним вместе, я решил на это}, хотя я еще должен вам рассказать о многом, что еще не описал. Но я думаю, вы будете снисходительны — я ведь сообщал о себе, хотя и кратко; я убежден, что вы извините мои развлечения. Около 9 вечера при лунном сиянии мы с Мензенкампфом спокойно выехали. В колонии, куда мы прибыли в 2 часа ночи, нас угостили чаем. Я пробыл в колонии до 24 июля и наслаждался тихой жизнью среди прекрасной природы и чистым воздухом. После обеда я сопровождал Мензенкампфа, который осматривал границы колонии. Мы проскакали около восьми верст, когда нас настиг сильный дождь. Мензенкампф не мог скакать

быстро, т. к. это ему запрещено, — я его оставил и помчался быстрым галопом, так что прибыл на час раньше его и потому не так промок. До дождя мы много беседовали о Петербурге и наших общих знакомых: он знает Вирста, Шамбо,²⁵ Лобенвейна²⁶ и многих из известных мне петербуржцев.

22 июля, в воскресенье, мы опять, в третий раз, пытались найти руину — на этот раз нас сопровождал колонист, знающий дорогу. Наша компания состояла из генеральши Тухолки,²⁷ которая переехала в колонию на некоторое время, из полковника Унгерна,²⁸ пожилой мадмуазели, которая ведет хозяйство у Мензенкампфа, и меня. Мы проехали верхом около полутора часов, пока нас снова не остановили заросли. Живописная местность и природа не дали нам почувствовать досаду. Полковник Унгерн служил раньше в гусарской гвардии и вспомнил, что иногда видал тебя в Царском у Энгельгардтов.

В понедельник утром 23²⁹ приехали к Мензенкампфам несколько грузин с жалобой, что колонисты косили траву на их земле, и потребовали, чтобы он сам в этом убедился. Я сопровождал кавалькаду из семи человек (вместе с нами) — мы скакали около трех часов, и я беседовал с генеральшей. Среди приехавших был и князь Баратов³⁰ — известный как крестьянин, который рассказывал мне о прежних временах в Грузии. Он показал мне место, где раньше стоял замок его отца, от которого ничего не осталось — 30 лет назад его разрушили турки.³¹ Также я увидел платан (чинар — я его описал вам раньше), под которым часто сидел предпоследний царь Ираклий,³² когда он бывал на охоте.

Вечером мы (Мензенкампфы, пастор Вёр и я) совершили большую пешую прогулку в виноградники колонии, которые расположены у ручья в очень красивой долине. Я раньше не мог вообразить таких виноградников. Здесь я увидел их в полном изобилии. Колонисты посадили дикий виноград, который облагородила местная плодородная земля. Я заметил здесь стволы толщиной от 1 до 4 дюймов.

Во вторник³³ после обеда я поехал верхом с Мензенкампфом в город. Каждый раз при поездке верхом я замечаю новые растения — на этот раз у ручья я увидел дикий виноград, финики и плющ. Все совсем иное, чем у нас, и все такое свежее и необыкновенно мощное. Ужинал я у Ховенов, где меня встретили, как всегда, очень приветливо: это прекрасные люди, и я благодарю Бога за то, как они меня хорошо принимают.

Дни с 25 по 28³⁴ я использовал для всяких необходимых дел. Я заказал себе шлафрок, архалук³⁵ типа шелковой венгерки без шнурков и панталон, который здесь носят утром дома и который необыкновенно легок, — его я заказал для Персии. Кроме того, я купил себе азиатскую саблю, бурку, походный складной столик, походную постель с выючными ремнями и т. д. и т. д. В ближайшее время я также пришлю список всего этого с ценами — это, возможно, заинтересует вас.

28³⁶ я напрасно ждал весь день своего слугу, пока вечером не узнал, что он находится в полиции — я сразу пошел туда. Поговорил с ним и выяснил, что его господин, князь Бебутов, сдал его туда. Я посетил дом князя, но не застал его дома. На другое утро нашел его и узнал, что он посадил его только для надежности, т. к. теперь все состояние семьи делят братья Бебутовы,³⁷ и он боялся, что они потеряют этого человека. После моей беготни от 7 до 12 часов к четырем князьям, в полицию и т. д., после того, как я выкупил слугу на год за 10 рублей золотом, мне удалось вызволить его. Кроме того, его хозяин написал мне гарантию, что он может оставаться у меня столько времени, сколько я хочу, и что я могу продлевать с оплатой этот выкуп настолько, насколько хочу. Я был немало рад, когда я вернул его — иначе мне было бы трудно нанять приличного человека, которого все хвалят. Сейчас он мне особенно полезен, т. к. он мне большую часть дел выполняет быстро и хорошо. Я очень хотел бы взять его с собой по возвращении в Петербург.

Вечером я поехал снова с Мензенкампом в колонию для смены впечатлений. Ты видишь, как я развлекаюсь, — я использую все свободное время для загородной жизни, и т. к. этим, как мне кажется, никого не затрудняю и меня встречают с удовольствием, то делаю это без зазрения совести так часто, как только могу. Опять мы верхом выехали вечером в 8 часов и вернулись ночью.

30-го³⁸ мы предприняли еще одну попытку отыскать руину, и наша компания состояла из пастора Вёра, служанки Мензенкампа, Фрица Коцебу, проводника и меня. Наконец мы нашли руину и были вознаграждены за наши усилия. Это развалина бывшей церкви, 4 стены которой из белого песчаника еще стоят; снаружи местами тонкая резьба в готическом стиле и ряд надписей, которые были высечены позднее, т. к. они расположены на камнях совсем без симметрии. В алтаре можно видеть хорошо сохранившиеся рисованные фигуры Христа, Марии, апостолов и святых в полный рост — краски еще яркие. Они напоминают немного фигуры на новгородских воротах — такие же тонкие и вытянутые, с застывшими кистями рук и каноническими лицами. Крыши уже нет, только несколько сводов в соседних помещениях еще целы. В маленьком темном помещении часовни, почти без света, мы нашли подобие каменного алтаря и маленькую складную иконку из меди, какие часто бывают у русских. На ней были русские или славянские надписи. Она казалась нестарой, по крайней мере, это подтверждает новизна ее ленточки. Мы почтили ее и оставили здесь — возможно, владелец вернется и будет думать, что она хорошо сохраняется. Перед церковью мы позавтракали на природе — хлеб, сыр, огурцы и грузинское вино были превосходны. На десерт мы собрали дикие белые и красные сливы, довольно приличные, терн и кизил, растущие в изобилии. Айва, которую мы тут нашли, еще совершенно не поспела.

Я возвращался с Фрицем Коцебу рысцой, потом галопом, так что мы вернулись раньше остальных. В день рождения матери Коцебу³⁹

мы пили от всего сердца у церкви за ее здоровье (как и все из наших семей).

Хотя во вторник утром, 31,⁴⁰ Фриц Коцебу поскакал в город, я остался в колонии, т. к. Мензенкамф предложил мне поехать в колонию Катариненфельд,⁴¹ и я согласился. Эта колония находится приблизительно на 25-й версте от Элизабеттала к юго-западу, неподалеку от Квеша.⁴² Путь туда идет почти везде по равнине, пока не спускаешься по трудной дороге с горы вниз к реке Кции. Здесь, на реке, настоящий сад и одно из самых прекрасных мест. Мы отдыхали здесь часа полтора, искупались в реке, которая в середине доходит до колен, и отправились в путь.

{В Катариненфельде⁴³ я до позднего вечера беседовал с колонистами об их несчастьи, происшедшем в 1826 г. На эту деревню 14 августа напало около 600 курдов, турок и персов; их привели татары из соседних деревень; бóльшая часть домов была разрушена; около 50 колонистов были **убиты**;⁴⁴ многие увезены в плен, остальные разбежались и только в минувшем октябре возвратились домой.⁴⁵ Узнав, что я еду с Грибоедовым в Персию, они настоятельно просили меня позаботиться об их родственниках. Они мне дадут **список**⁴⁶ находящихся в плену колонистов, и я, конечно, сделаю все возможное, чтоб помочь этим несчастным;⁴⁷ Грибоедов также сделает для них, несомненно, все, что будет в его силах.} Пауль Коцебу уже вернул многих из Персии, но еще большое количество плененных и проданных в Персию и Турцию томятся там.

Насколько я враг блох, но все же за ночь в этой колонии я им благодарен. Староста колонии Шульц предоставил мне свою супружескую постель вместе с блохами; и эти блохи ввели меня в некоторое волнение, приведшее к самым приятным сновидениям. Я оказывался то в Петербурге, то в Ревеле, и, хотя меня часто будили черные гусары, я снова засыпал и снова продолжал видеть эти сны. В конце концов я проснулся с громким смехом, так что Мензенкамф проснулся, вскочил и решил, что я заболел. А я видел во сне, что Александрина и Александр показывали мне всевозможные шутки, и это так живо, как наяву, так что я не мог не смеяться от всей души.

1 августа, пока Мензенкамф занимался колонистами, я поехал верхом, вооруженный саблей вместе с вооруженным винтовкой и пистолетами провожатым, чтобы поблизости осмотреть несколько старинных церквей, т. к. местность небезопасна из-за татар. Здесь, в 10 верстах от колонии, я увидел 6 руин церквей, из которых несколько очень интересны. Одна имела уцелевшие своды, которые покоятся на 8 колоннах, и другая имела наполовину уцелевшие картины из Св. истории. Татары зимой держат скот в церквях и разводят там огонь, от которого все чернеет и уничтожается живопись. Следовало бы положить конец этому неслыханному варварству. В последнюю церковь, которую я осмотрел, меня сопровождал один армянин из соседней дерев-

ни — он показал мне несколько могил армянских царей; по крайней мере, надгробия с высеченными на камнях изображениями представляли собой их фигуры, т. к. у них были короны, жезлы и державы. Этот армянин пригласил меня потом перекусить у него, и, как я ни пытался отказаться, т. к. было уже поздно, и я не хотел задерживать Мензенкампа, пришлось согласиться. Он угощал меня перед саклей (земляной хижиной) красивой дыней, медом и лепешками. Все было превосходно и утолило как мою жажду, так и мой голод. При прощании этот добрый старик извинялся, что не смог предложить мне больше — ведь это составляло все, что было у него в запасе. Господь, вознагради его за доброту!

{Позавчера, 1-го августа, после обеда вернулись мы в **Элизабетталь**,⁴⁸ откуда я один поехал в Тифлис.}

Ты видишь, я доволен и живу с удовольствием. У меня всего достаточно, однако разве есть такие люди, кому не хотелось бы иметь что-то заветное? И как счастлив я по сравнению с тысячами других! Я тебе должен написать отдельное письмо и поэтому у меня нет времени ответить Александрине и Александру; пусть они не обижаются — я хочу попытаться организовать действительно хорошее дело.

На будущей неделе я обязательно напишу. Привет всем: Шерерам, Вирстам, Мэтью и Шницлеру,⁴⁹ если вы ему пишете. Я совершенно здоров и доволен, насколько можно быть здоровым и радостным. Вечно твой преданный я. КА

Тифлис 3 августа 1828.

Дорогой отец,

Ты, конечно, удивишься, когда найдешь под печатью управляющего колониями мое письмо. В Элизабеттале я много беседовал с пастором Вёром о средствах для завершения строительства здешней церкви⁵⁰ и как найти эти необходимые средства. В связи с этим я вспомнил о Конвенте Петрикирхе,⁵¹ который, по твоему предложению, мог бы помочь общине в Элизабеттале финансами. Кроме того, я хотел попытаться, пользуясь твоей добротой, устроить в Петербурге частный сбор денег, благодаря которому я мог бы помочь этой колонии. Но я оставляю это, разумеется, на твое усмотрение и думаю, что ты это одобришь. Но я собираюсь сделать доброе дело и сделаю все, что в моих силах, и, мне кажется, это не останется незамеченным. Если ты соберешь что-нибудь (ведь в Петербурге достаточно людей, которые не очень любят поддерживать дела такого рода — как, например, барон Штакельберг и т. д.), то будь добр, пришли 100 руб. управляющему здешних колоний и закончи сбор, если возможно, к декабрю.

Кроме того, у меня еще одна просьба в отношении церкви колонии (мне не стыдно в таком деле не стесняться): здесь не хватает художников, а они хотят в церкви иметь Распятие и Вознесение. Не был бы Гиппиус⁵² так добр, чтобы сделать хорошее дело: исполнить и подарить картины колонии? Каждая должна быть высотой 2 аршина и со-

ответственной ширины. Так как Гиппиус еще в Ревеле, то пусть Ени и Александрина окажут мне услугу и попросят его об этом — может, он откликнется на их просьбу? Как бы я был счастлив, если б мне удалось что-то из этого. Однако человек полагает, а Бог располагает. Я жду с нетерпением ответа на это. Я прошу только срочно начать сбор средств, для чего предназначена шнуруванная книга,⁵³ в которой будет изложено это более подробно.

Твой любящий и преданный сын. АК

Адрес управляющего конторой: <В Контору Управления поселенными в Грузии колонистами в Тифл.> и в нем: <Его Высокоблагородию Ивану Иванову Мензенкампу.>⁵⁴

¹ Ф. Ф. Аделунг, в это время с гвардией почти достигший Варны.

² Тифлис расположен в котловине Куры; его наивысшая точка — крепость Нарикала и находящийся в ней монастырь Св. Давида стоят на высоте 721 м. Две версты — около 2150 метров.

³ Не только некоторые млекопитающие, но птицы и ящерицы в случае опасности могут замереть на продолжительное время. Ряд охотничьих источников сообщают о способности лисиц в случае опасности притворяться мертвыми и даже источать запах тления.

⁴ Урожд. *Радонски Франциска Антоновна* — мать 4 сыновей и 2 дочерей (*Десимон*).

⁵ *Бертух Ф. И. Ю.* — веймарский журналист и натуралист; здесь К. Аделунг имеет в виду его периодическое многоязычное иллюстрированное издание «*Bilderbuch für Kinder*», отдельные главы которого в 1815—1829 гг. печатала издаваемая О.П. Козодавлевым «Северная почта» под названием «*Детский Музеум*» (*Канадзавва Т.* Отзывы о «*Детском Музеуме*» в газете «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» // *Русская литература*. 2016. № 3. С. 47—57.

⁶ Карл назвал кизил «вишней Корнеля» (*Cornel Kirscl*).

⁷ 16 июля 1828 г.

⁸ Возможно, потомок вступившего в 1789 г. в русскую службу венецианца греческого происхождения *Бароцци Ивана Степановича (Францевича)* (1760—1822). В 1892 г. он был агентом М. И. Кутузова в Стамбуле; в 1801—1805 гг. — российским консулом в Венеции. Скончался в Аккермане. Двое его сыновей служили в России полицмейстерами: в Сороках — *Яков* (1788—1852), в Бендерах — *Антон* (см.: *Пархомов В. А.* История одного посвящения А. С. Пушкина // Сайт исследований по новой хронологии. Эл. ресурс, дата доступа 11 авг. 2020 г., http://new.chronologia.org/polemics/2015_parhomov_pushkin.php).

⁹ Пастор *Вёр Готтлиб* прибыл на Кавказ из Базеля в 1825 г. (*Чернова-Дёке Т. Н.* Немецкие поселения на периферии российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818—1917). М., 2008. С. 91; далее — *Чернова-Дёке*). Служил в Элизабеттале в 1827—1829 гг. В списках 19 перепоселенцев колонии Новый Тифлис значатся двое Вёров (Филипп и Якоб) — его однофамильцы или родственники.

¹⁰ Шуша — укрепленная столица Крабагского ханства, в начале XIX в. — под протекторатом Персии; договором присоединена к России в 1805 г. В 1826 г. Шуша была целью наступающей персидской армии Аббас-Мирзы числом в 60 тысяч человек. В крепости без запасов и воды остались 3 роты и часть населения. Осада началась 24 июля, окончилась 5 сент. 1826 г.; осажденные трижды отвергали предложение о капитуляции. Осада продолжалась до получения известия о взятии

В. Г. Мадатовым Елизаветполя. Таким образом, стойкость защитников Шуши связала движение персиян на Кахетию и Тифлис (*Потто*. С. 578).

¹¹ *Заремба Фелициан* (1794—1874) — российский подданный, по рождению — католик, недолго работавший в МИДе. После 1814 г. вышел в отставку; его религиозные искания окончились переходом в протестантизм; он примкнул к Базельской миссии pietистов, выхлопотал для них у Александра I разрешение проповедовать среди мусульман Кавказа. Один из основателей колонии pietистов в Шуше в 1821 г. Заремба знал армянский, персидский и несколько тюркских языков. В николаевское время активность базельских проповедников («Общество Евангелия») постепенно сокращалась (кроме мусульман, они проповедовали и среди армян); общество было запрещено в 1838 г. (История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. С. 39).

¹² Примерно 3,5—4 м.

¹³ 17 июля 1828 г.

¹⁴ *Залтет Йохан Бернхард* (1799—1830) — миссионер из Базеля, пользовался влиянием среди колонистов Закавказья и доверием русской администрации; был проповедником в Новом Тифлисе в 1823—1830 гг., совмещая с 1827 г. эту службу с должностью обер-пастора восьми Закавказских колоний; в янв. 1828 г. под его руководством принят новый религиозный Устав колонистов, более тесно связывающий их церковную жизнь с российским администрированием (*Чернова-Дёке*. С. 91).

¹⁵ В переводе 1946 г.: Около 9 часов вечера поехал я из города прямо.

¹⁶ В переводе 1946 г.: слугам. Из писем Аделунга известно имя его слуги — Семён.

¹⁷ В переводе 1946 г.: Когда я въехал.

¹⁸ В переводе 1946 г.: Возвратится.

¹⁹ Ахалкалак — грузинский укрепленный город XI в.; с середины XV в. — в составе Османской империи. Российские войска взяли крепость 24 июля 1807 г.

²⁰ Карс — город на севере совр. Турции, в X—XI в. — столица Армянского царства, затем город принадлежал последовательно Византии, Грузии и Османской империи. Русские войска брали Карс в 1828 (под командой Паскевича), 1855 и 1877 гг.

²¹ Ахалцых — грузинский город XI в., затем входил в Османскую империю; располагался на населенной армянами территории. Российские войска взяли его 15 авг. 1828 г., после чего без боя турки покинули расположенную рядом крепость Ацхур. Трофеем, полученным в Ахалцыхе, была обширная и ценная библиотека, отправленная в Санкт-Петербург. Ныне — город на севере Турции.

²² В переводе 1946 г.: прекрасно.

²³ В переводе 1946 г.: придает.

²⁴ В переводе 1946 г.: буду рад.

²⁵ *Шамбо Александр Иванович* (1783—1848) — с 1814 г. секретарь прусской принцессы, а потом русской императрицы Александры Федоровны. Преподаватель немецкого языка великого князя Александра Николаевича. Сотрудник многих благотворительных обществ Санкт-Петербурга. Доверенное лицо Вас. А. Жуковского. Впрочем, из-за распространенности фамилии и отсутствия информирующего контекста это мог быть и капитан французской службы Карл Шамбо, и математик Шарль Шамбо, находившиеся в 1820-е годы в Санкт-Петербурге.

²⁶ *Лобенвейн Йохан Андреас* (*Иван Андреевич*) (1758—1821), уроженец Вены, профессор анатомии Виленского университета, доктор медицины, анатомии и хирургии. Знакомство Ф. П. Аделунга с Лобенвейном могло состояться в Риге, в конце 1780-х гг.

²⁷ Жена *Тухолки Льва Адамовича*, тяжело раненного под Эчмиандзином. Тухолка вступил в российскую службу из прусской в 1810 г. капитаном ЛГ Преображен-

ского полка; с 1816 г. — полковник, командир 21-го Егерского полка, с 1821 г. — генерал-майор.

²⁸ *Унгерн-Штенбурги (Унгернитернберги)* — один из древнейших и многочисленных немецких родов Ливонии; активно присутствуют в российской истории XVIII—XX вв. По званию и местопребыванию это, вероятно, полковник *Унгернитернберг Отто Григорьевич* (1788?—1860), в следующем году ставший генерал-майором.

²⁹ 23 июля 1828 г.

³⁰ Баратовы — грузинские князья с XVI в. Пограничные споры с элизабетальцами у них продолжались почти на протяжении века (*Чернова-Дёке*. С. 61). Возможно, утрата административных княжеских функций Баратовым произошла после 1810 г., когда тифлисский полицмейстер кн. Баратов помог бежать из заключения плененному царю Имеретии Соломону (*Потто*. С. 174).

³¹ К. Аделунг ошибся: в сент. 1795 г. Тифлис был разграблен и разрушен отрядом будущего первого шаха династии Каджаров Ага-Мохаммад-ханом, объявившим себя Фетх-Али шахом после этого набега.

³² В 1783 г., в царствование Ираклия II, был подписан Георгиевский трактат о протекторате России над Кахетией-Картли (составлявших Грузию), до этого входивших в состав Персии.

³³ 24 июля 1828 г.

³⁴ 25—28 июля 1828 г.

³⁵ Архалук (на Кавказе) — плотно прилегающий к телу кафтан со стоячим воротником из сатина, атласа или шелка.

³⁶ 28 июля 1828 г.

³⁷ Армянские кн. Бебутовы переселились в Грузию в XVII в. и занимали в течение нескольких поколений высшие посты в Тифлисе. Кн. *Бебутов Василий Осипович* (1791—1858) — в 1828 г. генерал-майор, командир 22 пехотной дивизии, отличился при взятии Ахалцыха, выдержал повторную турецкую осаду крепости, управлял Ахалкалькским пашалыком, в 1831 г. стал председателем Армянского областного правления (*Потто*. С. 881, 1108). Его братья: *Давид* (1793—1867) — участник Отечественной войны, друг А. С. Грибоедова и Н. Н. Муравьева, в это время — капитан Нижегородского полка; *Григорий* (1795—1862) — будущий председатель Тифлисской судебной палаты, но в 1828 г. — лишь переводчик этой палаты; *Павел* (1806 — после 1827 г.). Можно предположить, что прятал «крепостного» в полиции и брал плату за его «аренду» кн. Григорий Бебутов.

³⁸ 30 июля 1828 г.

³⁹ Мать Фрица Коцебу, третья жена драматурга А. Коцебу, *Вильгельмина Фридерика*, дочь *Отто Вильгельма Крузенштерна*, родилась 30 июля 1778 г.

⁴⁰ 31 июля 1828 г.

⁴¹ Одна из «швабских» вюртембергских колоний в Грузии, организованная в 1819 г. 115 семей переселились из первоначальной колонии с нездоровым климатом под Гянджой в Болниси. В 1824 г. колонисты построили каменный школьно-молитвенный дом; приход здесь организован в 1829 г.

⁴² Квешы — село XII в. в Борчалинском уезде Грузии с крепостью. Возвращающиеся с добычей из Катариненфельда курды утром 15 авг. 1826 г. подошли к Квешы, но встретили там отпор 8 казаков, имевших в деревне пост, и поселение не пострадало (*Потто*. С. 575).

⁴³ В переводе 1946 г.: Катериненфельде.

⁴⁴ В переводе 1946 г.: искалечены.

⁴⁵ У колонистов Катариненфельда для обороны были ружья и порох, но они не защищались по религиозным соображениям, когда на колонию 14 авг. 1826 г. на-

пал отряд курдов. По официальным сообщениям, были убиты 29 человек, но свидетель нападения говорил о 70 зарезанных и 140 женщинах, уведенных в плен. Донской казачий полк из Тифлиса прибыл на помощь только 15 авг. Один из колонистов добежал за 10 верст до Белого Ключа, где стоял батальон 41 Егерского полка, но он помощи не подал. Но зато Борчалинский пристав, кн. Орбелиани, находящийся в 30 верстах, в Шулаверах, услышав о нападении, с 12 верховыми грузинскими милиционерами поспешил на помощь, был обнаружен и окружен курдами, в бою потерял 6 человек, и только меткий выстрел, убивший предводителя курдов, позволил оставшимся шести милиционерам скрыться. Большая часть пленных колонистов через Ахалцых и Поти была переслана в Стамбул и Смирну (*Помто*. С. 575—576). Помощь пострадавшим колонистам оказали не только их соотечественники, но и армяне (выкупали немецких рабов), и российская администрация. Так, в начале марта 1827 г. из Комитета помощи были выделены средства для командировки в Турцию (в центры невольничьей торговли) двух человек для поисков плененных колонистов (*Чернова-Дёке*. С. 31 и 40).

⁴⁶ В переводе 1946 г.: сведения о.

⁴⁷ К. Аделунг исполнял свое обещание; но порой с неожиданным для себя результатом. В середине дек. 1828 г. по пути из Тебриза в Тегеран в городе Казвине сопровождавшие посольство Грибоедова грузинские и армянские христиане, разыскивавшие пленных, обнаружили уже перепроданную немку из Катариненфельда и силой пытались привести ее в дом миссии. Муж этой немки, местный сеид (особо уважаемый потомок пророка, освобождаемый от телесных наказаний), возражал и грозил самоубийством. До вмешательства Грибоедова люди из посольства успели избить сеида; местные жители собирались прекратить насилие, персидская охрана миссии обеспокоилась, что посольству не уцелеть. Грибоедов приказал спросить саму женщину; она ответила, что хочет остаться со своими детьми и мужем, что и было исполнено. Персидский свидетель этой сцены отметил: «Господин Аделунг, немец-секретарь, казался очень обеспокоенным тем, захочет ли женщина вернуться в Грузию» (*Das Ausland*. 1830. 15. X. № 288. S. 1150).

Варианты слухов о «немках из гарема» содержатся в нескольких источниках, повествующих о гибели посольства. На принятых в русской миссии из тегеранских гаремов армянках (вместо так и не отпущенных из гаремов немок) указывал Мак-Нейл (см.: *Толстой*. С. 895); о «толстых рыжих немках» острил, якобы передавая слова И. С. Мальцова, Соболевский (см.: *Берг Н.* Из рассказов С. А. Соболевского // *Русский Архив*. 1871. № 1. Стб. 187—195).

⁴⁸ В переводе 1946 г.: Елизаветполь.

⁴⁹ *Шницлер Иоганн Генрих* (1802—1871) — эльзасский статистик и историк, горячий почитатель России. Прослужив губернатором в Санкт-Петербурге 22 года, Шницлер считал своим долгом ознакомить западных читателей с историей России. Он опубликовал ряд научных трудов, которые хотел завершить фундаментальной «Империей царей». Над ним он трудился в 1856—1869 гг., однако не успел окончить. Эту работу субсидировала русская казна.

⁵⁰ Каменная, крытая черепицей церковь в Элизабеттале, освященная в честь Св. Николая, первая из немецких приходских церквей в Закавказье, была открыта в 1830 г.

⁵¹ Конвент — избираемый прихожанами орган, призванный следить за соблюдением как церковных, так и светских, касающихся церкви, законов. Петрикирхе — одна из лютеранских церквей Санкт-Петербурга, основана в 1727 г. на Невском проспекте. В 1805—1843 гг. членом ее Конвента был Ф. П. Аделунг.

⁵² *Гиппиус Густав Адольф (Фомич)* (1792—1856) — художник-портретист, литограф и педагог. В 1822 г. издал серию из 45 гравюр «Современники» (Собрание ли-

тографированных портретов государственных чиновников и деятелей культуры; среди них — трое писателей — И. А. Крылов, Вас. А. Жуковский и двадцатидвух-летний А. С. Пушкин).

⁵³ Для учета поступающих пожертвований.

⁵⁴ Адрес написан не К. Аделунгом.

{№ 12. Тифлис 16-го августа 1828.

Я все еще пишу вам из Тифлиса, и, по всей вероятности, не в последний раз. Срок нашего отъезда еще до сих пор не назначен; хотя Грибоедов и говорит, что мы поедем через 5 или 6 дней, но я этому поверю только тогда, когда день будет точно определен. Он женится не в январе, а теперь, на этих днях, и возьмет с собой жену. Так как день свадьбы еще неизвестен, то я **полагаю**,¹ что мы еще не скоро отсюда уедем. Однако все возможно, так как все готово к отъезду; поэтому, если с будущей почтой от меня не будет известий, это будет означать, что мы покинули Тифлис. Тогда я уже не смогу давать о себе вести так регулярно, как сейчас, так как почта из Персии идет раз в 2 недели.} Но каждый раз я ею буду пользоваться. Вы, вероятно, станете писать, как и раньше, т. е. день прибытия почтовых курьеров не определен. Также я надеюсь, что с каждой почтой получу письмо, как я до сего дня получал достаточно сообщений. {Нет нужды посылать мне письма на адрес Грибоедова.² **Будь добр**, к моему имени надо прибавить: <«Г-ну секретарю Российской Имп. миссии в Персии»>, без указаний места, в таком случае они прямо поступят ко мне. Мы поедем большой **группой**,³ кроме **30**⁴ всадников, пойдут 50 вьючных лошадей и несколько экипажей для будущей госпожи министерши: эти последние, естественно, не ускорят нашего путешествия, так как доставить их из Тавриса⁵ в Тегеран будет крайне трудно.

До конца октября мы не сможем быть на месте назначения, так как мы будем останавливаться на день или на два в городах и по крайней мере две недели пробудем в Таврисе. Грибоедов старается нам облегчить все, что можно; поэтому мы совсем не будем заботиться о наших вьючных лошадях, так как позаботится обо всем он сам; даже о фураже для моей лошади и обо всем, чем я должен обеспечить моего слугу (<Семёна>).} Я надеюсь, что мне будет достаточно двух вьючных лошадей, но у меня есть еще и третья, и четвертая. Я попытаюсь делать записи, день за днем, чтобы вас извещать, и буду посылать их при первой возможности. Вот кое-что из того времени, которое прошло с последнего письма, посланного тебе.

В пятницу, 3 августа, утром я ходил в серные ванны. Так как я до сих пор ничего не говорил о них, то будет уместно рассказать сейчас. В Тифлисе два банных заведения. Оба расположены поблизости от источника. Считают, что здания этих бань старейшие в Тифлисе — каждое имеет в центре открытую общедоступную баню с необходимыми

каменными бассейнами и множеством дополнительных помещений вокруг них. Я посещал лишь одну комнату, так как она известна чистой и имеет только один бассейн, и там можно быть одному. Ее я хочу описать получше, а также и ее использование. Свет в нее падает через отверстие в сводчатом потолке; на одной из стен из небольшой трубы течет горячая серная вода в каменный бассейн для погружения. Его размер — приблизительно 4 квадратных фута и глубиной приблизительно три.⁶ Вода поступает по каменному полу через трубы в ванну. С обеих сторон бассейна находятся дощатые лежанки, которые представляют собой кровать без ножек. В остальном комната пуста, есть только скамья для одежды.

Посетитель бани обычно начинает купание с того, что тут называют «ломанье костей»; он ложится на одну из лежанок, затем банщик подтягивает его колени к груди, так что все ребра хрустят, мнет ему все суставы, вытягивает и разминает их и завершает тем, что проходит коленями по позвоночнику, так что ощущаешь бегущую искру. Этого я еще не попробовал из-за недостатка куража; в Персии мне придется и это испробовать. После этого он (банщик) четверть часа трет тело посетителя мешком с лошадиным волосом или смачиваемыми время от времени варежками; так что даже русский станет чистым. Как ни грубы эти варежки, мне очень нравятся эти растирания. После того как омоешься в бассейне, ложишься снова на доски, и тебя намыливают; у них для этого существует особый способ: мыло или густая мыльная пена находится во фланелевом мешке; этот мешок банщик опускает в воду и надувает его — легкая пена выступает наружу, и ею он покрывает тебя и затем растирает фланелью. В завершение он обливает тебя несколькими шайками воды, после чего процедура окончена. Ступени бани такие горячие, что когда выходишь, то душный и горячий воздух Тифлиса кажется прохладным; поэтому баней надо пользоваться осторожно, чтобы не простудиться, что в Тифлисе совсем не трудно. В этом отношении я чрезвычайно осторожен — не ради себя, а потому что мама и Александрина предупреждали; поэтому я пользуюсь прекрасными благами умеренно, хотя и имею возможность делать это ежедневно.

{4-го, в субботу,⁷ я имел намерение отправиться в колонию с Мензенкампом. После обеда Семён уже подал мне лошадь, и мы собирались выехать, когда я узнал от кого-то из посетителей Ховена, что он встретил одного из наших курьеров и от него узнал, что Грибоедов следует за ним. Я отложил свою поездку, покинул Мензенкампа и поехал к Паскевичу ожидать там Грибоедова. В шесть часов он действительно приехал — я был очень рад увидеть его опять; казалось, что и он мне обрадовался (по крайней мере, он так сказал). Он нашел, что в течение нашей трехнедельной разлуки я очень **поздоровел**;⁸ по его словам, ему было вдвойне приятно видеть меня здоровым, так как он был уверен, что я болен; он не мог думать, что я смогу хорошо переносить здешний климат, так как все бывшие здесь петербуржцы всегда пере-

носили вначале легкую лихорадку.} Я все время был здоровехонек и всем доволен, за исключением разлуки с вами.

{5-го⁹ я совсем не видал Грибоедова; я весь день оставался дома} и провел свое время с Бернарденном де Сен-Пьером¹⁰ и в беседе с Паулем Коцебу — очень приятно. А также и следующий день прошел так, что и нечего сказать о нем — я работал до полудня с Мальцовым и ездил верхом по городу¹¹ с одним молодым человеком, с которым тут познакомился.

{Во **вторник**,¹² 7-го,¹³ я нашел Мальцова больным, в постели; он схватил на обратном пути из лагеря гастрическую лихорадку,¹⁴ которая была, однако, **несильной**.¹⁵ Я обедал сегодня у Сипягина по его приглашению. Он принял **скромного**¹⁶ секретаря очень любезно и, усадив меня на софу, в разговоре часто обращался ко мне.} Среди гостей находился пленный Хасан-хан¹⁷ (уже несколько дней как освобожденный), брат бывшего эриванского сердара;¹⁸ другой персидский хан, Мирза Джафар,¹⁹ который находится здесь для освобождения персидских пленных; доктор МакНил²⁰ из Ост-Индийской компании, находящийся по делам в Тегеране. За столом персам предложили вино, от которого они вначале отказались; но когда его назвали шербетом, то они охотно пили его, как и шампанское. Вышеупомянутый Мирза Джафар возглавляет персидских инженеров и довольно образован; он говорит по-английски и по-французски; 3 года он учился в Англии инженерному делу и, говорят, обладает богатыми знаниями. {К чаю к Ховенам пришел Грибоедов со своей невестой, и я имел случай ее хорошо разглядеть; она необычайно хороша, ее можно **было бы даже** назвать красавицей, хотя красота ее грузинская. Она, как и ее мать, одета по-европейски; очень хорошо воспитанна, говорит по-русски и по-французски и **довольно музыкальна**;²¹ ее отец²² — генерал-майор и <правитель> Эривана,²³ где мы его собираемся посетить; он, кажется, очень любезный и образованный человек. Я попросил в этот вечер Грибоедова отпустить меня на несколько дней в колонию), чтобы провести там время с мадам Коцебу, ее детьми и Паулем. {Он тотчас мне это разрешил и прибавил, что я могу оставаться там до тех пор, пока он за мной не придет.} В этот вечер генерал Ховен уехал в Гори, Карел и Сурам²⁴ за провиантом, который оттуда надо доставить в Ахалцх.

В среду, 8-го,²⁵ в четверть четвертого, все уже были на ногах; мне кажется странным летом вставать с рассветом. Сейчас рассветает после половины шестого, а вечером солнце садится в половину седьмого. В 5 часов все отправились в путь. Я на своем жеребце поскакал один в колонию. Путь верхом составляет 18 верст, а в экипаже — 32 версты. И на два часа раньше Коцебу я был уже в Элизабеттале и обрадовался сердечному приему, который мне оказали Мензенкампфы. Здесь мы сегодня обедали в довольно большой компании: жена Коцебу с четырьмя детьми,²⁶ Пауль,²⁷ экономка Ховенов (или что-то вроде этого), Мензенкампф с женой и я.

9 августа, в четверг, я был попеременно то у Коцебу, то у Мензенкампов; у первых обедали, а вечером жена Коцебу, П. Коцебу и я прогулялись верхами. Так как моя лошадь очень смиренная, то на ней поехала мадам Коцебу. Мне достался персидский жеребец Пауля; после часовой поездки мы возвратились в колонию, откуда я один вернулся в город. При этом мне пришлось выдержать небольшое испытание: собаки в колонии, которые все очень крупные, бросались на лошадь, которая начала брыкаться; и так продолжалось, пока я ехал через всю колонию; я оставался в седле, чем заслужил похвалу зрителей.

{10 августа был день рождения **жены Коцебу, с чем ее поздравляли все утром.**²⁸ **К столу ждали**²⁹ много гостей; однако, за исключением полковника Ренненкампа,³⁰ который пришел, когда мы пили шампанское, никто не явился. Насколько мне был приятен Ренненкамп, с которым я познакомился раньше, настолько мне было неприятно известие, которое он мне сообщил: Грибоедов просил меня возвратиться в Тифлис.} Мы провели остаток дня довольно приятно. Ренненкампа (брата Ольденбурга³¹) и П. Коцебу очень интересно послушать.

В субботу³² после завтрака у Коцебу я поехал с Ренненкампом в троечной повозке в город. Свою лошадь я отослал с одним колонистом в Тифлис. По дороге мы купили у виноградаря за один абаз (80 коп.) платок с прекрасным белым виноградом, которого мы не съели и четверти — остальное мы отдали одному встречному грузину. {Я нашел Грибоедова больным,³³ он боролся с болями в желудке и кишечнике и не знал, куда деваться от жара; но, когда ему становилось лучше, он садился за фортепиано и так прекрасно **импровизировал**,³⁴ как я редко слышал.

12-го августа я работал целый день с Мальцовым, с которым я потом обедал у Грибоедова; я нашел его сегодня в лучшем состоянии, но есть он не мог. Вечером я гулял в саду Паскевича и по городу при великолепном лунном сиянии, в прекраснейшую ночь.} Ах, если бы я мог выслать вам хотя бы одну из этих чудесных Тифлисских ночей — как бы вы ею наслаждались!

13 августа прошло, как и предыдущий день; вечером вернулся из Гори старший Ховен со своим сыном (из Карзаха³⁵ от Сипягина, у которого младший Ховен служит адъютантом); Ховен слышал в Баржоме с 6 по 12 непрестанную канонаду под Ахалцыхом; от крепости по прямой это на расстоянии 18 верст.³⁶ Собственно осада началась 10-го; так что сегодня или завтра ждут сообщения о взятии. К сожалению, к 20 тысячам разбойников, которые являются гарнизоном Ахалцыха, присоединились еще 20 тысяч; жители этой крепости известны своей храбростью; поэтому ее взятие стоит нам очень дорого. Однако удача, которая сопутствовала до сих пор графу Эриванскому,³⁷ конечно, и на этот раз не покинет его. Надеюсь, что послезавтра можно будет петь победу.

{Утро 14-го³⁸ прошло как и предыдущее. Я обедал у Грибоедова, который поправляется.} Вечер я провел у Григорьева,³⁹ одного из наших

школьных товарищей, где я встретил Очкина,⁴⁰ брата ориенталиста,⁴¹ и молодого Фелейзена;⁴² с ними тремя, очень образованными людьми, я провел время до 11 часов самым приятным образом.

В среду, 15-го,⁴³ утром я ходил с Мальцовым к Сипягину, который накануне вернулся в город, для того чтобы поздравить его с орденом Александра.⁴⁴ Мы пришли к нему, а он был в церкви, и мы не видели его. Вчера и сегодня я с нетерпением ждал писем от вас; до сих пор вы так меня баловали, и на этот раз я их ждал; однако не было ни одного письма; в записочке Александра для меня, однако, самое важное — то, что все здоровы. Вечером я ходил к полковнику Ренненкампфу, который живет у Разевига, и провел время довольно приятно.

Я узнал здесь о смерти полковника Бруна,⁴⁵ с которым познакомился у Ховенов; вечером накануне его смерти я разговаривал с ним, он был здоров. Удар с излиянием был причиной его смерти. Он дослужился до звания полковника Преображенского полка, участвовал во многих походах и был, в частности, во время Финского похода прикомандирован к генералу Фредериксу.⁴⁶ Говорят, он был очень любезен. Но, к сожалению, он много пил, так что был перемещен в армию.⁴⁷ Здесь он вел себя еще хуже, так что редко бывал трезв, пока наконец не умер. При вскрытии оказалось воспаление всех его внутренностей.

16-го (сегодня),⁴⁸ наконец, вернулась жена Коцебу из колонии,⁴⁹ и я не мог этому радоваться — без нее большой дом был совсем пуст. Но теперь все снова по-старому: сейчас впервые за мое шестинедельное пребывание в Тифлисе идет дождь; также и жара наконец спала — вчера и сегодня в тени всего 20 градусов. Из немецких газет я знаю, что в Петербурге почти все время холодно и дождливо. Значит, у вас тоже плохое лето? Я не могу писать ни Александрине, ни Александру, однако сделаю это вскоре. Я надеюсь, что из-за этого я не буду реже получать от них письма. Если бы они знали, как их письма радуют меня, они не прекратили бы писать. Во всяком случае, я постараюсь до отъезда им написать и оставлю письмо здесь. Сердечные приветы Шерерам, Вирстам, Мэтью и Карлу Коцебу.⁵⁰ КА

У меня уже 50 штук монет — по большей части медных, которые я отправлю с первой okazji. Как обстоят дела с планами Николая?

¹ В переводе 1946 г.: уверен.

² В переводе 1946 г.: Необходимо будет письма для меня направлять в адрес Грибоедова.

³ В переводе 1946 г.: кавалькадой.

⁴ В переводе 1946 г.: 50.

⁵ Таврис (совр. Тебриз) — город III в. до н. э. в Мидии. В начале XIX в. — центр персидского Азербайджана под управлением наследного принца Аббас-Мирзы; в городе дислоцировались иностранные представительства. В 1827 г. Тебриз был взят «случайно»: не основной армией Паскевича, а небольшим отрядом под командой генерал-лейтенанта Г. Е. Эристова и помощника начальника штаба Кавказского корпуса полковника Н. Н. Муравьева, двигавшимся через Нахичевань. Гарнизон

Тебриза возглавлял Аллаяр-хан, который не сумел справиться с паникой в городе. 13 окт. 1827 г. Муравьев принял ключи от города и беседовал с делегацией горожан на азербайджанском и армянском языках (*Потто*. С. 736—738). В подгородном селе Туркманчай 22 февр. 1828 г. был подписан мирный договор.

⁶ Бассейн указанного К. Аделунгом размера (квадрат линейного размера 60 см и глубиной 90 см) можно скорее назвать лоханью.

⁷ 4 авг. 1828 г.

⁸ В переводе 1946 г.: поправился.

⁹ 5 авг. 1828 г.

¹⁰ *Бернарден де Сен-Пьер Жак-Анри* (1737—1814) французский писатель и путешественник, директор Парижского ботанического сада; в 1760-е гг. посетил Россию и Польшу. Маловероятно, что Карл Аделунг наслаждался чтением его популярнейшей повести «Поль и Виржини»; скорее, он увлекся многотомными «Этюдами о природе» или записками о России.

¹¹ По воспоминаниям В. Н. Григорьева, в эти годы вечерние верховые прогулки были обычным развлечением служивших в Тифлисе молодых чиновников (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 37 об.).

¹² В переводе 1946 г.: четверг.

¹³ 7 авг. 1828 г.

¹⁴ Лихорадка гастрическая (*febris gastrica*) — острый желудочный катар, сопровождающийся повышенной температурой, ускоренным пульсом и пр. Некоторые врачи подразумевают под этой болезнью нетяжелые формы брюшного тифа.

¹⁵ В переводе 1946 г.: неопасна.

¹⁶ В переводе 1946 г.: маленького.

¹⁷ Младший брат эриванского сардара, *Хасан (Гасан)-хан* был известен не только как опытный военачальник, владелец меча легендарного Тимура, комендант ереванского гарнизона, но и как мужественный и удачливый атлет-воин и исключительный наездник. После бегства из города брата стал сардаром. Накануне штурма Хасан-хан пытался бежать из города, но, потеряв при спуске со стены по канату меч Тимура, вернулся в крепость. Его взял в плен 1 окт. 1827 г. генерал Красовский, передал его порученцу генерал Сухтелена, что позволило далее рапортовать, что П. П. Сухтелен пленил Хасан-хана. Меч Тимура, обнаруженный позднее на базаре, Хасан-хан отправил в дар Николаю I (*Потто*. С. 566, 725).

¹⁸ *Хусейн-хан (Гусейн Казвани Девелу Каджар, Гусейнгулу-хан)* (1740—1831) — родственник Каджарской династии, помог ей прийти к власти, талантливый военачальник. В 1804 г. назначен сардаром (правителем) Эриванского ханства. Эффективный администратор и хозяйственник. В 1826 г. отклонил предложение русских сдать Ереван в обмен на сохранение ему должности и доходов и бежал из осажденного города в Турцию, затем участвовал в обороне Аббас-Абада (*Потто*. С. 663).

¹⁹ *Джафар-хан (Мирза-Джафар)* (?—1862). В 1815 г. учился в Англии инженерному делу. Вернувшись в Тебриз в 1819 г., вошел в ближайшее окружение принца Аббас-Мирзы и был назначен главой инженерного корпуса. В 1824 г. посетил Санкт-Петербург. В 1827 г. от имени Аббас-Мирзы передал Паскевичу текст ратифицированного Туркманчайского договора и вел переговоры о пленных, о переселении в Россию армян и о выплате 8-го контрибуционного курура (*Потто*. С. 760). После смерти Аббас-Мирзы был послом в Турции.

²⁰ Доктор *МакНейл Джон* (в совр. ему русских источниках — *МакНил*) (1795—1883) — врач из Шотландии, с 1816 г. — служащий Ост-Индийской компании, с 1820 г. — хирург английского поверенного в делах в Персии. Посредник в переговорах о Туркманчайском мире и процедуре передачи контрибуции. Помощник английского посла в Тегеране с 1830 г., посол — с 1835 г. Доктор был не только хо-

рошим врачом (благодаря чему имел пациентов при персидском дворе и гареме) — он в совершенстве знал персидский язык и как дипломат работал без переводчиков. «...Посол отличался замечательным умом и образованием серьезным, нрава очень мягкого и уживчивого» (см.: *Толстой*. С. 890—892).

²¹ В переводе 1946 г.: занимается музыкой.

²² *Чавчавадзе Александр Гарсеванович* (1786—1846). Уроженец Санкт-Петербурга, из Пажеского корпуса выпущен подпоручиком в ЛГ Гусарский полк, с которым участвовал в войне 1812—1814 гг. и вышел полковником в 1818 г. За кавказскую службу, включающую Персидскую войну, произведен в генерал-майоры и назначен областным начальником и командующим войсками в Эриванской провинции. Поэт. В 1832 г. по подозрению в сепаратизме был ненадолго сослан под Тамбов, потом был членом Главного правления Закавказского края в чине генерал-лейтенанта (*Потто*. С. 1037).

²³ Эриванской провинцией после взятия Эривана стало называться бывшее персидское Эриванское ханство. 28 марта 1828 г., территориально объединив Нахичеванское и Эриванское ханства, образована Армянская область.

²⁴ Города густонаселенной провинции Картли в юго-восточной Грузии. Как отдельное государство Картли существовало в XV—XVI вв. Потом — в составе Персии, Османской империи, под протекторатом России.

²⁵ 8 авг. 1828 г.

²⁶ Младший из детей — тогда младенец *Коцебу Михаил Морицевич* (1828—1855) — стал морским офицером, исследовал Амур; в 1853 г. участвовал в Синопском сражении и погиб, командуя батареей на Северной стороне Севастополя в звании капитана 2-го ранга.

²⁷ Пауль Коцебу.

²⁸ В переводе 1946 г.: день рождения Коцебу.

²⁹ В переводе 1946 г.: К обеду мы ожидали.

³⁰ *Ренненкампф Павел Яковлевич (Пауль Андреас)* (1790—1857) — полковник Генерального штаба, прикомандированный к штабу Кавказского корпуса Паскевича. Участник войны 1812—1814 гг., посольства Ермолова в Персию, Персидской и Турецкой войн. Друг Морица Коцебу, как и он, картограф высокого класса, ученик академика Ф.И. Шуберта. После сопровождения «извинительного» персидского посольства Хосров-мирзы в Санкт-Петербург получил чин генерал-майора. В 1830 г. возглавлял карательную экспедицию в Южную Осетию (*Потто*. С. 774, 1107).

³¹ Возможно, описка К. Аделунга, следует читать: «брата служащего у Ольденбурга Ренненкампфа». *Ренненкампф Александр Яковлевич* был адъютантом герцога *Августа Ольденбургского* (1783—1853), служившего в России в 1811—1831 гг.

³² 11 авг. 1828 г.

³³ Вероятно, это был приступ малярии — заболевания, вызываемого паразитами рода *Plasmodia*. Заражение человека происходит при укусах инфицированных самок некоторых видов комаров. Заболевание затрагивает ретикуло-эндотелиальную систему и эритроциты, длится от года до десятков лет. При развитии паразита возникают вторичные воспалительные поражения органов и тканей, гипоксия, ацидоз, желтуха, интоксикация, анемия, отек легких, сильная периодическая лихорадка. Даже сегодня не существует ни эффективных прививок, ни надежных лекарств от этой болезни. Еще в XVII в. приступы малярии лечили приемом коры хинного дерева, действующее начало (хинин) было выделено в 1820 г., а синтезировано — в 1944 г. В начале XIX в. хинин стоил настолько дорого, что в кавказских лазаретах и госпиталях его употребляли редко (*Филипсон*. С. 170).

³⁴ В переводе 1946 г.: фантазировал.

³⁵ Село Карзах (совр. Карцахи) на озере Хазанпин (совр. Хозапини в Грузии) в 20 км от Ахалкалака.

³⁶ Расстояние от Баржома (совр. Боржоми) до Ахалцыха — 49 км. В авг. 1828 г. у стен Ахалцыха произошло несколько сражений между русскими войсками (9 тыс. чел.) и 30-тысячной турецкой армией. Крепость была взята 16 авг. 1828 г. Вскоре в ней появилась чума и был введен карантин (*Помто*. С. 866, 940). Неудачную попытку отвоевать охваченный инфекцией Ахалцых предприняли турки в апреле 1829 г., и очевидец событий (*Андреев*. С. 119) слышал в осажденной крепости гул пушек крепости Баржом.

³⁷ *Паскевич-Эриванский Иван Федорович* (1782—1856) — полководец, государственный деятель и дипломат. В марте 1828 г. по окончании Персидской войны в награду он был возведен в графское достоинство, с именованием граф Паскевич-Эриванский, и получил денежную награду в 1 млн рублей (примерно 0,3 курура туманов). Видевший его в эту пору надворный советник В. Н. Григорьев заметил: «Вообще он имел вид человека озабоченного, который говорит с вами как будто бессознательно, а между тем думает не о вас, а о чем-то ином. Он имел обыкновение держать свои руки в боковых карманах брюк и перебирать там червонцы, которые клал туда каждое утро доброю пригоршнею на случай, если ему встретится надобность дать кому-нибудь из простонародья червонец» (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 57—57 об.). После окончания Турецкой войны и нескольких карательных экспедиций на Кавказе Паскевич был переведен для подавления Польского восстания 1831 г. и оставался до конца жизни Варшавским наместником. Император считал его лучшим знатоком Кавказа, так что все действия на Кавказе должны были получать одобрение Паскевича из Варшавы. Это во многом привело к затягиванию Кавказской войны (*Филипсон*. С. 120).

³⁸ 14 авг. 1828 г.

³⁹ *Григорьев Василий Никифорович* (1803—1876). В 1814—1820 гг. одноклассник К. Аделунга по Губернской гимназии. Одаренный лаконичным и выразительным слогом, Григорьев писал стихи и публиковал их еще гимназистом, позднее был членом Вольного общества любителей российской словесности. Однако литературное творчество не было целью его жизни: он страстно желал выслужиться до жалованья в 3000 рублей ассигнациями, отложив до этого момента даже создание семьи. В 1827—1830 гг. он, соблазнившись чином, жалованьем, а также выгодными прононами, стал одним из 12 членов Казенной экспедиции, посланной от МВД для статистического описания Закавказья. В своих воспоминаниях, записанных 40 лет спустя, Григорьев упомянул о нескольких встречах с К. Ф. Аделунгом в Тифлисе; однако сердечной близости к последнему он не испытывал, назвав его «очень добрым малым, хотя и не с отличными способностями». В конце жизни Григорьев стал вице-директором департамента Государственного казначейства и, к собственному удивлению, после 17 лет служебной пробуксовки получил чин действительного стататского советника (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 1, 5 об.—6, 9 об., 12 об.—13, 18—19, 38 об., 51 об.—52, 67 об., 112, 191, 231).

«Статистическое описание Нахичеванской провинции», опубликованное Григорьевым в 1833 г., является самым известным его произведением, используемым и сегодня. Только усердием литературоведов из журнального небытия были собраны несколько его стихотворений (см: *Гинзбург Л. Я.* Русская поэзия 1820—1830-х годов // *Поэты 1820—1830-х годов*. Л., 1972. Т. 1. С. 5—68; 368—397). В свои воспоминания сам Григорьев включил только «Солдатскую песню» 1835 г., написанную по заказу Паскевича и оцененную в перстень с бриллиантом; награду Григорьев предпочел получить деньгами. Песня со сбитым ритмом настолько плоска по мысли, что сам автор пометил: «не то».

⁴⁰ *Очкин Петр Николаевич* (1806—1884), сын пензенского купца 1-й гильдии, владельца металлургического завода. Был арестован после Декабрьского восстания и отпущен (Декабристы: Биографический справочник / Сост. и ред. С. В. Мироненко, М. В. Нечкина. М., 1988. С. 137). В 1827—1831 гг. — член Казенной экспедиции МВД, собиравшей статистические материалы по Закавказью. П. Н. Очкин, как и другие члены экспедиции, входил в состав канцелярии Военного губернатора Тифлиса и настолько приглянулся И. Ф. Паскевичу, что стал его бесценным чиновником для особых поручений, последовав за ним в Варшаву. Затем продолжил служить в различных гос. учреждениях Варшавы (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 19, 165 об.).

⁴¹ Предположительно — *Очкин Амплий Николаевич* (1801?—1865), старший брат П. Н. Очкина. В 1826 г. некий Очкин обучался на восточном факультете Санкт-Петербургского университета, но среди выпускников 1828 г. его имя отсутствует. Арестован и отпущен «по подозрению» после Декабрьского восстания (ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, ч. 1, № 403, л. 86). Предположительно один из информаторов 3-го Отделения. Сильно облегчил труд комментаторов надписью на своем надгробии: «1791—1865 цензор, писатель, переводчик». Однако в этой услуге кроется подвох: год рождения указан ложный. А. Н. Очкин отлично проучился в Горном кадетском корпусе 2 года, вышел из 1-го верхнего класса в 1821 г. (см.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, № 5040). В эти годы в Горном корпусе распределение учащихся по классам шло строго по возрасту, и большинство оканчивали 8-летнее обучение к 20 годам (см.: *Иванов А. В.* Воспоминания о воспитании в Горном кадетском корпусе, 1815—1822 // Воспоминания бывших выпускников. СПб., 1859. С. 233—280). Если же следовать данным надгробия, то из 7-го класса корпуса вышел 30-летний мужчина. Однако сведения Некрополя не являются опечаткой, т. к. в сохранившемся формулярном списке А. Н. Очкина подобная «опечатка» продолжается: сфантазированы годы службы (1806—1824) в Государственном казначействе; в 1830 г. получен знак 15-летия безупречной службы, а в 1836 г. — уже 25-летия. Возможно, его, как и его многолетнего приятеля В. Н. Григорьева, «с детства вписали в гражданскую службу», что не только в будущем прибавляло стаж, но и в настоящем давало небольшие «кормовые» (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 5 об.). Однако у Григорьева отличие формулярного возраста от реального составляет 5 лет, а у Очкина — 10! (см.: ОР РНБ, ф. 225, № 1, л. 1 об.). В 1826—1839 гг. А. Н. Очкин был секретарем Правления Санкт-Петербургского университета.

В 1830-е гг. он публиковал статьи и рецензии, делал переводы; в 1837 г. стал редактором издававшихся ИАН «Санкт-Петербургских ведомостей». За время его почти 20-летней редакторской работы прибыльность издания неуклонно падала, однако правление ИАН отвергало присланные на тендер заявки, резонно отмечая: «считаем необходимым указать, что Очкин не только является лицом <...> совершенно известным как по способностям к этому делу, так и образу своих мыслей, по которым и был предпочтен ...» (СПФ АРАН, ф. 2, оп. 1-1856, № 18, л. 2—3 об., 5—6). В 1844—1863 гг. А. Н. Очкин, занимая казенную квартиру знаменитого Академического дома, почти все обязанности по издательству «Ведомостей» передал А. А. Краевскому, получая от последнего ежемесячное содержание (см.: ОР РНБ, ф. 73, № 692 и 705).

В 1841—1848 гг. А. Н. Очкин — старший цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета; по мере сил помогал изданию книг своих друзей — например, поэту Н. М. Языкову, посвятившему А. Н. Очкину два стихотворения.

⁴² По воспоминаниям В. Н. Григорьева (см.: ОР РНБ, ф. 285, № 5, л. 22), высокообразованный, очень юный выпускник швейцарского университета Фелейзен состоял в Казенной кавказской экспедиции. Судя по тому, что он в этих воспомина-

ниях обозначен просто «немцем», то он — однофамилец известной в Санкт-Петербурге к этому времени уже в трех поколениях семьи маклеров и банкиров Фелейзенов. Такую атрибуцию подтверждает отсутствие свидетельств об обучении в Швейцарии кого-либо из подходящих по возрасту сыновей *Фелейзена Карла Людвига (Карла Ивановича)* (1736—1828): *Карла* (1799—1875), *Александра* (1804—?), будущего барона *Константина* (1804—1870) и *Роберта* (1806—1882).

⁴³ 15 авг. 1828 г.

⁴⁴ Очевидно, это — пример городского слуха. Орден Святого Благоверного Князя Александра Невского — один из высших орденов России; одновременно существовали не более 24 кавалеров этого ордена. За период Персидской и Турецкой войн этим орденом были пожалованы А. С. Меншиков, Е. А. Эмануэль и архиепископ армянский Нерсес (Список кавалерам императорских российских орденов всех наименований на лето от рождения Христова 1828. СПб., 1829. Ч. 1. С. 25).

⁴⁵ *Брун Борис Карлович* в 1811 г. начал службу в ЛГ Преображенском полку портупей-прапорщиком; через 10 лет назначен командиром Выборгского пехотного полка в чине полковника; где и пребывал, по крайней мере, до 1824 г. Пролетал в февр.—марте 1809 г. в составе батальона ЛГ Преображенского полка ледяной поход к Аландским островам.

⁴⁶ *Фредерик Петр Андреевич* (1786—1855). В 1805—1808 гг. — участник Шведской кампании 1808—1809 гг.; с 1817 г. — личный адъютант великого князя Николая Павловича; с 1819 г. — командир ЛГ Московского полка, с 1820 г. — генерал-адъютант. Был ранен во время Декабрьского восстания. Его брат, *Фредерик Борис Андреевич* (1797—1874), участник заграничного похода 1814 г., в это время — полковник, командир Эриванского карабинерного полка, отличился при штурме Карса (награжден Георгиевским крестом), Сардар-Абада и Еревана.

⁴⁷ Кавказский корпус был местом служебной высылки лиц с многообразными видами девиантного поведения. С другой стороны, недостаточное число служащих вызвало появление на Кавказе ряда льгот чиновникам: врачи получали двойное жалованье (Высочайший указ Сенату от 6 нояб. 1819 г.); титулярные советники по выслуге на Кавказе года без сдачи положенного экзамена получали чин коллежского асессора (*Голицын*. С. 61—62). Уже в 1840-е гг. при переводе офицера на службу в Черноморские линейные батальоны платили годовое жалованье невзачет, а семейным — двухлетнее (*Филипсон*. С. 236).

⁴⁸ 16 авг. 1828 г.

⁴⁹ Элизабетгалья.

⁵⁰ *Коцебу Карл* (1805—1896) — шестой сын драматурга А. Коцебу, окончил Царскосельский лицей в 1826 г. с «четвертой серебряной медалью и чином IX класса» и был причислен к Азиатскому департаменту МИДа. В 1833 г. — чиновник Рижского военного губернатора; в 1838 г. — консул в Яссах. В конце жизни — консул на Сицилии.

{№ 13 Тифлис 31 августа 1828 г.

Я все еще пишу из Тифлиса и не знаю, что дальше будет: отъезд был назначен на этой неделе, но у Грибоедова опять повторились припадки лихорадки, и вчера он был совсем болен. При таком положении вещей совершенно неизвестно, когда мы выедем отсюда. Лошади наняты 19-го, и вот уже скоро две недели как за них **зря** платят. Наше путешествие будет **проходить гораздо медленнее**,¹ так как с нами едет жена Грибоедова, а до Эривана нас будет сопровождать его теща. Я очень

хочу скорее отсюда уехать, мне здесь уже надоело; подумай, ведь мы уже 8 недель живем в Тифлисе. Я тоже плачу дань здешнему климату: на прошлой неделе я сильно простудился} и подхватил воспаление в голове.² Я страдал и провел несколько бессонных ночей. К счастью, к почтовому дню немного стало лучше, и я смог писать. Я не упомянул об этом, т. к. до выздоровления не хотел рассказывать. Поэтому мне нечего сказать о себе. 18, 19, 20, 21 у меня были сильные боли, и я не выходил из дома, и эти дни прошли так, что о них и сказать нечего.

{22-го, в среду,³ Сипягин давал большой обед, на который я был приглашен, но быть не мог. Вечером, наконец, была свадьба Грибоедова. Гости, только родственники и близкие знакомые (их не более 50 человек), собрались в Сионском соборе, где и состоялось венчание. Из церкви поехали на его новую квартиру; там был подан ужин. Мне было очень жаль, что я не мог принять участия в этом торжестве, мне очень хотелось быть; но моя **боль**⁴ не позволила мне этого, и я должен был остаться дома.

Весь Тифлис **живо интересуется этим союзом**;⁵ он любим и уважаем всеми без исключения; она же очень милое, доброе создание, почти ребенок, так как ей только что исполнилось 16 лет. Во вторник утром я отправился к Грибоедову с поздравлением; боли мои **ослабли**,⁶ но образовалась сильная опухоль}, которая мне не позволила выходить из дома, и я вернулся и оставался дома весь оставшийся день.

{24-го, в пятницу,⁷ Грибоедов давал обед более чем на 100 персон; все было, как мне передавали, блестяще; сейчас же после обеда, часов в 6, начались танцы; веселились до 11 часов. К сожалению, я не мог быть, мое распухшее лицо не позволяло мне показаться в обществе.} Я провел день и вечер у Мензенкампа, который приезжал на несколько дней в город. 25-го я только из предосторожности был весь день дома и занимался тем, что приводил в порядок бумаги нашей миссии.

{В воскресенье 26-го⁸ я поехал в ближайшую колонию (которая называется Тифлисом⁹)}, в церковь, где слушал проповедь пастора Залтета, но мне она не особенно понравилась. {Возвратившись, я нашел приглашение на бал к Сипягину; в этот вечер он давал бал в честь молодоженов. Когда **после**¹⁰ 8 часов все собрались, перед домом зажгли чудный фейерверк, который был бы еще лучше, если б он не отсырел от выпавшего перед тем дождя; одна ракета упала среди дам, которые **только что вышли из дома**,¹¹ и после сразу же скрылись, и должны были наблюдать это зрелище из окон. Сейчас же после фейерверка Сипягин с мадам Грибоедовой открыли бал полонезом. Она в этот вечер была восхитительна и могла бы быть признана красавицей даже и в Петербурге. Она несколько похожа на мадам Поггенполь,¹² но гораздо красивей. После нескольких танцев был исполнен квартет, который едва не провалился. Сипягин только накануне пригласил музыкантов, и у них не было времени как следует подготовиться. Танцевали до часу ночи; мне особенно понравился грузинский танец}, который исполни-

ли некоторые из присутствовавших грузин и грузинок. Он состоит почти только из пантомим и исполнялся, по крайней мере в этот вечер, соло. {Ужин был блестящий; Сипягин не садился, чтоб лучше за всем смотреть; окончился ужин шампанским.} Потом исполнили поурри и мазурку; разошлись в 4 часа. Я получил большое удовольствие, т. к. беседовал со многими теми, которые не танцевали, и остался до конца бала. {Среди гостей был также **муджтахид**,¹³ или персидский муфтий, который перешел к нам в Таврице и назначен **муджтахидом**¹⁴ всех живущих в России шиитов. В нем не было ничего, что указывало бы на его сан; одет он был, как все персы, и даже носил богато украшенную саблю. На шее он носит золотой с бриллиантами портрет императора на Андреевской ленте. Он пил вино сколько только мог, называя его шербетом.}

В понедельник, 27-го,¹⁵ уехал П. Коцебу с полковником Ренненкампом в Абаз-Абад,¹⁶ где начинаются работы по определению границ. Я надеюсь увидеть Коцебу там и радуюсь этому уже сейчас. Бросается в глаза, как сильно его не хватает в доме. Я обычно с таким воодушевлением спускался к нему, чтобы поговорить, бывал по несколько часов, и мы беседовали о прошлом. Персидской стороной для этих дел назначен Мирза Масуд,¹⁷ который, по разговорам, довольно образован. Когда будет окончено определение — Бог знает; но я желаю для Коцебу, чтобы побыстрее. Он занимается этим неохотно. {О следующих днях нечего сказать; утро я провел за работой с Мальцовым, а вечер дома. К сожалению, бедный Грибоедов это время опять страдал лихорадкой; особенно позавчера, когда он целый день провел в постели. Естественно, это нас задерживает, и отъезд не может быть назначен. Сегодня, когда должен был бы опять быть припадок, он был здоров; дай Бог, чтобы так было всегда.}

Шаумбург, который получил разрешение на поездку в Петербург, только и ждет приказа, чтобы уехать. Он привезет тебе несколько монет, которые я насобирал здесь. Они, может быть, неинтересны и дороги, однако лиха беда — начало. В будущем будет лучше. Кроме того, Шаумбург обещал отвезти каламы, о чем я его просил; они здесь не редкость и только перевозка мешает их послать в Петербург.

О подвигах нашего небольшого корпуса, который едва насчитывает 12 тысяч человек,¹⁸ вы, наверное, уже слышали. Ахалцых, который еще не был взят ни разу, наконец пал. К сожалению, битва 9 августа и штурм крепости стоили многих жизней, но на этом, вероятно, кампания закончится. Возможно, на обратном пути возьмут Батум.¹⁹ Во всяком случае, ждут возвращения графа Паскевича со всем корпусом через 3—4 недели. Карс, Ахалкалак, Гертвис,²⁰ Ахалцых, Аджур-Ажур²¹ и крепость, которую взяли несколько дней назад²² и название которой я забыл, сохраняют гарнизоны.

Так как шах хочет оплатить также и последний курур,²³ то Хой²⁴ будет скоро оставлен. Этот курур будет частично в серебре, частично ша-

лями, шелком, бриллиантами и т. д.²⁵ Через несколько дней отсюда выедут чиновники, чтобы принять этот последний долг. {С окончанием установления границ выполнение трактата завершено; но оно вызовет большие затруднения. Грибоедов будет стараться представить нас к награде за это дело; но это должно остаться пока между нами.}

Я написал дяде Андрею.²⁶ В письме ему я сообщил обо всех нас и Шерерах. Он очень удивится, когда получит от меня письмо из Тифлиса. Мне кажется, я уже писал, что он — начальник Талышского ханства.²⁷ Это довольно важный пост в связи с соседством Персии, и у него много работы. Место его пребывания — крепость Ленкоран.²⁸ В Тифлисе я не смог узнать никаких подробностей о нем, т. к. он здесь не бывал.

Прилагаю список некоторых вещей, что я приобрел для поездки, с указанием цен. Я думаю, что маму, возможно, это заинтересует. Я заказал себе еще кожаную подушку, но, к сожалению, для нее нет наволочек. Может, мама будет так добра, что по присланным размерам закажет их. Узелки должны отделять длину от ширины. Если станете посылать, упакуйте получше, так как вещи доходят сюда плохо: думаю, лучше вложить наволочки между двух дощечек. Я хотел писать Александрине и Александру, но нет времени. Мне пришлось утро провести у Грибоедова за работой. Всем сердечный привет от

КА.

Выписка из моей расходной книги.

Цены пересчитаны в петербургские деньги и поэтому приблизительно.

	Руб.	Коп.
Утюг с двумя рукоятками	15	
Шелковая одежда, называемая архалук, состоит из очень короткого верха и панталон; ее носят дома утром	40	
Шлафрок из полушелка	30	
Пикейное одеяло белое	36	
Бурка	24	
Башлык — суконная шапка на мокрую погоду, которая покрывает шею и плечи	8	
Азиатская сабля	48	
Белая суконная фуражка с двумя <белыми чехлами>	18	
2 пуда сахара и 6 фунтов чая	216	
2 пуда мыла	46	
Пестрый персидский войлок для постели	31	
2 вьючных ящика: сюда относятся две штанги и широкий длинный ремень, для приторочивания постели	40	
Складной стол (предыдущее и его дала жена Коцебу)	20	
Маленькая кожаная подушка	20	

6 фунтов турецкого табака	13	
Медный <таз> и медный кувшин для умывания	22	
3 фунта свечей	7	20
Щипцы для снятия нагара и тарелки	1	60
Два медных светильника с одним держателем	1	20
Простыня из оленьей кожи	70	
Чайник	5	
Заварной чайник	3	

Из этого списка видно, как все дорого в Тифлисе.

¹ В переводе 1946 г.: продолжительным.

² Судя по сообщенным симптомам, это был неинфекционный паротит.

³ 22 авг. 1828 г.

⁴ В переводе 1946 г.: болезнь.

⁵ В переводе 1946 г.: проявляет живейшее сочувствие к этому союзу.

⁶ В переводе 1946 г.: прошли.

⁷ 24 авг. 1828 г.

⁸ 26 авг. 1828 г.

⁹ Колония называлась Новый Тифлис; ныне эта территория вошла в границы Тбилиси. В 1851 г. в колонии снимал комнату Л. Н. Толстой, дожидаясь определения в армию.

¹⁰ В переводе 1946 г.: около.

¹¹ В переводе 1946 г.: ушли в дом.

¹² До замужества — *Маргарет Баррон*, во втором браке — *фон Астон*; в первом браке — жена российского дипломата *Поггенполя Петра Васильевича* (1790—1853), в это время — генерального консула в Ливорно. Предположительно К. Аделунг имел возможность засматриваться на прекрасную Маргарет у Андерсонов, которые снимали квартиру в доме Поггенполей на углу Исаакиевской и Морской улиц.

¹³ В переводе 1946 г.: муштеид. *Мир-Феттах-Сеид* — мулла, имевший ученую степень «муджтахид», т. е. представитель высшего мусульманского духовенства.

¹⁴ В переводе 1946 г.: муштеидом.

¹⁵ 27 авг. 1828 г.

¹⁶ Абаз-Абад (Аббас-Абад) — крепость-цитадель, выстроенная французскими инженерами в начале XIX в. в Нахичеванском ханстве. План ее взятия был разработан посланным на Кавказ разжалованным декабристом, бывшим капитаном ЛГ Конно-пионерного эскадрона М. И. Пуциным. Крепость пала 7 июля 1828 г., а ханство по мирному договору отошло Российской империи. В крепости находилась комиссия, принимавшая выплачиваемую персиянами контрибуцию, до того работавшая в Хое.

¹⁷ *Мирза Масуд (Мас'уд)* (1781—1843) переводчик и секретарь Аббас-Мирзы, главный персидский комиссар разграничительной комиссии, участник «извинительной» миссии 1829 г. в Россию; министр иностранных дел Персии с 1832 г.

¹⁸ Точная цифра — 16 883 человек (*Черкасов А. А.* и др. Потери русской армии в Закавказье в Русско-турецкую войну (1828—1829 гг.): историко-статистическое исследование // *Русин*. 2017. № 4. С. 38—60, далее — *Черкасов*).

¹⁹ Батум находится в 110 км на запад от Ахалкацыха и в 260 км на юго-запад от Карса, взятых в 1828 г. Батум был завоеван в следующую Турецкую войну 1877—1878 гг.

²⁰ Гертвис (Хертвис) — крепость к югу от Ахалцыха, при впадении Тапаравани в Куру. Взята российскими войсками под командою Н. Н. Раевского 25 июля 1828 г. (*Помто*. С. 853).

²¹ Вероятно, К. Аделунг имел в виду крепость Ацхур (совр. Ацкури, Грузия), восточнее Ахалцыха, сданную турками после потери Ахалцыха.

²² Возможно, К. Аделунг забыл название крепости Баязет, взятой войсками под командой генерала А. Г. Чавчавадзе.

²³ См. прим. 17 к письму № 10.

²⁴ Хой — центр одноименной персидской провинции. После взятия Эривана Аббас-Мирза не смог удержать дезертиров своей армии и, вместо того чтобы отрезать от Нахичевана выдвинувшийся на восток отряд Эристова-Муравьева, засел в Хое, освободив небольшому российскому отряду дорогу на Тебриз, который легко сдался (*Помто*. С. 738, 745).

²⁵ В донесении Нессельроде из Тебриза Грибоедов, совершенно убежденный как в отсутствии золота у Аббас-Мирзы, так и в отказе шаха далее помогать наследнику в выплате контрибуции, предлагает принимать в оценку «хлопчатую бумагу, шелк и драгоценные вещи», а также «скот для армии, хлеб и прочее» (ПСС. С. 253—259).

²⁶ *Раль Гарри Фридрих Александр (Андрей Федорович) (Раль 5-й)* (1784 — после 1832) — брат матери К. Аделунга. Участвовал в Бородинском сражении, Кавказских войнах. Генерал-майор. С 1828 г. управлял Тальшским ханством. После гибели посольства в Тегеране в янв. 1829 г. война с Персией считалась неизбежной: турки осадили Ахалцых, в Тальшское ханство вошел с войском его прежний властитель Мир-Хасан-хан. Генерал Раль стянул войска к Ленкорану.

²⁷ Тальшское ханство на Каспии долго сопротивлялось персидским завоеваниям, Мир-Хасан-хан был лоялен к России, но в июне 1826 г. переметнулся к Аббас-Мирзе и вошел в свое ханство с персидской армией.

²⁸ Отлично укрепленная крепость Ленкоран была взята российскими войсками после 6-часового штурма 31 дек. 1812 г.

{№ 14.Тифлис 7-го сентября 1828.

Я все еще пишу из Тифлиса и **всякий раз полагаю**,¹ что это уже последнее датированное отсюда письмо; однако вопрос об отъезде опять осложняется; до вчерашнего вечера считалось, что мы выедем завтра. Лихорадка оставила Грибоедова, но вчера и позавчера ему было опять очень нехорошо; у него никогда не было полного лица, но трудно даже представить себе, как он сильно переменялся; он не только похудел, но у него цвет лица стал землистым, что придает ему совершенно больной вид. Дай Бог, чтоб он скорее поправился! Если сегодня или завтра ему не будет лучше, мы, конечно, задержимся здесь **снова**.² Во всяком случае, я окончу и отошлю это письмо тогда, когда смогу дать вам точные сведения об отъезде.}

В субботу, 1-го,³ после долгих споров Мензенкампфу удалось уговорить меня поехать с ним верхом в колонию; около 4 часов пополудни я сел на кобылу из колонии и мы поскакали, беседуя на разные темы, естественно, часто упоминался Петербург. За 3 часа мы доехали до Элизабетталя. Несколько стаканов горячего чая подкрепили нас, и, усталые, мы улеглись.

В воскресенье⁴ утром я пошел в молитвенный дом и *adinterim*⁵ слушал проповедь пастора Вёра. Перед обедом мы совершили довольно далекую прогулку вниз, в долину, к винограднику вместе с Мензенкампами и несколькими молодыми людьми, которые утром приехали из города и среди которых был адъютант Паскевича Фёлькерзам.⁶ Я впервые был в винограднике. Мы не преминули полакомиться великолепными ягодами; чего бы я только не дал, чтобы при этом были и вы, или, по крайней мере, виноградник был у вас! Про каждую съеденную ягоду я думал: ах, если бы я мог ее отправить в Петербург! Очень приятный час провели мы здесь и отправились обратно; после обеда все прилегли; я не ложился, т. к. я никогда не соблюдаю местный обычай, и, желая пошутить с господами, я встал на улице перед окном и стал дуть в губную арфу:⁷ я полагал, что всем она неизвестна; и как же я удивился, когда из комнаты услышал ответ, — я едва поверил ушам, увидев, что все мои арфочки при мне, и едва мог объяснить звук, поскольку ни один из господ не проживал в Грузии менее года. Наконец, все разъяснилось — Фёлькерзам получил одну арфочку в Ахалцыхе от одного офицера, привезшего ее из Петербурга. И таким образом она пределала еще больший путь, чем мои.

3-го сентября господа сели за карты, а я пошел снова с пастором Вёром в виноградник; он был любезен как всегда и показал мне лучшие виноградные лозы, и сам выискивал отборные гроздья. Прежде чем уйти оттуда, мы запаслись отличным виноградом и принесли его мадам Мензенкампф. После обеда партия бостона продолжилась, а я совершил прекрасную прогулку, во время которой я случайно опять встретился с Вёром, с которым вновь посетили несколько виноградников, лежащих поблизости, и приятно провел время. По возвращении мне удалось за несколько минут собрать кое-какие пожертвования на строительство местной церкви; я собрал 4 дуката, что очень обрадовало Вёра, т. к. сбор здесь идет очень медленно. Интересно, удастся ли нам получить что-нибудь из Петербурга, мы ждем с нетерпением первого сообщения. Книга Маккавейская, гл. 12, стих 18.⁸ Вечером из города пришло еще больше гостей. Княгиня Орбелиани⁹ с двумя дочерьми и одной молодой дамой — все грузинки, и молодой Демидов¹⁰ — городской архитектор; так что маленький дом из двух комнат был полон людей.

{4-го,¹¹ во вторник, я хотел пораньше поехать в город, **однако отпавился туда только**¹² в час, так как не мог найти лошади.} Один колонист, у которого были в городе дела, поскакал со мной. Когда я приехал домой (к Ховенам), у них я нашел нового флигель-адъютанта Опперманна¹³ (у Фр. Коцебу), который прибыл из императорской главной квартиры;¹⁴ прежде всего я хотел спросить о Фрице;¹⁵ однако я не получил ответа, т. к. Опперманн покинул лагерь под Шумлой¹⁶ еще до прибытия гвардии. {Сегодня вечером ненужные нам в пути вьючные лошади должны были отправляться; однако наши вещи не навью-

чены и, видимо, не уйдут **раньше нас**. Приведа себя в порядок, я пошел к Грибоедову, но его не видал, так как он был занят; я побеседовал с его женой и с Мальцовым и пошел домой.

В среду,¹⁷ после работы, я пошел обедать к Грибоедову; там подавали шампанское, которое подают теперь почти каждый день, **причем я один**¹⁸ пил за здоровье петербуржцев и ревельцев. После обеда я был занят с Мальцовым до вечера.}

О вчерашнем дне¹⁹ нечего сказать — я провел его дома.

{Я очень бегло набросал эти строчки, так как очень спешу; если мы в самом деле едем завтра, я сегодня должен укладываться и обедать у Грибоедова, где я узнаю что-нибудь новое.} Маме сердечный привет и уверения в моем здоровье и предусмотрительности. Шерерам и Пандерам²⁰ тоже привет, а также Мэтью и Карлу Коцебу. КА

{Позднее.

До сих пор (3 часа пополудни) говорят, что мы выезжаем завтра, после обеда.} Всем сердечные приветы.

¹ В переводе 1946 г.: думаю, что на этот раз.

² В переводе 1946 г.: опять.

³ 1 сент. 1828 г.

⁴ 2 сент. 1828 г.

⁵ В промежутке (лат.).

⁶ *Фёлькерзам Иоганн Фридрих Мельхиор Эдмунд (Иван (или Эдмунд) Егорович)* (1803—1869) выходец из Лифляндии. В 1827 г. — поручик ЛГ Конного полка, адъютант И. Ф. Паскевича. Доставил Туркманчайский договор для подписания шаху и подарки Николая I Аббас-Мирзе (*Потто*. С. 759).

⁷ Варган (шипковый аэрофон).

⁸ «И вы хорошо сделаете, ответив нам на них».

⁹ Князья Орбелиани — многочисленный древний княжеский род армянского происхождения, давший воинов, священников, поэтов. Земли кого-то из Орбелиани соседствовали с участком, выкупленным казной для Элизабеттальской колонии (*Чернова-Дёке*. С. 40). В 1829 г. при антироссийских волнениях, возникших при формировании милиции в Картли, действия четырех князей Орбелиани остановили зарождавшийся бунт (*Потто*. С. 931). Однако в националистическом заговоре 1830—1832 гг., в планах которого было вернуть Грузии независимость и царя (бежавшего в Персию принца Александра Багратиони), кн. Орбелиани приняли активное участие.

¹⁰ *Демидов Петр Яковлевич*, коллежский секретарь.

¹¹ 4 сент. 1828 г.

¹² В переводе 1946 г.: но попал я туда.

¹³ *Оптерман Александр Карлович* (1803—1855) — сын инженер-генерал, члена Государственного совета и с 1829 г. графа *Оптермана Карла Ивановича* (1766—1831). С дек. 1821 г. — прапорщик ЛГ Саперного батальона, переведен из него в марте 1825 г. в ЛГ Измайловский полк поручиком, с 1825 г. — адъютант Ф. И. Паскевича. Участвовал в Персидской и Турецкой войнах. Был сослуживцем Ф. Ф. Аделунга в 1823—1825 гг. В конце службы, проделанной на Кавказе, — генерал-майор.

¹⁴ Дунайской армии у Варны.

¹⁵ Старшем брате, Фрице Аделунге.

¹⁶ Шумла (совр. Шумен) — турецкая крепость на территории нынешней Болгарии. Была блокирована российским отрядом летом 1828 г., но не взята. Осаждавшие ее войска понесли значительные потери из-за болезней и в сент. 1828 г. были отведены для подкрепления под Варну. Гвардия, включая ЛГ Саперный батальон, выступила из Санкт-Петербурга в апр.; в авг. вступила на территорию болгарской Турции и была двинута к Варне, куда добралась 1 сент. 1828 г.

¹⁷ 5 сент. 1828 г.

¹⁸ В переводе 1946 г.: я.

¹⁹ 6 сент. 1828 г.

²⁰ *Пандер Христиан Андреевич* (1794—1865) — выдающийся палеонтолог латышского происхождения, выходец из купеческого сословия. Окончил медицинский факультет в Дерпте в 1812 г.; степень доктора получил в Вюрцбурге в 1818 г.; в 1821 г. — адъюнкт, в 1826 г. — ординарный академик ИАН, с 1827 г. — служащий Горного департамента МВД, лауреат многих научных премий. В 1825 г. женился на дочери академика А. И. Шерера, кузине К. Аделунга *Шерер Амалии*. Участвовал в геолого-палеонтологических экспедициях при строительстве Петербурго-Московской железной дороги (ЦГИА СПб., ф. 963, оп. 1, № 4805; ф. 536, оп. 6, № 3026). У старших детей Пандеров воспитанниками были чета Аделунгов и двое их старших детей. Трое сыновей Пандера окончили ИМХА и некоторое время работали врачами.

Тифлис, 9 сентября 1828 г. 10 час. утра.¹

Я использую последние радостные мгновения, чтобы послать сердечный привет отсюда. Я буду писать по возможности чаще, но, вероятно, уже из Эривана. Всем сердечный привет, а маме и Александрине — поцелуи. КА

Молодой Питер Сиверс² недавно умер в Нухе.³ Гельмерсена⁴ это сильно расстроило.

¹ Письмо адресовано <Его превосходительству Федору Павловичу Аделунгу. В С. Петербург>.

² *Сиверс Питер* (1806—1828), правнук адмирала *Сиверса П. И.* (1674—1740).

³ Нуха (совр. Шеки) — древний (ок. 3 тысяч лет) город совр. Азербайджана; присоединен к России в 1819 г. в составе Шекинского ханства. Центр переработки шелка.

⁴ *Гельмерсен Петр Федорович (Петр Бернгард)* (1776—1860) — инженер-полковник, петербургский потомок лифляндских баронов, известен как автор первого проекта устройства курорта кавказских Минеральных Вод в 1810 г.; с 1822 г. работал в Одессе, в середине 1820-х гг. вернулся в Санкт-Петербург и держал частную литографию. В 1845 г. служил помощником по учебной части директора Института Корпуса горных инженеров (ЦГИА СПб., ф. 963, оп. 1, № 4805, л. 6). Его жена — *Августа-София*, урожд. *Сиверс* (1778—1863). Наверное, смерть П. Сиверса могла сильно расстроить кого-то из сыновей Гельмерсена, находившихся в то время на Кавказе: *Александра Петровича* (1797—1850), юного участника Бородинской битвы и в 1830-е гг. — полковника, преподающего в Санкт-Петербургской школе гвардейских подпрапорщиков; или *Павла Петровича* (1801—1894), офицера Генерального штаба, в 1860-е гг. занимавшегося освоением Дальнего Востока. Самый известный из этих братьев Гельмерсенов — *Георгий Петрович* (1803—1885), в будущем — академик-геолог, в 1828 г. находился на Урале.

{№ 15. Эриван 18 сентября 1828.¹}

Мне очень неловко, но у меня мало времени для подробного описания нашего пути из Тифлиса сюда: мы прибыли только вчера, а сегодня утром почта уходит в Тифлис. С завтрашнего дня буду писать так часто, как можно будет, и описание уйдет со следующей почтой, т. к. мы, вероятно, останемся здесь не менее чем на восемь дней.

{Мы выехали из Тифлиса в воскресенье² около часа пополудни, ежедневно делали по 25—40 верст и на 9-й день приехали сюда. Грибоедов сейчас в Эчмиадзине³ и сегодня приезжает.} Нам пришлось вынести сильный холод, когда мы утром покинули наши палатки на станции Акзибиюк,⁴ — все было покрыто снегом; когда мы выехали верхом, снова пошел снег, и эта плохая погода продолжалась целый день. Здесь, в Эриване, снова довольно тепло. Это первый по-настоящему азиатский город, который я вижу. В каждом доме — сад, так что все выглядит довольно мило и приятнее Тифлиса. Вчера, сразу после нашего прибытия, мы посетили Мухаммад-хана,⁵ который защищал Сардар-Абад⁶ и был бригадным генералом, а теперь член здешнего правительства и ругает все персидское; он предложил нам азиатский завтрак и был очень разговорчив. Спустя несколько часов он навестил нас и пригласил к себе на ужин. Это был очень странный, но приятный вечер: музыка и пение, которые резали уши, развлекали всех во время еды. Сам хан выпил больше, чем мы все вместе.

Обо всем этом подробнее я сообщу, а сейчас нет времени — запрягают, и мы едем навстречу Грибоедову. Всем самый сердечный привет из Персии, особенно Мэтью, Карлу Коцебу, а через Александрину — всем Коцебу.

Прилагаю три пара,⁷ которые Ваценко⁸ получил как трофеи в Карсе и подарил мне. Среди них один — египетский. До нашего отъезда я точно напишу. КА

{Вторник, 18 сентября. **Около**⁹ 10 часов утра мы, сотрудники миссии, собрались и поехали встречать Грибоедова, чтобы с ним вместе войти в Эриван. По дороге, в расстоянии в пол-агача от города (агач, или фарсах,¹⁰ — 7 русских верст), увидели мы старую башню и маленькое сводчатое здание, и то, и другое — из красного кирпича, украшенное разноцветной керамикой. Башня восьмиугольная; крыша тоже из кирпичей, сводчатая. Ваценко, которого я попросил объяснить многочисленные надписи на башне, не смог расшифровать их. Шарден,¹¹ в атласе которого изображена эта башня, разъяснит мне их (как только мы получим багаж, который идет водой¹²). {Едва мы покинули это интересное строение, как увидали экипажи;¹³ **и галопом поскакали им навстречу.**¹⁴ **Когда в отдалении мы увидели ханов, прочих персов и татар,**¹⁵ Грибоедов сел на свою лошадь; наши экипажи **остались,**¹⁶ а мы поскакали навстречу жителям Эривана. Самыми **знатыми**¹⁷ из них были вышеупомянутый сертип¹⁸ Мухаммад-хан, Ахмет-хан¹⁹ и Паша-хан,²⁰ прежний любимец Аббас-Мирзы; кроме названных,

здесь было еще около 500 всадников, частью свита трех названных выше, частью свита бека,²¹ остальные — жители Эривана.

Обменявшись приветствиями с Грибоедовым, вся кавалькада присоединилась к нам.

Когда Эриванский плац-адъютант²² (армянин) представлял Грибоедову ханов, он хотел как можно лучше выразиться по-русски и сказал следующее: «<Эриванское ханьё поздравляет> Ваше превосходительство и т. д.»; вероятно, он слово «ханьё» производил от слова «бабьё» и был очень доволен, что так выразился.

Все то время, пока мы были вне города, около 100 всадников, разделившись на две партии по обеим сторонам дороги, вели воинственные игры; они гонялись друг за другом галопом, стреляли из винтовок и пистолетов или бросали дротики. В последней игре отличился Ахметхан. {Внезапно я попал в сильнейшую перепалку: сражающиеся партии сшиблись на дороге с обеих сторон; они кричали мне свое «кабарда, кабарда» (прочь с дороги), но я не смог свернуть так скоро.} И оказался среди них. {Раздавались выстрел за выстрелом, пороховой дым обдал нас; я спокойно ожидал конца, который, однако, не последовал. Грибоедов был немало удивлен, **когда куча раздалась, и он увидел меня.**²³ При продолжающейся стрельбе приблизились мы к городу; мы должны были переходить через широкие каналы; так как с нами было по крайней мере 500 всадников, не обошлось без того, что мы были совершенно забрызганы водой; покрывавшая наши мундиры пыль, смешавшись с водой, образовала **густой налет**²⁴ и зеленый цвет наших мундиров переменяла на серый **с коричневыми** крапинками.

Когда мы проехали старый каменный мост через Зангу,²⁵ нас встретило армянское и русское духовенство с хоругвями, свечами, иконами, кадильницами и другими подобными вещами. Министр сошел с лошади, приложился к протянутому ему архиереем кресту и поехал дальше.

Помещение ему было приготовлено в доме сертипа Мухаммад-хана; перед домом была выстроена охрана с офицером стоящего в Эриване полка; при приближении Грибоедова стал бить барабан. Когда мы въехали во двор, или, вернее, в нечто вроде сада, нас встретил музыкой военный оркестр, который и играл весь день.

После того как Грибоедов и его жена все осмотрели, мы пошли на свою квартиру, чтобы устроиться и вычиститься. Прежде чем мы ушли обедать, мы посетили Мухаммад-хана, который нас очень приветливо принял и угостил фруктами.} Мы пообедали только около 5 часов; застольная музыка перенесла меня в Петербург — музыканты усердно выбирали те пьесы, которые мне были знакомы: «Волшебный стрелок»,²⁶ «Дон Жуан»,²⁷ «Волшебная флейта»,²⁸ «Весталка»;²⁹ кроме того, они играли для нас танцы, которые я знал; под конец мы услышали даже отрывок из «Творения»;³⁰ но я не критикую — я мог наслаждаться музыкой, хотя хор был несовершенен. Вечер мы провели дома в разговорах.

{Среда, 19-го.³¹ Мы только что напились чаю, как за нами прислал Ахмет-хан, приглашая нас к обеду. Я хотел до обеда немного поработать, но персы сочли это неслыханным и не допустили этого. Так и прошло время до обеда. Около двух часов в парадной форме мы пошли к Грибоедову, сели на лошадей и поехали к Ахмет-хану. Мы нашли здесь накрытый стол и стулья, на европейский лад. Обменявшись официальными приветствиями, все сели за стол. Министр сидел во главе стола, по обе стороны от него сидели персы и мы, а в конце стола разместились офицеры гарнизона. Обед состоял по меньшей мере из 30 блюд. Каждый раз вносили двухаршинную доску, на которой стояли блюда с пловом, долмой³² и т. д.; второе блюдо (долма) подавалось в 20 видах; конечно, я почти ни к чему не притронулся, так как от этого грязного персидского стола пропадет всякий аппетит. Все плавало в бараньем жире; тарелки с кушаньем отставлялись тотчас, чтобы дать опять место бесконечной долме; запах остывшего сала и неприятный вид этой кислятины были мне противны. В промежутках между блюдами персы хватали стоявшие на столе фрукты и сладости, и все это после того, как они опускали в жир свои грязные пальцы, с окрашенными в красный цвет ногтями.

Все время, кроме того, пили за здоровье всех кахетинское вино и шампанское. Наконец этот отвратительный обед окончился, все встали из-за стола, и после короткой беседы мы откланялись. Ахмет-хан подал каждому руку и сказал по-русски: «<Прощайте, до свиданья>». Только что мы приехали домой, как хан опять прислал за нами, прося нас тотчас прийти к нему. Насколько фатальным был для меня обед, настолько приятен или, скорее, интересен, был вечер, я увидел здесь впервые **персидских танцоров**.³³ Их танец состоит всего лишь из медленных движений, для чего они, после такта музыки, исполняемой на цитре и певцом, щелкают специально пальцами. Что Мориер³⁴ говорит о персидских танцах, подтвердилось. Но я не буду об этом.

{Через несколько часов, которые для нас прошли очень быстро, за нами прислал Грибоедов: к Паскевичу отправлялся курьер, и мы до поздней ночи писали донесения.

Четверг, 20-го.³⁵ Утро мы провели за работой, чтобы отправить курьера в главный штаб Паскевича. Появление и исчезновение персов сегодня было невыносимо: нельзя придумать ничего скучнее подобных визитов. Такой субъект сидит перед тобой час и молчит; тебе кажется время очень медленным и неприятным. Кроме персов, нас посещали русские офицеры: комендант князь Аргутинский,³⁶ полицмейстер Ерусалимский³⁷ и другие почтили нас визитами. Первый наполовину знаком по Павловску; это грузин, который в 1821 г. с конной гвардией находился в Павловске и тогда давал повод смеяться над его чопорностью, которую он до сих пор, уже полковником, не совсем потерял. Мне он показался слишком сухим для сближения. В полицмейстере мы нашли

веселого, чрезвычайно сердечного человека, который нам во многом помог; его все хвалят.

{Сегодня, как и все дни нашего пребывания в Эриване, обедали у Грибоедова эриванские чиновники; ни один день не обходился без музыки за обедом.} После обеда я ходил с Ваценко на базар; все палатки располагаются по обе стороны длинной сводчатой галереи, куда свет падает сверху; насколько это защищает от солнца и дождя, настолько это препятствует доступу свежего воздуха — это особенно неприятно там, где работают сапожники и мясники. Торговля не может восстановиться после взятия Эривана, и базар теперь небольшой. Половина лавок еще закрыта. Я спросил здесь у менял о пули-кадима³⁸ — но не нашел ни одной.

Вблизи базара находится мечеть, которую мы посетили. Снаружи — глиняный купол и минарет молельного дома. Мы через небольшой коридорчик вошли в четырехугольный двор с бассейном в центре, в каждом углу которого росло по роскошному старому вязу. На восточной стороне двора — мечеть, передняя сторона которой без стен и украшена двумя пилястрами; напротив находилась своего рода кафедра высотой приблизительно два фадена³⁹ с довольно красивой деревянной резьбой. Лестница ведет наверх. В остальном ничего нет в мечети — ни картин, ни надписей; ничего, кроме пустой белой стены. Помещение квадратное, и пол укрыт циновкой (так в Персии называют ковры), чтобы не касаться пола. После осмотра мы поднялись на минарет; каменная винтовая лестница едва в полтора фута⁴⁰ в ширину ведет на галерею, где мулла трижды в день возглашает. Сверху можно наслаждаться прекрасным видом Эривана с его садами, крепостью, деревьями, которые тоже в садах, и на горизонте — горы, среди которых великолепные Арарат⁴¹ и Арагац.⁴² Заходящее солнце освещало все это божественно — это был чудесный вид. Но такой далекий от всех моих близких! Вечерняя прохлада напомнила нам снова, что пора спускаться, хотя и не хотелось. Отчасти мне трудно было расстаться с этим видом; с другой стороны, и лестница меня пугала. Однако мы спустились.

От мечети мы пошли в сад бывшего эриванского сердара — он расположен по другую сторону крепости, с юга, мы прошли по мосту через Зангу, по которому мы в день прибытия ехали верхом; сам сад не имеет ни стен, ни другой ограды и состоит, как и все персидские сады, из рядов тополей, а между ними ряды винограда. Как я рассмотрел, виноград здесь выращивают так, как это делают и в Грузии, и в Персии: не на вертикальных опорах, а на горизонтальных, высотой в полтора аршина,⁴³ по которым распределена лоза. Это делается для удобства орошения. Колонисты в Грузии составляют исключение и выращивают его на немецкий манер, на вертикальных опорах. В центре сада находится увеселительный павильон, который очень красив. Наши добрые русские очень радовались, разрушая его; также среди тополиных аллей нет полноценных деревьев — это однолетние деревца-побеги высотой

в 10 футов,⁴⁴ выросшие из пней. Старые тополя были использованы для топки и на фашины. Мы полакомились виноградом, и я ел за вас всех. Вернулись домой почти в темноте.

{Пятница, 21-го.⁴⁵ Рано утром, когда все еще спали, приехал из Баязита⁴⁶ князь Чавчавадзе, отец мадам Грибоедовой, чтоб увидеть молодоженов до их отъезда в Персию: он начальник армянской провинции и поэтому не живет в Тифлисе; таким образом, он видел Грибоедова в качестве своего зятя в первый раз. Это очень красивый мужчина за 30 лет, и в нем нет ничего грузинского.

Перед обедом мы, сотрудники миссии, поехали на базар не столько из любопытства, сколько для моциона. Сегодня, по обыкновению, во время обеда играла музыка; в честь князя Чавчавадзе музыканты оставались во дворе у Грибоедова до темноты. Вечер мы провели в беседе.}

Суббота, 22-го.⁴⁷ Я снова ходил с Ваценко на базар и в сад бывшего сердара. Тут мы задержались — мы лежали на траве у канала с быстрым течением среди ив и поедали прекрасный виноград. Он такой сладкий, что вызывает жажду. К счастью, я обнаружил, что вода здесь превосходна, и осушил не один мой кожаный стакан. Этот стакан (если так можно назвать) сослужил мне большую службу по пути в Тифлис и по Персии — все завидуют мне. Кстати, я прошу прислать мне еще два таких же. После обеда Александр Сергеевич поехал с женой в коляске в крепость. Мы последовали верхом. Вначале мы осмотрели дворец⁴⁸ сердара Гусейн-хана; как во всех восточных домах, здесь снаружи можно видеть только непривлекательную глиняную стену; из темной прихожейходишь в красивую цветастую комнату, которая имеет такую форму . Передняя, выступающая сторона представляет собой единственное окно с цветными стеклами в красивом обрамлении; отсюда открывается вид на двор. Сама комната в яркой и густой росписи цветами, птицами и т. п., а один карниз — из стеклянной (зеркальной) мозаики, потолок тоже разноцветный; прежде чем закрыли окно (персидские окна, как и английские, закрываются вверх), почти стемнело.

Тут и там я видел портреты — большинство в европейской одежде от современной до 300-летней давности. Говорят, что персы предпочитают такие картины; я увидел здесь 5 старомодных дам. Отсюда провели нас в роскошную комнату сердара — она такая же пестрая, как предыдущая, и той же формы и, пожалуй, перегружена золотом, но намного большего размера. В выступающей части расположен круглый бассейн из прозрачного мрамора, который добывают на озере Геламия⁴⁹ и доставляют оттуда по воде.

Однако какой вид открылся перед нами, когда окно открыли: прямо у подножья дворца, на 200 футов⁵⁰ ниже — пенная Занга со старым мостом, а за виноградником сердара и горой <и рзб 1 слово> — единственный в своем виде Арарат! В жизни своей не видал ничего подобного. Сегодня заходящее солнце освещало его великолепно. Если отойти немного от окна, зрелище выглядит как нарисованная картина! Ах,

если бы вы могли насладиться этим вместе со мной! Только Грибоедов, казалось, почувствовал эту красоту. Я видел так много красивого, но, к сожалению, видел один — насколько было бы лучше, если б вы могли любоваться этим вместе со мной. Остальные комнаты дворца посетить с дамами было невозможно. Русские солдаты почти везде оставили после себя памятники.⁵¹ Гарем, куда ведет сводчатый коридор из большого двора, был занят армянской милицией, которую здесь называют сарбазами,⁵² так как они одеты почти так же. Четвертую сторону двора занимает мечеть, мало отличающаяся от описанной. Наверху находятся только галереи и две открытые спереди маленькие комнаты, в одной из которых содержали в плену Хасан-хана, захваченного Сухтеленем.⁵³ Мы поднялись на плоскую крышу мечети, где особенно похозяйничали наши бомбы, в том числе 48-фунтовые. Купол из зеленых и белых плиток очень пострадал с одной стороны, так что четверть плиток отсутствует. На самой крыше много пробоин; когда мы снова спустились вниз, то нашли во дворе русское 48-фунтовое ядро⁵⁴ — оно было слишком тяжелым для меня (чтобы сохранить его на память). Больше во дворце примечательного ничего нет; спасибо большое победителям! Бывшую большую мечеть, которую переосвятили в собор,⁵⁵ мы не посещали.

{Воскресенье, 23}⁵⁶ рано утром я посетил персидскую баню, которая была заказана накануне, чтобы побыть в ней одному. Так как эта баня во многом отличается от тифлиских, то я расскажу о ней. Сначала входил в большой круглый зал со сводами, в центре которого бассейн; в стене оборудованы ниши, в которых раздеваются. Это и есть собственно публичные бани. Мы прошли отсюда через еще более просторный и темный зал, шесть сводов которого стоят на каменных колоннах, в маленькую комнатку, которая предназначалась для нас. Она была совершенно пуста, и только по одной стене стояла каменная ванна, куда напускали холодную и теплую воду. Мне пришлось лечь туда на спину на каменное дно, и меня терли волосняным мешочком. Также банщик начал мне вправлять лопатки, однако я запретил ему это. Чтобы не простудиться, я галопом поскакал домой, где согрелся чаем.

{Сегодня Грибоедов пригласил к обеду трех эриванских ханов, а также несколько знатнейших **персидских жителей**.⁵⁷ Конечно, обед подавался европейский, за исключением восточного шербета. Все шло прилично до тех пор, пока не подали два блюда с пловом; когда одно из них дошло до одного старого перса, он счел целесообразным взять себе его целиком: слуга сначала **воспротивился этому**,⁵⁸ но под конец должен был **уступить**,⁵⁹ так как перс не переставал повторять «давай, давай!» Во все время обеда блюдо оставалось у него, и он беспрестанно запускал в него пальцы. Музыка их совершенно не интересовала, они попеременно то ели, то болтали.} Вечером я приводил в порядок дневник (события до Эривана) и просидел до поздней ночи. {Наш отъезд в Таврис назначен на ближайший **вторник**.⁶⁰ 25-го.⁶¹}

¹ Письмо перфорировано для противочумного окуривания.

² 9 сент. 1828 г.

³ Эчмиадзин — армяно-григорианский монастырь IV в. в совр. г Вагаршапате, в 20 км от Еревана, резиденция католикоса. В это время владел большим хозяйством, включая перерабатывающие производства, школу и гостиницу. Вблизи монастыря неоднократно происходили сражения русской и персидской армий: в 1804 г. отряд наследного принца Аббас-Мирзы был разбит отрядом П. Д. Цицианова вчетверо меньшей численности. В апр. 1827 г. небольшой отряд К. Х. Бенкендорфа был блокирован в монастыре и обречен на голод, т. к. архиепископ Нерсес Аштаракеци убедил Паскевича в больших запасах монастыря, которые отсутствовали. Чуть позднее, в июле 1827 г., сердар Еревана блокировал монастырь, что вынудило поспешить на помощь небольшой отряд генерала А. И. Красовского. Отчаянное положение генерала (более половины его отряда погибли по дороге к Эчмиадзину) заставило основные силы И. Ф. Паскевича отложить движение к Тебризу и спешить к Еревану. Паскевич взял Ереван (и стал графом Эриванским), а Тебриз без боя взял отряд Эрнстова-Муравьева (позднее ставшего Муравьевым-Карским). Паскевич публично выразил свое неудовольствие и Аштаракеци, и Красовскому, и Муравьеву (*Потто*. С. 657, 660, 712). Действия и Красовского, и архиепископа Нерсеса, снабжавших провиантом не только русскую армию, но переселившихся в Армянскую область армян, вызвали сильное раздражение Паскевича. К. Аделунг в описании встречи посольства с армянским духовенством у монастыря и у Джелал-Оглы (письмо № 16) передает некоторую натянутость; вызванную у Грибоедова, наверное, этим отношением Паскевича.

⁴ Акзибиюк (Ахзэбтук) — хребет, поселок и перевал в Карабахе.

⁵ Предположительно, этот *Мухаммад-хан* (*Мамад-хан*) был сыном предпоследнего ереванского сардара хана Мусы (Мухаммад-хана, род. в 1760 г.). Последний был смещен в 1805 г. и заменен Гусейн-ханом Казвини, после чего переметнулся к русским и в Тифлисе интриговал против Персии (*Тунян В. Г.* «Защитник отечества» — каталогос всех армян Нерсес Аштаракеци. 1826—1857. Ереван, 2007, С. 78. Эл. ресурс, дата доступа 11 авг. 2020 г., <http://armenian-church.org/images/books/4bk13katolikos.pdf>, далее — *Тунян*).

⁶ Паскевич, осадив Ереван, остерегался иметь поблизости хорошо укрепленную персидскую крепость Сардар-Абад (совр. Армавир в Армении). После трех суток интенсивного обстрела, 15 сент. 1827 г., Сардар-Абад, оборону которого держал внук Хасан-хана, был взят. Из крепостной тюрьмы освободили много пленных армян и грузин и немало женщин из Катариненфельдской колонии. В благодарность епископ Нерсес Аштаракеци основал в крепости церковь Св. Николая (*Потто*. С. 726, 808).

⁷ Парá — мелкая разменная монета в Египте, Турции, Молдавских княжествах, Сербии.

⁸ *Ваценко Василий Яковлевич*, сын *Якова Кирилловича Ваценко*, бывшего консулом в Османской Порте в 1802 г., главным приставом над калмыками и туркменами в 1814—1817 гг., участником посольства Ермолова, генеральным консулом в Тегеране в 1824—1825 гг. Мать Василия Яковлевича была неграмотна; судя по тому, что сестры его воспитывались в закрытых учебных заведениях Санкт-Петербурга, он получил сходное образование (ЦГИА СПб., ф. 2, оп. 1, № 2972, л. 3). Василий Яковлевич — один из первых выпускников УОВЯ при МИД; переводчик генерала Красовского во время Персидской войны, с авг. 1828 г. — переводчик генерального консульства в Тебризе (ПСС. С. 183; АИВР РАН, ф. 17, оп. 1, № 189, л. 9). В мае 1829 г. участвовал в перенесении гроба с телом Грибоедова для панихиды в Нахичеванскую церковь.

⁹ В переводе 1946 г.: В.

¹⁰ Персидские меры длины: фарсах (в разное время и разных районах — от 5,5 до 8 км). В. Даль определяет агач как расстояние в час ходьбы (5 км) или езды (8 км).

¹¹ *Шарден Жан* (1643—1713) — французский ювелир и путешественник, дважды посетивший Персию и проживший в ней более 15 лет. По пути на Восток посетил и Грузинские царства. Издал в 1686 г. книгу (три тома мелкой печати, 1200 страниц большого формата) о своем путешествии «Путешествие шеваля Шардена в Персию и другие страны Востока».

¹² Багаж доставили в Тебриз только в апр. 1829 г., после гибели К. Аделунга.

¹³ В переводе 1946 г.: всадников и экипажи.

¹⁴ В переводе 1946 г.: они мчались навстречу нам.

¹⁵ В переводе 1946 г.: мы узнали персидских ханов.

¹⁶ В переводе 1946 г.: несколько отстали.

¹⁷ В переводе 1946 г.: знаменитыми.

¹⁸ Сертип — генерал.

¹⁹ Ахмет — сокращенное от Мухаммед, Мухаммад. Один из членов существовавшего в 1828—1830 гг. коллегиального Армянского областного правления был некий Ахмет-хан.

²⁰ Возможно, Паша-хан — высокопоставленный чиновник Аббас-Мирзы, муж одной из его внучек.

²¹ Бек — дворянин.

²² Плац-адъютант — офицер, подчиненный коменданту крепости; ведал арестованными, командированными, караульными.

²³ В переводе 1946 г.: увидел меня под грудой этих тел.

²⁴ В переводе 1946 г.: тесто.

²⁵ Занга (совр. Раздан) — река, берущая начало из озера Севан (Гокча) и впадающая в Аракс.

²⁶ «Волшебный стрелок» — опера Вебера 1821 г., в Санкт-Петербурге поставлена в 1823 г. немецкой труппой и в 1824 г. — русской труппой.

²⁷ «Дон Жуан» — опера Моцарта 1787 г., в Санкт-Петербурге поставлена 21 апр. 1828 г.

²⁸ «Волшебная флейта» — опера Моцарта 1791 г., в Санкт-Петербурге поставлена немецкой труппой в 1791 г. и в 1818 г. — русской.

²⁹ «Весталка» — опера Г. Спонтини 1807 г., в Санкт-Петербурге поставлена в 1812 г.

³⁰ «Сотворение мира» — вокальная оратория Гайдна 1798 г.; впервые исполнена в Санкт-Петербурге в 1800 г.; с ее исполнения в 1802 г. ведет историю петербургское Филармоническое общество, основанное Ф. П. Аделунгом и А. А. Ралем.

³¹ 19 сент. 1828 г.

³² Долма — блюдо тюркских народов на основе риса, завернутого в виноградные листья; много вариантов также с овощным и мясным фаршем.

³³ В переводе 1946 г.: персидские танцы.

³⁴ *Мориер Джеймс Юстиниан* (1780?—1849) — английский посол в Персии в 1814—1815 гг., путешествовал по Передней Азии. В 1812 г. опубликовал «Путешествие по Персии, Армении и Малой Азии до Константинополя в 1808 и 1809 годах»; в 1824 г. — «Похождения Хаджи-Бабы».

³⁵ 20 сент. 1828 г.

³⁶ Подполковник (позднее генерал) князь *Аргутинский-Долгоруков Моисей Захарович* (1797—1855) — участник Персидской, Турецкой и Кавказской войн. Ак-

тивно способствовал переселению армян с персидских и османских территорий в Армянскую область.

³⁷ *Ерусалимский Карапет Габриелович* (1796—?) — капитан, с 1816 г. служил в Ереванском карабинерском полку, участвовал в Персидской и Турецкой войнах, был членом Комитета по переселению армян с персидских на российские территории в 1828—1830 гг.

³⁸ Искаженное персидское «старые деньги».

³⁹ Немецкая мера длины, соответствующая русской маховой сажени (около 1,8 м).

⁴⁰ Чуть более 45 см.

⁴¹ Арагат — гора в совр. Турции в 30 км от границы с Арменией высотой 5137 м. По поверью, прибежище ковчега Ноя. Осенью 1829 г. с третьей попытки естествоиспытатель *Паррот Иоганн Фридрих* (*Иван Егорович*) (1791—1841) взлез на его вершину и оценил высоту.

⁴² К. Аделунг здесь употребил армянское название Арагац вулканической горы с 4 вершинами на территории совр. Армении высотой 4092 м. Далее (см. письмо № 16) он использует тюркское название — Алагёс.

⁴³ 106 см.

⁴⁴ Чуть более 3 м.

⁴⁵ 21 сент. 1828 г.

⁴⁶ Баязит (совр. Догубаязит) — турецкий город-крепость с преимущественно армянским населением; взят российскими войсками под командованием кн. Чавчавадзе 28 авг. 1828 г.; позднее почти месяц отражал попытки турецкой армии отвоювать его и был возвращен Турции 2 сент. 1829 г. по Адрианопольскому миру.

⁴⁷ 22 сент. 1828 г.

⁴⁸ Дворец существовал до 1914 г.

⁴⁹ К. Аделунг приводит древнеармянское название озера Севан (исток реки Раздан), называемого тогда по-азербайджански и по-курдски Гокча.

⁵⁰ Чуть более 60 м.

⁵¹ После штурма Эриван несколько дней подвергалась грабежам; об этом свидетельствуют приказы об их прекращении, отданные командиром ЛГ Сводного полка.

⁵² Пехотинец регулярной персидской армии.

⁵³ *Сухтелен Павел Петрович* (1798—1833) — сын генерал-инженера и дипломата голландского происхождения, в 1827 г. — начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса. Раненый и попавший в плен под Аустерлицем Сухтелен своей цитатой из Корнеля («Я юн, <...> но храбрости не грозит долголетие») привлек внимание Наполеона и стал героем полотна, размещенного в Тюильри (*Лотман Ю. М.* Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Об искусстве. СПб., 1998. С. 636—637). Осенью 1827 г. при взятии Ардебилля Сухтелен распорядился забрать из городской мечети библиотеку древних книг и рукописей Шах-Аббаса, пообещав ее вернуть по снятии копий. Библиотека вошла в фонды ИПБ. См. также прим. 18 письма № 11.

⁵⁴ Почти 20 кг, диаметром около 18 см.

⁵⁵ По желанию Паскевича главная мечеть Эривана, построенная турками в 1582 г., была переосвящена в православную церковь Покрова Пресвятой Богородицы, так как в день этого церковного праздника была взята городская крепость в 1827 г. (*Потто*. С. 808).

⁵⁶ 23 сент. 1828 г.

⁵⁷ В переводе 1946 г.: персов.

⁵⁸ В переводе 1946 г.: ждал.

⁵⁹ В переводе 1946 г.: сдаться.

⁶⁰ В переводе 1946 г.: четверг.

⁶¹ 25 сент. 1828 г.

{№ 16. Эриван 22 сентября 1828.}¹

Я хотел после моего письма № 15 от 18-го, в котором я сообщал о моем прибытии в Эриван, описать все дни до прибытия сюда, по крайней мере кое-что сообщить вам. Однако до сегодняшнего дня все еще не успел, т. к. все дни тут бегают туда-сюда всякие персы с визитами. Также и сейчас был тут один, однако это мне больше не мешает оттого, что время нашего пребывания здесь продлено до вторника,² так что я закончу это письмо завтра. Сначала говорили, что мы пробудем здесь 4 дня; наш отъезд был назначен на позавчера, но каждый день его откладывали, и еще не ясно, состоится ли он во вторник; но мы вовсе не расстроились, если б могли остаться и подольше, оттого что нам здесь очень нравится: особенно привлекательны здешние фрукты, которые в Персии превосходны. До сих пор я не встречал таких прекрасных дынь, персиков и винограда. Здесь много сортов винограда разных цветов; в частности, я ел здесь продолговатый розоватый с ягодой приблизительно полтора дюйма в длину.³ Он превосходен. Маме не нужно волноваться обо мне — я очень умерен во всем и вообще слежу за собой. Все находят что я, особенно после Тифлиса, поправился, и я сам чувствую это, так как одежда стала тесной. Я чувствую себя совершенно здоровым, и здешний климат, пользующийся дурной славой, мне — полезен. Последний раз я дошел в письме до 7 сентября (пятница), и теперь продолжаю.

{Пятница, 7-го.⁴ Утро прошло в хлопотах перед отъездом; проведя несколько часов в лавках, я пошел обедать к Грибоедову. Это был их последний обед в Тифлисе, и никого из чужих не было, обедали только родственники его жены. Было заметно, как ей, бедняжке, трудно; она в первый раз в жизни покидает родительский дом и Тифлис и идет навстречу, несомненно, нелегкой жизни: у нее не будет никакого женского общества в Тегеране, так как жена тамошнего доктора МакНила⁵ недавно уехала в Англию. В Таврисе она найдет нескольких англичанок, и я желаю ей и всем нам провести зиму там. Зима подходит, и **нам**⁶ предстоит очень трудное путешествие, если мы поедем в Тегеран, но это совершенно невероятно; у Грибоедова очень много дела в Таврисе, и мы не надеемся выехать в Тегеран раньше марта.

Наш отъезд из Тифлиса сегодня назначен⁷ на воскресенье.⁸} После обеда мне нужно было кое-что купить, и за сухарями мне пришлось поехать в Тифлисскую колонию⁹ (4 версты от города); за это я был вознагражден превосходными сухарями и даже более — пирогами. Как и все, здесь они дороги: мне пришлось заплатить 5 рублей за 10 фунтов.

{Суббота, 8-го.¹⁰ Рано утром пришел мой Семён, чтоб уложить мои вещи.} Тут я еще больше его оценил — он превосходно запаковал все менее чем за час. Я увидел, что в этом он знает толк. Он паковал¹¹ 7 лет непрерывно Мазаровичу, которому он прежде служил и который почти все время был в пути. Бреясь сегодня, я впервые не тронул усы, так как говорят, что в Персии это придает важности. {В 12 часов за мной прислал Грибоедов, так как до отъезда оставалось еще много дела. Он сам сегодня не обедал дома, а я к Ховенам опоздал, поэтому я должен был обедать в **трактире**¹²}, единственном в Тифлисе. Я нашел его довольно приличным и для дорогого Тифлиса вполне приемлемым, т. к. заплатил 1 рубль серебром. Вечером с Коцебу я пошел в последний раз в баню, т. к. волосяной мешок всегда убирает полдюйма с тела.

{Воскресенье, 9-го.¹³ Рано утром ко мне пришли пять имеретин, чтобы отнести мои вещи к Грибоедову.} Невероятно, чего только не приходится тащить с собой; в Тифлисе часто видишь полные бурдюки, или узкие мешки из овечьей шкуры, в которых держат вино и которые носят на спине. После прощания с Ховенами и поблагодарив за дружеский прием, я не без сожаления покинул этот дом, так как вряд ли увижу их снова в Тифлисе, — старый Ховен, вероятно, будет сенатором в Москве. {Я застал у **Грибоедова**¹⁴ много людей, пришедших с **ним**¹⁵ проститься. Так как экипажи должны были ехать по другой дороге, чем мы (дорога для верховых лошадей до Код на 15 верст короче), **мы**¹⁶ выехали на час позже. Наше общество состояло из Мальцова, Мирзы-Наримана (штаб-капитана и переводчика) и Ващенко, также переводчика; за нами следовали наши слуги. Когда экипажи Грибоедова подъехали к шлагбауму, заиграл в честь его отъезда полковой оркестр. Кроме двух колясок Грибоедова было еще две, из которых одна принадлежала его теще, **княгине**¹⁷ Чавчавадзе (которая провожает нас до Эривана), другая же была нанята провожавшими нас до Кодов. Длинный поезд замыкался значительным количеством всадников. После ожидания¹⁸ в течение нескольких часов в винограднике Кодов к нам присоединились, наконец, наши начальники. Множество экипажей и всадников сообщали поезду очень красивый вид.

Так как мы с самого утра не ели ничего, кроме винограда, нас стал слегка мучить голод: к тому же, выехав из Тифлиса раньше, мы не успели пообедать у Грибоедова.} К счастью, мы нашли в деревне баранину, из которой велели сделать <шашлык>. Это самое популярное блюдо у татар и персов: мясо режут на мелкие куски, насаживают на шампур и жарят на углях. Вкус превосходный. В Петербурге я вас этим угошу.

{Около 8 часов вечера прибыли наконец наши вьючные лошади с поклажей; нам поставили раскладные кровати под навесом, и, напившись чаю и насытившись превосходным пловом, приготовленным моим Семёном, мы легли спать. Грибоедовы заняли целую так называемую <саклю>; это было почти подземное жилище; снаружи, за исключением передней стены, не видно от этого дома ничего, так как все

остальное покрыто землей.} Спереди — крытое помещение, открытое с одной стороны, или, как наше, с трех сторон. Мы разделили комнату с нашими конями и спали в передней ее части. Этот вечер мы впервые ели по-азиатски: мы лежали на ковре под открытым небом и поглощали наш плов пальцами, которые мы очищали, вытирали о лаваш (хлеб в виде лепешки); по правде, очищали не начисто); луна освещала эту странную компанию. Я многое бы дал, чтобы показать это вам. Путь из Тифлиса в Коды не дает ничего интересного.

{Понедельник, 10-го.¹⁹ В пять часов утра мы встали. Пока упаковывали наши вещи, мы напились чаю, после чего отправились в путь.} Не доезжая деревни, лежали 400 пленных турок из Карса и Ахалкалака с признаками чумы, хотя они и прошли полный карантин в Гумрах.²⁰ Ради безопасности мы пронесли мимо них галопом. Путь до реки Храм проходит почти непрерывно по равнине без особых красот; на обочине около 9 часов мы остановились, разожгли костер, на котором Семён сделал нам <шашлык>. Этот <шашлык> и грузинское вино подкрепили нас, и через несколько минут отдыха мы снова были верхом.

{Около 2-х часов мы прибыли в деревню <Шулаверы>, которая находится в 25 верстах от Кодов; вскоре сюда приехали и Грибоедовы с княгиней, остальные расстались с Грибоедовым в Кодах.} Шулаверы лежат живописно между гор, на двух вершинах которых сохранились руины старых замков. В центре деревни — заброшенная крепость; виноградники окружают ее. Прежде чем прибыл багаж, мы насладились прекрасным виноградом. Ах, если бы я мог вам послать бочонок такого винограда!

{После того как пришел наш багаж, и были разбиты палатки, мы сели за работу. Мы готовили почту в Тифлис и в Таврис. Только в 6 часов вечера был готов обед. Мы обедали в палатке, на земле, не исключая и обеих дам. Я познакомился здесь с молодым врачом **Умисса**,²¹ которого Сипягин до приезда в Эриван прикомандировал к Грибоедову. Мы целый вечер беседовали с ним о Петербурге, где он прожил несколько лет. Ночевали мы в палатках; их было четыре; в одной спали Грибоедовы, в другой княгиня, в третьей Мальцов и я, в четвертой Мирза-Нариман и Ваценко.

Вторник, 11-го.²² Напившись чаю и запаковав вещи, мы **поскакали**²³ дальше. Грибоедов проехал с нами 15 верст верхом. Около одного ручья в кустарниках мы сделали привал и позавтракали; завтрак наш, как и всегда, состоял из шашлыка. Нам предстояло сегодня проехать 40 верст, поэтому на полдороге мы остановились на <Сомийском> посту, который состоит всего из нескольких комнат. Грибоедовы остались в коляске; мы расположились на траве,} где оставались недолго; ливень загнал нас в дом. {Около 3-х часов **тучи рассеялись**,²⁴ и мы поехали дальше.} Местность отсюда до горы Акзибиюк очень приятная — здесь много леса, в котором можно встретить красивые платаны; яблони и груши, увешанные плодами, и земля под ними тоже усея-

на ими. Груши довольно сносные, хотя дикие; яблоки, напротив, были несъедобны. Чтобы подняться на гору Аквибиюк, нужно пройти вверх три версты; дорога вьется петлями, что делает ее более пологой. На вершине нас настиг сильный холод, так что и в пальто я мерз. Чтобы добраться до казачьего поста, носящего название горы, не нужно с нее спускаться, т. к. плато за перевалом лежит высоко. Был холодный, дождливый и оттого неприятный вечер; мы немного согрелись в постели, и крепкий сон возместил нам все.

{Среда, 12-го.²⁵ Утром мы увидели, что все покрыто инеем, так как ночью был сильный мороз. Нам предстояло в этот день проехать до Джелал-Оглу²⁶ 20 верст;} дорога туда почти ровная, {и мы в пути сделали привал} на речке в одной армянской деревне; {едва мы сошли с лошадей, как несколько священников пригласили нас к себе, чтобы нас угостить,} но так как мы отказались, то они принесли нам на завтрак курицу, яйца, кислое молоко и виноград, за что мы добрым людям дали 4 рубля сер. {Когда Грибоедов подъехал, они вышли ему навстречу с **крестом**,²⁷ в облачении; Грибоедов дал им дукат, и **мы** поехали дальше.} Они подошли и к нам, когда мы расположились на завтрак. Мы сказали, что принадлежим к свите Грибоедова, и таким образом избавились от них. На отрезке пути до Джелал-Оглу мы увидели массу скворцов, которые время от времени опускались среди стада. Мальцов и Мирза Нариман подстрелили около 10 штук — было странно смотреть, как появлялись несколько ястребов, тогда скворцы поднимались в воздух, разделились и выделявали в воздухе разные маневры; иногда они сбивались так плотно друг к другу, что казались единой массой; мы смотрели на них довольно долго, пока они, преследуемые своими врагами, не скрылись вдали, после чего мы поскакали дальше.

Недалеко от крепости Джелал-Оглу течет речка, которая носит то же имя и течет между очень высоких скалистых берегов; деревянный мост ведет на противоположный очень крутой берег. {Джелал-Оглу — **небольшая**²⁸ крепость с госпиталем на 400 коек.} Летом 1826 г. персы осадили крепость, но через 3 недели сняли осаду, хотя крепость защищала лишь одна рота с одной пушкой. {Мы пообедали здесь на европейский лад, но без дам, так как они обе чувствовали себя нехорошо, у мадам Грибоедовой болели зубы. После обеда я долго разговаривал с Грибоедовым, он многое рассказал мне о положении в Грузии. Я слушал его с удивлением и **сожалением**.²⁹ Жаль, я не могу³⁰ этим поделиться, так как **хочу быть по возможности**³¹ осторожнее. Остальной день мы провели в палатках за беседой и очень рано улечься спать.}

[13 сентября.]³² Четверг 24 сент. 1828.³³

Только что Грибоедов передал мне письмо Александра от 4-го (понедельник);³⁴ из него я вижу, что не хватает почты, т. к. у меня нет сообщения о приезде из Ревеля мамы и Александрины; а из этого письма я вижу, что их ждут уже из Павловска в Петербург. Т. к. у Грибоедова

тоже не хватает той же почты, то надеюсь, что это письмо не потеряется; было бы хорошо, если б Александр в будущем адресовал конверты Грибоедову; возможно, так я получал бы письма надежнее. Я благодарю Александра за все его сообщения и надеюсь, что он будет и дальше посылать их. Сегодня не буду писать Александрине, так как хочу продолжить свой дневник — мы завтра точно выезжаем.

{Четверг, 13-го.}³⁵ Мы хотели сегодня посетить руины старой столицы Армении — Лори,³⁶ которые лежат в нескольких верстах от дороги, но потом отказались, так как пришлось бы делать длительную остановку и взбираться на тяжелый подъем Безобдала.³⁷ Как ни жаль мне, но я не мог это сделать один, т. к. не рекомендуют ездить без сопровождения. После того как поднимаешься на не очень высокую гору, попадаешь на равнину с постом Гергер, в 7 верстах от Джелал-Оглу. Это расстояние невелико оттого, что здесь идет подъем, который трудно преодолеть. По дороге я увидел, спустя продолжительное время, березы³⁸ и рябины, которые перенесли меня в Россию. Эта местность расположена так высоко, что эти чужаки здесь встречаются; они стоят одинокие и покинутые среди дубов и платанов. «Везде хорошо, а дома лучше», — думают, разумеется, они.

У подножия Безобдала мы спешились и поели наш обычный шашлык и снова отправились в путь и поднялись на Безобдал. Я не могу представить себе такого трудного перевала: иногда путь был так крут, что невозможно было идти; идешь 3 версты то по лесу, то по пустоши — непонятно, как сюда было доставлено осадное орудие прошлым летом. До этой горы персы в 1826 г. сопровождали Меншикова,³⁹ когда он возвращался из Персии, — он здесь встретил первых русских солдат. Как только начинаешь спускаться с этой горы, открывается прекраснейший вид: справа и слева — красивые долины вдоль реки, и возвышается во всей своей красоте высокая, сплошь заросшая гора. Осень украсила кусты самыми пестрыми красками; все оттенки зеленого, красного и желтого играли друг с другом наипрекраснейшим образом. После того как мы спустились, дорога пошла полого; спустя несколько верст повстречали татар, которые гнали ослов, груженных дынями и арбузами; мы их остановили, купили самые лучшие и насладились дынями с большим аппетитом.

{В три часа приехали мы в **Кишляки**,⁴⁰ где был назначен ночлег. Вскоре после нас прибыли и Грибоедовы. Они **велели впрячь**⁴¹ в коляски 5 пар быков и **мулов**⁴² и **благополучно преодолели перевал Безобдал**.⁴³ **Ели мы сегодня снова по-азиатски, в палатке**,⁴⁴ **а вечером мы беседовали с 4 <чиновниками> до двух ночи.**} Обычно мы останавливаемся в палатке Ваценко, хотя и очень маленькой, но теплой, т. к. в палатке Мальцова много входов и прорезей, как в большинстве персидских палаток. Вечерами все закрываешь, тепло одеваешься и спишь хорошо. Ночами, как поясню дальше, я защищен от холода: во-первых, я одеваю свою шерстяную куртку, своей архалук (шелковый

стеганный халат), и после этого укрываюсь пикейным одеялом, пальто на подкладке и буркой. Голову защищает моя красная турецкая шапочка или ермолка и мой башлык (шапка, которая покрывает голову, шею и плечи). И так я сплю, не шевелясь (это почти невозможно), но очень хорошо. Этой ночью мне мешали шакалы, спящие стаями вокруг и плачущие, как дети. Вначале я пугался, т. к., просыпаясь, не мог понять, где я; однако, совсем проснувшись, я вспомнил об этих животных и потом больше не думал о них.

Пятница 14.⁴⁵ Наш путь сегодня вел по долине вдоль речки Абаран в направлении поста Хамамлы, или, как русские пишут, Амамлы. Приблизительно на полпути, где долина сильно сужается, стоит разрушенный монумент отважному офицеру Монтресору⁴⁶ — к сожалению, разрушенному два года назад персами. Куча камней указывает его прежнее положение. Князь Цицианов⁴⁷ послал его в 1805 г. из лагеря под Эриваном со 100 солдатами и пушкой в Тифлис за провиантом; персы напали на него в этом ущелье и уничтожили всех солдат — остался он один, но, когда он увидел безнадежность своего положения, он кинулся к пушке, и ему удалось самому сделать 3 выстрела, но заряды кончились, он обхватил пушку и был на ней изрублен. Его имя известно во всей Грузии и служит ему памятником, что простоит долго и нерушимо. Так как расстояние до станции составляет 21 версту, то уже в 11 мы добрались до Хамамлов и разбили палатки в поле за деревней. Наш день прошел как обычно.

Суббота, 15.⁴⁸ Очень рано холод разбудил меня, несмотря на все принятые предосторожности. Мы поднялись в темноте. Когда стало светать, мы увидели, к удивлению, что все горы покрыты снегом, и едва мы проехали версту, как густой снег окутал нас. Снежинки были такие большие, что вся земля побелела, и мы попали в зиму, и в таких условиях мы проделали 40 верст; местность была неинтересная, холод и снег испортили нам настроение, и молча мы пролагали путь. Наконец, в 4 часа мы прибыли в татарскую деревню Гюллиджа. Мы попросили устроить нам здесь жилье, которое, как и везде, было под землей, и согрелись хорошей порцией плова и чаем. Так как мы находились под крышей, от холода мы не страдали. Также и Грибоедовы ночевали не в палатках, а в комнатах.

{Воскресенье, 16-го.⁴⁹ Мы проезжали сегодня те места, где в прошлом году было пролито много крови.} В частности, место, где Красовский был разбит 17 августа 1827 г.⁵⁰ Ваценко, который был переводчиком у этого генерала, рассказал мне много об этом времени. В месте, где тогда 2 месяца находился лагерь,⁵¹ мы ели наш шашлык. {Объехав одну гору, увидели мы **древний**⁵² Арарат во всей красе.} Солнце осветило его седую вершину так, что сделало его невероятно прекрасным; на его вершине я увидел углубление, в котором, говорят, находился ковчег Ноя. Вид этой горы пробудил во мне смешанные чувства: мне

трудно представить, что я действительно вижу святой Арарат. До сих пор я смотрю на него каждый день и наслаждаюсь его красотой.

{Мы разделились здесь на три партии: Грибоедов поехал **в деревню Аштарак**,⁵³ от которой до Эривана две станции, так как эта дорога удобней для колясок. Мальцов и Мирза-Нариман поехали прямо на Эчмиадзин, который на 15 верст дальше; мы с Ваценко поехали **в деревню Егварт**,⁵⁴ которая отстоит от Эривана на 15 верст, туда же **ранее** был направлен и наш багаж.} Я выбрал этот путь, т. к. все мои вещи были во вьюках, и в Эчмиадзин я решил поехать из Эривана, т. к. это в двух агачах, или 14 верстах отсюда. К сожалению, этого не случилось, и теперь я очень жалею, что упустил случай.

Неподалеку от Егварта, который по-армянски означает масличная роза, на одном холме находится старое армянское кладбище, что позволяет предположить, что когда-то здесь был город. Тут довольно крупные памятники, с большим мастерством высеченные из камня; к сожалению, надписи плохо видны; наш кассир и фактор Дадашев не смог их разобрать; на некотором расстоянии стоит еще полусвод церкви с высеченным в камне крестом. Удивила церковь в самой деревне — как говорят жители, она была построена в IX в.; ее древний облик и большое количество подобных церквей в этих местах подтверждают это предположение. Внутри церкви — высеченные в камне украшения, но без надписей; здесь еще проходят порой службы, но она пустует. Сама деревня почти уничтожена персами; нам показали комнату в башне, в которой ночевали Мазарович и Меншиков и которая была предназначена для гостей — она была теплой и чистой, и в ней был портрет (гравюра на меди) Артемия Араратского;⁵⁵ я хотел ее купить для Александра, однако хозяин не продал. Здесь, в Эриване, я приобрел другой его портрет, который пошлю при следующей okazji.

Понедельник 17.⁵⁶ В 6 часов мы отправились по дороге в Эриван. Я смотрел на восход солнца и любовался великолепием Арарата. Все еще было в тени, когда его вершина уже осветилась. Потом осветилась и гора напротив — Алагёс,⁵⁷ а потом и остальные горы. Путь от Егварта до Эривана очень трудный, так как на дороге — сплошные камни. Эриван можно заметить, только приблизившись к нему почти вплотную, но вокруг него — сады; тополя, персиковые деревья и виноградники. Кроме того, здесь растет, как и в Грузии, неизвестное дерево: оно очень напоминает иву, и на нем мучнистые сухие плоды, которые похожи на маленькие финики и имеют похожий вкус. Татары называют их егда;⁵⁸ говорят, они своим действием противоположны вареным сливам. Множество каналов орошают эти сады; они часто пересекают дорогу. Под стенами крепости течет Занга, у которой здесь быстрое течение. По обе стороны — высокие скалистые берега, каменный мост с четырьмя пролетами, который очень стар и ведет на противоположный берег, где находятся крепость и город. Внутри крепости — дворец прежнего сердара Гусейн-хана, а ныне он сердар Хорасана,⁵⁹ собор, который был

прежде мечетью и до сих пор имеет минарет и много других зданий, в которых сейчас разместились разные административные учреждения. Сам город совершенно не укреплен; его вид не представляет ничего привлекательного, т. к. все дома расположены во дворах, а улицы кривы и имеют только голые стены по обе стороны.

Это первый персидский город, который я вижу; мне все здесь в новинку; мы ехали верхом к Мухаммад-хану, который был при персидском правлении сартибом, или бригадным генералом; он остался в Эриване и теперь член местного правительства. Тем временем наши люди отыскивали указанное нам пристанище. Ваценко познакомился с Мухаммад-ханом в прошлом году и представил ему меня; тот был очень любезен, и через Ваценко мы обменялись вежливостями. Его комната находилась наверху дома, т. к. свою обычную квартиру из двух комнат он предоставил Грибоедову. Мы сидели по-персидски на коврах, и он просил меня не стесняться и располагаться удобно. Маленькие разноцветные оконные стекла делали комнату приятной и веселой — они всего лишь 2 дюйма шириной и 4 высотой и, наверное, нужно несколько сотен для одного окна; особенно для среднего, которое обычно имеет высоту комнаты и шириной 10 футов. Он предложил нам завтрак, поданный на большом нарядном круглом блюде; завтрак состоял из фруктов, свежего масла и сыра, который похож на сыр Кноппа,⁶⁰ и персидское кислое молоко, которое густое как масло и превосходно на вкус. Все это мы ели, сидя на полу, без ножей и вилок. Мне очень понравилось у хана — он веселый, забавный и пьет вино и коньяк, как европеец. Мы отправились затем в отведенное нам помещение, куда вскоре прибыли вещи и Мальцов с Мирзой Нариманом из Эчмиадзина. Помещение состояло из трех комнат — одну занял Мальцов, вторую заняли мы втроем, а третью — наши люди. И в этих комнатах также были цветные окошечки; окна выходили, как обычно, в сад, в котором росли только фруктовые деревья. Едва мы устроились, как нас посетил сартиб и пригласил на ужин, что мы и приняли с благодарностью.

В 7 вечера мы отправились к нему. Мы нашли там стол и стулья. На столе стояли два роскошных блюда с разными кушаньями: плов, долма (рис, горох и всякие разности, завернутые в виноградные листья, плавающие в растопленном масле). Кроме того, стояли две вазы с шербе-том, несколько бутылок вина и в маленькой вазочке сладкий, очень хороший сироп из винограда. Во время трапезы играл музыкант-татарин, который пел под цитру, а точнее, кричал; для азиатских ушей этот ужасный шум, по-видимому, служит музыкой, но мне это было не по вкусу. Grimасы певца украшали всю картину. Но за столом было весело; когда сартиб услышал, что я родственник Амбургера,⁶¹ он обнял меня и сказал, что я ему как сын, т. к. и Амбургер ему как сын. Я поблагодарил его за эту честь. Каким бы приятным и интересным ни был этот вечер, я был душевно рад уйти, и мои уши нуждались в тишине.

Пока на этот раз это все, уже поздно, я еще ничего не упаковал, а мы завтра утром едем в Таврис, куда мы прибудем, вероятно, в понедельник, 1-го октября; я сразу при первой возможности напишу оттуда тебе; но до этого пройдет 14 дней, но вы не должны беспокоиться обо мне. Вирстам, Шерерам и Коцебу — привет и мое почтение, Александрина, Александру, Мэтью и К. Коцебу я напишу из Тавриса. Я здоров и доволен. И желаю вам того же. Маму и Александрину сердечно целую. КА

Понедельник 24-го.⁶² День, о котором мало можно сказать. Как до, так и после полудня работали над документами; то небольшое время, что у меня было, я использовал для дневника; у Грибоедова я познакомился с членом армянского правительства,⁶³ который расхваливал все в этой стране; только он жалуется, что государство не поставляет хороших палок для солдат; они не столь эластичны, как в России. Мне для составления мнения о нем⁶⁴ этого было достаточно, чтобы оценить его как филантропа, или, словами Мэтью, как палкотропа. Таких людей посылают в новые провинции, чтобы они нам нравились.

{Вторник, 25-го.⁶⁵ Мы встали с постелей рано, чтобы все уложить и навьючить на лошадей.} Добрый Бернарден де Сен-Пьер составил мне компанию в это время. В этой местности не так, как у нас: господам нельзя ни до чего касаться, если они хотят быть оценены высоко. При этом мне живо припомнились упаковка и хозяйственные дела при переезде в Павловск: как все были заняты, и как все делалось быстро, а здесь все нужно предоставлять слугам. Еще счастье, если они умеют паковать искусно, так что на них можно положиться; {так как буфетчик Грибоедова перебил почти весь фаянс и стекло, а новую посуду придется долго ждать, Грибоедов просил меня уступить ему моего Семёна, что я сделал охотно, хотя и знал, что такого слугу найти будет очень трудно. Вместо него я нанял одного грузина. К 10 часам мы были приглашены к князю⁶⁶ Чавчавадзе на прощальный завтрак. Он был персидско-грузино-русским и длился почти 2 часа; мадам Грибоедова видалась в последний раз с родителями; она была заметно огорчена: в первый раз расстается она с матерью и покидает ее для того, чтобы следовать за мужем в страну, которая не обещает ей общества и развлечений. В 12 часов расстались мы с Чавчавадзе и Грибоедовыми, чтобы раньше выехать в дорогу.} Путь вел нас влево от крепости прямо к Арарату; земля была почти вся обработана и покрыта именно теми растениями, которые все были мне неизвестны; особенно интересны поля, занятые хлопком. Хлопок в коробочках уже довольно зрелый; и я думаю, тут есть два сорта — высокий и поменьше. Тот, который высаживают здесь, относится к последнему, он едва высотой 2 фута; кроме того, я увидел здесь первые рисовые поля и сезам, масло которого здесь используют часто. Это то самое растение, которое мы вырастили из египетского семечка.

Мы проехали 3—4 деревни, которые находятся неподалеку от крепости, в нее крестьяне в опасное время скрываются с пожитками. Сами крепости пусты, и у них только единственный маленький вход; более печального зрелища, чем персидская деревня, трудно представить: одни глиняные стены и плетни; в комнатах даже нет окон во двор; свет падает через отверстие в потолке. Посреди пола находится круглое отверстие шириной в 2 фута и около 4 футов глубины, которое служит очагом. Дым выходит через отверстие в потолке; сады, которые окружают деревню, позволяют заметить ее с большого расстояния; кроме этого, никакой зелени не видно. В почти бесконечных равнинах, прерываемых иногда голыми горами, сады смотрятся приятно. {В пять часов вечера достигли мы **Камарлу**,⁶⁷ наполовину армянской, наполовину татарской деревни, которая находится на расстоянии 4-х **агачах**⁶⁸ от Эривана.} Раньше там жили только татары, но с тех пор, как армяне в большом числе прибыли сюда из Азербиджана, осенью невозможно стало размещать их иначе, как распределяя по деревням; это привело, конечно, к недовольству, однако ситуация сохранится такой и до весны, когда им обещают выделить новые места для проживания. {В южной части деревни находились два довольно приличных дома, из которых один был предназначен для Грибоедовых, другой для нас; в обоих не было окон; а так как в нашем не было и передней стены, то мы и были как будто под открытым небом}, но под теплым персидским небом, и хотя к утру холодает, однако в это время года сухо. {Коляски прибыли вслед за нами. Чавчавадзе провожали дочь до первой, не доезжая **одного агача**⁶⁹ от⁷⁰ Эривана, армянской деревни; в деревенской церкви они выслушали обедню и простились. Перед нашим **домом**⁷¹ росло несколько тополей и верб, которые делали вид очень приятным. Вечером мы поужинали с Грибоедовым, который пришел к нам, а потом **я лег**⁷² спать}, закутавшись одеялом так плотно, что не мог пошевелиться.

{26-го, среда.⁷³ От **Камарлу**⁷⁴ до **Садарака**⁷⁵ 5 агачей. В 4 часа утра мы должны были покинуть наш лагерь, чтобы **отправить**⁷⁶ вьючных лошадей.} До 9 часов утра мы были заняты и не могли даже присесть, так как расстеленные ковры были очень грязные. Наконец, все отослали, и мы могли присесть. Ахмет-хан, которого я часто упоминал, провожал нас из Эривана и расположился в палатках за деревней. Мальцов ехал верхом в сторонке, чтобы пострелять дичь, которой здесь невероятное количество: дикие утки, гуси, чибисы (схожи с <куропаткой>), только намного красивее, и много мне не известных птиц. Однако, по неизвестной причине, он ничего не подстрелил.

Большую часть пути до привала я проделал один, сопровождаемый татаринном, и этот путь показался мне очень долгим, т. к. после двух печальных деревень по пути нет ничего, что могло бы развлечь. Вначале мы забавлялись невероятным количеством ящериц, непрерывно перебегающих дорогу; трудно вообразить их число. Я заметил два вида

при выезде из станции: большие (5—6 дюймов) и некрасивые, серые; один вид похож на наших ящериц, а другой особенно нехорош: широкая плоская голова и бесформенное широкое тело;⁷⁷ мне кажется, ее изображение я видел у Бертуха; и оба вида очень проворны. К концу пути мы снова были вместе со всеми.⁷⁸ {Здесь мы увидели курдов, которые ожидали Грибоедова, чтоб его приветствовать. Их вождь был весь в **шелках**⁷⁹ и к тому же очень красив}. Лучшее изображение этого костюма я видел в книге «Путешествие по Персии» Джонсона.⁸⁰ Оно удивительно верное. {Для Грибоедова **были разбиты палатки**⁸¹ **в чем-то**⁸² вроде сада (если так можно назвать зеленую площадку с несколькими фруктовыми деревьями). Мы выбрали себе комнату, которая была попросторнее и почище.} Татарская деревня Садарак находится в нескольких агачах от Аракса; персидское правительство заставило старейшин деревни перебраться в Персию, что они сделали за несколько дней до нашего прибытия; но неподалеку переправы через Аракс их догнали наши, которые помешали уйти и вернули их. Мы нашли деревню пустой; ни души было видно; имущество они забрали с собой; только было много самана⁸³ (резаная солома), чем здесь кормят скот, — они его не смогли забрать с собой; я посетил несколько домов: все пусто и разрушено. В этой деревне нас нагнал врач, который должен сопровождать миссию до Тавриса. Это молодой человек из Эстляндии, его зовут Мальмберг,⁸⁴ так как мы оба немцы, мы сразу с ним познакомились; и Ревель — нередкая тема наших бесед. С первой минуты знакомства мы все время вместе и, как мне кажется, взаимно понравились друг другу.

Сегодня был очень хороший обед; все были особенно разговорчивы, много смеялись и после обеда добрый час болтали. Вскоре после обеда Ахмет-хан позвал нас к себе в палатку; некоторые из нас пошли туда, среди них и я; мы провели здесь целый вечер; подавали сладости, а потом и ужин, который состоял из плова и жареных на вертеле перепелок; из блюд мне особенно понравились перепелки, которых нам приносили все на новых и новых вертелах, мы поглощали их с аппетитом. Кислое эриванское вино служило для провозглашения взаимных тостов. В одном углу палатки сидел певец и еще татарин, который играл на тамбурине; время от времени один и даже два танцовщика развлекали нас на площадке максимум в 4 фута. Для меня это был интересный вечер, поистине персидский; все сидели на коврах; кальян, мундштук во рту; до 10 часов мы просидели так; время прошло быстро.

Когда мы вернулись к себе, мы нашли полковника Ренненкампа, который прибыл сюда с Малого Арарата,⁸⁵ с нашей границы с Персией, которую он вместе с П. Коцебу отмежевывал. Он прибыл, чтобы поговорить с Грибоедовым. Мне было очень приятно встретить немца из Эстляндии; мы проговорили долго и отправились спать. От него я узнал, что Павел Коцебу лежит в Нахичеване⁸⁶ большой с температурой. И, как я ни радовался встрече, меня огорчило известие о болезни.

{Четверг, 27-го.⁸⁷ От **Садарака**⁸⁸ до **Карачамана**⁸⁹ 4 агача.} Сегодня нам дали немного отдохнуть и разбудили только в 6 часов. {Пока упаковывали наши вещи, я пошел с Ренненкампом пройтись по деревне.} Великолепный Арарат придавал виду нечто приятное, а все кругом было однообразно и печально. {Сегодня мы были все вместе, вместе с Грибоедовыми. Едва мы выехали из деревни, как курды и персы (приблизительно 50—60 человек вместе с персами, которых Ахметхан взял с собой из Эривана) начали различные игры.} Носились туда и сюда, преследовали и стреляли, и все это исполняли на наших глазах. В какой-то момент мы оказались среди этих парней; камешки и пыль летели в лицо, глаза и рот наполнились пылью, от пыли потек нос; наконец, остановились; коляски нас скоро догнали, и мы сделали <привал> для завтрака. Ренненкампф покинул нас вскоре за Садарак, чтобы вернуться в Малый Арарат, где он должен ждать персидского комиссара Мирзу Масуда.

{Мы с доктором Мальмбергом выехали раньше, так как оба не были голодны. Проехав около агача, мы встретили до 100 человек курдов и персов, которые, как представители магала (магал — округ, включающий около 50 деревень и обычно имеющий свое собственное имя), называемого **Шурутом**,⁹⁰ изъявили желание принять Грибоедова. При въезде в деревню **Норашен**⁹¹ нас догнали остальные в сопровождении по крайней мере 500 человек; так вошли мы в деревню. Грибоедов с женой заняли две комнаты в разрушенном караван-сарая; нам отвели помещение в самой деревне. Сопровождающие расположились лагерем за деревней. Мадам Грибоедова сегодня нездорова и не обедала с нами; однако это не помешало нам веселиться. После обеда мы немного отдохнули от путешествия, а потом пошли к Грибоедову в палатку, которая была разбита во дворе караван-сарая; мы встретили здесь Ахмет-хана; нам подавали чай с соком граната и ромом; последний особенно понравился хану; он отпивал немного чаю, беспрестанно доливая стакан ромом. После его ухода мы посидели еще часок у Грибоедова, который нам рассказал много интересного.} Едва мы вернулись в свой дом, к нам прибыл фараш⁹² (слуга) от Ахмет-хана с приглашением на ужин. Мы нашли его в его палатке совершенно пьяным. Персидский ужин с жареными перепелками на вертеле и музыка нас развлекли. Однако мы решили долго не задерживаться: хан заснул, и мы тихонько удалились, так что он и не заметил.

Пятница 28.⁹³ От Норашена до Киврага 4,5 агача.

Продолжение последует сразу.

¹ Письмо перфорировано для окуривания.

² Ближайший вторник — 25 сент. 1828 г.

³ Почти 4 см.

⁴ 7 сент. 1828 г.

⁵ См. прим. 20 к письму № 12.

⁶ В переводе 1946 г.: вам.

⁷ В переводе 1946 г.: назначен твердо.

⁸ 9 сент. 1828 г.

⁹ Единственная городская колония швабских немцев в Грузии. Тогда — в пригороде Тифлиса, ныне — в черте города. Там поселились 30 семей ремесленников; их земельные наделы были меньше, чем у сельских колонистов, но и они развели сады и виноградники, выращивали картофель (новую культуру в Грузии), держали молочное хозяйство.

¹⁰ 8 сент. 1828 г.

¹¹ В переводе 1946 г.: паковал вот уже.

¹² В переводе 1946 г.: ресторане.

¹³ 9 сент. 1828 г.

¹⁴ В переводе 1946 г.: у него.

¹⁵ В переводе 1946 г.: с нами.

¹⁶ В переводе 1946 г.: они.

¹⁷ В переводе 1946 г.: кн.

¹⁸ В переводе 1946 г.: нашего ожидания.

¹⁹ 10 сент. 1828 г.

²⁰ Гумры — город совр. Армении в 250 км на юго-запад от Тбилиси, в 65 км от Карса. Тотчас после взятия Карса 23 июня 1828 г. среди турецких пленных и раненых появилась чума, принесенная подкреплениями, пришедшими из Арзерума. Срочно всех пленных турок отправили в Гумры, но 27 июня появились и заболевшие русские. Санитарные меры, принятые по требованию Паскевича, были признаны европейскими медиками образцовыми для того времени (см.: *Черкасов*).

²¹ В переводе 1946 г.: Омисса. *Умисса Иван Иванович* (до 1803 — между 1836/1850 гг.) выпущен лекарем из ИМХА в 1824 г.; с этого же года его имя появилось в Российских медицинских списках; в них же с 1826 г. стал фигурировать и лекарь *Умисса Фома Иванович* (1804 / 1808—1875). Оба брата-врача трудились в Крыму, на Кавказе, в Бессарабии, так что точно указать, кто из них сопровождал миссию, затруднительно.

²² 11 сент. 1828 г.

²³ В переводе 1946 г.: поехали.

²⁴ В переводе 1946 г.: рассвело.

²⁵ 12 сент. 1828 г.

²⁶ Джелал-Оглу (совр. Степанаван) — одноименные село и крепость. Последняя была стратегически важным пунктом, т. к. здесь находилась речная переправа, открывающая путь из Лорийской степи (Персия) в Грузию. Сюда, обманув охрану, удалось вырваться посольству А. С. Меншикова в 1826 г.

²⁷ В переводе 1946 г.: свечами.

²⁸ В переводе 1946 г.: незначительная.

²⁹ В переводе 1946 г.: огорчением.

³⁰ В переводе 1946 г.: не могу с тобой.

³¹ В переводе 1946 г.: должен быть как можно.

³² Дата зачеркнута К. Аделунгом.

³³ Эта вставка, которая возвращает из описания путешествия Тифлис — Эриван, сделанного во время пребывания в этом городе, для К. Аделунга прошла не гладко: поставив текущее число получения петербургской почты (24 сент., понедельник), он оставил день недели описываемого в письме дня путешествия — 13 сент.

³⁴ Письмо А. Ф. Коцебу от 4 авг. 1828 г.

³⁵ 13 сент. 1828 г.

³⁶ Крепость Лори в Мешкинском округе находилась рядом с разрушенной в XIV в. древней армянской столицей, давшей название Лорийской степи. Ханы этого округа принесли присягу России в янв. 1827 г. (*Потто*. С. 565, 641).

³⁷ Хребет Безобдал лежит на юге Лорийской степи; до 1826 г. — пограничный с Бомбакской провинцией Персии (*Потто*. С. 565).

³⁸ Березовая древесина высоко ценилась в Закавказье: еще в начале XX в. стоимость ее равнялась с сосновой; с высокогорья ее поставляли в густонаселенные долины.

³⁹ Из Тегерана через Тебриз посольство А. С. Меншикова проехало благополучно, но в Ереване их удерживали под арестом почти 6 недель. Меншикову удалось дать знать англичанам, английский посол потребовал их освобождения у шаха. В Джелал-Оглу посольство, ненадолго оторвавшееся от своего персидского конвоя, упорно направлявшего его к турецкой границе, встречали русские казаки, направленные Ермоловым (*Потто*. С. 563).

⁴⁰ В переводе 1946 г.: деревню Коишлак. На картах вплоть до середины XIX в. множество населенных пунктов закавказских территорий обозначены без их названий как «Киш.», «Кишляки» или «Кишлак». Одно из подобных селений, расположенное на полпути от Караклиса к Амамлам (Хамамлам) в Бомбакской провинции на границе с Эриванским ханством, полностью было разорено курдами в самом начале войны, 28 июля 1826 г. (*Потто*. С. 572).

⁴¹ В переводе 1946 г.: впрягли.

⁴² В переводе 1946 г.: буйволы.

⁴³ В переводе 1946 г.: были очень счастливы, что добрались до.

⁴⁴ В переводе 1946 г.: Обедали мы опять по-азиатски, в палатках.

⁴⁵ 14 сент. 1828 г.

⁴⁶ *Монтрезор Иосиф Антонович* (1767—1804), потомок графа Бурдейла де Монтрезора. Погиб с отрядом в 124 человека Тифлисского мушкетерского полка в бою против 48-кратного по численности противника, доставляя продовольствие осаждавшим Ереван войскам Цицианова. Памятник возобновлен и существует.

⁴⁷ *Цицианов Павел Дмитриевич* (1754—1806), участник Турецких и Польских войн, с 1802 г. — главнокомандующий в Грузии. Своим решительным и последовательным администрированием переломил ситуацию в Грузии и за ее границами (договорами присоединил Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства), силой оружия ломал сопротивление горских народов; войска под его командой взяли персидские крепости Ганджу и Баку, где он был убит и расчленен 8 февр. 1806 г. во время церемонии сдачи крепости. Тридцать лет спустя после его убийства английские дипломаты-восточники считали его «единственным правителем, заложившим достойные, мудрые и прочные основания русскому владычеству...» (см.: *Толстой*. С. 889).

⁴⁸ 15 сент. 1828 г.

⁴⁹ 16 сент. 1828 г.

⁵⁰ *Красовский Афанасий Иванович* (1781—1843) в конце войн с Наполеоном был в звании генерал-лейтенанта. Прибыл на Персидскую войну вместе с Паскевичем, но, не поладив с ним в качестве начальника штаба Кавказского корпуса, стал командиром 20 пехотной дивизии. Движение 3-тысячного отряда Красовского на помощь Эчмиадзину, осаждаемому 30-тысячной армией Аббас-Мирзы, привело к потере более половины отряда, ранению генерала, но и снятию осады с монастыря. Паскевич, поспешивший к Еревану, осудил решение Красовского, но Николай I, несмотря на отрицательный отзыв командующего, наградил Красовского (*Потто*. С. 670, 707—711). После взятия Еревана Красовский стал первым военным губернатором Армянской области, но был быстро смещен Паскевичем за то, что помогал

провиантом голодающим армянским переселенцам из Персии, а не отсылал его весь в армию, которой приходилось продовольствоваться из Тифлиса.

⁵¹ Башарабанская возвышенность.

⁵² В переводе 1946 г.: старый.

⁵³ В переводе 1946 г.: через Ачтарак. Селение известно несколькими российско-персидскими сражениями. В сент. 1808 г. армия Гудовича под Аштаракком победила персидскую. 17 авг. 1827 г. непрерывный многочасовой бой, ведшийся отрядом Красовского при движении к монастырю Эчмиадзин, получил название Аштаракского.

⁵⁴ В переводе 1946 г.: через Тугварт. Егварт — армянский город V в., пришел в упадок от многочисленных войн и завоеваний; население в 1830 г. — менее трех сотен человек.

⁵⁵ *Артемий Арапатский* (1774—1831) — армянский писатель и общественный деятель, получивший образование в Санкт-Петербурге. Его первая книга 1813 г. «Жизнь Артемия Арапатского» впервые на русском языке знакомила с общественно-политической ситуацией в местах проживания армян.

⁵⁶ 17 сент. 1828 г.

⁵⁷ Алагёз (совр. Арагац) — название горы с 4 вершинами, по которой проходила российско-персидская граница до начала Второй персидской войны.

⁵⁸ Егда — зизифус, или лох, — плодовое растение сем. крушиновых.

⁵⁹ Хорасан — древняя, богатейшая и культурная область Персии, ныне части ее расположены в Иране, Афганистане, Таджикистане и Туркменистане. В то время представляла собой множество плодородных долин, отделенных друг от друга горными кряжами на пространстве между Индией и Туркестаном. Долины населяли арабские, иранские и туркменские племена. Здесь находится один из религиозных центров шиитов (могила имама Ризы). Лишившись Эриванского ханства, преданный шаху Гусейн Казвани Девелу Каджар получил достойную компенсацию в экономическом плане, но трудно управляемую область из-за ее этнической и географической раздробленности.

⁶⁰ *Кноп Христопор-Иоганн* (1788—1864), уроженец Нарвы, купец 3-й гильдии.

⁶¹ Амбургеры — многочисленный купеческий род, торговавший в XVIII и XIX в. в Санкт-Петербурге и Архангельске. В начале XIX в. представлен уже и государственными служащими: генерал-майором *Амбургером Федором Карловичем (Фридрихом)* (1790—1859), служившим на Кубанской и Кавказской линиях; дипломатом *Амбургером Карлом Федоровичем* (1815—1879), сделавшим карьеру от переводчика в консульствах Эрзерума и Бейрута до консула в Галаце. Здесь упомянут *Амбургер Андрей Карлович* (1794—1830) — с 1818 г. — сослуживец Грибоедова по секретарской работе у консула Мазаровича; в 1826 г. встречал посольство А. С. Меншикова в Тегеране. В 1828 г. — коллежский советник, генеральный консул в Тебризе. Подобно многим, служившим на Кавказе, узнав о гибели миссии, посчитал неизбежным ответные военные действия России и, не дожидаясь приказа из Санкт-Петербурга, покинул Тебриз, за что получил выговор Нессельроде (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 45—48 об.). Много лет, как и Грибоедов, страдал от малярии и вскоре скончался в Персии.

⁶² 24 сент. 1828 г.

⁶³ Впервые после взятия Еревана и Карса для управления соответствующими административными единицами (пашалыками) были организованы комитетские правительства, куда входили и представители местного населения. Непривычная эта мера вызвала недовольство офицеров Кавказского корпуса, привыкших к единоначалию исполнительной власти (*Муравьев-Карский Н. Н.* Первое взятие рус-

скими войсками города Карса (июнь 1828 года) // Русский Архив. 1877. Кн. 1. С. 350—351).

⁶⁴ В сформированное при А. Г. Чавчавадзе в марте 1828 г. Эриванское областное правление от военных входили подполковник Н. И. Кошкарёв (комендант крепости), майор В. Медокс и полковник Хомутов (см.: *Тунян*. С. 83). Капитан Кошкарёв был сослан на Кавказ в февр. 1826 г., после суда и почти 5-летнего заключения как командир первой из взбунтовавшихся в окт. 1820 г. рот ЛГ Семеновского полка. За Персидскую кампанию он выслужился до подполковника. Судя по тому, что разжалованный декабрист П. П. Коновницын служил под началом Кошкарёва, а не разжалованный декабрист А. С. Гангеблов был назначен им эриванским плацмайором, маловероятно, чтобы Кошкарёв был палкотропом (*Гангеблов*. С. 170).

⁶⁵ 25 сент. 1825 г.

⁶⁶ В переводе 1946 г.: кн.

⁶⁷ В переводе 1946 г.: Камарту. Совр. город Арташат в Армении.

⁶⁸ В переводе 1946 г.: верст.

⁶⁹ В переводе 1946 г.: одной версты.

⁷⁰ В переводе 1946 г.: до.

⁷¹ В переводе 1946 г.: квартирой.

⁷² В переводе 1946 г.: легли.

⁷³ 26 сент. 1828 г.

⁷⁴ В переводе 1946 г.: Камарту.

⁷⁵ В переводе 1946 г.: Цадарака. Садарак — река (приток Аракса) и одноименное древнее село на территории нынешней Нахичеванской автономной республики Азербайджана. Находится неподалеку от совр. Ирана, Турции и Армении. Место боевых действий в Персидскую войну.

⁷⁶ В переводе 1946 г.: приготовить.

⁷⁷ Возможно, К. Аделунгу не приглянулась одна из обитающих в Армении круглоголовок (семейство Агамовых), облик которой отличен от обычных обитателей Северо-Запада — прытких ящериц.

⁷⁸ В переводе 1946 г.: При выезде со станции мы все собрались ненадолго.

⁷⁹ В переводе 1946 г.: шелку.

⁸⁰ Не удалось установить иллюстрированную книгу о Персии Джонсона, однако, возможно, тут слутан автор. До настоящего времени не утратил справочной ценности двухтомник с 87 гравюрами К. Портера «Путешествие в Грузию, Персию, Армению и Древний Вавилон» 1821—1822 гг., явившийся результатом путешествия, инициированного в 1817—1819 гг. директором Публичной библиотеки А. Н. Олениным.

⁸¹ В переводе 1946 г.: была разбита палатка.

⁸² В переводе 1946 г.: где-то.

⁸³ К. Аделунг приводит буквальный перевод с тюркского — саман = солома; сегодня под словом *саман* понимают строительную композицию на основе глины и соломы.

⁸⁴ Лекарь *Мальмберг Франц Август* (1800—1829) присутствует в Российском медицинском списке только в 1828 г. (с. 131 2-й паг.). Сын ревельского литейного мастера Йенса Мальмберга; учился в Ревельской Г убернской гимназии в 1814—1816 гг. Не позднее 1822 г. — казеннокоштный воспитаник Московского отделения ИМХА. Возможно, до этого вместе со своим старшим братом Вильгельмом работал помощником фармацевта в Ревеле. По результатам экзаменов вошел в 3-е (слабейшее) отделение выпускников академии 1827 г. и как казеннокоштный студент был направлен ординатором военного госпиталя в Старую Руссу, в то время бывшую закрытым городом, центром военных поселений Новгородской губернии (Военно-

Медицинский журнал. 1827. Ч. X. № 1. С. 145). Возможно, был командирован на Кавказ вместе со 2-й Уланской дивизией или 7-м Карабинерным полком, входившими в структуру военных поселений. Из писем Грибоедова известно, что ординатор ереванского военного госпиталя Мальмберг должен был сопровождать посольство от Еревана до Тегерана, куда предполагал прибыть желаемый Грибоедовым опытный доктор Александр Семашко из Астрахани (ПСС. С. 252, 224—226).

Во время Персидской и Турецкой войн последний раз в русской истории проявилась острая нехватка врачей, для ликвидации которой провели не только досрочный их выпуск из учебных заведений, но и их массовую зарубежную вербовку (Прейсман А. Б. Московская медико-хирургическая академия. М., 1961. С. 77—78).

Франц Мальмберг погиб с оружием в руках во время нападения на посольство в Тегеране 30 янв. 1829 г., избегнув, возможно, схожей участи во время бунта военных поселен в Старой Руссе летом 1831 г., во время которого погибли не только почти все врачи, фармацевты, но и лекарские ученики (см.: Богданов Л. П. Военные поселения в России. М., 1992. С. 71—73). Уместно заметить, что семья профессора-археолога, второго директора музея Изыщных искусств, умершего от недоедания в Москве буквально у порога этого музея, Мальмберга Владимира Константиновича (1862—1921), считала ординатора Ф. Мальмберга одним из своих предков (см.: Дружиловский Л. Б. Главный хранитель. СПб., 2011. С. 8—10).

⁸⁵ Малый Арарат — меньшая из вершин двух вулканов; по Туркманчайскому договору, в этой точке сходились границы России, Турции и Персии; Большой Арарат отошел к России.

⁸⁶ Нахичеван — древний (XVI в. до н. э.) армянский город, ныне — в составе Азербайджана. По Туркманчайскому договору, Нахичеванское ханство (сателлит Персии) перешло к России и образовало вместе с Эриванским ханством Армянскую область. Во время вступления в Нахичеван российской армии 26 июня 1827 г. крепость сдалась без боя, а город представлял собой развалины с 5 тысячами жителей (Потто. С. 672—673).

⁸⁷ 27 сент. 1828 г.

⁸⁸ В переводе 1946 г.: Цадарака.

⁸⁹ В переводе 1946 г.: Курачина. Совр. Курачин — центр Шаумяновского района непризнанной Нагорно-Карабахской республики.

⁹⁰ В переводе 1946 г.: Шаруром. Совр. Шарур — древний (VII в.) город со смешанным армяно-азербайджанским населением, после присоединения к России стал уездным городом Эриванской губ., ныне в составе Азербайджана.

⁹¹ В переводе 1946 г.: Нурамин.

⁹² Фарах — по-персидски ковер; также — низший слуга или в армии — обозный служитель.

⁹³ 28 сент. 1828 г.

№ 17. Таврис, 15-го октября 1828.¹

{С воскресенья 7-го² мы находимся здесь, в столице Азербиджана; путешествие из Тифлиса сюда берет 6 или 8 дней, иной раз даже 4, нам же потребовалось на него 4 недели, в чем виноваты болезнь добрейшего Грибоедова, его жена³ и две коляски. Я не пишу о поездке из Эривана сюда, о жизни в Эриване и в Таврисе, о двух аудиенциях у Аббаса-Мирзы и так далее. Обо всем этом расскажет мой дневник (если я посмею так его назвать). Я пользуюсь командировкой в Тифлис од-

ного офицера, которому я передам эти строки. Не рассчитывайте на регулярное получение от меня известий; я смогу использовать только курьеров и случайные возможности, которые я, конечно, не упущу — это я могу обещать с уверенностью. Я в Персии, и мое трехлетнее желание наконец исполнилось. Не знаю почему, но все, что я до сих пор увидел и узнал в этой стране, говорит мне многое; но самое замечательное из того, что я здесь видел, это, без сомнения, сам Аббас-Мирза; трудно себе представить, в каком угодно другом лице, что-либо более **располагающее**.⁴ Но обо всем этом подробней сообщит в ближайшее время мой дневник.}

С поиском монет дело идет чрезвычайно успешно. Я купил здесь уже около 300 (трехсот) монет, которые стоят около 30 дукатов. Эта сумма включает также 20 резных печатей, в том числе и талисман. Я надеюсь, что цена не слишком высока. Резные печати, которые тебе не нужны, возьмет мадам К. М.⁵ Завтра я попрошу у Грибоедова 50 #⁶ и буду вести точный счет, а затем буду продолжать собирать. Пока мне приносят монеты в дом ежедневно. И так как эти люди думают, что я могу быть им полезен, они стараются; один армянин старается особенно — большая половина идет от него.

Поскольку говорю о деньгах, я пользуюсь случаем попросить кое-что, из-за чего спадет камень с моей души. Ты знаешь, что первоначальное устройство всегда дорого, я ничего не взял с собой для хозяйства и должен делать покупки здесь. Так, например — постель, кровать и многое другое. Кроме того, устройство каждой квартиры требует ковров; необходим кальян и многое, что стоит больших денег. Иванов,⁷ который едет в Санкт-Петербург, уступает мне свои вещи, которые здесь необходимы, и я обещал ему, что ты в Санкт-Петербурге отдашь ему деньги, т. к. я не могу заплатить, я и так задолжал Мальцову за путешествие в Тифлис 600 руб. Других средств я не вижу, т. к. мне приходится просить у Грибоедова для покупок. Если это невозможно сделать, то мне придется тратить свой капитал.

Я с нетерпением жду твоего решения — могу тебя заверить, что ни один дукат напрасно на ветер не бросаю. К сожалению, в Персии, как известно, много значения придается показному — список с ценами прилагаю, и я желаю от всего сердца этому списку удачи.

У меня нет слов, чтобы поблагодарить вас за ваши письма, последнее из которых от 10 сентября. Также отсутствующую почту от 28 августа я тоже получил. Я не знаю, чем заслужил эту любовь, которую вы мне выказываете своими письмами. И я стараюсь ее заслужить, и Бог свидетель тому. Я не мог сдержать слез радости; и каким счастливым я себя чувствовал, хотя и в разлуке с вами — я не могу описать. Всегда бы такие письма — и я всем доволен буду. К сожалению, я снова не могу написать Александрине; Грибоедов посылает с завтрашним курьером бумаги, которые нужно еще написать; в частности, один документ дяде Андрею,⁸ которым Паскевич, по словам Грибоедова, очень дово-

лен. Через П. Коцебу я посылаю Фрицу⁹ прекрасный персидский кинжал. Этот кинжал я нашел в Нахичеване; П. Коцебу прикомандирован ко 2-й армии и уезжает из Тифлиса в ближайшее время; в Тифлис он возвратился 2 недели назад. Всем, кто меня любит, — сердечный привет из Персии. Николая¹⁰ поздравляю с днем рождения. Небольшой подарок последует в ближайшее время, как и всем остальным небольшие подарочки от твоего вечно благодарного сына КА.

Я не могу найти свою папку с письмами, поэтому это письмо без №.

- Сабля, которую я забыл взять с собой — 80
- 6 ковров — 250
- Кровать с матрасом и проч. — 30
- Кальян — 100
- 2 большие подушки, которые кладут к стене — 30
- Стеклянная посуда — 70
- Кухонная посуда — 40
- 2 скатерти — 35
- Новый черный фрак и панталоны — 175
- Шуба или <тулуб>¹¹ для поездки — 80
- Новый черный сюртук — 120

Итого 1000 руб. ассигнациями.¹²

¹ Письмо перфорировано для окуривания.

² 7 окт. 1828 г.

³ В переводе 1946 г.: жены.

⁴ В переводе 1946 г.: захватывающее.

⁵ Возможно, это Коцебу Мими. «Мими» — домашнее имя *Коцебу Вильгельмины Фридрики* (1812—1853), дочери Августа Коцебу от 3-го брака, с 1832 г. — жены будущего контр-адмирала *Крузенштерна Пауля* (1809—1881) и невестки И. Ф. Крузенштерна.

⁶ Наверное, 50 дукатов, т. к. жалованье дипломатам выплачивалось в этой валюте.

⁷ Секретарем консула в Тебризе *Иванов Илья Архипович* был назначен 8 мая 1828 г.; а уже 30 окт. 1828 г. он просил об увольнении (ПСС. С. 269—271); 9 нояб. 1828 г. Грибоедов предложил перевести «ревностного чиновника Иванова» на службу к Паскевичу, на место Шаумбурга, а последнего определить секретарем консульства к Амбургеру (ПСС. С. 277—279). По-видимому, это предложение не было принято, и 13 нояб. 1828 г. Иванов получил открытый лист для следования из Тебриза в Санкт-Петербург. В 1829 г. в штате МИД Иванов отсутствует. В МИД служили и его два брата: в Стамбуле помощником секретаря посольства в 1828 г. трудился коллежский ассессор Павел Архипович, а в Смирне генеральным консулом в 1830—1840 гг. был Федор Архипович.

⁸ Генерал Георг Раль 5-й.

⁹ Старшему брату, Ф. Ф. Аделунгу.

¹⁰ Младший брат Николай родился 23 окт. 1809 г.

¹¹ Не тулуп (как в письме № 4), а «тулуб».

¹² В своих письмах К. Аделунг не выглядит расчетливым. В письме № 10 он сообщил о покупке снаряженного коня за 240 рублей, в письме № 13 — о потраченных на походную экипировку и одежду 734 рублях; в письме № 17 — о 1000 рублей

на хозяйственные товары и одежду. Однако о схожих суммах сообщает более опытный (не годами, а испытаниями) декабрист *Пуцин Михаил Иванович* (1800—1869), участвовавший и в Персидской, и Турецкой кампаниях. Когда после тяжелейшего ранения под Ахалцыхом 15 августа 1828 г. Пуцин чудом через полгода поправился и просил об отставке, Паскевич, пользовавшийся его советами и трудами 2 года, отказал. Пуцин объяснил, что воевать по-солдатски у него нет сил, а нанять слугу, приобрести экипаж, лошадей, палатку и прочие удобства у него нет денег. Тогда главнокомандующий пожаловал ему безвозмездно тысячу червонцев (около 12 тысяч руб.), на которые поручик Пуцин обзавелся хозяйством и экипировкой (*Пуцин М. И.* Рассказ Михаила Ивановича Пуцина // *Русская Старина*. 1887. Т. 41, кн. 2. Стб. 325).

№ 18. Таврис, 30 октября 1828.¹

Сердечная благодарность за ваши письма, как я радовался, когда получил их — нет слов. Особенно меня обрадовало письмо мамы — я признаюсь, что читал его совершенно растроганным — Боже мой! Каким счастливым я себя чувствовал — меня так любят отец, мать, братья и сестра. У меня так часто бывали поводы быть недовольным собой. А теперь все забыто! Дай Бог, чтобы я заслужил эту любовь. Недостатка желаний в этом нет. Вы простите мне, если я до сих пор не отослал вам свой дневник. (Он сейчас в Шуше.) Со дня нашего отъезда у нас очень много дел, но я напишу обязательно, когда только смогу. Я пользуюсь сегодня курьером, который завтра отправится через Хой в Тифлис. Если будет время, то напишу маме и Александрине; что касается проповедников в колонии, с которыми я познакомился в Грузии, то ты прав в своем мнении о них, особенно что касается старшего пастора Залтета, с которым я редко бывал вместе и был осторожен, общаясь с ним, так как он мне не понравился. Однако о пасторе Вёре в Элизабеттале я могу сказать только хорошее, и знакомство с ним я отношу к самым приятным, которые я имел. В нем не было ничего, что можно бы сказать о Залтете, Зарембе и прочих; с ним можно было рассуждать обо всем, и также в своих простых проповедях он никогда не выказывал себя миссионером; да и он часто говорил мне о Зарембе, и это не в пользу последнего. В эти дни я напишу Вёру и также Мензенкампу, чтобы сообщить хорошие новости о сборе пожертвований. Я тебе послал адрес последнего; ты, надеюсь, вышлешь деньги ему.

Слава Богу, пришли наконец вести от Фрица — могу себе представить, как беспокоилась мама; Бог даст, он вернется покрытый славой. У меня здесь для него персидский кинжал, который я хотел послать через Пауля Коцебу, но не сделал этого, т. к. не знал, куда его направят; и сейчас я отдаю его Иванову и надеюсь, вы сохраните его до okazji к Фрицу, или сам Фриц получит его в Петербурге. Иванов берет с собой и монеты, которые мне посчастливилось собрать в Тавриси; до сих пор я купил почти на 100 дукатов и надеюсь, что они в Петербурге будут стоить вдвое дороже.² О потраченных деньгах, а также количество

и точный расчет по каждой отдельной посылке я прилагаю в письме, приложенном к монетам.

{Теперь о нашем дальнейшем персидском путешествии. Через 4 или 5 дней мы едем в Тегеран. Мадам Грибоедова остается до нашего возвращения здесь, так как путешествие в это время года было бы для нее слишком тяжело; нашей же резиденцией остается, к счастью, Таврис. Шах ожидает только приезда в Тегеран министра, после чего уезжает на некоторое время в Исфахан. Подумай о моей радости; наше посольство, по всей вероятности, будет его сопровождать, и я увижу этот знаменитый город.} И так как это почти случилось, и будет Богу угодно, может, поедем и в Шираз,³ и в Персеполь.⁴ Может быть, мы вернемся из Исфахана в Таврис, и я снова окажусь в этой интересной местности, и в Хамадане⁵ — настоящем кладезе здешних древностей и монет.

{Кроме этой поездки, предвижу в будущем еще одну: Грибоедов и Завелейский⁶ (Тифлисский вице-губернатор) передали императору план Закавказской экономической и торговой компании,⁷ которая, вероятно, будет **учреждена**,⁸ так как и Паскевич⁹ написал об этом императору; если это произойдет, то Грибоедов пошлет меня в будущем году в Кашмир,¹⁰ чтобы там закупить шерсть и пригнать овец.} Сейчас все идет согласно моим желаниям, и я могу считать себя счастливым, однако путешествие в Исфахан пока секрет, и я сообщаю вам о нем, но вы не должны ни с кем об этом говорить, пока я не напишу что-то определенное. Александрина может, во всяком случае, сообщить об этом Ене, т. к. я знаю, какое большое участие она принимает в моих делах.

{По прибытии в Тегеран Грибоедов немедленно представит нас в кавалеры персидских орденов,¹¹ о чем он нам уже объявил. Как это будет прекрасно, когда персидский кавалер будет рассказывать в Петербурге о своем путешествии в Таврис, Тегеран, **Исфахан**,¹² Шираз, **Персеполь**,¹³ **Хамадан**,¹⁴ Кашмир и т. д.¹⁵} Я так часто мечтаю, как буду рассказывать вам о своих приключениях, и когда я просыпаюсь, то вижу, что они только начинаются, однако до сих пор все шло по моему желанию, и продолжает идти также. До сих пор мне не на что было жаловаться: здоровье, начальник, товарищи, служба — все так, как только можно пожелать.

{Дяде Гарри¹⁶ я, конечно, напишу из Тегерана; так как Грибоедов состоит с ним в официальной переписке, как с начальником пограничной стражи, я смогу воспользоваться этим обстоятельством.} Однако степь Муган¹⁷ занимает большую часть этого ханства, и Ленкоран (новая крепость) вряд ли будет чем-то впечатляющим. Я отдаю с Ивановым маленький подарок Николаю — если даже он запоздает, то удовольствие ему доставит. Его изготовили здесь, в Тавресе. Позднее последуют еще некоторые мелочи вам — я экономлю для этого деньги и очень прошу не беспокоиться и не оплачивать их, — я радуюсь этому. Из Тегерана, может, пошлю еще шали. И под конец еще одна просьба — выписать мне через Грефа¹⁸ следующие книги: 1. Перевод 1001 ночи Га-

бихта;¹⁹ 2. Французский Хаджи-Баба.²⁰ 3. Разные переводы персидских поэтов.²¹ 4. Персидскую грамматику Джонсона (на английском).²² Расходи я, возможно, смогу возместить здешними приобретениями. Если что-то из этих книг можно получить уже сейчас, то это было бы хорошо. Эти книги и другие вещи, которые не захотел пересылать Департамент,²³ мог взять бы на себя наш комиссионер Булгарин.²⁴ Все же обычный путь намного предпочтительней. Всем, кто меня помнит, — сердечный привет; от ленивого Мэтью я уже ничего не ожидаю — у него ведь есть известия обо мне, а ему я уже не пишу. Также Кактусу мой привет и пожелание плодородия. Вечный твой сын КА.

¹ Письмо перфорировано для окуривания.

² Сомнительно, что расчеты К. Аделунга оправдались, т. к. контрибуционное золото, большая часть которого поступала в виде монет, сортировали, и монеты, имевшие нумизматический интерес, выделяли и продавали коллекционерам. В это время в Санкт-Петербурге нумизматический рынок был рынком покупателя (см.: *Спасский*. С. 146—147).

³ Древний (XX в. до н. э.) город на юге Персии, в 60 км от Персеполя, средневековый культурный центр, был столицей Персии в XVIII в. Центр садоводства, виноградарства, хлопководства и рисоводства.

⁴ Древний (2,5 тысяч лет) город на юге Персии.

⁵ Город в одноименной провинции Персии, с 3-тысячелетней историей, столица Мидийского царства. Расположен на половине пути из Тегерана в Багдад.

⁶ *Завелейский Петр Дамианович* (1800—1843) — один из способных чиновников-экономистов и финансистов польского происхождения. После успешно исполненной таможенной ревизии на западной границе, он прибыл в Тифлис в начале 1828 г. и стал начальником Тифлисской казенной палаты. Его способности, бескорыстие и знание местной специфики ценил тесть Грибоедова — А. Г. Чавчавадзе. С июля 1829 г. по янв. 1832 г. Завелейский — гражданский губернатор Тифлиса в чине действительного статского советника Его карьера прервалась в 1832—1835 гг. в связи с расследованием националистического заговора грузинских дворян 1830—1832 гг. Позднее занимался переселением крестьян в Западную и Восточную Сибирь, входил в Совет министра финансов.

⁷ План Грибоедова—Завелейского представляет собой химеру частной экономической инициативы (в стране с зачатками гражданских прав) и монопольных привилегий, гарантированных государством. Подобный симбиоз в это время уже уверенно вел к сокращению прибыльности Российско-Американской компании.

⁸ В переводе 1946 г.: основана.

⁹ План организации экономики Закавказья Ф. И. Паскевича вытекал из определения министром финансов Е. Ф. Канкриним Закавказья как колонии России (см.: *Зубов*. Ч. 1. С. 1). Этот план не содержал положений плана Грибоедова—Завелейского.

¹⁰ Провинция и город на северо-западе Индии, лежит на «шелковом пути» в долине, окруженной горами. До XIX в. — независимое государство. Древнейший центр земледелия, садоводства, животноводства и ткачества.

¹¹ Грибоедов исполнил обещание: накануне планировавшегося отъезда посольства из Тегерана оба его секретаря получили от шаха по ордену Льва и Солнца 2 степени с бриллиантами и по две шали (*Das Ausland*. 1830. 19.X. № 292. S. 1166).

¹² В переводе 1946 г.: Исфahan.

¹³ В переводе 1946 г.: Персеполис.

¹⁴ В переводе 1946 г.: Хомазан.

¹⁵ Здесь К. Аделунг подыгрывает бытовавшему представлению о дипломатах: «Секретарь посольства! Боже, как это хорошо звучит! Как это наряжает и причесывает в обществе молодого человека! Каким ореолом это украшает мечтательную голову! <...> Оставим в стороне людей с серьезным образованием, людей дела и труда; но кто не знает, каким вообще порядком текут дни молодого секретаря посольства. Спи себе до полудня; переписывай к почте бумажку, другую; а затем романы в книгах и жизни, визиты, катанья, обеды, вечера в посольствах, зеленые столы, курьерские поездки...» (*Барсуков Н. П.* Драгоман // Русский Архив. 1886. № 10. С. 214).

¹⁶ Генерал Георг Раль 5-й; здесь дядя Андрей превратился в дядю Гарри. После истребления посольства в янв. 1829 г. война с Персией считалась неизбежной: уверенные в возникновении второго фронта у русских турки осадили недавно ими утраченный Ахалцых, а в Талышское ханство вторгся его прежний правитель Мир-Хассан-хан (*Потто*. С. 929).

¹⁷ Равнина на западе Каспия, между реками Араксом и Курой.

¹⁸ *Греф Вильгельм* — книготорговец иностранной литературой в Санкт-Петербурге в 1807—1840 гг. Его магазин располагался на углу Невского и Адмиралтейского пр. К помощи Грефа регулярно прибегали сотрудники ИАН (см.: СПФ АРАН, ф. 5, оп. 1-1827, № 262).

¹⁹ Книга «1001 ночь» является либо сборником ближневосточных легенд, либо французской литературной мистификацией, публиковавшейся Галланом в 1707—1717 гг. Немецкий перевод, сделанный с псевдовосточной рукописи, публиковал Габихт в 1826—1843 г.

²⁰ Хаджи-баба — герой нескольких романов английского писателя и дипломата Дж. Мориера, ставшего популярным в России благодаря вольным переводам Сенковского. Французские переводы вышли в Париже в 1813, 1818, 1820 гг. Имя героя стало нарицательным: в сообщении немецкой газеты о гибели миссии в Тегеране корреспондент, отдавая дань исключительным познаниям посла Грибоедова, замечает, что он мог бы дать фору Дж. Мориеру (*Beilage zur Allgemeinen Zeitung*. 1830. 29.I. № 29. S. 115).

²¹ Просьба эта свидетельствует о незнании К. Аделунгом персидского языка; и, возможно, о его намерении начать изучение, имея подстрочники. Однако выполнить его просьбу было бы непросто: отдельные русские переводы с персидского персидских поэтов стали появляться в журналах только после 1818 г. Возможно, помочь в этом К. Аделунгу мог бы *Ботьянов Иван Васильевич* (1802 — после 1866), сын молдавского дворянина, однокашник К. Аделунга по Санкт-Петербургской Губернской гимназии и один из первых выпускников УОВЯ, переводивший персидских поэтов всю свою жизнь. В 1825 и 1826 гг. он опубликовал в «Азиатском вестнике» свои переводы из Джамии. Летом и осенью 1828 г. драгоман И. В. Ботьянов был на русско-турецком фронте под Варной переводчиком и наблюдателем при размене пленных.

²² Ошибка К. Аделунга. *Джонс Вильям* (1746—1794) — английский лингвист и полиглот, знаток восточных языков. Первый указал на связи европейских языков с санскритом. Этим вопросом горячо интересовался и Ф. П. Аделунг. «A grammar of the Persian language» много раз переиздавалась в Лондоне в 1771—1828 гг.; последнее французское издание вышло в 1845 г.

²³ Департамент Азиатских дел — одно из подразделений МИД.

²⁴ *Булгарин Фаддей Венедиктович* (1789—1859) — беллетрист и предприимчивый издатель. В 1820—1830-е гг. регулярно публиковал в своих изданиях «Север-

ная Пчела» и «Северный Архив» востоковедческие материалы, в том числе А. С. Грибоедова и И. С. Мальцова. Друг и многолетний корреспондент Грибоедова; выполнял множество его поручений, включая денежные займы.

{№ 19. Таврис, 3-го ноября 1828.¹}

Дорогой отец!

Я пользуюсь отъездом Иванова, чтобы отослать монеты и резные камни, которые собрал здесь, в Таврисе. Одновременно я прошу также принять его, по возможности, хорошо; я знаю, что он и без моих просьб будет принят хорошо, т. к. он привезет самые свежие новости обо мне и сможет рассказать, как я здоров и доволен. И все же я считаю необходимым попросить, поскольку он сам не может расположить к себе. Ты позволишь мне напомнить, в связи с этим, о деньгах, которые я должен ему за купленные у него вещи, и я не придумал другого способа расплатиться, чем этот. Я думаю, что лучше всего ему заплатить из моих 1500 рублей; я очень прошу отдать ему эти деньги как можно скорее, т. к. он очень в них нуждается. Я понимаю, что для тебя этот платеж будет затруднителен, но мне ничего не остается другого. Вещи были мне необходимы, а денег у меня не было.

{Теперь о **купленных монетах**.² На каждом пакете указана цена **вложенных монет**:³ я их не сортировал, но так и завернул, как их покупал; мне было трудно достать денег на эту покупку, я просил у Грибоедова 100 р., чтобы заплатить за **монеты**;⁴ но хотя он сам сейчас стеснен в деньгах, однако все же обещает достать мне денег сегодня. **Мне пришлось эту сумму занимать у многих**.⁵ Булгарин, наверное, лучше знает, как перевести сюда деньги; лучше всего, если бы мне ежегодно была назначена сумма для покупок этого рода. Здесь много чего можно купить, а если границы расходов не обозначены, то я не могу остановиться. Что, если бы граф Нессельроде⁶ испросил бы у императора особую сумму на 2—3 года для таких расходов?⁷ Это было бы лучше всего. 4 или 5 тысяч рублей в год — и я бы приобрел прекрасные вещи. За мизерные деньги я мог бы послать людей в Хамадан и Керманшах,⁸ и они бы приобрели на эти деньги редкие и, возможно, единственные в своем роде экземпляры. К сожалению, я вынужден сейчас остановить свои покупки, т. к. для этого мне не хватает денег. Вчера мне принесли еще одну печать, которую я не смог купить — оттиск с нее я прилагаю; — и такое происходит ежедневно. Антики⁹ я могу получать в большом количестве, и я думаю, что их можно было бы выгодно продать в Петербурге. С нетерпением жду ответа на это письмо и с болью смотрю в будущее — когда мне принесут монеты и камни, которые я не смогу купить. Я могу точно сказать, что я мог бы ежегодно приобретать несколько тысяч монет, — эта посылка может быть пробной для моего будущего собирания; я надеюсь, что там находятся и несколько раритетов.

Иванов возьмет следующие вещи в Петербург: 1. Два пакета монет. 2. «Жизнь Фетх-Али-шаха»,¹⁰ изданную в Тавризе, — для Восточного института;¹¹ 3. Кинжал для Фрица; 4. Кольца для Николая; 5. Пакетик с розовым маслом, которым я прошу пользоваться; 6. Персидское зеркало для Мими Коцебу.¹² Все это я запечатал печатью миссии, чтобы не открывали при досмотре в карантине. Я б с удовольствием послал подарки всем, но мне не хватает вещей для этого. Я еще соберу кое-что и воспользуюсь следующей оказией.

Мне очень жаль, что все еще не могу послать вам свой дневник — мы отправили отсюда много курьеров и много работали; кроме того, здесь у нас проходной дом, так что если я и займусь чем-то, то мне мешает шум. Во всяком случае, дневник придет позднее. Послезавтра¹³ мы отправляемся в Тегеран, и, если угодно Богу, то оттуда — в Исфахан. Я буду использовать каждого курьера. Прощайте и думайте о вашем Карле. Прилагаю еще несколько вещей, купленных вчера. КА

9 ноября.¹⁴

Мы не выедем раньше, чем через 14 дней, по причинам, о которых говорится в письме Александру. Я прилагаю еще несколько монет. Каждый день появляется что-нибудь, но я, к сожалению, покупаю немного.

¹ Письмо перфорировано для окуривания.

² В переводе 1946 г.: купленной мяте.

³ В переводе 1946 г.: вложенной мяты.

⁴ В переводе 1946 г.: мяту.

⁵ В переводе 1946 г.: Мне нужна эта сумма на многие расходы.

⁶ *Нессельроде Карл Васильевич* (1780—1862) — министр иностранных дел России в 1816—1856 гг. Во время его министерства существовала практика согласования с АН программ сбора экономических, исторических, географических и культурологических сведений для отъезжающих в восточные страны миссий. В авг. 1828 г. Конференция АН откликнулась на горячий призыв академика Х. Д. Френа, мечтавшего о расширении коллекций возглавляемого им Азиатского музея АН и воодушевленного созерцанием первых доставленных с турецкого фронта знамен, и приняла постановление: «О выдаче инструкций отъезжающим с дипломатическими миссиями на Восток предписаний <...> чтобы из библиотек тех городов, покорившихся в продолжении текущей войны российскому оружию, приобретаемы были все арабские, персидские и турецкие рукописи — за исключением Корана и сочинений, до магометанской веры относящихся — в особенности же исторические и географические сочинения и даже учения латинские, сирийские...» При этом как на прецедент указано было на составленный востоковедом О. И. Сенковским список из 500 книг «важнейших исторических и географических творений арабской и персидской литературы», включенный в условия мирного договора с Персией (СПФ АРАН, ф.1, оп. 2-1828, № 23, л. 48—50).

⁷ В это время ежегодные ассигнования на покупки для нумизматического отдела Эрмитажа (личного императорского музея) составляли 3 тысячи рублей.

⁸ Провинция на юге Персии, населенная курдскими племенами; там ныне проходит ирано-турецкая граница.

⁹ Древнегреческие и римские монеты, коллекционированием которых занимался Ф. П. Аделунг. Императрица Мария Федоровна приобрела у него часть кол-

лекции для своего собрания в Павловске. Позднее вся его коллекция была продана в Эрмитаж.

¹⁰ *Фетх-Али-Шах* (1772–1834), второй шах из династии Каджаров, правил с 1797 по 1834 гг. В русскоязычной литературе традиционно представлен как патологически корыстный, непоследовательный и слабый правитель.

¹¹ Очевидно, так Аделунги называли Учебное отделение восточных языков Азиатского департамента МИДа, открытое 29 мая 1823 г.; начальником его с 26 авг. 1825 г. был Ф. П. Аделунг. Особой заботой начальника был поиск для УОВЯ современных книг и документов на арабском, персидском, турецком языках для усвоения учащимися живых, а не только классических форм этих языков.

¹² Из 14 детей драматурга А. Коцебу, достигших взрослости, лишь три девочки: погодки *Амалия Софи* и *Элизабет Эмилия*, старшие сестры П. Е. Коцебу и младшая сестра Фрица Коцебу — в 1828 г. 16-летняя *Вильгельмина Фридерика*.

¹³ 5 нояб. 1828 г.

¹⁴ 9 нояб. 1828 г.

№ 20. 29 ноября 1828г. Таврис.¹

На этот раз вы надолго останетесь без вестей от меня, хотя я не пропустил ни одной оказии, которая появлялась после отъезда из Тифлиса. 30 октября я написал тебе и маме письмо под № 18; а 31 октября — Александрине; 2 октября² эти письма отправились с одним офицером вместе с большим количеством официальных бумаг. Теперь граф Паскевич пишет Грибоедову, что он уже долго не имеет от него сообщений — или этот курьер потерял все бумаги, или он, несмотря на курьерские исключения, был задержан в двух карантинах у Тифлиса; мы до сих пор ничего об этом не знаем. Кроме того, я писал через Иванова (письмо от 3 ноября, № 19, к которому приложил много монет и других вещей), который уехал отсюда 12-го этого месяца; а 9 ноября написал Александру. Может быть, Иванов остается пока в Тифлисе, и тогда эта посылка, естественно, запоздает. Завтра или послезавтра мы снова готовим курьера в Тифлис; он возьмет и это письмо. Это последний курьер, которого мы посылаем перед отъездом в Тегеран, т. к. в первые дни декабря мы выезжаем.

Эта поездка, естественно, доставит больше затруднений, чем предыдущая, т. к. наступает зима; однако у меня есть все необходимое для утепления; и когда вы будете читать эти строки, я буду уже в Тегеране. Еще 8 дней тому назад здесь стояли прекрасные теплые ясные дни, так что мы выходили из дома без пальто. Несколько дней были чрезвычайно хороши — таких я до сих пор не знал. Мэтью просит меня наслаждаться этими прекрасными днями, и я наслаждаюсь всем и за всех вас. Хотя, к сожалению, только в мыслях. Листья с деревьев только сейчас опали, и вот уже 2 дня лежит снег, который уже 3 недели как можно было видеть на горах, окружающих Таврис.

С последней оказией из Тифлиса 21 ноября я получил письмо Александрины и Николая от 1-го и твое № 6 от 15 октября. Почти 4 недели

я провел без известий от вас, что меня немало беспокоило; смерть Сипягина³ создала некоторые неприятные моменты в Тифлисе, и многое из этого продолжается;⁴ насколько приятными были сообщения о вас, настолько меня огорчила смерть Александра Энгельгардта.⁵ Я к нему очень хорошо относился и потерял в нем самого старого знакомого и друга. Уже первое сообщение о большой потере полка егерей взволновало меня из-за него; я читал ваши письма хронологически, и поэтому первым — письмо Александрины, где она пишет, что Энгельгардт особенно отличился в тот день; как я обрадовался, что мое предположение необоснованно; однако эта радость была недолгой — твое письмо подтвердило печальное предчувствие его смерти. Газеты (мы их имеем до 23 октября) меня радуют тем, что Саперный Батальон отличился; Георгиевское знамя,⁶ конечно, прекрасная награда! Если бы Фриц мог тоже что-нибудь такое же отхватить. Ах! — бедная мама так мучается из-за него! Господь, надеюсь, сохранит его нам, и позволит ему вернуться с наградой, и пусть ваши следующие письма, которых я поджидаю в эти дни от всех вас и Фрица, принесут хорошие вести.

Как мы здесь живем, вы узнаете из моего дневника, часть которого я прилагаю здесь. Я очень отстал в записях, однако все придет постепенно и будет приходиться регулярно.

В прошлое воскресенье, 25-го,⁷ в армянской церкви состоялось богослужение в честь взятия Варны⁸ и благополучного возвращения императора в Петербург. Миссия присутствовала во всем блеске, а Аббас-Мирза позволил в этот день звонить в колокол, чего до сих пор еще не бывало. В понедельник вечером у нас состоялся ужин, на котором он присутствовал, и такому тоже не было примера. Все это опишу подробно в моем дневнике. В этот вечер я немного простудился и не выходил из дома — я почти отболел, но вялость не дает писать много, поэтому я напишу Александрине, Александру и Николаю в следующий раз. Не беспокойтесь, через 2—3 дня я буду в порядке и готов ехать в Тегеран. Большой привет Шерерам, Вирстам и Гуллонам, а также Мэтью, К. Коцебу и Костаки. Стихотворение <Обод.>,⁹ касающееся последнего, я жду с нетерпением. Вечно ваш КА.

Посылку с наволочками для подушек и картами, посланную с okazji, я еще не получил. Я прошу Александра как можно скорей подписаться на журнал Jour. de Petersb.¹⁰ на 1829 год на имя Фрица Коцебу в Ревель; деньги я заплачу, как только позволят обстоятельства. Я полагаюсь на его быстрый заказ.

1 декабря.¹¹

Прежде чем отправить письмо, пользуюсь минутой до отъезда курьера, чтобы сообщить, что я совершенно здоров. Наш отъезд назначен на 4 или 5 этого месяца. Так что не ждите от меня скоро писем, т. к. я во время путешествия, которое продлится около 3 недель, вряд ли найду оказию. Прощайте все, всех благодарю. КА

Годятся ли приложенные предписания¹² для Института?

¹ Письмо перфорировано для окуривания.

² Описка К. Аделунга, верно — 2 нояб. 1828 г.

³ 10 окт. 1828 г. Н. М. Сипягин скончался от пневмонии, в которую перешла простуда, подхваченная во время долгого ожидания Паскевича у въезда в Тифлис.

⁴ После смерти Сипягина военным губернатором Тифлиса стал генерал-лейтенант С. С. Стрекалов (1782—1856). По старому, но действенному приему администрирования, особое внимание на своем новом посту он уделял тотальной критике действий своего предшественника. Его свойственник В. Н. Григорьев, служивший в это время в Тифлисе, характеризовал его так: «Стрекалов не столько был государственным человеком, сколько *bon vivant*: любил хорошо покушать, хорошо попить, спокойно поспать и при случае поиграть в карты» (ОР РНБ, ф. 225, № 5, л. 55).

⁵ *Энгельгардт Александр Федорович* (1796—1828), племянник директора Царскосельского лицея и сын участника турецких кампаний подполковника Ф. А. Энгельгардта. 9 сент. 1828 г. батальон ЛГ Егерского полка был отправлен на замыкание южного участка окружавших Варну российских войск, но сбился в лесистой пересеченной местности и попал в центр 30-тысячного турецкого корпуса Омер-Врион паши, которому удалось «разрезать» колонну не успевших перестроиться егерей. Окруженные и артиллерией, и конницей, почти все пешие егеря погибли, немногие прорвавшиеся к своим были разгневанным Николаем I ошельмованы, а полк расформирован. На Фарфоровском кладбище Санкт-Петербурга родственники погибшего прапорщика П. П. Дивова установили кенотаф в память 15 погибших офицеров Егерского полка, включая штабс-капитана А. Энгельгардта. Немного позднее погиб и его младший брат, *Энгельгардт Федор Федорович* (1800—1828). С их кузеном, Максимом Егоровичем (1803—1858), сыном директора Царскосельского лицея, Карл Аделунг некоторое время учился в одном классе Санкт-Петербургской Губернской гимназии.

⁶ За огромный труд по взятии Варны ЛГ Саперный батальон был пожалован Георгиевским крестом на знамя. Кроме этого, все офицеры были награждены орденами и повышены чином: Ф. Ф. Аделунг стал кавалером ордена св. Анны 3 степени.

⁷ 25 нояб. 1828 г.

⁸ Российские войска осадили современно оснащенную турецкую крепость Варну с 15-тысячным гарнизоном в конце июля 1828 г. Осадой последовательно руководили П. П. Сухтелен, А. С. Меншиков и М. С. Воронцов; император Николай I находился на рейде Варны на борту корабля «Париж». 29 сент. 1828 г. гарнизон Варны капитулировал.

⁹ *Ободовский Платон Григорьевич* (1803—1864) — сын врача, учился в Санкт-Петербургской Губернской гимназии вместе с братьями Аделунгами; в 1823 г. поступил чиновником в Азиатский департамент МИДа; публиковать стихи начал еще гимназистом. Переводил пьесы и писал собственные. Упомянутая поэма «Хиосский сирота», посвященная «друзьям греков», изданная в 1828 г., монотонным ямбом повествует как о турецком насилии над Грецией и надеждах на ее освобождение, так и о судьбе сироты, спасшегося в Россию; полное имя К. Ламброса в поэме не названо.

¹⁰ Газета Министерства иностранных дел «*Journal de St.-Petersbourg*» была официальным органом МИД с 1825 по 1914 г. В этой газете 16 марта 1829 г. появилось сообщение о гибели посольства в Тегеране и о непричастности к трагедии властей Персии. Публикация отражала резолюцию Николая I (опасавшегося одновременной войны и с Турцией, и с Персией) на докладе министра иностранных дел: «При сем горестном событии его величеству отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу и что сие пришествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного

Грибоедова, не сообразавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской, а с другой стороны, известному фанатизму и необузданности сей самой черни...» (Тархова. С. 479–481).

¹¹ 1 дек. 1828 г.

¹² Особой заботой Ф. П. Аделунга было ознакомление студентов УОВЯ с современным деловым языком; поэтому он стремился найти и включить в пособия свежие документы различного характера. Очевидно, К. Аделунгу удалось исполнить просьбу отца и послать какие-то документы.

Библиографический список

1. Абовян Х. Раны Армении. Ереван, 1977.
2. Административно-территориальное устройство Ставрополя с XVII в. по 1920 год. Ставрополь, 2008. Эл. ресурс: http://stavarihiv.ru/userfiles/file/2018/%D0%90%D0%A2%D0%94%202008%20_FR12.pdf
3. Апфельбаум А. С. Участие народов Кавказа в Русско-турецкой войне 1826–1828 г. // Кавказология. 2018. № 4. С. 12–41. Эл. ресурс: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2018/12/apfelbaum_kavkazologija_2018_4.pdf
4. Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М., 2010.
5. Волькенштейн А. Е. История лейб-гвардии Саперного батальона 1812–1852. СПб., 1853.
6. Гакстаузен А., фон. Закавказский край. М., 2018.
7. Голицын Н. Б. Жизнеописание генерал от кавалерии Емануеля. СПб., 1851.
8. Головки Ю. И. Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVII – начало XIX в.) // Труды исторического факультета СПбГУ. 2014. № 17. С. 83–107.
9. Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: в 3 т. СПб., 2006. Т. 3.
10. Дмитриев С. Н. Последний год Грибоедова: Триумф. Любовь. Гибель: Историческое расследование. М., 2017.
11. Зуххарнеев А. Закавказье для России: «колония» или «губерния»? Имперские проекты освоения региона в 1820–30 гг. // Электронный архив УрФУ. Уральское востоковедение: Международный альманах. 2008. № 3. С. 72–84. Эл. ресурс: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56169/1/uv3-2008-09.pdf>
12. История Императорской военно-медицинской академии за 100 лет. 1798–1898 / Под ред. Ивановского. СПб., 1898.
13. История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. СПб., 1896. Глава 8. С. 199–229. URL <http://adjutant.ru/rtwar1828-29/leibeger1828.htm>.
14. Кальма Н. Коммерческие замыслы Грибоедова // Литературное наследство. Т. 19/21. М., 1935. С. 143–176.
15. Карнеев С. Б. Персидская поэзия. Материалы к библиографии русских переводов // Библиография народов Востока. 1936. Вып. 10. С. 101–110.
16. Князева Е. Е. Лютеранские церкви и приходы в Белоруссии, Молдавии, Закавказья и Средней Азии XVIII–XX в.: Исторический справочник. СПб., 2006. Ч. III.
17. Кузнецова В. А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983.

18. Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982.
19. Манзей К. История лейб-гвардии Гусарского его Величества полка. СПб., 1859. Ч. 3.
20. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998.
21. Пестриков Н. С. История лейб-гвардии Московского полка. СПб., 1904. Т. 2.
22. Пиксанов Н. К. Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова. 1791—1829. М., 2000.
23. Попова О. И. Грибоедов в письмах К. Ф. Аделунга отцу // Литературное наследство. 1946. Т. 47/48: А. С. Грибоедов / Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. С. 243—264.
24. Потто В. А. Кавказская война: В очерках, эпизодах, легендах и биографиях. М., 2014.
25. Почтовый дорожник. СПб., 1824.
26. Рахматулин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы. М., 2009.
27. Сайт МИД РФ. Раздел «Летопись дипломатической жизни МИД России в 1802—1856 годах». Эл. ресурс: https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoy-služby/-/asset_publisher/5H3VC9AbCvL/content/ministerstvo-in-ostrannyh-del-rossii-v-1802-1856-gg-?inheritRedirect=false.
28. Скрутковский С. Э. Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. СПб., 1896.
29. Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М., 2000.
30. Спаский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 123—234.
31. Список учеников С.-Петербургской Губернской Гимназии, получивших за отличное благонравие и прилежание к наукам похвальные листы // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1817. № XLIII. Ч. 1. С. 270—279.
32. Тархова Н. А. Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790—1829. М., 2017.
33. Толстой В. С. Сер Джон Макнил // Русский архив. 1874. Кн. I. С. 884—898.
34. Тунян В. Г. «Защитник отечества» — каталикос всех армян Нерсес Аштаракец. 1826—1857. Ереван, 2007. URL:<http://armenian-church.org/images/books/4bk13katolikos.pdf>
35. Филиппсон Г. И. Воспоминания. М., 1885.
36. Чернова-Дёке Т. Н. Немецкие поселения на периферии российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818—1917) (к 190-летию основания немецких колоний). М., 2008. 208 с.
37. Kelly L. Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russia's Mission to the shah of Persia. NY, 2006. Эл. ресурс: <http://faravashi.ir/wp-content/uploads/2018/01/Diplomacy.pdf>
38. Кнеп J. R. A. S. Griboedov: His Life and Work as a Russian Diplomat, 1817—1829: Dissertation Ph. D. Ohaio, 1976. Эл. ресурс: https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=osu148700497175106&disposition=inline

**«ВСЕ МЫ, БЛАГОРОДНО-ПРОСТОДУШНЫЕ
ПРОВИНЦИАЛЫ...»:
ПИСЬМА КОХАНОВСКОЙ (Н. С. СОХАНСКОЙ)
К М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ (1860–1866 гг.)**

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
О. Л. Фетисенко)*

Аннотация: Впервые публикуемые 15 писем Кохановской (Надежды Степановны Соханской; 1823–1884), сохранившиеся в РО ИРЛИ в фонде литературного критика и публициста Михаила Федоровича Де-Пуле (1822–1885), открывают неизвестные страницы в жизни этих двоих «литературных изгнанников», которые, никогда не видя друг друга, установили на некоторое время содержательно-насыщенную переписку, тем более интересную, что время это совпало с эпохой реформ и «великих потрясений», нелегко переживаемой младшими представителями «людей сороковых годов».

Ключевые слова: Н. С. Соханская (Кохановская), М. Ф. Де-Пуле, И. С. Аксаков, эпистолярный, «Воронежская беседа», «Русское слово», «Отечественные записки», газета «День», литературная ситуация 1860-х гг., литература русской провинции.

Abstract: For the first time published 15 letters of Kokhanovskaya (N. Sokhan-skaya), preserved in the archive fund of literary critic and publicist M. De-Poulet, open up unknown pages in the lives of these two “literary exiles” who, having never seen each other, established for a while a content-rich correspondence, the more interesting that its time coincided with the era of reforms and the “great upheavals” that were not easily experienced by the younger representatives of “people of the forties”.

Keywords: N. Sokhanskaya (Kokhanovskaya), M. De-Poulet, I. Aksakov, letters, journalism, literary collection “Voronezhskaya beseda”, literature of the Russian province.

На рубеже 1850-х — 1860-х гг. в России возникло общественное движение, получившее позднее название «областничество».¹ Не миновало оно и Воронежа, где уже давно существовал так называемый Второвский кружок,² активными участниками которого были педагоги

¹ См. об этом: Малинов А. В. Философия и идеология областничества. СПб., 2012.

² О Н. И. Второве (1818–1865) и его кружке см.: Де-Пуле М. Ф. Николай Иванович Второв // Русский архив. 1877. Вып. 6. С. 136–165; Вып. 7. С. 327–353;

Михайловского кадетского корпуса П. П. Готов³ и Михаил Федорович Де-Пуле (1822—1885), ставившие целью пробуждение русской провинции к «органической жизни» «хотя бы такими невинными средствами, как археологические и исторические разыскания».⁴ Де-Пуле, выпускник Харьковского университета, преподавал в Воронеже с 1848 г. русский язык и историю. К концу 1850-х гг. он был уже довольно известным литературным критиком и публицистом, печатавшимся и в столичных изданиях, причем далеко отстоящих друг от друга по «направлению» — от умеренно-либеральных «Атеней», «Московских ведомостей» до славянофильской «Русской беседы».⁵ «...Эстет, делающий уступки времени», — так охарактеризовал его в словарной статье Е. М. Гаршин.⁶ Но эти уступки имели свой предел. Возможно, как было, например, с его младшим современником К. Н. Леонтьевым, именно «эстетические разногласия» с господствовавшей в обществе идеологией привели Де-Пуле к середине 1860-х гг. в лагерь охранителей и даже «обрусителей» (как известно, он перешел на службу в Виленскую губернию).

В архиве Де-Пуле (РО ИРЛИ, ф. 569) сохранилось 15 писем Надежды Степановны Соханской (1823—1884), ранее не привлекавших внимание исследователей. Ответные письма находились в домашнем архиве писательницы. О них упоминает библиограф С. И. Пономарев, разбиравший в 1890-х гг. по просьбе наследников ее впоследствии утраченный архив.⁷

Н. С. Соханская, начавшая свой литературный путь еще в 1840-х гг. малоудачными повестями (подражаниями то Марлинскому, то Гоголю), к середине 1850-х выросла до неузнаваемости, обретя собственный

Вып. 8. С. 426—469; Павлова В. А. Н. И. Второв и его кружок // Очерки литературной жизни Воронежского края XIX — нач. XX в. Воронеж, 1970. С. 180—190; Ласунский О. Г. Литературно-общественное движение в русской провинции: Воронежский край в «эпоху Чернышевского». Воронеж, 1985; Удодов Б. Т. Второв Николай Иванович // Русские писатели, 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 497—498. В Воронеже Второв прожил сравнительно недолго (1849—1857), но и после его отъезда его имя продолжало объединять местную «умственную аристократию» (выражение М. Ф. Де-Пуле; Русский архив. 1877. Вып. 8. С. 469).

³ См. ниже примеч. 12 к п. 4.

⁴ Русский архив. 1877. Вып. 7. С. 335.

⁵ Литература о М. Ф. Де-Пуле не велика. Работы, вышедшие до сер. 1980-х, указаны в пристатейной библиографии в словаре «Русские писатели» (Т. 2. С. 108). С тех пор появилась лишь одна посвященная ему статья, нацеленная на восстановление доброй памяти о забытом литераторе: Котов А. Э. «Великая идея всероссийзма»: Политическая публицистика М. Ф. Де-Пуле // Вестник Воронежского университета. Сер.: История, политология, социология. 2016. № 1. С. 54—59.

⁶ Е. Г. <Гаршин Е. М.> Де-Пуле Михаил Федорович // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. X. С. 422.

⁷ Пономарев С. И. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 296. См. также: Пономарев С. И. Рукописи Н. С. Соханской (Кохановской) и письма к ней // Там же. 1897. Февр. С. 561—568.

оригинальный «почерк» — жанр и язык, закрепив это преобразование новым литературным именем — Кохановская.⁸ Так с 1856 г. подписаны все ее произведения. Познакомившись с повестями «После обеда в гостях» и «Из провинциальной галереи портретов», писательницей особенно заинтересовались московские славянофилы, увидевшие в Кохановской носительницу их идеала «положительного» отношения к жизни. В конце 1858 г. И. С. Аксаков, искавший новых авторов для журнала «Русская беседа», установил переписку с Надеждой Степановной, и в следующем году она стала сотрудницей этого славянофильского издания.⁹

Переписка с Де-Пуле завязалась точно при таких же обстоятельствах. Он и другие участники бывшего Второвского кружка задумали издание сборника «Воронежская беседа», к участию в котором было решено привлечь и писательницу, с одной стороны, уже обладавшую всероссийской известностью, с другой — так же, как и сами воронежцы, представлявшую южно-русскую провинцию. Соханская жила на хуторе Макаровка в Изюмском уезде Харьковской губернии. Де-Пуле, как мы уже упоминали, в Харькове учился в университете.

Отвечая на письмо-приглашение, Соханская дала понять, что она до деталей помнит посвященную ей статью Де-Пуле в «Русском слове»,¹⁰ где в то время сотрудничал критик (в этом же журнале весной 1860 г. была напечатана повесть Кохановской «Гайка», первая, неудачная, публикация которой в журнале «Пантеон» в 1856 г. осталась незавершенной в связи с прекращением издания). В письме к И. С. Аксакову от 24—25 июня 1860 г. Соханская с иронией замечает: «Де-Пуле, назвавший меня в прошлом году “возлюбленным детищем Гилярова”¹¹ и вообще как-то затаенно-неприятно относившийся обо мне в своем разборе, после “Гайки” (которая вообще принята как новое произведение) — вот на днях рекомендовался мне плохим критиком и усердным почитателем моего бесподобного таланта, что будто бы он — надежда... и пр. <...> чем больше я начинаю слышать этих литературных

⁸ См.: Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская): Биогр. очерк. СПб., 1909; Викторovich В. А. Уроки одной судьбы // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 110—112.

⁹ См.: Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858—1884) / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Семья Аксаковых*.

¹⁰ Де-Пуле М. Ф. О повестях г-жи Кохановской (И. А. Придорогину) // Русское слово. 1859. Дек. Отд. II: Критика. С. 1—36.

¹¹ Подразумевается статья Н. П. Гилярова-Платонова «О повести г-жи Кохановской: “Из провинциальной галереи портретов”» (Русская беседа. 1859. Кн. III. С. 65—68; подп.: Н. Г—в). Полемизируя с Гиляровым, Де-Пуле отметил, что его отзыв о Кохановской «отличается каким-то лелеющим характером и до *non plus ultra* отеческим отношением к автору, как к нежно любимому детищу» (Русское слово. 1859. Дек. Отд. II. С. 29).

цукеров,¹² тем дороже мне становятся Ваши славянофильски-прямые слова дорогих советов и указаний».¹³

К этому времени она успела прочитать и еще одну статью Де-Пуле¹⁴ с упоминанием о себе в качестве истолковательницы пушкинской поэзии, «оказавшей несомненную услугу русской критике» своей статьей «Степной цветок на могилу Пушкина». Вместе с этой скупой похвалой, однако, ей пришлось прочесть и поясняющее примечание: «Но г-жа Кохановская в своих объяснениях *пушкинского букета* пошла дальше: она придает лире Пушкина какое-то пророческое, поучающее значение, “чего в самом деле не было и что, впрочем, вовсе нейдет к делу”, как справедливо заметил ей редактор одного из петербургских журналов».¹⁵ Тем удивительнее показалось ей приглашение в сборник.

В 1860 г. Соханская была занята трудом фольклористики. Вдохновенная публикациями из собрания П. В. Киреевского, она захотела обнародовать собственные записи, сделанные главным образом с голоса тетушки, К. Г. Лохвицкой. Две большие подборки редких песен (сама она придерживалась написания: «песень», одобренного и К. С. Аксаковым) были подготовлены ей для последних выпусков «Русской беседы».¹⁶ Именно этот труд Соханская подразумевала, мотивируя в первом письме к Де-Пуле невозможность ответить согласием на его предложение. Однако вскоре ее намерение переменялось, она решила передать в сборник тот материал, который в июне 1860 г. предлагала К. С. Аксакову.¹⁷ Статья «Сличение нескольких русских песень»¹⁸ выросла из раздумий над одним из текстов из собрания П. И. Якушкина,

¹² Игра слов: цукер — от нем. Zucker, сахар; и «цукать»: ругать, одергивать (первоначально: резко останавливать лошадь). В обиходе военных и других закрытых мужских учебных заведений слово обозначало специфическое «воспитание» младших старшими (здесь уже не «цукать на кого-то», а «цукать кого-то»); Соханская могла знать это от братьев, учившихся в кадетских корпусах. Важны оба смысла: Соханская возмущена тем, что Де-Пуле сперва «цукает» на нее в своей статье, а потом выступает «цукером», расточителем сладких комплиментов.

¹³ *Семья Аксаковых*. С. 101—102.

¹⁴ *Де-Пуле М.* Стихотворения Ивана Никитина. С.-Петербург. 1859 г. В типографии Карла Вульфа. IX. 152 // Русское слово. 1860. Апр. Отд. II. С. 1—22.

¹⁵ Там же. С. 3. «Редактор одного из петербургских журналов» — это А. В. Дружинин, отвергнувший присланную в «Библиотеку для чтения» статью Кохановской. С ответа ему начинается вариант той же статьи, изданный в 1859 г. «Русской беседой» (Кн. V. Отд. III. С. 11—84; отд. отт.: М., 1859).

¹⁶ Несколько русских песень // Русская беседа. 1860. Кн. I. С. 91—132; Остатки боярских песень // Там же. Кн. II. С. 71—142.

¹⁷ «Не хотите ли Вы поступить так: чтобы я прислала Вам эту песню, а Вы делаете заметку на нее и напечатаете, или же — если эта мелочь не нужна Беседе, то я сама напишу кое-что о песне и пошлю в “Русское Слово” или куда-нибудь» (*Семья Аксаковых*. С. 98; письмо от 7 июня 1860 г.).

¹⁸ Воронежская беседа на 1861-й год / Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб., 1861. С. 381—400. (Здесь — в традиционной орфографии: «Сличение нескольких русских песен».)

над песней о Ваньке Ключнике, «первообраз» которой Кохановская ставит себе задачей отыскать.¹⁹ Статья была выделена в рецензии А. А. Котляревского,²⁰ обратил на нее внимание и Л. М. Жемчужников,²¹ выразивший удивление, с какою «теплотою» *женщина* занимается изучением народа и «подает свой голос в *громаде*»,²² но подвергший сомнению гипотезы автора статьи, касающиеся происхождения некоторых песен, и ее воззрение (разделяемое и Де-Пуле) об упадке современной народной поэзии.

Интересно, что статью для «Воронежской беседы» Кохановская не включила в составленный ею в конце 1861 г. план своего собрания сочинений, предложенный П. А. Плетневу, упомянув там лишь две статьи «о песнях».²³

В «Воронежской беседе» могло быть напечатано еще одно произведение Кохановской — рассказ «Тетушкино Евангелие», позднее опубликованный И. С. Аксаковым под названием «Давняя встреча»²⁴ (он вошел и в изданный им же в 1863 г. двухтомник «Повести Кохановской»). История этой несостоявшейся публикации²⁵ также раскрывается в письмах к Де-Пуле. Но этот материал имеет значение лишь как неизвестная страница из жизни забытой писательницы. Гораздо интереснее в письмах другое — высказанные ею оценки положения дел в литературе, реакция на сообщенные эпистолярным собеседником впечатления от поездки «в столицы» (Кохановской такая поездка тоже предстоит — в 1862 г.), среди которых главными были какие-то неприятные для Де-Пуле соприкосновения с крупнейшими писателями — Тургеневым, Писемским, Гончаровым,²⁶ а также формулировка собственных литературных задач (сохранение в художественном слове нашей *старины*).

Публикуемые письма немало нового сообщают и о присутствующем лишь «за кадром» собеседнике, о переживаемом им кризисе. Все-

¹⁹ См. подробнее в нашем комментарии: *Семья Аксаковых*. С. 410.

²⁰ А. К. <Котляревский А. А.> Воронежская Беседа на 1861 год, изд. Де-Пуле и П. Глотова <...> Воронежский Литературный Сборник, вып. 1-й <...> // Московские ведомости. 1861. 30 нояб. № 263. С. 2130—2131.

²¹ *Жемчужников Л.* Несколько замечаний по поводу народных песен // *Основа*. 1862. Февр. С. 87—100.

²² Там же. С. 90.

²³ РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 621, л. 114 об. П. А. Плетнев был литературным наставником Соханской. См.: *Пономарев С. И.* П. А. Плетнев и Н. С. Соханская (Кохановская) (Ее автобиография, посмертные бумаги и письма) // *Русское обозрение*. 1896. Июнь. С. 469—479.

²⁴ *День*. 1862. 24 февр. № 20. С. 1—5; 3 марта. № 21. С. 2—5. Отзывы И. С. и В. С. Аксаковых об этом произведении см.: *Семья Аксаковых*. С. 442.

²⁵ Формально она не осуществилась из-за слишком большого объема текста и задержки его присылки, но не исключено, что составители усмотрели в произведении чуждую им «тенденцию».

²⁶ Каждому из них в свое время критик посвятил статью.

го лишь одно предложение из письма от 30 октября 1864 г. с упоминанием об «Иване Сергеевиче» (Аксакове) по-новому осветило такой важный эпизод в жизни Де-Пуле, как его переход на службу в Вильно. Как выяснилось, это было устроено по предложению именно Аксакова. Де-Пуле сотрудничал в «Русской беседе» и «Дне» и с редактором состоял в переписке. В 1864 г. он сообщил Ивану Сергеевичу о своих бедствиях: отстранении от редактирования неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей», об упразднении в кадетском корпусе занимаемой им должности помощника инспектора (Де-Пуле остался там просто учителем), а значит — о больших финансовых потерях. Аксаков осыпал своего корреспондента предложениями — от редактирования «Дня» до учительских, инспекторских и даже директорских должностей в гимназиях Северо-Западного края (искать желающих там служить его просил попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов). Де-Пуле выбрал Вильно как самый крупный культурный центр, имеющий к тому же хорошее железнодорожное сообщение с Москвой.²⁷

Участники публикуемого эпистолярного диалога принадлежали к одному поколению. Их молодость пришлась на Сороковые годы с присущим этому периоду идеализмом, а время творческого цветения — на годы после катастрофы Крымской войны и смятенную эпоху «великих реформ». Жизненные итоги позволяют назвать обоих корреспондентов «литературными изгнанниками», по знаменитому определению В. В. Розанова. Для объемного и объективного знания о прошлом важно иметь представление о том, как жили и о чем думали те, кто выбрал для себя путь «против течения».

Переписка была начата, напомним, Де-Пуле и прервана им же: на последнее письмо Соханской ответа, по-видимому, не последовало. В Макаровке хранилось только 15 писем Де-Пуле, самое позднее из которых было датировано 1865 г.

Тексты печатаются по автографам (РО ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 573) с сохранением особенностей авторской орфографии («укащик», «своиченья» вместо «своиченица» и т. п.). Не унифицировано написание названий периодических изданий, не отличавшееся в письмах Соханской какой-либо последовательностью.

²⁷ Переписка Аксакова и Де-Пуле сохранилась не в полном виде, однако этот эпизод реконструируется по письмам 1864 г. достаточно обстоятельно. См. ниже Приложение.

14 июня 1860 г.

Милостивый Государь
Михаил Федорович!

Я сегодня получила Ваше письмо и, по крайней мере, в немедленном ответе ищу не отказать Вам. Ваше желание иметь мою статью в Воронежском Сборнике я, к сожалению, не в состоянии исполнить. И верьте, что это *сожаление* вовсе не фраза. Я слишком глухая провинциалка и слишком люблю свою глушь, чтобы могла живо не сочувствовать проблескам самостоятельной умственной деятельности провинции. Но готового у меня ничего нет; а к осени я обязана статьею о «Песнях» Русской Беседе¹ и к тому еще вот другой год на мне лежит обещание От<ечественным> Зап<искам> больших статей в «Старине».² Я потому вхожу в эти подробности, чтобы Вы приняли мой отказ за истинную невозможность исполнить, а не за что-либо другое.

Мне очень приятно Ваше совершенно неожиданное знакомство — знакомство с моим не совсем благорасположенным критиком, которого статьи я всегда читаю первые в полученном журнале. Вам не нравится всепримиряющий тон моих пиес...³ И прекрасно, что Вам не нравится и что Вы высказываете критически Ваше нерасположение. Чем больше самостоятельных мнений в круговом обращении литературы, тем лучше. Только мне кажется, что Вы немножко напрасно беспокоитесь о пагубном влиянии моего умиряющего тона на некоторую часть публики. Во-первых, та публика, на которую указываете Вы — публика, восхищающаяся *свистопляской*,⁴ не заглянет в мои маленькие произведения: ей там восхищаться нечем; а наше молодое поколение, несчастно настроенное пустозвонным славянофильством (как говорите Вы), имеет у себя столько учителей и менторов, что за их наставническими возгласами может ли быть услышан слабый голос женщины, которая совершенно не думает ни о какой общественно-учительной роли — по слову Апостольскому: «что жене в церкви учить не подобает».⁵ Что делать? На литературный вкус, как и на всякой другой, не может быть укащика. Напр<имер>: я не выношу даже и не в литературе — как бы это сказать подобием? — не выношу ямщицкой езды с беспрестанными покрякиваниями, с неугомонным маханьем кнута над головами лошадей, везущих и не телегу жизни...⁶ Извините за сравнение. Я вчера только довольно поздно воротилась из очень приятной поездки без крика, без ямских понуканий, и впечатление ровной широкой дороги зелеными тенями и промежутками рослых хлебов с могучим переливом их зеленой волны — все это еще очень живо во мне.

Да; я искренно жалею, что не могу служить Вам; но я заранее подписываюсь на Ваш «Сборник», и позвольте мне с литературной любез-

ностью пожать ту руку, которая трудилась писать на меня Вашу критику.

Надежда Соханская

14 июня, 1860.

Макаровка.

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / де-Пуле

Почт. штемпель: Изюм. 21 июня 1860. Воронеж. 30 июня 1860. Пochт-мета адресата: Полу<чил> 1 июля.

¹ Готовить для «Русской беседы» публикацию «боярских» и других старинных народных песен Соханская начала осенью 1859 г. Сообщая ей о прекращении этого издания как *журнала*, но о планах издать еще несколько выпусков уже в виде сборников, И. С. Аксаков просил Надежду Степановну не передавать «статьи о песнях» «ни в какой другой журнал». К началу декабря была уже почти готова, а 2 февр. послана в Москву первая статья («Несколько русских песен»). В январе И. Аксаков отправился в заграничное путешествие, и дела с Соханской вел К. Аксаков, с которым у писательницы именно вокруг народных песен завязалась серьезная полемика. О том, что «Беседа прекращается совершенно», И. Аксаков сообщил в Макаровку 8 окт. (н. ст.) 1860 г. См.: *Семья Аксаковых*. С. 56, 62, 68, 69–86, 90–100, 103; *Фетисенко О. Л.* «Истина — живая сила»: Братья Аксаковы и Кохановская (Н. С. Соханская) в 1860 году // *Христианское чтение*. 2017. № 3. С. 232–252.

² «Старина. Семейная память» — незавершенная документальная хроника Кохановской, впервые опубликованная в «Отечественных записках» (1862. № 3. С. 209–246; № 4. С. 355–390), по выражению самой писательницы: «...целый том семейных преданий, которых у нас бездна от пра-прабабушек и прадедушек» (*Семья Аксаковых*. С. 101). Шестая глава опубликована посмертно С. И. Пономаревым (*Русское обозрение*. 1898. Янв. С. 241–276). Первые три главы были написаны еще в 1855 г. и прочитаны П. А. Плетневым, который хотел напечатать их в некрасовско-панаевском «Современнике». Кохановская успела рассказать о «старине Лохвицкой», т. е. об истории материнского рода, ненаписанными остались главы о старине «Алисовской» (девичья фамилия одной из ее бабушек) и «Соханской». «Старина моя так разрастается в своих очертаньях, что ее должно стать на большое довольно число глав. Это идет старина Лохвицкая и будет ее глав до десяти; а потом выступит старина Алисовская и едва ли будет менее. Я сама не знала и никак не полагала вначале, чтобы это могло принять такие не маленькие размеры» (письмо к П. А. Плетневу от 16 апр. 1855 г.; РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 621, л. 84 об.). В апр. 1860 г. Кохановская уже называет хронику «несносная Старина» и говорит о своем желании бросить эту «ломовую» работу: «Ничего свободного, высказывающегося из души; а нужно подбирать малейшие крохи, приспособлять их, ладить частицы мертвого тела и вспрыскивать их трудно достающейся живою водой» (*Семья Аксаковых*. С. 85). Вскоре после письма к Де-Пуле она сообщила И. Аксакову: «Я бросила “Старину” <...>. И в самом деле, заниматься кропотливым подбором старого хлама, когда вокруг всё свежо и зеленеет, цветы цветут, и едва усидишь за работою, не порываясь в сад! К “Старине” я возвращусь по осени, когда Бог даст, но теперь мало того, что не хочу; но я решительно не могу» (Там же. С. 101). Отношения писательницы с издателем «Отечественных записок» А. А. Краевским имели давнюю историю и были столь сложными, что их характеристика слишком увела бы нас в сторону.

³ Искренне восхищаясь дарованием писательницы, Де-Пуле, однако, «журил» ее за излишнюю «поэтизацию» старого быта (Русское слово. 1859. Дек. Отд. II. С. 20, 26, 32 и др.). Вот один из примеров (по поводу повести «Из провинциальной галереи портретов»): «Г-жа Кохановская совершенно пристрастно подошла к жизни, которую она намеревалась изобразить, подошла с заранее задуманною, нежно любимую мыслию — *идею безусловного совершенства, даже прелести нашей старинной жизни...*» (Там же. С. 28). О «всепримирающем тоне» произведений Кохановской писал не только Де-Пуле. Если для славянофилов и критиков консервативного лагеря именно это свойство писательницы служило главным достоинством (ср., например: В. В. Зотов в рецензии на первую публикацию «Гайки» подчеркивал, что производимое повестью «светлое, чистое, отрадное впечатление» резко отличает его «от произведений нашей современной поэзии» (Сын отечества. 1856. 28 окт. № 30. С. 73; б. п.), то для П. В. Анненкова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и многих других эта «положительность» и примиряющий тон снижали ценность творчества Кохановской.

⁴ С 1859 г. выходил «Свисток», сатирическое приложение к журналу «Современник». С его появлением понятие «свиста» стало ассоциироваться в критике и публицистике с наиболее острой сатирой, литературной провокацией и даже просто травлей (ср.: в статье М. Н. Каткова, напечатанной без подписи, «Наш язык и что такое свистуны» (Русский вестник. 1861. Т. 32, март. Отд.: Литературное обозрение и заметки. С. 1–37) различаются «юмор» как «явление честное» и неприемлемый «свист», сопряженный с поруганием личности). Ф. М. Достоевский различал «свист» правдоискателей, к которому часто прибегал и сам (ср. подзаголовок в названии его статьи «Щекотливый вопрос»: «Статья со свистом, с превращениями и переодеваньями»), и «хлебный свист» как прием продажных журналистов; допустимым литературным приемом считал в 1860-е гг. «свист» Н. Н. Страхов (см. его статью «Нечто о полемике»).

⁵ Парафраз слов ап. Павла: «Жены ваша в церквах да молчат: не повелесе бо им глаголати, но повиноватися, якоже и закон глаголет» (1 Кор. 14: 34).

⁶ «Телега жизни» — название стихотворения А. С. Пушкина (1823).

2

12 сентября 1860 г.

Мне так хотелось бы участвовать в провинциальном Сборнике, издаваемом Вами, что я вот решаюсь послать эту маленькую статью.¹ Она не без интереса при нынешнем уважении к интересам народа. Но если Вы не имеете нужды в подобных статьях и «Воронежский Сборник» достаточно снабжен ими, то прошу Вас возвратить мне рукопись.

Кохановская

Макаровка, 12 сентября

1860.

¹ Имеется в виду статья «Сличение нескольких русских песен». См. во вступ. статье.

1 ноября 1860 г.

1 ноября, 1860

Макаровка.

Милостивый Государь
Михаил Федорович!

Я получила одно Ваше письмо, уезжая в Харьков, а другое вот воротившись... Семейное горестное обстоятельство — потеря последнего брата¹ — едва дает мне силу и возможность через месяц с лишком возвратиться к моим литературным занятиям. Что мне сказать Вам? Литературная мысль как-то тут и затеряна и не очень ладится к слову; но я все-таки довольна не мало, если моя статья не совсем безделкою и пустяком показывается для Воронежского Сборника. На многое мне следует отвечать Вам... И во-первых: позвольте просить Вас несколько внимательнее заглянуть в мое <письмо> и увидеть там, что мое выражение о «ямщицкой езде с кнутом и беспрестанными покрикиваньями»² может относиться вообще к отрицательному направлению бичующей нас литературы, а не собственно к Вам и тем менее к Вашему письму. Я потому именно и не извиняюсь в жесткости моего выражения, что оно литературно-общее, а никак не частное. Далее без фразы могу сказать, что очень приятно встретить в Вас Харьковца³ и благодарю Вас со всею искренностью простого слова, что Вы поделились со мною Вашими столичными впечатлениями. Неужели они так безнадежно-грустны? Стало: хорошо, что я в своей глуши никогда не возносила мыслью к столичным светилам и никогда не думала полагать в них завета моих скромных упований. Но однако же — скажите, пожалуйста, не думая утомить меня Вашими объяснениями, — что Вы называете «паясничаньем» Тургенева по указаниям Современника?⁴ Я не спрашиваю много о Гончарове и тем менее о Писемском, который грех сказать, чтобы был для меня чем-либо;⁵ но кого Вы видели из Славянофилов? Что это за «Московская грязь», стало, довольно тучная и не без силы в себе, если она помогла образоваться русской закваске Славянофильства? Вообще, если Вы начали, то Вам и следует обстоятельнее ознакомить меня с Вашими литературными впечатлениями обеих столиц. С своей стороны я могу заверить Вас в вещи самой естественной: что я любопытна как женщина. Но далее поговоримте о другом. — В моих старинных тетрадях нашелся небольшой рассказец,⁶ который если поновить и несколько заняться им, то он может выйти не до конца плохим. Как Вы сочтете — не излишним его для Вашего Сборника? Но прошу Вас заметить, что я положительно не обещаю (я дала себе слово не делать никаких литературных обещаний); я несую на себе гнет обещанной «Старины» Отчественным> Запискам и если могу чем-либо другим заняться, то никак не прежде половины декабря.⁷ А ваш Сборник когда выходит и что в нем будет Вашего,⁸ позвол-

те любопытно спросить. О Дм<итрии> Фед<оровиче> *Запаре*⁹ скажу Вам, что я не знаю его лично; но знаю то, что он женат на Тихоцкой; житейски достаточно счастлив, покупает имения, острит с малороссийским юмором; но на днях я полагаю видеться с его свояченией <так!>, которая в замужестве у нас по соседству. Я хорошенько порасспрошу ее и передам Вам с готовностью и удовольствием то, что будет передано мне. Извините, что я о многом интересном не говорю в Вашем письме... Что касается условий по напечатанию моей статьи — право, не знаю. Если издатель человек состоятельный, со средствами, пусть будет сто рублей сер<ебром>; а если нет, и суда нет: что может, то и заплатит. Прощайте. Благодарю Вас за простой, нецеремонный тон ваших писем и, хотя я вообще не большая любительница повторений, но опять скажу: что знакомство с Вами по литературе — очень приятное знакомство.

Над. Соханская

¹ У Соханской было двое братьев — Петр и Павел. Любимый младший брат скончался во время Венгерского похода 1849 г., причем семья почти год не получала об этом известий. *Петр Степанович Соханский* (ок. 1820—1860), служивший чиновником, умер после тяжелой болезни — осложнений хронического ревматизма, поразившего все суставы. 30 марта 1872 г. Соханская писала С. И. Погодиной (вдове М. П. Погодина): «Покойный мой брат в самой поре мужества умер от страшных страданий во всех составах...» (ОР РГБ, ф. 231/II, карт. 31, ед. хр. 5, л. 2). См. также: *Семья Аксаковых*. С. 300.

² См. п. 1.

³ Де-Пуле в 1846 г. окончил словесное отделение философского факультета Харьковского университета. Соханская радовалась, узнав об этом, потому, что и сама получила образование в том же городе: в 1840 г. кончила с первым шифром курс в Харьковском институте благородных девиц.

⁴ О следовании Тургенева «указаниям Современника» в 1860 г. говорить не приходится, потому что именно в этом году писатель порвал отношения с этим журналом. Об изменении отношения самого Де-Пуле к Тургеневу может свидетельствовать его статья «Нечто о литературных мошках и букашках. По поводу героев г. Тургенева» (Время. 1861. № 2).

⁵ Возможно, в этом беглом отзыве об А. Ф. Писемском косвенно сказалось влияние на Соханскую московских славянофилов. Ср.: в письме от 12 июля 1859 г., отговаривая Надежду Степановну от сотрудничества в петербургских журналах, И. Аксаков, в частности, так характеризовал «Библиотеку для чтения»: «...журнал плохой, бесцветный, нравственно дряблый, и редактором — Писемский, которому лучшею рекомендацией служит создание Калиновича в романе Тысяча Душ» (*Семья Аксаковых*. С. 43). Тот же роман в письме Аксакова к Де-Пуле от 29 марта 1859 г. охарактеризован как гнусный, а по поводу его автора выражено мнение, что «Писемский — авторитет, на которого восставать у нас просто не смеют» (РО ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 105, л. 1).

⁶ Рассказ «Тетушкино Евангелие» (в окончательной редакции: «Давняя встреча», см. во вступ. статье) вырос из эпизода ранней незавершенной повести «Имение при большой дороге» (1844—1845).

⁷ См. примеч. 2 к п. 1. Работа несколько задержалась, и рукопись (5 глав) была послана Краевскому только 10 янв. 1861 г. (ОР РНБ, ф. 391, ед. хр. 726, л. 1).

⁸ Де-Пуле поместил в «Воронежской беседе...» статьи о М. М. Петрове и А. В. Кольцове.

⁹ *Дмитрий Федорович Запара* (1826—1865) — помещик Изюмского уезда, где жила и Соханская; выпускник юридического факультета Харьковского университета (1845); в конце 1840-х гг. служил в Изюмском уездном суде, в 1850-х гг. занялся овцеводством; гласный Харьковского губернского земского собрания (с 1864 г.); помещал статьи в «Основе», газ. «Голос», «Земледельческой газете», «Санкт-Петербургских ведомостях». Де-Пуле впоследствии писал о нем в мемуарном очерке «Харьковский университет и Д. И. Каченовский. Культурный очерк и воспоминания из 40-х годов», приводя своего покойного однокашника в пример «одного из таких малороссийских Обломовых», каких было много среди харьковских студентов 1840-х гг.: несмотря на блестящее образование и способности, «они во всю жизнь не брали пера в руки, редко показывались в города и дальше Харькова почти никуда не отправлялись...». «Но зато их знал целый околоток как отличных и гуманных помещиков, как образованнейших людей, много читающих, много делающих и для крестьян, и для рационального усовершенствования хозяйства; без метафор, из таких хуторов, где, по-видимому, прозябали эти сидни, широкими потоками лилось просвещение на обширное пространство»; «Запара <...> так и просился в чумаки или бандуристы. Отлично подготовленный и постоянно занимающийся, он, будучи студентом, старался разыгрывать перед профессорами роль пустого юноши, что вполне ему удавалось» (Вестник Европы. 1874. Янв. С. 80—81). Запара, свободно читавший на пяти иностранных языках, отчего-то считал постыдным кончить курс кандидатом и «добился» звания действительного студента на словесном отделении. Де-Пуле вспоминал, что Запара был любимцем всех студентов, хотя мало кто из них догадывался, сколько в нем было «даровитости, энергии, глубины мысли и чувства» (Там же. С. 81), а далее сообщал о его предпринимательских успехах и большой помощи крестьянам (Там же. С. 82).

4

27 декабря 1860 — 2 января 1861 г.

27 декабря 1860.

Праздники — и поздравляя Вас с ними, Михаил Федорович, я сажусь отвечать на Ваше последнее письмо. Вы, вероятно, освободите меня от формальных пожеланий Вам веселиться и пр. и пр. — и потому, минуя веселости, я прямо перехожу к вашим грустным впечатлениям, которые вынесли Вы из посещения наших столиц. Я читала их с самым живым любопытством и благодарю Вас, что вы нашли минуту времени рассказать о них. Все мы, благородно-простодушные провинциалы, если не находимся, то находились под обаянием этих славных буден за горами. Если мне удалось избежать этой общей нам заразы, то едва ли не потому, что я очень давно так или иначе имела свои сношения с этими столичными провозвестниками высоких истин,¹ благородства стремлений, чистоты их литературных побуждений, которые провозвестники не находили нужды церемониться с провинциалкою,

державно относиться к ним и, говоря о высокой честности,² в то же время поступали со мною самым бесчестно-литературным образом. Вы хотите знать, что мне заплатила редакция Русского Слова из того долга 2500 р.,³ которые вы видели на счету? Едва одну тысячу и ту в два приема и с передержками. Я привыкла к этому. Мне и вовсе не платили, и обещали много платить, а когда наступало время уплаты, думали было играть со мною в старую гусарскую вербунку,⁴ гремя передо мною кошельком и подсказывая: «вот запишитесь в наш полк, мы вам тогда и денежки заплатим». Я написала этим господам, что меня купить нельзя и что я за их денежки не продам того, что я называю своим достоинством. Теперь, как и с самого начала, у меня простое принятое правило: самой стараться поступать правильно и благородно; а как эти господа поступят со мною, это их дело. Недавно вот г. Краевский, забрасывая удочку новым и старым подписчикам, публиковал имена лиц, которые труды *обеспечены* для его редакции, в том числе упомянул и мое литературное имя.⁵ «Русское Слово», в его благородном соболезновании, постаралось пояснить грустный смысл этого *обеспечения*, сожалея, что и такие литературные личности, как г. Костомаров, допускают *обеспечивать* себя.⁶ Не знаю, как другие, но мое обеспечение состояло и состоит в том: что два года назад я обещала г. Краевскому поместить в его журнале «Старину», когда напишу ее.⁷ Конечно, данное слово, это самое верное литературное обеспечение — но его ли имел в виду г. Краевский, обращаясь к своим подписчикам? Что прикажете делать со всем этим? Писать протесты, заваривать литературную кашу, как заварила ее госпожа Ев<гения> Тур с Русским Вестником?⁸ Лучше всего махнуть рукою и идти своей дорогою. Но однако же новосудная комиссия «Русского Слова» не изволит ли в одно и то же время надувать своего патрона и обкрадывать нас? Если Вы видели долговую книгу журнала, стало, это не тайна, а деловая официальность журнала. Не может же граф Кушелев,⁹ издатель и редактор Русского Слова, объявить себя литературным банкротом и за рубль давать сотрудникам менее чем пятьдесят копеек? Для кого другого, но для графа Кушелева-Безбородко, столько раз публиковавшего на всю Россию, что он знает высокую цену умственных трудов и издает журнал вовсе не из коммерческих видов,¹⁰ — для графа Кушелева это было бы уже слишком бесчестно. Если долг признан и занесен в шнуровую книгу журнала, стало, он официально представлен графу — и не выходит ли оно так: что деньги в одно и то же время берутся у графа и не выдаются нам? Право, об этом не мешало бы похлопотать и разузнать настоящее дело. Мы, величаемые сотрудники, вероятно, не такие богатые люди, чтобы издание графа Кушелева могло учитывать нас больше, чем наполовину.

Но это письмо приходится кончать мне уже в Новом Годе и кончать неприятным для меня уведомлением, что я, несмотря на желание и старание, не могу прислать вам своего рассказа.¹¹ Когда я приступила

к нему, он новоразросся, потребовал совершенного пересоздания и за тем досуга и времени, а ни то, ни другое не далось мне — о чем спешу уведомить Вас, чтобы не задерживать, так или иначе, вашего издания. А с Новым Годом все-таки следует поздравить Вас, если не в начале, то хотя в конце письма, и пожелать Вам всего того, на что богаты бывают новогодние поздравленья. «На счастье! на здоровье!» — вчера деревенские дети приговаривали мне, обсыпая хлебным зерном, — позвольте и Вам сказать то же самое: чтобы наступивший год был на счастье, на здоровье Вам!

2 января 1861.

Макаровка.

Надежда Соханская

P. S. Потрудитесь меня познакомить с личностью Вашего издателя Воронежского Сборника,¹² и, если для него всё равно, что платить прежде, что после выхода Сборника, то пусть бы мне выслали теперь, что следует.

<Адрес:> Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / де-Пуле. / В Воронеж

¹ Соханская вспоминает здесь первый период своей литературной деятельности, когда ее рукописи терялись в редакциях журналов и газет, печатались без уведомления автора и без всякого намека на гонорар и т. д.

² Соханская в своей речи, как многие, часто прибегала к цитатам из «Горе от ума», в том числе и к этим словам Репетилова: «Когда ж о честности высокой говорит...»

³ В «Русском слове» (1860. Апр. С. 119—284) была напечатана повесть Кохановской «Гайка».

⁴ Здесь в значении: несбыточные посулы. *Вербунками* называли песни вербовщиков, заманивавших молодых людей в свои полки, суля им все блага (ту же этимологию имеет название венгерского мужского танца «вербункош»).

⁵ Имеется в виду объявление об издании «Отечественных записок» в 1861 г. Упомянута Кохановская и в объявлении об издании «Русского слова» (1860. Окт. С. I).

⁶ По-видимому, Соханская пересказывает письмо к ней Г. А. Кушелева-Безбородко или Г. Е. Благовестлова.

⁷ См. примеч. 1. к п. 2 и примеч. 7 к п. 3.

⁸ Имеется в виду крупный литературный скандал 1860 г., связанный с переходом части авторов «Русского вестника» в основываемую графиней Е. В. Салиас де Турнемир газету «Русская речь». На высказанное на страницах «Русского вестника» обвинение в переманивании «гонимых писателей» гр. Салиас (Евг. Тур) ответила открытым письмом (Московские ведомости. 1860. 19 нояб. № 252. С. 2000). О заочном знакомстве Кохановской и Евг. Тур см.: *Семья Аксаковых*. С. 372, 396.

⁹ Граф *Григорий Александрович Кушелёв-Безбородко* (1832—1870) — литератор, меценат, в 1859—1862 гг. издатель журнала «Русское слово».

¹⁰ См. Объявление об издании журнала «Русское слово» в 1859 г.

¹¹ См. примеч. 6 к п. 3.

¹² Издателем сборника был *Петр Петрович Готов* (1827—1888), преподаватель (с 1852 г.), а впоследствии (1863—1867) инспектор Воронежского Михайлов-

ского кадетского корпуса; с 1867 г. директор Полоцкой военной гимназии, с 1875 г. в звании генерал-майора, — директор Воронежской военной гимназии.

5

28 февраля 1861 г.

28 февраля 1861.

Макаровка.

Я сейчас отвечала П. П. Гловову и еще под влиянием досады на нашу почтовую контору, ровно в месяц доставившую письмо и деньги,¹ — я сажусь писать к Вам, и знаете ли, что частичку этой досады немножко хочется излить на Вашу голову, Михаил Федорович! Не напиши Вы мне, что мой рассказ должен поспеть, как блин, к 10 генваря, я бы понемножку работала над ним и теперь, может быть, в добрый час он бы и был готов.² Но к сроку 10 генв<аря> я не могла и думать его кончить и, как водится, вовсе отложила думу о нем. Потом мне предстояла большая поездка в Харьк<ов>,³ потом я болела, а теперь мне вовсе *не пишется*, а Вы ждете рассказа. И, право, Вы напрасно много интересуетесь им — скажите это П. П. Гловову. Он не яркий; большинство публики ничего не найдет в нем. Вещь — как бы это сказать? не объективная, а вполне субъективная, касающаяся души — я говорю о себе и притом истину — много ли здесь будет занимательного для публики? Я вышлю рассказ^а на Ваше имя, почти с уверенностью, что Вы примете во внимание мои слова и издатель Гловов найдет благо-разумным отказаться — право так. Затем Вы много нападаете на меня за мою будто бы страсть к археологии. Говорите, что другие легко могут сделать то, над чем работаю я. Не знаю, повторите ли Вы Ваши слова, прочитавши пять глав моей «Старины». А моя приверженность к Археологии, как говорите Вы, вся именно заключается в том, что я чувствую себя обязанною — призванною сделать то, чего другие не в состоянии сделать: не потому, чтобы на то не ставало их, а у них нет тех богатых материалов Старины, живых семейных преданий, которыми я богата и которые я боюсь утратить со смертью своих старушек, матушки и тегушки.⁴ Умри они, и могу смело сказать: последняя нить, связывающая наше поколение с живою памятью дедов, оборвется; а ведь мы настолько выросли, чтобы уметь дорожить этою нитью.

Далее — что значит дохнуть столичным воздухом! Вам уже густа, до невозможности дышать, показывается ваша губернская атмосфера. В утешение Вам можно немножко напомнить, что есть люди, которые живут хуторскою степью, — что, если бы и они еще поднялись роптать? И только ропот! и всё ропот! Когда же наши ропчущие сердца скажут высокое слово мира и благословения! И знаете ли, Михаил Федорович, мне сдается, что они тогда скажут это слово, когда перестанут

^а Вписано над зачеркнутым: его.

искать спасения своему Израилю⁵ в ком-либо другом, и поищут и глубоко найдут его в себе самих. «Се бо царствие Божие внутрь вас есть»,⁶ сказано высокое благовестовательное слово... А Вы, пожалуйста, извините меня, что я замедлила ответом, и однажды навсегда будьте уверены, что меня нельзя оскорбить мелочным несоблюдением какой-нибудь китайской церемонии — для этого я слишком проста по-деревенски и вовсе не притязательна на мелочи. А какую потерю понесли те люди, к которым я в своем хуторке обращаюсь моими лучшими душевными симпатиями. Хомяков и Аксаков, Константин Сергеевич!⁷ Читали ли Вы в Русской Беседе статью Гилярова о судьбе «Убежденных» у нас на Руси?⁸ Я душой приняла эту статью. Хотя так же горько, если еще не горьче, открывать таким образом глубокий смысл преждевременной кончины наших лучших людей — но всё же лучше *смысл*, нежели эта черная казавшаяся бессмыслица, которая поражала нас... Да, однако же позвольте вас поздравить. Наконец ваша «Воронежская Беседа» должна уже увидеть свет Божий... Для кого вы издаете ее? — вот вопрос. Мне кажется, что г. Готов будет в чистейшем убытке. И вообще-то у нас книг мало читают (журналы другое дело), но провинциальную книгу в столицах едва ли станут читать; а в провинциях у нас прочесть-то бы еще прочли, да кто покупать станет? И мне, право, тем совестнее, что вы добиваетесь моего рассказа. Издатель наложит деньги и сведет ли он еще концы с концами. Вышлите мне экземпляр — и позвольте раскланяться с Вами до будущего листка.

Н. Соханская

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / Де-Пуле.

¹ Имеется в виду гонорар за статью «Сличение нескольких русских песен».

² Рассказ не мог быть окончен в этот срок, потому что Кохановская была занята переделками другого произведения — хроники «Старина» для «Отечественных записок».

³ Поездка началась не ранее 16 янв. (как о предстоящей сообщает о ней Соханская в письме к А. В. Плетневой от 15 янв. 1861 г.; РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 162, л. 63).

⁴ Соханская (урожд. Лохвицкая) Варвара Григорьевна (ок. 1790—1873) и Лохвицкая Капитолина Григорьевна (1780-е — 1790-е — 1866).

⁵ Парафраз молитвы св. Симеона Богоприимца «Ныне отпускаеши...»: «Яко видеста очи мои спасение Твое <...> свет во откровение языков и славу людей Твоих, Израиля» (Лк. 2: 30, 32).

⁶ Лк. 17: 20.

⁷ А. С. Хомяков скончался 23 сент., К. С. Аксаков — 7 дек. 1860 г.

⁸ Имеется в виду статья Н. П. Гилярова-Платонова «О судьбе убежденных. По поводу смерти А. С. Хомякова» (Русская беседа. 1860. Кн. II. Отд.: В память об Алексее Степановиче Хомякове. С. 61—88; подп.: Н. Г.—в) — собственно, это его речь, произнесенная на заседании Общества любителей российской словесности 6 нояб. 1860 г.

6

7 марта 1861 г.

Посылаю Вам, так давно ожидаемый, рассказ. Вы сами увидите, что я права, говоря, что подобной вещицей не зазовешь читателей. Но если г. Готов не примет во внимание моего откровенного мнения и захочет печатать, то вот мои условия: 150 р. сер<ебром> за лист — всего за полтора листа рассказа и деньги чтобы мне получить сейчас же, не дожидаясь печатания; а при напечатании выслать мне 10 оттисков моего рассказа. Но если вы примете мои представления и не станете печатать — то прошу Вас тотчас возвратить мне рукопись.

Н. Соханская

7 марта.

1861.

7

3 мая 1861 г.

Христос воскрес!

Мне немножко нездоровится. Голова тяжела, и руки слабы, но надобно же что-нибудь делать, и я сажусь отвечать Вам, Михаил Федорович. Вы совершенно напрасно задаете мне столько вопросов и выражаете так много беспокойства по поводу «Тетушкина Евангелия». Дело совершенно простое, хотя точно очень неловкое с Вашей стороны. Но никакой у меня особенной досады не было ни против Вас, ни против г. Глотова. Эту меру отказать я сама предлагала через Вас г. издателю; а досадовать на свои собственные слова хотя мне и случается не редко, но не в таких обстоятельствах. Вы собственно немножко более виноваты передо мною, нежели г. Готов, и в том именно, что Вы оставляли комфортабельно улегаться Вашей желчи и забывали, что ее-то собственно Вы и должны были поспешить представить мне в Ваше извинение. Благодарю Вас за внимание к моему маленькому рассказу и в доказательство того, что я даже не сержусь за Вашу вторую ошибку, я охотно скажу Вам, что я полагаю сделать с своим рассказом. Я пошлю его к Ев<гению> Тур.¹ Кроме Ваших просьб, я потому еще отдавала его вам, что мне вовсе не хотелось являться в столичной газете, на глаза всех, с моими автобиографическими известиями; но попытка не удалась и не охотный путь лежит передо мною.

Право, что Вы так нападаете на меня за будто бы обуявший меня археологизм, да Вы даже не совсем имеете право на эти нападки. Поставивши недавно повесть Крестовского² и Кохановской, как в одинаковой мере и силе действующиe на Ваше эстетическое чувство, Вы тем самым обращаете меня немножко к археологии. Зачем входить в со-
стыязание с кем бы то ни было и толпиться на общей дороге? Не лучше

ли честно своротить на маленькую тропинку и оставить другим честь и большое место. Никто не в проигрыше, и я не в убытке.

Вам остаются повести Крестовского, а мне — моя археология. Де-леж, как Вы видите, совершенно верный и могущий достаточно удовлетворить Вас, судя по Вашим словам.

Хотелось бы мне что-то поговорить Вам о Ваших словах: «что Вы человек разлада и ропота», но мне так нездоровится, что, пожалуй, мои слова могут показаться Вам словами разлада. Будьте здоровы. Я сегодня прочитала Вашу статью о Подводных Камнях нашей литературы.³ Вы достаточно пишете в Русскую Речь. Не знаете ли Вы, как идет газета? Много ли подписчиков? А ведь издали очень хорошо, но увы! в последних №№ уже завязывается перебранка о старых и новых богах Русского Вестника.⁴ Как это увлекаться так и не пожалеть литературной чести издания? Очень жаль. Мою «Старину» Вы должны уже прочесть, если захотите. Она напечатана в марте и апреле От<ечественных> Записок.⁵

Я не понимаю, на что Вы указываете, говоря, что Вы родились там, где я была прошлым летом.⁶ Далее Изюмского уезда и Харькова я нигде не была.⁷ Фамилию Вельяминовых я точно знаю, но они Тамбовцы⁸ — а Тамбов мне и во сне не снился, каков он на самом деле! Увы! Je rose de Tambow* покойного Мятлева совсем увяли⁹ — но об увяданьи грех говорить расцветающей весной... Еще раз будьте здоровы и извините неуряд письма моей больной головы.

Н. Соханская

3 мая 1861

Макаровка.

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / де Пуле.

¹ Подразумевается газета «Русская речь». Соханская сочувственно относилась к этому изданию гр. Е. В. Салиас де Турнемир и намеревалась там сотрудничать. Здесь были напечатаны два ее ранних очерка (Черты из нашей народности. I. Холера; II. Каменные бабы // Русская речь. 1861. 21 мая. № 41. С. 597—601). Аксаков, однако, еще в 1859 г. предостерегал: «Вы не уживетесь с Гр<афиней> Сальяс и дня. Она добрая женщина, но между Вами ничего общего нет» (*Семья Аксаковых*. С. 42). П. А. Плетнев также выражал удивление, узнав о контактах своей ученицы с московской писательницей (см.: Там же. С. 372). В конце 1861 г. Аксаков от кого-то узнал о несостоявшейся публикации рассказа «Тетушкино Евангелие» в воронежском сборнике и в письме от 20 нояб. осведомлялся: «Вы изволили написать еще Бабушкино Евангелие для Ворон<ежской> Беседы, которого она не могла поместить? Правда ли, и что намерены Вы с этим делать?» (Там же. С. 129). В ответном письме от 5 дек. Соханская на эти слова никак не откликнулась, но решение уже приняла. Она захватила рукопись с собой, когда в янв. 1862 г. уже отправилась было в Москву и добралась до Харькова, но двинуться дальше помешали снежные заносы. 27 янв. из Харькова рассказ был послан Аксакову (Там же. С. 142).

* Тамбовские розы (*фр.*).

² По-видимому, в своем письме Де-Пуле упомянул о заинтересовавшем его романе Н. Д. Хвоцинской (ее литературное имя: «В. Крестовский-псевдоним») «Семейство Подошвиных» (Русское слово. 1860. № 1–3), о котором он чуть позже написал статью «Литература и общественный быт» (Русская речь. 1861. 27 июля. № 61. С. 129–132). Сделанное им сопоставление оскорбило Соханскую, которая не хотела, чтобы ее рассматривали в одном ряду с второстепенной беллетристкой, к тому же близкой к «отрицательному направлению».

³ Имеется в виду статья Де-Пуле «Нечто о подводных камнях и утесах в нашей литературе (Письмо к редактору «Русской Речи» по поводу последнего романа г. Авдеева)» (Там же. 6 апр. № 28. С. 433–435; 9 апр. № 29. С. 449–451).

⁴ Возможно, имеется в виду «Заметка» в № 32–33 «Русской речи» от 21 апр. «Старые и новые боги» — статья М. Н. Каткова (Русский вестник. 1861. Февр. С. 891–904), открывшая полемику его журнала с «Современником» о материалистической философии.

⁵ См. примеч. 2 к п. 1.

⁶ Де-Пуле родился в с. Хренное Липецкого уезда Тамбовской губ., в котором Соханская никогда не бывала.

⁷ Кроме этого, было несколько поездок к бабушке в Корочанский уезд тогда Курской губ., сейчас Белгородской области, где писательница родилась. Эти маленькие путешествия назывались: «поехать в Россию».

⁸ *Вельяминовы* — дворянский род Тамбовской губ.; возможно, Де-Пуле писал об *Александре Дмитриевиче Вельяминове* — выпускнике Санкт-Петербургской духовной академии (1825), преподававшем философию и математику в Воронежской духовной семинарии.

⁹ Отсылка сразу к двум произведениям *Ивана Петровича Мятлева* (1796–1844) — элегии «Розы» («Как хороши, как свежи были розы...», <1834>) с ее последней строкой «На камне — роз моих завянувший веноч») и знаменитой сатирической поэме «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границую, данс л'этранже» («Акулина Курдюкова, / Рюс, из города Тамбова...»).

8

29 сентября — 2 октября 1861 г.

29 сентября 1861
Макаровка

Страх давно я не писала и не отвечала Вам. За это время Вы успели не быть и опять быть в Вашем Воронеже, надыхаться прошлым запахом полей, обленился ех officio* и вновь приняться за дело тоже ех officio. Но я еще не принималась за свое обязательно-литературное дело по вольности «ленивого художника» и пишу к Вам на полном отдыхе. А Вы вот так прямо и подумаете: «в самом деле, что делается г-же Кохановской? Лениится да и только». Но во-первых: я больна самой несносной зубной болью; а боль не есть лень, а самый тяжелый и неблагодарный труд. Во-вторых: целое лето у меня не было дня нравственного отдыха — домашняя возня, суета, неприют в доме, досадное

* По должности (лат.).

ожидание и полное сознание, что вас обманули и посмеиваются предовольно над вашей простотою.¹ В-третьих: я только что отбыла годовщину смерти брата и вот на днях приехала из Харькова.² В Харькове я совершила подвиг. Одна-одинехонька явилась на лекции в Университет.³ И надобно отдать честь новоспеющему духу нашего общества. Не говоря уже о времени Вашего бытия в Университете, но и два-три года назад подобный поступок с моей стороны не обошелся бы мне без студенческой дерзости и грубой насмешки; а теперь какая немножко изумленная тишина водворилась в аудитории, когда я вошла и села, ожидая лекцию Истории Чешской литературы.⁴ И ни слова, ни взгляда, ни малейше чего-либо такого, что бы дало мне почувствовать неосторожность моего поступка: попасть одной в целую толпу студентов, выходящих из аудитории. Затем что мне еще сказать Вам о моей лени? Слышали ли Вы, что Аксаков издает с 1 окт<ября> газету еженедельную «День»⁵ (чуть было я не сказала: *Лень*). И вот в этой газете с первых №№ вы обретете произведение моей лени⁶ — довольно большое и открытое поле для Вашего критического прилежания, Михаил Федорович. Но, оставя шутку, я серьезно уведомляю Вас, если Вы не знали, что издается *День* — что мы, осмысленная здраво публика, обязаны встретить сочувствием и поддержать издание такого честно-умного и благородного деятеля, как Аксаков. Но встретит ли сочувствием почтеннейшая публика, или не встретит, а мое частное сочувствие вполне принадлежит этой газете, и едва ли за нынешний год я где-либо буду помещать свою *литературную лень*, как только там — в Аксаковском Дне.⁷ Но бедный Аксаков, человек энергически-прямой и связанный по рукам и ногам для честной работы. «*Парус*» ему спустили на двух номерах,⁸ и теперь ему, кажется, всё неудачи. Он обещал мне выслать объявление о газете в первых числах августа, потом в первых сентября; а вот и 2 октября, когда я это пишу к Вам, а объявлений еще нет у меня;⁹ но все-таки газета будет — должна непременно быть.

Затем я перечла Ваше последнее письмо и нахожу, что Вы по-Вашему правы, упрекая меня в неэкономии художественного багажа моей «Старины».¹⁰ Будет ли продолжение? Я и сама настояще не знаю.¹¹ Т. е. по-настоящему должно бы быть — но сырая антикварная работа томит меня невыносимо. Я, кажется, вольной художественной ленью отделаюсь от нее и тем более, что уже начало есть и «Рой Феодосий Саввич на спокое» в полной картине широко и полно встает в голове.¹² Но когда этот *Рой* отроится, это еще Бог весть и загадывать на будущее я никогда не загадываю. А что же ваша Беседа?¹³ Тяжела на объем — и на подъем тоже? Ведь это Бог знает что делает с вами ваш петербургский «милостивец»! Бедный Глотов! чрезвычайно приятно пришлось ему потрудиться для литературы! А Вас поздравляю с прекрасным явлением наших литературных дней — с г. Юркевичем! Спасибо, большое спасибо Р<усскому> Вестнику, что он вывел из-под спуда эту философскую личность;¹⁴ а герой-то г. Чернышевский — вот уже настоящий

герой нашего времени,¹⁵ этих возмутительно дерзких, невежественных господ за прилавком фельетонной мудрости.

Но пора кончить письмо, которое выходит чересчур болтливо; а всё оттого, что я, во-первых, по мере сил, стараюсь испустить свое долгое молчание; а во-вторых, потому, что день светел, хорош; голубое, совершенно безоблачное небо веселит солнцем и дает такое расположение духа, что, взявшись за перо, можно исписать целые страницы, говоря о том о сем, а больше ни о чем.¹⁶ Прощайте. Будьте здоровы. Благодарю Вас за вашу Воронежскую Старину,¹⁷ которую, нечего греха таить, я не читала, но подержала благодарно в руках.

Вас уважающая Н. Соханская

Сейчас сажусь писать Уставную Грамоту.¹⁸

Утро 2 октября.

¹ Соханская наняла мастеров для больших переделок в доме (а он был в Макаровке самым простым — обычная мазанка, пусть чуть более просторная, чем у крестьян, с глиняными полами и чуть не соломенной крышей). Мастера эти обманули ее, получив задаток и бросив на все лето работу после того, как уже были разобрана крыша и разломаны старые окна. 9 сент. 1861 г. она рассказывала Плетневым: «...целое лето пропало в напрасных беспокойствах, домашней неурядице. Подрядчик и столяр забрали у меня деньги и самым чистым русским образом обманули меня. 29 августа, когда у нас с неделю лили дожди и стояли холода и ветры октябрьские, подрядчик, не показывая ко мне глаз, прислал сказать мне: что он *теперь* может поставить ко мне 4 человек штукатурить потолки и красить полы. Если бы за все подобные проделки удобств нашей общественной жизни да позволить себе сердиться, это бы крови попортилось не в меру. Я, по счастью, научилась и умею своего рода философией умерять эти портящие кровь порывы. Но все-таки мне не обошлась даром вся эта комиссия. В этом целое лето настужь стоящем доме я простудилась в дожди и холода...» (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 621, л. 108—108 об.).

² О необходимости ехать к мировому посреднику, а затем и в Харьков говорится в процитированном в примеч. 1 письме к Плетневым. О смерти брата см. примеч. 1 к п. 3.

³ Об этом своем «подвиге» Соханская писала Аксакову 9 окт. 1861 г. (*Семья Аксаковых*. С. 124).

⁴ Ср. в том же письме: «Слушала лекцию Вашего знакомого Лавровского о старочешской литературе. Начало Гусситской эпохи; но, после статей “Русской Беседы” “Гусс и Лютер”, я не встретила ничего нового. Мне хотелось лекций о Русской Литературе, но кафедра не была еще открыта. <...> Потебня читал о “Славянских Древностях”. Я подумала, что это разбираются памятники древнеславянской письменности; а это вышло сравнительная филология славянских языков, в которой целую лекцию разобралось одно слово: *чудь*. Немного, право» (Там же). Комментарии к этому фрагменту см.: Там же. С. 423.

⁵ Выход первого номера газеты был отложен на две недели, до 15 окт. 1861 г.

⁶ В первых девяти номерах была помещена повесть Кохановской «Кирила Петров и Настасья Дмитрова», работа над которой была начата 18 апр. 1860 г.

⁷ Кохановская отклонила предложение Аксакова стать его харьковской корреспонденткой, однако высказала самые горячие заверения в своем охотном и постоянном сотрудничестве. «Если бы даже Вы не предложили мне этого вопроса,

я бы сама назвалась к Вам...» (*Семья Аксаковых*. С. 109). См.: *Фетисенко О. Л.* Кохановская (Н. С. Соханская) в газете «День» // «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты. СПб., 2017. Ч. 1. С. 81–94.

⁸ Газета «Парус», задуманная как издание для всех славян, была запрещена после выхода двух номеров — от 3 и 10 янв. 1859 г.

⁹ Аксаков писал Соханской 11 авг. 1861 г.: «С 1 октября я непременно начну газету. На днях вышло Вам программу» (*Семья Аксаковых*. С. 113). Первую редакцию объявления не пропустила цензура. Корректуру этого запрещенного варианта и 10 экземпляров итоговой редакции объявления он отправил в Макаровку 20 сент. (Там же. С. 121). Письмо это было получено только 8 окт. (Там же. С. 122).

¹⁰ Ср. с отзывом Аксакова в письме от 18 июня 1861 г.: «...пожалел, что так много брошено Вами художественного материала без обработки: каждая из этих фигур чем бы вышла у Вас, в повести, при художественной окончности! — Всё это в высшей степени интересно, быстрый очерк намечен рукой художника, но это не составило приобретения для литературы, не врезало глубоких следов» (Там же. С. 112).

¹¹ Хроника была заброшена. Краевский лишь после нескольких напоминаний выслал автору гонорар, что окончательно повлияло на решение не печататься больше в его журнале. 22 нояб. 1861 г. Соханская писала Плетневу: «Когда эта московская выборная дружина узнала, что я отдаю “Старину” Краевскому, она встала на меня как один человек. Аксаков чуть не разбранился со мною в письме. Мне советовали, упрекали, умоляли меня не давать Старины Краевскому, а позволить напечатать ее особым московским изданием. Но мои горячие благородные друзья не замечали того, что они подвигали меня на неблагодарное дело: изменить данному обещанию. Поступить с человеком бесчестно на том основании, что этот человек сам не совсем честно поступал, или поступает с другими. На это я не могла согласиться. Обещание Краевскому было дано в то время, когда я едва знала о каких-то Славянофилах по насмешкам над ними петербургских журналов. Я и в то время уже сочувствовала им, и это самое сочувствие обязывало меня поступать так, чтобы я имела нравственное право сознать свою внутреннюю связь с их благородным кругом» (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 621, л. 112 об., 115).

¹² Повесть «Рой-Феодосий Саввич на покое» будет завершена только в 1864 г.; опубл.: День. 1864. 1 февр. № 5. С. 4–9; 8 февр. № 6. С. 4–7; 15 февр. № 7. С. 4–8; 22 февр. № 8. С. 3–9; 5 марта. № 9. С. 5–13; 8 марта. № 10. С. 5–9; 14 марта. № 11. С. 3–9; 21 марта. № 12. С. 16–20; 28 марта. № 13. С. 7–10; 11 апр. № 15. С. 4–11.

¹³ Имеется в виду сборник «Воронежская беседа», выход которого задержался.

¹⁴ В «Русском вестнике» (1861. Апр. С. 79–105; Май. С. 25–59) была перепечатана из журнала «Труды Киевской духовной академии» и сопровождается предисловием М. Н. Каткова статья *Памфила Даниловича Юркевича* (1827–1874) «Из науки о человеческом духе», в которой разбиралась анонимно напечатанная в «Современнике» (1860. Кн. IV) диссертация Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Эта публикация вызвала большую журнальную полемику.

¹⁵ Чернышевский ответил Юркевичу статьей «Полемические красоты» (Современник. 1861. Кн. VI. С. 447–478; Кн. VII. С. 133–180).

¹⁶ Выражение «того, сего, а больше ничего» встречается в периодике 1860-х — 1870-х гг. и, возможно, восходит к «Евгению Онегину» («Подобием того-сего»; гл. 4, стр. XLV).

¹⁷ Имеется в виду сборник: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1861. Кн. I. Впервые «Материалы...» были напечатаны в «Воронежских губернских ведомостях» в 1858, 1859 и 1861 гг.

¹⁸ *Уставные грамоты* — соглашения между помещиками и крестьянами, в которых определялись условия надения крестьян землей, размеры наделов и по-

винности временнообязанных крестьян; утверждались мировыми посредниками, а в отдельных случаях — Губернскими по крестьянским делам присутствиями. Соханская должна была отправиться к посреднику (*Семья Аксаковых*. С. 122).

9

25 ноября 1861 г.

25 ноября, 1861.

Макаровка.

Что с Вами, Михаил Федорович? С каких пор я не имею от Вас никакого известия и в литературе Вас не слышать.¹ Говоря просто по-деревенски: я не падка на новые знакомства; но точно также я не расстаюсь легко и не могу отказаться без сожаления от однажды принятых отношений. Я писала к Вам в первых числах октября, а теперь последние ноября, и нет от Вас никакой вести. По литературе я знаю, что Вы испытали дружескую большую потерю: умер Никитин.² Не живетя на Руси ее лучшим людям. Такой уже воздух у нас. И как это грустно — тяжело и горько, что в то время, когда человек бился как рыба об лед, в этих конвульсивных движениях была жизнь; а выплыл немного на широту, пробил ледяную кору — и не стало жизни, не стало человека! Мне особенно грустно за мою неудавшуюся надежду. Я ожидала окончания моей начинающейся повести в Дне³ и оттисков ее, и мне так хотелось через Вас послать ее Никитину и хотя чем-нибудь заявить то глубокое сочувствие и уважение, какое мы должны чувствовать к этим неожиданным и нечаянным самородкам открывающейся нам духовной силы народа. Я не совсем здорова. Нервы начинают изменять мне. Целая половина головы болит от письма и чтения, бунтует нервными криками против мысли. Умирать пора... А Ваша *Беседа* наконец-то воскресла и оказалась в живых между новыми книгами.⁴ Пошли ей, Господи, скорую книгопродавческую смерть, т. е. распродажу! Передайте это мое желание г. Глотову — и за тем прощайте! Будьте здоровы и верьте искренности живого благородного сочувствия к Вам

Над. Соханской

А каков *День*?⁵ Ведь настоящий серьезный, работающий мыслью и словом день!

¹ Последняя статья, опубликованная Де-Пуле в 1861 г. в «Русской речи» (рецензия на книгу бар. М. А. Корфа о М. М. Сперанском), находилась в №№ 82 и 83 от 12 и 15 октября.

² И. С. Никитин скончался 16 окт. 1861 г.; Де-Пуле был душеприказчиком поэта.

³ Публикация повести будет завершена 9 дек. 1861 г. (в № 9).

⁴ О выходе сборника «Воронежская беседа» Соханская узнала из газетных сообщений.

⁵ Имеется в виду газета Аксакова.

8 января 1862.

Макаровка.

Минуя всякие официальности, я не поздравляю Вас с праздниками, которые прошли, — с Новым Годом, который наступил, не величаю Вас никакими воззваниями, ни пожеланиями; а просто верст за 500 протягиваю Вам руку и говорю: здравствуйте, Михаил Федорович! Наконец-то Вы ответили на мои домогательства: где вы и что вы? И что такое делается с Вами, что не пишете Вы? Я полагала, что не в Петербурге ли Вы по делу «Воронежской Беседы». А хорошее дело эта Беседа! *Книга*, можно сказать ей в дельную, настоящую похвалу. Как-то она расходится, любопытно знать? Провинциальная Книга, есть ли ей ход в столицах? Судя по отзыву «Русской Речи»,¹ кажется, должен бы быть. На первых страницах Кольцов и Никитин,² и оба — умершие. А что за прелесть этот виртуозный аккорд природы, внесенный в страшную дисгармонию и нищету человеческой жизни.

Вот уж вечер идет,
Росой травку кропит;
В синих тучах зоря
Разыгралась — горит.

И эти золотые дворцы, и золотые сады, и янтарный мост через синюю глубину, и всё это в виду старых избенок, в которых сырость и темнота и теснота — и этот мимолетный колокольчик

Прозвенел по селу,
В чистом поле поет;
На широкий простор
Душу-сердце зовет.³

Но такова сила природы и сила веяния поэзии, этой истинной высшей природы человеческой жизни, что она и томит, и вместе освежает вам душу — кропит ее, как ту травку рососою. Упокой, Господи, душу человека и дай ему видеть светлость Божественного Лица, Которого неисповедимую красоту он уже прозревал здесь на зарях и тучах, в звоне и шорохе всемирной сотворенной жизни! Поминая так душу поэта, легче становится собственной душе: у нее будто подрастают крылья.

А мне и очень бы к делу пришились на это время крылья. Я собираюсь подняться к концу этого месяца и полететь в чужую сторону — в чужо-дальню-незнакомую: в Москву и Петербург⁴ — и даже избавляю Вас от тяжелой обязанности отвечать мне на это письмо, покуда сама не напишу Вам в другое, где я буду находиться.

Вы, пожалуйста, не примите этих моих слов за какой-нибудь затаенный под шуткою упрек — вовсе нет. У меня не слишком-то весело на

душе, и потому я шучу на словах. Скажите, пожалуйста: когда мы со всех сторон перестанем жаловаться на одиночество? Вы пишете: «Итак, я одинок теперь остался в Воронеже»; Аксаков пишет: «Вы не поверите, в каком душевном и умственном одиночестве обретаюсь я после смерти Хомякова и брата»⁵ — и это из Москвы, и из большого губернского города; а мне уже и говорить смешно об одиночестве в моей Макаровке. И в самом деле, какое же одиночество? Прекрасная русская природа до того засыпана снегом, что ни проезду, ни выезду из красот ее нет. Волки, лисицы и зайцы подобрались к самым жильям — самое естественное сообщество для человека, и у меня под самым моим окном зайцы в снегу кублы⁶ выбивают и залегают лежать очень спокойно и очень довольны. И совершается полная гармония природной жизни: зверь приближается к человеку и человек к зверю.

Но довольно об этом. У человека должна быть, если он человек, та благая и великая сила души, которая поводом выводит его из этого звереобразного подобию на широту мысли и глубину человеческого чувства. Но что это я зафилософовалась у Вас сегодня на письме?

Поговорим-те о чем-нибудь обыденно-житейском. Какой предмет Вы читаете, или преподаете в Корпусе?⁷ Много ли новым духом пахнуло на Ваше заведение? Как Вы себя чувствуете на вашем месте? Какова атмосфера? Душит ли Вас добропорядочно или^a не совсем много захватывает дыхательное горло?

А Вы хотите от меня «Старины»? Нету. Вы знаете, как поступают столичные с нами, провинциалами? Краевский после всех своих медоточивых фраз все-таки настолько дурно поступил со мною, насколько мог, и не выслал мне оттисков, хоть слово о них было.⁸ Вы еще хотите моей карточки? — Тоже нету теперь. В сентябре, когда я писала к Вам, я даже держала карточку в руке и совсем готова была положить ее в конверт Вашего^b письма, но остановилась. От Вас желания не изъявлялось, а самой навязываться своим маленьким портретом — для этого я немножко горда и как женщина, и как писательница; да и не очень щедра на рассеивание своих фотографических подобию. О сю пору две только моих карточки находятся в чужих руках: в Петербурге у Плетневых и в Москве у Аксакова⁹ — и ни у кого более; но вам я вышлю из Москвы с удовольствием — конечно, взамен на Вашу карточку.

Вечер. Вы говорите о своем 40-м году¹⁰ и о втором *тысячелетии*.¹¹ Конечно, и то и другое хорошо, но знаете — немножко лицо наизнанку. Тем-то и живет наша матушка Россия, что десятки миллионов нас с Вами умирают в 20 или в 40 годах — для нее это всё равно, и для тысящелетнего счета наши года одно круглое валовое число. Отдельную человеческую личность этот круговой загон души печалит. Но Вы, видно, человек бодрый, на здоровье Вам. Но Вы спрашиваете о моем «Рое

^a Далее зачеркнуто: только.

^b Исправлено; было: к вам.

Феодосии Саввиче»¹² — подвигается ли он? Нимало. Еще и не начинал роиться. Я еду в столицы потому, что Плетнев взялся хлопотать об издании моих сочинений.¹³ так все-таки лучше собственную руку приложить к собственному делу. И поэтому случая, не думая о Рое, я думаю о подготовке старой роевщины к новому выходу в свет. Но на мне лежит такая тяжелая апатия, может быть, в связи с моим нездоровьем — с истомившей меня зубной болью, которая расшатала все головные нервы, что я ни читать, ни писать почти не в состоянии. Насилу разде<ла>лась с своим Кирилою.¹⁴ А скажите, пожалуйста, какими путями в Москве и Аксаков могли узнать о «Тетушкином Евангелии» и что оно не могло поместиться в «Воронежской Беседе»?¹⁵ На праздниках Кушелев прислал мне телеграмму с поздравлением и, конечно, с маленькой просьбою о *новости*.¹⁶ Мне дают 200 р. сер<ебром> за лист без спору, без разбору... Но что такое Русское Слово с философией г. Писарева? Громко проповедуемый материализм.¹⁷ Мне тонко намекают: что в области чистого искусства нет ни строгих убеждений, ни строгих антипатий к направлениям. А что же в искусстве есть, по мнению этих господ? Безразличие летучей фантазии, сегодня представляющей то *белым*, что вчера казалось *черным*, — без скрепы основного взгляда на жизнь, когда именно этот взгляд, живой и жизненный, и есть именно та заветная сила искусства, которая почерпается из *убеждения*, а не из *увлечения* материализмом. Похвалу себе во «Времени» я читала.¹⁸ Ничего, хороша. Повторение с высшей точки литературного зрения всего того, о чем Р<усская> Б<еседа> говорила толково и просто.¹⁹ А заметили ли Вы, господин Критик, как мило *Время* в своих речах и критических разборах? Оно никогда не относится к предмету прямо, а всегда *по поводу* чего-нибудь... По поводу пролитого масла говорит о прошлогоднем снеге, ведь это очень мило.

Но о чем я не наговорила Вам на этих зеленых страничках? Благо, что бумага всё терпит, а перо, хоть дурно, а пишет.

II <января.> Вечер. Вот когда мне приходится домарывать Вам эту страничку и, знаете ли, с каким мнением и убеждением? Вот с каким. Мы, люди немножко ненормальные, чувствующие себя одинокими на плоском и широком лице нашей матушки Руси, должны быть поболее внимательны друг к другу и не должны очень стесняться таким недалеким расстоянием, как 900 или тысячи полторы верст (для мысли и сочувствия нет счета верст) — так вот я говорю: что мы можем не стесняться гоньбою почтового измерения и очень можем искренно и радушно подать друг другу руку, не справляясь с расстоянием. Я это и делаю, Михаил Федорович, и протягиваю Вам руку с той маленькой предупредительностью, на которую вообще способны женщины. Если когда-нибудь под тяжелую минуту придется вспомнить: что есть человек, хотя бы на краю света, который, будь он поближе,^a немножко по-

^a Далее зачеркнуто: всё.

человечески принял бы с нами эту минуту, — все-таки станет будто легче от этой мысли. Вот это маленькое облегчение предлагаю Вам радушно и искренно, протягивая руку во всю длину расстояния от Макаровки до Воронежа (хоть моя рука вовсе не так велика) и желая Вам лучшего, что можно пожелать одиноким людям: силу душе и свет и возбужденность мысли.

Н. Соханская

¹ «Русская речь» откликнулась на выход сборника «Воронежская беседа» статьей А. С. Суворина (подп.: А. С.) «Наши герои» (1861. 16 нояб. № 92. С. 625–629). См. также: М—к И. <Афанасьев А. Н.> Кольцов и Воронежские педагоги (Воронежская Беседа...) // Там же. 14 дек. № 100. С. 753–756.

² Сборник открывали пословицы, собранные А. В. Кольцовым, за ними следовала поэма И. С. Никитина «Тарас» и другие его произведения (стихотворения, повесть «Дневник семинариста»).

³ Цитаты из поэмы Никитина «Тарас» (Воронежская беседа... СПб., 1861. С. 1–2).

⁴ Из Макаровки Соханская выехала 20 янв. 1862 г., доехать удалось только до Харькова, а большое путешествие было отложено до лета.

⁵ Цитата (с небольшой неточностью) из письма Аксакова от 20 нояб. 1861 г. (*Семья Аксаковых*. С. 130).

⁶ Кубло — гнездо, логово; одно из значений — ямка.

⁷ Де-Пуле преподавал русский язык и историю.

⁸ Соханская рассчитывала получить 25 оттисков (ОР РГБ, ф. 391, ед. хр. 726, л. 4 об.).

⁹ Аксаков и Соханская обменялись фотографиями в окт. 1861 г. (*Семья Аксаковых*. С. 124–125). Плетневым свою карточку Соханская послала вместе с письмом от 21–22 нояб. того же года (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 621, л. 110).

¹⁰ Сорок лет Де-Пуле исполнялось 12 окт. 1862 г.

¹¹ Подразумевается 1862 г., официально объявленный годом тысячелетия Руси.

¹² См. примеч. 12 к п. 8.

¹³ См. об этом: *Семья Аксаковых*. С. 434–435.

¹⁴ Имеется в виду повесть «Кирила Петров и Настасья Дмитрова».

¹⁵ См. примеч. 1 к п. 7.

¹⁶ См. подробнее в письме к Аксакову от 27 янв. 1862 г.: *Семья Аксаковых*. С. 143. 29 января об этом же она сообщала и Плетневу, поясняя: «День и Русское Слово — большой скачок в убеждениях надобно сделать, чтобы перейти от одного к другому. А служить нашим и вашим — немножко не в моем хуторском вкусе» (цит. по: Там же. С. 441).

¹⁷ Имеется в виду статья Д. И. Писарева «Схоластика XIX века» (Русское слово. 1861. Май. Отд. II. С. 43–82; Сент. Отд. II. С. 1–34), в которой говорилось, в частности, о том, что нужно отвергнуть идеализм (он-то и назван был схоластикой) и расчищать дорогу материалистическому мировоззрению, а для этого «что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (*Писарев Д. И.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 2000. Т. 2. С. 284).

¹⁸ Речь идет о статье «Явления современной литературы, пропущенные нашу критику. Г-жа Кохановская и ее повести» (Время. 1861. Сент. Отд. II. С. 20–34), об авторстве которой до сих пор ведутся споры (см. подробнее: *Семья Аксаковых*. С. 424). А. С. Суворин писал Де-Пуле от 27 окт. 1861 г.: «Заметили, что “Время” Ко-

хановскую относит к явлениям пропущенным» (*Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле / Публ. М. Л. Семановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 155*).

¹⁹ Здесь подразумеваются статьи К. С. Аксакова (О повести г-жи Кохановской «После обеда в гостях»... // *Русская беседа. 1856. Кн. IV. Отд. V. С. 141—144*) и Гилярова-Платонова (О повести г-жи Кохановской: «Из провинциальной галереи портретов»... // Там же. 1859. Кн. III. Отд. V. С. 65—68). Автор статьи во «Времени» (мы разделяем предположение о том, что это был Ап. А. Григорьев) совершенно в духе сотрудников «Русской беседы» сопоставлял повести Кохановской с «Капитанской дочкой» Пушкина и «Семейной хроникой» Аксакова и отмечал, что в этих произведениях русская жизнь отражается «своими *положительными* сторонами» (Время. 1861. Сент. С. 28).

II

29 января 1862 г.

Харьков
29 января 1862.

Вместо Москвы я, видите, откуда пишу Вам, Михаил Федорович. Сушь встала волнами и буграми разъяренного моря, чтобы преградить мне поездку в Москву, и я поворачиваю кормило моего корабля — так, кажется? и отправляюсь назад в Макаровку.¹ Нет никакой возможности ехать. Мальпосты² не ходят; дилижансы по пяти дышл ломают в сутки, пассажиры разбивают в них головы, испытывают морскую болезнь и, спасаясь от мук, отправляются на перекладных. Вот и разбитие всех предположений! Немножко досадно, жаль сборов; но, впрочем, у меня есть заветное утешение: что ни делает Бог, всё к лучшему — и я мирюсь со всем, т. е. что касается меня. Вчера я была в Воскресной школе,³ в художественном музее Университета,⁴ который теперь по праздникам открыт для посетителей. Сегодня спешу на лекции старинной, т. е. древней, Русской и Чешской литературы и мараю Вам сие уведомление, что я опять в Макаровке⁵ и Вы можете писать ко мне по прежнему адресу, не ожидая московских писем от меня. Прощайте, будьте здоровы, спешу...

Н. Соханская

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / Де-Пуле. Почт. штемпель: Харьков. 2ефевр. 1862; Воронеж, 9 февр.

¹ В Харькове Соханская оставалась до 6 февр. 1862 г.

² Почтовые кареты.

³ См. в письме к С. Т. Аксакову от 2—4 февр. 1862 г. о встрече с организатором харьковских воскресных школ Павлом Ивановичем Ладовским (*Семья Аксаковых. С. 144*).

⁴ Имеется в виду Музей изящных искусств и древностей Харьковского университета, устроенный в 1837 г. на основе созданного при университете в 1807 г. Каби-

нета редкостей. Для пубрики музей был открыт в янв. 1861 г. См.: Филиппенко Р. И. Е. К. Редин и Музей изящных искусств и древностей Харьковского университета // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 89—96.

⁵ Вернуться в Макаровку Соханской удалось только 8 февр. (*Семья Аксаковых*. С. 440).

12

5 апреля 1863 г.

5 апреля 1863.

Христос воскрес!

Весенний, великий праздник, здравствуйте, Михаил Федорович! Очень рада, что мой авторский подарок вызвал Вас на письмо; только куда Вы его адресовали? Когда я довольно давно у себя в Макаровке. Уезжая, я отвечала Вам из Харькова и в том письме отправила свою хотя не очень удачную карточку — и потому Ваше молчание было для меня немножко странно. Благодарю Вас за Вашу изящную карточку. Какая, однако же, у Вас отвечающая Вашей фамилии не-русская физиономия! Особливо это чувствуется после московских широких лиц, наметавшихся в глаза. А славные чистые лица! Поглядев на них, только начинаешь понимать, как *народна* наша русская иконопись. Не знаешь, как решить себе: лица ли эти сошли с икон, или они сами просятся в Апостолы да в чудотворцы Николаи на иконы?...

Благодарю Вас еще раз за Вашу карточку; но теперь я не знаю, когда мне доведется послать Вам свою? Ни московских, ни петербургских карточек у меня более нет, и в Харькове скоро мне не придется быть.

Роман мой тяжело дается мне.¹ Закрывать глаза и запечатать уши на всё живое современное и забраться в далекую глушь, этот труд стоит огромных усилий авторской души. И труд без драматизма, спокойный эпический труд — я знаю, что за него немногие скажут спасибо. И Вы едва ли будете из числа их — но я отвечаю внутреннему призыву души сделать свое дело; а там что Бог даст. Я очень довольна своею поездкою² в том отношении, что меня теперь ничто не манит впереди. Прямее смотришь на вещи. Большие города, зубчатые стены Кремля, дворцы, Нева, картины, картины! буро-зеленая морская волна и люди, как люди, без ореолов, и все мы под Богом ходим, говоря по-русски... Впечатление, как видите, довольно широкое и совершенно спокойное.

Прощайте. Будьте здоровы. Вы попрекаете меня авторской ленюю; а Вам-то самим не грех притихнуть совсем в нашей литературе?.. Петру Петровичу Гловову мой усердный поклон... Вам не за что благодарить Ив. С. Аксакова по поводу моих сочинений — это я сама назначила ему послать Вам экземпляры.³

Н. Соханская

¹ Речь идет о повести «Рой-Феодосий Саввич на спокойе».

² Подразумевается поездка в Москву и Петербург летом — осенью 1862 г. (см. подробнее в кн. *Семья Аксаковых*).

³ Аксаков рассылал изданный им двухтомник «Повести Кохановской».

13

22 мая 1864 г.

22 мая 1864.

Макаровка.

Что Вы подумали обо мне за этот год молчания, Михаил Федорович? И почему я не писала Вам?.. Только не потому, чтобы я не хотела — а я напротив, получивши Ваше письмо с приложением статьи о Никитине¹ — письмо, где было несколько теплых слов вообще и умиленное воспоминание о Вашем детстве — о церкви, где Вы ребенком певали на клиросе и взрослым человеком, утеревшим нить прямой естественной жизни, — Вы плакали невольными облегчительными слезами, — я хотела отвечать Вам на это письмо именно много и тепло, и искренно. Но для такого большого письма нужен досуг не внешний, а внутренний — нужно, чтобы душа, мирная и свободная, взяла из сердца и заговорила... А у меня на душе был грузом тяжелым, еще не сложившимся, мой Рой.² Это истинно был труд души, полный сомнений, борьбы, недоумения. Вся душа была занята и томима им. Я думала, что я никогда не разделяюсь с моим Роем — и я же с первых строк знала, что немного будет сочувствующих моему труду. Но если бы их не было и ни одного — какая нужда! Я пишу по тому внутреннему побуждению, которое велит мне писать вот *это*, а не то *другое*, что могло бы понравиться публике. Но, впрочем, успех Роя более ожидаемого, хотя вовсе не всеобщий, но здесь качество вознаграждает меня за количество.³

....Итак, если бы я хотела написать вам маленькое и обыкновенное письмецо, я бы, конечно, написала; но мне всё хотелось поболее, по теплее и почеловечнее написать, а это не удавалось, а время задавнилось и пошло, пошло на целый год... Увидевши в Дне Вашу статью рядом с своею,⁴ я почувствовала такой укол совести, что в ту же минуту хотела было взять перо и написать Вам — но подумала: Нет уже! попространнее напишу после Роя. (Рой печатался и дописывался мною.⁵) Дописавши, я так всеполно отдыхала, так рада была возможности и свободе не писать — что, кажется, к человеку самому сердечно любимому я могла бы в то время написать только два слова: «Кончила Роя». Затем скоро наступила Страстная и Святая Неделя; я говею на Страстной и на целую неделю уезжаю из дому к церкви.⁶ На Праздниках я уехала верст за 150 к добрым знакомым,⁷ которым я в той же мере, если не более была должна визитом, как Вам письмом; а возвращаясь

домой, я простудилась чуть не до смерти. И вот теперь, ставши на ноги и прибирая бумаги у себя в секретере — я встретила Ваше письмо и, уже не отлагая ни минуты, села и вот пишу Вам. Вы просили моего портрета... Я должна дать Вам и отдаю последнюю петербургскую карточку, которую я давала только очень немногим и дорогим мне. Ее пожелала иметь у Себя и Императрица, узнавши от Тютчевой, что я даю эту карточку только близким друзьям своим.⁸ Возьмите и Вы, Михаил Федорович, и простите мне, если мое молчание оскорбило Вас. Я вам чистосердечно сказала всю истину; а Вы скажите мне в добрую минуту: что Вы подумываете и подельваете, кроме Ваших Ведомостей?⁹

Как Вам показался Рой? Говорите с полнейшею, самой резкой откровенностью — помня слово: что одни поддельные цветы дождя боятся, а я ведь простой, степной, самородный цвет — если позволите так выразиться

Кохановской.¹⁰

Тургенев, прочитавши первую главу Роя, сказал: *Mais c'est un hurlement! Elle ne parle pas — elle hurle!*¹¹ Но под конец признал во мне большой несомненный талант. — Сл<едовательно>, до Роя Тургенев сомневался.¹¹

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / Де Пуле. / В Кадетский Корпус. / Со вложением фотографической карточки / 20 мая 1864 года / Ст<анция> Теплянка.

¹ Речь идет о статье «Сведения о жизни и деятельности И. С. Никитина» (Русский архив. 1863. Вып. 5—6). Позднее Де-Пуле написал биографию Никитина (опубликована в 1867 г. в «Виленском вестнике», отд. изд.: Вильно, 1869).

² Активная работа над повестью «Рой-Феодосий Саввич на спокойе» шла в 1863 г., первые главы (третья часть всего произведения) были отправлены Аксакову в январе 1863 г. (*Семья Аксаковых*. С. 484).

³ Некоторые отзывы о повести см.: Там же. С. 217—218, 220—223, 226—227, 484—487, 490.

⁴ Имеется в виду статья: Де-Пуле М. По поводу провинциального безмолвия (Письмо к редактору Дня) // День. 1864. 15 февр. № 7. С. 1—4. Сразу за ней (с. 4—8) следовала третья глава повести Кохановской. Позднее Де-Пуле поместит две статьи в аксаковской «Руси» (1883—1885).

⁵ 1 марта 1864 г. Соханская писала А. В. Плетневой: «А Рой печатается. Вот через 4 дня мне уже нужно высылать новую главу, а я совершенно не могу и не думаю писать. <...> Может быть, это следствие погоды (у нас открылась весна туманами и мелкими дождями), или я чересчур засиделась над тяжелым трудом (его, я слышу, называют *великим*) и мне бы нужно было какое-нибудь внешнее развлечение и возбуждение — но всё внешнее возбуждение состоит в том, что я *должна* писать, чтобы известный отдел готов был к известному числу. А может быть, это самое: *должна* и убивает во мне художественную работу и охоту... Но ведь мне это тяжело, страшно тяжело, Сашенька. Эта разладица внутри — такое время, под которым я лежу как чурбан. Хотя бы было прочитать что живительное — ничего нет, ника-

^a Но это курлыканье! Она не говорит — она курлычет! (*фр.*).

кой книги! Всё добывай из самой себя: и мысль и возбуждение. Людской братской помощи ни откуда не жди — нет ее ни в чем ни на булавочную головку. <...> завтра Великий Пост. Я люблю испытывать на себе его отрезвляющее действие. Бог даст, немота моей души пройдет и оживится воля, и заговорит мое слово в Рое» (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 9, ед. хр. 163, л. 7 об.—8 об.).

⁶ Соханская говела в церкви села Савинцы, в 7 верстах от ее хутора.

⁷ Речь идет о поездке в Каменку (в том же Изюмском уезде), имение большого семейства Малиновских (потомков директора Царскосельского лицея) и их родных. Соханская была особенно дружна с *Марией Васильевной Вальховской* (урожд. *Малиновской*; 1809—1899), вдовой декабриста В. Д. Вальховского и ее дочерью *Анной Владимировной* (в замуж. *Носовой*), общалась и со старшей сестрой М. В. Вальховской, баронессой *Анной Васильевной Розен* (1797—1883) и ее мужем, также бывшим декабристом бароном *Андреем Евгеньевичем Розеном* (1800—1884). Розены поселились в Каменке в 1856 г. О поездке, упоминаемой в данном письме, см.: *Семья Аксаковых*. С. 225.

⁸ Имп. Мария Александровна была знакома с произведениями Кохановской и имела сведения о ее жизни еще до состоявшегося летом 1862 г. ее официального представления, устроенного с помощью *Анны Федоровны Тютчевой* (1829—1889; в 1866 г. она станет женой И. Аксакова), фрейлины императрицы и воспитательницы ее младших детей. В конце 1861 г. Соханской был послан подарок императрицы — драгоценная брошь, которую она в 1862 г. смогла сдать в Кабинет подарков, чтобы получить деньги. В дальнейшем было еще несколько встреч, в том числе во время посещения Царской семьей Святогорского монастыря в Харьковской губернии. Дважды Соханской предлагали преподавать великим князьям русскую словесность, но она отказывалась. См.: *Семья Аксаковых* (по указателю).

⁹ В 1862—1863 гг. Де-Пуле был редактором неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей». Он тяжело переживал удаление из редакции, о чем писал И. С. Аксакову (см. Приложение).

¹⁰ Соханская лишь в исключительных случаях подписывалась в частной переписке своим литературным именем. Здесь она делает это, поскольку речь идет о ее романе.

¹¹ Этот отзыв И. С. Тургенева Соханской передал Аксаков в письме от 23 апр. 1864 г. (*Семья Аксаковых*. С. 220). В то же время она получила и другое известие о восприятии Тургеневым ее повести — от Плетневых, встречавшихся с писателем в Париже (Там же. С. 226).

14

30 октября 1864 г.

30 окт<ября> 1864.

Макаровка.

Не мстите, Михаил Федорович. Мечь вообще дурное движение души; но Вам, 42-летнему идеалисту, «наказывать» женщину — давать ей отместку тем самым орудием, которое она, в горячем раскаянии о своей вине, принесла и положила перед Вами, это, по меньшей мере, не совсем идеально. Вы воспользовались Вашим правом и Вы забыли, что могли наказать меня глуже и вернее: Вашим великодушием, простивши меня. А теперь Вы достигли того: если мне случится еще провиниться перед Вами, то я уже не попрошу прощения — никогда! Но

я благодарю Вас, что, несмотря на реальную месть, Вы поделились со мною известием о том, что предполагалось быть с Вами и не сбылось. Но меня удивляет то: что Иван Сергеевич, человек, понимающий дело, мог предложить Вам дважды то, что ни разу не могло утвердиться за Вами.¹ Но, впрочем, *неудачи* часто находят для себя часто такие маленькие извилистые пути, что их не углядишь и не проследишь. Так что же теперь? Вы все-таки хотите оставить ваш Воронеж и переселиться в Москву. Дай Бог к лучшему. Рыба ищет где глубже, а человек где лучше. Вы находите, что Вам позволительно желать покинуть старое гнездо и свить его на новом месте, где чуется больше свободы и воздуха... А ведь воздух-то самый лучший для человека тот, в котором он родился и к которому привык. Смотрите, чтобы Вам не взгрустнулось в Москве по Воронежу. Вы — идеалист 40-х годов — хорошо знаете, что с проведенной жизнью в сердце нарастают какие-то таинственные фибры, которые привязывают нас и к месту, и к людям, и хоть вместе подчас нам бывает тошно, а по розну выходит иногда очень грустно. Но, не говоря фразой, а искренним словом: мне будет очень приятно порадоваться Вашим внутренним довольством, когда Вы переберетесь в Москву или куда бы то ни было, и на новоселье напишите мне от души откровенно и весело, как человек, которому хорошо себя чувствуется и заново не плохо живется. В ожидании чего я со смирением прочла Вашу заметку о *Рое*² и на одно только могу по совети ответить Вам не как старому грешнику (Ваши слова), воспитанному на Эстетической Критике, а как знакомому незнакомцу, говоря с ним совершенно откровенно. Вы можете досадовать и критически гневаться на что Вам угодно, находя, что и то не по Вашему эстетическому вкусу и другое; но не говорите: что картина *умышленно* не полна, что художник *умышленно* пренебрегает всеми принятой манерой изображения. Верьте же моему слову, что никакого, ни малейшего умысла во всем этом нет. Может быть, этим обозначается неполнота, недостаточность моего дарования к совершеннейшему изображению того, о чем пишу я; но заранее принятого намерения писать именно вот так, а не *как пишется*, этого у меня положительно нет. Я владею только главной основной силой произведения, его сюжетом в крупных чертах, все же остальное является само собою под пером с такой силой чего-то внутренне самодействующего, что я иногда сама себя спрашиваю: к чему это и зачем? Кажется, оно вовсе не нужно и не будет идти. Но я пишу по какому-то неотступному побуждению и, написавши, полнейше вижу, что место, возбуждавшее мое сомнение и нерешительность вначале, — имеет всю свою художественную необходимость в полноте создания.... «По моему крайнему разумению», добавляю я: потому что писателю, когда он стоит один на один перед своим созданием, гоняться за чужим разумом немножко некогда.

Пишу к Вам на маленьком новоселье, т. е. оканчиваю письмо. Знаете ли Вы или не знаете, что я совершенно одинока, живу с двумя живы-

ми летописями старины, матушкой и тетушкой; но вот к нам на зиму приехала моя двоюродная сестра с ребенком.³ Я уступила ей свой угол в нашем небольшом доме, а сама перебралась во флигелек и праздную свое новоселье окончанием письма к Вам. Будьте здоровы и благополучны в Ваших желаниях и исканиях — искреннее желание уважающей Вас Н. Соханской

<Адрес:> В Воронеж. / Его Высокородию / Михаилу Федоровичу / де Пуле. / В Кадетский корпус. Почт. штемпель: Воронеж, 21 ноября 1864

На обороте другой рукой: 14 ноября 1864 года / Ст<анция> Теплянка

¹ Весной 1864 г. И. С. Аксаков сначала предложил Де-Пуле стать редактором газеты «День», а затем, откликаясь на просьбы знакомых, служивших в Северо-Западном крае (как назывались польские и литовские губернии), — редактором «Виленского вестника» (это предложение критик и примет в 1865 г.). Одновременно в переписке с Аксаковым обсуждалась возможность поступить на службу директором одной из гимназий в Виленской губернии или в Белоруссии.

² Вероятно, подразумевается не статья, а отзыв в письме.

³ Любовь Михайловна Зенкович (урожд. Лохвицкая, во 2-м браке Лавринович; ?—1876) и ее дочь Мария Онуфриевна (в замуж. Мозговая, во 2-м браке Краснокулова; 1860-е — не ранее 1909), впоследствии наследница Соханской.

15

9 февраля 1866 г.

9 февраля 1866.

Макаровка.

Любезнейший и скажу даже: дорогой Михаил Федорович! За столько верст, отпустивши Вас на подвиг Русского дела, родная Вам Украинно-русская земля может голосом из среды себя поприветствовать Вас дорогим именем. Здравствуйте же! Бог Святой Вам в помощь в Слове и деле! По этому сердечному, задушевному привету Вы можете судить, что отвечать Вам ранее, вероятно, что-нибудь особенное помешало мне, а вовсе не мелочное: «Вы мне не писали довольно долго, дай вот и я, мол, протяну ответ». Совсем не то. По первому живому впечатлению Вашего письма я тотчас хотела отвечать; но мое письмо могло не застать в Воронеже. А сказать Вам хотелось так много искреннего, что жаль стало, чтобы не затерялось письмо. Я с особенным вниманием останавливалась на словах и на смысле того, чем Вы объясняете овладевшее Вами беспокойство.

Охоту к перемене мест
Весьма мучительное свойство...¹

Но мучения Ваши, как видно, жизненно-молодые, Вы еще бодр человек в силе. Дай вырвусь из гнилого болота (так говорите Вы) — «Хоть

горше да иньше» — подсказывает Вам хохол-украинец с своей замысловатой улыбкою. Но в том-то и бодрость, в том-то и свежесть здоровой души и здорового дела, что задорная улыбка веселит, а не смущает их. Вы назвали себя «пролетарием», хотя, конечно, очень сытым и довольным, и, как ни странно это сопоставление понятий, но я с Вами согласна. Кто не владеет пядию родной земли — не имеет места ступить ногою и сказать: эта мать сырая земля, она моя! тот словно не сын ее, не сын Земли Русской; а бедняк и скиталец на ней, которая родным своим сынам крепка, велика и широка на всех их. И эту ширь Вы теперь вымеряли, перебравшись из черноземной Воронежской полосы в песчано-болотную полосу Литвы! Подавай Бог! если не бóльшей шири, то бóльшей силы в борьбе с литовскими колдунами и историческими упырями, которые почти высосали Западную и Юго-западную Русскую кровь. Будьте же нравственно крепки родимому краю, Вы, который и шли за тем, чтобы в борьбе и силе живого Слова потрудиться и побороть врага! У нас везде борьба. Поверите ли Вы, что Харьков весь, как сетью, покрыт и оцеплен польской интригою.² Там делают такие дела, что не знаешь: где же это честь и рвение того, что зовется смыслом и жизнью в обществе, называемом русским? И полнейшее наше разьединение перед сплоченной массой польской не умирающей интриги, слепота, пошлость и немецкая буква чиноначалия, которая знает свое дело на бумаге и знать не хочет дела Русской всенародной жизни. Все праздники и недели Нового Года я прожила в Харькове и насмотрелась, узнала добра...

Я не знаю: известно ли Вам было, что я провожу мою жизнь с двумя старухами, прожившими по $\frac{3}{4}$ века. И, когда я была в Харькове, мне дали знать, что тетушка больна к смерти. Я приехала, застала ее живою, обрадовавшеюся мне, в полной памяти, и на другой день я прочитала ей отходную и закрыла глаза.³ Это была привязанность, так сказать, вросшая в сердце с самых ранних детских младенческих лет. Тетушка была незамужняя, всегда жила с нами и, если она была для меня многим, то я была для нее всем и всем в ее жизни. Она была любительница сада, всякой кусточек в нашей степной Макаровке был посажен, обрезан и окопан ее руками. Бывало она в большой летний день в зной или под осень в непогоду копает целый день в саду, и вся награда ее труда состояла в том, чтобы вечером сказать мне: «А посмотри, Надя, сколько я наработала». И еще другая смерть: мой друг из друзей, единственный человек в жизни, который благотворствовал мне словом и участием в мое бывшее тяжкое безвестное время, — Петр Александрович Плетнев умер в Париже.⁴ У нас на Руси, не богатой людьми, одним благороднейшим человеком меньше. Жена его,⁵ которую я люблю как воплощенный идеал женщины и которая любила мужа и служила ему во время его тяжелой продолжительной болезни со всею полнотою женского самоотвержения, истощенная,

больная и почти умирающая, воплем души говорит мне: «научи меня жить в том мире, где его уж нет!» И чтобы окончить эту страницу Смерти, я спрошу Вас: знаете ли вы, что Ваш бывший товарищ по Университету — Запара — умер в Харькове в декабре?⁶

На новом листке — подержавши перо в руке — я начинаю говорить о новом предмете. В Ваших переездах к концу года Вы едва ли могли познакомиться с моей «Просьбою».⁷ Она явилась в последнем заключительном № Дня, кланяясь нашему обществу на все четыре стороны. Вам, как делателю Русского дела, Просьба моя не может быть чужда, и я препровождаю ее к Вам, как соредактору Виленского Вестника, прося перепечатать ее.⁸

... Ну-те, дорогой Михаил Федорович! Вот вы и на новом месте и за новым делом. Как Вам себя чувствуете? Вы еще бодры, свежи, одушевлены? Тоске по родине, или попросту, русской хандры еще рано прийти и схватить Вас за ретивое. В добрый спокойный часок, поминная добром, а не лихом свою черноземь, присядьте-ка и расскажите, поделитесь впечатлениями и сомнениями и подарите меня Вашим Виленским Вестником. В сочувствии Вашему делу Вы не можете сомневаться во мне — и в немногих, кто русским сердцем понимает: в чем дело? И будьте довольны тем Ваши первые ценители и судьи — русские Западного Края и правительственная среда; а здесь до кого дойдет? Разве Москва в своих лучших ревнителях поклонится Вам с любовью. Нет, крепитесь, бодрствуйте сами. Да поможет Вам Московско-Иверская Вратарница⁹ широко войти в Ваше дело и стать в нем недремлющим стражем!

На этом ревностно-задушевном желании можно бы было и окончить письмо; но мне все напоминает та мысль, которая явилась у меня в первое время, когда я узнала: что вот Вы оставляете Воронеж, едете через Москву, поселяетесь в Вильно деятелем Русского дела — хорошая мысль, которую Вы, может быть, выслушаете с маленькой улыбкою — а потом, Бог весть: из зерна вырастает пшеница и потом колосится и зреет. Да! я не совсем этому верю, но, однако же, это вопрос: правда ли, как мне говорили наверное, что Вы нынешним летом были в деревне у Запары, сл<едовательно>, ехали в 3-х верстах от меня и даже не кивнули мне головою? А Вы не только кивните, а хорошо поклонитесь от меня Петру Семеновичу Бессонову.¹⁰ Я, по крайней мере, имею очень приятное воспоминание о знакомстве с ним в Москве у Кн<язя> Одоевского,¹¹ и он меня чрезвычайно обязательно познакомил со всем производством Синодальной типографии.¹²

За тем будьте здоровы; будьте тем, чем Вы обещали быть в Вашем письме и — давайте на крепкое пожатье Вашу руку.

Н. Соханская

<Адрес:> В Вильну. / Инспектору Виленской гимназии / Его Высокоблагородию / Михаилу Федоровичу / Де-Пуле.

Почт. отметка: 12 феврал<я> 1866 года, / Ст<анция> Теплин-
ка / Харьков<ской> / Губер<нии>

Помета Де-Пуле на л. 39 слева сверху: Получено 25 февраля

¹ Цитата из «Евгения Онегина» (гл. 8, стр. XIII).

² В 1865 г. одну из своих корреспонденций в газету «День» (Вести с хутора // 1865. 9 окт. № 36. С. 848–851) Кохановская посвятила нашумевшей истории шайки дворян-фальшивомонетчиков, возглавляемой поляком Шипшинским. См.: *Семья Аксаковых*. С. 512–513.

³ К. Г. Лохвицкая умерла 11 янв. 1866 г. (Там же. С. 270).

⁴ П. А. Плетнев умер в Париже 10 янв. 1866 г. (29 дек. 1865 г.).

⁵ *Александра Васильевна Плетнева* (урожд. кнж. *Щетинина-Ростовская*; 1826 или 1827 – 1901), вторая жена П. А. Плетнева (с 1849 г.).

⁶ Д. Ф. Запара (см. примеч. 9 к п. 3) скончался 6 дек. 1865 г.

⁷ *Кохановская <Соханская Н. С.>*. Просьба // *День*. 1865. 18 дек. № 52. С. 1245–1246. В этой заметке писательница призывала к пожертвованиям на православные братства на Волыни и, в частности, на опекаемое ей одно из таких братств, в с. Япольш.

⁹ В ряде областных газет статья была перепечатана.

¹⁰ Иверскую икону (главную святыню Москвы) называют Вратарницей – по месту ее нахождения и по историческому месту первообраза – над воротами Иверского монастыря на Афоне. Письмо написано за несколько дней до празднования этой иконе – 12 февр. ст. стилиа. В то же время в словах Соханской прослеживается и намек на виленскую святыню – Остробрамскую икону, т. е. тоже Вратарницу (*брама* – ворота).

¹¹ Соханская ошибочно называет отчество *Петра Алексеевича Бессонова* (1828–1898), слависта, этнографа, фольклориста, историка литературы. В это время (несколько ранее, чем Де-Пуле) он тоже поступил на службу в Вильно; неоднократно упоминается в письмах Аксакова к Де-Пуле.

¹² Речь идет о кн. В. Ф. Одоевском.

¹³ Ср. в письме к А. В. Плетневой от 27 сент. 1862 г.: «...осматривала Синодальную типографию прекрасно с Бессоновым...» (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 9, ед. хр. 162, л. 80). П. А. Бессонов служил в Синодальной типографии в 1858–1865 гг.

Приложение

Письмо М. Ф. Де-Пуле к И. С. Аксакову от 29 июня 1864 г.

В архиве М. Ф. Де-Пуле в ИРЛИ сохранился и еще ждет публикации большой корпус неопубликованных писем И. С. Аксакова 1859–1885 гг. (ф. 569, ед. хр. 105–107; 34 п.), но всего лишь три ответных письма находится в фонде Аксаковых. Первое из них относится как раз к интересующему нас периоду 1860-х гг. и проясняет обстоятельства, предшествовавшие переезду Де-Пуле в Вильно. Печатается по автографу: РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 498, л. 1–4 об.

Милостивый Государь
Иван Сергеевич!

Вот уж последнее Ваше письмо так действительно меня взбудоражило.¹ Место редактора я принимал с величайшим удовольствием,

и вся тревога состояла в том, — можно ли будет принять мне условия, которые предложат. «О, если бы можно было!» — я продолжал думать до самой пятницы, 26 числа, когда получил я последнее Ваше письмо. Совсем иное дело место директора Гимназии, иная деятельность, иные требования от человека... Я совершенно откровенно писал Вам: кто я и что я? — Я вовсе не администратор, и учебно-бюрократическим честолюбием не обуреваюсь. Места инспектора военной гимназии (с 2500 р. и квартирою) я бы не принял; места директора Губернской гимназии в одной из великорусских губерний — также. Первое место требует всего человека, и я не могу отдаться делу, которое идет и будет идти глупейшим образом до тех пор, пока будет существовать замкнутость заведения с полувоенным характером. Наши российские директора Гимназий, Вы, конечно, знаете, большею частию чиновники. Инспекторство в военной и директорство в губернской (последнее по Харьковскому округу) Гимназии для меня не совсем мечта; но, говорю Вам чистосердечно, ни того, ни другого я не желаю. Еще чистосердечнее скажу Вам, что я тягочусь моим теперешним местом помощника инспектора. С преобразованием нашего корпуса в военную гимназию это место упраздняется, и я остаюсь в Воронеже только учителем. Задолго до Ваших писем,² когда у меня отняли редакцию губер<нских> ведомостей, я решился изменить свою жизнь. Я считал себя вправе сказать: в Воронеже довольно пожито и посылно сделано; довольно приобретено и потеряно! Пусть являются на смену те, которым, может быть, нет простора. Пора, хочется пожить несколько иначе. План мой состоял в том, чтобы перейти в Москву, учителем в один из корпусов, а так как учительского жалованья не хватит на прожитье, то списаться с Вами и спросить у Вас: не будет ли мне какого-нибудь определенного занятия при редакции «Дня»? Не упадок энергии и сил заставил меня принять такое решение, а желание изменить образ жизни и деятельности. Мои небольшие силы еще не стареются; еще думается, что они годятся на что-нибудь более полезное, чем шестнадцатилетняя жизнь моя в Воронеже. Вот почему предложение Ваше о редакторстве Вил<енского> Вестника восхитило меня, а предложение о директорстве взбудоражило. Директор в Белоруссии — это ведь не то, что у нас: в его руках могущественные средства борьбы против полонизации. Чиновничеством, бюрократизмом тут ничего не сделаешь; нужна деятельность живая, ношение в сердце, а не на языке русского человека. Что же! дело хорошее и я, может быть, буду для него полезен. В незнакомой мне край я приду с горячим желанием добра русскому делу; я возьмусь за пропаганду его, насколько это возможно мне, воронежско-тамбовской провинциальщине. — «Ну, и прекрасно! Вы скажете: и этим делом можно восхищаться!» — Но я не восхищаюсь: иное дело перо, иное — практическое его приложение. В первом случае, без лести скажу Вам, всякая скудость с моей стороны восполнилась бы «Днем»; во втором... но во втором, как практический человек, как человек дела, я робею,

я чувствую себя слабым. Я уверен, что если на каждое директорское место в Белоруссии отыщется по 10 претендентов, то все они будут практичнее и деловитее меня. Я могу не уступить им только в любви к нашей милой России и в понимании того, что нужно сделать путем Государственного просвещения в ополяченных местностях. Если это сочтется чего-нибудь стоящим, то *я принимаю место директора Гимназии в Северо-Западном крае*. — Но вот еще вопросы: где, т. е. в какой губернии, и на каких условиях? Но об условиях Вы сами меня спрашиваете. Никогда я материалистом не был; идеальную сторону дела я Вам указал, но нельзя умолчать о материальном обеспечении в мои годы и после 16-летней коронной службы, сулящей мне через 9 лет посмертные 750 р. сер<ебром>. В деле, в котором я вижу столько душевного, я торговаться не буду. Но если бы наша речь о выгодности условий, то, принимая место редактора Вилен<ского> Вестника, я согласился бы на меньшие условия, чем теперь, когда вопрос зашел о директорстве. Скажу Вам одно точно и определенно: я не соглашусь принять места, если директора белорусских гимназий получают жалованье *даже* по вновь-прозектируемым штатам, т. е. от 2000 до 2500 р. с<еребром>; о теперь же существующих штатах, 800—900 р., и говорить нечего. Судите сами! Я получал здесь 1500 р. при казенной квартире. Теперь, т. е. с августа, по случаю прибавки 4-х уроков в неделю, мне дают 1800 р.; губернская гимназия упрощает меня давать уроки из русской истории в VII классе. Все это составит до 2 тысяч р. с казенной квартиры. Правда, на будущий учебный (1865/66) год я лишусь квартиры; но все же две тысячи руб. я могу добыть в Воронеже, — положение, при теперешней дороговизне, скромное, но не такое, однако же, чтобы оно заставило человека броситься куда зря. Променять это положение я желаю только на выгоднейшее, а не полы-о-полу. — У меня не только нет ни гроша в запасе, а еще на шее 600 р. долгу; уничтожение хозяйственного обзаведения и разного домашнего скарба и обзаведение им на новом месте, — все это также что-нибудь да стоит. Вопрос о месте также весьма важен. Я с удовольствием поехал бы в далекую Вильну и теперь с большей охотой поеду туда. Этот город соединяется железной дорогой с Москвой, откуда рукой подать в Воронеж или Тамбов, две близких моему сердцу Губернии. Наконец Вильно, как город, выше прочих. Еще ничего в Ковне и Гродне; но в ближайших географически, но отдаленнейших от нас по сообщению, Могилеве, Минске и Витебске... умрешь, пожалуй, на чужбине. Это тяжело тем более, когда не имеешь уверенности в успехе того дела, на служение которому идешь. А потому, если придется принять место в этих трех последних городах, то я желал бы, чтобы оно по крайней мере более вознаграждало, чем Вильно. Но во всяком случае, *директором уездной Гимназии я быть не согласен*. —

Вы просите меня быть откровенным; я был им и есть в трех последних моих письмах, особенно вот в этом, почему оно и вышло такое

большое. Согласитесь, что мне трудно определить арифметически мои материальные требования, чего Вы желаете. В Вильно я поехал бы за 3 тысячи руб. при казенной квартире, при 1500 р. пенсии. В этой столице Литовско-Белорусского края я мог бы работать и пером; в другие города я желал бы большей материальной приманки, т. е. жалованья, при той же, пожалуй, пенсии. В Воронеже все меня знают, и общественному мнению нашего города я за многое благодарен. Здесь бы никого не удивило, если бы я, ставши на какую-нибудь правительственную высоту, продолжал вести тот же самый весьма скромный образ жизни. Не то там, на Северо-Западе, особенно в Вильне: в интересе дела директор Гимназии, как представитель государственного, в особенности же русского просвещения, должен быть поставлен не ниже иных представителей. Если дело уладится, то необходимы, как и водится, прогонные и подъемные деньги. — Право, у меня голова идет кругом. «Ну что, думается, если дело не сладится, а между тем, может быть, и хорошо удалось бы повести его! Удалось бы, может, принести пользу краю и умереть с отрадным сознанием, что недаром жил на свете». А в то же время шепчет другой голос: «Поедешь, будешь хлопотать и трудиться, а в результате нуль и моральные страдания в те годы, когда человек вправе рассчитывать на некоторое успокоение!» — Великое дело молодости, ни перед чем не останавливающаяся во имя добра и правды! —

4-го или 5-го июля я поеду в Тамбов (адрес мой: *Константину Максимиовичу Иванову, надзирателю Губерн<ской> Гимназии, с передачей такому-то*), где пробуду до 17-го числа. А потом начну переезды по Козловскому и Липецкому уездам, почти не заезжая в города. Поездка моя продолжится с месяц, но может и сократиться, если это будет нужно. От 17 июля по 1-е августа, значит, Вам писать ко мне некуда. С 1-го августа опять пишите в Воронеж. Затем прощайте и простите за докучливое письмо. Глубоко Вас уважающий

М. де Пуле.

29 июня 1864 г.

Воронеж. —

¹ Де-Пуле отвечает на письмо от 12 мая 1864 г. (РО ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 105, л. 17—19), в конце которого Аксаков осведомлялся — примет ли Михаил Федорович предложение М. Н. Муравьева и И. П. Корнилова стать редактором «Вилenskого вестника». «Дело прекрасное, но... Газета все-таки официальная, орган Муравьева. Человек он полезный для края, но — может быть, Вы не захотите поставить литературное дело от него в зависимость» (Там же, л. 19).

² Переписка, начавшаяся в 1859 г., оборвалась с прекращением издания «Русской беседы» и возобновилась в 1864 г. Возможно, письма, предшествовавшие упомянутому в примеч. 1, не сохранились. Следующее из известных писем Аксакова датировано 22 авг. 1864 г. (Там же, л. 20—21).

Библиографический список

1. Воронежская беседа на 1861-й год / Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб., 1861.
2. *Де-Пуле М. Ф.* О повестях г-жи Кохановской (И. А. Придорогину) // Русское слово. 1859. Дек. Отд. II: Критика. С. 1–36.
3. *Де-Пуле М.* Стихотворения Ивана Никитина // Русское слово. 1860. Апр. Отд. II. С. 1–22.
4. *Котов А. Э.* «Великая идея всероссийзма»: Политическая публицистика М. Ф. Де-Пуле // Вестник Воронежского университета. Сер.: История, политология, социология. 2016. № 1. С. 54–59.
5. *Платонова Н. Н.* Кохановская (Н. С. Соханская): Биогр. очерк. СПб., 1909.
6. *Пономарев Ст.* Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 277–312.
7. *Пономарев С. И.* П. А. Плетнев и Н. С. Соханская (Кохановская): (Ее автобиография, посмертные бумаги и письма) // Там же. 1896. Июнь. С. 469–479.
8. *Пономарев Ст.* Рукописи Н. С. Соханской (Кохановской) и письма к ней // Там же. 1897. Февр. С. 561–568.
9. Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018.
10. *Фетисенко О. Л.* «Истина – живая сила»: Братья Аксаковы и Кохановская (Н. С. Соханская) в 1860 году // Христианское чтение. 2017. № 3. С. 232–252.
11. *Фетисенко О. Л.* Кохановская (Н. С. Соханская) в газете «День» // «День» И. С. Аксакова: История славянофильской газеты. СПб., 2017. Ч. 1. С. 81–94.

ПЕРЕПИСКА В. В. РОЗАНОВА И С. А. ВЕНГЕРОВА (1898–1918)

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии А. П. Дмитриева)*

Аннотация: Впервые в научный оборот вводится неопубликованная переписка В. В. Розанова с филологом С. А. Венгеровым, на материале которой реконструируются их взаимоотношения. Во вступительной статье выявлена художественная составляющая текстов. Дан анализ исповедальных мотивов в письмах Розанова, выяснена специфика их репрезентации. По архивным материалам излагается история обращения писателя в Литературный фонд в 1898 г. за денежным пособием, необходимым для лечения на Кавказе. Рассмотрены упоминания Ю. И. Айхенвальда и В. Г. Белинского в переписке. Розанов, полемизируя с Венгеровым, осудил нравственную несостоятельность отдельных суждений Айхенвальда, назвав его «поэтом дурного сердца». Розанов не согласился и с превознесением Белинского Венгеровым, и с его унижением Айхенвальдом. Важное место в письмах Розанова занимают аналитические выкладки и афористические формулировки о «Критико-биографическом словаре» Венгерова и критические оценки ряда писателей (Н. П. Барсукова, В. Я. Брюсова, митрополита Евгения (Болховитинова), Н. К. Михайловского, М. А. Протопопова, А. М. Скабичевского, С. Н. Южакова и др.). Изучение новых пластов эпистолярной фактографии вносит немало важных коррективы в понимание творческой индивидуальности Розанова и его корреспондентов и стимулирует современную исследовательскую мысль.

Ключевые слова: взаимоотношения В. В. Розанова и С. А. Венгерова, эпистолярный жанр, исповедальность как художественный прием, этическая позиция критика, «стилистический солипсизм» Ю. И. Айхенвальда.

Abstract: The unpublished correspondence of V. V. Rozanov with philologist S. A. Vengerov first introduced into scientific circulation. Their relationship is reconstructed on the material of this correspondence. In the introductory article artistic component of texts was revealed. The analysis of confessional motives in Rozanov's letters is given, the specificity of their representation is clarified. According to the archival materials, the story of the writer's appeal to the Literary Fund in 1898 for the cash allowance necessary for treatment in the Caucasus is presented. Mention of Yu. I. Eichenwald and V. G. Belinsky in correspondence is reviewed. Rozanov, arguing with Vengerov, condemned the moral inconsistency of certain judgments of Eichenwald, calling him a "poet of a bad heart." Rozanov challenged and the laudation of Belinsky by Vengerov, and his depreciation by Eichenwald. Analytical inferences and aphoristic formulations about Vengerov's "Critique and Biographical Dictionary" and critical assessments of a number of writers (N. P. Barsukov, V. Ya. Bryusov,

Metropolitan Yevgeny (Bolkhovitinov), N. K. Mikhailovsky, M. A. Protopopov, A. M. Skabichevsky, S. N. Yuzhakov, etc.) occupy an important place in Rozanov's letters. The study of new layers of epistolary factography makes important corrections to the understanding of the creative individuality of Rozanov and his correspondents and stimulates modern research thought.

Keywords: relationship of V. V. Rozanov and S. A. Vengerov, epistolary genre, confession as an artistic device, ethical position of a criticist, Yu. I. Eichenwald's "stylistic solipsism".

Значительная часть переписки Василия Васильевича Розанова (1856–1919) все еще не введена в научный оборот, несмотря на весь свой интерес — причем далеко не только биографический. Сам писатель придавал эпистолярному жанру особое значение и предсказывал (в статье «О письмах писателей», 1909): «Когда-нибудь этот отдел станет самым любимым предметом чтения».¹ Вспомним, что В. Я. Брюсов по смерти Розанова предлагал не только переиздать его сочинения, прежде всего литературно-критические статьи, что не встретило поддержки у властей,² но и предлагал создать отдельный научный институт по изучению языка Розанова.³ Современники, среди которых в 1920–1930-е гг. царил настоящий культ Розанова, ощущали и громадность его литературного дара, и наличие мощной эстетической составляющей в его публицистике, эссеистике, эпистолярии. Об этом свидетельствует и его переписка с Семеном Афанасьевичем Венгеровым (1856–1919), выдающимся историком литературы и библиографом, чьи ценнейшие рукописное, книжное и иконографическое собрания заложили основу фондохранилища Пушкинского Дома. Как документальный источник публикуемая переписка между писателем и филологом позволяет в общих чертах реконструировать историю их взаимоотношений и выявить основные темы их диалога.

Следует отметить, что первые подступы к изучению взаимоотношений Розанова и Венгерова были сделаны С. Б. Джимбиновым в статье 2008 г.,⁴ однако без обращения к их переписке — только на основе их высказываний друг о друге в печати и в письмах к современникам. Эти взаимные характеристики были по преимуществу негативные. Приведем только по одному примеру. Так, Розанов, собираясь передать письма Венгерова в архив, надписал на пачке: «*Семен Афанасьевич Венгеров* — удивительно нелепый "Словарь". Единственно придурковатый из жидов в русской литературе и по сему качеству м<ожет> б<ыть> сочтен "за истинно русского человека", "совсем милого". Только живот

¹ Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2016. Т. 4. С. 434.

² См.: Гроссман Л. П. Собр. соч. М.: Совр. проблемы, 1928. Т. 4. С. 273.

³ См.: А. Н. <Николюкин А. Н.>. Брюсов Валерий Яковлевич // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 161.

⁴ Джимбинов С. Б. Венгеров Семен Афанасьевич // Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. Стб. 188–189.

и чернота его ужасны. En face — он совершенно “Ассирийский бык” из раскопок Ниневии».⁵ Венгеров писал А. М. Ремизову о Розанове 13 февр. 1912 г.: «Неужели и теперь его любите? Ведь это же гадина, форменная гадина отвратительно-продажная, подло-предательская, фарисейски-лицемерная. Всегда он такой был, но прежде, в моменты подсознательного творчества, писал почти — гениально».⁶

Публикуемая переписка позволяет уточнить эти оценки. Сохранилось 12 писем Розанова, отложившихся в фонде Венгерова в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 4, ед. хр. 1921, 16 л.; оп. 7, ед. хр. 3079, 9 л.) и в фонде Б. Ф. Лаврова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, ф. 414, ед. хр. 37, 1 л.), и 8 ответных писем Венгерова, которые вместе с другой избранной своей корреспонденцией Розанов еще при своей жизни передал на хранение в Румянцевский музей (ныне в составе Российской государственной библиотеки: ОР РГБ, ф. 249, М. 3820, ед. хр. 7, 6 л.; М. 4215, ед. хр. 5, 2 л.). Кроме того, в Библиотеке и Рукописном отделе Пушкинского Дома находятся три книги Розанова, подаренные им Венгерову в 1899 и 1918 гг., о чем свидетельствуют дарственные надписи на них,⁷ а в архиве Литературного фонда, хранящемся в Пушкинском Доме, — 7 писем Розанова, в которых он ссылается на Венгерова как на авторитетного знакомого, поддерживающего его просьбы (часть писем и была передана в Литфонд через Венгерова).⁸

Выделяются два периода в переписке — ранний, переломный в судьбе Розанова, когда он, оказавшись с семьей в тяжелом положении, надеялся отказаться от изматывающей службы в Государственном контроле и зарабатывать на жизнь исключительно литературным трудом (1898—1899), и второй, охватывающий последние годы жизни корреспондентов (1912—1918). Ни одно из писем Розанова к Венгерову не снабжено датой, поэтому время их написания устанавливается по содержанию, штемпелям на двух сохранившихся конвертах и по ответным письмам Венгерова.

⁵ В. В. Розанов о ближних и дальних: (Пометы к письмам корреспондентов) / Вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Ломоносова // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 113.

⁶ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 137.

⁷ Опубликовано нами: Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова, 1911—1916 / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2015. С. 346, 347, 360—361.

⁸ *Розанов В. В.*: 1) Отношение в Литературный фонд от 2 марта 1898 г. // РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1898, журнал № 7 от 9 марта, л. 61; 2) Письмо к С. А. Венгерову от 22 марта 1898 г. // Там же, журнал № 8 от 23 марта, л. 9—10 об.; 3) Письмо к В. А. Манассеину от 2 апр. 1898 г. // Там же, журнал № 9 от 6 апр., л. 2; 4) Личная карточка В. В. Розанова // Там же, картотека, № 49, 1 л.

Ранний период отмечен тремя сюжетами: в двух первых Розанов обращается к Венгеру с просьбами как к бывшему секретарю Литературного фонда, в третьем ситуация несколько меняется: Венгеров запрашивает у Розанова сведения для своего «Критико-биографического словаря», они обмениваются книгами, изредка встречаются.

Особенно интересно письмо Розанова от 2 марта 1898 г. (п. 1), инициировавшее переписку. Это один из первых развернутых текстов писателя исповедального характера (его объем — 8 густо исписанных страниц), причем адресовано оно не приятелю, не человеку сходных взглядов, каковы в 1890-х гг. были для Розанова Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев, И. Ф. Романов-Рцы или П. П. Перцов, а идейному оппоненту, деятелю либерального лагеря. Нуждаясь в средствах для поездки на Кавказские минеральные воды, Розанов решил обратиться не только напрямую в Литфонд, но и также, чтоб подготовить почву, — лично к Венгеру, и причина ясна, о ней Розанов упоминает в письме от начала октября 1915 г.: «О Вашей *доброте* я очень много слышал» (п. 19).

Сам автор характеризует свое письмо как «довольно “психопатическое”» и предупреждает: «<...> доверяю Вам подробности этого письма в совершенном секрете» (п. 1). «Психопатическое» как самоидентификационный признак под пером современников Розанова, писателей-модернистов 1890-х гг., понималось не столько в значении клинического термина, сколько в эстетическом преломлении: «психопатия как прием» (используем название раздела ценной монографии Н. Ю. Грякаловой «Человек модерна»⁹). Сам Розанов в книге «Уединенное» вспоминал, что уже в 1880 г. называл себя «психопатом» и «первоначально это обозначало “болезнь духа”, вроде Байрона, — обозначало поэтов и философов»; выражало же это новое слово, по убеждению Розанова, «огромное углубление человека».¹⁰

При этом повествовательная структура письма хорошо продумана и обладает свойствами художественного текста.

Начинает Розанов с признания, что «дошел до крайнего упадка сил в борьбе с нуждою, в труде и вечном страхе за завтрашний день». И затем описывает невзгоды своей 5-летней жизни в Петербурге, где обосновался с семьей в апреле 1893 г.: смерть («от воспаления в мозгу») первого ребенка — 9-месячной Нади; назначение в Государственном контроле нищенского жалованья в 100 рублей, хотя, служа в провинции, он получал 135 рублей; и далее: мучительный долг в 400 рублей «по ломбарду и кассе»; фактически прекращение отношений с начальником, государственным контролером Т. И. Филипповым, отказавшим в помощи, когда семья Розанова оказалась в беде.

⁹ Грякалова Н. Ю. Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 62–75.

¹⁰ Розанов В. В. Собр. соч.: Листва. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 30.

Усугубляло положение писательское призвание. Розанов пишет: «Великое несчастье людей, подобных мне, т. е. с раздвоившимися способностями и профессиею, состоит в том, что один дар и одна профессия поедает другую <...>» (п. 1). К тому же ему стало негде печататься, возникли сложности даже с близкими по взглядам изданиями — журналами «Русский вестник» и «Русское обозрение», газетой «Новое время».

Фактологический материал письма организуют три переплетающихся мотива, подобных музыкальному контрапункту. Основной связан с наиболее щекотливым для Розанова вопросом — об идейном направлении. Он опасался, что Комитет Литературного фонда, состоявший сплошь из литераторов либерального лагеря, откажет ему в помощи. Поскольку в литературных кругах известны были симпатии Венгерова к идеализму участников «хождения в народ», Розанов сначала как бы невзначай упоминает умершего в 1893 г. публициста-народника И. И. Каблицы-Юзова, с которым был знаком по службе в Госконтроле («<...> Вы, кажется, знали покойного Каблицы — мое поколение таково же <...>»). Затем прямо пишет: «Я знаю, “направление” мое не может быть приятно Литературному фонду <...>», а в конце письма вовсе отрекается от консерваторов: «<...> в сущности, “програм<м>но” я ни одного направления не придерживался, и консерваторы фракции “Цертелев-Грингмут” ненавидят меня серьезнее и, думаю, глубже, чем “западники” и “прогрессисты» (п. 1). При этом Розанов не лукавил: в этот период, как показал В. А. Фатеев, он был близок к тому, чтоб вовсе «перестать воспринимать себя представителем литературного консерватизма».¹¹

Более надежный путь к сердцу Венгерова Розанов прокладывает благодаря другим двум мотивам, связанным уже с литературными ассоциациями. Так, через все письмо проходит тема гоголевской «Шинели». Это произведение прямо названо при упоминании «департаментских подлостей и вздоров» в Государственном контроле. Писатель и имплицитно уподобляет себя Акакию Акакиевичу, когда пишет, что его стали «шпынять» сослуживцы. Буквально: «Чиновники так наблюдательны, что знают “взгляд на меня высшего начальства”, и конечно, это дает им возможность и право “шпынять” человека, коему нет средств защититься» (п. 1).

Главную же свою боль — тему незаконнорожденных детей — Розанов вводит необычно — через иносказание, используя образы тургеневских героев. Развитие этого третьего мотива приводит его к заключению о «демонизме цивилизации», напоминающему метафору «дьяволов водевиль» из «Бесов» Достоевского.¹² В начале письма Ро-

¹¹ Фатеев В. А. Жизнеописание Василия Розанова. 2-е изд. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 250.

¹² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 471.

занов относит себя к «поколению Лаврецкого, но который предпочел бы сблизиться с Лизой Калитиной, чем зарываться в гроб <...>». И далее: «Я безумно люблю семью и все семейное, привязан к детям, и вообще даже знакомых или друзей я оцениваю не по уму и таланту — а “как он в семье, с женою и детьми” — и именно в этом пункте я оборван» (п. 1).

Ближе к концу письма Розанов возвращается к теме семьи и к героям «Дворянского гнезда»: «Характерно в нашей цивилизации “любви”, что “любящие”-то по всем линиям существования и отвергнуты; ведь беспутная жена Лаврецкого никем не отвергается, а отвергнуты в порывах любви и истинно высокой и чистой любви — сам Лаврецкий и Лиза Калитина; а если б у них родились дети — то и они отвергнуты; прямо оторваны от существа отца и матери и “легально” выбрасываются на улицу. Это демонизм какой-то цивилизации нашей, который еще я раскусываю и не умею сообразить» (п. 1). В упоминании «беспутной жены Лаврецкого» несомненна отсылка к «законной» жене Розанова Аполлинару Сусловой, вероятно внятная Венгеру.

Исповедальная интенция письма Розанова не теряла в искренности от своей художественной обработки, от использования «психопатии как приема», — поэтому на Венгерова излияния Розанова произвели сильное впечатление. Накануне рассмотрения его просьбы в заседании Комитета Литфонда, 8 марта, Венгер отчитался перед Розановым в том, что «лично передал» его прошение «новому секретарю К. М. Станюковичу», а само письмо «счел возможным показать члену Комитета Н. К. Михайловскому» (п. 2). Категорически было отмечено предположение Розанова, что его консервативные взгляды могут стать помехой для назначения пособия: «О “направлении” как о мотиве решения никакой речи не может быть. Фонд помогает людям всех направлений» (п. 2). Беспокойство Венгерова, которым он поделился с Михайловским, вызывал тот факт, что Розанов в принципе не имел оснований получить какую-либо помощь от Литфонда, не говоря уж о запрошенной им внушительной сумме в 400 рублей, поскольку состоял на службе и получал жалованье, пусть и «ничтожное для семьи в шесть человек» (п. 2).

Просьба Розанова, несмотря на содействие Венгерова, заручившегося поддержкой некоторых членов Комитета, поначалу не возымела действия: на заявлении Розанова появилась помета: «Отказать: нуж<да> не ясна»,¹³ затем этот вердикт был вычеркнут и (вероятно, больше из уважения к Венгеру, чем из сочувствия к Розанову) заменен на иной: «Просить Венгерова выявить харак<ер> нужды, и велика просимая сумма».¹⁴ Окончательное решение гласило: «Сообщить Венгеру, что пособия в таком размере выдано быть не может».¹⁵

¹³ РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1898, журнал № 7 от 9 марта, л. 61.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, л. 2.

К следующему заседанию, состоявшемуся 23 марта, Розанов, так сказать, пошел ва-банк: он написал на имя Венгерова, а фактически адресуясь к председателю Комитета В. А. Манассеину и всем членам, резкое по тону письмо (с требованием выдать ему 300 рублей в качестве пособия), нерв которого — обвинение в бездушном отношении к «писателю усталому, изнеможенному» (п. 5) по причине якобы неприятия его мировоззрения и непонимания, что сотрудники консервативных изданий, малопопулярных в обществе, получают скудные гонорары и влачат жалкое существование. Завершалось же письмо Розанова гневной инвективой: «<...> конечно, я сейчас бессилён, но я мучительно и кроваво помню и запомню эту обиду, несправедливость, злоупотребление. “Нас много и мы побьём”: ну, и побейте — но помните “завтра” истории» (п. 5). Венгеров, первый читатель этих строк, не удержался, чтоб тут же, 22 марта, не откликнуться: «Письмо Ваше исполнено какого-то неслыханного эгоизма <...>» (п. 6).

Обсуждение письма Розанова в Комитете, по-видимому, было бурным. Отголоски споров сохранила «личная карточка» писателя из картотеки Литфонда, где отмечалось, что Розанов «прислал через Венгерова ругательное письмо, в котором сомневается, чтобы пособия выдавались честным людям; выдают-де только “либералам”; ревизионным комиссиям из “своих людей” не верит; “мучительно и кроваво помню и запомню эту обиду, несправедливость, злоупотребление” (т. е. выдачу пособия в 100 р., предлагавшегося Венгеровым). — Выдать — 200 р. (В. А. Манассеин был против выдачи)».¹⁶

Сумма эта, хоть и оказалась меньше запрошенной, все же по меркам Литфонда была беспримерно крупной, чего не мог не осознавать Розанов. В конце марта (не ранее 28 числа) он сообщил Венгерову: «Ура, Семен Афанасьевич, — выдали 200 р.; сознаюсь, что им трудно было, и особенно после моего необдуманного и, может быть, неверного письма» (п. 7). Однако продолжал настаивать, снова в качестве аргумента привлекая «психопатическую подкладку»: «<...> за 5 лет треклятой жизни в Петербурге мне привелось испытать такие уничтожительные минуты <...> что <на> мое обращение и как бы требование у Фонда денег имею достаточную и “святую” для себя психопатическую подкладку, которой Вы не знаете и просто не можете оценить, не смеете и судить (т. е. по незнанию психологии)» (п. 7). Как известно, поездка Розанова с женой на Кавказ в июне-июле 1898 г. состоялась.

Венгерову же вся эта история с пособием от Литфонда, благодаря которой они с Розановым сошлись, дала возможность видеть писателя вблизи и как критику составить о нем довольно нелицеприятное мнение, которое он и высказал в письме от 22 марта: «Вы не знаете ни журнальных отношений, ни личного состава журналистики: для Вас Гамма-Градовский, Михайловский и взрыв Курской Богоматери сли-

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 155, картотека, № 49, л. 1.

ваются в одно представление, и, живя в этом хаосе дико фантастических представлений, Вы произносите свой суд с решительностью, достойной лучшей участи» (п. 6).

Черта под словами Розанова и Венгерова о «направлениях» в литературе была подведена не этим эмоциональным суждением последнего, а следующим сюжетом. В мае того же 1898 года Розанов обратился к Венгеру с новой просьбой, рассчитывая на его «доброе посредничество» перед составителями сборника «Памяти В. Г. Белинского» (СПб., 1899). В письме Розанова снова прорывается сетование на литературное изгнание: «Я очень отдален от литературы и литераторов, “которые не так черны как дьяволы”, и имею все причины жалеть об этом. Конечно, в Сборник меня никто не позовет, как усиленно черного дьявола <...>» (п. 8). Участником этого respectable сборника (среди авторов университетские профессора: А. Н. Веселовский, И. И. Иванов, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. Н. Пыпин, Н. И. Сторожено, а также писатели с громкими именами, включая Л. Толстого и Чехова), вышедшего в марте 1899 г., Розанов так и не стал, но написал две благожелательные рецензии на него.¹⁷

Когда же 7 марта 1899 г. Венгер попросил Розанова написать обстоятельную автобиографию («Если не поспеете на подробности, буду премного обязан» (п. 10)), тот перенаправил его в редакцию Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, куда незадолго до того послал «перечень годов, заглавий и мест службы и учения» (п. 11), — они были опубликованы в 53-м полутоме, вышедшем в 1899 г. Составить собственно автобиографию Розанов пообещал, опять подняв тему своего непризнанного брака и незаконнорожденных детей: «Ваш Thesaurus <...> дело слезное и фактическое. Хочу попасть туда с детишками и женою, ибо это будет единственный способ закрепить мне детей за собою и оправдать жену свою» (п. 11). Однако обещания не исполнил.

Второй период переписки и личного общения Розанова и Венгерова (в письмах упоминается как минимум о двух встречах) связан с обсуждением «Критико-биографического словаря». Это издание особо интересовало Розанова, поскольку он любил заниматься библиографированием, в чем признавался и Венгеру в одном из мартовских писем 1899 г.: «<...> я когда-то был любителем *такой* работы, и зачитывался митр. Евгением и его архаическим, мне милым, слогом» (п. 12).

Любопытно, что, получая от Венгерова в дар тома 1-го издания Словаря, Розанов в том же письме упрекал его за некоторую обезличенность слога. Он писал: «<...> надеюсь увидеть у Вас большее богатство в выражении индивидуального Вашего “я”. <...> Впрочем — это судьба всех историков и слабость их» (п. 12).

¹⁷ Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 531–532, 615–616.

Спустя 10 лет, когда увидел свет первый том 2-го издания «Критико-биографического словаря» с «Предварительным списком» (Пг., 1915), Розанов уже иначе оценивает это издание. Он теперь находит, что Венгеров излишне субъективен в характеристиках писателей. В письме от начала октября 1915 г. он упрекает библиографа: «<...> дорогой мой, не мешайтесь в публицистику, в “страсти”, — исполните сжато, компактно, “по-ученому” свой Словарь — и это будет великое Дело» (п. 19). Вместе с тем, восхищаясь громадой проекта, не осуществимого в принципе, Розанов называет Словарь бестолковым «по-русски», и в этом определении, потом перешедшем в книги «Сахарна» и «Опавшие листья», чувствуется большая теплота.

Но развернуто он высказывает это в письме к Венгерову от 3 октября 1915 г., завершившем их эпистолярный диалог, — если не считать краткого текста с благодарностью за помощь на открытке 1918 г. (п. 20). Розанов делится первым впечатлением от чтения «Предварительного списка»: «Купив его за 6 р. и просматривая за чаем, — я волновался волнением благодарности к Вам, к Вашей *изумительной работе* за всю жизнь <...> мне нравится самая бестолковость всего дела, ибо это “по-русски”, как у Южакова, Скабичевского и де-Роберти, вообще “у наших” безголовых, но милых людей» (п. 17).

Вообще же, Розанов с известной придирчивостью читает Венгерова. В предисловии к «Предварительному списку» тот трижды упоминает «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» (М., 1845) митрополита Евгения (Болховитинова): первый раз с саном «митрополит», а далее просто Евгений. Розанов видит здесь нечто аморальное и противопоставляет Венгерову автора 22-томника «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. П. Барсукова. Он пишет: «Это не хорошо, не уважительно. <...> Смотрите у Барсукова (“Жизнь Пог<одина>”): как его уважение к людям, к “столетию людей” — бросило свет на его лицо и заставило всю Россию чтить “историографа русской литературы”» (п. 19).

Порой Розанов вносит дельные поправки в сведения, имевшиеся у Венгерова. Например, о литературоведе И. И. Иванове, уроженце г. Белый, он пишет: «Иванов Ив. Ив. профессор *из военной семьи* (между нами, — раз он скрывает, хотя что тут скрывать <...> он — сын сторожа, горького пьянчужки, коего и держали в Бельской прогимназии ради отличного ученика сына <...>» (п. 19).

Заметив, что Юлий Айхенвальд в «Предварительном списке» назван «известным москов<ским> критиком и лектором», Розанов разражается целой диатрибой: «Вы слишком много отдаете Айхенвальду <...> Его “Силуэты” прелестны, талантливы, ярки — но их *тон* вообще недостойн предмета такой тяжеловесности, к<a>к “Русск<ая> литература”. Что это за “скольжение по теме”, за “сверкание своим умом”. Что-то есть страшное в этом. Всё “сам”, всё “я”. Он безумно тщеславен, и это отнимает у таланта его всякую моральную ценность» (п. 19).

К тому времени отдельные выпуски «Силуэтов русских писателей» Айхенвальда, впервые изданные в 1906—1910 гг., вышли уже четвертым изданием: благодаря полемическому противостоянию традициям демократической критики, афористичности стиля и оригинальности суждений в 1910-е гг. импрессионистическая критика Айхенвальда приобрела большую популярность.

Розанов же чутко заметил неубедительность и нравственную несостоятельность отдельных оценок Айхенвальда. Он с возмущением писал Венгеру: «К<a>к жесток, а посему и груб, он с Брюсовым. “Водовоз”. <...> Его отношение к Белинскому <...> — в высшей степени недостойно. ТАК о Белинском ГОВОРИТЬ НЕЛЬЗЯ. <...> недостаток зрелости мешает ему упрочиться в веках: тем не менее КРИТИКУ к<a>к отдел литературы придется ВЕЧНО начинать с Белинского» (п. 19). Розанов заключал: «Но что же такое “Силуэты”? Разве это работа? Это — штрихи, беглые замечания, талантливая злость и “как я счастлив в своем великолепном слогe”» (п. 19). Впрочем, беря под защиту В. Г. Белинского, Розанов присоединял свой голос к большому хору литераторов, также возмущенных переоценкой наследия критика (Н. Л. Бродский, Р. В. Иванов-Разумник, Е. А. Ляцкий, П. П. Перцов, П. Н. Сакулин и др.), хотя и подходил к вопросу с особой стороны — выдвигая Белинского на пьедестал как труженика-первопроходца и непреложное национальное достояние.

А за полгода до этого октябрьского письма Венгеру, 13 апреля 1915 г., Розанов в письме к П. П. Перцову похвалил его заметку «Палка в муравейнике», в которой «бойкий и очень непочтительный очерк» Айхенвальда о Белинском психологически оправдывался неумеренным превознесением критика, в частности, в работах Венгерова. Перцов писал: «<...> пятьдесят лет положительного гиперболизма во славу “лучезарного блеска беспримерно светлой личности Белинского” (эта беспримерная безвкусица принадлежит перу г. Венгерова) должны дать, для равновесия, лет пять увлечения отрицательного».¹⁸ Розанов откликнулся так: «Хорошо (очень) “безвкусица” у Венгерова. **Суть** его».¹⁹

Но вернемся к письму Розанова от 3 октября 1915 г., переросшему уже в целый критический этюд. Далее писатель рассуждает о том, как нравственное состояние литературоведа отражается на его профессиональной работе. Розанов пишет: «Айхенвальд — поэт, но поэт дурного сердца. Читая его “изящные страницы”, как-то пожалеешь о “наших” Скабичевском, Протопопове (нелепый критик-ругатель), Южакове; очень пожалеешь о Н. Михайловском, — хотя он тоже б<ыл> зол. <...> это выходило часто грубо, аляповато, пошлово даже; не умно, не об-

¹⁸ Перцов П. Палка в муравейнике // Новое время. 1915. 29 марта. № 14025. С. 6.

¹⁹ Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова, 1911—1916. С. 117.

разовано. Но дело в том, что из этой аляповатости потом (у преемников) мог бы выйти и рафинад, дело в том, что эта аляповатость растет и живая: а “изящество” Айхенвальда так и останется им, ни во что не преобразуется; что оно исторически недвижно и исторически мертво» (п. 19).

Следует сказать, что разоблачение Розановым в письмах к Венгерову, образно говоря, «стилистического солипсизма» Ю. И. Айхенвальда, равно как и осуждение им радикалистского направленного диктата в литературе, хотя и во многом справедливо по сути, — но, конечно, в плане выражения носит обычные для Розанова черты порывистости и самозабвения, когда «мысль прихотливо и свободно изливается не столько по воле автора, сколько по его вдохновению».²⁰ Но этот-то, казалось бы, недочет таинственным образом оборачивается у Розанова новыми художественными прорывами, подтверждающими, между прочим, истинность впечатлений такого строгого критика, как Н. А. Бердяев: «Читал я Розанова с наслаждением. Литературный дар его был изумителен, самый большой дар в русской прозе. Это настоящая магия слова».²¹

Вместе с тем изучение новых пластов эпистолярной фактографии В. В. Розанова, с одной стороны, вносит коррективы в понимание творческой индивидуальности писателя и его корреспондентов, а с другой — свидетельствует о том, что научная публикация богатейшего эпистолярного наследия Розанова в полном объеме — насущная задача нашей науки.

При публикации писем пунктуация отчасти была приближена к современным нормам; по мере возможности сохранена характерная для писательской манеры Розанова вариативность в начертании букв, обведении их с нажимом и без, величине и др., с помощью которой он эмоционально либо логически выделял отдельные слова и выражения.

1

В. В. Розанов — С. А. Венгерову

<2 марта 1898 г.>¹

Милостивый Государь,
Семен Афанасьевич!

Как ни мучительно стыдно мне обращаться в Литературный фонд, с просьбою о пособии, — вынужден сделать это, дойдя до крайнего упадка сил в борьбе с нуждою, в труде и вечном страхе за завтрашний день. Хотя я занимаю должность «откомандированного в Департамент

²⁰ Фатеев В. А. Жизнеописание Василия Розанова. 2-е изд. С. 251.

²¹ Бердяев Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 147—148.

железнодорожной отчетности Государственного контроля» (обязанности помощника младшего ревизора), но мое здесь жалованье 150 р. в месяц есть почти то самое жалованье (135 р.), которое я получал сейчас по выходе из университета как учитель гимназии. Великое несчастье людей, подобных мне, т. е. с раздвоившимися способностями и профессиею, состоит в том, что один дар и одна профессия поедает другую, оставляя в самом неверном и мучительном положении человека о «двух занятиях».

Как писатель — чуть-чуть я горд, и хотя по службе зажимая рот себе и подавляя сердце являешься зрителем «департаментских подлостей и вздоров» (см. «Шинель» Гоголя),² но уже не в силах, так сказать, нервно, активно и счастливо пожимать «руку вице-директора», а у нас в России все на «рукопожатиях» и основано, по крайней мере в низших и средних служебных сферах, где я вращаюсь. На похороны чиновникам (мелким) отказывают, а себе на свадьбу сына берут пособие в 1.200 р., т. е. «по чину берут»,³ как бесчиновным отказывают. Понятно, что я несколько угрюм и сух на службе, т. е. «не почтителен» (хотя только активно не почтителен, не прыгаю козлом около дающей руки, давным-давно смирившись извне и, само собою, не раскрывая рта на злоупотребления «доверием»: Вы знаете термин — мы «вверили» вам исправление обязанностей и т. д.). Вот причина, почему, аккуратнейшим образом исполняя свое писчее и счетное дело, я не могу вырваться из заколдованных 150 р., а месяца три, сейчас на переводе в Петербург из провинции,⁴ и когда у меня умирала от воспаления в мозгу девочка 9 месяцев⁵ — я получал 100 р. — и тут дошел до такого нищества, из какого вот 5 лет не могу вытащиться, т. е. развязаться с контрольною кассою⁶ и ломбардом. Тут, т. е. болезнь девочки при 100 р. жалованья, когда я обратился с просьбою о помощи к Государственному контролеру Филиппову (меня лично знающему)⁷ и он отказал мне, — нарушились и мои отношения к нему, т. е. после такой жестокости я стал, понятно, сух, и далее и далее — при случайных на улице встречах отворачивался и не кланялся. Чиновники так наблюдательны, что знают «взгляд на меня высшего начальства», и, конечно, это дает им возможность и право «шпынять» человека, коему нет средств защититься. Прибавлю здесь и некоторое семейное несчастье; Вы, кажется, знали покойного Каблицы⁸ — мое поколение таково же; т. е. поколение Лаврецкого, но который предпочел бы сблизиться с Лизой Калитиной,⁹ чем зарываться в гроб — что не весьма гуманно и не очень «по Христу», а скорей «по Велиару»¹⁰ рекомендуется нашу цивилизацию и всяческими учреждениями. Но Вы поймете, что я во всех линиях бытия несчастен, и хоть я далеко не считаю себя безгрешным, но именно те специальные несчастья, какие несусь, — я решительно не заслужил. Я безумно люблю семью и все семейное, привязан к детям, и вообще даже знакомых или друзей я оцениваю не по уму и таланту — а «как он в семье, с женою и детьми» — и именно в этом пункте я обо-

рван. Я трудолюбив как вол, написал книгу в 737 страниц,¹¹ аккуратен в службе — и решительно нищ, т. е. раз набегаёт долг в 400 р. (имеется у меня по ломбарду и кассе), не в силах вот 5 лет вырваться из него. Теперь почему я не в силах вырваться: я сказал уже, что с 82 года, т. е. окончания в Университете курса, получаю всё 135—150 р., но живу я уже не в уездном городе, а в Петербурге, способность моя писать — падает, работа ценится ниже, и когда в начале деятельности литературной меня искали редакторы, теперь я ищу редакторов. Русский Вестник перевелся в Москву,¹² и кн. Цертелев,¹³ его редактирующий, и слышать моего имени не хочет; Александров (Русское Обозрение)¹⁴ почти не платит: т. е. Вы помещаете статью, другую, третью — и вот когда, дойдя до последней нужды, пишете ему решительно умоляющие письма выслать же наконец гонорар, он высылает его за первую из трех уже у него напечатанных статей. Остается «Новое Время» — но Бог дал мне несчастье «отвлеченно» писать, и из 3^х предложенных статей — идет одна. Вы понимаете, что я измучен как собака; и что стал похож на собаку по обозленности — на полноту изложенных здесь обстоятельств. Я знаю, «направление» мое не может быть приятно Литературному фонду, — да и сам вижу, что есть какое-то недоразумение в этом у меня «направлении», т. е. есть тут

Пленной мысли раздраженье¹⁵ —

уродливые, болезненные выкрики; но вот, все это имеет свой¹⁶ генезис в болезнях жены, смерти ребенка, невозможности при болезни позвать доктора, причем о чем бы ни писал, уже «пишешь по черному фону» и «черными красками». Я верю, что малейший просвет в личной жизни, мысли был бы спасением меня и как писателя, т. е. сейчас разлился бы мягким слогом, лучшей нежностью чувств; но куда я пойду просить в России, где по гениальному выражению Некрасова —

...Пьяного с голодным
Не умеют различить.¹⁷

Я просто стал бояться своего угрюмого и раздраженного лица, т. е. никуда не являюсь просто из страха, что сейчас же всякая готовность к дружбе или помощи пропадет при взгляде на меня; связанный язык, неуверенный голос, и ежесекундная мысль — все, что я делаю, еще больше мне вредит — решительно и заставляет всякого скорее вредить мне, чем подавать помощь. Так-то я и возлюбил жену и детей единственных во всем мире, и не хочу, и боюсь выйти из их круга; а припомня сказанное выше — Вы поймете, как и они несчастны, и опять безвинно. Характерно в нашей цивилизации «любви», что «любящие»-то по всем линиям существования и отвергнуты; ведь беспутная жена Лаврецкого никем не отвергается, а отвергнуты в порывах любви и истинно высокой и чистой любви — сам Лаврецкий и Лиза Калитина; а если б у них родились дети — то и они отвергнуты; прямо оторваны

от существа отца и матери и «легально» выбрасываются на улицу. Это демонизм какой-то цивилизации нашей, который еще я раскусываю и не умею сообразить. Много бы я мог сказать, и много бы мог заволновать сердца, если бы было, *где* писать; и вот тут уже *лично* у Вас я попрошу, как собрата по перу и радателя всех русских литераторов (Словарь¹⁸), — не придет ли Вам чего на ум воспособляющего. От усталости ли, от «душноты» ли жизни, я ужасно не изобретателен стал, ничего не могу придумать.

Ну, вот, кажется, я Вам написал письмо довольно «психопатическое», чтобы свидетельствовать, что я в самом деле нуждаюсь в «лечении». Лечение мне придумала любящая и заботливая жена, а ей указали, по ее словам, «люди». И так как при ломбарде за плечами невозможно и подумать выехать хотя бы в Сиверскую,¹⁹ — то стали мы думать, а один добрый человек и подсказал нам Литературный фонд; теперь еще отпуск в мучительном Контроле, и смертельно я боюсь, что не дадут его; хотя, не брав 2 года летнего отпуска, я имею легальное право (тоже мне объяснили добрые из Акакиев Акакиевичей²⁰) на 2 месяца. Будьте добры, приложите *критическое чутье* к этому письму, и, отделив в нем лично к Вам обращенное от того, что может быть обращено «официально» и в «Комитете» — повоздействуйте на последний. Еще о «направлении»: в сущности, «програм<м>но» я ни одного направления не придерживался, и консерваторы фракции «Цертелев-Грингут»²¹ ненавидят меня серьезнее и, думаю, глубже, чем «западники» и «прогрессисты». Затем, мне приходилось писать ужасные статьи (о Ходынке,²² напр<имер>): тут — «пленной мысли раздражение», и множество таких частностей в домашнем обиходе, в текущих то раздражающих, то умиляющих минутах — что *психически* глубоко основательные статьи — и глубоко же неправые *общественно*, были написаны и, к прискорбию, напечатаны. Все это я знаю, о всем этом болею, и, верьте — не имей на ноге таких жмущих сапог — не кричал бы объективно так нелепо иногда. Ну, простите. Я Вам много высказал, и доверяю Вам подробности этого письма в совершенном секрете.

В. Розанов.

Адр<ес>: Петербург, Петербургская сторона, Павловская ул., д. 2, кв. 24. В. В. Розанову.

¹ Дата установлена по одновременно написанному Розановым обращению в Литературный фонд (публикуется в качестве Приложения к этому письму).

² Цитата из черновой редакции «Шинели» — «Повести о чиновнике, крадущем шинели». См. в контексте: «В департаменте податей и сборов, который впрочем иногда называют департаментом подлостей и вздоров, не потому чтобы в самом деле были там подлости, но потому что господа чиновники любят так же как и военные офицеры немножко поострить, — итак в этом департаменте служил чиновник <...>» (*Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.*: [В 14 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. III: Повести. С. 446).

³ От выражения из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836) — слов Городничего, обращенных к квартальному: «Что ты сделал с купцом Черняевым — а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! Не по чину берешь! Ступай» (д. I, явл. 4).

⁴ Перемещение Розанова по службе из прогимназии г. Белый Смоленской губернии в Государственный контроль состоялось 16 марта 1893 г.; в апреле он с семьей поселился в Петербурге.

⁵ Первый ребенок Розанова Надя родилась 6 ноября 1892 г., скончалась от менингита 25 сентября 1893 г.; похоронена на Смоленском кладбище Петербурга.

⁶ Имеется в виду Касса взаимопомощи Государственного контроля, где в то время служил Розанов.

⁷ *Филиппов Тертий Иванович* (1825—1899) — религиозный публицист, литературный критик; товарищ государственного контролера (с 1878 г.), государственного контролера (с 1889 г.). С 1892 г. корреспондент Розанова. Филиппов по желанию Розанова перевел его в свое ведомство и предполагал сделать соредактором (наряду с А. А. Александровым) журнала «Русское обозрение», но уже после первой личной встречи их отношения стали разлаживаться.

⁸ *Каблиц Иосиф Иванович* (лит. псевд. И. Юзов; 1848—1893) — публицист-народник, автор трактата «Основы народничества» (1882). Последние годы своей жизни Каблиц служил в Государственном контроле, где с ним и познакомился Розанов. Он написал некролог Каблицу (Русское обозрение. 1893. № 11. С. 513—518).

⁹ Упомянуты герои романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1859).

¹⁰ Отсылка к словам апостола Павла: «Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?» (2 Кор. 6: 14—15).

¹¹ *Розанов Вас.* О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. XII, 738 с.

¹² Этот перевод состоялся в 1895 г.

¹³ *Цертелев Дмитрий Николаевич*, князь (1852—1911) — философ, поэт, публицист, литературный критик.

¹⁴ *Александров Анатолий Александрович* (1861—1930) — педагог, поэт, журналист, редактор ежесемейного журнала «Русское обозрение» (1892—1898) и ежедневной газеты «Русское слово» (1894—1898).

¹⁵ Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839).

¹⁶ *Далее зачеркнуто:* неприя<тный>

¹⁷ Имеются в виду заключительные строки стихотворения Н. А. Некрасова «Филантроп» (1853, оп. 1856). Правильно: «А голодного от пьяного / Не умеют отличить».

¹⁸ «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)», издававшийся С. А. Венгеровым с 1889 г.

¹⁹ *Сиверская* — первоначально мыза в 68 км к югу от Петербурга, на территории которой в 1857 г. открылась одноименная станция на железной дороге Санкт-Петербург — Варшава. Популярия среди петербуржцев дачная местность.

²⁰ Здесь: чиновники. Акакий Акакиевич Башмачкин — герой повести Н. В. Гоголя «Шинель» (1842). Тему Акакия Акакиевича в применении не только к сослуживцам, но и к самому себе Розанов развивал в письме к С. А. Рачинскому от 26 июля 1895 г., рассказывая о буднях Государственного контроля: «...в Контроле меня съезть готовы бы, и, чего и жена не знает, иногда бывало так трудно, что слезы навертывались от унижения. Да, эти Акакии Акакиевичи бывают злы <...> на меня как на “литератора” они смотрят враждебно: “А, ты умен — вот, мы посмотрим, как умен”, и бывали полуиздевательства со стороны совсем мальчишек, 25—29 лет, из-

девательства, напр., над тем, что ищешь — не можешь найти реестра к документам, кои препровождаются в главное казначейство при депозитных квитанциях. Шкаф сверху донизу забит “делами”, каждый из чиновников знает, где и как найти реестр, ибо они в шкаф укладывали “дела” и, так сказать, имеют “ключ” от шкафа, которого мне не дают, и т. д. Но, слава Богу, я все это преодолел, и Акакии Акак<иевичи>, увидя, что я совершенно смирен и “ума” не выставляю, а к ним отношусь хорошо, — примирились и даже стали мне помогать...» (*Розанов В. В. Собр. соч.: Литературные изгнанники. Кн. II: П. А. Флоренский, С. А. Рачинский, Ю. Н. Говоруха-Отрок, В. А. Мордвинова. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 513*).

²¹ О кн. Д. Н. Цертелеве см. выше примеч. 13. *Грингмут Владимир Андреевич (1851—1907)* — политический деятель, идеолог черносотенного движения; сотрудник (с 1871 г.) и редактор (с 1896 г.) газеты «Московские ведомости». Поначалу поддерживал Розанова, опубликовав в 1889—1892 г. ряд его программных статей.

²² См.: *Розанов В. В.*: 1) 1 марта 1881 г. и 18 мая 1896 г. // Русское обозрение. 1896. № 5. С. 328—332; 2) Две гаммы человеческих чувств // Там же. 1896. № 8. С. 767—769; 3) Письмо в редакцию <О давке на Ходынском поле в Москве> // Там же. 1897. № 9. С. 406—407.

Приложение

В. В. Розанов в Литературный фонд

<2 марта 1898 г.>¹

В Общество вспомоществования
нуждающимся литераторам и ученым
прошение.

Дойдя до крайнего истощения сил, как психических, так и физических, и не имея никаких средств пособить себе своими способами, за обремененностью четырьмя детьми² и женою, часто хворающею,³ — решаюсь обратиться в уважаемое Общество с покорнейшею просьбою не отказать дать мне единовременное (без возврата) пособие на поездку летом (если удастся получить отпуск) куда-нибудь на юг, по назначению доктора. Более подробные сведения о положении, вынуждающем меня обратиться с настоящею просьбою, я излагаю в письме на имя г. Секретаря Общества.⁴

Автор книг: 1) «О понимании; опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания»;⁵ 2) «Легенда о Великом Инквизиторе — Ф. М. Достоевского. Критический комментарий»;⁶ 3) писавший и отчасти пишущий в изданиях: «Вопросы Философии и Психологии»,⁷ «Журнал Министерства Народного Просвещения»,⁸ «Русский Вестник»,⁹ «Русское Обозрение»,¹⁰ «Новое Время»¹¹ и другие. —

Василий Розанов.

С.-Петербург. — 2 марта 1898 года. —

Адрес подателя просьбы: Петербург, Петербургская сторона, Павловская улица, дом 2, кв. 24.

¹ На верхнем поле канцелярская помета: «Получ<ено> 2 марта 98. [Отказать: / нуж<да> не ясна] / Просить Венгерова вывить / характ<ер> нужды и велика / просимая сумма». В этом заседании: «Председательствовал: В. А. Манассеин. Присутствовали: тов<арищ> пред<седателя> <Н. С.> Таганцев, казначей Я. Г. Гуревич, секретарь К. М. Станюкович и члены: П. И. Вейнберг, В. Г. Короленко, В. Г. Котельников, Н. К. Михайловский, С. Ф. Ольденбург, К. А. Поссе и П. П. Фон-дер-Флит. <...> Слушали: <...> 36. Просьбу Розанова о пособии в размере 400 р. Сообщить Венгерovu, что пособия в таком размере выдано быть не может» (РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1898, журнал № 7 от 9 марта, л. 1, 2).

² Названы три родные дочери Розанова: *Татьяна* (1895–1975), *Вера* (1896–1919) и *Варвара* (1898–1943) и его падчерица *Александра Михайловна Бутягина* (1883–1920).

³ *Бутягина Варвара Дмитриевна* (урожд. *Руднева*; 1864–1923) — вторая жена Розанова, с которой он тайно обвенчался в 1891 г. (поскольку жива была «законная» жена А. П. Сулова, не давшаяся развода). У Варвары Дмитриевны были сухотка спинного и головного мозга и миокардит, ставшие следствием заражения от первого мужа, умершего от прогрессивного паралича на почве сифилиса. Она не получала нужного лечения, поскольку точный врачебный диагноз запоздал на 30 лет (см.: *Розанов В. В.* Полн. собр. «опавших листьев»: В 2 кн. М.: Русский путь, 2004. Кн. 2: Смертное. С. 157–158).

⁴ Розанов ошибочно подражает здесь С. А. Венгерова, который был секретарем Комитета до 2 февраля 1898 г.

⁵ Вых. дан. книги Розанова «О понимании» см. в примеч. 11 к п. 1.

⁶ *Розанов В.* Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского: Опыт критического комментария. СПб.: Типо-литография и нотопечатня С. М. Николаева, 1894. 234 с.

⁷ В этом московском журнале Розанов печатался в 1890 и 1892 гг., при редакторах кн. С. Н. Трубецком и Л. М. Лопатине.

⁸ Розанов публиковался здесь в 1889–1891, 1893 и 1895 гг., в период редакторства Э. Л. Радлова.

⁹ В литературном и ежемесячном литературном и политическом журнале «Русский вестник» Розанов печатался в 1889–1897, 1902 и 1903 гг., в период редакторства Ф. Н. Берга и В. Л. Величко.

¹⁰ «Русское обозрение» — литературно-политический и научный ежемесячный журнал консервативного направления, редактировавшийся А. А. Александровым (1890–1898). Розанов публиковался здесь в 1892–1898 гг.

¹¹ Розанов печатался в ежедневной петербургской газете «Новое время», издававшейся А. С. Сувориным, с 1894 г., а со 2 апреля 1899 г. до закрытия газеты в 1917 г. был штатным сотрудником этого издания.

2

С. А. Венгеров — В. В. Розанову¹

С.-Петербург, 8го марта 1898 г.

Многоуважаемый
Василий Васильевич!

Письмо Ваше и прошение были направлены не совсем по адресу: я уже с 2го февраля по очереди выбыл из состава Комитета. Но тем не менее я все сделал для того, чтобы прошение Ваше увенчалось успе-

хом. Самое прошение я лично передал новому секретарю, К. М. Станюковичу,² от которого Вы, вероятно, во вторник или в среду получите ответ (заседание в понедельник). Письмо же Ваше я счел возможным показать члену Комитета³ Н. К. Михайловскому.⁴ И он, и я не можем не питать сочувствия к Вашему тяжелому положению, но оба мы опасаемся, что просьба Ваша может быть и не удовлетворена по совершенно формальным причинам: дело в том, что Вы получаете на службе 150 руб. — сумма, конечно, ничтожная для семьи в шесть человек, но Литературный Фонд в буквальном смысле нищенский Комитет; средства так ограничены, что средний размер пособия — 60 руб., и это пособие выдается уж людям, действительно ничего не имеющим. Вот почему Комитет не раз отказывал просителям,⁵ нужде которых очень сочувствовал.

Все это я говорю к тому, чтобы Вы возможный отказ не истолковали ложно. О «направлении» как о мотиве решения никакой речи не может быть. Фонд помогает людям всех направлений.

В письме своем Вы просите дать Вам совет, как бы Вам устроить свои дела. Самым простым выходом из затруднительного положения⁶ могло бы быть обращение в Академический Фонд,⁷ по отношению к которому уже совершенно устраняется тревожащее Вас обстоятельство — «направление». Но я опасаясь, что и там Вам, по тем же формальным причинам, могут отказать: и там не помогают людям, получающим определенное содержание. Я предложил бы Вам вот какой способ выйти из затруднительного положения: достаньте ручательство⁸ Вашего казначея, что он будет вычитать из Вашего жалованья определенную сумму, и тогда Фонд, если он откажет Вам в *пособии*, наверно, выдаст Вам так называемую *срочную* ссуду (на год)⁹ рублей в триста; срочные ссуды, обеспеченные ручательством казначея, Фонд имеет право выдавать и лицам, получающим довольно большое содержание.

Вы пишете, что Ваши отношения к Т. И. Филиппову крайне натянутые. Нет ли средств улучшить их? Я, с своей стороны, мог бы вот что сделать для улучшения их: насколько мне известно, личные добрые отношения не порваны между Филипповым и Владимиром Сергеевичем Соловьевым.¹⁰ Так вот, не поехать ли Соловьеву¹¹ к Филиппову и не потолковать ли о Вашем тяжелом положении? Если я не ошибаюсь, Ваши отношения с Владимиром Сергеевичем теперь порваны,¹² но их ничего не стоит восстановить, и так как Вам самому сделать первый шаг к сближению очень трудно, то я с удовольствием взял бы на себя роль посредника. Вам даже не пришлось бы иметь свидания с В. С. — Я ему все рассказал бы, а он, конечно, не замедлил бы поехать к Филиппову.

Мог бы поговорить с Филипповым относительно Вас также А. Ф. Васильев.¹³ Я с ним мало знаком, но считая его человеком очень порядочным и потому тоже взялся бы поговорить с ним о Вас, если Вам почему-либо тяжело самому обратиться к нему.

Да не удивит Вас, что настоящее письмо писано не моей рукой: не могу сам справиться со своей корреспонденцией и диктую свои письма; но особа, которой я диктую, очень скромна, а кроме того, фамилии лиц, которым письма адресуются, остаются ей неизвестными.

С истинным сочувствием
остаюсь готовый к услугам
С. Венгеров.

¹ Письмо написано под диктовку Венгерова его помощницей на бланке: «Критико-биографический / словарь / русских писателей и ученых / С. А. Венгерова / С.-Петербург / Бронницкая, 3» (автограф — только обращение в начале письма, небольшая правка и заключительная фраза с подписью). См. пояснение Венгерова в конце письма.

² *Станюкович Константин Михайлович* (1843—1903) — писатель-маринист.

³ Слова: члену Комитета — *вписаны рукой Венгерова*.

⁴ *Михайловский Николай Константинович* (1842—1904) — публицист, социолог, теоретик народничества; литературный критик, видный общественный деятель.

⁵ *Далее зачеркнуто: в*

⁶ Слова: выходом из затруднительного положения — *вписаны Венгеровым*.

⁷ Имеется в виду Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, образованная во исполнение Высочайшего указа от 13 января 1895 г. при Академии наук. Было повелено отпускать ежегодно из государственного казначейства по 50 000 руб., и вспомоществованиям, назначаемым Комиссией, было присвоено наименование «пенсий и пособий Императора Николая II». Пенсии могли назначаться лицам, достигшим преклонных лет или впадшим в болезненное состояние и при этом не получающим пенсии из казны или каких-либо других источников. За вдовой, имеющей трех и более детей, сохранялась пенсия ее мужа. Пособиями из средств Постоянной комиссии начиная с ноября 1911 г. регулярно пользовался друг Розанова публицист Рцы (И. Ф. Романов), а когда он умер, — его вдова О. И. Романова (урожд. Луцевич).

⁸ *Было: заручитесь ручательством*

⁹ Слова в скобках *вставлены рукой Венгерова*.

¹⁰ *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853—1900) — философ, поэт, публицист и литературный критик. Об отношении к нему Венгерова Розанов упоминал в книге «Семейный вопрос в России» (СПб., 1903): «...мне передавал известный библиограф Венгеров, очень любивший Соловьева, что он “в компании часто любит говорить невообразимые сальности, смешные”» (*Розанов В. В. Собр. соч.: Семейный вопрос в России. М.: Республика, 2004. С. 409*).

¹¹ *Соловьеву вставлено над зачеркнутым: ему*

¹² Серьезная размолвка между Розановым и Вл. Соловьевым произошла в 1893—1894 гг. в ходе вызвавшей общественный резонанс, ожесточенной печатной полемики по вопросу о религиозной свободе и веротерпимости; продолжением спора стал критический отклик Розанова на статью Соловьева «Судьба Пушкина» в октябре 1897 г., т. е. за четыре месяца до обращения Розанова в Литературный фонд.

¹³ Ошибка во втором инициале; речь идет об *Афанасии Васильевиче Васильеве* (1851—1929) — публицисте славянофильского направления, генерал-контролере Департамента военной и морской отчетности Государственного контроля (1893—1897), издателе журнала «Благовест» (1890—1896). В рассматриваемый период он

жил в одном доме с Розановым (Павловская, 2) и был его начальником по службе. Розанов был невысокого мнения об А. В. Васильеве как человеке и о его сочинениях; их отношения с 1897 г. разладились. См. оговорку в «Опавших листьях» (1915): «...лица, причинившие мне неисчерпаемое страдание и унижение, — Афонька и Тертий...» (Розанов В. В. Собр. соч.: Листва. С. 224).

3

С. А. Венгеров — В. В. Розанову¹

С.-Петербург, 12 марта 1898 г.

Многоуважаемый
Василий Васильевич!

В Вашей просьбе Комитету Литер<атурного> фонда не все ясно, и так как прошение Ваше шло через меня, то Комитет и просит меня переговорить с Вами. Прошу Вас пожаловать ко мне в субботу, воскресенье или вторник около 7 часов.

С совершенным почтением
С. Венгеров.

¹ Письмо-автограф на бланке (см. примеч. 1 к п. 2).

4

В. В. Розанов — С. А. Венгерову

<Около 13 марта 1898 г.>¹

Смирненно приготавлиюсь, уважаемый Семен Афанасьевич, в воскресенье² вечером выслушать Ваши громы негодования, — и прошу предупредить меня, если *не* будете дома. Знаю, сам знаю, что «умственно наблудил» в письме к Вам, и бесконечно стыдно. А «слово не воробей — выскочил — не поймаешь». Если б мы всегда это помнили.

Ваш В. Розанов.

¹ Дата предположена по связи с предыдущим письмом Венгерова.

² Упомянутое воскресенье приходилось на 15 марта 1898 г.

5

В. В. Розанов — С. А. Венгерову¹

<22 марта 1898 г.>

Многоуважаемый
Семен Афанасьевич!

Мы с Вами, вечером, много фантазировали на политико-литературные темы, а «дело» проскользнуло у нас; услышав от меня слово «300» или «200» рублей, Вы — я помню — уже остановились на «200», не-

сколько раз повторяя, когда это слово я выговорил по скромности и частью глупости. Между тем — 200 р. это жизнь на даче *в Лесном*,² а мне хочется и нужен отдых, на Кавказе (Нарзан)³ или около моря. Единственный раз я обратился к Фонду; Фонд может мне отказать, вероятно — откажет; но право иметь на это свой взгляд я сохраняю, и, если когда-нибудь я буду силен, — я его выражу. Помилуйте — Вы сели верхом на того же Белинского, «честное сердце»,⁴ и, дубася его по бокам — кричите: «мы честные люди», «мы в России *единственно* честные люди». Как, писатель усталый, изнеможенный, написав Вам письмо и изложив до потрохов там жизнь свою, просит у *Фонда* денег; и ему под отвратительно-канцелярскою придиркою: «вы получаете жалованье» (хотя оно достаточно на проедение, а не на лечение — Вы это знаете) — отказывают. Кому же идут «святые деньги»: это — темно, пока во всеобщее⁵ известие не опубликованы *имена* и *общественное положение* людей получающих, иначе, простите, Вашим ревизионным комиссиям, составленным из «своих людей», я вправе прямо не доверять, и вправе думать, что у меня, усталого писателя, — деньги насильственно отнимаются и передаются безвестно кому; ибо что «безвестно» — это-то факт, ибо имена скрыты. «Мы выдаем по 60 р.»: но «по 60 р.» можно выдавать 8 раз в год, итого получится 480 р. в год. Положение писателя, вообще, известно — и оно известно в либеральных и радикальных кругах, где журналистов одного направления много, и при богатстве подписки — плата высока и точна. Это — факт, которого Вы не можете устранить; нуждающийся *до боли* писатель — это в общем не рядовое, не дюжинное явление; ибо в газетах-то писали, что литератор «в общем» получает не меньше хорошего доктора или адвоката. Итак, оставляя Вам «святые» деньги, имеем 15.000; Вы можете опять их раздавать⁶ писателям-эфмеридам: т. е. человеку, всего раз в жизни написавшим *<так!>* корреспонденцию «залихватски-радикальную» и затем становящимся пенсионером Кассы. Между тем вовсе не писатели составили средства *Фонда*: их дало *общество* из *общего* уважения к литературе, из уважения к *слову* и *уму*. Итак, я совлекаю с себя «рабий зрак»⁷ просителя, прекращаю «клянчить» и, сознавая полную свою правоту, — просто предъявляю свою нужду Фонду, с правом остаться «при своем мнении» на его добросовестность. Конечно, Фонд — сила, и я — бессилие; но предлагаю Фонду подумать: вправе ли, опираясь на *силу*, он подавлять *бессилие* и оставаться⁸ «литературою», «светом», «умом». Помните, что у Вас вовсе не Ваши деньги, но общественные; и Вы их обязаны употреблять соот<вет>ственно тому литературно-умственному, духовному интересу и плану, с коими общество вручало эти деньги, доверившись уму и чести руководителей *Фонда*. Крючкотворство *Фонда*, что-де «получает»⁹ жалованье — есть *его*, а не *общества жертвующего*, — выдумка: общество жертвует «за» слово и «для» усталости, болезни, не имея других градаций и будучи чуждо канцелярски-бюрократических «отговорок».

Итак, я прошу именно «300» рублей, на лечение; и убедительно и, так сказать, официально это письмо прошу сообщить г. Секретарю *Фонда* (кажется г. Сементковскому,¹⁰ Вы писали), а его в свою очередь прошу сообщить членам Комитета, и также сохранить, дабы — если я потребую — вернуть его мне назад как документ. Я так чувствую правоту своей просьбы, так чувствую неправоту *Фонда* в его придириках и умалениях — «200» и «не более», что, повторяю — конечно, я сейчас бессилён, но я мучительно и кроваво помню и запомню эту обиду, несправедливость, злоупотребление. «Нас много и мы побьем»: ну, и побейте — но помните «завтра» истории.

Остаюсь все-таки лично Вам преданный В. Розанов.

Гораздо бы лучше, чем умалять и придираться — Вам «свято», честно и горячо войти в нужду человека, и горячо ему помочь.

¹ Письмо было передано Венгеровым делопроизводителю и подшито в журнал заседания Литературного фонда (л. 9—10 об.). В этом заседании: «Председательствовал: В. А. Манассеин. Присутствовали: Н. С. Таганцев, К. А. Поссе, П. И. Вейнберг, С. Ф. Ольденбург, В. Г. Котельников, Я. Г. Гуревич, Н. К. Михайловский. Слушали: <...> 7. Письмо г. Розанова с заявлением, что ему нужно не менее трехсот рублей в пособие. Определили: Выдать двести р. (Ор<дер> 67)» (РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1898, журнал № 8 от 23 марта, л. 1).

² *Лесной* (полностью: Лесной участок) — единица дореволюционного административно-территориального деления на севере Петербурга, пригород; с середины XIX в. Лесной застраивался дачами.

³ Имеется в виду Кисловодск с его Нарзанной галереей, возведенной вокруг источника Нарзан в курортном парке.

⁴ Отсылка к работе: *Венгеров С. Великое сердце: (Виссарион Григорьевич Белинский) // Русское богатство. 1898. № 3. С. 151—185; № 4. С. 125—160; № 7. С. 168—187.*

⁵ *Далее зачеркнуто: полож<ение>*

⁶ *Далее зачеркнуто: людям*

⁷ *Рабий знак* (вид раба) — библейское выражение (Пс. 21: 30; Фил. 2: 7), употребляемое по отношению к вочеловечению Иисуса Христа.

⁸ *Далее зачеркнуто: силою*

⁹ *Далее зачеркнуто: Фо<нд>*

¹⁰ Розанов перепутал Станюковича с Сементковским по созвучию их фамилий. *Сементковский Ростислав Иванович* (1846—1919) — либеральный публицист, журналист, прозаик.

Приложение

С. А. Венгеров в Литературный фонд¹

С.-Петербург, 22 марта 1898 г.

Препровождаю вам письмо Розанова. Он просит его передать в Комитет.

С глубоким уважением
С. Венгеров.

¹ Письмо-автограф на бланке (см. примеч. 1 к п. 2). Было подшито в журнал заседания Литературного фонда. На верхнем поле помета: «Получено 23/III 98. / Г<-ну> Розанову выдать 200 р. / Отв<ечено> 28 м<арта> № 100. О. Я.» (РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1898, журнал № 8 от 23 марта, л. 8).

6

С. А. Венгеров — В. В. Розанову¹

С.-Петербург, 22 марта 1898 г.

Согласно Вашему желанию, переслал Ваше письмо в Фонд, не прибавив к нему от себя² ни единой строчки. Скажу откровенно, что, если бы я был членом Комитета, то безусловно высказался бы против выдачи Вам пособия. Письмо Ваше исполнено какого-то неслыханного эгоизма; Вы пишете: «двести рублей — это жизнь и даже в Лесном, а мне хочется и нужен отдых на Кавказе или около моря». И это после того, как я объяснил Вам,³ что у нас нищенский Комитет и что средняя выдача 60 руб. Правда, Вы весьма остроумно предположили, что можно по 60 руб. выдавать восемь раз в год; Вы только забыли при этом одно обстоятельство: кроме ревизионной комиссии из «своих людей», действия Фонда ревизуются Министерством народного просвещения, как Вам известно, не питающим никакой нежности к либералам и радикалам.* Посылаю Вам одновременно последний отчет⁶ — изучите его и казнитесь. Очень мило Ваше требование, чтобы Фонд публиковал имена тех, которым выдаются пособия; позволю себе сказать, что подобное чудовищное требование могло вырваться только в момент помрачения нравственного чувства.

Если бы я был членом Комитета, то, конечно, счел бы ниже достоинства его вступать с Вами в какие бы то ни было объяснения по поводу Ваших нелепых обвинений, но теперь я человек со стороны и потому не счел невозможным ответить Вам кое-что. И из Ваших статей, и из Ваших разговоров я вынес твердое убеждение, что Вы не имеете никакого точного представления о тех вещах, по которым так решительно высказываетесь. Вы не знаете ни журнальных отношений, ни личного состава журналистики: для Вас⁷ Гамма-Градовский,⁸ Михайловский и взрыв Курской Богоматери⁹ сливаются в одно представление, и, живя в этом хаосе дико фантастических представлений, Вы произносите свой суд с решительностью, достойной лучшей участи. То, что Вы написали о Фонде, одно из проявлений Ваших фантазмагорических представлений, ничего общего с действительностью не имеющих.

Готовый, все-таки, к услугам Вашим

С. Венгеров.

* В числе последних, сказать кстати, в Фонде имеются: первоприсутствующий Кассационного департамента Сената Таганцев⁴ и начальник Главного Управления казенной продажи вина Котельников.⁵ <Примеч. рукой С. А. Венгерова.>

Захотите когда-нибудь поспорить и ссориться — милости прошу пожаловать. Кроме пятниц, обыкновенно сижу дома. С Вами спорить стоит. Вы в таком заколдованном кругу собственных фантазмагорий живете, что хоть одну фантазмагорию Вашу разрушить и то хлеб: одной статьей à la прославление Ходынки будет меньше.

¹ Письмо написано под диктовку Венгерова его помощницей на бланке (см. примеч. 1 к п. 2). Автограф — от слов «Готовый, все-таки...».

² Слова: от себя — вставлены Венгерovým над строкой.

³ Слово: Вам — вставлены Венгерovým над строкой.

⁴ Таганцев Николай Степанович (1843—1923) — юрист, криминолог; автор научных трудов, курсов лекций, сборников статей, мемуаров. С 1887 г. сенатор Кассационного департамента Сената, а с 1897 г. — первоприсутствующий в нем. Был известен своим либерализмом: будучи защитником на политическом «процессе 193-х» в 1877—1878 гг., последовательно выступал за отмену смертной казни.

⁵ Котельников Василий Григорьевич (1850—1932) — помощник акцизного надзирателя Воронежской губернии, затем начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей; председатель второго отделения Вольного экономического общества, автор многочисленных популярных брошюр по сельскому хозяйству, профессор агрономии, впоследствии преподавал в Петроградском агрономическом институте.

⁶ Речь идет об изд.: Отчет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный фонд») [за] 1897 [год]: 38-й год. СПб., 1898. 52 с.

⁷ Далее зачеркнуто неверно понятое помощницей: Камоградский.

⁸ Градовский Григорий Константинович (псевд. Гамма; 1842—1915) — либеральный публицист.

⁹ Было: Курская Богоматерь. Слово: взрыв — вписано Венгерovým. В марте 1898 г. в Курском Знаменском соборе революционно настроенный изобретатель-самоучка А. Г. Уфимцев с тремя товарищами подложил самодельную бомбу рядом с киотом Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение», прославленной как чудотворная. Взрывом были произведены серьезные разрушения в храме, но икона осталась цела; не было и человеческих жертв, на которые рассчитывали террористы. Это событие, как известно, позже было обыграно в пьесе Л. Н. Андреева «Савва» (1906).

7

В. В. Розанов — С. А. Венгерова

<28 или 29 марта 1898 г.>¹

Ура, Семен Афанасьевич, — выдали 200 р.; сознаюсь, что им трудно было, и особенно после моего необдуманного и, может быть, неверного письма. Конечно, делает честь Фонду, что он стал на «общечеловеческую» точку зрения и чувства,² освободившись от лицепрятия и не впад в крючкотворство. Но, голубчик мой, — Вас мог обмануть мой чистенький шуртучок и золотые очки (два раза уже «чинились в ломбарде» — а мне, в 42 г., пора жить не по-студенчески): но за 5 лет треклятой жизни в Петербурге мне привелось испытать такие уничижительные минуты и, наконец, прямо минуты вредные, губящие здоровье

(езда в морозы и ветер на империале конки,³ вопреки прямым словам доктора, что для меня это опасно, — и по совершенной, иногда, <необходимости> в *дни* некоторые скорбные ехать внутри), что мое обращение и как бы требование у Фонда денег имею достаточную и «святую» для себя психопатическую подкладку, которой Вы не знаете и просто не можете оценить, не смеете и судить (т. е. по незнанию психологии). Мне, батюшка, 42 года, и работал я от окончания курса в Университете⁴ и по сию минуту не покладая рук; и не такой же я идиот, чтобы не видеть разницы в качестве прилагаемых к объекту труда сил между собою и Кареевым, который и «президент общества», и «редактор журнала», и «ординарный профессор»,⁵ хотя он подобен льву каменному, сидящему «для парада» у дверей барского дома или какого департамента. Да, батюшка, — Россия есть такая непроглядная темь, это такой смрад непонимания, который после достаточного плача вызывает наконец издевательство, и, как в данном случае было со мною, прямо требование «нахальное» и «чудовищно эгоистическое» (слова Вашего письма): «подай денег, ибо мне нужно». Вы не догадываетесь, сколько в этом крике правды; я был уверен, после Вашего раздраженного письма, что откажут, и уже мысленно писал колкое письмо Манасеину,⁶ что-де онёрами⁷ «председательства» пользуетесь, а под носом не видите, что у вас делают. Теперь я, конечно, напишу ему благодарственное письмо,⁸ да и Вы передайте членам Комитета мою сердечную благодарность. Теперь — **дело**, на которое прошу ответа *делового*:

1) могу ли я эти 200 р. получить не теперь, а приблизительно в *конце мая* или в его середине, т. е. непосредственно перед отъездом? Кажется, Гуревич,⁹ у коего надо получать, остается до конца мая в Петербурге, ибо у него гимназия и экзамены.

2. Есть самая тяжелая и грустная опасность, что мое начальство в лице директора департамента и двух его «вице-директоров»¹⁰ не дадут мне, по крючкотворным причинам, отпуска двухмесячного. Нужно Вам заметить, что чиновнику полагается каждый год отпуск на 1 месяц, и так как я два года не брал отпуска, то мне принадлежит формальное право на двухмесячный отпуск. Но в законе есть «заковья»: «— в случае, если найдется кто-нибудь, кто примет на себя обязанность исполнять работу уходящего в отпуск», и такой «случай» непременно разыщет начальство для того, коего хочет лягнуть. Теперь, так как Фонд есть в своем роде Министерство — то не могу ли я, и в особенности через посредство¹¹ Манасеина как *доктора*, получить бумагу, или ходатайство, или что-нибудь и как-нибудь, что парализовало бы канцелярские подвохи и *энергично* развязало бы мне ноги на путешествие на Кавказ. Вот тут возможно и ходатайство у Терт<ия> Ив<ановича> Вл. Соловьева; ибо «что ему», т. е. Тертию, «Гекуба»...¹²

3. *Конфиденциальный* вопрос Вам: т<ак> к<ак> все-таки на 200 р. «далеко не уедешь» и так как у нас есть «государственное» даже «коннозаводство»,¹³ то тем паче писатели вправе просить, желать etc. себе

помощи. Поэтому у меня есть мысль — но прошу Вас не осудить меня и вдуматься в психологию мою личную и общее положение нашего отечества — подать просьбу на Высочайшее имя о выдаче мне пособия на лечение, *п<отому> ч<то>* я болен и утомлен, имею такие-то сверхчиновные и никогда никем не оплаченные в государственном порядке труды и, так сказать, прошу помощи у государства. Конечно и конечно, около Кареева — я трижды имею на это право, и ведь он из того же Государственного казначейства получает 3.000 р. «ординарных»,¹⁴ т. е. через некоторое финансово-ученое «передергиванье в карты» именно у меня специально исхищает 1.000 р. в год; а потому, при таком глупом состоянии в России финансов и «ученой части», я считаю себя вполне вправе взять из своих уже похищенных и переданных Карееву 13.000 р.¹⁵ по крайней мере 200 р.; вот «фонд» моего предприятия, но как его выполнить: упомянуть ли, что я уже из Литерат<урного> фонда получил 200 р. и нуждаюсь еще в стольких же? Ничего ли не упоминать: но тогда со стороны Канцелярии прошений на Высочайшее имя¹⁶ может последовать Фонду или Академии запрос: не могут ли они выдать? Вообще, не откажитесь как дружок сообщить, посоветовать — как тут обойти *подробности, щекотливости* etc., и ради Бога, в душе не осуждайте меня, ибо я в точности нуждаюсь, и в точности вправе получить, когда же дается на «коннозаводство». Меньше ли я лошади? менее ли ее нуждаюсь в относительной неге (поездка на Кавказ)? менее ли приношу пользы отечеству? Отрицательно ответить на эти вопросы было бы очень грустно; а отвечая положительно — я вправе просить. Притом, раз Афонька Васильев имеет ежегодно 2.000 р. к 6.000 «прибавочных»: то ввиду такого нахальства просто возмутительно и «разбой» не получить мне на действительное лечение и действительно много трудившемуся человеку ничтожных 200—300 рублей. Я знаю, что Вы «как писатель» возмутитесь: но Вы не чиновник и понятия не имеете о том, как это ненасытная орава акул расхищает себе черт знает под какими предложениями в форме «комиссионных», «командировочных», «аренд» и проч. к огромным уже окладам еще огромные суммы. Я именно как чиновник, неумелый и неуклюжий, — оборван и общипан, и вот как писатель я снова исхищаю мои 2.000 р., переданные Афанасию Васильеву, — в виде 200 р. на лечение. Вам логика и психология этого непонятна, но мне *из департамента* она абсолютно видна; ведь и Афанасий и Терций из Государственного казначейства прямо оплачивали рептильные статьи в «Благовесте» и «Русской Беседе»,¹⁷ только, так сказать, не «прямыми», а «оборотными» ассигновками, и с предварительным писанием так называемых по канцелярии «журналов о назначении» или «пособии». Вообще Вы тут в государственной стряпне ничего не знаете, а потому и судить и, следовательно, и осудить не можете.

Лично я Вам очень благодарен за вполне участливое ко мне отношение. Как-нибудь вне пятницы буду у Вас.

Ваш преданный В. Розанов.

Потому мне нельзя *теперь* взять 200 р. из Фонда, что при вечно набегающих нуждах их нельзя будет не истратить; и потому мне нужно еще 200 р., что уже сейчас я должен в Контрольную кассу 178 р. (но это, слава Богу, сейчас — весь мой долг: и это *minimum* Петербургского долга, т. е. сейчас он сведен к *minimum*'у), т. е. к Фондовым 200 р. от себя, из своих я абсолютно не в силах ничего прибавить, неоткуда их взять. Что заработаю по газете — уходит ежемесячно в ежемесячную нехватку (получаю 150, проживаю около 230—250 в месяц, при «доме» из 8 человек). Ну, пожалуйста, подробности моего бытия — *в совершенном секрете*. Кстати: могу ли я *наверное* быть уверенным, что меня не забаллотируют в кассе взаимопомощи; Вы мельком сказали: «наверное». Тогда я теперь же бы обратился к Колубовскому,¹⁸ а если нет, буду дожидаться возвращения из Египта Радлова,¹⁹ который мне сказал: «Как бы вас не провалили; нужно узнать будет день баллотировки, придти и положить вам беляка».²⁰

Передайте же членам Комитета мою сердечную благодарность и сердечное извинение за необдуманное письмо и несправедливые заподозриванья.

¹ Дата предположена с учетом канцелярской пометы на прошении Розанова в Литфонд: «Отвечено > 28 марта > № 100. О. Я.» (РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1898, журнал № 8 от 23 марта, л. 8) — следовательно, Розанов узнал о выделении ему 200 рублей 28 или 29 марта и, скорее всего, сразу же написал Венгеру.

² *Далее зачеркнуто*: не приняв во внимание мелкие страстишки

³ *Империял конки* — длинная двойная скамья на крыше вагона, на которой пассажиры сидели спинами друг к другу, а лицами — к двум противоположным сторонам улицы. Вагон конки (конно-железнодорожной дороги) по рельсовым путям тянула пара лошадей, управляемая кучером.

⁴ Розанов окончил курс историко-филологического факультета Московского университета и 18 сентября 1882 г. был утвержден в степени кандидата.

⁵ *Кареев Николай Иванович* (1850—1931) — историк-славист, философ, социолог, член-корреспондент Императорской Академии наук (с 1910 г.). Розанов подразумевает, что Кареев был председателем Исторического общества при С.-Петербургском университете (1890—1917) и редактором издаваемого Обществом «Исторического обозрения»; ординарным профессором он был утвержден в 1890 г. Розанов признавался в каком-то физиолого-эстетическом неприятии Кареева, уподобляя его при этом Венгеру. В 1913 г. он писал: «...моя (многолетняя и язвительная) полемика против Венгерова и Кареева вытекла из того, что оба — толстые, а толстых писателей я терпеть не могу. Но “труды” их были мне нисколько не враждебны (или “все равно”» (*Розанов В. В. Собр. соч.: Литературные изгнания*. [Кн. I]: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 75). В 1915 г. оговаривался: «Что я всё нападаю на Венгерова и Кареева. Это даже мелко... Не говоря о том, что тут никакой нет “добродетели”» (*Розанов В. В. Собр. соч.: Листва. С. 200*).

⁶ *Манассеин (Манасеин) Вячеслав Авксентьевич* (1841—1901) — врач, действительный статский советник, общественный деятель и публицист. Редактор еженедельной газеты «Врач», неоднократно избирался председателем Литературного фонда.

⁷ *Онёры* — выгоды (*фр.*); в карточной игре: определенные карты, которые при расчете засчитываются особо.

⁸ Публикуется как *Приложение 1* к настоящему письму.

⁹ *Гуревич Яков Григорьевич* (1841—1906) — историк, педагог, благотворитель; действительный статский советник (1887). В 1883 г. в качестве директора возглавил учебное заведение, которое с этого времени стало именоваться Гимназией и реальным училищем Гуревича. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1885—1889). С 1890 г. — издатель журнала «Русская школа». Член правления кассы взаимопомощи при Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

¹⁰ Имеется в виду Департамент железнодорожной отчетности Государственного контроля. Его директором в рассматриваемый период был генерал-контролер Василий Герасимович Михалевский (1835—1898), а вице-директорами — Иван Викентьевич Жарновский (1852—1926) и Александр Иванович Маликов (1863 — не ранее 1917).

¹¹ *Далее зачеркнуто:* д-ра

¹² «*Что ему Гекуба?*» — ставшая крылатой фраза из трагедии У. Шекспира «Гамлет» (акт II, сц. 2), произнесенная главным героем по поводу мастерства актера, только что прочитавшего отрывок из монолога Энея, в котором описывались страдания Гекубы, жены убитого троянского царя Приама.

¹³ Имеется в виду Главное управление государственного коннозаводства на правах министерства (1843—1918). Оно заведовало государственными конскими заводами, конюшнями и аукционами для продажи лошадей; обществами их испытаний, скачками, бегами и конскими выставками.

¹⁴ Подразумевается жалованье ординарного профессора.

¹⁵ *Далее зачеркнуто:* вернуть

¹⁶ Официальное название: Канцелярия Его Императорского Величества по принятию прошений на Высочайшее имя приносимых (1895—1917). Рассматривала жалобы на высшие государственные учреждения и прошения, выходявшие за рамки существовавших законов.

¹⁷ «Благовест» — ежемесячный журнал, издававшийся как приложение к ежемесячному же журналу «Русская беседа» под редакцией А. В. Васильева в 1895—1896 гг. Оба издания, развивавшие славянофильские идеи, были малотиражными, выходили в Петербурге. Розанов, несмотря на свою близость к их сотрудникам, в них не печатался.

¹⁸ *Колубовский Яков Николаевич* (1863—1929) — историк русской философии, библиограф; состоял казначеем Философского общества при Санкт-Петербургском университете (1897—1922). В 1891—1892 гг. Колубовский был помощником редактора журнала «Вопросы философии и психологии», где в тот период публиковался Розанов. Они переписывались в 1890—1909 гг.

¹⁹ *Радлов Эрнст (Густав Вильгельм) Леопольдович* (1854—1928) — историк философии, филолог и переводчик; был товарищем председателя Философского общества при Санкт-Петербургском университете. Очевидно, решение обратиться к Колубовскому или Радлову и объяснялось тем, что эти приятели Розанова имели влияние на решения, принимаемые Философским обществом. Сохранившаяся переписка Розанова и Радлова за 1889—1917 гг. опубликована Т. Н. Резвых (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 500—553). Радлов сопровождал в поездке в Египет Вл. С. Соловьева в апреле-мае 1898 г.

²⁰ *Беляк* — здесь: белый избирательный шар, при баллотировке.

Приложение 1

В. В. Розанов — В. А. Манассеину¹

<2 или 3 апреля 1898 г.>²

Милостивый Государь,
Вячеслав Авксентьевич!

Получив от г. Секретаря «Литературного фонда» уведомление о назначении мне пособия на лечение в 200 р., считаю долгом Вам, к<a>к Председателю его, выразить благодарность, особенно ввиду того, что получаемое мною жалованье по службе служило препятствием, хотя и формальным только, к таковой выдаче; и, если это совместно с обычаями «Общества», прошу Вас не отказать передать мою горячую признательность и членам Комитета, которые при обсуждении моей просьбы вошли в реальное существо дела, и не умом только, но и сердцем.

Примите уверение в совершенном моем почтении
В. Розанов.

¹ Письмо приобщено к Журналу заседания (л. 2), в котором: «Присутствовали: пред<седатель> В. А. Манассеин, казначей Я. Г. Гуревич, секретарь К. М. Станюкович и члены: П. И. Вейнберг, Н. К. Михайловский, В. Г. Котельников, С. Ф. Ольденбург, К. А. Поссе и П. П. Фон-дер-Флит. Слушали: <...> 3. Письмо г. Розанова с изъяснением Комитету благодарности за назначенное г. Розанову пособие. Определили: К сведению» (РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1898, журнал № 9 от 6 апр., л. 1).

² Дата установлена по канцелярской помете о получении письма: «Получено 3/IV 98».

Приложение 2

В. В. Розанов — П. И. Вейнбергу¹

<Конец мая 1898 г.>²

Глубокоуважаемый
Петр Исаевич!

Сем<ен> Аф<анасьевич> Венгеров сообщил мне, что я могу обратиться к Вам с просьбою: не найдете ли Вы возможным принять на себя ходатайство перед управлением Кавказских минеральных вод о выдаче билетов на пользование ими для меня, и для моей фактической жены Варвары Димитриевны Бутягиной, на предстоящий зимний сезон. Я обращаюсь к Вам с этою просьбою, ибо Литературный фонд уже выдал мне пособие 200 р., но этого едва будет достаточно на поездку и прожитие там, при величайшей экономности жизни. И есть полное основание бояться, что, приехав туда и видя истощение денежных средств, мы не решимся или быстро прервем самое лечение, и таким

образом самая поездка не достигнет цели. Мы еще не советовались с доктором, — что сделаем немедленно, — и поэтому я не могу Вам сообщить названия вод, которыми нам нужно будет пользоваться; но пока спрашиваю Вас принципиально, возможно ли будет такое ходатайствование, возможно ли надеяться на его успех. Будьте любезны, не откажитесь дать мне ответ по адресу:

Здесь, Петербургская сторона, Павловская улица, дом 2 кв. 24. Василию Васильевичу Розанову.

Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении.

В. Розанов.

¹ Письмо приобщено к Журналу заседания (л. 29–30), в котором: «Присутствовали: П. И. Вейнберг, Н. К. Михайловский, Я. Г. Гуревич, В. Г. Котельников, С. Ф. Ольденбург и П. П. Фон-дер-Флит. <...> Слушали: <...> 12. Просьбу Розанова о предоставлении ему и жене его билетов для бесплатного пользования Кавказскими минеральными водами и заявление П. И. Вейнберга о том, что сообщил Розанову, что Комитет готов ходатайствовать по получению от просителя необходимых для этого ходатайства дополнительных указаний. Определили: Принять к сведению» (РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1898, журнал № 13 от 1 июня, л. 1, 2). *Вейнберг Петр Исаевич* (1831–1908) — поэт, переводчик, историк литературы. На его имя в Литературный фонд Розанов «направлял запрос о возможности оплаты билетов для жены на совместный их проезд для ее лечения на Кавказских водах (ОР РГБ. Ф. 249. М. 3877. Ед. хр. 2)» (Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. Стб. 186; статья А. В. Ломоносова).

² Дата предположена по дню заседания (1 июня), где рассматривалось письмо Розанова.

Приложение 3

В. В. Розанов — П. И. Вейнбергу¹

<Середина июля 1898 г.>²

Глубокоуважаемый
Петр Игнатьевич!³

Я Вам не ответил на Ваше доброе и участливое письмо по некоторому недоумению, как поступить с именем моей жены — во-первых, и по незнанию, что будет назначено нам обоим на Кавказе (д-р Бертенсон⁴ окончательное решение предоставил кавказским врачам, рекомендовав их). По приезде сюда, к прискорбию и тревоге моей, оказалась давно и тяжело больна жена, но по причине беременности⁵ — лечение пока паллиативно; у меня же кроме обычной у писателей неврастения — ничего не оказалось. Опять я в недоумении и нерешительности; не знаю, ни какое лечение будет, ни когда оно кончится. Но позвольте мне выйти из официальных рамок и попросить Фонд через Вас как-нибудь выразить благодарность (т. е. за писателя-собрата) профессору по нервным болезням Харьковского университета Якову Афанасьевичу Анфимову⁶ и профессору по гинекологии Казанского университета

Николаю Николаевичу Феноменову,⁷ кои отнеслись к нам обоим как истинные отцы, с таким вниманием, утешением (жене) и деликатностью, что, право, как-то укрепили веру в человека. Литературному фонду не составит труда написать несколько строк в августе, в сентябре — по адресу в Университеты, а в этих почтенных людях поддержится убеждение, что люди — не неблагодарные собаки, и еще и еще кому-нибудь десятому они повторят свое доброе дело. Денег все — не взяли, без всякой просьбы, т. е. при нашей готовности дать; но, право, — это меньшее и даже совершенно ничтожное, главное — внимание, назначение еще и еще придти, вообще внимательнейшая возня с нами. «С фельдшерниц, учителей и писателей — я не беру», — сказал Анфимов на повторенное усилие дать, и, след<овательно>, Фонд может поблагодарить его «за писателя и его жену». После, ввиду неясности, что мы будем делать — сейчас я ничего у Фонда не буду просить; в сущности — ванны не дороги (я беру нарзан, жена будет, если будет, лечиться на другой группе); но ввиду крайней тяжести болезни жены, я предупреждаю, что с просьбою о ходатайстве перед управлением вод обращаюсь к Фонду на будущий год. Как и что сделать — тогда⁸ и увижу. Пока же горячо благодарю Вас за участие, Фонд — за готовность, и только прошу еще и еще не оставить очень утружденного своим положением писателя.

С искренним уважением
остаюсь В. Розанов.

Простите, что несколько переименовал Ваше «отчество», памятуя доброго и милого Вашего брата Якова «Игнатьевича», моего когда-то честного⁹ крикуна-начальника.¹⁰

¹ В заседании: «Присутствовали: П. И. Вейнберг, П. П. Фон-дер-Флит и В. Г. Котельников. Слушали: <...> 4. Уведомление Розанова о том, что в настоящее время миновала надобность в ходатайстве перед Управлением Кавказских минеральных вод о бесплатном лечении и просьба его о благодарности со стороны Комитета врачам Анфимову и Феноменову (первый в Харькове и второй в Казани) за участливое отношение к нему при проезде через Харьков и Казань. Определили: Принять к сведению, а выражение признательности признать излишним, так как Комитет не обращался к названным врачам с просьбой об оказании помощи г-ну Розанову» (РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1898, журнал № 16 от 21 июля, л. 1, 1 об.)

² Дата предположена по дню заседания (21 июля), где рассматривалось письмо Розанова.

³ *Ошибка в отчестве. Надо: Петр Исаевич!*

⁴ *Бертенсон Лев Бернгардович (1850—1929) — врач-бальнеолог, доктор медицины. Сохранились 5 писем Розанова к нему за 1899—1900 и 1917 гг. (РО ИРЛИ, № 5157, 10 л.).*

⁵ 27 января 1899 г. у Розановых родился сын Василий.

⁶ *Анфимов Яков Афанасьевич (1852—1930) — психиатр и невропатолог.*

⁷ *Феноменов Николай Николаевич (1855—1918) — акушер-гинеколог.*

⁸ *Далее зачеркнуто: обдумаем*

⁹ Слово: честного — вставлено над зачеркнутым: доброго

¹⁰ Имеется в виду *Вейнберг Яков Игнатьевич* (1824—1896) — педагог, географ и метеоролог; инспектировал Брянскую прогимназию во время преподавательской работы в ней Розанова, который тепло отзывался о нем в 1913 г.: «...милый Яков Игнатьевич Вейнберг, добряк-крикун, окружной инспектор Московского округа, управлявший (за выездом главного начальства, которого *всего* он был образованнее) округом» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: [Кн. I]: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. С. 198).

8

В. В. Розанов — С. А. Венгерова

<24 мая 1898 г.>¹

Многоуважаемый
Семен Афанасьевич!

Мне Вы уже сделали «1001» доброе дело, но милостивые Самаряне² не отказывались ступить и «1002» шаг в добром пути. Сегодня объявлено в Нов<ом> Вр<емени>, что выходит *Сборник в память Белинского*, и чуть ли издаваемый не каким-то Лермонтовским обществом.³ Я очень отдален от литературы и литераторов, «которые не так черны как дьяволы», и имею все причины жалеть об этом. Конечно, в Сборник меня никто не позовет, как усиленно черного дьявола; вот и хочу я Вас попросить, не примете ли Вы на себя доброе посредничество. Сейчас *нового* у меня ничего нет, хотя и может быть; но главное — в бегучих газетных листах литература теряется, и сохраняется не как памятник литературы, но как пища для будущих археологов, с каким бы удовольствием я отдал в этот *Сборник* статейку свою о Лермонтове, которая Вам понравилась,⁴ и о Белинском, которая появится.⁵ Ведь в сущности для литературы «с оттенками», которая яростно отмечает Нов<ое> Вр<емя>, это — не будет старо.

Да и Сборнику, связанному с именами Белинского и Лермонтова, почему бы не взять, пусть бегучие, две статьи именно о них. — В «Вел<иком> сер<дце>»⁶ мне более всего понравилась мысль, что с голоса, с выучки можно так схватить нерв философ<ской> системы (напр<имер> Гегеля), как ее иногда не схватит самый присяжный комментатор.⁷ Это очень верно: ведь у систем есть *дух* и *нерв*, есть *лес* помимо деревьев, и тогда с голоса (издали, без подробностей) это даже лучше схватывается, чем вблизи. Напр<имер>, непосредственные ученики Аристотеля его вовсе не понимали.

У меня есть, но для Сборника едва ли бы годилась, статья: Трудные стороны дворянского *вопроса*⁸ (критика, довольно всесторонняя, усиленный поднять дворянство).

Преданный Вам

В. Розанов.

¹ Дата предположена по связи с ответным письмом Венгерова и по публикации объявления о подписке на сборник «Памяти В. Г. Белинского» (см. ниже примеч. 3).

² Отсылка к евангельской притче о милосердном самарянине (Лк. 10: 25–37), повествующей о бескорыстной помощи попавшему в беду еврею со стороны прохожего самарянина, т. е. не его единоверца.

³ Речь идет об объявлении под названием «Сборник, посвященный “памяти В. Г. Белинского”», опубликованном в «Новом времени» дважды: 21 и 24 мая на первой полосе сразу под газетным заголовком. Скорее всего, Розанов увидел объявление в № 7987 от 24 мая, потому что С. А. Венгеров ответил на его письмо 26 мая (а он не имел обыкновения медлить с ответом). В объявлении сообщалось: «Издание Лермонтовской библиотеки в гор. Пензе. Будет печататься в Москве под наблюдением П. А. Ефремова»; среди 60 участников Сборника назывались имена И. А. Бунина, С. А. Венгерова, Вл. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова; желающим предлагалось заранее подписаться на Сборник, оплатив три рубля, поскольку «по выходе Сборника цена будет повышена».

⁴ *Розанов В.* «Вечно печальная дуэль» // Новое время. 1898. 24 марта. № 7928. С. 2–3.

⁵ *Розанов В.* 50 лет влияния // Там же. 26 мая. № 7988. С. 2; то же, с подзагол. «Памяти В. Г. Белинского»: Русское обозрение. 1898. № 5. С. 273–282.

⁶ *Венгеров С.* Великое сердце: (Виссарион Григорьевич Белинский). Вых. дан. см. в примеч. 4 к п. 5.

⁷ Приведем это место буквально и в контексте: «Комичны <...> новейшие нападки гг. Вольнских на Белинского и его друзей за то, что они неверно поняли Гегеля. Эти нападки комичны, прежде всего, по существу. Они основаны по преимуществу на том, что Белинский плохо знал по-немецки, Гегеля в подлиннике не читал и знаком был с ним по передаче друзей, в частности Бакунина. Но дело-то в том, что это была передача, которая превосходила непосредственное знакомство. Герцен, в высокой компетенции которого по отношению к философским вопросам никто еще никогда не сомневался, говорит, что из всех людей, изучавших Гегеля, он встретил только двух, которые поняли великого философа в совершенстве, и оба эти человека не знали по-немецки: то были Прудон и Белинский, оба ученики одного и того же Бакунина» (Русское богатство. 1898. № 3. Отд. I. С. 159).

⁸ Статья на эту тему в 1898 г. не была напечатана Розановым.

9

С. А. Венгеров — В. В. Розанову¹

С.-Петербург, 26 мая 1898 г.

Милостивый Государь
Василий Васильевич!

В Сборнике, посвященном памяти Белинского, я не более как сотрудник, и то обещавший только статью, но не давший ее.² Поэтому никакого решающего ответа я вообще дать не могу; но могу все-таки высказать свое мнение, что Ваше предложение ни с чем не сообразно. Вы предлагаете *перепечатать* статью, а сборник предполагается составить только из статей, *впервые* появляющихся в печати.

Видел на днях Товарища Председателя Общественно-Педагогической Взаимопомощи, К. И. Арабажина,³ и предупредил его о Вашем желании вступить в члены. Он мне, между прочим, сказал, что у них есть еще много льготных билетов для бесплатного лечения в разных российских курортах.

С совершенным почтением
С. Венгеров

¹ Письмо написано под диктовку Венгерова его помощницей на бланке (см. примеч. 1 к п. 2). Автограф — только подпись.

² Издание предполагалось выпустить осенью 1898 г., но оно увидело свет в следующем году (цензурное разрешение — 5 марта 1899 г.): Памяти В. Г. Белинского: Литературный сборник, состоящий из трудов русских литераторов. М.: Пензенская общественная библиотека им. М. Ю. Лермонтова, 1899. [2], XLVII, 568 с. В состав книги вошли произведения не 60 обещанных авторов, а только 56-ти: между прочим, не было статей Венгерова и Вл. С. Соловьева.

³ *Арабажин Константин Иванович* (1866—1929) — литературовед, журналист, писатель. Товарищем председателя Санкт-Петербургского педагогического общества взаимопомощи, основанного в 1893 г., Арабажин был избран как раз в 1898 г.

10

С. А. Венгеров — В. В. Розанову¹

С.-Петербург, 7 марта 1899 г.

Милостивый Государь
Многоуважаемый
Василий Васильевич!

Очень Вам благодарен за «Сумерки Просвещения».²

С большим удовольствием прочитал на обложке «Сумерек», что печатаются два сборника Ваших статей³ — Вы принадлежите к таким противникам, с которыми интересно спорить.

Четыре тома моего Словаря⁴ на днях вышло. Первого тома,⁵ к сожалению, по разным обстоятельствам выслать не могу. Его в силу разных условий можно приобретать только покупкой в книжных магазинах (у меня нет)...

Подходим в «Энциклоп<едическом> Словаре» Брокгауз-Ефрона к слогу *Ро*, и надо дать статейку об Вас. Пришлите, пожалуйста, сведения по прилагаемой программе.⁶ Для «Энцикл<опедического> Словаря» возьму основное, а в моем Словаре (алфавита в нем теперь не держусь) могу поместить в любом объеме. Если не покупитесь на подробности, буду премного обязан.

Ваш
С. Венгеров.

¹ Письмо-автограф на бланке (см. примеч. 1 к п. 2).

² Розанов В. Сумерки просвещения: Сборник статей по вопросам образования. СПб.: Изд. П. Перцова, 1899. [6], II, 240 с. Книга вышла в середине февраля. В библиотеке ИРЛИ сохранился экземпляр, подаренный Венгеру с надписью: «Семену Афанасьевичу Венгеру на память о маленьком добром деле, от него полученном — автор. В. Розанов. Спб 99 / 22 февр.» (Шифр: h 1334).

³ Имеется в виду анонс о готовящихся к выходу в свет в 1899 г. сборниках статей Розанова «Литературные очерки» и «Религия и культура».

⁴ Венгер имеет в виду II—V тома своего «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», вышедших в 1891—1897 гг.

⁵ Том I Словаря увидел свет в 1889 г.

⁶ К письму приложена печатная «программа» для статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Венгер редактировал в нем литературный отдел), с правкой автора и просьбой выслать сведения через две недели (ОР РГБ, ф. 249, М. 3820, ед. хр. 7, л. 15—15 об.).

11

В. В. Розанов — С. А. Венгеру

«Около 8 марта 1899 г.»¹

Спасибо Вам, дорогой Семен Афанасьевич, за внимание, да и вообще спасибо за всю *фугу* доброго ко мне отношения; за честное отношение к брату-писателю. — — Статью,² т. е. перечень годов, заглавий и мест службы и учения, у меня спросил уже ранее (с неделю назад) «за секретаря Редактора Энциклопед<ического> словаря Брокгауза и Эфрона» (Прачечный переулоч³) — и я по сему адресу послал листок сведений.⁴ Не сочтите ленивым меня, а лишь безмерно заваленным делом, что я не пишу *Вам* вторично этих сведений, а прошу Вас обратиться туда и вытребовать присланные мною сведения. — — Ваш *Thesaurus* — другое дело; это — и дело слезное и фактическое. Хочу попасть туда с детишками и женою, ибо это будет единственный способ закрепить мне детей за собою и оправдать жену свою.⁵ Но это нужно подумать и подумать, а главное дожидаться, когда налетит минутка желанья делать признания. Но Вы будете честным и безбоязненным историком, и, я уверен, да и радуюсь, что Вы не «судья», который

...зрит на правых и виновных равнодушно...⁶

а человек. Ну, вот я и устал. Крепко жму руку. 4 т<ома> «Словаря» жду и заранее благодарю. Как жаль, что нет 1-го, но я как-нибудь уж куплю его.

Вам преданный В. Розанов.

¹ Дата предположена по связи с предыдущим письмом Венгерова.

² *Далее зачеркнуто:* для

³ Акционерное издательское общество Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон располагалось в доме 6 по Прачечному (Прачешному) переулку с 1889 по 1930 г.

⁴ Этот листок отложился в архиве Венгерова и публикуется в Приложении к настоящему письму.

⁵ Розанов поднимает тему незаконнорожденных детей и не признаваемого государством и церковью брака. Не исключено, что размышления подтолкнули писателя к составлению Духовного завещания, которым он закреплял свои сочинения за женой В. Д. Бутягиной и детьми и при нотариальном удостоверении которого, состоявшемся 13 марта 1899 г., Венгеров выступил как официальный свидетель.

⁶ Неточно процитированы слова Григория Отрепьева из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825; сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»): «Так точно дьяк, в приказах поседельей, / Спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая равнодушно».

Приложение

В. В. Розанов в Редакцию «Энциклопедического словаря»

«Начало марта 1899 г.»¹

В Редакцию «Энциклопедического словаря», Спб., Прачешный пер., д. 6.

Розанов Василий Васильевич, род<ился> в уездном гор. *Ветлуге*, Костром<ской> губ<ернии>. В 1856 г. Образование получил — среднее в гимназиях преемственно *Костромской*, *Симбирской* и *Нижегородской*;² высшее — в *Московском университете* по историко-филологическому факультету (кандидат). По окончании в университете курса, в 1882 г.,³ был учителем преемственно в *Брянской*, *Елецкой* и *Бельской* (Смол<енской> губ<ернии>) прогимназиях.⁴ В 1893 г. перешел на службу в Департамент железнодорожной отчетности Государственного контроля, в Петербурге, где состоит и ныне — все время младшим ревизором.⁵ Совершенно вне этого внешнего положения — сотрудничал в⁶ периодических изданиях: «Журнале Министерства Народного Просвещения», «Вопросах Философии и Психологии», «Московских Ведомостях»,⁷ «Русском Слове» (газ<ета>),⁸ «Новом Времени», «Биржевых Ведомостях»,⁹ «С.-Петербургских Ведомостях»,¹⁰ «Мировых Отголосках»,¹¹ «Русском Труде»¹² и «Торгово-Промышленной газете»¹³ — везде под полным именем; и анонимно писал передовые статьи в газетах «Свет»¹⁴ в 1896 г. и в «Одесском Листке»¹⁵ в 1898—99 гг. —

Отдельно издано — 1) «О понимании; опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». Москва. 1886 г. — стр. VI + 737 + 3 таблицы.

2. «Место христианства в истории» — брошюра. Москва. 1891 г.¹⁶

3. «Легенда о Великом Инквизиторе — Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. С присоединением двух эпизодов о Гоголе». Спб. 1894 г.

4. «Красота в природе и ее смысл». Москва. 1895 г.

5. «Аристотеля — Метафизика», первые пять книг. Перевод и объяснения совместно с П. Д. Первовым.¹⁷ Спб. 1895 г.

(См. на обороте.)

6. Сумерки просвещения. Сборник статей по вопросам образования. Спб. 1899.

7. Религия и культура. Сборник статей. Спб. 1899.¹⁸ —

Важнейшими сам автор считает статьи, посвященные раскрытию трансцендентно-религиозного содержания пола, и всего, что из него — брака, семьи, детей. Эти статьи — следующие: 1. *Кроткий демонизм* (Нов. Вр. 1897), 2 — *Смысл аскетизма* — *ib.* № 7846, 3 — *«Женщина перед великою задачею»* — Бирж. Вед. № 117 и 119 за 98 г., 4 — *«Из загадок человеческой природы»* — Нов. Вр. № 7978, 5 — *Около болящих* — Бирж. Вед. № 251 за 98 г., 6 — *Семя и жизнь* — Бирж. Вед. № 326 за 97 г., 7 — *«Номинализм в христианстве»*, Бирж. Вед. № 279, 8 — *Истинный «fin de siècle»*, Бирж. Вед. № 305 за 98 г., 9 — *Семья как религия* — Спб. Ведомости №№ 304 и 322 за 98 г., 10 — *Брак и христианство* — Русский труд №№ 47–52 за 98 г., 11 — *Культура и деревня* — в «Торгово-Промышленной газете» № 18 за 99 г.¹⁹ —

В. Розанов.

¹ Дата предположена по указанию Розанова, что он послал публикуемый «листок сведений» в Редакцию Энциклопедического словаря «с неделю назад», отсчитывая приблизительно от 8 марта.

² В Костроме Розанов обучался в 1866–1870 гг., в Симбирске — в 1870–1872 гг., в Нижнем Новгороде — в 1872–1878 гг.

³ *Далее зачеркнуто*: пре<подавал>

⁴ В Брянске Розанов служил с 1 авг. 1882 г., в Ельце — с 1 авг. 1887 г., а в Белом — с 10 авг. 1891 г.

⁵ Розанов смог покинуть Государственный контроль в мае 1899 г., получив обеспеченное место в штате газеты «Новое время» (см. ниже).

⁶ *Далее зачеркнуто*: журналах

⁷ В «Московских ведомостях» Розанов публиковался в 1889, 1891, 1892, 1914–1916 гг., при редакторах В. А. Грингмуте, Б. В. и В. В. Назаревских.

⁸ «Русское слово» — московская ежедневная газета (1895–1918). Розанов печатался в ней в 1895–1897 гг., при редакторе А. А. Александрове.

⁹ В петербургской ежедневной газете «Биржевые ведомости», издававшейся С. М. Проппером, Розанов публиковался в 1897–1899 гг.

¹⁰ В этой газете Розанов печатался в 1898 г., при редакторе кн. Э. Э. Ухтомском.

¹¹ «Мировые отголоски» — петербургская политическая и литературная ежедневная газета, издававшаяся К. В. Трубниковым в 1897–1898 гг.

¹² «Русский труд» — петербургская еженедельная политическая, экономическая и литературная газета, издававшаяся С. Ф. Шариповым в 1897–1902 гг.

¹³ «Торгово-промышленная газета» — петербургская ежедневная газета, выходявшая в 1893–1918 гг. под редакцией М. М. Федорова. Розанов редактировал «Литературное приложение» к ней в 1899–1900 гг.

¹⁴ «Свет» — петербургская ежедневная народная газета, издававшаяся В. В. Комаровым в 1882–1907 гг. Розанов печатался в ней в 1896–1897 гг.

¹⁵ «Одесский листок» — ежедневная иллюстрированная политическая, научная, литературная, общественная и коммерческая газета, издававшаяся в 1880–1920 гг. (до 1917 г. — В. В. Навроцким).

¹⁶ Брошюра вышла дважды в разных вариантах, но не в 1891-м, а в 1890 г. (в третий раз — в 1904 г.).

¹⁷ *Первов Павел Дмитриевич* (1860–1929) — учитель классических языков в Елецкой мужской гимназии, служивший там одновременно с Розановым. Впоследствии преподаватель Лазаревского института восточных языков в Москве. Составитель учебных пособий, переводчик.

¹⁸ Этот сборник Розанов также подарил Венгеру, с надписью: «Уважаемому Семену Афанасьевичу Венгеру на добрую память. В. Розанов. Спб 99» (Библиотека ИРЛИ. Шифр: h 1333).

¹⁹ Приведем точные выходные данные названных статей Розанова: 1) Кроткий демонизм // Новое время. 1897. 19 нояб. № 7806. С. 2; 2) Смысл аскетизма // Там же. 31 дек. № 7846. С. 2–3; 3) Женщина перед великою задачею // Биржевые ведомости. 1898. 1 мая. № 117. С. 2–3; 3 мая. № 119. С. 2; 4) Из загадок человеческой природы // Новое время. 1898. 15 мая. № 7978. С. 2–3; 5) Около болящих // Биржевые ведомости. 1898. 15 сент. № 251. С. 2; 6) Семья и жизнь // Там же. 1897. 29 нояб. № 326. С. 2–3; 7) Номинализм и христианство // Там же. 1898. 13 окт. № 279. С. 2; 8) Истинный «fin de siècle» // Там же. 8 нояб. № 305. С. 2; 9) Семья как религия // С.-Петербургские ведомости. 1898. 5 нояб. № 304. С. 2–3; 23 нояб. № 322. С. 2–3; 10) Брак и христианство: (Моя переписка с православным священником) // Русский труд. 1898. 21 нояб. № 47. С. 21–22; 28 нояб. № 48. С. 20–22; 5 дек. № 49. С. 20–21; 12 дек. № 50/51. С. 30–34; 23 дек. № 52. С. 18–22; 11) <Культура и деревня: Рец. на кн.:> *Рачинский С. А.* Сборник статей. Изд. 3-е. СПб., 1898 // Новое время. Ил. прил. 1899. 6 янв. № 8211. С. 6.

12

В. В. Розанов — С. А. Венгеру

<Между 9 и 20 марта 1899 г.>¹

Спасибо, почтенный Семен Афанасьевич, что не забываете меня своими трудами;² хотелось бы иметь хотя часть Вашего Словаря; я когда-то был любителем *такой* работы и зачитывался митр. Евгением³ и его архаическим, мне милым, слогом. Все-таки я хотел бы видеть и надеюсь увидеть увидеть <так!> у Вас большее богатство в выражении индивидуального Вашего «я». Люб<овь> к русск<ой> литер<а>туре> и интерес собственно к ее движению у вас поглощает движение и «расцвет» своего «я» (в хорошем смысле). Впрочем — это судьба всех историков и слабость их.

Ваш преданный и благодарный В. Розанов.

Простите, что поздно благодарю — как собака живу, т. е. хлопоты, заботы etcetcetc.

¹ Дата установлена по содержанию и по связи с предыдущим и последующим письмами.

² Предположительно, Венгер прислал Розанову свою брошюру: *Венгер С. А.* Основные черты истории новейшей русской литературы: Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете 24 сентября 1897 г. СПб.: Типо-лит. А. Э. Винеке, 1899. 30 с.

³ *Евгений* (в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов; 1767–1837) — митрополит Киевский и Галицкий, церковный историк, археограф и библиограф.

13

В. В. Розанов — С. А. Венгеру

<Около 21 марта 1899 г.>¹

Благодарю Вас за Thesaurus,² многоуважаемый Семен Афанасьевич! Мне нужно повидать Вас, на этой наступающей или следующей неделе. А посему не откажитесь уведомить, <в> какой день и в какой час вечером Вы *всегда дома*.

Ваш преданный В. Розанов.

<Адрес на записке:>

Здесь, Петербургская сторона,

Павловская ул., д. 2, кв. 24.

В. В. Р—ву.

¹ Дата предположена по связи с последующим письмом Венгерова.

² Речь идет о присланных Венгервым т. II—V его Словаря.

14

С. А. Венгеру — В. В. Розанову¹

С.-Петербург, 22 марта 1899 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич!

На четвертой неделе² я, по-видимому, буду дома во вторник, среду и четверг. На пятой неделе тоже в эти дни буду, вероятно, дома. Застать меня можно с семи. Милости просим.

Ваш

С. Венгеру.

¹ Машинопись. От слов «Милости просим» — рукой автора.

² Подразумевается четвертая неделя Великого поста.

15

В. В. Розанов — С. А. Венгеру

<28 марта 1899 г.>¹

Многоуважаемый
Семен Афанасьевич!

Завтра во вторник вечером я буду у Вас *по делу* согласно зову Вашему.

Ваш В. Розанов.

¹ Дата установлена исходя из того, что письмо, судя по содержанию, написано в ближайший понедельник после получения предыдущего письма.

<15 декабря 1912 г.>¹

Милостивый Государь!

Приступив ко 2-му, переработанному изданию «Критико-Биографич<еского> Словаря», честь имею обратиться к Вам с покорнейшею просьбою не отказать мне в присылке биобиблиографических сведений, по нижеследующей программе.

Присылаемые мне сведения отчасти будут использованы и для «Нового Энциклоп<едического> Словаря» Брокгауз-Ефрона.

Согласно программе, легшей в основу *Словаря*, было бы желательно получить от Вас ответ на следующие вопросы:

Биография: 1) Имя и отчество. 2) Год, месяц и число рождения. 3) Место рождения. 4) Кто были родители? 5) Вероисповедание. 6) Краткая история рода. Главным образом: были ли в роде выдающиеся в каком-либо отношении люди? 7) Ход воспитания и образования. Под какими умственными и общественными влияниями оно происходило. 8) Начало и ход деятельности. 9) Замечательные события жизни.

Библиография: 1) Перечень *всего* написанного или переведенного, с точным обозначением: а) если речь идет *о книге*: года, места, формата и количества страниц, б) если *о журнальной или газетной статье* — года, № и названия периодического издания, где она появилась. Об этой точности особенно настойчиво прошу, потому что она избавляет от множества крайне затруднительных, а иногда и бесплодных поисков. 2) Перечень известных Вам рецензий и отзывов о произведениях Ваших, тоже (если помните, конечно) с точным обозначением № и года периодического издания, где эти отзывы появились. Очень важно было бы получить указания на отзывы, находящиеся в книгах — учебниках, курсах, обзорах и т. д. Такие отзывы никем не регистрируются и потому без специальных указаний не могут быть найдены. 3) Не были ли (где, когда и кем) переведены на иностранные языки произведения Ваши? 4) Не появились ли где-нибудь биографические сведения о Вас (если появились, то в какой книге или в каком № периодического издания)? 5) Не были ли помещены где-нибудь портреты Ваши? 6) Псевдонимы.

Всего удобнее было бы получить от Вас ответ на все вышепоставленные вопросы в форме небольшой автобиографии, которую можно было бы поместить целиком. По отношению к гг. ученым и другим представителям теоретической мысли присоединяю еще очень важную просьбу: сделать краткое резюме тех выводов, к которым они пришли в своих изысканиях. Вполне точно схватить и формулировать чужую мысль очень трудно, и сплошь да рядом писатели и ученые жалуются на «извращение» своих мыслей даже со стороны лиц, в добро-

совестности которых не может быть никаких сомнений. И вот, во избежание этого, я и прошу дать то, что у немцев называется и широко применяется во всех научных изданиях — *Selbstanzeige* и *Selbstanalysis*, т. е. сжатое изложение сущности исследования.

В заключение обращаюсь с просьбой прислать те из Ваших произведений (в особенности брошюры), который трудно найти в обыкновенных библиотеках, а также оттиски статей Ваших и статей о Вас. Я был бы также очень благодарен за *фотографическую карточку*.

Ответ прошу Вас адресовать: С.-Петербург, Загородный, 21, профессору Семену Афанасьевичу Венгеру.

<Адрес на письме:>

Здесь. Звенигородская 18, кв. 26

Е<го> В<ысоко>б<лагородию>

В. В. Розанову²

¹ Дата дана по штемпелю на письме, которое представляет собой отпечатанную типографским способом анкету для 2-го издания Словаря Венгерова на бланке: «Критико-биографический / словарь / русских писателей / и / ученых / профессора / С. А. Венгерова. / Загородный, 21 / Тел. 52-84».

² Рядом с адресом наклейка почтальона (курсивом отмечаем написанное от руки): «Справка. Согласно заявления адресата: Коломенская ул., дом № 33, кв. 21. Почтальон Зубов. 16/XII дня 1912 года». Розановы переехали на Коломенскую улицу в июне 1912 г. (квартира находилась на втором этаже и состояла из семи комнат). Венгер не знал нового адреса из-за перерыва в общении с Розановым.

17

В. В. Розанов — С. А. Венгеру

<3 октября 1915 г.>¹

Автограф в собрание С. А. Венгерова

В. В. Розанова.

Семен Афанасьевич! Меня тронуло до глубины души то, что Вы говорите о своих 60-ти годах и делаете как бы «завещание» в своем «Списке».² Купив его за 6 р. и просматривая за чаем, — я волновался волнением благодарности к Вам, к Вашей *изумительной работе* за всю жизнь, — хотя (мне казалось годы и теперь кажется) — все это bestолковым уже потому, что 1) неисполнимо и 2) исполняя — Вы увлекались *в сторону*, составляя «любопытные статьи», а не ученую регистрацию дела (об «Аксаковых»)³ и проч. Но одно дело — ум стратега (чего в Вас нет), и другое дело — «врукопашную», и не скрою, что мне нравится самая bestолковость всего дела, ибо это «по-русски», как у Южакова, Скабичевского и де-Роберти,⁴ вообще «у наших» безголовых, но милых людей. Знаете: мне приходило на ум (года 2 назад) составить просто *Список имен* писателей и ученых, и 5—10 строк при имени, — и я уже взял в типографии обрезки бумаги картонно-синей

и желтой, , — и вдруг в магазине увидел Ваш список, обрадовался и купил. Но батюшка:

Слонов⁵ — Вы пропустили:⁶

1)⁷ *Любавский* Матвей Кузьмич,⁸ теперешний ректор Московского университета, профессор русской истории, председатель «О<бще-ст>ва⁹ Истории и древностей Российских» и редактор журнала его имени: «Труды О-ва истории и древностей российских», написавший колоссальные по величине труды:

1. «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута.¹⁰ Исторические очерки с картою Литовско-Русского государства в конце XV и начале XVI в.». Москва 1893.¹¹

В большую 8-ую д<олю> л<иста>. Стран<ицы> 884 + LVI.

2. «Литовско-Русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете». Москва. 1901.¹²

В большую 8-ую д<олю> л<иста>. Стран<ицы> 850 + 232 + LXXII.
<На левом поле № 1 и 2 объединены скобкой и написано:> NB. колоссальные волюмы

3. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии¹³ включительно. С приложением текста хартий, выданных Великому князеву Литовскому и его областям. Москва. 1910 г.

4. «Александр I и Польша» (статья в журнале).¹⁴

5) «Царство Польское и его конституция» (статья в журнале).¹⁵

6) «Московский университет в 1812 г.».¹⁶ Здесь архивным лучом разысканные — данные о зарождении Московского университета и его бытии *от начала* до 1812 г. Рисунки, планы, портреты профессоров XVIII и начала XIX в.

7. «Вас. Ос. Ключевский». Брошюра.¹⁷

<На левом поле против позиций № 6 и 7 вертикальная линия и написано:> NB.

Любавский — преемник Ключевского¹⁸ по кафедре и его любимый ученик!! Как это можно всё *забыть* и *промолчать*. Извините: это не только небрежность, но и неряшливость. Будем говорить правду, хотя грубую.

«Антонин» вовсе не автор «политических речей»,¹⁹ но автор колоссальной филологической работы:

«Репродукция (т. е. восстановление утраченного) еврейского текста пророка Варуха» (по переводам сирским, арабским, коптским).²⁰

«Книга притчей Соломона».²¹

Флоренский Павел Александрович, священник и профессор, редактор (уже лет 5) журнала «Богословский Вестник»²² в Сергиевом Посаде, придавший журналу славянофильско-литературный характер, — разыскавший (будет печатать) целую пачку писем Константина Аксакова,²³ глава молодой славянофильской школы в Москве, окончивший — раньше вступления в Дух<овную> Академию, — физико-математический факультет Московск<ого> университета.²⁴

1. «Столп и утверждение истины. Опыт христианско-православной Феодицеи». Москва, Книгоизд<ательство> «Путь». 1913 г.²⁵ — 4 рубля (разошлась в 3 месяца, все издание в 2.000 экз.). Она же сделала большое впечатление, да и вообще книга — редчайших качеств.
2. «В вечной лазури. Сборник стихов»²⁶ (прелестные, высоко-поэтические).
3. «Общечеловеческие корни идеализма». 1909.²⁷
4. «Собрание частушек Костромской губернии». 1910.²⁸
5. «Служба Софии Премудрости Божией».²⁹

Это же — удивительный человек и мыслитель, от коего (между нами) умственно зависимы С. Н. Булгаков,³⁰ проф<ессор> Влад. Эрн³¹ и целый ряд москвичей,³² хотя он их и моложе, ему лет 29, им — 30—35. Вот, мой милый.

И всё это Вы забыли.

Это же — грубо. Простите правду.

Вы сами работали: как можно забыть работу других?

Но тут Вам безумно вредит, что Вы — «публицист», а не ученый, и — пристрастны, а наука — бесстрастно-справедлива.

Прошу Вас поместить это письмо в «Архив пинакотечи» или «картотеки» Вашей³³ как *документ* мой критики, гнева и *удивления*, однако, к Вашему труду и вообще большой работе на пользу русской словесности. Ах, если бы она была толкова.

В. Розанов.

Василий Васильевич Розанов. Шпалерная, д. 44/б, кв. 22.

И не называйте меня, пожалуйста, свиньей за мое письмо: ибо «реальная критика»³⁴ приучила нас к простоте и правде.³⁵

*Дарский Д.*³⁶ — Книга о Тютчеве!!!!³⁷ Да Вам просто «1» за библиографию.

Любавский — сын дьячка, род<ился> в г. Сапожке Рязанской губ<ернии>, конч<ил> курс Моск<овского> унив<ерситета> в 1882 г.³⁸

<На конверте:>

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «НОВОЕ ВРЕМЯ»

С.-Петербург, Эртелев, 6.

Штемпели: 3.10.15; 3.10.15.

Заказное.

Городское.
Загородный, дом 21.
Его Высокородию
Профессору Семену Афанасьевичу
Венгерову

от В. Розанова

Петроград. Шпалерная ул., д. 44/б, кв. 22.

¹ Дата дана по штемпелю на конверте.

² Здесь и далее речь идет об изд.: *Венгеров С.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Пг.: Т-во худож. печати, 1915. Т. I: Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки (Аарон — Куликов). LXIX, 436 с. (далее сокращенно: Словарь-2). Венгеров предуведомлял: «На настоящее предисловие я до известной степени смотрю как на свое литературное завещание. 5 дней тому назад я вступил в седьмой десяток жизни — цифра, обязывающая к тому, чтобы подумать о будущем» (Там же. С. LXIX).

³ Розанов имеет в виду самообвинение Венгерова за слишком объемные статьи об Аксаковых: «Я увлекся критическою частью своей задачи и вместо сжатых справок “словарного” типа стал давать статьи очень большие, подчас принимавшие характер настоящих монографий. Таковы в особенности статьи об Аксаковых. Моя статья о Конст. Аксакове заняла 120 страниц» (Словарь-2. С. V). См.: *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб.: Семеновская тип., 1889. Т. I. С. 143—344.

⁴ *Южаков Сергей Николаевич* (1849—1910) — публицист либерального направления, социолог; *Скабичевский Александр Михайлович* (1838—1910) — литературный критик либерально-народнического направления, историк литературы; *Де-Роберти* (полная фамилия: Де Роберти де Кастро де ла Серда) *Евгений Валентинович* (1843—1915) — социолог, философ, экономист. Подразумеваются подготовленные ими издания: Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под редакцией С. Н. Южакова. СПб.: Просвещение, 1900—1905. Т. I—XX; *Скабичевский А. М.*: 1) История новейшей русской литературы, 1848—1908 гг. 7-е изд. СПб., 1909; 2) Очерки по истории русской цензуры (1700—1863 г.). СПб., 1892; *Де-Роберти Е. В.* Прошедшее философии: Опыт социологического исследования общих законов развития философской мысли. М.: Тип. В. В. Исленьева, 1886. Т. I—II; Новые идеи в социологии: Непериодическое издание, выходящее под редакцией проф. М. М. Ковалевского и Е. В. де-Роберти. СПб.: Образование, 1913—1914. Сб. I—IV, и др.

⁵ *Это слово подчеркнуто трижды.*

⁶ Реминисценция концовки басни И. А. Крылова «Любопытный» (1814): «Слона-то я и не приметил». Кроме того, Розанов подхватывает образный аргумент самого Венгерова, который писал в Предисловии: «Я считаю совершенно ненаучным изучать литературу только в ее крупных представителях. Что бы вы сказали о зоологе и биологе, который законы жизни будет изучать только на слонах, тиграх, львах и медведях, пренебрегая зайцами и кроликами?» (Словарь-2. С. XIV).

⁷ *Далее зачеркнуто:* Матве<й>

⁸ Здесь и по большей части далее претензии Розанова несправедливы и вызваны его невнимательностью и страстностью: Любавский не мог войти в том «Аарон — Куликов». Не оказалось его и в «Общем перечне автобиографий и автобиографических справок Архива “Критико-биографического словаря”» (Сло-

варь-2. С. XX—XL). *Любовский Матвей Кузьмич* (1860—1936) — историк, ректор Московского университета (1911—1917), академик (1929).

⁹ *Далее зачеркнуто: Люби<телей>*

¹⁰ *Литовский статут* — свод законов Великого княжества Литовского, регламентировавший вопросы гражданского, уголовного и процессуального права. Первый статут был издан в 1529 г.

¹¹ Неточность: отдельное издание этого труда вышло в 1892 г. Первоначально он увидел свет в журнале «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1892. Кн. 3/4; 1893. Кн. 3/4).

¹² Розанов снова ошибся; надо: эта монография была издана в 1900 г.

¹³ *Люблинская уния* — государственный союз между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским, положивший начало Речи Посполитой.

¹⁴ *Любовский М. К.* Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество: Юбил. изд.: [В 7 т.]. М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1912. Т. VII. С. 88—104.

¹⁵ *Любовский М. К.* Царство Польское и его конституция 1815 года // Книга для чтения по истории Нового времени / Под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Джигелева. М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1912. Т. III. С. 687—710.

¹⁶ *Любовский М. К.* Московский университет в 1812 году. М.: Имп. Общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1913. 68 с.

¹⁷ Брошюра М. К. Любавского под названием «Василий Осипович Ключевский (умер) 12 мая 1911 г.» была издана в Москве дважды: в 1912 г. (48 с.) и в 1913 г. (34 с.).

¹⁸ *Ключевский Василий Осипович* (1841—1911) — историк, профессор Московского университета (с 1882 г.), академик (1900).

¹⁹ См: «*Антонин* (Грановский, Александр Андреев<ич>), епископ нарвский, на покое, р. 21 ноябр. 1865, сын псаломщика, известен полит<ическими> речами» (Словарь-2. С. 25). С 1922 г. Антонин был возведен в сан митрополита и стал одним из лидеров обновленческого движения в Русской церкви, умер в 1927 г.

²⁰ *Антонин, архим.* Книга пророка Варуха: Репродукция. СПб.: Тип. Акад. наук, 1902. [2], X, 422 с. Интересно, что Розанов упрекал Венгерова в неучете этого исследования ранее — в статье «Энциклопедия из Капернауа» (Новое время. 1912. 28 окт. № 13158), приуроченной к выходу первых томов «Нового энциклопедического словаря», издаваемых фирмой «Брокгауз—Ефрон», — поскольку Венгеров редактировал в этом издании отдел истории литературы. Розанов писал: «Пропущен “Антонин архимандрит”, автор громадной “репродукции” (восстановления по сохранившимся переводам) утерянной книги пророка Варуха, — написанной в конце XIX века, и изумительной по громадности филологической учености, в эту книгу вложенной» (*Розанов В. В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2017. Т. 5. С. 94).

²¹ *Антонин, еп.* Книга притчей Соломона: Русский перевод книги с параллельным критическим изданием еврейского и греческого текстов. СПб.: Синод. тип., 1913. [2], II, 299 с.

²² «Богословский вестник» — ежемесячный журнал, издававшийся Московской духовной академией с 1892 г. Священник П. А. Флоренский (1882—1937), богослов, религиозный философ, поэт, редактировал журнал с сентября 1912 г. по май 1917 г.

²³ *Аксаков Константин Сергеевич* (1817—1860) — публицист, поэт, литературный критик, историк и языковед, наряду с А. С. Хомяковым идеолог славянофильства. Речь идет о подборке писем К. С. Аксакова из Германии (1838). См.: Поездка в чужие края К. С. Аксакова: (Письма к родным) / Сообщил А. А. Александров // Богословский вестник. 1915. № 9. С. 9—40; 1916. № 3/4. С. 516—536; № 5. С. 95—

132; № 9. С. 27—58; 1917. Апр./май. С. 619—646. Публикация охватывала 32 письма; в последнем номере указывалось: «Продолжение следует», но его не было.

²⁴ П. А. Флоренский обучался на физико-математическом факультете Московского университета в 1899—1904 гг., а затем, в 1904—1908 гг., — в Московской духовной академии. Священнический сан принял в 1911 г. Эти сведения Розанов узнал от самого Флоренского: в сентябре 1903 г. по инициативе последнего между ними начался обмен письмами, интенсивное общение установилось в ноябре 1908 г. и продолжалось вплоть до кончины Розанова.

²⁵ Неточность: книга вышла в 1914 г. Точное название подзаголовка: «Опыт православной феодицеи в двенадцати письмах».

²⁶ *Флоренский Павел*. В вечной лазури: Сборник стихов. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1907. 28 с.

²⁷ *Флоренский Павел*. Общечеловеческие корни идеализма: Пробная лекция *rovenia legendi*, читанная в Московской духовной академии 17 сент. 1908. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. 32 с.

²⁸ *Флоренский П. А.* Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома: Издание Костромской губ. ученой архивной комиссии, 1909 (обл.: 1910). 65 с.

²⁹ *Флоренский Павел, свящ.* Служба Софии Премудрости Божий. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1912. 23 с.

³⁰ *Булгаков Сергей Николаевич* (1871—1944) — религиозный мыслитель, богослов, православный священник (с 1918 г.), экономист. В 1888—1890 гг. обучался в Елецкой мужской гимназии, где в то время преподавал Розанов. Последний написал ряд рецензий на книги бывшего ученика, где давал им высокую оценку, а отчасти и полемизировал с его взглядами.

³¹ *Эрн Владимир Францевич* (1882—1917) — религиозный философ и публицист, с 1910 г. приват-доцент Московского университета. Розанов, по свидетельству Э. Ф. Голлербаха, «очень любил <...> Флоренского, Эрна, Булгакова» (*Голлербах Э. В. В. Розанов: жизнь и творчество*. Paris: YMCA-Press, 1976. С. 82).

³² Имеются в виду члены так называемого «Кружка ищущих христианского просвещения», или «Новоселовского кружка»: сам М. А. Новоселов, А. С. Глинка-Волжский, С. Н. Дурылин, Ф. Д. Самарин, В. П. Свенцицкий, Л. А. Тихомиров, кн. Е. Н. Трубецкой, С. А. Цветков и др. См. о них, в частности, статьи Розанова «Бердяев о молодом московском славянофильстве» (*Московские ведомости*. 1916. 17 авг. № 189. С. 2) и «Еще о московских славянофилах» (Там же. 22 сент. № 218. С. 2).

³³ Розанов обыгрывает название второго раздела Предисловия Венгерова — «Архив и Картотека “Критико-биографического” Словаря»» (*Словарь-2*. С. VIII). *Пинакотека* — у древних греков хранилище живописных изображений.

³⁴ «Реальная критика» — одно из наиболее активных критических направлений 1840—1860-х гг. Предтеча — В. Г. Белинский, основные представители: революционеры-демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, выдвинувшие в качестве главной задачи литературной критики суждение о самой жизни и ее социальных типах, составленное на основе изображаемого художником.

³⁵ Вероятно, скрытая цитата из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Ср.: «И нет величия там, где нет простоты, добра и правды» (т. IV, ч. III, гл. XVIII).

³⁶ См.: «Дарский Д., сотр<удник> “Родины” 1890 гг.» (*Словарь-2*. С. 232). *Дарский Дмитрий Сергеевич* (1883—1957) — прозаик, педагог, критик, эссеист, религиозный философ, литературовед, библиограф. «Родина» — иллюстрированный журнал, издававшийся в Петербурге с 1879 по 1917 г. Розанов опубликовал рецензии на книги Дарского о Фете и Тютчеве. Вскоре между ними завязалась переписка, — она

опубл.: *Викторович В. А.* Надо провозглашать открыто и смело: (В. В. Розанов и Д. С. Дарский) // // Литературоведение и литературоведы: Сб. науч. трудов к 75-летию Г. В. Краснова / Коломен. пед. ин-т. Коломна, 1996. С. 115–130.

³⁷ *Дарский Д. С.* «Чудесные вымыслы»: О космическом сознании в лирике Тютчева. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1913. X, 136 с. Розанов откликнулся на эту книгу в статье «Не в новых ли днях критики» (Новое время. 1916. 3 февр. № 14334. С. 5), назвав ее «удивительной по музыкальности и одушевлению». И даже более того: «Ведь это не только умственный труд, но и нравственная заслуга» (*Розанов В. В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 5. С. 428).

³⁸ Венгеров, издавая в 1918 г. продолжение своего Словаря, почему-то не учел присланных ему Розановым биографических подробностей. Ср.: «Любавский, Матвей Козмич, проф<ессор> русск<ой> истории и ректор Моск<овского> уни<верситета>, р. 1860 в Рязан<ской> губ<ернии>, из дух<овного> звания» (*Венгеров С.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Пг.: Т-во худож. печати, 1915. Т. II: Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки (Куликов — Павлов). С. 59).

18

С. А. Венгеров — В. В. Розанову¹

Петроград, 3 окт. 1915 г.

Милостивый Государь
Василий Васильевич!

Сейчас получил Ваше письмо, которое на меня произвело, скажу прямо, кошмарное впечатление. Вы меня упрекаете в пропуске *Любавского* и *Флоринского*.² Но ведь мой Словарь доходит в I т. только до *Куликова*.³ Как же туда могли попасть *Любавский* и *Флоринский*! И почему Вы еще не указали, что у меня пропущены Лермонтов, Пушкин, Тургенев, Толстой и т. д., примерно 50 Слонов, до 100 леопардов, тигров, тысяча волков, а уже букашек литературных от К до Θ не менее 30.000—40.000! Ах, Василий Васильевич, нельзя же говорить и писать о книгах, не дочитав и даже не досмотрев их до конца. Помните, как Вы раз напечатали, что я в своей статье о Достоевском сравнил его со старой калошей, а я и статьи-то никакой о Достоевском не писал.⁴

И вместе с тем письмо Ваше произвело на меня и симпатичнейшее впечатление. И тем, что Вы с такою живостью⁵ восприняли предисловие, и тем, что не поленились написать такое огромное письмо, и тем, что Ваши указания представляют собою анекдот, который прямо умиляет. Перестаю раз навсегда обвинять Вас в чем бы то ни было. На Вас сердиться нельзя. Вы восхитительны в своей манере писать о книгах не по их содержанию, а по тому содержанию, которое Вам в них мерещится.

Не порадуете ли лучше указаниями на пропуски в пределах от А до Ку? *Дарский* был бы пропуск, но он начал писать только теперь, а мои указания, как сказано в предисловии, на несколько лет неизбежно от-

стают. Слонов я не могу пропустить, но в меньших зверях могу и про- штрафиться.

Если Вам не скучно, объясните, хотя бы кратко, как мог приклю- читься вышеизложенный анекдот? Это, право, интересно для психологи- гии⁶ вполне добросовестных заблуждений.

Готовый к услугам С. Венгеров.

¹ Письмо-автограф на бланке (см. примеч. 1 к п. 16).

² Очевидно, от волнения Венгеров переименовал фамилию П. А. Флоренского. Самые известные писатели по фамилии *Флоринский* — филолог-славист и историк *Тимофей Дмитриевич* (1854—1919) и врач-акушер и этнограф *Василий Маркович* (1834—1899).

³ Завершающая Словарь-2 запись: «Куликов Б. П., авт<ор> брош<юры> “Дж<ордано> Бруно” (Харьк<ов>, 1908)» (с. 432). Его имя-отчество — Борис Павлович, даты жизни: 1870—1928. Он был известным харьковским адвокатом, читал публичные лекции по истории и философии.

⁴ Венгеров нечаянно изменил напечатанное Розановым о нем. Речь идет о следу- ющей фразе из статьи Розанова «Ропшин и его новый роман» (Новое время. 1912. 3 мая. № 12981. С. 6): «...два сионских критика, Горнфельд и Венгеров <...> в обмене горячих комплиментов друг другу, выговорили: “Конечно, можно было бы *пхнуть сапогом Достоевского* с его «Бесами» и на этом кончить дело» <...> *Такого* выражения относительно Достоевского я не припомню за 30 лет после его смерти ни от одного русского писателя» (Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Рос- ток, 2017. Т. 5. С. 39. Выделено автором). Розанов имел в виду рецензию А. Г. Горн- фельда на книгу Венгерова «Героический характер русской литературы» (СПб., 1911). Однако в книге Венгерова имя Достоевского не упоминалось вовсе, а в статье Горнфельда соответствующее место, воспроизведенное Розановым по памяти, вы- глядело иначе: «Невозможно отшвырнуть от себя не только автора “Бесов” и “Взба- ламученное море”; они — наши, потому что они большие люди, и С. А. Венгеров охотно забудет, что они вели еще более “ожесточенную борьбу с деятелями и идеа- ми 60-х годов”» (Горнфельд А. Литература и героизм // Русское богатство. 1911. № 11. Отд. II. С. 176). По публикации статьи Розанова о романе Ропшина (Б. В. Савинкова) «Конь бледный» Горнфельд и Венгеров опубликовали каждый свое осо- бое возмущенное «Письмо в редакцию» (Новое время. 1912. 4 мая. № 12982. С. 5). Через день в той же газете увидела свет статья Розанова «Евреи в русской литерату- ре» (Там же. 6 мая. № 12984. С. 5), где он извинился перед Венгеровым за недораз- умение, но подтвердил свое неприятие идейной позиции Горнфельда, которому «явно <...> надо было сблизить “швырок”, “отшвыриванье” и личность “Достоев- ского”» (Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 5. С. 43).

⁵ Было: с таким гневом

⁶ Слово: психологии — написано над зачеркнутым: истории

19

В. В. Розанов — С. А. Венгеру

<Около 4 октября 1915 г.>¹

Вот что, дорогой мой Семен Афанасьевич. (1) Благодарю *очень* за письмо, — милое, доброе, 2) Труд Ваш — «вообще» — действительно изумителен («всю жизнь уложил»), и мы, писатели или ученые, вооб-

ще все *обязаны Вам* (не могу скрыть *многолетия боли*, что это сделал не русский). 3) Ведь вот в чем дело: я увидел, что Вы в *списке* 3.000 писателей (вначале)² пропустили Любавского, Флоренского и !!!! — *Виссариона* Белинского. Это же ужасно.³

О Вашей *доброте* я очень много слышал. Не могу не жалеть и не думать о Вашей бедной девочке (отпилили ногу).⁴ — И, дорогой мой, не мешайтесь в публицистику, в «страсти», — исполните сжато, компактно, «по-ученому» свой Словарь — и это будет великое Дело. К<a>к я люблю митрополита Евгения (Вы его называете раз «Евгений», даже без *М.* (митрополит)).⁵ Это не хорошо, не уважительно. Мы в тех годах, которые зовут к уважению других. И вообще ведь «прощай — земля, прощайте — люди» — в наши годы. И эта тень старости на Ваш «Словарь» могла бы лечь прекрасным светом. В нем чем больше спокойствия, доброты и уважения — тем лучше, и, в частности — для Вас тем *вечнее*. Смотрите у Барсукова («Жизнь Пог<одина>»):⁶ как его уважение к людям, к «столетию людей» — бросило свет на его лицо и заставило всю Россию чтить «историографа русской литературы».

Жму руку. Vale.⁷

В. Розанов.

Иванов Ив<ан> Ив<анович> профессор *из военной семьи*⁸ (между нами, — раз он скрывает, хотя что тут скрывать: сколько китов *из дьячков*: он — сын сторожа, горького пьянчужки, коего и держали в Бельской прогимназии ради отличного ученика сына, — в Бельской прогимназии, где брат мой был инспектором и директором.⁹ Но раз скрывает — Бог с ним, и Вы — прошу — и устно никому не говорите.

Я чрезвычайно рад, что Вы «слонов» не пропустите: я было считал Ваш словарь прямо испорченным из-за этого. Но все-таки «Антонина»¹⁰ следовало бы поправить.

Вот еще что. Вы слишком много отдаете Айхенвальду,¹¹ — и не могу скрыть *мою* мысль (м<ожет> б<ыть>, неосновательную), что в Вас тут действовало «чувство соотечественника». Его «Силуэты»¹² прелестны, талантливы, яркие, — но их *тон* вообще недостойн предмета такой тяжеловесности, к<a>к «Русск<ая> литература». Что это за «скольжение по теме», за «сверкание своим умом». Что-то есть страшное в этом. Всё «сам», всё «я».¹³ Он безумно тщеславен, и это отнимает у таланта его всякую моральную ценность. К<a>к жесток, а посему и груб, он с Брюсовым. «Водовоз».¹⁴ Но о скольких прекраснейших трудолюбцах это можно повторить, и говорящий так не украсит себя, а у трудолюбцев ничего не отнимет. Его отношение к Белинскому (я купил его,¹⁵ уже написав — по полемике — 2 фельетона о нем¹⁶) — в высшей степени недостойно. ТАК о Белинском ГОВОРИТЬ НЕЛЬЗЯ. Возьмите мелкую критику Белинского (библиогр<афическую>), сколько надо было прочесть, сколько *труда*, чтобы «рассортировать книги». Бесспорно, что Бел<инский> б<ыл> «очень зелен»¹⁷ или, пожалуй, «вечно юн», и ко-

нечно, этот недостаток зрелости мешает ему упрочиться в веках: тем не менее КРИТИКУ к<a>к отдел литературы придется ВЕЧНО начинать с Белинского. Скорее в «пороках Белинского»¹⁸ (Айхенвалд) виновны мы — виновны тем, что сейчас же по Бел<инскому> не разобрались в его критике, в массах его статей, вообще не сделали «критики его личности и ума», но осторожной и уважительной (тут и Вы виновны. «Святая личность», «великий гражданин»). Но что же такое «Силуэты»? Разве это работа? Это — штрихи, беглые замечания, талантливая злость, и «как я счастлив в своем великолепном слоге». С мужеством 60-х годов¹⁹ Вы должны бы отметить в Брок<гаузе>—Эфр<оне> эти его черты, не слишком увлекаясь «слогом».²⁰

Айхенвалд — поэт, но поэт дурного сердца. Читая его «изящные страницы», как-то пожалеешь о «наших» Скабичевском, Протопопове²¹ (нелепый критик-ругатель), Южакове; очень пожалеешь о Н. Михайловском, — хотя он тоже б<ыл> зол. Вообще этот «лоск» и «изящество» очень опасны. Timeo (таких) Danaos et dona ferentes.²² В русск<ой> литературе есть несравненная черта какой-то внутренней честности, «про себя», «ночью», когда вот «он пишет»: хотя бы в печати и днем это выходило часто грубо, аляповато, пошлово даже; не умно, не образовано. Но дело в том, что из этой аляповатости потом (у преемников) мог бы выйти и рафинад, дело в том, что эта аляповатость растет и живая: а «изящество» Айхенвалда так и останется им, ни во что не преобразуется, что оно исторически недвижно и исторически мертво. Для меня это отвратительное и СТРАШНОЕ явление. Неизмеримо его тоньше Гершензон,²³ — тоньше, умнее, — хотя я думаю, что и он «стилизует в себе славянофила» (Киреевский).²⁴ Но тут «стилизация» проведена так умно, что почти уже похожа на жизнь и действительность. Подумайте об Айх<енвалде>, подумайте внутри себя и ночью. Все-таки «честным писателем» остается только Флексер,²⁵ честным почти «в русском смысле». Нарвался (критика критиков),²⁶ обломал рога, искровянился — все это «по-нашему».

Ардов²⁷ — фельетонист «Утра России»,²⁸ по 2 фельетона в неделю, уже много лет — очень ярко и выпукл.

Это — вовсе НЕ «Апрелева-Бламберг»²⁹ (см. Брокгауз и Эфр<он>,³⁰ — и у Вас³¹). А — другое лицо, путешественник, жил в Персии, «интересный человек» (мои рас<с>просы). Он вовсе у Вас пропущен.³² <На поле, у объединяющей скобки:> пропущен вовсе; почти «слон».

В списке 3.500 имен³³ пропущены:

Романов (Рцы),³⁴ писавший в «Русском Труде» Шарапова,³⁵ «России» Амфитеатрова,³⁶ «Спб. Ведомостях» Ухтомского,³⁷ «Гражданине»³⁸ под ПСЕВДОНИМАМИ:

Рцы
Гатчинский Отшельник
Вл. Заточников.

Родованович Светозар Стефанович. «Семейные праздники у сербов».³⁹

Шперк Фед<ор> Эдуардович⁴⁰ — автор 5—6 брошюр, не очень понятных, но — глубочайших.⁴¹ Его *высоко* ценили Ник. Ник. Страхов⁴² и Вл. Соловьев.

Страхов Николай Николаевич, — «историк философии»,⁴⁵ — совпавший, увы, в имени, отчестве и фамилии с «нашим Страховым». Преподаватель семинарии. Разбору его «Ист<ории> фил<ософии>»⁴⁴ «наш» Страхов посвятил обширную статью в «Философск<их> очерках» и там-то разъяснил и это совпадение.⁴⁵

Справьтесь еще, есть ли у Вас:

Петерсен Владим<ир> Карлович⁴⁶ = А—т «Нов<ого> Вр<емени>», многолетний еженедельный фельетонист «Нов<ого> Вр<емени>», и автор книг, кажется, довольно нелепых и мало понятных. Но к<a>к фельетонист — *блестящ* (†).

Россоловский = Варяг (псевдоним).⁴⁷

Розанов Вас<илий> Вас<ильевич>,⁴⁸ род<ился> 20 апреля 1856 г. в г. Ветлуге, Костромск<ой> губ<ернии>.

<На конверте:>

Штемпель: <отрезано с маркой>15.

Городское.

Загородный, дом 21, кв. 36

Его Высокородию

Профессору Семену Афанасьевичу
Венгерову

от В. Розанова.

¹ Дата предположена по связи с предыдущим письмом Венгерова.

² Имеется в виду «Общий перечень автобиографий и автобиографических справок Архива “Критико-биографического словаря”. Собрание первое» (Словарь-2. С. XX—XXXVII).

³ Упрек Розанова некорректен: Венгеров предлагал всем ученым и писателям написать свою автобиографию для Словаря: Белинский не мог этого сделать, поскольку скончался в 1848 г., а Любавский и Флоренский не захотели.

⁴ У Венгерова было четыре дочери: *Вера* (1880—1896), *Софья* (1885—1920), *Людмила* (1890—1921), *Евгения* (по мужу *Флеер*; 1895—1942). Которой из трех последних была произведена операция по ампутации ноги, выяснить не удалось.

⁵ Митрополит Евгений (Болховитинов) (см. о нем примеч. 3 к п. 12) упомянут в Предисловии Венгерова трижды: первый раз как «митрополит Евгений» (Словарь-2. С. XI), затем дважды в выражении: «словарь Евгения» (Там же. С. XI, XII). Имеется в виду изд.: *Евгений, митроп.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России / Предисл. М. П. Погодина. М., 1845. Т. I—II. Розанов в статье «Энциклопедия из Капернауа» (Новое время. 1912. 28 окт. № 13158. С. 7), приуроченной к выходу первых томов «Нового энциклопедического словаря», издаваемых фирмой «Брокгауз—Ефрон», уже критиковал Венгерова за небрежение к изданию митрополита Евгения: «“Словарь” митрополита Евгения — настольная книга всякого историка литературы (очень точные и очень ранние сведения, особенно о писателях XVIII века), и без сомнения он всегда под рукою у С. А. Венгерова, который есть главный редактор отдела истории литерату-

ры в “Новом Энциклопедическом Словаре”. И нужно объяснять крайнюю ленью Венгерова, что он допускает в стотомной Энциклопедии пропуски русских ученых, уже находящихся у митрополита Евгения» (Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 5. С. 94).

⁶ Барсуков Николай Платонович (1838–1906) — историк литературы и общественной мысли, археограф, библиограф; автор фундаментального труда «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПб., 1888–1910. Кн. I–XXII). Розанова познакомил с Барсуковым Н. Н. Страхов в 1894 г. Розанов напечатал положительные рецензии на I–X, XIV и XXII книги этого исследования Барсукова. В последней из них — «Посмертный том “Жизни и трудов Погодина” Н. П. Барсукова» (Новое время. 1910. 25 июня. № 12314. С. 3) — Розанов отмечал: «Он написал живую русскую книгу, вполне новую и оригинальную, вот именно по духу, вот именно по освещению. <...> Книга Барсукова в высшей степени культурна, т. е. образовательна и воспитательна, по обилию любящего чувства, редкого, наивного и чистого, в ней разлитого» (Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2016. Т. 4. С. 524).

⁷ Vale — до свидания (*лат.*). Попрошавшись и поставив подпись, Розанов продолжил письмо, написав в три раза больше основного текста, который поначалу считал завершенным. О таком обыкновении свидетельствовал его многолетний корреспондент П. П. Перцов: «<...> подпись в его письмах часто фигурировала посередине письма и, вслед за предполагавшимся окончанием, бесконечный “постскрипtum” удваивал и утраивал не только длину письма, но часто и его интерес» (Перцов П. П. Литературные воспоминания, 1890–1902 гг. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 270).

⁸ См.: «Иванов Ив<ан> Ив<анович>, изв<естный> историк р<усской> лит<ературы> и критик, р. 22 с<ентября> 1862 в г. Белом, Смолен<ской> г<убернии>, в воен<ной> семье...» (Словарь-2. С. 314). И. И. Иванов был профессором университетов в Одессе (1901–1907) и Москве (1913–1917); скончался в 1929 г. в Москве. Он сын фельдфебеля, который, уйдя в отставку, вполне мог служить сторожем прогимназии, поэтому разоблачительное уточнение Розанова не противоречит формулировке Словаря.

⁹ В мужской прогимназии уездного города Белый Смоленской губернии преподавал сам В. В. Розанов с августа 1891 г. по март 1893 г. Его брат Розанов Николай Васильевич (1847–1894) был с 1879 г. инспектором, а потом директором этой прогимназии — вплоть до 31 октября 1891 г. И. И. Иванов окончил Бельскую прогимназию, а затем, в 1882 г., гимназию в Вязьме.

¹⁰ Речь идет о епископе Антонине (Грановском).

¹¹ Розанов имеет в виду статьи: Венгеров С.: 1) Критик-импрессионист // Речь. 1910. 26 июля. № 202. С. 3; 2) Айхенвальд Юлий Исаевич // Новый энциклопедический словарь / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., [1911]. Т. I. Стб. 607–609. См. также: «Айхенвальд, Юлий Исаевич, известный москов<ский> критик и лектор, р. 12 янв. 1872, в Балте» (Словарь-2. С. 8). Балта — уездный город Подольской губернии (ныне в Одесской области). Ю. И. Айхенвальд — наиболее яркий представитель русской импрессионистической критики. В 1922 г. он был выслан из России, скончался в Берлине в 1928 г.

¹² Имеется в виду самое известное произведение Айхенвальда — «Силуэты русских писателей» (М., 1906–1910. Вып. I–III), — при жизни автора пять раз переиздававшееся с дополнениями и изменениями.

¹³ Столь же негативные характеристики Айхенвальда-критика Розанов в тот период давал в своей дневниковой книге «Мимолетное. 1915 год». См. записи под 13 нояб.: «Пишет как сам Пушкин. Правда — холодно, но ведь кто это разберет. <...> Что же он пишет? / “Силуэты”. / Уже критика прошла. “Не нужно”. Пусть над

“критикою” трудятся эти ослы Скабичевские... Мы будем писать теперь “силуэты”, т. е. “так вообще”, — “портреты” писателей, «характеристики», — причем читатель, — наш глуповатый русский читатель, — будет все время восхищаться характеризующим, а, конечно, не тем, кого он характеризует. И через это самый предмет, т. е. русская литература, почти исчезнет, испарится, а перед читателем будет только Айхенвальд и его “силуэты”. <...> Нет больше русской литературы, а только везде Айхенвальд» (*Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 год: Издание полного текста. М.: Скимен, 2011. С. 358, 359). Ср. также: «Айхенвальд — на другом полюсе, чем Вольтер — все кормит публику неистощимым рахат-лукумом (“Силуэты русских писателей”). Он вечно слушает самого себя, восхищен своим умом: но что ему за дело до поэтов, до русских поэтов?» (*Розанов В. В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 5. С. 432).

¹⁴ Слово «водовоз» отсутствует в статье Розанова о В. Я Брюсове, однако оно довольно точно передает суть претензий Айхенвальда к поэту. Ср. его характеристики: «...сам вырыл его <талант> себе из земли упорным заступом своей работы»; «Его стихи, лишённые стихийности, не сотворены — они точно вышли из кузницы...»; «Трудолюбивый кустарь поэзии...» (*Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 387, 388, 392) и т. д. Розановское неприятие «грубости» Айхенвальда по отношению к Брюсову было близко Венгеру. См. в его статье о критике: «...совершенно нельзя понять неслыханную резкость, с которою он обрушился на Брюсова» (*Новый энциклопедический словарь.* Т. I. Стб. 609).

¹⁵ Розанов имеет в виду второе издание третьего выпуска «Силуэтов русских писателей» (М., 1913), в котором впервые увидела свет статья о Белинском (с. 1—14), где Айхенвальд, в частности, утверждал: «Белинский ненадежен. У него — шаткий ум и перебой колеблющегося вкуса» (*Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 503). Статья вызвала оживленную полемику в печати. Кроме того, речь идет о брошюре-апологии Айхенвальда «Спор о Белинском» (М., 1914).

¹⁶ См.: *Розанов В.:* 1) Споры около имени Белинского // Новое время. 1914. 27 июня. № 13753. С. 4; 2) Белинский и Достоевский // Там же. 8 июля. № 13764. С. 4—5. Продолжающая эти фельетоны статья Розанова «Иначе поступить я не мог» осталась в гранках и впервые была опубликована в изд.: *Розанов В. В.* Собр. соч.: На фундаменте прошлого. М.: Республика; СПб.: Росток, С. 406—414.

¹⁷ Этого выражения нет в статье Айхенвальда о Белинском, но есть сходные по смыслу, к примеру: «...в них, наиболее зрелых плодах своей работы, он показал, что не успел созреть» (*Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 508).

¹⁸ Айхенвальд в своей характеристике Белинского употребляет слово не «пороки», а «грехи», причем неоднократно. См., например: «Белинский вообще недооценил Пушкина; и среди бесчисленных грехов знаменитого критика это составляет самый тяжкий и незамолимый грех» (Там же. С. 508).

¹⁹ Намек на то, что взгляды Венгерова в 1860—1870-х гг. складывались под влиянием народничества, с 1881 г. он редактировал артельный журнал народников «Устой», а в 1882—1895 гг. находился под негласным надзором полиции.

²⁰ Розанов имеет в виду следующие слова Венгерова из его статьи об Айхенвальде в «Новом энциклопедическом словаре»: «У него несомненно блестящий, образный слог; его статьи нечто вроде критических стихотворений в прозе» (стб. 607).

²¹ *Протопопов Михаил Алексеевич* (1848—1915) — литературный критик, публицист народнического направления. Его статьи отличались горячностью тона и подчеркнутой публицистичностью; он анализировал не художественные особенности произведений, а отобразенные в них социально-нравственные явления.

²² Боюс данайцев и дары приносящих (*лат.*). Вергилий. Энеида. II, 49.

²³ *Гершензон Михаил (Мейлих) Осипович* (1869—1925) — мыслитель, историк культуры, публицист и переводчик.

²⁴ Отсылка к статье Гершензона «И. В. Киреевский» (Вестник Европы. 1908. № 8. С. 613—639) и к изд.: *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т / Под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. М.: Путь, 1911. В статье «Не в новых ли днях критики» (1916) Розанов писал: «Гершензон <...> “стилизует” свои книги и прелестно стилизует, описывает, излагает, сообщает мелочи из архивов и пытается явить “старорусского дворянина, который, сидя в душистом парке, перелистывает старые альбомы”: но это все великолепная подделка дивно-умного человека под критика и под русского историка» (*Розанов В. В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 5. С. 432).

²⁵ *Флексер Хаим Лейбович* — настоящее имя и фамилия *Волынского Акима Львовича* (1861—1926), литературного и театрального критика и искусствоведа.

²⁶ Речь идет о книге Волынского «Русские критики» (СПб., 1896), где он выступил с переоценкой наследия Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Ап. Григорьева и др. На Волынского обрушилась вся русская печать, особенно жестоко — Н. К. Михайловский и Г. В. Плеханов. Розанов в конце жизни высоко оценил эту книгу в письме к Э. Ф. Голлербаху от 26 окт. 1918 г.: «Этот Флексер первый предпринял колоссальную работу *переработки русской критики* <...> принимая на себя, на имя свое, на *судьбу свою в литературе*, весь ад насмешек, проклятий, злобствования, совершил эту “библейскую” <...> ПРАВДУ — для русской литературы» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: В нашей смуте. М.: Республика, 2004. С. 380, 382).

²⁷ *Т. Ардов* (настоящие имя и фамилия — *Владимир Геннадиевич Тардов*; 1879—1938) — поэт, публицист, советский дипломат и ученый-иранист.

²⁸ «Утро России» — ежедневная московская газета, выражавшая интересы торгово-промышленных кругов; издавалась с сентября по октябрь 1907 г. и с ноября 1909 г. по апрель 1918 г. Номинальный издатель — И. Ф. Родионов, фактический — промышленник и политический деятель П. П. Рябушинский.

²⁹ *Апрелева Елена Ивановна* (урожд. *Бларамберг*, псевд. — *Е. Ардов*; 1846—1923) — прозаик, переводчик, педагог. С 1920 г. в эмиграции.

³⁰ <*Без подписи*>. *Апрелева Елена Ивановна* // Новый энциклопедический словарь / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., [1911]. Т. III. Стб. 226. В статье перечисляются подготовленные и отредактированные *Апрелевой* издания и не содержатся оценочных суждений.

³¹ Имеются в виду сведения об *Е. И. Апрелевой* в Словаре-2: «*Апрелева, Ел. Ив. (Ардов-Бламберг)*» (Словарь-2. С. XXI, в первом собрании под № 160); «*Апрелева (Е. Ардов)*, ур. *Бламберг, Елена Иван<овна>*, романистка, р. 24 фев. 1846, в Оренбурге, дочь генерала» (Там же. С. 28).

³² На деле, хотя *Ардов* и не отвечал на анкету *Венгерова*, тот все же учел его в Предварительном списке: «*Ардов Т., поэт и фельетон<ист>*», псевд. *Тардова В.*» (Словарь-2. С. 29).

³³ 3500 имен — в обоих собраниях автобиографий, полученных *Венгеровым*. См.: «Всего у меня имеется в настоящее время около 3500 автобиографических записок и справок» (Словарь-2. С. XIX).

³⁴ *Рцы* (настоящие фамилия и имя — *Романов Иван Федорович*; 1858—1913) — публицист славянофильского направления, прозаик-юморист, журналист; приятель *Розанова* с 1893 г. (переписывались с 1891 г.). В книге «Уединенное» *Розанов* писал: «Трех людей я встретил умнее, или, вернее, даровитее, оригинальнее, самобытнее себя: Шперка, *Рцы* и *Фл<оренско>го*» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Листва. С. 56). Основная часть литературного наследия *Рцы* недавно переиздана: *Рцы (Романов И. Ф.)*. Собр. соч.: В 2 т. / ИРЛИ РАН; Изд. подгот. А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. СПб.: Росток, 2016. Т. I: Нагота рая: Историко-философские эссе, парадоксы и афоризмы. Религиозная публицистика. Политические и экономические статьи. Путевые очерки. 864 с.; Т. II: Плюсы жизни: Литературные очерки.

Художественная критика. Юмористическая проза. Письма к И. С. Аксакову, Н. П. Гилярову-Платонову, В. В. Розанову, А. С. Суворину и другим современникам. 880 с.

³⁵ *Шаранов Сергей Федорович* (1855–1911) — экономист, публицист славянофильского направления, издатель, беллетрист; приятель Розанова и Рцы. О газете «Русский труд» см. примеч. 12 к п. 11.

³⁶ *Амфитеатров Валентинович* (1862–1938) — прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург, автор сатирических стихотворений. «Россия» — ежедневная политическая газета либерального направления, выходившая в Петербурге в 1899–1902 гг. Амфитеатров был ее фактическим редактором с начала издания до 1901 г.

³⁷ *Ухтомский Эспер Эсперович*, князь (1861–1921) — дипломат, ориенталист, публицист славянофильской ориентации, поэт, переводчик. Состоял издателем газеты «С.-Петербургские ведомости» в 1896–1917 гг.

³⁸ «Гражданин» — политическая и литературная газета-журнал. Издавалась в 1872–1879 и 1882–1914 гг. в Петербурге. Основатель, издатель и главный автор — князь В. П. Мещерский.

³⁹ *Радованович Светозар Стефанович* (даты жизни неизвестны) — либеральный богослов, религиозный публицист; начиная с 1898 г. часто посещал семью Розанова, был его корреспондентом. Названо изд.: Семейные праздники у сербов: Очерк Светозара Радовановича, кандидата Петроградской духовной академии, доктора богословия Бернского университета. Пг.: Тип. Монтвида, 1910. 74 с.

⁴⁰ *Шперк Федор (Фридрих) Эдуардович* (1872–1897) — публицист, литературный критик, философ, поэт. Розанов, сблизившийся со Шперком с 1890 г., очень высоко ценил его как мыслителя, писал о его гениальности.

⁴¹ Ф. Э. Шперк — автор семи брошюр философского содержания, изданных в 1893–1897 гг. и недавно републикованных: *Шперк Федор*. «Как печально, что во мне так много ненависти...»: Статьи, очерки, письма. СПб.: Алетейя, 2010. 311 с.

⁴² *Страхов Николай Николаевич* (1828–1896) — философ, литературный критик, публицист; старший друг Розанова, который и познакомил с ним Шперка.

⁴³ *Страхов Николай Николаевич* (1852–1928) — выпускник Вифанской семинарии (1872) и Московской духовной академии (1876), магистр богословия (1896), преподаватель философии Харьковской духовной семинарии. Автор богословско-философских исследований и учебных пособий по русскому языку.

⁴⁴ *Страхов Н.* Очерк истории философии с древнейших времен философии до настоящего времени. Харьков: Тип. Губерн. правл., 1893. [2], 168 с.; 7-е изд.: 1916.

⁴⁵ См.: *Страхов Н.* О задачах истории философии // *Страхов Н.* Философские очерки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1895. С. 433–480. Имеются в виду начальные слова статьи, где сообщаются краткие биографические сведения о харьковском Н. Н. Стравове (Там же. С. 433–434). Розанов опубликовал рецензию на книгу «Философские очерки» (*Розанов В.* Смена мировоззрений // Русское обозрение. 1895. № 7/8. С. 147–156).

⁴⁶ *Петерсен Владимир Карлович* (псевд.: А—т, Альцест, Оникс и др.; 1842–1906) — журналист, военный инженер, полковник Генерального штаба, постоянный сотрудник газеты «Новое время». Розанов переписывался с ним и полемизировал в печати по «семейному вопросу», а по кончине написал прочувствованный некролог (за подписью: Друг): Новое время. 1906. 22 февр. № 10755. С. 13.

⁴⁷ Судя по контексту, Розанов имеет в виду своего товарища — журналиста, сотрудника «Нового времени» с начала 1870-х гг. *Росоловского Вячеслава Сильвестровича* (1849–1908); псевдоним Варяг как принадлежавший Росоловскому до сих пор был неизвестен. См. некролог Розанова о нем (за подписью: Р.): Новое

время. 1908. 11 янв. № 11434. С. 3. Там Розанов отметил размах публицистики Росоловского: «...он писал на множество тем, начиная от музыкальной критики и кончая политическими обзорами, военными корреспонденциями и статьями о спиритизме, гипнотизме, загробном мире и проч., и проч.» (Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Росток, 2016. Т. 4. С. 27).

⁴⁸ Эти сведения были учтены Венгеровым. См.: Словарь-2. С. XXXIII, под № 2345.

20

В. В. Розанов — С. А. Венгерову¹

<23 августа 1918 г.>²

Спасибо, добрый Семен Афанасьевич.
Никогда не забуду.

В. Розанов

¹ Открытка была передана через А. А. Измайлова, которого Розанов благодарил за содействие в получении финансовой помощи от Литературного фонда и которого просил переслать открытку С. А. Венгерову («Перешлите по адресу, коего я не знаю»). Ныне хранится в ОР РНБ (ф. 414: собр. Б. Ф. Лаврова, ед. хр. 37, л. 1). Тексты открытки и печатающихся в приложении прошения Розанова от 26 июля 1918 г. и выписка из журналов заседаний Литературного фонда впервые напечатаны в составе публикации А. С. Александрова «“Пусть Бог смилуется над Вами, над нами, над несчастной Россией...”»: В. В. Розанов и А. А. Измайлов после октября 1917 года; Переписка В. В. Розанова и А. А. Измайлова (1918)» (Наше наследие. 2016. № 116. С. 60, 63, 71).

² Письмо датировано по дате на штемпеле открытки.

Приложение

В. В. Розанов в Литературный фонд¹

<28 июля 1918 г., Сергиев Посад>

В Литературный Фонд.

Прошение о пособии коллежского советника и газетного сотрудника
Василия Васильевича Розанова.

Находясь в безвыходном положении вследствие полного прекращения какого-либо заработка, имея 63 года и страдая склерозом головного мозга, угрожающего мне постоянным ударом по приговору лечивших меня в Петрограде врачей А. Ив. Карпинского,² Леон. Раб. Шернвалля³ и Ал. Ст. Жихарева,⁴ — обремененный семьею из большой жены и пяти человек детей,⁵ — прошу покорно Литературный Фонд изыскать какой-либо способ *длительно* помочь мне дожить печальный остаток дней, посвященных всецело литературе. И в случае, если бы Литературному Фонду удалось назначить мне пособие, прошу высылать оное по адресу: Сергиев Посад, Московской губернии, Красю-

ковка,⁶ Полевая улица, дом священника Беляева.⁷ Василию Васильевичу Розанову.

С почтением остаюсь Василий Розанов. 28 июля 1918 года.⁸

¹ На верхнем поле прошения помета карандашом: «по 100 р. на 3 месяца». Оно приобщено к журналу заседания (л. 27), в котором: «Председательствовал: С. А. Венгеров. Присутствовали: Е. П. Султанова, К. В. Аркадакский, Ф. Д. Батюшков, С. Е. Савич и по приглашению Комитета В. Я. Ебдокимов. Слушали: <...> 17. Прошение В. В. Розанова: страшно бедствует. Живет в Невской Лавре. Измайлов поддерживает ходатайство. Определили: Выдать пособие на 3 месяца по 100 руб., 300 руб. продолж<ающее> пос<обие>. Ордер № 233» (РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1918, журнал № 18 от 20 авг., л. 1, 2об.).

² *Карпинский Александр Иванович* (1872–1920) — врач-психоневролог, доктор медицины, член Русского общества нормальной и патологической психологии; позднее работал в С.-Петербургском психоневрологическом институте, был профессором судебной медицины Клинического военного госпиталя. У Карпинского проходила курс лечения и В. Д. Бутягина. См.: «Проверим лечением», сказал Карпинский. И едва было начато специфическое лечение, как *по всем частям* началось улучшение» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Листва. С. 159).

³ *Шерваль Леонид Робертович* (?–1938) — петербургский врач, после 1917 г. эмигрировал во Францию.

⁴ Судья по справочнику «Весь Петербург (Петроград)», в петербургский период жизни Розанова (1893–1917) в городе был только один врач по фамилии *Жихарев*, но звали его не Алексей Степанович, а *Степан Сергеевич* (1861–1930). Он имел степень доктора медицины, специализировался по внутренним и нервным болезням и принимал у себя на дому (Невский пр., 97). Вероятно, Розанов нечаянно пришил ему имя Хомякова, одного из любимейших своих мыслителей.

⁵ Помимо дочерей Татьяны, Веры и Варвары (см. примеч. 2 к п. 1, прил.) и сына Василия (см. примеч. 5 к п. 7, прил. 3), у Розанова была дочь Надежда (1900–1956).

⁶ Красюковка — пригород Сергиева Посада к востоку от Троице-Сергиевой лавры, названный по фамилии первого здешнего домовладельца (с 1880-х гг.) штабс-капитана в отставке М. Н. Красюка.

⁷ *Беляев Андрей Андреевич* (ок. 1848–1918), протоиерей, церковный историк, цензор, преподаватель (с 1875 г.) и ректор (1899–1908) Вифанской духовной семинарии, настоятель Троицкой на Грязех церкви в Москве (с 1908 г.); владелец дома в Сергиевом Посаде, где Розанов жил последние месяцы и умер.

⁸ В журналах заседаний Литературного фонда есть еще две записи о помощи Розанову, первая из которых оказана по ходатайству Венгерова. Приведем обе.

1) В заседании: «Председательствовал: С. А. Венгеров. Присутствовали: Ек. П. Султанова, К. В. Аркадакский, Ф. Д. Батюшков. Слушали: <...> 12. Сообщение С. А. Венгерова о крайне стесненных обстоятельствах В. В. Розанова. Определили: Выдать 200 руб. на 2 месяца. Ордер № 35» (РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1918, журнал № 3 от 25 дек., л. 1, 2).

2) В заседании: «Председательствовал: С. А. Венгеров. Присутствовали: Ек. П. Султанова, Ф. Д. Батюшков, А. М. Редько. Слушали: <...> 12. Розанов В. В. Тяжело болен. Нуждается в помощи. Сообщение <В. Р.> Ховина об обстоятельствах, в которых находится Розанов в Сергиевск<ом> Посаде. Определили: Выдать 300 руб. бессроч<ной> ссуды. Ордер № 77» (РО ИРЛИ, ф. 155: Литературный фонд, 1919, журнал № 6 от 12 февр., л. 1, 2).

Библиографический список

1. <Без подписи>. Апрелева Елена Ивановна // Новый энциклопедический словарь / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., [1911]. Т. III. Стб. 226.
2. А. Н. <Николюкин А. Н.>. Брюсов Валерий Яковлевич // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 161.
3. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М.: Науч. слово, 1906—1910. Вып. I—III.
4. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994.
5. Айхенвальд Ю. И. Спор о Белинском: Ответ критикам. М.: [Тип. «Мысль»], 1914.
6. Александров А. С. «Пусть Бог смилуется над Вами, над нами, над несчастной Россией...»: В. В. Розанов и А. А. Измайлов после октября 1917 года; Переписка В. В. Розанова и А. А. Измайлова (1918) // Наше наследие. 2016. № 116. С. 58—73.
7. Антонин, архим. Книга пророка Варуха: Репродукция. СПб.: Тип. Акад. наук, 1902.
8. Антонин, еп. Книга притчей Соломона: Русский перевод книги с параллельным критическим изданием еврейского и греческого текстов. СПб.: Синод. тип., 1913.
9. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888—1910. Кн. I—XXII.
10. Бердяев Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991.
11. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под редакцией С. Н. Южакова. СПб.: Просвещение, 1900—1905. Т. I—XX.
12. В. В. Розанов о ближних и дальних: (Пометы к письмам корреспондентов) / Вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Ломоносова // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 74—148.
13. Венгеров С. А. Айхенвальд Юлий Исаевич // Новый энциклопедический словарь / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., [1911]. Т. I. Стб. 607—609.
14. Венгеров С. А. Великое сердце: (Виссарион Григорьевич Белинский) // Русское богатство. 1898. № 3. С. 151—185; № 4. С. 125—160; № 7. С. 168—187.
15. Венгеров С. А. Героический характер русской литературы. СПб.: Прометей, 1911.
16. Венгеров С. А. Критик-импрессионист // Речь. 1910. 26 июля. № 202. С. 3.
17. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Пг.: Т-во худож. печати, 1915. Т. I—II.
18. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб.: Семеновская тип., 1889. Т. I.
19. Венгеров С. А. Основные черты истории новейшей русской литературы: Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете 24 сентября 1897 г. СПб.: Типо-лит. А. Э. Винеке, 1899.

20. Венгеров С. А. Письмо в редакцию // Новое время. 1912. 4 мая. № 12982. С. 5.
21. Викторovich В. А. Надо провозглашать открыто и смело: (В. В. Розанов и Д. С. Дарский) // Литературоведение и литературоведы: Сб. науч. трудов к 75-летию Г. В. Краснова / Коломен. пед. ин-т. Коломна, 1996. С. 115–130.
22. Волынский А. Русские критики. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896.
23. Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова, 1911–1916 / ИРЛИ РАН; Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2015.
24. Гершензон М. О. И. В. Киреевский // Вестник Европы. 1908. № 8. С. 613–639.
25. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. III: Повести.
26. Голлербах Э. В. В. Розанов: жизнь и творчество. Paris: YMCA-Press, 1976.
27. Горнфельд А. Г. Литература и героизм // Русское богатство. 1911. № 11. Отд. II. С. 176–177.
28. Горнфельд А. Г. Письмо в редакцию // Новое время. 1912. 4 мая. № 12982. С. 5.
29. Гроссман Л. П. Собр. соч. М.: Совр. проблемы, 1928. Т. 4.
30. Грякалова Н. Ю. Человек модерна: биография – рефлексия – письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
31. Дарский Д. С. «Чудесные вымыслы»: О космическом сознании в лирике Тютчева. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1913.
32. Де-Роберти Е. В. Прошедшее философии: Опыт социологического исследования общих законов развития философской мысли. М.: Тип. В. В. Исленьева, 1886. Т. I–II.
33. Джимбинов С. Б. Венгеров Семен Афанасьевич // Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. Стб. 188–189.
34. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10.
35. Друг <Розанов В. В.>. Памяти Вл. К. Петерсена // Новое время. 1906. 22 февр. № 10755. С. 13.
36. Евгений, митроп. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России / Предисл. М. П. Погодина. М., 1845. Т. I–II.
37. Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т / Под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. М.: Путь, 1911.
38. Ломоносов А. В. Вейнберг Петр Исаевич // Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. Стб. 186.
39. Любавский М. К. Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество: Юбил. изд.: [В 7 т.]. М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1912. Т. VII. С. 88–104.
40. Любавский М. К. Василий Осипович Ключевский ([умер] 12 мая 1911 г.). М., 1912; [2-е изд.]. М., 1913.
41. Любавский М. К. Московский университет в 1812 году. М.: Имп. Общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1913.
42. Любавский М. К. Царство Польское и его конституция 1815 года // Книга для чтения по истории Нового времени / Под ред. М. В. Бердоносова,

- А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова. М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1912. Т. III. С. 687–710.
43. Новые идеи в социологии: Непериодическое издание, выходящее под редакцией проф. М. М. Ковалевского и Е. В. де-Роберти. СПб.: Образование, 1913–1914. Сб. I–IV.
 44. Отчет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный фонд») [за] 1897 [год]: 38-й год. СПб., 1898.
 45. Памяти В. Г. Белинского: Литературный сборник, состоящий из трудов русских литераторов. М.: Пензенская общественная библиотека им. М. Ю. Лермонтова, 1899.
 46. Переписка В. В. Розанова и Э. Л. Радлова / Публ. Т. Н. Резвых // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 500–553.
 47. Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133–169; № 3. С. 158–197; № 4. С. 92–133.
 48. *Перцов П. П.* Литературные воспоминания, 1890–1902 гг. М.: Новое лит. обозрение, 2002.
 49. *Перцов П. П.* Палка в муравейнике // Новое время. 1915. 29 марта. № 14025. С. 6.
 50. *Петроградский старожил* <Розанов В. В.>. Бердяев о молодом московском славянофильстве // Московские ведомости. 1916. 17 авг. № 189. С. 2.
 51. *Петроградский старожил* <Розанов В. В.>. Еще о московских славянофилах» // Московские ведомости. 1916. 22 сент. № 218. С. 2.
 52. Поездка в чужие края К. С. Аксакова: (Письма к родным) / Сообщил А. А. Александров // Богословский вестник. 1915. № 9. С. 9–40; 1916. № 3/4. С. 516–536; № 5. С. 95–132; № 9. С. 27–58; 1917. Апр./май. С. 619–646.
 53. *Р.* <Розанов В. В.>. Вячеслав Сильверстович Россоловский: (Некролог) // Новое время. 1908. 11 янв. № 11434. С. 3.
 54. *Радванович С.* Семейные праздники у сербов: Очерк. Пг.: Тип. Монтвида, 1910.
 55. *Розанов В. В.* «Вечно печальная дуэль» // Новое время. 1898. 24 марта. № 7928. С. 2–3.
 56. *Розанов В. В.* Белинский и Достоевский // Новое время. 1914. 8 июля. № 13764. С. 4–5.
 57. *Розанов В. В.* Брак и христианство: (Моя переписка с православным священником) // Русский труд. 1898. 21 нояб. № 47. С. 21–22; 28 нояб. № 48. С. 20–22; 5 дек. № 49. С. 20–21; 12 дек. № 50/51. С. 30–34; 23 дек. № 52. С. 18–22.
 58. *Розанов В. В.* Две гаммы человеческих чувств // Русское обозрение. 1896. № 8. С. 767–769.
 59. *Розанов В. В.* Евреи в русской литературе // Новое время. 1912. 6 мая. № 12984. С. 5.
 60. *Розанов В. В.* Женщина перед великою задачей // Биржевые ведомости. 1898. 1 мая. № 117. С. 2–3; 3 мая. № 119. С. 2.
 61. *Розанов В. В.* Из загадок человеческой природы // Новое время. 1898. 15 мая. № 7978. С. 2–3.

62. Розанов В. В. Иначе поступить я не мог // *Розанов В. В. Собр. соч.: На фундаменте прошлого*. М.: Республика; СПб.: Росток, С. 406–414.
63. *Розанов В. В. Истинный «fin de siècle»* // *Биржевые ведомости*. 8 нояб. № 305. С. 2.
64. *Розанов В. В. Кроткий демонизм* // *Новое время*. 1897. 19 нояб. № 7806. С. 2.
65. *Розанов В. В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского: Опыт критического комментария*. СПб.: Типо-литография и нотопечатня С. М. Николаева, 1894.
66. *Розанов В. В. Мимолетное*. 1915 год: Издание полного текста. М.: Ски-мен, 2011.
67. *Розанов В. В. Не в новых ли днях критики* // *Новое время*. 1916. 3 февр. № 14334. С. 5.
68. *Розанов В. В. Номинализм и христианство* // *Биржевые ведомости*. 1898. 13 окт. № 279. С. 2.
69. *Розанов В. В. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания*. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886.
70. *Розанов В. В. Около болящих* // *Биржевые ведомости*. 1898. 15 сент. № 251. С. 2.
71. *Розанов В. В. Памяти Осипа Ивановича Каблицы* // *Русское обозрение*. 1893. № 11. С. 513–518.
72. *Розанов В. В. 1 марта 1881 г. и 18 мая 1896 г.* // *Русское обозрение*. 1896. № 5. С. 328–332
73. *Розанов В. В. Письмо в редакцию <О давке на Ходынском поле в Москве>* // *Русское обозрение*. 1897. № 9. С. 406–407.
74. *Розанов В. В. Полн. собр. «опавших листьев»: В 2 кн.* М.: Русский путь, 2004. Кн. 2: *Смертное*.
75. *Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т.* СПб.: Росток, 2014, 2016, 2017. Т. 1, 4, 5.
76. *Розанов В. В. Посмертный том «Жизни и трудов Погодина» Н. П. Барсукова* // *Новое время*. 1910. 25 июня. № 12314. С. 3.
77. *Розанов В. В. 50 лет влияния* // *Новое время*. 26 мая. № 7988. С. 2; то же, с подзагол. «Памяти В. Г. Белинского»: *Русское обозрение*. 1898. № 5. С. 273–282.
78. *Розанов В. В. <Рец. на кн.:> Рачинский С. А. Сборник статей*. Изд. 3-е. СПб., 1898 // *Новое время*. Ил. прил. 1899. 6 янв. № 8211. С. 6.
79. *Розанов В. В. Ропшин и его новый роман* // *Новое время*. 1912. 3 мая. № 12981. С. 6.
80. *Розанов В. В. Семья как религия* // *С.-Петербургские ведомости*. 1898. 5 нояб. № 304. С. 2–3; 23 нояб. № 322. С. 2–3.
81. *Розанов В. В. Семя и жизнь* // *Биржевые ведомости*. 1897. 29 нояб. № 326. С. 2–3.
82. *Розанов В. В. Смена мировоззрений* // *Русское обозрение*. 1895. № 7/8. С. 147–156.
83. *Розанов В. В. Смысл аскетизма* // *Новое время*. 31 дек. № 7846. С. 2–3.
84. *Розанов В. В. Собр. соч.: В нашей смуте*. М.: Республика, 2004.
85. *Розанов В. В. Собр. соч.: Листва*. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010.

86. *Розанов В. В.* Собр. соч.: Литературные изгнанники. [Кн. I]: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001.
87. *Розанов В. В.* Собр. соч.: Литературные изгнанники. Кн. II: П. А. Флоренский, С. А. Рачинский, Ю. Н. Говоруха-Отрок, В. А. Мордвинова. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010.
88. *Розанов В. В.* Собр. соч.: Семейный вопрос в России. М.: Республика, 2004.
89. *Розанов В. В.* Споры около имени Белинского // Новое время. 1914. 27 июня. № 13753. С. 4.
90. *Розанов В. В.* Сумерки просвещения: Сборник статей по вопросам образования. СПб.: Изд. П. Перцова, 1899.
91. *Розанов В. В.* Энциклопедия из Капернаума // Новое время. 1912. 28 окт. № 13158. С. 7.
92. *Рцы (Романов И. Ф.).* Собр. соч.: В 2 т. / ИРЛИ РАН; Изд. подгот. А. П. Дмитриев и Д. А. Федоров. СПб.: Росток, 2016. Т. I—II.
93. *Скабичевский А. М.* История новейшей русской литературы, 1848—1908 гг. 7-е изд. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1909.
94. *Скабичевский А. М.* Очерки по истории русской цензуры (1700—1863 г.). СПб.: Обществ. польза, 1892.
95. *Страхов Н. Н.* О задачах истории философии // *Страхов Н.* Философские очерки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1895. С. 433—480.
96. *Страхов Н. Н.* Очерк истории философии с древнейших времен философии до настоящего времени. Харьков: Тип. Губерн. правл., 1893; 7-е изд.: 1916.
97. *Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова. 2-е изд. СПб.: Пушкинский Дом, 2013.
98. *Флоренский П. А.* Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома: Издание Костромской губ. ученой архивной комиссии, 1909 (обл.: 1910).
99. *Флоренский Павел, свящ.* Служба Софии Премудрости Божий. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1912.
100. *Флоренский Павел.* В вечной лазури: Сборник стихов. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1907.
101. *Флоренский Павел.* Общечеловеческие корни идеализма: Пробная лекция pro venia legendi, читанная в Московской духовной академии 17 сент. 1908. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909.
102. *Шперк Федор.* «Как печально, что во мне так много ненависти...»: Статьи, очерки, письма. СПб.: Алетей, 2010.

ДНЕВНИК Вл. А. РЫШКОВА О ДОЧЕРИ КИРЕ

(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Н. А. Прозорова)

Аннотация: Дневник Вл. А. Рышкова посвящен описанию жизни его дочери Киры со дня ее рождения до 17-летия. Публикуемый документ является редким образцом дневникового жанра и актуальным автобиографическим источником для изучения истории повседневности предреволюционных годов, бытового уклада и семейных ценностей русского столичного дворянства. Автор дневника — чиновник особых поручений Академии наук, один из участников создания в Петербурге уникального исследовательского учреждения — Пушкинского Дома, мемуарист, театрал, брат драматурга В. А. Рышкова.

Ключевые слова: дневник, Вл. А. Рышков, дочь Кира, детство, воспитание, биография, история дворянской повседневности, семья.

Abstract: Diary of Vl. A. Ryshkov is describing the life of his daughter Kira from the day of her birth to her 17th birthday. The document is a rare example of the diary genre and a topical autobiographical source for studying the history of the everyday life of the pre-revolutionary years, the way of life and family values of the Russian metropolitan nobility. The author of the diary, a memoirist, theater-lover and brother of the dramatist Viktor Ryshkov was a deputy for special assignments of the Academy of Sciences, one of the participants in the creation of Pushkinsky Dom, a unique research institution in St. Petersburg.

Keywords: diary, Vl. A. Ryshkov, daughter Kira, childhood, education, biography, history of nobility life, family.

Современные гуманитарные науки исследуют не только дневниковые тексты известных писателей, представителей художественной и научной интеллигенции,¹ но и дневники обычных людей, так называемые бытовые (обыденные) записи, фиксирующие повседневную и семейную жизнь человека той или иной эпохи.² Дневники-хроники

¹ См.: Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века: история и теория жанра. М.: Флинта; Наука, 2003. 279 с.; Рудзиевская С. В. Дневник писателя в контексте культуры XX века // Филологические науки. 2002. № 2. С. 12–19; Оскоцкий В. Дневник как правда: (из мемориального наследия В. Вернадского, О. Берггольц, К. Чуковского). М.: Моск. рабочий, 1995. 69 с.; и др.

² См, например, дневники врача (Ливанов К. А. Без Бога: Записки доктора (1926–1929) / Публ., предисл., и примеч. О. Ю. Тишиновой // Новый мир. 2002. № 1. С.157–172), студентки (Рожанский М. Дневник советской девушки // ИНТЕР.

изучаются как часть национальной автобиографической культуры на междисциплинарном уровне — филологами, историками, психологами, социологами и культурологами.³

Среди достаточно большого типологического разнообразия дневников встречаются и редкие образцы жанра, к одному из которых относится публикуемый нами текст, представляющий собой жизнеописание детства. Исследователи К. Вьолле и Е. П. Гречаная выделяют в дневниковом творчестве «особый тип дневника», в котором дано «описание жизни малолетних детей: их поведения, успехов и провинностей, болезней»,⁴ сделанное их родителями, как правило, матерью, и условно называют его «дневником жизни детей» или «дневником детей». Такого рода дневник-хроника от рождения ребенка до его отрочества или совершеннолетия был укоренен в семейно-бытовой дворянской традиции. «В дневнике записывалось все то из детской жизни, что для матери казалось замечательным, выражая характеры детей или наводя на общие мысли о воспитании, — так описывал Л. Н. Толстой в “Войне и мире” заботу графини Марьи о своих детях. — Это были большею частью самые ничтожные мелочи: но они не казались таковыми ни матери, ни отцу, когда он теперь в первый раз читал этот детский дневник».⁵ При этом «дневник жизни детей», несмотря на бытование в русской культурной среде приблизительно с конца XVIII в., плохо сохранился в домашних архивах (возможно, вследствие тех самых «ничтожных мелочей», которым со временем родители переставали придавать значение) и потому дошел до наших дней в меньшем количестве, нежели другие дневники. Публикуемый документ — один из редких экземпляров «дневника детей», в котором описана жизнь дочери Киры с ее рождения в 1902 г. до 17-летия.

2007. Т. 1. № 4. С. 55–77), московского жителя (*Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917–1924*; в 2 т. М.: Воениздат, 1997), а также блокадные записи рядовых ленинградцев — учителей, медсестер, детей (*Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: блокадные дневники*. СПб., 2015. 656 с.) и др. Отметим также, что антропологическое исследование А. В. Юрчака «Это было навсегда пока не кончилось: Последнее советское поколение» (М.: Новое литературное обозрение, 2014), базируется, в частности, на аналитическом прочтении дневников обычных советских людей, собранных автором.

³ См.: *Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX)*. М.: Водолей Publishers, 2007. 264 с.; *Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение*. 2003. № 61. С. 288–295; *Радзиевская Т. В. Ведение дневника как вид коммуникативной деятельности // Референция и проблемы текстообразования: сб. науч. тр. М.: Наука, 1988. С. 95–116; Местергази Е. Г. Литература non-fiction / non-fiction: экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007. 325 с.; и др.*

⁴ *Вьолле К., Гречаная Е. П. Дневник в России в конце XVIII — первой половине XIX в. как автобиографическое пространство // Известия АН. Сер. лит-ры и яз.* 2002. Т. 61. № 3. С. 22.

⁵ *Толстой Л. Н. Война и мир // Собр. соч.: в 12 т. М., 1984. Т. 6. С. 297.*

Автор дневника — потомственный дворянин Владимир Александрович Рышков (1865—1938), театрал и мемуарист.⁶ Он служил чиновником особых поручений и казначеем Академии наук⁷ и был одним из ревнителей создания в Петербурге по инициативе великого князя Константина Константиновича памятника А. С. Пушкину в виде уникального научного учреждения, хранилища рукописных и музейных реликвий — Пушкинского Дома. Владимир Александрович, вхожий в театральный мир обеих столиц, занимался по поручению великого князя устройством благотворительных спектаклей в пользу учреждаемого Пушкинского Дома, и описал хронологию создания последнего в своем дневнике «Постройка памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге»,⁸ чем навсегда связал свое имя с историей отечественной филологической науки.

В 2005 г., в дни торжеств по случаю 100-летия Пушкинского Дома, по радио прозвучало выступление Т. С. Царьковой, в котором наряду с основателями научного учреждения Б. Л. Модзалевским, Н. А. Котляревским было упомянуто и имя Вл. А. Рышкова. Передачу услышала петербурженка, З. В. Левочская, состоявшая в дружбе с его дочерью Кирой Владимировной, чей дневник после ее смерти хранился у Зои Владимировны. В том же году она передала его в дар Рукописному отделу Института русской литературы РАН, где дневник был включен в фонд драматурга Виктора Александровича Рышкова (ф. 270), брата Вл. А. Рышкова.

Итак, автор публикуемого дневника о жизни дочери Киры — отец, что само по себе несколько выпадает из традиции: обычно записи о новорожденных делались матерью, которая с первых дней жизни была физиологически ближе к младенцу; да и позднее, в отличие от главы семейства, каждодневно занималась воспитанием ребенка. В нашем случае инициатором создания хроники детства дочери был Владимир Александрович, по природе наблюдательный и склонный к ведению дневников, а его жена, Зинаида Абрамовна, сделала лишь несколько записей в дневнике во время его отсутствия.

В день рождения Киры 8 (21) марта 1902 г. Рышков начал дневник и затем вплоть до августа 1919 г. педантично фиксировал то, что было связано с ее ростом и взрослением. В 1906 г. он резюмировал некоторые итоги: «Идея этого дневника мне в совершенстве не удалась. Я ду-

⁶ Биографические сведения о нем и служебный путь см. во вступ. статье к его мемуарам: *Рышков Вл. А.* Воспоминания незаметного человека / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб., 2007. С. 245—438; опубликованы в отрывках.

⁷ Поступил на службу в Академию наук 1 окт. 1899 г., уволен по собственному прошению в связи ухудшением состояния здоровья с должности казначея 14 марта 1925 г. (СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, № 792 (личное дело)).

⁸ Оpubл. с купюрами: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 119—159.

мал шаг за шагом описывать ее развитие, но это немислимо. Каждый день ребенок делает такие быстрые шаги по пути развития, что уследить нельзя. Я думал записывать, когда какое слово она начала говорить, но она стала говорить сразу, каждый день массу фраз. Так что приходится ограничиваться чисто статистическими данными».

Действительно, автор дневника выступал по большей части в роли хроникера, зачастую лишь регистрируя происходящее. Объектом внимания были события разной степени важности: день крещения Киры, ее первое причастие, а также первое в жизни ребенка слово, появление нового зуба и др. Температурные листы, которые Владимир Александрович тщательно вел во время болезни дочери, выдают в нем заботливого и внимательного отца. Он фиксировал все посещения Киры новогодних елок, а при упоминании именин перечислял всех гостей и участников праздника, включая прислугу родственников. Будучи записным театралом, Рышков всегда отмечал посещения спектаклей дочерью, которая унаследовала от него любовь к театру.

Таким образом, в тексте преобладает стенографический подход к отображению жизни дочери. Однако даже при лапидарности записей в дневнике выстраивается такая модель дворянской повседневности, в которой каждому событию не только дано произойти в соответствии со сложившимся семейным укладом, но всегда дано быть замеченным и отмеченным, а иногда и любовно описанным. И это внимание Рышкова к деталям, «ничтожным мелочам» (по Толстому), создает особую атмосферу неторопливой жизни дворянской семьи, хотя само повествование — вследствие «телеграфного» стиля автора — достаточно динамично.

В педантичности записей любящий отец был неподражаем. Когда в его отсутствие жена вела дневник, Владимир Александрович по возвращении проверял текст и корректировал его. Так, например, запись от 2 июня 1904 г. представляет собой довольно комичный пассаж. Мать пишет: «Кирочка сегодня ела курочку первый раз в жизни». Отец поправляет: «нет, первый раз ела 24 Авг. 1903 г.» (без комментариев!). Владимир Александрович не забывал сообщать в дневнике и о подарках, сделанных дочери («Сегодня я купил Кире черепаху»; «Я подарил ей рисование на матовом стекле»; «Я подарил ей на память браслет»), при этом, правда, не утруждая себя записями о том, понравился ли Кире подарок, обрадовалась ли она ему. Вряд ли он не придавал этому значения, но, похоже, что в акте дарения для Рышкова был важен исключительно его — отцовский — жест.

Наиболее пространными, описательными являются путевые заметки, которые Рышков делал во время семейных путешествий в Крым, Финляндию, Москву и Нижний Новгород. Приведем фрагмент описания вечера, когда родители с семилетней дочерью отдыхали в Алушке: «Вчера Кира, я и наш сожитель по пансиону Н. Н. Садофьев пошли на полянку ждать выхода луны. Предложила это Кира. Когда она стала

появляться на горизонте, Кира пришла в страшный восторг и не знала, как ей поступить. Ей хотелось любоваться зрелищем и в то же время хотелось, чтобы эту картину видела Зина. Она очень волновалась, говорила, что зачем же мама не пошла с нами, вот она уже этой “роскоши” не увидит, *п<отому> ч<то>* завтра мы уедем. Я успокоил ее тем, что мама, наверное, тоже откуда-нибудь смотрит на эту картину. Потом это так и оказалось».

Повествование о маленькой Кире естественным образом содержит информацию, относящуюся не только к описываемой детской микроистории, поскольку практика ведения дневников подспудно взывает к тому, чтобы записывать то, что волнует и тревожит душу автора «здесь и сейчас». Не удивительно поэтому, что Рышков, находившийся с семьей на даче в Финляндии, записал 19 июля 1914 г.: «После напряженных дней сегодня объявлена война с Германией. У нас в Финляндии началась паника и бегство в Пб. Два поезда в день идут до невозможности переполненными. Решили выждать события». Более неожиданной выглядит запись матери, сделанная 12 апр. 1904 г. и не имеющая решительно никакого отношения к двухлетней Кире: «Сегодня Академия Наук решила изгнать буквы “Ѣ” “Ѥ” из употребления». Зинаида Абрамовна, вероятно, узнала о речи сторонника фонетического принципа правописания Р. Ф. Брандта, произнесенной в тот же день на заседании Комиссии по вопросу о русском правописании.⁹ Позднее речь Брандта была опубликована в газете «Русь»,¹⁰ а еще позже был напечатан отдельным изданием протокол первого и единственного заседания Комиссии, участники которого единогласно проголосовали за исключение из алфавита букв ъ, ѣ, і, ѳ. Однако из-за развернувшейся в обществе дискуссии проект упрощения орфографии, выработанный Орфографической подкомиссией, принят не был.¹¹ Лаконичное высказывание Зинаиды Абрамовны имплицитно содержит ее озабоченность — как носителя языка — за судьбу русской орфографии: не случайно она использовала в записи глагол с негативной коннотацией — «изгнать».

Таким образом, цитированные выше записи, выходящие за рамки изначально заданной темы дневника, как, впрочем, и путевые заметки, а также упоминания в тексте имен артистов, офицеров, медиков и представителей духовенства, расширяют жанровые границы «дневника жизни детей» и делают публикуемый документ еще и историческим свидетельством.

⁹ Была создана 14 февр. 1904 г. под председательством вел. кн. Константина Константиновича.

¹⁰ *Брандт Р. Ф.* Речь о правописании, произнесенная на заседании орфографической комиссии Императорской Академии наук 12 апреля 1904 г. // Русь. 1904. 23 апр. № 130. С. 2.

¹¹ Новые правила начали действовать с 1 янв. 1918 г. согласно «Декрета о введении нового правописания» от 23 дек. 1917 г.

«Дневник всегда историческое свидетельство, — считает исследователь М. Рожанский, — думает об этом автор или нет».¹² Еще одна запись в дневнике — яркий тому пример. Владимир Рышков, как известно, был вхож в круг петербургских и московских коллекционеров, дружил с А. А. Бахрушиным, устраивал художественные выставки, способствовал пополнению коллекций Пушкинского Дома, да и сам был не чужд собирательству: его богатейшая коллекция деревянных ложек народов России и Европы хранится в Музее антропологии и этнографии РАН.¹³ 29 нояб. 1911 г. Владимир Александрович оставил в дневнике важную информативную запись, раскрывающую историю поступления на государственное хранение одной пушкинской реликвии: «Сегодня Кира (ей 9 лет) подписала первую бумагу. Г-жа Павлищева, жена Л. Н. Павлищева, племянника Пушкина, подарила мне стеклянный поднос Пушкина. Я подарил его Кире, чтобы она от своего имени пожертвовала его в Пушкинский Дом. Заявление об этом она и подписала». Речь идет о приборе рубинового стекла, состоявшем из графина с притертой пробкой, четырех рюмок и подносика с бортиком, который Пушкин приобрел в 1822 г. в Кишиневе, а в 1828 г. подарил сестре О. С. Павлищевой (урожд. Пушкиной) по случаю ее свадьбы. Дальнейшая судьба прибора такова: Л. Н. Павлищев получил прибор от матери в 1856 г. и в 1902 г. подарил графин с рюмками И. Л. Леонтьеву-Щеглову, а после смерти последнего, по его завещанию, при посредничестве Б. Л. Модзалевского графин и рюмка от прибора попали в Пушкинский Дом.¹⁴ Поднос от прибора оставался в семье Павлищевых до 1911 г., когда Ольга Петровна Павлищева (урожд. Доронина) подарила его Владимиру Александровичу Рышкову. Исследовательница бытования памятных вещей Пушкина, Л. П. Февчук, отмечала, что в 1911 г. «К. В. Рышкова (предположительно — из семьи драматурга В. А. Рышкова) передала туда же (в Пушкинский Дом. — *Н. П.*) и поднос».¹⁵ Теперь, благодаря публикуемому дневнику, данное предположение можно уточнить: поднос был подарен сначала Владимиру Александровичу, который пожелал сделать дарительницей пушкинской реликвии свою девятилетнюю дочь.¹⁶ В 1953 г. поднос был передан на хранение во Всесоюзный музей А. С. Пушкина и в настоящее время находится в Музее-квартире поэта (наб. Мойки, д. 12).

¹² *Рожанский М.* Между настоящим и реальностью: оптика советского идеализма // Человек. 2010. № 5. С. 51.

¹³ Рышков передавал экспонаты в МАЭ начиная с 1908 г., а в 1927 г. у него была приобретена вся коллекция (№ 3547). См. об этом: *Сутягина Л. Э.* Шведские ложки в коллекции МАЭ РАН // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты в 2012 г. СПб., 2013. С. 221–225.

¹⁴ Сведения даны по изд.: *Февчук Л. П.* Портреты и судьбы (из ленинградской Пушкинианы). Л.: Лениздат, 1984. С.181–182.

¹⁵ Там же. С. 182.

¹⁶ Факт передачи подноса от К. В. Рышковой в Пушкинский Дом зафиксирован: ИРЛИ, Литературный музей, Книга поступлений № 2, № 2283.

Как уже отмечалось выше, автором публикуемого дневника является Вл. А. Рышков, а соавтором его жена — Зинаида Абрамовна. Однако дневник можно считать трехголосным, поскольку сама героиня — Кира Владимировна Рышкова (1902—1983) — тоже приложила к нему свою руку. Получив его от отца 18 авг. 1919 г., она выразила к дневнику свое отношение, заявив, что ей представляется ценным не «хронологическое описание событий и болезней», а «душевные переживания», и что продолжать его она не будет, а давно ведет собственный, соответствующий ее представлениям. Тем не менее, она еще несколько раз обращалась к «папиному» дневнику. Так, в 1923 г. Кира Владимировна добавила краткое сообщение с именами гостей, присутствовавших на ее совершеннолетию. Следующая запись, более пространный, сделана ею в декабре 1938 г., уже после смерти обоих родителей, и представляет собой ретроспективное высказывание о жизни семьи в 1920-е — 1930-е гг. И хотя этот период Кира Владимировна описала отрывочно, выхватывая из памяти разные по важности события, ее записи все же дают представление о трудностях пореволюционного быта. Среди упомянутых ею примет времени — «чистка» в Библиотеке Академии наук, арест отца и коммунальный быт (отнятие комнаты).

О дальнейшей судьбе Киры Владимировны известно немного, и то, что удалось найти, касается ее служебной деятельности. После окончания единой трудовой школы № 18 (б. гимназии Могилянской), она служила в музее Академических театров (с 1920 г.) на должности научного сотрудника, затем поступила на работу в Библиотеку Академии наук (с 1924 г. — технический сотрудник, с октября 1931 г. — помощник библиотекаря, с февраля 1934 г. — библиотекарь II разряда, с 1935 г. — I разряда).¹⁷ Во время войны была эвакуирована в 1942 г. из блокадного Ленинграда, после возвращения вернулась в БАН, где работала с 15 нояб. 1944 г. по 31 окт. 1966 г. в должности старшего библиотекаря, старшего редактора, а с 29 дек. 1966 по 29 дек. 1973 г. (с перерывами) — в должности библиотекаря.¹⁸

Перечитывая «папин» дневник уже в зрелом возрасте, в 1970 г., Кира Владимировна добавила к одной из записей отца свой психологический комментарий. На полях тетради, рядом с текстом о том, что она «очень любит проявлять самостоятельность и гордится тем, что ее одну пускают в лавку, на горе», Кира Владимировна написала: «Как ошибочно впечатление взрослых, до сих пор помню свои переживания, когда ходила покупать лимон и монету надо было класть на каменное блюдо, и я думала, что звук при этом указывает на фальшивость моне-

¹⁷ СПбФ АРАН, ф. 158, оп. 7, № 218 (трудовой список К. В. Рышковой).

¹⁸ Сведения даны на основе биограф. статьи: Рышкова Кира Владимировна // Российская Биографическая Энциклопедия «Великая Россия». Т. 14: Биограф. словарь сотр. Б-ки Российской академии наук. СПб: Гуманистика, 2014. С. 643 (там же фотография).

ты и переживала, что моя окажется фальшивой, а родители думали, что доставляют мне удовольствие и я горжусь».

Дневник Вл. А. Рышкова — уникальный автобиографический текст, акцентирующий внимание на персональном опыте человека, реконструирующий повседневность дворянской семьи и модель русского детства, манифестирует неповторимость и бесценность человеческой личности с первых дней ее жизни.

Текст публикуется по автографу — дневнику, хранящемуся в архиве драматурга Виктора Александровича Рышкова, брата Вл. А. Рышкова (ф. 270, оп. 4, № 88). До 1918 г. Вл. Рышков давал датировки по старому стилю, с 1919 г. — по новому. Сокращения раскрыты в угловых скобках, ошибки и описки исправлены, как правило, без комментариев. Поясняющий текст публикатора дан в угловых скобках курсивом. Сохранено устаревшее написание отдельных слов (например, имянины; названия месяцев с прописной буквы и др.). При публикации допущены купюры (<...>); не публикуются записи температуры дочери, если Рышков не дает к ним каких-либо своих пояснений. Имена, упоминаемые в дневнике единожды или дополнительные сведения о которых не найдены, в комментарии не включены.

1902 ГОД

Март

8. Кирочка родилась в ночь с 7 на 8 Марта 1902 года ровно в 2 часа. Принимали ее доктор медицины Николай Иванович Стравинский¹ и акушерка Евдокия Васильевна Мефодьева. Дома были я, Раиса Алексеевна,² Наташа и Люба.³ Мы сидели в гостиной, в 2 часа прибежала Люба и сказала, что родилась дочь. В 3 ч. 30 м. Зину⁴ привели в порядок и ровно в 3 ч. 30 м. Кирочку первый раз купали. Сегодня ее свесили. Оказалось, что она весит 7 4/8 ф. Длиною 48 сантиметров.

9. Ночь беспокоилась и плакала; в 11^{1/2} ч. дня ей дали молитву. Священник церкви при Сенате о. Васильев,⁵ старинный приятель А. И. Тихобразова.⁶ Присутствовали я, Лида,⁷ Люба и Евдокия Васильевна. Прикладывали к груди.

10. Ночь провела тихо. В 11 ч. утра у Зины появилось немного молока.

11. Ночь провела тихо. Кормила Зина молоком. У Зины появился жар, 37,7 максимум.

12. Кирочка чувствует себя хорошо. Темпер<атура> у Зины: утро 37,4; 2^{1/2} ч. дня; 37,6; 8 ч. веч. 37,8 (Волновалась, потому что саднили швы) в 10 ч. веч. 37,2.

13. Кирочка весит 7 ф. Темпер<атура> у Зины: у<тром> 37,2; д<нем> 37,2; 9 ч. в<еч>. 37,3. В 5 ч. сняты швы.

14. Кирочка чувствует себя хорошо. Просыпается часа через 2–3. Темпер<атура> у Зины: у<тром> 37,2; 3 час. 37,5; веч. 37,2.

15. Темпер<атура> у Зины: у<тром> 37,1; веч. 37,5.

16. Кирочка ночь спала плохо, но не плакала. Купили ей коляску. Темпер<атура> у Зины: у<тром> 37,3; веч. 37,2.

17. Кирочка ночь спала неважно. Ей дали касторовое масло. Темпер<атура> у Зины: у<тром> 36,9; веч. 37,2.

18. Темпер<атура> у Зины: у<тром> 36,9; веч. 37,1.

19. Темпер<атура> у Зины: 37.

20. Темпер<атура> у Зины: у<тром> 37,3; 3 час. 37,5 и в 7 ч. 36,9½. Она волновалась, предполагая, что у нее не хватит молока. Должна была сегодня первый раз встать, но из-за высокой температуры встать не могла.

21. Кирочка весит 8 ф. Темпер<атура> у Зины: у<тром> 36,9; веч. 37,1½. Днем она первый раз сидела.

22. Зину вывезли на качалке в столовую в 1½ ч. дня, где она завтракала и сидела до 2½ ч., затем, покормив Кирочку, с 3 до 4 ч. спала, а к обеду вывезли в столовую опять, где она присидела один час.

23. Зина ходила первый раз.

24. Сегодня Кирочку крестили в 2 часа. Крестил священник церкви при Сенате о. Васильев с диаконом. Крестный отец Леня,⁸ крестная мать — мама.⁹ Присутствовали П. Н. и Н. П. Суворовы,¹⁰ Р. А. и Л. А.¹¹ Тихобразовы, Л. А., Н. А. и С. А. Рышковы,¹² А. А. Григорьева, А. В. и З. В. Осоргины,¹³ Е. В. и В. М. Мефодьевы, Г. К. фон Брюммер,¹⁴ Е. И. Филиппович¹⁵ и В. П. Смирнова, а также наша горничная Настя и Тихобразовская Поля.

25. Кирочку приобщили Св<ятых> Тайн в Университетской церкви.¹⁶ С нею были Люба, Наташа и Евдокия Васильевна.

28. Кирочка весит 8⁵/₈ ф.

29. Ночь Кирочка проспала тревожно.

Апрель

2. Зина взяла первый раз ванну.

11. Кирочка ночь провела очень плохо. У нее появился насморк и загноился правый глаз. Был доктор Зибольд,¹⁷ велел промывать глаз и пускать капли.

12. Глаз лучше. Промывала Евд<окия> Вас<ильевна>.

13. Глаз лучше. Гною почти нет.

14. Глаз поправился. Одевали кофту и чепчик.

15. Вес 10¹/₈ ф.

22. Я заметил первую, хотя и бессознательную улыбку.

25. Вес 10⁷/₈ ф. Взяли няню: по паспорту — крестьянка д. Царибутова, Домославской волости, Вышневолоцкого у<езда> Тверской губ. Наталия Степанова, 35 лет.

26. Сегодня заметили, что Кира начинает держать головку.

28. Зина и Кира брали молитву в церкви при Сенате, и Кирочка приобщалась.

Май

1. Кирочке первый раз обстригли ногти.
12. В 9 час. утра Евдокия Васильевна привила Кирочке оспу.
13. Кирочке сегодня, после прививки оспы, нездоровится: спит плохо, больше на руках, плачет, есть маленький жарок, желудок хорошо.
14. Чувствует себя лучше, жару нет, днем спала хорошо.
15. Оспа не принялась, спокойна, делали ванну.
20. Сегодня утром Кирочка долго смеялась.
25. Переехали на дачу на ст. Мустамяки Финляндской ж. д. Куутерсельское озеро — д<ача> Густава Вестеринена.¹⁸ Кира ехала спокойно, не плакала, больше спала. Приехав на дачу, немного волновалась.
31. Киру первый раз вынесли гулять.

Июнь

9. Сегодня Кира первый раз громко хохотала.
29. Сегодня Кира держала в руках игрушку.

Июль

7. Весит 16 ф.
8. Кира потянулась на стол за игрушкой и взяла ее.
14. Кира весит $16\frac{1}{8}$ ф.
21. Весит $16\frac{3}{8}$ ф.
28. Весит $16\frac{4}{8}$ ф.

Август

4. Весит $16\frac{5}{8}$ ф.
18. Переехали с дачи.

Сентябрь

1. Второй раз привили оспу. Не принялась. Вес $18\frac{1}{8}$ ф.
5. Первый раз пила молоко.

Октябрь

21. Вес $18\frac{3}{4}$ ф.
22. Внизу прорезались два зуба.
29. Кира села сама.

Ноябрь

1. Кирочка заметно узнает окружающих.
8. Вес $19\frac{1}{8}$ ф.

11. Поняла, как делать «Ладушки».
18. Третий раз привили оспу, и она легко принялась.

Декабрь

1. Вес $20^3/8$ ф.
9. Первый раз ела манную кашу.
29. У Кирочки начался сильный насморк. Прошел через три дня.

1903 ГОД

Январь

27. Кирочка ясно сказала: «Папа».

Февраль

3. Кирочке купили кровать.
5. В ночь на сегодня первый раз спала в кровати.
28. Сегодня Кирочкины именины.¹⁹ Приехали ее поздравить Р. А., Лида, Е. В. Мефодьева, В. М. Петерсен, Е. А. Афанасьева,²⁰ Анна Андр<евна> и Андр<ей> Ал. Григорьевы и Н. П. Каширская. Были Зина, я, мама, Люба, Наташа и Соня.

Март

8. Сегодня Кирочкино рождение. Ей год. Были П. Н. Суворов, М. П. Скалон, В. А. Рышков,²¹ Г. К. Брюммер, Н. П. и Л. П. Каширские, Е. В. Мефодьева, Е. И. Филиппович, Е. В. Рышков,²² З. В. и А. В. Осоргины, мама, Р. А., Лида, Наташа, Люба, Соня, Зина и я, а также Леня. Первый раз давали куриный суп. Есть не хотела, так же как и печеное яблоко.
11. Давали сырое яблоко, ест с удовольствием.
21. Кирочке давали первый раз яйцо. Ест с удовольствием.
24. Первый раз заснула утром, поев каши и не ев груди.
29. Появился легкий насморк.

Апрель

7. Кирочка приобщалась в Университетской церкви.
15. В ночь на сегодня Кирочка сильно кусала у Зины грудь, а потому решили ее отнять. В 7 ½ ч. Зина уехала в Мариинский театр слушать «Мазепу»,²³ а Кирочку, напоивши молоком и умывши, няня стала закачивать в 8 час. и уже в 8 ½ она спокойно заснула. Зина не ночевала у нее в комнате. В 2 ½ ч. она проснулась и прохныкала до 3-х. Ей давали пить теплую водицу, и она опять заснула и проспала до утра.
17. Ночь Кирочка проспала также покойно, хотя чаще просыпалась.
19. Кирочка спокойно отнялась. Зина спала уже в ее комнате. Сегодня она совершенно сознательно ответила «да», кивнув утверди-

тельно головой, на вопрос, хочет ли она яблоко. Она начинает стоять, некоторое время не держась.

Май

2. У Кирочки прорезался пятый зуб.
8. Кирочка сегодня ходила, держась за одну руку и ступая на всю ножку.
13. Кирочка стала ходить без посторонней помощи.
17. Кажется, у Кирочки показывается шестой зуб.
22. Сегодня переехали на прошлогоднюю дачу. Ехали Зина, я, Наташа, и няня. До Белоострова Кирочка не спала, смотрела в окно, играла. Потом стала немного капризничать и сразу заснула. Мы ее уложили на скамейку, и после Райволы сонную одели и в Мустамяки вынесли на платформу, где она и проснулась. Доехала до дачи хорошо, гуляла; потом прекрасно себя чувствовала и хорошо спала.
26. Кира первый раз ела манную кашу на бульоне.

Июнь

1. Сегодня родился у Миши сын Юрий.²⁴ Зина уехала поэтому к ним в Петербург. Она первый раз рассталась с Кирой.
5. Зина вернулась.
7. Сегодня Кира днем заснула первый раз так, что ее не укачивали.
11. Кирочка сегодня сознательно кормила кур. Брала у няни из горсти овес и посыпала им.
12. Вчера Кира видела коров и слышала их мычанье. Сегодня тянется на ту дорогу, где их видела, и говорит: «Му-у».
14. Сегодня Кирочку вечером покачали, а потом она заснула в кровати сама. Она говорит: «Баба».

Июль

1. Прорезался 6<-й> зуб.
6. Вечером у Кирочки нашли прорезавшимися два коренных зуба, т<ак> ч<то> теперь у нее 8 зубов.
28. Кирочка ела кисель.

Август

3. Кирочка сознательно, передавая мне ложку, сказала: «На!». Когда от нее сегодня отошла Люба, она крикнула ей «тетя» и, увидав собаку Стопку, манила его ручкой и чмокала губами; у нее появился 9-й зуб (3-й внизу с левой стороны).
9. Авг. Рост 76 сант.
13. Прорезался 10-й зуб (4-й внизу с правой стороны).
18. Переехали с дачи.
24. Кирочка первый раз съела кусочек курицы.
26. То же — арбуза.

27. То же — сливы.
30. То же — ананаса.

Сентябрь

4. Прорезался 11-й зуб.
6. Кирочка ушибла пальчик и сознательно сказала: «Больно».
7. Кирочка приобщалась.
18. Прорезался 12-й зуб.

Октябрь

19. Кирочка приобщалась.

Ноябрь

2. Кирочка сознательно, передавая мне за обедом кольцо от сал-фетки, сказала: «На».
18. Появился сильный насморк, который прошел 23-го.
20. Кирочка ясно и сознательно говорит: «Сядь».
25. Сегодня обнаружили 13-й (глазной) зуб с левой стороны.

Декабрь

11. С сегодняшнего дня перестали укладывать Кирочку спать днем.
17. Кира сознательно назвала А. В. Осоргину «Саша».
27. Кирочка, показывая на елочные украшения, говорит «бусы».

1904 ГОД

Январь

1. Кирочка говорит «мясо».
 - 4-го у Кирочки на ощупь небольшой жар. Вообще же она весела, нормальна, ест хорошо, только капризнее обыкновенного.
 - 5-го. Был д-р Зибольд и нашел, что это небольшая простуда.
 6. Кирочка поправилась. Жару нет.
- <Рукою Зинаиды Абрамовны Рышковой:>*
30. У Кирочки нашли сразу три зубка, глазные.

Февраль

17. Кирочке нездоровится. Ничего не ест и сильно капризничает. Был Зибольд, думает, не идут ли последние зубки, если завтра будет то же с нею, велел дать салол.
 21. Кирочка все еще плохо себя чувствует, третий день принимает салол. Зибольд еще раз был и ничего серьезного не видит, вероятно, идут зубы.
- <Рукою Владимира Александровича Рышкова:>*
28. Кирочка все еще не вполне здорова, хотя и веселее и бодрее. Сегодня она именинница. Были и обедали Виктор с семьей, Раиса

Алексеевна, Лида,²⁵ Люба, Соня, Наташа, мама, Миша, Лида,²⁶ Андрей, Соня и Женя Храповицкие,²⁷ З. В. и А. В. Осоргины и тетя Катя.²⁸ Наридали ей массу игрушек.

Март

2. Сегодня я подарил Кирочке первую книжку с картинками.

<Рукою Зинаиды Абрамовны Рышковой:>

3. Кирочка, слава Богу, совсем оправилась, будет сегодня брать ванну после недомогания.

<Рукою Владимира Александровича Рышкова:>

8. Кирочке сегодня 2 года. За весь день были Зина, я, мама, Наташа, Люба, Соня, Р. А., Лида, З. В. и А. В. Осоргины, Миша, Виктор и Соня,²⁹ Ек<атерина> Алекс<еевна>³⁰ и М. М. и М. О. Лушковы.³¹ Она чувствует себя совсем хорошо; веселенькая, много смеется и хорошо играет.

14. Кирочка начала называть себя «Киля». Говорит: «Саша, Вася, дождь, мак»; вообще говорит первые слога очень многих слов.

<Рукою Зинаиды Абрамовны Рышковой:>

31. Кирочка упала на ковре и ударилась об стул, нашли шишку на лбу, и ушибла щечку. Плакала очень сильно, но скоро утешилась, прикладывали арник!

Апрель

6. Кирочка проснулась с кашлем. Сильный насморк, капризничает! Вымазала скипидарной мазью, и к утру ей стало легче.

10. Кирочка здорова. Немного еще кашляет.

12. Сегодня Академия Наук решила изгнать буквы «Ђ» «Ъ» из употребления.³²

<Рукою Владимира Александровича Рышкова:>

Май

2. Сегодня Кирочку приобщали. У нее совершенно ясны три новых зуба.

<Рукою Зинаиды Абрамовны Рышковой:>

19. Кирочка за ручку поднялась на лестницу сама.

23. Холодно. На дачу не можем выехать. Кира сказала сегодня: «Мамася как се как полкокэ. <Мамася>, красавчику сахар карман положи».

27. Переехали на дачу

<Приписка рукою Владимира Александровича Рышкова:>

(прошлогоднюю). Рост 85 ½ сант.

<Рукою Зинаиды Абрамовны Рышковой:>

Июнь

2-го июня. Кирочка сегодня ела курочку в первый раз в жизни; <Приписка рукою Владимира Александровича Рышкова:> нет, первый раз ела 24 Авг. 1903 г.

<Рукою Зинаиды Абрамовны Рышковой:>

8. Ела телятин<у> и на 27-й <месяц?> пила сама шоколад.

<Рукою Владимира Александровича Рышкова:>

30. Кира первый раз съела 3 ягоды земляники-виктории.

Август

19. Переехали с дачи.

22. Сегодня Кира с Зиной и няней ходила пешком через Дворцовый мост.

Сентябрь

4. Зина уехала сегодня в Москву на первое представление пьесы Виктора «Первая ласточка». ³³ Вернется она 8 Сентября.

14. Сегодня Кира первый раз снималась в фотографии «Лоренса», ³⁴ а потом ездила с Зиной и Соней к М. А. Бакеевой. ³⁵

Октябрь

7. Вместо Настасьи поступила сегодня новая прислуга, по паспорту: <Записи нет.>

Ноябрь

17. Сегодня Кирочка пела следующие две песенки:

«Пова пеночку лиза

И на кисиньку каза

Пиша киса

Газа пухи», т. е. «Повар пеночку слизал и на кисиньку сказал, пришла кисинька с кухни, глазки опухли» ³⁶ и

«Голубка моля

Умчися каля», т. е. «Голубка моя, умчимся в края...» ³⁷

Декабрь

15. У Кирочки насморк, который ограничился одним днем.

1905 ГОД

Январь

11. Сегодня Кирочка съела хлеба с маслом.

12. Кирочка ела жареную говядину.

13. Кирочка начала есть соленый огурец.

16. Ела моченую бруснику с сахаром.

19. У Кирочки насморк. Вечером она сильно закашляла и плакала, т<ак> ч<то> я попросил придти В. Л. Бианки,³⁸ который сказал, что опасного ничего нет, что это от насморка.

24. Кирочка ела копченую колбасу с хлебом.

Февраль

3. Кира ела ветчину.

6. Кира, говоря про себя, первый раз назвала себя «я».

15. Кира ела сегодня жареное мясо.

26. У Кирочки жар 38,3. Нездоровится, все больше просится на руки.

27. Жар 37,8.

28. Сегодня Кирочкины именины. Кроме своих никого не было, п<отому> ч<то> она еще не поправилась.

Март

3. В квартире пахло дымом, и Кира, потянув в себя воздух, сказала: «Тут нехорошо пахнет».

8. Сегодня Киреночку 4 года.

26. Кируша простудилась; у нее жар.

27. Днем жар держался, вечером дали салицилу, и жар спал.

29. Сегодня Киреночку худо. Жар 39,6. Два раза давали салицилу и вечером касторку.

30. Жар. 39,7. Был детский доктор Ховен; сказал, что инфлуэнца.

31. Утром т 36,6; веч. 35,9.

Апрель

1. Утром 36,9; дн<ем> 37,2 и веч. 36,7. <...>

4. т 36,8; с 31 Марта по сегодня лежала в кровати.

5. Кирочка встала. Очень похудела. Жалуеться, что болят ножки. Ей заметно больно ходить.

18. Кирочка приобщалась.

24. Ела тетерьку.

29. Ела язык.

Май

19. Переехали на прошлогоднюю дачу.

27. Ела селедку.

Июнь

1. Рост 94 ¼ сант.

5. Кира первый раз каталась на лодке.

6. Кирочке нездоровится. т веч. 37,8.

7. т у<тром> 37; веч. 37,8. Был проф. Н. Я. Чистович,³⁹ кот<орый> живет тоже в Мустамяки. <...>

9. t у<тром> 36,7. Н. Я. велел ее выпустить гулять. Веч. t 37,3.

10. Кирочка поправилась.

Июль

9. Рост 97 сант.

22. Кирочка капризничает и вялая; веч. t 37,9.

23. t у<тром> 37,6; дн<ем> 36,9; выходила гулять, веч. 38,3.

24. Ночью спала беспокойно, немного бредила. Утром встала веселее. t 37,7. Дали касторку. Днем 37,3; веч. 37,8.

25. Кира здорова. t 36,6. Термометр на 0,2 не верен.

Август

28. Кируша ела котлету.

Сентябрь

3. У Кирочки насморк и кашель.

6. И насморк и кашель прошли.

Октябрь

31. Кира первый раз ехала на конке с Зиной от Андреевского рынка⁴⁰ домой и ела свинину.

Ноябрь

13. Кира знает и называет буквы О, А и У.

26. Я подарил ей рисование на матовом стекле.

1906 ГОД

Февраль

2. Кира ела оленину.

19. Ела копченую корюшку и семгу.

Март

8. Сегодня рождение Кирочки. Ей 4 года. Идея этого дневника мне в совершенстве не удалась. Я думал шаг за шагом описывать ее развитие, но это невысказано. Каждый день ребенок делает такие быстрые шаги по пути развития, что уследить нельзя. Я думал записывать, когда какое слово она начала говорить, но она стала говорить сразу, каждый день массу фраз. Так что приходится ограничиваться чисто статистическими данными. В общем она, слава Богу, вполне нормальный ребенок, очень ласковый с теми, кого она уже знает, и очень дикий с незнакомыми. Очень упряма, но и очень отходчива. Большею частью здорова и весела и к четвертому году стала очень резва и шаловлива.

13. Ела пирог с груздями.

18. Сегодня Кирочка больна. Очевидно, желудочное. Утром было 37,7, днем 38,5 и вечером 38,1. Вечером ее вырвало и стало легче. Она очень возмущалась рвотой и кричала: «Я больше не хочу! Мама, зачем эта грязь идет!».

19. Температура нормальна. Держим в постельке.

20. То же.

21. Спустили с постели.

26. Сегодня утром Кира плакала и жаловалась, что болит ухо. Температура повышена немного. Был д-р В. В. Соловьев⁴¹ и ничего не нашел. Однако ее три раза рвало просто белой водой.

27. Как будто легче, опять вырвало водой два раза, появился насморк. Решаю, если завтра не будет здорова, позвать детского врача.

28. Сегодня Кира при Зине чихнула и из носа у нее выскочила вербная почка. Оказывается, в вербную субботу,⁴² 25 Марта, она играла вербами при бабушке Н<ине> П<алладьевне> и при Амалии Ивановне Булатовой⁴³ и запихнула себе почку в нос. Они это видели, но осмотрели ей нос и ничего не нашли. Днем она уже была совсем весела и здорова.

Апрель

21. У Киры насморк, который 23 прекратился.

23. Кира приобщалась в Университетской церкви, а затем ездила с Зиной к Лёне в Павловское училище.

Май

11. Вознесенье.⁴⁴ Мы с Кирой заходили в Университетскую церковь к обедне.

14. Мы с Кирой были в Зоологическом музее. Нельзя сказать, что-бы она была поражена, но интересовалась всем очень.

Пробовала сыр, но не понравился.

18. Сегодня мы с Кирой переехали на дачу в Мустамяки, в ту же местность, но на дачу Соломона Вестеринена.⁴⁵

Июнь

9. Кира ела жареные красные грибы.

16. Кирочка заболела. Очевидно, желудочное. t веч. 39,2.

17. Утром t 38,3. Давали касторку. К 5 ч. стала веселее. Вечером t 37,3.

18. Утром t 37,5; днем была несколько вяла; вечером 39,6. Дали 5 гр. салолу.

20. Желудок очистился, совсем весела и бегаёт в саду.

27. Кира с Зиной и Любой ездила на лошадях к Виктору на Суларви в д. Туркиля на ст. Уссикирка.

Июль

18. Кира была опять у Виктора с Зиной и со мною.

23. Кира попробовала ликер сгême de Саао.

27. Вчера у Кирочки заболела левая ножка. Она ни за что не хотела на нее стать и целый день просидела в коляске. Д-р С. Я. Чистович⁴⁶ ее подробно осмотрел и сказал, что нет решительно никаких повреждений. Намазали колено йодом на ночь, и сегодня она начала ходить сначала осторожно, а затем смелее и не жалуется.

28. Кирочка совсем не жалуется на ножку.

Август

21. Три дня, 18, 19 и 20, у Кирочки был насморк.

25. Переехали с дачи.

Сентябрь

4. Кира ела артишоки.

5. Кира ела тетерева.

15. Кирочка к вечеру как-то сразу скисла. t 39,1; дали касторку.

16. Ночь проспала беспокойно, хотя не бредила. t у<тром> 38,5; д<нем> 37,2 и в<еч>. 36,9; давали салол.

17. t у<тром> 36,8. Здоровая и веселая. Спустили с кровати.

Декабрь

25. Утром Кирочка проснулась, капризная, не хотела одеваться, говорила, что устала. t 37,5. Дали салол. Вечером была елка зажжена, приехали дети, она разгулялась и к елке встала.

31. Кирочка была сегодня на елке для служителей Академии Наук. Афишу этого первого ее представления я сохранил. Она с любопытством все рассматривала и наблюдала.

1907 ГОД

Январь

1. В ночь на сегодня Кирочка горела, ночью проснулась часа в 2 и не спала до 4 ч. Ни на что не жаловалась, говорила, что не может заснуть. Днем была весела и на ножках. Не подействовало ли на нее волнение на елке...

4. У Кирочки легкий насморк.

7. Кирочка ночью немного горела.

8. Ни на что не жалуется, ест хорошо, но t у<тром> 37,5, а днем 36,6.

9. t у<тром> 36,6; дн<ем> 38,3. Положили в постель.

10. t у<тром> 36,9; дн<ем> 37, 8 и в<еч>. 37,4. Аппетит есть, желудок хорош.

11. t у<тром> 37,2; дн<ем> 38,6 и веч. 38. Приезжал д-р гомеопат В. В. Соловьев и сказал, что ему не нравится, что t не падает, что, быть может, гнездится какая-нибудь детская болезнь, но что теперь определить еще ничего нельзя.

12. t у<тром> 36,5; дн<ем> 37,1; в<еч>. 37,8. Соловьев еще ничего не находит, но говорит, что, вероятно, будет ветряная оспа.

13. t у<тром> 37,2; дн<ем> 37,7; в<еч>. 37,4. Ясно определилась ветряная оспа. Зина и Соловьев нашли 4 оспинки на теле.

14. t у<тром> 36,3; д<нем> 36,3; в<еч>. 36,9. Соловьев говорит, что болезнь протекает нормально и что при дальнейшем высыпании t будет подниматься.

15. t у<тром> 36,3; дн<ем> 37; в<еч>. 36,9. Весела и отлично играет. На личике шесть оспинок. Одна на левой щеке, две над левою бровью, ближе к носу и три на правой стороне лба.

16. t у<тром> 36,2½; д<нем> 36,6; в<еч>. 37,7. Оспинки пожелтели.

17. t у<тром> 36,6; д<нем> 36,9; в<еч>. 37. Был Соловьев и перемен не нашел.

18. t у<тром> 36,6; дн<ем> 36,9; в<еч>. 36,9. Ночью оспинки чесались, и Кира просыпалась несколько раз. <...>

20. t у<тром> 36,6; дн<ем> 36,5; в<еч>. 36,7. Все время весела, отлично играет, прыгает по кровати, поет.

21. t у<тром> 36,6; д<нем> 36,6; в<еч>. 36, 8. Оспинки засыхают и на теле и на лице. <...>

23. t у<тром> 36,6; д<нем> 37; в<еч>. 36,9. Оспинка на щеке отвалилась. <...>

25. t у<тром> 36,6. Был Соловьев и позволил спустить ее с кровати, что и сделали в 4-м часу.

26. Кирочка играла день на ножках, а в 7 ч. взяла ванну. Очень весела и добродушна.

Февраль

7. Кира ела дикую козу.

Март

23. Кира ночевала у Раисы Алексеевны.

Апрель

15. Были в Зоологическом Саду. Очень интересовалась зверями и особенно слоном и бегемотом.

22. Ела зеленые щи.

23. Кира приобщалась.

Май

16. Ездил к Раисе Алексеевне и ночевала у нее.

18. Зина переехала на прошлогоднюю дачу.

19. Кира переехала со мною.

Июль

22. Кира ездила смотреть Кинематограф, который ей очень понравился.

Август

21. Переехали с дачи.
24. У Киры насморк. t 37,8. <...>
30. Сегодня, после моего отъезда в Москву, Кирочка забилась на диван и, заплакав, сказала, что ей очень скучно.

Сентябрь

25. Кире Зина показала, как играют гамму.
28. Ела цветную капусту.
30. Ела утку.

Октябрь

1. Кира ездила первый раз к Виктору.⁴⁷
4. Кира ездила к Раисе Алексеевне на пароходе, чтобы не видеть, как будет уезжать няня.
6. Взяли новую няню-немку; имя — Фрида.
10. Начала учиться азбуке по «Родному Слову».⁴⁸

Ноябрь

1. Кира знает уже цифры.
17. Сегодня я купил Кире черепаху.

1908 ГОД

Январь

10. В 5 час. Кирочка заболела. У нее 39,5. Я послал за В. В. Соловьевым, и он определил ангину. Вечером t 39.
11. В 9 ½ ч. у<тра> t 37,2; в 2 час. 36,8; в 7 ч. 38; в 10 час. веч. 36,2; вообще весела.
12. Утром t 36, веч. 36,7.

Февраль

8. У Кирочки болит зуб.
9. Напухла щека.
24. Кира приобщалась в Университетской церкви.

Март

8. Сегодня Кире 6 лет. Великолепный, ласковый, послушный ребенок. Приходили ее поздравить Р. А., Люба, Лида, З. В. и А. В. Осоргины, Н. П. Каширская, Сергей,⁴⁹ Галя,⁵⁰ Палладий,⁵¹ Женя⁵² и Штегман.
13. Кира поняла склады.
21. Кира переехала к Р. А., чтобы лечить зубки у Зои Петровны.⁵³ Ей ближе ходить оттуда в Манежный пер.
27. Кира вернулась обратно. З<оя> П<етровна> положила ей несколько пломб.

Апрель

29. Очевидно, Кирочка уже видит сны. Сегодня она сказала мне: «Когда спишь, видишь, как будто все по правде».

Май

6. У Киры жар; t у<тром> 38,6; дн<ем> 38,3; веч. 37,8. <...>
26. Переехали на прошлогоднюю дачу.

Июнь

17. В Петербурге эпидемия оспы. 8-го Кирочке привил оспу д-р С. Я. Чистович, но она не принялась.

Июль

5. Вчера утром Зина, я, Кира, Лида⁵⁴ и Наташа отправились на Иматру. В час приехали в Выборг, завтракали на Эспланаде,⁵⁵ гуляли до 4 и выехали на Иматру. Вначале Кира как будто ошалела. Нужно было ее заставлять есть в Выборге, она всего дичилась, но потом разошлась и всем интересовалась. На Иматре же, в Hotel Cascade,⁵⁶ скоро освоилась. Иматра ее очень поразила, но, насколько я мог наблюдать, не со стороны необычайности, а со стороны красоты. Она вообще обращает внимание на то, что красиво, хотя бы и обыденно. На Иматре мы ночевали и сегодня вернулись домой. Ездили и на Малую Иматру.

Август

23. Сегодня у нас на озере, вечером, пускали фейерверк, и я взял Киру посмотреть его. Она была не дома в темноте первый раз. С большой охотой следила за удачным фейерверком и вдруг обратилась ко мне в вопросе:

— Папа, а что это за пятнышко на небе?!

Оказывается из-за облаков была видна звезда!

26. Сегодня переехали с дачи.

31. Приехал для поступления в приют-школу Белого Креста Андрей Рышков.⁵⁷ Они с Кирой не виделись уже давно.

Сентябрь

22. Пишет буквы и цифры.

27. Немного кашляет.

Октябрь

12. У Киры зашатался первый зуб.

16. Зоя Петровна вырвала ей первый зуб. Когда она увидела кровь, ей сделалось дурно, но ненадолго.

17. Выучила молитву Св<ятой> Троице.

20. Кира самостоятельно читает несложные фразы.

Ноябрь

13. Небольшой насморк.

Декабрь

21. Зашатался 2-й зуб.

24. Кирочка заболела. Утром t 37,8; дн<ем> 38,4; в<еч>. 37,8. Был д-р Соловьев и нашел, что это гриппозное.

25. t у<тром> 36,6; д<нем> 36,8; в<еч>. 36,8. Весела, но в постели.

26. t у<тром> 36,3; веч. 36,8. Спустили на пол.

28. Сегодня у Кирочки была елка. Немного устала, но весела.

1909 ГОД

Январь

4. Выпал 2-й зуб.

20. Сегодня Кире стало дурно. У нее был обморок. Скоро пришла в сознание. Был д-р В. В. Соловьев и сказал, что, когда у детей идут новые зубы, это часто случается. Если меняются нижние зубы, это отражается на желудке, при верхних же на мозгу.

Февраль

8. Приобщалась в Университетской церкви.

9. Просила объяснить ей, как считают на счетах. Прекрасно поняла и считала до сотен.

19. Вяжет кружева.

Март

21. Была первый раз у всенощной в Университетской церкви.

26. Была первый раз у двенадцати Евангелий.⁵⁸ Прослушала начало всенощной и первое Евангелие. Знает уже молитвы: Царю Небесный, Пресвятой Троице, Отче Наш и Богородицу.

Апрель

14. Несколько дней был легкий кашель и насморк. Сегодня совсем уже поправилась.

26. Кира регулярно учится с Зиной.

Май

6. Была у всенощной накануне Вознесения.

7. Приобщалась в Университетской церкви.

16. Была у всенощной накануне Св<ятой> Троицы.⁵⁹

26. Переехали на прошлогоднюю дачу.

Июль

3. Сегодня Зина, Кира, я, Лида⁶⁰ и Люба выехали из Пб в Крым с Севастопольским поездом в 10 ч. 15 м. утра. Дамы занимали купе во

П кл., а я рядом с ними. Кира с большим интересом все наблюдает, все ее развлекает. Очень интересовалась переходом по поезду в вагон-ресторан, где мы и завтракали, и обедали. На станциях я с ней выхожу гулять. Ехать с ней настоящее наслаждение. Ни тени каприза, напротив — весела и интересна. В Москву приехали в 9 ч. 30 м. вечера, и, отъехав от Москвы, в 10 ½ ч. вечера уложили ее спать на верхнем месте. Это ее тоже очень занимало. Расход по этой поездке записан в конце этого дневника.⁶¹

4. Проснулась в 8 ½ ч. утра, отлично проспав всю ночь. В 9 ½ час. приехали в Курск, где нас встретил Палладий⁶² и пробыл с нами 20 мин., т. е. до отхода поезда. В 3 ч. 25 м. были в Харькове и гуляли по станции. В 10 час., после Синельникова, улеглась спать и скоро заснула.

5. Севастополь. Проснулась после Симферополя в 8 ч. 30 м. Здесь уже стоит сильная жара. Вероятно, от нее и от духоты Кире было немного дурно. Тянуло на рвоту и выплюнула мокроту. Вывели в коридор, и стало сейчас же легче, и вскоре совсем разгулялась, а в Бахчисарае в 9 ч. 19 м. утра весело гуляла на станции. Очень интересовалась предстоящей поездкой через тоннели, но, когда стали в вагоне зажигать свечи, это, видимо, произвело на нее впечатление, и тоннели ждала с некоторым волнением. Когда проехали первый из них, сказала, что он ей не нравится, и ждала, когда мы их наконец все проедем.

В Севастополь приехали в 10 ч. 30 м. утра и остановились в №№ 18 и 19 гостиницы Ветцеля на Екатерининской ул.⁶³ И город, и жизнь в гостинице ее очень увлекли, она все время проявляла самостоятельность, ходила одна вниз на веранду и т. п. Переодевшись, мы с Кирой пошли в Морское Собрание узнать, в Севастополе ли И. С. Денисов.⁶⁴ Там нам сказали, чтобы мы отправились на Графскую пристань и сказали дежурному матросу, чтобы он семафором дал знать на «Эриклик»⁶⁵ (им командует Денисов) об нас. Оказалось, что семафором нельзя было дать знать, т. к. «Эриклик» стоял сзади броненосца. Тогда я написал Денисову записку и послал яличника, и мы, подождав возвращения яличника, любовались с Кирой видом с пристани. Яличник привез ответ, что Денисов на берегу. Послав матроса с запиской к нему на квартиру, мы с Кирой пошли в гостиницу, на дороге встретили наших и пошли обедать на Приморский бульвар. Кира неузнаваема по сравнению с прошлым годом. Когда в прошлом году мы летом, по пути на Иматру, обедали на Эспланаде, она всего дичилась, не хотела есть, а здесь напротив. Совершенно, как и мы взрослые, съела обед, пила синалько,⁶⁶ которое ей очень понравилось, и вообще вполне разделяла с нами то наслаждение, которое мы испытывали. В конце обеда приехали Денисов с женой, мы с ними пошли осматривать Морское Собрание, а затем поехали в Херсонесский монастырь, собор в котором строили Абрам Иванович и Чагин.⁶⁷ Осмотрели собор, погуляли на

раскопках и отправились к Денисовым пить чай. Вернулись в 11-м часу, и Кира сейчас же заснула.

6-го. Севастополь. Сегодня Зина, Лида и я обедали у Денисова на «Эриклике», а Люба и Кира были на море на Приморском бульваре. Они там и обедали. Затем Кира, я и Люба осматривали аквариум Севастопольской Биологической станции, где она с большим интересом рассматривала рыб. Особенно ее поразили скат и медуза. Вечером были на музыке, на Приморском бульваре, и в 11 час. легла спать.

7-го. Ялта. В 9 ч. 50 м. мы выехали в Ялту в 4-х местном ландо на четверке лошадей.

В 11 ч. 40 м. приехали в Балаклаву.

" 11 " 55 " из Балаклавы

" 12 " 50 " в Чаталкой, проехав 22 $\frac{3}{4}$ версты

" 1 " 10 " из Чаталкой

" 4 " — " в Байдары " 17 "

" 4 " 30 " из Байдар

" 6 " 15 " в Кикенеиз " 16 $\frac{1}{2}$ "

" 6 " 20 " из Кикенеиза

" 8 " — " в Мисхор " 15 "

" 8 " 15 " из Мисхора

" 9. 50 " в Ялту " 12 "

83 $\frac{1}{4}$ версты

Ехала Кира поразительно хорошо и весело. Вероятно потому, что вчера легла поздно спать, или под влиянием жары, которая действительно была невероятна, после Балаклавы попросилась спать, но ее разговорил разными шутками Люба, она разгулялась и незаметно ехала до Мисхора. После Мисхора с наступлением темноты опять захотела спать, но различными шутками, песнями и сказками я ее разговорил, и она приехала в Ялту совершенно бодрая. Остановились мы на набережной в № 50 гостиницы «Мариино»,⁶⁸ и, напившись чаю, улеглись спать.

8-го. Ялта. Зина и Лида поехали в Алупку искать нам помещение. Люба оставалась в номере, а я и Кира поехали на почту, потом в банк за деньгами, потом в гостиницу «Метрополь» к Елене Анатольевне Подольской.⁶⁹ С ней мы отправились на поплавок гостиницы «Франция»⁷⁰ обедать. Кирочка ее очень полюбила и не отходила от нее. Вечером Зина и Лида вернулись. Они наняли помещение в Алупке, на даче Заикиной, по Милютинской ул. в пансионе Вендта.⁷¹ Наши комнаты будут только свободны 10 Июля. На солнце 52°.

9-го. Ялта. Утром пили кофе с Е. А. Подольской на полавке Флорена,⁷² затем гуляли по городу и делали покупки, обедали все на полавке гостиницы «Франция», вечером были в городском саду на симфоническом концерте, там же ужинали, и в одиннадцатом часу Кира и Зина ушли.

10-го. Алупка. Утром в 10 ч. пили опять кофе с Е. А. Подольской на поплавке Флорена и в 10 ½ ч. уехали в Алупку, куда приехали в 12 ч. 45 м. дня. В 1 час завтракали, разбирались и затем в 4 ч. Зина, Кира, Лида и Люба пошли на море.

11-го. Алупка. Сегодня Кира купалась в море в первый раз с большим удовольствием. Купанье заключается в том, что она ложится на берег, и волна ее обливает. Видимо, это ей полезно, п<отому> ч<то> она вернулась бодрая и веселая.

12-го. Алупка. Сильный ветер. Кира не купалась.

13-го. Алупка. Купалась. В 7 час. веч. пошли в Алупку, в парк, и сделали ошибку, что по жаре пошли пешком. Кира устала, скоро стемнело, и парк не произвел на нее должного впечатления. Зашли на поплавок пить и в 9 ч. уехали домой.

14-го. Алупка. Приходила Е. Н. Рощина-Инсарова.⁷³ Купалась.

15-го. Алупка. Купалась. Обедала у нас. Е. Н. Рощина. Жизнь наша вошла в колею. Время распределяется так: просыпаемся часов в 7 ½—8. Одеваемся и идем в беседку пить чай, п<отому> ч<то> в это время утра наше помещение находится на солнце. Затем в 10 ч. дамы идут купаться и возвращаются вскоре после 12-ти. Напившись содовой воды с вином, отдыхают. В час подают завтрак из двух блюд, в 6 час. обед из трех блюд. Чай пьем в три часа и в 9 час., и в 10 ч. Кира ложится спать. Чувствует она себя здесь превосходно. Жару, которая теперь колоссальна, переносит очень легко. Засыпает скоро и спит прекрасно. Аппетит такой, какого у нее никогда не бывало. Уже в пятом часу она спрашивает, скоро ли обед, несмотря на то, что во втором часу превосходно завтракает. В пансионе ее все очень любят, она со всеми ласкова, вежлива и общительна и целый день гоняет по саду. Очень любит проявлять самостоятельность и гордится тем, что ее одну пускают в лавку, на горе.

<Рукой Киры Владимировны Рышковой:>

1970 г. Как ошибочно впечатление взрослых, до сих пор помню свои переживания, когда ходила покупать лимон и монету надо было класть на каменное блюдце, и я думала, что звук при этом указывает на фальшивость монеты, и переживала, что моя окажется фальшивой, а родители думали, что доставляют мне удовольствие, и я горжусь.

<Рукой Владимира Александровича Рышкова:>

16. Алупка. Купалась.

17. Алупка. Купалась.

18. Алупка. Купалась.

19. Алупка. Купалась.

20. Алупка. Ветер. Кира не купалась.

21. Алупка. Сегодня в 2 ч. 15 м. дня мы двинулись в обратный путь. Выехали на лошадях в Севастополь. Путь проделали такой же, как и 7-го Июля, но из Чаталкоя поехали не на Балаклаву, а старой дорогой прямо на Севастополь. Кира ехала также хорошо, как и в прошлый

раз. К Чаталкою приехали уже когда стало совсем темно, а луна еще не всходила. Здесь она немного взволновалась, п<отому> ч<то> когда привели закладывать лошадей, оказалось, что у одной из них плохо держится подкова. Принесли фонарь и инструменты, и стали ее прикрепить. Эта необычайная картина ее и взволновала. Она спрашивала, не больно ли лошади, будет ли держаться подкова и вообще проявляла беспокойство. Я ее разговорил, и мы поехали уже успокоенные.

На этом последнем перегоне ей, конечно, захотелось спать, но опять шутками и песнями мы ее развлекли, и в 10 час. въехали в Севастополь, а в 10 ч. 20 м. подъехали к гостинице Ветцеля и остановились с нею в № 19. Вскоре после Чаталкою взошла уже луна, и было совсем светло.

Вчера Кира, я и сожитель наш по пансиону Н. Н. Сафонов пошли на полянку ждать выхода луны. Предложила это Кира. Когда она стала появляться на горизонте, Кира пришла в страшный восторг и не знала, как ей поступить. Ей хотелось любоваться зрелищем и в то же время хотелось, чтобы эту картину видела Зина. Она очень волновалась, говорила, что зачем же мама не пошла с нами, вот она уже этой «роскоши» не увидит, п<отому> ч<то> завтра мы днем уже уедем. Я успокоил ее тем, что мама, наверное, тоже откуда-нибудь смотрит на эту картину. Потом это так и оказалось.

22. Севастополь. Хорошо проспав ночь, утром гуляли по Севастополю и в 2 часа пришли обедать с Денисовыми в Морское Собрание. После обеда уложились и в 6 час. вечера выехали в СПб.

23. Ночь проспала превосходно, приехали в 12 ч. 47 м. в Харьков, я с нашими расстался, чтобы ехать в Киев, а наши отправились дальше.

24. СПб. Вечером Кира, Зина, Лида и Люба вернулись в Пб.

25. Приехали в Мустамяки, переночевав в городе.

Сентябрь

1. Переехали с дачи.

8. Нездоровится; в 4 ч. t 37,8; в 6 ч. — 37,9. Дали касторку, в 9½ касторка подействовала; в 10 ч. в<еч>. t 38,3. <...>

22. Взяли для легких занятий немку, которая приходит на 2 часа, играет с Кирой и Анной Мазинг⁷⁴ и слегка занимается.

Октябрь

10. Пошла в гости к Мазинг, в первый раз одна.

11. Зинины именины. Кира легла спать в час ночи.

Декабрь

24. Кира помогала Соне⁷⁵ вкладывать приглашения на Торжественное заседание Академии в конверты и заработала 50 копеек.

25. У нас была елка.

27. Причащалась и вечером была на елке у Мазинг.

Январь

1. Встречала с нами Новый год и легла спать в час ночи.

Февраль

6. У Киры жар; в 4 час. t 38,1; веч. 38,6.
7. Ут<ром> 36,9; дн<ем> 37,4; веч. 37,4. Был д-р Соловьев и сказал, что ничего еще нельзя определить.
8. Ут<ром> 37,1; дн<ем> 37,8; веч. 38.
9. Ут<ром> 36,8; 1 ч. дн<я> 36,8; 3 ч. дн<я> 37,3; веч. 37,9. Соловьев еще ничего не определяет. <...>
11. Ут<ром> 36,8; дн<ем> 38; веч. 37,3. Соловьев определил амбулаторный тифоид. Говорит, что он часто переносится на ногах и тянется довольно долго. <...>
14. У<тром> 36,6; д<нем> 36,7; в<еч>. 36,7; встала с кровати. <...>
17. <утром> 36,1; <днем> 37,2; <веч>. 37,3; был д-р Соловьев и дал касторку. <...>
25. Ут<ром> 36,8, дн<ем> 37,4; веч. 37,2. Вас. Вас. Соловьев приказал опять уложить в постель и держать ее в ней пока t не будет нормальна.
26. Ут<ром> 36,2; дн<ем> 37,1; веч. 37,1.
27. " 36,2; " 37,2; " 36,9.
28. " 36,6 " 37,4 " 37,1. Кира за эту болезнь так выросла, что ей стала мала ее кровать. Сегодня купили ей новую, большую. Сегодня ее именины.

Март

1. Ут<ром> 36,8; дн<ем>> 37,3; в<еч>. 37,1. Д-р Соловьев не видит ничего опасного. <...>
4. <утром> 36,3; <днем> 37,6; в<еч>. 37. Д-р говорит, что все органы здоровы. <...>
8. <утром> 36,6; <днем> 37,4; <веч>. 37,3. Сегодня ее рождение. Приходили многие ее поздравлять, она и сегодня, как и во время всей болезни, весела, бодра, все время играет и вообще не производит впечатления больной. <...>
18. <утром> 36,7; <днем> 37,3; <веч>. 37,1. Был д-р Соловьев. <...>
23. Веч. t 37,1. Д-р Соловьев велел спустить с кровати.
31. <утром> 36,6; <днем> 37,2; <веч>. 36,6. Д-р Соловьев сказал, что можно больше не измерять температуры, что она у нее, вероятно, вообще высока, все внутренние органы у нее здоровы, и чтобы быть совершенно спокойными, надо сделать исследование почек.

Апрель

1. Исследование показало совершенно здоровые почки.
18. Пасха. Кира разговлялась с нами и легла спать в 1 ½ ночи.

Май

1. Зоя Петровна вырвала ей зуб.
4. Переехали на ту же дачу.
6. Выпал еще зуб.

Июль

4. Выехали в Севастополь из Пб, куда приехали из Мустамяки 3 Июля. Ехали во II кл. вагона Международного О<бщест>ва⁷⁶ Зина, Кира, Раиса Алексеевна и Лида, а я рядом в вагоне I класса. Гораздо легче ехать теперь с Кирой по сравнению с прошлым годом. Ей уже все известно, и она с гордостью рассказывала бабушке, как все будет. Очень веселилась, когда бабушка делала вид, что пугается тоннелей перед Севастополем.

6. Приехали в Севастополь и остановились в прошлогоднем № 19 в гост<инице> Ветцеля. Целый день мы с Кирой бродили по Севастополю, который она отлично помнит. Обедали на Приморском бульваре.

7. Кира спит очень беспокойно. Не знаем, действует ли на нее так жара или в этом надо искать другую причину. Обедали на Приморском бульваре, там же ужинали, и вечером Кира была на музыке до 10 час.; днем подробно осматривали Аквариум (Севастопольскую биологическую станцию). Чтобы узнать причину беспокойного сна, повели ее к доктору Молдавскому.⁷⁷ Он ее всю выслушал, нашел совершенно здоровой, но сказал, что надо ее хорошенько питать. Говорит, что видно, что это петербургский ребенок. Советует ехать в Симеиз.

8. День провели в Севастополе.

9. В 10 ½ ч. утра выехали на парном извозчике в Симеиз. В 3 часа приехали в Байдары, там обедали и до 5 ч. кормили лошадей, а в 8 час. вечера приехали в Новый Симеиз. До приискания помещения остановились в гост<инице> «Эльвира».⁷⁸

10. Утром Зина и Лида отправились искать комнаты и нашли чудное помещение в Villa Рапеа. Это дача Сабашникова,⁷⁹ в которой держит пансион д-р Георгий Андреевич Владыков. После обеда мы туда переехали.

11. Устраивались. Днем купались в море.

13. Купалась в море.

14. То же.

15. Купалась в море. Была на любительском спектакле. Шла инсценировка русских сказок.

<Здесь в тексте вклеен билет: Новый Симеиз Театр Обществ<енного> парка. Билет № 34. Ряд 2.>

16. Захолодало. И так как д-р Молдавский сказал, чтобы она в море купалась только в том случае, если t будет не ниже 17°, то купалась в ванне, вода в которой нагревается солнцем до 20°.

17. Купалась в ванне.

18. Сильный ветер. Не купалась.

19. Купалась в ванне. Днем каталась первый раз на осле верхом.
20. Купалась в ванне. Небольшой насморк.
22. Не купалась. Насморк сильнее.
21. Купалась в ванне. Насморк меньше.
23. Не купалась, но обтиралась морской водой.
24. Купалась в ванне.
25. Купалась в ванне. Весит 1 п. 15 ф.
26. Купалась в ванне. Каталась на осле.
27. Ночью заболел живот, поставили клистир и компресс. Не купалась, на диете.
28. Встала, и сделалось дурно, позывало на рвоту, потом расходилась. Не купалась.
29. Купалась в ванне.
30. Опять встала несколько тяжело. Жалуется на боль под ложечкой и на голову. Призывали д-ра Тюльпина.⁸⁰ Он ее выслушал очень подробно и сказал, что это у нее просто тяжелый рост. Велел продолжать тот же режим и посоветовал пить кефир.
31. Купалась в ванне. С сегодняшнего дня пьет кефир.

Август

1. Купалась в ванне.
2. Не купалась, холодно и пасмурно. Весит 1 п. 13 ф.
3. Холодно, не купалась.
4. То же.
5. Купалась в ванне.
6. То же.
7. Купалась в море, п<отому> ч<то> 18°. Днем 45 мин. каталась на осле.
8. Купалась в ванне.
9. Купалась в ванне и в море.
10. Купалась в ванне. Каталась 1 ч. на осле.
11. Купалась в море.
12. Купалась в море. В 2 ½ ч. выехали из Нового Симеиза в Ялту. Было жарко, но дорогу выдержала хорошо и бодро. В Ялту приехали в 5 ч. дня. Обедали на поплавке гост<иницы> «Франции». Остановились в гост<инице> «Мариино».
13. Ездили в Никитский Сад.
14. День провели в Ялте.
15. В 8 ½ ч. утра уехали на извозчике в Севастополь. Ехала очень бодро и весело. Приехали в 7 ½ ч. вечера и остановились в № 16 гост<иницы> Ветцеля и в 10 ч. легли спать.
16. Встали в 9 час., гуляли, в час обедали на Приморском бульваре, затем укладывались, в 4 ½ ч. уехали на вокзал и в 6 ч. в<ечера> отправились в купе вагона Международного О<бщест>ва с курьерским поездом из Севастополя в Пб.

18. Приехали в Пб.
19. Приехали в Мустаяки.

Сентябрь

Переехали в Пб.

4. У Киры как будто жар. 37,3.
5. Небольшой насморк.

20. С Кириным учеьем решили поступить так: вести ее, сколько возможно дома, так, чтобы она проходила курс пансиона Кебке.⁸¹ Зина была у начальницы пансиона и просила ее рекомендовать нам молодую барышню. С сегодняшнего дня Кира и Анна Мазинг начали серьезно заниматься. К ним приходит проходить курс Герта Оскарловна Вельц, кончившая пансион в прошлом году. Они будут заниматься с 10 ½ до 12 ½ ч. дня, а вечером готовить уроки на завтрашний день.

21. Была в Кинематографе.

<Здесь вклеен билет в кинематограф на дневное представление стоимостью 50 коп.: «Edison Theater». М. Конюшенная 3. Билет № 134. Ряд 6.>

Декабрь

22. У Киры появилась какая-то сыпь.

23. Сделались красные пятна на теле. t 36,8. Должен был приехать В. В. Соловьев, но не был.

24. Ночью вырвало. Пятна больше и перешли на лицо. Днем опять вырвало. t у<тром> 36,8; дн<ем> 38,5; в<еч>. 38,7½. В. В. Соловьев определил крапивную лихорадку.

25. Ночью очень чесалось и спала беспокойно. t у<тром> 37,2; дн<ем> 37,5; в<еч>. 38,7. Днем на лице появилось пятно и к вечеру стало больше.

26. Плохо спала, чесалось. t у<тром> 37,2; дн<ем> 37,3; в<еч>. 36,9. Лихорадка не высыпала.

27. Спала хорошо и долго. t у<тром> 36,5. Спустили с кровати.

1911 г.

Январь

1. Встречала Новый Год и легла спать в час ночи.

30. Была на крестинах Владимира Мазинга⁸² до 11 час. веч.

Февраль

8. С утра чувствует себя нехорошо. t у<тром> 37,8; д<нем> 38,6 и в<еч>. 37,4. Был В. В. Соловьев и пока ничего не определил. Давали касторку и на живот клали компресс.

9. Утром т 36,5; д<нем> 37,4; веч. 39,2. Соловьев позволил дать поест. Съела куриного бульону с курицей и кисель, и к вечеру жар поднялся.

10. т утр<ом> 36,8; д<нем> 36,6; в<еч>. 36,4. Соловьев позволил давать только чай и сухари. Вечером молилась Богу и, читая молитву после обеда, при словах «яко насытил нас земных твоих благ», остановилась и сказала: «Какие же это блага: чай и сухари!..» <...>

12. т у<тром> 36,6; д<нем> 36,7 и в<еч>. 36,9. Завтра спустим с кровати.

20. Первый раз говорила по телефону с Галей.⁸³

Апрель

8. Сегодня исповедовалась в первый раз у настоятеля Университетской церкви, протоиерея Василия Гавриловича Рождественского;⁸⁴ спрашивал, знает ли она «Отче наш» и «Богородицу» и молится ли за мать и отца.

9. Приобщалась со мною в Унив<ерситетской> церкви; держится серьезно и сосредоточенно.

10. Разговлялась с нами. Бодро дождалась нас из церкви и легла спать в 1 ч. 30 м. ночи.

23. Была в Кинематографе.

Май

16. Переехали на дачу.

Июль

7. Вечером, с поездом 11 час., выехали по Николаевской ж. д. в Москву, направляясь в путешествие по Волге.

8. В Москву приехали в 10 ч. утра и с вокзала отправились на квартиру к П. Н. Казину⁸⁵ (Б. Чернышевский пер., д. гр. Уваровой). В 1 час дня поехали с Казиним завтракать в «Эрмитаж»,⁸⁶ а потом Кира, Зина, я и Лида пошли пешком в Кремль. Осмотрели Царь-Пушку, Царь-Колокол, соборы и колокольню Ивана Великого, памятник Александру II,⁸⁷ Красную площадь, Василия Блаженного и вернулись домой. Напившись чаю, рано легли спать.

9. В час дня пошли с Казиним завтракать в «Эрмитаж». С нами завтракал и А. А. Бахрушин⁸⁸ и приходил Вл. Вас. Максимов.⁸⁹ Просидели долго и вернулись домой. Вечером в 9 час. уехали на Курский вокзал и с поездом в 11 ч. уехали на Нижний Новгород.

10. Приехали в Нижний Новгород в 7 ч. 50 м. утра и с вокзала через город уехали на пристань «О<бщест>ва Кавказ и Меркурий». В 12 час. дня на пароходе «Александр II» отвалили вниз по Волге.

11. Весь вчерашний день и сегодня едем на пароходе. Ночь Кира проспала отлично. Она, Зина и Лида едут в отдельной трехместной каюте, а я в одноместной. На остановках мы ходим с нею на пристани.

Она всем очень интересуется, хотя настаивает на том, что на железной дороге ехать веселее. Однако ей и здесь очень нравится.

12. Приехали в Самару в 6 ч. 30 м. утра и с пристани отправились в гостиницу «Grand Hotel». Позвонили по телефону к Осоргиным, приехала А. В. и потребовала, чтобы мы переехали к ним, в квартиру их сестры⁹⁰ (угол Панской и Вознесенской у<л.>, д. гр. Толстой № 19), что мы и исполнили. Вызвали находившегося в кумысной лечебнице Постникова⁹¹ П. С. Буравцова, затем приехал Н. В. Осоргин с женой, и мы решили справлять мои именины шампанским. Вечером пошли прогуляться по городу.

13. Провели день в Самаре. Гуляли, осматривали город, театр, собор, были с визитом у Н. В. Осоргина, затем обедали дома и вечер провели там же до 4-го часа ночи, дожидаясь отхода поезда. Одно время очень хотела спать, но мы ее всячески развлекали, и она дождалась отъезда на вокзал. Купе II кл. не оказалось, и мы поехали в I кл. через Тулу на Москву.

14. Ехали весь день благополучно. В 9 час. веч. на каком-то полустанке испортился локомотив, и мы простояли 1½ часа, пока не пришел новый.

15. Приехали в Москву. Справляли мои именины обедом в «Эрмитаже». Были В. В. Максимов и В. К. Божовский.⁹² Вечером в вагоне «Международного О<бщест>ва» выехали в Пб.

16. Приехали утром в Пб и днем в Мустамяки.

30. Кажется, у Киры начинается коклюш. 17-го Июля мы праздновали шоколадом наше возвращение, были дети Мазинг и Чистович, и у Сережи Ч<истовича> был какой-то подозрительный кашель. Теперь у него уже несомненный коклюш. Сегодня начала кашлять и Кира. А быть может, это кашель после насморка, который она схватила в Самаре.

Август

3. По-видимому, коклюш.

5. Коклюш несомненен.

12. Кашель все эти дни усиливался, и в ночь на сегодня кашляла уже задыхаясь, и один раз ее вырвало. Но весела и переносит болезнь легко.

14. В ночь на сегодня очень кашляла. Всего за ночь было 6 приступов, из них несколько с задыханием и рвотой. День проходит гораздо легче.

15. Ночью кашляла легче, но все же часто. Днем кашляет легко.

16. Ночью кашляла 5 раз.

17. Днем, во время кашля, вырвало.

18. Ночью было одно задыхание. Вообще, коклюш в легкой форме.

20. Ночи стали легче, хотя приступы кашля также часты.

21. То же.

22. То же.
23. То же.
24. То же.
25. Вчера вечером был порядочный приступ с задыханием, а ночью частый незначительный кашель. Очень радуется коклюшу, п<отому> ч<то> может играть с детьми Чистович!
26. Днем 4 раза вырвало.
27. Ночь неважная. До 4 часов было 4 приступа.

Сентябрь

1. Эти дни кашель легче. Вчера вечером был приступ, и немного вырвало. Ночью кашляла несколько раз легко.
3. Насморк. Коклюш, видимо, кончается.
6. Насморк лучше, но из-за него труднее кашлять. Ночью вырвало.
8. Сегодня коклюшу минуло 6 недель, и мы переехали с дачи.
10. Редкий, обыкновенный кашель.
14. Была в Кинематографе. Коклюш прошел. Обыкновенным кашлем кашляет 3—4 раза в сутки. Несколько похудела.

Ноябрь

26. Ночью был небольшой жар и вырвало. Утром t 38; д<нем> 36,8; в<еч>. 36,8. Поставили клистир и компресс.
27. Утром t 36,8. Спустили с кровати.
29. Сегодня Кира подписала первую бумагу. Г-жа Павлищева, жена Л. Н. Павлищева, племянника Пушкина, подарила мне стеклянный поднос Пушкина. Я подарил его Кире, чтобы она от своего имени пожертвовала его в Пушкинский Дом. Заявление об этом пожертвовании она и подписала.⁹³

Декабрь

24. Была у всенощной в Университетской церкви, а затем на елке у Мазинг.
25. Елка у нас.
26. Днем была на елке у Лени.
27. Сегодня была первый раз в Мариинском театре, днем на балете «Спящая красавица».⁹⁴ С нами были Осоргины и Мазинги.⁹⁵ Очень понравилось и, видимо, произвело впечатление.

1912 ГОД

Январь

4. Со 2-го Января кашель и насморк.
8. t дн<ем> 38,4; веч. 38,1. Положили в постель.
9. Ночь провела хорошо. t у<тром> 36,6; д<нем> 37,2; в<еч>. 36,9.
10. t у<тром> 36,5. Встала с постели.

Март

4. Была на вечере в гимназии Кебке. Поехала с Зиной, Анной Карловой и Анной к 6 ч. и вернулась в 10½ ч. в<еч>.

8. Сегодня рождение Киры. Были дети Мазинг и Сергея.⁹⁶ Кира организовала представление Красной Шапочки, читала стихи и была очень весела. Вообще, за последний год она очень развернулась. Удивительно ласковый и послушный ребенок. Учится очень хорошо все с той же Г. О. Вельц.

14. Снималась в фотографии в костюме Красной Шапочки.⁹⁷

18. Сегодня в ночь немного болел живот, при почти нормальной температуре. Поставили компресс и дали слабительное. Встала бодрая, t 37,2.

23. Исповедовалась в Университетской церкви.

24. Приобщалась там же.

25. Кира разговл<ялась> с нами. <...>

30. t у<тром> 37,6; д<нем> 37,8; в<еч>. 37,1. Был В. В. Соловьев и ничего пока определить не мог.

31. t у<тром> 38,5; д<нем> 38,3; в<еч>. 37,1.

Апрель

<...>

2. Ночь спала плохо. Проснулась в 4½ ч. утра. Был В. В. Соловьев, пока не предвидит ничего опасного и заразного. t у<тром> 39,5; д<нем> 37,7; в<еч>. 39,6. Заснула в 8 ч. вечера.

3. Ночь спала спокойно и на ощупь без особого жара. t у<тром> 37,2 и 38,1; д<нем> 37,2; в 10 ч. в<еч>. 36,7. Был В. В., болят железы. <...>

5. t у<тром> 39,5; д<нем> 38,3; в<еч>. 37,2. В. В. определяет ангину и воспаление желез.

6. t у<тром> 40; д<нем> 38,6 в 12 ч. и 37,5 в 3 ч. Повышение t замечается по утрам. <...>

12. t у<тром> 37,1; д<нем> 37,2; в<еч>. 37,2. Каждый день бывал В. В. Соловьев. <...>

14. t у<тром> 35,8; д<нем> 37,1; в<еч>. 37. Встала с постели.

15. t у<тром> 36,1; д<нем> 37,2; в<еч>. 36,7. Смотрел В. В. <...>

18. t у<тром> 36,5; д<нем> 37,2; в<еч>. 37. Был В. В. и находит, что, так как все время t была несколько повышенная, нужно держать в постели. <...>

21. t у<тром> 36; д<нем> 37; в<еч>. 37,2. В. В. находит, что есть еще закупорка желез.

22. t у<тром> 36,3; д<нем> 37,2; в<еч>. 37,3; был В. В. <...>

26. t у<тром> 36; д<нем> 37,3; в<еч>. 36,3. Был В. В. и разрешил встать. Говорит, что теперь нужно длительное лечение, чтобы уничтожить причины воспаления желез, что t держится немного выше нормальной, и это указывает на то, что железы не в порядке. К вечеру Кира встала с постели.

Май

1. Был В. В. Соловьев.
7. Первый раз вышла погулять.
12. t у<тром> 36,9; д<нем> 37; сделали ванну. <...>
14. Был В. В. и разрешил переехать на дачу.
16. Переехали на прошлогоднюю дачу. С нами переехали и З. и А. Осоргины и поселились рядом, на даче у Мазинг.

Сентябрь

2. Лето Кира провела великолепно. Все время была здорова и весела и значительно окрепла и поправилась. Сегодня переехали с дачи.
18. Сегодня Кира держала первый экзамен в гимназии Кебке, чтобы поступить в класс. Экзамен она выдержала, но только еще слаба в немецком разговорном языке. Я подарил ей часы. В гимназию она ходить не будет, а будет зиму проходить курс с Г. О. Вельц.

Октябрь

15. Вчера сделался насморк, а сегодня t у<тром> 37,8; д<нем> 37,8; в<еч>. 38,2. Был В. В. Соловьев и говорит, немного воспалена носоглотка. Решили несколько дней измерять t. <...>

Декабрь

6. Знакомая гувернантка Осоргиных познакомила Киру со своей воспитанницей Евгенией Лесневской, которая была у нас, и сегодня Кира уехала в час дня к ней с горничной Настей.
15. Была у Осоргиных.
23. Кира и я ходили сегодня осматривать Эрмитаж. Меня очень радует, что красивые старые вещи очень ей нравятся, и она их с большим интересом рассматривает. Живопись производит меньшее впечатление.
24. Была на елке у Мазинг.
25. Елка у нас.
28. Была днем в Мариинском театре на балете «Конек Горбунок».⁹⁸

1913 г.

Январь

1. Встречала Новый Год и легла спать в 1 ч. 30 м.

Март

23. Была на именинах у Лиды⁹⁹ и осталась там ночевать.
24. Была у Лесневских и вернулась в 8½ ч. веч.

Апрель

1. Сегодня у нас обедали артисты Александринского театра Ю. М. Юрьев,¹⁰⁰ Б. А. Горин-Горяинов¹⁰¹ и А. Н. Лаврентьев.¹⁰²

3. Была на концерте в I Кадетском корпусе.
4. Ездил к брату Михаилу, который после операции глаз находится в Клинике Елены Павловны.¹⁰³ Ездил с Зиной.
7. То же со мной.
12. Исповедовалась в Университетской церкви.
13. Приобщалась.
15. Сегодня Кира, Зина и я с Мазингами отправились на Сестрорецкий курорт, там обедали и вечером вернулись домой.
16. Утром проснулась с жаром. t 38,8. В 7 час. веч. t 39. Давали касторку. В течение дня спала по часу. В. В. Соловьев определил ангину. Заснула в 12 час.
17. Ночь спала спокойно и проснулась в 7 час. у<тра>. Был В. В. t нормальна.
18. t нормальна.
22. Решили, чтобы она походила неделю в гимназию Кебке, там ее проверят и решат, к какому классу она готова. Сегодня пошла туда в первый раз.
- 23 и 24. Была в школе. Я подарил Кире щенка таксу, род. 24 Марта. Назвали Стоп.
- 25, 26 и 27. Была в школе и принесла свидетельство, по которому принята с будущего года во II класс.
29. Сегодня у нас обедал актер Уралов¹⁰⁴ и полицеймейстер Александринского театра П. В. Яфимович,¹⁰⁵ которые звали Киру на завтра смотреть Уралова в «Ассамблее».¹⁰⁶
30. Кира была на «Ассамблее» в ложе бельэтажа № 22. С нею были Зина, Лида, Р. А., О. М. Быстревская,¹⁰⁷ Г. О. Вельц и Е. О. Лазаревская. Кире театр очень понравился.

Май

21. Переехали на прошлогоднюю дачу.
25. Сегодня к Кире приехала для практики в немецком языке ученица 7 класса гимназии Кебке Эмилия Вильгельмовна Л<a>ббе.¹⁰⁸

Июль

13. Утром уехали в Выборг, там завтракали на Эспланаде и затем уехали на Иматру, куда приехали к обеду.
14. Весь день на Иматре.
15. Утром уехали, пробыли в Выборге и вечером вернулись домой.
17. У Киры нарывает флюс.
22. Эти дни флюс нарывал и болел, но нарыв не прорвался, а по мнению С. Я. Чистовича, гной вышел через зуб.

Август

5. Со 2-го Августа насморк.
27. Переехали с дачи.

Сентябрь

2. Сегодня Кира начала посещать гимназию Кебке уже в качестве постоянной ученицы. Ходила на молебн.

28. Снималась группой со своим классом для предстоящего юбилея гимназии. Жалуется, что болит ухо.

29. Очень страдала всю ночь и заснула только к утру. В. В. сказал, что был нарыв. t немного повышена.

30. Ночь и день провела спокойно, к вечеру опять заболело ухо.

Октябрь

1. Ночью опять были боли, но меньше прежних. В. В. определил другой нарыв, но не такой глубокий. t нормальна.

2. Болей нет, t нормальна.

4. Пошла в гимназию.

8. В 6 час. веч. была в гимназии на панихиде, по случаю кануна юбилея.

9. В 2 ч. была с Зиной на акте в зале Шведской церкви.¹⁰⁹

10. В 5 час. ушла на праздник в гимназии по случаю юбилея и вернулась в 10 ч. в<еч>.

19. Сегодня мы с Кирой поехали в театр А. С. Суворина.¹¹⁰ Я хотел ей показать одноактную пьесу Виктора «Что узнали старушки»,¹¹¹ которую она слыхала в чтении летом. После пьесы шла комедия «Почему они втроем»,¹¹² но я с ней не остались. Очень не хотела уезжать.

29. Не ходила в гимназию из-за расстройства желудка.

Декабрь

1. Была в Александринском театре на «Ассамблее».

31. Была на елке для служительских детей в Академии. З. В. Осоргина привезла брата и сестру гр. Татищевых,¹¹³ которые потом обедали у нас.

1914 ГОД

Январь

26. Была с З. В. Осоргиной у Татищевых.

Февраль

20—23. Заболела краснухой.

Март

18. Проснулась утром с температурой 39,1. Тошнит, и болит голова. Днем t 39,4; в<еч>. 39. В. В. определил ангину. Заснула в 9 ч. в<еч>.

19. Спала беспокойно. У<тром> t 38,5; д<нем> 39,6; в<еч>. 39,7. Был В. В.

20. Ночь спала лучше. t 38,4; 39,3 и 39,1. Был В. В.

21. Спала спокойно, без перерывов. t 38; 38,5; 37,6. Был В. В. <...>
23. t 36,8; 37,3; 37,4. Самочувствие хорошее, весела. <...>

Апрель

8. Только с 6 Апреля добились наконец нормальной температуры. С 29 же Марта было: 1 Апр. днем 37; 2-го то же; 3 веч. 37; 4-го у<тром> 37; дн<ем> 37,2; 5-го дн<ем> 36,9.

Май

6. Ездили погулять в Павловск, где и обедали. Между прочим, я пошел с нею показать ей дворец и, говоря о нем, сказал, что он очень стилиен. Спohватившись, что она могла не понять это слово, я спросил ее, как она понимает это слово. Она ответила:

— Так, чтобы одно шло к другому. Вот если бы, например, этот дворец окрасили в голубой цвет, то потому что он в зелени и у него зеленая крыша, — все это было бы некрасиво вместе.

8. Кира перешла в 3-й класс. Для усовершенствования в немецком языке ей дана на лето работа. Я подарил ей на память браслет.

12. Переехали на прошлогоднюю дачу в Мустамяки.

14. К вечеру у Киры сделался жар. <...>

16. t у<тром> 38,3; д<нем> 38,4; в<еч>. 38,7. Приходил доктор С. Я. Чистович и предполагает ангину.

17. t у<тром> 39,2; в<еч>. 39,7. Появилась какая-то сыпь, предполагаем корь, но Чистович говорит, что ее определить пока нельзя.

18. Чистович определил корь.

19. Началось высыпание.

22. В ночь высыпание кончилось, t нормальна.

Июль

19. После напряженных дней сегодня объявлена война с Германией.¹¹⁴ У нас в Финляндии началась паника и бегство в Пб. Два поезда в день идут до невозможности переполненными. Решили выжидать события.

23. Сегодня вернулись в Пб. Очень уж напряжены нервы.

28. Три дня был насморк.

Август

1. Так как Англия объявила тоже Германии войну, и поэтому Финляндия находится в относительной безопасности, то сегодня Зина, Кира и Э. В. Л<а>ббе вернулись на дачу.

26. Сегодня вернулись с дачи.

Сентябрь

1. Пошла в гимназию.

13. Когда уходила в гимназию, Зине показалось, что ей нездоровится. В гимназии чувствовала себя нехорошо, но просила не говорить нам по телефону, боясь нас напугать. Приехала в 3 ч. т 38,4, болит горло и голова. Был В. В. и определил ангину.

14. Ночь очень горела и томила и успокоилась только к 6 ч. у<тра>. т 37,9; 39; 38,4. Сегодня бодрее, чем вчера. Был В. В.

15. Спала спокойнее прошлой ночи, просыпалась несколько раз и опять скоро засыпала. Утром жаловалась на горло. Проснулась вялая. т 37,7; 38,4; 37,7. Был В. В.

16. Общая т 37,9. <...>

18. т 36,8; 36,8; 37,1. Был В. В.

20. После двух дней нормальной т встала с постели в 5 ч. веч.

Ноябрь

2. По случаю Воскресенья в гимназию не ходила и что-то скучна.

3. т 37,4; 37,8; 38,3. Ничего не болит. <...>

6. Ночь спала плохо, томила. т 36,7; 36,9; 36,8. Был В. В. и определил инфлюэнцу.

7. т нормальная.

8. То же.

9. То же.

10. Вечером т 36,9. Все-таки вялая и, видимо, не поправилась еще. Решили неделю выдержать дома, пока не будет бодрее и веселее.

23. Все как-то нездоровится, вялая. 15-го и сегодня был В. В. и определяет вероятное лихорадочное состояние.

25. <Записи нет.>

Декабрь

1. Пошла в школу.

6. Была в цирке, и нельзя сказать, чтобы понравилось, — смеялась над клоунами.

23. т 39. Ни на что не жалуется.

24. т нормальна. Был В. В.

1915 ГОД

Январь

30. Была в Александринском театре на «Горе от ума» и в антракте со мною в уборной у Ю. М. Юрьева.¹¹⁵

Февраль

13. Хрипота и насморк.

19. Прививали оспу.

23. Пошла в гимназию.

Март

5. Кира первый раз видела раненых на концерте в Лазарете.¹¹⁶
8. Была в Александринском театре на «Недоросле».¹¹⁷
19. В Лазарете Академии на чтении 12 Евангелий.¹¹⁸
20. Исповедовалась в Университетской церкви.
21. Приобщалась и в 6 час. была у заутрени в Лазарете.
22. Пасха. Была в Лазарете и раздавала подарки.
25. В Александринском театре на «Ревизоре» вдвоем с Милочкой.¹¹⁹

Май

5. Была на похоронах г-жи Бианки¹²⁰ в лютеранской Петропавловской церкви.¹²¹
8. Переехали на прошлогоднюю дачу.

Июнь

5. Зина уехала до 13 Июня на дежурство в Лазарет. Первый раз расстались на неделю.

Август

27. Переехали с дачи. На даче еще появились какие-то струпики на лбу (два). Вас. Вас. определяет лихорадку.

Сентябрь

1. Пошла в гимназию.
27. Заболела свинкой.

Октябрь

18. Была на «Горе от ума» в Александринском театре с Н. Чистович и А. Мазинг.

Ноябрь

22. Была опять на «Горе от ума».

Декабрь

6. Была в Александринском театре на «Ревизоре» и в уборной у Уралова.
11. t у<тром> 38,2; д<нем> 38,5; в<еч>. 38,5. Был В. В. и определяет простуду. <...>
13. t у<тром> 38; в<еч>. 38,1. Вас. Вас. Катар носоглотки. <...>
17. t нормальна.

1916 г.

Январь

1. В Александринском театре на «Лесе».¹²²

3. Тоже, на «Горе от ума».
28. Вечером t 39. <...>
30. t у<тром> 38,4; д<нем> 39; в<еч>. 38,6. В. В., ангина. <...>

Февраль

- <...>
2. t нормальна.
 3. Вечером в 7-м часу t 37,7. Легла в постель, горела и жаловалась на голову.
 4. t 37,2; 38,4; 37,8. Ночь провела плохо, горела и сильно болела голова. Был В. В.
 5. t 37,2; 38,2; 38. Голове помог ментол около 7 час. веч. В 12 час. Хорошо заснула.
 6. t 38,5; 38,3; 38,3. Ночь провела спокойно. Большую часть спала.
 7. t 37; 37,4; 37,1. В. В., катаральная ангина.
 8. Рождение. 37,4; 37,3; 36,8. <...>
 11. t 36,6; 36,7; 37,2 в 8 час. веч., а в 10 ч. 36,8. Днем встала. <...>
 19. В Александринском театре «Женитьба» и «Завтрак у предводителя».¹²³
 20. То же, «Горе от ума».
 22. Пошла в гимназию.

Март

20. Анна Мазинг подарила Кире черного такса (Стоп), которого сегодня привезли.

Апрель

1. Веч. t 37,8.
2. t нормальна.
9. Была первый раз у заутрени в Университетской церкви, перед тем там же говела.
23. Были с Кирой в Музее Императора Александра III.¹²⁴
24. В Александринском театре на «Горе от ума» и в Ботаническом саду с Любой.

Май

27. Переехали на прошлогоднюю дачу. С нами для французского языка поехала Зинаида Васильевна Грекова.

Август

26. Вернулись с дачи.

Сентябрь

1. Пошла в гимназию.
9. В Александринском театре «Плоды просвещения»¹²⁵ в ложе № 1 бельэтажа.

Октябрь

7. То же, «Месяц в деревне»¹²⁶ в ложе № 35 бельэтажа.

Ноябрь

6. Вчера и сегодня чувствует недомогание.
7. Болит горло. t у<тром> 37,3; в<еч>. 36,9; а в 11 ч. 37,8.
8. То же.
9. t 38.
10. t 38. Был В. В. Соловьев и определил катаральную ангину.
13. Температура нормальна, встала.

Декабрь

28. В Александринском театре «Добрый барин» и «Женитьба Бальзаминова»¹²⁷ в ложе № 1 бельэтажа.
27. Там же «Горе от ума».
18. Там же «Волки и овцы» на месте Карпова.¹²⁸
4. То же «На всякого мудреца довольно простоты».¹²⁹

1917 Г.

Январь

8. Утром в Александринском театре «Волки и овцы». <...>

Февраль

<...>

6. t у<тром> 38,5; д<нем> 39,2; в<еч>. 38; был В. В. Соловьев, предполагает что-нибудь легочное.
7. t у<тром> 39; д<нем> 39,2; в<еч>. 39,8; В. В. решает, что это суставный ревматизм.
8. Ночь спала очень плохо. Болят суставы до крика, их приходится бинтовать, повернуться сама не может. t у<тром> 38,8; д<нем> 39,4; в<еч>. 39,5; но боли потише.
9. Ночь опять болезненна. Приступы переходят от одного сустава на другой. t у<тром> 39,1; д<нем> 39,2; в<еч>. 39,5. С 9 час. у<тра> успокоилась и чувствует себя значительно лучше. Приступов не было за весь день. К вечеру заболели плечи. С 10 ч. в<еч>. начала томиться.
10. Спала с 12½ до 10 ч. по часу, с короткими перерывами. Немного бредила. t у<тром> 38,3; д<нем> 38,8; в<еч>. 38,8. Днем болели плечи, к вечеру сильная испарина и стало лучше. Ворочается сама.
11. Проспала всю ночь, просыпаясь только для того, чтобы повернуться на другой бок. t у<тром> 37,8; д<нем> 38,1; в<еч>. 38,3. Чувствует себя гораздо лучше. Был В. В. Соловьев.
12. Спала хорошо. t у<тром> 37,5; д<нем> 37,3; в<еч>. 37,4.

13. Спала хорошо. т у<тром> 36,6; д<нем> 36,4; в<еч>. 37. Был В. В. Соловьев. <...>

16. Встала.

Март

18. Была с Варей Буравцовой в месте за креслами № 35 в Алекс<андринском> т<еатре> на «Ночном тумане».¹³⁰

31. Исповедовалась в Университетской церкви.

Апрель

1. Там же приобщалась.

2. Там же у заутрени.

5. В Алекс<андринском> т<еатре> «Маскарад»¹³¹ в кресле № 34.

18. Там же «Тот, кто получает пощечины»¹³² место за креслами № 53.

30. Там же, «Ночной туман» в 2 ряду № 31.

Май

<Далее пояснение Владимира Александровича Рышкова с уточнением хронологии двух его следующих записей — от 24 мая и 3 сент.:>

Это относится к 1918 г., а 3 Сент. переехала из Мустамьяки, куда приехала 24 Мая 1917 г.

24. Переехала с Зиной на дачу, на Лахту, на полустанок «Ольгино». Сняли две комнаты наверху и живут там вдвоем, с ними и кухарка Ольга.

Сентябрь

3. Вернулась в город. Почти весь Июль до 10 Августа прожила на даче одна с Ольгой, п<отому> ч<то> Зина ухаживала за умиравшим Леней и вернулась на дачу уже после его похорон. Я тоже бывал у Киры раза 2—3 в неделю.

<Сентябрь>

<Далее продолжение записей, относящихся к 1917 г.:>

7. Пошла в гимназию.

Октябрь

3. В Михайл<овском> т<еатре> «Вишневы сад».¹³³

10. В Александр<инском> т<еатре> «Месяц в деревне».

Ноябрь

25. Первый раз ела конину.

Декабрь

31. В Музык<альной> драме на «Сказках Гофмана».¹³⁴

1918 Г.

Январь

8. После долгого перерыва из-за отсутствия топлива ходила в гимназию, но опять распустили до 12-го.

12. Ходила в гимназию, в классах холодно. Решили, что пока не потеплеет, ходить не будет.

Февраль

4. Была в Университете на устроенном там суде над Рудиным.¹³⁵

Апрель

20. Исповедовалась в Университетской церкви.

21. Приобщалась. Пошли к Лене встречать Пасху, но заболел живот и к заутрене не ходила.

22. Весь день с полудня пролежала.

23. Встала.

24. Вернулись домой.¹³⁶

Сентябрь

11. Ночью сильно горела. Утром у 39,4; был В. В. Соловьев и определил инфлуэнцу. <...>

14. Встала. <...>

17. t нормальная, встала.

Октябрь

3. Так как распоряжением правительства гимназию Кебке закрыли, определилась в Реформатское уч<илище>,¹³⁷ куда сегодня и пошла.

7. Решили, чтобы училась не в Реформатском уч<илище>, а в бывшей гимназии Могилянской,¹³⁸ теперь школа 2-й ступени.

По новому стилю.

1919 Г.

Апрель

18. Исповедовалась в Университетской церкви.

19. Там же приобщалась и была у заутрени.

Июль

15. Пошла работать в Этнографический музей, где будет заниматься под руководством С. М. Дудина.¹³⁹

27. Смотрела в Паллас-Театре¹⁴⁰ в первый раз оперетку. Давали «Нахала» с Монаховым.¹⁴¹ Вернувшись, чувствовала недомогание.

28. Лежит. Был д-р Г. И. Барнель¹⁴² и определил колит. Придется лежать две недели.

29. т невысокая.

30. То же, был д-р Барнель.

Август

10. Встала. За эту болезнь первый раз лечилась не гомеопатией, т. к. В. В. Соловьев скончался, и в гомеопатических аптеках почти нет лекарств.

18. С 20-го Августа Кира оставит занятия в Этнографическом музее и переходит работать в Пушкинский Дом.¹⁴³ Затем ей предстоит поступить в Университет и, таким образом, она вступает в самостоятельную жизнь. Поэтому сегодня я передаю ей этот дневник и мой ей дружеский совет не бросать ведение его.

Как бы я был рад, если бы у меня был дневник моего детства и ранней юности...

Итак, дорогой Киринок, бодро и смело иди в сознательную жизнь!..

<Далее записи Киры Владимировны Рышковой.>

18 августа 1919 г. Петроград.

Папа мне отдал этот дневник, но продолжать я его не буду, т. к. с 1917 г. веду свой дневник, гораздо более полный и для меня более интересный, чем хронологическое описание событий и болезней моей жизни; я считаю главной темой дневника душевные переживания, но сама лично как-то не могу многих своих душевных переживаний воспроизвести на бумаге, и потому почти исключительно посвятила свой дневник театру; я в нем пишу свои впечатления и все факты из жизни артистов, которые узнаю от папы, и думаю, что если даже со временем историк театра и не извлечет из него пользу, в чем я сомневаюсь, то мне самой будет приятно прочесть о своих впечатлениях и возобновить в памяти факты из жизни артистов, которыми я увлекалась в молодости и увлечение которыми положило во мне твердое намерение и безумное желание посвятить себя их деятельности и добиться того, чтобы стать артисткой, как бы это мне ни было трудно.

Театр мне дает такое утешение в теперешней ужасной жизни, что отказаться от своей, может быть, только мечты, я не могу. Думая о театре, я забываю и мне становится безразличны все охи да ахи и голод, который и вызывает то, что все дома изводят бедную маму, мысль о которой вызывает слезы, так мне ее жаль. И атмосфера нашей жизни на меня действует удручающ<е>, потому что я их не понимаю, и я завидую папе, который, мне кажется, думает так же, как я, что он большую часть дня не бывает дома и в это время бывает занят делом, которое ему по душе, и видится с людьми, не унывающими, как делает и он. Я так пишу, а между тем сердце обливается кровью при мысли, как мама изводится, и как она изменилась. Боже! Чтоб я дала, чтобы жить только с папой, мамой и бабушкой Литейной!¹⁴⁴ Ну довольно, я, кажется, написала все, что считала нужным, чтобы закончить этот дневник.

А теперь лучше возвращаюсь мыслью к театру и буду опять весела, слава Богу, что он еще у меня есть как утешение. Предупреждаю, что вести свой старый дневник буду по-прежнему и ничего не изменю, так что уж болезни я записывать не буду и, может быть, еще что-нибудь в этом роде, что было у папы записано, а у меня не будет. Довольно!

1923 год

8/21 марта. 21 год — совершеннолетие. Сегодня просматривала дневник. Напишу, кто был на совершеннолети: мама, папа, тетя Лида,¹⁴⁵ дядя Миша, Юра, Палладий, Милочка Лаббе, Ан. Анд<реевич> Григорьев, Ек<атерина> Ивановна Соболева и Сергуненок.

1938 год декабрь

Папа дал мне этот дневник, когда считал, что я вступила в самостоятельную жизнь. Теперь я считаю, что всякая жизнь для меня закончена. За эти 19 лет я писала тот дневник, о котором говорила в своем резюме к папиному дневнику. В том дневнике у меня отражены исключительно мои переживания и театральные похождения. Теперь мне хочется в этот дневник в самых кратких чертах записать самые важные события моей жизни за эти годы, как бы дать схему каждого года. Чтобы сделать это, легче, думаю, начать в обратном порядке, со времени более близкого, углубляясь в прошлое. За год буду считать с начала осени.

1937/1938. 31 августа умер отец Петр.¹⁴⁶ Окт<ябрь>-ноябрь — вечерняя работа в Горном ин<ституте>те.¹⁴⁷ Ноябрь-январь — вечерняя работа в 2-м Мед<ицинском> ин<ституте>те, писала DISS. Эту работу делал и папа, пока не забраковали его почерк. С ноябрьских торжеств папа скис, работа его немного подбодрила. 12 дек. последний раз съездила в Мурино, с 13 заболела тетя.¹⁴⁸ В конце дек<абря> заболела я, но через два дня встала, т. к. тете стало хуже, в ночь на новый год и на 3 (января. — Н. П.) вызывали неотложную помощь, грипп у нее осложнился на почки и сердце. Ей было очень плохо, мне давали бюллетень по уходу за ней, к концу января она поправилась, на улицу стала выходить только в мае. В феврале я слегла с сердцем.

8-го марта умер папа.¹⁴⁹ Весь пост была занята разборкой вещей и внедрением их в одну комнату. В июне ездила в отпуск на пароходе с Катенькой, Вер<ой>, Зиной и Громовой от Рыбинска до Перми, и обратно в дороге была буря, я все время трусила и потому не получила удовольствия. Когда приехала, один день застала Юру и познакомилась с его женой. В августе поехала в деревню в Клинцы к Тане за грибами, была страшная жара, ни одного дождя, даже все мочила пересохла, и за все время ни одного гриба, все время были лесные пожары, и под конец лес загорелся у самой деревни. Хотела уехать от пожара на день раньше, но не попала в поезд на Вязье и на другой день пошла пешком в Дно.

1936/1937. 29 августа маме стало очень плохо, я перевезла ее с дачи, она весь месяц лежала, я в это время имела вечернюю работу в «Трубе».¹⁵⁰ 4 окт. мама умерла. На ноябрьские праздники приезжала Милочка. Вечерняя работа до нового года была копировка каких-то карт. В Библиотеке — заявки, и работала в Публичной библиотеке. Новый год я хотела лечь спать, папа сказал, что всю жизнь встречал и теперь один будет, мы его пожалели и встретили вместе. Читала, вставляла зубы. Завилась 6-месячную завивку, т. к. решила после маминой смерти отпускать волосы. Приехала на месяц Милочка. 22 марта умер Владимир Васильевич.¹⁵¹ С апреля и все лето работала вечером в Горном институте. Сшила себе очень удачно первое платье. В августе отпуск провела у Тани в Клинцах и осталась очень довольна.

1935/1936. Первую половину зимы вечерняя работа была «Якутия»,¹⁵² в ЗИНе,¹⁵³ вторую половину в Библиотеке по нешифрованным фондам. До нового года ничего из ряда вон выходящего не было. В самый новый год я была у обедни в Лавре¹⁵⁴ и очень запоздала домой. Меня встретили с упреками за волнения, и я страшно расплакалась, и эти слезы усиливались сознанием, что такие слезы в день нового года не к добру. 17 янв. были в гостях у Григорьевых, и после этого мама стала кихнуть, все время мерила температуру и говорила «Я не больна, но я и не здорова». В феврале свирепствовала страшнейшая эпидемия гриппа, я тоже была больна в два приема, в мою болезнь мама подбодрилась и ухаживала за мной, я их сознательно воспринимала, как последние дни счастливого детства. В апреле я еще раз опять в два приема болела. 18 марта ездила с мамой в Мурино нанять дачу, была ужасная вьюга, она ею подпортила свою простуду. В июне переехали на дачу, очень хорошую; в Мурино через три дня у мамы опять поднялась температура, и она поспешила вернуться домой, целый месяц она пролежала, ей было очень плохо. Подошел мой отпуск, я одна жила на даче и ездила каждый день в город, мама стала бродить; 24 июля ее на такси перевезли на дачу, там она не лежала, но все время очень плохо себя чувствовала, постоянно кто-нибудь с нами жил, или тетя Люба, или Лида; на одной даче с нами жила Нина Трилева.

1934/1935 г. Этот год много работала по вечерам. Сначала какую-то периодику. Описывала журналы в ЛЭЗМ,¹⁵⁵ работала в «Якутии», которой даже занималась летом, живя на даче. В «Якутии» много работал папа. С весны начала работать в ЗИН. В первой половине зимы очень долго болела мама — это началась ее легочная болезнь. С этого года мы начали вязать кофточки. Мы вязали, а Елизавета Антоновна читала вслух. В феврале приезжала в отпуск Милочка. В марте уехала Елизавета Антоновна. 16 апреля приехал Юра и увез дачу Мишу. Дачу мы сняли в Токсово, но, т. к. там объявили запретную зону, сняли дачу в Мурино у Маруси; наши соседи по даче были Раиса Ивановна и Наташа с мамой. В Мурино же жила и Нина Три-

лева. Когда уезжали в город, нас обокрали; там же я сломала передний зуб. Жилось нам там очень хорошо, мама была очень бодрой это лето. Там же жила один месяц Женечка на даче, на которой мы жили следующий год.

1933/1934. Весь год я одновременно работала по вечерам в «Якутии» и ФМИ.¹⁵⁶ Об этой зиме у меня ничего характерного не осталось в памяти. 7 окт. умер Воля — Милочкин сын. Весной приезжала к нам Варвара Вадимовна.¹⁵⁷ Весной было тяжелое переживание: тетя Лида заметила, что у папы нет обручального кольца; он сказал, что давно продал, чтоб помочь Лешковым.¹⁵⁸ Это очень тяжело подействовало на маму, с этих пор началось ее постепенное умирание. Она заболела какой-то нервной болезнью. И все лето ей нездоровилось. Нина Трилева нас соблазнила ехать на дачу в Токсово; мы жили на даче Раикиной, очень близко от них. Было чудное лето, и мы очень хорошо провели лето, если б не мамино здоровье; к нам часто приезжали тетя Соня¹⁵⁹ и Антоновна.

1932/1933. Вечерняя работа была в «Якутии» и ФМИ. В сентябре приехала Милочка с сыном. Весь год была работа: вязали береты. Осенью увлеклись игрой в лото. На декабрь приезжала на месяц тетя Саша¹⁶⁰ и окончательно от нас переехала на житье в Москву. По этому случаю как раз в сочельник приходили отнимать комнату. В дек<абре> вернулся в Ленинград отец Петр. В феврале месяце у нас ужинал В. В.,¹⁶¹ это был последний раз, что я его видела; он вскоре еще раз был у нас — обедал — я не пришла домой. В феврале началась паспортизация, в связи с которой в марте уехал о. П<етр>, а в мае Милочка. В мае мы выхлопотали насчет комнаты, и к нам в эту комнату въехала Екатерина Юрьевна Трубникова.¹⁶² Летом поставила коронку на зуб. Летом приезжал Юра. Летом я работала в ФМИ. На отпуск уехала в ОзяблOVO Псковской губ., куда нас сосватала Настя — спекулянтка, снабжавшая нас продуктами; там же жила Женечка. Лето было отвратительное. И все там было очень плохо, начиная от пьяного хозяина. Во время возвращения домой я первый раз пережила смерть мамы, с ней было очень худо в вагоне, что я думала, что она умирает.

1931/32. Вечерняя работа была в ФМИ. Осенью проводила в Москву тетю Зину. Дома писала карточки, вышивала. Была общественная нагрузка по театральным билетам. В посту болела воспалением среднего уха. Сшила осеннее красное пальто. Приезжала Варварка. Работала в «Якутии». Летом ездила с мамой в Клиницы, там с нами жили Раиса Исаак<овна> и Сонечка. Летом от нас уехала в Москву тетя Саша. Летом родился Милочкин сын.

1930/31.

Мама осталась в Зубчаниновке, я приехала одна. Мама вернулась через месяц. Осенью приехала к нам тетя Саша. Папа осенью ездил в Москву. Я много вышивала. Вечерняя работа была в клубной б<иблите>ке, дома переписывала для Айзенштока,¹⁶³ для которого рабо-

тал папа. Весной начала работать по вечерам. Первой моей такой работой была работа в СИ.¹⁶⁴ Летом начала работать в ФМИ. Летом приезжала к нам тетя Зина.¹⁶⁵ Отпуск провела в Клинцах у Тани (около ст. Дно, с Женечкой и ее племянницами Соней и Мусей).

1929/30. В библиотеке была чистка Фигатнера.¹⁶⁶ Выслали Милочку и отца Петра. Дома вышивала и переписывала для Айзенштока. Осенью играли в винт. В ноябре рвала зубы на «Скороход» у тети Зои.¹⁶⁷ В середине зимы папа ездил в Москву. Весной в Библиотеке проходил семинар по каталогизации. Перешла в отд<ел> обработки из отд<ела> систематизации из 43 в 46 комнату. 1 янв. в нашу квартиру въехали Ротенберг<и>. Весной тетя Лида и Люба ездили в деревню в Ярославскую губернию. Летом я и мама поехали в Зубчаниновку с тетей Зиной от Москвы, обратно я возвращалась с тетей Зиной.

1928/29. Дома вышивала, читала, играли в винт. Часто ходила в гости к Катеньке, Любе с Зиной, и они приходили ко мне. В январе приезжал Бахрушин.¹⁶⁸ 1 марта арестовали Милочку и отца Петра. Летом с мамой ездила в Зубчаниновку, но пробыла там не до конца отпуска, т. к. меня вызывали в Библиотеку из-за чистки.¹⁶⁹

1927/28. Ежедневно играли в винт. Дома переписывала пьесы, читала, вышивала, ничего не делала, связала себе кофту. 5 дек. была последний раз в театре. Во второй половине года папа уезжал в Москву по устройству театральной выставки — Грибоедовской.¹⁷⁰ В посту было сильное переживание: меня должны были сократить на службе. Бывала в гостях у Катеньки. Летом много лежала на окне. В отпуск с мамой ездили в Зубчаниновку. Осенью был папин суд.

1926/27. Остриглась. В. В. вернулась из-за границы.¹⁷¹ Я смотрела в 50<-й> раз «Разбойников»;¹⁷² после спектакля В. В. был у нас. Бренчала на рояле. Ходила в театр, в Пассаж.¹⁷³ Играл В. В. 15 февраля арестовали папу до апреля.¹⁷⁴ В день возвращения папы мы переезжали в другие комнаты той же квартиры, поменявшись комнатами с <Линтваревыми> и они отделили свою квартиру. С Пасхи этого года начала ездить к обедне. Летом начали увлекаться игрой в винт. Летом одна ездила в отпуск в Зубчаниновку Сам<арской> губ. к Осоргиным.

¹ *Стравинский Николай Иванович* — врач-акушер, ординатор Родовспомогательного заведения в Санкт-Петербурге (1891—1895); автор диссертационного сочинения «О строении пупочных сосудов и закрытии их после родов» (1876).

² *Тихобразова* (урожд. *Яковлева*) *Раиса Алексеевна* (? — не ранее 1919) — дочь отставного кофешенка двора, вдова архитектора А. И. Тихобразова, теща Вл. Рышкова.

³ Сестры Вл. Рышкова: *Наталья Александровна* (1868—1915), *Любовь Александровна* (1869—1942) — служащая городского статистического управления железных дорог.

⁴ *Рышкова* (урожд. *Тихобразова*) *Зинаида Абрамовна* (1864—1936) — жена Вл. Рышкова (г. р. и дата 20 сент. приводятся по архивному источнику: РГИА, ф. 789, оп. 14, № 18 «Т», л. 50—51).

Васильев Алексей Иванович (Иоаннович) — протоиерей с 1874 по 1890 г. и настоятель с 1890 по 1911 г. Александро-Невского храма при Правительствующем Сенате. С 2008 г. — Санкт-Петербургский храм во имя св. благоверного вел. кн. Александра Невского в Конституционном Суде Российской Федерации.

⁶ *Тихобразов Абрам Иванович* (1825—1897) — академик архитектуры, тесть Вл. А. Рышкова. Окончил Петербургский технологический институт (1845); в 1848 г. получил звание неклассного художника по архитектуре; с 1857 г. — академик архитектуры. В 1850—1852 гг. — архитектурный помощник в ведомстве Царскосельского дворцового правления; в 1850-х гг. участвовал в перестройках Большого (Старого) Эрмитажа и дворцов вел. кн. Николая Николаевича Старшего и Михаила Николаевича; с 1862 г. преподавал архитектуру в Николаевской инженерной Академии и училище; в 1886 г. построил в Москве здание Архива Министерства юстиции (Большая Пироговская ул., 17) (см. о нем: *Кондаков С. Н.* Юбилейные справочник Императорской Академии художеств, 1764—1914. СПб., 1915. Т. II. С. 396; Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / Под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 298; см. также биогр. сведения о нем: РГИА, ф. 789, оп. 14, № 18 «Т», л. 1—73).

⁷ Сестра Зинаиды Абрамовны — *Тихобразова Лидия Абрамовна* (1868—?) — тетка новорожденной (г. р. и дата 2 марта приводятся по архивному источнику: РГИА, ф. 789, оп. 14, № 18 «Т», л. 51).

⁸ *Тихобразов Леонид Абрамович* (1852; по др. сведениям 1862—1918, не ранее июля) — брат Зинаиды Абрамовны, деверь Вл. Рышкова, сын А. И. Тихобразова (1852 г. р., 12 апр. приводятся по архивному источнику: РГИА, ф. 789, оп. 14, № 18 «Т», л. 50). Окончил Николаевское инженерное училище; служил офицером-воспитателем и преподавателем Кадетского корпуса, полковник (с 1898), преподаватель Пажеского кадетского корпуса (с 1904), инспектор Павловского военного училища, генерал-майор (с 1906), директор Николаевского кадетского корпуса (1917—1918).

⁹ *Рышкова* (урожд. *Букреева*) *Нина Палладьевна* (1834—1919) — мать Вл. А. Рышкова.

¹⁰ *Суворов Павел Николаевич*, чиновник, сослуживец Вл. Рышкова по Департаменту общих дел Министерства внутренних дел. Называя его «дядей Пашей» и своим «добрым гением», Владимир Александрович писал о нем: «<...> Павел Николаевич Суворов, человек ко мне весьма благожелательный, который приходился мне сродни, которому я обязан во многом моим дальнейшим благосостоянием и с которым через несколько лет мы были в большой дружбе...» (*Рышков Вл. А.* Воспоминания незаметного человека (неопубликованная часть) // РО ИРЛИ, ф. 270, оп. 4, № 91, л. 85 об.). *Суворов Н. П.* — родственник П. Н. Суворова.

¹¹ Л. А. Тихобразова.

¹² Упоминается сестра Вл. Рышкова *Софья Александровна* (1874—1942). С. А. Рышкова окончила Александровскую гимназию в Петербурге. С 1898 по 1900 г. служила в Центральном статистическом комитете, затем с 1901 по 1905 г. — в Контроле Варшавской железной дороги по вольному найму. С 1905 г. поступила на службу в АН для письменных занятий в Канцелярию Правления; в 1909 г. переведена в Канцелярию Конференции на должность делопроизводителя; в 1918 г. назначена на должность заведующей делопроизводством, а с 1 июля 1923 г. переведена в Комиссию «Наука в России» на должность науч. сотр. I разряда; 1 мая 1924 г. назначена на должность науч. сотр. III разряда КИПСа по совместительству. С 1 июля 1924 г. помощник библиотекаря БАН; с 13 нояб. 1925 г. — библиотекарь; с 1 нояб. 1930 г. переведена на должность помощника библиотекаря; с 3 апр. 1937 г. переведена на договорную работу; с 1 июня того же года зачислена во временный

штат на должность библиотекаря II разряда (на 1/2 ставки); с 16 июня 1939 г. переведена на полную ставку. С 1 янв. 1940 г. переведена в библиотекарю I разряда. Общий стаж работы в учреждениях АН на 31 дек. 1940 г. составил 35 лет. Умерла в блокаду. 23 марта 1942 г. исключена из списков сотрудников БАН ввиду смерти (см.: СПБФ АРАН, ф. 158, оп. 7, № 219, № 701 (трудовые списки); Рышкова Софья Александровна // Российская Биографическая Энциклопедия «Великая Россия». Т. 14: Биогр. словарь сотр. Б-ки Российской академии наук. СПб.: Гуманистика, 2014. С. 643).

¹³ Упомянуты сестры *Осоргины Александра Вадимовна* (1870—?) и *Зинаида Вадимовна* (1867—?) — дочери Зинаиды Дмитриевны Осоргиной (урожд. Обуховой) и Вадима Николаевича Осоргина.

¹⁴ Предположительно, *Генрих Карлович фон Брюммер* — офицер, чиновник Министерства внутренних дел.

¹⁵ Видимо, повивальная бабка *Филиппович Екатерина Ивановна*.

¹⁶ Церковь Петра и Павла при Санкт-Петербургском университете; действовала с 1819 г. В 1919 г. закрыта под клуб; позднее в помещении церкви находился музей истории Университета. С 1996 г. богослужения возобновлены. Подробнее см.: *Копейкин К. В., Юферева Н. Э.* История университетской Петропавловской церкви // Храм духа в храме науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 170-летию университетского храма святых апостолов Петра и Павла. СПб., 2009. С. 16—56.

¹⁷ *Зибольд Владимир Федорович* (1858—?) — доктор медицины, окончил Военно-медицинскую академию (выпуск 1883). Автор диссертационного сочинения «К вопросу об определении различных сортов мяса» (СПб., 1888).

¹⁸ Рышков, вероятно, имеет в виду д. Куутерселька (Kuuterselka), входившую тогда в состав волости Каннельярви Выборгской губернии (Финляндия) и переименованной в 1948 г. в Лебяжье. Главной доминантой деревни являлась возвышенность Куутерселька, у подножия которой лежали два озера — Сууриярви (Большое) и Пиенъярви (Малое). Наиболее распространенными фамилиями в деревне Куутерселька считались Хярья, Вестеринен и Лауниайнен (сведения приводятся на основании: URL: http://kannas.ru/vyborg_district2.htm (дата обращения: 12. 02. 2019)). Густав Вестеринен и упоминавшийся далее в тексте дневника Соломон Вестеринен, вероятно, были родственниками.

¹⁹ Именины Киры празднуются один раз в году 28 февр. (по н. ст. — 13 марта). В этот день почитается святая Кира Берийская (Македонская), дева, затворница, преподобная.

²⁰ *Афанасьева Екатерина Алексеевна* («тетя Катя», «Катенька», «Екатерина Алексеевна») — родственница или друг семьи.

²¹ *Рышков Виктор Александрович* (1862—1924) — писатель, драматург, редактор журнала «Русская нива»; любимый брат Вл. Рышкова. Подробнее о нем см.: *Прозорова Н. А.* 1. Виктор Рышков и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 183—227; 2. История издания и читательское восприятие журнала «Русская нива» (по материалам архива В. А. Рышкова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 268—310.

²² *Рышков* (псевд. Тарусский) *Евгений Викторович* (1890—1945) — племянник Вл. А. Рышкова, сын Виктора Рышкова; писатель, автор пьес, карикатурист. Печатался в журналах «Витязь» (1910—1915), «Огонек» (1914), «Новая всемирная иллюстрация» (1912—1914). Активный участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции. Автор книги «Дорогой дальнею: Роман из жизни русской эмиграции» (Париж, 1932).

²³ Опера П. И. Чайковского «Мазепа» была впервые поставлена на сцене Мариинского театра в 1884 г., в 1903 г. — возобновлена.

²⁴ У *Рышковых Лидии Евгеньевны* (1877—1921) и *Михаила Александровича* (1871—1958) родился сын *Рышков Юрий Михайлович* (1903—1987).

²⁵ Тихобразова Лидия Абрамовна.

²⁶ Рышкова Лидия Евгеньевна.

²⁷ Храповицкие Андрей, Соня и Женя — друзья семьи.

²⁸ Е. А. Афанасьева.

²⁹ *Рышкова* (урожд. *Эбергардт*) *Софья Евгеньевна* (1867—1926) — жена Виктора Рышкова.

³⁰ Е. А. Афанасьева.

³¹ *Лушков Михаил Михайлович*, по воспоминаниям Рышкова, его родственник, свойственник, «артиллерист, служивший в Гатчино» (*Рышков Вл. А.* Воспоминания незаметного человека (неопубликованная часть) // РО ИРЛИ, ф. 270, оп. 4, № 91, л. 41). М. О. — возможно, супруга М. М. Лушкова.

³² См. об этом во вступ. статье примеч. 8—10.

³³ Первой принятой к постановке пьесой Виктора Рышкова стала драма «Первая ласточка», поставленная в Москве в Малом театре в 1904 г.; премьера состоялась 6 сент. Зал был полон, зрители приняли спектакль аплодисментами, но критика на следующий день обругала постановку.

³⁴ Имеется в виду популярное у горожан фотоателье Альфреда Лоренса (1830—1896) на Невском проспекте, д. 4 (фотоателье «Лоренс» с 1899 г. принадлежало Е. Г. Чернышеву, а с 1893 г. М. С. Кучерову).

³⁵ Видимо, *Бакеева* (урожд. *Букреева*) *Мария Александровна* (?—1919) — родственница Вл. Рышкова по материнской линии.

³⁶ Популярная песенка «Кисонька» (комп. В. С. Калининков).

³⁷ Популярный романс «Голубка моя, умчimsя в края...», исполнявшийся артистом оперетты М. И. Вавичем, приятелем Владимира и Виктора Рышковых.

³⁸ *Бианки Валентин Львович* (1857—1920) — зоолог, отец писателя Виталия Валентиновича Бианки. Окончил Военно-медицинскую академию (1883), работал сначала врачом, затем с 1887 г. занял место ученого хранителя в Энтомологическом отделении Зоологического музея. С 1896 г. руководил Орнитологическим отделением Зоологического музея АН. В 1900 г. был избран ученым секретарем Русской полярной экспедиции; в это же время Вл. Рышков работал в Комиссии по делам снаряжения Русской полярной экспедиции; тогда, вероятно, и произошло их сближение.

³⁹ *Чистович Николай Яковлевич* (1860—1926) — выпускник Военно-медицинской академии (1884), терапевт, инфекционист и врач-общественник.

⁴⁰ Андреевский рынок находится на Васильевском острове (Большой пр., д. 16), именуется в честь находящегося неподалеку Андреевского собора.

⁴¹ *Соловьев Василий Васильевич* (1857—1919) — действительный статский советник, врач-гомеопат.

⁴² Вербная суббота (Лазарева суббота) — христианский праздник воспоминания евангельского сюжета о воскрешении Лазаря.

⁴³ *Булатова Амалия Ивановна* (1872—?) — служащая Канцелярии Конференции Академии наук по вольному найму, сослуживица Вл. Рышкова.

⁴⁴ Вознесение Господне — христианский праздник; отмечается в четверг шестой недели после Пасхи.

⁴⁵ См. примеч. 18.

⁴⁶ *Чистович Сергей Яковлевич* (1867—1922) — врач, представитель так называемой «династии Чистовичей», сын профессора и историка русской медицины, врача-гигиениста Я. А. Чистовича (1820—1885).

⁴⁷ Т. е. к брату, Виктору Рышкову.

⁴⁸ Имеется в виду популярное издание «Родное слово. Для детей младшего возраста. Год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения с прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками в тексте» (СПб., 1864), составленное К. Д. Ушинским для первоначального обучения русскому языку; выдержало множество переизданий.

⁴⁹ *Рышков Сергей Александрович* (1876—1950) — брат Вл. Рышкова.

⁵⁰ *Рышкова* (в замуж. Керсновская) *Гали Викторовна* (1897—1944) — племянница Вл. А. Рышкова, дочь Виктора Рышкова.

⁵¹ *Рышков Палладий Викторович* (1893—1930) — племянник Вл. А. Рышкова, сын Виктора Рышкова.

⁵² См. примеч. 22.

⁵³ Зубной врач *Рышкова* (урожд. *Ильина*) *Зоя Петровна*; вторая жена Рышкова С. А.

⁵⁴ Л. А. Тихобразова.

⁵⁵ Имеется в виду Парк-эспланада — городской парк в центральной части Выборга (в советское время — парк им. Ленина); Рышковы завтракали в популярном тогда парковом ресторане.

⁵⁶ Роскошный отель-замок «Grand Hotel Cascade»; в тексте дневника: Caskad.

⁵⁷ *Рышков Андрей Михайлович* (1900—1918) — сын М. А. и Л. Е. Рышковых. Упоминается Школа и приют Общества Белого Креста (осн. в 1880 г.), занимавшегося попечением нуждающихся семей воинов, потерявших здоровье в мирное время. Школа и приют находились по адресу: Очаковская ул., д. 6.

⁵⁸ Служба «Двенадцати евангелий» совершается на вечернем богослужении в четверг Страстной седмицы.

⁵⁹ День Святой Троицы (или Пятидесятницы) — один из главных христианских праздников, который православная церковь отмечает в воскресенье на 50-й день после Пасхи.

⁶⁰ Л. А. Тихобразова.

⁶¹ Записей расходов по поездке в конце дневника нет.

⁶² *Рышков Палладий Александрович* (1860—1918 или 1919) — брат Вл. Рышкова (г. р. и дата 14 сент. приводятся по архивному источнику: РГИА, ф. 1405, оп. 545, № 11623, л. 94 об.). После окончания юридического факультета Петербургского университета (1884) служил помощником следователя сначала 2-го участка Старооскольского уезда и помощником 1-го секретаря Гражданского департамента Харьковской судебной палаты (1884—1885); затем следователем 1-го участка Пиряевского (с 1887 г.) и 2-го участка Пирятинского (с 1889 г.) уездов. С 1894 г. назначен товарищем прокурора Изюмского окружного суда, с 1898 г. — Екатеринбургского. С 1907 г. — член Курского окружного суда, с 1916 г. — действительный статский советник. 28 нояб. 1917 г. уволен со службы согласно декрету Совнаркома об упразднении судебных установлений (сведения даны на основании формулярного списка: РГИА, ф. 1405, оп. 545, № 11623, л. 94—98).

⁶³ *Ветцель Николай Николаевич* — потомственный почетный гражданин Севастополя. Неоднократно избирался гласным Севастопольской городской думы; владел одной из лучших гостиниц в городе.

⁶⁴ *Денисов Иван Семенович* (1867—1933) — контр-адмирал русского флота. Получил образование в Морском корпусе, по окончании которого в 1887 г. был произведен в мичманы. С 1896 г. он служил минным офицером 1-го разряда; участник Русско-японской войны 1905 г. в качестве старшего офицера крейсера «Громобой». В 1906—1909 гг. командовал минным крейсером «Лейтенант Зацаренный», минным заградителем «Дунай», парходом (яхтой) «Эриклик». В 1910 г. произведен

в капитаны 1-го ранга; в 1912—1913 гг. командовал крейсером «Кагул» Черноморского флота, а в 1915 г. получил назначение на Балтийский флот. 24 окт. 1917 г. был произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы, но, в связи с революционной обстановкой в стране, находился в составе Вооруженных сил Юга России. В 1919—1920 гг. он исполнял обязанности командира таганрогского порта, но после поражения белогвардейских войск эмигрировал в Турцию. В эмиграции первое время жил в Константинополе, участвуя в деятельности Союза морских офицеров; в 1922 г. эмигрировал во Францию. Скончался 27 марта 1933 г. в г. Антиб (Франция), где и был первоначально погребен; в 1936 г. его прах был перезахоронен на русском кладбище Кокад, в г. Ницца (Франция) в братском склепе.

⁶⁵ См. предыдущее примеч.

⁶⁶ Популярный освежающий напиток, лимонад с ноткой цитруса немецкой торговой марки «Sinalco».

⁶⁷ Упоминается архитектор *Чагин Николай Михайлович* (1823—1909), руководивший росписью двухэтажного Свято-Владимирского собора (заложен в 1861 г., возведен в 1877 г.) в Херсонесском монастыре.

⁶⁸ Гостиница «Мариино» (официально имела категорию дачи) на углу ул. Морской и Набережной в Ялте была построена в сер. 80-х гг. XIX в., в 1895 г. перестраивалась по проекту Н. П. Краснова.

⁶⁹ *Подольская* (урожд. *Венюкова*, в замуж. *Быкова*) *Елена Анатольевна* (1884—?) — артистка оперы (меццо-сопрано). Обучалась в Варшавской консерватории, с 1905 г. выступала в московской частной опере С. И. Мамонтова; в 1906—1936 гг. солистка Большого театра. Отель «Метрополь» — одна из роскошных гостиниц Ялты; арх. О. Э. Вегенер.

⁷⁰ Кафе-павильон («поплавок») «Франции» — одной из фешенебельных гостиниц на Набережной Ялты, выстроенной в 1886 г.; арх. Н. А. Штакеншнейдер и П. К. Тербенев.

⁷¹ Вероятно, упоминается приморская дача «Александрия» Заикиной и содержатель пансионов в Алупке — Вендт; дополнительных сведений не найдено.

⁷² «Поплавок» Э. А. Флорена — кафе-павильон в Ялте; располагался на сваях напротив гостиницы «Мариино»; известен и упомянут Чеховым в «Даме с собачкой» по первому владельцу — Э. Верне.

⁷³ *Рощина-Инсарова* (урожд. *Пашенная*) *Екатерина Николаевна* (1883—1970) — актриса, дочь артиста Н. П. Рощина-Инсарова (наст. фам. Пашенный), сестра актрисы В. Н. Пашенной.

⁷⁴ *Мазинг Анна Гуговна* (1903—?) — дочь Гуго Александровича и Анны-Луизы Мазингов. О семье Мазингов см. примеч. 95.

⁷⁵ Рышкова С. А.

⁷⁶ Т. е. в спальных вагонах, которые предоставляла иностранная акционерная компания «Международное общество спальных вагонов и скорых европейских поездов», получившая право работать в России с 1891 г.

⁷⁷ *Молдавский Яков Викторович* (1873—1945) — врач по внутренним и детским болезням, фтизиатр; в то время заведующий детским отделением городской больницы Севастополя. После революции — в эмиграции; председатель Союза русских врачей в Берлине. Умер в Париже.

⁷⁸ Гостиница «Эльвира» (официально относилась к категории дач) была построена по проектам арх. Н. П. Краснова и Я. П. Семенова. В 1920-е гг. была национализирована и превращена в многоквартирный дом.

⁷⁹ Упоминается дача Сабашникова Сергея Иннокентьевича — вилла «Панеа» в Симеизе, выстроенная недалеко от скалы Панеа.

⁸⁰ Возможно, врач по внутренним болезням, ученый-медик *Тольпин Федор Тимофеевич* (1866–1942) — выпускник Тартуского университета, позднее практиковавший и преподававший в Одессе.

⁸¹ Частная женская гимназия Г. А. Кебке в Петербурге (Тучков пер., д. 11).

⁸² *Мазинг Владимир Гугович* (1910–?) — сын Гуго Александровича и Анны-Луизы Мазингов. См. о семье Мазингов примеч. 95.

⁸³ Г. В. Рышкова.

⁸⁴ *Рождественский Василий Гаврилович* (1839–1917) — профессор богословия Санкт-Петербургского университета, духовный писатель.

⁸⁵ *Казин Петр Нилович* (1869–?) — военный инженер, театрал, приятель братьев Рышковых, часто останавливавшихся в его гостеприимной московской квартире. «Квартира его была всегда полным-полна народу, — вспоминал Вл. Рышков. — У него ежедневно столовались, не знаю, на каких началах, артисты оперы Е. А. Подольская, Л. Н. Балановская, В. Р. Петров, А. В. Богданович и актер Малого театра В. В. Максимов. К 5 часам все сходились к обеду, а в 7 все испарялись по театрам и после спектакля опять сходились то у них на квартире, то в каком-нибудь ресторане, то в Художественном кружке. Это был какой-то вечный праздник со смехом, шутками, островами и пением» (*Рышков Вл. А. Воспоминания незаметного человека*. С. 274).

⁸⁶ «Эрмитаж» — дореволюционный ресторан и гостиница в Москве (ул. Неглинная, д. 29/14).

⁸⁷ Памятник императору Александру II был установлен в Кремле у Малого Николаевского дворца в 1898 г. (архитектор Н. В. Султанов, художник П. В. Жуковский, скульптор А. М. Опекушин). В 1918 г. памятник снесли, окончательный демонтаж мемориала завершился в 1928 г.

⁸⁸ О дружбе с театральным деятелем и собирателем театральной старины *Бахрушиным Алексеем Александровичем* (1865–1929) Вл. Рышков оставил воспоминания (см.: *Рышков Вл. А. Воспоминания незаметного человека*. С. 332–345; по именному указателю). Ю. А. Бахрушин, сын коллекционера, вспоминал о Рышкове как о завсегдаге их московского дома: «Вылощенный, подтянутый, облаченный в неизменную визитку, с холеной бесцветно-блондинистой ассирийской бородкой и прической а la Капул, он аккуратно появлялся в нашем доме в каждый свой приезд в Москву» (*Бахрушин Ю. А. Воспоминания*. 2-е изд., испр. и доп. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2012. С. 294).

⁸⁹ *Максимов* (наст. фам. Самусь) *Владимир Васильевич* (1880–1937) — актер театра и кино, педагог. Играл на сценах МХАТа (1904–1906), Малого театра (1906–1909; 1911–1918), БДТ (1919–1924).

⁹⁰ Речь идет о проживавшей в Самаре *Варваре Вадимовне Осоргиной* (1862 или 1863–1941) — дочери З. Д. и В. Н. Осоргиных.

⁹¹ Упоминается кумысолечебница в Самаре, открытая земским врачом Н. В. Постниковым в 1858 г.

⁹² *Божовский Василий Константинович* (1869–1914) — заведующий монтажной частью Малого театра. Автор статей о театре, музыке, живописи. По образованию юрист. Друживший с ним Вл. Рышков оставил о нем воспоминания и был автором некролога (*Рышков Вл. Памяти В. К. Божовского // Театр и искусство*. 1914. № 3. С. 54).

⁹³ См. о пожертвовании подноса во вступ. статье. Упоминаются: племянник Пушкина, сын Н. И. Павлищева и Павлищевой (урожд. Пушкиной) О. С., *Павлищев Лев Николаевич* (1834–1915) и *Павлищева* (урожд. *Доронина*) *Ольга Петровна* (1849–1924). Рышков находился в переписке с Л. Н. Павлищевым и его женой (см., например, письмо О. П. Павлищевой от 9 марта 1918 г. к Вл. А. Рышкову (*Рождно-*

ва Т. М., Рожнов В. Ф. Жизнь после Пушкина: Наталья Николаевна и ее потомки. СПб.: Вита Нова, 2001. С. 594).

⁹⁴ 27 дек. 1911 г. в балете П. И. Чайковского «Спящая красавица» по сказкам Ш. Перро в Мариинском театре в роли Авроры впервые выступила Л. Н. (А.) Егорова (Трубецкая).

⁹⁵ Имеются в виду друзья и соседи Рышковых по дому (Университетская наб., д. 5) *Мазинг Гуго Александрович* (1873—1945), служивший механиком Физического кабинета Академии наук с 1896 по 1918 г., его жена *Анна-Луиза* (урожд. *Фоман*) и их дети. Г. А. Мазинг занимался изготовлением физических приборов и, в частности, сейсмологического оборудования. В 1920 г. семья переехала в Эстонию (Тарту), а в 1939 г. — в Восточную Пруссию. 30 янв. 1945 г. Г. А. Мазинг погиб, оказавшись в числе пассажиров лайнера «Вильгельм Густлофф», подбитого советской субмариной. Семья Мазингов принадлежала к разветвленному роду Мазингов, о котором см. исследования: *Мазинг А. Ю.* Пастор Карл Мазинг (1811—1877) и его сыновья // URL: <http://kunstkamera.ru/lib/gubr...431-284-5/>; *Мазинг Ю. А., Мазинг А. Ю.* Первые исследования по генетике поведения в СССР: Розалия Андреевна (Генриховна) Мазинг и ее семья // Немцы в Санкт-Петербурге: биограф. контекст. XVIII—XX вв. СПб., 2014. Вып. 8. С. 226—244. Приведенные выше сведения сообщил нам А. Ю. Мазинг, за что публикатор выражает Андрею Юрьевичу свою искреннюю благодарность.

⁹⁶ С. А. Рышкова.

⁹⁷ Кира снялась в фотоателье «Р. Шарль», владельцем которого тогда был фотограф К. И. Савицкий.

⁹⁸ Имеется в виду балет «Конек-Горбунок» по сказке П. П. Ершова на муз. Ч. Пуньи, поставленный в Мариинском театре А. А. Горским; премьера прошла 16 дек. 1912 г.

⁹⁹ Л. А. Тихобразова.

¹⁰⁰ *Юрьев Юрий Михайлович* (1872—1935) — актер Малого театра, с 1893 г. — Александринского театра. Рышков считал его одним из самых близких своих театральных друзей. «С ним связывали меня, — писал Вл. Рышков, — многолетняя дружба, общность взглядов на театр и искусство и просто взаимная симпатия» (*Рышков Вл. А.* Воспоминания незаметного человека. С. 350).

¹⁰¹ *Горин-Горяинов (Горин-Горайнов) Борис Анатольевич* (1883—1944) — актер театра и кино. С 1911 г. и до конца жизни — на сцене Александринского театра.

¹⁰² *Лаврентьев Андрей Николаевич* (1882—1935) — актер и режиссер.

¹⁰³ Еленинский или Клинический институт вел. кн. Елены Павловны (осн. 1885); с 1993 г. — Санкт-Петербургская медицинская академия последипломного образования (ул. Кировная, д. 41).

¹⁰⁴ *Уралов* (наст. фам. *Коньков*) *Илья Матвеевич* (1872—1920) — актер. В 1904—1907 гг. выступал в театре В. Ф. Коммиссаржевской, с 1911—1919 гг. — в Александринском театре.

¹⁰⁵ *Яфимович Петр Владимирович* (1882—1947) — русский офицер. Окончил Санкт-Петербургское юнкерское училище. Участник Русско-японской войны в составе гарнизона крепости Порт-Артур. С 1908 г. — штабс-капитан, с 1912 г. — капитан. В 1913 г. полицмейстер Александринского театра. Участник Первой мировой войны. Эмигрировал во Францию. Умер в Париже.

¹⁰⁶ Комедия П. П. Гнедича «Ассамблея» была поставлена в Александринском театре в 1912 г.

¹⁰⁷ *Быстревская* (урожд. *Бакеева*) *Ольга Михайловна* — родственница Вл. Рышкова по материнской линии.

¹⁰⁸ В дневнике встречается вариативное написание фамилии: Лаббе / Ляббе.

¹⁰⁹ Шведская церковь святой Екатерины (Малая Конюшенная ул., угол Шведского переулка).

¹¹⁰ Театр литературно-художественного общества, существовавший в Петербурге с 1895 по 1917 г. на паевых началах и основанный П. П. Гнедичем, П. Д. Ленским (кн. Оболенским) и А. С. Сувориным; впоследствии ставший частным театром последнего. С 1895 по 1899 г. назывался Театром литературно-художественного кружка; после смерти Суворина, с 1912 г. — Театр литературно-художественного общества им. А. С. Суворина. В городском обиходе именовался Суворинским или Малым театром.

¹¹¹ Имеется в виду «Что узнали старушки. Комедийка в одном действии» Виктора Рышкова, написанная летом 1913 г. По обыкновению драматург в летние месяцы на даче писал к открытию сезона новую пьесу, которую читал домашним. «Что узнали старушки» шла в Театре литературно-художественного общества (Малом) в Санкт-Петербурге, в театре Ф. А. Корша (Москва) и на провинциальной сцене.

¹¹² Имеется в виду французская комедия Ж. Дюваля, М. Эннекена (Геннекена) и В. Бюснака (Бюснаха) «Заместитель (Но почему они втроем?)». См.: *Solus* [Арабажин К. И.] «Но почему они втроем?» // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1913. 12 окт. № 13800. С. 6.

¹¹³ Татишевы — древний дворянский род. По контексту неясно, о ком именно идет речь.

¹¹⁴ 19 июля (1 авг.) 1914 г. Германия объявила войну России. Первая мировая война, спровоцированная 28 июня убийством в Сараево эрцгерцога Ф. Фердинанда, закончилась 11 нояб. 1918 г. Россия вышла из войны по Брестскому миру (сепаратный мирный договор), подписанному 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске представителями РСФСР и Центральных держав.

¹¹⁵ Роль Чацкого в спектакле «Горе от ума», возобновленном в Александринском театре в 1914 г., исполнял Ю. М. Юрьев.

¹¹⁶ В 1914—1916 гг. Академия наук содержала лазарет, который располагался в главном здании Академии и принял на лечение 296 раненых. Организацией досуга раненых, занимался «Дамский кружок», состоящих из жен и дочерей академиков. См. подробнее в работе: *Груздева Е. Н.* Кризис власти в 1914—1917 гг. и научно-организационная деятельность Академии наук // *Актуальное прошлое: взаимодействия и баланс интересов Академии наук и Российского государства в VIII — начале XX в.: Очерки истории: в 2 т.* СПб: Реноме, 2016. Кн. 2. С. 873—875.

¹¹⁷ «Недоросль» по пьесе Д. И. Фонвизина шел в Александринском театре в постановке Ю. Э. Озаровского и Е. П. Карпова, осуществленной в 1902 г.

¹¹⁸ См. примеч. 58.

¹¹⁹ С 1912 г. «Ревизор» в Александринском театре был возобновлен в постановке 1908 г.; Милочка — вероятно, Э. В. Лаббе.

¹²⁰ *Бианки* (урожд. Клара Эмма Матильда Бланк) *Клара Андреевна* (1850 (?) — 1915) — жена зоолога В. Л. Бианки, мать писателя В. В. Бианки.

¹²¹ Церковь Святых Петра и Павла (Петрикирхе) — лютеранская церковь в Петербурге (Невский пр., д. 22—24)

¹²² К. В. Рышкова была на спектакле «Лес» по пьесе А. Н. Островского, возобновленном в 1910 г. в Александринском театре А. П. Петровским.

¹²³ «Женидьба» Н. В. Гоголя не сходила со сцены Александринского театра; одноактный спектакль «Завтрак у предводителя» по пьесе И. С. Тургенева шел в постановке 1899 г.

¹²⁴ Имеется в виду находящийся в Петербурге Государственный Русский музей, который до 1917 г. назывался Русский музей Императора Александра III.

¹²⁵ Спектакль по пьесе «Плоды просвещения» Л. Н. Толстого шел на сцене Александринского театра с 1891 г.

¹²⁶ Спектакль по пьесе И. С. Тургенева «Месяц в деревне» был впервые поставлен в бенефис М. Г. Савиной 17 янв. 1879 г., а затем возобновлен в 1903 г. В первой постановке Савина играла роль Верочки, во втором — Натальи Петровны.

¹²⁷ Спектакли по пьесам А. Н. Островского «Добрый барин» и «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)» шли в Александринском театре; первый — с 1879 г., второй — с 1863 г.

¹²⁸ Т. е. на месте *Карпова Евтихия Павловича* (1857—1926) — писателя, драматурга, режиссера, театрального деятеля. В 1896—1900 и 1916—1926 гг. Карпов — главный режиссер Александринского театра.

¹²⁹ Спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» по пьесе А. Н. Островского шел в постановке 1903 г.

¹³⁰ Имеется в виду спектакль по пьесе А. И. Сумбатова-Южина «Ночной туман», поставленный в Александринском театре в ноябре 1916 г. (премьера 29 нояб.).

¹³¹ Кира была на знаменитом спектакле «Маскарад» по пьесе М. Ю. Лермонтова в постановке В. Э. Мейерхольда (премьера состоялась 25 февр. 1917 г.); худ. А. Я. Головин.

¹³² Спектакль по пьесе Л. Н. Андреева «Тот, кто получает пощечины» шел в постановке 1915 г.

¹³³ Речь идет о спектакле «Вишневый сад» в постановке Александринского театра; труппа играла драматические спектакли и на сцене Михайловского театра.

¹³⁴ Театр музыкальной драмы (1912—1919) — оперный театр в Санкт-Петербурге. Был открыт в помещении Большого зала консерватории. «Сказки Гофмана» — фантастическая опера Ж. Оффенбаха.

¹³⁵ Речь идет о персонаже одноименного романа И. С. Тургенева и об устраиваемых публичных «судах» над литературными героями, проходивших в студенческих аудиториях.

¹³⁶ Далее см. на с. 368 пояснение Рышкова к записям от 24 мая и 3 сент., которые он датирует 1918 г.

¹³⁷ Реформатское училище (или училище при реформатской церкви) было учреждено в 1818 г.; закрыто в 1918 г.; располагалось на наб. р. Мойки, 38. Программа обучения соответствовала гимназическому курсу.

¹³⁸ Частная женская гимназия М. Д. Могиланской располагалась на Васильевском Острове, 4-я линия, д. 43 (доходный дом А. Ф. Фельтена).

¹³⁹ *Дудин Самуил Мартынович* (1863—1929) — этнограф, художник, фотограф, библиофил, путешественник. Стоял у истоков создания Этнографического музея. См.: *Вишневецкая В. А.* Из жизни и деятельности С. М. Дудина — художника, собирателя, исследователя // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX—XX вв.): Сб. науч. тр. СПб., 1992. С. 84—106.

¹⁴⁰ Палас-Театр был открыт в Петербурге в 1910 г. в реконструированном особняке И. Л. Лазарева (арх. Е. Т. Соколов); ныне здесь располагается Театр музыкальной комедии.

¹⁴¹ *Монахов Николай Федорович* (1875—1936) — актер театра и кино, певец оперетты. Был одним из основателей Большого драматического театра, открывшегося 15 февр. 1919 г. спектаклем «Дон Карлос — инфант испанский» по трагедии Ф. Шиллера, в котором Монахов исполнил роль короля Филиппа. В оперетте «Нахал» Монахов играл главную роль инженера Франка.

¹⁴² *Барнель Герман Иванович* (1874—?) — вольнопрактикующий петербургский врач по детским и внутренним болезням. Окончил университет в 1899 г.

¹⁴³ Среди сотрудников Пушкинского Дома К. В. Рышкова не значится.

¹⁴⁴ Т. е. с Раисой Алексеевной Тихобразовой, проживавшей на Литейном пр., в д. 31.

¹⁴⁵ Вероятно, Л. Е. Рышкова.

¹⁴⁶ Протоирей *Ивановский Петр Никандрович* (1881—1937) — священник. Арестовывался несколько раз; умер 31 авг. в Боровичах.

¹⁴⁷ Горный институт — крупнейшее высшее учебное заведение по горному делу (осн. в 1773 г. как Горное училище; с 1804 г. — Горный кадетский корпус; с 1834 г. — Институт Корпуса горных инженеров; с 1866 г. — Горный институт). С 2016 г. — Санкт-Петербургский горный университет.

¹⁴⁸ Видимо, Л. А. Тихобразова.

¹⁴⁹ Вл. А. и З. А. Рышковы похоронены на Муринском кладбище (Ленинградская обл., Всеволожский район).

¹⁵⁰ Содержание записи понять не удалось. Возможно, речь идет о геофизической лаборатории, занимавшейся разработкой аппаратуры (бурильных труб) для исследования глубинных пластов.

¹⁵¹ В. В. Максимов.

¹⁵² Вероятнее всего Вл. А. Рышков и Кира Владимировна работали для трудов Комиссии по изучению Якутской АССР (КЯР; 1924—1930) и Комплексной экспедиции Академии наук СССР по изучению производительных сил Якутской республики 1925—1930 гг. Комиссией по изучению Якутской АССР (КЯР) руководили С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, В. Л. Комаров, отв. секретарем был П. В. Виттенбург. Материалы экспедиции обрабатывались и публиковались длительное время. Владимир Александрович с дочерью занимались копировкой карт в качестве подработки в свободное от основной работы время.

¹⁵³ Зоологический научно-исследовательский институт Российской академии наук; открыт на базе Зоологического музея в 1930 г.

¹⁵⁴ Свято-Троицкая Александро-Невская лавра — мужской православный монастырь (наб. р. Монастырки, д. 1)

¹⁵⁵ Лаборатория экспериментальной зоологии и морфологии животных Академии наук СССР (1928—1936).

¹⁵⁶ Физико-математический институт, существовавший в 1921—1931 гг. и входивший в систему Академии наук СССР.

¹⁵⁷ Видимо, В. В. Осоргина, которая была арестована первый раз в 1927 г., а затем 9 апр. 1931 г.; последний раз с приговором от 18 авг. 1931 г. к трем годам концлагерей. Весной 1934 г. срок заключения мог закончиться, и она могла навестить Рышковых.

¹⁵⁸ Имеется в виду семья *Лешкова* (наст. фам. *Ляшков*) *Дениса Ивановича* (1883—1933) — балетного критика, историка балета, офицера артиллерии. С балетными рецензиями начал выступать с 1907 г. В 1918—1926 гг. заведовал Архивом Дирекции государственных театров. В 1920-е гг. работал в Театральном музее А. А. Бахрушина. Автор книг: «Мариус Петипа» (Пг., 1922), «Партер и карцер: Воспоминания офицера и театрала» (М., 2004). С Лешковым Рышков находился в близких дружеских отношениях.

¹⁵⁹ С. А. Рышкова.

¹⁶⁰ Возможно, А. В. Осоргина.

¹⁶¹ В. В. Максимов.

¹⁶² Упоминается *Трубникова Екатерина Юрьевна (Георгиевна)* (1884—?) — дочь Трубникова Г. (Ю.) В. и Трубниковой (урожд. Граве) А. П.

¹⁶³ Имеется в виду работавший в 1934—1936 гг. в Пушкинском Доме историк литературы, специалист по русско-украинским литературным взаимосвязям *Айзеншток Иеремия Яковлевич* (1900—1980).

¹⁶⁴ Сейсмологический институт Академии наук СССР (1928–1946); с 1946 г. объединен с Институтом теоретической геофизики в Геофизический институт.

¹⁶⁵ Возможно, З. В. Осоргина.

¹⁶⁶ Речь идет о Комиссии по проверке аппарата Академии наук под председательством Ю. П. Фигатнера, приехавшей в Ленинград и приступившей к «чистке» в августе 1929 г. Это была первая волна так называемого «академического дела»: пересмотр личного состава происходил в Библиотеке Академии наук, Пушкинском Доме и Археографической комиссии, т. е. в учреждениях, которыми руководил академик С. Ф. Платонов. В первую волну пострадали в большей степени сотрудники Библиотеки, во время второй «чистки» в октябре–ноябре 1929 г. были арестованы многие пушкинодомцы. См. подробнее: *Перченко Ф. Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235; *Ростов А.* Дело четырех академиков // Память: Исторический сборник. Париж, 1981. Вып. 4. С. 469–495.

¹⁶⁷ См. примеч. 53.

¹⁶⁸ А. А. Бахрушин. См. примеч. 88.

¹⁶⁹ Многих сотрудников академических учреждений отзывали из отпуска во время работы Комиссии Фигатнера. Н. С. Измайлова, дочь академика С. Ф. Платонова, сообщила отцу в письме от 5 авг. 1929 г., что «особым циркуляром прекращен отпуск тем служащим, которые жили недалеко от Л<енингра>да, относительно тех, кто находится далеко, — решено пока их не вызывать» (цит. по вступ. ст. к публикации: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме, 1918–1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 годы. СПб., 2003. С. 276).

¹⁷⁰ В 1929 г., к столетию гибели А. С. Грибоедова, в Москве были организованы две выставки: первая в Государственном Театральном музее (ныне — Центральный государственный музей им. А. А. Бахрушина) под названием «А. С. Грибоедов. 1829–1929. Жизнь. Творчество. Театр» и вторая — «А. С. Грибоедов и его время» — в Государственном историческом музее (ГИМ), где хранился тогда Грибоедовский музей. Предполагаем, что Рышков скорее участвовал в работе над выставкой, проходившей в стенах Театрального музея.

¹⁷¹ В. В. — неустановленное лицо.

¹⁷² Частые просмотры «Разбойников» Шиллера в Большом драматическом театре в постановке Б. М. Сушкевича объясняются тем, что Кира Владимировна была многолетней поклонницей таланта В. В. Максимова, долгие годы игравшего в спектакле роль Карла Моора.

¹⁷³ Старейший торговый дом (Невский пр., д. 48).

¹⁷⁴ Дополнительных сведений об аресте Вл. Рышкова в 1927 г. обнаружить не удалось.

Библиографический список

1. *Бахрушин Ю. А.* Воспоминания. 2-е изд., испр. и доп. М.: ГЦТМ, 2012. 540 с.
2. В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 119–159.
3. *Вьолле К., Гречаная Е. П.* Дневник в России в конце XVIII — первой половине XIX в. как автобиографическое пространство // Известия АН. Сер. лит-ры и яз. 2002. Т. 61. № 3. С. 18–36.

4. *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме, 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 годы. СПб., 2003. С. 272—346.
5. *Рожанский М.* Между настоящим и реальностью: оптика советского идеализма // Человек. 2010. № 5. С. 47—57.
6. Российская Биографическая Энциклопедия «Великая Россия». Т. 14: Биогр. словарь сотр. Б-ки Российской академии наук / [Гл. ред.-сост. В. П. Леонов]. СПб.: Гуманистика, 2014.
7. *Рышков Вл. А.* Воспоминания незаметного человека / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб., 2007. С. 245—438.
8. *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1984. Т. 6. 367 с.
9. *Февчук Л. П.* Портреты и судьбы (из ленинградской Пушкинианы). Л.: Лениздат, 1984. 232 с.

И. А. ГРИНЕВСКАЯ.
ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАЯ СОЛНЦА
(О ВИДЕННОМ, СЛЫШАННОМ И ИСПЫТАННОМ)

(Продолжение)

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. А. Митник)*

Аннотация: Настоящая публикация — продолжение очерка И. А. Гриневской (1864—1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911—1914> с комментариями, в которых, в частности, также впервые обнародованы отрывки из ее переписки и других архивных документов. Эти путевые заметки дают представление о том жизненном и творческом опыте, который обрела писательница, побывав в Турции, Греции, Египте и Палестине, познакомившись с носителями идей ее религиозно-исторических поэм. Здесь описывается первая встреча И. Гриневской с Абдул-Баха, главой Веры Бахаи.

Ключевые слова: И. А. Гриневская, «Путешествие в Края Солнца», Баб, Бе-ха-Улла (Бахаулла), Абдул-Беха (Абдул-Баха), бабиды-бехаиды (бахаи), спутник Гриневской в поездке на Восток Мирза Алекпер Мамедханлы (Мирза Али Акбар Нахджавани), Л. Н. Толстой, персы.

Abstract: This publication is a continuation of the essay by I. A. Grinevskaya (1864—1944) «Journey to the Lands of the Sun» <1911—1914> with comments in which, in particular, excerpts from her correspondence and other archival documents are also published for the first time. These travel notes convey something of the life and creative experience that the writer had gained, having been in Turkey, Greece, Egypt and Palestine, having become acquainted with the bearers of the ideas of her religious and historical poems. It describes the first meeting of I. Grinevskaya with 'Abdu'l-Bahá, the head of the Bahá'í Faith.

Keywords: I. A. Grinevskaya, «Journey to the Lands of the Sun», Báb, Bahá'u'lláh, 'Abdu'l-Bahá, Bábís-Bahá'ís, Grinevskaya's companion in her trip to the East Mirza Alakbar Mammadkhanli (Mírzá 'Alí-Akbar-i-Nakhjaváni), Lev N. Tolstoy, Persians.

Данная публикация — продолжение очерка И. А. Гриневской (1864—1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911—1914>¹ (главы IX—X). В ее

¹ См.: Митник Е. А. Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 гг. СПб., 2009. С. 246—267; Гриневская И. А. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) [главы I—VI] // Ежегодник Рукопис-

биографии остается немало лакун. И. Гриневская (урожд. Фрейдберг) родилась в г. Сувалки (Suwalki).² «По некоторым данным, она была дочерью востоковеда Авраама Фридберга, но никакого документального подтверждения этому в архиве нет, однако есть сведения о ее принадлежности к семье Самуила Фрейдберга, судовладельца <...>».³ О матери писательницы также нет достоверной информации; в мемуарах Гриневской крайне скудные биографические сведения. «Чтение Весселитского (Г. С. Веселитского-Божидаровича. — Е. М.) моей поэмы состоялось в Лондоне в 1907 году в Обществе Всемирной Печати, председателем которого он состоял. Чтение его, конечно, получило отклик во многих газетах разных стран. Вот телеграмма об этом чтении у нас: “В Лондоне у герцогини Сутерланд состоялось собрание союза иностранной печати для выслушания сообщения корреспондента “Н<ового> Вр<емени>” о драме “Баб” г<оспо>жи ГРИНЕВСКОЙ. <...> Драма, вероятно, будет поставлена на английской сцене. И. А. Гриневская — уроженка Гродненской губ<ернии>, мать ее, 72-летняя старушка, проживает в г. Вильне”».⁴

Мы переписываемся с Яном Яшоном (Jan Jasion), французским исследователем (польского происхождения) биографии и творчества И. Гриневской, ведущим свои изыскания в этом направлении с 1978 г. Готовится к печати его книга о писательнице в издательстве «George Ronald of Oxford». По его словам, он попытался дать общее представление о Гриневской польской аудитории и шире — западной. Я. Яшон составляет библиографию ее работ для Национальной библиотеки Польши в Варшаве (*польск.* Biblioteka Narodowa w Warszawie).⁵ Он

ного отдела Пушкинского Дома на 2016 г. СПб., 2017. С. 434—491; *Гриневская И. А.* Путешествие в Край Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (Продолжение) [главы VII—VIII] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 гг. СПб., 2019. С. 271—287.

² Город на северо-востоке Польши; с 1815 г. — в Царстве Польском Российской империи, после Гражданской войны в Российской империи и необъявленной советско-польской войны (события 1918—1921 гг.) город стал относиться к Польше.

³ Гриневская Изабелла Аркадьевна. Фонд 55 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб., 2011. С. 1101.

⁴ *Гриневская И. А.* История моих Восточных поэм. Часть I // РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 13, л. 36, 38. Публикуется впервые.

⁵ Попутно заметим, что мы начали составлять библиографию произведений И. Гриневской и литературы о ней в 2003 г. (в свое время, по просьбе сотрудницы РО ИРЛИ, мы отправили в Пушкинский Дом этот перечень). Наши публикации, в частности, касались проблем редакционно-издательской подготовки ее литературного наследия: поэтических, прозаических, драматических, публицистических и переводных произведений (см.: *Митник Е. А.* Изабелла Гриневская — забытый литератор Серебряного века. СПб., 2007. С. 9—20; *Митник Е. А.* Религиозно-исторические сочинения Изабеллы Гриневской. СПб., 2007. С. 148—155; *Митник Е. А.* Очерковая книга Изабеллы Гриневской «Путешествие в Край Солнца» как завершение ее трилогии о бахаизме. СПб., 2008. С. 151—158). Тогда имя этого некогда известного литератора было почти забыто. С Яном Яшоном мы заочно познако-

предполагает, что мать писательницы была немкой; очевидно, сестры ее матери говорили на немецком языке, а возможно, и на идише. Первыми языками И. Гриневской дома были польский и немецкий. По всей видимости, это во многом определило стилистические особенности ее сочинений. Итак, нашлось объяснение тому, почему подчас возникает ощущение, что русский — не родной для нее язык.

Книги, которые И. Гриневская читала в детстве, а также ее комментарии и произведения указывают на то, что их семья была весьма образованной, либеральной и терпимой, лояльной к Польше. В автобиографии писательница упоминала запрещенные царским правительством книги, которые она читала на польском и немецком языках, представляя их названия на русском языке. Предположительно, семья по этническому признаку была немецко-еврейской и, вероятно, польской, а по национальности — польской, что нередко в этой части Польши. Я. Яшон выдвинул, по его словам, «бездоказательную теорию»: возможно, отец И. Гриневской был вовлечен в польское восстание, и, чтобы защитить родных, она не касалась семейной истории.⁶

Продолжая изучать богатейший архив писательницы, пока мы вынуждены довольствоваться лишь намеками писательницы об ее корнях: «...по многим причинам нельзя сказать всего <...>. <...> все, что могут во мне ценить, я получила в наследство от родителей, главным образом, от матери, а также атавистическим путем. Среди моих дедов и прадедов были выдающиеся, оригинальные личности. Любовь к литературе была у матери. Пушкин, Лермонтов, Мицкевич были ее любимыми писателями. Из немецких классиков она чаще всего вспоминала драму “Торквато Тассо”» Гёте. <...> У одной из моих теток со стороны отца тоже была большая начитанность в немецкой литературе. <...> Прежде всех влияла на развитие мое мать, которая была и первая моя учительница <...> а также бабушка (со стороны матери). <...> У меня не было особых ранних опытов, но я имела возможность наблюдать их — и это, конечно, способствовало развитию писательского дара. Способствовали развитию его <...> самые стены дома, в ко-

мились и стали делиться своими изысканиями в 2018 г.; отродно, что в наши дни он, а также Е. В. Виноградова, Е. В. Леоненко, М. Ю. Коренева и др. в своих работах приоткрывают завесу тайны над личностью Изабеллы Гриневской.

⁶ Я. Яшон заметил, что в наши дни Изабеллу Гриневскую путают с Бертой Фридберг, писавшей исключительно на идише под именем Изабель или Изабелла, а в своей последней работе (1894) использовавшей имя Белла Спектор. Б. Фридберг родилась в Гродно (1863 или 1864); ее отец Авраам Шалом Фридберг (1838—1902) — еврейский писатель, публицист и редактор; ее первый муж — еврейский писатель Мордехай Спектор (1858—1925), за которого она вышла замуж в 1886 г. в Петербурге; в 1895 г. снова вышла замуж — в Вильносе за Хаима Сандомирского. Жила в Одессе с 1890 по 1910 г., затем уехала в Константинополь, где умерла в 1938 г. Все сочинения И. Фридберг были опубликованы в Варшаве.

тором я жила. Это был дом, некогда принадлежавший польским королям, старый, мрачный <...>».⁷

По воспоминаниям И. Гриневской, первым ее «оригинальным произведением был очерк о французском моралисте XVI века Мишеле Монтэне и его “Essais”.⁸ <...> А ведь это был труд немалый, если вспомнить, что “Essais” написаны на древнефранцузском языке. Разобраться в нем было весьма нелегко».⁹ Свои мысли о предвестнике новой религии первоначально она думала изложить в форме философского трактата, но «помня муки, испытанные с трактатом о Монтэне»,¹⁰ решила выразить их в драматической поэме «Баб» (1903). Волею судьбы в 1912 г. поэтесса познакомилась во Франции с переводчицей Ниной Гальперин-Каминской, с театральным критиком, а позже премьер-министром Франции Леоном Блюмом и директором театра «Одеон» Андре Антуаном, о чем нам сообщил Я. Яшон. Эти сведения подтверждаются документами из архива И. Гриневской: «...поэма (“Баб”. — Е. М.) была причиной моей поездки в Париж, куда меня вызвала переводчица ее на французский язык Гальперин, та самая, которая перевела текст “Снегурочки” оперы Римского-Корсакова. <...> я рассказывала в том очерке (“От Кранца до Парижа”. — Е. М.) об отношении к моему труду критика Леона Блюма, нынешнего премьера Франции, и его брата Рене, ввиду того решающего значения, которое оно могло бы иметь на судьбу этого труда и на всю мою жизнь, если бы я умела б р а т ь, если бы я умела пользоваться благоприятными обстоятельствами. <...> После вторичного чтения Антуан пишет моему критику, ставшему мне новым, дорогим другом: “...Мое первое впечатление осталось неизменно то же, как от превосходной вещи, недостаточно удовлетворительный перевод которой делает невозможным представить ее в такой форме французской публике”. <...> Все дело остановилось потому, что я должна была вернуться в Россию по самой прозаической причине. Не было денег, нечем было жить в Париже».¹¹

Я. Яшон хранит письма И. Гриневской к Шоги Эффенди (главе Веры Бахаи в 1921—1957 гг.), многие из которых без почтовых штемпелей на конвертах, т. е. они были тайно вывезены из Советского Союза. В архиве РО ИРЛИ есть письма Абдул-Баха и Шоги Эффенди к И. Гриневской, а также черновики ее писем к ним.¹² Баб, Бахаулла и Абдул-

⁷ Изабелла Аркадьевна Гриневская // *Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. С. 243, 247, 254. Далее — *Фидлер Ф. Ф.*

⁸ См.: *Гриневская И.* Мишель Монтэнь и его «Essais» // *Образование.* 1896. № 11—12; *Гриневская И.* Мишель Монтэнь и его «Essais» // *Театр и искусство.* 1902. Т. VIII. Вып. седьмой. С. 1—25; вып. восьмой. С. 1—19. (Б-ка ж-ла «Театр и искусство»: беспл. прил.; № 41).

⁹ РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 13, л. 2—3. Публикуется впервые.

¹⁰ Там же, л. 3. Публикуется впервые.

¹¹ Там же, л. 42—43. Публикуется впервые.

¹² См., например: РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 232, 244, 1204.

Баха — столпы мировой религии Бахаи — стали героями ее главных произведений. «...Книга “Баб” привлекла ко мне много благородных сердец, дала мне бескорыстных друзей и доброе отношение ко мне людей науки, литературы, журналистики, печатников и <...> читателей разных положений, состояний, партий и национальностей. Это отношение было для меня дорогой наградой за труд, за выдержку, за сопротивление соблазнам, за терпение, необходимые при совершении такого рода труда. Это отношение и было те охалки роз, разбросанных на моем пути, заставившие меня забыть об их шипах <...>».¹³

«Путешествие в Края Солнца» печатается по машинописи с правой писательницы (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 10). Текст очерка приводится в соответствии с современными нормами орфографии, с сохранением отдельных пунктуационных особенностей оригинала. Трудно читаемые слова, сокращения и предполагаемые пропуски восстановлены в угловых скобках.

В комментариях к очерку впервые опубликованы некоторые отрывки из переписки И. А. Гриневской и других архивных документов.

Выход в свет очередных глав этого эссе — в какой-то мере наш отклик на ее призыв: «Издатель, вместо *биографии* дайте лучше еще один образчик моих сочинений. Читатели, читайте меня: прочитав, вы узнаете меня, и может быть, и полюбите меня».¹⁴

Приносим глубокую благодарность Ю. А. Иоаннесяну, С. Ю. Митнику, сотрудникам Рукописного отдела Пушкинского Дома и общине бахаи — за всемерную помощь.

И. А. Гриневская
Путешествие в Края Солнца
(о виденном, слышанном и испытанном)
(Продолжение)

Глава IX

Я изучаю «его». — В чем будут состоять мои дальнейшие воспоминания. — Почему мои пьесы «Баб» и «Беха-Улла» одобряются мусульманами разных толков. — Баб, Беха-Улла и Абдул-Беха — характерные представители Востока. — Вопросы, задаваемые при встречах у нас и на Востоке. — «Ничего». — Каковы бабиды, бехаиды и персы. — Готовлюсь к встрече с вождем бехаидов. — Высказываю желание спутнику, чтобы вождь узнал содержание моей поэмы. — В чем заключается это содержание и что в ней выражено с первого взгляда.

Я почти не выходила из моей каюты, чтобы излечить больную ногу. Мы приближались к Александрии — к цели моей поездки, где я долж-

¹³ РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 13, л. 16. Публикуется впервые.

¹⁴ Фидлер Ф. Ф. С. 244.

на была увидеть ближайших потомков героев моих двух пьес «Баб» и «Беха-Улла», последователей описанного мною учения, единственного представителя которых я увидела впервые только в Одессе, в лице моего снисходительного ко мне и терпеливого спутника.

В пути я, конечно, «изучала» «его», как и он меня, наверно. Я в нем изучала культуру Востока в ее последнем слове, а он во мне — изобразительницу этого Востока, вдохновившуюся волею судеб унесшим и его религиозным движением к новым горизонтам.

Тут я остановлюсь, чтобы сказать вперед, в чем будут состоять теперь мои воспоминания об общении с людьми, к которым я направлялась. Напомню снова, что я отправилась на Восток со специальной целью познакомиться со средой бабидов-бехаидов — с тем, чтобы проверить с бытовой стороны написанную мною пьесу «Беха-Улла». Среда эта может служить показателем новых чаяний в мусульманстве, как и средоточием лучших его начал и исконных свойств магометанских народов, хотя бехаизм и отвергается магометанством.¹ Среда эта, с моей точки зрения, н и к е м (здесь и далее разрядка И. Гриневской. — Е. М.) ранее не была описана. Впервые бытовой ее характер и дух изобразила я в моих книгах — исключительно силой воображения, силой догадки и изучения общего мусульманства и его культуры. Теперь я имела возможность видеть этих людей телесными очами и дать фотografiю этой для всех неведомой жизни, жизни людей, исповедующих веру всеобъединяющей, всечеловеческой, всеобъемлющей любви. И мое описание будет насколько возможно точной передачей моей жизни среди этих людей. Я буду приводить и сравнения замеченных характерных черт действительности с изображенным в моих книгах. Я должна сказать, что, прожив много недель в новой для меня среде, я с радостью заметила, что действительность совпадала с изображенным, что я описала неведомую мне среду с правдой очевидца. Или я смотрела на действительность сквозь очки моего воображения?

Я поняла тут, почему мои обе пьесы находят одобрение в просвещенных мусульманах всех толков. Мусульмане, не затуманенные неистовством фанатизма, видят, что в пьесах моих я осветила дух самого мусульманства в моменты, когда он охвачен пылом веры, в моменты, когда он как бы стоит перед истиной, которую не перестают искать дети ислама и ждать ее появления с милостивых, озаренных солнцем небес.

В лицах Баба, Беха-Уллы и сына последнего, Абдул-Беха, — часть персидского народа видит воплощение этой мировой истины, над которой покоится блеск Аллаха; они видят часть этой мировой истины, в которую Он вдохнул свой дух.

Перс с<о> своим пророком Магометом говорит: «Чернила ученых и поэтов и мудрецов священные крови мучеников». И к таким ученым мудрецам и поэтам на Востоке даже правительство, преследуя их, относится с<о> страхом Божиим, воздает им должное почтение. С таким же почетом относятся к ним и самые ярые противники. Последователи

мудрецов глядят на них, как на гонцов небесных. Пребывание этих пророков среди людей не мешает их обожествлению.

Запад пойдет за гением, кто бы он ни был. Восток пойдет за тем, жизнь которого осенена духом Божиим. Запад идет за человеком. Восток пойдет за божеством, за существом вне этого мира.

Абдул-Беха, к которому я ехала, почитается одним из подобных существ... Он мудрец, поэт, ученый, носитель небесной истины... Не сразу, а мало-помалу пред вами развернется характер целого. Я буду передавать мои наблюдения, разговоры, отношения ко мне разных лиц интересующей меня среды по мере знакомства с ними.

«Разве персы такие, как у вас описано в поэмах?» — слышу я часто от прочитавших мои книги людей, весьма образованных.

Персы считаются у нас чуть ли не дикарями. Однако вспоминаю, даже в одном учебнике сказано, что персы — французы Востока. Скажу более — если где осталось рыцарство в обращении, в красоте внешней манеры — так это именно на Востоке вообще, а в Персии — в частности. И только перс мог сказать то, что говорит в моей поэме Беха-Улла: «Лишь красотой чаруя — повергнете вы беды в прах».² Красота обращения, деликатность — вот те чары, о которых говорят враги нового учения.

Вот мой спутник. Узнала случайно от него, что он причастен к технологиям, что он управлял какими-то нефтяными делами. Я не задавала ему никаких вопросов об его образовании официальном,³ его общественном положении и состоянии. Восток не считает приличным задавать вопросы, которыми при первом почти знакомстве обмениваются у нас.

— Вы кто? — если осмелюсь спросить, — где служите? Сколько жалованья вы получаете, сколько вам лет? Женаты вы, вы холостой и т. п. — Подобные вопросы, от которых так и пахнет полицией, которые задаются у нас постоянно, не принято задавать на Востоке.

В одной из моих одноактных пьес «Охота на медведя»⁴ наши обычаи в этой области изображены довольно подробно.

У нас эти вопросы задаются не из интереса к новому знакомому, а так, из любопытства, доставшегося нам от героев Гоголя по наследству, из любопытства или даже просто так. Задаются точно для того, чтобы и нового знакомого и сведения о нем выбросить вон из головы. Также заносятся у нас сведения о писателях без всякого интереса к их сочинениям. И «он», спутник мой, также меня не спрашивал ни о чем и также не говорил о себе.

Только теперь, уже на последнем переходе к Александрии, я узнала, сколько я причинила ему хлопот. Вместо того чтобы съехаться с ним в один день в Одессе, или же хотя бы на два дня позже, я прибыла в Одессу через 20 дней. И он меня все ждал. Каждый день ходил «он» на поездку встречать меня. Полагая, что он меня пропускал, не узнав меня, он каждый день также отправлялся в адресный стол справлять-

ся, не прибыла ли в Одессу такая госпожа, «так что барышня в адресном столе уже меня знала и верно думала, что я сумасшедший», — заметил он.

— Вам, верно, надоело меня ждать, — сказала я неостроумно.

— Ничего, — ответил на это мой спутник. «Ничего» — это даже чисто по-русски. Но ведь известно: *grattez le russe <et> vous trouverez le tartare*,⁵ — а татарами у нас и у французов считают всех мусульман, даже арийцев — персов. Впрочем, в сравнении с «тата́рами» не обидно для русских, как мы увидим ниже...

Когда я сказала, почему он мне не сообщил в Одессе о своих мытарствах из-за меня, он опять ответил: «Ничего, не стоило вас огорчать». «Ничего»! Как я обрадовалась этому милому знакомому слову. «Ничего», — отвечал он на мой вопрос, как его голова, болями которой он, должно быть, очень страдал, потому что даже этот восточный долготерпеливец изредка жаловался.⁶ Он говорил «ничего», когда я тревожно спрашивала, а что если Абдул-Беха уехал в Америку. «Ничего»... мы поедем за ним. Ни капли тревоги, суетливости. Он скажет «ничего», подумала я, когда бы его повели на смерть за идеи. Точно так, как у меня описаны герои моих поэм «Баб» и «Беха-Улла», думала я радостно, сравнивая предмет моего наблюдения с героями моих пьес.

«Ничего»... и притом все время ровное, тихое, безмятежное настроение. Это сын Востока, это сын религии всех религий.

Впрочем, однажды я спросила одного юношу-перса — не-бехаида, с которым познакомилась через несколько лет после того, как вышла моя поэма «Баб»: «Вы не страдаете здесь от холода?» «Ничего, — ответил он. — Вот на параде в мороз, когда приходится часа два держать ружье, — холодно». — «И что же вы?..» — «Ничего, держим», — ответил сын жаркого Ирана, не привыкший к большим холодам. А этот юноша, должно быть, был особенно избалован, так как по происхождению своему он принц и сын богатых родителей.

Когда мы вышли на берег в карантине на острове близ Константинополя, капитан нашего корабля повел нас, пассажиров, показать маленькую церковь, как я уже сказала раньше, которую матросы реставрируют при каждой остановке близ него. Мирза Али Акпер, так зовут моего спутника,⁷ пошел с нами, конечно. Когда все пассажиры разбрелись, он еще некоторое время оставался в созерцании. «Я люблю все места, где есть Бог», — сказал он, произнося твердо «г», как «к», что не ускользнуло от моего насмешливого духа и тут, хотя я была в восхищении от этой фразы, как будто я нашла потерянную дорогую вещь, ибо она совпала с описанным в моей поэме.

Вот каковы на самом деле эти люди, любящие все храмы, каковы эти персы, потомки былых завоевателей мира, Дария Гистаспа и Кира, потомки закаленных в боях воинов. Только предки их завоевывали мечом, а они поднялись, чтобы завоевать мир любовью. И так я тут же решила: у меня они описаны верно. Тихие, скромные, терпеливые, умеющие

переносить лишения и твердо идти к цели, не боясь страданий. «Блаженны тихие», — говорит в моей поэме Баб. Неужели все таковы?

«Смотрите же — терпенье —
Оно мой щит,
Прощенье —
Мое копье.
Любовь — мой меч, вот все
Мое вооружение», —

говорит Беха-Улла в моей поэме.

Что думал обо мне мой спутник при виде перемен моего настроения, горячности, с которой я защищала мои мнения, нетерпения, с каким я выслушивала возражения? Что он думал о моей самоуверенности, капризности и многоречивости доказательств, упорстве, в то время как он сам так деликатно и тихо делает свои возражения, начиная с «да»?.. Ведь он, наверное, полагал, что автор двух религиозно-философских пьес, автор «Баба» и «Беха-Уллы», должен не говорить, а вещать, не смотреть, а лицезреть, не сидеть, а восседать, не ходить, а шествовать...

Что он думал? Но бегаиды могут думать о других только хорошее, а если бы они и думали дурное, они не должны об этом говорить.⁸

«Кто злословит — тот не бегаид», — говорит Беха-Улла, но если бы бегаид непременно захотел говорить о недостатках чьих-нибудь, то пусть он говорит о самом себе, ибо свои недостатки ему самому могут быть лучше известны, чем недостатки других».⁹ Это уже я сказала ранее, но не мешает повторять эти вещи.

Тут я вспоминаю изречение другого мудреца европейского, который, впрочем, немало изучал Восток. Это Ренан.¹⁰ Он сказал: «De soi on ne doit parler ni en bien, ni en mal».¹¹ А между тем, вот бывают случаи, когда приходится говорить о себе и en bien, и en mal, ибо мы говорим о себе не только словами, но и делами.

Готовясь встретиться с вождем бегаидов, я ощущаю волнение моего спутника, который, очевидно, хотел, чтобы я произвела хорошее впечатление. Он меня спрашивает, что я намерена сказать Абдул-Беха. Я отвечаю: я не намерена говорить, а <намерена> слушать. Скажите так Абдул-Беха: «Я, как странник, которого приютили в доме, у ворот которого он долго стоял и внутренность которого он рисует себе в воображении. Он входит и сравнивает воображаемое с действительностью и немеет перед нею. Он ловит тепло очага и ласку речей... Что я могу говорить? Я хочу слушать». Затем я говорю спутнику, что, если бы я могла говорить по-персидски, я бы рассказала вождю содержание моей трагедии, ради которой ведь я еду к нему и в которой есть все, что я могла бы сказать. «У меня она записана акт за актом, и я ему о ней доложу, но, если вы хотите, я готов слушать, чтобы вы сказали сами», — отвечает он. И я сказала следующее:

«В моей трагедии “Беха-Улла” я изображаю жизнь бабидской общины со времени ее бегства из Персии до года кончины Беха-Уллы.

Само действие начинается за неделю или более до выселения ее из Багдада в Константинополь, хотя из речей действующих лиц, с первого же явления, указывается и на предшествовавшие события, на само возникновение бабизма, смерть Баба и преследования бабидов в самой Персии.

Параллельно изображается внешняя и внутренняя трагедия жизни Беха-Уллы. Внешняя: преследования, которым он подвергался со стороны правителей светских, духовных, враждебные действия по отношению к нему со стороны любимого младшего брата и воспитанника, необходимость возвращать общину на путь заветов, оставленных Бабом, на путь непротивления и прощения, заветов, забываемых и малопонятных, а также удержать ее на этом пути в минуты грозных преследований. Внутренняя трагедия — это переживания Беха-Уллы, его страдания, сомнения, путем которых он приходил к заветам, о которых мы знаем и которые кажутся нам столь спокойно звучащими. Трагедия эта переживается всеми пророками, посланными Богом на землю, чтобы сквозь горнило их духа и даже тела проходили все муки, все страдания, все сомнения и колебания человечества, дабы они могли все понимать и получили уменье говорить языком, понятным для немогущего духа человека.

Помимо этого, устами Беха-Уллы дается ответ на все главнейшие и обыкнейшие возражения, которые делают против необходимости всечеловеческой любви».

Глава X

Подъезжаем к Александрии. — Новые фигуры сынов Востока. — Бытовая картина. — Мы едем по городу. — Ухожу в прошлое, гляжу в будущее. — Первая встреча с хозяином квартиры, где жил Абдул-Беха-хаджи. — «Хейли хуб». — Поездка в фаэтоне и по трамваю в пригород Александрии — Рамлэ. — Я слушала первые разговоры бегаидов и первые опыты спутника в деле драгоманства. — Первые пальмовые рощи. — Первое вступление в дом, где жил Абдул-Беха. — Первая с ним встреча. — Обмен первыми речами. — Сравниваю слышанное с уже описанным давно в «Бабе».

В этих и иных беседах подъезжаем к Александрии. На берегу я вижу уже другие фигуры, фигуры босоногих арабов, в белых рубашках и повязанных платках на голове. Босоногие, одетые в ничего не стоящие тряпки, но... что это все за принцы, какая походка и какие лица! Однако бывалые люди говорят: все это мазурики и попрошайки. В то время как мой спутник вышел на берег, я осталась на судне. Сажу на нижней палубе, на скамье, и говорю с бравым капитаном.

Наконец, наши вещи водрузили на фаэтон, и мы едем. Откуда ни возьмись, молодой араб вскочил на козлы и что-то лопочет, указывая на меня. «Кто это?» — спрашивает меня мой спутник.

А дело было так: когда мой спутник оставил меня на пароходе, чтобы урегулировать какие-то формальности — меня продолжали осаждать эти «новые фигуры», которых я рассматривала с понятным любопытством. Среди осаждавших меня был и этот молодец, обратившийся ко мне по-итальянски с предложением вынести вещи.

«Sono onesto, altri malonesti»,¹² — коверкал он божественный язык Данте.¹³ Я имела неосторожность улыбнуться и сказать, что вот придет signor,¹⁴ он ему скажет, нужен ли он. Но «signor» привел уже другого носильщика, тем не менее «итальянец» не хотел уступить и, хотя вещи были вынесены другим и положены в фаэтон — он неотступно следовал за нами, взгромоздился на козлы, а потом и потребовал плату за «труд».

Мой бегаид тут впервые выказал против человека неудовольствие, для меня же это была интересная сцена нравов для наблюдения. Интересно было видеть и то, как теория сживается с практикой.

Вот мы едем по этому городу, в котором некогда сосредоточивалась культура Востока. «Некогда здесь было средоточие богатейшей культуры Египта... и т. д.», — вспоминаю я историю. Цезарь и Клеопатра, александрийские философы, к которым стекались ученые всего цивилизованного мира того времени. Где это все теперь? Ухожу в прошлое и гляжу в ближайшее будущее, думаю о предстоящем мне свидании. Мной овладевает серьезное беспокойство насчет впечатления, которое я могу произвести на Восток. Никогда не отличалась искусством быть внушительной... а тут полное незнание языка. И неискусное владение речью уже придает человеку весьма глупый вид, а совершенное незнание языка придает ему вид идиотский, и это мне известно...

Едем по благоустроенным улицам. Едва их вижу, так как я поглощена другими мыслями. Подъезжаем к одному магазину, т<ак> н<азы>ваемых красных товаров.¹⁵

— Сейчас мы узнаем, здесь ли еще Абдул-Беха. Хозяин магазина — бегаид, Хаджи Ага Мамед.

— Абдул-Беха занимает половину его большой квартиры, — сказал Мирза Али Акбер, видимо сдерживая волнение.

Входим в узкий и длинный полутемный магазин, какие встречаются и у нас в больших провинциальных городах. Продавцы, как и у нас, отпускали товар, хлопоча около покупателей. За конторкой сидел красивый старый, с совершенно черной, небольшой, подстриженной бородой, перс, в полуперсидском, полуарабском костюме, с белоснежной чалмой на голове. Суровое лицо его при виде вошедшего знакомого бегаида прояснилось. Он обнял вошедшего и братски поцеловал. Меня он усадил. Непременно хотел нас сейчас же угостить, но спутник мой Мирза Али Акбер запротестовал, горя нетерпением скорее увидеть вождя. К счастью, Абдул-Беха оказался еще в Александрии, а когда он уедет и куда — еще никому неизвестно.

— Как чувствует себя Абдул-Беха? — заботливо справился Мирза.

— Хейли хуб, очень хорошо, — последовал ответ.

Мы поехали в фэртоне к трамваю, идущему в Рамлэ, к пригороду Александрии, вроде нашего Петергофа, где иные богатые александрийцы живут постоянно и куда съезжается в летние месяцы состоятельное население этого города. Мы покатали по электрическому трамваю,¹⁶ как будто бы мы находились в Петербурге, а не на месте рождения Клеопатры.

— Где мои 7 мест? — вдруг озаботилась я.

— О них уже подумали, — отвечает мой спутник.

По дороге к трамваю, Хаджи — высокий, статный, замечательно грациозный человек, рассказывает нам с наивностью ребенка о своем чудесном исцелении. В этом чудесном исцелении какую-то роль играл Абдул-Беха (не помню теперь подробно), и с тех пор он предан ему душой и телом, с тех пор вера его непоколебима, крепка, как скала. Все это говорится по-персидски, и Мирза переводит мне сказанное.

Я только таращу глаза и слушаю, ловлю речи этих первых бегаидов, которых вижу, и запечатлеваю в уме их движения...

Вот едем по Рамлэ... вот первые пальмовые рощи, которые я видела только на картинах, вот белые ограды домов, через которые свешиваются вьющиеся растения с лиловыми цветами...

Подъезжаем к одному из белых домов, примыкающему к роще пальм, упирающихся в лазурь. Жалкое подобие этих деревьев мы видим в наших оранжереях или в кадках в ресторанах с румынами,¹⁷ или на колоннах наших салонов. Поднимаемся по мраморной лестнице, еще, видно, неприбранной, несколько запущенной.

Меня вводят в просторную комнату обыкновенного европейского убранства провинциального характера людей среднего достатка. На стене висят в рамках какие-то письма и портрет замечательной красоты молодого перса. Вскоре вошел Хаджи и позвал меня к Абдул-Беха...

«Абдул-Беха!» — торопливо воскликнул он и жестом пригласил меня идти за собою.

Я вхожу в небольшую светлую комнату, очень просто обставленную. На низком кресле, покрытом белым чистым чехлом, сидел с поджатыми по-восточному ногами старик, с белыми серебристыми волосами по плечам и белой бородой. На нем белая, так называемая «камис», поверх которой надет верблюжьего цвета «лабаде».¹⁸ На голове невысокая белая фетровая шапочка, обмотанная тонким белоснежным тюрбаном. Лицо? Это не тот красивый молодой человек, что я видела на портрете (который оказался именно его портретом в молодости), а красивый старец с выразительными чертами лица, строгого характера и необыкновенно большими серыми глазами, оттененными густыми ресницами. Чем-то странным, таинственным и далеким веет от всей его величественной, несмотря на явно небольшой рост, фигуры. Абдул-Беха сидит. Перед ним на стуле, в мягком котелке на голове,

сидит со сложенными на груди накрест руками мой спутник и молитвенно глядит на этого старого человека, которого вначале я рассматриваю только с интересом. Вождь бегаидов указывает мне место на низком диванчике против себя — и смотрит на меня пытливыми этими большими глазами. Вижу в них, прежде всего, отражение большого ума. Я уже знала, что ему не впервой видеть европейцев разных слоев общества и разных состояний. Я знала из рассказов моего спутника о многих англичанках, американках и француженках, увлеченных идеями учения бегаидов, перебивавших у него и поклоняющихся ему. Из России я, первая женщина, являюсь к мудрецу, сыну изображенного мною героя, к тому, кто продолжает ныне в мире дело проповеди любви ко всем.

Вождь спрашивает меня, как я перенесла путешествие. Он говорит ясным, высоким голосом, которого нельзя было ждать, очень приятным тенором, а Али Акбер переводит, произнося слова тихо, как будто боясь спугнуть кого-то, тихо, набожно, серьезно, с полуопущенным взором...

На мой ответ, что «недурно, хотя были и волнения», он заметил: «Мы постараемся заставить вас забыть о трудностях пути». При этом он приветливо взглянул на меня.

— Находясь сейчас перед вами, я уже забыла о всех его трудностях, — на то сказала я, в тоне рыцарского замечания Абдул-Беха.

Наслышавшись, вероятно, о трескучих морозах Сибири, он спросил меня, какая в зимнее время в Петербурге погода.

— В два часа, вот теперь, у нас уже зажигают свечи. Мы редко видим оба солнца: и солнце неба, и солнце духа.

— После бессолнечных петербургских дней и дорожных страданий вы можете отдыхать теперь под солнцем этой страны. Настанет время, что и духовное солнце будет блестеть во всей своей красоте, — заметил вождь своим красивым музыкальным молодым голосом.

Я вспомнила слова Баба в моей трагедии «Баб»:

Клянись, клянись, клянись. Настанет царство света,
Земная мгла уйдет, она уйдет, и вновь,
В короне из лучей, царицею одета,
С небес далеких к вам сойдет она, любовь...¹⁹

О солнце любви, конечно, говорил этот восточный мудрец.

— Спокойно ли у вас в России теперь?

— Наружно, кажется, да. Но часто такие волнения, как внешние болячки, если они сгоняются с поверхности тела, они загоняются внутрь, что хуже, — сказала я, желая показать мою политическую прозорливость.

— Посеянные зерна мира Толстого должны были дать плоды, но он не сумел примирить обе стороны. Он стал против правительства. Хотя теперь, правда, такое время, что самодержавие не может более суще-

ствовать ни в одной стране. Но надо ему (Толстому) отдать справедливость — речи его дышат миролюбием. Вы живете в такое время, когда вашу страну потрясают волнения и борьба... а я родился в тот год, когда у нас кругом проливалась кровь за Божье Слово. Когда я сосал грудь — громили последователей нашего учения; когда я возмужал — я видел сам притеснения и гонения, которым подвергали ревнителей любви и мира. Я пять раз был выслан, 42 года я был лишен свободы передвижения, однако я всегда с радостным духом подчинялся воле Аллаха, радостно терпел ради той истины, перед которой склоняюсь, в которую верю и воцарение которой вижу; да, я вижу плоды посеянных зерен рукою Беха-Уллы...

После этого обмена речей Мирза Али Акбер стал ему докладывать содержание моей драмы — все в той же почтительной позе. В течение доклада Абдул-Беха много раз произносил одобрительное «хейли хуб», слово уже мне известное... «Хейли хуб», «хейли хуб» — повторял он на разные лады, от времени до времени поглядывая на меня, то с пытливостью, то с некоторым удивлением, то с одобрением. И я в свою очередь взглядывала на этого человека, власть которого безгранична над его последователями, которого я увидела тут впервые и которого я с нигилизмом европейца хотела скоро разгадать.

Когда «докладчик» кончил, мудрец сказал:

— Вы первая женщина, проложившая путь к познанию Баба и Беха-Уллы в изображении поэта. Много было женщин-цариц, как в Европе, так и в Азии, но что от них осталось? Одна Мария Магдалина, которая была простая женщина, своей духовной любовью к Богу жива и до сих пор. Лик ее блещит с горизонта христианского мира. Вот что значит не довольствоваться земными низкими радостями, не бежать за обыкновенными благами, ибо самая высшая степень этих благ доступна всем, даже животным. Вот серна несется по горам. Ей кажется, что для нее одной расстилаются луга, течет река... Но что остается от ее наслаждений? Однажды, когда я был на горе Кармель, я увидел на ветке кипариса воробья у гнезда. Тут же была его подруга. Птенцы радостно щебетали ему навстречу, а он с ветки глядел на расстилающиеся луга. Казалось, все принадлежало ему. Я показал сопровождавшим меня друзьям на птицу и сказал: «Есть ли в мире царь, который был бы довольнее ее? Но и эти радости преходящи, и если оне (так! — Е. М.) могут удовлетворять животное, то разве человек создан только для этих удовольствий?» Я хочу сказать, что вы положили много труда, не довольствуясь радостями земными, что вы вознеслись на высоту духовного мира, что вы витали в сфере миролюбия ради блага людей, и потому будьте покойны — ваши труды не пропадут даром. «Беха-Улла» будет переведен на все языки и будет ставиться на всех сценах. Его будут играть даже в Персии, — предсказывал он.

Мне было приятно слушать эти речи, хотя я и не верила осуществлению этих предсказаний.

В это время нам подали чай.

Абдул-Беха порывлся в бумагах, которые были разбросаны по маленькому столику, и сказал: «Вот я получил из Америки письмо: один бабид сочинил гимн, и его пели белые и черные люди. До этого никогда обе расы не соединяли своих голосов для молитвы».

Считая нужным показать свой ум, наконец, я заметила: «Я думаю, краски лиц останутся, но сердца изменятся и сольются в любви».

Вождь подтверждающе кивнул головой и совсем просто улыбнулся, улыбнулся отечески снисходительно. Так улыбаются детям, которые случайно скажут что-нибудь вне круга их детского понимания. Эта улыбка растопила лед, который, казалось мне, стоял между нами и образовался под холодом моего скептицизма. Я почувствовала себя совсем свободно и легко.

Вскоре Абдул-Беха отпустил нас, и, как я узнала потом, он распорядился отвезти меня в лучший отель Рамлэ, где я жила в качестве его гостыи.²⁰

¹ Ср.: «...религия Бахаи имеет свои корни в Исламе, однако она представляет собой независимую форму поклонения Богу, а не исламскую секту. А иначе пришлось бы считать Христианство иудейской сектой на том основании, что оно выросло из Иудаизма» (цит. по: *Шефер Удо*. Вера Бахаи: секта или религия? СПб., 2003. С. 32).

² Ср.: «Сии святые Явления (т. е. Богоявления. — Е. М.) освобождают человеческий мир от присущих ему несовершенств, и благодаря Им люди обретают красоту небесных совершенств» (Абдул-Баха. Цит. по: *Раскрывая наше духовное предназначение...* СПб., 2002. С. 107).

³ Спутник И. Гриневской был инженером. «При письме от 1 сентября 1909 г. проживавший в Баку инженер Мирза Алекпер Мамедханов (1875–1920) по мировоззрению бехаист, прислал свой перевод из речей Абдул-Беха Аббас<a> Эфенди “Воззвание к бехаистам востока и запада”» (Примечание к письму Л. Н. Толстого от 22 сент. 1909 г. Цит. по: *Толстой Л. Н.* Мирзе Алекпер Мамедханову // *Толстой Л. Н.* ПСС. Т. 80: Письма, 1909 (июль-декабрь). С. 46. Неверно указан год рождения М. А. Мамедханова; правильно: 1865 г.).

⁴ *Гриневская И.* Охота на медведя (драматический этюд в одном действии) // *Гриневская И.* Одноактные пьесы и монологи (12 одноактных пьес и 5 монологов). СПб., 1907.

⁵ «*Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare*» — «Поскоблите русского, и вы найдете татарина» (фр.).

⁶ На самом деле спутник И. Гриневской был серьезно болен. В недатированном письме к ней он пишет (пунктуация и подчеркивание его): «Что касается меня то я умирал доктора мне предписали если в сутки 24 часа, то 25 часов надо лежать то есть порой временами мне было так плохо что я хотел писать завещание, но клянусь в завещании своем хотел писать чтобы от моего имени написали Вам: «Прости» вот уже месяц и больше как живу на даче. Слава Богу мне сейчас лучше, но чтобы я мог совершенно поправиться мне кажется этого не возможно ибо у меня порок сердца <...>» (цит. по: Мамедханлы Мирза Аликпер [Алекпер]. Писем (86 и 8 телеграмм из Баку // РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 785, л. 152–153. Публикуется впервые).

⁷ Мирза Али Акпер (Алекпер) — Мирза Али Акбар Нахджавани (Mírzá 'Alí-Akbar-i-Nakhjavání) (1865—1920), был переводчиком переписки между Абдул-Баха и Л. Н. Толстым, а также между Абдул-Баха и И. А. Гриневской. В Азербайджане он был известен под именем Мирза Алекпер Мамедханлы, а в обеих столицах Российской империи его называли на русский манер Мирзой Алекпером Мамедхановым (так он и подписывался). В 1910—1912 гг. он сначала сопровождал И. Гриневскую в путешествии на Восток, а затем — Абдул-Баха в поездках по Европе и Северной Америке (подробнее см. в: *Гриневская И. А. Путешествие в Края Солнца* (о виденном, слышанном и испытанном) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. С. 452, 457, 458, 467, 487—489; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы. С. 272, 278—279; РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 785, л. 1—2, 10, 15, 69—70, 74—76, 78—79, 87, 95—96, 120—121, 126—127, 153—155; И. А. Гриневская. «Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном)». <1911—1914> // Россия. Запад. Восток: Культурные связи: Документы и материалы из собраний Пушкинского Дома: Альбом. СПб., 2018. С. 278—279; Mírzá 'Alí-Akbar-i-Nakhjavání: With Newly Translated Tablets of 'Abdu'l-Bahá. Wilmette, Illinois, 2018. Мирза Али Акбар сыграл видную роль в распространении Веры Бахаи; его жена, Фатима Ханум (?—1937), происходила из известной семьи бахаи, ее родители были сподвижниками Бахауллы и последовали за ним в Акку (Акко), куда его сослали пожизненно. Фатима Ханум и ее сестра Зинат Ханум были смотрительницами дома, где провел последние годы жизни Бахауллы. Сын Мирзы Али Акбара — Али Нахджавани (1919—2019), с 1963 по 2003 г. был членом Всемирного Дома Справедливости (верховного духовного и административного органа Веры Бахаи).

⁸ Ср.: «Если мысли человека постоянно направлены на Божественное, он вступает на путь святости; тот же, чьи мысли не возвышенные, а приземленные <...> постепенно становится все ниже и ниже, опускаясь в конце концов до состояния, немногим отличающегося от животного» (Абдул-Баха. Цит. по: *Раскрывая наше духовное предназначение...* С. 28).

⁹ Ср.: «Я создал язык, дабы поминали Меня; не оскверняйте его хулою. Если огонь себялюбия охватит вас, вспоминайте свои недостатки, а не недостатки сотворенных Мною, ибо всякий из вас знает себя лучше, чем другого» (*Бахауллы*. Сокровенные Слова. М., 2014. С. 62—63).

¹⁰ *Ренан (Renan) Жозеф Эрнест* (1823—1892) — французский историк религии, семитолог, философ. «Потрясающее впечатление» произвела на Гриневскую книга Ренана «Жизнь Иисуса» (см.: *Фидлер Ф. Ф.* С. 255). Очевидно, и о Бабе («основателе бабизма») она впервые прочитала в книге «Жизнь Иисуса» (*Renan Ernest. La vie de Jésus*, Paris, 1863; рус. перевод: СПб., 1902), которая входит в «Историю происхождения христианства» (*Renan Ernest. Histoire des origines du christianisme*, Paris, 1863—1881; рус. перевод: СПб., 1864—1907), состоящую из семи книг.

¹¹ «*De soi on ne doit parler ni en bien, ni en mal*» — «О себе не должно говорить ни плохо, ни хорошо» (*фр.*).

¹² В переводе с итальянского языка эта фраза означает: «Я честный, другие — нечестные».

¹³ *Данте Алигьери (Dante Alighieri)* (1265—1321) — итальянский поэт, мыслитель.

¹⁴ *Signor* — синьор, господин (*итал.*).

¹⁵ *Красный товар* — ткани, мануфактура.

¹⁶ Здесь: городская наземная электрическая железная дорога.

¹⁷ Видимо, румынские музыканты, вошедшие в моду в начале XX в. «Они выступали в ресторанах “Донон”, “Контан”, “Метрополь”, “Палкин”, “Эрнест”, “Яр”

и других. Причем они стали так популярны, что появилось немало “псевдорумын”. В конце концов в 1903 году проживавшие в столице румыны обратились к властям с просьбой запретить музыкантам других национальностей носить в оркестрах и капеллах румынские костюмы» (цит. по: Демиденко Ю. Б. Рестораны, трактиры, чайные...: Из истории общественного питания в Петербурге XVIII – начала XX века [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=228137&p=5>).

¹⁸ *Кламис* (перс.) – рубаха из хлопчатобумажной ткани; *лабаде*, *лаббадэ* (перс.) – вид мужской длинной одежды.

¹⁹ Ср.: «Клянусь, клянусь, клянусь! Настанет царство света, / Ночная мгла уйдет пред блеском дня, и вновь / В короне из лучей царицею одета, / С небес далеких к нам сойдет навек любовь...» (курсив наш. – Е. М.) (Гриневская И. Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. 2-е изд., Пг., 1916. С. 141).

²⁰ Продолжение следует.

Библиографический список

1. Бахаулла. Сокровенные Слова. М., 2014.
2. Гриневская И. А. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) [главы I–VI] (Публикация Е. А. Митник) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 434–491.
3. Гриневская И. А. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (Продолжение) [главы VII–VIII] (Публикация Е. А. Митник) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 271–287.
4. Гриневская И. Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. СПб., 1903.
5. Гриневская И. Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. 2-е изд. Пг., 1916.
6. Гриневская И. Беха-Улла (Блеск Божий): Поэма-трагедия в стихах (из истории религиозных движений в Персии). В 5 д. и 6 карт., с эпилогом. СПб., 1912.
7. Гриневская Изабелла Аркадьевна. Фонд 55 / Е. В. Виноградова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 1101.
8. Гриневская И. Мишель Монтэнь и его «Essais» // Образование. 1896. № 11–12.
9. Гриневская И. Мишель Монтэнь и его «Essais» // Театр и искусство. 1902. Т. VIII. Вып. седьмой. С. 1–25; вып. восьмой. С. 1–19. (Б-ка ж-ла «Театр и искусство»: беспл. прил.; № 41).
10. Гриневская И. Охота на медведя (драматический этюд в одном действии) // Гриневская И. Одноактные пьесы и монологи (12 одноактных пьес и 5 монологов). СПб., 1907.
11. И. А. Гриневская. «Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном)». <1911–1914> / Публикация Е. А. Митник // Россия. Запад. Восток: Культурные связи: Документы и материалы из собраний Пушкинского Дома: Альбом. СПб., 2018. С. 278–279.
12. Изабелла Аркадьевна Гриневская // Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. С. 243–264.

13. *Митник Е. А.* Изабелла Гриневская — забытый литератор Серебряного века: Сб. науч. ст. студ. и аспирантов. Гуманитар. фак-та Северо-Западного института печати. СПб., 2007. С. 9—20.
14. *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Край Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 246—267.
15. *Митник Е. А.* Очерковая книга Изабеллы Гриневской «Путешествие в Край Солнца» как завершение ее трилогии о бахаизме // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения-2007): Сб. науч. тр. СПб., 2008. С. 151—158.
16. *Митник Е. А.* Религиозно-исторические сочинения Изабеллы Гриневской // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения-2006): Сб. науч. тр. СПб., 2007. С. 148—155.
17. Раскрывая наше духовное предназначение... СПб., 2002.
18. *Шефер Удо.* Вера Бахаи: секта или религия? СПб., 2003.

РУКОПИСНЫЙ ВАРИАНТ РЕЧИ С. Ю. ВИТТЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 4 МАЯ 1906 г. ПО ВОПРОСУ АМНИСТИИ

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. С. Левшиной)*

Аннотация: Вниманию исследователей предлагается ранее не издававшийся рукописный вариант речи С. Ю. Витте в Государственном совете по вопросу политической амнистии. Во вступительной статье охарактеризовано обособленное положение С. Ю. Витте в пореформенном Совете, рассмотрена высказанная политиком в ходе прений позиция по одному из наиболее актуальных, обсуждаемых прессой и обществом вопросов, поднятых революцией 1905 г. Для исследователей политической деятельности и личности С. Ю. Витте представляет интерес сравнение изданной в 1906 г. стенограммы данного выступления с публикуемым автографом.

Ключевые слова: С. Ю. Витте, революция 1905 г., амнистия, Государственный совет, I Государственная дума, А. А. Половцов.

Abstract: The present article offers to researchers previously unpublished manuscript variant of S. Yu. Witte's speech on the issue of an amnesty, delivered in the State Council. The paper provides information on S. Yu. Witte's detached position in the post-reform Council and the view point on one of the most urgent, discussed by the press and society issues raised by the revolution of 1905, which he expressed during the debate in the Council. The comparison of the shorthand record of this speech issued in 1906 with the autograph is interesting for researchers of political activity and personality of S. Yu. Witte.

Keywords: S. Yu. Witte, the revolution of 1905, an amnesty, the State Council, the First Duma, A. A. Polovtsov.

В августе 1903 г. С. Ю. Витте был назначен председателем Комитета министров Российской империи, членом Комитета финансов, а также включен в состав Государственного совета, членом которого и оставался вплоть до своей смерти в феврале 1915 г. Занимая пост председателя Совета министров (октябрь 1905—апрель 1906 г.), С. Ю. Витте активно участвовал в обсуждениях проекта реформы Государственного совета. В частности, он выступал за обновление состава Совета и за устранение «всякого средостения между царем и народом» посредством новой верхней палаты.¹ О необходимости же незамедлительной под-

¹ Дневник А. А. Половцева (окончание) // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 84, 92 (далее — Дневник А. А. Половцева); подробнее о подготовке реформы Государ-

готовки реформы Совета «по типу первой, старшей палаты» С. Ю. Витте высказывался еще в начале октября 1905 г., в разгар революционных событий.²

Современники (В. И. Гурко, П. П. Менделеев, И. И. Толстой) приводили схожие мнения по поводу готовности С. Ю. Витте к отставке с поста премьер-министра в апреле 1906 г. и возможных иллюзий, которые он питал, подав царю соответствующее прошение.³ На основании их воспоминаний складывается впечатление, что С. Ю. Витте рассчитывал сохранить за собой пост и энергично готовился к взаимодействию с нижней палатой, составляя «программу занятий Думы», выработывая общую для Совета линию поведения по отношению к ней.⁴ Исследователи между тем высказывают сомнения, что такой опытный, дальновидный политик, как С. Ю. Витте, чье положение пошатнулось с самого начала 1906 г., мог сомневаться по поводу решения, которое примет Николай II относительно его судьбы.⁵ Как бы то ни было, 22 апреля 1906 г., незадолго до открытия первой в истории России Государственной думы, С. Ю. Витте был отставлен с постов председателя Совета министров и Комитета министров, но при этом остался членом Государственного совета. На первом заседании пореформенного Совета 28 апреля 1906 г. указом государя С. Ю. Витте был «назначен к присутствованию в Государственном совете» и до конца жизни состоял членом Совета «по назначению», ежегодно получая таким образом право участвовать в его заседаниях и прениях по законопроектам.⁶

Государственный совет стал для С. Ю. Витте фактически единственной политической трибуной, с которой он мог отстаивать перед многочисленной аудиторией действия расформированного Совета министров и свои собственные решения. Не желая терять политической власти и влияния, он, по воспоминаниям А. А. Половцова,⁷ «всеми силами добивается попасть в председатели (Государственного совета. — *Е. Л.*) или хотя бы в вице-председатели», но, как известно, неудачно.⁸ Несмотря на значительное число хороших знакомых, сослуживцев и бывших подчиненных, оказавшихся в Совете, С. Ю. Витте был одинок среди них и не примыкал ни к одной из фракций. Его личность и предпринятые политические шаги вызывали широкий диапазон

ственного совета см.: *Демин В. А.* Верховная палата Российской империи. 1906—1917. М., 2006. С. 29—35.

² Дневник А. А. Половцева. С. 75.

³ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 340—344 (далее — *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время).

⁴ Там же. С. 340—341.

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Заседание 1-е // Государственный совет: Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Заседания 1—15 (28 апр.—7 июля). СПб., 1906. С. 1.

⁷ Встречается также вариант написания фамилии «Половцев».

⁸ Дневник А. А. Половцева. С. 111.

чувств: от неприкрытой ненависти отдельных представителей правой группы к «губителю России» до симпатий и одобрения нескольких человек, в том числе М. М. Ковалевского и А. Ф. Кони. Вопреки замечанию питавшего к С. Ю. Витте взаимную антипатию и враждебность А. А. Половцова о «всеобщей ненависти» к бывшему премьер-министру, большинство в Совете относились к С. Ю. Витте скорее «сдержанно и без доверия».⁹

Одним из вопросов, в обсуждении которого в Государственном совете С. Ю. Витте принял активное участие, был вопрос об амнистии. Перед открытием I Государственной думы данная тема являлась одной из самых популярных на страницах российской прессы и будоражила умы общественности. Вопросы амнистии и отмены смертной казни были тесно связаны с проблемой революционного террора, так как значительная часть заключенных, находящихся в тюрьмах в 1906 г., была осуждена за политические преступления.¹⁰ Именно с требования амнистии политическим преступникам, озвученного кадетом И. И. Петрункевичем после избрания председателя, Дума начала свою работу 27 апреля 1906 г.

В Государственном совете вопрос об амнистии попытался поднять кадет В. А. Кугушев также на первом заседании, 28 апреля 1906 г., однако председатель Д. М. Сольский поспешил закрыть его и обсудить вопрос с несколькими членами Совета вечером, на частном собрании. Большинство присутствовавших на нем высказались «за амнистию, но не распространяя ее на уголовные преступления».¹¹ С 28 апреля по 4 мая 1906 г. состоялись три публичных и шесть частных заседаний Совета по вопросу амнистии.¹²

Занимая пост премьер-министра, С. Ю. Витте рассматривал амнистию в качестве одной из мер «органического характера», направленных против революции (в противовес карательным мерам — временным и нежелательным).¹³ Амнистия была уступкой сразу всем социальным группам, необходимой для умиротворения общества. В воспоминаниях, говоря о политической амнистии 21 октября 1905 г., С. Ю. Витте, вероятно, лукавя, признавался: «Я в душе немного побаивался амнистии, но считал ее необходимою, раз мы стали на путь 17 октября. И в настоящее время после всего пережитого я эту амнистию

⁹ Там же; Кони А. Ф. Сергей Юльевич Витте: Отрывочные воспоминания. М., 1925. С. 32–34 (далее — Кони А. Ф.).

¹⁰ Подробнее см.: *Портнягина Н. А.* Дебаты по проблеме амнистии в I Государственной думе // Таврические чтения 2013: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. СПб., 2014. С. 114–118.

¹¹ Дневник А. А. Половцева. С. 106–107.

¹² Там же. С. 106–109.

¹³ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 49.

считаю мерою правильною».¹⁴ Однако после декабрьского вооруженного восстания в Москве вера С. Ю. Витте «в кротость и целесообразность уступчивости по отношению к требованиям общества» пошатнулась, и он все больше склонялся к испытанным мерам «административного воздействия». Политик утверждал, что применение последних вызвано «горькою необходимостью», и утешал «и себя и других уверениями, что меры эти временны и сами собой прекратятся с наступлением нормальных условий».¹⁵

Впервые С. Ю. Витте выступил в Государственном совете по вопросу об амнистии на третьем по счету частном заседании всех его членов 30 апреля 1906 г. По язвительному замечанию А. А. Половцова, на этом заседании «прения расползаются безрезультатно во все стороны» из-за председательства П. Н. Трубецкого. Среди прочих ораторов первым А. А. Половцов назвал С. Ю. Витте, который «под предлогом обсуждения амнистии» представлял «оправдание своей политики, никого ни в чем не убеждая». На следующий день, 1 мая, прения продолжились: «все тот же вопрос об амнистии и все то же вялое председательствование Трубецкого».¹⁶ Судя по воспоминаниям А. А. Половцова, 30 апреля С. Ю. Витте ратовал за энергичные действия и ожидал, что уже на следующем заседании члены Совета будут голосовать о включении вопроса об амнистии в ответный адрес государю, чего, однако, не последовало: большинство членов выступили против голосования 1 мая, откладывая процедуру до публичного заседания Совета. После этого представители левой группы отказались участвовать в прениях, и заседание было закрыто.¹⁷

Следующее выступление С. Ю. Витте в Совете по поводу амнистии состоялось 4 мая. На этом заседании происходило обсуждение трех разных проектов ответного адреса, отличавшихся отношением к проблеме. С. Ю. Витте присоединился к умеренно-либеральному проекту, в котором говорилось о частичной амнистии.¹⁸ Текст речи С. Ю. Витте опубликован в «Стенографических отчетах» Государственного совета.¹⁹ Помимо этого, в Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранился рукописный вариант этого выступления, публикуемый ниже.

Имеющийся в нашем распоряжении вариант речи был написан С. Ю. Витте после ознакомления с текстом умеренно-либерального проекта ответного адреса. Данный проект был готов к утру 4 мая и распространен для ознакомления среди членов Совета;²⁰ его текст проци-

¹⁴ *Vitte* С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. III. С. 125.

¹⁵ Цит. по: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 268.

¹⁶ Дневник А. А. Половцева. С. 107.

¹⁷ Там же. С. 108.

¹⁸ Заседание 4-е // Государственный совет: Стенографические отчеты. 1906 г. С. 3–4.

¹⁹ Заседание 3-е // Там же. С. 17–19.

²⁰ Там же. С. 1.

тировал С. Ю. Витте в самом начале своего выступления. Таким образом, можно предположить, что политик подготовил речь в сжатые сроки, работая над ней в первой половине — середине дня 4 мая 1906 г., так как заседание Совета началось только в половине девятого вечера.²¹

Очевидно, что С. Ю. Витте имел свои наработки и разнообразные материалы по вопросу амнистии: в речи он обратился к примерам (хотя и весьма общим) из мировой истории и, что более важно, цитировал выступления депутатов Государственной думы — в его распоряжении были стенограммы ее первых заседаний. Так, С. Ю. Витте дословно приводил фрагменты из речей кадета Ф. И. Родичева и трудовика Т. И. Седельникова 29 апреля 1906 г., используя их как отправные точки для своих контраргументов против всепрощения политических преступников.

Рукопись отражает подготовку С. Ю. Витте к выступлению в Совете. Речь не озаглавлена, написана сплошным текстом, без деления на абзацы черными чернилами; ими же сделаны все вычеркивания и вписаны фразы над строкой. Цитаты отчеркнуты С. Ю. Витте привычным для него в работе красным карандашом по левому полю страницы; красным же вписаны несущие дополнительную смысловую нагрузку запятые, подчеркнута интонируемое слово и обведена для перестановки фраза, выделены новые абзацы, а также вписаны номера страниц.

Напомним, что в дореформенном Государственном совете ораторам запрещалось чтение речей «по бумажке», за исключением случаев, когда необходимо было процитировать документ или высказывание; этот запрет был впоследствии подтвержден статьей 67 нового «Наказа Государственного совета».²² Любопытно, что как раз на заседании Совета 4 мая 1906 г. замечание за чтение речи было сделано не кому иному, как академику А. А. Шахматову, поддерживавшему проект адреса, составленный профессором Д. И. Багалеем.²³ С. Ю. Витте свою речь, как и следовало, произнес, и сравнение стенограммы с черновиком речи позволяет дополнить представление о нем как об ораторе.

В своих воспоминаниях А. Ф. Кони обстоятельно описал манеру выступлений С. Ю. Витте в Государственном совете, отметив, в частности, его любовь к остроумным афоризмам, тонкую иронию, нередко прорывавшееся в речи негодование, склонность к частым повторениям, длиннотам, нарушению последовательности речи. По словам А. Ф. Кони, С. Ю. Витте «производил впечатление человека, не стесняющегося резко и определенно высказывать свою мысль, без словесных

²¹ Дневник А. А. Половцева. С. 109.

²² Наказ Государственного совета с предметным к нему указателем. СПб., 1908. С. 25.

²³ Заседание 3-е // Государственный совет. 1906 г. С. 11–12.

компромиссов и приспособлений». ²⁴ Все это, в той или иной степени, отражено в стенограмме выступления политика.

Публикуемый ниже вариант речи интересен не столько тем, что в нем есть, сколько тем, что в нем отсутствует. Рукописный текст С. Ю. Витте уступает по объему произнесенной речи, и именно благодаря этому заметно, насколько живое слово оратора ярче, убедительнее зафиксированного на бумаге, насколько более свободной и эмоционально окрашенной стала речь, произнесенная с трибуны. Во время выступления С. Ю. Витте чаще апеллировал к чувствам (в том числе патриотическим) слушателей, говорил о заблуждавшейся русской молодежи, о невинных людях, обманутых «неправильными слухами». Значительное внимание по сравнению с написанным вариантом уделено С. Ю. Витте вреду партийности во власти, исключавшей, по его мнению, политическую справедливость. Зачастую высказывания С. Ю. Витте в рукописи более жесткие и резкие, чем в речи на заседании. Так, выражение о власти, которая «...увы! — палач», было исключено во время выступления из отрывка о людях мирных и невинно пострадавших, не были использованы достаточно яркие и образные эпитеты и выражения: «насильственная» (нивелировка достоинства), «кровавый погром имущества». В речи С. Ю. Витте упомянул о «нашем благочестивом государе», дававшем амнистии «щедрою рукою», чего в рукописном варианте не было. По словам А. Ф. Кони, С. Ю. Витте, когда приходилось говорить о Николае II, «скороговоркой и заметно понизив тон» называл его похоже: «...и царствующий ныне благочестивый монарх». ²⁵ В целом, написанный С. Ю. Витте вариант речи принципиально не отличается по своему содержанию от прозвучавшего в Совете — немного по-разному расставлены акценты, отдельные части в процессе выступления переставлены, менее проработана концовка, но именно эти детали могут представлять интерес для исследователей.

Вполне вероятно, что данный рукописный вариант был не единственным, подготовленным С. Ю. Витте для заседания. Однако, учитывая сжатые сроки, отведенные для работы, аккуратность, с которой написан текст, минимальное количество правок, а также вписанные красным карандашом номера страниц и отчеркнутые цитаты — очевидно, для быстрого ориентирования в рукописи во время произнесения речи, — можно предположить, что именно этот вариант был окончательным и использовался С. Ю. Витте во время выступления.

В заключении необходимо сказать несколько слов о Д. Н. Любимове, в фонде которого хранится публикуемый автограф С. Ю. Витте. В конце октября 1918 г. Д. Н. Любимов (1864—1942) — крупный государственный чиновник, коллекционер автографов — передал на временное хранение в Пушкинский Дом свое собрание рукописей. После

²⁴ Кони А. Ф. С. 35—37.

²⁵ Там же. С. 36.

его эмиграции коллекция перешла на постоянное хранение.²⁶ В одном из пяти больших переплетенных альбомов с автографами знаменитых людей есть раздел, посвященный С. Ю. Витте. Д. Н. Любимов занимал руководящие посты в правительственном аппарате, по его собственному выражению, «был близок к центру власти» и лично знаком с видными сановниками, в том числе с С. Ю. Витте.²⁷ В должности помощника статс-секретаря Государственного совета Д. Н. Любимов был изображен на знаменитом полотне И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 г. в день столетнего юбилея со дня его учреждения» (1904). Кстати, на картине он находится в непосредственной близости от С. Ю. Витте — за его правым плечом.

Черновик выступления С. Ю. Витте публикуется по автографу из фонда Н. А. и Д. Н. Любимовых (РО ИРЛИ, ф. 160, оп. 1, № 2, л. 38-б—39 об.) Пунктуация и орфография в документе приведены в соответствии с современными нормами, однако сохранены особенности написания некоторых слов. Авторские подчеркивания выделены курсивом. Сокращения раскрыты в угловых скобках. Отдельные слова и фразы, зачеркнутые автором, взяты в квадратные скобки. Отдельные слова и фразы, вписанные над строкой, выделены полужирным шрифтом. Отчеркнутые красным карандашом по левому полю страницы цитаты выделены полужирным курсивом. Выделения красным карандашом абзацев, перестановка фраз, вписанные автором номера страниц указаны в примечаниях.

**Рукописный вариант речи С. Ю. Витте
в Государственном совете 4 мая 1906 г.
по вопросу амнистии**

<4 мая 1906 г.>

1)¹

Совершенно разделяю мнение, выраженное в проекте всеподданнейшего адреса, о необходимости прямодушного взаимодействия и единения Гос<ударственного> Сов<ета> с Гос<ударственной> Ду<мою>.² Без этого осуществление реформ, которых единодушно жаждет народ, не мыслимо. Поэтому, переходя к выражению [моего] мнения **по** выставленно[го]**му** в проекте адреса ходатайству по вопросу об забвении преступных действий, я думаю, что реально выкажу желание взаимодействия с думою, обратившись к той мотивировке, на основании которой вопрос этот получил такое всепоглощающее значение в ее ра-

²⁶ Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 70.

²⁷ Сидоров А. Л. Д. Н. Любимов и его воспоминания // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 121.

ботах. Главный довод, *гласно* высказанный в думе в пользу всезабвения, формули<рова>н так: **«Противники амнистии утверждают, что амнистия не прекратит преступлений. Они ошибаются. Казни и расправы рождают престу<плени>я. Уничтожьте ненависть; щедрой рукою раскиньте всепрощение, и вы на опыте увидите, что амнистия в данный момент предписывается высшей полити<ческо>й мудростью».**³ Итак, амнистия уничтожит ненависть, и водворится всеми страстно желанный покой. Что взаимная ненависть есть главная причина всей смуты, это несомненно. Безусловно присоединяюсь к этому мнению. Но что раскинутое всепрощение уничтожит эту ненав<ис>ть, тут невольно рождаются сомнения. Если бы ненависть основывалась только на том, что одни люди нападают и нарушают интересы других, а другие, государством призванные для защиты прав, порядка и свободы, карают нападающих и вызывающих, причем при такой борьбе впадают в эксцессы и несправедливости, то было бы ясно, что всепрощение может повести к умиротворению. Но едва ли корни этой ненависти не сидят неизмеримо глубже. Мне кажется, что почтенный оратор думы принимает следствия за причины. Доказательством сему служат слова, сказанные вслед за приведенным, другим оратором, [хотя] вероятно, по недоразумению,⁴ с целью подтвердить мнение первого: **«Я утверждаю, что амнистия является в данный момент политического необходимости. В четверг я видел столько бриллиантов и роскоши. Не забывайте, что все это куплено на народные деньги. Все эти камни взяты с моих голодных братьев, это их пот и достояние. Страшитесь той минуты, когда массы поймут свое право на все эти богатства. Бойтесь ужасного расчета снизу».**⁵ Итак, судя по этим словам, чтобы уничтожить ненависть,

2)⁶

нужна не амнистия, а насильственная нивелировка средств жизни, что может осуществиться не щедрым разбрасываньем всепрощения, а кровавым погромом имущества, уничтожением человеческой личности, обращением людей в стадо и нравственным возмущением всего цивилизованного мира.⁷

Обращаясь к мировой истории, мы видим, что монархи, во все времена, давали довольно часто, по различным поводам, амнистию, но к сожалению история нам не представляет явных доказательств, что амн<истия> сама по себе уничтожает ненависть. История дает повод думать, что иногда достигаются результаты противоположные. Обычно в таких случаях, говорят: «Да, но ведь это произошло от того, что амнистия была дана не вовремя, что она содержала те или другие ограничения», — и т<ому> п<одобные> соображения. Но этим соображениям могут придавать значение только те, которые хотят верить тем, которые их высказывают, ибо очевидно, что никакими [сооб<ра-

жени>ями] доказа<тельства>ми эти соображения подкреплены быть не могут.⁸

Сполагаясь стем, что покой настанет, когда устранится ненав<ис>ть, и полагая, что амнистия сама по себе не может устранить ненав<ис>ти, я думаю, что ненави<с>ть может быть устранена только справедливостью, уважением к правам, к культуре и к личности. Но чтобы достигнуть политической справедливости, нужно прежде всего быть справедливым. Справедливость же не совместима с тактикою партийности, с угрозами и страстями.⁹

Но, не придавая того значения амнистии, которую хотят ей придать, я тем не менее присоединяюсь к мысли об амнистии в пределах, не нарушающих госуд<арственные> устои и не толкающих в сторону новой революции. По этому вопросу тот же почтенный оратор думы высказал: **«Амнистия должна быть всеобщей без всяких исключений. Все те преступления, в которых основным мотивом являлось не низменное своекорыстие, а заблуждение во имя любви, должны быть прощены»**.¹⁰ Если должны быть прощены только те преступления, которые представляли собою заблуждения во имя любви, то, следовательно, амнистия не может быть всеобщей. Тут явное и непримиримое противоречие. Но затем, о какой любви идет речь? О любви к власти, к почету, к популярности, к своему «я», к чужому имуществу или какой-либо иной. Я полагаю, что может идти речь только о любви к человеку как человеку, хотя и провинившемуся. Но, прощая людей виновных, в самых широких размерах, не следует забывать невинных. Высказывая искреннюю любовь к пострадавшим от суда и власти, **в особенности, когда последняя — увы! — палач**, не следует [забывать и невинных] закрывать сердце [к интересам] для людей невинных, мирных, также много пострадавших [дабы], **чтобы** не нанести им новые страдания. Я высказываюсь за амнистию [**за широкую амнистию**], но при условии [со], чтобы мера эта не нарушила порядок, нарушение коего составило главнейшее бедствие так еще недавно пережитого¹¹ [нами времени] нашу родину.

¹ Номер страницы вписан красным карандашом.

² Цитируется фрагмент из умеренно-либерального проекта ответного адреса Николаю II, ср.: Заседание 4-е // Государственный совет. С. 3.

³ Цитируются фрагменты из речи депутата Думы Ф. И. Родичева, ср.: Заседание 2-е // Государственная дума: Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Заседания 1–18 (27 апр.–30 мая). СПб., 1906. Т. 1. С. 24.

⁴ Фраза «вероятно, по недоразумению» обведена красным карандашом и поставлена после слов «с целью».

⁵ Цитируются фрагменты из речи депутата Думы Т. И. Седелникова, ср.: Заседание 2-е // Государственная дума: Стенографические отчеты. 1906 г. С. 29.

⁶ Номер страницы вписан красным карандашом.

⁷ Красным карандашом отмечен новый абзац.

⁸ То же.

⁹ То же.

¹⁰ Цитируются фрагменты из речи депутата Думы Ф. И. Родичева, ср.: Заседание 2-е // Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. С. 24.

¹¹ Такое окончание слова в тексте.

Библиографический список

1. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32–52.
2. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
3. *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. III.
4. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Заседания 1–18 (27 апреля–30 мая). СПб., 1906. Т. 1.
5. Государственный совет: Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Заседания 1–15 (28 апреля–7 июля). СПб., 1906.
6. *Демин В. А.* Верховная палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006.
7. *Дневник А. А. Половцева (окончание)* // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 63–128.
8. *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006.
9. *Кони А. Ф.* Сергей Юльевич Витте: Отрывочные воспоминания. М., 1925.
10. Наказ Государственного совета с предметным к нему указателем: Издание Государственной Канцелярии. СПб., 1908.
11. *Портнягина Н. А.* Дебаты по проблеме амнистии в I Государственной думе // Таврические чтения 2013: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. СПб., 2014. С. 114–119.
12. *Сидоров А. Л.* Д. Н. Любимов и его воспоминания // Вопросы истории. М., 1965. № 8. С. 121–122.

**ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШЛЯПКИН
В ЗЕРКАЛЕ СВОИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ.
ПИСЬМА А. А. ГРОМОВА. 1904–1918 гг.**

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии
А. В. Вострикова)*

Аннотация: И. А. Шляпкин – историк русской литературы, историограф и палеограф, профессор С.-Петербургского университета и Бестужевских курсов, член-корреспондент Академии наук, знаток русской старины, создатель и владелец уникальной библиотеки и собрания древностей. В его повседневной жизни переплетались различные сферы его деятельности; обширная переписка позволяет восстановить цельный портрет авторитетного ученого, популярного педагога и страстного коллекционера, этой яркой личности, ставшей неотъемлемой частью русской культуры конца XIX – начала XX в. Автор публикуемых писем А. А. Громов, талантливый филолог и педагог, был студентом Шляпкина, затем учеником и возможным преемником в науке, соавтором и первым биобиблиографом, политическим единомышленником, товарищем и помощником в повседневной жизни. В письмах обсуждаются научные и педагогические вопросы, совместные издательские проекты, общественно-политические события, упоминаются общие знакомые: товарищи Громова по университету (включая А. А. Блока), известные ученые (А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, В. В. Сиповский и др.), политические деятели (включая соседей по камере Петропавловской крепости П. Д. Долгорукова и А. И. Шингарева).

Ключевые слова: Илья Александрович Шляпкин, Александр Александрович Громов, Александр Александрович Блок, Санкт-Петербургский университет, сборник русской лирики, Общество 1914 года, Петропавловская крепость.

Abstract: I. A. Shlyapkin was a historian of Russian literature, a historiographer and paleographer, a professor at St. Petersburg University and the Bestuzhev Courses, a corresponding member of the Academy of Sciences, an expert on Russian antiquity, and the creator and owner of a unique library and collection of antiquities. His various spheres of activity were interwoven on a daily basis; his voluminous correspondence makes it possible to paint a complete picture of the authoritative scholar, popular teacher, and avid collector, a colorful personality who became an integral part of Russian culture in the late nineteenth and early twentieth centuries. The author of these letters, A. A. Gromov, a talented philologist and teacher, was Shlyapkin's student, then his protege and potential successor, his coauthor and first biobibliographer, a politically like-minded friend and helper in daily life. His letters contain discussions of scholarly and pedagogical issues, joint publishing projects, and com-

munity and political events, with references to common acquaintances: Gromov's university classmates (including A. A. Blok), famous scholars (A. A. Shakhmatov, A. I. Sobolevsky, V. V. Sipovsky et al.), and politicians (including P. D. Dolgorukov and A. I. Shingaryov, cellmates in the Peter and Paul Fortress prison).

Keywords: Ilya Alexandrovich Shlyapkin, Alexander Alexandrovich Gromov, Alexander Alexandrovich Blok, St. Petersburg University, an anthology of Russian lyrics, Society of 1914, Peter and Paul Fortress

Почти сто лет тому назад, в 1923 г., А. А. Громов писал: «...И. А. Шляпкин умер в лютые годы военного безвременья. Будущий историк б<ывшего> Императорского Санкт-Петербургского университета, так же как историк русской литературы и русской общественности, внимательно остановится на этой своеобразной и красочной фигуре».¹

Слова А. А. Громова в значительной степени оправдались. Имя Ильи Александровича Шляпкина достаточно хорошо известно: историк русской литературы в самом широком диапазоне (от древнерусской и допетровской — до Жуковского, Грибоедова и Пушкина, и далее до современности), археограф и палеограф; профессор С.-Петербургского университета и Бестужевских курсов, Археологического института и Александровского Лицея и еще целого ряда учебных заведений; член-корреспондент Академии наук; действительный статский советник и член Ученого комитета Министерства народного просвещения; библиофил и коллекционер, владелец легендарной библиотеки и уникального собрания рукописей и славянских древностей... Этот ряд можно продолжить, отдельные позиции детализировать. Не раз привлекали внимание исследователей те или иные аспекты деятельности Шляпкина: научно-издательской,² педагогической,³ коллекционерской,⁴ библиофильской,⁵ краеведческой⁶ и др.

¹ Громов А. А. В студенческие годы // Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. М.: Худ. лит., 1980. С. 404; впервые опубли.: Стожары. Пб., 1923. Кн. 3. С. 50—56 (далее: Громов. В студенческие годы).

² См.: Николаев С. И. И. А. Шляпкин в работе над собранием сочинений А. П. Сумарокова // Russian Literature. 2014. V. 75. Issues 1—4, 1 January—15 May. P. 445—456 (далее: Николаев).

³ Иезутова Л. А., Скворцова Н. В. Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: ЛГУ, 1982. Вып. 4. С. 52—86 (далее: Иезутова, Скворцова); Кумпан К. А. Александр Блок — выпускник университета // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 2. С. 163—178 (далее: Кумпан); сюда же можно отнести работу: Грачева А. М. Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 158—169 (далее: Грачева).

⁴ Краснобородько Т. И. «Жаль кольца...»: (невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня-«талисмана») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 5—29 (далее: Краснобородько).

Однако эти разрозненные фрагменты плохо складываются в единый образ цельной шляпкинской личности, соединявшей в себе самые разные, подчас противоречащие друг другу черты. Сама неординарная внешность с первого взгляда останавливала на себе внимание, как это зафиксировано в энергичном кроки Н. П. Анциферова: «Переваливаясь на своих слоновых ногах, с огромным животом и окладистой бородой, в форменном сюртуке шествует похожий на боярина профессор древней русской литературы Шляпкин».⁷ Чисто внешние черты наполнены культурным содержанием: боярин, Илья Муромец; за грубоватым зоологическим сравнением прячется намек, понятный только «своим»: Слон — дружеское прозвище Шляпкина еще со студенческих лет.⁸ Продолжим оборванную нами цитату из А. А. Громова: «Сын крестьянина, до конца дней сидевший на своем “наделе” в Белоострове, среди изумительных книжных сокровищ, окруженный предметами искусства, редкостями и просто вещами, каждая из которых имела свою “историю”, — Шляпкин пользовался неизменной симпатией молодежи, несмотря на свое “черносотенство”, как многие называли его лукаво-загадочную анархо-монархическую идеологию, пугавшую обывателей, покорных политической моде и злобе дня».⁹ В нескольких строчках соединены социальное происхождение и политика, психологический типаж и эстетизм в повседневном быте, причем соединены подчас химерически, через «несмотря на». Если не принимать во внимание эксцентричность построения личности Шляпкина, то место портрета занимают ярлыки или анекдоты — и те и другие регулярно сопровождают имя нашего героя.

⁵ Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г. Библиотека Бестужевских курсов: Книжное собрание И. А. Шляпкина // Невский Архив: Историко-краеведческий сборник. М., СПб.: Atheneum; Феникс, 1995. Вып. 2. С. 398—413 (далее: *Книжное собрание Шляпкина*); Попкова Н. А. Илья Александрович Шляпкин // Библиотека ВУЗа: вчера, сегодня, завтра: Сборник научных трудов, посвященный памяти В. А. Артисевич. Саратов, 2002. Вып. 2. С. 6—17; Сапожникова О. С. Славистическая коллекция в мемориальном собрании И. А. Шляпкина: неизвестные автографы деятелей славянского возрождения // Вестник «Альянс-Архео». СПб.: Альянс-Архео, 2015. Вып. 12. С. 70—81; Сапожникова О. С. Автографы сербских епископов в библиотеке русского слависта Николая Ивановича Надеждина // Сборник Матице српске за славистику. Нови Сад: Матица српска, 2017. Св. 91. С. 201—215.

⁶ Медников М. М. И. А. Шляпкин и Псков // Псков. 2007. № 26. С. 65—68.

⁷ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. С. 156.

⁸ Ср. начало дружеского послания, написанного в 1885 г. К. А. Ивановым: «О ты, пространством бесконечный / И толсто... рукий, как Самсон, — / То жрец науки, то беспечный, / Кого мы называем — Слон!» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1362, л. 5). Ср. там же обращения: «Ваше Слонейшество!» (л. 9) и неоднократное: «Достопочтенный (не Беда, но) Слон!».

⁹ Громов. *В студенческие годы*. С. 404—405.

Целостный портрет И. А. Шляпкина не был написан, и это легко объяснить объективными причинами. Он умер весной 1918 г., практически одновременно с тем миром, которому он органично принадлежал. Отечественная культура резко поменяла маршрут, и след, который оставил в ней Шляпкин, остался на обочине. Он умер, не довершив начатого и не сохранив накопленного, не оставив ни естественных наследников, ни дееспособных учеников. В науке его имя заслонили другие имена, его дом разрушен, его коллекции разрознены.

Шляпкин прожил жизнь для себя. Он жил повседневностью, сегодняшним днем, его постоянные (и иногда демонстративные) оглядки на будущее по большей части умозрительны, а настоящее — осязаемо, реально, вещно. Он не собирал библиотеку или коллекцию, он просто приобретал вещи, книги и рукописи, которые были ему интересны и становились частью его бытия. Это не было стремлением к некоей поставленной финальной цели, а повседневной деятельной жизнью, зарабатыванием «денег для приобретения древних рукописей, и новых рукописей для приобретения денег» (выражение Громова — см. ниже письмо № 49). Все было взаимосвязано: наука, преподавание, личная жизнь. Шляпкин равно наслаждался старинным фолиантом и обильным застольем, неизвестным автографом и послеобеденной сигарой, дружеской беседой и письмом от старого товарища.

Шляпкин жил в постоянном общении. Громов писал: «Он умел как-то душевно, интимно подойти к человеку, и эта неизменно дружеская настроенность и терпимость к чужим мнениям, отзывчивость и жадная чуткость ко всем явлениям жизни — сказывались и в лекциях белоостровского отшельника, и в его хаотически-интересных семинарских занятиях».¹⁰ И конечно же, в переписке. Шляпкин не оставлял копий отправленных им писем, но с полученными расставался крайне неохотно.¹¹ В его личных фондах в архивах сохранились тысячи и десятки тысяч писем — от родственников и друзей, коллег и учеников.¹² За каждым письмом стоит живой человек — и в каждом отразился адресат. Мозаика этих отражений складывается в целостный портрет.

Публикуемые ниже письма касаются последних 15 лет жизни И. А. Шляпкина: с 1904 по 1918 г.

¹⁰ Громов. *В студенческие годы*. С. 405.

¹¹ В 1892 г., пересылая заинтересованному лицу для ознакомления касающееся его письмо, Шляпкин в конце сделал приписку: «По прочтении пришлите его обратно: я берегу письма, ко мне адресованные» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 148, л. 15).

¹² Основной корпус полученных И. А. Шляпкиным писем хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом): РО ИРЛИ, ф. 341. Кроме того, письма к И. А. Шляпкину хранятся в его фондах в Российской национальной библиотеке (ОР РНБ, ф. 865) и в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 1296).

В 1904 г. Илья Александрович Шляпкин — статский советник (с 1909 г. — действительный статский советник, т. е. «штатский генерал»). С 1901 г. — член Ученого комитета Министерства народного просвещения; эту должность он сохранил до самого конца.

В области преподавания важнейшим учреждением Шляпкин считал Императорский С. — Петербургский университет, где он читал лекции по истории древнерусской литературы в различных объемах и версиях, от обязательных общих курсов до специальных (например, в 1909—1910 г.: «Московская литература XVII века (новые течения и западноевропейское влияние)»); лекции по послепетровской литературе читал только однажды (1905—1906); в 1915 г., выйдя на пенсию, читал курс «Истории русского театра» и вел просеминарий по введению в историю русской литературы.¹³

В остальных высших учебных заведениях он читал курсы истории русской литературы от древней (преимущественно) — иногда до новой. С большинством из заведений Шляпкина связывало что-то личное. Бестужевские курсы, как передавала Е. П. Казанович слова Шляпкина, «были первым высшим (И<лья> А<лександрович> особенно напирал на это) учебным заведением, приютившим его, тогда еще <в 1890 г.> молодого, никому не известного ученого, и благодаря этому уже одному с курсами должны быть связаны для него лучшие воспоминания».¹⁴ Уровень преподавания на ВЖК Шляпкин считал практически равным университетскому, а курсисток — прекрасными ученицами и помощницами (по крайней мере, более аккуратными и менее амбициозными, чем студенты), да и вообще, женская аудитория легче откликалась на его эмоциональные лекции. По этой (последней) причине в 1907 г. Шляпкин принял предложение С. Ф. Платонова читать лекции в Женском педагогическом институте.

В Александровском Лицее (где он преподавал с 1896 г.) Шляпкина удерживали не только особый статус и особые традиции, но и Пушкинский музей, которым он заведовал до 1907 г.¹⁵ Кроме того, в первые годы Шляпкин преподавал в нескольких гимназиях, в Николаевском кадетском корпусе, затем в Александровской Военно-юридической академии и других учебных заведениях.

Особняком стояло преподавание в Археологическом институте, где он имел дело уже со сложившимися специалистами, имеющими исто-

¹³ Здесь и далее сведения о преподавателях ИСПБУ сверены по электронным словарям, представленным на портале СПбГУ «Биографика» — URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/>

¹⁴ Казанович Е. П. Записки о виденном и слышанном // ОР РНБ, ф. 236, № 17, л. 142 (далее: Казанович).

¹⁵ См.: *Краснобродько*. С. 16—23; см. также: *Аснаш С. М., Яхонтов А. Н.* Описание Пушкинского музея Александровского лицея / Составили воспитанники 1 кл. 4 курса С. М. Аснаш и А. Н. Яхонтов, под ред. заведующего Пушкинским музеем И. А. Шляпкина. СПб.: изд. воспитанников Александровск. лицея, 1899.

рическое образование. Шляпкин читал курс палеографии — дисциплины, которую он считал одной из важнейших для себя научных специализаций.

Во всех учебных заведениях, где преподавал Шляпкин, его лекции пользовались большим успехом. Он умел увлечь аудиторию своим собственным увлечением и живой заинтересованностью материалом. Немаловажное значение имело то, что Шляпкин работу с источниками иллюстрировал своим личным опытом, на занятиях демонстрировал рукописи, книги и предметы старины из своей, ставшей уже легендарной коллекции. Он не ограничивался аудиторными стенами, консультировал учеников во внеурочное время и у себя на дому; организовывал экскурсии в Москву, Псков, Новгород (см. письмо № 18, прим. 3; № 24, прим. 14); он мог быть снисходителен на экзамене (хотя относился к числу тех, перед которыми было стыдно появляться неподготовленным); мог поверить на слово студенту или курсистке и поставить «авансом» оценку за несданную работу.¹⁶ В случаях столкновения с административной бюрократией он очень часто становился на сторону студентов, даже в тех случаях, когда дело шло вразрез с его официальным статусом или политическими убеждениями.¹⁷ Со многими учениками у него устанавливались личные отношения, некоторые из них сохранялись на протяжении долгих лет, как, например, с автором публикуемых писем А. А. Громовым, с П. А. Горчинским (см. письмо № 111, прим. 1) и А. Н. Вершинским (см. письмо № 77, прим. 1), К. М. Милорадович и З. А. Ефимовской (см. письмо № 8, прим. 3), М. С. Боровковой-Майковой (см. письмо № 59, прим. 1) и некоторыми другими.

Шляпкин был активно действующим ученым в области истории русской литературы, археографии, палеографии и эпиграфики. Его самые известные работы вышли еще в XIX в.: «Шестоднев Георгия Пизиды в славяно-русском переводе 1385 года» (1882), «Слово Даниила Заточника (По всем известным спискам)» (1889), «Св. Димитрий Ростовский и его время (1651 — 1709 г.)» (1891 — магистерская диссертация), «Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени» (1898). Ра-

¹⁶ Среди многочисленных писем от студентов и слушательниц сохранилось несколько соответствующих расписок.

¹⁷ Ср. рассказ Шляпкина в передаче Е. П. Казанович: «А когда И<лья> А<лександрович> был деканом, директором Курсов был назначен бывший помощник Муравьева по усмирению польского восстания 60-х годов Кулин, “человек сам по себе неплохой, но строгий”, добавил И<лья> А<лександрович> “И вот соберется, бывало, у нас какая-нибудь сходка потихоньку, а он об ней и узнает, да сейчас ко мне: — Почему не предупредили? — Не знал, говорю. — Как не знали? Ведь двери у нас стеклянные? — Стекло, говорю. — Сквозь них видно, что делается в аудитории? — Видно. — Так как же вы тут не видали? — Не видал, говорю, и все тут. Ну и что он со мной сделает! Так от всего, бывало, и отделялись”» (Казанович, № 18, л. 3—3 об.).

боты позднего периода кажутся более частными,¹⁸ но многие из них были прецедентными в методологическом отношении: «Древние русские кресты. I: Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и не церковной службы» (1906), «Современные задачи изучения древнерусской вещевой и книжной письменности» (Новгород, 1910), «Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного и его сочинения» (1911), «Иконография св. благоверного великого князя Александра Невского» (1915), альбом «Образцы вязи» (1916) и мн. др. Посмертно вышло очень важное исследование, которое Шляпкин готовил в последние годы жизни: «Старинные действа и комедии Петровского времени» (1921).¹⁹

Начиная с 1890-х гг. выходили литографированные издания прочитанных Шляпкиным курсов по истории русской литературы (всех периодов) и палеографии (всего более двух десятков); большинство из них было просмотрено автором.

Будучи специалистом преимущественно по древнерусской литературе, Шляпкин не сторонился и литературы новой. Еще в 1889 г. он выпустил полное собрание сочинений А. С. Грибоедова под своей редакцией, в 1892 г. составил сборник «русской художественной лирики» XIX в. «Волна» (см. предисловие к Приложению), в 1903 г. выпустил исследование «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», основанное на материалах из его собрания. Серьезная работа по подготовке академического издания произведений А. П. Сумарокова, ведшаяся Шляпкиным в 1908—1910 г., к сожалению, не была закончена.²⁰ Кроме того, в 1912 г. на основании архивных разысканий в Берлине Шляпкин опубликовал работу: «В. А. Жуковский и его немецкие друзья <...>».

Необходимо отметить, что часть изданий были осуществлены Шляпкиным на собственный счет и были, соответственно, не только научными, но и коммерческими предприятиями; пожелание Громова: «денег — для приобретения древних рукописей, — и новых рукопи-

¹⁸ В 1907 г. Шляпкин писал: «<...> думаю, что в ученом отношении разменялся на мелочи, но предполагаю самоуверенно, что и сие когда-нибудь и кому-нибудь пригодится» (*Шляпкин И. А. Для немногих: Автобиограф. заметка проф. И. А. Шляпкина*. СПб.: тип. Мартынова, [1907]. С. VIII (далее: *Шляпкин. Для немногих*).

¹⁹ Мы указали только самые заметные, на наш взгляд, работы И. А. Шляпкина. Наиболее полная библиография (до 1907 г.) содержится в изд.: *Громов А. А. Очерк научной деятельности профессора И. А. Шляпкина: (К 25-летию его учебной деятельности)*. СПб.: изд. Л. Н. К<оровиной>, 1907. В архиве И. А. Шляпкина сохранились материалы к последующей библиографии: папка с рукописным заглавием: «К тридцатипятилетней ученой деятельности заслуженного ординарного профессора Петроградского университета И. А. Шляпкина. Составил П. А. Г<орчинский>. Петроград, 1915» (ОР РНБ, ф. 865, № 23, л. 1); в папку вложены, в том числе, листы с подзаголовком: «Дополнения к библиографии», содержащие 83 библиографических описания (л. 15—26) и описания на разрозненных листах.

²⁰ См.: *Николаев*; см. также письмо № 54, прим. 3.

сей — для приобретения денег» (письмо № 49), — имело вполне конкретный практический смысл.

И. А. Шляпкин принимал самое деятельное участие в научной жизни, выезжал в археологические экспедиции, осматривал и описывал памятники древнерусской архитектуры, древности в музеях, рукописи и книги в библиотеках, был членом различных научных обществ, поддерживал отношения с губернскими архивными комиссиями, участвовал в Археологических съездах.²¹ В 1907 г. И. А. Шляпкин был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

По политическим убеждениям И. А. Шляпкин был националистически ориентированным монархистом. Разделяя в основных чертах идеи «Русского собрания», «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», Шляпкин сам, насколько нам известно, ни в каких партиях не состоял. Его политическое сознание определялось не столько стремлением к какой-то реальной (или хотя бы определенной) цели, сколько критикой существующего положения дел. Это позволило А. А. Громову говорить о «лукаво-загадочной анархо-монархической идеологии» Шляпкина, а К. М. Милорадович высказаться еще более неожиданно: «По своим политическим убеждениям он революционер, хотя и монархист. К сознанию этого проф. Шляпкин ежегодно приходит вновь, и всякий раз это открытие поражает его своей изумительной новизной».²² В высказываниях обоих учеников чувствуется (помимо оглядки на цензуру) желание оправдать искренне любимого профессора (каждый со своей стороны). На самом же деле Шляпкин, по сравнению со многими своими коллегами-профессорами, политической деятельностью практически не занимался²³ и свои политические взгляды с кафедры не высказывал. А в быту он был, как многие его современники, обычным читателем «Нового времени», юдофобствующим обывателем, и только в силу особенностей его поведения это чаще оказывалось на виду.

Общественная деятельность Шляпкина была чрезвычайно многообразна. Впрочем, свою научную работу он считал в первую очередь служением на пользу обществу, и академические труды естественно дополнялись членством в различных культурных обществах и союзах, участием во всевозможных мероприятиях, празднованиях, чествованиях и юбилеях, выступлениями с благотворительными лекциями и т. д. Точно так же профессорское звание, по его представлениям, обязывало к участию во «внеклассной» работе: экскурсиях, благотворительных вечерах и базарах. Весьма деятелен Шляпкин был и как

²¹ См., например, материалы Археологических съездов: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 209; см также ниже письмо № 77, прим. 5.

²² Из иронической характеристики Шляпкина, присланной ему, вероятно, в начале 1918 г. — РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1739, л. 1—1 об. (далее: *Милорадович*).

²³ Исключением можно считать, наверно, только годы мировой войны — последние годы жизни Шляпкина.

житель и землевладелец С.-Петербургского уезда — он избирался гласным С.-Петербургского земского уездного собрания, входил в правление уездного Общества содействия народному образованию и т. д.; местной школе он много помогал и как частное лицо (а также привлекал к этому своих знакомых). Кроме того, следует особо отметить многолетнее участие Шляпкина в деятельности «Общества благотворения в память 19 февраля 1861 г.» (см. письмо № 80).

К Шляпкину часто обращались за помощью или содействием, и подчас трудно отделить естественные для российской бюрократической системы персональные ходатайства (и даже «использование положения в личных целях») от благотворительности. Дать визитную карточку с рекомендацией к лично знакомому чиновнику, помочь получить место или найти заработок было для Шляпкина естественным, особенно если дело касалось его бывших учеников.

Шляпкин был искренне верующим православным. Его религиозность могла показаться утрированной,²⁴ однако на общем фоне преувеличенной эмоциональности его поведения она была вполне органичной. Очень остроумно высказалась по этому поводу наблюдательная К. М. Милорадович: «По религиозным воззрениям проф. Шляпкин придерживается строгого православия, но с Богом он находится в самых интимно-дружеских отношениях. Часто он упрекает Бога, говоря: “Я Тебе то-то и то-то — сироту устроил, дал денег на бедных, а Ты даже не можешь сделать так, чтобы мои книги были распроданы вовремя!” Тогда Богу неприятно, и он спешит восстановить нарушенную справедливость. Вообще, недоразумения между ними быстро и легко улаживаются».²⁵

Важнейшей частью жизни И. А. Шляпкина были его библиотека и коллекция древностей. Страстная любовь к книге, к составлению собственного собрания зародились у него еще в гимназические годы.²⁶ К началу XX в. Шляпкин обладал уже знаменитой библиотекой и коллекцией рукописей и автографов, содержащей немалое количество как уникальных изданий (включая инкунабулы, палеотипы и русские старопечатные книги), так и исторических документов; объем библиотеки в 1907 г., по оценке самого Шляпкина, составлял «свыше 10 000 названий».²⁷ В середине 1890-х гг. И. А. Шляпкин принял решение о пожертвовании своей библиотеки Бестужевским курсам, однако передача книг шла медленно, а в 1909 г. Шляпкин формально переме-

²⁴ Как, например, Е. П. Казанович прочитанные им в Белоострове предобеденная и послеобеденная молитвы — *Казанович*, № 18, л. 32.

²⁵ *Милорадович*, л. 1 об.—2.

²⁶ См.: *Дружинин В. Г.* Воспоминания об И. А. Шляпкине // За сто лет: Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923. С. 106.

²⁷ *Шляпкин. Для немногих.* С. VI. В 1915 г. Шляпкин напишет, что библиотека его содержит «17 500 №№» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 348, л. 6). Вопрос об объеме библиотеки И. А. Шляпкина нуждается в отдельном изучении.

нил свое решение в пользу только что учрежденного Саратовского университета.²⁸ Подготовка библиотеки и собрания рукописей к передаче шла очень медленно, несколько ускорилась после начала войны (основную техническую работу вел П. А. Горчинский); перевозка началась только в 1917 г. и завершилась уже только после смерти жертвователя.²⁹ Свое собрание древностей Шляпкин подарил Псковскому музею, однако физическая передача, кажется, так и не состоялась. При этом библиотека активно использовалась Шляпкиным в научной и преподавательской работе, книги довольно легко одалживались коллегам и студентам, рукописи предоставлялись для работы исследователям.

Круг общения И. А. Шляпкина был очень обширен. По складу характера Шляпкин был человеком очень общительным, и раз установившиеся знакомства обычно сохранялись на долгие годы. Шляпкин поддерживал хорошие отношения со многими коллегами по Ученому комитету министерства, по работе в научных учреждениях и преподаванию в учебных заведениях; впрочем, многие из них были больше чем просто коллегами. С детских лет дружба связывала Шляпкина с *Василием Григорьевичем Дружининым* (1859—1936), замечательным историком, археографом, исследователем старообрядчества и, как и Шляпкин, собирателем древних книг и рукописей. Еще со студенческих лет сложился кружок историков, в который, кроме Шляпкина, входили С. Ф. Платонов (см. письмо № 30), А. С. Лаппо-Данилевский, Н. Д. Чечулин, Е. Ф. Шмурло, М. А. Дьяконов и др.; из них с С. Ф. Платоновым отношения были особенно доверительными. На протяжении всей жизни Шляпкин поддерживал отношения с товарищами по университетскому выпуску 1881 г.; образованный ими «кружок 21 ноября» (по дате выпускного акта; иногда они называли себя «ноябристами») ежегодно встречался за праздничным обедом и выпускал гектографированный бюллетень;³⁰ из 46 выпускников к 1915 г. более половины поддерживали связь с клубом «однокорытников», в том числе философ, профессор университета и ВЖК, председатель Петербургского философского общества *Александр Иванович Введенский* (1856—1925),³¹ упоминаемые ниже в письмах К. А. Иванов (№ 14, 79) и А. И. Чевакинский (№ 26).

Еще с 1890-х И. А. Шляпкин регулярно выезжал за границу; в XX в. он это делал практически ежегодно, а иногда даже дважды в год. Шляпкин вел разыскания по зарубежным библиотекам и архивам (в част-

²⁸ См.: *Книжное собрание Шляпкина*. С. 407—413.

²⁹ См.: *Перец В. Н.* Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету (ч. 1) // *Археографический ежегодник за 1959 г.* М., 1960. С. 363—413.

³⁰ Бюллетени за 1913—1915 г. // РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 336, 342, 348.

³¹ Шляпкин, видимо, по приглашению А. И. Введенского, был членом-учредителем Философского общества, но с докладами не выступал.

ности, в Париже, Берлине, в Италии и на Балканах), принимал участие в международных форумах. С годами все чаще требовалось лечение, и Шляпкин отправлялся, по русской традиции, на воды в Германию. Но наиболее любимой его страной, равно подходящей и для научных штудий, и для осмотра достопримечательностей и музеев, и для лечения, и для отдыха, была Италия. Особенно близкие отношения у него сложились с обитателями русской колонии в г. Оспедалетти (Ospe-daletti) близ Сан-Ремо, куда он старался попасть в каждый свой заграничный выезд; останавливался он на вилле Суханиных; в 1910-е г. он входил в состав Комитета по постройке православной церкви в Сан-Ремо (см. письмо № 68, прим. 2; письмо № 91, прим. 5).

В кругу друзей И. А. Шляпкина особняком стоит *Любовь Николаевна Коровина* (урожд. *Полежаева*, 1860—1919),³² жена купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина *Петра Федоровича Коровина* (1849—1908); в 1893 г. она пригласила И. А. Шляпкина домашним учителем литературы к дочери,³³ и вскоре он стал практически членом семьи; Шляпкин еженедельно приезжал к Коровиным на обед; со временем эти обеды в особняке на Морской³⁴ стали чем-то вроде дружеского клуба. Установившаяся с первых дней знакомства переписка продолжалась более 20 лет и носила самый доверительный характер.³⁵ В доме Коровиной Шляпкин познакомился с ее воспитанниками Колей и Зигфридом Коппелями;³⁶ к Коле он впоследствии привязался по-

³² Л. Н. Коровина происходила из богатой купеческой семьи, располагала собственными средствами (муж за несколько лет до смерти практически разорился); не получив систематического образования, она интересовалась литературой и искусством, много читала (в том числе на французском, немецком, а затем и на английском и итальянском языках). Трое ее сыновей умерли в детском возрасте, сама она тяжело болела всю жизнь. Л. Н. Коровина постоянно занималась благотворительностью; в 1885 г. Л. Н. и П. Ф. Коровины построили здание Петролюбовской лечебницы (Дегтярный пер., д. 12; сейчас — детский сад № 71 Центрального района) и передали его «Обществу лечебниц для хронически больных детей» вместе с неприкосновенным капиталом в 50 тыс. рублей. Помимо этого, Л. Н. Коровина постоянно давала деньги на различные благотворительные мероприятия и просто на помощь нуждающимся, при этом обычно оговаривая анонимность (что неоднократно зафиксировано, в частности, в ее письмах к Шляпкину).

³³ *Любовь Петровна Схоль-Энгбертс* (урожд. *Коровина*; 1879—после 1917); с 1901 г. замужем за инженером-технологом *Леонидом Лукичем Схоль-Энгбертсом* (1873—после 1934?); их дети *Виктор* (1903—1920), *Любовь* (1904—?) и *Ростислав* (1911—?); см. о них письмо № 87, прим. 3.

³⁴ Особняк В. Н. Карамзина, построен в 1848 г.; современный адрес: Большая Морская ул., д. 55/7; в настоящее время здание принадлежит «Констанс-Банку». Л. Н. Коровина приобрела особняк в конце 1890-х гг., произвела перестройку и реконструкцию интерьеров.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1520—1534; всего около 470 писем, открыток и записок.

³⁶ *Николай Карлович Коппель* (1887—?) и *Зигфрид Карлович Коппель* (ок. 1894—?) — сыновья владельца магазина музыкальных инструментов *Карла Моисеевича*

отечески, в 1909 г. Шляпкин назначил Н. К. Коппеля своим душеприказчиком по домашнему завещанию.³⁷ В 1914 г. при начале военных действий Коля Коппель, обучавшийся в то время в Высшей технической школе в Дрездене, был задержан в Германии; разлука с ним, а также неожиданный разрыв с Л. Н. Коровиной летом 1915 г. (см. письмо № 106, прим. 3) стали значимыми потерями для ощущавшего старость и одиночество Шляпкина.

Шляпкин родился в селе Александровка С.-Петербургских губернии и уезда, Белоостровской волости. Его отец *Александр Ильич* был мастером на бумажной фабрике, талантливым механиком—самоучкой, но «страдал известной страстью русских даровитых людей»,³⁸ мать *Агриппина Михайловна* (ок. 1826—1898) занималась хозяйством; Илья был единственным ребенком; в 6 лет родители отдали его на воспитание в семью бездетной тети *Анны Ильиничны* (ок. 1825—1911) и ее мужа, мелкого чиновника Государственного банка *Александра Антоновича Ревви* (ок. 1823—1889). После смерти дяди Шляпкин всю заботу о тете взял на себя и относился к ней по-сыновьи; ее смерть была тяжелейшим личным горем для Шляпкина (см. письмо № 74).

Супружеская жизнь И. А. Шляпкина сложилась неудачно. В 1879 г., еще будучи студентом, он женился на дочери псковского священника *Марии Ивановне* (урожд. *Смирновой*; ок. 1859—1900), но в 1887 г. супруги разъехались, не оформляя развода; детей у них не было. Гражданский брак с *Елизаветой Павловной Варгуниной* в конце 1880-х — первой половине 1890-х гг. также не оказался прочным. В 1900 г. умерла жена, М. И. Шляпкина; в 1901 г. произошел окончательный разрыв с Е. П. Вагуниной. С 1900 г. во всех официальных документах И. А. Шляпкин писался вдовцом.

В С.-Петербурге Шляпкин нанимал городскую квартиру обычно в меблированных комнатах («Париж», «Бристоль»). Однако основной резиденцией и настоящим Домом он считал свою усадьбу, отстроенную в первой пол. 1890-х гг., по легенде, едва ли не на месте родительского дома в Александровке, в 3 км от станции Белоостров Финляндской железной дороги. Белоостровскую усадьбу многие воспринимали как музей — и те, кто бывал у Шляпкина часто (как А. А. Громов), и те, кто попадал туда лишь однажды. В рождественские и в пасхальные

Коппеля и его жены *Марии* (ни отчество, ни степень родства с Л. Н. Коровиной выяснить не удалось). К. М. Коппель, вероятно, происходил из прибалтийских немцев; домашний язык в семье был немецкий. С конца 1890-х гг. Л. Н. Коровина взяла детей в свою семью: Зигфрид («Зифка») жил с нею как родной сын, Коля был устроен в гимназию. О З. К. Коппеле см. ниже письмо № 79, прим. 1. Н. К. Коппель окончил гимназию летом 1907 г., весной 1911 г. уехал в Германию для продолжения технического образования.

³⁷ См.: ОР РНБ, ф. 585, № 6736, л. 1.

³⁸ Выражение И. А. Шляпкина из автобиографического фрагмента: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 2, л. 1.

праздники, а также в непременно отмечаемые дни рождения хозяина (9 мая) и его именины (20 июля, на Илью Пророка) здесь собиралось много гостей. Об усадьбе рассказывали легенды: о бюсте Александра II с подписью: «Освободителю от освобожденного», о «надеждинском» столе в кабинете, о книгах и рукописях. Характерно письмо 1910 г. от некоего студента-юриста: «Глубокоуважаемый профессор! Я каждый год слышу, что в Рождественские каникулы Вы приглашаете студенток и студентов для осмотра Вашей редкостной библиотеки. Хотя я и не филолог, а юрист, однако интересуюсь русской стариной и был бы очень счастлив, если бы Вы позволили и мне <...> осмотреть ее».³⁹

Кроме собственно усадьбы, Шляпкину принадлежал участок земли (несколько десятин) и отстроенная в полуверсте летняя дача, сдававшаяся жильцам (см. письмо № 50, прим. 1).

Усадьбу обслуживало несколько человек прислуги (горничные, чернорабочие, кухарка и проч.), в основном, жильцы Александровки. Ведением повседневного хозяйства в белоостровской усадьбе заведовала *Софья Александровна Фогельгезанг* (ок. 1860—1918). Она происходила из немцев Новосаратовской колонии С.-Петербургской губ.; в Белоострове у Шляпкина она поселилась около 1893 г., однако, судя по сохранившимся письмам, они были знакомы как минимум с середины 1880-х гг.; общий тон писем свидетельствует о гораздо большей близости, чем с обычной прислугой или наемным работником.⁴⁰ В середине 1900-х гг. она была полноправной хозяйкой дома: не только «смотрела за хозяйством»,⁴¹ но и принимала гостей (при этом, по понятным причинам, супружеские визиты в Белоостров были неудобны); дружеские письма к Шляпкину обычно заканчивались ритуальным «приветом А<нне> И<льинишне> и С<офье> А<лександровне>». В 1908 г. С. А. Фогельгезанг перенесла тяжелую полостную операцию; после этого часто болела; забота о ней Шляпкина, равно как и ее забота о нем в периоды его болезни, были очень трогательны и отмечены многими знакомыми. Вместе с тем, имя С. А. Фогельгезанг не было упомянуто в известных завещаниях И. А. Шляпкина, и, судя по всему, она не владела никаким имуществом. На следующий день после смерти Шляпкина ее разбил паралич, и вскоре она умерла.⁴²

³⁹ Там же, № 2326, л. 8.

⁴⁰ Там же, № 2242 и 2243; показательна подпись (в некоторых письмах): «твоя Фифи». С. А. Фогельгезанг до конца жизни очень скверно изъяснялась по-русски; часть писем написана на немецком языке, но большинство, видимо, по настоянию Шляпкина, на русском; образец см. ниже: письмо № 88, прим. 2.

⁴¹ Выражение И. А. Шляпкина из «Книги для прописывания жильцов в Белоостровской усадьбе» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 305, л. 5; далее: *Книга для прописывания жильцов*).

⁴² См.: *Милорадович К. М.* У меня есть моя истина...: Избранное / сост., ред., вступ. статья и примеч. Н. Х. Орловой; примеч. А. В. Вострикова. СПб.: ред. «Парадигма», 2020. С. 140—145.

Осенью 1915 г. для очередного бюллетеня клуба «ноябристов» И. А. Шляпкин прислал, как обычно, ироничную справку: «Шляпкин Илья Александрович — действительный статский советник, доктор русской словесности, заслуженный ординарный профессор Петроградского университета, преподаватель Императорского Археологического института, — член Ученого совета Министерства народного просвещения, — член-корреспондент Императорской Академии наук, — председатель Попечительного совета о школах Общества 19 февраля 1861 г., — почетный член Императорского Археологического института, Общества 19 февраля 1861 г., Императорского Румянцевского и Московского публичных музеев, Псковского Археологического общества и Тульской губернской архивной комиссии, — член-корреспондент Императорской Публичной библиотеки, — член-корреспондент Императорского Общества любителей древней письменности, — действительный член губернских архивных комиссий: Костромской, Рязанской, Тверской и Ярославской, — член-учредитель Общества возрождения художественной Руси (1915), Общества ревнителей русской истории, Императорского Московского Археологического общества (передохни, читатель, и продолжай, если есть время и терпение), — член Совета 15 уездного попечительства Петроградского уезда о семьях воинов, — попечитель Белоостровского приемного покоя, — кавалер орденов Св. Станислава 1, 2 и 3 степени, Св. Анны 2 и 3 степени, Св. Владимира 3 и 4 степени, Бухарской Звезды 2 степени, — медали 1812 года, — земского знака «50-летие 1864—1914», — и прочая, и прочая, и прочая!!!! — Сей кавалер беззуб, но пока не плешив, — прихварывает, но бодрится. Воюет с германизмом (написал «Немецкое Зло») в университете и в Ученом комитете. Состоит членом Общества 1914 г. Уверен в победоносном исходе войны, — желает повесить изменников-болгар. Библиотеку свою (17.500 №№ изданий) отказал Саратовскому университету, а древности Псковскому музею, но умирать пока еще не собирается. — Родился в 1858 г., живет на пенсию и некоторое жалование у себя на родине в Белоострове. Подлинное показание собственноручно подписал старый гриб И. Шляпкин».⁴³

Состояние здоровья Шляпкина ухудшалось; все чаще он оказывался вынужден пропускать свои занятия и даже заседания в министерстве. Между тем, жизнь в Белоострове вовсе не была спокойной и патриархальной. К проблемам с прислугой (см. письмо № 104, прим. 2; в последние годы, кажется, в своей усадьбе он жил вдвоем с С. А. Фогельгезанг, а черновую хозяйственную работу выполняли от случая к случаю соседи из Александровки) добавились продовольственные трудности. Больше всего помогал П. А. Горчинский, занимавшийся (по договоренности с руководством Саратовского университета) подготовкой собрания Шляпкина к отправке; его записки и открытки пока-

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 348, л. 6.

зывают, насколько беспомощными оказались два старика перед трудностями военного, а затем и революционного времени: «Дорогой Илья Александрович! Жене удалось купить в Гвардейском Экон<омическом> Общ<естве> колбасных продуктов, и т<ак> к<ак> Вам в течение двух недель не приходится быть в Петрограде, то они (колбаса, сосиски, ветчина) весьма будут приятны. Мы купили бы и еще чего-нибудь, но за поздним временем вчера и ранним сегодня нельзя ничего больше купить. Жена с поездом в 7 час<ов> утра направляется в Белоостров, передаст там посылку почтальону, а тот Вам»;⁴⁴ «Простите, что мне не удалось купить для Софьи Александровны хлеба, оказывается, что теперь надо за этим ездить рано утром. При сем прилагаю сдачу».⁴⁵ С 1914 г. утратилась связь с Колей Коппелем; в 1915 г. прервалась дружба с Л. Н. Коровиной; обстоятельства времени ослабляли многолетние связи: университетские, научные, дружеские. Все реже приезжали гости в Белоостров, но и те, кто налетал по старой памяти, не всегда могли разглядеть новую жизнь их старого друга. В начале 1918 г. К. М. Милорадович пыталась над этим пошутить: «Прежде проф. Шляпкин был очень гостеприимен, но с приближением старости это свойство его пропало. Он утыкал гвоздями свой забор, запер ворота и спустил собаку, т<ак> что гости попадают к нему с опасностью для жизни и в разорванной одежде. То, что некоторые все же преодолевают все эти затруднения, доказывает редкую привлекательность личности проф. Шляпкина».⁴⁶ Впрочем, гвозди на заборе, точно так же как вечно неработающий телефон и штамп военной цензуры на вскрытых письмах, были уже не приметами, а суровыми реалиями жизни в пограничной полосе.

О последних месяцах жизни И. А. Шляпкина сохранилось свидетельство П. А. Горчинского, спрятавшего свои эмоции под казенным косноязычием: «Общее болезненное состояние проявилось у Ил<ьи> Александровича еще в конце декабря месяца <1917 г.>, когда он стал жаловаться на сильные припадки удушья и боли в почках. После одного такого резкого случая Ил<ья> Алек<сандрович> решает окончательно переселиться из обычной своей довольно обширной спальни в комнату во 2 этаже, заполненную книгами, которая в его доме была известна под именем “тетушкиной” <...>, как наиболее, по его словам, теплую и удобную для занятий. Но с 8 января Ил<ья> Ал<ександрович> уже не может больше спускаться в свой рабочий кабинет <...>. У Ил<ьи> Ал<ександровича> была привычка, выполнявшаяся им аккуратно накануне всякого дня, обрывать календарь и заводить часы, а их у него было по несколько в каждой комнате. И вот 7 января Ил<ья> Алек<сандрович> это продельвает в своем рабочем кабинете <в по-

⁴⁴ Там же, № 1121, л. 2 (1916?).

⁴⁵ Там же, л. 1 (без даты).

⁴⁶ Милорадович, л. 2—2 об.

следний раз». <...> Тем не менее, несмотря <на> свое болезненное состояние Ил<ья> Ал<ександрович> продолжает <...> работать с увлечением над своим любимым трудом “Наталья Алексеевна и театр ее времени”.⁴⁷ <...> Об этом Ил<ья> Ал<ександрович> с удовольствием рассказывает лицам, его в то время посещавшим. <...> Но его широкая натура этим не ограничивается, его глубоко интересует университет<ская> жизнь, вникает в современные события, прочитывает по несколько газет разных направлений, дает советы членам местных организаций, наконец, входит в мелкие заботы своего обширного хозяйства, что было для него тяжелой необходимостью при его одиночестве, на которое он очень жаловался во время своей болезни. Между тем болезнь осложнялась. Приглашенный врач <...> определил жировое перерождение сердца и водянку. Принятыми мерами удалось немного освободиться от водянки, но Илья Александрович стал заметно сдавать <...>, он жалуется на сонливость и предполагает <...>, что это происходит от работы над серьезной темой, он берет для чтения Лейкина, юмористические журналы вроде “Искры” и другое. Время от времени он переносится в область прошлого, прекрасно рассказывает интересные эпизоды из своей разносторонней жизни. Но болезнь делает свое дело. У него объявляется закупорка сосудов сначала правой ноги, затем левой. Это было уже сопряжено для него с большими страданиями <...> благодаря грузности. В конце <он> впадает в полубредовое состояние, но в этот момент у него бывали минуты просветления, когда он шутил, просил беречь его работы <...>».⁴⁸

Илья Александрович Шляпкин скончался 29 апреля / 12 мая 1918 г.

Биография автора публикуемых писем удивительно легко укладывается в графы казенных анкет, и даже лакуны выглядят вполне органично.

Александр Александрович Громов родился в Новгороде 18 августа 1881 г. в семье мелкого чиновника;⁴⁹ впоследствии семья переехала в С.-Петербург, где Громов окончил гимназию (в 1901 г.) и поступил на историко-филологический факультет Императорского С.-Петербургского университета. На старших курсах занимался в семинарии по древнерусской литературе под руководством проф. И. А. Шляпкина. После закрытия университета в январе 1905 г. принимал участие в де-

⁴⁷ Имеются в виду «Старинные действа и комедии Петровского времени»; издание выйдет в 1921 г.

⁴⁸ ОР РНБ, ф. 865, № 24, л. 1–2; текст, вероятно, был написан в ближайшие недели после смерти Шляпкина и представляет собой черновые наброски к сообщению, с которым Горчинский собирался выступить на памятном заседании; см. упоминание об этом в его письме Н. К. Никольскому от 11/24 мая 1918 г.: СПФ АРАН, ф. 247, оп. 3, № 326, л. 5–6.

⁴⁹ В *Книге для прописывания жильцов* его мать записана как вдова коллежского assessора.

тельности «Союза студентов С.—Петербургского университета» (см. письмо № 7, прим. 4); был кем-то вроде старосты в кружке тех, кто готовился к сдаче государственных экзаменов (в состав кружка входил, в том числе, А. А. Блок; см. письма № 5—7). После окончания университета по славяно-русскому отделению в 1906 г. был оставлен при университете по кафедре русской словесности сроком на один год «для приготовления к профессорскому званию».

Преподавал русский язык и русскую словесность в Петербургском Коммерческом училище, Екатерининском институте, Педагогических классах при Женской гимназии Имп. Марии Александровны, в женских гимназиях: Василеостровской, Петровской, Константиновской, М. А. Лохвицкой-Скалон, Е. М. Гедда (А. Ф. Мушниковой) и др.

В октябре 1909 г. сдал магистерские экзамены. 16 окт. 1912 г. читал пробную лекцию в университете; 1912—1919 г. — приват-доцент университета, читал курсы: «Введение в историю древнерусской словесности» (1915), «Слово о полку Игореве» и «Русская литература XVI в.» (1916—1917), «Русская литература XI—XIII в.» (1918—1919). Известны только три его печатные работы: *Громов А. А.* Очерк научной деятельности профессора И. А. Шляпкина: (К 25-летию его учебной деятельности). СПб.: изд. Л. Н. К<оровиной>, 1907, статья «Немец в изображении русских писателей» в сборнике «Немецкое зло» (1915 — см. ниже письмо № 106, прим. 2) — и названные выше воспоминания «В студенческие годы».

А. А. Громов жил с семьей: матерью, младшим братом и двумя сестрами (см. письмо № 98, прим. 1). *Мария Васильевна Громова* (ок. 1860 — не ранее 1918) занималась домашним хозяйством; *Василий Александрович* (1880-е — 1917) окончил ИСПбУ в 1911 г., с 1913 г. служил в Департаменте Государственного казначейства, погиб в авг. 1917 г.; *Екатерина Александровна* (ок. 1900—?) окончила педагогические классы при гимназии Имп. Марии Александровны, в 1916 г. вышла замуж за Б. А. Донченко (см. письмо № 114); *Анна Александровна* (ок. 1901—?) окончила те же педагогические классы.⁵⁰ А. А. Громов до 1917 г. не был женат.

Громов по убеждениям был православным монархистом-националистом, состоял в Союзе Михаила Архангела, после начала войны — в Обществе 1914 года (см. письмо № 106, прим. 1); предположительно, участвовал в правой прессе (анонимно или под псевдонимом).

В конце 1917 г. Громов был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, где около двух месяцев просидел в одиночной камере по соседству с министрами временного правительства (см. письмо № 118); причины ареста и суть предъявленных обвинений неизвестны; освобожден (предположительно, в конце января — феврале 1917 г.)

⁵⁰ Книга для прописывания жильцов, л. 9—11 (записи 1909 г., сделаны А. А. Громовым).

без применения каких-либо репрессивных мер. Сам впоследствии об этом эпизоде написал так: «сидел в качестве “заложника”». ⁵¹

До 1924 г. работал в учебных заведениях, образованных в результате постоянных реорганизаций на базе бывшего Коммерческого училища: в 6 и 54 советских трудовых школах, Северо—Западном Областном Промышленно—Экономическом Техникуме. ⁵² Свою научную работу и перспективы кратко охарактеризовал так: «<...> пишу статьи по литературе, которые буду печатать лишь по старому правописанию. Существую ученым пайком и продажей собственных вещей, т. к. чувствую себя неподготовленным к преподаванию в университете имени тов. Зиновьева». ⁵³ Возможно, для одной из этих статей (или же для занятий с учениками) в июне 1921 г. Громову понадобился «Театр» А. А. Блока, и он обратился за помощью к университетскому товарищу; ответное письмо, написанное 13 июля 1921 г. (поэт советовал обратиться в магазин Дома искусств и прилагал свою визитную карточку с рекомендацией), — последнее из известных нам писем Блока. ⁵⁴

О своей дальнейшей жизни Громов писал С. Ф. Платонову в мае 1926 г.: «В конце <19>24 года, в силу семейных обстоятельств я уехал в Москву, служил там по ВСНХ и прошлой осенью перевелся в Ленинград. Наступил “режим экономии”, и 1-го февраля меня уволили по сокращению штатов. С тех пор моя семья (6 человек!) живет буквально впроголодь, и я чувствую, что сам нахожусь на грани какого-то психического краха, т. е. сейчас никакой работы найти не могу: в Губоно теперь самое глухое время (до осени), а в хозяйственных учреждениях везде “нагоняют экономию”. Но ведь как-никак за мной 18 лет педагогической работы в высшей и средней школе, в частности, и последние 8 лет тоже не прошли даром: на отсутствие работы и избыток свободного времени жаловаться я никогда не мог. А вот теперь что-то “заколodило”, и положение мое совершенно безвыходно». ⁵⁵

Однако ни в Пушкинский Дом, ни в Библиотеку Академии наук (о чем Громов просил Платонова) устроиться не удалось. О последующих 10 годах жизни А. А. Громова ничего не известно.

27 янв. 1936 г. А. А. Громов был арестован, осужден Леноблсудом по статье 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация) и приговорен

⁵¹ Письмо В. А. Вагнеру от 12 июля 1922 г. (ОР РНБ, ф. 122, № 337, л. 1 об.; далее: *Громов. Письмо Вагнеру*).

⁵² Подробный отчет о реорганизациях, своей деятельности в этот период, а также о коллегах по училищу Громов представил бывшему директору училища В. А. Вагнеру в письмах от 12 июля и 2 авг. 1922 г.: *Громов. Письмо Вагнеру*, л. 1—6. О В. А. Вагнере см. ниже письмо № 16, прим. 7. См. также письмо А. А. Громова С. Ф. Платонову от 25 мая 1926 г. (ОР РНБ, ф. 585, № 2733, л. 4—4 об.; далее: *Громов. Письмо Платонову*) и присланные вместе с ним материалы (ОР РНБ, ф. 585, № 6762).

⁵³ *Громов. Письмо Вагнеру*, л. 5—5 об.

⁵⁴ См.: *Громов. В студенческие годы*. С. 409.

⁵⁵ *Громов. Письмо Платонову*, л. 4—4 об.

к 7 годам лишения свободы; отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии № 14.⁵⁶ 27 авг. 1937 г. он был снова арестован, этапирован в Ленинград, 20 сент. осужден особой тройкой УНКВД по Ленинградской обл. по статье 58—10, 11 (организационная деятельность) и 24 сент. 1937 г. расстрелян.⁵⁷

Шляпкин выделил и приблизил к себе Громова, когда тот был еще студентом, видимо, единственным на курсе, кто намеревался продолжать изучение древнерусской литературы (и вообще научную работу) после окончания учебы. В 1905—1906 гг., во время закрытия университета, Громов оказался очень полезен в организации домашних занятий и подготовки к экзаменам группы однокурсников; по окончании курса Шляпкин оставил Громова при кафедре для дальнейших научных занятий.

К этому времени Шляпкин увидел в молодом выпускнике сходство научного взгляда и исследовательский потенциал, интерес к материалу и рабочую настойчивость. Однако плотного, контактного научного руководства Громов от своего наставника не дождался, несмотря на неоднократные просьбы «поначалить» его. Шляпкин не умел или не хотел контролировать пошаговое движение подопечного (или это была легендарная шляпкинская лень?), но он оказывал ту помощь, которую сам когда-то получил от М. И. Сухомлинова и И. И. Срезневского, О. Ф. Миллера и С. Д. Шереметева. Чуть ли не в каждом письме Громова первых послеуниверситетских лет содержались просьбы дать библиографическую справку, одолжить книгу, дать билетик, по которому ту или иную книгу можно взять в библиотеке; рекомендации Шляпкина помогали Громову в его поездках по новгородским и псковским древностям.

Одновременно и нераздельно шло и чисто человеческое сближение: Громов все чаще стал бывать у Шляпкина дома (в Петербурге и Белозерском острове), помогал с книжными покупками (и сам пытался составлять библиотеку — см. письмо № 36). Желая помочь ученику с заработком, Шляпкин рекомендовал его в качестве домашнего учителя к воспитаннику Л. Н. Коровиной Коле Коппелю, и вскоре Громов стал «своим» в особняке на Морской. Сближению Громова с Шляпкиным способствовало и составление библиографического указателя к шляпкинскому юбилею (1907), и жизнь Громова с семейством на шляпкинской

⁵⁶ Лагерь располагался на острове Огненном на озере Новом в Белозерском р-не Вологодской обл., в помещениях бывшего Кирилло-Белозерского монастыря; в настоящее время колония для отбывающих пожизненное наказание, известная как «Вологодский пятак».

⁵⁷ См.: *Андреева В. В.* Александр Александрович Громов: жизнь ученого в эпоху перемен // *Русский логос — 2: Модерн — границы контроля. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25—28 сент. 2019 г.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С.628—632.

даче (и совместные походы по грибы! — лето 1909), и совместная поездка за границу (1909—1910), и совместная работа над издательскими проектами (1909—1910).

Параллельно шел собственно научный рост Громова: в 1909 г. он сдал магистерские экзамены, осенью 1912 г. он прочитал пробную лекцию и стал приват-доцентом университета. Однако именно развитие научной карьеры Громова вызывало все больше нареканий Шляпкина: по его мнению, вместо написания магистерской диссертации (и вообще, подготовки работ к печати) Громов слишком много времени уделял заботам о семье, повседневному заработку ради хлеба насущного, «вечной погоне за стерлингами», как удивительно метко назвал этот процесс сам Громов.⁵⁸ Преподавание в университете, разработка лекционных курсов не способствовали, а, наоборот, затормозили занятия собственно научными темами. Шляпкина, очевидно, раздражали медлительность и нерешительность Громова, иногда прикрываемые перфекционистскими оправданиями, его возрастающая увлеченность политикой. Сейчас, спустя столетие, вряд ли можно с определенностью сказать, что же больше помешало становлению Громова как ученого — революция, вычеркнувшая его как класс, его личные недостатки и неудачи или историческая исчерпанность того научного пути, по которому он шел вслед за своим учителем. И вообще, говоря о нереализовавшемся ученом, сохраним надежду на то, что упомянутые в 1922 г. статьи, написанные «по старому правописанию», еще будут обнаружены и прочитаны.

Знакомство и общение А. А. Громова с И. А. Шляпкиным продолжалось более 15 лет: они встречались в университетских аудиториях и кабинетах, беседовали за дружеским столом и на прогулках, разговаривали по телефону, обсуждали научные темы и общественные события, они достигли той степени доверительности, когда можно понимать и сочувствовать, не соглашаясь. Письма — лишь малая часть этого общения; публикуемые письма Громова — половинка от малой части. В значительной части они дополнительные к живому общению, а потому полны неожиданных скачков мысли, умолчаний и недоговоренностей, мучительно (и не всегда успешно) реконструируемых в комментариях. Но в любом случае, в письмах А. А. Громова, как в зеркале, отразился очень важный фрагмент предреволюционной русской жизни, в центре которого находилась «своеобразная и красочная фигура» профессора Ильи Александровича Шляпкина.

Письма А. А. Громова к И. А. Шляпкину хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом): РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 614, 1149 и 1150. При подготовке к публикации орфография и пунктуация приведены к современным нормам с сохра-

⁵⁸ Громов так выразился о В. В. Сиповском. См. ниже письмо № 34; 1908 г.

нением некоторых индивидуальных особенностей. Все подчеркивания принадлежат авторам. Даты до 31 янв. 1918 г. даются по старому стилю, после 14 февр. — по новому (за исключением оговоренных случаев).

Публикатор выражает глубочайшую признательность Наталии Николаевне Лавровой и Юлии Михайловне Чихаловой за неоценимую помощь в работе.

Принятые во вступительной статье и комментариях сокращения:

ВЖК — С.-Петербургские высшие женские («Бестужевские») курсы

ЖПИ — Женский педагогический институт

ИСПБУ — Императорский С.-Петербургский (Петроградский) университет

1

23 сент. 1904 г. С.-Петербург

СПБ. Могилевская, 17.

Милостивый Государь, многоуважаемый Илья Александрович, для моей работы о «притчах» Сумарокова я желал бы воспользоваться, согласно Вашему предложению, имеющимся в Вашей библиотеке «Эзоповыми баснями с нравоучениями» Летранжа, перевод Волчкова, 1815 г.¹

Существуют еще две книжки, не особенно важные по содержанию, но интересные для меня: Иващенко, — «Сатиры Сумарокова», Нежин, 1884 г.,² и Стоюнин — «А. П. Сумароков», 1856 г.³ В университетской библиотеке этих книг не имеется. Нет ли их у Вас?

В заключение прошу не отказать мне в обещанных уже Вами указаниях для занятий в области животного эпоса, преимущественно русского: после «притч» Сумарокова думаю заняться историей русской басни и надеюсь, что Вы не откажете мне при этом в своем совете и помощи.

23 IX 04.

Студент IV курса А. Громов.

Р. С. В Университете я бываю в дни Ваших лекций, — так что если Вы привезете «Летранжа» и раньше среды, я могу получить его.

А. Громов.

¹ Эзоповы басни / С нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа; <...> на российской язык переведены <...> Сергеем Волчковым. СПб.: Печ. при Акад. наук, 1747. — Впоследствии этот перевод переиздавался в 1760, 1766, 1783 и 1791 гг.; изданий Эзопа в 1815 г. не было.

² Иващенко П. С. Очерк содержания сатир А. Сумарокова. Нежин: тип. Г. Л. Шапиры, 1874.

³ Стоюнин В. Я. Александр Петрович Сумароков. СПб.: тип. Я. Ионсона, 1856.

2

24 сент. 1904 г. С.-Петербург

24/IX.

Дорогой Илья Александрович.

Хотя и буду сегодня в Ун<иверсите>те, но, во избежание недоразумений, пишу Вам.

Я вчера жестоко напутал. У Вас лекции (нар<одный> эпос¹), действительно, по вторн<икам> и понеделън<икам> от 12 — 1 — я сейчас смотрел расписание.

Для меня это крайне прискорбно, т<ак> к<ак> по понеделън<икам> я занят, но постараюсь как-нибудь устроиться.

Удивляюсь на себя: был убежден, что у Вас 1 час — по вторникам.

А. Громов.

¹ В 1904—1905 учебном году И. А. Шляпкин читал курс истории древней русской литературы.

3

18 марта 1905 г. С.-Петербург

Могилевская, 17.

Многоуважаемый Илья Александрович,

мне хотелось бы ознакомиться с той нем<ецкой> книгой по сравн<ительной> ист<ории> лит<ературы> (особенно — «басня»), о которой Вы мне говорили,¹ — и со «Стеф<анитом> и Ихнилатом» в итальянском издании.²

Кроме того, будьте добры навести справку (если у Вас в библиотеке имеются для этого данные), что сделано по истории русских альманахов.

По некоторым обстоятельствам мне было бы удобно, попутно с другими работами, заняться этим вопросом.³

Преданный Вам А. Громов.

18/III 1905 г.

¹ Возможно, речь идет о книге О. Шрадера «Сравнительное языковедение и первобытная история...» (см. письмо № 27, прим. 6).

² «Стефанит и Ихнилат» — переводная книга басен, основанных на сюжетах из «Панчатантры»; в Европе появилась в XI в., на Руси — в XV в., широкое распространение получила в XVII в.; какое именно издание имеется в виду, неизвестно.

³ После январских событий 1905 г. ИСПБУ был закрыт и занятия прекращены; некоторые из профессоров и преподавателей занимались с желающими частным порядком на дому; к Шляпкину, по-видимому, ученики с такими просьбами не обращались (тем более что при его постоянных разъездах между Петербургом и Белоостровом было бы трудно организовать что-то систематическое), ограничиваясь частными консультациями.

4

25 апр. 1905 г. С.-Петербург

Могилевская, 17. 25/IV 1905

Глубокоуважаемый Илья Александрович,

я получил печальные известия о состоянии Вашего здоровья.

Хочу надеяться, что слух о последствиях Вашего неосторожного обращения с огнестрельным оружием несколько преувеличен.¹

Если Вам нетрудно, успокойте меня и сообщите, заживает ли Ваша рука?

Прошу верить чувству моего уважения и преданности.

Ваш слушатель

А. Громов.

¹ И. А. Шляпкин поранил правую руку, вероятно, в конце 10-х чисел апреля; точная дата и обстоятельства неизвестны. О происшествии и его последствиях мы можем судить по беспокойству друзей. 21 апр. К. М. Милорадович и З. А. Ефимовская телеграфировали в Белоостров: «Как рука беспокоимся» (*Востриков А. В., Орлова Н. Х.* Ксения Милорадович: Хроника жизни в документах и письмах. СПб.: ред. «Парадигма», 2018. С. 90 (далее: *Милорадович. Хроника*)); 1 мая Милорадович (видимо, не получив ответа на телеграмму) писала, обращаясь к белоостровской горничной Кате: «Вероятно, ему самому трудно писать, поэтому и обращаюсь к Вам с большой просьбой: будьте добренькая — пишите нам время от времени — как идет выздоровление, в безопасности ли рука? Будет ли владеть ею Илья Алекс<андрович> по-прежнему и что сказал доктор?» (Там же. С. 91). Вскоре новость дошла до пребывавшей в это время в Италии Л. Н. Коровиной: «Как Ваше здоровье? Лучше ли Вам? <...> Вы не поверите, как мне досадно, что Вы такой неосторожный» (3 мая), и через 3 дня: «Слава Богу, дорогой друг, Вам лучше, значит, не надо отнимать пальца» (*Коровина*, № 1527, л. 26—26об., 22). Однако выздоровление шло не слишком быстро, и 14 июня А. И. Введенский писал: «Твое письмо огорчило — я надеялся, что ты уже рукой владеешь, а оказывается, еще далеко не поправился» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 937, л. 8—9).

5

1 сент. 1905 г. С.-Петербург¹

Студенты IV к<урса>, слушатели профессора И. А. Шляпкина, просят сообщить, когда ожидается приезд профессора;² если профессор уже приехал, — то где и когда он мог бы назначить студентам совещательный час.³

Студент А. Громов.

1/IX 1905 г.

¹ Открытка адресована в Белоостров. Это письмо, а также письма № 6 и 7 написаны от имени группы студентов (отчасти поименованных в письме № 6); А. А. Громов взял на себя непосредственное составление текста и отправку как наиболее близкий Шляпкину ученик. Письма № 5—7 впервые опубликованы К. А. Кумпан: *Кумпан*. С. 164—165 (письмо № 7 с сокращениями).

² И. А. Шляпкин вернулся из-за границы в 1 сент. (в паспорте отметка в Вержболово 31 авг. См.: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 275).

³ Письмо написано после несостоявшегося 31 авг. открытия университета и в связи с надеждами на то, что университет все-таки в ближайшее время будет открыт и государственные (т. е. выпускные) экзамены будут проведены осенью. Подробно хроника административного перенесения экзаменационных сроков в 1905—1906 гг. прослежена К. А. Кумпан: *Кумпан*. С. 163—165.

6

11 сент. 1905 г. С.-Петербург¹

11/IX 1905.

Многоуважаемый Илья Александрович, мы (Колумбус, Бандуров, Блок, Редько² и я) желали бы повидать Вас перед экзаменами: возникли некоторые сомнения относительно вновь составленной нами программы (государств<енных> экзамен<ов>).³

Имеется еще несколько дел, о которых хотелось бы поговорить именно с Вами. Не будете ли Вы добры сообщить, когда Вас можно видеть в П<етер>б<урге>? Швейцар говорил, что Вы будете 15—16 с<его>м<есяца>.

Преданный Вам А. Громов.

¹ Открытка адресована в Белоостров. Это письмо, вероятно, было написано на квартире А. А. Блока. См.: *Кумпан*. С. 164.

² Александр Александрович Блок (1880—1921), Александр Петрович Колумбус (1882 — не ранее 1928) и Николай Александрович Редько — однокурсники А. А. Громова (см.: *Иезуитова, Скворцова*. С. 81; об А. П. Колумбусе см. ниже письмо № 34, прим. 4); Борис Александрович Бандуров (1880 — не ранее 1931) учился на курс старше; впоследствии был оставлен при университете на год, преподавал в Ларинской и других петербургских гимназиях (см.: *Кумпан*. С. 173); в 1931 г. арестован и приговорен к ссылке в Казахстан на 3 года (см.: *Заклейменные властью*. — URL: <http://rkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Va.html#b.30> (дата обращения: 26.04.2018)). О взаимоотношениях Громова с Блоком во время подготовки к государственным экзаменам см.: *Громов. В студенческие годы*. С. 405—408; там же опубликованы 6 писем А. А. Блока к А. А. Громову, написанные в период от 13 сент. до 10 нояб. 1905 г. (оригиналы последних пяти из них: РО ИРЛИ, Р. I, оп. 3, № 41).

³ В момент написания этого письма Громов и его товарищи еще не знали о том, что 9 сент. Совет университета принял решение о переносе экзаменов на декабрь.

7

23 сент. 1905 г. С.-Петербург

23/IX 1905. СПб. Могилевская, 17.

Многоуважаемый Илья Александрович, большинство Ваших слушателей старшего курса предполагает в декабре с<его> г<ода> сдавать так называемые <госуд<арственные> экз<амены>». ¹

Поэтому, для экономии времени, мы распределили свои универс<итетские> занятия след<ующим> образом:

понед<ельник>: 10 – 12 – санскр<ит>
12 – 2 – рус<ский> яз<ык>
вт<орник>: 10 – 12 – слав<янские> яз<ыки>
12 – 2 – сербск<ий> яз<ык>
2 – 4 – Теренций
среда: 10 – 12 – послепетр<овская> литер<атура>
12 – 1 – польск<ий> яз<ык>
1 – 3 – палеография.²

Если для Вас почему-либо неудобно время от 10 до 12 по средам, то будьте любезны сообщить нам об этом с указанием, как Вы предполагаете распределить свои лекции со специалистами, или хотя <бы> известить нас, когда Вы будете в у<ниверсите>те, чтобы мы имели возможность переговорить своевременно с Вами и между собой – и составить новое распределение.³

Ваш слушат<ель> А. Громов.

Р. С. Частным образом сообщаю Вам, многоуважаемый Илья Александрович, что, кажется, «Союз студ<ентов>» будет подвергнут суду «общестуд<енческой>» сходки за письмо в «Н<овое> Вр<емя>» (21 IX). Какой ловкий маневр и какова самоуверенность «Коалиц<ионного> Ком<итета>»?!⁴

Преданный Вам А. Громов.

¹ Громов несколько преувеличивает; позднее в воспоминаниях об А. А. Блоке он писал: «Мы, словесники 1905–06 гг., кончали университет небольшою группой в 9–10 человек <...>. Много студентов уехало в провинцию, иные просто махнули рукой на университет, потеряв надежду на скорое возобновление нормальной жизни» (*В студенческие годы*. С. 405–406). Из 101 человека, поступившего на историко-филологический факультет ИСПБУ в 1901 г., только 16 сдавали экзамен весной 1906 г. (см.: *Иезуитова, Скворцова*. С. 81).

² Имеются в виду курсы: «Санскрит» (приват-доцент С. К. Булич), «Русский язык» (проф. А. И. Соболевский), «Славянские наречия» (проф. П. А. Лавров), «Сербский язык» (проф. П. А. Лавров), «Адельфы» Теренция» (приват-доцент И. И. Холодник), «История русской литературы (послепетровский период)» (проф. И. А. Шляпкин), «Польский язык» (проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ), «Русская палеография» (проф. А. И. Соболевский).

³ 16 окт. 1905 г. по распоряжению министра народного просвещения университет был закрыт, все занятия прекращены и более не возобновлялись; позднее было принято решение о зачете VIII-го семестра; государственные экзамены были проведены в марте – мае 1906 г.

⁴ «Союз студентов С.-Петербургского университета» – организация студентов, выступавших против забастовок, за продолжение нормальных академических занятий; создан в 1905 г. в значительной степени на основе монархического «Кружка русских студентов» (дочерней организации «Русского Собрания»), но в отличие от него декларативно позиционировал себя вне политики. В 1905–1906 гг. объединял значительную часть студентов, не поддерживавших левые партии, но после возобновления занятий потерял популярность и вернулся к открытой монархиче-

ской и националистической идеологии. См.: Университет и политика. СПб.: Изд. «Союза студентов С.-Петербургского университета» и «Академического союза слушательниц С.-Петербургских высших женских курсов», 1906; *Омельяничук И. В.* Академисты // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2011. С. 25–29.

8

10 апр. 1906 г. С.-Петербург

10/IV 1906

Многоуважаемый Илья Александрович,

очень благодарю Вас за предложение урока. Но в настоящую минуту я не хотел бы ручаться лично за себя — во-1), по некоторым семейным обстоятельствам, а во-2), потому, что мне хочется прежде всего закончить к лету кое-какие подготовительные работы, прерванные неожиданными экзаменами¹ и увлечением деятельностью, имеющей мало общего со «Стефанитом»...

Так как Ваше письмо носит характер довольно категорического обращения именно ко мне или к моему содействию в приискании подходящего гувернера, то я считаю себя вправе, пока не увижусь с Вами, оставить дело в след<ующем> положении: если не поеду сам (что маловероятно), то обещаю Вам найти подходящего человека, которым Вы будете довольны.²

Еще раз благодарю Вас за память обо мне. А главное (это я должен был бы сделать сразу по окончании курса) — считаю долгом поблагодарить Вас, глубокоуважаемый Илья Александрович, как своего профессора, которому я наиболее обязан в деле своего развития, в ознакомлении с приемами научной работы и в приобретении любви к ней.

Я очень хотел бы зайти к Вам поговорить, но не знаю, как для Вас будет удобнее: 17 вечером или 18 утром? Для меня время безразлично: я занят теперь уроками только от 3 до 8 веч<ера>, а днем сижу в библиотеке.

Преданный Вам А. Громов.

Р. С. В пятницу, 14-го, в С. Б. О. (Звенигородская, 24), <в> 8 ч<асов> веч<ера>, общее собрание кружка «В<озрождение> Р<оссии>», посвященное памяти Достоевского. Доклад Ксении Михайловны о Федоре Михайловиче...³ Вероятно, будет интересно. Мы думаем, что и Вы взглянете...

А. Гр<омов>.

¹ Речь идет о переносе государственных экзаменов на весну 1906 г. См. письмо № 7, прим. 3.

² Имеется в виду приглашение домашним учителем к воспитаннику Л. Н. Коровиной Н. К. Коппелю («Коле»). Несколько дней спустя Громов заедет к Коровиной, и они придут к взаимному соглашению; Коровина напишет об этом Шляпкину: «Спасибо за Громова — симпатичный юноша — думаю, ему у нас будет хорошо.

Я так Вам благодарна за рекомендацию» (*Коровина*, № 1534; без даты); см. также ниже письмо № 11, прим. 2.

³ *Милорадович Ксения Михайловна* (1882 — не ранее 1940) — философ, библиотечарь; выпускница ВЖК (1906). С 1904 г. между К. М. Милорадович и И. А. Шляпкиным установились очень близкие доверительные отношения; Милорадович вместе со своей ближайшей подругой *Зинаидой Амвросиевной Ефимовской* (1882 — 1921) бывала в гостях у Шляпкина (на городской квартире и в Белоострове; девушки получили ироническое прозвище: «мухи» — вероятно, по шутивым упрекам Шляпкина в надоедливости), обсуждали свои учебные (а впоследствии — научные) занятия и общественные события. По окончании учебы Милорадович была оставлена на год при курсах по кафедре философии, однако ее формальный руководитель проф. А. И. Введенский покинул курсы. В 1907 г. образовался кружок выпускника ВЖК, занимавшихся философскими вопросами под руководством Э. Л. Радлова, а впоследствии выполнивших под его редакцией перевод «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля. Милорадович была хорошо знакома с Грозовым, однако их общение ограничивалось случайными встречами. См.: *Милорадович. Хроника*. В 1905—1907 гг. Милорадович принимала активное участие в деятельности «Академического союза слушательниц С.-Петербургских высших женских курсов» и «Союза возрождения России» — кружка преподавателей и учащихся, объединенных в первую очередь интересом к славянофильским идеям. Что означает аббревиатура «С. Б. О.», выяснить не удалось. Доклад К. М. Милорадович впоследствии был отпечатан отдельной брошюрой: *Национализм и религия Достоевского: (Доклад, прочитанный в заседании «Союза Возрождения России»)*. СПб.: Издание «Союза Возрождения России», 1906; автор обозначен инициалом: «К.»

9

22 апр. 1906 г. С.-Петербург

СПБ. Могилевская, 17. 22/IV 06

Многоуважаемый Илья Александрович!

Будьте добры подписать и переслать мне прилагаемые при сем два бланка на получение книг: Самарина и Морошкина.¹ Они мне очень нужны недели на 1½...

Возвращу их в университет, как и все другие, по первому Вашему требованию.

Преданный Вам А. Громов.

Р. С. Профессор может давать бланки со своей подписью не только студентам, но и посторонним Университету лицам — так мне сказали в библиотеке.

А. Гр<омов>.

Р. С. Посылаю Вам бандеролью 1-ый № газеты Гофштеттера.² Промотрив ее, увидите, что сотрудников у нашего социалиста-монархиста не хватает...

А. Гр<омов>.

¹ Какая именно работа публициста и философа-славянофила *Юрия Федоровича Самарина* (1819—1876) имеется в виду, неизвестно. Морошкин — возможно, юрист и историк *Федор Лукич Морошкин* (1804—1857), или историк священник

Михаил Яковлевич Морошкин (1820—1870), автор книг «Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени» (1867—1870) и «Славянский именослов...» (1867).

² Гофштеттер Ипполит Андреевич (1860—1951) — поэт, философ, богослов, журналист. О какой газете идет речь — неизвестно.

10

<1907 — 1911 г.> С.-Петербург¹

Дорогой И<лья> А<лександрович>, мне надо было посоветоваться с Вами об одном деле. — Жалею, что не застал.

Ваш А. Громов.

¹ Записка на случайном листочке бумаги; на обороте — отрывочные записи по славянской фонетике.

11

28 мая 1906 г. Териоки¹

28 мая 1906 г.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Со вчерашнего дня я живу в Териоках.²

Преданный Вам А. Громов.

¹ Открытка адресована в Белоостров.

² Териоки — поселок на берегу Финского залива, традиционное дачное место петербуржцев (сейчас — Зеленогорск, муниципальное образование в Курортном районе Санкт-Петербурга). Летом 1906 г. дачу в Териоках нанимала Л. Н. Коровина с семьей («дачу Леви», упоминаемую ниже); А. А. Громов поехал в качестве учителя русской словесности воспитанника Л. Н. Коровиной Коли Коппеля. 5 июня Коровина писала Шляпкину: «Большое спасибо за Громова. Право, он хороший. Кстати, если приедете к нам, захватите для него “Литературные характеристики” Пыпина и мне какой-нибудь дребедени прочитать. Да, я не читала “Рокамболя”, вот привезите» (Коровина, № 1528, л. 14).

12

5 авг. 1906 г. С.-Петербург¹

Многоуважаемый Илья Александрович.

Светильня² продается не на аршин, а кусками (по ¼ ар<шина>). Я купил по 2 кус<ка> на горенку.

Циллиакуса³ — не достал: будет в понедельник. В среду утром я поеду в город, хотите — куплю.

Деньги перевел у Юнкера⁴ (69 р. 85 к.).

Пишу на поезде — поэтому не судите строго за почерк и бумагу. А касательно Ваших поручений — «feci quod potui faciant meliora potentes».⁵

Пред<анный> Вам А. Громов.

5 VIII 06.

Ст<анция> СПб — Ст<анция> Белоостров.

¹ Отрывной листок из блокнота; запись карандашом.

² Светильня — фитиль лампы.

³ Вероятно, имеется в виду изд.: Циллиакус К. Революционная Россия: Возникновение и развитие революционного движения в России / Пер. с нем. К. Жихаревой. СПб.: В. И. Яковенко, 1906. *Конни (Конрад Виктор) Циллиакус (1855—1924) — финский авантюрист, революционер и писатель.*

⁴ Контора банкирского дома «И. В. Юнкер и К°» размещалась на Невском пр., д. 22.

⁵ Я сделал <всё>, что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше (*лат.*).

13

11 авг. 1906 г. Териоки

Териоки. Дача Леви. 11/VIII 06.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Будьте добры сообщить, нельзя ли мне с А. В. Лютиным¹ (Колин учитель математики) и с Колей приехать к Вам в воскр<есенье> или понедельник, — как для Вас удобнее.²

Преданный Вам А. Громов.

¹ *Лютин Антон Васильевич* — математик, педагог; преподавал в гимназиях, служил в Министерстве торговли и промышленности; по данным адресной и справочной книги «Весь Ленинград. 1934» — преподаватель ЛХТИ. В мае 1904 г. при заочном содействии именно И. А. Шляпкина «студент-математик IV курса А. Лютин» получил место домашнего учителя Коли Коппеля (см. его письма: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1726, л. 1, 6). После окончания занятий с Колей (вероятно, осенью 1906 г.) общение Лютина со знакомцами по Морской практически прекратились; в архиве Шляпкина сохранилась одна поздравительная открытка 1907 г., написанная, впрочем, в достаточно свободном тоне: «Скромный труженик на пользу юношества поздравляет Глубокоуважаемого Илью Александровича со днем Ангела» (Там же, л. 7). Летом 1914 г. Л. Н. Коровина вспомнила его в письме Шляпкину: «Но знаете, еще больше меня бесит прямо нищенский оклад учителя. И действительно, приходится брать работы не по душе, а только из-за куска хлеба». И далее она говорит о Лютине, которого хвалили профессора К. А. Поссе и И. И. Боргман, а ему пришлось остаться чиновником (*Коровина*, № 1532, л. 16).

² Об этом плане Шляпкина уже предупредила Л. Н. Коровина в письме от 9 авг.: «Наши собираются к Вам, как будет время и погода» (Там же, № 1528, л. 19).

22 авг. 1906 г. Териоки

Териоки. 22 VIII 06.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Вчера я был у К. А. Иванова.¹ (Ваше письмо было послано ему на прошлой неделе заказным.) Он принял меня очень любезно и сожалел, что все вакансии уже заняты. На этом и кончились наши деловые разговоры.

Константин Алексеевич просил кланяться Вам; он не ответил сразу на Ваше письмо, так как завален работой.

До воскресенья (27-го) мы, наверное, пробудем в Териоках и ждем, что Вы заглянете к нам. Любовь Николаевна чувствует себя хорошо, но лежит...

Большое спасибо Вам, многоуважаемый Илья Александрович, за письмо к Иванову: начини я хлопотать две недели раньше — и при Вашей рекомендации К<онстантин> А<лексеевич> сделал бы для меня все возможное.

Преданный Вам А. Громов.

Р. С. Вероятно, уже знаете, что князь Н. В. Шаховской умер.² Жаль его. Я заходил к нему на 3-ий день после покушения — он был уже в беспмятстве и, как говорил его лакей, «забывал слова»... А первые два дня после взрыва князь чувствовал себя хорошо, принимал гостей и т. д.

А. Гр<омов>.

¹ *Иванов Константин Алексеевич* (1858–1919) — историк, педагог, поэт и переводчик; товарищ И. А. Шляпкина с детства (они вместе воспитывались в пансионе А. Ф. Юргенс, затем учились в 3-й С.-Петербургской гимназии; во время обучения в университете одно время вместе снимали квартиру). После окончания университета преподавал историю в петербургских гимназиях; с 1908 г. привлекался к преподаванию истории и географии детям Николая II; в 1906 г. — директор гимназии Императорского Человеколюбивого общества, с 1907 по 1914 г. — директор 12-й С.-Петербургской гимназии. Воспоминания К. А. Иванова о детстве и юности И. А. Шляпкина опубликованы в изд.: *Гене И. В. Фауст / впервые в пер. Константина Иванова <...>*. СПб.: Имена, 2005. С. 7–14. Письма К. А. Иванова к И. А. Шляпкину за 1877–1917 г.: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1361–1367 (всего около 70 писем).

² *Шаховской Николай Владимирович* (1856–1906) — государственный деятель, историк, литературовед, поэт; начальник Главного управления по делам печати (с 1901 г.), член Совета министра внутренних дел (с 1902 г.). Тяжело ранен 12 августа 1906 г. во время взрыва на даче П. А. Столыпина; скончался от заражения крови 19 августа.

15

8 нояб. 1906 г. С.-Петербург

СПБ. Могилевская, 17. 8 XI 06.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Нельзя ли мне повидать Вас 12, 13 или 14 числа, чтобы вместе подготовить к печати указатель?¹ Помимо дополнений, надо решить вопрос о формате, количестве экземпляров, расположении материала и пр. Кроме того, у меня есть и свои личные к Вам дела «времен очажковских и покоренья Крыма»...²

Предполагаю, что 20-го числа указатель выйдет в свет.

Преданный Вам А. Громов.

Р. S. 13-го (понед<ельник>) я мог бы приехать к Вам не ранее 5½ час<ов> веч<ера>. Поэтому желательно другой день.

Ал. Гр<омов>.

¹ Имеется в виду готовившийся к 25-летию научно-педагогической деятельности И. А. Шляпкина библиографический указатель его трудов; практической подготовкой занимался А. А. Громов, расходы по изданию взяла на себя Л. Н. Коровина. Надежды Громова довести указатель до печати осенью 1906 г. не оправдались: Шляпкин заболел, и работу пришлось приостановить. 16 нояб. Л. Н. Коровина писала Шляпкину: «Дорогой Друг. Вчера вечером узнала от Алек<сандра> Алек<сандровича>, что Вы больны и лежите. <...> Спасибо Ал<ександру> Ал<ександровичу>, зашел вчера и сообщил». В следующем письме (22 нояб.) Коровина возмущалась: «Ну и профессор еще — так писать телеграмму! Что Вы называете крупом — ларингит? Прошу подробно известить о себе. <...> Дайте знать телеграммой, приедете ли в понедельник и не нужны ли Вам деньги. Тогда Коля в понедельник привезет их Вам. Достаточно, если черкнете: “нужно жду Колю”, тогда я пришлю сто рублей» (Коровина, № 1528, л. 22, 23—23 об.). Болезнь Шляпкина не оказалась продолжительной, и вскоре он уехал за границу. Об окончании работы над указателем см. ниже письмо № 18 от 31 марта 1907 г.

² Слова Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действ. 2, явл. 5).

16

24 дек. 1906 г. С.-Петербург

24 — XII — 06.

6 — I — 07.

СПБ.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Вчера узнал от Л. Н. <Коровиной> Ваш адрес.¹ Примите мое заочное поздравление с праздником Р<ождества> Х<ристов>. Часто вспоминаю Вас и почему-то непременно представляю себе лежащим под тенью цветущего лимона с какой-нибудь библиографической редкостью в руках.

У нас же, в варварской Московии, довольно холодно, и солнце так мало греет, что нет нужды скрываться от его лучей под сенью высоких

и развесистых клюкв, как это известно каждому образованному иностранцу.

Северные медведи все еще находятся в периоде высшей сознательности, и партийная потасовка разгорается с каждым днем. А хитрые вожаки дрессированных зверей издали с удовольствием наблюдают за дракой и иногда украдкой, подзадоривая, пускают камешком в разъяренную толпу...

Людоеды-градона начальники по-прежнему подло падают, раненные благородно пущенной из-за угла сознательной пулей какого-либо честного анархиста-вегетарианца; черносотенные ребятишки по-прежнему провокаторски подвертываются под осколки идейно разрывающихся бомб...

Но все эти наглые усилия черной сотни, конечно, тщетны и бесполезны: Ципа Моисейчик окончательно доказала курсисткам и гимназистам, что

«Сто Ксантипп — куда красивее
Клеопатришки одной»,²

а неучащееся студенчество все еще называет себя «трудовиками»,³ считая своим лидером небезызвестного в П<етер>б<урге> «Иван Ивановича»⁴...

Шутки в сторону — у нас все дико, как и встарь. Гнусно, мелко и пошло, — а в революции могла бы быть красота и порыв. Видимо, от наших Гредескулов⁵ их не дожидаться, как и от их уважаемых противников.

Я живу тихо и смирно, делю свои краткие досуги между Сумароковым и палеографией.

Получил еще уроки (с янв<аря>), в Петровском училище. Немного — всего 3 часа в неделю, но класс самый скверный IV, — бывшие «купероманы», нынешние — «петардофилы». ⁶ Это мне устроил В. В. Сиповский.⁷

От души желаю Вам, дорогой Илья Александрович, поправиться, набраться сил и прошу не забывать искренне любящего Вас
Вашего ученика А. Громова.

¹ Письмо адресовано в Италию, куда Шляпкин уехал во второй половине ноября 1906 г.; этим объясняется и двойная датировка.

² Вероятно, персонажи и цитаты из сатирической периодики.

³ «Трудовики», Трудовая группа — политическая группа, образовавшаяся в I Государственной Думе из депутатов-крестьян и интеллигентов народнического направления. Трудовики не имели четкой программы, объединяя тех, кто был по взглядам левее кадетов.

⁴ Кто имеется в виду, непонятно. В конце 1906 г. псевдонимом «Иван Иванович» пользовался, в том числе, и В. И. Ленин, скрывавшийся в Куоккале. См.: Марков С. В. На даче «Ваза» // Знамя. 1956. № 4. С. 139.

⁵ *Гредескул Николай Андреевич* (1865—1941) — юрист, политический деятель; приват-доцент и декан юридического факультета Харьковского университета; один из основателей Конституционно-демократической партии, депутат I Государственной Думы (избран заместителем председателя), после роспуска подписал Выборгское воззвание; впоследствии проф. ИСПБУ, после революции остался в Советской России.

⁶ Возможно, намек на то, что ученики вышли из возраста детских увлечений романами Фенимора Купера и перешли к практическим действиям. Взрывы петард в начале XX в. стали привычной приметой уличного (и не только) хулиганства. Ср.: «Вчера в <рижской> Александровской мужской гимназии на ученическом вечере в хор была брошена во время пения гимна петарда» («Русское слово», 1908, 23 февр.).

⁷ Громов, по всей видимости, оговорился. С 1907 г. он был принят преподавателем русского языка и словесности в Императорское С.-Петербургское Коммерческое училище. 20 дек. 1906 г. Л. Н. Коровина сообщила Шляпкину новости о знакомых: «Вчера был Сиповский и дал мне адрес директора Комм<ерческого> <1 слово нрзб.> училища Вагнера, куда он рекомендует Громова. Пока 12 ур<оков>, а позднее больше. Алек<сандр> Ал<ександрович> пойдет туда завтра» (*Коровина*, № 1528, л. 26—26 об.). *Вагнер Владимир Александрович* (1849—1934) — зоолог, зоопсихолог, психолог, педагог; приват-доцент (1906), проф. (1918) ИСПБУ, проф. Психоневрологического института; в 1906 г. был назначен директором С.-Петербургского Коммерческого училища. *Сиповский Василий Васильевич* (1872—1930) — историк литературы, писатель; с 1894 г. преподавал в средних учебных заведениях, приват-доцент ИСПБУ (с 1901), член Ученого комитета Министерства народного просвещения, впоследствии проф. Бакинского (1919—1922) и Петроградского (1922—1930) университетов, член-корр. АН (1921). В. В. Сиповский состоял преподавателем русского языка и словесности в штате Петровского училища С.-Петербургского Купеческого общества (которое в повседневной речи иногда тоже называли «коммерческим», отчего и произошла путаница), а в Императорское Коммерческое приглашался как экзаменатор (см. ниже письмо № 34), кроме того, он был членом Ученого комитета министерства, и поэтому его рекомендация имела значение. Позднее Коровина переменяла свое отношение к Сиповскому; 23 июня 1909 г. она писала Шляпкину: «Да знаете — лучше подальше от таких людей. Я только не прекращаю знакомства из-за Алек<сандра> Алек<сандровича> — боюсь ему подложить свинью в Коммерч<еском> училище». Тем более, что наш юный буд<ущий> магистрант не умеет подлаживаться» (*Коровина*, № 1530, л. 24 об.).

17

26 дек. 1906 г. С.-Петербург¹

С Новым Годом!

А. Громов.

26 XII 06.

¹ Открытка адресована в Оспедалетти, до востребования. На лицевой стороне репродукция: «Молящаяся Россия».

31 марта 1907 г. С.-Петербург¹

Многоуважаемый Илья Александрович!

Надо непременно поскорее заказать клише — и вообще печатать указатель. Пожалуйста, привезите в понед<ельник> все необходимое. Кс<ения> Мих<айловна> просит у Вас «Колокол» Герцена.² Сегодня у меня была Эльманович — о поездке в Москву. Господи, какой же я специалист по московск<им> древностям!³

Преданный Вам А. Громов.

¹ Открытка адресована в Белоостров; датируется по штемпелю.

² Имеется в виду К. М. Милорадович. Ее первая публикация: *Милорадович К. М. А. И. Герцен и покончен ли старый спор: [Доклад, прочитанный в заседании «Союза возрождения России» в С.-Петербурге]* // Мирный труд. 1909. № 3. С. 172—195; № 4. С. 152—166. — Видимо, именно для подготовки этого доклада ей и требовался «Колокол». См.: *Милорадович. Хроника*. С. 101.

³ *Эльманович Ольга Спиридоновна* (1886—?) — слушательница ист.—филол. факультета ВЖК. Весной 1907 г. она была одним из организаторов экскурсии группы курсисток в Москву; в этом качестве она обращалась за помощью к Шляпкину (письмо от 4 апр. с просьбой о встрече — РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 2337, л. 1), надеясь уговорить его принять личное участие в экскурсии и убеждая, что «весь смысл нашей экскурсии заключается в Вашем руководстве» (27 апр. — л. 13). Шляпкин не смог поехать в Москву, однако снабдил учениц путеводителями и, видимо, инструкциями, и по возвращении Эльманович благодарила его «за <...> невидимое присутствие в Москве во время экскурсии» (20 мая — л. 12). Впоследствии О. С. Эльманович окончила ВЖК по двум специальностям: русской филологии (подгруппа литературы; 1909) и философии (1911). В 1912 г., пропустив юбилей Шляпкина, Эльманович писала ему: «Хочу вознаградить себя хотя бы теперь за упущенный случай выразить Вам, глубокоуважаемый и дорогой Илья Александрович, не только чувство глубокого уважения перед общепризнанными Вашей эрудицией и искусством оживлять практические занятия рядом редких и ценных сведений в самой занимательной форме, но и преклонения перед тем, что всегда вызывало во мне стремление по мере слабых сил моих подражать Вам. Меня особенно привлекала Ваша необычайная разносторонность, жизненность всего того, что Вы сообщаете, Ваша удивительная способность сделать одинаково ценные указания по библиографии русской письменности XII века и по вопросу о том, каких пирожных купить на Константинопольском базаре и сделать это всегда в своеобразной форме. Я очень сожалею, что так мало могу считать себя Вашей ученицей, т. к. в бытность на курсах во мне преобладал интерес к философии, но тем не менее я могла в анкете 1909 г. в рубрике профессоров, «оказавших влияние» на меня, поставить Ваше имя» (29 апр. 1912 г. — л. 9—10). По окончании ВЖК Эльманович работала помощницей библиотекаря в библиотеке ВЖК (1911—1918), преподавала в средних учебных заведениях; из ее философских работ известен перевод «Соллписизма» В. Шюппе (Новые идеи в философии. СПб.: Образование, 1913. Сб. 6. С. 99—136).

17 апр. 1907 г. С.-Петербург

Конфиденциально.

17/IV

Многоуважаемый Илья Александрович.

Частным образом узнал, что в «Русск<ом> Собр<ании>» возникла мысль поднести Вам адрес (содержание его, вероятно, — национальная сторона Вашей ученой деятельности). Сообщите мне, будет ли Вам приятен такой адрес или нет (депутаты «Р<усского> С<обрания>» — студенты). Не замедлите ответом.

Искренне Ваш А. Громов

Могилевская, 17.

Р. С. Сообщаю Вам об этом, чтобы на юбилее не произошло неожиданности или какой-либо нетактичной случайности.¹

А. Гр<омов>.

¹ Подготовкой чествования И. А. Шляпкина «по поводу исполняющегося 25-летия его ученой деятельности» занимался специально созданный комитет, одним из самых деятельных участников которого была М. С. Боровкова (см. о ней ниже письмо № 59, прим. 1). Сам Шляпкин был отчасти в курсе подготовки, в его архиве сохранилась отпечатанная комитетом типографская повестка, в которой желающие лично приветствовать юбиляра приглашались обратиться к М. С. Боровковой (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 296). Однако деятельность комитета показалась слишком закрытой, Шляпкин высказал свои претензии Боровковой, и она оказалась вынужденной оправдываться (к сожалению, письмо не датировано). Боровкова писала Шляпкину, что его пожелание включить в состав комитета А. А. Громова, а затем К. М. Милорадович и З. А. Ефимовскую было исполнено незамедлительно, но предложение помощи от двух последних поступило настолько запоздало, что им уже просто нечего было поручить. Ключевым (и, видимо, самым обидным для Боровковой) было обвинение в «политических пристрастиях» при организации комитета, и она всячески подчеркивает, что и сама она «беспартийная», и остальные члены комитета вошли в него как «ближайшие ученицы»; примечательна фраза о Громе: «Нечего говорить о том, что едва я успела услышать о Вашем желании — привлечь сюда Громова — я сейчас же пригласила его, а, думается, никто не посмеет обвинить Громова в принадлежности к прогрессивным партиям...» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 850, л. 93–94). Судя по нескольким подчеркиваниям и нелицеприятным ремаркам, оправдания Боровковой не вполне убедили Шляпкина. Беспокойство Громова о «неожиданности» или «нетактичности» в связи с поздравлением от Русского Собрания могло объясняться как описанными выше «политическими пристрастиями» оргкомитета, так и неизвестными нам нюансами отношения Шляпкина к Русскому Собранию, переживавшему с начала 1907 г. период внутреннего раскола.

20

<23 апр. 1907 г.> С.-Петербург¹

После чествования² просите всех в гостиную на бокал шампанского.

¹ Визитная карточка с текстом: «Александр Александрович Громов. Могилевская 17, кв. 7»; сломана пополам; текст на обороте. Датируется предположительно по содержанию.

² А. А. Громов входил в состав комитета по подготовке чествования И. А. Шляпкина по случаю 25-летия его ученой деятельности, прошедшего 23 апр. 1907 г. — см. письмо № 19, прим. 1.

21

26 апр. 1907 г. С.-Петербург¹

Профессору И. А. Шляпкину, 12 б.

<Александр Александрович Громов> хотел повидаться по важному делу. Нельзя ли завтра — я свободен утром от 10 до 1 часу и от 5 вечера. 26 IV 1907. А. Г<ромов>.

¹ Визитная карточка с текстом: «Александр Александрович Громов. Могилевская, 17 кв. 7»; рукописный текст карандашом приписан к фамилии.

22

5 мая 1907 г. Новгород

5/V 1907

Многоуважаемый и дорогой Илья Александрович.

Вероятно, Вы Бог знает что обо мне думаете. Вот уже 2 недели, как я все собираюсь приехать к Вам, — но очень скучные и неприятные дела семейного свойства — долго рассказывать — парализовали меня во всех отношениях и до того рассердили, что я даже захворал. Теперь должен проводить маму на дачу и вернуться в П<етер>б<ург> 13—14 июня. Тогда приеду к Вам и привезу указатель (мне за него особенно совестно!).

Пожалуйста, черкните мне, если не рассердились на меня окончательно, можно ли к Вам приехать в эти числа (13 — 14)?

Я вернул в Ун<иверсите>т все книги, взятые мною на Ваше имя.

Поздравляю Вас с роспуском Думы.¹

Мой адрес до 13-го:

г. Новгород, Кречевицкие казармы.² А. Громову.

Сердечно преданный Вам

А. Громов.

¹ 3 июня 1907 г. были обнародованы указы о немедленном роспуске II Государственной Думы и назначении новых выборов по измененным избирательным правилам (так называемый «Третьеиюньский переворот»).

² Кречевицы — деревня на правом берегу р. Волхов в 15 км от центра Новгорода; с 1817 г. один из центров военных поселений (в 1831 г. именно здесь начался бунт); после упразднения военных поселений место размещений гвардейских частей (в 1901—1918 г. — Гвардейского кавалерийского запасного полка); окрестности были традиционным дачным местом. В настоящее время удаленный микрорайон г. Великий Новгород.

23

15 июня 1907 г. Новгород

15/VI 1907.

Глубокоуважаемый Илья Александрович.

Вчера ездил в Новгород. Рукописей в музее, кажется, оч^{<ень>} мало, — по словам сторожа, только одна витрина. Но я подозреваю, что в запечатанных почему-то шкапах находятся тоже рукописи. После завтра поеду к губернатору,¹ попытаюсь с Вашей карточкой выхлопотать разрешение на более подробный осмотр музея. Заведует им (музеем) некий Подобедов (секретарь статистич^{<еского>} ком^{<итета>}, с^{<оциал>}-д^{<емократ>}!), хочу познакомиться с ним.²

Большое спасибо, дорогой Илья Александрович, за Востокова.³ Это, действительно, фундамент. Проштудировав его, я не побоюсь серьезно и научно заняться многими вопросами из древней литературы.

Работать мне очень спокойно; дачников нет почти совсем, кругом монастыри, перед моим окном курган («холопий городок») на берегу Волхова⁴ — все располагает к занятиям древностями. О зиме с ее уроками упорно не думаю и, не «морщась, как пьяница пред чаркою вина»,⁵ начало себя во всех отношениях. Особенно счастливы я тем, что совершенно свободен. Ведь я первый раз живу не «на уроке» и могу распоряжаться собою, как хочу. Может быть, я за лето сделаю мало, но если мне удастся практически ознакомиться с работою над рукописями, посидеть и порыться в монастырских библиотеках и пр. — то я на первый раз и этим буду доволен.

Последние года были для меня тяжелы и в материальном отношении, и потому, что мне пришлось много душевно пережить. Но я не падал духом, между прочим, меня нравственно поддерживало знакомство с Вами и Ваше дружеское и простое отношение ко мне. Теперь, почти выйдя уже на ровную дорогу, я особенно чувствую, как много Вы сделали для меня. Большое Вам спасибо, дорогой И^{<лья>} А^{<лександрович>}. Передайте мой привет А^{<нне>} И^{<льинишне>} и С^{<офье>} А^{<лександровне>}. Желая Вам здоровья и успеха в работе.

Сердечно Ваш А. Громов.

Адрес:

г. Новгород. Кречевицкие Казармы, дер. Завод.

А. А. Громову.

Р. С. Жалею, что нет Вашего Диккенса⁶ — масса мух и — должно быть — вкусных на его гастрономический вкус.

¹ *Медем Оттон Людвигович* (1847–1925) — граф; государственный деятель; новгородский губернатор (1896–1907); впоследствии член Государственного Совета; после революции эмигрировал.

² Согласно Новгородской памятной книжке, исполняющим должность секретаря Новгородского губернского статистического комитета в 1907 г. был *Валерьян Александрович Подобедов*; там же указано, что Новгородский Музей древностей состоит в ведении Статистического комитета (Памятная книжка Новгородской губ. на 1907 г. Новгород: Губ. тип., 1907. С. 3–4, 50).

³ Имеется в виду изд.: *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1842. Ср.: «В 1842 г. вышло знаменитое Востоковское описание рукописей Румянцевского музея. Когда проф. Шляпкин был еще студентом, ему пришлось обратиться к профессору, чтобы он ему посоветовал, как начать специальные занятия по истории русской литературы. Покойный М. И. Сухомлинов ответил ему: “Возьмите описание Румянцевских рукописей”. Затем ему же пришлось обратиться к И. И. Срезневскому с вопросом: “Что бы Вы мне посоветовали читать?” Он посмотрел на него и сказал: “Читайте Востокова”. Теперь проф. Шляпкин сам придерживается того же взгляда, когда к нему обращаются с подобными вопросами его ученики. И действительно: в них неисчерпаемое сокровище и не столько относительно сведений, сколько относительно методических указаний» (*Шляпкин И. А.* Русская палеография: По лекциям, читанным в Имп. С.-Петербургском археологическом институте. Перепечатано с изданий слушателей 1905–1907 гг. с разрешения, но без просмотра автора. СПб.: тип. Р. Голике и А. Вильборг, 1913. С. 30).

⁴ Холопий городок — городище VIII–XIII в. на правом берегу р. Волхов, напротив Кречевиц; в 1995 г. внесен в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения.

⁵ Слова Шуйского из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: «Народ еще повоет да поплачет, / Борис еще поморщится немного, / Что пьяница пред чаркою вина, / И наконец по милости своей / Принять венец смиренно согласится <...>» (сцена «Кремлевские палаты (1598 года, 20 февраля)»).

⁶ Вероятно, белоостровский кот Дик. В конце письма, адресованного А. И. Ревви и С. А. Фогельзанг 29 июня 1909 г., Шляпкин (после собак) передает «поклон Дику и Мурке» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 151, л. 8 об.); Мурка и Дик упоминаются С. А. Фогельзанг в письме 1912 г. (см. ниже письмо № 88, прим. 2).

24

4 июля 1907 г. Новгород

г. Новгород, Кречевицкая прист<ань>, дер. Завод.

СПБ. Могилевская, 17.

4/VII 1907.

Дорогой Илья Александрович.

Завтра еду в П<етер>б<ург> по делам. Хотел бы повидать Вас, но, пожалуй, Вы уже за границей. Большое Вам спасибо за протекцию к И. А. Иванову.¹ Я все ждал, что комиссия² поедет на пароходе мимо моей дачи, но не дождался, т<ак> к<ак> они воспользовались казен-

ным пароходом, и я их пропустил. Но совершенно случайно в Новгороде в табачный магазин к моему знакомому заходит «осташковский протоиерей» (я не знаю его фамилии)³ и в разговоре упоминает мое имя. Владелец магазина немедленно извещает меня, я в Новгород, еду на извозчике, смотрю — у памятника 1000-летию⁴ толпа.

— Вы — Тверская арх<ивная> ком<иссия>?

— Мы. А Вы — А. А. Громов?

— Да!

Я представился Иванову, он перезнакомил меня с остальными, и «с тех пор мы не разлучались».⁵ Вечером обедали у Медема, который любезно предоставил комиссии казенный пароход, и весь следующий день, с 6 утра до 11 вечера, разъезжали по монастырям. Чудесная погода, милая компания любителей русской старины и сама старина — да еще какая старина-то! — все это было удивительно хорошо. Я многому научился в этой экскурсии. Мы были в Юрьеве,⁶ у Моисея Сковороды,⁷ в Нередице,⁸ в Хутыне⁹ и у Ант<ония> Римл<янина>¹⁰. Я больше интересовался рукописями, но их мало: злодей Соболевский¹¹ все забрал в синодский архив.

Еще до Иванова я ездил в монастырь св. Мих<аила> Клопского, которому недавно праздновали 500 л<ет>. Монастырь, действительно, древний, но, видимо, он много потерпел в XVII в.¹² Библиотека и ризница бедны, интересны только живопись на стенах и несколько древних икон. Я хотел их купить, но настоятель (оч<ень> симпатичный старик из крестьян) «боится» их отдать. Это даже не иконы — висят ободренные в скверных портретных рамах в кухне, чуланах и т. д.

Я поеду еще...

Комиссия ночевала в гимназии, я — у знакомых. На след<ующий> день утром все тверичи уехали в С<тарую> Руссу. Осташковский протопоп и Иванов (Тургенев — bis) мне очень понравились, и я не прочь попутешествовать с ними еще, когда наладится экскурсия. Влюбился я также в Медема и его губернаторшу.¹³ Я не люблю немцев-губернаторов, — но, во-1), его жена — красивый тип породистой аристократки (как женщина — совсем она неинтересна), с довольно цельным кастовым мирозерцанием, и сам граф — прямой потомок древних баронов. Он честен, рыцарски вежлив, деликатен и тактичен. Ваша карточка снискала мне его благосклонность. Он обещал посодествовать мне в музее. Он черносотенец (но приличный), ярый жидофоб, любит (или умело притворяется) русскую деревню и ее быт. Местные с. р. уже приговорили его к смерти.¹⁴

В м<онастыре> Саввы Виш<ерского>¹⁵ я еще не был. Поеду, когда вернусь из П<етер>б<урга>. Пока читаю Востокова и кое-что другое.

Пожалуйста, черкните мне, дорогой И<лья> А<лександрович>, пару слов — где Вы и когда вернетесь. Я из П<етер>б<урга> уеду 7-го. Привет Вашим домашним. От души желаю Вам всего лучшего.

Преданный А. Громов.

Р. С. На случай неаккуратности со стороны почты сообщаю, что я не получал от Вас никаких писем, а Вам послал — 1.

А. Гр<омов>.

¹ *Иванов Иван Александрович* (1850—1927) — краевед, председатель Тверской губернской ученой архивной комиссии (1896—1913), действительный статский советник.

² Речь идет о посещении Тверской архивной комиссией Новгорода.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Памятник «Тысячелетие России» был открыт в Новгородском кремле между Софийским собором и зданием Присутственных мест 16 мая 1861 г.; авторы памятника: скульпторы М. О. Микешин и И. Н. Шредер, архитектор В. А. Гартман.

⁵ Слова Казбича о Карагезе из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

⁶ Юрьев (Свято-Юрьев) мужской монастырь, находится на южной окраине Новгорода; основан в XI в.; в настоящее время действующий монастырь; объект культурного наследия федерального значения.

⁷ Сковородский Михайловский мужской монастырь; основан архиепископом Новгородским Моисеем в середине XIV в.; закрыт в 1920 г., в 1930-е гг. часть построек разобрана, в 1941—1944 гг. полностью уничтожен артиллерийским огнем.

⁸ Село Спас-Нередицы, в котором расположена церковь Преображения Господня на горе Нередице, построенная в конце XII в.; в 1941—1944 гг. была практически уничтожена артиллерийским огнем; в 1950-е восстановлена; фрески утрачены.

⁹ Варлаамо-Хутынский Спасо-Преображенский женский монастырь в селе Хутынь Новгородского уезда, на р. Волхов; построен в конце XII в.; закрыт в 1920 г.; сильно пострадал в 1941—1944 гг.; в 1994 г. возвращен епархии и возобновлен как женский монастырь.

¹⁰ Антониев мужской монастырь в Новгороде; основан преподобным Антонием Римлянином в начале XII в.; в 1740 г. при монастыре основана Новгородская духовная семинария; закрыт в 1920 г.; в настоящее время монастырские постройки входят в состав Новгородского музея-заповедника; часть зданий используется Новгородским государственным университетом им. Ярослава Мудрого.

¹¹ *Соболевский Алексей Иванович* (1856—1929) — лингвист, историк литературы, палеограф, славист; проф. ИСПБУ (1888—1908), преподавал также в Археологическом институте; член-корр. АН (1893), академик (1900); председатель комиссии по описанию Синодального архива.

¹² Михайло-Клопский Троицкий мужской монастырь в Новгородском уезде; основан в конце XIV — начале XV в. (первое документальное упоминание датируется 1408 г.); в Смутное время сожжен шведами, возобновлен в 1630-х гг.; в начале XX века переделан в женский; после 1917 г. закрыт, в 1923 г. передан Новгородскому музею; в 2005 г. возвращен епархии и возрождается как мужской монастырь.

¹³ *Медем Александра Дмитриевна* (урожд. *Нарышкина*; 1847—1914) — жена О. Л. Медема (с 1863 г.); А. Д. Медем была правнучкой фаворита Екатерины II И. Н. Римского-Корсакова и известной красавицы графини Е. П. Строгановой и племянницей «светской львицы» княгини З. И. Юсуповой.

¹⁴ Ср. рассказ Шляпкина в передаче Е. П. Казанович: «А еще помню, как я <...> с курсистками в Новгород ездил. Губернатором в то время был в Новгороде известный граф Медем. Ну, я, конечно, счел своим долгом представиться ему с несколькими депутатками от курсисток. Вы понимаете, что этого требовала простая вежливость (опять пояснил И<лья> А<лександрович> как бы в оправдание своей благонамеренности); а в результате граф и графиня пригласили нас всех, это, понимаете, всех 50 человек, на вечер (или на чай — не помню, как сказал И<лья>

А<лександрович>)! И что ж вы думаете! Графиня так была удивлена тем, каковы курсистки, что все время мне повторяла: “Да они совсем не такие! Я никак не ожидала: они — премилые!” Вы понимаете, значит, до каких еще пор держалось в обществе такое мнение о курсистках. Но зато потом она уж так нас угощала, так кормила разными пирожками да бутербродами, и когда мы возвращались в П<етербург> — мы в дороге еще получили от нее приветственную телеграмму» (*Казанович*, № 18, л. 3 об.—4).

¹⁵ Савво-Вишерский мужской монастырь в Новгородском уезде, основан предположительно Саввой Вишерским в начале XV в.; в 1916 г. преобразован в женский; закрыт в 1920 г.; до 1950-х гг. был занят исправительной колонией, последние постройки сломаны в 1970-х гг.

25

31 июля 1907 г. Новгород¹

Дорогой Илья Александрович.

Как Ваше леченье? Л<юбовь> Н<иколаевна> пишет, что собираетесь к ним.² Не особенно давно писал Вам — получили ли письмо? У нас — отчаянная погода — «старожилы не запомнят». Приходится сидеть дома. В П<етербург> собираюсь к 20 августа.

Ваш А. Громов.

31 VII / 13 VIII 1907 г.

¹ Открытка адресована в Киссинген, до востребования; на лицевой стороне фотоколлаж с женским портретом и игральными картами.

² В конце июня И. А. Шляпкин отправился в Бад-Киссинген, курортный город на северо-западе Баварии. Л. Н. Коровина, лечившаяся в это время на курорте Бад-Гарцбург в Саксонии (с ней вместе отдыхали дочь и внуки) и поддерживавшая по привычке переписку со всеми знакомыми, со свойственной ей прямою критиковала методы лечения, избранные Шляпкиным, и всячески зазывала его в Гарцбург: «<...> Мне совсем не нравится Ваше настроение. Вообще, к чему терять 20 ф<унтов> и расстраивать нервы? Я нахожу это несуразным. Голодать вредно. Постоянное слабительное раздражает кишки — лекарства эти могли бы принимать и дома. <...> ни на что не похоже — едете в Киссинген и не лечитесь там их водами — прямо глупо». И далее о переезде Шляпкина: «Не стыдно Вам спрашивать о пансионе и комнате. Оставьте свой характер, раз я приглашаю — так и приезжайте. Здесь цена за комнату понедельно, если вздумаете платить — обидите меня. Право, я так радуюсь Вашему приезду, что о деньгах не хочется и думать» (*Коровина*, № 1529, л. 12–13; письмо от 15 июля (?) 1908 г.).

26

7 сент. 1907 г. С.-Петербург¹

{7/IX} 1907.

Многоуважаемый Илья Александрович.

{нрзб.}-го, воскр<есенье>, в 1 ч<ас> состоится чествование Чевакинского² (25 л<ет службы>). Быть может, Вы захотите поздравить

его — {на} всякий случай сообщаю адрес: Чернышев пер., Императорское Коммерческое училище.

С приездом!

Преданный Вам А. Громов.

¹ Открытка адресована в Белоостров; на лицевой стороне репродукция: «Искушение»; датируется по почтовому штемпелю. Часть художественных открыток И. А. Шляпки хранил наклеенными в альбомах. Здесь и далее фрагменты текста, поврежденные при отклеивании, восстанавливаются в {фигурных скобках}.

² Чевакинский Александр Иванович (1857 — не ранее 1922) — товарищ Шляпкина по ИСПБУ, член кружка «ноябристов»; в 1907 г. статский советник; преподаватель географии в Императорском Училище правоведения и старший воспитатель и преподаватель истории и географии в Коммерческом училище. Автор учебника по коммерческой географии России и очерка 25-летней истории 10-й С.-Петербургской гимназии (1896), где он преподавал. Кроме того, А. И. Чевакинский разводил пойнтеров и был хорошо известен в мире собаководов (упомянут в книге Л. П. Сабанеева «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Кн. 1: Легавые» (1896)). В 1922 г. был, по выражению Громова, «комиссаром своей усадьбы» (Громов. *Письмо Вагнеру*, л. 5 об.).

27

20 сент. 1907 г. С.-Петербург

20/IX 1907 года.

Могилевская, 17.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Вероятно, Вы получили мой отчет¹ и брошюры² (25 экз.). На следующей неделе пришло еще — сколько хотите.

Что касается отчета, то думаю, что во 2-ой редакции он достаточно проникнут эпическим спокойствием. Я очень хотел поработать над ним (внешность и содержание), но, к сожалению, поздно узнал, что он необходим, — и торопился, как Вы знаете.

Если не оставлять стипендии — Бог с ней (хотя это будет крайне прискорбно и жутко), — но для меня важнее не порывать нравственной связи с университетом. Оставлен был у Вас только на год (как и медалист Гревса³ — Шаскольский).⁴ Я не имею понятия о технике оставления, но был бы очень благодарен Вам, дорогой Илья Александрович, если бы Вы сочли возможным ныне продолжить мое оставление сразу на 2 года (по 1/X 1909 г.).

Быть может, не принято просить об этом профессоров — тогда простите! — но, кажется, в прошлом году Вы были ни при чем в оставлении меня только на год, — посему и решаюсь просить Вас, как лицо, непричастное прошлогоднему постановлению факультета.⁵

Сердечно преданный Вам А. Громов.

P. S. Просьба более приличная.

1) Одолжить Шрадера⁶ (русского или немецкого — безразлично).

2) При свидании сообщить библиографию по женск<ому> вопросу в России (русск<ие> замеч<ательные> женщины — м<ежду> прочим, кн<ягиня> Дашкова и т. д.). Я знаю только довольно старую книгу Шашкова⁷ и неск<олько> брошюрок.

А. Гр<омов>.

¹ Имеется в виду отчет о работе оставленного при кафедре. Материалы об оставлении Громова при кафедре русского языка и словесности см.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 10058.

² О какой брошюре идет речь — неизвестно.

³ *Гревс Иван Михайлович* (1860—1941) — историк-медиевист, педагог, краевед, общественный деятель; проф. ИСПБУ и ВЖК.

⁴ *Шаскольский Петр Борисович (Бернгардович)* (1882—1918) — историк; окончил ИСПБУ в 1906 г.; оставлен И. М. Гревсом при университете. Впоследствии преподавал в различных учебных заведениях; активно участвовал в политической жизни («трудовик», эсер); умер от испанки, скрываясь от ареста.

⁵ Неопределенность ситуации с оставлением при университете вызывала неудовольствие и претендентов, и ряда профессоров. Характерна докладная записка по этому вопросу Н. И. Кареева, по решению Совета факультета в ноябре 1913 г. литографированная и разосланная всем членам для обсуждения. Задав в краткой преамбуле риторический вопрос: «не слишком ли много мы оставляем при Университете?» — Кареев предлагает конкретные меры по упорядочению процедуры оставления:

«Во-первых, инициатива оставления при Университете должна принадлежать безусловно профессору, и отнюдь не следует допускать и поощрять просьбу самих аспирантов о том, чтобы их предлагали к оставлению при Университете. Если профессор не сам приходит к мысли, что такой-то N. N. заслуживает честь быть предложенным к оставлению, всякое ходатайство студента за самого себя должно быть отклоняемо. Люди скромные и уважающие свое достоинство, конечно, не станут брать на себя инициативу того, что прежде всего по праву может принадлежать их учителям. Если профессор предлагает кого-либо к оставлению при Университете, лишь снисходя к просьбе самого подлежащего к оставлению лица, это, по моему мнению, едва ли нормально.

Во-вторых, отдельные профессора вносят иногда свои предложения без предварительного обсуждения достоинств кандидатов <...>. На факультете у нас для рассмотрения многих вопросов существуют предметные группы, которым следовало бы передать на предварительное обсуждение все предложения отдельных профессоров относительно оставления кого-либо при Университете.

В-третьих, <...> подробная письменная мотивировка каждого предложения была бы необходима для того, чтобы установить некоторое единообразие в требованиях <...>. Это дело общефакультетское, и нужно, чтобы у студентов не было поводов говорить, что такой-то профессор «оставляет легко», а вот такой-то совсем не оставляет.

В-четвертых, совершенно необходимо, чтобы оставление или неоставление решалось закрытой баллотировкою, как и все вопросы личного характера <...>.

В-пятых, следовало бы обязать каждого оставленного при Университете немедленно же условиться с будущими экзаменаторами насчет будущих занятий <...>. В настоящее время оставленные при университете редко представляют отчеты о своих занятиях, что тоже ненормально.

В заключение укажу, что за последнее время было немало магистрантских экзаменов, проходивших неважно, и в этом, по моему мнению, нельзя не видеть резуль-

тата того, что мы оставляем при Университете слишком много лиц, быть может, иногда по просьбе оставляемых <...>» (цит. по экз., присланному И. А. Шляпкину // ОР РНБ, ф. 865, № 373, л. 1–2).

И. А. Шляпкин в 1907 г. не предлагал повторно А. А. Громова к оставлению при кафедре.

⁶ Вероятно, имеется в виду немецкий филолог и историк *Отто Шрадер* (1855–1919); по-русски выходило изд.: *Шрадер О.* Сравнительное языковедение и перво-бытная история: Лингвистико-исторические материалы для исследования индо-германской древности / Пер. с нем. [Н. Г. Чернышевского]. СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1886.

⁷ Вероятно, имеется в виду изд.: *Шашков С. С.* История русской женщины. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Кн. маг. «Новое время», 1879 (первое изд.: «Очерк истории русской женщины», 1871).

28

2 окт. 1907 г. С.-Петербург

Многоуважаемый И<лья> А<лександрович>.

Если можете, привезите мне книгу Яковлева¹ — ее Вы отложили для меня у Соловьева,² но мальчик доставил ее вместе с Вашими покупками. Сочтемся при свидании.

А. Громов.

2/Х 1907.

¹ Возможно, речь идет об изд.: *Яковлев В. А.* Учебный курс теории словесности. 7-е изд. СПб.: типо-лит. М. П. Фроловой, 1907.

² Книжный магазин *Николая Васильевича Соловьева* (1877–1915) находился на Литейном проспекте, в д. 51.

29

<1907 г.> С.-Петербург¹

Глубокоуважаемый Илья Александрович.

Не можете ли Вы 7-го (если будете в П<етер>б<урге>) привезти Морозова («Откровение в грозе и буре»)². Я скоро верну его. Не знаю, будете ли Вы в городе, — на всякий случай зайду в Учен<ый> Комитет около 3½ ч<асов>.

Преданный Вам А. Громов.

¹ Датируется предположительно по содержанию.

² Имеется в виду книга *Николая Александровича Морозова* (1854–1946) «Откровение в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса» (1-е изд.: СПб.: Былое, 1907; 2-е изд.: М.: В. М. Саблин, 1907; 3-е изд.: М.: В. М. Саблин, 1910).

Библиографический список

1. Андреева В. В. Александр Александрович Громов: жизнь ученого в эпоху перемен // Русский логос — 2: Модерн — границы контроля. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25—28 сент. 2019 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 628—632.
2. Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992.
3. Воробьева И. Г. К 120-летию со дня рождения профессора А. Н. Вершинского: Новые материалы // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2008. Вып. 2. С. 126—131.
4. Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г. Библиотека Бестужевских курсов: Книжное собрание И. А. Шляпкина // Невский Архив: Историко-краеведческий сборник. М., СПб.: Atheneum; Феникс, 1995. Вып. 2. С. 398—413.
5. Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович: Хроника жизни в документах и письмах. СПб.: ред. «Парадигма», 2018.
6. Горчинский П. А. Библиофильский уголок в Белоострове // Вестник литературы. 1916. № 9/10. Стб. 162—168.
7. Громов А. А. В студенческие годы // Александр Блок в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 402—409.
8. Дружинин В. Г. Воспоминания об И. А. Шляпкине // За сто лет: Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923. С. 97—106.
9. Иванов К. А. Предисловие переводчика // Гете И. В. Фауст / впервые в пер. Константина Иванова <...>. СПб.: Имена, 2005. С. 7—14.
10. Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В. Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: ЛГУ, 1982. Вып. 4. С. 52—86.
11. Краснородько Т. И. «Жаль кольца...»: (невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня-«талисмана») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 5—29.
12. Кумпан К. А. Александр Блок — выпускник университета // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 2. С. 163—178.
13. Медников М. М. И. А. Шляпкин и Псков // Псков. 2007. № 26. С. 65—68.
14. Милорадович К. М. У меня есть моя истина...: Избранное / сост., ред., вступ. статья и примеч. Н. Х. Орловой; примеч. А. В. Вострикова. СПб.: ред. «Парадигма», 2020.
15. Николаев С. И. И. А. Шляпкин в работе над собранием сочинений А. П. Сумарокова // Russian Literature. 2014. V. 75. Issues 1—4, 1 January—15 May. P. 445-456.
16. Перетц В. Н. Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету (ч. 1) // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 363—413.
17. Попкова Н. А. Илья Александрович Шляпкин // Библиотека ВУЗа: вчера, сегодня, завтра: Сборник научных трудов, посвященный памяти В. А. Артисевич. Саратов, 2002. Вып. 2. С. 6—17.

18. *Сапожникова О. С.* Славистическая коллекция в мемориальном собрании И. А. Шляпкина: неизвестные автографы деятелей славянского возрождения // Вестник «Альянс-Архео». СПб.: Альянс-Архео, 2015. Вып. 12. С. 70—81.
19. Университет и политика. СПб.: Изд. «Союза студентов С.-Петербургского университета» и «Академического союза слушательниц С.-Петербургских высших женских курсов», 1906.
20. *Шляпкин И. А.* Для немногих: Автобиогр. заметка проф. И. А. Шляпкина. СПб.: тип. Мартынова, [1907].

**«ЛЕВ АЛ<ЕКСЕЕВИЧ> РАДИЩЕВ.
МУЗЫКА В 1879—1914 гг.»
(ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ)**

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии М. В. Родюковой)*

Аннотация: В публикации «“Лев Алексеевич Радищев. Музыка в 1879—1914 гг.” (Из записной книжки)» приводятся воспоминания профессионального художника и писателя Л. А. Радищева о его менее известной стороне жизни — увлечении музыкой и охватывают период с 1879 по 1914 гг. Согласно датировке в записной книжке они написаны в 1941 г. в Хвалынске (Саратовская обл.), куда Л. А. Радищев эвакуировался из Ленинграда в начале Великой Отечественной войны. Воспоминания состоят из шести небольших разделов. В каждом из них рассказывается о его музыкальных занятиях в разные периоды жизни, причем автор в разделах выделил подразделы: «Сестра Нина»; «Брат Петя»; «Моя музыка»; «Порубиновский»; «Вильборг»; «Рихтер». Первый подраздел посвящен музыкальному творчеству сестры Нины, второй — творчеству брата Пети, третий — обучению Л. А. Радищева игре на фортепиано, три последних — его музыкальным педагогам. Публикация знакомит читателя еще с одной стороной его богатого внутреннего мира — музыкальным творчеством.

Ключевые слова: Гаммы, композитор, консерватория, концерт, музыка, музыкальные педагоги, музыкальные произведения, музыкальное творчество, музыкальная школа, ноты, пианист, симфония, скрипка, сольфеджио, фортепиано, этюды.

Abstract: The paper «“Lev Alekseevich Radischchev. Music in 1879—1914”. From his Notebook» features memoirs of L. A. Radischchev, professional artist and writer, about the less-known aspect of his life — his devotion to music that cover the period from 1879 to 1914. According to the dating in the notebook the memoirs were written in 1941 in Khvalynsk (Saratovskaya obl.) where L. A. Radischchev was evacuated from Leningrad at the beginning of the Great Patriotic War. They consist of six short parts each telling about his musical activities in different periods of his life and falling into subsections: Sister Nina; Brother Petya; My music; Porubinovsky; Vilborg; and Richter. The first subsection is devoted to the musical creative work of his sister Nina, the second one to his brother Petya’s, the third one deals with L. A. Radischchev’s learning to play the piano, and the last three to his music teachers. The publication brings to light one more side of his rich inner world — musical creative work.

Keywords: scales, composer, Conservatory, concert, music, music teachers, musical works, music school, pianist, symphony, violin, solfeggio, piano, etudes.

Лев Алексеевич Радищев (1870–1946) — профессиональный художник и писатель — родился в большой семье старшего внука Александра Николаевича Радищева, городского головы и почетного судьи г. Хвалынска Саратовской губернии Алексея Васильевича Радищева (1834–1904). Его мать Анна Львовна (†1889) происходила из богатой семьи купцов старообрядцев Михайловых. Радищев получил сначала домашнее образование, а затем обучался в частном дворянском пансионе В. Н. Смольянинова в Саратове. Позднее он учился в Студии живописи и рисования при Саратовском обществе любителей изящных искусств (1891–1892), в художественных школах А. Большакова (1900) и Е. Н. Званцевой (1900-е) в Москве, у художника М. К. Клодта в Петербурге (1902, по другим сведениям, 1901). Кроме занятий живописью он проявлял интерес к сочинительству. В Петербурге в 1912–1914 гг. вышло несколько его книг: «Морские дыхания. Рассказы» (1912), «Сказки. Кн. 1-я» (1912), «Ветерки и вихри. Рассказы и стихи» (1913), «Стихи и сказки. Кн. 4-я. С рисунками и обложкой автора» (1914). Он также давал уроки рисования, выполнял частные заказы разного характера, служил преподавателем в Реальном училище в Бодайбо (1920) в Сибири, учителем рисования, черчения и чистописания в школах Иркутска (1921–1923). С 1923 по 1930 год жил в Саратове, где работал сдельно по договорам, выполняя заказы для различных учреждений и институтов. В 1930 г. переехал в Москву, а с 1932 г. жил в Ленинграде. С 1935 г. состоял членом Ленинградского общегородского комитета ИЗО Союза «Рабис» в качестве художника по разовым договорам. С 1938 г. — член в Цехе живописцев как художник-живописец на договорных началах. Всю войну провел в Хвалынске, вернувшись после эвакуации в Ленинград, скоропостижно скончался 15 января 1946 г.¹

Записная книжка, хранящаяся в архиве Л. А. Радищева, уже частично публиковалась нами с воспоминаниями автора о занятиях живописью.²

В настоящей работе приводятся воспоминания о его менее известной стороне жизни — увлечении музыкой — и охватывают период с 1879 по 1914 год. По датировке в записной книжке они написаны в 1941 г. в Хвалынске, куда Л. А. Радищев эвакуировался из Ленинграда в начале Великой Отечественной войны.³ Воспоминания состоят

¹ См. о нем: *Радищев Л. А.* Первая поездка за границу. Поездка на Всемирную выставку. (Воспоминания). Тетрадь I / публ. М. В. Родюковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб., 2011. С. 597–614; *Родюкова М. В.* Радищев Лев Алексеевич. Фонд 663 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 861–864.

² Выбранные места из писем Л. А. Радищева к отцу / публ. М. В. Родюковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 256–277.

³ РО ИРЛИ, ф. 663, оп. 1, № 103.

(по авторской нумерации) из шести небольших разделов. В каждом из них рассказывается о его музыкальных занятиях в разные периоды жизни, причем автор в разделах выделил подразделы: «Сестра Нина»; «Брат Петя»; «Моя музыка»; «Порубиновский»; «Вильборг»; «Рихтер».

Первый подраздел посвящен музыкальному творчеству сестры Нины, второй — творчеству брата Пети, третий — обучению Л. А. Радищева игре на фортепиано, три последних — его музыкальным педагогам.

Л. А. Радищев рос в семье, любившей музыку. Главными музыкантами в семье были: сестра Антонина (Нина) (1865—1925), игравшая на фортепиано, и брат Петр (1861—1916), игравший на скрипке, альте, виолончели. Отец также владел скрипкой, но не уделял этому особого внимания, так как был занят городской службой. Мать училась музыке в пансионе и тоже «не продолжала музыки, озабоченная домашней жизнью, детьми». Нина стала довольно известной пианисткой, имела своих учеников. Младшая сестра Ольга, несмотря на обучение игре на фортепиано и скрипке, не продолжила музыкальные традиции семьи, в дальнейшем став врачом.⁴

Музыкой Л. А. Радищев заинтересовался в восемь с половиной — девять лет. Имея абсолютный слух и «природную гибкость пальцев», он стал заниматься игрой на фортепиано. Первые уроки ему давала гувернантка Эммелина Германовна Шмидт из Дерпта. Но у нее это получалось как-то «сухо и педантично». Она «не позволяла играть по памяти, а непременно только по нотам».⁵ Он долго не решался заняться музыкой всерьез, думая, что помешает игре сестры Нины. Но все-таки, стараясь переломить свою застенчивость, решил на самостоятельные музыкальные занятия, увлекаясь ими все больше и больше. Брат и сестра вложили много сил и старания для воспитания музыкального вкуса Л. А. Радищева. В процессе обучения мать тоже помогала сыну, разрешив приобретать ноты по выбору. Сестра Нина выписывала музыкальные журналы. Сначала Радищев играл гаммы, несложные этюды и экзерсисы. Затем начал исполнять прелюдии и концерты Мендельсона, вариации Вебера. Главным недостатком в семье он считал, что слишком мало исполняли старинных классиков: Моцарта, Гайдна, Генделя, Баха. Нина много играла Мендельсона, Листа, Шопена, Шумана, Бетховена, А. К. Лядова, Ц. Кюи, А. Г. и Н. Г. Рубинштейнов. В понимании и исполнении музыки он подражал своей сестре Нине и «с малых лет <...> слушал ее игру, напевая потом мотивы из Шопена, который в особенности был в почете».⁶ Любимыми его композиторами были также Л. Бетховен, Ф. Лист, Р. Шуман и старые мастера — И. С. Бах, В. А. Моцарт, Д. Скарлатти. Он рассказывает, как постигал

⁴ Радищева (в замуж. Орехова) Ольга Алексеевна (1873—1957) — врач, окончила Женский медицинский институт в Петербурге.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 663, оп.1 л. 41.

⁶ Там же, л. 39.

секреты музыкального мастерства, какие произведения и каких композиторов он исполнял. Любимым его инструментом было фортепиано, которому он уделял много внимания. Стараясь погрузиться в глубину музыкальных произведений, стал заниматься у педагога В. И. Вильборга, посещая его собственную музыкальную школу в Москве, на Сретенском бульваре (предположительно в начале 1900-х гг.). В школе преподавали фортепианную игру, теорию музыки и сольфеджио. Однако отношения его с В. И. Вильборгом не сложились, «и вскоре дело расстроилось без всякого сожаления...».⁷

Брат Петя в это же время брал уроки игры на скрипке у музыканта Ивана Романовича Порубиновского, у которого проживал два года. Радищев часто навещал семью Порубиновского и играл у них на фортепиано.

В дальнейшем Радищев занимался самостоятельно, «хотя, впрочем, иногда пользовался советами» сестры Нины как более опытного исполнителя. Он играл Листа, «Крейцерову сонату» Бетховена, Шопена, Шумана и других композиторов. Желая познакомиться с новыми музыкальными произведениями, по его же словам, он следил за новой фортепианной литературой и выписывал ноты и музыкальные журналы.

В 1912 г. в Петербурге он познакомился с преподавателем Н. И. Рихтером, когда готовил к изданию свою первую книгу «Сказок». Рихтера рекомендовал ему художник К. С. Петров-Водкин, с которым у Радищева была давняя тесная дружба.⁸ Сам Петров-Водкин тоже был не чужд музыке: «К<узьма> С<ергеевич> любил играть в темноте, чтобы представлять перед собою какие-нибудь чудесные или различные чудовищные образы <...> Играл с большим увлечением бравурно».⁹ Радищев снимал комнату у шведской семьи Экстрем, где его навещал К. С. Петров-Водкин один, иногда с женой. Рихтер хорошо знал Надежду Николаевну Римскую-Корсакову, жену Н. А. Римского-Корсакова. Позднее Рихтер стал преподавать в Государственном институте музыкального просвещения. В круг его знакомых входили композиторы Цезарь Антонович Кюи и Анатолий Константинович Лядов.

Занятия с Н. И. Рихтером пошли на пользу. По словам Радищева, он стал свободно играть любую мелодию. Однако вскоре его занятия прекратились. Он уехал на лето домой, а на следующий год ему не удалось приехать в Петербург и продолжить брать уроки у Рихтера.

В дальнейшем музыкальные навыкигодились Радищеву в жизни. Наряду с преподаванием рисования, писанием портретов частных лиц, он давал также частные уроки игры на фортепиано. В его фонде

⁷ РО ИРЛИ, ф. 663, оп. 1, № 114, л. 47.

⁸ См.: Из воспоминаний Л. А. Радищева о знакомстве с К. С. Петровым-Водкиным / публ. М. В. Родюковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 925—932.

⁹ Там же. С. 929.

сохранились документы, подтверждающие это. При его разборке были обнаружены программы: по классу специального фортепиано (1-й — 8-й курсы); двух лет обучения игре на фортепиано; справки разных лиц об оплате ему частных уроков музыки, датируемые 1928—1936 гг.¹⁰

Текст публикации дается по современной орфографии и пунктуации, авторский стиль сохраняется. Многочисленные авторские вставки включены в основной текст. Все сокращения восстанавливаются в угловых скобках, описки и ошибки исправлены без пояснений. Авторские примечания в тексте приводятся в подстрочнике.

1.

Наша семья была музыкальная. Главными музыкантами у нас были: сестра моя Нина Алексеевна (фортепиано) и брат мой Петр Алексеевич (скрипка, альт, виолончель). Отец наш слабо владел скрипкой и, не добиваясь большего, был занят городской службой. Мать училась музыке в пансионе и также не продолжала музыки, озабоченная домашней жизнью, детьми. Между тем они оба очень любили музыку.

Сестра Нина. Моя старшая сестра, Нина, начала учиться музыке у гувернантки. Потом продолжала у многих учительниц, специалистов по фортепианной игре, нередко заезжавших в Хвалынск на время или специально выписываемых. Из таких учительниц сестры я помню: Маттейссен, француженку из Парижа Силля (Sillas), Белянину из Саратова. Сестра никогда не бросала музыки, постепенно знакомясь с фортепианной литературой. Она развила себе огромную технику. Больше всего останавливалась она на Шопене, Шумане, Бетховене, а также Мендельсоне и Листе. Каждую вещь изучала она предельно, насколько сил имела. Туше¹ у нее было мягкое, прекрасное. С малых лет я слушал ее игру, напевая потом мотивы из Шопена, который в особенности был в почете. Хорошо преодолев техническую сторону и чтение концертных вещей почти *à livre ouvert*,* сестра почему-то не изучала пьесы на память. Позднее она еще брала уроки у профессоров: у Шлёцера² — ученика Листа и у Ильинского³. Она превосходно аккомпанировала и исполняла свою партию во всякой совместной игре: дуэте, трио, квартете и пьесах для двух роялей (концерт Грига).⁴ В случае приезда в Хвалынск артистов и желаня [желающих] выступить кого-либо из местных любителей, нередко обращались к ней. И она никогда не отказывалась от участия. Знавшие ее знали, что она знаток своего дела. Под конец жизни (простудилась на концерте) у нее было немало учеников.

Брат Петя. Брат П<етя> был скрипач, хотя он хорошо играл и на фортепиано, и на виолончели, на альте и немного на лучшем из духо-

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 663, оп. 1, № 155, л. 1—25.

* Открытая книга (*фр.*).

вых инструментов — на кларнете. Не хуже сестры Нины на фортепиано, но на скрипке играл брат П<етя>, любивший полочки новых скрипичных нот и игравший их сразу с листа со всеми оттенками, как учил на фортепиано пианист Лист. Знакомый сестры Ш-в⁵ играл на виолончели. Тогда составлялось трио (Чайковский, Аренский,⁶ Томассен⁷ и др.). Когда же присоединялся еще скрипач, то брат П<етя> играл на альте. Тогда игрались квартеты классиков. Обыкновенно играли по вечерам, когда все другие работы прекращались. Сестра Н<ина> и брат П<етя> не раз выступали перед публикой. Младшая сестра О<ля> училась музыке сначала вместе со мной у гувернантки, потом в институте⁸ (форт<епиано>, игра). Но позднее играла на скрипке, пользуясь указаниями брата П<ети>. Но это продолжалось недолго, т<ак> к<ак> отдалась чтению книг и желанию поступления в высшее учебное заведение (Женский медицинский институт).⁹

Моя музыка. Я начал обучаться музыке лет восьми с половиной — с 9-ти у гувернантки (Эммелины Германовны Шмидт из Дерпта). Преподавала она сухо, педантично и не позволяла играть по памяти, а непременно только по нотам. Если она положила основание, то ничуть не воодушевила на дальнейшее.

2.

Находясь некоторое время с матерью и старшей сестрой в Саратове, я с ними же в сумерках бывал у сестры О<ли> в институте.

Стояла сухая теплая осень с золотистыми листьями, толстокорым виноградом и другими фруктами в магазинах и у продавцов-армян на улицах. При начальнице Загоскиной¹⁰ (из фамилии писателя) были некоторые порядки, казавшиеся мне чопорными. Докладывали швейцару о своем прибытии. Он, в свою очередь, шел докладывать в интернат. Ходили институтки в плюшевых башмаках как будто на цыпочках, говорили вполголоса и шепотом. В приемной (библиотечной комнате) садились скромно группами, продолжая разговоры шепотом, чтобы не помешать пианистке. Здесь стояло пианино, на котором в приемные часы усердно играла этюды школы виртуоза Черни¹¹ (III и IV тетради) одна из лучших в институте пианисток, подававшая много надежды, Плеханова. Учителем по этому предмету был некто Достоевский¹² (родственник писателя, как будто племянник), разумеется, отсутствовавший в эти часы. На меня игра Плехановой, четкая и благозвучная, произвела сильное впечатление. Две тетради, III и IV, школы виртуоза Черни сестра Н<ина> приобрела в местном муз<ыкальном> магазине Иордани.¹³ Без всякого особого усилия сестра, легко освоивши их, часто проигрывала. Артистически написанные этюды Черни (эжсерисы) продолжали производить на меня сильное впечатление. Я затаил в себе сильнейшее влечение к музыке. Я решил продолжать все начатое раньше, с гувернанткой. Я обдумал это. Чтобы мое действие не показа-

лось другим странным, чтобы не помешать игре сестры, я решил сначала предупредить свою мать в полной уверенности, что она меня поддержит в этом. Сестра играла во всякое время дня, когда ей вздумается. Теперь я мог ее стеснить.

3.

Несмотря ни на что, я твердо решил самостоятельно начать занятия музыкой. О том, что я задумал, я несколько раз повторял матери, все еще не решаясь подойти к инструменту. Нужно было сразу переломить себя. При моей застенчивости мне казалось это трудным. Но однажды к вечеру я это, несмотря ни на что, сделал, опасаясь все же не помешать в этом сестре, мало интересуясь, что обо мне скажут. Я выбрал часы игры более подходящие. Вскоре одного часа игры мне уже казалось недостаточно. Я начинал увлекаться. И с тех пор, сживаясь с музыкой больше и больше, я уже не бросал, самостоятельно идя вперед. У меня кроме слуха выявилась природная гибкость пальцев.

С каким интересом, с каким удовольствием подходил я ко всякому новому для меня сочетанию звуков, как все новым и новым открытиям. Вначале я шел по какой-то школе. Ежедневно играл гаммы. Скоро толстая книга-школа меня перестала удовлетворять. Я стал выбирать по каталогам новые ноты, преимущественно экзерсисы и этюды. Мать помогла мне выписать новые ноты по моему выбору: Гурлит,¹⁴ Черни и др. У сестры было очень много нот. Мне еще трудным или неудобным казалось самое умещение звуков частями в равные рамки, т<о> е<сть> в такты. Но я не унывал и сначала не особенно заботился об этом, так как слух помогал мне, выводя из затруднений. Постепенно привык играть правильнее. Далее увлечение чтением нот все новых и новых для меня и стремление играть все то, что играет сестра, отвлекало меня от строгого исполнения оттенков, что оставалось на продолжительное время. Теперь я играл уже все четыре тетради школы виртуоза Черни, начал прелюдии Мендельсона, концерты его, вариации Вебера,¹⁵ этюды Мошелес.¹⁶ Тогда мать позволила мне выписывать время от времени новых нот. Новые ноты еще более воодушевляли меня. Кроме журнала «Нувеллист»¹⁷ позже сестра получала журнал «Музыкальное обозрение».¹⁸ В чем у нас в семье был недостаток: мало играли старинных классиков: Моцарта, Гайдна, Генделя и в особенности Баха и вообще фуги. Хотя «Katzenfuge»* Скарлатти¹⁹ у сестры была давно. Кроме Шопена, Шумана, Бетховена сестра много играла Мендельсона, Листа, иногда Лядова,²⁰ Кюи, Н. и А. Рубинштейнов. Всегда так приятно было слышать ее игру соло и ее игру по вечерам со скрипкою брата П<ети>! Приятно бывало слышать (это значительно позднее) трио, квартеты Бетховена, Моцарта, Мендельсона.

* «Кошачья фуга» (нем.).

4.

Брат П<етя> брал уроки в Москве у скрипача Большого оперного театра (1-я скрипка), Ивана Романовича Порубиновского (из города Сумы).²¹ В семье П<орубиновско>го, снимая комнату, и жил года два. Я у них пользовался их роялем. Иногда я аккомпанировал ему. Дочь его, Алиса, училась в консерватории по классу арфы, племянница его — по пению, маленький сын, Валериан, впоследствии стал виолончелистом. Несмотря на перенесенный паралич, И<ван> Р<оманович> оставался очень бодрым, хотя иногда бывал раздражительным с своей несколько сварливой женой, своенравной французской еврейкой. И<ван> Р<оманович> дома успевал дать урок фортепианной игры рыжей англичанке, принять [композитора] музыканта Калиновского,²² иногда Солодовникова (имевшего свой театр)²³ и торопливой походкой снова уйти на работу.

Вильборг. Когда мой брат П<етя> брал у него уроки скрипичной игры, я у Порубиновского не жил. Я временно учился в музыкальной школе Вильборга (на Сретенском бульваре).²⁴ В то время жили мы вдвоем с братом П<етей> в меблированных комнатах на Б<ольшой> Дмитровке. У нас в номере было пианино. Помимо школьных заданий, довольно bestолковых этюдов, слишком для меня легких, и некоторых самых плохих, слабых песен без слов Мендельсона, я играл дома самостоятельно. Я играл Шопена, Шумана, Чайковского. Две первые страницы сонаты «Аппассионата» Бетховена я проигрывал Вильборгу при поступлении в школу, причем он мне не дал ее продолжать дальше, а только похвалил за чувство ритма. В то время я уже играл (понаслышке от сестры Н<ины>) и такие вещи, как *paraphrase le concert* Листа из «Риголетто».²⁵ И мы могли играть с братом «Крейцерову сонату» Бетховена, хотя еще далеко не в совершенстве. И вдруг — пошленькие из «Песен без слов» Мендельсона! Для техники или для развития вкуса? Ни для того, ни для другого — ненужное! Ведь я уже проигрывал многих композиторов, чуть ли не целыми томами. Я изучал фортепианную литературу. Какое непонимание своих учащихся и какой шаблонный подход, возможный разве только ради денег!

Мы жили с братом очень скромно. Он ходил брать уроки к Порубиновскому, а я к Вильборгу. Он потом играл дома, а в другие часы играл и я. Часто я аккомпанировал брату. И<ван> Р<оманович> Порубиновский высказывал сложившееся мнение о Вильборге как о музыканте с большой техникой, но совершенно бездушном, сухом в исполнении. Совершенно аналогично, между прочим, было мнение слушателей в Саратове об игре директора музыкальных классов (впоследствии преобразованных в консерваторию) другого подобного пианиста Экснера²⁶. Между прочим, шумно игравшего фантазию А. Рубинштейна на «Элеонору»...²⁷ Дававшийся Вильборгом концерт соло, состоявший в программе из шести последних по опусам (громоздких) сонат Бетхо-

вена, не произвел выгодного впечатления из-за сухости, бесчувственности исполнения. Также исполнял он, я сам слышал, из Шумана «Арабески», как-то механически холодно, как заведенная машина.

Сам Вильборг был прямой, высокий, немного лысый. Здоровался, несколько улыбаясь. Садясь за рояль среди разговора, он имел обыкновение взять коротко одновременно две ноты, одну в басу, другую в дисканте, останавливаясь вслед затем на третьей посередине клавиатуры. Рояль, на котором играли его ученики, стоял отдельно в небольшой комнатке. Для теории, объяснений по гармонии была также отдельная комната с черной классной доской, на которой писал он мелом задачи. Мои занятия у него происходили по вечерам. Одновременно со мной являлась какая-то девица лет 16-ти Турчанинова. Она являлась под охраной следовавшей за ней по пятам очень важной по внешности, строгой матери. Толстая женщина оставалась ждать свою дочку в зале. А худощавая дочка проходила в маленькую комнатку и садилась за рояль. Слева от нее у стены садился сам Вильборг. Мне он указывал место позади своей ученицы, чтобы я мог наблюдать и следить за прохождением урока. Это для успешности и, вероятно, из нежелания всем повторять одно и то же. Турчанинова, как водится, проигравши несколько гамм, взялась за этюд. Артистически сыграла она однажды на память какой-то этюд. Я спросил: «Что это за вещь?». Он ответил мне: «Этюд Крамера». ²⁸ Он мне соврал. У моей сестры были все этюды Крамера, я их характер знал и подобного не видел. Это скорее было нечто Мошковского. ²⁹ Дальше разучивалась ею C-moll-ная соната Моцарта. Исполняла ее она сильно, чтоб не сказать грубо, как и следовало, контрастно, сухо, без педали, как это было во времена Баха и Моцарта... В общем, преподавание Вильборга мне не нравилось. Сколько времени держал он меня на «Песне без слов гондольера» Мендельсона, ³⁰ потом также на другой вещице, очень бесцветной, этого же сборника. Неужели он не мог дать мне какую-нибудь фугу Баха или Генделя? По гармонии начались занятия в связи с сольфеджио. Я очень стеснялся пения, так как после частых простуд у меня было, по определению врача, ослабление голосовых связок и самое горло оказалось уже нормального. Вильборг не мог согласиться, чтобы я шел пока только по фортепиано, и вскоре дело расстроилось без всякого сожаления с моей стороны.

5.

Дальше я шел больше самостоятельно, хотя, впрочем, иногда пользовался советами брата и особенно сестры, как старших и более опытных. Постоянно слыша исполнение пьес сестрой, я шел дальше. Все, играемое ею, мне давалось легче. Я стал играть положительно все, что она играла, хотя и похуже ее. Новые ноты постоянно воодушевляли и меня, и ее. Я играл, между прочим, из Риголетто — *paraphrase le con-*

cert Листа, «Крейцерову сонату» Бетховена (изд. Бессель),³¹ Berceuse,* Tarantelle, I скерцо Шопена, его же две баллады и др. Очень полюбил я Шумана. Мать помогла мне приобрести полное собрание его в 6-ти томах изд<ания> Юргенсона³² (с посвящением Николаю Рубинштейну). Мне очень нравилась фантазия Бетховена,³³ которую так славно играла сестра. Сестра много играла и всегда что-нибудь основательно, строго разучивала. Я шел позади нее. Научившись хорошо читать ноты с листа, я позднее стал выписывать музыкальные журналы, русские, французский (Menèstrele),³⁴ немецкий (Die Music).³⁵ По каталогам, концертам и рецензиям я следил за новой фортепианной литературой и лучшие вещи я выписывал через нотоиздательство Гутхейль.³⁶

6.

Рихтер. Еще позднее (уже участвуя в то же время на художественных выставках и издавая свою первую книжку по литературе «Сказки») я приехал в Петербург.³⁷ Здесь я стал брать уроки музыки у Н. А. Рихтера. Зная, что я желаю брать уроки музыки, мне рекомендовал его мой земляк К. С. Петров (Водкин). Николай Александрович Рихтер,³⁸ ученик по фортепиано Витоля,³⁹ а по гармонии Римского-Корсакова, был преподавателем в Музыкальном институте.⁴⁰ Еще молодой человек, он занимал квартиру рядом с Публичной библиотекой против Александринского театра и жил вместе с своим братом.⁴¹ Он упоминал нередко Надежду Николаевну Римскую-Корсакову,⁴² у которой он бывал. Он знал и композитора Цезаря Кюи, отставного генерала, француза русской службы и шопенозвучного Лядова¹ и находился в кружке этих композиторов и пианистов.

В то время занимал я комнату в одной шведской семье (отец был добродушный горбач, мать не менее добродушная массажистка и двое

* Кольбельная (фр.).

¹ Мария Петровна Барташева (медичка), друг семьи Лядовых, бывала у него с моими сестрами. Сестра О<ля>, так описывает его по памяти: «Он был очень небольшого (ниже среднего) роста, очень некрасивый лицом, с пухлыми чертами. По характеру шутливый и насмешник. За столом, с некоей В. перебрасывался хлебными шариками. Был женат, имел детей. “Толенька, дай я тебя поцелую!” — шутила с ним М<ария> П<етровна>. Иногда преподавание ученикам ему очень надоело. Он, хотя был преподавателем консерватории, но по застенчивости перед публикой не выступал».

Сестра О<ля> писала мне: «Я познакомилась недавно с Лядовым (композитор), так как у них остановилась приехавшая на время из Сибири Мария Петровна. Игру его никогда не слыхала. Видела только несколько раз его тоскливое ожидание прихода учеников на урок, его ужас при звуке звонка и его радость при получении извещения, что на урок не придет кто-нибудь или когда окажется, что позвонил еще не ученик, а письмо принесли или еще что-нибудь подобное. Несчастные профессора музыки! Он очень симпатичный, веселый, хотя на вид всегда серьезен, но шутит постоянно с самым спокойным, серьезным лицом. Жена его тоже очень славная. Ее-то я раньше знала» (примеч. автора).

уже взрослых сыновей) Экстрём,⁴³ имевшей часовой магазин на I линии Васильевского острова. Здесь у меня стояло взятое на прокат хорошее пианино. Здесь нередко навещал меня мой земляк К<узьма> С<ергеевич> Петров (Водкин) один, иногда с женой, а как-то раз с женой,⁴⁴ сестрой жены и ее сынишкой. Здесь мы пили чай с халвой от Бликкен-Робинзона.⁴⁵ Я бывал у Рихтера в часы дневного света. Прекрасный по тону рояль, на котором он мне преподавал, стоял в зале. Он отличался тем от других роялей, что обыкновенные, наклеенные костяные пластинки клавишей, все до одной, были зазубрены с переднего края.

Главное внимание Н. А. Рихтера было обращено на теоретическую сторону преподавания, затем техническую и, наконец, художественную. Художественная же сторона, конечно, должна вырабатываться, по возможности, индивидуально. Я постепенно так выучил ему (можно сказать, блестяще) все гаммы (только пока еще не двойными ладами), что он проговорил: «Видно, что над гаммами Вы поработали!» Я играл свободно любую минорную в противоположном движении, как гармоническую, так и мелодическую, с любым акцентом и, преимущественно, на пятой в секстах, в терциях и децимах. В связи с гаммами проигрывались арпеджио⁴⁶ различных аккордов и ступеней. Из этюдов я играл у него Неуперта⁴⁷ исключительно. Покупал я ноты у Йогансен на Б<ольшой> Морской.⁴⁸ Из пьес он дал мне «La nuit»* Глазунова и прелюд Скрябина, который мне не понравился (хотя и в консонансовом построении).⁴⁹ Из вещиц Метнера,⁵⁰ купленных мною, ни одна ему не нравилась. «Я не люблю Метнера», — прямо заявлял он. Я играл ему потруднее из этюдов Неуперта. «Я не знал, что у Вас техники больше!» — заметил он на это. Между прочим, ему непременно хотелось (упрямство!), чтобы я лучше играл прелюдию Скрябина, которая мне не нравилась скучным однообразием, в полную противоположность его другим композициям. Но «La nuit» Глазунова шли у меня лучше, как более жизненная вещь. Из других пьес он мне дал «Полишинель» Рахманинова. При всем этом совершенно правильно главное внимание Рихтера было обращено на фуги (инвенции) С. Баха с разбором голосоведения, в чем я шел успешно. Кроме того, мы с ним играли в 4 руки (все из моих нот) симфонию Маллинга,⁵¹ сюиту Дебюсси и «Индийскую сюиту» Мак-Доуэля.⁵² Мы остановились на этой большой сюите, причем я старательно разучивал дома свою партию в *prima*** . Сюита ему понравилась. «Здесь нет этих нот, откуда Вы это достали?» — интересовался он. — «Из заграницы через Гутхейля по каталогам». Я выписывал в Хвалынске «Музыку», «Музыкальную газету»,⁵³ позднее «Музыкальный современник»⁵⁴ (толстый журнал) и вместо французского «Ménestrel», «Die Music» немецкий.

* Ночью (фр.).

** Прима (лат.).

Иногда перед уроком (я являлся всегда аккуратно) Н<иколай> А<лександрович> заставлял долго себя ждать. И однажды, на Масляницу, так долго, что уже явился к нему следующий ученик, мальчик лет 14-ти, с которым мы разговорились. «Мой папа — эконом в I кадетском корпусе», — говорил он, между прочим. Я, обратив внимание на большую кипу нот, лежавших на рояли, очень заинтересовался ими. Мне захотелось посмотреть их из любопытства. Осторожно приподнимая их и в то же время опасаясь шагов Н<икола>я А<лександрови>ча, я осмотрел их и кое-что отметил, чтобы потом приобрести, т<ак> к<ак> к хорошим нотам я всегда был равнодушен. — «Успею ли я посмотреть?» — «Успеете!» — успокаивал меня мальчик. Заставивши меня долго себя ожидать, наконец, Рихтер [он] пришел, теперь заставив ожидать мальчика. Уходя, я слышал, как мальчик играл ему гаммы *non legato*. * Между прочим, о положении моих рук Рихтер говорил, что в игре гамм нужно несколько больше наклона на большой палец. Он находил, между прочим, что левая рука у меня поставлена иначе, чем правая, а именно: «по-рубинштейновски». Едва ли причиной тому могло послужить поранение острым ножом запястья с некоторым повреждением сухожилия при неосторожной срезке удилица в деревне...

Я приносил Н<иколаю> А<лександровичу> Рихтеру одну из двух тетрадей «Вариаций на тему Паганини» Брамса и начинал разучивать это под его руководством. Он давал мне несколько разобрать при нем Черепнина⁵⁵ «Хан».

Вскоре весной я уехал на лето домой. На следующий год мне не удалось приехать в Петербург и продолжать брать уроки, хотя Рихтер спрашивал моего земляка К<узьму> С<ергеевича> Петрова (Водкина), почему я не приехал.

¹ Тушэ (фр. touché) — характер прикосновения к клавишам при игре на фортепиано.

² Шлёцер Павел Юльевич (Августович) (ок. 1840—1898) — пианист, педагог. Брал уроки у Ф. Листа. С 1872 г. преподавал в Варшавском музыкальном институте, с 1891 г. — профессор Московской консерватории. Автор фортепианных произведений, в том числе популярных этюдов.

³ Ильинский Александр Александрович (1859—1920) — музыкальный теоретик, композитор, педагог. С 1896 г. профессор Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества; с 1905 г. — Московской консерватории. Автор работ: музыкальный словарь «Биографии композиторов с IV—XX вв. (М., 1904); «Краткое руководство к практическому изучению инструментовки»; оперы «Бахчисарайский фонтан», хореографической картины «Нур и Анитра», симфонии и др. произведений для оркестра, хоров, романсов и т. д.

⁴ Вероятно, речь идет о концерте Э. Грига для фортепиано с оркестром 1868 г.

⁵ Неустановленное лицо.

* Не связно (не плавно) (фр.).

⁶ *Аренский Антон Степанович* (1861–1906) — композитор, пианист, дирижер, педагог. Ученик Н. А. Римского-Корсакова. Преподавал в Московской консерватории. Среди учеников: С. В. Рахманинов, А. Б. Гольденвейзер и др.

⁷ Вероятно, ошибка в написании фамилии. Имеется в виду — *Томашек (Tomasek) Вацлав Ян* (1774–1850) — чешский композитор, пианист, композитор, преподаватель. Создатель новых фортепианных жанров — рапсодий, дифирамбов. Оказал влияние на развитие лирической фортепианной миниатюры Ф. Шуберта, Р. Шумана, Ф. Мендельсона. Написал сборник упражнений по гармонии:

⁸ Женский медицинский институт в Петербурге, созданный в 1897 г. (по инициативе медицинской общественности и доктора С. П. Боткина) на базе Петропавловской больницы. В настоящее время — Санкт-Петербургский государственный университет им. академика И. П. Павлова.

⁹ Имеется в виду Мариинский институт благородных девиц Саратовского дворянства, открывшейся 10 ноября 1854 г. Здесь обучались дочери состоятельных и обедневших дворян, реже — купцов. Они получали среднее образование по программам, близким к курсам классических гимназий. История института начинается с 1839 г., когда на губернском съезде Саратовского дворянства было принято постановление об учреждении института. Он существовал до 1918 г. и «был ликвидирован большевиками, которым не хватало хороших помещений для своих нужд». В здании расположился Дом труда и просвещения, впоследствии переименованный в Клуб железнодорожников им. К. Либкнехта. С 1961 г. по настоящее время в здании находится школа № 95. URL: <https://elsso.ru/cont/cul/9.html>. (Дата обращения: 15.06.2019).

¹⁰ Организация работы всех служб (административной, учебной, хозяйственной) лежала на начальнице института, которая назначалась Мариинским ведомством из числа опытных педагогов и администраторов женского пола, проработавших в сфере образования многие годы. С 11 авг. 1882 по 7 дек. 1900 г. институт возглавляла вдова полковника *Надежда Павловна Загоскина*. Скончалась в Нижнем Новгороде в 1916 г. URL: <https://elsso.ru/cont/cul/9.html>. (Дата обращения: 15.06.2019).

¹¹ *Черни Карл (Карел)* (1791–1857) — австрийский пианист, педагог, композитор, ученик Л. Бетховена. Внес значительный вклад в развитие инструктивной литературы для фортепиано. Его упражнения и этюды направлены на овладение виртуозной фортепианной техникой («Школа беглости», «Школа левой руки» и др.).

¹² *Достоевский Федор Михайлович-младший* (1842–1906) — племянник Ф. М. Достоевского — был профессиональным музыкантом. В 1879 г. по приглашению генеральши О. К. Рейтерн приехал в Саратов и в 1880 г. стал преподавать фортепианную игру в Саратовском Мариинском институте. URL: <https://elsso.ru/cont/cul/9.html>. (Обращение: 15.06.2019).

¹³ *Иордани Ф. К.* — саратовский музыкальный деятель. Входил в состав дирекции Саратовского отделения Русского музыкального общества. В Саратове были открыты Музыкальные классы в помещении Дворянского собрания (1873) с тремя отделениями: фортепианным, вокальным и оркестровым. Хоровое пение и сольфеджио преподавал Ф. К. Иордани. (*Мещанова Л. Н., Васильева Д. Н.* Основные тенденции развития музыкального образования в Саратовской губернии на рубеже XIX — XX веков). URL: https://allbest.ru/otherreferats/music/00865650_0.html. (Дата обращения: 26. 04. 2019).

¹⁴ *Гурлитт Корнелиус* (1820–1901) — немецкий композитор, органист. Известен как автор сборника фортепианных миниатюр для домашнего музицирования, пьес для детей и юношества в 2 и 4 руки.

¹⁵ Имеется в виду *Вебер (Veber) Карл Мария фон* (1786–1826) — немецкий композитор, дирижер, пианист, критик. Руководитель и дирижер оперного театра в Праге (1813–1816), в Дрездене (1817–1826). Один из основоположников немецкого музыкального романтизма.

¹⁶ *Мошелес Игнац* (1794–1870) — немецкий пианист, дирижер, композитор, педагог. Один из крупнейших пианистов и педагогов, мастер фортепианной импровизации.

¹⁷ «Нувеллист» — музыкальный нотный ежемесячный журнал для фортепиано, выходил в Санкт-Петербурге с 1840 по 1906 г. Первоначально, являлся продолжением журнала «Нувеллист. Музыкальное обозрение» (1840–1841) и издавался К. Ф. Гольцем. В 1842–1871 гг. редактировался и издавался фирмой М. И. Бернарда, в 1872–1875 гг. — А. Л. Гензельтом.

¹⁸ «Музыкальное обозрение» — музыкальная газета. Выходила в Петербурге в 1885–1888 гг. еженедельно в течение конца сезона (сентябрь — май); изд.-ред. — В. В. Бессель. Освещала положение музыкального искусства в России и новости зарубежной музыкальной жизни. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. (Дата обращения: 14.06.2019).

¹⁹ *Скарлатти Доменико* (Scarlatti, Domenico) (1685–1757) — композитор, крупнейший мастер итальянской клавирной музыки XVIII в. Родился в Неаполе и начальное образование получил у отца. В 1702 г. Доменико стал органистом королевской капеллы в Неаполе (его отец был там хормейстером) и в том же году сочинил свои первые оперы. В 1705 г. его послали в Венецию учиться у Ф. Гаспарини, но сильное влияние отца наложило отпечаток на всю жизнь Доменико. URL: https://www.classic-music.ru/scarlatti_d.html. (Дата обращения: 17.06.2019).

²⁰ *Лядов Анатолий Константинович* (1855–1914) — композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель. С 1878 г. преподавал в Петербургской консерватории. Среди учеников: Б. В. Асафьев, М. Ф. Гнесин, Н. Я. Мясковский, С. С. Прокофьев и др.

²¹ *Порубиновский Иван Романович* — музыкант оркестра (скрипач) Большого и Малого театров (Вся Москва. М., 1898. С. 840; 1902. С. 350).

²² Сведений о Калиновском найти не удалось.

²³ *Солодовников Гаврила Гаврилович* (1825–1901) — купец. Здание его театра, расположенное в Москве на углу улиц Кузнецкий Мост и Большая Дмитровка, было построено в 1883–1884 гг. на основе усадьбы Щербатовых-Шкловских. В здании находились: Частная русская опера С. И. Мамонтова, Оперный театр С. И. Зимина. С 1961 г. по настоящее время здесь размещается Московский театр оперетты.

²⁴ *Вильборг Василий Иванович* окончил Московскую консерваторию, позднее в ней преподавал. Первый фортепианный педагог композитора С. М. Ляпунова (1859–1924), открыл частную музыкальную школу в Москве на Страстном бульваре. URL: https://otherreferats.allbest.ru/music/00865650_0.html (обращение: 17.06.2019); Вся Москва. М., 1898. С. 599; 1902. С. 76.

²⁵ Речь идет о концертном парафразе Ф. Листа на темы оперы Д. Верди «Риголетто».

²⁶ *Экснер Станислав Каспарович* (1859–?) — пианист, педагог. Окончил Лейпцигскую и Петербургскую консерватории. В 1883 г. был направлен Российским Музыкальным обществом в Саратов. Способствовал профессиональному становлению музыкального образования в Саратове. Стал первым директором музыкального училища, позднее директором Саратовской консерватории. Как пианист много играл публично (*Мещанова Л. Н., Васильева Д. Н.* Основные тенденции развития музыкального образования в Саратовской губернии на рубеже XIX–XX веков). URL: https://allbest.ru/otherreferats/music/00865650_0.html. (Дата обращения: 18.06.2019).

²⁷ Вероятно, речь идет об увертюре Л. ван Бетховена «Леонора».

²⁸ *Краммер (Cramer) Иоган Батист* (1771–1858) — немецкий пианист, педагог, композитор, музыкальный издатель. Один из основателей Лондонского филармонического общества (1813). В 1824 г. (совместно с Р. Адисоном и Т. Билом) основал издательство, существующее и в настоящее время — «Краммер и К». Оказал влияние на формирование фортепианного стиля начала XIX в. Автор концертов для фортепиано с оркестром, сонат, этюдов и т. д.

²⁹ *Мошковский Мауриций (Мориц)* (1854–1925) — польский пианист, педагог, композитор, педагог. Среди его учеников — И. Гофман. Пианист виртуозного салонного направления. Известные его концертные этюды, пьесы, в т. ч. «Испанские танцы».

³⁰ Речь и идет о «Песне без слов («Песня венецианского гондольера»)» Ф. Мендельсона.

³¹ Издательство В. В. Бессель и К° (1869).

³² Имеется в виду нотное издательство П. И. Юргенсона в Москве (1861).

³³ Вероятно, имеется в виду «Фантазия для фортепиано, хора и оркестра c-moll, Op. 80».

³⁴ «Le Ménestrel» («Менестрель») — французский музыкальный еженедельник, издававшийся в 1833–1940 гг. (с перерывом в 1870–1871 и 1915–1918 гг.) в Париже. Основан музыкальным издателем *Жозефом Ипполитом л'Анри*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Le_M%C3%A9nestrel. (Дата обращения: 26.06.2019).

³⁵ «Die Musik», «MUSIK», — немецкий музыкальный журнал. Выходил в Берлине в 1901–1943. До 1933 г. был ведущим немецким музыкальным журналом, публиковал статьи по важнейшим научным музыкальным проблемам. Издавался 2 раза в месяц, затем 1 раз. Основатель и главный редактор — Б. Шустер, в 1933–1940 гг. — Й. Гюнтер, в 1940–1941 г. — Х. Геригк. В июне 1943 г. преобразован в «Musik im Kriege» (1943–1945). Журнал был посвящен музыке Германии, Австрии, Швейцарии. Публиковал исследования, обзорные статьи о музыкальной жизни, рецензии на ноты, книги, граммпластинки. URL: <http://www.musenc.ru/html/m/musik.html>. (Дата обращения: 26.06.2019).

³⁶ *Гутхейль* — семья русских нотоиздателей: А. Б. *Гутхейль* (1818–1882) основал в 1859 г. в Москве музыкально-издательскую фирму, которую с 1882 г. возглавил его сын К. А. *Гутхейль* (1851 — после 1914). Издательство выпускало оперные клавиры, опубликовало романсы А. Е. Варламова, А. В. Гурилева, сочинения С. В. Рахманинова. В 1914 г. издательство было приобретено Российским музыкальным издательством.

³⁷ РО ИРЛИ, ф. 663, оп. 1, № 114, л. 52.

³⁸ Ошибка памяти: Л. А. Радищев называет Рихтера Николаем Александровичем, на самом деле все, изложенное в его воспоминаниях, относится к Рихтеру Николаю Ивановичу. *Рихтер Николай Иванович* (1879–1944), пианист. Окончил юридический факультет Петербургского университета, в 1907 г. — экстерном Петербургскую консерваторию (ученик И. А. Боровки). Участник музыкальных вечеров в доме Н. А. Римского-Корсакова. В 1920–1927 гг. преподавал игру на фортепиано в консерватории, сотрудничал в журнале «Музыкальный современник».

³⁹ *Витол (Витолс) Язепс (Витоль Иосиф Иванович)* (1863–1948) — латышский композитор, критик и музыкальный педагог. Преподавал в Петербургской (Петроградской) консерватории (1886–1918). Среди его учеников — С. С. Прокофьев и Н. Я. Мясковский. Друг А. К. Лядова и А. К. Глазунова.

⁴⁰ Речь идет о Государственном институте музыкального просвещения (ГИМП) (1918–1924), основанного на базе Четвертой школы музыкального просвещения Петрограда. Директором института был назначен профессор консерватории

Н. Д. Беренштейн. Были привлечены самые талантливые музыкальные педагоги. С 1924 г. музыкальный вуз постепенно стал превращаться в среднее звено «трех-ступенной системы» непрерывного художественного образования, утвержденной в России в то время и существующей до сих пор (*Кольванова Е. В.* Из истории советского музыкального образования: деятельность Государственного института музыкального просвещения). URL: http://www.art-education.ru/sites/default/files/journal_pdf/14_06_kolyvanova.pdf (обращение: 14.06.2019).

⁴¹ *Рихтеры: Николай Иванович* и его брат *Михаил Иванович* (коллежский асессор) проживали в Петербурге по адресу: Александринская площадь, 5 (Весь Петербург. СПб., 1912. С. 761).

⁴² *Римская-Корсакова* (урожд. *Пургольд*) *Надежда Николаевна* (1848–1919) — пианистка, музыковед, композитор; жена композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова. Сестра певицы Александры Молас. Родилась в обрусевшей дворянской семье немецкого происхождения (православной) и была правнучкой Иоганна Пургольда, преподававшего юриспруденцию в Московском университете при Екатерине Второй.

⁴³ *Экстрем Карл, Яков Фридрих* проживали в Петербурге, Мойка, 12; в 1913 г. адрес поменялся на Мойку, 84 (Весь Петербург. СПб., 1912. С. 1040).

⁴⁴ *Йованович Мария (Мара) Жозефина Йованович (Петрова-Водкина Мария Федоровна)* (1885–1960) — жена К. С. Петрова-Водкина, дочь сербского эмигранта и французки. В 1906 г. они поженились в Париже. В 1910 г. уехали в Россию. URL: <http://litmostki.ru/petrova-vodkina/>. (Дата обращения: 26.06.2019).

⁴⁵ Основатели Торгового дома «Бликген и Робинсон» были выходцами из США, открывшими промышленную деятельность в Российской империи. В 1877 г. американцы *Иосиф Бликген* и *Макс Робинсон* учредили Торговый дом для содержания мастерской по изготовлению шоколада, конфет, бисквита и макарон в самом центре Санкт-Петербурга. Позже они стали поставщиками Двора его императорского величества.

⁴⁶ Арпеджио (арпеджо) — последовательное исполнение звуков аккорда, преимущественно на струнных и клавишных инструментах.

⁴⁷ *Нойперт (Нейперт) Эдмунд* (1842–1888) — норвежский пианист немецкого происхождения. В 1864 г. дебютировал в Берлине как концертирующий пианист. В 1866–1868 гг. преподавал в консерватории Штерна, Копенгагенской консерватории. В 1881 г. по приглашению Н. Г. Рубинштейна — профессор по классу фортепиано Московской консерватории. В 1883 г. переехал в США. Автор виртуозных этюдов для педагогического преподавания. URL: dic.academic.ru. (Дата обращения: 26.06.2019).

⁴⁸ Речь идет о нотном магазине «А. Иогансен» на Большой Морской в Санкт-Петербурге.

⁴⁹ Консонанс (consonance, *фр.*) — созвучие, согласное звучание.

⁵⁰ Вероятно, речь идет о *Метнере Николае Карловиче* (1879/1880–1951) — композиторе, пианисте. Профессор Московской консерватории. Являлся крупным мастером русской фортепианной музыки начала XX в. Автор сонат, концертов для фортепиано с оркестром и др.

⁵¹ *Маллинг (Mailing) Отто* (1848–1915) — датский композитор и дирижер. Окончил Копенгагенскую консерваторию, где занимался по композиции у Н. Гаде и Э. Гартмана. В 1872–1884 гг. — дирижер Студенческого хорового общества, в 1874–1893 гг. — Датского хорового общества; с 1885 г. — преподаватель, с 1899 г. — директор Копенгагенской консерватории. Соч.: балет «Золушка» (пост. 1911); для оркестра — симфония, фортепианный концерт, пьесы для фортепиано и др. URL:

<http://kompozitor.su/books/item/f00/s00/z0000005/st013.shtml>. (Дата обращения: 26.06.2019).

⁵² *Мак-Доуэлл (MacDowell) Эдуард* (1860–1908) — американский композитор, пианист, педагог. В 1888–1896 гг. вел педагогическую и концертную деятельность в Бостоне. В этот период создал свои лучшие произведения: 2-й фортепианный концерт, «Индийская сюита» для оркестра, сочинения для фортепиано и др. В 1896–1904 гг. возглавлял кафедру музыки Колумбийского университета в Нью-Йорке.

⁵³ Вероятно, имеется в виду «Русская музыкальная газета» (1894–1918) — ежемесячное иллюстрированное издание, посвященное музыке, выходившее в Санкт-Петербурге. Первым издателем и бессменным главным редактором был Николай Фёдорович Финдейзен // Русская периодическая печать. 1703–1900 гг. / сост. и изд. Н. М. Лисовский. Пг., 1915. № 1041. С. 65. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения: 26.06.2019).

⁵⁴ «Музыкальный современник» (1915–1917) — журнал музыкального искусства, издававшийся в Петрограде под ред. А. Н. Римского-Корсакова и при ближайшем участии Ю. Л. Вейсберг, В. Г. Каратыгина, А. В. Оссовского, П. П. Сувчинского, Ю. Д. Энгеля и др. Выходил 8 раз в год (сентябрь — апрель). В качестве приложения издавалась «Хроника журнала «Музыкальный современник» 2–4 раза в месяц. URL: <http://www.musenc.ru/html/m/muz3kal5n3y-sovremennik.html>. (Дата обращения: 26.06.2019).

⁵⁵ *Черепнин Николай Николаевич* (1873–1945) — композитор, дирижер, педагог. Ученик Н. А. Римского-Корсакова. Дирижер Мариинского театра, «Русского балета» в Париже, оперного театра в Тбилиси и др. Преподавал в Петербургской консерватории (1905–1918). Среди учеников — С. С. Прокофьев, Ю. А. Шапорин. Один из основателей Русской консерватории в Париже. В творческом наследии балеты, романсы, фортепианные пьесы и др.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь: Музыка / под ред. Г. В. Келдыша. М., 1998. 671 с.
2. *Бородина В. И.* «Цветовой слух» Л. А. Радищева (Об одном из адресатов К. С. Петрова-Водкина). Новости Радищевского музея. www.radmuseumart.ru.
3. Весь Петербург. СПб, 1912. С. 761, 1040.
4. Вся Москва. М., 1898. С. 840; 1902. С. 350.
5. Выбранные места из писем Л. А. Радищева к отцу / публ. М. В. Родюковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 256–277.
6. Из воспоминаний Л. А. Радищева о знакомстве с К. С. Петровым-Водкиным / публ. М. В. Родюковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год СПб., 2013. С. 925–932.
7. *Калинина А. Н.* Потомки А. Н. Радищева // «...Живу в душе друзей моих»: Науч.-попул. сб. к 225-летию со дня рождения А. Н. Радищева и 60-летию Государственного музея его имени / Объединение гос. лит.-мемориальных музеев Пензенской области; сост. и подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Л. В. Рассказовой. Пенза, 2004. С. 162–172.
8. *Колыванова Е. В.* Из истории советского музыкального образования: деятельность Государственного института музыкального просвещения.

URL: http://www.art-education.ru/sites/default/files/journal_pdf/14_06_kolyvanova.pdf (Дата обращения: 14. 06. 2019).

9. Мещанова Л. Н., Васильева Д. Н. Основные тенденции развития музыкального образования в Саратовской губернии на рубеже XVIII— XX веков. URL: https://allbest.ru/otherreferats/music/00865650_0.html. (Дата обращения: 26. 04. 2019).
10. Музыка и музыканты: Творческие и биографические материалы в фондах и коллекциях Рукописного отдела Пушкинского Дома. XVIII— XX вв.: Указатель / под. ред. Т. Г. Ивановой, Т. З. Сквирской. СПб., 2003. 426 с.
11. Радищев Л. А. Первая поездка за границу. Поездка на Всемирную выставку. (Воспоминания). Тетрадь I / публ. М. В. Родюковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб., 2011. С. 597—614.
12. Родюкова М. В. Радищев Лев Алексеевич. Фонд 663 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 861—864.
13. Русская периодическая печать. 1703 — 1900 гг. / сост. и изд. Н. М. Лисовский. Пг., 1915. № 1041.
14. Савин О. М. Государственный музей А. Н. Радищева: Очерк-путеводитель. Пенза, 1974.

**О. И. ИЛЬИНСКАЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ
Г. М. ФРИДЛЕНДЕРА И ПИСЬМАХ К НЕМУ
В КОМИ АССР (1942–1945 гг.)**

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии С. В. Березкиной)*

Аннотация: Письма О. И. Ильинской (1911–1986) военных лет, отправленные Г. М. Фридендеру в лагерь на территории Коми АССР, представляют уникальный эпистолярный комплекс. Письма отличаются богатством интеллектуального содержания и высоким художественным уровнем.

Ключевые слова: биография О. И. Ильинской, биография академика Г. М. Фридендера, судьба марксистских идей в довоенное и военное время, культурное строительство в СССР в 1930–1940-е гг., Иркутск военного периода.

Abstract: The O. I. Il'inskaya's (1911–1986) letters of the war years sent to G. M. Fridlender to the camp on the territory of the Komi Republic, represent a unique epistolary complex. Letters are rich in intellectual content and high artistic level.

Keywords: biography of O. I. Il'inskaya, biography of academician G. M. Fridlender, fate of Marxist ideas in pre-war and war time, cultural construction in the USSR in the 1930s-1940s, Irkutsk of the war period.

В архиве академика Георгия Михайловича Фридендера (1915–1995), хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, особое место занимают письма военных лет, полученные им в 1942–1945 гг. в поселке Жэшарт Усть-Вымского района Коми АССР. Здесь находился отдельный лагерный пункт (ОЛП) Севжелдорлага – исправительно-трудового лагеря, обслуживавшего Северо-Печорскую железную дорогу. Г. М. Фридендер был выслан в Коми АССР в 1942 г. как немец по национальности; история его высылки, жизни в лагере и на спецпоселении (в том же Жешарте) и, наконец, освобождения осенью 1945 г. освещена в публикации писем Г. М. Фридендера к матери, жившей во время войны в блокадном Ленинграде.¹ Из Жешарта он бережно вывез письма не только ее, но и своих друзей – Я. Л. Бабушкина, М. А. Лифшица, И. Е. Верцмана, С. А. Альтерман (Розановой), И. А. Саца, И. М.

¹ «Трудармеец Фридендер, Г. М.» (Письма из Коми АССР, 1942–1945) / Вступ. ст. С. В. Березкиной; подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной и А. С. Лагурева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 443–505.

и Н. Я. Дьяконовых, Д. Д. Обломиевского и др.; всего около полутысячи писем, адресованных в Жешарт. Через эти письма для него, видевшего мир в кольце северной тайги, открывалась жизнь огромной страны — на фронте, в блокаде, эвакуации. Особенностью этих писем, адресованных «трудармейцу» немецкой рабочей колонны, был высокий интеллектуальный уровень. Письма призывали того, кто получал их, к жизни высокого полета духа (т. е. к осмыслению происходящего в мире в категориях философских, общественно-исторических, культурных), высоконравственной (терпеть, верить в победу добра, надеяться, любить тех, кто его помнит и ждет). Насколько нам известно, в эпистолярной, связанном с ГУЛАГом, еще не было представлено к публикации столь оригинального архива писем, парадоксально оптимистичного по своей сути. Но даже среди этого архива резко выделяются по богатству своего интеллектуального содержания письма О. И. Ильинской — на наш взгляд, уникальные эпистолярные документы из числа когда-либо адресованных за колючую проволоку. Поименованные в нашем вступлении люди были в тот момент, как и она, убежденными марксистами (из них членами ВКП(б) были не все, подобно О. И. Ильинской и Г. М. Фридендеру, которые так и не вступили в партию). В этом смысле письма О. И. Ильинской имеют особый интерес, поскольку показывают уровень мировоззренческих доминант в представлении ею обстоятельств своей жизни. Впрочем, в письмах к Г. М. Фридендеру она сумела раскрыть и свои сомнения мировоззренческого характера, передав их в изящных и пластичных образах и рассуждениях, оказавшихся недосягаемыми для военных цензоров, которые их читали.

Ольга Игоревна Ильинская (1911–1986) была сокурсницей Г. М. Фридендера по филологическому факультету ЛГУ, куда она поступила в 1934 г.; вместе они и закончили университет в 1937 г. Прежде чем оказаться в университете, Ильинская два года проучилась в Москве на Высших государственных литературных курсах, откуда ушла после их закрытия в 1929 г. Ляля оставила неизгладимое впечатление у тех, кто видел ее в университете. Это была изящная, эффектная молодая женщина, выделявшаяся, как вспоминала Л. М. Лотман, особым шармом.² Фридендер свое первое впечатление от встречи с ней передал словами «бесконечное обаяние» (с. 494).³ Во всем ее облике чувствовалась «голубая кровь». По мнению Г. Е. Тамарченко, также ее

² Лотман Л. М. Г. М. Фридендер в моей памяти сквозь долгие годы общения и сотрудничества // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 449–450.

³ Страницы в скобках здесь и далее отсылают к настоящей публикации писем. Цитаты без указания страниц в скобках как во вступительной статье, так и в примечаниях, относятся к письмам, не вошедшим в настоящую публикацию; эти цитаты не имеют и ссылок на хранение рукописи, поскольку фонд Г. М. Фридендера находится в обработке.

однокурсника, она была «существом другого круга», в котором «господствовали полуаристократические-полубогемные привычки»: это была «русская женщина с французскими пристрастиями».⁴ Впрочем, мать ее Софья Григорьевна Ильинская (ум. 1960) происходила из московской купеческой семьи и в первом браке была за профессором Московского университета Н. И. Курсановым (1874—1921), выходцем из зажиточной крестьянской семьи. Фридендера же, судя по его воспоминаниям о Ляле (с. 495—496), завораживала ее родословная со стороны отца Игоря Владимировича Ильинского (1880—1937), в которой фигурировали фамилии Бакуниных и Тургеневых. Вся эта богатая воспоминаниями о славных страницах русской культуры линия шла через бабушку Ляли Софью Александровну Ильинскую (1855—1931), урожд. Свечину, сестры которой, выходя замуж, селились в старых «дворянских гнездах» Тульской губернии. Одна из них, Варвара Александровна, стала женой Павла Ивановича Левицкого (1842—1920), владельца знаменитого имения Алексеевское: вся Россия читала его работы на сельскохозяйственные темы об этом имении на протяжении нескольких десятилетий. В Алексеевском бывал Л. Н. Толстой, знавший Левицкого. Другая сестра, Нина Александровна Арсеньева (1847—1900), жившая в имении Ивановское, через свою дочь и племянницу породнилась с Бакуниными и Тургеневыми. Именно этот круг родственников со стороны матери И. В. Ильинского, через его сестер, от родных до троюродных, связывал Лялю с семьями Г. В. Вернадского, С. М. Соловьева, Андрея Белого и др.

И. В. Ильинский называл себя человеком «политическим, сидящим при всех режимах»:⁵ юрист по образованию, он подвергался арестам еще при царском правительстве. В дореволюционное время присяжный поверенный, затем уполномоченный Всероссийского земского союза; после 1917 г. его занятия стали более разнообразными: библиограф библиотеки Румянцевского музея, адвокат, чья деятельность привлекла к нему внимание ГПУ, зав. отделом (лектор) Главземхоза, в 1926—1929 гг. заместитель хранителя музея-усадьбы Ясная Поляна (Ильинский был автором интересных воспоминаний о Толстом), ученый секретарь Государственного литературного музея. После 1917 г. Ильинский арестовывался несколько раз: в 1922 г., затем ссылка, арест в 1924-м, Соловецкий лагерь, в 1925-м вновь Бутырская тюрьма, новый арест в 1935-м с освобождением в тот же год, затем арест в Туле в 1937-м и расстрел «за антисоветскую агитацию».

С дореволюционного времени Ильинский был не чужд литературных занятий. Он сотрудничал в московском журнале «Крестьянское дело», выпускавшемся в 1909—1911 гг. В. П. Дроздовым (1878—1930),

⁴ Тамарченко Г. Е. Судьба одного семейства: (На крутых поворотах советской истории): Воспоминания. Киев, 2001. С. 59, 60.

⁵ Голицын К. Н., кн. Записки. М., 1997. С. 233.

где печатал рассказы, очерки, статьи (главным образом, об ужасах крепостничества и юридическом бесправии крестьян).⁶ Ильинский, хорошо знавший польский язык, участвовал в работе русско-польской секции Общества славянской культуры и поддерживал связи с видными представителями польского движения. В целом, он принадлежал к тому поколению русской интеллигенции, которое не сомневалось в том, что старый мир «прогнил» насквозь. В. И. Вернадский считал Ильинского, брата своей невестки, лояльным советской власти человеком («вне политики»), хотя ему было известно, что его преследуют как автора остросатирической поэмы о Карле Марксе, прибывшем в Советскую Россию.⁷ Текст поэмы (в мемуарах приводятся различные ее названия) не сохранился, написана она была, по-видимому, в 1920 г. Самое полное свидетельство о ней принадлежит кн. К. Н. Голицыну (1903—1990), который сидел с Ильинским в Бутырской тюрьме: «...он читал ее то в одном, то в другом московском доме. Слушателей собиралось много, и слушали затаив дыхание. <...> в поэме под острым сатирическим углом отражались самые злободневные вопросы и общественной, и частной жизни. <...> Разруха, битком набитые поезда, жизнь без самого привычного и необходимого, голод, болезни, бесправие — все было отражено в тринадцати “песнях” поэмы. Каких только персонажей не было в ней! И представители власти, и крестьяне, и городские жители, и помещики, лишившиеся поместий...» О сюжете ее Голицын сообщал: «Маркс воскрес. Прослышав о том, что далеко на Востоке нашлись люди, пожелавшие идти по намеченному им пути, он без колебаний принимает решение: ехать туда, в эту сказочную, счастливую страну. Злоключения Маркса в ходе этого путешествия и составляли основное содержание “Марксиады”». Мемуарист считал поэму «действительно талантливым произведением», дающим «довольно полное представление о времени так называемого “военного коммунизма”».⁸

На Лялю Ильинскую личность отца оказала огромное воздействие. Именно он принял решение о том, что Ляля не будет поступать в советскую школу, а получит образование в маленькой частной школе для девочек (таковые в 1920-х гг. были еще разрешены). В записках кн. С. М. Голицына (1909—1989) сохранилось воспоминание о том, каким звонким голосом хорошенькая Ляля, подруга одной из его сестер, читала в то время политические стихи своего сочинения на злобу дня.⁹ Когда отец был в тюрьме и ссылке, Ляля жила в подмосковном

⁶ Рукописи статей различных авторов для этого журнала см. в фонде И. В. Ильинского в РГАЛИ (ф. 223).

⁷ *Вернадский В. И. Дневники, 1935—1941: В 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 245.*

⁸ *Голицын К. Н., кн. Записки. С. 234—235, 236—237. О поэме см. также: Толстая А. Л. Дочь. М., 1992. С. 102.*

⁹ *Голицын С. М. Записки уцелевшего: Роман в жанре семейной хроники. М., 2016. С. 287.*

Дмитрове с тетей Кисой (Е. В. Ильинской), сестрой жены Г. В. Вернадского (Катю Ильинскую очень любил В. И. Вернадский: он помогал ей деньгами, с 1940 г. она жила в его семье).¹⁰ Рассказ Фридлендера о «старинных заброшенных церквах» периода ранней юности Ляли и «родственников» рядом с ней самых громких фамилий, скорее всего, относился не к Дмитрову, а к селу Глинково близ Сергиева Посада (Загорска), где в 1920-х гг. летом собирались «бывшие» дворянские семьи (и среди них Ильинские).¹¹ После освобождения отца Ляля какое-то время жила в Ясной Поляне, ставшей для нее горячо любимым местом. Драматические страницы немецкой оккупации Ясной Поляны 1941 г. Ильинская пережила как глубоко личные. Она узнавала о них не только из газет, но и из писем сотрудницы яснополянского музея В. В. Ионочкиной (отзвуки сообщенных в них известий содержатся в письмах Ильинской к Фридлендеру в Архангельск начала 1942 г.).

«Исчезновение» отца в 1937 г. стало для Ильинской огромной трагедией. В письмах к Фридлендеру (в 1937 г. у него тоже «исчез» брат Андрей, о расстреле которого в 1938 г. он ничего не знал)¹² Ляля упоминает о том, что перенести это горе ей помог именно Юра (так звали в родственно-дружеском кругу Г. М. Фридлендера). Упоминается в связи с репрессиями 1937—1938 гг. и еще одно имя — Михаила Александровича Лифшица (1905—1983), философа-марксиста и теоретика искусства, с которым Г. М. Фридлендер был связан тесными дружескими и творческими узами с 1935 г. Он оказал огромное воздействие на весь студенческий кружок, в который входили Фридлендер и Ильинская. В архиве Фридлендера сохранилось начало автобиографической повести «Гога» конца 1930-х гг. В ней он рассказывал и о своей семье, живущей в атмосфере неприятия советского строя, и о том, как чтение Маркса (а Фридлендер превосходно знал немецкий язык) перевернуло его мировоззрение, открыв широчайшие перспективы приятия и познания действительности. Выработка марксистского мировоззрения выросла из насущной потребности студенческой жизни Фридлендера и его друзей, возмущенных заполонившей университетские аудитории вульгарной социологией: это была редукция искусства и гуманитарной мысли вообще, якобы на основе прочтения Маркса, исключительно к экономическим отношениям различных эпох и проявлениям классово-вой борьбы. Не приемля это обесценивание вечного в искусстве, Фридлендер начал писать свой марксистский «трактат» (надпись на тетрадке в его архиве), который в 1935 г. послал в Москву Лифшицу, известному своими яркими работами о литературе и искусстве (см. с. 499, примеч. 15). Лифшиц, заинтересовавшийся личностью столь эрудированного и самостоятельно мыслящего студента, завязал знакомство с ним, а через него и с друзьями Фридлендера по университету.

¹⁰ *Вернадский В. И.* Дневники, 1935—1941. Кн. 1. С. 63.

¹¹ *Голицын С. М.* Записки уцелевшего. С. 291—296, 339—341 и след.

¹² См.: «Трударемец Фридлендер, Г. М.». С. 446—447.

Г. Е. Тамарченко вспоминал впоследствии, что в этом студенческом кружке главной фигурой был Юра Фридендер.¹³ Изучая Маркса и его воззрения на литературу и искусство, Фридендер излагал свои открытия друзьям, и они знакомились с научно-философскими идеями, увлекавшими их своей новизной и широкими жизненными горизонтами. В своих письмах Ильинская неоднократно напоминала ему об этом: «Неужели ты думаешь, что есть на свете обстоятельства, которые могли бы поколебать нашу дружбу и мою веру в тебя, в тебя, который сделал из декадентской барышни, кандидатки в Эммы Бовари, сознательно советского человека? Ты даже не знаешь, сколько ты сделал для моего внутреннего “я”, для моего развития. Ведь если бы не ты <...> я, вероятно, растранижилась бы в любовных похождениях низкого пошиба...» (6 сент. 1942 г., с. 503); «...ты в духовном смысле создал Яшку <...> и помог вырасти Шуре.¹⁴ Можешь помянуть и меня, хотя это и не столь большая заслуга — испечь такую меня. Все эти твои друзья, которые стольким тебе обязаны, — доказательство того, насколько реальны и жизненны были твои мысли» (19 авг. 1942 г., с. 501—502).

27 сент. 1941 г. Ильинская писала Фридендеру в Архангельск: «Всегда, во все тяжелые минуты жизни <...> я спасалась мыслью, что есть на свете вы, мои хорошие, благородные, умные мальчишки». Высказывания Ильинской приобретут особый вес, если сравнить эту компанию студентов-интеллектуалов с тем узкословным кружком молодых дворян-москвичей, к которому принадлежала Ильинская в 1920-е гг. и который описали в своих воспоминаниях С. М. Голицын и С. П. Раевский.¹⁵ В отличие от них, в семействе Ляли Ильинской не было ни монархистов, ни церковников, поэтому молодые марксисты-ленинградцы, самостоятельно пробивавшие себе дорогу в новый философский мир, произвели на нее большое впечатление. Их поиски «истинного марксизма» отвечали идее поэмы о Карле Марксе отца Ильинской, который, конечно же, был знаком с какими-то из его трудов. По воспоминаниям К. Н. Голицына, И. В. Ильинский ненавидел Ленина, но возлагал большие надежды на Сталина, находя в его деятельности «некие положительные сдвиги во внутренней политике: от разрушения и ломки — к созиданию».¹⁶ И атеизм как убеждение Ляли и ее родителей,¹⁷ и отрицание монархической идеи, и пафос строительства нового

¹³ Тамарченко Г. Е. Судьба одного семейства. С. 65—82. См. также: Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 532; Дьяконова Н. Я. Мои воспоминания // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 437—438.

¹⁴ Имеются в виду Я. Л. Бабушкин и А. Г. Выгодский (см. о них далее).

¹⁵ См.: Голицын С. М. Записки уцелевшего. С. 286—296, 391—393 и след., Раевский С. П. Пять веков Раевских. М., 2005. С. 323—325.

¹⁶ Голицын К. Н., кн. Записки. С. 242.

¹⁷ В воспоминаниях Н. Коржавина говорится о том, что анализ историко-литературного материала на лекциях Ильинской носил религиозный характер (то же самое можно сказать и о сходных темах в ее письмах к Фридендеру), поскольку

мира, который должен был прийти на смену старого, — всё это способствовало сближению ее с кружком молодых марксистов.

Впоследствии Ильинская назвала то увлечение марксизмом «нашим юношеским “романтическим” периодом»: «Конечно, во всем этом, особенно до окончания института, было немного Лапуты, такая отдаленность от эмпирии, высота птичьего полета (и жизнь нас поправила, и Мих<аил> Ал<ександрович> тоже со своей “резиньяцией” — впрочем, его поправка тоже была “с высоты птичьего полета”), но суть остается, и ты имеешь законное право гордиться и той твоей работой об искусстве» (19 авг. 1942 г., с. 501). Лапу́та — это летающий остров из третьей части «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, населенный презирающими реальность учеными (принц Лапутянский, Лапутянин — так Ильинская именovala в своих письмах Фридендера). Упоминаемая Ильинской «резиньяция» Лифшица была связана с проблемами сталинского режима конца 1930-х гг., которые он относил к проявлениям «вульгарной демократии».¹⁸ По мнению А. Д. Майданского, «в размышлениях над историей Страны Советов Лифшиц демонстрирует резиньяцию почти евангельской глубины. <...> Девизом своего толкования истории революции Лифшиц избрал слова Пушкина: “Понять необходимость и простить оной в душе своей”.¹⁹ <...> Он был готов понять и простить своей матери-революции буквально все, включая кровь, ложь и ужасы сталинизма. Этот путь революции не был ошибкой, уверяет он. Альтернативы, по сути, не было».²⁰ Лифшиц позднее утверждал: «Есть глубокое основание, не ошибка какая-нибудь, не просто замысел злодейский чей-нибудь в этом, а тяжкий противоречивый ход истории, сознание отсутствия альтернативы»; в другой записи: «Дальнейший подъем страны мог совершаться только ужасным, иррациональным, варварским путем, в котором переплетались черты великого энтузиазма и темной энергии».²¹ Ильинская, несомненно, была знакома с письмом Лифшица к Фридендеру о Пушкине 1938 г., в котором рассматривалась проблема «гуманной рези-

Ильинская всегда исходила из вечных ценностей, — утверждая при этом, что является атеисткой (Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания: В 2 кн. М., 2007. Кн. 2. С. 331). Ильинская много знала о христианстве, в частности благодаря кругу своего общения в 1920-е гг., но ее интерес к нему носил эстетический, общекультурный характер. Впрочем, убеждения Ильинской последних лет жизни из-за исчезновения ее архива (см. об этом ниже) нам неизвестны.

¹⁸ Об отражениях в довоенных работах Лифшица проблематики сталинизма — с отсылкой к высказываниям Маркса о «вульгарной демократии» — см.: Арсланов В. Г. Проблема «термидора» 30-х годов и рождение «теории тождеств» // Михаил Александрович Лифшиц: [Сб. ст.]. М., 2010. С. 338—366.

¹⁹ Видоизмененная цитата из записки Пушкина «О народном воспитании» (1826), где эти слова обращены к родным декабристов.

²⁰ Майданский А. Д. Консервативная революция: Лифшиц на уроках Гегеля // Свободная мысль. 2015. № 3. С. 215.

²¹ Лифшиц М. А. Очерки русской культуры: Из неизданного. М., 1995. С. 234.

ньяции»: «Чем независимее от наших претензий становится действительность, чем более разум становится ее *естественным* элементом, тем свободнее мы сами внутренне — в философском и художественном смысле». ²²

В военные годы Ильинская вспоминала об энтузиазме их студенческих лет как о каком-то важном этапе истории, совпавшем «с молодостью и зрелостью целого нового мира» (3—6 марта 1942 г.): «Несмотря на все трудности, мы были счастливым поколением, любимчиками истории. У мальчиков и девочек из разделенных школ не будет и наших солнечных вершин» (6 сент. 1943 г., с. 529). Ильинская сумела оценить марксистскую закалку, полученную ею в общении с Фридлендером, когда в эвакуации стала преподавателем зарубежной литературы в двух иркутских вузах — пединституте и университете. Молодые теоретики марксизма были воодушевлены идеей художественного воспитания народа на том базисе социализма, который, как утверждала советская пропаганда, был уже возведен в процессе коллективизации и начавшейся индустриализации. В этой воспитательной работе искусству и литературе отводилась более важная и самостоятельная роль, чем это представлялось прежде (в домарксистский период). Умевшая ценить то эстетическое наслаждение, которое дает ощущение вечности в литературном произведении (а эта любовь к искусству была в высшей степени присуща Фридлендеру и его друзьям), Ильинская оказалась вооруженной и инструментарием для анализа социально-исторической действительности. Именно в иркутских вузах начинает формироваться уникальная преподавательская манера Ильинской, о которой сохранились свидетельства ее учеников, как в Иркутске, так и, впоследствии, в Москве. Письма к Фридлендеру содержат изложение педагогических идей, которые Ильинская ставила во главу угла своих вузовских курсов, причем эти идеи и были той сияющей сердцевиной, которую она усматривала в устремленности марксизма в будущее человечества, но с поправкой на прирожденность ей, как представительнице потомственной русской интеллигенции, веры в нужность служения народу.

Свое педагогическое призвание Ильинская осознавала в себе как всепоглощающий интерес к людям. 12 дек. 1941 г. Ильинская писала Фридлендеру: «...радно видеть этих жадных до учения ребят, очень хороших, молодых. И радостно, что я, декадентская мадамочка, могу дать им то, что выстрадала и над чем думала в печальные ночи после папиного исчезновения. <...> Когда говорю с ними, чувствую себя полной, как закупоренная пивная бочка. <...> Им ужасно хочется объединить свою науку с жизнью общей и своей, а этому их не учат». Ильинской претило академическое бесстрашие, поскольку ее идеалом было

²² Лифшиц М. А. Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Художественная критика. М., 2009. С. 463.

просветительство: «...теперь-то я уж знаю, что наше литературное дело — нужное дело. Еще нужней <...> хорошие школы и университеты. Не просто грамотность, но моральная грамотность, минимальная человечность. Надо лечить людей от варварства, от дикарской и кулацкой бесчеловечности» (18 апр. 1942 г.). Эта сердечная устремленность молодой преподавательницы, имевшей к тому же изумительный дар рассказчицы (об этом вспоминали многие мемуаристы), делали Ильинскую исключительно популярной среди студенчества: «Проф. Лурье,²³ — писала она 1 июня 1942 г., — сказал мне, что он никогда еще не видел, чтобы кто-нибудь пользовался таким успехом у студентов, как я. <...> Я очень твердо знаю, что в этом году я была полезна советскому государству, что я тоже, как могла, воевала с фашизмом.²⁴ <...> главной целью моих лекций была не литература, а жизнь. Я всё время добивалась, чтобы студенты поняли, что жить интересно и ответственно».

Чтение историко-литературных курсов и общение со студентами (в добавление к трудностям военного времени) стимулировали внутреннюю работу Ильинской, которая во многом начинает сомневаться: «Смысл моей педагогической деятельности заключался для меня в том, что я, казалось мне, учу их думать, “беспокою” их, заставляю их душу вкладывать в литературу. Но сейчас во многом из того, во что я верила (в литературе), я изверилась, многое требует (по времени) капитальных поправок <...> мне часто теперь приходится в лекциях говорить о том, что никак не связано с “душой” моих ребят и с их печалью и радостями, говорить устаревшее и явно сейчас фальшивое» (27 нояб. 1943 г., с. 531). В этом письме Ильинская намеками, осторожно указывает Фридлиндеру на популярную цитату из «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса о «царстве свободы» и возмущается революционным пафосом недавних довоенных статей. Ей теперь «стыдно» учить и говорить о красоте, когда в мире не осталось «ни на йоту душевного комфорта, необходимого для того, чтобы утешаться где-то в стороне и испытывать наслаждение».

Методы работы Ильинской с иркутскими студентами оставались, тем не менее, по-молодому новаторскими. В. П. Трушкин, будущий профессор Иркутского университета (см. с. 514), записал в дневнике 20 янв. 1943 г. об экзамене по западноевропейской литературе:

²³ Лурье Соломон Яковлевич (1891—1964) — филолог-эллинист, профессор ЛГУ, в эвакуации работавший в ИГУ. Ильинская была с Лурье в большой дружбе, называя его «остроумнейшим еврейским Кола Брюньоном» (14 июля 1942 г.). Из Иркутска он уехал в 1943 г., возможно, из-за травли, о которой есть упоминание в студенческом дневнике В. П. Трушкина (*Трушкин В. П. Друзья мои... Дневники. Очерки. Статьи. Автографы и воспоминания друзей.* Иркутск, 2001. С. 135).

²⁴ «...тот, кто прочувствовал белую и красную розу на могилах Тристана и Изольды, никогда не примирится с гитлеровскими случайными пунктами. Поэтому я стараюсь выжимать слезу у своих студентов» (3 нояб. 1941 г.).

«О. И. Ильинская не столько была моим экзаменатором, сколько дружественным собеседником. Мы были вдвоем, курили, иногда даже спорили. Она мне дала три преогромнейших вопроса: Шекспир, Данте и Мольер. Поэтому естественно, говоря об этих трех гигантах, мы пробежали по всей литературе от древних до Пушкина и Байрона включительно. Мы побеседовали с ней целых пять часов».²⁵ Об этих разговорах с Васей Трушкиным Ильинская неоднократно писала Фридлендеру, считая, что в его развитии есть и ее заслуга: «Я разговариваю с ним часами» (22 нояб. 1942 г., с. 513).

Новым для Ильинской направлением была и организация литературного кружка для мальчиков 8—9 классов: «...я всю стараюсь вырвать их из мещанской провинциальной ограниченности, сделать их всемирно-историческими мальчишками, мыслящими человечками, а не хозяйчиками и ненавистниками рода людского, как здесь принято. <...> Такая тонкая штука — человек, и прикасаться к нему, особенно в юности, надо осторожно, чтобы он не чувствовал опеки и презрительного руководства. Пока мы друзья и равные» (13 окт. 1942 г., с. 508). Внеаудиторная работа — организация диспутов и кружков для студентов, занятия со старшеклассниками — имела в глазах Ильинской важное значение: «...в этих кружках они учатся коллективизму, они учатся духу общечеловечности, который у них отсутствовал (одни формальности, вместо реального интереса к миру, к стране, друг к другу)» (31 янв. 1943 г., с. 518).

Летом 1944 г. Ильинская вернулась в Москву. Здесь ее ожидала преподавательская работа сначала в Московском областном пединституте им. Н. К. Крупской (ныне Московский государственный областной университет), а затем и в киноинституте (ныне ВГИК), который она особо любила и где проработала сорок лет. В Москве Ильинская размышляла о том преподавательском опыте, который был получен ею в трудных условиях сибирского города, теперь уже приглядываясь и к известным московским профессорам. Она считала главным своим качеством «всемирное благожелательство» и «стихийное любопытство ко всему шару земному» (26 нояб. 1945 г.). Ее выводы о своей просветительской миссии и своей личной судьбе всегда оказывались неразрывны, поскольку она стремилась в разговоре со студентами о литературе быть предельно честной: всё «зависит от полноты и цельности каждой данной минуты бытия, от реальных, уловимых на ощупь связей с будущими поколениями» (23 янв. 1944 г., с. 534). Наполненная этим чувством связанности с миром, Ильинская бросается убеждать своего друга в важности высоких идеалов просветительства в тот момент, когда, под грузом пережитого, Фридлендер написал ей о простом счастье, уюте и комфорте как своей единственной жизненной цели: «Я тоже, может быть, еще больше, чем ты, люблю “клеящие листочки”

²⁵ Трушкин В. П. Друзья мои... С. 136.

и глупых птиц, но я лишусь этой любви, если я не буду жить только ради чего-то “более высокого, чем прожиточный минимум”. Я не знаю, наука это или история, я знаю, что это люди. <...> Это люди, с которыми я встречалась в иркутских вузах, в киноинституте, в МОПИ, люди, имена которых я забуду, и лица забуду, но они — главное содержание моей жизни, и оттого, что я люблю их, я и люблю “клеящие листочки”, леса, горы, море, зверей, весь прекрасный, милый, богатый мир, который изуродован в этих людях. <...> Если я не буду иметь возможность говорить с ними в аудитории, я буду писать рассказы; если нельзя будет писать рассказы, я буду писать статьи; а если мне совсем нельзя будет жить среди них и для них, если мне станет всё равно, чем бы ни закончится, и у меня ничего не останется, кроме “дома”, пусть самого уютного, <...> то этот “дом” станет для меня казнь и тюрьмой. Очень по-эренбургски звучит: “Я ненавижу разговоры о литературе и люблю шашлык”,²⁶ очень по-западному современно, так изящно-нигилистично. Ты ли это? А я люблю и разговоры о литературе, и шашлык, а пуще всего умных, добрых и гордых людей, которые не продают свою душу за клопиное благополучие в теплом углу» (17 марта 1946 г.).

12 февр. 1948 г. Ильинская написала Фридендеру по поводу одного известного московского профессора: «Скептические тирады он проносит с наслаждением, с радостью. Вот и вся его радость. Я не уважаю таких людей. Если жить незачем — умирай. Кто тебя держит? Все эти виды нигилизма я воспринимаю как концентрированное свинство. Когда NN грядет, волоча ноги, черный, как еврейские похороны, то первый импульс у меня повернуться и идти в другую сторону. Какое право он имеет плевать на человеков, на себя, на жизнь? Их породили люди, люди их сделали веками своего труда, чтобы они продолжали жизнь, строили, умножали, а они ренегатствуют. Поприжала жизнь — они бегут, они сдаются и за себя, и за весь мир. Кто им сказал, что они свободны, что они имеют право отречься? Ведь они не сами по себе, они чужую ношу несут и должны донести». В том же письме Ильинская утверждала, что она увлекается «только людьми»: «Увлекаюсь бессмысленно, по-телячьи, влюбляюсь и в мальчиков и в девочек, и в тётей и в дядей, и в целые курсы. Вероятно, именно это — благожелательство и доверие — создают дружеские отношения между мной и студентами, особенно студентами ГИК’а (кино), которые свободней душевно, живут без скучных тормозов, не так, как печальные мои “педы”. Иногда мне кажется, тоже, наверное, по способности “ув-

²⁶ Ср. в романе И. Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1921): «...надо напомнить о великом пренебрежении Учителя к роли искусства в современном обществе. Обедая с мистером Кулем, который под влиянием старого бургундского расчувствовался и заявил Хуренито, что больше всего на свете, даже больше долларов, любит красоту, Учитель чистосердечно ему признался: “А я предпочитаю эти свиные котлеты с горошком”» (*Эренбург И. Г. Собр. соч.: В 8 т. М., 1990. Т. 1. С. 276–277*).

лекаться», что наши отношения и есть идеальные человеческие отношения: свободный обмен друг другом, похожий на игру, без всякой внешней обязательности. <...> Быть может, это иллюзия, одно из проявлений тоски о «свободной человечности» в ренессансном духе, о доверии, о коллективной жизни по естественной потребности, а не по бюрократическому рецепту».

Такова «педагогическая поэма», запечатленная в письмах Ильинской к Фридендеру. Ее дар педагога находил горячий отклик в сердцах студентов. Л. В. Черных вспоминала о годах учебы в Иркутском университете: «...объектом преклонения, нашим кумиром была О. И. Ильинская <...> после лекций мы следовали за ней табуном, провозжая на вокзал...».²⁷ Не менее яркими были и впечатления вгиковцев, например, в воспоминании А. С. Плахова: «Ольга Игоревна Ильинская была легендой ВГИКа при жизни и осталась ею после жизни. Она всегда была красивой и молодой. Она не прерывала своих блистательных лекций и во время перемен, стоя с сигаретой на лестнице, всегда в окружении студентов. <...> Она не просто учила зарубежной литературе, но учила думать и интеллектуально развиваться, будучи одним из главных столпов вгиковской культуры и поднимая ее на уровень, до которого не всякий видный кинематографист мог дотянуться».²⁸

Параллельно с «педагогической поэмой», в письмах Ильинской раскрывается ее непростая личная жизнь. Показательно, что в воспоминаниях московских друзей упоминания о ней исчезают к моменту ее замужества в 1929 г., поскольку образ жизни Ильинской перестает соответствовать принятому в семьях «бывших» дворян. «Я как-то спросил ее, — писал С. П. Раевский. — “Зачем вы бравируете перед молодыми и даже пожилыми людьми, выпивая целиком стопку водки?” Ляля ответила: “Я люблю шокировать людей»».²⁹ В письме от 23 янв. 1944 г. к Фридендеру она вспоминала свой «демонический период», когда сомневалась во всем, вплоть до необходимости «супружеской верности» и благоустроенного быта (с. 534). Первым ее мужем, с которым она прожила десять лет, был Гавриил Сергеевич Стрелин, в конце жизни член-корреспондент АМН СССР (см. с. 500). Второй раз она вышла замуж, по-видимому, в 1939 г. за Якова Львовича (Лейбовича) Бабушкина, ближайшего университетского друга Фридендера. Его имя золотыми буквами вписано в историю Ленинграда: он сыграл важную роль в организации деятельности Дома радио в первую блокадную зиму. Переживания Ильинской за Ганю и за Яшу как-то слитно отразились в ее письмах военных лет, вмещаая в себя и страх за их жизнь, и ревность, и желание вызвать в них (обоих!) горячее чувство

²⁷ Черных Л. В. Азадовский и студенты в Иркутске // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 91.

²⁸ СК-Новости. 2001. 13 июня. № 96. См. также: Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. Кн. 2. С. 331.

²⁹ Раевский С. П. Пять веков Раевских. С. 324.

к ней, Ляле. После того, как Яша погиб на фронте, в жизни Ильинской (в том же 1944-м!) вновь возник Ганя, с которым ее душа никак не могла расстаться; к тому же возвращение к нему сулило ей, в условиях безысходной нищеты,³⁰ прочное благополучие. И вот тут Юра Фридендер, спецпоселенец с неясной перспективой будущего, отправляет Ляле в янв. 1945 г. письмо с предложением соединить их судьбы! В настоящую публикацию мы поместили лишь ответную «ответь» Ильинской своему «другу и брату», однако после его освобождения эпизод имел продолжение: в декабре 1945 г. Ильинская написала Фридендеру о своем желании приехать для встречи с ним в Ярославль, куда он, демобилизованный из «трудовой армии», был направлен осенью 1945 г. для работы в пединституте. Дважды она писала ему об этом, но он промолчал... Фридендер к тому времени уже знал мнение о Ляле своей матери, которую глубоко почитал: «Она очень славная и развитая женщина, но <...> имеет определенный недостаток, который и послужил причиной тому, что и в первом браке и во втором у нее ничего хорошего не получилось. Конечно, она во многом виновата...» (30 нояб. 1944 г.); «Как жена, Ляля оказалась не на высоте <...> Бедный Яша был заброшен ею, так же и Ганя в свое время. В быту домашнем богема не годится...» (14 апр. 1945 г.).

В апр. 1946 г. Ильинская прислала Фридендеру известие о том, что вышла замуж за Бориса Сергеевича Емельянова (1909—1991), театрального критика и театроведа. С ним Ильинская прожила в браке последние сорок лет своей жизни. Она предчувствовала, что Фридендер не примет ее избранника. Странным был этот выбор: после серьезного, основательного Гани, окруженного учеными мужами, и пылкого, убежденного коммуниста и интернационалиста Яши — Борис, человек из другого, театрального мира, по словам Ильинской, «труляляшка: легкий человек, увлекающийся, разбрасывающийся, гурман в отношении к жизни, но добродушный и талантливый» (22 апр. 1946 г.). Новый брак не принес Ильинской материального благополучия, и она долго еще продолжала быть главным добытчиком в семье. Впоследствии Б. С. Емельянов работал в управлении театров Министерства культуры РСФСР, был ответственным редактором изданий Отдела распространения драматических произведений ВУОАП, заведовал репертуарной частью одного из московских театров.

Между тем, переписка Ильинской и Фридендера начала терять свою интенсивность. С начала 1950-х гг. Фридендер стал безотказным заимодавцем Ильинской, а затем, многие годы, терпеливо ждал возвращения этих долгов. Научная жизнь ее была буквально задавлена огромными институтскими нагрузками и работой в гонорарных из-

³⁰ «...нужда самая дикая, экономия каждой корочки хлеба, мысли по ночам о том, на что купить днем картошку, чай без сахара и, главное, сознание, что мать днем ходит голодная» (12 дек. 1945 г.).

даниях. Она стала автором ряда статей в «Краткой литературной энциклопедии» и «Большой советской энциклопедии», писала комментарии к сочинениям Бальзака и Флобера, печатала статьи в изданиях «Искусство кино» (1956), «Шекспировский сборник» (1958), «Кино и литература» (1974) и др. М. К. Азадовский, находясь в Иркутске в эвакуации, предсказал в разговоре со студенткой, что Ильинская «никогда не напишет диссертацию, несмотря на свою эрудицию и творческие данные». ³¹ Не менее трех раз она меняла тему и защитила диссертацию лишь в 1962 г.: это были «Очерки по теории литературы с приложением примерных анализов композиции, стихов, стилистики, жанров и художественных методов» (полагаем, над этой странной формулировкой диссертационной темы многие ломали голову, стремясь помочь Ильинской в решении сложной для нее жизненной задачи). Из всего выпущенного Ильинской не потеряла своего значения, пожалуй, одна ее работа — перевод пьесы Эжена Ионеско (1909—1994) «Король умирает» (1962). Этот перевод (другого на русском языке так и не появилось) был напечатан в 1987 г. с предисловием Емельянова. «Крупинка соли, тающая в воде, не исчезает, она делает воду соленой», ³² — эти слова из пьесы Ионеско можно отнести к тому, что делала Ильинская в жизни, причем не только к прочитанным ею лекционным курсам, но и к письмам. И. Е. Верцман писал Фридендеру 7 июля 1943 г. с фронта: «Ляля, если б считала это оригинальным, написала бы вторую “Исповедь” в духе Руссо. Я очень люблю ее письма».

Письма Ильинской в лагерь Фридендеру — явление выдающееся. Представим себе лагерную действительность, в которой он жил: плохо приспособленный для проживания вагончик, в нем двенадцать «трудоармейцев» (и огромное количество клопов!), за окном вышки, колючая проволока, дремучий лес. Отсутствие газет, книг, радио... И вдруг письма Ильинской, насыщенные личными переживаниями и раздумьями о литературе, событиях в стране, в мире, и на всем этом отпечаток внутренней жизни человека высокоразвитого, интересного. Получение такого письма в лагерь было подобно получению по почте книги.

Судьба архива Ильинской печальна. После смерти ее мужа Фридендер начал сразу же о нем тревожиться. Ему сообщили, что архивом будут заниматься В. Я. Бахмутский (1912—2004), профессор той же кафедры ВГИКа, где работала Ильинская, и еще один молодой кинокритик, ныне благополучно здравствующий. Фридендер сразу же сделал вывод: значит, архив погиб. Местонахождение архива Ольги Игоревны нам неизвестно, хотя тот небольшой фонд И. В. Ильинского, который хранится в РГАЛИ (ф. 223), восходит, по-видимому, именно к нему. В архиве Г. М. Фридендера сохранились письма О. И. Ильинской за 1939 — нач. 1980-х гг. Настоящая публикация представляет лишь ту их

³¹ Черных Л. В. Азадовский и студенты в Иркутске. С. 93.

³² Современная драматургия. 1987. № 4. С. 162.

часть, которая была послана Фридендеру в лагерь и на спецпоселение. Письма Ильинской, выходящие за рамки 1942 (август) — 1945 гг., использованы во вступительной статье и комментариях. Письма печатаются по автографам без конкретизации шифра хранения, поскольку фонд Г. М. Фридендера (РО ИРЛИ, ф. 929) находится в стадии обработки. На всех письмах стоит штамп военной цензуры. Орфография и пунктуация публикуемых писем приведены в соответствие с современными нормами, с сохранением ряда индивидуальных написаний. Открывают публикацию воспоминания Г. М. Фридендера «Ляля Ильинская», написанные в 1995 г.

I. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г. М. ФРИДЛЕНДЕРА **Ляля Ильинская**

Первые полтора года в ЛИФЛИ¹ мне пришлось учиться на вечернем отделении (на дневное меня не приняли, хотя, по тогдашним правилам приема в высшие учебные заведения лиц инженерно-технического персонала, они были приравнены к детям из рабочих семей, то есть должны были приниматься в первую очередь; даже на вечернее отделение я был принят лишь после того, как на прием к представителю Министерства просвещения, который рассматривал жалобы, связанные с приемом, сходил мой отец.² Возможно, что главную роль, хотя мы в 1932 году этого еще не понимали, сыграла запись «немец» в моем паспорте.³

Но в конце января 1934 года вечернее отделение было закрыто; при этом на дневное передавали 5—7 человек, в том числе моих самых близких друзей Яшу Бабушкина и Анку Эмме.⁴ Меня же, как и других, не перевели. Яша был страшно этим возмущен. Он узнал адрес читавшего у нас русскую литературу профессора М. Яковлева,⁵ и мы втроем отправились к нему на квартиру. Жил он на Петроградской стороне, на углу Пионерской улицы и Гесперовского (ныне имени Чкалова) проспекта. Когда мы позвонили и нам открыли дверь, первый, кого мы увидели на пороге, был огромный дог. «Медалист», — промолвил с достоинством появившийся тут же Яковлев и пропустил нас в квартиру.

Анка и Яша, волнуясь и запинаясь, объяснили Яковлеву, что я лучший студент курса и что то, что я не был оставлен в университете, — несправедливо. Яковлев сразу же согласился с ними, так как хорошо меня помнил и давно считал меня самым одаренным студентом. Успокоив нас, он сказал, что поговорит с деканом факультета Аникиным⁶ и постарается добиться моего восстановления.

Через несколько дней на факультете мне сообщили, что я восстановлен и могу явиться на занятия дневного отделения, а также о том, что Аникин просил меня вечером к нему заехать, и дали его домашний адрес.

С бьющимся сердцем я отправился вечером к Аникину. Жил он на Фонтанке, неподалеку от цирка, в большой коммунальной квартире. На мой звонок он открыл мне дверь и провел в свою комнату. Комната эта, насколько я помню, была очень скудно, аскетически обставлена, и в ней горела одна лампа — на письменном столе, которая почему-то все время издавала какой-то треск, — очевидно, она была испорчена. Аникин сказал мне, что он, к сожалению, идет в кино, в «Сплендид-палас» (теперь «Родина»), на ближайший сеанс, но рад сказать мне, что ему удалось изыскать для меня место на дневном отделении. При этом он пояснил мне, что от должности декана его освободили и что я никогда больше его не увижу. На прощание он поцеловал меня и отпустил.

Я думал тогда, что Аникина удаляют из университета вместе с его ближайшим другом — горячо любимым студенчеством В. И. Бухаркиным⁷ (о котором в моих воспоминаниях нужно написать отдельно), но, как я узнал случайно в прошлом году (1994), причина его увольнения была не политическая — его обвинили в гомосексуализме (возможно, что это обвинение было выдуманным и фактически, как и Бухаркин, он был близок к тогдашней левой «зиновьевско-троцкистской» оппозиции).

На следующее утро я пришел в ЛИФЛИ на дневные занятия и узнал, что я зачислен не на русское, а на «западное» отделение (бывшее романо-германское). Насколько я помню, первую лекцию читал Александр Александрович Смирнов,⁸ которого я тогда видел и слышал в первый раз. Читал он курс всеобщей литературы, с большим знанием дела, но скучновато: видно было, что он каждый год уже в течение многих лет повторяет одни и те же лекции, которые успел затвердить наизусть.

В перерыве я вышел на лестничную площадку второго этажа и замер: на площадке стояла молодая женщина с удивительным лицом, удивительными серыми глазами и волосами. Ее нельзя было назвать красавицей, но вся ее фигура, как и лицо, излучали бесконечное обаяние. Она курила и смотрела куда-то вдаль, поверх окружающих стен и людей, не замечая их. На мои вопросы о ней мне ответили, что это студентка русского отделения нашего курса Ляля (Ольга Игоревна) Ильинская, москвичка по происхождению, которая, как и еще несколько студентов нашего курса, приехали <так!> в Петербург и поступили в ЛИФЛИ, так как в ЛИФЛИ в предыдущем году не было приема на филологический факультет.

Как совершилось мое дальнейшее знакомство и сближение с Лялей, я не помню. Но очень скоро она примкнула к тому небольшому дружескому кружку, который создался на нашем курсе под моим определяющим влиянием. Этот кружок включал в себя Яшу Бабушкина, Анку Эмме, Сусанну Розанову (тогда Альтерман),⁹ Шуру Выгодского,¹⁰ Во-

лю Римского-Корсакова,¹¹ а несколько позднее также Нину Магазинер и Игоря Дьяконова,¹² ставшего вскоре мужем Нины.

Основное, что объединяло нас, — полное неприятие царствовавшей тогда на факультете «вульгарной социологии»,¹³ которая требовала неукоснительно рассматривать каждого писателя как «представителя» той или иной социальной группы со своими специфическими классовыми интересами, которые рассматривались нашими учителями как *главное* содержание их художественного творчества.

Этой нелепой доктрине, господствовавшей в нашем преподавании и пронизывавшей всю тогдашнюю учебную и научную литературу, я, будучи еще студентом первого курса, объявил беспощадную и непримиримую вражду. Уверенный в вечном, общечеловеческом содержании великих произведений литературы и искусства всех эпох, я не питал ни малейшего сомнения в том, что литература и искусство всех эпох не только связаны нитью духовной преемственности, но и в том, что они образуют единое нераздельное целое. И ценность их составляет отнюдь не то, что они выражают интересы, идеи и настроения различных, сменяющих друг друга, классов и классовых «прослоек», а то, что в них запечатлены результаты наивысших этических и эстетических исканий и идеалов человечества, его представления о Красоте и Правде природы, общественной и личной жизни, незыблемые для нас, как и для людей *всех* исторических эпох, прошлых и будущих.

Так как я еще из школы знал немецкий язык, наша преподавательница немецкого языка, мать моего школьного товарища Коли Рёдера,¹⁴ освободила меня от посещения занятий нашего курса по немецкому языку. И, вернувшись вечером домой, в свободные часы я читал первые тома сочинений Маркса и Энгельса, которые убедили меня в том, что их взгляды на культуру и искусство не имели ничего общего с той вульгарной социологией, которая составляла главное содержание лекций, которые нам читали в университете. Позднее постепенно я стал излагать свои мысли по этому поводу на бумаге, и из них к 1934—1935 годам выросла рукопись в 200 страниц,¹⁵ которую переписали на машинке я сам и моя мама, пожертвовавшая для этого теми немногими часами, которые оставались у нее свободными после службы и бесконечных домашних хлопот. Свои мысли я по ходу работы излагал Яше, Анке, Шуре Выгодскому, Ляле и другим университетским друзьям, постепенно «заразив» их своими еретическими взглядами и своим энтузиазмом.

В это время мы уже все чаще начали встречаться вне стен университета. Наиболее часто это происходило у Ляли. Жила она в центре города на Невском, на углу Казанской.¹⁶ Выросла она в Москве, в дворянской семье. Ее отец, Игорь Владимирович Ильинский,¹⁷ до революции был адвокатом, а позднее одно время директором усадьбы и дома-музея Толстого в Ясной Поляне, а затем — в Литературном музее, у В. Д. Бонч-Бруевича. Он был дружен с С. Л. и А. Л. Толстыми,¹⁸ го-

стил при жизни их отца в имении и оставил об этом свои (краткие) мемуары.¹⁹ Вместе с С. Л. Толстым он напечатал в одном из изданий Яснополянского музея статью о романсе «Ключ», который любили Толстой и его семья.²⁰ Решающую роль в его нелегкой судьбе сыграла написанная им в первые послереволюционные годы поэма «Товарищ Маркс».²¹ В ней Игорь Владимирович описал приезд Маркса в большевистскую Россию и то глубокое разочарование, которое она у него вызвала. Сохранился ли хоть один список этой поэмы, я не знаю. Но за чтение ее в узком кругу своих ближайших друзей (в том числе родных Л. Н. Толстого) Игорь Владимирович в советское время многократно ссылался в Соловки,²² затем освобождался по ходатайству С. Л. Толстого и другого своего близкого друга писателя А. Н. Толстого²³ — и снова попадал в те же Соловки, где он сгинул в 1937 году. Познакомился я с Игорем Владимировичем в 1935 году и подробнее расскажу о нем дальше.²⁴

Матерью Ляли была замечательная русская женщина — Софья Григорьевна Ильинская. Как многие молодые русские девушки, выросшие в царское время и рвавшиеся к знанию, она получила медицинское образование в Швейцарии, в Лозанне. В 20-е и 30-е годы она была санитарным врачом Киевского района Москвы и ежедневно по будним дням обходила свой район, где все ее хорошо знали и любили.²⁵ В отличие от своего мужа, она происходила из московской купеческой семьи. Мать ее, одинокая, необщительная, озлобленная старуха, жила в квартире Софьи Григорьевны своей независимой жизнью.²⁶ Первым мужем Софьи Григорьевны был Н. И. Курсанов, а сыном ее от первого брака — известный химик, член-корреспондент Академии Наук Д. Н. Курсанов.²⁷ Ляля была ее дочерью от второго брака. Выросла Ляля «дичком», так как отец ее находился в это время в Соловках, а мать все свободное время была занята хлопотами об его освобождении.²⁸ Несколько раз она ездила к нему, поэтому Ляля в ранние годы была в значительном мере предоставлена самой себе. Некоторые из них она провела в Дмитрове — у сестры отца, тети Кисы,²⁹ не имевшей из-за своего дворянского происхождения права въезда в Москву. Там же жили и другие родственники Ляли по отцу — Голицыны, Бакунины, Тургеневы и другие.³⁰ Жизнь там была голодная. В Дмитрове Ляля много времени проводила в старинных заброшенных церквях и монастырях, то сидя за книгой, то мечтая и воображая себя мальчишкой, сорви-головой, или бегая по различным переходам и лестницам, а то и смело взбираясь на монастырские стены и башни.

В 16 лет ее впервые отправили летом в Крым. Там она встретилась с тремя неразлучными друзьями, в то время студентами-медиками, и влюбилась, по-видимому, сразу в двух из них.³¹ После некоторых колебаний она вышла замуж за одного из этих молодых людей — Гавриила Сергеевича Стрелина (Ганю), сына симферопольского профессора-ботаника,³² хотя позднее она считала, что настоящей первой любовью

ее был его товарищ, биолог Г. С. Филиппов, рано умерший от туберкулеза.³³ Г. С. Стрелин (в годы нашей дружбы с Лялей он работал в Ленинграде в Военно-медицинской академии, а позднее в ВИЭМ,³⁴ став членом-корреспондентом Академии медицинских наук) был дружен с выдающимися ленинградскими биологами Дмитрием Николаевичем Насоновым и его женой Софьей Николаевной³⁵ и Владимиром (Веньямином) Яковлевичем Александровым.³⁶ Они, а также жившие вместе с Лялей и Ганей мать Гани Марья Александровна, ее дочь «Муха» (Александра Сергеевна) и ее муж — профессор Планово-экономического института Н. И. Виноградов³⁷ и ближайший друг семьи Стрелиных «дядя Гриша»³⁸ (один из основателей и могикиан Ленинградского рентгенологического института, фотография которого ныне находится в центре украшающей один из коридоров этого института фотовитрины его основателей в Песочной) были постоянными участниками наших дружеских вечеров в 30-е годы в ленинградской квартире Стрелиных на Невском, 25.

Неизменной царицей этих вечеров была Ляля. Обладая исключительно богатым воображением, она обладала блестящим талантом рассказчицы³⁹ и умела завладеть всеобщим вниманием и очаровать всех участников этих вечеров. В доме Стрелиных ее необыкновенно любили, а мы — ее товарищи по университету — преклонялись перед нею и были в нее все поголовно влюблены. Ляля была блестяще образована, говорила свободно по-русски и по-французски, а ее лицо, задумчивый взгляд и улыбка отличались необыкновенным очарованием. Постоянно оживленная и готовая на всевозможные выдумки...

¹ Ленинградский институт истории, философии и лингвистики, существовавший с 1931 по 1937 г.; он был выделен из ЛГУ и впоследствии снова с ним слит. Фридлиндер учился в нем с 1932 г.

² Отец — Михаил-Александр Васильевич (Вильгельмович) Фридлиндер (1879—1942), инженер-энергетик. См. о нем: «Трудармеец Фридлиндер, Г. М.». С. 445—446.

³ В 1932—1933 гг. в СССР была проведена паспортная реформа, в ходе которой выдавались паспорта с записью о национальности, определявшей по свидетельству о рождении. В семье Фридлиндеров отец и сыновья были записаны немцами по свидетельствам евангелическо-лютеранской консистории. В итоге оба сына пострадали от репрессий: старший, А. М. Фридлиндер (1910—1938), был расстрелян как «немецкий шпион», младший, Г. М. Фридлиндер, выслан в 1942 г. как немец в Коми АССР. См.: Там же. С. 443—456.

⁴ О Я. Л. Бабушкине, жене Ильинской, см. с. 490; в письмах она постоянно упоминает о нем. *Тамарченко Анна (Анка) Владимировна* (1915—2015) — выпускница ЛГУ (1937), дочь художника В. В. Эмме (1875—1920), жена Григория Евсеевича Тамарченко (1913—2000). О супругах Тамарченко см. письмо 26 и примеч.

⁵ *Яковлев Михаил Алексеевич* (1886—1940) — преподаватель ленинградских вузов, автор работ по истории русской литературы и драматургии.

⁶ По-видимому, имеется в виду преподаватель ЛИФЛИ А. А. Аникин, один из авторов «Рабочей книги по литературе» (М.: Л., 1931), изданной для ФЗУ «на базе

пятилетки» и, другим выпуском, «на базе семилетки»; в 1935 г. он был выслан из Ленинграда. Летом-осенью 1933 г. ОГПУ провело кампанию против гомосексуалистов, выявленных и среди преподавателей ленинградских вузов (об этой кампании упоминается далее в воспоминаниях Фридендера).

⁷ *Бухаркин Виктор Иванович* (1898–1938) — преподаватель западноевропейских литератур ЛГУ и ЛИФЛИ в 1930–1935 гг., ученый хранитель ИРЛИ, арестован в январе 1935 г. по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной зинovieвской группе», расстрелян в 1938 г. Письма более позднего времени членов его семьи сохранились в архиве Г. М. Фридендера.

⁸ *Смирнов Александр Александрович* (1883–1962) — доктор филол. наук (1937), профессор ЛГУ, шекспировед, критик, переводчик.

⁹ *Розанова Сусанна Абрамовна*, урожд. *Альтерман* (1915–2002) — выпускница ЛГУ (1937), канд. филол. наук (1940), до войны преподаватель Высшей школы НКВД в Могилеве, член ВКП(б) (1943), участница Великой Отечественной войны (демобилизована в звании майор), референт отдела культуры Совета военной администрации в Германии (1945–1949), член Союза писателей СССР, участник издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, автор книг о нем, редактор издательства «Художественная литература». См. о ней в письмах Ильинской и примеч.

¹⁰ *Выгодский Александр Гаврилович* (1915–1941), Шура — выпускник романо-германского отделения ЛГУ (1938), в соавторстве с Г. М. Фридендером написал комментарий к сборнику К. Маркса и Ф. Энгельса «Об искусстве», вышедшему под редакцией М. А. Лифшица (с его же вступ. статьей) двумя изданиями в 1937 и 1938 гг.; впоследствии был переработан в двухтомник и издан в 1957–1958 гг. Ушел на фронт добровольцем (политрук роты), хотя как сотрудник Ленинградского радиокомитета имел бронь, и пропал без вести в октябре 1941 г. В письмах, отправленных Фридендеру в Архангельск, Ильинская постоянно вспоминала Шуру, которого «видела в Москве перед его отъездом дальше»: «Был он замечательно милый, мужественный и спокойный» (14 сент. 1941 г.); «...как он приходил в Ленинграде, снимая калоши у двери, входил вразвалочку, садился у печки, и начинались чудесные разговоры, от которых в памяти ни слова не осталось, а чувство дружбы, уважения и огромной близости. <...> Милый, какой он нескладный был в форме, сконфуженный, с добрыми, умными глазами» (12 дек. 1941); «...каждая страница Шекспира полна Шурой. Никогда я не думала, что он мне столько дал для литературы» (18 апр. 1942 г.). По воспоминаниям Г. Е. Тамарченко, «Шура беспредельно светился какой-то особой деликатностью. Он был чрезвычайно умен, имел свои собственные убеждения по самым острым вопросам современной жизни, но воздерживался от слишком категорических суждений» (*Тамарченко Г. Е. Судьба одного семейства*. С. 69).

¹¹ *Римский-Корсаков Всеволод Андреевич* (1914–1942), Воля — выпускник романо-германского отделения ЛГУ (1937), переводчик, внук композитора; умер от голода в блокадном Ленинграде. «Большим утешением для всех нас, — писал Г. Е. Тамарченко, — был Воля Римский-Корсаков. Этого высокого роста ребенка всегда хотелось погладить» (Там же. С. 69). «Такой он был подслеповатый, рассеянный, какой-то не защищенный от жизни», — писала Ильинская Фридендеру 18 апр. 1942 г. См.: «Трудармеец Фридендер, Г. М.». С. 452.

¹² *Дьяконова Нина Яковлевна*, урожд. *Магазинер* (1915–2013) — выпускница ЛГУ (1937), специалист в области английской литературы, профессор ЛГУ и ЛГПИ, жена Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999), многолетнего сотрудника Эрмитажа, историка-востоковеда, доктора ист. наук.

¹³ См. во вступ. статье, с. 483.

¹⁴ Лица неустановленные. Г. М. Фридендер учился в ленинградской Петришулле в 1924—1931 гг.

¹⁵ Об этом «трактате» см. во вступ. статье, с. 483. Прочитав первую его редакцию, М. А. Лифшиц обстоятельно ответил Фридендеру. По его замечаниям она была переработана и в таком виде сохранилась в архиве Фридендера. Впоследствии «трактат» был использован при работе над комментариями к сборнику «Об искусстве» Маркса и Энгельса (см. выше).

¹⁶ Описание встреч университетских товарищей на квартире Стрелиных, где жила Ильинская, см.: *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства. С. 60—61. И. Е. Верцман, в одном из писем с фронта к Фридендеру, назвал эти собрания «салоном Ляли».

¹⁷ Об И. В. Ильинском см. во вступ. статье, с. 481—482.

¹⁸ *Толстой Сергей Львович* (1863—1947) — старший сын Л. Н. Толстого, композитор, музыкальный этнограф; *Толстая Александра Львовна* (1884—1979) — младшая дочь Л. Н. Толстого, мемуаристка, общественная деятельница, основательница и первая руководительница музея Ясная Поляна. В мемуарах «Дочь» (1979) А. Л. Толстая назвала работавшего ее заместителем И. В. Ильинского своим другом.

¹⁹ Ильинский познакомился с Л. Н. Толстым в 1898 г., будучи еще гимназистом. См.: *Ильинский И. В.* Мои поездки в Ясную Поляну: (Из юношеских воспоминаний) // Толстой: Памятники творчества и жизни. М., 1923. [Вып.] 4. С. 88—130.

²⁰ См.: *Ильинский И. В., Толстой С. Л.* Квартет «Ключ» в романе «Война и мир» // Звенья. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 618—628.

²¹ О поэме Ильинского см. во вступ. статье, с. 482.

²² И. В. Ильинский на Соловки был сослан летом 1925 г. и в том же году по ходатайству Е. П. Пешковой, к которой обратилась его жена, отправлен в Бутырки, а вскоре и выпущен оттуда.

²³ С писателем Алексеем Николаевичем Толстым (1883—1945) И. В. Ильинский был в большом дружбе. В 1932 г. Толстой намеревался передать ему, в ответ на его просьбу, свой творческий архив (см.: *Толстой А. Н.* Письма разных лет // Вопросы литературы. 1983. № 1. С. 116). О том, как он «выцарапал» Ильинского из тюрьмы через Горького, писал В. И. Вернадский в 1936 г. сыну Г. В. Вернадскому (Минувшее: Ист. альм. СПб., 1998. Вып. 23. С. 341).

²⁴ Записей об И. В. Ильинском в архиве Фридендера не сохранилось.

²⁵ В дневнике В. И. Вернадского (запись от 9 дек. 1938 г.) есть упоминание о работе С. Г. Ильинской: «...жена Игоря была у секретаря Ежова. Он принял ее очень любезно, говорил глав<ным> обр<азом> о ней — она ударница и работн<ица>, премированная и распремированная. Когда она сказала, что больше года не знает ничего о муже, он сказал примерно: “Вы не беспокойтесь, работайте — если он умрет — Вы получите извещение”» (*Вернадский В. И.* Дневники, 1935—1941: Кн. 1. С. 347).

²⁶ По воспоминаниям С. М. Голицына, с Ильинскими жила мать Игоря Владимировича — «необыкновенно уютная, впавшая в детство старушка» (*Голицын С. М.* Записки уцелевшего. С. 287).

²⁷ Курсановы оставили заметный след в русской науке XX в. *Николай Иванович Курсанов* (1874—1921) — химик-органик, профессор кафедры аналитической и органической химии Московского университета, его брат *Лев Иванович* (1877—1954) — ботаник, организатор кафедры низших растений Московского университета, в честь которого на биофаке проводятся ежегодные Курсановские чтения. Их дети — *Дмитрий Николаевич Курсанов* (1899—1983), химик-органик, чл.-корр. АН СССР (1953), лауреат Ленинской премии (1963), и *Андрей Львович Курсанов*

(1902–1999), физиолог и биохимик, акад. ВАСХНИЛ, Герой социалистического труда.

²⁸ По-видимому, имеется в виду период тюрем и ссылок И. В. Ильинского 1922–1925 гг. — см. во вступ. статье, с. 481.

²⁹ *Киса* — домашнее прозвище Екатерины Владимировны Ильинской (1882–1962), которой в юности пророчили карьеру певицы; учительница музыки. Сослана в Сибирь как баптистка в 1931 г. (см. упоминание о ней как об «евангелистке» в письме 17), освобождена в 1933 г. С помощью Е. П. Пешковой и Политического Красного Креста пыталась выехать к сестре Н. В. Вернадской в США; с 1940 г. жила в семье В. И. Вернадского; скончалась в Тарусе.

³⁰ Об этом периоде в жизни Ильинской см. во вступ. статье, с. 482–483. Голицыны, упоминаемые Фридлендером, были не родственниками, а друзьями Ильинской — это дети кн. М. В. Голицына (1873–1942) С. М. Голицына и М. М. Голицына (1911–1988), впоследствии жена В. С. Веселовского, подруга Ильинской. О родственных связях Ильинской с Бакуниными и Тургеневыми см. во вступ. статье, с. 481, а также письмо 11 и примеч. 2.

³¹ Имеются в виду Г. С. Стрелин и Г. С. Филиппов (см. ниже), а также В. Я. Александров (см. письмо 20, примеч. 5).

³² *Стрелин Гавриил Сергеевич* (1905–1992) — эмбриолог, гистолог и радиолог, чл.-корр. АМН СССР (1965); его отец Сергей Львович Стрелин (1875–1943) — миколог, сотрудник Салгирской опытной станции в Крыму в 1916–1925 (директор с 1921 г.), зав. сектора фитопатологии с 1925 г., профессор Симферопольского сельскохозяйственного института. Стрелины были родом из Харькова (в анкетах указывалось: из мещан), в 1910–1914 гг. жили в Берне, где стажировался С. Л. Стрелин, с 1916 г. — в Крыму.

³³ *Филиппов Григорий Семенович* (1898 или 1900–1933) — генетик, миколог, рентгенолог, аспирант Государственного рентгенологического и радиологического института (1929), сотрудник Микробиологической лаборатории АН СССР (1930–1933), умер от туберкулеза. «Гришину смерть» как одно из своих самых сильных потрясений Ильинская упоминала в письме к Фридлендеру в Архангельск от 12 дек. 1941 г. 3–6 марта 1942 г. она вновь упомянула его в связи с желанием «написать книгу о Грише Филиппове».

³⁴ *ВИЭМ* — Институт экспериментальной медицины (С.-Петербург), ранее Всесоюзный институт экспериментальной медицины АМН СССР. Основным местом работы Г. С. Стрелина был Центральный научно-исследовательский рентгено-радиологический институт (зав. лабораторией экспериментальной гистологии, с 1963 г. зам. директора по науч. работе); ныне Российский научный центр радиологии и хирургических технологий (С.-Петербург). До войны Г. С. Стрелин — преподаватель Военно-медицинской академии, в анкете его сестры А. С. Стрелиной указана категория, соответствующая старшему начальствующему составу («комсостав КА»).

³⁵ *Насонов Дмитрий Николаевич* (1895–1957) — цитофизиолог, лауреат Сталинской премии (1943), чл.-корр. АН СССР (1943), акад. АМН СССР (1945), директор ИЭМ АМН СССР (1948–1950), первый директор Института цитологии РАН; жена (с 1924 г.) Софья Николаевна Насонова, урожд. Михайлова, биолог. См. письмо 20 и примеч. 5.

³⁶ О В. Я. Александрове см. там же.

³⁷ Члены семьи Г. С. Стрелина: мать *Мария Александровна Стрелина* (1876–1942); сестра *Александра Сергеевна Стрелина* (1903 — после 1951), по образованию юрист, библиотекарь Украинского института марксизма-ленинизма в Харькове (с 1929 г.) и БАН в Ленинграде (1932–1951); ее домашнее прозвище было не Муха,

а Кошка; муж Стрелиной (с 1925 г.) *Николай Иванович Виноградов* (1898 — после 1951), инженер-электрик, доцент Ленинградского планового института. 14 июля 1942 г. Ильинская писала Фридлиндеру о смерти М. А. Стрелиной в Самарканде: «Не могу без слез вспомнить ее стоптанные туфли, старый берет, суетливое и нескладное хозяйство. Я много с ней ссорилась, но теперь это отошло, а остались только важные и трогательные воспоминания о ее постоянном самопожертвовании ради “детей”, к которым относилась и я, несмотря на то что я сделала столько зла Гане. <...> Душенька моя! Она вспоминала меня перед смертью: “Лявущка наша родная”. К сожалению, нет “того света”, где я могла бы отблагодарить ее за всё — и за ласку, и за вкусные кусочки, которые она мне приберегала, и за штопанные чулки, и за эти предсмертные слова».

³⁸ *Дядя Гриша* — лицо неустановленное (возможно, Фридлиндер перепутал имя); Ленинградский рентгенологический институт в Песочной (пригород Петербурга) — см. примеч. 34.

³⁹ В письмах Ильинской к Фридлиндеру постоянно встречаются эпизоды, свидетельствующие об исключительности ее дара рассказчицы; например, о дороге из Москвы в Иркутск: «Ехала я долго одна. <...> И столько со мной ехало милых, очень одиноких и печальных женщин, что как-то легко было забыть о себе. Я им всю дорогу рассказывала Мериме, Стивенсона, Диккенса, собственные изобретения и к Свердловску осталась совсем без голоса» (14 сент. 1941 г.).

II. ПИСЬМА О. И. ИЛЬИНСКОЙ К Г. М. ФРИДЛЕНДЕРУ

1. <19 августа 1942 г. Иркутск>

Родной мой, получила это письмо на розовой бумажке — такое не розовое.¹ Эх, Юра, много нам с тобой попадало по голове и по иным частям тела. Такова русская судьба. <Пушкин> вздыхал: «Черт угадал меня родиться...»² И, однако же, он за любое счастье не согласился бы родиться даже и в раю. Будем и мы, как полагается русским, упрямы и «романтичны». Я знаю тебя и верю в тебя. Если я могу не «обижаться», то ты тем паче. Ты ведь умный, ты мой старшой. Это сибиряку обижаться позволительно, который от брюха живет. Ты думаешь, я не понимаю, как тебе горько, одиноко и страшно? Ты мой брат, и я с тобой всё это переживаю, тем более что наши судьбы во многом совпадают. И за тебя мне спокойно. Но все-таки ни писать, ни думать о том, что ты сомневаешься в значимости и истинности твоего, нашего юношеского «романтического» периода — позволять себе нельзя. Конечно, во всем этом, особенно до окончания института, было немного Лапуты,³ такая отдаленность от эмпирии, высота птичьего полета (и жизнь нас поправила, и Мих<аил> Ал<ександрович> тоже со своей «резиньцой» — впрочем, его поправка тоже была «с высоты птичьего полета»),⁴ но суть остается, и ты имеешь законное право гордиться и той твоей работой об искусстве.⁵ Ну, на худой конец, надо вспомнить о том, что тебе было очень немного лет, когда ты в духовном смысле создал Яшку⁶ (а это, честное слово, неплохо) и помог вырасти Шуре.⁷ Можешь

помянуть и меня, хотя это и не столь большая заслуга — испечь такую меня. Все эти твои друзья, которые стольким тебе обязаны, — доказательство того, насколько реальны и жизненны были твои мысли. Отчего «были»? что изменилось? Ну, вот что я тебе скажу. Мне лично твоя закваска поможет перенести всё самое тяжелое и трагическое, если только я останусь жива. Потому что как бы ни затягивалась «предыстория», какие бы поправки ни вносились, будущее человечество будет таким, как мы мечтали. <...> И мы не одни. У нас обязательства перед Шурой и, вероятно, перед Яшей. От него нет и всё нет писем уже 2 месяца и 8 дней. <...> И перед Волей.⁸ И перед тысячами, которые «на земле свое не долюбили».⁹ Твоя судьба, может быть, самая трудная, и что я могу тебе написать из своего Иркутска, где я пока более или менее сыта, где у меня мать, работа и книги? Я не знаю, что стало бы со мной в твоём положении. Я бы, наверное, плакала и жалела бы себя, но считала бы я, что надо выжить, вытерпеть и не падать духом. Считала бы я, что самое страшное — отчаяние и безразличие. <...>

¹ Речь идет о первом письме Фридендера из лагеря.

² Из письма Пушкина к жене от 18 мая 1836 г. Далее речь идет о его письме к Чаадаеву от 19 окт. 1836 г.: «...ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 117–118, 172).

³ См. во вступ. статье, с. 485.

⁴ О «резиньяции» М. А. Лифшица см. там же.

⁵ Имеется в виду «трактат» Фридендера о воззрениях Маркса и Энгельса на искусство (см. с. 483 и 499, примеч. 15).

⁶ *Яшка* — Я. Л. Бабушкин.

⁷ *Шура* — А. Г. Выгодский.

⁸ *Воля* — В. А. Римский-Корсаков.

⁹ Цитата из поэмы В. В. Маяковского «Про это» (1923).

2. <6 сентября 1942 г. Иркутск>

Драгоценный мой, давно уже получила твое письмо из Коми, но лежала в больнице, где мне брюхо резали, и ответить не могла. Милый брат мой и друг, что и как могу я написать тебе из Иркутска, где я более или менее сыта и живу пока в тепле, среди книг, рядом с мамой? Мне стыдно перед тобой за всё это сравнительное благосостояние, и скажу тебе — кажется, скажу правду, — что я предпочла бы обменяться с тобой местами, чтобы не мучиться беспомощностью, невозможностью хоть немного тебе помочь. На днях, еще в больнице, получила письмо от Изи,¹ которое дало мне надежду, что я все-таки смогу помочь. Ты знаешь, что я от Яши ничего не получаю с 6/VI, а вот Изя, который где-то под Ленинградом, получил 15/VIII. Яша пишет ему: «О Ляльке ты должен знать больше, чем я». И потом об Анжель Морисовне...² «Она

очень болела и очень неохотно собирается уезжать... ее, видно, придется отправить к тебе» (ко мне). Для нас с мамой было бы большим счастьем, если бы она приехала. <...>

Дружок, какие идиотские мысли приходят тебе в голову. Неужели ты думаешь, что есть на свете обстоятельства, которые могли бы поколебать нашу дружбу и мою веру в тебя, в тебя, который сделал из декадентской барышни, кандидатки в Эммы Бовари,³ сознательно советского человека? Ты даже не знаешь, сколько ты сделал для моего внутреннего «я», для моего развития. Ведь если бы не ты и не Яшка, я, вероятно, растранижилась бы в любовных похождениях низкого пошиба и в импровизированных ресторанных развлечениях. Ну, об этом хватит. Только знай и помни, что, кто бы и что о тебе ни сказал и как бы тебя ни назвали, ты останешься для меня единственным всегдашним моим другом Юрой, моим родным умным мальчиком, с которым я вместе страдала, вместе радовалась, вместе думала и буду думать, еще буду. Тем более что мы с тобой уже встречались в жизни с такими «ошибками»,⁴ и на меня меньше, чем на кого бы то ни было, может повлиять перемена твоего адреса. Война, дружок, война. Здесь наши личные качества никем не принимаются во внимание (увы). Единственно, чего я боюсь, — это, что ты заболеешь или так упадешь духом, что у тебя не хватит энергии и силы перетерпеть все трудности до конца войны. До нашей встречи. Ты худой и слабый, но сила воли и здесь помогает. <...> Ведь худенький Яшка с tbc* в прошлом перенес голод лучше, чем многие сильные люди, а твое питание все-таки лучше, чем было у них зимой.⁵ Ну, не мне учить. А вот мне брюхо резали, и хорошо. Если бы не операция, говорит врач, то зимой я, вероятно, сдохла бы, если не от аппендицита, то от заворота кишок. У меня было столько спаек, что операция, которая должна длиться 10 минут, длилась больше часа. И это под местным наркозом, который обезболивает только кожу. Из этой операции я вынесла маленькую гордость, как и из других своих опытов в этом роде. Я могу терпеть, и доктор сказал, что я удивительно терпелива и что только поэтому они меня не усыпили в середине операции. Другие бабы орут и сразу, как только их положат на стол, а я не пищала. Вот так я, да вот так я! Потому что известно, чтобы боль заправляла твоей волей, и разум должен всё мочь. И он у меня мог велеть терпеть. А все-таки это ужасная штука — физическая боль, целая симфония болей. Только и можно спастись, устраивая себе из этого университет. Кажется, что на тебя обрушился Кавказский хребет и давит тебя, и ты сходишь с ума, потому что вот с этой самой минуты уже терпеть нельзя, нет, нельзя. Ведь это же не может быть, это невозможно, чтобы тебе, Ляле, было так больно, так больно. К черту — терпеть! Но ты, другая, говоришь: смотри, смотри, ведь это ты же, та самая, которая любит Шекспира («Измучась всем, не стал бы

* tuberculosis (лат.), т. е. туберкулез.

жить и дня, Да другу будет трудно без меня!»)⁶ и Чайковского, а тебе тянут кишки. Здесь ты даже можешь засмеяться про себя. И ты хочешь думать о Яше, о том, что он храбрый и терпеливый... И, честное слово, я думала о Яше, и всё это было даже немного интересно. А потом женщины рядом со мной в палате дни и ночи говорили о том, как их бросали мужья, и как они бросали мужей, и кто сколько раз был беременен, а мне казалось, как и раньше в больницах, что жизнь — сплошная гинекология. Очень скучно! Я им рассказывала «Вия», и сказки Андерсена, и даже романы Марселя Прево.⁷ Самые интересные люди в больнице — два маленьких мальчика, 6 и 10 лет, с которыми я очень подружилась, и они сидели у меня на постели с утра и до вечера. Я им тоже рассказывала, и рисовала лежа, и вырезала картинки. Очень приятно было им нравиться, потому что в Иркутске почти нет людей, которым стоило бы нравиться и стараться для этого. А как без этого? Понимаешь, для того чтобы нравиться этим женщинам, надо иметь 10 мужей, или убить кого-нибудь, или иметь трех коров. Что-нибудь в этом роде. Не в моих возможностях. <...> Как только выйду — пошлю тебе книги. Хочешь ты Лейбница по-французски? Там есть и «Теодицея», Полемика с Гоббсом⁸ и т. д. Но это, конечно, не единственная книга, которую я тебе собиралась послать. Еще раз целую. Ляля — вспоротый живот.

¹ *Изя — Израиль Ефимович Верцман* (1906–1992), критик и литературовед, канд. филол. наук (1940), перед войной заведовал отделом журнала «Литературный критик», в 1941 г. рядовой московского ополчения, затем корреспондент фронтовой газеты «За Советскую Родину» и военный переводчик, демобилизован в чине капитана, преподаватель различных вузов, редактор издательства «Советская энциклопедия» (1954–1970), автор работ по вопросам идеологии и реализма эпохи Просвещения.

² *Фридлиндер Анжель Морисовна* (1886–1956) — мать Г. М. Фридлиндера; речь идет о планировавшейся эвакуации ее из Ленинграда (не состоялась). См. о ней: «Трудармеец Фридлиндер, Г. М.». С. 444–445.

³ Героиня романа «Госпожа Бовари» (1857) Г. Флобера.

⁴ Речь идет о репрессиях сталинского времени, коснувшихся семей Ильинской и Фридлиндера. Ее слова «как бы тебя ни назвали» относятся к шельмованиям типа «враг народа».

⁵ Ильинская говорит о первой блокадной зиме в Ленинграде. Большое впечатление на нее произвела статья «Я ленинградец» в «Комсомольской правде» от 11 янв. 1942 г., после которой стало «стыдно есть, пить, смеяться» (10 февр. 1942 г.). Письма же Яши Бабушкина, возможно, по соображениям идеологического характера, приносили ей иные новости из Ленинграда: «26/XII <...> пишет: “Мы, кажется, пересидели блокаду. Уже последние дни стало легче”» (22 янв. 1942); «Пишет, что стало заметно лучше во всех отношениях. Тон оптимистический, как всегда» (22 марта 1942 г.).

⁶ Из сонета 66 Шекспира, пер. Б. Л. Пастернака.

⁷ *Прево Эжен Марсель* (1862–1941) — французский писатель и драматург.

⁸ Именуются в виду «Опыты теодицеи» (1710) и письма к Т. Гоббсу (1670–1674) немецкого философа Г. В. Лейбница (1642–1716).

3. <9 сентября 1942 г. Иркутск>

<...> Я всё больше лежу. Так мне врачи раскопали всё нутро, что даже комнату не могу подмести. Начинает болеть спина. Читаю Вальтер Скотта в больших и ненужных количествах, а также папашу Гюго, старого крикуна, о котором мне опять велят писать наперекор стихиям. Вот уж «смейся, паяц»...¹ Очень соскучилась о студентах. Мечтаю опять «сеять разумное, доброе, вечное». Теперь это у меня — род недуга. Недавно прочитала где-то, что «стремление поучать — обязательный спутник невежества».² И очень обиделась. Уж это прямо на меня намек. Прости за болтовню. Ведь не писать же о том, что на душе пакостно, что будущее туманно, что газеты мрачные? Сейчас вернулись из Бакарицы³ два моих письма к тебе, целые сочинения на мировые темы с изложением доступной мне философии жизни. Может быть, и хорошо, что ты их не получил. Буду писать очень часто, милый, милый брат мой. Но если письма будут малоинтересные, не сетуй. Всё время мысленно с тобой. Целую тебя. Крепись. Л.

¹ «Смейся, паяц, над разбитой любовью...» — цитата из арии Канио, опера «Паяцы» (1892) Р. Леонкавалло (1857—1919).

² Источник цитаты не известен.

³ *Бакарица* — пригород Архангельска, где с февраля 1942 г. служил рядовой строительного батальона Г. М. Фридендер; в конце июля был выслан в Коми АССР (см.: «Трудармеец Фридендер, Г. М.». С. 447—449).

4. <22 сентября 1942 г. Иркутск>

<...> Я ездила в город 19-го и предприняла шаги, чтобы переслать тебе книги. Говорила об этом с Марком Константиновичем Азадовским,¹ и он обещал с жаром достать всё, что тебе нужно. Купить нельзя. Единственный букинистический магазин стоит пустой. Марк Константинович говорил о тебе с большой доброжелательностью и сказал: «Это самый талантливый человек из всех известных мне ленинградских аспирантов. Вот если бы мы могли передать ему курс русской литературы, то я был бы спокоен». Конечно, ничего для того, чтобы осуществить это, он сделать не может. Так что я получила платоническое удовольствие от похвалы тебе. Мне он настойчиво предлагает защитить диссертацию. Защитить на мою тему в Иркутске нельзя.² Ни в Иркутске, ни в Томске нет подходящих книг. Надо выбирать другую тему, но та, которую предложил Азадовский, привела меня в ужас. <...> Тема: «Золя в “Вестнике Европы”».³ Бог мой, об этом и статьи-то в лист не напишешь! Какие тут вопросы? 1) Причины популярности Zola в России в 70-е гг. 2) Отношение к творчеству Zola Салтыкова.⁴ Еще что? Тема эта не только провалит любую мою работу, но и ни одной лекции моей не выдержит, настолько представление об интересном и научном в ней расходится с моим.

Что NN знает о тебе? Твою статью о Гегеле⁵ он не очень хвалит, да, кажется, она и действительно не была уж очень хорошей. Может быть, он говорит о тебе со слов Вас Вас'а?⁶ Лукача⁷ он за человека не считает, но весьма уважает болтушку Реизова.⁸ «Москвичи» у него слово ругательное, но, кажется, он имеет в виду Нусинова⁹ и К⁰. В качестве руководителя обещают мне акад. Белецкого,¹⁰ а я о нем ничего не знаю по моей дикости. Кроме того, что он академик. Так защищать? Как ты скажешь? Но я не смогу написать так, что понравлюсь Белецкому. Конечно, на всё это следует смотреть *только* как на чисто практическую необходимость. И всё же писать нечто вполне бессодержательно академическое я не могу.

Начала писать тебе только оттого, что меня томит почти такое же одиночество, как и тебя. <...> Яшка! Знаешь, я дошла до нелепости, до полной нелепости. До письма от Изи я думала, что Яша болен или погиб, и это было ужасно, а теперь я его ревную. С отвращением к себе самой должна признаться, что это еще хуже, чем беспокойство. Я знаю, что это такая идея. В Ленинграде сейчас... И кто же? Яшка. Ведь это не подходит ему. Но все-таки я ревную, шут знает к кому и шут знает почему. <...>

Кажется, что все меня забыли, и никто, кроме тебя, друг, не выдержал проверки временем и разлукой. Прости, что я тебе жалуясь. Тебе вот действительно плохо. Но уж если писать о себе, то как уж не писать обо всем этом? С Сус дело обстоит серьезнее.¹¹ В ее последнем письме сообщается, что она уезжает, и всё. А дальше — молчание, писем нет. До этого она писала очень часто. У меня на стене висит ее ужасная фотография, которую она мне прислала весной, но все-таки это Сус, а тебя у меня нет. Я оставила в Москве. Пиши, милый, родной. Я хочу посылать тебе денег. Но до октября их у меня не будет. Тебе нужна теплая одежда. Как же с этим быть? Целую тебя, Юра. Ляля.

¹ Азадовский Марк Константинович (1888–1954) — филолог, фольклорист, этнограф, профессор ЛИФЛИ и ЛГУ (с 1938 г.), сотрудник ИРЛИ; в 1942–1945 гг. профессор Иркутского университета.

² Диссертация, над которой Ильинская начала работу в аспирантуре еще до войны, была связана с творчеством французского писателя Эмиля Золя (1840–1902).

³ Фридендер, как это видно из последующих писем Ильинской, горячо поддержал инициативу Азадовского. В довоенное время вышли работы о Золя М. К. Клемана (1897–1942), обнаруживающие значительную историко-литературную глубину предложенной Азадовским тематики. Диссертации на тему «Эмиль Золя в «Вестнике Европы»» так и не появилось.

⁴ Речь идет о М. Е. Салтыкове-Щедрине (1826–1889).

⁵ Статьи Фридендера, о которой говорит Ильинская, обнаружить не удалось.

⁶ Ильинская называет университетское прозвище научного сотрудника ИРЛИ РАН, профессора ЛГУ Василия Васильевича Гиппиуса (1890–1942), который руководил работой Г. М. Фридендера в аспирантуре ЛГУ в 1938–1940 гг. В архиве сохранилось его письмо с отрицательной оценкой диссертации Фридендера о «Войне и мире».

⁷ Лукач Дьёрдь (Георг) (1885—1971) — венгерский философ, эстетик, литературовед, один из крупнейших теоретиков современного марксизма; научный сотрудник Института философии АН СССР (1933—1945), единомышленник М. А. Лифшица в борьбе против формализма и вульгарного социологизма, деятель Венгерской народной республики (с 1945 г.).

⁸ Реизов Борис Георгиевич (1902—1981) — филолог, профессор ЛГУ, лауреат Государственной премии СССР (1974), чл.-корр. АН СССР (1970), специалист по истории европейских литератур XVIII—XIX вв.

⁹ Нусинов Исаак Маркович (1889—1950) — литературный критик и литературовед, исследователь русской и еврейской литературы, в 1930-е гг. сторонник вульгарного социологизма, полемизировавший с Лукачом и Лифшицем.

¹⁰ Белецкий Александр Иванович (1884—1961) — филолог, акад. АН УССР (1939), АН СССР (1958); во время эвакуации находился в Томске.

¹¹ Сус — военная переводчица, младший лейтенант С. А. Альтерман (Розанова), была отправлена под Сталинград.

5. <13 октября 1942 г. Иркутск>

Дорогой мой Юра, уже давно не получаю от тебя известий и страшно беспокоюсь. Ради бога, напиши скорее о своем здоровье и жизни. Псылаю тебе бумагу и марки. Получаешь ли ты письма от друзей? Сусанна послала тебе длинное письмо. Она теперь около Сталинграда, в настоящей боевой обстановке. Работы у нее много, и она удивительно интересно пишет о своих встречах и впечатлениях. Молодец наша Сус. От Яши я получила наконец телеграмму, которая заставила меня много плакать. В телеграмме: «Жив. Здоров. Работаю по-старому. Целую. Писать не могу. Твой Яша». Я два месяца, нет, четыре думала, что он погиб или болен, а он «просто» не мог писать, так же как не мог писать и в Москву по целым месяцам. Ты знаешь, что сейчас отношения с далекими родными людьми особенно дороги. Их идеализируешь. Это самое дорогое и ценное, что у нас есть. Мне и казалось всё до последнего времени (до Изиного письма), что если Яшка жив, то он думает и беспокоится обо мне, и оба мы не одни на свете. И вдруг «писать не могу» — старая его жесткость и бессердечие по отношению к близким. Что уж тут говорить о любви и заботе. Теперь я переплакала это горе и стараюсь жить настоящим, не мечтая о встрече и о том, что где-то и у меня есть свой кровно-близкий, «мой мужик», как говорят здесь женщины. <...>

Работа моя, эта чудесная работа, опять началась, и вокруг меня всё время молодежь самых разных возрастов, очень сердечная, ласковая и внимательная ко мне. Я говорю «разных возрастов», потому что ко мне теперь ходят и маленькие дети — мальчик Петя 10-и лет и его сестричка 6-и лет. Я ему достаю книги и разговариваю с ними. Мы друзья. Девочке я сшила куклу — первую в ее жизни. Кроме того, и это моя большая радость, по воскресеньям у меня собираются 5 школьников 8—9 классов, чудесные мальчишки, пытливые, начитанные, доверчивые, как собаки юношеского возраста. Из них я, с благословения заву-

ча их школы, организовала историко-литературный кружок. На днях университет должен взять шефство над этим кружком и планово снабжать нас книгами. Пока я вожу им книги на своей спине из города. Мы занимаемся сейчас греческой трагедией, и им это очень нравится — делать доклады и спорить. Похоже на игру. Конечно, я всю стараюсь вырвать их из мещанской провинциальной ограниченности, сделать их всемирно-историческими мальчишками, мыслящими человечками, а не хозяйчиками и ненавистниками рода людского, как здесь принято. Здесь и дети «кулачки» — вот беда! Очень меня это увлекает, но боюсь я как-то, когда вижу вокруг себя их оживленные лица и жадные до мысли и знаний глаза. Такая тонкая штука — человек, и прикасаться к нему, особенно в юности, надо осторожно, чтобы он не чувствовал опеки и презрительного руководства. Пока мы друзья и равные. Со студентами всё по-старому, только в пединституте такой мороз, что девушкам не до литературы. Часто я прихожу в отчаяние, т. к. вижу на лекциях их красные носы и бессмысленные глаза. Всё это от холода. В университете теплей, и головы живей работают. Сейчас с моим любимым курсом мы плывем по волнам Просвещения, и они так же, как и я, немного влюблены в Фильдинга и Смолетта.¹ <...> Стыдно признаться, почему я до сих пор не исполнила твоей просьбы относительно книг. Я узнала, где можно закупить нужные книги, но у меня нет денег. Я с июня не получала зарплаты, и богатство мое определяется 300 руб. долгу, который набирался по десяткам на каждый день. 15-го должна получить деньги, и тогда сразу пошлю. Не вини меня, я знаю, как тебе это нужно, и сделаю обязательно. Целую тебя, родной. Ляля.

¹ Английские писатели, романисты Г. Фильдинг (1707—1754) и Т. Дж. Смолетт (1721—1771).

6. <22 октября 1942 г. Иркутск>

Родной мой, наконец, получила от тебя письмо и, насколько возможно, благополучное. Конечно, я поговорю с NN,¹ но ведь он человек честный только «по мере возможности». Если он найдет, что может дать отзыв без ущерба для себя, то даст, а если, с его точки зрения, это окажется для него хоть мало-мальски неудобно, то уклонится. Но пристану я крепко и постараюсь сделать так, чтобы уклониться, сохраняя внешнюю благопристойность, для него оказалось невозможным. Может быть, это и поможет.

Нет, дружок, такую тему диссертации я не взяла.² <...> Может быть, тема, которую я выбрала, меньше тебе понравится, но как есть так есть. Вот она: «Просветительские традиции в творчестве Гюго». Я хочу показать, во что превращается противоречие частного человека и гражданина у романтиков. Помнишь, я много возилась в Москве с одной штукой у Гюго? С его контрастами вечно человеческого и историческо-

го, с обязательными «подвигами» его героев, которые, как скорлупу ореха, сбрасывают с себя «влияние среды» — и, оголившись до полного ничего, помирают, потому что этакому «вечно человеческому» бесплотному ангелу на земле больше нечего делать. Я находила эту историю и во всех его антитезах: «Она была больше, чем королева. Она была женщина»;³ «Он стал больше, чем дворянин, — он стал Человеком»⁴ etc. etc. Революционер Симурден — Симурден друг, Марион де Лорм куртизанка — любящая женщина, шут Трибулэ — Трибулэ отец.⁵ Несть им числа и края, и начало их еще в предисловии к «Кромвелю».⁶ «Человек — это полу-зверь, полу-ангел».⁷ Это не деталь, а основная тема, и если ты вспомнишь «Отверженных», то ты увидишь, что весь роман строится по обычной схеме: герой совершает «хождение по мукам» и с каждой ступенью сбрасывает с себя определенную «социальную», что ли, оболочку, одну за другой всякие «ограниченности», всякие корыстные заинтересованности. Вспомни подвиг почтенного мэра — Жана Вальжана, потом еще несколько раз, вплоть до отказа от Козеты, и тогда «это был уже не человек. Это был ангел».⁸ И Жан Вальжан умирает. Или в «93 году» маркиз, который спасает детей *крестьянки*, жертвуя своей жизнью.⁹ Говэн, который жертвует честью революционера и долгом во имя какого-то более высокого человеческого долга. Он спасает *доброто* маркиза и гибнет сам.¹⁰ И в Симурдене друг побеждает террориста. И в Жавере человеческое побеждает «гражданина», жандарма.¹¹ И хуже всех те, которые не способны вылезти за пределы сословного, гражданского, исторического. Таковы злодеи у Гюго, таковы его смешные герои (Феб),¹² таковы трагически ошибающиеся (Анжолерас и др<угие> молодые люди на баррикадах в «Отверженных», отчасти и троица якобинцев в «93 г<оду>»), не нашедшие не единственного, но самого правильного пути (какое сходство с Диккенсом в «Повести о двух городах»,¹³ где тоже «два пути», путь «гражданина» и путь «человека», причем только последний прямехонько ведет в рай). Ну, это всё только абсолютно верное наблюдение. Я и не знала, что делать с этой «частностью», пока не вспомнила, что в XVIII веке у 70% писателей под «социальной» оболочкой сидит «естественный человек», от природы добрый, добродетельный, т. е. награжденный общественным чувством, заботой о счастье других людей etc. etc. Хотя бы Смолетт и его герои с их профессиональной ограниченностью, которая к концу романа делается прозрачной, и за ней оказывается добрый, любящий, незапятнанный, чувствительный человек. Только в XVIII веке у авторов «семейных романов» историческая форма и надысторическое содержание сожигательствуют без всякого трагизма. Трагизм преодоления формы проявляется у немецких романтиков, у Гофмана. И только в XIX веке «гражданственность» так залихватски оплевывается ради вечных чувств. У Виньи Сен-Марсу прощается даже предательство родины на том основании, что предательствует он из-за любви к женщине.¹⁴ Правда, у него же «величие

солдатской жизни» заключается в том, что солдат должен перестать быть отцом, любовником, другом, мужем, т. е. стать чистой аскетической абстракцией гражданского долга. У Гюго еще Бюк-Жаргаль¹⁵ героичен потому, что он предаёт своих негров, спасая французского офицера, жениха своей возлюбленной. Но и Жавер в своей «гражданской» стойкости величественен, и грош была бы ему цена, если бы он не покончил самоубийством, нарушив свой гражданский долг.

Что со всем этим делать, я и сейчас до конца не знаю, или знаю весьма еще интуитивно. Но что это всё те же «буржуа» и «гражданин», с явным только перевесом в сторону «буржуа» и со всякой идиллической ложью в виде подливки, это я уже знаю. И Диккенс, и Гюго тоже вертятся в кругу проблем Просвещения. Отсюда и тема, весьма для меня самой еще темная: «Просветительские традиции у Гюго». Прости, что я завела тебя в эту хаотическую толкучку без логики и выводов, но для того, чтобы была логика, а потом и степень кандидата, я буду работать. Дорогой и глубокоуважаемый, напиши скорей, что ты думаешь об этих *правильных* (?) наблюдениях и что ты с ними сделал бы. <...>

Будь другом — наставь меня. Ведь я до сих пор сохранила свой невежественный нигилизм, и меня не привлекает «Вестник Европы», хотя я честно верю, что всё, что кажется привлекательным тебе, такое и есть.

Кроме того, я во всем сомневаюсь, и часто мне кажется, что следует заниматься сейчас вовсе не развитием буржуазно-демократической идеологии, а ее кризисом и переходом в нечто противоположное, например, у Гамсуна, Гауптмана.¹⁶ Или «хождением над бездной» между гуманизмом и нищенством (читай по-всякому) такого, например, замечательного и знаменитого писателя, как Томас Манн.¹⁷ В целом, заниматься следует нашей такой последней стадией капитализма, у которой есть своя обязательная политическая форма, так же как она была у общества, основанного на свободной конкуренции etc. etc. Теперь мне кажутся любопытными даже такие невкусные вещи, как «Одинокие» или «Потонувший колокол» Гауптмана, потому что я вижу в них предсмертные судороги XIX века и рождение печального XX. Как этот парень в «Одиноких» старается, обидев жену и старичков, папу и маму, стать по ту сторону добра и зла, т. е. по ту сторону привычной еще от просветителей буржуазно-демократической морали. Он и сам знает, что это давно уже всего только фраза, но «привычка» не пускает стать «сверхчеловеком». Я фантазирую и, знаешь, даже в Ганьке, в его «мечте о силе» в семейно-любковых делах нахожу эти архаические потуги начала XX века. И в своих полудетских 17-летних попытках «быть злой» и «срывать маски» с установленных (которым учили) понятий добра и зла. <...>

¹ В начале октября 1942 г. Г. М. Фридендер обратился к своим друзьям с просьбой достать «отзывы ряда “авторитетов”» о нем «как знатоке истории рус-

ской культуры и литературы»; с их помощью он надеялся выбраться из лагеря («Трудармеец Фридлендер, Г. М.». С. 462). Кто скрывался в письме Ильинской под литерами NN, неизвестно.

² См. письмо 4 и примеч. 3.

³ Неточная цитата из романтической драмы В. Гюго (1802–1885) «Мария Тюдор» (1833). Ответ Фридлендера на это письмо Ильинской о Гюго пропал (см. письмо 9), после чего он написал ей еще раз на ту же тему; Ильинская ответила ему, развивая свои мысли о Гюго в письме 10.

⁴ Неточная цитата из романа Гюго «Девяносто третий год» (1874), относящаяся к Говэну.

⁵ Речь идет о персонажах из произведений Гюго «Девяносто третий год», «Марион Делорм» (1831), «Король забавляется» (1832).

⁶ «Предисловие к “Кромвелю”» написано в 1827 г.

⁷ «Человек — это полу-зверь, полу-ангел» — вероятно всего, Ильинская цитирует работу Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (1888).

⁸ Имеется в виду сцена смерти Жана Вальжана, героя романа Гюго «Отверженные» (1861), уже «мертвеца», за спиной которого угадываются «крылья ангела».

⁹ Маркиз де Лантенак спасает из огня детей крестьянки Флешар и попадает в руки республиканцев («Девяносто третий год»).

¹⁰ Говэн гибнет под гильотиной после того, как спасает маркиза (Там же).

¹¹ Один из персонажей романа «Отверженные».

¹² Персонаж романа Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831).

¹³ «Повесть о двух городах» Ч. Диккенса написана в 1859 г.

¹⁴ Роман А. де Виньи «Сен-Мар, или Заговор во времена Людовика XII» (1826). Далее Ильинская дает аллюзию на его книгу «Неволя и величие солдата» (1835).

¹⁵ Роман Гюго «Бюг-Жаргаль» (1826).

¹⁶ *Гамсун Кнут* (1859–1952) — норвежский писатель; *Гауптман Герхарт* (1862–1946) — немецкий писатель, ниже упоминаются его драмы «Одинокие» (1890) и «Потонувший колокол» (1896).

¹⁷ *Манн Томас* (1875–1955) — немецкий писатель.

7. <22 ноября 1942 г. Иркутск>

Дорогой мой Принц Лапутянский, как всегда бывает хорошо после твоего письма. <...> От Яши я получила сначала свинскую телеграмму: «Жив. Здоров. Работаю. Не беспокойтесь молчанием. Писать не могу. Целую. Яша». Я сильно плакала, потому что на мой взгляд, если сейчас человек писать не пишет и не телеграфирует — значит, ты ему не нужен, и он плюет на твое беспокойство. Мне легче было представить, что он в кого-то там влюбился и не хочет говорить об этом, чем то, что он равнодушно пишет «не может». В этом духе я написала ему довольно горькое письмо и попрощалась с ним. И вот несколько дней назад пришла от него гневная, истерическая открытка, довольно глупая, по правде сказать: что вот он ночи не спит «от гнева и боли, от стыда и бессилия», а я требую, чтобы он писал письма или посылал телеграммы. И что это «грязь», насчет любви etc. Может быть, и правда, грязь, а все-таки чудно, что близкий человек не пишет тебе четыре месяца, а потом обижается, что ты не хочешь с этим примириться. Бог

с ним. Хорошо, что он жив и говорит, что помнит меня. Такой уж он нелепый какой-то, так просто не очень-то любит нас всех, сам не отдавая себе в этом отчета. Какой ни есть, лишь быть бы вместе. И такой пригодится. От Изи получаю в высшей степени галантные письма, словно не с фронта войны 42-го года, а из какой-то гостиной XVIII века. Называет меня «плутовкой», и меня смех берет, когда подумаю, что это изящное наименование относится к не очень молодой женщине в платке, в рваных бурках, с десятком книг в мешке за спиной, которая прыгает в грязные вагоны на ходу и ругается весьма энергично с другими мешочницами, от которых она мало чем отличается.

<...> Я писала тебе, что у меня школьный кружок из пяти чудесных мальчиков, с которыми я занималась литературой? Если бы ты знал, какие это чудесные и удивительные мальчишки! Сегодня воскресенье, и они были у меня. Вот посмотри на них. Самый старший тоже Юра.¹ Очень он открытый и смелый. И лицо у него такое русское, красивое, розовошее, чуть-чуть застенчивое. Он то, что называется «хороший парень», с бескорыстной любознательностью и с чувством собственного достоинства. Зато второй, Алик,² — длинный, белобрысый, в огромных круглых очках, этот прямо до черта честолюбив. Может выйти из него порядочная дрянь, потому что он страшно склонен «презирать» тех, кто меньше его знает. Читал он, не только по иркутской мерке, очень много, но не так бескорыстно, как Юра. Этот любит пускать пыль в глаза и «господствовать», но пока еще тоже славный кутек. Третий — Саша,³ волевой тип, маленький, коренастый, надутый, как воробей, и крепенький, как булыжник. Глаза у него серые, ясные, в пушистых ресницах, спокойные, а рот и подбородок упрямые. Общее впечатление страшного упрямства и «твердого характера». Такой он и есть: доклады делает лучше всех и любит насмешничать. Ошибок другим не спускает, а от своих краснеет до ушей, надувается и долго молчит, если его попрекнуть за ошибку. Надоели они тебе? Ну, я еще про Вову⁴ расскажу. Про него Алик говорит презрительно: «Вова — это безобидное существо». Но, право, я редко видела более милое, доброе и скромное создание. Он самый младший, очень маленького роста, носик пуговкой. Ровица мягкая, круглая, совсем детская. И все-таки очень легко себе представить, каким он будет лет в 40, таким добрым папой, хорошим, маленьким, тихим человечком. Он не претендует на первое место и очень уважает Алика, который им командует. Сегодня Саша сказал: «Хитрющий этот Вова!» И все засмеялись, потому что нельзя было придумать ничего менее подходящего к этой святой простоте. Напишу о том, как мы разговариваем потом. Довольно трудное это дело. Больше всего они боятся чувствительности. Надо быть очень осторожной, чтобы они не заподозрили в тебе желание вторгнуться в их внутренний мир. Замечательно Достоевский в «Братьях Карамазовых» описал мальчишек. Это мой маленький роман, а большой, со студентами, развивается последнее время весьма бурно. Вчера обсуж-

дали стихи Симонова «Лирический дневник» (стихи «Жди меня», которые я тебе посылала как-то, оттуда).⁵ Это стихи не очень плохие и очень искренние. Девочки от них в упоении, переписывают их, знают наизусть, пожалуй, даже и плачут над ними. Мальчики занимают позицию скептическую. Эти-то стихи мы и обсуждали. Любовная лирика оказалась весьма актуальной. Пришли химики, медики и математики. Народу оказалось столько, что ораторы мои сначала сконфузились, но потом, когда выплыл из аудитории NN, дело у нас пошло такое горячее, что чуть не передрались. И всё, друг мой, этика, а вовсе не «чистое искусство». Эта женщина, которой посвящены стихи, вовсе не идеал добродетели. «Лукавая», «бесшабашная» и многоопытная. И всё он боится, что она бросит его. Вот девочки мои и устроили ей баню. Можно ли любить «такую»? И вообще о нравственности. Нравственны ли стихи о чувственной любви, очень откровенные? И что такое за штука любовь? Мой очень умный Вася Трушкин⁶ (пришел ли бы тебе по вкусу? Немного Пашка Громов,⁷ но без подлости и наивней. С настоящей страстью к поэзии. Этот деревенский мальчик сам выучил немецкий и влюблен в Гейне. Блока знает наизусть. Из презрения к схематике и догматизму чуть-чуть с декаденщиной. В прошлом году был совсем наивный дурачок, а сейчас научается немного думать о литературе. Скромно надеюсь, что здесь немного и моя заслуга. Я разговариваю с ним часами) «обозрел» советскую поэзию не слишком снисходительным взглядом и «разнес» Симонова.⁸ А потом ораторствовала я. Но самое хорошее наступило, когда химики-медики ушли и официальное заседание было закрыто. Осталось человек двадцать, и мы говорили по душам. Здесь уж не говорилось, а кричалось о том, что такое «идеальный человек» нашего времени, и о браке (шут их возьми), о достойной человека любви. Кричали мне в правое и левое ухо обе «борющиеся стороны», и каждой воззвание начиналось: «Ольга Игоревна». Я исповедовала «широкий взгляд на жизнь» в духе блоковского:

Но через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром укрепилась связь...⁹

Но черта напроповедуешь девушкам, у которых любимые герои Кирсанов и Лопухов из «Что делать?».¹⁰ Если бы ты знал, какие они «строгие юноши». С моим пьяным и амурным прошлым я себя довольно странно чувствую среди них. Провожали они меня и, когда пошли обратно, всё еще голосили. До чего же это было бы хорошо, если бы не война! Они мне верят, Юра, и скажу тебе без всякого хвастовства и с большим чувством ответственности: так случилось, что я — единственный человек в университете, который может заставить их говорить и может помочь им вылезти из тупика. А тупик есть (об этом напишу потом). Их или забивают академизмом мертвым (NN), или

оглуляют систематически. Напиши мне о диссертации и прости, что так много о моих радостях. <...>

На твою просьбу NN ответил: «Отзывы только вредят» — убежал от меня и бегал неделю.¹¹ <...> Целую, дорогой мой, родной друг. Ради бога, будь здоров. Мать моя тебе пишет.

<Приписка С. Г. Ильинской:> Лялюшка безумно занята, увлечена своей работой. Вчера пришла очень возбужденная и довольная обсуждением стихов Симонова. Всё было бы сносно, если бы только она не перегружала себя работой и спала бы ночи, а то она по большей части спит 3—4 часа и из-за этого худеет, бледнеет, личико стало как кулачок, и, кроме того, по-моему, ее беспокоит постоянное отсутствие известий от Яши, которого я иначе не называю, как бешеным котом. Целую Вас. С. Ильинская.

¹ Уваров Юрий Петрович (1928—2003) — профессор Российского университета дружбы народов, преподаватель курсов иностранного языка при МИДе, доктор филол. наук (1986), исследователь французской литературы второй половины XX в., переводчик, составитель и автор предисловий к многочисленным сборникам произведений французских писателей, выходившим в различных издательствах в 1960—1990-х гг. (психологическая повесть, семейный роман, комедия, детектив).

² Биркин Артур Петрович (1928—1997) — сотрудник Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН (Москва), доктор геолого-минералогических наук (1980). В письме 1946 г. Ильинская обратилась к Фридендеру с просьбой помочь приехавшему в Ленинград Алику, назвав его имя и фамилию.

³ Саша — лицо неустановленное.

⁴ Вова — лицо неустановленное.

⁵ Имеется в виду сборник К. М. Симонова «С тобой и без тебя. Из лирического дневника» (1942). Стихотворение «Жди меня» (опubl. в «Правде» 14 янв. 1942 г.) Ильинская пересказала в письме к Фридендеру от 10 февр. 1942 г.

⁶ Трушкин Василий Прокопьевич (1921—1996) — литературный критик и литературовед, профессор Иркутского университета, доктор филол. наук (1970). Увлеченность Трушкина Гейне и Блоком, о которой пишет Ильинская, отражена в его студенческом дневнике. После заседания кружка, где он читал наизусть стихи Блока, раскритикованные его однокурсниками как «чуждые», в нем сделана запись (10 дек. 1942 г.): «Человек, одно имя которого приводит меня в трепет, не нашел доступа к сердцам эмансипированных маменькиных дочек. Видите ли, им ближе Маргарита Алигер и какой-нибудь Симонов, нежели человек, страстно любивший Россию и тонко <...> чувствующий ритм жизни, ее страстную и жутко хватающую за душу музыку» (Трушкин В. П. Друзья мои... С. 135).

⁷ Громов Павел Петрович (1914—1982) — литературный и театральный критик, литературовед, кандидат филол. наук (1953), автор книг о Блоке и Л. Толстом. Фридендер и его друзья были сокурсниками Громова, в университетские годы им очень близкого. Об этом ярком человеке см.: Громов П. П. Написанное и ненаписанное / Сост., подгот. текста и вступ. ст. Н. А. Таршис. М., 1994. См. письмо 23.

⁸ Ср. запись в дневнике В. П. Трушкина (5 дек. 1942 г.): «На литературном кружке делал небольшой доклад о лирике К. Симонова, заострив особое внимание на его “лирическом дневнике” “С тобой и без тебя”. <...> С этого момента меня стали считать чуть ли не знатоком поэзии» (Трушкин В. П. Друзья мои... С. 133).

⁹ Из стих. А. А. Блока «И вновь — порывы юных лет...» (1912).

¹⁰ Речь идет о героях романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863).

¹¹ См. письмо 6.

8. <31 декабря 1942 г. Иркутск>

Мой родной Лапутянин, вот и Новый год подобрался. Последние часы приходят. В прошлом году наивно думалось, что 43-й год будем встречать вместе. И вот еще больше все разбросаны: Яша вторую зиму в осажденном городе, Шуры нет, Сус сидит в самом пекле и допрашивает пленных, Изя тоже на фронте, а ты... Пожалуй, моя судьба пока самая спокойная, но не верится, что так мое непосредственное знакомство с войной и закончится московской бомбой.¹

<...> я тебе писала о моем школьном кружке и о моих чудесных четырех мальчишках. Вчера они приходили все советоваться о своих докладах. Сейчас мы занимаемся Данте. Вот это уж бесспорная польза, которую я приношу за мальчишек, кой-какие грехи на том свете мне простятся. После занятий и разговоров с ними у меня рождается необычайно приятное и радостное чувство. Без студентов и этих ребятков, да еще (не смейся) без всяких милых зверюг, которых встречаешь на улице, — удивительно кротких, работающих и добрых лошадей, мерзнувших у ворот, деловитых, голодных, но дружественных псов, вежливо останавливающихся и махающих хвостами, когда их окликают, — я за этот год могла возненавидеть мир, честное слово. <...> Ах, Юра, до чего страшна дикость! А она всюду. И в том, как 10-летние мальчишки ругаются страшными, грязными ругательствами, *<шесть строк залиты чернилами военного цензора>* Эх! Да ладно, лучше уж о лошадях. После того, как встретишь такую добрую скотинку с заиндевевшей мордой, с прекрасными кроткими глазами, которая стоит, переступая с копыта на копыто, помахивая хвостом, *<две строки залиты чернилами>* на душе наступает оттепель. Идешь и улыбаешься. Лошадь — вежливый зверь, также как и собака. Мужик, который бьет ее на мосту по благородной шкуре и исступленно ругает «матерными» словами, не стоит волоска ее лошадиного хвоста. Посмотреть только на его тупые, маленькие, злобные глаза. Не может быть, чтобы благостный господь бог не устроил на небе лошадиного рая с зелеными, душистыми лугами и вечным летом, с кормушками овса в тени и спокойными, неглубокими реками для лошадых ванн.

Никогда еще в жизни я не приходила в такую бессильную ярость на людей, и никогда еще всё хорошее в человеках не вызывало такого благоговейного умиления. Ты знаешь, мы со студентами осуществили наш с тобой старый замысел. У нас кружок по искусству (Азадовский называет его «беседы о живописи»), на котором мы раскладываем репродукции на большом столе, каждому я даю по 3—4 картины (пейзаж, портрет, натюрморт etc. разных стилей), и они должны мне рассказать,

чем отличается одна картина от другой по композиции, колориту, трактовке лица или ландшафта. Так они сами приходят к пониманию эволюции стилей и, главное, к определению «идеи» в живописи. До этого у нас были занятия: 1) место живописи среди других искусств и ее специфика; 2) композиция; 3) колорит и цвет; 4) жанры. Теперь мы занимаемся историей стилей и идей в искусстве. Каждое занятие, после их самостоятельных изысканий, я произношу заключительные речи со ссылками на их наблюдения и замечания. Теперь я им всем раздала по одному художнику (из разных времен), и каждый сделает 20-минутное сообщение с разбором картины этого художника. Потом — такие же рефераты на ряд важных книг по искусству: по Вельфлину, Бьерсону² etc. А потом начнется ряд занятий по Рембрандту. Причем я заставляю их отыскивать параллели в литературе, чтобы они поняли, что такое Ренессанс и другие эпохи, не только по одному искусству. Наряду с этим у нас еще литературный кружок. Я тебе писала о нем. Видишь, я страшно занята, и мне (увы) не остается времени на диссертацию. А ночью, после кружка, человека три-четыре меня провожают на вокзал (а это через весь город). Среди них Люся Черных,³ чудесная тоненькая девочка с легкими, пушистыми кудряшками во круг лба, с меланхолическим личиком и всегда наклоненной набок головкой на тонкой шее. Глядя на эту девочку, я впервые поняла прелесть чистоты. Какая-то она вся настроенная, полная ожидания и доверчивости, словно присматривается к жизни. Совсем это не та «чистота» физического целомудрия, а что-то очень одухотворенное и человеческое. Когда я на нее смотрю, то вспоминаю запах ландыша. <...>

¹ Ильинская говорит о событии, которое предшествовало ее с матерью эвакуации из Москвы: «...ночь с 22-го на 23-е <июля> чуть не оказалась последней в моей жизни. Чудом, буквально чудом, удалось мне “сохраниться”. Перед тем как потерять сознание, я в течение одной секунды пережила свою смерть: отчетливую мысль “я умерла” и странное удивление перед этим фактом. Мать, Тамара и Рита <Лурье, сестры>, которые находились в более безопасных условиях, выбежав на улицу, увидели только клубы белой пыли на том месте, где я дежурила. <...> После этого мать два дня не отпускала меня ни на шаг, и 25-го, когда она получила командировку на работу в Иркутск, — мы уехали» (14 авг. 1941 г.).

² *Вельфлин Генрих* (1864–1945) — швейцарский теоретик и историк искусства; *Бернсон (Беренсон) Бернард* (1865–1959) — американский историк искусства и художественный критик.

³ *Черных Людмила Владимировна* (1921 — после 1996) — доцент Башкирского государственного университета, канд. филол. наук (1950; научный руководитель М. К. Азадовский), автор работ по проблемам литературного фольклоризма. В архиве Фридендера сохранились письма Черных к нему.

9. <31 января 1943 г. Иркутск>

Дорогой Лапутянин, теперь окончательно установила, что из всех твоих писем за месяц до меня доходит одно. Самое досадное, что в чис-

ло недошедших попало и письмо с домыслами о рара Hugo,¹ то самое, которое было мне ужасно нужно. Прошу тебя, родной, напиши мне еще несколько писем о Гюго, дублируя их. Может быть, одно и дойдет. Страшно нужны твои советы, а больше всего ты сам. Нет, конечно, я не занимаюсь диссертацией. Да и невозможно это, когда над тобой каждый день висят две-три лекции (ведь нельзя не готовиться и к тем, которые уже читал раньше, а у меня всё меняется). Скажем, эпоха Возрождения сейчас приняла в моих глазах совсем иной вид, чем в прошлом году. Сейчас читать о Шекспире без длинного путешествия в средневековую философию и в философию XVII века для меня совершенно невозможно. Раньше живопись была только механическим довеском к каждой эпохе, а сейчас я могу себе представить общий процесс развития искусства в XVI и XVII в. И живопись, Рембрандт — прежде всего, делается дополнением, предощущением того же Шекспира. Так вот и нельзя повторяться, просто невозможно, а когда повторяешь хоть частично, то грызет совесть, и кажется, что ты совершил мелкую кражу или испачкал чужое белье. Вот, например, «открытие», вероятно, только для меня, т. к. я многое должна делать без книг — их нет, о том, что Шекспир вовсе не укладывается в рамки Возрождения. Так же, как и два последних тома «Гаргантюа и Пантагрюэля».² Шекспир римских трагедий,³ «Гамлета», «Лира» etc. — это критика *ренессансного* гуманизма, его аристократической сущности. Вторая глава за Шекспиром — Рембрандт. Ну, ведь об этом в письме до конца не скажешь. Всё это только к тому, что весь план лекций о Шекспире перестраивается. А потом, кроме лекций, мне смотрят в глаза 5 или 6 десятков студентов, которые ждут от меня (в этом гордость моя и счастье) не только лекций, но гораздо большего. Они, во всяком случае очень многие из них, весь мой возлюбленный 3-й курс университета, ждут, что я им помогу понять, как жить следует и что «этично», а что «неэтично». Честное слово, друг, мне больше подходила бы должность проповедника, а я очень похожа на этакого комнатного Савонаролу,⁴ когда сижу до поезда в 9.20 в холодном кабинете университета, в темноте (электричество гаснет часто), а вокруг меня на столах и стульях много девочек и мало мальчиков, и у нас идет трогательная до слез беседа с цитатами из Блока, Пушкина и Маркса на темы: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».⁵ <...> Еще фигурируют тексты «надо обрабатывать свой сад»,⁶ краткие лекции о спинозизме Гердера (от которого я без ума), о связи формы и содержания,⁷ о том, как и зачем надо читать газеты, о мещанстве, о дружбе и, увы, о любви. Без этого они не могут. И я стучу в темноте кулаком по столу и уверяю их, что наука — это их жизнь, они сами, наше сегодня, что никакой «надмирной» науки нет (NN), а Вася Трушкин, одержимый плодотворным духом противоречия, тихо, но твердо исповедует «чистую науку», ибо у них тенденциозность взята на подорожение, и заставить их понять, что правда и тенденция — вещи не обязательно взаимоисключающие, дело трудное.⁸

Кроме того, помни, что у меня теперь уже не 4, а 6 мальчиков — школьников, которые ждут меня дома. И с ними тоже надо говорить, и быть их приятелем, а это требует времени. Им надо возить книги, помогать им готовить крошечные докладки к будущему воскресенью (сейчас о Рабле) и передвигать на карте флажки: где теперь наши войска. И ведь это они вместе, а кроме того, многие существуют и отдельно, со своими осложнениями, интересами, вопросами. Вот с тем же Трушкиным часто приходится говорить о поэзии, с Люсей — о живописи и об этике, с Марией⁹ — об отношениях внутри курса etc. День набит до краев так же, как и ночь... Когда же диссертация? Я знаю, что это надо сделать, что меня могут отлучить от них, если я не защищу вовремя, но сейчас отказаться от такого близкого и дружеского общения, от литкружка и от кружка по истории живописи, от школьного кружка — просто нельзя. Ты понимаешь, в этих кружках они учатся коллективизму, они учатся духу общности, который у них отсутствовал (одни формальности, вместо реального интереса к миру, к стране, друг к другу). И это в тысячу раз важнее, чем все диссертации, которые я смогу написать в Иркутске без книг и без помощи. В то же время ужасно хочется сесть за нее и разобраться, как там обстоит дело у Гюго с просветителями и с XVIII веком, как (по правде сказать) идеалы Просвещения превращаются в либеральную фразу, потому что, как ни вертись, а дело сведется к этому в конце концов.

Так я и стою между двух кормушек. Черт знает, чем это кончится. Всеми чувствами и помыслами ощущаю, что со мной нет вас: тебя, мой мудрый Лапутянин, Яшки с его практическим тактом и чутьем, Шуриньки. Я в разбеге, Юра, хватаюсь за многие мысли и даю тебе слово, что с вашей помощью из моих догадок и в области «практической педагогики» и в истории литературы получился бы толк. Одна я не могу, у меня не хватает времени и знаний, и опыта додумывать. Мне мерещится, скажу не стыдясь, что-то вроде огромной истории гуманизма с XVI по XX век, которая должна быть одновременно и проповедью, и научной историей, а еще (скажу стыдясь) беллетристической, нечто раблезианское, роман о всех нас и о нашем времени. Даже претенциозное заглавие лезет в голову — «Путешествие в Импозиблию»,¹⁰ и разные «главы» оттуда с Марией Ивановной Елкиной, с героиней, с реальностью и фантастикой на ренессансный манер. Я никому, кроме тебя, об этом не говорю. Потому что знаю, что это самообольщение и гордыня. Мне ли? Мне о птицах, собаках, добрых лошадях и безобидных хулиганах детского возраста и того не написать. Нет, об этом мимоходом. А вот для первого, хотя бы для половины, хотя бы для 3-й части, нужны все мы вместе. Когда выгонят эту гитлеровскую сволочь из русской земли (давай помечтаем) и мы вернемся к книгам и друг к другу, тогда будет у нас коммуна друзей, дом, большая Удельная (дача, кстати, целая, там Мария Сергеевна),¹¹ под председательством наших мам (бог даст), и мы будем собираться вместе по вечерам, чтобы спорить, чтобы

обдумывать, чтобы читать то, что сделано. И какое счастье, что история будет идти да идти дальше и что за нами придут новые люди, которым мы передадим незавершенное (завершить нельзя; грош цена, что завершается в пределах одной жизни), но честно начатое дело. Ради бога, или ради этого, держись бодрей и береги себя. А пока ведь всё стало лучше. Кольцо вокруг Ленинграда прорвано, и наши войска идут на запад. Это не конец, но конец ближе и очевидней. И у тебя лучше. Как хорошо, что Анжель Морисовна живет у Яшки!¹² Там и тепло, и светло, и не одна она. Видишь, Яшка-то все-таки ничего себе, мой Яшка. Он и письма теперь даже пишет. Вот он какой. <...>

¹ Речь идет об ответном письме Фридендера на письмо 6 (о Юго).

² Сатирический роман Ф. Рабле (1494–1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль».

³ «Римские трагедии» В. Шекспира (1564–1616) «Тит Андроник», «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра».

⁴ *Савонарола Джироламо* (1452–1498) – знаменитый итальянский проповедник.

⁵ Из стих. «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...» (1834) Пушкина.

⁶ Заключительные слова повести «Кандид, или Оптимизм» (1759) Вольтера (1694–1778).

⁷ *Гердер Иоганн Готфрид* (1744–1803) – немецкий философ, писатель-просветитель. Учение *Бенедикта Спинозы* (1632–1677) было Гердером творчески переработано как не противоречащее христианству в «Идеях к философии истории человечества» (1780 – нач. 1790-х); приверженность учению этого философа он выразил в работе «Бог. Несколько разговоров» (1787).

⁸ Ср. запись в стужденческом дневнике Трушкина (28 дек. 1942 г.): «...у меня был довольно жаркий спор с О. И. Ильинской. Я утверждал и отстаивал, что можно учиться некоторым приемам творчества у художника, если даже содержание его музыки и неприемлемо для нас. Мой же "противник", наоборот, полагает, что если содержание художника нам чуждо, то чужда и неприемлема для нас его форма, элементы этой формы и, следовательно, нам нечему у него учиться» (*Трушкин В. П. Друзья мои...* С. 135).

⁹ *Мария* – лицо неустановленное.

¹⁰ *Импосибля* – от impossible (невозможный, невероятный, *фр.*); замысел Ильинской не был осуществлен.

¹¹ В приписке С. Г. Ильинской на письме от 28 апр. 1942 г. упоминалось об этом эпизоде конца 1930-х гг.: «О нашей жизни в Удельной (пригород Ленинграда. – С. Б.) на нашем крохотном участке вспоминаю как о рае». *Мария Сергеевна* – лицо неустановленное.

¹² Зимой 1942–1943 г. Я. Л. Бабушкин сумел устроить А. М. Фридендер (1886–1956), мать Георгия Михайловича, машинисткой в ленинградский Дом радио. Здесь же она поселилась в общежитии, что избавило ее от непосильных бытовых забот блокадного города: в Доме радио было автономное энергоснабжение, работали водопровод и канализация, помещения отапливались. В Доме радио А. М. Фридендер получала и питание по карточкам (Яша сумел обеспечить ей 1-ю (рабочую) категорию), и покупала продукты по коммерческим ценам. В письмах к сыну А. М. Фридендер отзывалась с похвалой о столовой Дома радио, считая свое питание достаточным. В апреле 1943 г. она оттуда уволилась, поскольку ей было трудно жить в общежитии, к тому же положение Бабушкина пошатнулось, и ее перевели на карточки 2-й (служашей) категории.

10. <2 мая 1943 г. Иркутск>

Дорогой мой Принц Лапутянский, я тебе очень давно не писала. Стало почему-то очень трудно писать. Может быть, потому что умучена делами, и они поглощают меня целиком, так что на письмо и мысли, выходящие за пределы «завтра», не хватает сил и времени, а может быть, потому еще, что нет таких ярких минут, такого отчетливого сознания роста и творческого общения с миром, как бывало зимой. Живу изо дня в день и радуюсь только моим дорогим мальчикам: растут и обращаются теперь с гуманизмом и Возрождением, Раблэ, Ронсаром, Ариосто и Бен Джонсоном,¹ как с своей собственностью. Я было написала тебе ответ на твое письмо о Гюго, но забраковала этот ответ.² Сейчас могу написать об этом только несколько слов, т. к. времени нет и голова не работает.

Основное положение — романтизм является не только критикой, но и эстетизацией буржуазных отношений — очень банальное. Оно подтверждается и историей немецкого романтизма, особенно иенцев. «Урбанизм» Фридриха Шлегеля,³ мечты о слиянии с абсолютом, система молодого Шеллинга⁴ — всё это «рациональное зерно» буржуазного общества, развитие мировых связей, овладение природой, величественная картина «чистого» прогресса без всякой грязной изнанки, без всякой «эмпирии». Эмпирия — в антифилистерских сказках и драмах Тика, в его страшных новеллах.⁵ У Гофмана «золотой век», «мировая душа», всемирная гармония голо и грубовато противопоставлены «эмпирии» буржуазных отношений, будничная фантастика светлой Атлантиды из «Золотого горшка».⁶ Догадки о связи этих двух начал, «злого» и «доброе», у него всегда туманны, но всё же есть. Прозаический архивариус Линдгорст в то же время король Саламандр etc. Это общее положение распространяется и на Гюго, но оно слишком общо для того, чтобы им можно было объяснить специфику Гюго. Ведь и для того, чтобы понять, откуда взялась такая сказочная и блаженная Атлантида Гофмана, надо пошарить в немецкой действительности и в немецкой общественной и художественной истории. Без иенцев здесь не обойдешься. То же и с Гюго. Ты поясняешь происхождение этого антитезного стиля и самое абстрактное содержание его антитез. Но ведь у них вполне конкретное содержание — родовое, общечеловеческое — всегда противопоставляется историческому, социальному, профессиональному, и при этом исторически конкретное всегда оказывается «злым», а «вечное» — «добрым». Я тебе об этом уже писала. На такой антитезе построены все романы, в частности «Отверженные» и «93 год», вся, очень важная для Гюго, теория двух путей к идеалу. Всё то, что ты говоришь о Гюго в целом, постольку поскольку он романтик, верно, но нужна большая работа для того, чтобы разобраться в своеобразии одного, в его героике etc. Вот ты говоришь: «никаких непосредственных традиций Просвещения». Но связи эти эмпирически очевид-

ны. Ты знаешь, что предисловие к «Кромвелю» наполовину переписано у Мерсье?⁷ Ты думал о том, что при всем «новаторстве» Гюго ситуации его драм до поразительности традиционны во Франции? Борьба долга и чувства, гражданственного и личного, но у него произошла переоценка ценностей, и *героями* оказываются матери, любовницы, друзья etc. Я не собираюсь рассматривать Гюго с точки зрения «истории идей», но я думаю, что идеи XVIII века, вернее, те моменты действительности, которые их породили, продолжают существовать, развиваться, принимая другую форму, и в XIX веке. Я думаю, что Гюго, сталкиваясь с этими противоречиями действительности (которые угадывали просветители, и потому они как-то пытались преодолеть), не мог не обратиться к теоретическому наследию Просвещения. <...>

От Яши ничего нет с середины марта, 24 марта в Ленинграде шел небывалый «дождь».⁸ Я страшно беспокоюсь. Временами просто убеждаюсь в том, что Яшки нет на свете. Ради бога, скорей напиши мне, с каких пор ты не получаешь писем от мамы. Ведь судьба их теперь связана. Посылала телеграммы, даже на имя директора, посылала письма Анжель Морисовне⁹ — ничего. Одна надежда: телеграммы не возвращаются, хотя среди них были и с оплаченным ответом. Надежда слабая, т. к. на почте беспорядок. Если, бог даст, Яшка окажется всё же жив, если он опять не пишет по небрежности, то, кажется, это будет уже в последний раз. Больше не могу я прощать и терпеть.

<...> Да, со мной произошло чудо! Я написала два стихотворения после 10-летнего перерыва,¹⁰ и одно из них, пожалуй, хорошее. Называется оно «Роман Розы». Это большое событие в моей жизни, подумай, я писала его и плакала от радости, что снят, наконец, этот непонятный «обет молчания», который наложил на меня мой, живущий самостоятельной и не ясной для меня жизнью, нелогичный, упрямый и причудливый дух. Я никогда не говорила тебе, чем были для меня стихи в юности. Неужели это вернется? Послать тебе, к сожалению, эту штуку не могу. Уж очень она «злободневна». <...>

¹ *Ронсар Пьер де* (1524–1585) — французский поэт; *Ариосто Лудовико* (1474–1533) — итальянский поэт и драматург; *Джонсон Бен* (1572–1637) — английский поэт и драматург.

² Речь идет о предполагаемой теме диссертации Ильинской по творчеству Гюго — см. письма 6 и 9 и примеч. к ним.

³ *Иенцы*, иенская школа — кружок литераторов и мыслителей, группировавшихся вокруг братьев Шлегелей в университетском городе Иене в 1798–1802 гг. («классический период» не только иенского, но и всего романтизма). *Шлегель Фридрих* (1772–1829) — немецкий писатель, поэт, критик, философ.

⁴ *Шеллинг Фридрих* (1775–1854) — немецкий философ, близкий иенским романтикам.

⁵ *Тик Людвиг* (1773–1853) — немецкий поэт, писатель, драматург, член иенского кружка романтиков.

⁶ *Гофман Эрст Теодор Амадей* (1776–1822) — немецкий писатель-романтик. В письме речь идет о сказке Гофмана «Золотой горшок» (1814), ее герою архивари-

усе Линдгорсте и «светлой Атлантиде», в которой другой герой сказки, Ансельм, находит блаженство.

⁷ *Мерсье Луи-Себастьян* (1740–1814) — французский писатель и драматург. О сходстве некоторых идей «Предисловия к “Кромвелью”» Гюго (1827) и трактата Мерсье «Новый опыт о драматическом искусстве» (1773) писал М. Н. Розанов, в частности, в книге «Поэт периода “бурных стремлений” Якоб Ленц» (М., 1901. С. 161–162).

⁸ Об обстрелах и бомбежках Ленинграда 24 марта 1943 г., помешавших первому после эвакуации спектаклю Большого драматического театра, писали во всех газетах.

⁹ См. письмо 9, примеч. 12.

¹⁰ Ильинская в юности писала прекрасные стихи, которые, как полагал С. П. Раевский, должны были поставить ее в один ряд с Цветаевой и Ахматовой, но талант свой она «зарыла в землю» (*Раевский С. П.* Пять веков Раевских. С. 324).

11. <25 мая 1943 г. Иркутск>

Дорогой мой Лапутянин, получила твою телеграмму. Спасибо. От Яшки было письмо без даты, очень старое. <...> О ленинградском радиокомитете была статья Фадеева в «Литературе и искусстве» от 1 мая.¹ Очень возвышенная и неприятная статья. Яшка там фигурирует в качестве «застенчивого юноши» с умными глазами, объясняется в братской любви прославляемой всеми ленинградцами поэтессе Ольге Берггольц и рассказывает о том, как в страшную зиму 42-го года он набирал оркестр для радио. После этой, хотя и скверной, но все же дающей представление об их жизни статьи стало еще трудней ему писать. Столько пережили мы отдельно друг от друга, и теперь нам трудно столкнуться, как людям с разных планет. Печальны все попытки найти в письмах общий язык. Я ему одно, а он мне совсем другое на свой героический военный ленинградский лад. И все-таки я его, этого замученного, злого, твердокаменного Яшку, очень люблю и боюсь за него. <...>

Получила за несколько последних дней три известия о смерти родственников. Умерла моя тетя Варя — последняя связь с папиным, старым, толстовско-тургеневско-пушкинским миром, с моими «предками».² Очень я ценила ее цыганскую, романтическую и ребячливую душу, а сейчас всё высохло в сердце, и почти даже плакать не могла и вспоминаю о ней мало, словно все лодки в прошлое сожжены. Умер в апреле Сергей Львович, Ганькин отец.³ Расстрелян немцами в Гжатске мой дядюшка, некий дядя Саша,⁴ дорогой мне по воспоминаниям детства. Он был агрономом, человеком народолюбивой закалки, неудачником с судьбой, подобной папиной судьбе. Не из таких он был, чтобы сносить унижения и издевательства. За то, наверное, и прикончили. Это последнее по времени известие. От этого, наверное, и таскаю сегодня с собой целый день его образ: сутулую, высокую фигуру, смуглое тонкое лицо с пенснэ, вздетым на узкую переносицу, седые, совсем

белые волосы. Что-то было в нем беспомощно-интеллигентское и в то же время достойное. На него смотрели на улицах. <...>

Читал ли ты газеты от 22 мая и постановление ИК Коминтерна, подписанное Димитровым, Эрколи и Долорес Ибаррури?⁵ Этого можно было ждать, это не ошибка и не еще что-нибудь в этом роде, а всего только констатация факта, констатация необходимого. Вот в этом-то и печальная суть сего постановления. Да, да, да, такие вещи неожиданны. И все-таки ходишь ошарашенный, и убегает почва из-под ног в ожидании будущих подарков истории. Дорого бы я дала, чтобы 22-го сего месяца забраться в голову моего уважаемого Яшки и посмотреть, что там делается. Впрочем, он человек практический и лучше меня понимает, что так надо, единственно возможно и правильно при данных обстоятельствах. Я тоже понимаю, но душа горит, и не приемлет, и просится в Дон Кихоты. <...>

Я научилась читать (по-немецки — С. Б.) и читаю Гельдерлина.⁶ (Томик его сочинений лежит в меня на столе, вместе с Новалисом⁷ и «Зеленым Генрихом».)⁸ Я очень уважаю этого человека, но его судьба мало меня прельщает. Ведь если нам, друзьям, придется идти его дорожкой, мы и песен таких сложить не сумеем. Прозаичней всё у нас и сложнее. Не может остаться даже и лоскутка от туманного мистифицирующего покрова, в который был укутан мир Гельдерлина. Просто перекувалифицируемся из «граждан вселенной» в домашнюю скотинку. <...>

Ты спрашивал: что в литературе делается? В нашей: лирика стала куда вразумительней. Написал хороший сборник стихов Симонов («С тобой и без тебя».)⁹ Тебе, наверное, не понравится. Очень не классично и откровенно. Так и выворачивается человек наизнанку. А мне все-таки нравится и дисгармоническое варварство, несмотря даже на частую безвкусицу. <...> Вот еще есть эта Ольга Берггольц, ленинградская.¹⁰ Я читала мало ее стихов, но ленинградцам особенно она очень нравится. О городе и зиме 42-го года стихи. В газетах печатались отрывки из романа Шолохова «Они сражались за Родину».¹¹ Хорошие отрывки об отступлении, но что это будет в целом — шут знает. О советской литературе мне больше ничего хорошего неизвестно.

В «Интернациональной литературе»¹² были интересные вещи, но интересные, скорей, как документы. Например, «Тысячи падут» Ганса Габе.¹³ Этот человек — эмигрант из Австрии, добровольцем воевал во Франции, был свидетелем ее поражения, а потом попал в немецкий концлагерь, откуда бежал в Америку. В той же «Интернациональной литературе» Андрэ Симон — «Люди Европы».¹⁴ Андрэ Симон — очень осведомленный журналист, кажется, дипломат по профессии. Эта книга — памфлеты весьма острые на деятелей государственной оси. Еще зачитываются романом англичанина Гринвуда «Мистер Бантинг в дни мира и в дни войны».¹⁵ Одна из сотен книг о «маленьком человеке», английском обывателе, который во время бомбардировок Лондона

скромно и незаметно для себя (уж обязательно скромно) оказывается героем. На мой взгляд, книга скверноватая, героизирующая до ужаса прочное и «добропорядочное» чувство собственности, проникнутая специально-островной ограниченностью и самомнением. Когда читаешь эту книгу, то хорошо понимаешь, что в Англии не пахло революцией уже 300 лет, и, может быть, подобный срок, столь же мирный, впереди. Вообще ничего хорошего в этих «маленьких человеках» не вижу. Сентиментальное умиление перед ними — коленопреклонение различных наций перед своей собственной слабостью и ограниченностью. Больше, друг мой, по моей занятости и лени, ничего о литературе не знаю. Да, Бехер стал совсем хорошим поэтом. Ты читал его сонеты?¹⁶ А сейчас вышла книжонка «Deutschland ruft»* очень порядочная. Я могла бы прислать тебе несколько стихов оттуда, да «стесняюсь» писать тебе на этом языке. С ним сижу сама каждый день, или ночь, и читаю теперь вполне порядочно. Поэзия замечательная, даже поэты 2-го ранга, вроде Эйхендорфа и Brentano. И какой чудесный, уютный поэт Шамиссо!¹⁷ Могу прислать тебе и эти стихи, если можно и хочешь. Французов как-то сейчас забросила. Если удастся живой вылезти отсюда, займусь языками. Оказывается, они не трудно мне даются. <...> Лучшая книга, которую я прочла из сравнительно новых, — Руже Мартен Дю Гар «Семья Тибо»¹⁸. Выслала бы ее тебе, да достать ее нельзя. Больше читаю старое, особенно Диккенса. Помнишь ты «Большие ожидания»?¹⁹

Кажется, Азадовский собирается уезжать.²⁰ <...> Пиши почаще Изе. Если бы ты знал, какое счастливое письмо он прислал о том, что ты его помнишь и любишь. Вообще он ужасно нежен в письмах, прямо как голубка, и трогателен. Я ему завидую. У меня на такую душевную теплоту не хватает сейчас ни времени, ни сил. Сус совсем стала героем. Боюсь за нее с этим героизмом. Кажется, теперь она выполняет весьма опасные поручения, не только как переводчик. Она мне писала любопытные письма о литературе, которую ей удается читать, о литературе, взятой у пленных. <...>

У нас ветер, ветер, ветер. Яблони цветут, а ветер их рвет, дергает, колышет, так что за них холодно. Здесь весна, значит, ветер. <...>

¹ Очерк А. А. Фадеева (1901—1956) «Шестая симфония», напечатанный в газете «Литература и искусство» (1943. 1 мая), в расширенном виде («Хорош блиндаж, жаль, что седьмой этаж») вошел в его книгу «Ленинград в дни блокады (из дневника)» (М., 1944). В очерке представлено несколько молодых сотрудников Ленинградского радиокomiteта на вечеринке у Ольги Берггольц 1 мая 1942 г.; один из них под именем Яша — это «бледный, застенчивый юноша с умными карими глазами», его старую записку зачитывает Берггольц: «Оля! Я достал тебе кусок хлеба и еще достану. Я тебя так люблю»; он же рассказывает о своей работе с оркестрантами и о том, как их, исхудавших, вытаскивал «из темных квартир» в первую блокадную зиму (Там же. С. 38—41).

* Германия зовет (нем.).

² Бакунина Варвара Николаевна, урожд. Арсеньева (1878—1943) — двоюродная сестра отца Ильинской, жена М. Н. Бакунина, племянника Бакунина-анархиста. По воспоминаниям Н. А. Антошиной (Врангель-Левицкой), родственницы Ильинской, она обладала «яркой, немного цыганской наружностью, с темными пушистыми волосами, с большими серьгами в виде колец и бусами на шее» (Наше наследие. 2009. № 91/92. С. 65). Свое родство с «тургеневским миром» Ильинская числила по сестре В. Н. Бакуниной Софье Николаевне Кампиони (род. 1868), по первому мужу Тургеневой. Самым отдаленным было, по-видимому, ее родство (если оно вообще существовало) с «толстовско-пушкинским миром» — по линии матери отца, через Левицких (знакомых с Л. Н. Толстым) и Бакуниных (важное место в этой «пушкинской» линии для Ильинской занимал, по-видимому, Александр Павлович Бакунин (1799—1862), учившийся вместе с Пушкиным в Лицее).

³ См. примеч. 32 к воспоминаниям Фридлендера «Ляля Ильинская».

⁴ Левицкий Александр Павлович (1873—1942) — агроном и почвовед, заведующий опытным делом Московского губернского земства, почетный секретарь Московского общества сельского хозяйства. После 1917 г. член Всероссийского комитета помощи голодающим Поволжья, по делу которого был арестован в 1921 г.; в 1924—1928 гг. зам. директора Научно-исследовательского института по удобрениям (ныне НИУИФ), сотрудник Государственного института опытной агрономии. В 1930 г. выслан в Казакстан, после 1934 г. работал агрономом в Ярославской и Смоленской областях. См.: Почвоведение. 2000. № 3. С. 391—394 (статья В. В. Добровольского и И. В. Якушевской). «Дядя Саша» был двоюродным братом отца Ильинской. Об обстоятельствах его расстрела немцами (взял на себя вину мальчишки, принесшего домой пули) см. в воспоминаниях Н. А. Антошиной (Врангель-Левицкой): Наше наследие. 2009. № 91/92. С. 77. *Гжатск* — ныне Гагарин.

⁵ Речь идет о постановлении Президиума Исполнительного комитета Коммунистического интернационала о роспуске Коминтерна от 15 мая 1943 г., напечатанном в «Правде» 22 мая 1943 г. Под ним стояли подписи двенадцати членов Президиума, из числа которых Ильинская называет болгарского коммуниста *Георги Димитрова* (1882—1949), генерального секретаря исполкома Коминтерна, и *Пальмиро Тольятти* (псевд. Эрколи; 1893—1964), представителя Итальянской коммунистической партии; к ним присоединились еще четверо видных коммунистов, в том числе *Долорес Ибаррури* (1895—1989), генеральный секретарь Коммунистической партии Испании. Роспуск Коминтерна объяснялся тем, что он стал помехой для национальных рабочих партий. Для Ильинской, Бабушкина и Фридлендера это было колоссальное сужение мировоззренческого кругозора, переводящее их, как она пишет далее, из «"граждан вселенной" (античный философский термин. — С. Б.) в домашнюю скотинку».

⁶ *Гельдерлин Фридрих* (1770—1843) — немецкий поэт. Ильинская намекает на погруженность его поэзии во внутренний душевный мир, окутанный религиозно-философским «покрывом», и трагическую судьбу (раннее безумие). Мысль о нем Ильинской конкретизирована в письме 13.

⁷ *Новалис* (наст. имя: бар. Ф. фон Герденберг; 1772—1801) — немецкий поэт, философ.

⁸ Роман Готфрида Келлера (1819—1890) «Зеленый Генрих» (1855).

⁹ Книга К. М. Симонова «С тобой и без тебя» вышла в 1942 г. См. письмо 7, примеч. 5.

¹⁰ В 1942 г. вышли две поэтические книги О. Ф. Берггольц (1910—1975) «Ленинградская поэма» и «Ленинградская тетрадь».

¹¹ В мае 1943 г. в «Правде» и «Красной звезде» началась публикация глав из романа М. А. Шолохова (1905—1984) «Они сражались за Родину» (1942—1969).

¹² «Интернациональная литература» — название журнала в 1933—1943 г.; с 1955 г. — «Иностранная литература».

¹³ Роман журналиста *Ганса Габе* (наст. имя: И. Бекесси; 1911—1977) «Тысячи падут» (1941) печатался в 1942 г. (пер. с англ.). Сведения об авторе Ильинская приводит по предисловию П. Борисова (Интернациональная литература. 1942. № 5. С. 13—16).

¹⁴ Главы из книги *Андре Симона* (наст. имя: Отто Кац; 1895—1952) «Люди Европы» печатались в журнале в 1942 г.; публикацию сопровождала статья Б. Л. Сучкова (Там же. № 7. С. 121—122).

¹⁵ Роман английского писателя *Роберта Гринвуда* (1897—1981) «Мистер Бантинг в дни мира и войны» (1940—1941) печатался в том же журнале в 1942 г. (№ 8—10), в 1943 г. был выпущен отдельным изданием в Москве и Магадане.

¹⁶ Цикл сонетов (1935—1939), посвященный великим деятелям немецкой и мировой культуры, вошел в книгу немецкого коммуниста, поэта и прозаика *Йоганнеса Роберта Бехера* (1891—1958) «Gewißheit des Sieges und Sicht auf große Tage» (1939). Книга «Deutschland ruft», упоминаемая ниже, вышла в 1942 г.; обе книги Бехера были выпущены в Москве.

¹⁷ *Эйхендорф Йозеф фон* (1788—1857), *Брентано Клеменс* (1778—1842), *Шамиссо Адельберт фон* (1781—1838) — немецкие поэты-романтики.

¹⁸ *Роже Мартен дю Гар* (1881—1958) — французский писатель, получивший Нобелевскую премию 1937 г. за роман «Семья Тибо» (1922—1929, 1936, 1940).

¹⁹ Роман английского писателя Ч. Диккенса «Большие ожидания» (1861).

²⁰ М. К. Азадовский уехал из Иркутска в 1945 г. Восторженные воспоминания о лекционных курсах Азадовского и, шире, общении с ним в Иркутске оставили В. П. Трушкин, Л. В. Черных и др. (Воспоминания о М. К. Азадовском. С. 87—90, 90—99, 120—122). Его работа со студентами была активной и плодотворной: организация кружков, привлечение к участию в научных конференциях и заседаниях Географического общества. Ильинская высоко ценила Азадовского как тончайшего «знатока многих поэтов, природы стиха» (Там же. С. 98).

12. <22 июня 1943 г. Иркутск>

Дорогой мой! Ты очень давно не пишешь, и я боюсь, что что-нибудь случилось с тобой или с Анжель Морисовной. От Яшки за это время получила только одну телеграмму: «Здоров. Работаю на новой работе». ¹ Даже адреса нет, так что я и написать ему не могу. По невнятным письмам Коли Виноградова можно догадаться, что у Яши были какие-то неприятности в связи с его экспериментаторской деятельностью в радио, и он сам захотел уйти. Но Колька не мастер изъясняться, да и не знает он всего этого толком. ² <...> он видит Яшу очень редко.

Я закончила год сносно. Вчера и сегодня на II и III курсах университета получила по букету белых удивительных пионов и порцию аплодисментов. Мои милые взрослые (в отличие от маленьких, от школьников) трогательно провожали меня домой сомкнутым строем и собираются приехать ко мне на природу читать стихи — Блока, Пастернака и отчасти Гейне, которым увлекаются знающие язык и который читается в подлиннике. Я уже писала тебе, что научилась кое-как разбираться и читаю довольно много, хотя часто приходится ворошить словарь. Это важное дело сделано. Еще одно окно в мир открыто.

Два дня шла по улице, как святая дева-дароносица. Все улыбались мне, вернее, моим букетам. Ужасно это хорошо, что самые запыленные, усталые люди начинают улыбаться, когда видят цветы. И вот теперь в нашей узенькой комнате поселились огромные, белые, с желтой сердцевинкой цветы (здесь нет махровых пионов. Они белоснежные, раскрытые, похожие на водяные лилии или магнолию, а когда полужакрыты, то на яйцо. Не иначе, это яйцо Леды, из которого должны вылупиться боженята). Там еще есть сирень, и розовые цветочки-сердечки, повисшие на гибких стебельках, и колокольчики розовые и лиловые. Я работаю, а они тихонько дышат вокруг, добрые, нежные, как всё милое в жизни, такие красивые, что делается больно и хочется плакать. А сейчас мне принесли «понюхать» два розовых восковых цветочка с торжественным именем «вулькамелия». Они пахнут театром, нарядными дамами, комфортом, всякой бывшей когда-то всячиной. А в субботу у меня и был театр, но пах он скверновато — луком и еще одной вонючей травой, которую здесь едят. Но видела я единственную веселую оперу на свете — «Севильского цирюльника», с замечательной Розиной — Бем, киевской певицей.³ Здесь оперный киевский театр с очень хорошим оркестром, театр, который не посрамил бы и Ленинграда. Так давно не слышала музыки, что прямо сердце радовалось. Когда слушала оперу, то думала, что «латинское чувство формы» — не выдумка. Вот цветы, опера, английский фильм «Леди Гамильтон»,⁴ о котором я тебе еще напишу, прогулка с мальчишками на реку Иркут, где луга в цветах, кусты черемухи и ольхи, белые песчаные плесы и голубые лесистые горы вдали, — всё важное, что произошло со мной.

Пишу работку, которая мне нравится, о звериных романах Киплинга и Дж. Лондона,⁵ читаю курс заочникам, упиваюсь лирикой Гете. Как ты не заставил меня заниматься языком, читая мне и переводя эти стихи? Что я знала о Гете? Разве можно его перевести? А ведь его лирика — это, конечно, лучшее, что есть в мировой поэзии, волшебство простоты, что-то совершенно непостижимое. И всё — от ранних простых песенок, вроде «Mailied», до поздних стихов, тоже простых и премудрых, как «Grabschrift».⁶ Никто из хороших даже французов не стоит и ногтя этого старика. <...> Целую тебя, мой всегда любимый, самый близкий и родной друг. Пиши.

¹ Я. Л. Бабушкин был уволен из Радиокomiteта 16 апр. 1943 г. Поработав некоторое время на одном из ленинградских заводов, он был призван в армию и с середины лета 1943 г. учился в какой-то военной школе, откуда был выпущен сержантом (политрук). Погиб при освобождении Кингисеппа в янв. 1944 г.

² *Коля Виноградов* — муж А. С. Стрелиной. О. И. Ильинскую очень волновала история с увольнением Яши, который в тот момент был главой музыкальной дирекции Ленинградского радиокomiteта. Обстоятельства увольнения Бабушкина до конца не прояснены. Ленинградский радиокomiteт, который сильно пострадал от репрессий 1937—1938 гг., выживших из состава его сотрудников каждого десятого, находился под особым контролем обкома и сформированной им политредакции

(Деревянко С. С. Документы по личному составу Ленинградского радиокомитета (1930–1940-е гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1993. Т. 24. С. 92). В радиокомитет Я. Л. Бабушкин поступил в 1938 г., к тому времени будучи уже членом ВКП(б). По-видимому, в его работе были какие-то промахи, которым предшествовало ухудшение отношений с руководством и частью коллектива. 15 дек. 1943 г., в своем последнем письме к Фридлендеру, Бабушкин писал: «В моей судьбе нет ничего исключительного. Несмотря на наличие определенных принципиального характера причин, создавших и углубивших разногласия с руководством вплоть до снятия, я не переоцениваю их значение. <...> Верю, что у меня будет еще возможность это исправить, вернее, учесть. Что касается той людской мелкоты, которая в глупости, неразборчивости и зависти спутала меня по рукам и ногам и сбילה с последней и настоящей работы, то в ее лице я вижу всё ту же столь ненавистную мне и, к сожалению не единственную, деловую никчемность, необразованную беспринципность, неумение распознавать людей по их делам и неумение служить советской власти и народу там, куда они их поставили для руководства. И я укрепляюсь в своей ненависти к этим качествам. Ничего, ничего! Придет время, отратсут рога и у бодливой коровы...» См. также письмо 20.

³ Киевский театр оперы и балета находился в Иркутске с 1942 г., его оперной примой была *Мария Петровна Бем* (1906–1978), народная артистка УССР (1946).

⁴ Английский фильм «Леди Гамильтон» (1941) шел в советском прокате с марта 1943 г. В письмах к Фридлендеру Ильинская больше не упоминала о нем.

⁵ 2 марта 1946 г. Ильинская сообщила Фридлендеру о скорой публикации в сокращенном виде своей статьи «Современный анималистический роман» (обнаружить ее в печати не удалось).

⁶ Ильинская называет стихотворения *И.-В. Гете* (1739–1842) «Mailied» (1774; «Майская песня») и «Grabschrift» (1827; «Надгробная надпись»).

13. <6 сентября 1943 г. Иркутск>

Дорогой мой, милый друг, теперь я действительно очень перед тобой виновата, так виновата, что и оправдаться нельзя. Месяца два я не писала буквально никому. <...> Причины, а не оправдания такого безобразного поведения — то ли переутомление и болезни, то ли, и это вернее, обычный обломовский néant,* подлое состояние безразличия, скуки, отвращения к себе самой, к привычным мыслям, чувствам, к работе. Всё это — роскошь во время войны недопустимая, и я со стыдом все два месяца сознавала, что я безобразничая и пускаю время под горку. Думаю, что этот запой — результат иркутской жизни, бесконечных, мелочных, гнусных ссор с нашим домашним драконом¹ и отсутствия действительных, взрослых людей, которые как-то стимулировали бы мысль и с которыми можно было бы общаться как с равными. Надо уезжать. Мать измучена домашней обстановкой, которую мы, наконец, переменили. <...> Теперь мы живем в большой семье, пять детей и одна мать, которая тянет их через голодную жизнь.² И мать и дети кажутся святыми после дракона, жить должно быть легче, но от драконьих сплетен и почти двухлетней злобы и раздражения сам зармарался и озверел.

* ничтожество (*фр.*).

О друзьях кое-что знаю. Яшка, должно быть, в армии, судя по его адресу. Из писем его трудно понять и то, как он туда попал, и то, находится ли он там до сих пор. Его адрес был ПП 86612 Б. Изя пишет чаще всех сентиментальные, розовые письма и даже прислал фотографию. На фотографии он орел, с царственным взглядом и капитанскими признаками, а письма его мне очень не по нраву. Какие-то сюсюкающие, словно к ребеночку писанные. Это только меня он так радует или всегда так писал? Сус после серьезных переделок на отдыхе. Она представлена к награде и, может быть, поедет награждаться в Москву. <...> Дела наши с возвращением довольно паскудны. Дом наш отремонтирован военкоматом, и в нашей квартире живет генерал. Должны были дать жилплощадь, но т. к. заниматься этим вопросом некому, а Марина³ не то влюблена, не то очень занята, то, может быть, и не дадут. Есть надежда на помощь Ганьки,⁴ который вызван в Москву и может перетащить меня туда при помощи всяких матримониальных сделок. <...>

Уныло. Ты писал как-то, что ничего не переменялось. В моих глазах, решительно переменялось, и по-старому panser* уже не годится, если не желаешь оказаться в гораздо более трагическом и даже непростительном положении, чем Гельдерлин и Стендаль.⁵ Несмотря на все трудности, мы были счастливым поколением, любимчиками истории. У мальчиков и девочек из разделенных школ⁶ не будет и наших солнечных вершин. Довольно. Желаю тебе и всем нам скорого конца войны, а он, кажется, близок. Это, во всяком случае, замечательно хорошо. Целую тебя.

¹ Имеется в виду хозяйка на старой квартире Ильинских.

² Ильинские переехали в дом матери Юры Уварова (см. письмо 7, примеч. 1).

³ *Марина* — *Мария Алексеевна Глебова*, урожд. *Левецкая* (1918–1981), в тот момент студентка театрального училища, с 1948 жена народного артиста СССР П. П. Глебова, троюродная сестра Ильинской.

⁴ Ильинская говорит о возможности оформления вызова в Москву (без него приезд туда был невозможен) с помощью Г. С. Стрелина.

⁵ *Гельдерлин* — см. письмо 11, примеч. 6. Суть сопоставления судеб Гельдерлина и Стендаля в письме Ильинской заключается в бедственном положении их психики: болезни того и другого были разными (и по характеру, и по силе), но в обоих случаях связаны с особой, страстной любовью к искусству.

⁶ Раздельное обучение мальчиков и девочек в школах было введено в 1943 г.

14. <3 ноября 1943 г. Иркутск>

Дорогой мой! Ты не ответил уже на три моих письма, и я просто не знаю, что делать. Ради бога, напиши или телеграфируй. <...> В Москве была Сус. Пыталась перетащить своих родителей, но соседи слизнули у них квартиру на время войны, и возвращаться некуда. Наши вопли (т. е. письма и заявления) в Москву тоже пока остаются бесплодными,

* залечивать (*фр.*).

а я сейчас даже на зиму в Иркутске смотрю с ужасом, как в темный погреб. Братец мой милый, только бы ты остался цел и здоров! А то и никаких личных надежд не будет в послевоенной жизни. Ужасно пусто и мерзко на душе. Всё я за Иркутск растратила, даже память о Яшке. Только тебя и помню из всех.

Якова послали в какое-то училище, которое он должен скоро кончить.¹ Не верю в его «счастливую рубашку», жду от будущего крупной мерзости. Что я делаю? Что читаю? Что думаю? Интересно тебе еще это? Милый, ничего. Я написала работу, и ее выдвинули на премию, но она пуста и беспринципна. Говорить о ней не стоит. Одна зубная боль на сердце. Подозреваю, что это Ольга Ильинская так мне надоела и что мне с ней больше не жизнь. Всё надо менять от верха до низа. Не послать ли тебе еще книг? Пиши скорей. Будет хоть что-то впереди, если ты опять здоров. <...>

¹ См письмо 12, примеч. 1.

15. <27 ноября 1943 г. Иркутск>

<...> Юра, милый мой друг, иногда меня охватывает безнадежность, и мне кажется, что та глава нашей жизни, когда мы были все вместе, закончилась навсегда. <...> Нет ответа и на мое заявление в институт (я просила, чтобы меня вызвали для окончания аспирантуры).¹ Марк Давыдович, которому я писала, тоже молчит.² Письма падают как в черную яму. Что делать? Как выбраться отсюда? Тех друзей, которые сделали бы для меня эти пустяки — походили бы, куда нужно, и понадождали бы за меня, нет в Москве, а другие на поверку оказались неважными друзьями. Все уезжают, даже те, кто никогда в Москве не жил, мои студенты, а мы... всё в той же позиции, и уедем ли? Ничего больше Иркутск не дает, я опускаюсь и понимаю это. Еще один год, и я пойду служить в канцелярию. Но не мне тебе жаловаться.

Скажи, Юра, не послать ли тебе еще книг? Кое-что я могу еще достать. Ты мне обещал когда-то написать о Гомере и не написал. Напиши. Я так скучаю без умного друга, без твоего душевного облика. Неужели уж так тебе плохо, что всё это отложено и ушло: искусство и большая жизнь? Я тебе хотела рассказать о друзьях, но, может быть, ты знаешь о них больше, чем я. Яшка в военной школе где-то около Ленинграда. Ему нехорошо: он одно время писал часто. Значит, одиноко и пусто. <...>

Моя жизнь здесь стала мало полезной. Мне очень надо еще учиться, а не учить, т. к. я не знаю даже самых примитивных вещей и ничего не знаю систематически. Отчего ты мне никогда не говорил, что я непристойно невещественна? Смысл моей педагогической деятельности заключался для меня в том, что я, казалось мне, учу их думать, «беспокою» их, заставляю их душу вкладывать в литературу. Но сейчас во

многим из того, во что я верила (в литературе), я изверилась, многое требует (по времени) капитальных поправок, внести которые я или не способна, или для которых не могу найти приемлемой формы. Ты как-то написал, что ты остался при совершенно тех же взглядах, но ведь уже то положение, энгельсовский «прыжок» из ... в ... etc. затянулся и, может быть, отошел в далекое будущее, сильно меняет положение.³ Разве можно сейчас даже такие статьи писать, как писала Усиевич в «Литературном критике»?⁴ Так вот, мне часто теперь приходится в лекциях говорить о том, что никак не связано с «душой» моих ребят и с их печалью и радостью, говорить устаревшее и явно сейчас фальшивое. Надо уехать. Кроме того, я собой недовольна, я в себя верить перестала, и мне стыдно *учить*. Для того, чтобы учить, надо чувствовать себя чистой и уважения достойной. Самое хорошее, что я сделала: научила трех мальчишек французскому языку. Вот опять эгоистическое письмо. Целую тебя, родной. Пиши. Ляля.

<...> На отдельном листке я посылаю тебе стихи А. de Musset,⁵ которого мы в «золотые годы» вместе учили для Мадлены.⁶

Quand on perd, par triste occurrence,
 Son espérance
 Et sa gaieté,
 Le remède au mélancolique,
 C'est la musique
 Et la beauté!
 Plus oblige et peut davantage
 Un beau visage
 Qu'un homme armé,
 Et rien n'est meilleur que d'entendre
 Air doux et tendre
 Jadis aimé!*

Очень грубо, может быть, посылать их тебе, тебе, для которого сейчас *la musique* и *la beauté* — вещи недостижимые. Но, читая их, эти «грустные» стихи, я как раз думала о тебе и о многих других, которые мерзнут, идут в атаку, сидят в окопах, едут в теплушках, лежат в госпиталях etc. И о многих людях довоенного времени. Меня поразило отличие двух эпох. *Un beau visage* может больше сделать и к большому принудить, чем *armé*.** И какое ощущение нравственной свободы открывается даже за этим конкретным стишком, за этим незнанием безграничных возможностей *d'un homme armé!****

* Когда в тоске немых страданий / Нет упований / И жизнь пуста, / Целение — душе печальной — / Звук музыкальный / И красота! / О! Больше значит, больше властно / Лицо прекрасной, / Чем мощный царь, / И сладко слышать в грусти жгучей / Напев певучий, / Любимый встарь! (пер. В. Я. Брюсова; цит. по: *Мюссе А. де*. Избр. произведения: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 309).

** Прекрасное лицо <...> оружие (*фр.*).

*** вооруженного человека! (*фр.*).

Этот «сын века» и не подозревал о таком положении дел, когда ни красота, ни музыка не могут стать убеждением и лекарством даже для единиц, когда не остается уже ни на йоту душевного комфорта, необходимого для того, чтобы утешаться где-то в стороне и испытывать наслаждение, как хорошенький Musset, от собственной печали. Всё это так, и, хотя мне очень нравится эта кокетливая грусть и это меланхолическое благосостояние, я не отдала бы за него своего изящного знания о возможностях d'homme armé и тех пройденных и проходимых всеми бурь, которые не оставили спокойного уголка даже на самом дне морском. К сожалению, я не могу написать ответных стихов. Но я баба, и мне позволено, в снисхождение к моей дамской слабости, быть непоследовательной. Я посылаю эти стихи тебе вовсе не для того, чтобы изложить изложенное, а для того, чтобы ты (может быть) порадовался бы на их милую музыку и почерпнул из них хоть капельку того душевного комфорта, которого у тебя нет. Значит, un petit peu* я сама надеюсь, что la musique может больше, чем un homme armé и что можно хоть чуть-чуть утешаться этими вещами.

Если уж осмелилась я с тобой говорить об искусстве, то скажу тебе, что я, без всякого отношения к моим занятиям, вдруг влюбилась в Чехова и в его драмы, в «Трех сестер» особенно, вовсе не потому, что там «в Москву! в Москву» (кстати сказать, возглас этот в пьесе совершенно символичен, и значение его неверно, плоско, слишком в бытовом плане понято Станиславским). И теперь только диву даюсь, как я могла этого нежного и удивительно «доброго» художника ставить на одну доску с салонным Метерлинком, грубым Гауптманом и большим, но совершенно абстрактным и безнадежно лишенным всякого утверждения жизни, Ибсеном. Если бы я сама знала, зачем и почему я тебе всё это пишу! Мне просто хотелось почувствовать себя с тобой в своей тарелке, и вот я исписала этот листок всем, чем вчера и сегодня «хорошо» задевало меня. <...>

¹ С 1939 г. Ильинская училась в аспирантуре при кафедре всеобщей литературы Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (МОПИ), под руководством М. Д. Эйхенгольца.

² *Эйхенгольц Марк Давидович* (1889–1953) — литературовед, переводчик, профессор МОПИ, исследователь и комментатор творчества Г. Флобера и Э. Золя.

³ Ильинская имеет в виду мысль Ф. Энгельса (1820–1895) о «скачке человечества из царства необходимости в царство свободы», когда «объективные, чуждые силы», господствовавшие в истории, станут «свободным делом» людей, творящих историю во имя желанных для них целей («Анти-Дюринг», 1878; отд. 3, гл. 2).

⁴ *Усиевич Елена Феликсовна* (1893–1968) — участница революционного движения и Гражданской войны, в 1930-е гг. печаталась в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение», писала о проблемах социалистического реализма, политической поэзии и советской критике.

* Немного (фр.).

⁵ *Мюссе Альфред де* (1810—1857) — французский поэт, драматург и прозаик; Ильинская приводит в письме текст его стихотворения «Песня» (1850). Ниже она называет поэта «сыном века» — по его роману «Исповедь сына века» (1836).

⁶ *Меллун Мадлен* (*Мария-Магдалена, Марлен*) *Геральдовна*, урожд. *Бюхтгер* (1889—1951?) — преподаватель французского языка ЛГУ и Ленинградского отделения кафедры западноевропейских языков АН СССР. О «Мадлен» с восхищением вспоминали выпускники ЛГУ Е. Г. Эткинд и И. М. Дьяконов.

16. <23 января 1944 г. Иркутск>

Дорогой мой Принц Лапутянский! Сейчас иду на почту отправлять тебе бандероль: шесть разрозненных книг из собрания сочинений Пушкина <...> Я получила извещение от своего старика о вызове в Москву. Дирекция Иркутского университета меня не отпускала до мая, тем не менее Эйхенгольц добился, чтобы вызов мой подписал Кафтанов.¹ Теперь переезд — вопрос двух-трех месяцев. Старик пишет, что ждет меня к 20 марта. Он обещает мне всякие блага: столовую при горкоме писателей, работу в журналах и, что самое главное, педагогическую работу в институте. Он пишет мне на редкость нежные письма и обещает сделать для меня всё, что в силах человеческих. Иркутск приучил меня к подозрительности: здесь никто ничего задаром не делает. Меня бы растрогали до слез эти добрые заботы, но я пугаюсь слишком нежных и интимных ноток в письмах моего мэтра. Может быть, весьма глупо и стыдно быть столь недоверчивой. Да и что же мне пугаться, в конце концов? Несколько неудобных минут какого-нибудь идиотского объяснения.

Пока я ему благодарна: библиотека, возможность учиться дальше, большая жизнь, не Иркутск — всё это он обещает мне вернуть, а это непостижимо много. Теперь-то уж я напишу диссертацию! Он не может вернуть мне московских друзей. Их, увы, нет. <...> В Москву, следовательно, я возвращаюсь на холодное, разоренное гнездо, оставляя здесь моего золотого сибирского мальчика, маленького Юру, который за меня отдаст сотню жизней и даже одну-единственную, имеющуюся в его распоряжении, двух других моих мальчиков, из которых один (Саша)³ — «скептический ум» — будет стоящим человеком. Он тоже меня любит настолько, насколько этой холодной, насмешливой и эгоистичной ребяческой душе любовь свойственна. (Боже! какая литературная фраза.) А еще студенты, мои девочки: для них я больше, чем лектор (может быть, это не лестно для меня как лектора), для них разговоры со мной — дверца в какой-то любопытный, большой мир, и им будет очень одиноко без меня. <...> Москва — перспективы. В Иркутске их нет. В общем, письмо ни о чем, т. к. мне и в голову не приходит остаться здесь, а Юру я вывезу, помещу учиться, буду кормить и водить в театр,⁴ усыновлю, если это будет можно и понадобится. Ты не можешь себе представить, до чего я привязалась к этому 15-летнему рыцарю.

Меня очень поразило твое письмо, особенно, что не нужно «капитальных поправок». Может быть, мы с тобой по-разному понимаем слово «капитальный». Я тоже не собираюсь писать заново «Коммунистический манифест», но тем больше ощущаю необходимость перетрясти свое мировоззрение. Не знаю, может быть, твое «уединение» уж слишком отдаленно, и ты не знаешь и не видишь, как состарился мир. Тем хуже для тебя: тебе придется после войны знакомиться с другими людьми, с другими городами, с другим воздухом. Не знаю, как понравятся тебе новые знакомые. Друг мой, но, что бы ни происходило на свете, ты, моя молодость, мои друзья остаются для меня неприкосновенными, и я знаю, что наши дружеские связи и почва для взаимопонимания сохранятся «до захода солнца».

Я очень далека от пессимизма. Он и не возможен для меня. У меня в крови веселая закваска. Я не только верю, но и знаю, что «жизнь всё отдаст», да и без всяких знаний — снег с голубыми тенями, Ангара в розовых морозных парах, огромность мира, наконец, хрупкие и сложные душевные машинки, которые стучат, торопятся, ломаются и вновь восстанавливаются в каждом встречном и во мне самой, — всё это для меня источник вечного любопытства, упоения и радости. Есть только одна абсолютно скверная штука на свете — смерть. Но если и нельзя лишить ее «жала» во всем мире,⁵ то для себя можно сделать ее нестрашной. Всё это зависит от полноты и цельности каждой данной минуты бытия, от реальных, уловимых на ощупь связей с будущими поколениями. Для меня, «маленькой», эти связи в простой и безыскусственной доброте, в этой штуке, над которой я когда-то презрительно подсмеивалась в свой «демонический» период. Какой убогий результат исканий, отречений в области «личной» морали: надо быть доброй. Но всю свою жизнь я утыкалась лбом, после многих окружных дорог, в простейшие истины, известные дедам и прадедам. Стоило ли изменять одним и оплакивать измены других, вываливаться в грязи и портить жизнь хорошим людям для того, чтобы убедиться, что супружеская верность не «предрассудок», и что привычка не «подлое приспособленчество» и не измена любви, и что «быт» превращает человека в ничтожество только тогда, когда и без «быта» он не вылез бы из болота? Я думаю, что стоило. В конце концов, «решения» приходят и уходят, а недовольство собой, искания, опыт, вечно создаваемый, остаются. <...>

Яшка, видимо, участвует в боях за Ленинград. Боюсь за него. <...> Ленинград уже не будут обстреливать. Скоро окажется свободной дорога из Москвы, и я поеду в гости к Гавриле, который туда вернется. К тому времени, вот тебе пожелание на Новый год; да будешь и ты там, дома. Я встречала Новый год с двумя моими студентками и тремя мальчишками из моего кружка, у нас дома. Были шарады, смешные подarki и задумешный разговор под конец. Это был единственный в Иркутске «милый» Новый год, встреченный по-старому, с друзьями. Если

бы тебя показать им, как они нажились бы на тебя и насколько полезней мог бы ты быть для них, чем я! Когда-нибудь я познакомлю «моих учеников» и вас. Это будет величайшее счастье для меня. Сама не буду тогда уже разговаривать, а сяду в углу, буду смотреть на вас и наслаждаться, какие вы все удивительные, умные, красивые, какие вы Люди. И буду гордиться, что я в вашем кругу и что моя часть тут тоже есть. Да будет!

¹ См. письмо 15, примеч. 2. Вызов в Москву был подписан С. В. Кафтановым, уполномоченным Государственного комитета обороны по вопросам науки, председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР.

³ Юра Уваров, Саша — см. письмо 7 и примеч.

⁴ Свои планы относительно будущего Юры Уварова Ильинской удалось осуществить (см. ниже).

⁵ Ср.: «Смерть! где твое жало?» (1 Кор. 15: 55).

17. <14 февраля 1944 г. Иркутск>

Дорогой Лапутянин! Честное слово, ты ко мне несправедлив. Правда, я пишу тебе редко, но зато длинные письма, гораздо длинней, чем другим. <...> Пропуск мне послан. Об этом Эйхенгольц известил меня уже в трех телеграммах, а пропуска еще нет. Этот старик удивительно заботлив, даже чересчур. Он выхлопотал в Наркомторг распоряжение о том, чтобы мне в Иркутске выдали академический паек, который дают профессорам, на том основании, что я читаю профессорские курсы. Жду этого распоряжения с ужасом. В университете сейчас же поднимется на мой счет волна сплетен и недоброжелательства. Паек — благополучие, а здесь или, может быть, теперь всюду благополучие пробуждает сплетничество. Таланты, которые и так врождены каждому иркутянину. <...>

Сус в декабре уехала на другой фронт. Где она — я не знаю. Уехала в очень мрачном состоянии, в ожидании всяких несчастий. У Изи были неприятности на службе, и он переведен в другое место. Это я узнала не от него, а от Лени Пинского,¹ который мне прислал кислое скептическое письмо, в ответ на мою записку. У него теперь учатся многие мои студенты, переведенные из Иркутска в Москву. Если бы у меня было хоть в течение месяца такое состояние, как у этого человека всю жизнь, то я, наверное, повесилась бы. <...>

Студенты готовятся меня провожать. Вчера ездила в город сниматься с III курсом у матери одной из моих девочек. Снималась с каждой из них и одна, так что скоро пришло тебе карточки. На сердце и в голове у меня страшно пусто. Нужны какие-то внешние стимулы для того, чтобы стать похожей на человека. Я стала старчески добра и сентиментальна. Всех жалею, так что, как в детстве, хочется открыть больницу для собак и приют для старых лошадей. Вот увидишь, на старости лет я стану евангелисткой, как тетька Киса,² и буду верить

в Адама и Еву и в сотворение мира в 7 дней. Впрочем, может быть, к моей старости всё это будет l'esprit du temps.* Библейский бог не простит мне проступка, который я пока, в здравом уме и памяти среднего качества, ставлю себе в заслугу: мне почти удалось вырвать из праведного иркутского житья, <2 строки залиты чернилами цензора> самого любимого. Юра Уваров хочет летом сдать экзамены за десять классов экстерном и ехать учиться в Ленинград, в университет,³ на западное отделение филфака. Я даже проектирую поселить его с Ганькой на Невском.⁴ Ганька вернется в Ленинград весной вместе с институтом и будет жить один, т. к. Кошка и Колька в Бухаре⁵ и вынуждены будут задержаться. Впрочем, пока это château en Espagne,** может быть, он не выдержит экзамены, а скорей всего, не вызовут в Ленинград. Но и в этом виде проект поможет ему заняться чем-то после моего отъезда. Он ко мне восторженно привязан. <...>

Я читаю Бальзака, обнаруживая каждый день, что до сих пор я очень мало его знала и просто не читала огромного большинства его романов. Пожалуйста, не подозревай, что я могу что-то интересное думать о книгах. Ничего. Я просто читаю, и мне не очень нравится, хотя я и пребываю при этом в холодном восхищении. Очень трудно любить писателя, у которого не может нравиться ни один герой. Ведь все эти Д'Артезы и Жозефы Бридо,⁶ добрые матери, верные жены etc. похожи на картины академиков — возведенные в небеса глаза с льющимися слезами, воздетые руки, красиво распущенные волосы и полное отсутствие естественности и чувства. Конечно, великолепны интриганы, авантюристы, скупцы, всякая сволочь. Но ими восхищаешься холодно и без симпатии. «Кузина Бета» и «Жизнь холостяка»⁷ — удивительные книги, но ощущение грязи, гнилья остается после них ничуть не меньше, чем после какой-нибудь «Нана».⁸ Нет, я люблю литературу с идеальностью, и Стендаль мне больше подходит. От Бальзака так и тянет к Диккенсу, к добрым, милым, нелепым чудачкам, от которых на сердце светлеет и жить хочется. Может быть, всё это потому, что я два года терпела рядом с собой дракона Ксюшку,⁹ о которой можно было написать мелкотравчатый роман в бальзаковском духе. Сейчас (если подрозовить очки, которых я не ношу, и взглянуть на нашу квартиру) живу в диккенсовской обстановке: милая легкомысленная фантазерка-мать и пять детей, которые трогательно уступают друг другу свои хлебные пайки и заботятся о матери.¹⁰ Ее фантазерство заключается в постоянных проектах обзаведения свиньями и козами, которых надо прокормить, тогда как в семье нет ни копейки денег, ни мешка картошки, ни черта. <7 строк залиты чернилами цензора>

Целую тебя, милый мой друг. Что-то я себе до крайности мерзка. Мне надо выучить, по крайней мере, латынь, испанский для того, что-

* дух времени (фр.).

** воздушные замки (фр.).

бы амнистировать себя. Скрашивают мою жизнь желто-розовые закаты, которых нигде не увидишь, кроме Сибири, огромные звезды по ночам и тоненькие веточки в инее перед моим окном. <...>

¹ Пинский Леонид Ефимович (1906–1981) — филолог, автор работ о западноевропейской культуре XVII–XVIII вв., профессор, участник диссидентского движения 1960-1970-х гг. В письмах Ильинская часто упоминает о Пинском, обнаруживая критическое отношение к нему.

² *Тетьа Киса* — Е. В. Ильинская (см. примеч. 29 к воспоминаниям Фридендера «Ляля Ильинская»).

³ Ю. П. Уваров поступил в 1945 г. в МГУ.

⁴ Адрес Стрелиных в Ленинграде: Невский пр., д. 25, кв. 22.

⁵ А. С. Стрелина с мужем Н. И. Виноградовым находились в эвакуации.

⁶ Герои романа О. де Бальзака (1799–1850) «Утраченные иллюзии» (1843).

⁷ Романы «Кузина Бета» (1846) и «Жизнь холостяка» (1843), включенные Бальзаком в «Сцены из жизни провинции».

⁸ Роман Э. Золя «Нана» (1883).

⁹ Прежняя квартирная хозяйка Ильинских.

¹⁰ Речь идет о семье Юры Уварова и его матери, враче-гинекологе Екатерине Григорьевне Уваровой; отец Юры капитан Петр Алексеевич Уваров погиб на фронте (сообщено чл.-корр. РАН, докт. ист. наук, гл. науч. сотр. ИВИ РАН Павлом Юрьевичем Уваровым).

18. <9 мая 1944 г. Иркутск>

Дорогой мой, я всё еще здесь, но дело идет к концу. 15–18-го кончаю все лекции и уезжаю. <...> Юра, милый мой друг, от Яши нет писем уже 4 месяца. Я писала его приятелю в Ленинград, у которого он жил перед призывом в армию. Они имели от Яши последнее письмо из Кингисеппа (когда наши войска брали Кингисепп). В этом письме он прислал № полевой почты, но посланные по этому адресу письма вернулись обратно с надписью: «адрес неверен». Таким образом, даже неизвестно, куда обращаться, чтобы узнать о его судьбе.

<...> Дружба со студентами стала совсем кровной, и моих дорогих «дочек» вызывали к ректору, чтобы указать им, что их отношение ко мне «оскорбляет других преподавателей»! Меня обвинили, что я якобы соблазняю их бросать университет после своего отъезда. Такая глупость может произойти только в Иркутске.

Мальчика Юру я хочу вывезти в Москву и устроить учиться. Он сдает экстерном за 10 классов, пока на отлично. Сдал французский, который учил со мной 9 месяцев. Успехи его во французском просто удивительны. Он прочел уже много книг, среди них философские повести Вольтера, несколько сборников Мопассана. Сейчас сидит на моем диване и читает Мюссе. Об этом и писать даже неудобно, так это удивительно и здорово. Я чувствую себя как курица, которая высидела лебеденка. Он мой «богоданный» сын, спасибо за него жизни. Тему диссертации переменяла, хотя и оставила Zola. Эйхенгольц прислал

восторженную телеграмму по поводу новой темы, но тебе я ее пока не назову. Тебе она не понравится. <...> Целую. Ляля.

19. <27 июня 1944 г. Москва>

Дорогой Лапутянин, мы в Москве уже почти неделю. Наша жилплощадь в старом, теперь отремонтированном доме занята, но нас прописали временно в комнате Марины и, по закону, должны возместить нам занятую жилплощадь, за которую мы аккуратно платили. Пока я живу у Мити, а мать у Марии Сергеевны.¹ На днях переедем на дачу. Мать будет, видимо, и здесь работать инструктором, возможно, на старом месте. Меня с первых дней старик загрузил делами. Через неделю я уже начинаю читать заочником.² Буду вести семинар по курсу Эйхенгольца и т. д. Прямо страшно делается за диссертацию. Вряд ли удастся написать те три статьи, которые я придумала. Печатать трудно, да если и напечатаешь, то платят очень мало и очень нескоро, а мне надо деньги зарабатывать. Писать для себя — роскошь. Вчера была на защите докторской диссертации Грифцова, тема: «Бальзак». Ее с треском провалили, и провалила молодежь — кандидаты-дамы, которые очень блестяще разбили Грифцова и в пунктах, наиболее ценных профессорами-стариками. Они доказали, что и «научная», фактографическая сторона диссертации уступает западным трудам такого типа, больше того, она буквально списана из французских работ о Бальзаке. Последняя речь кончалась так: «Если бы у нас были такие бальзаковеды, как Гриб,⁴ то диссертация не была бы допущена к защите». <...> Целую. Пиши. Ляля.

¹ Митя — Д. Н. Курсанов (см. примеч. 27 к воспоминаниям Фридлендера «Ляля Ильинская»), в 1920-х гг. его семья жила в одной квартире с Ильинскими. Мария Сергеевна — лицо неустановленное.

² Речь идет о начале работы Ильинской в МОПИ (см. письмо 14, примеч. 1).

³ Грифцов Борис Александрович (1885—1950) — крупнейший советский исследователь творчества Бальзака, автор монографии «Как работал Бальзак» (1937), переводчик. См.: Гунст Е. А. Б. А. Грифцов как бальзаковед // Оноре де Бальзак: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке, 1830—1964. М., 1965. С. 356—360; Русские писатели, 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 45—46 (статья А. В. Лаврова). В работах Грифцова заметна «неуверенность <...> в собственном социологическом анализе», ограниченном «повторением апробированных наблюдений Энгельса»; бальзаковедческие работы исследователя имели преимущественно «популярный характер», очевидный для академического сообщества (Зенкин Б. А. Грифцов — теоретик литературы // Грифцов Б. А. Психология писателя. М., 1988. С. 18), видимо, эти особенности и послужили основой для провала его диссертации.

⁴ Гриб Владимир Романович (1908—1940) — литературовед, эстетик. О его работах как «новой ступени в развитии бальзаковедения» см.: Резник Р. А. В. Р. Гриб как исследователь Бальзака // Оноре де Бальзак. С. 350—356.

20. <23 августа 1944 г. Москва>

<...> Друг мой, до чего сложнее и сложнее становится и осознается с годами жизнь! Скажи, я ли это виновата, или всегда так бывает, что прошлое уходит, оставляя след только в характере, в мировоззрении, в поступках, но все попытки задержать его реальные «остатки», людей, быт, оказываются бесплодными, мучительно бесплодными. Как отнеслась бы я к тем, кто в первые месяцы войны попробовал бы мне сказать, что Сусанна будет мне чужим человеком, когда мы встретимся? А она мне все-таки чужая, и это тем тяжелей, что «прошлое обязывает» и что мы обе пыжимся зажечь вновь угасший «огонь дружбы». Мы ласковы друг к другу, мы целуемся при встрече, а интерес общий отсутствует, и я не могу понять, дружески понять главный смысл Сусаннинного существования сейчас: найти мужа, иметь ребенка, иметь свой дом. Уже это желание делает ее очень холодной к окружающему миру и ко мне. Всё, что не это, для нее «деталь», проходящее. Но зачем винить ее? Может быть, это во мне сидит бесенок отчуждения и равнодушия к людям. <...>

То же произошло у меня и с Ганькой (он проезжал в Ленинград).¹ Омерзительным тоном я читала ему нотацию, аки Онегин Татьяна, ему, такому жалкому, похожему на мокрую ворону, полусумасшедшему. Мы вовсе не радовались друг другу. Наоборот: эти три дня были днями мучительных, психологических разговоров на брачные темы — что ему нужно, да что мне. (Какими простыми казались все эти встречи из Иркутска! Но если бы хоть одну минуту непосредственной радости!) Всё это было агонией долголетней иллюзии на тему о кровно близком человеке, которому ты беспрекословно нужен. (Забавно, что оба мы не думали о нужности для меня другого человека, а только о том, что я другому нужен.) Единственное истинное, что у меня было в этой встрече, это беспомощная жалость и полное сознание, что он погибает морально, что он стоит на границе какой-то ямы, из которой уже не вылезти, и что не только я, но и никто здесь помочь не может, разве только на время какая-нибудь самоотверженная, бесконечная любовь. А где ее взять?

Да и о Яше не пролила ни одной слезы. Нет, я не забыла его. Тяжелым камнем он лежит у меня на сердце. Вдруг вспомню его кудрявый вихор, университетский бушлат, его маленькие, широкие, красные лапы, и такая боль свяжет всё тело, что нет сил ходить, думать, встречать людей. Боль и виновность. Как скуп, как нелепо жадно я отпускала ему свою божественную личность!² По полфунта в год, да еще с оговорками, чтобы он знал, какую ценность получает, недостойный. Но я твердо знаю, что если бы сейчас начать опять, то было бы еще хуже, еще расчетливей, еще бесчестней. Это я такая уроды или жизнь? <...> Но нет, есть еще один живой: мой золотой иркутский мальчик, мой маленький Слон,³ о котором я почти не могу думать без слез умиления.

Но его мне до сих пор еще не удалось перетащить в Москву. <...> Может быть, все-таки он приедет, и я буду водить его по городу, читать ему книги, помогать ему жить и доделаю до конца это бесспорное дело, хорошее дело создания человека.

А пока я продолжаю быть здесь ужасно одинокой. Только и есть у меня для разговоров, без которых сейчас совсем не обойдешься, а жизнь меняется с каждым днем, и один ее не расчухаешь, — Андрей, мой соаспирант.⁴ Но он, хоть и очень хороший, и неглупый, и много перевидавший, а российский байбак в мыслях и в жизни. Он ленится додумывать до конца и часто логический вывод заменяет эмоцией, а эмоция — подлюга. Она в благородные костюмы переодевает выгоду и сует ее тебе в нос, замаскированную под энтузиазм, и т. п. штучки. Настоящая страстность мысли заключается вовсе не в том, чтобы перемешивать логику с инстинктивными порывами, а в том, чтобы, вопреки даже эмоциям, доводить мысль до конца, до практических выводов. И потом уж слишком велико в нем желание отойти по возможности в сторону и заняться книгами. Уж очень легко он соглашается на всё, что преподносит ему жизнь и его собственный характер.

Видела я еще несколько раз Дм. Ник. Насонова и Вильку.⁵ Вот с этими людьми у меня никакой отчужденности нет. Так легко, приятно и свободно я давно себя не чувствовала. Но ведь это только оттого, что мы друг на друга никаких больших ставок не ставим, жизнь свою друг с другом не связываем и не требуем от себя слишком большой радости и волнения при встрече. Какой же это замечательный человек Дм<итрий> Ник<олаевич>! Очень многое в нем хорошо изменилось после того, как он побывал в окопах, повоевал, голодал в Ленинграде. <...> Он живет большой жизнью и в науке, и во всем том, что происходит в мире. С Вилькой мы порешили попробовать поднять дело о Яше и его уходе из комитета.⁶ Этот уход, как, может быть, тебе неизвестно, связан с травлей, а травля с такими вещами, о которых лучше не поминать. Вильку, как поклонника Шелома Алейхема и Лиона Фейхтвангера,⁷ это дело интересует не только из дружеских отношений к Яшке, но и принципиально. Может быть, пока еще и можно что-нибудь сделать. От одной мысли, что негодяи, отравившие ему жизнь, отнявшие у него работу, которую он выполнял героически, может быть, даже замаравшие его репутацию, сидят и распоряжаются этим любимым Яшиным делом, приводит меня в состояние ярости и негодования. Да и не об одном Яше идет тут речь. Скоро Вилька поедет в Ленинград и там выяснит все обстоятельства этой грязной истории. Неужели люди, которым Яша отдавал свой хлеб в самые голодные дни, которых он любил так, как никто не любит братьев и сестер, откажутся принять участие в восстановлении его доброго имени? Впрочем, пока еще всё это довольно темно и неясно. Может быть, даже и те разговоры о причинах травли, которые до меня дошли, — сплетни мнительных людей.

Была с Сус у Мих<аила> Ал<ександровича>.⁸ Он произвел на нас обоих грустное (маленькое слово) впечатление. После того, как мы вышли от них, мы шли молча целый квартал, как после внезапного известия о смерти. Дело не только в том, что его отправляют в Ленинград, куда ему, как он сказал, «от родных могил» уезжать не хочется. <...> это всё поверхностные обстоятельства. Он лишен и внутреннего стимула к творчеству. Здесь «мировой дух» так основательно напакостил, что человек, который бесконечно много мог, уже ничего не может. И думаю, что с ним, как с «мэтром», кончено. Тот период истории, который возрастил его, завершился. Он это настолько хорошо знает, что сам читает по себе отходную. Бога ради, не усмотри в том, что я пишу, недостаток уважения к нему. Раньше он был для меня только человеком огромного ума и широты, а сейчас еще гораздо больше: человек, которого я люблю, которым я люблюсь и которого я понимаю, потому что ведь и мы немного отпили из этой чаши с цикутой. О таких, как он, лет через сто, напишут трагедии, и это будут «самые трагические трагедии» в мировой литературе. Огромное величие в этом — «наступать на горло собственной песне», потому что, в конце концов, огромное большинство людей поменьше никогда не «наступало» и не «наступит», и будут «петь» до тех пор, пока песня не станет жалким «писком». Ах, какой он стал добрый, мягкий и простой! Олимпийство улетело, а вместо него появилась та непосредственная отзывчивость, в отсутствии которой упрекал его Изя.

Видела я еще Риту.⁹ <...> Мне было с ней очень просто и обыкновенно, словно я ее вчера только видела. Уютно и не очень интересно. Она много работает, и у нее появились те же «холостяцкие» навыки, та же самостоятельность, как и у всех женщин во время войны, которые остались без мужской помощи глаз на глаз с жизнью. Все мы стали *braves femmes** в той или иной степени. Многим будет даже трудно отвыкнуть от одинокой жизни и от свободы, которая сейчас кажется постылой. И мне тоже. Очень уж материально трудно жить, мелочи одолевают. Нужна поддержка. Может быть, поэтому я вернусь к Гане, если вернусь. (Только как страшно мне лезть в его темноту беспросветную!) О чем же еще писать? О Ромэн Роллане, «Драмами о революции»¹⁰ которого я зачитываюсь? Но ты его забыл и не очень, кажется, любишь. Кроме того, вряд ли они покажутся тебе такими современными, как кажутся мне. О замечательном русском художнике Корине, о котором до сих пор мы знали только по слухам, а теперь увидели часть его картин на выставке?¹¹ Но как опишешь картины, да и интересно ли это тебе? О внешней нашей жизни? До сих пор у нас нет комнаты, хотя за нами и сохраняется бесспорное на нее право, и хлопочет о маме Моссовет и т. д. <...> Я больше месяца читала лекции и принимала экзамены у заочников моего института. Готовлюсь к последнему минимуму,

* отважные женщины (*фр.*).

доделываю своих «зверей»¹² и бегаю к Гудзию¹³ и в Наркомпрос хлопотать о Юре. Написала статью о выставке пейзажа для «Литературы и искусства».¹⁴ Пошлю тебе эту «песню», в которой уже слишком много писклявых нот. Из новой литературы прочла только роман Пристли «Дневной свет в субботу» («Новый мир» 1944 г., №№ 1—3) и его пьесу «Они дошли до города».¹⁵ Этот писатель очень любопытен для нас, т. к. по его книгам довольно ясно представляешь себе современную английскую жизнь. <...>

Я буду зимой читать спецкурс (45 час.) «История стилей». (Так называет его М<арк> Д<авидович>, но на самом деле это синтетическая история живописи и литературы нескольких, избранных, эпох. Античность я исключила.) Очень нуждаюсь в твоих советах по этому курсу. И вообще, если ты будешь прорекать иногда истины о связи живописи и литературы, о господстве музыки, живописи, поэзии, драмы в различные эпохи (главным образом, XIX в.), о «музыкальности» поэзии символистов и «живописности» натурализма, об идее синтетичности искусства в XIX в., то это будет очень полезно и для моей диссертации. Целую. Ляля.

¹ О встречах Г. С. Стрелина с Ильинской в 1944—1945 гг. сообщала в письмах к сыну А. М. Фридендер, ссылаясь на рассказы о них его сестры: Ляля «весьма не прочь вернуться к Гане, но она (сестра — С. Б.) убеждена, что хорошего не получится, и она очень против» (30 нояб. 1944 г.).

² А. М. Фридендер считала, что «Ляля никому не в состоянии дать кусочка счастья»: «Яшу можно было только пожалеть, какой он был одинокий и заброшенный, только в работе он обрел покой, а работал он и днем и ночью, был страшно издерган, очень плохо себя чувствовал, не лечился» (осень 1944 г.); «...как трагична его судьба и как мало радости он испытал от жизни с Лялей!» (17 мая 1945 г.).

³ *Слон* — так Ильинская звала Юру Уварова.

⁴ *Андрей Семенов* — аспирант М. Д. Эйхенгольца, защита диссертации которого должна была состояться в 1946 г.; конкретизировать биографические данные не удалось.

⁵ Д. Н. Насонов ушел на фронт в 1941 г., служил командиром санитарного взвода медсанбата на Пулковских высотах, в конце 1942 г. был отозван с фронта для научной работы. *Вилька* — *Владимир Яковлевич Александров* (1906—1995), биолог и цитолог, лауреат Сталинской премии (1943) за совместную с Насоновым книгу; служил на фронте в том же, что и он, взводе. В 1944 г. они работали в Москве в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР. О знакомстве Ильинской с ними см. примеч. 35 к воспоминаниям Фридендера о ней. 27 сент. 1941 г. она писала Фридендеру в Архангельск: «Вилька и Насонов оба пошли в ополчение. Я отчего-то очень рада, что Дм<итрий> Ник<олаевич> так сделал. <...> он не просто профессор, закоренелый интеллигент-брюзга, а живой и душевно молодой человек».

⁶ См. письмо 12, примеч. 2.

⁷ Александров называет писателей-евреев Шелом-Алейхема (1859—1916) и Лиона Фейхтвангера (1884—1958). Об этих слухах, имеющих под собой вполне вероятную основу, см.: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. С. 194—208; *Биневиц Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине // *Звезда*. 2015. № 12. С. 218—229.

⁸ Речь идет о М. А. Лифшице, который в это время служил преподавателем в Военно-морской академии в Ленинграде.

⁹ *Лурье Рита Ноевна* — дочь писателя Н. Г. Лурье (1885—1960), свояченица В. Р. Гриба; в послевоенное время биолог, жена И. Е. Верцмана.

¹⁰ Имеется в виду «Театр революции» (1898—1939) Романа Роллана (1866—1944), в котором речь шла о событиях Великой Французской революции и затрагивалась острая современная проблематика.

¹¹ *Корин Павел Дмитриевич* (1892—1967) — художник, реставратор, педагог. В 1944 г. его картины были выставлены в залах Третьяковской галереи, еще не вернувшейся из эвакуации. Отклик Ильинской на выставку отражает тот дух открытия неведомого, который связывался с картинами Корина: «Лишь немногие из его произведений были известны не только зрителям, но даже критикам и художникам. <...> о Корине существовало немало предвзятых мнений, может быть, больше, чем о ком-либо из его сверстников» (*Михайлов Алексей И.* Павел Корин. М., 1965. С. 170).

¹² См. письмо 12, примеч. 2.

¹³ *Гудзий Николай Калининлович* (1887—1965) — историк русской литературы, в 1944 г. профессор и декан филфака МГУ; визиты к нему были связаны с оформлением вызова в Москву для Юры Уварова.

¹⁴ Речь идет о выставке советского пейзажа в Московском союзе художников. Рецензию на нее Ильинская напечатать не смогла, поскольку в «Литературе и искусстве» (1944. 2 сент. № 36) появилась статья К. Ф. Юона «Современный пейзаж».

¹⁵ «Дневной свет в субботу» («роман об авиазаводе»; 1943) английского писателя *Джона Бойтона Пристли* (1894—1984) после публикации в «Новом мире» был выпущен в 1944 г. отдельным изданием (как и его пьеса «Они пришли к городу», 1943).

21. <22 октября 1944 г. Москва>

<...> Очень трудно и не хочется писать, т. к. всякое письмо сводится против воли к жалобам и нытью, а что толку прибавлять людям еще и свои несчастья? Писать же о том, о чем сердце молчит, стыдно и трудно. Комнаты у нас нет. Это становится с каждым днем мучительней и будет совсем скверно, когда приедет хозяйка комнаты, где я живу, и я поселюсь в углу у одной толстой, довольно славной женщины, которая живет с сыном и пускает еще и меня за мои занятия с ним французским. Тогда уже никто не будет ко мне приходить, и заниматься по вечерам нельзя будет. Но главное, что маме совсем скверно без угла и дома. Хоть подвал бы какой? Все-таки свой дом. Но и это пустяки (ведь не безнадежно же) по сравнению с Яшей, Яшей, который измучил меня. Хожу по улицам, особенно отчего-то в метро, и ищу его глазами, вглядываюсь в людей, словно он где-то спрятался и захочет — покажется мне хоть на минутку. Бессмысленно думать: что было бы, если бы он вдруг вернулся? Но я все-таки думаю, что пусть хоть хромой и слепой, пусть весь изуродованный, да вернулся бы. У меня не осталось бы своей жизни, я каждый день и час, каждую мысль отдавала бы ему и при этом знала бы, что я счастливый человек! И всё грызешь себя, что вот оно было, счастье, было рядом, а я не была счастлива, я не

отдала всего, что могла отдать, не растворилась до конца в этом счастье и ничем не пожертвовала ради Яши. Ох, лучше бы мне сразу поехать к нему в Ленинград и сдохнуть там от голодухи, сдохнуть, да все-таки его подругой, его женой, которая с ним всё горе поделила. А что я с ним делила? Что я ему отдала?¹ Господи, Господи... И всё это, как осенний дождь. Всё одни и те же мысли, всё воспоминания, которые не утешают, а дают только призрак радости и, уходя, делают настоящее еще более пустынным.

Не думай, что я ничем не занята, наоборот, очень много у меня дел, и иногда я уже забываюсь, радуюсь студентам и страстно думаю о литературе и жизни, но останешься одна, и всё это схлынет, как вода с песка на берегу, и опять Яша, Яша, Яша. Если бы я понимала раньше, до чего я его люблю, до чего он лучший из всех для меня, до чего вся моя жизнь проникнута им! Эх, ну зачем, зачем говорить об этом? Всё уже теперь незачем. И Ганьку я потеряла одним ударом, как-то за одну ночь, которую я проревела в подушку. Когда, после приезда Ольги Берггольц и Макогоненко,² я, наконец, поняла и поверила, что Яша умер, мне так стало невозможно и пусто. Тогда я писала Ганьке: «Ради бога, напиши мне хоть одно слово ласковое, чтобы я знала, что я не одна на свете, без поддержки, с моей старой и тоже одинокой матерью». И он ничего мне не писал целый месяц, а потом прислал 500 рублей, словно я денег у него просила, и такое подлое, пустое, скудное, как зубная боль, письмо. Тогда-то, о чем я уже в Москве, при последней нашей встрече, догадывалась, открылось мне во всей ясности: Ганьки уже нет. Это какой-то мертвый, пустой человек, заеденный собственной бесплодностью, утонувший в самом себе — в мелком болоте, был у меня в Москве, а сейчас не живет, а доживает себе в Ленинграде. И напрасно просить его о дружбе и о помощи — он не может. И каждое мое письмо для него мука, потому он осознает еще острее, что он не может ни жалеть, ни любить, ну, ничего, ничего не может дать другому человеку. И тогда он отпал от моего сердца, как-то отвалился без остатка, только пустота и боль остались, а о нем даже воспоминания ушли. А в будущем ничего уже с ним не связано. Дома у меня нет и в Ленинграде, а ему я ничем тоже помочь не могу.

Юра, дорогой мой, прости мне этот писк раздавленный. Я как-нибудь вылезу. Я не знаю еще как, но надежда и желание жить у меня остались. Ведь остался еще интерес к людям и возможность радоваться, раздавая себя им. А ведь есть же еще что отдавать? Ведь еще студенты, когда я с ними говорю здесь, в Москве (я преподаю в двух вузах),³ верят мне и у них делаются живые глаза. Может быть, ты, когда вернешься, найдешь еще живого и способного делать человека. Но сейчас тебе, единственному из моих близких, кто кровно и больно помнит Яшку, я не могу писать ни о чем другом, кроме своей болезни. Залижу раны, тогда буду писать тебе о Шекспире, о людях, о мыслях. А сейчас ничего нет, кроме страдания и тоски. Л.

<...> Мой Юра маленький еще не приехал, хотя вызов ему из университета послан уже. Очень надеюсь на него.

¹ См. письмо 20 и примеч. 1–2.

² *Берггольц* — см. письмо 11, примеч. 1, 10. *Макогоненко Георгий Пантелеймонович* (1912–1986) — литературовед, профессор ЛГУ, в годы войны сотрудник Ленинградского радиокомитета, муж О. Ф. Берггольц.

³ Ильинская, кроме МОПИ, начала читать лекции во ВГИКе.

22. <22 января 1945 г. Москва>

Дорогой мой! Как можешь ты думать, что я на тебя могу сердиться, да еще за то, в чем я не могу не быть согласна с тобой. Ощущение вины перед Яшей, перед всяким умершим, неизбежно. Это знак содержательности тех отношений, которые прервала смерть, их неисчерпанности, возможности их развития, которая не была и, может быть, не могла быть использована. Кроме того, мучиться Яшей для меня психологическая потребность, еще не порвавшаяся связь с ним, прошлое, живущее в настоящем. Не говори мне, что я не виновата перед ним. Всякий перед другим виноват, что поспешно и невнимательно живет в других, мог бы, может, больше дать, а мы проходим мимо людей, замкнуты, <1 сл. оторвано> никогда не понимая до дна, что «я» — это и есть <1 сл. оторвано>. Что касается Гани, то возвращение к нему делается всё более и более проблематичным, хотя это и представляется мне единственной соломинкой, за которую я могу схватиться, чтобы выбраться из этой черной жизни, действительно мертвящей и страшной, которую мы сейчас ведем. Жилотдел старается впихнуть мать, Марину,¹ меня на 12 метров, в том же доме, где жили мы раньше. Мы и живем сейчас трое, вернее четверо (Юра маленький обедает и занимается у нас),² в этой грязной норе, но ордера не взяли и 29-го будем судиться. Подробно писать не хочется. Всё это измучило до крайности и мать, и Марину, и меня. О науке не может быть и речи. Я себя чувствую до того униженной, пустой, старой, что не хожу к знакомым. Что нести к ним? Возмущение? Усталость? Усталость такая, что очень хочется умереть, чтобы не двигаться, не чувствовать, не видеть. Может быть, это и хорошо — как подготовка к смерти. Словно яблоко, которое созрело для того, чтобы упасть. <...> Поздравляю тебя с Новым годом, дорогой.

¹ *Марина* — см. письмо 13, примеч. 3.

² Юра Уваров был зачислен на подготовительные курсы МГУ.

23. <7 апреля 1945 г. Москва>

Дорогой Юрок, опять и опять прости за молчание. <...> Здесь давно уже, с приезда Лидии Яковлевны в Москву,¹ тянется длительная эпопея с письмом о тебе автора «Жанны Ней».² Это письмо добывалось

мною под руководством Л<идии> Я<ковлевны>, потом его должен был подписать Кеменов,³ и для этого оно было отнесено мною к Елене Феликсовне.⁴ Сия суматошная женщина умудрилась письмо потерять, долго от меня это скрывала и, наконец, три дня назад призналась, бия себя в грудь. Обращаться вновь к Илье она мне запретила, т. к. сегодня вечером она, Кеменов, Игорь Александрович,⁵ вернувшийся в Москву для лечения, и вышеупомянутый Илья будут говорить о тебе лично с более значительным лицом, чем то, к которому было письмо адресовано.⁶ <...> Благодаря тебе я познакомилась с Ильей, который мне чрезвычайно понравился. Он держится очень просто, доступно и спокойно. Такие у него умные, пристальные глаза. Но еще больше поразил меня его пес Бузу, иностранный уродец, черный, лохматый, на коротких лапах, и стоит гордый, словно Илья отдал ему всю спесь, которой у нас обычно угнетают просителей. Этого Бузу горничная даже зовет «Вы», и когда он меня облаял, эта милая женщина сказала: «Я тоже на них сперва обижалась, а у них это приветствие такое».

<...> Что касается нашей жизни, то ты можешь спокойно писать на этот адрес. Гроб прочно заколочен. Описывать эту жизнь не стоит труда. Сыро, темно, тесно, «удобства» ломаются, денег никогда нет. С Ганькой у нас ничего не получается. Мы или мучаем друг друга, или скучаем до зевоты. Тем не менее, несмотря на сходство с гнилым грибом-шлюпиком, Ганька все-таки свой и хороший мужик. Расстались мы, опять отложив всякие решения, и снова начнется келейная переписка и фантазирование друг о друге.⁷ Скучно, как зубная боль. Я читаю на всех парах историю художественных стилей, погружена в открытие давно открытых Америк в искусстве. Студенты у меня полны энтузиазма и благодарно принимают мои измышления. Приезжал Пашка Громов.⁸ Мы много с ним говорили, и он был мил мне как память молодости, да и просто сам по себе. Я всегда любила этого «бузу», хотя и сейчас остро чувствую, какой он «мутный». Он стал проще и дружественней, должно быть, от трудностей, которые и ему пришлось пережить. Но всё же сутолока в голове ужасная, такая юношеская сутолока, а лет ему 30, и всё такой же он бездомный, один. Жить ему скучно, и он поговаривает о самоубийстве. Ходили мы с ним в театр, читали стихи. Привез он мне хорошие стихи какого-то своего приятеля, настолько хорошие, что мне хотелось бы их тебе послать. <...>

Вот тебе эмпирическое письмо. Писать о мыслях не могу. Всё равно потом не отсылаю. Может быть, скоро увидимся, будем говорить, и я буду ругана тобой за пышные, но еретические концепции. Только бы не пришлось тебе ехать мимо Иркутска.⁹ Лучше бы поезд твой шел прямо в Москву или Ленинград.

Сегодня видела с Ганькой хроникальный фильм «Освобожденная Франция».¹⁰ Страшно это интересно: вся история Европы с 37-го года. А что касается «Ивана Грозного» и всяких других художеств, то это

печально, может быть, даже трагично: жалеть не надо, что этого не видишь.¹¹

<...> Между студентами ходит гигантская лирическая рукописная литература. Сплошь очень личная лирика, причем поэтов этих знают в разных институтах, знают даже их легендарные, быть может, биографии. <...> А вот тебе стихи Пашкиного поэта:¹²

Улица теряется во мгле,
Лампа отражается в стекле.
Будто кто-то черный с фонарем
Встал непоправимо за окном.
— Что тебе, иль нищенствуешь ты?
— Нет, — глухой ответ из темноты.
— Может быть, пустить заночевать?
— Нет, — едва доносится опять.
— Что же ты блуждаешь по ночам?
— Словно ты, поэт, не знаешь сам.
Радость нам единая дана:
Светом из чужого жить окна...
Лампа отражается в стекле.
Улица теряется во мгле.

¹ *Рейнгардт Лидия Яковлевна* (1909–1994) — сотрудник Третьяковской галереи, доктор искусствоведения, жена М. А. Лифшица. Изю всех, кто принимал участие в вызволении Фридендера из лагеря и ссылки, самым активным был Лифшиц, но к 1944 г. он понял, что его возможности исчерпаны, после чего предложил Фридендеру обратиться к И. Г. Эренбургу (см. ниже).

² Имеется в виду автор романа «Любовь Жанны Ней» (1924) *Илья Григорьевич Эренбург* (1891–1967), ставший с 1944 г. своего рода координатором действий по освобождению Фридендера. См.: «Трудармеец Фридендер, Г. М.». С. 454–455.

³ *Кеменов Владимир Семенович* (1908–1988) — искусствовед и литературный критик, в 1940–1948 гг. председатель правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС).

⁴ *Елена Феликсовна* — см. письмо 15, примеч. 4.

⁵ *Сац Игорь Александрович* (1903–1980) — литературный критик, публикатор работ А. В. Луначарского; во время войны старший лейтенант, переводчик и радио-разведчик (на линии обороны, в 100–150 м от противника).

⁶ Речь идет о первом заместителе председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернике, чье ходатайство решило дело Г. М. Фридендера.

⁷ Об этой поездке Г. С. Стрелина в Москву А. М. Фридендер писала сыну 14 апр. 1945 г.: «Гане жаль Лялю, которой живется весьма тяжело, и от жалости он решил ее забрать. В смысле квартиры ей очень плохо, в смысле одежды также. Он приобрел ей какое-то платье и т. д., помогал всё это время материально».

⁸ См. письмо 7, примеч. 7. К своей встрече с П. П. Громовым в Москве и сложных взаимоотношениях с ним Ильинская вернулась в письме к Фридендеру от 12 дек. 1945 г.: «Ненависть <...> к тебе, к Яше, к Шуре в нем сидит и сейчас. <...> вы ушли “без надлома”, когда он оправдывал надломом все свои слабости и грехи, может быть потому, что вы обходились без этих грехов, а к его грехам относились с отвращением или с иронией, но без всякого интереса <...> Он был у меня и был прост сравнительно и даже ласков, а потом прислал истерическое письмо, в кото-

ром заявил, что он не может со мной “дружить”, хотя и любит меня, т. к. я ваш друг. <...> его литературная деятельность вызывает у меня отвращение. Читал ты его статьи? Подтасовка и ложь в литературной критике всегда противны, но когда человек врет сознательно, когда он не верит ни в одну запятую в своей статье и опакощивает вещи, в которые когда-то верили и имели основание верить, то это цинизм».

⁹ Ильинская намекает на ссылку в Сибирь или близящуюся войну с Японией.

¹⁰ Фильм С. И. Юткевича (1904—1985) «Освобожденная Франция» (1944), широко представлявший документальные съемки французских, английских, немецких и советских операторов.

¹¹ Речь идет о первой серии фильма С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный», вышедшей в прокат в 1945 г. Ильинская оценивает ее резко негативно, что совпадает с мнением многих критиков. Герой повести А. И. Солженицына (1918—2008) «Один день Ивана Денисовича» (1962) осудил в «Иване Грозном» «гнуснейшую политическую идею — оправдание единоличной тирании» и «глумление над памятью трех поколений русской интеллигенции» (*Солженицын А. И. Собр. соч.*: В 30 т. Париж, 1978. Т. 3. С. 44).

¹² Стихотворение ленинградского поэта Глеба Семенова (1918—1982) из цикла «Случайный дом» (1942—1944), посвященного Павлу Громову (не опубликовано; сообщено Н. Г. Охотиным). «Раздумчиво-лирическое» стихотворение «Улица теряется во мгле...», как одно из самых любимых, упоминается в письме Т. Ю. Хмельницкой от 11 февр. 1966 г. (Глеб Семенов и Тамара Хмельницкая. «Говорить друг с другом, как с собой...»: Переписка 1960—1970-х годов. СПб., 2014. С. 191). Ниже Ильинская приводит еще одно стихотворение того же поэта «Гроза» (опубликовано 1940; см.: *Семенов Г. С. Стихотворения и поэмы*. СПб., 2004. С. 58), утверждая, что оно «похоже на фильмы А. Довженко».

24. <28 апреля 1945 г. Москва>

Дорогой мой! Ты, наверное, недоумеваешь, а может быть, и обижаешься, не получая ответа на твое письмо от 15/I.¹ Но мне его принесли только сегодня, сейчас, и от этого я продолжала писать тебе так, словно его и не было на свете. Оно без марки и, должно быть, заблудилось. Конечно, письмо очень поразило меня, но как могло оно меня оскорбить? Мне никогда не приходил в голову такой вариант. Я привыкла видеть в тебе брата, и отчасти поэтому сейчас ответить на него не могу. Но не только поэтому.

Было бы сумасбродно решать вопрос о полном изменении наших отношений, находясь за тысячу километров друг от друга и не встречаясь четыре года. Подумай: ты пишешь так, словно все «да» и «нет» зависят только от меня. А может быть, увидавшись, ты пришел бы в ужас от перспективы иметь под боком такую пожелтевшую, тощую, усталую и довольно скучную женщину, как я теперь. Я старше тебя. Это кажется маловажным сейчас потому, что ты давно не видел меня, и потому еще, что тебе твое будущее кажется связанным, «неравноправным». Твоя жизнь и в этом отношении может устроиться гораздо счастливей и интересней. Главное ты сам знаешь: мы оба «подневольные». И разве только бог, а скорей всего, и он не может угадать, куда закинет меня ВКВШ,² а тебя... рок.

Что касается меня, то, может быть от неожиданности, мне представляется это противоестественным, и кажется легче, менее страшным возобновление совместной жизни с расхлябанным Гаврилой, с которым у меня нет никаких решительно духовных связей. Проще, потому что с ним я знаю ту степень насилия, которую мне придется применить к себе: он десять лет был моим мужем, хотя не меньше девяти лет из десяти наша связь напоминала ночное убийство. Пройти через весь этот стыд и уродство без «страстной любви», как ты говоришь, можно только не слишком любя и уважая человека, настолько мало любя и уважая, что способен заключать с ним сделки: тебе это, а мне то. Да и за эти сделки старый Ибсен, который был честным мужиком, карает своих героев в течение 3—4-х актов.³ Не с тобой же мне заключать такую сделку? <...>

Друг мой, я тебя вдвое люблю за это письмо. И написать его мог только такой чистый и юный еще человек, как ты. Всякий «искушенный» знал бы, что брачные отношения не могут быть простым доверием к дружбе, и не стал бы так, без оглядки, делать предложение 34-летней женщине, которую он целый век, да еще век войны и эвакуации не видел, да еще женщине, как говорится, «с прошлым». Прости меня за похабный тон, но лучше так, чем с обманом и вслепую. А ты, мой драгоценный Лапутянин, ты тоже самый родной и близкий на свете друг и брат. <...> Ляля.

¹ Речь идет о письме Фридендера, в котором он сделал Ильинской предложение. См. вступ. статью, с. 491.

² Всесоюзный комитет по делам высшей школы.

³ Имеются в виду пьесы норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828—1906).

25. <14 мая 1945 г. Москва>

Дорогой Лапутянин! И я поздравляю тебя. Все-таки это, в конце концов, кончилось. Мы (да и, пожалуй, вся Москва) знали о конце дня за три. Все ждали сообщения и по ночам включали радио. Наконец, ночью с 8-го на 9-е нас с матерью разбудила соседка, которая безумным голосом заорала: «Софья Григорьевна, включайте радио!» И мы услышали текст капитуляции. Было интересно смотреть, как, окно за окном, осветился весь город.

Днем были идиллические сцены. Впрочем, я их не видела. Я была утром на базаре, где на один день, видно из патристических чувств, торговки в два раза повысили цены. Вечером Марк Давыдович, мой приятель Андрей Семенов, Слоны,¹ невыносимые от азарта, и я ходили на Театральную площадь. Впрочем, «ходили» сюда мало подходит. Толпа была сплошная, и тебя несло независимо от твоего желания. Над городом из лучей прожектора выстроили дворец фей. Лиловые и зеленоватые лучи образовали дрожащий прозрачный свод, который

плыл над головой и бледнел от фейерверка. Высоко в небе метались красные флаги, прикрепленные к аэростатам. Только флаги освещались прожектором, и такой, вздувающийся от ветра, излучающий алый свет в черном небе флаг казался каким-то причудливым видением, слишком материальным для призрака. Самолеты летали по кругу над городом. От них в темноте были видны только два красных, бесшумно скользящих глаза, и разбрасывали ракеты, мелкие, разноцветные, которые падали, словно мелкие полевые цветы, сталкиваясь с большими фонтанами крупных цветных звезд, летящих с земли. Было очень холодно, а барышни, ради праздника, оделись в платья и пальто — такие лиловые, от холода и прожекторов, девицы.

Толпа шла возбужденная. Показались группы подростков в нарядных костюмах, испитых мальчишек, пьяных, разнузданных. Теперь их стало что-то очень много, этаких гадких парней, которые ходят нарочито расхлябанной походкой и после каждого слова употребляют нежное наименование одной женской профессии на вторую букву алфавита. У американского посольства стояла сплошная масса, которая свистела в пальцы и свистки. Это результат нескольких газетных фельетонов, где сообщалось, что американский свист — знак одобрения. Представляешь, что делали мальчишки, которые обычно свистят незаконно, а здесь свист оказался патриотическим актом. Американцы тоже свистели, махали электрическими фонариками и платками. Брат Митя² видел утром, как пьяный толстый американец норовил прыгнуть в окно со второго этажа, прямо в толпу. Англичане, говорят, у своего посольства угощали толпу коньяком. Вчера я ездила в командировку в Серпухов, куда, на мою голову, москвичи едут за картошкой. Целый день слушала в поезде разговоры о войне и о мире. «Политический» стал народ! Две бабы с молочными бидонами вперемешку рассуждают и о способах гаданья, и толкуют свои сны, и рядом о Японии, и о том, что будет в Германии. О немцах продолжают говорить «он» с великим любопытством. «Глас народа» упорно утверждает, что Адольф цел, и обсуждает способы его поимки.

Так выглядело это всё у нас. Что касается меня, то мне грустно и оттого, что мне некого ждать с фронта, и по многим другим причинам. <...> Дел у меня ужасно много: заочники, лекции, 17-го доклад о моих зверях на научной конференции,³ лихорадочная работа над диссертацией. Теперь я знаю, что напишу ее, но в минуты, когда я не нахожусь в ослеплении азарта, мне кажется, что это удивительно бесполезная работа. Ужасно хочу в тихое место, в лес, в чистый дом. Хочу человеческой, пускай маленькой, но прочной жизни. Не могу больше так уставать, не могу больше думать о том, как выйти на улицу, когда нет ни пальто, ни тубель, не могу больше видеть усталые, постаревшие лица на улицах, облупленные дома... Леса, тишины, равновесия! Помнишь, как описан дом в лесу в сказке Тика о белокуром Экберте?⁴ У меня просто тоска о тишине, чистоте и здоровье. <...> Юра, Юра, что-то будет

дальше? Всё, и личное, и общее, совсем не представляется мне в виде гладкой дорожки к счастью, да и вообще:

...счастья не было и нет,
И в этом больше нет сомненья...

А дальше так чудесно, так мужественно и гордо:

Но через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром укрепилась связь.⁵

Пошли мне, Господи, эту «чашу»! Прощай, дорогой мой, родной. Желая тебе весны, жизни и веры. Без веры сердце как волдырь от ожога. Больно, от каждого прикосновенья.

Каждая баба — Душечка,⁶ а я больше всех. Ляля.

¹ Подразумевается Юра Уваров.

² *Брат Митя* — Д. Н. Курсанов.

³ См. письмо 12, примеч. 5.

⁴ Новелла немецкого писателя Л. Тика «Белокурый Экберт» (1796).

⁵ См. письмо 7, примеч. 9.

⁶ Имеется в виду рассказ А. П. Чехова «Душечка» (1899).

26. <30 июля 1945 г. Москва>

Дорогой Лапутянин! <...> Здесь был сбор почти всех, оставшихся в живых: Сус, Анка и Гришка,¹ Изя, Лифшицы. Все съехались чуть ли не в один день. Ненадолго воскресло что-то из довоенного времени, но воскресло в слезах и тоске. На этой «переключке дружбы» самым живым, самым любящим другом оказалась Анка. Я никогда, ни раньше, ни в годы войны, не подозревала, до чего она мне близка и дорога. Она сохранила такую любовь к тебе, Яше, такую верность дружбе и прошлому, что мне казалось — вы оба с нами. Но она еще и много накопила за войну, она, чуть ли не единственная, не растратила, а приобрела, хотя опыт ее был горек и, может быть, трудней, чем у Сус. Когда Гришку взяли в армию, она осталась в Сибири с двумя детьми (один грудной младень) и с малоприспособленной «масей».² И как это маленькое существо — бас, глазищи и хрупкие косточки — вытащило на себе всю эту семью, как она не утратила жизнерадостности, интереса к людям, мужества, души? А она ничего не утратила и может, захлебываясь от смеха, рассказывать, как она должна была в военном училище командовать сворой голодных, одичавших парней, настоящей «бурсой», которые ни с чем не считаются, кроме кулака и матерной брани.

И эту зиму она прожила в Киеве в адских условиях: в холоде и голоде. Если бы не Давид, не заботливая еврейская Гришкина семья,³ в ко-

торуя она, на ее счастье, попала, а главное, не ее энергия и мужество, то и дети ее померли бы, и она тоже. Но вывезла наша Анка. Вот она какая! Умница милая. И опять в Киеве за ней ходят студенты и любят ее, и у нее хватает сил на них всех. Мы ужасно с ней спелись насчет педагогики. Очень много у нас общих наблюдений и одна и та же педагогическая страсть к раскопкам в человеках человеческого. Она меня пленила еще и тем, что ей очень понравился мой мальчишка, Юра маленький, и он себя чувствовал с ней хорошо, не то что с Сус. Сус он боится. Гришка всё такой же головастый, порядочный, устойчивый, чуть-чуть «кирпидч» (читай: кирпич), но крепкий, из которого складывают дома. Мы съездили все (Тамарченки и я) к Сус и пили там водку, вспоминали, и Анка заплакала. Я уже выплакалась и не могу. Анка приезжала подбирать материал к диссертации: она пишет о Куприне (!).⁴ Ей необходимо звание и паек. Потому и выбрала то, что полегче. <...>

Сус прилетела из Берлина на пять дней, но застряла и уедет только завтра. Ее иконостас увеличился еще на три медали, а душевная пустота умножилась. Какая-то она мертвенная и отчужденная: думает без азарта, работать ей не хочется и ничего не хочется, только ребенка. Она говорит иногда: «Больше ничего, ничего в моей жизни не будет, и умру я одна». А когда я ей сказала, что свое одиночество человек на 80% создает сам, она рассердилась на меня. Ей не друзья нужны и не ученики, а близкая кровь — гарантия поддержки, дающаяся помимо личных трудов и заслуг. Рассказывает она меньше интересного, чем могла бы, если бы интересовалась, но иногда, редко, ее наблюдения очень занимательны и напоминают Салтыкова-Щедрина, особенно во всем том, что касается «помпадурш».⁵

На эту область и Изя обращает особое внимание и рассказывает какие-то уж до того поганые анекдоты, что слушать зазорно. Изя очень милый и родственник. Стремится домой, но пока его не пускают. Может быть, к зиме и он и Сус, как кандидаты, вернутся. Изя ожидает увеличения семейства, которое произойдет не сегодня-завтра. Свободно можешь уже писать Рите поздравительное письмо.⁶ Оно поспеет вовремя. Рита розовенькая и веселая, с круглым животиком, и очень напоминает мне маленькую княгиню,⁷ несмотря на свой еврейский тип.

<...> Сейчас у меня заочная сессия, и по 8 ч. читаю лекции. Заочники что-то очень ко мне расположены. Один курс поднес мне большой букет роз, пишут они обо мне деканату всякие хвалебные бумаги и меня славят. С моей стороны это безрадостная любовь — подмена настоящей. Ведь они пожилые дамы и господа. В них не ощущается будущее. Немного грустно смотреть, как они трепыхают подрезанными крылышками и пытаются воспарить в область литературного теоретизирования, куда я их тащу по инстинкту старой (уже) педагогической клячи, не совсем понимая, зачем это нужно мне и им. <...> Педагогические мои успехи только мешают диссертации. Написано еще две главы из 4-х, а скоро уже подавать. Вся надежда на сентябрь, и да пошлет мне

Олимп какую-нибудь задрипанную музу, ибо без вмешательства сверхъестественных сил здесь не обойтись. Не вдохновительно. По вечерам от усталости голова не варит, и я читаю современные французские романы (сейчас Дюамеля «La nuit de la Saint-Jean»),⁸ очень изысканные, печальные, какие-то старческие и очень «философические». Совсем не похоже на наше представление о современной французской литературе.

Иногда брожу по Москве, но сейчас, когда Юра уехал домой на каникулы, спутник у меня ужасный: Ми-р-р-р-а Харлап⁹ (какая тупая фамилия — ЛАП). Он очень эрудирован, пишет весьма интересную и эрудированную работу о ритме в поэзии и в музыке, но за всем этим нет человека. Так, какое-то зеркальное отражение. Он не то в меня влюблен, не то прилипает от скуки, как сонная муха осенью, только это казнь моя и проклятие. Но даже рядом с его блестящим носом и красными ушами вечерний город чудесен и опять напоен духом авантюры — чего-то необычного, неожиданного, что может вот сейчас с тобой случиться, чего-то, что прячется за каждым, не видимым в темноте, прохожим: приключение, встреча, 10 тысяч, найденных под лавкой на бульваре. Не знаю. Мне уже много лет. Оно делается всё невероятней, это событие, а я всё жду его, как и раньше, и хожу по городу, и с замиранием вхожу на каждую новую улицу, и вот-вот схвачу за хвост чудесную синюю птицу. Этакая старая Эмма Бовари, несмотря на всё.

Но и без всяких авантур около Александровского сада¹⁰ пахнет вечером землей, зеленью и водой от реки. Ветки при свете фонарей принимают какой-то курортно-праздничный вид, неестественно зеленый и кружевной, а по улице Горького гуляет нарядная толпа: женщины в пестрых платьях не отечественного происхождения.¹¹ Даже кафе работают: там есть вино и чудесный пломбир, только стоит всё очень дорого. Когда посмотришь на платья и кафе, то из всех авантур хочется одной: 10 тысяч под скамейкой. И хочется на юг, и чтобы не думать о том, на какие гроши купить картошку завтра. Всё довольно путанно и интересно, и временами жизнь во мне требует, чтобы ей простились все грехи, хотя бы за «клеякие листочки».¹² <...>

¹ Ильинская называет своих однокурсников — С. А. Розанову (Альтерман) и Тамарченко, Анну Владимировну и Григория Евсеевича, в послевоенные годы преподавателей русской литературы Черновицкого пединститута. Вскоре в Черновцах с ними распростились как с «космополитами» (хотя Анка, как ее звали друзья, была русской), затем работали в Свердловске, Тарту, Новгороде, Ленинграде; с 1978 г. в эмиграции. Далее Ильинская упоминает И. Е. Верцмана, М. А. Лифшица и его жену Л. Я. Рейнгардт.

² Речь идет о 2-й Ленинградской военно-морской спецшколе, эвакуированной весной 1942 г. в г. Тара Омской области; Г. Е. Тамарченко служил в ней учителем и начальником интерната; в 1944 г. он был призван отсюда в армию. А. В. Тамарченко пришлось его замещать в качестве командира взвода. В это время у них было

две дочери, 1937-го и 1943 года рождения. *Мася — Тамара Адольфовна Эмме*, тетья А. В. Тамарченко, воспитавшая ее; в Тару она приехала изможденная блокадой. О жизни в Таре см.: *Тамарченко Г. Е. Судьба одного семейства*. С. 106—115.

³ Семье Г. Е. Тамарченко помогли братья Тамарченко *Давид* (1907—1959) и *Мирон*, преподававшие в киевских институтах. О тяжелой жизни в Киеве зимой 1944—1945 гг. (младшую дочь Тамарченко ни разу не выносили на улицу, поскольку ее не во что было одеть) см.: Там же. С. 121—122.

⁴ Диссертацию «Проблема реализма в творческом развитии А. И. Куприна» Тамарченко защитила в 1946 г.

⁵ В 1945—1949 гг. С. А. Розанова (Альтерман) служила в Германии в Советской военной администрации референтом отдела культуры, отсюда ее наблюдения над «помпадуршами», т. е. женами высшего офицерства. Выражение Ильинской напоминает о книге М. Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадур и помпадурши» (1863—1874).

⁶ Р. Н. Лурье стала второй женой И. Я. Верцмана, вскоре у них родился сын Саша (покончил с собой в середине 1960-х гг.); от первой жены (ее звали Нина Николаевна) у Верцмана была дочь.

⁷ Ильинская имеет в виду маленькую княгиню Болконскую из «Войны и мира» Л. Н. Толстого.

⁸ Роман французского писателя *Жоржа Дюамеля* (1884—1966) «Ночь Святого Иоанна» (1935).

⁹ *Харлап Мирон Григорьевич* (1913—1994) — пианист, музыковед, теоретик стиха, в 1945 г. старший научный сотрудник научно-исследовательского кабинета Московской консерватории.

¹⁰ *Александровский сад* — вдоль западной стены московского Кремля.

¹¹ Ильинская намекает на трофеи, которые везли с собой возвращавшиеся с войны солдаты и офицеры.

¹² О любви к весенним «клеяким листочкам» говорят Иван и Алеша в «Братьях Карамазовых» (1879—1880) Ф. М. Достоевского (ч. 2, кн. V, гл. III).

27. <25 августа 1945 г. Москва.

Письмо М. А. Лифшицу, пересланное Г. М. Фридендеру>

Уважаемый Михаил Александрович!

Вот Вам отчет о моей деятельности во благо Юре.¹ Получив письмо от Анжель Морисовны и от Вас, я ринулась в Елене Феликсовне и уткнулась в запертую дверь. Швейцар сказал мне, что ее нет в Москве и с дачи она приезжает очень редко. Тогда, захватив для храбрости Сузанну со всеми регалиями, я, без всякого предупреждения, вторглась к Илье Григорьевичу. Он был весьма любезен, но сказал, что *сейчас* вступать в переписку с этим учреждением не может, да и считает, что его письмо и даже письмо, подписанное еще двумя-тремя «важными людьми», пользы нам не принесет. Надо, сказал он, искать знакомых в этом отделе и действовать через них.

Отвергнутые Эренбургом и облаянные его двумя псами, мы уныло поплелись в приемную НКВД, чтобы попытаться выяснить положение дела. В этот день ничего узнать не удалось, но мне указали, куда и когда следует обращаться. И вот вчера я встретилась с представителем От-

дела спецпоселений, который оказался очень осведомленным в Юрином деле. Он знал не только №№ писем, посланных наркомом Коми насчет Юриной демобилизации, но и для Юриноного брата.²

Всё это произвело бы на меня мистическое впечатление (на то и было рассчитано), если бы я не догадалась, что в его руки попало письмо Анжель Морисовны, которое я опустила в спецащик дня два назад. У всякого своя манера сообщать новости. О том, что распоряжение о Юриной демобилизации послано уже 25 июля, я узнала только после длительного разговора, проверки моих документов, подозрительных вопросов, в общем, после того как я усумнилась в успехе дела.

Таким образом, распоряжение послано. Мне кажется, что вчера или третьего дня они послали еще напоминание, но, может быть, это мои домыслы. Мне обещали дать № указания, но не дали, т. к. человек, который ведает отправкой подобных распоряжений, уехал, и без него № найти не могут. Предложили зайти еще дней через 5, что я и сделаю.

Мне кажется, что дело закончено, и следует высылать пропуск.³ <...> Надеюсь, что скоро мы увидим Принца Лапунянского. Всего хорошего. Ляля.

¹ Письмо, отправленное в Ленинград, извещало М. А. Лифшица и А. М. Фридлиндера о том, что Г. М. Фридлиндеру выслано разрешение на выезд из Коми АССР. Его освобождение из трудовой армии (в 1944–1945 гг. он был на спецпоселении) называлось демобилизацией. В письме упоминаются Е. Ф. Усиевич, И. Г. Эренбург, С. А. Альтерман (Розанова).

² Видимо, А. М. Фридлиндер обращалась в НКВД с запросом о старшем сыне Андрее, не зная, что он был расстрелян в 1938 г. Демобилизация Г. М. Фридлиндера сопровождалась переменной паспортных данных: ему было разрешено исправить национальность «немец» на «еврей» (см.: «Трудармеец Фридлиндер, Г. М.». С. 455–456). А. М. Фридлиндер посчитала, что это дает ей право на запрос о пересмотре дела старшего сына, который был арестован как «немецкий шпион».

³ Речь идет об оформлении пропуска на проезд в Ленинград.

Библиографический список

1. «Трудармеец Фридлиндер, Г. М.» (Письма из Коми АССР, 1942–1945) / Вступ. ст. С. В. Березкиной; подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной и А. С. Лагурева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019.
2. Арсланов В. Г. Проблема «термидора» 30-х годов и рождение «теории тождеств» // Михаил Александрович Лифшиц: [Сб. ст.]. М., 2010. С. 338–366.
3. Вернадский В. И. Дневники, 1935–1941: В 2 кн. М., 2006. Кн. 1.
4. Голицын К. Н. Записки. М., 1997.
5. Голицын С. М. Записки уцелевшего: Роман в жанре семейной хроники. М., 2016.
6. Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб., 1995.
7. Дьяконова Н. Я. Мои воспоминания // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18.

8. *Коржавин Н.* В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания: В 2 кн. М., 2007. Кн. 2.
9. *Лифшиц М. А.* Очерки русской культуры: Из неизданного. М., 1995.
10. *Лифшиц М. А.* Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Художественная критика. М., 2009.
11. *Лотман Л. М. Г. М.* Фридендер в моей памяти сквозь долгие годы общения и сотрудничества // *Достоевский: Материалы и исследования.* СПб., 2007. Т. 18.
12. *Майданский А. Д.* Консервативная революция: Лифшиц на уроках Гегеля // *Свободная мысль.* 2015. № 3.
13. *Раевский С. П.* Пять веков Раевских. М., 2005.
14. *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: (На крутых поворотах советской истории): Воспоминания. Киев, 2001.
15. *Трушкин В. П.* Друзья мои...: Дневники. Очерки. Статьи. Автографы и воспоминания друзей. Иркутск, 2001.
16. *Черных Л. В.* Азадовский и студенты в Иркутске // *Воспоминания о М. К. Азадовском.* Иркутск, 1996.

ЗОЩЕНКО ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА. О БОЛЕЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ

<М. М. ЗОЩЕНКО>

Часть 5 (1950-е годы)¹

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Т. М. Вахитовой)*

Аннотация: После Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946), которое вызвало уничтожающую со стороны властей критику в адрес М. Зощенко, автор был сломлен как творческая личность, как большой художник, как честный человек. Писательская организация поддержала идеологические установки власти, исключила его из Союза писателей, перестала печатать его произведения и окружила молчанием и жесткой критикой. Но к середине 1950-х гг. вроде бы ситуация стала меняться: и с материальной точки зрения — Зощенко принимают в Союз писателей, отправляют в санаторий им. Орджоникидзе в Сочи, выдают материальную помощь, и с творческой — писателю предлагают переводить разные произведения с финского, армянского, украинского языков. И М. Зощенко, к сожалению, становится переводчиком, теряя свою уникальную индивидуальность. Поэтому переживает периоды тяжелой апатии и просит К. Федина посодействовать переизданию избранных произведений.

Ключевые слова: М. Зощенко, официальная критика, идеологические обвинения власти и писательского сообщества, исключение из Союза писателей, лишение средств к существованию.

Abstract: After the CPSU (B) Central Committee's decision on the journals "Zvezda" and "Leningrad" (1946), which caused destructive criticism from the authorities against M. Zoschenko, the author was broken as a creative personality and big artist. The writers' organization supported the ideological guidelines of the government, expelled him from the Writers' Union and stopped publishing his works, either deliberately making no mention of him in the press or subjecting him to fierce criticism. However, by 1950s the situation had gradually begun to change. Zoschenko was granted membership in the Writers' Union, sent to Ordzhonikidze sanatorium in Sochi, qualified for financial aid and offered to translate some works

¹ Части 1–2–3–4 публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 380–449; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 844–912; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017. С. 663–714, Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 506–534.

from Finnish, Armenian and Ukrainian. Unfortunately, Zoshchenko becomes a translator losing his unique individuality, as a result he undergoes periods of deep apathy and asks for K. Fedin's assistance in republishing his selected works.

Keywords: Mikhail Zoshchenko, official denunciation, ideological accusations by the authorities and writers' society, expulsion from the Union of Soviet Writers, deprivation of livelihood.

После так называемой перестройки (1985–1995 г.) творчество Михаила Зощенко ученые и критики стали исследовать с идеологических позиций, обращая прежде всего внимание на преследования человека партийными и идеологическими органами Союза писателей и ЦК ВКП(б). Человеческая личность писателя оказалась в тени, многие факты его биографии даже не упоминались. Писатель, существовавший в каждодневности, предстал перед читателем лишь в отдельных катастрофических случаях, далеких от канонических и постоянных дел. Можно отметить лишь книгу А. К. Жолковского,² в которой предприняты попытки разобраться между реальностью и творческими фантазиями, кризисами супружеской жизни и зощенковской иронией.

Поэтому публикация мемуаров Веры Владимировны Зощенко (мемуары почему-то названы в описи архива М. М. Зощенко статьей) не только раскрывают определенные (иногда неизвестные) факты биографии писателя и особенности супружеской жизни, но и представляют сталкивающие порывы естественного поведения и сложившегося за многие годы этикета. Эти многоликие порывы, иногда вносящие в жизнь горе, печаль, скорбь, очень редко возбуждали живой интерес, мгновения радости и счастья, поэтому порывистый текст Веры Владимировны, иногда даже истеричный, позволяет читателю даже сегодня раскрыть и естественный, и академический смысл текста. В этом тексте ярко проступает характер человека в обыденной форме простого человеческого бытия, что несомненно вызывает большой читательский интерес. Размышляя над раздумьями, обидами, слезами Веры Владимировны, неожиданно замечаешь, как тайное становится явным, конечное бесконечным, невыразимое отчетливым.

Прожив с мужем почти сорок лет, Вера Владимировна в 1950-е годы испытала все сложности материального, бытового состояния вдобавок к психологическим обидам, ревности, оскорблениям и даже незаслуженным упрекам. Феномен жизни Михаила Зощенко заключался в том, что он упорно сопротивлялся несправедливостям жизни, находя в себе силу для противостояния им. И эта черта его характера каким-то образом преодолевалась творчеством, заботой многочисленных подруг, но одновременно и спорами, и несдержанными выражениями относительно своей собственной жены. Если в 1920-е годы супруги Зощенко

² Жолковский А. К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М.: Языки русской культуры, 1999.

могли обсуждать рассказы молодого писателя, спорить о стиливых особенностях текста, то уже в 1950-е годы речь шла о деньгах, ревности, нормах политического поведения, письмах в Москву, письмах к Сталину, бывшим «серапионам» с просьбой о помощи. Разумеется, эта политическая интенция портила и деформировала жизнь даже у крепких людей, но какие-то связи все же должны были остаться в их доме, чтобы он не разрушился совсем.

Вера Владимировна впервые описывает обыкновенный день писателя Михаила Зощенко: «Встает он между часом и двумя и сразу же садится за письменный стол, начинает писать или просматривать написанное, прихлебывая кофе, который я подаю ему в его комнату и ставлю на письменный стол. Часто он забывает съесть яйцо всмятку, которое я варю ему на завтрак (от чего-нибудь другого он категорически отказывается). В пять уходит обедать, а иногда и пройтись. Примерно в половине 7-го возвращается. Немного полежит, и снова за письменный стол — примерно до половины 11-го... Потом уходит гулять, выпить пива, изредка к знакомым.

Ровно в 12 приходит домой и просит чаю. Затем слушает радио до часу, потом иногда поговорит со мной или «побудет» (близость). И, около 2-х часов, прикрывает плотно свою комнату. (До этого времени дверь всегда раскрыта настежь). Наутро большей частью жалуется, что заснул поздно, мешали мысли или работа до 5—7 часов, а иногда и до 9 часов» (С. 168).

Для серьезной, можно сказать, каторжной работы Зощенко были необходимы чистый письменный стол, чашка кофе утром, немного пива вечером, прогулка, изредка — игра в преферанс (обычно в семье Груздевых).

Несмотря на то что Михаил Михайлович воспитывался в аристократическом мире — отец у него был известный художник, в армии сам писатель был офицером, общался в молодости с талантливыми, начинающими свою судьбу писателями и поэтами, был знаком с классиками русской литературы. Тем не менее, часто ходил в пивные, но играл не в шахматы, а в карты. Однако честь, достоинство и смелость сумел сохранить вплоть до ухода из жизни. Его привязанность к пивным заведениям объяснялась не просто любовью к этому напитку (пиву), он даже в ресторанах, куда его «затаскивали» друзья из Москвы, пил только пиво. Его интересовали разговоры при принятии напитков из пивных кружек. Он ощущал за комическими пристрастиями глубокие трагические ноты. На них обратил внимание еще в XIX веке Н. П. Огарев.

Н. П. Огарев, комментируя свое стихотворение «Кабак» (1841), писал: «Да, мне многое и многое хочется схватить из поэтической грусти и жизни России. Наша народность довольно оригинальна и содержит довольно глубокий поэтический элемент, чтоб трудиться представлять ее в поэтических образах. И именно надо спуститься в низший слой

общества. Тут-то истинная народность всегда трагическая. Высший и средний слой, довольно уродливо проникнутый европейской жизнью, имеет больше комического элемента...».³

Казалось бы, если бы судьба не преподнесла М. Зощенко независимые от него трагические в те времена события («Постановление 1946 г.», в первую очередь, лишение продуктовых карточек, исключение из Союза писателей, остановка публикации «Перед восходом солнца», критика этой книги Союзом писателей и всеми газетами СССР, встреча с английскими студентами), то повседневная жизнь наладилась бы. Но существовала еще одна проблема — супруга М. М. Зощенко — В. В. Зощенко. Ее очень трудно понять, ибо она была «королевой» повседневной жизни и принимала решения против мужа независимо от своих предыдущих намерений. Например, получив из Сочи от врача подробную программу общения с нездоровым мужем, нуждающимся в покое, тишине, хорошем питании, спокойном сне, в гулянии по 2–3 часа в день и т. д. (осень 1954 г.) (С. 188–190). Но уже зимой 1955 г. Вера Владимировна устраивает скандал, связанный с ремонтом и литературными делами (списком подстрочника, в котором она стремилась угадать руку или Маришки Блейман, или кого-то другого). А потом записывает в блокноте: «Упомянуть о Маришке, конечно, было лишнее». М. Зощенко также начинал вести себя грубо, несправедливо, выслушивая сплетни, которые приносила «королева» от дворничихи (С. 197).

Идеологический хаос, который проникал в квартиру Зощенко, обретал повседневный характер и касался супругов, проживших долгие годы, имеющих сына и внука. Потом наступали неожиданно тихие, спокойные дни. А затем снова наступали расставания и встречи, страдания и нежности, упоение страстью и трезвый расчет ума, преклонение перед гением и потрясающим любовником и осознание эгоистичности его натуры, любовь, доводящая до слез, и ненависть и злоба, убивающая эту любовь и нежность.

Самый главный вопрос, который мучил Веру Владимировну, трудно сформулировать, но приблизительно он звучит следующим образом: «Что же делать, как жить дальше? Может быть, просто уйти или уехать?». Но ответить на этот вопрос было просто невозможно. Г. В. Филиппов, рассматривая эту тему, заявил, что для современников XIX века, знакомых с драмой Аполлона Григорьева «Два эгоизма» была характерна «любовь как борьба эгоизмов, любовь-вражда». Но если в том столетии «эгоизм» еще связывался с высоким героическим индивидуализмом, с борьбой «роковых страстей», то в XX веке он обернулся жалкой пародией, а трагедия «фарсом».⁴

³ Огарев Н. П. Мой Русский стих, живое слово: Стихотворения. М.: Детская литература, 1983. С. 148.

⁴ Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1 / Отв. ред. Н. А. Грознова. СПб.: Наука, 1997. С. 50–51.

Семейная жизнь Зошенко с течением времени становилась все более и более истеричной, нервной. Политические неприятности, обрушившиеся на Михаила Михайловича и отправившие семью к нищете в прямом смысле, обрекали ее членов на споры, неприязнь, истеричные скандалы. В их отношениях проскальзывали ноты ненависти по самым простым и незначительным вещам: то поставили ковер около комнаты Михаила Михайловича, то пришли не те гости, то Маришу назвали умной женщиной, каковой Вера Владимировна ее не считала, то неправильно употребили слово — вместо «заботы» супруга сказала слово «нянчилась» и т. д. и т. п. И заканчивались эти ссоры, вызванные, разумеется, сложной жизненной обстановкой, нищетой, отсутствием заботы друзей, полным молчанием и ненавистью, с которой никто не решался и не умел бороться.

Подобное положение не могло не отразиться на здоровье Михаила Михайловича. Он стал жаловаться на боли, на ногу, которая отнималась, на отсутствие аппетита. Он был испуган, чувствовал себя ужасно, и даже врач из Литфонда, которого вызвала Вера Владимировна, не сумел его привести в приличное состояние. Опять начались появляться «блуждающие» боли: то в боку, то в пояснице, то под ребрами. «Боли были очень резкие, — писала Вера Владимировна, — очень его беспокоили и мучили...» (С. 201).

Супруга Зошенко старалась ему помочь, забыв о ссорах и неприятностях личного характера. Но они все равно возникали, и Маришка являлась главной интриганкой в их отношениях. Любой малозаметный случай с этой дамой вызывал скандалы, истерики, нелепые и тяжелые обвинения. Михаил Михайлович продолжал по разным поводам заходить к Марине, и этот факт вызывал у Веры Владимировны истерику, обвинения мужа в неверности, вражду.

Возникали проблемы и из-за денег. Вера Владимировна хотела купить супругу столик для работы в комиссионке, но он отказался категорически, «опять стал нервничать и говорить мне свои обидные, несправедливые обвинения...» (С. 204). Вере Владимировне ничего не оставалось, как перечитывать свои старые дневники.

В записках 1917 года она нашла свои размышления о супруге:

«Сейчас уже ясно и понятно одно — я любила, очень любила Михаила... И он когда-то очень короткий миг, правда, любил меня... И в память этой любви я должна сейчас сделать все возможное, чтобы спасти его от смерти, от гибели... Это моя единственная цель и задача сейчас. И я должна это сделать не для того, чтобы завоевать его любовь, не для своего личного счастья! Нет, только лишь в память былой любви нашей юности, в память тех ярких, сверкающих мгновений, которые он дарил мне когда-то...

Я должна помочь ему стать здоровым! <...>»

Приведенные слова Веры Владимировны, напоминающие завещание, хотелось бы воспринять как положительное, выстраданное же-

вание осветить свою жизнь, придать ей какой-то светлый и разно-сторонний аспект, покончив с утомлением, истощением, истериками и ссорами. Но, к сожалению, этого не случилось. Вслед за добрыми намерениями и нежными словами опять начинаются ссоры, раздражение и даже разговоры о разъезде.

М. Зоценко отказывается лечиться, не слушает советов супруги, не принимает лекарств, которые с большим трудом доставала Вера Владимировна. Самая пустая фраза, по словам жены, оборачивается против нее: «сегодня я оказалась “гувернанткой”, делающей ему “выговоры”!» Очень непросто понять, каким образом два умных человека могут постоянно находиться в состоянии нелепых и бессмысленных отношений. Вина ли кто-нибудь из них? Или романтическая сущность этой пары просто не могла существовать в огромном поле «мещанства»? Ответить на эти вопросы невозможно.

Тем более, что обвинения друг друга в семье Зоценко продолжались. Врач Гамеева З. из Сочи, которая наблюдала за Михаилом Зоценко, как я уже упоминала, составила план пребывания Зоценко в Ленинграде. Возможно, если бы он исполнял все пункты этого плана, его психологическое состояние намного улучшилось бы. Врач-терапевт писала Вере Владимировне, что нужно делать: «Много волнений причинил ему съезд писателей. Вообще Мих. Мих. очень впечатлительный, легко возбудимый больной, и маленькая причина легко выводит его из равновесия».⁵

Если сравнить рабочий день М. М. Зоценко, о котором писала Вера Владимировна, с пожеланиями врача-терапевта, то общих правил почти не найти. Зоценко жил как хотел, не прислушиваясь к врачебным рекомендациям. И супруга, действительно, ничего не могла сделать.

Новый год Зоценко редко встречал дома, ходил к своей Маришке или к Н. Акимову, в гости после трудового дня заходил играть в преферанс к семье Груздевых — Илье Александровичу и Татьяне Кирилловне. Из всех «серапионов» Зоценко выделял Слонимских и Груздевых. Р. Гуль описывал Груздева как одного из самых замечательных «серапионов»: «Илья Груздев был человек самый хороший. Именно — хороший. В Груздеве не было никакой литературской позы, никакой фальши. Он был душевно чистый человек. Искренен, прост, с некоторым юмором. Порядочность, благородство поступков, преданность братству запомнили многие. <...> Внешне Илья был полн, мешковат, в одежде без всякой претензии на моду, лицо румяное и очень русское».⁶

В молодости, когда из Москвы приезжали друзья после получения гонорара, то Зоценко забирали с собой либо в ресторан, где он доволь-

⁵ См. с. 581—583.

⁶ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Том I: Россия в Германии. М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. С. 318—319.

но тихо сидел с бутылкой пива, либо за кулисы театров — знакомиться с актрисами. После «Постановления 1946 г.» общались с Зощенко очень немногие люди.

Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами. Кавычки авторские.

1950 год

Перед отъездом в Москву (в конце декабря <1950 г.>) он сказал, что относится ко мне хорошо и только не любит, когда я «скандалю» — так он называет мои слезы, которые невольно льются из глаз в ответ на его злые, несправедливые и обидные слова.

Он сказал: «Очевидно, ты всегда требовала от меня чего-то, чего я не мог выполнить и от этого “я уходил в болезнь,” притворялся, но это было несознательно». Конечно, какая-то психическая отягченность в нем есть, какой-то психоневроз живет в его душе, от которого он тщетно старается избавиться путем своего «психоанализа» — расшифровки снов и детских впечатлений.

Если это больной человек, надо терпеть до конца потому, что я все же люблю его и жалею и потому, что я, очевидно, все же как-то нужна ему.

Но как преодолеть его «патологическую ложь»? Последнее время я замечаю, что он мне страшно лжет, и часто лжет совсем бессмысленно и ненужно, и я не могу понять — зачем?

Он утаил от меня настоящую сумму полученных им из Союза денег — он получил 3 тысячи, а мне сказал, что 2.

Он не передал мне письма от Мариэтты,¹ которые он вскрыл и прочел. Явная ложь, что он забыл это сделать, так как я спрашивала его об этом, когда он сказал, что Мариэтта советует ему подать заявление о восстановлении в Союзе писателей. И таких примеров бессмысленной, ненужной лжи было много.

«Он упорно твердит мне, что не любит Марины:² “Никакой любви у меня к ней нет, никакой роли она в моей жизни не играет, если б было наоборот, я бы изменил свою жизнь, она мне нужна потому, что она мне помогает материально, чего ты сделать не можешь, а мне важно сознание, что меня кто-то поддерживает, что я не умру с голоду, потому что иначе я не смогу работать“».

Может быть, эти обеды ему, действительно, необходимы, может быть, в этом его последний «психоневроз с едой», как он говорит, потому что дома, он, действительно, ест мало и плохо, даже по утрам, когда он уже точно никуда не уходит и нигде не ест, кроме дома...

Летом даже говорил, что будто бы даже прекратил с ней близкие отношения...

В его «психоаналитических» заметках» настойчиво повторяется мысль — «страх перед libido, рука, наказание» (С. 167).

Все это говорит за нездоровую психику, за то, что нельзя подходить к нему с обычной меркой, обычными требованиями.

Так я считала всю жизнь и потому смотрела «сквозь пальцы» на его «странности», мирилась с ними.

Если это «психоневроз», как бороться с ним? Как победить его, «страх» передо мной, потому что, мне кажется, этот страх существует и отсюда берет истоки вся эта ложь, все это «притворство»... А эти его «спазмы», когда я вхожу в его комнату и начинаю разговаривать на «личные» темы, которых он так боится? Как доказать ему, что этот страх напрасен?

Михаил страшно устал. Он действительно работает не меньше восьми часов в день, не считая ночи. Встает он между часом-двумя и сразу же садится за письменный стол, начинает писать или просматривать написанное, прихлебывая кофе, который я подаю ему в его комнату и ставлю на письменный стол. Часто он забывает съесть яйцо всмятку, которое варю ему на завтрак. (От чего-нибудь другого он категорически отказывается.)

В пять уходит обедать, а иногда и пройтись. Примерно в половине 7-го возвращается. Немного полежит и снова за письменный стол — примерно до половины 11-го... Потом уходит гулять, выпить пива, изредка — к знакомым. Ровно в 12 приходит домой и просит чаю. Затем слушает радио до часу. Потом иногда поговорит со мной или «побудет» (близость). И около 2-х часов прикрывает плотно свою комнату. (До этого времени дверь всегда раскрыта настежь.) Наутро большей частью жалуется, что заснул поздно, мешали мысли или работа — до 5—7, а иногда и 9 часов.

Конечно, он очень устал... И, главное, — работа не дает ему почти никакого удовлетворения — ни материального, ни морального.

Летом (1950 г.) он написал около 10 рассказов — для «Крокодила», «Огонька», «Лит. газеты», из них был напечатан, к его великой радости, лишь один в «Крокодиле», и он был так счастлив и горд этим «великим событием», такие надежды возлагал, полагая, что это — «первая ласточка», что теперь он снова будет систематически работать в журналах.

Но... надежды эти не оправдались, месяц шел за месяцем, а из редакций даже не отвечали на его письма с запросами о судьбе остальных рассказов, лишь в ноябре «Огонек» (Секундов)³ ответил, что рассказы ему не подошли, а из «Крокодила» он так и не дождался никакого ответа. Все это, естественно, ужасно его нервировало и волновало (С. 168), он не мог спокойно прожить в Сестрорецке больше 3-х дней — летел в город в надежде, что пришел долгожданный ответ из редакций или что будет звонок по делу.

Летом окончательно потерпела крушение его оперетта⁴ — в Горькоме она понравилась, ее одобрили, затем была читка и обсуждение в Союзе и там, конечно, был крайне уклончивый, скорее отрицательный отзыв. В общем, она так и не пошла нигде.

И только переводы — снова Лассила⁵ — «Воскресший из мертвых», за который получена небольшая сумма денег, и новый роман Тимонена, за который, правда, ничего еще не получено, но переделка которого ему, после огромных трудов и волнений, вполне удалась, — принесли ему удачу и немного окрылили его...

В основном, первая половина зимы прошла у нас относительно спокойно — крупных «ссор» не было.

В конце декабря Михаил неожиданно уехал в Москву по вызову Фадеева. Перед отъездом он сказал, что относится ко мне хорошо. 24 декабря 1950 года прислал 350 р. С сопроводительным текстом: «Заплати квартиру приезд 28». Ни слова о делах и здоровье, что очень расстроило меня. 27 декабря — телеграмма: «Послал еще 250 рублей, задержусь до третьего получил срочную работу Крокодиле привет Михаил». 30-го декабря получила эти 250, в извещении было несколько слов: «Вера, посылаю еще немного 250. (Раньше послал телеграфом 350 — надеюсь, получила.) Задержусь в Москве до 3-го января, так как 3-го платежный день в “Советском писателе”, а мне обещали заплатить по договору. Дали путевку (под Москву в “Малеевку”). Вероятно проживу там неделю. Привет Валюше и поздравляю с Новым годом. Если до 3-го будут деньги, пришлю еще. Михаил».

2 января 1951 г. — Поздравительная телеграмма — «Поздравляю тебя Валюшу вероятно задержусь еще неделю работаю Крокодиле телеграфируй получение денег Петрозаводска гостиница Москва Михаил».

3 января — повторная телеграмма: «Задержусь еще неделю для работы Крокодиле телеграфируй получение денег Петрозаводска. Если нет вышлю телеграфом адрес гостиница Москва Михаил».

10 января пришла последняя телеграмма: «Первых двух номерах Крокодила идут мои новые фельетоны подожду 16 получить гонорар приеду 18 Михаил».

С беспокойством ждала я его приезда — томили мрачные предчувствия, и они не обманули меня. Очевидно, «злой гений» — сестра Вера, которая теперь жила в Москве со своим «генералом», за которого она вышла замуж, — приложила все усилия, чтобы снова восстановить его против меня (С. 169).

Вернулся Михаил из Москвы, как телеграфировал, 18 января, вернулся чужим и враждебным мне, «приехал с новыми идеями» в голове: в Москве он был совсем здоровым, в Москве он вставал не позднее 10 часов утра, а, следовательно, я причина его болезни и его поздних вставаний. (Да, очевидно, это было чье-то «внушение».) А перед отъ-

ездом в Москву говорил, что относится ко мне хорошо, и все было спокойно.

Он стал какой-то мелочный, жадный, лживый. Любая моя самая «нейтральная» фраза вызывала у него грубый, язвительный, желчный ответ. И снова думалось: или это действительно болезнь?

Начались мелочные придирки, «неприятности из-за денег». Зачем купила светлые лампочки, зачем жгу газ, обогревая в большие морозы тридцатиметровую площадь, лишённую парового отопления? Когда указала ему на это и пояснила, что тут грошовая экономия, он стал упрекать меня, что я вообще всегда «выставляла» его, вымогала у него деньги и, чего, конечно, никогда не было, я даже никогда не знала, сколько он зарабатывает, и считала неудобным спрашивать его об этом.

Вторая неприятность — снова из-за денег, мне пришлось просить у него денег для уплаты за коммунальные услуги, на что он ответил, что я была обязана взять эти 100 рублей из денег, данных на еду — кормила Валю, его завтраками и обедами, себя. Когда же я заметила, что тогда у меня не хватит денег на еду до следующей его полочки, он стал обвинять меня во всевозможных преступлениях против него. Будто я поставила себе целью или «сломить» его, заставить делать по-своему, или уморить, что я ему враг и причина его болезни, что я вообще ему никто — не родственница, не «родная», что в конце концов — я его убийца... Объяснить ему что-либо, разубедить его было невозможно... Это был какой-то бред...

А на другой день деньги, которые я просила, он все-таки швырнул мне на стол, и мне казалось, что у него начался какой-то «психоневроз» с деньгами, впрочем, неприятности из-за небольших моих «перетрат» на хозяйство бывали и до войны.

Вернувшись со своего обеда, Михаил сказал, что у него «очень плохое сердце», чтобы не было никаких разговоров, — а я и не собиралась ничего говорить.

Это время была занята срочной перепиской для него, затем читала для него перевод, несколько дней все было спокойно.

Но, когда я неосторожно предложила ему пообедать в виде исключения дома — Валя не приехал в тот день с работы из Сестрорецка, и у (С. 170) меня пропал прекрасный телячий суп, сваренный накануне, — разыгрался очередной «скандал», и я опять оказалась «скандалисткой», чужим человеком, «врагом» и, наконец, «его убийцей».

Все это было ужасно, и я совершенно терялась, не понимала, как на это реагировать, как расценивать эти дикие поступки. Если я была уверена, что это просто нелюбовь ко мне, что это — обыкновенная мужская подлость, я бы навсегда отвернулась от него, разошлась бы с ним. Но этой уверенности у меня нет — я вспоминаю его книгу, его «психоналитические» записи, всю его жизнь — это болезнь, психоневроз...

А вечером же, когда я вернулась из магазина, куда ходила за продуктами для него, и спросила — нужно ли приготовить ему чай, ответил утвердительно и с удовольствием ел бутерброды с ветчиной, которую я купила специально для него. Причем как-то ужасно трогательно и жалостно попросил — «дай еще с ветчинкой»... и я забыла все свои обиды, как-то опять его пожалела, как-то успокоилась и решила делать все, что от меня требуется, чтоб не было поводов для ссор и недовольства, чтобы он был спокоен...

И десять дней прошли спокойно, и печатала ему несколько дней, проверяла, корректировала, все было тихо и спокойно, и после моей «ванны» снова была «близость», все было нормально.

Но 15 февраля снова чуть было не вышла неприятность — мне пришлось оставить на одну ночь вычищенный свой ковер в углу у двери в его комнату — убрать его вечером мне помешал совсем мне ненужный и неприятный приход бывшей жены сына, которая отняла у меня больше часу своей глупой болтовней. И вот Михаил стал ворчать, что около его двери «помойная яма», хотел придрататься, что я нарочно это делаю, чтобы заставить его обменять квартиру, говорил, что это моя всегдашняя система или тактика, но я «не подалась на провокации», смолчала, убрала ковер, прибрала этот «угол», и все обошлось.

С неделю неприятностей не было, только был недоволен — зачем я в большой проходной передней устроила «столовую» и вечером сидела там и читала старую «Ниву», был недоволен, очевидно потому, что «столовая» была ближе к его комнате, чем моя.

А потом опять — «неприятность из-за денег». Объявил, что у него нет денег для оплаты газа и электричества, а когда я спросила, куда же он дел те 390 рублей, что оставил себе из последних денег, — произошел «взрыв», но я даже не слишком реагировала на его слова и его оскорбления, ушла из комнаты и стала читать французские сказки.

Но было ужасно, что ничего нельзя изменить, объяснить, понять... И казалось, что все зло от «Маришки» и «Верки», что это они (С. 171) внушили Михаилу его злые мысли.

Ведь все его обвинения — вздор, неправда, таких мыслей никогда не было у меня. Конечно, его злые, несправедливые, жестокие слова приводили меня в отчаяние, я плакала, и он говорил, что мои слезы мешают ему работать. Когда же я просила удалить причину моих огорчений, изменить его отношение ко мне, он кричал, что — это шантаж. Называл меня скандалисткой, шантажисткой, своей убийцей. И разубедить его, оправдаться перед ним было невозможно.

У него появился страх передо мной; когда я вхожу в его комнату, у него начинаются «спазмы». Я невольно ассоциировалась у него только с неприятностями, и я ничего не могу сделать, чтобы разорвать эту «условную связь».

Он внушил себе мысль, что я хочу его обессилить, уничтожить, раздавить... А я хочу только ясности и доверия, простоты, сердечности,

чтоб не было подозрительности, лжи и вражды... Я любила и жалела его...

И я сделала попытку рассеять этот страшный туман наших недоразумений и непониманий, узнать причину, отчего его отношение ко мне с каждым днем все ухудшается, поговорить откровенно. Но из «моей попытки ничего не вышло, кроме дикой сцены с потоком оскорблений, угроз, нелепых лживых обвинений... Он схватил меня за лицо, хватал за шею, выталкивал из комнаты».

И мне стало казаться: «он — или сумасшедший, или подлец. Надо отойти от него, оставить всякие попытки наладить жизнь, создать хорошие, близкие отношения...». Но, может быть, «это мания преследования», которая обернулась против меня?

Да, это была самая «страшная зима» нашей жизни с ним. Шел уже март месяц. Я, действительно, прекратила с ним всякие разговоры и выяснения, не поднимала ни одного «выясняющего» разговора в течение 2-х недель, и вскоре же он, как всегда, сам потянулся ко мне за близостью...

И в конце концов, я решила — не отказываться от того, что мне и самой было нужно и что давало какую-то «иллюзию» близости, любви... И все пошло обычным, проторенным путем.

Лето 1951 года

Как обычно, летом ссор у нас с Михаилом не было. Бывала даже часто физическая близость, но настоящей близости «душевной» все же не было.

Работал Михаил в тот год, главным образом, над переводами с украинского — Гаврилюк («Простодушный Папуа»),⁶ Петро Панч («Герой дня»),⁷ Натан Рыбак («В Карпатах»)⁸ и другие (С. 172).

1951 — 1952 гг.

Первые 2 месяца прошли спокойно, потом — снова «мои обиды»: не захотел исполнить моей просьбы — встретить со мной Новый год. Ушел, очень обидно ответил на мои слова «о том», что мне нужна только его любовь. И снова я стала думать: если я ему не нужна — лучше уйду, буду жить совсем одна, я не хочу портить ему жизнь. Если есть у него чувство ко мне, если я нужна ему, останусь и буду терпеть до конца все его странности, хочу только правды.

А потом была ссора, в которой на этот раз была виновата я. 24 января 1952 г. вернувшись с обеда, Михаил стал жаловаться на плохое состояние, считая, что болеет оттого, что работает много. Желая его успокоить, я указала на Форш — старуха, 80 лет, работает и не болеет.

Рассердился, стал гнать из комнаты, говорить обычные несправедливые вещи. Ушла. Пришел сам, стал говорить, что не знает, как спра-

виться с переделкой пьесы Лившица («Простой рабочий»),⁹ писать которую взялся ему помочь, говорил, что плохо себя чувствует, а надо еще писать для «Крокодила».

Сказала, что пьесу можно отложить, не торопиться с ней. Ответил, что Лившицы меняют квартиру, уезжают в Москву, а потому надо торопиться. Тут я необдуманно сказала, что хорошо бы нам получить, наконец, эту светлую, солнечную квартиру. Опять стал раздражаться: зачем я забиваю ему голову ерундой, когда он работает, и что та квартира ему неудобна, в этой он от меня за «каменной стеной», а там я буду рядом.

Обиделась и сказала, что тогда я сама буду меняться, пусть он остается один. Сказал, что я его нервирую, стал грубо бранить меня. Потом получилась неприятность из-за денег. Сказал, что я нарочно раздражаю его своими претензиями. И опять я не сдержалась, бросила: «Уеду, скоро освобожу тебя, остаешься один». И, конечно, на это опять упреки, брань, раздражение, угрозы... Когда я вечером зашла к нему предложить поесть — опять недовольство, опять — «я липну».

И, в конце концов, оказалось, что целый день не давала ему покоя своими «претензиями», когда у него в голове комедия, и он плохо себя чувствует и не может разговаривать и решать «проблемы».

Да, на этот раз я была неправа, ведь он сам пришел ко мне посоветоваться насчет переделки пьесы, не надо было заводить разговоры об обмене квартиры, не надо было «угрожать разездом».

Следующий месяц ссор и «скандалов» не было, я ничего не требовала (С. 173) от него, ничем не «докучала»...

Физически я чувствовала себя очень плохо. А денег снова не было. Наконец собралась с силами и написала ряд деловых писем: Тимонену¹⁰ насчет оплаты за перевод его романа, Кавериным, Шагинян.

Надежды получить деньги от дачницы в счет уплаты за дачу или занять у Нины Николаевны Сорокиной¹¹ рухнули. Решила обратиться с вопросом — что делать — к Михаилу. Утром сказал: «потом поговорим», а вечером стал возмущаться, как я осмелилась задать ему этот вопрос после «такой работы». Он ходил к Лившицу обсуждать законченную комедию («Простой рабочий»), которую помогал ему писать.

В конце концов я все же нашла выход — продала хрусталь, который до того берегла для Вали. А через три дня я писала: «1 марта 1952 г. Вчера неожиданно уступила Михаилу и помирилась с ним. Предложила ему “ультиматум” — если подпишет “соглашение” — наступит “мир”. Предварительно все же помирились. (“Соглашение” — это его согласие на обмен нашей квартиры с условием, что ему в ней будет предоставлена удобная изолированная комната.)

Я вижу, что он действительно хочет “мира”, не хочет ссориться и не хочет расходиться. И ведь он всегда первый, как было всю жизнь, идет на примиренье. Мою бумагу он подписал, и “мир” был восстановлен.

(Он, несмотря на все его жестокие, грубые и обидные слова, никак не хотел терять меня, не хотел, чтобы я “ушла”. Может быть, в глубине души, где-то “подсознательно” он любил меня, и я была ему нужна?)»

После нашего «примиренья» ссор у нас не было. По субботам Михаил стал уходить играть в преферанс к Груздевым,¹² это как-то отвлекало и успокаивало его. Работал он — кроме Лившицкой комедии — снова над переводами с осетинского: «Максим <Церарев> Цагараев «Повесть о колхозном плотнике...»,¹³ писал рассказы для «Крокодила»... Но все эти работы не удовлетворяли его.

Лето 1952 г.

Летом, как всегда, с Михаилом было «мирно».

Зима 1952–1953 гг.

Литературные дела Михаила по-прежнему были неопределенны. Всякая надежда на то, что он «поднимется», исчезла. Печатали его по-прежнему редко, большинство работ — «браковали» (С. 174).

«Он в это время был занят серьезной работой, на которую возлагал все свои надежды — писал большую книгу, которую считал «ответом» на «Постановление», называлась книга — «Что меня больше всего поразило».¹⁴ Книга была серьезная, «публицистическая», привлек он к работе массу «злободневного», газетного материала.

Но это, конечно, был не Зощенко, о чем и написал ему даже очень доброжелательно относящийся к нему Сергей Антонов, которому Михаил послал книгу для отзыва.

В это время, к тому же, была дана неожиданная «установка» Сталина — «Нам Гоголи и Салтыковы-Щедрины нужны». Работа Антоновым была забракована «как плохая публицистика». И это было огромным ударом для Михаила: и моральным, и материальным.

Жить, не имея почвы под ногами, без верного, определенного заработка, дольше казалось невозможно, невыносимо.

Подошел 1953 год

Этот раз Новый год мы встречали вместе с Михаилом. Он был печальный и безнадежный и, едва просидев 5 минут после встречи, вдруг вскочил и побежал куда-то — то ли к Груздевым, то ли к приехавшему из Москвы Всеволоду Иванову.

Материальное положение наше было ужасно — «третий месяц мы живем в долг — сначала дали Слонимские, потом — Каверины, под Новый год — Форш. Ужасно, постыдно, но другого выхода не было. Хоть бы дали перевод! К сожалению, на самостоятельную литературную дорогу он вряд ли сможет выбраться. Что-то он навсегда потерял.

Впрочем, сейчас писать по-настоящему просто невозможно, и с этим приходится примириться».

«Прошло еще два месяца... С книгой, к несчастью для Михаила, так ничего и не вышло. Но перевод какой-то ему дали — Демирчан (“Дом” с армянского). Но это, конечно, принесло только материальное успокоение, морального же удовлетворения не дало».

5 марта умер Сталин. Уже весной начался как-будто «поворот» в судьбе Михаила — даже Саянов стал советовать ему подать заявление об обратном приеме в Союз и даже дал ему свою «рекомендацию», настолько, впрочем, «смехотворную», что мы с Михаилом только посмеялись над ней, и она так и осталась лежать в его архиве — он ею не воспользовался, однако, заявление о приеме в Союз все же подал (С. 175).

Лето — 1953 года

«Самым важным событием лета был звонок Каверина¹⁵ из Москвы, сообщивший, что Михаила приняли в Союз. Конечно, это было большой радостью для нас, но это было только “платоническое” утешение, реально оно не дало ничего».

«Михаила приняли в Союз, просят работать и ждут его работы, но я не знаю — сможет ли он дать то, что нужно сегодня. Боюсь, что для этого у него не хватит здоровья».

Отношения наши были, как всегда летом, «мирными» и «спокойными» — без ссор, без мучительных, обидных разговоров.

Осенью — в октябре — я очень беспокоилась за Михаила. Я писала: «Я знаю — Михаилу сейчас очень плохо. Очень плохо. Он стар и устал, и его преследуют неудачи, и ему уже никогда не дожидаться победы.

У него впереди одни разочарования, неудачи и неприятности. Писать так, как нужно, он не может, а так, как он может, — не нужно. Он плохо себя чувствует и, может быть, недолго проживет. Мне очень-очень жаль его. Но помочь ему очень трудно, почти невозможно.

Надо постараться, чтобы издали хоть какую-нибудь книжонку его старых рассказов, чтобы это дало ему возможность отдохнуть, не работать несколько месяцев, придти в себя, все обдумать и тогда, может быть, начать писать снова. Но удастся ли мне это сделать — не знаю.

Неужели впереди опять такая же, как прошлый год, ужасная зима — без денег, без заработка, жизнь на “милостыню”? Нищенство! Но спасти может только чудо! Только переиздание старых вещей и ничего больше! Другого выхода нет! Надо пробовать бороться за это!»

(И это мне удалось, в сущности, мои напоминания, мои письма, мои «долбления» принудили, наконец, его друзей начать хлопоты о нем, и осенью 1956 г. вышел, к великой радости Михаила, собранный им однотомник в «Советском писателе».)

1953—1954 гг.

Первые два месяца по переезде в Ленинград прошли спокойно, а потом, потом снова началось «непонятное». В конце декабря я неосторожно пожаловалась на плохое здоровье, усталость, бессонницу, одиночество — и на меня сразу же «напали» и Михаил, и Валерий, и опять я оказалась во всем виноватой, чуть ли не «преступницей». Конечно, расстроилась, и на столике мокрый платок (С. 176).

Новый год все же встречала с Михаилом, и внешне была даже ласковость с его стороны (казалось, я добилась своего — Новый год он стал встречать со мной). А в конце января снова «началось»...

Я все хотела, чтоб Михаил открыл мне свою душу, сказал правду. Я чувствовала, что за его наружной, внешней почти ласковостью кроется ложь, обман, что он таит что-то от меня, что он не весь открывает мне.

И вот я убедилась, что ни капли любви, ни привязанности, ни жалости у него нет для меня. Он считает меня вздорной женщиной, которая мешает ему работать. А за то, что я осмелилась мечтать об облегчении, хотя бы бытовых условий своей жизни, Михаил хочет уехать в Москву и жить там (очевидно, настраивала его на такое решение та же Вера).

И вот разговор с Михаилом (25 января), после которого мне показалось, что лучше умереть...

«Я не могу больше жить с человеком, который сказал мне, что я — “не играю никакой роли в его жизни, так же как и все его прошлые женщины“, что я мешаю ему работать, лишая квалификации, что у меня “преступная натура“, что он не может есть из моих рук, потому что боится, что я дам ему яду, — я не могу и не должна жить с человеком, который видит во мне врага, у которого нет и не будет ко мне ни капельки человеческого чувства, ни капельки жалости и понимания, не говоря уже о любви».

Вот до такого невероятного отчаяния дошла я после этого с ним разговора. (Странно: какие бредовые мысли заходили вдруг в голову Михаила, ни с того, ни с сего... И, главное, все это было неправдой — все эти годы он спокойно «ел из моих рук».)

Я стала думать о том, что «надо разорвать, наконец, наши жизни до конца, стать до конца чужими, разъехаться, не встречаться. Стала думать: «Может, правда уйти к Тамаре?» (гимназической подруге, которая любила меня).

27 января Михаил действительно уехал в Москву... А накануне была близость... И перед отъездом он говорил, что я преувеличиваю, «из пальца высасываю неприятности», что я взвинчиваю (или накачиваю себя — не помню точно его выражения), что все хорошо и спокойно, — и я опять не могла ничего понять.

Но прибавил: «Я хочу дня три отлежаться, хочу, чтоб меня ничто не беспокоило, поэтому я не раньше, чем через 2 дня, сообщу о себе».

И он сдержал свое слово, а я, конечно, беспокоилась, не зная, как он доехал, как чувствует себя — ведь я так не хотела этого отъезда (С. 177).

4 февраля пришла телеграмма: «Все благополучно здоровье значительно лучше адрес гостиница Москва 844 привет Михаил». Вскоре получила письмо от 5-го февраля: «Вера, дела тут у меня идут довольно медленно. С однотономником пока не удалось выяснить, так как Сурков¹⁶ уехал в отпуск. По кино дело тоже замедлилось. К сожалению, Пономаренко¹⁷ теперь на другой работе. Но все же студия как будто не против экранизировать два моих рассказа. По эстраде — благополучно. Скетч (для Мироновой и Менакер)¹⁸ принят, и на днях обещают заплатить.

Кроме того, на эстраде, действительно, разрешают читать мои старые рассказы. А актеры уже (успехом) начали это. Каминка¹⁹ сказал мне, что он читает (второй месяц) самые старые рассказы — такие как “Кино-драма” и “Баня”. Но перед выступлением говорит, что это о прошлой жизни. Смех (он говорит) огромный.

Пробовал я тут написать что-либо для “Огонька”, но пишется с трудом — все же здоровье сильно подорвано.

Порадовало меня то, что сейчас появился у меня аппетит. Я хорошо ем (обедаю у Веры). И та тошнота, которая меня мучила несколько месяцев, — исчезла. Это показывает, что явление было психогенного характера. Надеюсь, что это придаст мне силы, и я смогу работать.

В “Крокодиле” отношение очень хорошее, но работать для них трудно, так как они и сами не знают, что нужно и как достигнуть смеха.

В общем, ничего такого исключительного не произошло в Москве, да я и не рассчитывал на это.

Попробую поработать для эстрады, поскольку тут очень просят об этом. Пробуду в Москве числа до 18—20. Но, возможно, что после 12 перееду к Вере.

А вообще хорошо, что я поехал в Москву — это позволило мне убедиться в моих ложных болезнях. Да и режим я тут выправил. Встаю в 10, не позже 11. И чувствую себя гораздо лучше.

Конец февраля и март придется работать для Груздева. А потому надо бы еще немного заработать, что думаю сделать по эстраде.

Привет Валюше. Надеюсь, он ведет себя прилично.

Будь здорова. Михаил.

5 февр. 54» (С. 178).

«По приезде из Москвы (21 февраля) Михаил сразу же сказал мне, что он окончательно выяснил, что я “создала ему психоневроз с едой, со сном, со спазмами”. Я сказала ему, что постараюсь сделать все, чтобы освободить его от этого психоневроза: не буду входить в его комнату, буду ставить еду на стол в передней, не буду вести никаких длинных разговоров, буду стараться устранить от него все неприятное».

И вот, несколько дней я так и поступала.

А потом случилось непредвиденное — я забыла ключ от входной двери, и мне пришлось подняться за ним к Марине, где обедал Михаил. И, конечно, эта женщина опять позволила себе обидеть меня, а Михаил по возвращении домой набросился на меня чуть ли не с кулаками, стал замахиваться, толкать меня, кричать, что я преступница, что я довела его до психоневроза, лишила творчества и доведу до смерти, что он боится есть, чтобы я его не отравила, боится спать, чтобы я не убила его, что я, таким образом, лишила его сна и еды... А под конец объявил, что с Мариной у него нет никаких отношений, а что он живет с другой женщиной...

Я просто не знала — что мне делать, как реагировать на весь этот дикий бред? Думала даже посоветоваться с психиатром, хотя казалось мне, что это будет бесполезно.

Я считала, что настоящей «преступницей» была эта Марина, которая буквально «травила» меня, не понимая того, что он все равно не уйдет, не бросит меня, а что все эти неприятности и ссоры будут только подрывать все больше и больше его нервное здоровье.

Я не могла ничего понять — что же случилось с ним?

Ведь до войны он всегда говорил мне: «Я тебя по-своему люблю, ты мне нужна, я не хочу и никогда не разведусь с тобой, не обращай внимания на моих “женщин”, я мальчиком женился, я “святой” в сравнении с другими, вот К., как он любит свою жену, а ты посмотрела бы, что он делает в Москве...».

А перед самой войной он говорил: «Не понимаю, чем ты была недовольна, в конце концов, я всегда делал все по-твоему».

Во время войны он посылал мне такие заботливые, хорошие телеграммы и письма.

Меня очень обидела его последняя грубость, все его жестокие, ужасные слова. На какое-то время я «отошла» от него, не пытаюсь даже оправдаться перед ним, доказать ему его неправоту, так как знала, что в ответ получила бы «поток оскорблений».

А он продолжал упрямо твердить: «Ты создала мне психоневрозы, путем “насилия”, ты хотела сломить мою волю, но ее не сломила, а сломала (С. 179) мою “хрупкую психику”. Если бы я не поехал в Москву, я бы уже умер, я не мог есть, каждый кусок сопровождался страшной тошнотой, я уже думал, что у меня рак и хотел делать исследование».

(О тошноте он начал говорить всего дня за три до отъезда в Москву.) Снова он стал обвинять меня в том, что я не сказала ему о вызове в НКВД, чего я не имела права сказать, да и какое отношение это имело к моей «ломке» его, моему «насилию» над ним — я не могла понять.

Он говорил: «Я плохо ем, у меня нет аппетита (правда, тошноту я убрал, поняв, в чем дело, в Москве), я плохо сплю».

Но мне казалось, он плохо спит, потому что работает на ночь (а в Москве он не работал), нет аппетита — обычное явление в его воз-

расте, к тому же, он много курит, мало бывает на воздухе, да и нет в продаже особенно вкусных, располагающих к аппетиту вещей.

Очевидно, своими «психоанализами» он только закрепил «психоневрозы», сосредоточил на них свое внимание. А потом мне снова стало очень жаль его, я очень хотела быть ему другом, быть близкой, нужной, полезной...

Весна 54-го года прошла спокойно — я не касалась больше «запретных» тем, больных вопросов. Все неприятности, все нелепые, дикие ссоры прекратились. И у Михаила снова родилось «доверие» ко мне, он снова стал делиться со мной своими мыслями, рассказывать о своих делах. Возобновилась и физическая близость; как всегда, он первый подошел ко мне. И, как всегда, я не в силах была ему отказать, не могла, да и не хотела противиться его желанию, этой «иллюзии» любви... Все было спокойно.

А потом произошло одно обстоятельство, надвинулись неожиданные события — снова тяжелые и неприятные, которые как-то очень сблизили нас, переживала я их вместе с ним, старалась успокоить его, как могла.

В конце апреля я переехала в Сестрорецк, но уже 5 мая, в день Валиного рождения, я поехала в Ленинград. Только вошла в квартиру, Михаил меня встретил упреком — почему я приехала так поздно...

Отвечаю, что еще не поздно, и я успею все приготовить к вечеру, когда придут Валины гости.

Говорит: «Да нет, я не о том... Мне хотелось с тобой посоветоваться... Дело в том, что мне звонили из Союза, просят, чтобы я обязательно пришел вечером. Приехали какие-то английские студенты,²⁰ явились в Союз, просят показать им “могилу Зощенко и Ахматовой”. Им, конечно, ответили, что могут показать их живыми и невредимыми... Вот, и звонила Катерли,²¹ просила меня обязательно быть (С. 180), а я чувствую себя плохо и идти мне туда совсем не хочется». Отвечаю: «Ну и не ходи, тем более, что сегодня Валино рождение, будут его гости, было бы хорошо, если бы ты к ним вышел». Михаил согласился со мной, но через некоторое время снова зовет меня в свою комнату, говорит, что снова звонила Катерли, просит «живым или мертвым» быть на этой встрече, так как иначе получится крайне неловко и не политично. Одним словом, буквально через силу, но придется волей-неволей идти...

Когда он поздно вечером вернулся из Союза, снова позвал меня... Лежал он на постели, по своему обыкновению, и очень как-то озабоченно сказал мне: «Знаешь, как меня подвела Ахматова? Эти мальчишки спросили меня, как я отношусь к Постановлению ЦК? Я ответил, что не согласился с Постановлением и объяснил почему; мои рассказы писались тогда, когда советского общества, “советских” людей, в сущности, еще не было, и я писал о “мещанах”, оставшихся от прежней

жизни, так что клеветы на “советских людей” в моих рассказах быть не могло». (Одним словом, Михаил повторил все то, что писал в свое оправдание Сталину.)

«Ты понимаешь, не мог же я сказать, что я согласился с тем, что меня назвали хулиганом, подонком, клеветником, трусом и чуть ли не вредителем. Студенты устроили мне настоящую овацию. А когда они обратились с этим же вопросом к Ахматовой, та ответила только — “А я согласна с «Постановлением»” и села. Никаких аплодисментов — гробовое молчание. А когда секретарь парторганизации Луговцев спросил их: “Что же вы так приветствовали Зощенко и не приветствуете Ахматову?” Ответили: “А нас ее ответ не удовлетворил”. Я спросил Луговцева — не сделал ли я какой “накладки” своим ответом? Тот сказал, что, конечно, можно было бы ответить несколько иначе, но, в общем, ничего».

Вся эта история очень взволновала Михаила. Я стала его успокаивать, сказал: «Видишь ли, надо было, конечно, сказать, что ты полностью согласен с той частью Постановления, в которой говорится о том, что литература должна быть идейной и т. д., но не согласен с той частью, которая относится лично к тебе. Тогда было бы правильно.

Но ничего “страшного” нет — во всяком случае, ты доказал этим английским мальчишкам, что у нас в Советском Союзе — “свобода слова и демократия” (С. 181), так что ты не волнуйся, твой ответ на пользу нам».

Михаил покачал головой и сказал, что он все же беспокоен, пожалуй, может ожидать для себя из-за этого ответа снова неприятностей. Так и случилось. В газетах немедленно появилась статья, в которой его упрекали в том, что он, вместо того, чтобы «перестроиться», оказывается, не согласился с Постановлением ЦК и скрыл это от товарищей.

За первой статьей последовали другие, в том числе резкая статья Ермилова,²² который когда-то хвалил «Голубую книгу». Эта статья особенно обидела Михаила.

Был назначен пленум в Союзе писателей, на котором товарищи должны были обсудить это дело. Конечно, Михаил волновался перед этим пленумом.

Все эти неприятности очень сблизили нас, я снова стала ему нужной и близкой. Ночи напролет просиживала я у него в комнатке в Сестрорецке, и мы вместе обсуждали, как и что должен он сказать товарищам.

Я считала — раз писатели дают, наконец, ему право высказаться, он должен «не просить прощения», а доказать, как несправедливы были все выдвинутые против него обвинения, то есть повторить все то, что он писал Сталину.

«И про “диалектику” скажи, и про “обезьяну”, и про то, что заставили уехать из Ленинграда, про все скажи им прямо и бесстрашно», — твердила я.

Михаил соглашался со мной и даже набросал «тезисы» его предполагаемых ответов пленуму. В середине июня состоялся этот пленум, на котором Михаил бесстрашно ответил писателям на все их обвинения. Прежде всего, он сказал, что никогда не скрывал своего несогласия с докладом Жданова, о чем сразу же написал Сталину, — «и товарищ Сталин мне головы не снес, наоборот — дал указание печатать».

Но здоровье Михаила было слишком подорвано, нервы не выдержали и, как он сам мне рассказывал, говорил он крайне нервно, возбужденно и закончил свою речь почти истерическим выкриком: «Если такое ко мне отношение, то не надо мне ни вашего Союза, ни вашего Дружина!».²³ И, в состоянии, близком к обмороку и сердечному припадку, выбежал из зала.

За ним бросилась Катерли и другие товарищи — отпаивали водой, валерианкой — боялись, как бы он тут же не умер на месте. Все это было ужасно. Я всеми силами успокаивала Михаила, но, конечно, он продолжал волноваться и ждать для себя «новых бед» (С. 182).

К счастью, я, «как всегда», оказалась права: в английских газетах вскоре появились широковещательные заголовки — «В России свобода слова и демократия. Зоценко не согласился с Постановлением ЦК! Открыто заявил об этом!». Одним словом, ответ Михаила, как я и предполагала, действительно, пошел нам на пользу.

7 сентября в «Известиях» появилась статья «Факты опровергают клевету», в которой говорилось о том, что разговоры с советскими людьми развеяли английскому студенчеству выдумку о том, что в Советском Союзе не может вестись свободная дискуссия. После этого, естественно, все нападки на Михаила были прекращены и «дело с английскими студентами» было предано забвению.

Но лето нам было испорчено, здоровье Михаила было подорвано окончательно. Мне было очень жаль его — у него в жизни ничего, кроме бесконечной работы, без всякой уверенности, что она будет оценена должным образом, что даст ему какое-то признание в литературе, а, следовательно, и в жизни, даст покой, отдых...

Он работает как каторжник, как поденщик, лишь бы выколотить копейку на скудную, полунищую жизнь: денег едва хватает на самые насущные нужды — еду, оплату квартиры, отопления и «коммунальных услуг». Ни материального, ни морального удовлетворения от работы нет. И нет гарантированного заработка, нет никакой почвы под ногами, никакой уверенности в завтрашнем дне.

Вообще, совершенно непонятно, как он выдерживает еще! После такой «славы» — «у меня мировое имя», — говорил он, такого успеха, «величия» — такое «падение», такое «изничтожение». После полной обесценности — такая нищета!

Как от всего этого он еще не сошел окончательно с ума — непонятно. Михаила очень жалко, и тем трагичнее, что я ничем не могу помочь ему, не могу поддержать его.

Но больше всего беспокоило меня состояние здоровья Михаила: слишком оно было подорвано в результате всех ненужных волнений и переживаний минувшего лета.

И я написала об этом его товарищам — Каверину и Федину. В ответ на это Михаилу была предоставлена путевка в санаторий в Сочи на декабрь.

Я прожила в Сестрорецке до 14 ноября. Михаил изредка наезжал ко мне, приехал и на мои именины 30 сентября, привез мне даже коробку шоколадных конфет при скудных наших средствах (С. 183), потратил деньги на эти дорогие конфеты, думая доставить мне удовольствие.

Но очень беспокоил и огорчал меня он. Никогда не выглядел он так плохо, как теперь. Он стал совсем стареньким, жалким, больным, и я простила ему все прошлые обиды и не могла сердиться даже за настоящее невнимание и несправедливость порой. Он очень больной и несчастный, и мне так жаль его. И так беспокоило за него.

Больше нет никаких надежд на возрождение, на «реабилитацию», на возврат прежнего положения. Поиски грошовой работы, старость, болезни и смерть — вот его удел. И это было ужасно. Какое-то беспокойство и страх за него, за его здоровье, жизнь. Хотелось бы быть ему полезной и нужной, а как и чем, и возможно ли это вообще — не знаю, так и не знаю совсем. <... >

Те короткие минуты физической близости, которые бывают у нас и которые дают мне какую-то иллюзию счастья, — не знаю, что дают они ему?

И вот, наконец, 15 ноября я переехала в город. И через два дня совершенно неожиданно — снова нелепая ссора с Михаилом. Я только неосторожно снова спросила его об отношении к Марине — и в ответ его крики, угрозы, нелепые несправедливые, обвинения и опять ясное сознание, что я ничего не могу сделать, ничего не могу исправить, изменить, наладить. Слова бессильны. Мне очень больно от этих незаслуженных оскорблений! Ведь я так искренно жалела его, беспокоилась за него все это лето, хотела ему помочь. И все напрасно! Я бы охотно отошла в сторону, вычеркнула бы его из своей жизни, но он такой старый, больной, несчастный, я не могу этого делать. Но я знаю — пока стоит между нами «Маришка» — отношения наши никогда не наладятся. Никогда.

И не могут они наладиться, потому что она ему друг (если не любовница, как он уверяет), он видит в ней помощь и поддержку, с ней он делится мыслями и планами, а для меня уж ничего не остается.

Но я не могу понять одного — почему он с такой бешеной злобой отрицает это, почему он кричит, что она для него ничто, никакой роли не играет? (С. 184).

Я хочу только правды! Я не могу поверить, что он ходит к ней только потому, что рассчитывает на ее моральную поддержку в случае безвыходного положения! А может быть, относиться к нему нужно как

<к> нервнoбoльнoму, пoтaкaть eму вo вceм и ничeгo нe тpeбoвaть oт нeгo?

Тaк я и пoступилa, и нoвыx нeприятнoстeй с Микaилoм дo eгo oтъeздa в Сoчи нe пoслeдoвaлo, a из Сoчи oн пoсылaл мнe тeлeгрaммы и письмa, в кoтoрых пoдpoбнo рaсскaзывaл oбo вceм.

Вoт эти тeлeгрaммы и письмa:

1. Тeлeгрaммa из Сoчи oт 8 дeкaбря 1954 г.: «Сaнaтoрий oтличный вceм тeплo хoдим бeз пaльтo здoрoвье нeвaжнoe видимo зaтpoнуты лeгкиe письмo пoшлoу пpивeт Микaил».

2. В письмe oт 9 дeкaбря 1954 г. oн пишeт: «Вeрa, в Сoчи, кoнeчнo, чудeснo. Сoлнцe. Зeлeнь. Тeплo. Вчeрa былo дaжe жaркo. Вce бeз пaльтo. Сoлнцe тaкoe, кaк у нaс в нaчaлe aвгустa. Сoчи я вooбщe нe узнaл зa 15 лeт. Нoвыe oтличныe дoмa, мoл, пpистaнь. Нa улицax вceгдa пaльмa. Сoвeршeннo южный, eврoпeйский гoрoд.

Сaнaтoрий мoй вeликoлeпeн. Кoмнaтy мнe oтвeли бoлee чeм рoкoшнoю — с зoлoтыми бaрхaтными пoртьeрaми, с кoврaми и с бaлкoнoм нa мoрe. Ухoд и зaбoтa удивитeльныe, кo мнe в oсoбeннoсти. Вeсь мeдпeрcoнaл пoбывaл у мeня. Нo пo мoeму хaрaктeру тaкoe внимaниe нe тaк уж пpиятнo.

Eдa oтличнaя — дaют, чтo хoчeшь, мoжнo зaкaзaтьлюбoe блюдo. В oбщeм здeсь oтличнo. Нo сo здoрoвьeм пeчaльнo. Впeрвыe зa мнoгo лeт я пoзвoлил сeбя oбслeдoвaть. И пo встpeвoжeнным лицaм врaчeй пoнял, чтo дeлa мoи нeвaжны.

Oкaзaлoсь, чтo мoй пoрoк сeрдцa oслoжнилcя “мeрцaтeльнoй aритмией”, истoщeниe пoлнoe (дистрoфия) и чтo нaибoльшe вceгo мeня удивилo — слaбыe лeгкиe. В пpaвoм лeгкoм кaтaрaльнoe сoстoяниe. Дoктoр скaзaл, чтo нaдo пpoсвeчивaть, чтoб рaзoбpaтьcя. Стaл стaвить гpaдусник — к вeчeру вceм лeгoчнaя тeмпeрaтурa — 37,3. Тaк пpoдoлжaлoсь 4 дня. Нo сeгoдня — 36,9. Этo дaeт нaдeждy, чтo пpoцeсс нeбoльшoй и пpeрвeтcя.

Нo пpидeтcя бeрeчьcя и глaвнoe — eсть. A с этим дeлoм плoхo. Пpaвдa (ужe с пoeздa), у мeня нe былo тoшнoты. И oтвpaщeния к eдe. Нo зaстaвить сeбя мнoгo eсть нe мoгy. Видимo, длитeльнaя пpивычкa oтyчилa мeня oт нoрмaльнoй eды. Нeльзя, нeльзя былo тaк вoздeйствoвaть нa мoю уязвимoю и в (С. 185) сущнoсти бoльнyю психикy! В мoлoдыe гoды я “ухoдил” в лeгкиe нeврoзы — спaзмы, пeрeбoи. A вeдь тyт вoзник тяжeлeйший нeврoз, кoтoрый нaрушил вce мoи жизнeнныe фyнкции и тaк пoдoрвaл силy, чтo вpяд ли я смoгy вeрнyтьcя к пpeжнeму нoрмaльнoму сoстoянию.

Тyт вcя бeдa в тoм, чтo имeннo *eдa* былa нaибoлee слaбым и уязвимым мeстoм мoeгo психoнeврoзa».

(Дo вoйнy никaкoгo «психoнeврoзa с eдoй» у нeгo нe былo. Дyмaeтcя, чтo этoт «психoнeврoз» oн сeбe пpидyмaл, стaрaяcя пoнять свoю бoлeзнь пyтeм «психoaнaлизoв» в пeриoд рaбoты нaд «Пeрeд вoсxoдoм сoлнцa», глaвным oбрaзoм в эвaкyaции. A тaк кaк дaльнeйшиe сoбы-

тия — «удары» <19>43 и <19> 46 годов как будто подтвердили правильность его «домыслов» и «догадок», психоневроз этот закрепился и, в конечном итоге, погубил его. — В. З.)

«Врачи с ног сбились — не знают, как мне вернуть нормальный аппетит. Одно ясно, что и тут слишком обильная еда приводит меня в смятение. Но все же радуюсь, что аппетит (небольшой) имеется, а ведь полтора года я мучился и ел насильно.

Большую часть дня провожу в постели — слаб, и врачи посоветовали пока лежать, тем более, что ходить тут не так-то просто — горы. И даже до моря не дойти. Вернее, не подняться вверх. Надо ждать машину, которая ходит каждый час. Возможно, что некоторую пользу принесет мне эта поездка в Сочи. Но поправиться за один месяц, конечно, нельзя.

Слишком большие дефекты и разрушения.

Вообще-то жил уже долго и умирать вовсе не страшно. Но вот от чехотки не хотелось бы, противно.

Буду рассчитывать, что легкие как-нибудь подправлю.

Работать здесь вовсе не могу, да и не насилую себя. Досидеть до конца не так-то легко. Но попробую. В Москву же пока решил не ехать по нездоровью.

Вот все, что пока могу сказать о себе.

Ежели будешь писать, то коротенько — несколько строк, чтоб не взбудоражить меня — принимаю лекарство, и здесь мне (по нервам) спокойней.

Будь здорова. Целую.

Привет молодежи — Вале и Гале. Михаил.

9 декабря».

На полях: «Оказалось, что за 13 лет я потерял 7 кило. Для меня это (С. 186) — чудовищно... Сейчас я хочу вернуть хотя бы 2 кило — этим я уйду от дистрофии».

3. Телеграмма — 14 декабря <19>54 г. (в ответ на мою, сообщавшую о письме Цагарева, который предлагал ему перевести с осетинского языка его книгу о Кирове). «Здоровье лучше погода отличная письмо Цагарева ответу конце декабря привет Михаил».

4. А потом — тревожная телеграмма — от 20 января 19<54> г. «Письмо получил здоровье неважное послал Прокофьеву телеграмму Москву вернусь домой начале января привет Михаил».

5. Письмо от 23 декабря <19>54 г.: «Вера, я уже не без труда выдерживаю санаторный режим. Раза два собирался ехать обратно, но заставлял себя пробыть до конца.

Надеюсь на то, что санаторий даст результаты не сразу, а спустя месяц — так говорят врачи. Надо сказать, что пока ощутимых результатов нет. Ем с неохотой, а иной раз и с тошнотой, если врачи на меня «нажимают».

Сердце тоже нехорошо работает. Так что все больше лежу на балконе, мало хожу. Да и некуда — море далеко, надо к берегу спускаться метров 300. В этом отношении санаторий не особенно мне приятен. Уж очень высоко над морем. Днем ходят специальные автобусы, а если пешком, то надо только на спуск потратить минут 20. В общем, вряд ли я еще раз захотел бы сюда приехать. Питание здесь обильное (уж очень много дают еды), а мне это ни к чему.

Лечение — ванны и всякого рода процедуры — хотя и дало мне некоторое успокоение нервов, но большого перелома не сделало. Однако, анализы и исследования показали, что никаких серьезных болезней (кроме сердца) у меня нет. И все дело в истощении, которое подорвало мои силы весьма значительно.

Весу я пока не прибавил, но врачи обещают, что прибавка в 1 кило (или 1,5) непременно будет. В общем, улучшение идет с трудом. И причина этого — не совсем хорошо на душе. Мрачновато. Пробовал было работать, но пока ничего не получается. Решил пробыть здесь до конца путевки. Заказал билет на 31. Но сегодня выяснилось, что расписание поездов изменили и теперь (С. 187) из Сочи на Ленинград будут ходить поезда не через день, как было, а только 1 и 2 раза в неделю.

Так что придется ехать через Москву (Москва — Сочи), что мне не особенно приятно, так как сейчас не хотелось бы задерживаться в Москве — нет настроения для этого, да и здоровье все же нехорошо. Но если задержусь в Москве, то не более 1—2 дней. Во всяком случае, рассчитываю быть в Ленинграде не позже 4—6 января. За съездом я не следил и газет почти не читал, но, говорят, что меня никто не затрагивал — а это уже хорошо. Итак, до скорого свиданья. Михаил.

Привет Вале и Гале. И поздравляю с Новым годом. Сюда больше не пиши, так как числа 30—31 я, видимо, уеду. М.».

6. Телеграмма — 31 декабря <19>54 г. «Здоровье лучше письмо послано приеду 4 или 5 позвоню вокзала поздравляю с Новым годом Михаил».

Состояние его здоровья обеспокоило меня, и я написала письмо его лечащему с просьбой откровенно сообщить мне о нем, посоветовать, как и чем нужно его лечить.

Вот что ответил мне врач, Зинаида Степановна Гамеева:

<27 декабря <19>54 г.

Уважаемая Вера Владимировна!

Сообщаю Вам интересующие Вас сведения о состоянии здоровья Михаила Михайловича. Я являюсь лечащим врачом М. М. и наблюдаю за ним с 5 декабря, то есть со дня приезда его в санаторий.

Свое сообщение начну с самого начала. На первом приеме М. М. заявил мне, что он в разладе с медициной и не хочет поэтому обследоваться в санатории и проходить врачебный осмотр.

Из курортной карты я узнала о том, что он страдает пороком сердца с нарушением ритма. Осмотреть себя детально он мне не разрешил,

говоря, что при приближении врача у него появляются спазмы. Все же мне удалось выслушать сердце и проверить пульс.

По законам санатория мы обязаны полностью обследовать б-х <больных> в первые 2—3 дня. Мих. Мих. категорически отказался от обследования, и лишь на 9-ый день мне удалось взять у него мочу и кровь на исследование. Как потом мне стало известно, в течение 7—8 дней у него были колебания оставаться ли ему в санатории или уехать домой, затем он решил все же остаться, и вот на 9-ый день я его частично обследовала.

От других обследований (рентген, электрокардиограмма) категорически отказался. Кровяное давление я смогла измерить только после 2-х (С. 188) недельного пребывания, после многих уговоров. Данные обследования показали, что у М. М. имеется резко выраженное истощение, характера элементарной дистрофии, комбинированный митральный порок сердца, осложненный мерцательной аритмией. Кровяное давление 145—150/90. Анализ крови и мочи без особых отклонений. Биохимические анализы крови выявили небольшое снижение уровня сахара в крови, небольшое повышение остаточного азота, нормальное содержание холестерина в крови. Вначале Мих. Мих. категорически отказывался от всего, что ему предлагали для лечения (вливания глюкозы, желудочный сок, консультация невропатолога). Затем, со второй недели, начал принимать глюкозу (в порошках) и аскорбиновую кислоту.

Я ежедневно беседовала с ним на обходах, и у меня создалось впечатление, что у него происходит большая внутренняя борьба 2-х сил, рассудка и воли, с одной стороны, и подсознательных сил — с другой. Это борьба очень тяжелая, и часто она его заставляет отказываться от того, что ему полезно.

Сам же он говорит, что последнее время вел борьбу со здоровьем, то есть боролся за болезнь, за то, чтобы не быть здоровым, сознательно подрывая свое здоровье неправильным режимом. Последнее время у него появилось желание быть здоровым, и это меня радует.

Вас интересует, как изменилось его состояние за это время. Можно сказать, что есть определенный положительный сдвиг. Он чувствует себя значительно бодрее, нет того резкого упадка сил, отвращения к пище, улучшился сон. Кушает он больше, по его определению — вдвое больше, чем дома. До 20 декабря прибавил в весе 1,3 кг.

Главное, по моему мнению, это то, что у него сейчас желание бороться за восстановление здоровья, чего не было раньше.

Вы понимаете, что при таком исходном состоянии души и тела, при выключении 8—10 дней, ушедших на колебания, как я уже Вам писала — быть или не быть в санатории, больших положительных результатов ожидать нельзя, так как срок очень мал, но главное — это благоприятный перелом психики, а остальное приложится после.

Вы спрашиваете, следует ли ему оставаться в санатории еще? Я ему об этом говорила несколько раз еще до получения Вашего письма, но он категорически отказывался, говорил, что он больше не может и дальнейшее пребывание будет без пользы.

Конечно, ему здесь скучно, он живет один, ни с кем не общается, разговаривает только во время обеда и завтрака с соседями по столу, а ужинает дома один (по желанию).

Мне думается, что все же он получил здесь стимул к благоприятным сдвигам, только в дальнейшем дома нужно закрепить и строить режим (С. 189) его по типу санаторного в течение нескольких месяцев. Главное, ему нужно усилить питание, дойти до нормы веса или приблизиться к ней, а это вопрос не одного, а многих месяцев, многих усилий, соответствующего питания и режима дня, чтобы дома кто-то из его приятелей-врачей или профессоров был с ним в контакте и помогал ему советами, наставляя на то, что ему полезно.

Много волнений причинил ему съезд писателей. Вообще Мих. Мих. очень впечатлительный, легко возбудимый больной, и маленькая причина легко выводит его из равновесия.

Конкретно: что нужно дома для Мих. Мих.

1) Регулярное питание 4–5 раз в день, небольшими порциями с ограничением мяса, яиц и соленья.

2) Достаточный сон — 7–8 часов (ложиться спать не позднее 11 часов).

3) Быть на воздухе не менее 2–3 часов в день.

4) Принимать глюкозу, аскорбиновую кислоту; если не глюкозу, то побольше сладкого.

5) Избегать всяких раздражителей нервной системы (по возможности).

6) Прекратить курение.

Просьба к Вам, Вера Владимировна, написать мне спустя 5–6 недель, как себя будет чувствовать Мих. Мих. и какой режим будет держать дома. Буду очень признательна Вам.

С приветом, уважающая Вас З. Гамеева.²⁴

Р. С. М. М. не знает о нашей переписке. Если Вам понадобятся еще какие-то сведения, пишите, с удовольствием отвечу Вам всегда».

Я, конечно, была очень благодарна ей и постаралась, насколько это возможно, следовать ее советам. Во всяком случае, я начисто прекратила всякие волнующие Михаила разговоры, и зима прошла у нас спокойно.

Михаил приехал, как и обещал, в начале января. Все было хорошо.

А вскоре я совсем случайно сделала одно «открытие», которое как-то даже несколько успокоило меня.

Убирая, как обычно, комнату Михаила, я наткнулась сначала на «Маришкину» телеграмму, посланную в Сочи: «Каком году прикажете ожидать целую Марина».

И это слово — «прикажете» — показало мне, что отношение к ней Михаила далеко не идеальное, и даже это ее «целую» не слишком задело меня. А потом попались мне 2 письма. Возможно, Михаил умышленно (С. 190) оставил их «на виду», чтобы разубедить меня в моих «подозрениях» насчет «Маришки».

Оба этих письма были получены им в Сочи.

Одно было от «Маришки». Правда, оно говорило достаточно красноречиво о том, что их отношения были достаточно близкими, но, тем не менее, оно не расстроило, а скорее позабавило и насмешило меня: написанное на вырванном, очевидно, из школьной тетради сына клочке бумаги, отвратительным почерком, ужасным слогом и с рядом орфографических ошибок, оно подтверждало мои догадки о том, что такая женщина может быть для Михаила только «кухаркой», выручающей его из беды.

А второе письмо совсем меня удивило и насмешило еще больше.

Было оно тоже от женщины, причем, она писала: «Я очень сентиментально поцеловала твою подпись на письме». И этот «поцелуй» подписи уж никак не говорил в ее пользу — достаточно пожилой женщины.

И обе женщины целовали, и обе желали вернуться «толстым» и «толстеньким».

Я поняла, что эта «вторая», очевидно, тоже как-то близкая Михаилу женщина была той самой, о которой он сказал мне во время нашей ссоры в феврале 1954 г., когда уверял, что с «Блейман» у него нет никаких отношений, а что он «живет с другой женщиной»...

Позднее я выяснила, что это, действительно, была она, моя тетка, Вера Владимировна З.

Все это казалось мне странным и непонятным; знали ли эти женщины о существовании друг друга? Или (скорей всего) обманывались, и каждая из них думала, что она — «единственная»?

Но совершенно ясно одно — никакой «любви» к ним, двоим сразу, у Михаила, действительно, не было, и я только напрасно так мучила себя и его своими «подозрениями»!

«Литературные дела» Михаила налаживались с трудом. 1955 г. по-прежнему оставался напряженным, трудным; несмотря на то, что нападки на него в газетах больше не повторялись, отношения к нему в Союзе писателей и в издательствах по-прежнему оставались какими-то недоверчивыми, настороженными, а порой даже почти враждебными.

Таким образом, работать ему это время приходилось снова преимущественно над переводами, что, конечно, никак его не могло удовлетворить.

В эту зиму я решила твердо во что бы то ни стало обменять нашу, такую неудобную для нас всех, в том числе и для Михаила, квартиру, которую «подсунула» нам Кетлинская.

В результате долгих хлопот я обменяла, наконец, ненавистную мне квартиру Кетлинской на двухкомнатную квартиру № 119 для нас с Михаилом и комнату № 118 в квартире рядом (С. 191).

Обе эти квартиры находились в нашем доме, по той же лестнице, только этажом ниже. Мы с Михаилом получали хорошую квартиру с окнами на бульвар, на запад, так что солнца тут было больше. Михаилу его комната очень понравилась, он был ею очень доволен, даже говорил, что это — самая хорошая и приятная для него комната из всех, которые он когда-то занимал.

Все было хорошо и спокойно, а когда я в конце весны неожиданно заболела — появились какие-то боли в спине, Михаил даже был очень обеспокоен этим и проявлял по отношению ко мне неожиданную заботливость.

Лето 1955 г.

Отношения с Михаилом, как обычно летом, были хорошие и спокойные. Но были опять волнения и тяжелые переживания в связи с делами Михаила. Было недоразумение с переводом, который должен был получить Михаил. Письмо от директора издательства пролежало месяц на старой квартире, и неполучение этого письма дало повод Михаилу думать, что ему отказывают во всякой работе вообще, что, конечно, страшно волновало его. Пришлось мне по этому поводу писать и Кавериным, и Федину. В конце концов все как будто наладилось.

Михаил написал заявление в Союз писателей, и секретариат вынес постановление — обеспечить его переводческой работой, которую он и получил вскоре. Кроме того, выдали ему безвозмездное пособие в пять тысяч. Но Михаил так плохо чувствовал себя и, действительно, так плохо выглядел — стал совсем стариком, — что в душе у меня не гасла неумная за него тревога.

С осени, после того как в конце сентября он уехал в город уже больным, простуженным, он больше уже не приезжал в Сестрорецк, не приехал даже на мои именины, но прислал мне «хорошую записку»: «Веруша, поздравляю с именинами. Посылаю 300. Подарок за мной, когда вернешься в город. На этот раз обязательно. Сегодня сердце у меня лучше, но насморк еще сильный и кашляю. Пришли мне с Валюшей баночку варенья черносмородинового. Целую. Михаил. P. S. По-моему, тебе очень долго нет расчета сидеть в С. За 2-3 недели вряд ли поправишь здоровье, а простудиться можешь. Если я буду поздоровей, то приеду на той неделе. М.».

Казалось бы, можно было мне быть спокойной. А я снова стала думать, что Михаил серьезно привязан к Марине, привязан настолько, что не может выдержат без нее больше 2—3 дней и поэтому не может жить в Сестрорецке все лето, несмотря на то что только длительное

пребывание там, на воздухе, на хорошем свежем питании, могло бы (С. 192) помочь ему восстановить здоровье и силы.

Но, когда я высказала ему это свое предположение, он его, конечно, с негодованием и раздражением отверг.

Но в глубине души я продолжала оставаться при своем мнении. Лишь много позднее я поняла, что я заблуждалась и что Марина в это время действительно не играла в его жизни особой роли, во всяком случае, любви к ней у него не было. Два письма, которые попали позднее в мои руки, говорили за то, что в его жизнь в это время вошла совсем другая женщина. Письма эти были ее ответом на его осеннее письмо, в котором он сообщал ей о своей простуде (в конце сентября <19>55 года).

И была эта женщина та самая Вера З., письмо от которой в Сочи я уже знала. Письма эти были тоже достаточно сентиментальны. Так она, например, писала: «Мишеничка, я нам на счастье собираю “куриных богов”. Это камни с дырками, которые могут носиться в качестве ожерелья. Говорят, счастье обеспечено». Второе ее письмо заканчивалось так: «Дорогой, очень хочу, чтоб ты был кругленький к моему приезду».

Впоследствии, во время болезни Михаила в 1957—<19>58, году она часто звонила ему по телефону, и я сама предложила Михаилу попросить ее навестить его.

Была она немолодая, неинтересная, сентиментальная женщина. Она, очевидно, серьезно любила Михаила, заботилась о нем и, кажется, даже материально ему помогала. В последние годы она неоднократно навещала его. Держала она себя всегда тактично и вежливо, свои отношения к Михаилу не афишировала, так что о них со стороны я ничего не слышала, а потому против нее я никогда ничего не имела, на ее телефонные звонки отвечала всегда любезно, любезно же и встречала ее у себя.

Были ли у него какие-то близкие, «интимные» отношения с ней — сказать не могу, очевидно, в начале февраля <19>54 г. и было что-то. Но любви к ней, к этой пожилой, некрасивой сентиментальной женщине, с его стороны, конечно, быть не могло.

Но ему нужен был «друг», нужна была забота, внимание, и как друга, конечно, он очень ценил ее. Марина же была нужна ему тоже как друг, как человек, от которого он ждал «помощи». А я не понимала, не могла этому поверить и только напрасно волновала Михаила своими «подозрениями» насчет «Маришки».

Зима 1955—56 г.

Это была очень трудная, очень беспокойная, нервная зима, и в этом, к великому моему сожалению, виновата была я — не сумела учесть его нервного состояния, понять его «психоневрозов»... (С. 193).

Приехала я в Ленинград, как обычно, в начале ноября. И мне сразу же по приезде пришлось хлопотать о ремонте — в кухне у нас была «протечка» — из ванной верхнего этажа, потолок грозил обвалом, и я обратилась в ЖАКТ с требованием произвести срочный ремонт, который вскоре и был начат.

Конечно, вся эта суматоха, шум, волнения, связанные с ремонтом, очень беспокоили Михаила. Он связал это с моим приездом, сказал: «Вот ты приехала, стало так беспокойно, у меня рухнула вся работа».

Конечно, эти слова очень неприятно подействовали на меня. И я подумала: «Если с моим приездом рухнула его работа, что же мне делать тогда? Куда деваться? Значит, я ему не нужна? Значит, все мои мечты и надежды на хорошую, мирную, светлую жизнь с ним вдвоем несбыточны?»

А потом был «разговор» с дворничихой Ниной, которая мыла полы после уборки. И ее слова о том, что все в доме знают об отношениях Михаила с Маришкой и смеются над ним: «Вас-то все жалеют и удивляются, как это он Вас на нее променял — “золото на серебро”, — а над ним и над ней смеются».

Это, конечно, было мне неприятно и неприятно, главным образом за него, и тогда я сказала ему: «Как неприятно, что ты не можешь прекратить обеды у Маришки (я тогда думала, что причина его хождений, действительно, только “психоневроз с едой”), ведь эти твои ежедневные хождения так роняют тебя в глазах всего дома, мне даже приходится разубеждать людей в том, что между вами существуют какие-то отношения».

Конечно, я не должна была этого говорить — в ответ опять начались крики: «Ты опять меня начинаешь мотать, опять принимаешься за старое, опять хочешь меня нервировать и срывать с работы, ты и так создала мне тяжелый психоневроз с едой, хочешь, чтоб я совсем есть перестал»....

Потом все несколько сгладилось. С четвертого декабря я засела за работу — надо было срочно перепечатать ему перевод, со сдачей которого он опаздывал. (Перевод с украинского повести Полторацкого «Детство Гоголя».)

Когда я только начала печатать перевод, я следила по часам за временем, чтобы узнать, в какое время я смогу уложиться с работой, и обратила внимание на то, что он слишком долго, часа полтора, пробыл у Марины.

И когда он вернулся, я спросила его: «Неужели ему так интересно часами сидеть у нее, я просила объяснить, чем все-таки она так приваляла его к себе?» (С. 194).

На это он ответил мне как-то очень грубо и резко, что-то вроде того, что не мое дело вмешиваться в его жизнь, что я не имею права распорядиться его знакомыми и его контролировать. А тогда я, с болью, с настоящей душевной болью, сказала: «Ну, зачем ты так говоришь?»

Зачем ты рушишь все хорошее, что у меня есть к тебе? Зачем ты убиваешь мое чувство?» Он с презрением и издевкой бросил: «Чувство! Старая женщина, а говоришь о чувстве. Какое там чувство!»

На это я ответила, что я не говорю об «африканских страстях», я говорю о чувстве, о человеческом чувстве, о любви, которую человек может и должен сохранять в душе до последних своих дней, о чувстве, которое может быть и должно быть к детям, к матери, к родным. Почему же стыдно иметь его к мужу?

И если когда-нибудь у меня в душе погаснет способность к чувству, это будет значить, что пора мне умирать.

Эта фраза его больно ранила душу... Правда, после нее было примирение, была даже близость, снова он сам потянулся к ней! А когда я начала противиться, сказал, что не хочу близости после тех его слов, он все-таки заставил меня подчиниться своему желанию, как было всегда, все наши 38 лет...

Вскоре мне пришлось забежать к Нине Николаевне (Сорокиной — соседке), надо было передать ей поручение от ее знакомой. И вот Н. Н. на мой вопрос о том, что же все-таки болтает Маришка, сказала: «Ну, говорит, что он ее одну любит, что он в этом году редко ездил в Сестрорецк, чему она была очень рада, ну, глупости говорит, все считают, что Маришка — круглая дура, и ничего больше.

И мне подумалось: значит, я была права в своих предположениях, значит, действительно он не хотел жить в Сестрорецке больше 3-х дней, потому что скучал по ней, не хотел ее огорчать, делать ей неприятное.

И эта мысль была непереносимо тяжела мне...

К тому же у меня родилось еще одно подозрение — он не хотел давать мне подстрочник перевода (перевод делался с украинского), а на вопрос: «Кто ему делал перевод?», отвечал уклончиво: «Одна женщина, знающая язык».

Не давал он мне подстрочник перевода, очевидно, потому, что знал, что в мои руки попало письмо Марины в Сочи, и я могу узнать ее почерк, так что, скорей всего, он действительно умышленно дал мне возможность (С. 195) прочесть это письмо и письмо З., чтобы разубедить меня в моих подозрениях о его «любви» к Марине. И вот у меня родилось подозрение — не Маришка ли автор подстрочника?

Наконец мне в руки попала рукопись подстрочника, и я убедилась — это она! И тут мне показалось, что все рухнуло окончательно, если она и в литературных делах сумела ему заменить меня, значит, она для него не только «кухарка», нечего и надеяться, что когда-нибудь он оставит ее. Но я смолчала, что мне известен «автор» подстрочника, но я не смогла смолчать о том, что услышала от Н. Н.

И тут, конечно, опять разыгралась буря, и крики, и уверения, что он не любит эту женщину, что он уже давал и дает еще раз честное слово в этом.

Но когда я уже готова была поверить в это, поверить, что «Маришка» просто хвастает либо из самолюбия, либо для того, чтобы ее слова дошли до меня, заставили бы, может быть, пойти на решительный «разрыв» с Михаилом, когда, я, почти поверив в это, сказала ему: «Ну, хорошо, если ты даешь честное слово, что она тебе безразлична, что ты ходишь к ней только обедать, потому что у тебя «психоневроз с едой». Он, видимо, испугался и стал говорить, что, «конечно, хорошие, дружеские отношения есть», — и этим снова разрушил все.

А вечером, когда я закончила печатание перевода, он зашел ко мне в комнату, отношения у нас тогда были спокойные, и я помогала ему в работе, и я случайно упомянула о том, что в трудные годы я не продала ни одной вещи его и Вали, а своего всего лишилась, даже кровати, и теперь приходится мне спать на маленьком диванчике, подставляя к нему на ночь пуфики.

На это он неожиданно заметил, что я продавала вещи, потому что не хотела работать. И эта фраза меня страшно задела, так как это была неправда.

И я напомнила ему, что всю зиму 1946—1947 гг. я тщетно искала работы, что Маруся Кауфман²⁵ (гимназическая подруга) сказала, что ее бывший муж — «Володька» Якубенко²⁶ сказал, что «Орбели пересяхавщик и нет смысла просить его дать Вере работу в Эрмитаже», что Беккер сказала, что ей ответили: «Пусть она (т. е. — я) переменит фамилию, если хочет получить работу», что ни Саянов,²⁷ ни Прокофьев,²⁸ ни Форш,²⁹ ни Кетлинская не пожелали дать мне переписку на машинке, сказав, что не могут отказать своим машинисткам, что объявления об уроках и занятиях с детьми я вывешивала, но на них никто не откликнулся, что, наконец, когда мне давали работу, я не отказывалась — и стельки делала (С. 196), и урок давала, и на машинке перепечатывала для Смолича.

Зачем быть несправедливым и попрекать меня тем, в чем я не виновата, тем более что мне и самой больно и грустно от сознания, что я ничем, кроме продажи своих вещей, не смогла помочь семье в тяжелые минуты.

И прекрасно он знает, как мне больно, что не удалось кончить университет, и не моя в том вина, что не удалось, и должен понимать, что без диплома, за 300 рублей и вообще не было смысла работать (300 р. = 30 р. по масштабу сегодняшних цен).

На это он стал попрекать, что я не работала и раньше, до войны. И это тоже была неправда. В юные годы, еще в бытность в гимназии, я работала — давала уроки, потом — до 1923 года работала учительницей и воспитательницей, а потом я училась в университете и тоже давала уроки и лишь с 1926 г., когда его материальное положение улучшилось, я, действительно, перестала работать.

Но с 1930 г. по 1937 г. вела большую общественную работу по Ликбезу, за что имела неоднократную благодарность.

Кроме того, все это время помогала ему самому в его работе, была его «секретарем-машинисткой», печатала на машинке, корректировала, рецензировала и, наконец, много времени отдавала занятиям с сыном.

И тут я, совсем ненужно, добавила, наконец: зачем он попрекает меня тем, что я не работаю, а не требует этого от своей Маришки, которая и моложе меня, а живет и жила на алименты, однако это не мешает ему ее уважать! (Упомянуть о «Маришке», конечно, было лишнее.)

На это Михаил стал, как всегда, кричать, что я нарочно нерввирую его, волную, что он только что кончил тяжелую работу и нуждается в полном покое, а я нарочно травлю его, дразню, оскорбляю...

Когда же я (конечно, совершенно напрасно, необдуманно) сказала, что я не знала, что одно упоминание о его «возлюбленной» Маришке будет так волновать его, он бросил мне в ответ неожиданно грубое бранное слово, которое, мне показалось, я ему простить не смогу!

(Все это говорит за то, что в его психике, действительно, произошли какие-то болезненные изменения. Так непохоже было все его поведение на его все-таки обычно сдержанный и деликатный характер.)

Но тут начались у него неприятности в связи с приездом в Ленинград Мироновой и Менакера, которым опять запретили в Ленинграде показывать его пьеску, идущую весь год с большим успехом в Москве. (Пьеска — «Фальшивый жених», написанная им в 1955 году.) (С. 197).

Он начал сильно волноваться, пришлось его успокаивать, вести кое-какие переговоры с начальством — Прокофьевым, написала было письмо Кавериной, но потом решила письмо не посылать, эти внешние неприятности несколько отодвинули на задний план личные.

А потом как-то утром он стал говорить, что вот он себя так плохо чувствует, потому что сразу скопилось все, он только что кончил тяжелую работу, тут эти неприятности с эстрадой (Миронова и Менакер), да, вдобавок ко всему, и личные неприятности.

На это я сказала, что на общественные неприятности не нужно обращать внимания, что все это утрясется.

А позднее, уже вечером, зачем-то опять заметила, что в отношении «личных дел» — мое глубокое убеждение, что всему виной «Маришка», что если бы ее не было, если бы он перестал ходить к ней, тогда и только тогда в доме наступил бы мир, и тишина, и покой, о котором мы оба мечтаем.

Конечно, на это опять последовал взрыв, крики: «Она еще смеет контролировать моих знакомых!» И, в конце концов, в первый раз в жизни — уже «нецензурная брань» по моему адресу.

А потом он стал жаловаться на болезнь, на сердце, начали опухать ноги, и он стал думать, будто бы я нарочно волновала его, устраивала неприятности, «создала психоневроз с едой» и теперь хочу его «уморить»...

Когда же я пыталась оправдаться, доказать, что это совсем не так, что таких мыслей нет и никогда не было в моей душе, что я просто не могу примириться с существованием в его жизни в продолжение <нрзб.> лет другой женщины, полагаю, что он серьезно привязался к ней — получилось еще хуже.

Так прошло время до нового, 1956 года.

Новый Год он все-таки встретил со мной и лишь после встречи пошел к Марине.

Потом опять и опять были у нас «крупные неприятные разговоры», и мне стало казаться, что я совсем не нужна ему, и я только не могла понять, почему он не хочет прямо и открыто сознаться в том, что он любит или просто крепко привязан к другой женщине, что она ему стала необходимой, нужной?

Но почему же он до сих пор все же стремился к миру со мной? И ведь все неприятности у нас бывают в ответ на мои слова о «Маришке», когда я прошу, чтобы он перестал так часто бывать у нее (С. 198).

А потом снова я думала, что он любит Марину, а меня считает причиной своей болезни, своего психоневроза, и тогда мне казалось, что мне лучше «уйти», разойтись с ним, разъехаться, переехать к Тамаре, гимназической моей подруге, которая любила меня...

Но в глубине души оставалось сомнение — а вдруг это все-таки — «психоневроз», вдруг он — просто нервно-больной человек, и тогда я действительно виновата в том, что не могу этого понять, что волную, нервирую, будоражу больного человека? Ведь, если я молчу, все у нас идет гладко.

Наконец, я поняла, что изменить ничего я не в силах... Я прекратила всякие «неприятные разговоры». Но он продолжал жаловаться на здоровье — на сердце, нервы, «спазмы», тошноту, отвращение к еде... И не хотел послушаться ни одного моего совета. И потому я ничем не могла помочь ему.

Так прошла зима.

К весне в его судьбе неожиданно наметилась перемена: было решено собрать однотомник его старых рассказов, в театре собирались возобновить «Парусиновый портфель», его стали приглашать во все журналы, и тещы устраивали вечера его старых рассказов.

И я стала думать: очевидно, он все же нервнобольной человек, и все его странное отношение ко мне — следствие его болезни, его «мании насилия».

В начале мая я, как обычно, уехала в Сестрорецк. И лето было, как обычно, «хорошее» — ссор с Михаилом не было. Впрочем, летом мы вообще не ссорились. Я поила его молоком, жарила его любимых «окуньков», варила ему черносмородиновое варенье. И, по его желанию, всегда провожала его на вокзал, когда он уезжал в город. И он заботился обо мне. За лето прислал 3 денежных перевода — это когда он не приезжал в Сестрорецк.

После моих именин — 3-го сентября — Михаил больше не приезжал на дачу, возможно, боялся холода, боялся простудиться. А, может быть, был очень занят: его снова начали печатать.

Всю весну и лето Михаил работал над однотомником,³⁰ который должен был, наконец, выйти в «Советском писателе». Отбирал для него свои лучшие работы 1923—1956 гг. Считал, что книга получилась удачная, и это очень радовало его, и даже нервы его, его «психика» начала приходить в равновесие.

1956—1957 г.

Эта зима оказалась спокойнее, чем предыдущая, ссор с Михаилом почти не было. И она была бы совсем спокойной, если бы не неожиданная (С. 199) реальная болезнь Михаила.

Книга его (однотомник) вышла примерно к ноябрьским праздникам. Михаил был очень доволен этим. Сразу же дал мне много денег, и я занялась покупками: надо было купить носильные вещи, ведь все у меня так изнашивалось, оборвалось, а, главное, надо было привести в порядок мебель, которая тоже была в ужасном состоянии.

Подошел Новый Год. Михаил встречал его с нами, но встреча вышла такая неудачная, нервная, непонятная. Валина жена, Антонина,³¹ с которой он прошлой зимой снова сошелся, к великому неудовольствию Михаила и моему, на встречу не явилась; Валерий нервничал и сидел мрачный, дети — внук Миша и племянница Лера — шалили и нервировали.

Михаил вообще очень отрицательно относился к Антонине, он говорил про нее, что «она — корыстная дрянь» и у нее «мозги набекрень».

Валю она никогда не любила, была «дура», вульгарная и воображающая о себе невесть что, она буквально отравляла нам всем жизнь.

Конечно, встреча Нового Года была скомкана, испорчена, и не удивительно, что в час Михаил все же ушел к Маришке, сказав, что идет в Дом актера, где ему, якобы, оставлен столик — «извиниться, что не может придти».

А через час, когда я устраивала на ночлег детей в комнату Валерия, я увидела его, спускающегося сверху.

Я только сказала: «Я так и знала!» И снова получился скандал, с руганью, истериками, так что мне же пришлось его успокаивать, поить валерианкой, уговаривать....

«Старый Новый Год», правда, мы встречали спокойно — с нашим «воспитанником» Вовой, которого мы, после ареста его родителей в 1937 г. по предложению Михаила, «взяли к себе», и Галей, его женой, и Михаил посидел с нами спокойно часа два.³²

Но вскоре после Нового Года неожиданно заболел Михаил. Впрочем, не неожиданно, потому что о своей болезни он твердил уже давно — мне плохо, я болен — это он повторял уже с самой осени.

А 1 марта он даже сам сказал: «Как началось с Нового Года, так все и пошло». И вот как-то раз он уходил, как всегда, обедать. Я была в это время на кухне, что-то готовила. ...И не успела я уйти из кухни, как вдруг слышу — открывается дверь... Это был он, бледный, дрожащий, очень испуганный... Говорит: «Знаешь, у меня, кажется, паралич, нога отнимается, не могу ходить.... Вышел на бульвар, вдруг как мурашки по ноге, и нога стала чужая, тяжелая, холодная... (С. 200). Все же я поднялся наверх, но там стало еще хуже».

В первую минуту я испугалась и растерялась даже немного. Потом поняла — это нервное, и надо его успокоить. Он был очень испуган.

И я заговорила совсем спокойно — ничего страшного нет, никакого паралича быть не может — какой же паралич, если он ходит? Уложила его в постель, дала грелку, сделала ножную ванну, напоила горячим и долго сидела около него — успокаивала....

«Ты просто очень испугался, у тебя все симптомы страха — дрожь, холодный пот, успокойся, все пройдет», — говорила я. — «Да, я испугался, ах, как я испугался», — повторял он.

Часа через два он успокоился, но ночью опять заболела нога, я услышала, что он ходит, встала, снова делала ему ванну, давала грелку, успокаивала.

На другой день началось резкое отвращение к еде. На следующий, кажется, он сам попросил позвать невропатолога. Но все-таки, несмотря на то, что чувствовал он себя ужасно, и врач мог придти без него, он решил подняться наверх, мотивируя тем, что, может быть, он там поест хоть немного.

Вечером пришел врач (доцент Пригонников из Литфонда). Сказал — в основном — нервное, но нога — все же — «спазм сосудов», пульс не прощупывается (это он сказал мне, Михаилу же, что пульс есть, но слабый) и что прежде всего надо бросить курить. Прописал ряд лекарств. Лекарствами и врачом Михаил остался доволен, во врача поверил и лекарства стал принимать. Но курить, конечно, не бросил.

С едой стало немного лучше. Отвращение и позывы на рвоту и даже рвота при одном упоминании об еде как будто исчезли.

С ногой было еще раз или два ухудшение — почти те же явления, потом некоторое время одна нога оставалась холоднее другой, затем, как будто, стало лучше.

Но появились какие-то «блуждающие» боли — то в боку, то в пояснице, то под ребрами.... Боли очень резкие, очень его беспокоили и мучили...

Большую часть времени он проводил в постели, лежал, даже еду по утрам я подавала ему в постель. Я искренно была огорчена и взволнована его болезнью, искренно хотела ему помочь и даже была какая-то радость в том, что я могу что-то сделать для него, быть ему полезной, я чувствовала себя нужной и даже близкой ему.

И был у него даже минутный порыв какой-то — не то нежности (С. 201), не то благодарности — это в первый момент его болезни, он даже потянулся ко мне, я не поняла его движения.

— «Что ты?» — спросила с недоумением.

Ответил немножко с досадой на мою непонятливость:

— «Я хочу тебя поцеловать»...

Это было как-то неожиданно.

Очевидно, в этот миг он, наконец, почувствовал во мне друга.

В это время ему часто звонила по телефону Зенькович, справлялась о здоровье, и я сама предложила Михаилу попросить навестить его, чем она, конечно, не преминула воспользоваться, и стала часто его навещать, против чего я абсолютно ничего не имела и всегда встречала ее предельно вежливо и любезно. А потом опять начались «неприятности».

Как-то он сам завел разговор о Марине, стал меня уверять, что у него нет и никогда не было к ней любви, но что ему нужна была ее помощь, хотя бы фиктивная. Но потом он, на мои слова — какой интерес общаться с ней, ведь она просто глупая женщина, заметил: «Нет, она умная, очень умная».

И от этих слов в душе родилось опять недоверие и отчужденность. А тут вскоре его бестактные замечания и придирки ко мне во время визита к нему Зенькович,³³ потом при Ольге Малоземовой,³⁴ которая даже сама ему заметила: «Что ты к ней придираешься?», и, наконец, по поводу моего разговора с Татьяной Груздевой в день ее именин — 25 января. Ему этот разговор показался глупым и бестактным, а я знала, что делала, и на то у меня были свои причины.

Но в раздражении на него за его придирки и помня его фразу, что Марина — «очень умная», я бросила: «Ну, конечно, я глупа, ведь только твоя Маришка умница!»

Конечно, сразу последовал «взрыв», брань, упреки, обвинения — я его нарочно нервирую, не щаю, раздражаю, убиваю...

Это меня страшно обидело, и тут я допустила грубую ошибку, действительно, «бестактность» — сказала, что мне очень обидно такое отношение в ответ на мои заботы о нем, за то, что я так «нянчилась» с ним во время его болезни.

И это необдуманное словечко «нянчилась» ужасно обидело и оскорбило его, и он всю зиму не мог мне его простить и забыть.

В общем — была опять грубая и обидная ссора, и в ответ на его грубые слова я говорила, что, если он не любит меня и я не нужна ему, я могу уйти, уехать, хоть сейчас, сию минуту, что я могу вообще ничего не делать для него, даже не входить в его комнату (С. 202).

На это он кричал, что «заставит меня заботиться о себе». А я же хотела «уйти» лишь в том случае, если я не нужна ему. Все это был такой бред, нелепый, тяжелейший и ненужный.

Опять создались напряженно-тревожные отношения, и это, как он уверял, ухудшило его состояние.

Он опять стал жаловаться на боли, на ногу, опять перестал есть сколько-нибудь нормально. И я пожалела его и сказала, что не сержусь, а до того почти не говорила с ним, боясь раздражать его, только подавала еду. Он просил дать ему полный покой до прихода доктора, и я это сделала. Доктор нашел у него заметное улучшение, но через день-два после его визита Михаил опять стал плохо есть, а потом опять появились боли.

Какое-то время все у нас было спокойно, но потом опять была ненужная, неожиданная ссора.

«Это было 19 февраля. У нас погас свет, а Михаил в это время уходил обедать, и я сказала — “Если у Маришки свет тоже не горит, я позвоню в домоуправление, значит, это общее явление”. (Нервы у меня почему-то были в то день как-то особенно натянуты.) Михаил вернулся и объявил, у Маришки свет горит, и у Томашевских,³⁵ и Браун³⁶ тоже. И так мне стало опять неприятно и противно, что Браун и Томашевские опять видели, что он продолжает ходить к Маришке, и опять у них будут те же мысли и предположения на этот счет, такие обидные и оскорбительные для меня, — ведь мне столько раз передавали, что некоторые писатели считают Марину его «второй женой»!

И я не сдержалась и спросила: «А откуда ты знаешь, что у них горит свет?» Ответил: «Я их встретил на лестнице, а что, в чем дело?» И что-то добавил еще, на что я — опять совсем ненужно заметила: «Да, мне неприятно, противно, что ты не можешь прекратить туда ходить, потому что это дает пищу неприятным для меня разговорам».

И опять разыгрался скандал, который кончился его истерикой, обвинениями меня в том, что я его «убиваю», что я насилую и насильовала всю его волю, а я возражала, что это неправда и что теперь я готова уйти от него, куда угодно, лишь бы не видеть этой вражды, этой несправедливости, не слышать этих оскорблений.

В общем, я ушла из комнаты, несколько дней опять почти не говорила с ним. Потом как-то немного улеглось, но через 3 дня опять позвонили — я просила его дать денег на покупку для него очень удобного (С. 203) столика, который присмотрела для него в комиссионке, но он отказал категорически. И опять начал нервничать и говорить мне свои обидные, несправедливые обвинения. Я не стала слушать, ушла из комнаты и больше не заходила к нему за весь вечер — даже прощаться не зашла.

А на другой день он стал жаловаться на боли и на ногу, и я опять оказалась виноватой...

Был еще — 24 февраля — неприятный разговор из-за Веры (сестры), но я снова ушла из комнаты, и «ссора не состоялась»...

Но больше я не поднимала никаких «неприятных», волнующих его разговоров...

Так вот и затихло все...

Эти дни он жаловался на боли, опять очень плохо с едой...

Была у него Зенькович и даже принесла ему рисовой каши, но он и ее не ел...

Но у нас сейчас наступило «затишье»...

А 3 марта я писала: «Второй день лежу, воспользовавшись легким нездоровьем, лежу и перечитываю свои старые дневники...

Читаю записки 1917-го года:

«Сейчас уже ясно понятно одно — я любила, очень любила Михаила... И он когда-то, очень короткий миг, правда, любил меня... И в память этой любви я должна сейчас сделать все возможное, чтобы спасти его от смерти, от гибели... Это моя единственная цель и задача сейчас.

И я должна это сделать не для того, чтобы завоевать его любовь, не для своего личного счастья! Нет, только лишь в память былой любви нашей юности, в память тех ярких, сверкающих мгновений, которые он дарил мне когда-то»... Я должна помочь ему стать здоровым!

Тем более, что он считает, что я создала его болезнь! Это неправда, я не виновата в этом, по крайней мере — сознательно не виновата, но я должна во что бы то ни стало спасти его!

...Я поняла, поняла так отчетливо и ясно — такой страсти, как Михаил, не дал мне никто в жизни!

...И за то, что он дал мне такое большое, яркое счастье, я должна была простить ему все — даже измены и равнодушие... А я не прощала!

Но с этой минуты будет у меня к нему лишь жалость, и нежность, и благодарность за прошлое...

Как мне жаль его! Старенький, слабый, больной... Такой одинокий и несчастный со своими болезнями, «страхами», невротами!

Я ничего не хочу от него, ничего! Я не требую больше ни любви (С. 204), ни нежности, ни заботы, ни ласки...

Я только хочу помочь ему... Помочь стать здоровым, избавиться от тех навязчивых идей, что так отравляют его душу, такой мучительной делают его жизнь!

В это время в душе моей, как будто, произошел какой-то перелом... Я, действительно, начисто прекратила всякие «неприятные разговоры», не касалась того, что могло бы как-то взволновать Михаила.

И еще я решила — я должна перечитать все мои тетради и записать жизнь Михаила... Может быть — в этом — цель и смысл моей жизни с ним?

Да, Это должно стать моим «делом жизни»...

И мне опять стало мучительно жаль Михаила, надо быть с ним кроткой и ласковой, надо его жалеть. Но ничего не ждать от него, ни на что не надеяться. Ему надо все простить и прощать вперед.

Надо попытаться дать ему хотя бы покой, если уж не могу дать ему счастья!

В благодарность за наше с ним счастье — наше юное счастье!

Оно было сияющим и ярким, это был «взлет» и безумие. И за это надо быть благодарной ему и судьбе...

И сейчас — жалеть его и заботиться о нем — несмотря ни на что... Ни на его злобу порой, несправедливость, холодность, непонимание. И ради этого надо жить.

А потом показалось — «кажется, он до сих пор “боится” меня... Какой это нелепый бред! Да, он не вполне нормальный человек... И объяснить ему ничего нельзя...»

Вечером (в «пасхальную ночь») Михаил ушел на рождение к Акимову. А днем опять чуть не поссорились с ним — прочла в газете о враче — психиатре Варшавском, который лечит психоневрозы гипнозом, в душе загорелась надежда — даже уверенность, что этот врач сможет вылечить Михаила...

Но на мое предложение он ответил категорическим отказом, а когда я стала спрашивать, почему же он отказывается от единственной возможности стать, наконец, здоровым, стал кричать, что я «давлю» на него, «обрабатываю», «насилую его волю»...

И, в конце концов, опять упомянул о том, что я — причина его болезни, что я не даю ему покоя и мешаю работать...

Тогда я сказала, если я ему ничем помочь не могу, если я раздражаю, нервирую и «вгоняю его в болезнь», мы можем разъехаться, мне не нужна жизнь с ним «насильно». На это он сказал, что не хочет никаких перемен, что у него еще не прошли «спазмы» на меня и что я «из пальца высасываю неприятности» (С. 205)...

Потом он стал просить прекратить разговоры, и я ушла.

Он стал считать, что болезни его оказались «мифом», «психоневрозом», но я боялась, не ошибается ли он, может быть «спазм сосудов» на ноге — реальность?

Он не хочет больше лечиться, не хочет показываться врачу и принимать витален, который я с таким трудом для него достала... Не хочет принимать и капли для аппетита, которые сам же просил достать.

Он не хочет слушать моих советов, все мои слова считает «обработкой», «вправлением мозгов», «насилием»...

Все это очень похоже на бред, но я ничего не могу с ним поделать... Я очень искренне хочу, чтобы он стал здоровым, но ведь не в моей это власти...

Все это, к сожалению, очень похоже на упорство маньяка...

Вскоре опять была нелепая, ненужная «ссора» — совсем неожиданная и непонятная... Это действительно психоз... Но я просто не знаю, как разговаривать с ним. Он все превращает в неприятности, начинает нападать на меня, в чем-то обвинять, говорить обидные, несправедливые вещи — оскорблять, превращать все в ссору, в «скандал»...

Кажется, я просто не должна ему ничего говорить...

Самая пустая фраза, замечание, совет — оборачивается против меня. Сегодня я оказалась «гувернанткой», делающей ему «выговоры»!

В общем, в ту зиму «ссор» почти не было, очень беспокоили меня болезни Михаила, очень хотелось помочь ему вылечиться.

Как только ему стало лучше, он снова «набросился на работу»...

А отдыхом для него стали (уже в течение многих последних лет) — еженедельные «преферансы» у Груздевых... Возвращаясь оттуда уже поздно вечером, когда я уже лежала в постели, он неизменно заглядывал в мою комнату, бросал несколько дружеских слов и уходил к себе, ложился спать...

Лето 1957 года

В начале лета было очень неприятно и тревожно, что денежные дела опять были неважны, перспектив — никаких, а денег надо было много, в связи с ремонтом на даче.

Но с Михаилом, как обычно летом, никаких ссор не было.... И даже показалось, что Михаил становится, наконец, ближе, что исчезает «стена», что стояла между нами долгие, долгие годы, что мы, наконец, договоримся и пойдем друг друга...

Отношения с Михаилом все лето были хорошие, близкие... И мы отмечали день его рождения и нашу «40-ую годовщину» — 10 августа — «28 июля по старому стилю». Михаил очень хотел мне подарить к этому дню золотые часики, но я решительно отказалась — во-первых, они были мне теперь не нужны, во-вторых, жалко было денег — еще так много «дыр» у нас оставалось! И тогда Михаил привез мне хорошие часы-будильник, которые до сих пор напоминают мне об этом дне...

В общем, летом с ним все было хорошо...

В сентябре Михаил приезжал в Сестрорецк раза два, в октябре не приезжал, «общались» с ним по телефону...

Мне очень жаль Михаила — эти заботы о деньгах, эта вечная, без отдыха, непроизводительная, к тому же, работа, конечно, очень тягостна для него.... И за это, может быть, многое нужно прощать.

Но помочь ему я ничем не могу... Я бессильна сделать что-нибудь реальное, и это, пожалуй, самое ужасное. Если б я могла заработать хоть немного денег! Но как? Уроки? Откуда я могу их получить, кто даст их мне?

В этот день, поздно вечером, звонила Михаилу — и опять неприятности — ни одна вещь Михаила не пошла — ни в «Крокодиле», ни в «Международном» журнале, несмотря на то, что обе были вначале одобрены и приняты без поправок....

Что это значит — непонятно...

И как жить — тоже непонятно...

1 ноября, к вечеру, я приехала в Ленинград.

¹ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1982) и Зоценко Михаил Михайлович (1894—1958) познакомились в начале 1920-х годов. В это время их знакомство

имело отблески романтических отношений, впоследствии они стали преданными и добрыми друзьями. Все годы их сопровождала переписка, которая содержала многие философские вопросы, которых, как представляется, не хватало писателю в общении с дамским полом. Шагинян помогала Зоценко и в решении творческих проблем, и пыталась как-то сориентировать его сложную личность в эмоциональном и социальном плане. В трудные, безденежные времена она помогала семье Зоценко материально и всегда откликнулась даже на большие просьбы. Она — единственная после Постановления 1946 года ходила в высокие инстанции, добиваясь снисхождения к личности любимого писателя.

² *Блейман Марина* — гражданская жена сотрудника сценарного отдела студии «Мосфильм» М. Ю. Блеймана, познакомилась с М. М. Зоценко в гостях у В. Стенича. Во время войны, вместе с мужем, была в эвакуации в Алма-Ате, а после возвращения в Ленинград жила в Писательском доме на канале Грибоедова на пятом этаже, где жил Зоценко. Марина Диадоровна (называвшая себя княжной Багратион-Мухранской), по мнению Веры Владимировны Зоценко, не являлась законной женой М. Блеймана, она воспитывала сына сценариста, получая довольно значительные алименты. Знакомство Михаила Зоценко с этой дамой, определенные дружеские отношения с ее сыном, тихие застолья, вкусная еда — вызывали у писателя спокойствие и умиротворение. Жена Зоценко была уверена, что увлечение «Маришей» быстро бы прошло, если бы не спазмы за обеденным столом. Сама «Мариша» вспоминала о встречах с Зоценко: «Время от времени он приходил в очень плохом состоянии. Что-то опять в очередной раз случилось — какие-то новые неприятности. Если заговорит, то я, конечно, разговор поддержу — постараюсь успокоить, развеять страхи и опасения, отвлечь от тяжелых дум. Но, бывало, придет и молчит, весь вечер промолчать может. Я копошусь на кухне, вяжу или очень устаю за день, прилягу и задремлю, а он все сидит и думает о своем. Потом встанет и так же молча уйдет» (*Мухранская М.* Без литературы // Воспоминания о Михаиле Зоценко. СПб., 1995. С. 554.)

³ *Секундов* — по-видимому, сотрудник журнала «Огонек».

⁴ По-видимому, имеется в виду написанная в соавторстве с В. И. Мусатовым и Б. Б. Гинзбургом для Ленинградского театра музыкальной комедии комедия «Шутки в стору». Постановка не состоялась.

⁵ *Лассила Майю* — один из женских псевдонимов известного финского писателя. Обучался в семинарии (1900—1904), жил в Петербурге. Юмористическую повесть «За спичками» (1910) впервые перевел на русский язык Зоценко. Опубликована в журнале «На рубеже» (1948. № 8-10) В начале 1920-х годов Лассила сблизился с представителями русского освободительного движения, наивно верил в победу социализма. Был расстрелян финскими белогвардейцами. Зоценко перевел еще один роман Лассила — «Воскресший из мертвых». Он был опубликован в 1950 г. в журнале «На рубеже» (№ 11, 12).

⁶ *Гаврилюк Альбина Михайловна* — украинская писательница. Самое известное ее произведение — «Простодушный Папуа», который и перевел М. Зоценко.

⁷ *Панч Петр* (Панченко Петр Иосифович) (1891—1978). Основными темами автора были — историко-революционные, военные, и главная тема — тема социального строительства.

⁸ *Рыбак Натан Самойлович* (1912/1913—1978) — украинский советский писатель, лауреат Сталинской премии второй степени (1950).

⁹ М. Зоценко помогал В. Лифшицу писать пьесу «Простой рабочий», поскольку Лившиц со своей семьей собирался переезжать в Москву. (Но публикация и постановка не были осуществлены.)

¹⁰ *Тимонен Антти Николаевич* (1915–1990) — карельский писатель, оставил наследие на русском и финском языках. Книга А. Тимонена «От Карелии до Карпат» была опубликована в 1950 г., поэтому Вера Владимировна имела право говорить об оплате труда своего мужа.

¹¹ *Сорокина Нина Николаевна* — соседка семьи М. Зощенко.

¹² *Груздев Илья Александрович* (1892–1960) в юности учился в Петровском коммерческом училище, которое закончил в 1911 году. Затем поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончить не удалось, началась Первая мировая война. После ее окончания Груздев закончил университет, стал заниматься литературной и театральной критикой. В 1919 г. познакомился с будущими «серапионами», а 1 февраля 1921 г. вступил в литературное общество «Серапионовы братья». Илья Александрович и его супруга Татьяна Кирилловна очень дружили с М. Зощенко и поддерживали его в тяжелые времена. М. Зощенко помогал Груздеву заниматься горьковедением.

¹³ «Повесть о колхозном плотнике Саго» М. Цагараева — новая повесть для перевода М. Зощенко с осетинского. Она была опубликована: М.: Советский писатель, 1950. Тираж 15000 экз.

¹⁴ В 1952 г. М. Зощенко работает над первой в своей творческой жизни публицистической книгой «Что меня больше всего поразило». Видимо, писатель хотел осмыслить и философски обобщить все, что с ним произошло в 1946 г. Он передал текст для ознакомления писателю Антонову. *Антонов Сергей Петрович* (1915–1995) — прозаик, критик, сценарист. Творчество Антонова отличалось интересом к нравственной и социальной проблематике, поэтому Зощенко выбрал его в качестве рецензента. Но Антонову текст не понравился, и он просил эту книгу не печатать, чтобы не вызвать критических замечаний. Разумеется, Зощенко очень расстроился.

¹⁵ *Каверин (Зильбер) Вениамин Александрович* (1902–1989) — прозаик, мемуарист, историк литературы. Был знаком с Зощенко со времен «Серапионовых братьев». Помогал ему в литературной работе и в сложные времена материально. Первым сообщил М. М. Зощенко, что он принят в СП в 1953 г. (не восстановлен, а заново принят).

¹⁶ *Сурков Алексей Александрович* (1899–1983) — поэт, общественный деятель, ред. ж. «Огонек» до 1954 г.

¹⁷ *Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич* (1902–1984) — в 1953–1954 годах министр культуры СССР.

¹⁸ *Миронова Мария Владимировна* (1911–1997) и *Менакер Александр Семенович* (1913–1988) — советские актеры. В 1939 г. поженились, и в этом же году впервые прозвучали юморески, исполненные дуэтом Миронова — Менакер. Им удалось создать нетипичный театр — Театр двух актеров, где играли только они. Оба актера работали в Московском театре эстрады до 1954 года.

¹⁹ *Каминка* — актер Московского театра эстрады, в его программе было очень много ранних рассказов М. М. Зощенко. В связи со сложностями в судьбе писателя эти рассказы то разрешали читать публике, то запрещали. Однако постоянные зрители требовали актера прочитать знакомые и любимые рассказы раннего Зощенко.

²⁰ 5 мая 1954 года М. Зощенко вместе с А. Ахматовой пригласили на встречу с английскими студентами в Дом писателей. Зощенко заявил о несогласии с обвинениями в свой адрес в докладе Жданова. Студенты встретили его заявление бурными аплодисментами. Ахматова же спокойно согласилась.

²¹ *Катерли Нина Семеновна* (1934) — прозаик, публицист, занимала многие должности в Союзе писателей.

²² *Ермилов Владимир Владимирович* (1904–1965) — советский литературовед, критик, член ВКП(б) с 1927 г. В «Правде» опубликовал критическую статью о М. Зощенко после встречи его и Ахматовой с английскими студентами. После этого критик и писатель обменялись резкими письмами. Письмо В. Ермилова от 4 августа 1954 г. опубликовано в книге Ю. В. Томашевского «Лицо и маска Михаила Зощенко» (М., 1994. С. 210–213).

²³ *Друзин Валерий Павлович* (1903–1980) — критик. Выступал против М. Зощенко на обсуждении встречи с английскими студентами.

²⁴ *Гамеева Зинаида Степановна* — врач-терапевт, которая следила в Сочи, в санатории им. С. Орджоникидзе, за здоровьем М. Зощенко. Она даже составила план мероприятий для писателя в Ленинграде. Но он, к сожалению, его не мог, да и не хотел выполнять.

²⁵ *Кауфман Маруся* — гимназическая подруга Веры Владимировны.

²⁶ *Якубенко Владимир* — бывший муж Марии Кауфман, работал в Эрмитаже в политическом отделе.

²⁷ *Саянов Виссарион* (наст. имя Махлин Виссарион Михайлович) (1903–1959) — поэт, прозаик, критик. Активный общественный деятель. В 1944–1946 гг. был главным редактором ж. «Звезда», снят с должности в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) 1946 г. Жил в одном доме с М. Зощенко.

²⁸ *Прокофьев Александр Андреевич* (1900–1971) — поэт, председатель СП в Ленинграде.

²⁹ *Фориш Ольга Дмитриевна* (1873–1961) — прозаик, драматург.

³⁰ Книга, о которой мечтал М. Зощенко, «Избранные рассказы и повести. 1923–1956» вышла в свет в 1956 году. (Л.: Советский писатель, 1956, тираж 30 000 экз.)

³¹ Антонина, жена сына М. Зощенко — Валерия, которого по-домашнему звали Валей. К Антонине М. М. Зощенко и Вера Владимировна относились отрицательно.

³² «Старый Новый год» семья Зощенко встречала со своим воспитанником Вовой (Владимиром), которого они взяли в свою семью после того, как его родителей арестовали в 1937 году. Он был в гостях у Зощенко вместе со своей женой Галиной.

³³ *Зенькович Вера Владимировна* — художник, хорошая знакомая М. М. Зощенко. Писала ему письма в Сочи в санаторий, навещала дома с разрешения его супруги. Ухаживала за писателем во время болезни, даже пыталась кормить с руки рисовой кашей.

³⁴ *Малоземова Ольга* — подруга Веры Владимировны.

³⁵ *Томашевский Борис Викторович* (1890–1957) — филолог, литературовед; *Томашевская (Медведева) Ирина Львовна* (1903–1973) — супруга его, литературовед. Они жили в одном доме с семьей М. Зощенко.

³⁶ *Браун Николай Леопольдович* (1902–1975) — поэт, также жил в одном доме с М. Зощенко.

Библиографический список

1. *Жолковский А. К.* Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М. 1999.
2. Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 1 / Отв. ред. Н. А. Грознова. СПб., 1997.
3. *Огарев Н. П.* Мой Русский стих, живое слово: Стихотворения. М., 1983.

К 150-летию со дня рождения И. А. Бунина
и 110-летию со дня рождения Л. Н. Назаровой

«СЕРДЦА ОТКРЫЛИСЬ...»
ПЕРЕПИСКА Л. Ф. ЗУРОВА И Л. Н. НАЗАРОВОЙ
(1960–1971)

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии А. М. Любомудрова)*

Аннотация: Публикуется полностью переписка прозаика русского зарубежья Л. Ф. Зурова и литературоведа, научного сотрудника Пушкинского Дома Л. Н. Назаровой. Письма дают представление о творческих и научных интересах корреспондентов, о работе Зурова по систематизации рукописей И. А. Бунина, а также уточняют обстоятельства несостоявшейся передачи бунинского наследства в Россию.

Ключевые слова: Л. Ф. Зуров, Л. Н. Назарова, И. А. Бунин, В. Н. Муромцева-Бунина, русское зарубежье, русская литература, архивы, переписка.

Abstract: A complete correspondence between the writer of the Russian Diaspora Leonid Zurov (1902–1971) and a literature researcher Ludmila Nazarova (1910–2005) is introduced into a scientific circulation. These documents report about Zurov's work on systematization of Ivan Bunin's manuscripts. They also allow to specify the history of the failed removing of Bunin's archive and his memorial things to Russia.

Keywords: Leonid Zurov, L. N. Nazarova, Ivan Bunin, V. N. Muromtseva-Bunina, Russian emigration, Russian literature, correspondence, archives.

Во второй половине 1950-х годов значительно расширились контакты представителей русского зарубежья с советскими учеными, писателями, деятелями искусства. Интерес к эмиграции, до той поры вычеркнутой из культуры советской России, пробудился с приходом «оттепели». В свою очередь, открывшаяся возможность общаться с родиной, хотя бы через письма, привлекала многих эмигрантов. Эти контакты позволили уточнить детали литературного процесса в русском зарубежье, познакомиться с публикациями в эмигрантской периодике, недоступной для советских исследователей, ускорили возвращение в Россию книг классиков-эмигрантов, прежде всего литературного наследия И. А. Бунина.

© The Leonid Zurov Estate (University of Leeds, Великобритания), тексты писем, 2020.

Активную переписку с литераторами русского зарубежья начали и сотрудники Института русской литературы (Пушкинского Дома). Среди энтузиастов — В. И. Малышев, М. П. Алексеев, В. А. Мануйлов, П. П. Ширмаков, Л. Н. Назарова. Рукописный отдел ИРЛИ начал пополняться ценными архивными материалами, присылаемыми из-за рубежа. Одним из адресатов стал прозаик Леонид Федорович Зуров (1902—1971). Главной темой его эпистолярного общения с археографом В. И. Малышевым,¹ основателем собрания древнерусских рукописей в Пушкинском Доме, стала история Псковского края, представлявшая для Зурова профессиональный интерес: в 1930-х годах он участвовал в археологических и этнографических экспедициях в эстонскую область Сетумаа и Печорский край.² Для В. А. Мануйлова Зуров представлял интерес как автор нескольких статей о Лермонтове — их переписка, продолжавшаяся на протяжении 1960-х годов, сегодня опубликована.³

Другим пушкинодомцам Зуров был интересен как человек, близкий к семье Буниных. В первую очередь это Людмила Николаевна Назарова (1910—2005), историк русской литературы, библиограф, мемуарист. Она работала в ИРЛИ в 1939—1973 гг., с 1960 г. возглавляла Тургеневскую группу. Л. Назарова интересовалась литературой русской эмиграции, переписывалась со многими литераторами и деятелями культуры русского зарубежья. Несомненно ее заслуга в возвращении в российское пространство запрещенных в советское время имен. Одной из первых она стала вводить в научный оборот произведения Б. К. Зайцева, публикуя его очерки и письма.⁴

Личное знакомство Назаровой и Зурова положило начало их десятилетнему эпистолярному общению. В октябре 1960 г. группа научных сотрудников Пушкинского Дома (Л. Н. Назарова, Т. П. Голованова, Е. И. Кийко, Л. Ф. Ершов, В. В. Тимофеева) побывала во Франции. Л. Ф. Ершов и В. В. Тимофеева навестили семью Зайцевых, а Л. Н. Назарова, Т. П. Голованова и Е. И. Кийко посетили В. Н. Муромцеву-Бу-

¹ «Знаю, что вы любите древний Псков»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Малышева (1957—1971) / Предисл., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М., 2016. С. 441—517. Далее — Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Малышева.

² См.: Зуров Л. Ф. Статьи и письма. Серия: Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л. Ф. Зурова. Вып. 1 / Ред.-сост. А. Ю. Пономарев. М., 2014.

³ См.: Любомудров А. М. «Всё простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. А. Мануйлова (1961—1967) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 119—181. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-119-181.

⁴ См., например, публикации Л. Н. Назаровой: Б. К. Зайцев о русских и советских писателях // Русская литература. 1989. № 1; Зайцев Б. К. Письма к Л. Н. Назаровой (1961—1971) // Там же. 1994. № 4; 1995. № 1; Зайцев Б. К. Письма к Л. Н. Афонину // Мера. 1995. № 4; Зайцев Б. К. Письма к Л. Н. Афонину и В. А. Мануйлову (1961—1968) // Русская литература. 1997. № 4.

нину и Л. Ф. Зурова.⁵ Вера Николаевна показала кабинет Бунина, подарила несколько фотографий. Л. Назарова рассказывала: «...Наглядно прорисовала нужда во всем, чего касался глаз. Вера Николаевна и не скрывала этого: пенсии, на которую они жили вместе с Л. Ф. Зуровым, не хватало, проблемой были даже почтовые марки для переписки с друзьями».⁶

Между участниками встречи завязалось дружеское общение. «Мы переписывались, старались помочь, чем могли — словом участия, посылками интересующих ее статей и книг. Однажды послали с кем-то из отъезжающих буханку ржаного хлеба, — вспоминает Л. Н. Назарова. — <...> Мы хлопотали и об увеличении пенсии Вере Николаевне, обратились с письмом о положении вдовы Бунина в Союз писателей...».⁷ В архиве Л. Назаровой сохранились письма к ней В. Буниной, которая благодарит за присланные книги и подарки, обсуждает возможность опубликовать книгу «Жизнь Бунина» в советской России. Узнав о том о том, что в феврале 1961 г. Правительство СССР увеличило пенсию вдове классика, Л. Назарова поспешила поделиться с ней этим известием. Л. Зуров сообщил: «Я прочел Вере Николаевне письмо Людмилы Николаевны, обрадовал ее, она улыбнулась». Это было незадолго до ее кончины, последовавшей 3 апр. 1961 г.

Сотрудницы Пушкинского Дома старались поддержать оставшегося в одиночестве литератора, присылали ему подарки. Переписка с Л. Назаровой продолжалась до самой кончины Зурова. В их эпистолярном общении выделяется несколько тем. В первых письмах пушкинотомцы выражали надежду на возвращение писателя в Россию. Попытки убедить литератора вернуться предпринимали и другие ученые, в частности, М. П. Алексеев, который встречался с Зуровым во время своей командировки в Париж в 1961 г. Об этом свидетельствуют строки: «Мы многое знаем о Вас через Михаила Павловича <Алексеева> и очень надеемся, что трудные Ваши размышления завершатся возвращением сюда, к нам, домой. Желаем Вам всего доброго, прежде всего здоровья, бодрости и решимости. Е. Кийко, Т. Голованова, Л. Назарова» (письмо от 25 авг. 1961 г.).

Центральной темой писем стали биография и творчество Ивана Бунина. Л. Назарова задает вопросы, касающиеся как личной жизни Бунина, так и его литературного наследия. В свою очередь Зуров просит Назарову присылать материалы о Буине, выходящие в СССР. В од-

⁵ См.: Голованова Т. П., Назарова Л. Н. В парижской квартире Буниных // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 440—444; Голованова Т. П., Назарова Л. Н. Парижские встречи с далеким и недалеким пошлым // Бунинский сборник: (Материалы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения И. А. Бунина). Орел, 1974. С. 295—307; Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С. 261—265.

⁶ Голованова Т. П., Назарова Л. Н. В парижской квартире Буниных. С. 441.

⁷ Там же. С. 442.

ном из писем (22 дек. 1967 г.) он обратился к ней с просьбой опубликовать в бунинском томе «Литературного наследства» воспоминания о беседе с В. Буниной, что и было выполнено. Зуров рассказывает о своей работе по систематизации архива Бунина, о подготовке рукописи незаконченной книги Буниной «Беседы с памятью». Можно посоветовать, что в переписке с Л. Назаровой, как, впрочем, и с другими корреспондентами из советской России, почти не проявлен интерес к самому Зурову как писателю. Это объясняется тем, что соотечественники не были знакомы с его творчеством в полном объеме. Оно пришло на родину лишь в 1990-е годы, когда публикации романов «Древний путь», «Поле», повестей и рассказов открыли российскому читателю талант крупного художника, тонкого стилиста.

В письмах Зурова находит отзвук драматическая история, связанная с судьбой наследия И. А. Бунина. После кончины Веры Николаевны Л. Зуров оказался его владельцем и хранителем. Личные и мемориальные вещи Ивана Алексеевича (одежда, картины, письменные принадлежности и др.), его архив (библиотека, письма и дневники) Зуров хранил на своей квартире, а мебель (шкафы, столы, кресла и др.) — на складе, внося плату.

В. Бунина, а затем и Л. Зуров полагали, что бунинское мемориальное наследие должно быть отправлено на родину. С Зуровым начали переговоры, в орбиту которых оказались постепенно втянуты представители советского посольства, служащие министерств, члены Союза писателей, сотрудники Академии наук, музейные работники. Одним из энтузиастов в деле передачи наследия был Александр Кузьмич Бабореко (1913—1999) — литературовед, текстолог, исследователь жизни и творчества Бунина. Начиная с 1956 г. он переписывался с В. Н. Буниной, а затем и с Л. Ф. Зуровым,⁸ обсуждал вопрос о приобретении архива. К инициативе подключились директор Государственного музея И. С. Тургенева в Орле Л. Н. Афонин, литературовед В. А. Мануйлов, писатели К. А. Федин, А. Т. Твардовский, В. А. Солоухин. Зуров переписывался со многими участниками этой драматической истории. Несмотря на энергичную поддержку А. Твардовского и других влиятельных лиц, переговоры ни к чему не привели из-за позиции чиновников в Союзе писателей и в ЦК КПСС. В итоге советская сторона отказалась от приобретения архива. Об этом подробно повествует А. К. Бабореко в своей книге «Дороги и звоны».⁹ Уникальные письма участников этих событий из Архива внешней политики РФ опубликованы в качестве приложения к книге М. Рощина «Иван Бунин».¹⁰

⁸ Переписку А. Бабореко с Л. Зуровым и В. Буниной 1958—1971 гг. см.: ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, ед. хр. 32—38.

⁹ Бабореко А. К. Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М., 1993. С. 98—109. Далее — Бабореко А. К. Дороги и звоны.

¹⁰ Черниговский Д. Е. «Советская хроника» Ивана Бунина // Рощина М. М. Иван Бунин. М., 2000. С. 291—328.

Л. Назарова прилагала все возможные усилия к тому, чтобы наследство Бунина было передано на родину. Она обсуждала этот вопрос с директором тургеневского музея Л. Н. Афониним, обращалась с письмами к чиновникам. Еще в письме к министру культуры Е. А. Фурцевой от 27 ноября 1960 г. Л. Назарова высказала опасения за сохранность рукописного наследия классика, поскольку Вера Николаевна — престарелый человек, часто болеет и живет в бедности: «Для того, чтобы обеспечить получение нами архива И. А. Бунина, лучше всего было бы предложить Вере Николаевне Муромцевой-Буниной и проживающему с ней писателю Л. Ф. Зурову возвратиться на родину, в Советский Союз».¹¹ Деятельным соратником Назаровой в этих хлопотах стал В. А. Мануйлов.

Перипетии с несостоявшейся передачей рукописей и вещей Бунина пагубно сказались на здоровье Зурова. 23 дек. 1964 г. он пишет В. Мальшеву: «Архивы (Ивана Алексеевича Бунина и Веры Николаевны Буниной) храню. Но меня затомили и задергали-измотали. Обещания, посулы, срывы, обнадеживания, задержки и т. д. и т. п. Доктор говорит, что мое острое переутомление — это результат всех неприятностей и волнений, которые я пережил в течение трех лет».¹² Впоследствии в ряде публикаций сформировался миф о Зурове как корыстном человеке, стремившемся нажиться на якобы незаконно доставшейся ему собственности. Этот миф убедительно опровергает И. З. Белобровцева,¹³ и публикуемая переписка дает дополнительные аргументы для выводов об истинном облике и мотивах писателя.

Впоследствии мебель из кабинета Бунина хранилась в Париже в семье писательницы Н. В. Кодрянской, и лишь в 1973 году, спустя два года по кончине Зурова, была передана в Государственный литературный музей И. С. Тургенева в Орле. Архив, согласно завещанию Зурова, получила М. Э. Грин и передала его в Русский архив Лидсского университета в Великобритании.

Переписка содержит штрихи к портрету незаурядного ученого, Людмилы Николаевны Назаровой. В ее письмах проступает неподдельный интерес к русской словесности, деятельная и упорная забота о сохранении наследия классиков, душевная отзывчивость. В свою очередь, письма Зурова открывают черты его личности. В них виден человек искренний, чистый, бескорыстный и необычайно наивный. С первой и единственной встречи в Париже Зуров разглядел в навестивших его сотрудницах родственные души, потянулся к ним, и письма его наполнены особой теплотой и сердечностью. «Сердца открылись», — так вспоминает о памятном знакомстве Леонид Федорович в письме от 25 июля 1961 г.

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 851, архив Л. Н. Назаровой. Машинописная копия.

¹² Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Мальшева. С. 515.

¹³ *Белобровцева И. З.* «К проблеме работы с недостоверными источниками» // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 77—89.

Утрата Веры Николаевны, которая стала для него как бы второй матерью и о которой он заботился с трогательной любовью, стала трагедией: Зуров оказался совершенно одинок. Это одиночество побуждает его искать утешения в общении с новыми знакомыми. Исповедальность, степень душевной близости переходит пределы чисто делового или научного общения. Свою корреспондентку он воспринимает не просто как коллегу, знакомого или друга, но как близкого родного человека, делится с ней сокровенными душевными переживаниями, подробно рассказывает о своем быте, своих заботах и хворобах.

Письма Назаровой к Зурову публикуются по оригиналам, хранящимся в архивном собрании Дома русского зарубежья имени А. Солженицына в фонде Л. Ф. Зурова (ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 2, ед. хр. 82) и в Русском архиве Лидса (далее — РАЛ) (письма от 6 апр. 1961 г. и 4 сент. 1971 г.). Все они написаны от руки. Письма Зурова к Назаровой приводятся по оригиналам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) в фонде Л. Н. Назаровой (РО ИРЛИ, ф. 851, в научно-технич. обработке). Три письма — авторизованная машинопись, остальные написаны от руки. Первые письма Зуров высылал на адрес Пушкинского Дома, а начиная с 20 дек. 1963 г. — на домашний адрес Л. Н. Назаровой. Примечания Зурова обозначены звездочками (как и в оригиналах). Подчеркивания принадлежат Л. Зурову. Тексты приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации.

Письма публикуются с разрешения Отдела рукописей и редкой книги Лидского университета (Special Collections, Leeds University Library), Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор публикации приносит благодарность за доступ к архивным материалам Русскому архиву Лидского университета и его куратору Ричарду Дэвису, Дому русского зарубежья и лично В. А. Москвину, заведующей Рукописным отделом ИРЛИ Т. С. Царьковой и сотруднице отдела Н. Н. Лавровой.

**1. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой, Т. П. Головановой,
Е. И. Кийко**

8 декабря 1960 г.

Париж, 8 декабря 1960 г.

Многоуважаемые Людмила Николаевна, Тамара Павловна и Евгения Ивановна!

Мы с Верой Николаевной вас всех вспоминаем.¹ В нашей столовой как бы продолжают звучать ваши русские голоса. Ржаной хлеб.² Наслаждались его благоуханием. Сколько чувств, добрых и драгоценных воспоминаний! Мы не только с радостью его вкушали, но и угощали друзей. Если бы вы видели их счастливые и взволнованные лица. С ка-

кой трогательной бережностью люди заворачивали отдельные куски в чистую бумагу, чтобы дома поделиться русским хлебом со своими родными.

— Мы делили его с благоговением, — сказала нам потом одна из наших гостей.

Спасибо сердечное. От всей души желаем вам радости и успехов.

Ваш Л. Зуров.

Р. С. А Вера Николаевна была больна. Очень она переволновалась. Приходили письма из Москвы с описанием вечера памяти Ивана Алексеевича.³ Л. З.

Авторизованная машинопись.

Кийко Евгения Ивановна (1923—2006) — сотрудник ИРЛИ с 1951 по 1983 г., тургеневед. *Голованова Тамара Павловна* (1919—2004) — сотрудник ИРЛИ с 1952 по 1979 г., специалист по творчеству Тургенева и Лермонтова.

¹ Л. Зуров имеет в виду встречу с адресатами письма в Париже 31 октября 1960 г.

² О подарке Л. Зуров счел необходимым сообщить своему другу, историку и писателю Н. Е. Андрееву в письме от 4 декабря 1960 г.: «Из Пушкинского Дома мне прислали в подарок большой каравай черного ржаного хлеба» («Только Вы поймете следующий текст...» Переписка Н. Е. Андреева и Л. Ф. Зурова / Сост. И. З. Белобровцева, Е. Н. Андреева // Таллин, 2013. (Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике; Вып. XIII). С. 228).

³ Вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Бунина, состоялся 22 октября 1960 г. в Гослитмузее. Письмо с подробным изложением выступлений прислал Вере Буниной А. К. Бабореко; позже он описал вечер в своей книге «Дороги и звоны»: литературовед А. В. Храбровицкий критиковал Бунина, якобы исказившего слова Чехова о Короленко, артист Н. П. Смирнов-Сокольский заявил, что в эмиграции Бунин не написал ничего интересного, а Е. П. Пешкова высказала упрек самой Вере Николаевне в том, что она не «отмежевалась» от воспоминаний Бунина о Горьком. Впоследствии Л. Зуров сообщил А. Бабореко: «Вера Николаевна <...> мучительно пережила неудачу бунинского вечера. <...> Боль была большая. <...> С той поры <...> ее здоровье резко ухудшилось» (*Бабореко А. К. Дороги и звоны. С. 73—74*).

2. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

6 апреля 1961 г.

Ленинград, 6.IV 61 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Только что звонил мне Л. И. Раковский¹ и сообщил, что получил от Вас столь скорбное известие... Мы знали, что Вера Николаевна была больна последнее время (Вы писали об этом, в частности, В. А. Мануйлову²), но никак не предполагали, что неизбежный для всех нас конец так близок для милой, обаятельной Веры Николаевны, которую еще сравнительно недавно мы видели совсем здоровой и бодрой!!!

Вместе с Вами мы глубоко скорбим... Наша кратковременная встреча с Верой Николаевной произвела на всех нас троих сильное и неизгладимое впечатление. Светлая память о Вере Николаевне сохранится в наших сердцах!

Желаем Вам от всей души здоровья, бодрости и сил. Очень прошу Вас, когда-нибудь напишите нам о Вере Николаевне, о ее жизни с Иваном Алексеевичем, о ней самой, как человеке. Мы встретились с Верой Николаевной лишь однажды, но все трое (а мы ведь очень разные!) как-то интуитивно почувствовали, что нам посчастливилось увидеть не только вдову И. А. Бунина, но и человека редких душевных качеств и интеллекта.

Вероятно, Вера Николаевна не успела закончить работу над своими «Воспоминаниями». Вам нужно будет, дорогой Леонид Федорович, завершить этот труд, который несомненно представит огромный интерес для читателей.

По странному стечению обстоятельств именно в день смерти Веры Николаевны мы делились своими воспоминаниями о парижских встречах с сотрудниками издательства Академии наук, рассказывая о Вере Николаевне и о Вас, о том, как мы побывали у вас в гостях...

Еще раз от всей души желаю Вам бодрости и сил. Очень хотелось бы быть Вам в чем-либо полезными! Пожалуйста, напишите.

С глубоким уважением и сочувствием
Л. Назарова

РАЛ. MS. 1069/3669.

Узнав о кончине В. Буниной, Л. Назарова 6 апреля выслала Л. Зурову телеграмму, под которой поставили подписи и другие сотрудники Пушкинского Дома: «Глубоко скорбим вместе с вами о кончине дорогой Веры Николаевны. Светлую память о ней сохраним в сердцах. Назарова, Голованова, Кийко, Соколов-Микитов, Мануйлов» (РАЛ MS. 1068/3668).

¹ *Раковский Леонтий Иосифович* (1895–1979) — автор исторических романов и повестей, публицист. Переписывался с В. Н. Буниной, которая в 1960 г. прислала ему из Парижа книгу И. Бунина «Темные аллеи» со своей дарственной надписью. См. ответы Л. Раковского на анкету с вопросами о творчестве Бунина (Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 371).

² *Мануйлов Виктор Андроникович* (1903–1987) — пушкинист, лермонтовед, инициатор и главный редактор «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981). С 1958 — член Пушкинской комиссии АН. Преподаватель, профессор ЛГУ (1951–1977). В Пушкинском Доме работал в 1941–1950, 1970–1972 и 1979–1981 гг.

**З. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой, Т. П. Головановой,
Е. И. Кийко, И. С. Соколову-Микитову, В. А. Мануйлову**

17 апреля 1961 г.

Дорогие друзья,
величайшее горе посетило нас. Стол был унесен, на его месте стоял гроб Веры Николаевны.

Ивана Сергеевича Соколова-Микитова Вера Николаевна часто вспоминала.¹ Его фотография (Иван Сергеевич и Константин Федин) стояла на письменном столе.

Во время болезни я прочел Вере Николаевне письмо Людмилы Николаевны <Назаровой>, обрадовал ее, она улыбнулась.* Прочел ей письмо Виктора Андрониковича <Мануйлова>, и это было большое утешение!

На следующий день пришел журнал «Нева» с заметкой В. Громова.² Вера Николаевна слабела, но была в полном сознании. У В. Громова приведена большая выдержка из книги «Жизнь Бунина». Я говорил: «Вот погодите, Вера Николаевна, книгу скоро переиздадут в России, надо только поправиться». Вера Николаевна соглашалась и верила.** Как она мечтала о переиздании своей книги!³

От всей души благодарю вас за сочувствие в моем горе.

Л. Зуров.

17-го апреля 1961 г.

* «Напишите им несколько строк», — сказала Вера Николаевна. Она всегда с большой радостью вспоминала встречу с Людмилой Николаевной, Тамарой Павловной и Евгенией Ивановной.

** Я ей два раза прочел заметку Громова. Вера Николаевна слушала и тихо говорила: «Правильно. Так, так».

На конверте указан адрес Пушкинского Дома и перечислены адресаты: «Людмиле Николаевне Назаровой, Тамаре Павловне Головановой, Евгении Ивановне Кийко, Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову, Виктору Андрониковичу Мануйлову».

¹ *Соколов-Микитов Иван Сергеевич (1892—1975)* — писатель, журналист. Он вспоминал: «Только через много лет имя Бунина воскресло в России. Имя его на одном из съездов советских писателей произнес Константин Федин. После этого книги Бунина начали издаваться в России. В недавние годы я переписывался со вдовой Бунина Верой Николаевной, которая прислала мне свою книгу о Буinine. Она спрашивала меня о России, писала о трудном времени, которое им пришлось пережить в годы войны, о смерти мужа, вспоминала русских мудрых мужиков, которых так хорошо знал Бунин» (*Соколов-Микитов И. С. Слово о Буinine // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 158*).

Зуров просил передать привет «писателю Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову, который напечатал в “Звезде” воспоминания» и в письме к В. И. Мальшеву от 23 дек. 1964 г., имея в виду очерк: *Соколов-Микитов И. С. Давние встречи: [А. Курпин, И. Бунин, А. Н. Толстой, М. Пришвин] // Звезда. 1964. № 11. С. 170—180 (Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Мальшева. С. 514)*.

² *Громов В. А. Юношеский портрет Бунина // Нева. 1961. № 1. Громов Владимир Алексеевич (1929—1999)* — писатель, критик, литературовед. Окончил аспирантуру Пушкинского Дома, защитил кандидатскую диссертацию, работал заместителем директора Государственного музея И. С. Тургенева. Профессор Орловского государственного университета. Член Союза писателей (1970), Заслуженный работник культуры России (1979), лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. М. Карамзина.

³ Речь идет об издании: *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина, 1870—1906.* Париж, 1958. В России переиздана в 1989 г. (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина, 1870—1906; Беседы с памятью / Сост. А. К. Бабореко. М., 1989.*)

4. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

20 мая 1961 г.

Париж, 20-го мая, 1961

Дорогая Людмила Николаевна,

спасибо сердечное. Ваше письмо от 6-го апреля получил. Вы с Тамарой Павловной Головановой и Евгенией Ивановной Кийко были у нас, знаете нашу столовую и кабинет Ивана Алексеевича, в котором жила и работала Вера Николаевна. Показывала она вам и постель, на которой болел и умер Иван Алексеевич. Не знали мы тогда, что нас ожидает.

Сердечный припадок начался поздно вечером, когда Вера Николаевна лежала в постели. Три дня ее мучили сильные боли в груди, спине и руках. Потом, после многочисленных уколов, вливаний физиологического раствора наступило облегчение. Вера Николаевна говорила, что мы ее вырвали из объятий смерти. В этих комнатах я нес дежурство поочередно с сиделкой, а в столовой за тем же столом (помните, какая была радость) совещались врачи.

Трудно рассказать о том, что пережито. Смерть Веры Николаевны меня глубоко потрясла. Я выполнил частично, что она завещала, похоронил ее согласно ее воле.

В завещании Веры Николаевны сказано, что я должен работать над архивами Ивана Алексеевича и ее — все разобрать и привести в порядок. Остались рукописи, письма, заметки, дневники.

Спасибо за соболезнование. Наша кратковременная встреча была большой радостью. Вера Николаевна всем рассказывала о чудесном впечатлении, которое на нас произвели сотрудницы Пушкинского Дома. Благодарю Вас за добрые пожелания. Я до сих пор не отдыхал. Дел очень много.

Жизнь Веры Николаевны тесно сплетена с жизнью Ивана Алексеевича. К счастью, сохранились дневники, которые помогут в будущем литературоведам. Вера Николаевна не успела закончить свои воспоминания, но она написала о детстве, своей семье, о гимназических и студенческих годах. Это большая рукопись. Последующие «Беседы с памятью»¹ — это период после встречи с Иваном Алексеевичем. Она хотела довести воспоминания до 1918 г., но не смогла. Я должен привести в порядок ее труды. Когда-то мы вместе с Верой Николаевной работали над незавершенной книгой Ивана Алексеевича «О Чехове».

Вы в день смерти Веры Николаевны делились своими воспоминаниями с сотрудниками издательства Академии наук, а что было у нас!

От всей души желаю Вам здоровья и бодрости. Я отвечаю на множество запросов и писем. Дни уходят на это. Я просил П. Л. Вячеславо-

ва,² чтобы в Париж прислали литературоведа для личной беседы со мной.³ Переписка стоит дорого. Переписываюсь с Л. В. Никулиным,⁴ но он серьезно болен, двигаться не может.

Пожалуйста, передайте мой сердечный привет Тамаре Павловне Головановой, Евгении Ивановне Кийко, Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову и Виктору Андрониковичу Мануйлову. Очень меня тронуло письмо Л. И. Раковского.⁵

Ваш Л. Зуров

Авторизованная машинопись.

¹ Мемуарные очерки В. Н. Буниной «Беседы с памятью» на протяжении нескольких лет печатались в эмигрантской периодике (Новое русское слово. 1955. 7 и 28 авг.; Новый журнал. 1960—1962. №№ 59—60, 62—64, 67; Грани. 1962. № 52—53). Отдельное издание появилось много позже: *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина; Беседы с памятью* / Сост., предисл. и примеч. А. К. Бабореко. М., 1989.

² Вячеславов Павел Леонидович (1912—1966) — поэт, переводчик, литературовед. Подготовил ряд произведений Бунина к изданию, составил примечания к ним (*Бунин И. А. Рассказы*. М., 1955; *Бунин И. А. Собр. соч.* М., 1956 и др.).

³ Л. Ф. Зуров хотел, чтобы для переговоров о передаче наследия Бунина к нему прибыл профессиональный литературовед, и надеялся, что им станет А. К. Бабореко. Вера Николаевна ценила труды Бабореко и была признательна за помощь, которую он оказал ей во время работы над книгами о Буниной. После кончины Верны Николаевны Зуров вел с Бабореко обширную переписку. В своей книге «Дороги и звоны» (глава «Меня не пускают в Париж») Бабореко в подробностях описал трехлетние мытарства, которые ему пришлось претерпеть от чиновников в попытках добиться выезда в Париж, после чего в поездке ему было окончательно отказано (см.: *Бабореко А. К. Дороги и звоны*. С. 98—109).

⁴ Никулин Лев Вениаминович (наст. фамилия Олькеницкий; 1891—1967) — поэт и драматург, журналист, военный корреспондент. Автор приключенческих романов. Долгие годы являлся вице-президентом общества СССР—Франция. Автор книг «Чехов. Бунин. Куприн. Литературные портреты» (М., 1960), «Люди и страны» (М., 1962), а также вступительных статей к ряду изданий И. А. Бунина в СССР. В конце 1950-х годов неоднократно выезжал во Францию для переговоров с В. Н. Муромцевой-Буниной о передаче литературного архива Бунина. О его переговорах с Л. Зуровым см. письмо Зурова от 12 февраля 1962 г. и примеч. 1 к этому письму.

⁵ Имеется в виду письмо Л. И. Раковского Зурову от 2 мая 1961 г., в котором он рассказывает, как получил горестное известие о кончине В. Буниной, выражает искреннее сочувствие, сообщает о своей поездке в Псков (родной город Зурова), описывает псковские древности. К письму приложена фотография Псково-Печерского монастыря (ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 2, ед. хр. 100, л. 1—2).

**5. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой, Т. П. Головановой,
Е. И. Кийко**

25 июля 1961 г.

25 июля 1961 г. Париж.

Дорогие Тамара Павловна, Людмила Николаевна и Евгения Ивановна,

спасибо сердечное за подарки, переданные мне Михаилом Павловичем <Алексеевым>.¹ Тронут чрезвычайно. Не раз вспоминал горячие беседы за нашим столом. Вера Николаевна вы доставили большую радость. Сердца открылись.

Только сегодня удалось написать вам, поблагодарить за милое отношение. Простите меня, но я замучен и затрёпан. Вы это понимаете. Сейчас в квартире идут работы. Коридор завален алебастровыми плитами и мешками с цементом. Полы устланы старыми газетами. Большие комнаты (столовую и кабинет) я передал управляющему. Там пусто. Обеденный стол увезен. Бунинские вещи (я хочу их передать музею) отправлены в Буживаль. Там все сложили на складе. Да, Буживаль! История русской литературы.²

Рукописи Ивана Алексеевича, его записные книжки, дневники, письма, заметки и наброски я сложил в чемоданы. Приступить к разбору сейчас не могу. Большой архив оставила и Вера Николаевна. Комнаты мои заставлены чемоданами, завалены книгами. Чувствую великое одиночество. Тяжело переживаю уход Веры Николаевны.

Благодарю вас от всей души, желаю всем вам здоровья и успешной работы. Владимиру Ивановичу Мальшеву,³ Леонтию Иосифовичу Раковскому и Виктору Андрониковичу Мануйлову, пожалуйста, передайте мой привет.

Ваш Л. Зуров

Р. С. Михаил Павлович Алексеев всех очаровал.

Наталья Владимировна Кодрянская⁴ шлет вам привет.

Л. З.

1, rue Jacques Offenbach, Paris 16^e

Авторизованная машинопись; постскрипtum — от руки.

¹ *Алексеев Михаил Павлович* (1896—1981) — литературовед, академик АН СССР (1958). Главный редактор Полного собр. соч. и писем И. С. Тургенева в 28 томах. Летом 1961 г. был командирован во Францию для ознакомления с архивом И. С. Тургенева в Парижской Национальной библиотеке и других архивохранилищах. См.: *Алексеев М. П.* По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции // *Русская литература*. 1963. № 2. С. 53—85. Во время пребывания во Франции встречался с Л. Ф. Зуровым.

² Буживаль — пригород Парижа. Здесь находилась вилла певицы Полины Виардо и дом И. С. Тургенева, в котором писатель жил в 1875—1883 гг. Тургенев принимал в Буживале французских и русских литераторов и художников.

³ *Мальшев Владимир Иванович* (1910—1976) — археограф, историк древнерусской литературы. Работал в Пушкинском Доме, где в 1949 г. основал Древлехранилище — собрание древнерусских рукописей. Состоял в переписке с Л. Зуровым.

⁴ *Кодрянская Наталья Владимировна* (1901—1983) — писательница, мемуарист. Эмигрировала в 1919 г., с 1927 г. жила во Франции (в годы Второй мировой войны находилась в Нью-Йорке). Автор книг «Алексей Ремизов» (Париж, 1959) и «Ремизов в своих письменах» (Париж, 1977).

**6. Л. Н. Назарова, Е. И. Кийко, Т. П. Голованова —
Л. Ф. Зурову**

25 августа 1961 г.

25.VIII.61 г.

Милый Леонид Федорович!

Очень рады случаю поблагодарить Вас за внимание и за прелестные сувениры и послать Вам, как говорят на Украине, «живой привет». Мы многое знаем о Вас через Михаила Павловича <Алексеева> и очень надеемся, что трудные Ваши размышления завершатся возвращением сюда, к нам, домой.

Желаем Вам всего доброго, — прежде всего здоровья, бодрости и решимости.

Е. Кийко

Т. Голованова

Л. Назарова

**7. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой, Т. П. Головановой,
Е. И. Кийко**

19 октября 1961 г.

19-го октября 1961 г. Париж

Милые

Тамара Павловна, Евгения Ивановна и Людмила Николаевна!

В октябре я вернулся в Париж. Через два дня позвонил Е. С. Хохлов.¹ Он передал мне вашу посылку. Письмо прочел. Спасибо сердечное. Содержимое посылки дошло в целостности и сохранности. 1) Торт шоколадно-вафельный (он всем понравился. Угощал им друзей покойной Веры Николаевны), 2) Сыр острый (Углич отличился!), 3) Краснодарский чай (я и не знал, что на Кубани теперь существуют чайные плантации), 4) 3 коробки папирос.

Вам я отправил вчера 3 шотландских платочка (с вышитыми на них шелком волынщиками и словами «Frae Scotland».² Это все «тарганы» — цвета горных кланов³). Послал я платки в толстом конверте (надписав на нем «Échantillons. Sans valeur».⁴ Дойдут ли? Не знаю. Конверт открыт, но письмо я перепоясал бечёвочкой. Только так и можно послать.

Спасибо за добрые пожелания. В Шотландии я передохнул. Приехал туда измотанным до предела. В Париже у меня множество дел. 1) Надо опубликовать литературное завещание Ивана Алексеевича Бунина.⁵ 2) Разобрать большой личный архив Ивана Алексеевича Бунина, а в нем его дневники, записные книжки, манускрипты, наброски и записи — заметки, сделанные на клочках. Этим архивом пользовалась для своей работы только Вера Николаевна. Его никто не разби-

рал. 3) Надо привести в полный порядок воспоминания Веры Николаевны («Беседы с памятью». Том I, том II, как и том последний). 4) Надо отделать свою повесть.⁶

Хозяйство я веду умело. К этому привык.

Пожалуйста, передайте мой сердечный привет Владимиру Ивановичу Малышеву. Благодарю его за внимание. Надеюсь, что он получил мои письма.⁷

Поклонитесь от меня Виктору Андрониковичу Мануйлову, Леонтию Иосифовичу Раковскому и Зинаиде Захаровне Шнитниковой⁸ (я от Зинаиды Захаровны получил письмо. Скоро ей отвечу. Адрес: Ленинград, Д-11, Площадь Искусств, 5, кв. 46).

Сообщаю вам, что пришло письмо из Ленинграда, адресованное Веры Николаевне. Адрес отправителя: Ленинград, Д-14, ул. Некрасова, 48, кв. 5. Флоринская. Письмо отправлено 28.9.61. Л. Флоринская пишет: «Дорогая Вера Николаевна, поздравляю Вас с Вашим праздником, желаю здоровья и работоспособности. (Последнее немножко эгоистично — многие и я ждем Вашей книги.) Целую Вас. Л. Флоринская».⁹

Пожалуйста, конечно, если это вас не затруднит, передайте Любви Осиповне, что Вера Николаевна скончалась в апреле.

Ее воспоминания я подготавливаю к печати.¹⁰ Но что будет с бунинскими музейными вещами? Они уже 3 месяца лежат на складе. 29-го октября кончается срок. Хохлов мне сказал: «Вы даже не представляете, как любят Бунина в Советском Союзе! Как его читают и ценят!» Я Е. С. Хохлову ответил: «А вот вещи его* лежат на складе. А как хотели музейные работники (Тургеневский музей) их получить».** Хохлову я подарил книгу Веры Николаевны «Жизнь Бунина». Он ее должен послать поэту Исаковскому.

Сердечное спасибо. Желаю счастья.

Л. Зуров

* И Веры Николаевны

** Друзья Ив. Ал. и В. Н. опечалены. Не того они ожидали.

¹ Хохлов Евгений Сергеевич (1890—1971) — прозаик, поэт, публицист. Эмигрировал во Францию, жил в Париже, сотрудничал в журнале «Иллюстрированная Россия», газетах «Последние новости», «Русская мысль». После Второй мировой войны принял советское гражданство и вернулся в СССР.

В письме к В. И. Малышеву от 22 сент. 1961 г. из Эдинбурга Л. Зуров сообщает: «Вчера получил письмо от С. Ю. Прегель. Она мне пишет: “Мне позвонил Хохлов. Привез Вам посылочку от научных работниц Пушкинского Дома и от В. И. Малышева...” Спасибо сердечное, Владимир Иванович. Пожалуйста, передайте мою благодарность и признательность всем друзьям. Спасибо за память. Тронут и взволнован. Софья Юльевна пишет: “В посылке торт. Дала Х<охлов>у Ваш адрес, он обещал послать без промедления”. Беда! Посылка из Парижа в Шотландию идет от 10 дней до 3-х недель» (Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Малышева. С. 511).

² «Из Шотландии» (шотл.)

³ Тартан (шотландка) — сотканый из шерсти материал с орнаментом, образованным переплетением разноцветных нитей. Узор тартана символизирует определенный шотландский клан.

⁴ «Образцы. Малоценное» (*фр.*).

⁵ Литературное завещание И. А. Бунина / Публ. и предисл. Л. Зурова // Новый журнал. 1961. № 66. С. 166—172.

⁶ Имеется в виду повесть «Иван-да-Марья», над которой Л. Зуров работал много лет. В России впервые опубликована в журнале «Звезда» (2005. № 8 и 9). Подробнее см.: *Белобровцева И. З.* «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // *Зуров Л.* Иван-да-Марья. СПб., 2015. С. 5—30.

⁷ В письмах к В. И. Малышеву из Эдинбурга от 22 и 28 сентября Зуров просит передать сотрудницам Пушкинского Дома благодарность за подарки.

⁸ *Шнитникова-Лазарь Зинаида Захаровна* (1900—1983) — гигиенист, демограф. Старшая дочь геронтолога, демографа, академика АМН СССР Захара Григорьевича Френкеля (1869—1970). С 1943 г. — директор Научно-методического бюро санитарной статистики городского Отдела здравоохранения. Участвовала в деятельности Ленинградского отделения Всероссийского научного общества гигиенистов и санитарных врачей. Блокаду провела в осажденном Ленинграде (см.: *Самофал Р. Б.* Блокадный дневник З. З. Шнитниковой // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 54—75). Ученица профессора Андрея Георгиевича Гусакова, близкого друга семьи Муромцевых, была в дружеских отношениях с Дмитрием и Павлом, братьями В. Н. Буниной, через них поддерживала связь и с Верой Николаевной. В 1961—1970 гг. переписывалась с Зуровым (ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 2, ед. хр. 123), общалась с учеными Пушкинского Дома, обсуждая вопрос о возвращении бунинского наследия.

⁹ *Флоринская Любовь Осиповна* — корреспондентка В. Н. Буниной. Известны ее письма к Зурову от 8 и 14 августа 1963 г., отправленные из французского курорта Coutainville, в которых она сообщает, что выполняет просьбу Зурова — подыскать отель для его отдыха в сентябре (ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 2, ед. хр. 113, л. 9—16 об.).

¹⁰ Из письма от 15 дек. 1961 г. следует, что Зуров разбирал и готовил к печати главы книги В. Н. Буниной «Беседы с памятью». См. примеч. 1 к письму Л. Зурова от 20 мая 1961 г.

8. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

22 ноября 1961 г.

Ленинград, 22.XI.61 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Простите, что с опозданием отвечаю Вам. Спасибо за шотландские платочки — мы их получили, а также и за вереск!

Нас всех очень огорчило Ваше письмо. Я тотчас написала в Орел, директору гос. музея И. С. Тургенева (филиалом его является музей «Писатели-орловцы»). процитировала в своем письме Ваши строки и просила немедленно действовать. Ответ от директора Орловского музея — Леонида Николаевича Афонина¹ — пришел очень скоро. Он сообщил мне о том, что он немедленно обратился в Министерство культуры СССР с заявлением, в котором содержатся сведения о парижских вещах И. А. Бунина и указывается на необходимость приобретения их соответствующими организациями для последующей передачи

в Орел.² Л. Н. Афонин прислал мне копию этого заявления в Министерство культуры. На мой взгляд, составлено оно очень хорошо. Как только будет ответ, Афонин тотчас сообщит его мне, а я напишу Вам.

По вопросу о вещах Ивана Алексеевича Бунина я обращалась также к Л. И. Раковскому. Он тотчас написал в Союз писателей, в Москву, на имя К. А. Федина. Ответа пока еще нет...

Между прочим, потомок А. С. Пушкина — Воронцов-Вельяминов,³ который не так давно был в Ленинграде, сообщил нам, что Вы должны были на 3 месяца приехать в СССР. Очень жаль, что эта поездка не осуществилась — легче было бы, если б Вы приехали сюда, договориться о передаче Вами вещей И. А. Бунина в Орловский музей. А может быть, посмотрев Москву, Ленинград или Орел, Вы бы пожелали остаться у нас?! Но поездка на 3 месяца вообще-то Вас ведь ни к чему не обязывала: могли бы и обратно в Париж возвратиться. А вот о бунинских вещах, вероятно, бы договорились в Москве с тем же Министерством культуры СССР.

Говорят, что у нас в ближайшее время выходит однотомник И. А. Бунина (с «Жизнью Арсеньева» и другими произведениями).⁴ Тираж, кажется, всего 100 тысяч, и я очень боюсь, что не достану себе экземпляра, а как хотелось бы! Евгения Ивановна Кийко и Тамара Павловна Голованова благодарят Вас и кланяются.

Крепко жму Вашу руку и желаю от всей души всего только хорошего.

Л. Назарова

Р. С. В. А. Мануйлов также шлет Вам привет.

Л. О. Флоринской я написала — сообщили, по Вашей просьбе, о кончине Веры Николаевны.

¹ Афонин Леонид Николаевич (1918—1975) — писатель, журналист, литературовед, педагог. В 1959—1967 гг. — директор Государственного музея И. С. Тургенева в Орле. В 1960 г. окончил Лит. институт имени А. М. Горького и принят в члены СП СССР. С 1966 г. — преподаватель, затем зав. кафедрой советской и зарубежной литературы Орловского педагогического института.

² Л. Н. Афонин занимался вопросом о приобретении обстановки из парижской квартиры Бунина и его личных вещей для возглавляемого им музея. Вел переписку с московскими официальными инстанциями, обращался к руководителю Союза писателей К. А. Федину, министру культуры Е. А. Фурцевой, одновременно переписывался с Л. Зуровым. Видя, что дело с приобретением бунинского наследия затягивается, Л. Назарова советовала Л. Афонину пойти на крайнюю меру: «Мне кажется, дорогой Леонид Николаевич, что Вам следовало бы теперь обратиться (по поводу бунинских вещей) непосредственно к Н. С. Хрущеву и одновременно в ЦК с жалобой на то, что Министерство культуры до сих пор ничего не ответило на Ваше заявление <...> Л. Ф. Зуров очень надеется именно на Вас!» (Письмо Л. Назаровой к Л. Афонину от 3 января 1962 г. // РО ИРЛИ, ф. 851, архив Л. Н. Назаровой).

³ Воронцов-Вельяминов Георгий Михайлович (1912—1982) — потомок сына А. С. Пушкина Александра; инженер. Жил во Франции. В годы Второй мировой во-

ины сражался в рядах французской армии. Изучал материалы биографии Пушкина. Начиная с 1960 г. неоднократно посещал Москву, Ленинград, Пушкинские Горы.

⁴ Бунин И. А. Повести. Рассказы. Воспоминания / Вступ. статья К. Г. Паустовского; подгот. текста и примеч. П. Л. Вячеславова. М., 1961.

9. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

15 декабря 1961 г.

15-го декабря 1961 г. Париж

Дорогая Людмила Николаевна,

от всей души поздравляю Вас, Тамару Павловну, Евгению Ивановну, Михаила Павловича Алексева, Владимира Ивановича Мальшева, Леонтия Иосифовича Раковского и Виктора Андрониковича Мануйлова с наступающим Новым годом. Желаю всем здоровья, радости и счастья.

Спасибо за милое письмо, заботы. Ужинал 12-го декабря у Воронцовых-Вельяминовых. Георгий Михайлович трогательно мне рассказывал (не первый раз) о Михайловском, Тригорском, Святых Горах (Святые Горы, смею Вас уверить, получили свое название со времен языческой древности. Святыми Горами их называл и Александр Сергеевич). Георгий Михайлович очарован. У меня на письменном столе лежат его подарки: псковский лён (он его сорвал по пути из Михайловского в Тригорское), еловая ветка (еловым лапником была прикрыта могила Александра Сергеевича), два древесных листа (Михайловское и Тригорское) и кленовые носы из Захарова.

Передайте, пожалуйста, мою благодарность Л. И. Раковскому.

Бунинские вещи лежат на складе. Срок истек 26-го октября, но я опять уплатил за 3 месяца.* Однотомник «И. А. Бунин» мне прислал П. Л. Вячеславов. Как пострадала «Жизнь Арсеньева»! Я ее не узнал. Выброшены вдохновенные места!¹

Летом я чувствовал себя очень скверно. Переутомление достигло предела. Плоховато было с сердцем. Из Парижа выбрался в конце августа. Был уже болен.** В Шотландии пролежал неделю с температурой, а потом в течение 12 дней ездил на уколы к врачу (витамин В). В Париж вернулся 5-го октября. Предстояли платежи. Надо было у нотариуса подписать декларацию. Пришлось спешно уплатить долги Веры Николаевны (литературный налог за 1960 год, ее квартирный налог). Уплатил и по старым ее счетам.

После возвращения из Шотландии мне пришлось перебрать архив Веры Николаевны. Часть рукописи «Беседы с памятью» Верой Николаевной была утеряна. Среди газет, писем, вырезок я, к счастью, нашел разрозненные, не уничтоженные Верой Николаевной черновики. Теперь я восстановил полностью текст утерянных глав (конец последней книги). Перепечатал главы. До сих пор занят наследст

ными> делами (надо будет уплатить налог за лит<ературное> наследство).

Приходится отвечать на письма, готовить, стирать, ходить на базар, а надо и лечиться, вести переговоры с нотариусом, финанс<овыми> инспекторами, заполнять анкеты, беседовать с лит<ературным> агентом.

Я не мог на долгое время покинуть Париж. (Франц<узскую> визу для поездки в СССР надо ожидать 1½ – 2 месяца.) В Эдинбурге провел 5 недель, друзья не хотели меня отпускать, но я должен был спешно вернуться в Париж. Дела ожидали.

Вот, дорогая Людмила Николаевна, как идет жизнь. Г. М. Воронцов-Вельяминов шлет всем сердечный привет.

Ваш Л. Зуров

* До 26-го января 1962 г.

** Л. В. Никулин приехал в Париж в конце августа

На первом листе имеется типографская новогодняя картинка. На конверте указаны адресаты: Т. П. Голованова, Е. И. Кийко, Л. Н. Назарова.

Черновик отправленного письма сохранился в архиве Зурова в ДРЗ (ф. 3, оп. 1, к. 2, ед. хр. 82, л. 4–4 об.), он представляет собой машинопись с правкой от руки. Текстовые отличия от чистовика минимальны. В конце черновика имеется зачеркнутая фраза: «Литературной работе могу сейчас посвящать только отдельные часы. Печально...».

¹ В сборнике 1961 г. «Жизнь Арсеньева» печаталась по экземпляру нью-йоркского издания романа 1952 г. с правкой Бунина. Как и ряд других произведений в этом сборнике, роман опубликован с сокращениями (см.: Вячеславов П. Л. Примечания // Бунин И. А. Повести. Рассказы. Воспоминания. М., 1961. С. 615).

10. Л. Н. Назарова – Л. Ф. Зурову

26 декабря 1961 г.

Ленинград, 26.XII.61 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Поздравляю Вас с Новым годом. От всей души желаю Вам здоровья, душевного спокойствия, бодрости и сил.

Только что возвратилась я из Орла, куда ездила на трехдневную Тургеневскую конференцию. Между прочим, мне показали там дом, в котором жил И. А. Бунин, когда он работал в газете «Орловский вестник». В музее «Писатели-орловцы», который размещен в небольшом домике Т. Н. Грановского (он ведь тоже был орловец!), в комнате, посвященной И. А. Бунину, я видела фотографию, на которой он изображен вместе с Верой Николаевной; очень хорош там портрет Ивана Алексеевича (во весь рост) работы Нилуса.¹ И если б знали Вы, как не

хватает там письменного стола и других вещей И. А. Бунина из его парижской квартиры...

К сожалению, Л. Н. Афонин до сих пор не получил ответа на свое письмо в Министерство культуры СССР. Он собирается написать в самые высокие инстанции...² Л. И. Раковский также не получил письма-ответа от К. А. Фебина. В Орле я встретила с директором Гос<ударственного> литературного музея (Москва) Н. Ф. Пияшевым,³ который сообщил мне, что он тоже заинтересован в приобретении вещей И. А. Бунина и что по этому поводу переписывается с Вами. Я сообщила ему, что знала, в частности, о том, что в октябре истек срок хранения этих вещей в Буживале и пр. и т. п. Он обещал принять меры. Может быть, ему и удастся, ведь он живет и работает в столице, там легче хлопотать обо всем этом. Дорогой Леонид Федорович, только не подумайте, что мы ничего не предпринимаем и не делаем в отношении вещей И. А. Бунина. Мне трудно объяснить это в письме, но поверьте, что все это не так легко выполнить, как это, может быть, кажется Вам.

Получили ли Вы мое предыдущее письмо? Вы на него не ответили и потому я несколько сомневаюсь в получении его Вами.

Т. П. Голованова и Е. И. Кийко шлют Вам привет и поздравляют с Новым годом. В. А. Мануйлов благодарит Вас за поздравление, он сам будет писать Вам.

У нас вышел в свет однотомник сочинений И. А. Бунина и был моментально раскуплен. Примечания к нему составлены Вячеславовым, вступит<ельная> статья — К. Паустовского (очень хорошая!). Я с огромным удовольствием прочитала снова «Жизнь Арсеньева». Цикл «Темные аллеи» тоже прекрасен, а также воспоминания. Какое мастерство! При чтении вспоминала все время Веру Николаевну и Вас...

Пока всё. Крепко жму Вашу руку и жду письма — может быть, у Вас есть какие-нибудь новости, например Вы собираетесь к нам, хотя бы в гости...

Л. Назарова

¹ *Нилус Петр Александрович* (1869—1943) — живописец, художественный критик, писатель. С 1876 г. жил в Одессе. В 1919 г. эмигрировал, с 1923 г. — в Париже. Близкий друг И. А. Бунина. Портрет Бунина написан в Одессе в 1918 г.

² В начале 1962 г. Министерство культуры проинформировало Л. Н. Афонина о том, что оно обратилось в Советское посольство с просьбой помочь Л. Ф. Зурову отправить в адрес орловского музея обстановку рабочего кабинета Бунина. Сотрудники посольства обсудили с Зуровым условия передачи бунинских материалов и вещей. Но дальше дело застопорилось.

³ *Пияшев Николай Федорович* (1923—2004) — писатель, автор книг: «Воровский», «Павел Нилин», «Великий страстотерпец» (о Н. И. Бухарине) и др. В 1960—1966 гг. — директор Государственного литературного музея. В письме к Л. Ф. Зурову от 16 июня 1961 г. Н. Ф. Пияшев предлагал передать в возглавляемый им музей все наследие Бунина, включая вещи, мебель, рукописи и книги: «У нас это все может сохраниться, а у Вас в Париже может затеряться и в конце концов пропасть» (ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 2, ед. хр. 91, л. 24).

11. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

12 февраля 1962 г.

12-го февраля 1962 г. Париж

Дорогая Людмила Николаевна!

Спасибо за доброе и сердечное письмо. Радует меня, что Вы побывали в Орле, видели дом, в котором жил Иван Алексеевич, когда он работал в «Орловском вестнике». Вот бы в этом доме и устроить музей! Написанный П. А. Нилусом портрет чрезмерно стилизован. Пропорции искажены. Таким длинноногим Иван Ал<ексеви>ч никогда не был.

Уведомляю Вас, что в октябре (1961 г.) я уплатил за хранение бунинских вещей. Внес плату за хранение и в январе (срок истекал 26. I.) за 3 месяца вперед (таковы условия). 30-го января я уведомил об этом Н. Ф. Пияшева. Виноват перед ним! От Н. Ф. Пияшева я получил письмо 16 июня 1961 г., но — каюсь — ему тогда не ответил. Был переутомлен, ежедневно получал десятки писем, а П. Л. Вячеславов мне написал, что все зависит от Льва Вениаминовича Никулина. Я тогда думал, что Л. В. Никулин связан с Государственным литературным музеем, и с литературоведами (изучающими творчество Ивана Алексеевича), и с музейными работниками. Вот почему я попросил сотрудников чеховского и тургеневского музеев писать Л. В. Никулину. Они это сделали. Ныне, в письме от 3-го января с. г., Лев Вениаминович меня известил, что у бунинской комиссии была одна функция — передавать полученные рукописи и материалы личного архива Ивана Алексеевича в Государственный центральный архив... «Ни с музейоведами, ни с литературоведами она (комиссия. — Л. З.) не была связана». Вот какая история!¹ А о комиссии этой я и не знал, а Лев Вениаминович побывал в Париже в августе 1961 года. Я его видел 2 раза. Осенью 1961 года я был не только предельно переутомлен, но и болен. Л. В. Никулину, который передал мне любезное приглашение от Союза писателей посетить Советский Союз, я тогда рассказал об исключительной сложности текущих дел (об этом я ему все время писал), объяснил ему, что я не могу на длительный срок* покинуть Париж, так как в конце сентября предстоят срочные платежи (по долговым обязательствам покойной Веры Николаевны), что наследственными делами мне придется заниматься не только в конце 1961 г., но и в 1962 году. Очень все сложно!

В «Новом журнале» (№ 66, 1961, декабрь) я опубликовал литературное завещание Ив. Ал. Бунина.² Копию послал А. К. Бабореко.** В. А. Мануйлову я отправил копию своей статьи («Тамань» Лермонтова и “L’Ogso” Жорж Занд»).³ Прочитав внимательно статью, я заметил, что в текст вкралась ошибка. Напечатано «свободные контрабандисты», а надо было напечатать «честные контрабандисты». Как я не заметил этого, перечитывая (перепечатанную на пиш<ущей> машин-

ке) рукопись, просто ума не приложу. Конечно, существа дела это не меняет, но все же досадно.*** Посылаю Вам копию статьи. Пожалуйста, не откажите в любезности, дорогая Людмила Николаевна, передайте копию моей статьи (напечатана в «Новом журнале» № 66, 1961 г., декабрь) в библиотеку Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Владимира Ивановича Малышева извещаю, что с профес<сором> В. И. Полем⁴ случилось большое несчастье. На него налетел автомобиль. Сломан 12-й позвонок. Был у него, дежурил целую ночь. Вл. Ив. Поль наход<ится> в полном сознании.

Начал разбирать архив Ивана Алексеевича, но переутомление дает себя знать. Едва справляюсь.

Шлю сердечный привет Тамаре Павловне, Евгении Ивановне, Л. И. Раковскому, Л. Н. Афонину и всем далеким друзьям. Вспоминаю всех вас. Вы правы, Людмила Николаевна! Вижу, что все не так легко выполнить, как это казалось мне. Сложная жизнь. Трудная.

Крепко жму Вашу руку. От всей души желаю Вам плодотворной работы. Спасибо за письмо.

Ваш Л. Зуров

Р. С. Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов шлет всем сердечный привет. Видел его вчера. Л. З.

* Три месяца.

** Я ему часто пишу.

*** Скажите, пожалуйста, об этом Виктору Андрониковичу Мануйлову.

¹ Роль Л. В. Никулина в деле возвращения бунинского наследия в Россию весьма двусмысленна. По свидетельству А. К. Бабореко, Никулин писал письма в Союз писателей СССР и в ЦК КПСС, в которых убеждал эти инстанции «в том, что в архиве Бунина мало что есть ценного, а мемориальные вещи для музея брать не стоит» (*Бабореко А. К. Дороги и звоны*. С. 100, 102), а также создавал образ Зурова как стяжателя и корыстолюбца. В свою очередь, Л. Н. Назарова делилась с Л. Н. Афониним: «Вера Николаевна была очень неважного мнения о Л. Никулине. Я думаю, что если Л. Зуров отклонил предложение приехать погостить к нам (ведь речь шла о 3 месяцах), то не потому ли, что приглашение исходило именно от Л. Никулина, который и у нас в Ленинграде пользуется очень незавидной репутацией» (письмо Л. Афонину от 2 нояб. 1961 г.).

² См. примеч. 3 к письму от 19 окт. 1961 г.

³ *Зуров Л. Ф. «Тамань»* Лермонтова и «Г.Огсо» Жорж Занд // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1961. № 66. С. 278–281.

⁴ *Поль Владимир Иванович* (1875–1962) — композитор, пианист, педагог, музыкально-общественный деятель, художник. С 1920 г. в эмиграции в Париже. Один из основателей, директор и педагог Русской консерватории имени С. Рахманинова (1931–1956), один из директоров музыкального издательства «М. П. Беляев в Лейпциге». Скончался 21 июня 1962 г.

12. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

14 марта 1962 г.

Ленинград, 14.III.62

Дорогой Леонид Федорович!

Простите, что долго не писала Вам. Сейчас на обсуждение вышедших в свет томов собрания сочинений и писем И. С. Тургенева приехал Леонид Николаевич Афонин и сообщил мне, что получил письменный ответ на свои обращения в Министерство культуры СССР. Ему написали, что советское посольство в Париже согласно отправить вещи И. А. Бунина в г. Орел для музея И. С. Тургенева, а Л. Ф. Зуров согласен передать их в посольство.¹ Л. Н. Афонин будет сам писать Вам об этом.

Благодарим Вас за статью о Лермонтове. Нам показалась Ваша точка зрения убедительной. Статью я передала в Лермонтовский кабинет нашего института, где у нас сосредоточена вся литература, посвященная жизни и творчеству М. Ю. Лермонтова. Вероятно, В. А. Мануйлов писал Вам, что он является организатором подготовки такого издания: «Лермонтовская энциклопедия». Мы с Т. П. Головановой тоже собираемся принять участие в нем.

Возвращаясь снова к вопросу о вещах И. А. Бунина, я хотела еще сообщить Вам о том, что Н. Ф. Пияшев, которому я написала подробное письмо, ответил мне 17.I.62 г., что «отослал в посольство письмо, но, что из этого выйдет, аллах ведает». Я его просила мне сообщить, когда будут известия, но пока ответа нет. Буду писать ему сегодня же. Как Вы, может быть, помните, я — поклонница орловских музеев, но в конце концов лишь бы перевезти вещи И. А. Бунина на его родину, а в каком именно музее они будут находиться — это уже второстепенный вопрос. В связи с выходом в свет однотомника сочинений И. А. Бунина, который имел большой успех и давно весь разошелся, у посетителей музея «Писатели-орловцы» повышенный интерес (по словам Л. Н. Афонина) к комнате И. А. Бунина. И, между прочим, они сетуют, что комната эта бедновата, что в ней мало личных вещей писателя и пр. и т. п.

Желаю Вам здоровья и всевозможных творческих успехов. Т. П. Голованова и Е. И. Кийко шлют Вам привет. А М. П. Алексеев читает сейчас Вашу статью о «Тамани» Лермонтова.

Крепко жму Вашу руку! Пишите
Л. Назарова

¹ Вдохновленный этими известиями, Л. Зуров сообщил В. А. Мануйлову в письме от 14 апреля 1962 г.: «Благодаря Вам дело сдвинулось с мертвой точки. У меня был представитель культурного отдела посольства Пастухов, долго со мной беседовал. Спросил, каковы мои условия, просил меня составить подробную опись не

только находящихся на складе вещей, но и хранящихся у меня и подготовить вещи для передачи, сказал, что через 2 недели он мне позвонит. Этот срок уже прошел, но звонка еще не было» (РО ИРЛИ, ф. 713, архив В. А. Мануйлова, находится в научно-технической обработке). Очередные переговоры вновь закончились ничем.

13. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

8 июля 1962 г.

Ленинград, 8.VII.62 г.

Дорогой Леонид Фёдорович!

Я давно не писала Вам, но это не значит вовсе, что я не вспоминаю о Вас и о Вере Николаевне... Недавно Викт<ор> Андр<оникович> <Мануйлов> читал мне полученную им Вашу открытку. Из нее я узнала о письме к Вам Бабореко. Не поняла только, когда же он будет в Париже? А Советское посольство ведет с Вами переговоры? Викт<ор> Андр<оникович> действовал очень энергично, писал во многие места (в Москву).¹ Неужели же ничего не выйдет?!

Крепко жму Вашу руку

Л. Назарова

Открытка с видом Ленинграда.

¹ Начиная с 1961 г. В. А. Мануйлов в переписке с Л. Зуровым постоянно обсуждал проблему передачи бунинских вещей в Россию. Ученый прилагал активные усилия для того, чтобы этот вопрос был решен как можно скорее, на протяжении пяти лет обращался в различные официальные инстанции с предложениями и требованиями осуществить передачу. Консультировался и с коллегами — директором орловского музея Л. Н. Афониним, Л. Н. Назаровой и другими лицами. Зуров держал В. А. Мануйлова в курсе своих переговоров с советскими чиновниками и высылал ему копии своей переписки. Видя, что дело затягивается, Виктор Андроникович старался ободрить Зурова. В письме от 24 апр. 1962 г. он сообщал: «Союз писателей и “Литературная газета” давно следят за этим делом и всем нам непонятно и неприятно, что дело так затянулось. Министерство культуры давно уже сообщило Министерству иностранных дел свое мнение о том, что эти вещи, завещанные Советскому Союзу, в самое ближайшее время должны быть перевезены в Орел. Поэтому смело и решительно напоминайте работникам посольства о необходимости срочно довести дело с бунинскими вещами до конца». 19 декабря 1963 г. в письме к секретарю ЦК КПСС Л. Ф. Ильичеву Мануйлов подробно изложил историю дела, отверг обвинения Зурова в корыстных намерениях и просил принять меры к тому, чтобы «как можно скорее благополучно закончилась затянувшаяся печальная история с вещами и материалами И. А. Бунина». Ответа на это письмо не получил. Спустя два года, поняв безрезультатность всех усилий, заметил: «Это одно из самых грустных дел, которыми мне когда-либо приходилось заниматься» (письмо к Л. Зурову от 13 окт. 1965 г.). (Цитируются письма из фонда: РО ИРЛИ, ф. 713, архив В. А. Мануйлова.)

14. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

<Декабрь> 1962 г.

Paris 1962 г.

Дорогую Людмилу Николаевну Назарову сердечно поздравляю с Новым годом.

Желаю счастья и радости

Л. Зуров

Новогодняя мини-открытка.

15. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

21 ноября 1963 г.

Ленинград, 21.XI.63 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Я только что вернулась из г. Орла, куда ездила в связи со 100-летием основания И. С. Тургеневым школы в Спасском-Лутовинове. В Орле в эти дни отмечалось также 10-летие со дня смерти И. А. Бунина. В Гос. музее И. С. Тургенева, имеющем филиал «Писатели-орловцы» с комнатой И. А. Бунина, был устроен вечер, на котором директор музея Л. Н. Афонин сделал доклад, а затем артисты орловского театра читали стихи и прозу Ивана Алексеевича.

Я посылаю Вам две газетные вырезки из «Орловской правды». Это — статья Л. Н. Афонова «Памяти Бунина» и статья А. И. Понятовского «Автографы на фотографиях».¹ (А. И. Понятовский² тоже сотрудник музея, он заведует фондами его, в частности, бунинскими.)

В. А. Мануйлов, я и Л. Н. Афонин намерены снова взяться за хлопоты по интересующему нас всех делу — приобретению у Вас вещей И. А. Бунина, место которых, конечно, в бунинской комнате музея «Писатели-орловцы». Но выйдет ли что-либо из наших хлопот (неудач, как Вам известно, было очень много) — не знаю.

Как Вы живете, как Ваше здоровье и настроение? С Вами хочет связаться Общество советско-французской дружбы.³ Деятели его обратились в Пушкинский Дом с просьбой сообщить им Ваш адрес.

Мои приятельницы, которые вместе со мной были в Париже, шлют Вам привет и лучшие пожелания. Крепко жму Вашу руку!

Л. Назарова

¹ Имеются в виду публикации: *Афонин Л. Н.* Памяти Бунина // Орловская правда. 1963. 10 нояб.; *Понятовский А. И.* Автографы на фотографиях // Там же. 1963. 16 нояб.

² *Понятовский Александр Иванович* (1921–1984) — сотрудник Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева с 1946 г.; с 1956 по 1984 г. — главный хранитель фондов. См.: *Алексеева М. В.* «Дорогой

Александр Иванович!» (К 90-летию со дня рождения А. И. Понятовского) // Вестник Ассоциации музейных работников. 2011. № 11/12. С. 10–11.

³ Общество советско-французской дружбы «СССР–Франция» создано в 1958 г. в рамках Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

16. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

20 декабря 1963 г.

20.XII.1963 г. Париж

Дорогая Людмила Николаевна. Сердечно поздравляю Вас и Ваших друзей с Новым годом. От всей души желаю радости. Спасибо за письмо. Статьи прочел. Л. Н. Афонин допустил крупную ошибку.¹ А. К. Бабореко должен был приехать в Париж, но до сих пор оформляют его командировку.² В сентябре он меня известил, что Союз писателей решил приобрести мемориальные вещи И. А. Бунина для музеев. Желаю всем счастья. С Новым годом! Ваш Л. Зуров

Новогодняя открытка.

¹ Л. Зуров имеет в виду статью Л. Афонова «Памяти Бунина». Единственное место в этом материале, которое могло вызвать несогласие Л. Зурова, касается симпатий Бунина к советской власти. Л. Афонин пишет о заветном желании Бунина вернуться на родину, о том, что, получив в 1946 г. паспорт гражданина Советского Союза, он «доброжелательно, дружественно всматривался в жизнь нашей страны» и не оставлял намерения приехать, и лишь кончина оборвала эти планы: «Сил возвратиться на Родину у престарелого тяжелобольного писателя не хватило». По сути, автор статьи повторяет высказывание К. А. Федина на Втором съезде советских писателей (1954): «Недостало сил, уже будучи советским гражданином, вернуться домой Ивану Бунину — русскому классику рубежа двух столетий» (Второй всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1956. С. 503). Это мнение бытовало среди части советской и зарубежной общественности, однако оно опровергается биографами Бунина. Тот же Л. Зуров в письме к А. Бабореко, рассказывая о собрании писателей в Париже в 1946 г. по поводу возвращения гражданства СССР ряду лиц, свидетельствовал: «Иван Алексеевич не присутствовал на вечер. <...> Бунин, разумеется, советский паспорт не брал. Вера Николаевна <...> впоследствии опровергала лживые слухи на этот счет» (цит. по: *Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание*. С. 369). «Уехать в советский “рай” он не захотел, тогда пытались, с помощью своих агентов, оболгать его, показать миру таким, каким хотелось Москве видеть его: идейно порвавшим с эмиграцией» (*Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание*. С. 370).

² В июле 1963 г. А. Бабореко послал Зурову несколько обнадеживающих телеграмм по поводу своего скорого приезда. Этой поездке всячески содействовал А. Т. Твардовский, неоднократно обращавшийся в Союз писателей, где были выделены средства на нее. Однако, когда дело было уже решенным, секретарь Правления Союза писателей К. В. Воронков отправил вместо Бабореко писателя В. Н. Ажаева. «Вернулся Ажаев обозленный — видно, что никакого контакта с Зуровым у него не получилось. Впоследствии Зуров удивился “потрясающему невежеству” Ажаева» (*Бабореко А. К. Дороги и звоны*. С. 106).

17. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

29 декабря 1965 г.

29.XII.1965 г. Париж

Дорогая Людмила Николаевна, сердечно поздравляю Вас с Новым годом. Желаю здоровья и радости. Спасибо за милое письмо. Передайте, пожалуйста, мое поздравление Владимиру Ивановичу Малышеву. Скажите ему, что часть картин художника К. Вещилова¹ наход<ится> в небольшом русском музее Нью-Йорка. Адрес: «Галерея русских картин». Hotel Ansonia, Broadway, betw<een> 73 rd & 74th St<reet>s (шестой этаж, кв. 75. Телефон SC4—4324). New-York, N. Y., USA.

Первый том собрания сочинений я получил от А. К. Бабореко. Навестил меня А. Т. Твардовский.² Обрадовал. А до того был у меня Солоухин.³ Зима у нас мягкая с теплыми дождями.

Сердечно Ваш Л. Зуров

¹ В. И. Малышев в письме к Зурову от 2 сентября 1964 г. просил узнать о судьбе картин художника К. Вещилова, в частности, полотен, посвященных протопопу Аввакуму. *Вещилов Константин Александрович (1878—1945)* — живописец, автор ряда исторических картин. С 1928 г. — во Франции, в 1935 г. переехал в США. Зуров выполнил просьбу и ответил В. Малышеву в письме от 23 дек. 1964 г. (см.: Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Малышева. С. 513—514).

² Именно Зуров, с восхищением прочитавший книгу «Василий Теркин», познакомил с ней Бунина, который, в свою очередь, высоко оценил поэму (*Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание*. С. 386—387). А. Т. Твардовский посетил Париж в нояб. 1965 г. в составе делегации советских поэтов (А. Сурков, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский, Л. Мартынов, В. Соснора и др.).

³ В. А. Солоухин, так же как и А. Т. Твардовский, принял участие в деле возвращения бунинского архива, вел переговоры с секретарями Союза писателей (*Бабореко А. К. Дороги и звоны*. С. 99). Л. Зуров высоко отозвался о книге В. Солоухина «Владимирские проселки» в письме к Бабореко от 10 мая 1960 г.: «...книжка мужественная, правдивая, трезвая <...> Подлинная жизнь, история. Эта книга останется» (ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, ед. хр. 36, л. 7).

18. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

2 августа 1966 г.

Ленинград, 2.VIII.66 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Вчера виделась я с Нат<альей> Борис<овной> и Андр<еем> Влад<имировичем> Соллогубами.¹ Много говорили об Ив<ане> Алекс<еевиче> и Вере Николаевне Буниных, о Бор<исе> Конст<антиновиче> Зайцеве, вспоминали и Вас.

От всей души желаю Вам всякого благополучия и здоровья.

Посылаю вырезку из газеты «Веч<ерний> Лен<ингра>д» — «Герои Ивана Бунина в кино».² Крепко жму Вашу руку!

Л. Назарова

Открытка с видом Ленинграда.

¹ *Соллогуб* (урожд. *Зайцева*) *Наталья Борисовна* (1912—2008) — общественный и церковный деятель, благотворитель, мемуарист. Дочь Б. К. и В. А. Зайцевых, жена А. В. Соллогуба. Окончила Парижский лицей имени Мольера. Жила по месту службы мужа в различных департаментах Франции. Принимала активное участие в деятельности многих эмигрантских организаций. Член РСХД. Хранитель архива и библиотеки Б. К. Зайцева, принимала участие в подготовке изданий его сочинений. Начиная с 1960-х годов не раз приезжала в Россию. Вела переписку, в частности, с Л. Н. Назаровой.

Соллогуб Андрей Владимирович (1906—1996) — доктор юридических наук; закончил службу в английском банке «Барклейз» в должности главного директора этого банка по Франции.

² *Роом А. М.* Герои Ивана Бунина в кино // Вечерний Ленинград. 1966. 8 июля. Автор, *Абрам Матвеевич Роом* (1894—1976), кинорежиссер, сценарист, рассказывает в этой заметке о своих планах постановки кинокартины по новеллам Бунина «Руся», «В Париже», «Легкое дыхание» и «Солнечный удар». Подробнее об этом см.: *Роом А.* России посвящается // Советский экран. 1967. № 8. Замысел не был осуществлен.

19. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

10 августа 1966 г.

10 августа 1966. Париж

Дорогая Людмила Николаевна, спасибо сердечное. Наташа и Андрей (Соллогубы) передали мне Ваш привет и с радостью рассказали о беседе с Вами. Вчера получил Ваше милое письмо и вырезку из «Вечернего Ленинграда» «Герои Ивана Бунина в кино». С большим интересом прочел статью А. Рома <так!>. Дело трудное, но А. Ром талантлив. От всей души желаю Вам благополучия и здоровья.

Передайте, пожалуйста, мой привет А. И. Малышеву¹ и Виктору Андрониковичу Мануйлову (я ему послал свою работу «Герб Лермонтова»,^{*2} а об этом гербе я Вам <рас>сказал в тот памятный для меня вечер, когда Вы порадовали Веру Николаевну, явившись с друзьями к ней. Сколько тогда было надежд!).

Крепко жму Вашу руку.

Сердечно Ваш Л. Зуров

* ОТТИСК

Открытка с видом Парижа.

¹ Первый инициал указан ошибочно, следует: В.

² *Зуров Л. Ф.* Герб Лермонтова: К 150-летию со дня рождения // Новый журнал. 1965. № 79. С. 98—115.

20. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

20 декабря 1966 г.

Дорогая Людмила Николаевна!
Сердечно поздравляю Вас с Новым годом.
От всей души желаю здоровья, радости и успешной работы.
Спасибо за письмо
Л. Зуров
20-го декабря 1966 г. Париж

Новогодняя открытка.

21. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

18 января 1967 г.

Ленинград, 18.I.1967 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Просматривая сегодня свои бунинские материалы, я обнаружила 2 экз. публикации А. Нинова «Вместе с Горьким» («Огонек», 1964, 22 марта).¹ На всякий случай посылаю ее Вам.

Очень часто вспоминаю сейчас милую и обаятельную Веру Николаевну, Вас и наш визит в 1960 г....

Я начала собирать материал для статьи «И. С. Тургенев и И. А. Бунин», которая должна войти в качестве главы в книгу «И. С. Тургенев и русская литература конца XIX — начала XX вв.».² Пока я написала главы об Эртеле и Мамине-Сибиряке, часть главы о Б. К. Зайцеве. А сейчас приступаю к главе о И. А. Бунине.³ Понимаю, что это очень ответственное и сложное дело... Ведь у Ивана Алексеевича, как мне думается, было довольно противоречивое отношение к тв<орчест>ву И. С. Тургенева и он неоднократно старался от него, что называется, оттолкнуться... И все-таки какие-то тургеневские традиции проступают в некоторых произведениях Бунина! Конечно, Иван Алексеевич очень крупный и яркий писатель, но тем интереснее (хотя и труднее) установить какие-то притяжения и отталкивания у него с И. С. Тургеневым...

Очень Вас прошу, если это не слишком обременительно, присылать мне всё, что печатаете Вы и другие исследователи об И. А. Бунине. Буду Вам весьма признательна и охотно вышлю Вам взамен то, что интересуется Вас (книги, журн<альные> и газ<етные> статьи).

Всего доброго, дорогой Леонид Федорович! Желаю Вам здоровья, успехов в Вашей работе.

Л. Назарова

¹ Имеется в виду републикация трех интервью И. А. Бунина 1910—1913 гг. Материал под заголовком «Вместе с Горьким» сопровождался вступительной заметкой и комментариями А. А. Нинова (Огонек. 1964. № 13. 22 марта. С. 23—24).

² Книга вышла 12 лет спустя: *Назарова Л. Н.* Тургенев и русская литература конца XIX — начала XX в. Л., 1979.

³ Глава о Бунине в книге Л. Назаровой имеется, но раздел, посвященный Б. К. Зайцеву, в ней отсутствует.

22. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

22 декабря 1967 г.

22.XII.1967 г. Париж

Дорогая Людмила Николаевна!

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом. Желаю Вам здоровья и успешной работы. Напишите, пожалуйста, для «Литературного наследства» воспоминания о беседе с Верой Николаевной Буниной.¹ Она вам много рассказывала об Иване Алексеевиче и показала Вам его кабинет. Для «Лит. нас<ледства>» это будут ценные страницы. Ведь этих комнат (кабинета рабочего и столовой) больше не существует. То есть там (в этих комнатах) живут чужие люди.

Уважающий Вас

Л. Зуров

Новогодняя открытка.

¹ Эта публикация осуществилась: *Голованова Т. П., Назарова Л. Н.* В парижской квартире Буниных // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 440—444. Заметка сопровождалась фотографиями квартиры Буниных, сделанных в 1961 г.

23. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

2 января 1968 г.

Ленинград, 2.I.1968 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Посылаю Вам страницы из журнала «Русская литература» (1967, № 4). Вторая часть публикации Е. С. Кулябко называется «И. А. Бунин и Академия наук».¹ Думаю, что это представит для Вас интерес.

С новогодним приветом и лучшими пожеланиями.

Л. Назарова

Р. S. Не сможете ли Вы послать нам оттиск из «Нового журнала» (?) — публикацию Н. Берберовой каких-то писем И. С. Тургенева к одному из его иностранных корреспондентов? Или хотя бы машинописную копию их с указанием на то, что опубликовано в таком-то N за такой-то год (я даже точно не знаю, в «Новом журнале» были они опубликованы или в каком-либо другом издании). Точно знаю лишь имя публикатора — Н. Берберова. Может быть, Вы хотя бы адрес ее знаете? Если да, сообщите, пожалуйста. Наше издание сочинений и писем

И. С. Тургенева уже завершается, а я только на днях узнала о публикации Н. Берберовой! Будем Вам очень, очень благодарны.²

Дружески, Л. Назарова

¹ Публикация: Кулябко Е. С. Из архива Академии наук СССР (Русская литература. 1967. № 4) состояла из двух частей: «Несостоявшееся премирование Гоголя» (с. 170–173) и «И. А. Бунин и Академия наук» (с. 173–180).

² Речь идет о публикации: Берберова Н. Пятнадцать писем И. С. Тургенева к Г. Джеймсу // Мосты. 1961. № 7 (перевод публикатора). Письма к литератору Генри Джеймсу (1843–1916) вошли в Полное собр. соч. и писем И. С. Тургенева в 28 т. (Письма: в 13 т. М., 1966–1967. Т. 10–12.).

24. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

22 января 1968 г.

Ленинград, 22.I.68 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Спешу ответить Вам, что я связалась с редактором «Литературного наследства» А. Н. Дубовиковым¹ и он в письменной форме предложил мне и Т. П. Головановой написать воспоминания о встречах с Верой Николаевной для бунинского тома, над которым работает в настоящее время редколлегия. А. Н. Дубовиков просил меня передать Вам благодарность за проявленную инициативу!

Для иллюстрации нашей статьи — воспоминаний о В. Н. Буниной — нужны, конечно, фотографии. Знаю, что они есть (с Вашими разъяснительными надписями) у Мих<аила> Павл<овича> Алексева, который обещал мне принести их.

Я всегда с большим волнением вспоминаю о том, как мы были тогда у Веры Николаевны, беседовали с Вами и с ней.

Считаю, что мы должны написать об этом и написать не так, как это сделал В. Катаев в «Траве забвения».²

Получили ли Вы материалы об И. А. Бунине (оттиск из журнала «Русская литература»), которые я Вам послала?

Крепко жму Вашу руку! Всего доброго,

Л. Назарова

¹ Дубовиков Алексей Николаевич (1905–1984) — историк русской литературы, критик, издательский работник; член редколлегии (1959–1984) «Литературного наследства».

² «Трава забвенья» — повесть В. П. Катаева, посвященная истории его отношений с И. Буниным. Впервые напечатана в журнале «Новый мир» (1967. № 3). Рассказывая о своем посещении В. Н. Буниной в конце 1950-х годов в Париже, автор описывает квартиру, быт, обстановку с отталкивающими подробностями, а Веру Николаевну видит как «нескладную, дурно одетую, глубокую старуху, опустившуюся, добрую, бессильную барыню». Л. Назарова и Л. Зуров были единодушны в отрицательном отношении к этим воспоминаниям. В письме к Н. Е. Андрееву от

12 авг. 1967 г. Л. Зуров выражал возмущение недобросовестностью и лживостью автора «Травы забвенья»: «...читал с величайшим возмущением. Врет направо и налево. Извращает действительность, подтасовывает факты, измышляет. Делает небывшее бывшим, а бывшее небывшим» («Только Вы поймете следующий текст...» Переписка Н. Е. Андреева и Л. Ф. Зурова / Сост. И. З. Белобровцева, Е. Н. Андреева // Таллин, 2013. С. 252. (Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике; Вып. XIII).

25. Л. Н. Назарова – Л. Ф. Зурову

7 июня 1968 г.

Ленинград, 7.VI.68 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Очерк о Вере Николаевне Буниной мы (я и Т. П. Голованова) написали и дней десять тому назад послали в редакцию «Литературного наследства» А. Н. Дубовикову.

В очерке мы привели отрывки (небольшие) из писем ко мне В<еры> Н<иколаевны> и Ваших, сослались на «Повесть о Вере» Б. К. Зайцева и еще на некоторые печатные источники. Но мне очень хотелось бы задать Вам несколько вопросов. Если я получу от Вас ответы на них, то смогу еще кое в чем дополнить очерк о Вере Николаевне.

1) Какие именно «любимые книги» Ивана Алексеевича лежали на той полочке, которая висела у его постели? Если можно, пожалуйста, сообщите!

2) Как называется (по-французски) кладбище, на котором похоронены И. А. и В. Н. Бунины?

3) Речь Г. Адамовича памяти Веры Николаевны была где-то напечатана (если да, то где именно) или только произнесена им (где? на кладбище?). Нам дал эту речь (или слово) в машинописи Виктор Андроникович Мануйлов, но откуда она у него — он не помнит. А мы кое-что из этой речи (весьма проникновенной) процитировали в своем очерке со ссылкой на Г. Адамовича.¹

Писали мы наш очерк о Вере Николаевне с большой любовью. О Вас тоже немножко написали. Ведь о нашей встрече в 1960 г. и я, и Тамара Павловна вспоминаем всегда очень тепло...

Не знаю, где Вы сейчас (может быть, в Шотландии), и не могу представить, когда дойдет до Вас мое письмо. Но, когда бы это ни было, очень прошу Вас ответить. Особенно важно нам знать о «любимых книгах» И. А. Бунина, которые стояли на этой полочке.

Если будете у Б. К. Зайцева, пожалуйста, передайте ему, а также Наталии Борисовне и Андрею Владимировичу мой сердечный привет. На днях буду писать Борису Константиновичу.

Крепко жму Вашу руку, желаю Вам здоровья, хорошего летнего отдыха.

Ваша Л. Назарова

Р. С. Правда ли, что вышли отдельной книгой «Грасские дневники» Г. Н. Кузнецовой?

¹ Текст очерка Т. Головановой и Л. Назаровой «В парижской квартире Буниных», отправленный в редакцию «Лит. наследства», при публикации был сильно сокращен, упоминания о Г. Адамовиче в нем нет. Полный вариант под названием «Парижские встречи с далеким и недалгим прошлым» авторы опубликовали в «Бунинском сборнике» (Орел, 1974). Именно здесь на с. 306 приводится цитата из Г. Адамовича. О ее источнике см. примеч. 1 к следующему письму.

26. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

22 июня 1968 г.

22 июня 1968 г. Париж

Дорогая Людмила Николаевна,

спасибо за письмо от 7.VI. с<его> г<ода>. А получил я его 20 июня. В мае и начале июня пришлось многое пережить.

Очень меня порадовало известие, что Вы с Тамарой Павловной написали очерк о Вере Николаевне. Спешно (т. к. через несколько дней уезжаю к океану отдохнуть) отвечаю на Ваши вопросы.

1. На полке стояли книги Толстого («Война и мир», «Анна Каренина»), Пушкина, Лермонтова и два тома рассказов Чехова.*

2. Ste Geneviève-des-Bois (S<eine> et O<ise>).

3. Беседовал по телефону с Георгием Викторовичем Адамовичем, т. к. был очень смущен Вашим вопросом. Речей о Вере Николаевне он никогда не произносил. На кладбище никто не выступал. И Г. В. Адамович мне сказал (я ему прочел выдержку из Вашего письма): «Никогда я никакой речи о Вере Николаевне не произносил. Не было никогда такого случая. В книге А. Бабореко есть цитата из моей статьи, которая была напечатана в «Новом журнале».¹ Это единственное, что я о Вере Николаевне тогда написал. Никакого вечера памяти Веры Николаевны не было».

Посылаю Вам адрес Г. В. Адамовича: Mr. G. Adamovitch, 7, rue Freder. Bastiat, Paris 8^e. France.

Извещаю Вас, что о Вере Николаевне очень сердечно и хорошо написала Зинаида Алексеевна Шаховская. Ее статья была напечатана в журнале «Возрождение».² Думаю, что Виктор Андроникович Мануйлов дал Вам эту статью. Запросите, пожалуйста, З. А. Шаховскую. Ее адрес: Zinaïda Schakovskoy, 9, rue Duvier, Paris 7^e, France.

4. В Германии вышла книга Г. Н. Кузнецовой «Грасский дневник».³ Адрес издательства: A. Neimanis, 8, München 2, Linprunstrasse 11, Germany.

От всей души желаю Вам здоровья и благополучия. Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Тамаре Павловне Головановой, Виктору Андрониковичу Мануйлову и Владимиру Ивановичу Малышеву,

привет от которого мне вчера передал о. Александр Туринцев⁴ (посетивший Пушкинский Дом).

У Соллогубов я побывал вчера. Все Вас благодарят за привет. Борис Константинович <Зайцев> получил от Вас книгу.

Ваш Л. Зуров

Р. С. Весна у нас была холодная. Все время льют дожди. Привожу в порядок комнаты, чищу, убираю, стираю. Отвечаю на письма. Вчера последний раз беседовал с С. П. Крыжицким,⁵ который прилетел ко мне 12-го июня из Америки для бесед об Иване Алексеевиче. Он бунинист. Написал большую монографию, которую должны напечатать в Европе. Связал Крыжицкого с Бабореко, книгу которого он справедливо оценил.**

Л. З.

* Зарубежн<ые> издания

** В «Новом журнале» напечатана рецензия Д^о <так в ркп.> Крыжицкого о книге А. Бабореко.⁶

¹ Речь идет об обширной цитате из Г. Адамовича об отношении И. Бунина к Вере Николаевне, в которой, в частности, утверждалось: «за ее бесконечную верность он был ей бесконечно благодарен и ценил ее свыше всякой меры». Эта цитата приведена в книге А. Бабореко «И. А. Бунин. Материалы для биографии» (1967) на с. 105 со ссылкой на источник: Русская мысль. 1961. № 1666. 8 апреля.

Учитывая, что в письме Л. Зурова приводится указание на другой источник — «Новый журнал», Л. Назарова обратилась за уточнением к самому Г. Адамовичу, который, отвечая ей в письме от 13 июля 1968 г., пояснил: «...я один только раз писал о В. Н. Буниной и выдержка из этой моей статьи приведена в книге А. Бабореко <...> В «Новом журнале» — но тоже насколько помню — я о В. Н. никогда ничего не писал» (РО ИРЛИ, ф. 851, архив Л. Н. Назаровой). Мемуары Г. Адамовича появились в «Новом журнале» позднее: *Адамович Г. Бунин: Воспоминания* // Новый журнал. 1971. № 105. С. 115—137. В них также есть строки о том, что Бунин говорил о жене «со страстной преданностью и благодарностью» (с. 128).

² *Шаховская З. А.* О Бунине // Возрождение. 1963. № 143 (ноябрь). С. 71—75.

³ В действительности книга Г. Н. Кузнецовой «Грасский дневник» вышла в Вашингтоне в издательстве «Viktor Kamkin» в 1967 г. В 1974 г. переиздана в Париже. Первое российское издание: *Кузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад.* М., 1995 (подготовлено А. К. Бабореко). В Мюнхене Г. Кузнецова жила в последние годы жизни.

⁴ *Туринцев Александр Александрович* (1896—1984) — протоиерей, поэт, литературный критик, певец, общественный деятель. С 1919 г. жил в Варшаве, с 1922 г. — в Праге, где окончил Русский юридический факультет (1925). С 1925 г. член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Публиковал стихи, литературно-критические статьи, рецензии и обзоры. В 1926 г. переехал в Париж. В 1927 г. поступил в Свято-Сергиевский богословский институт и окончил его в 1931 г. Принял священство в 1949 г. в юрисдикции Московской Патриархии. С 1954 г. — настоятель Трехсвятительского подворья в Париже.

⁵ *Крыжицкий Сергей Павлович* (1917—2002) — американец русского происхождения, профессор Йельского университета, литературовед, автор первой моногра-

фии о И. А. Бунине «Творчество И. А. Бунина», вышедшей за рубежом на английском языке: *Krzyzyski Serge. The works of Ivan Bunin. The Hague—Paris, Mouton, 1971.* Свою библиотеку и архив передал музею И. А. Бунина в Орле.

⁶ *Крыжицкий С.* [Рец. на кн.: *Бабореко А. И. А.Бунин: Материалы для биографии* (с 1870 по 1917). М., 1967] // *Новый журнал.* 1968. № 91. С. 291—294.

27. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

13 февраля 1969 г.

<Дрё > 13.II.1969.

Дорогая Людмила Николаевна!

Спасибо сердечное за поздравление. На него я не ответил, т.к. был серьезно болен. Осенью меня подкосил злокачественный грипп. Он породил жесточайший бронхит, который истощил меня, поднял давление и ослабил сердце. 27 декабря врач (кардиолог) отправил меня в госпиталь. Аритмия, общее переутомление. Лечили меня хорошо. 27-го января врачи меня отправили в *centre cardio-vasculaire de Dreux*.¹ Давление сейчас у меня нормальное, сил прибавилось, сердце значительно окрепло. 24-го февр<аля> я возвращаюсь в Париж. Привет друзьям. Вам я желаю здоровья и успешной работы.

Сердечно Ваш Л. Зуров

Открытка с видом кардиологического центра. В качестве обратного адреса Зуров использовал напечатанное на обороте открытки название изображенного на ней медицинского центра, приписав к нему цифру (28) и название города: «28. Dreux (Eure-et-Loir). N.10 007-R — Le centre Cardio-Vasculaire de Dreux».

¹ Дрё (*Dreux*) — город во французском департаменте Эр и Луар, в 70 километрах от Парижа.

28. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

27 декабря 1969 г.

27.XII. 1969. Париж

Дорогая Людмила Николаевна, сердечно поздравляю Вас с Новым годом. Желаю здоровья, счастья, успешной работы. Спасибо за память. В Париже свирепствует эпидемия гриппа. Все переболели.

Вы изучаете творчество И. А. Бунина. С нетерпением буду ожидать Ваши статьи. Тема очень интересная. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш Л. Зуров

Открытка с видом Парижа.

29. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

3 ноября 1970 г.

Ленинград, 3.XI.70 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Посылаю Вам вырезки из разных наших газет, посвященных 100-летию со дня рождения И. А. Бунина.

В Орле замечательно прошла научная конференция (бунинская).¹ Надеюсь, что программу и билет Вы получили (я Вам послала). Торжественно открыли в Орле мемориальную доску на доме, в котором жил Иван Алексеевич.

Я выступала там с сообщением «В парижской квартире Буниных» (говорила о милой Вере Николаевне, а также и о Вас).

Крепко жму Вашу руку, желаю Вам всего самого доброго.

У нас в Ленинграде купринско-бунинская конференция состоится в конце ноября — программу Вам пошлют.²

С дружеским приветом,

Л. Назарова

Р. S. Если можно, пошлите мне Ваши статьи о И. А. Бунине³ (газетные и оттиски из журналов). Буду очень-очень благодарна!

¹ См.: Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвященной столетию со дня рождения И. А. Бунина. Орел, 1974.

² См.: *Аверин Б. А.* Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения И. А. Бунина и А.И. Куприна // Русская литература. 1971. № 1. С. 226—230.

³ В 1960-х годах Л. Зуров публиковал заметки, рассказы, стихотворения из архива И. А. Бунина, преимущественно в «Новом журнале» (1961. № 66; 1962., № 69, 70; 1963. № 71, 72, 73; 1965. № 79; 1966. № 82, 84; 1967. № 85, 86, 88, 89; 1970. № 98; 1972. № 107).

30. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

14 ноября 1970 г.

Ленинград, 14.XI.70 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Надеюсь, что Вы получили газетные вырезки о юбилее И. А. Бунина, которые я давно уже Вам отправила? Сейчас посылаю программу вечера в доме-музее И. С. Никитина в г. Воронеже и отчет об орловской бунинской конференции, написанный Л. Н. Афонинным.

Буду Вам очень признательна, если Вы пришлете мне что-либо об И. А. Бунине (Ваши воспоминания, публикации и пр.)

Наша купринско-бунинская конференция состоится 18—21 ноября. Программу ее Вам послала.

Я заказала орловскому фотографу кое-какие снимки (в частности, дома, в котором жил И. А. Бунин, мемориальной доски). Когда их получу, пошлю вам непременно.

Будьте здоровы и благополучны! Крепко жму Вашу руку.
С дружеским приветом,
Л. Назарова

31. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

15 декабря 1970 г.

15 декабря 1970 г.

Дорогая Людмила Николаевна!

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом. От всей души желаю Вам встретить Новый год в радости и добром здоровье. Сердечное спасибо за письма, программы, вырезки из газет. Я все получил. Мысленно Вас благодарил. Вспоминал Ваше посещение, Ваши беседы с Верой Николаевной. Простите, что долго не отвечал на Ваши добрые и интересные письма. Но мое здоровье сильно за этот год сдало. Недавно я был 2 недели болен, а болезнь перенес на ногах. Сердце это утомило. Принимаю много лекарств, но питаюсь плоховато, т. к. соль запрещена (и молоко, творог, морская рыба, сыры и т. д.). Очень для моих дыхательных органов вредна атомная <так!> весна, которая до сих пор царит у нас. Выросла молодая трава, зацвела японская вишня, а в саду у Соллогубов вышли из земли побеги тюльпанов. Знаю от Наталии Борисовны Соллогуб, что Вам Борис Константинович <Зайцев> уже послал газету (со статьями об Иване Алексеевиче).¹ Я дал в газету фотографии из архива, но статей не печатал. Бунинский вечер, по словам Бориса Константиновича, прошел слабовато.² Но я это предсказывал.

Где будет напечатан Ваш доклад? В «Литературном наследстве»?

Простите за усталое и краткое письмо. Сейчас вечер, лоб у меня мокрый от слабости. Иду за покупками. А хожу с трудом. Бронхо-эмфизема, как говорят врачи. Ведь весной я побывал в госпитале. 2 ночи провел с кислородом (это случилось после гриппа. Он утомил сердце).

Еще раз спасибо за милые письма, интересные статьи.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш Л. Зуров

¹ В номере газеты «Русская мысль» от 22 окт. 1970 г. были опубликованы материалы, посвященные 100-летию Бунина: *Зайцев Б.* Бунин (впоследствии републикован Л. Н. Назаровой: *Русская литература.* 1989. № 1. С. 201–203); *Одоевцева И.* Встречи с Буниным; *Шаховская З.* О Бунине; *Адамович Г.* Бунин-обличитель; *Аминадо Д.* Поезд на третьем пути.

² Вечер, посвященный 100-летию со дня рождения И. А. Бунина, был проведен Союзом русских писателей и журналистов в Париже 28 нояб. 1970 г. под председательством Б. К. Зайцева. С речами выступили Г. В. Адамович, С. Ю. Прегель, проф. М. Окутюрье. А. В. Эртель прочел несколько стихотворений Бунина.

32. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

4 февраля 1971 г.

Ленинград, 4.II.71 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо большое Вам за письмо и за память. Очень огорчительно только то, что Вы болеете... У меня здоровье тоже пошатнулось: постоянные приступы стенокардии. Приходится часто сидеть (вернее, лежать) дома. Тем не менее недавно послала свою небольшую статью «Бунин и Тургенев» в орловский сборник, посвященный Ивану Алексеевичу.¹ В печати находятся еще две моих статьи, в которых говорится о Бунине и Тургеневе.² Когда они выйдут в свет, я обязательно пошлю их Вам.

Что же касается очерка «В парижской квартире Буниных», написанного мною и Т. П. Головановой по нашим личным воспоминаниям, то он будет напечатан в бунинском томе «Литературного наследства».

У меня есть для Вас две фотографии, связанные с празднованием 100-летия со дня рождения И. А. Бунина в Орле. Постараюсь поскорее их Вам выслать.

В. А. Мануйлов просит передать Вам сердечный привет и лучшие пожелания на 1971 г. Он (Викт<ор> Андр<оникович>) работает сейчас на 1/2 ставке и у нас в Пушкинском Доме. Редактирует том «Лермонтовской энциклопедии».

Бунинский N газеты я действительно получила от Бориса Константиновича. С интересом прочитала его. Очень хороши фотографии, особенно та, на которой в профиль — Иван Алексеевич и Вера Николаевна (молодые).

От души желаю Вам здоровья, дорогой Леонид Федорович, — это главное!

Очень, очень часто вспоминаю нашу встречу с Верой Николаевной и с Вами — она для меня незабвенна...

С лучшими чувствами,

Л. Назарова

¹ Назарова Л. Н. Бунин и Тургенев // Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения И. А. Бунина. Орел, 1974. С. 209—223.

² Назарова Л. Н. О пейзаже в «Записках охотника» И. С. Тургенева и в крестьянских рассказах И. А. Бунина конца 1890-х — начала 1910-х годов // Поэтика и стилистика русской литературы: Сб. памяти В. В. Виноградова. Л., 1971. С. 253—262; Назарова Л. Н. «Записки охотника» И. С. Тургенева и крестьянские рассказы И. А. Бунина 1890-х — начала 1910-х годов // Третий межвузовский тургеневский сборник. Орел, 1971. С. 176—194.

33. Л. Ф. Зуров — Л. Н. Назаровой

17 июня 1971 г.

17-го июня 1971 г.

Дорогая Людмила Николаевна!

Долго молчал. Простите великодушно. Зима была трудная. Мучил острый бронхит (а у меня бронхиальная астма. Трудно было дышать и ходить). Сердце уставало, но в госпиталь, слава Богу, я не попал. С трудом, но справился с делами и хозяйством. В феврале пришлось принимать антибиотики, а в апреле доктор приказал глотать более сильные. Слабость это лекарство порождает невероятную.

Спасибо сердечное за письмо и 2 больших фотографии. Увидел на снимке Вас и Веру Владимировну. Очень был обрадован. Мы с Вами, дорогая Людмила Николаевна, беседовали давным-давно (как годы-то летят!), а с Верой Владимировной Шмидт¹ (Верочкой Шмидт) я познакомился в Юрьеве во времена легендарные. Она мало изменилась. Очень хорошо. Передайте ей мой сердечный привет.

Вышла моя «Отчина» (Второе издание. Отпечатано фотографическим способом. Первое издание разошлось в середине 30-х годов.² С тех пор книжка стала библиографической редкостью. Иллюстрировал ее автор. Об «Отчине» напечатал отзыв И. А. Бунин³).

Хочу «Отчину» (кое-что я в тексте почистил) послать Вам, Владимиру Ивановичу Малышеву и библиотекарю Пушкинского Дома. Дойдут ли книги? Узнайте, пожалуйста. У нас ходят слухи, что в Россию книги посылать нельзя, пропадают в цензуре. Но «Отчина» это повесть о древнем Пскове. А. К. Бабореко просил «Отчину» прислать.

От всей души желаю Вам здоровья, благополучия, плодотворной работы. Спасибо за милое отношение.

Ваш Л. Зуров

¹ Шмидт Вера Владимировна (1915–2000) — поэтесса, мемуаристка, педагог. В 1930-х гг. училась в Тартуском университете, окончила философский и историко-филологический факультеты. Вероятно, в это время состоялось ее знакомство в Тарту (Юрьеве) с Л. Зуровым, который в 1930-е гг. совершил несколько экспедиций в Эстонию. С 1937 по 1944 г. переписывалась с И. А. Буниным. Преподавала в Тартуском университете (1945–1949), работала учителем в школе (1949–1970). В 1980-е гг. руководила русской секцией Тартуского отделения Союза писателей Эстонии. Автор книги стихов «В пути» (Таллин, 1991). См.: Шмидт В. В. Встречи в Тарту. Приложение: Письма Бунина к В. В. Шмидт // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 331–340.

² Зуров Л. Ф. Отчина. Рига: Саламандра, 1928; Зуров Л. Ф. Отчина. Повесть о древнем Пскове. 2-е изд. Париж: YMCA-press, 1970.

³ Имеется в виду заметка И. Бунина «Леонид Зуров», в которой он, в частности, писал: «На днях я с еще большей радостью прочел его новую книжку “Отчина”. Он мне пишет (в ответ на мое письмо о первой его книжке), что “Отчину” он писал “по обещанию”. И в предисловии к ней говорит: “Это результат моей работы в Пскове-»

Печерском монастыре, в его рукописной библиотеке, весной 1928 года...” Уже одно это прекрасно. Но прекрасна и сама книжка, — на нее надо обратить особенное внимание. Дай Бог всяческого благополучия молодому дарованию» (*Бунин И. Леонид Зуров // Россия и славянство. 1929. 12 янв. № 7. С. 3*).

34. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

4 июля 1971 г.

Ленинград, 4.VII.71 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Очень рада была узнать, что Вы получили мое письмо и фотографии. Вера Владимировна живет в г. Тарту (быв. Юрьев, он же Дерпт), но я узнаю ее адрес и обязательно напишу ей — передам привет от Вас. Вера Влад<имировна> очень интересно рассказывала тогда в Орле (на бунинской конференции) о своих встречах с И. А. Буниным в годы, когда она была совсем юной студенткой.

Очень сожалею, что Вы много и часто болеете и от души желаю Вам здоровья.

У меня с ним тоже неважно: стенокардия и начало диабета. Боюсь, что скоро придется выходить на пенсию. Но, конечно, связей с Пушкинским Домом постараюсь не терять и буду по мере сил продолжать заниматься историей русской литературы. Мои статьи о Тургеневе и Бунине еще не вышли в свет, но уже печатаются. Очевидно, в конце года я смогу послать их Вам.

Вашу книгу я безусловно очень хочу иметь (я люблю Псков и неоднократно там бывала). Пожалуйста, вышлите мне ее, если можно, по моему домашнему адресу: 194017, Ленинград, К-17, пр. Тореза, 102, корп. 5, кв. 287.

Буду Вам очень, очень признательна! Вам, вероятно, известно, что бунинский том «Литературного наследства» уже печатается (в нем, между прочим, печатаются — в сокращении — воспоминания мои и Т. П. Головановой о В. Н. Буниной). Прошу Вас передать мой сердечный привет Б. К. Зайцеву и Соллогубам.

Всего Вам самого доброго!

Л. Назарова

35. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

20 августа 1971 г.

Ленинград, 20.VIII.71 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Возвратившись из тургеневско-бунинских мест (Спасское-Лутовиново, Орел) я нашла у себя на письменном столе подарок от Вас — Вашу книгу о древнем Пскове. Большое спасибо Вам за нее! С интересом

прочитала. Очень хороши заставки и вообще замечательно получается, когда автор может сам иллюстрировать свои труды!!!¹

От всей души желаю Вам здоровья и вообще всего самого доброго.

Если будете у Н. Б. и А. В. Соллогубов, передайте им, пожалуйста, мой сердечный привет (а также, конечно, Борису Константиновичу — я ему писала из Спасского-Лутовинова).

С искренним приветом,

Л. Назарова

P. S. Я в Пскове бывала не раз и люблю этот город.

¹ Книга Л. Зурова «Отчина» издана в авторском оформлении: рисунки, заставки, концовки выполнены Л. Зуровым, образцами послужили изображения на древнерусских книгах и иконах.

36. Л. Н. Назарова — Л. Ф. Зурову

4 сентября 1971 г.

Ленинград, 4.IX 71 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Спасибо за теплые дружеские строки и за прелестную открытку из Бретани. Конечно, я хорошо представляю себе, как приятно ходить босиком по песку, да еще на морском берегу...

Я уже писала Вам о том, что Вашу книжку «Отчина» я получила и с удовольствием прочитала, так как прекрасно написано и иллюстрации Ваши очень хороши. Сколько, однако, тяжелых событий пережила в древности псковская земля!

Видела вчера в Институте Владимира Ивановича <Малышева>. К сожалению, он пока Вашу книжку еще не получил. В библиотеку она также не успела прийти.¹

От всей души желаю Вам здоровья, благополучия и... новых книг!

С дружеским приветом

Л. Назарова

РАЛ MS. 1068 /3670.

Неизвестно, успел ли Л. Зуров получить это письмо: он скончался 10 сентября 1971 г.

¹ Первое издание «Отчины» В. И. Малышев получил от Зурова в 1957 г. Экземпляры второго издания также дошли до адресатов. В библиотеке ИРЛИ имеется экземпляр с надписью «В библиотеку Института русской литературы. Л. Зуров».

Библиографический список

1. *Бабореко А. К.* Бунин. Жизнеописание. М., 2009.
2. *Бабореко А. К.* Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М., 1993.

3. *Бабореко А. К.* И. А. Бунин. Материалы для биографии. М., 1983.
4. *Белобровцева И. З.* «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // *Зуров Л.* Иван-да-Марья. СПб., 2015.
5. *Белобровцева И. З.* «К проблеме работы с недостоверными источниками» // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 77–89.
6. *Бунин И. А.* Собрание сочинений: в 9 т. М., 1965–1967.
7. *Голованова Т. П., Назарова Л. Н.* В парижской квартире Буниных // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 440–444.
8. «Знаю, что вы любите древний Псков»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Мальшева (1957–1971) / Предисловие, подготовка текста и комментарии А. М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М., 2016.
9. Литературное наследство. Том 84: Иван Бунин. Кн. 1 и 2 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1973.
10. *Любомудров А. М.* «Всё простое и ясное было кем-то превращено в неизмеримо сложное»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. А. Мануйлова (1961–1967) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 119–181. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-119-181.
11. *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина, 1870–1906. Париж, 1958.
12. *Назарова Л. Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004.

III. ТЕКСТОЛОГИЯ

Г. К. Ольхина, А. А. Кручинина

ЧЕРНОВАЯ ТЕТРАДЬ Н. В. НЕДОБРОВО (1917 ГОД): ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Аннотация: Статья посвящена обоснованию атрибуционной гипотезы в пользу признания за князем В. П. Палеем авторства черновой тетради, хранящейся в РО ИРЛИ, в фонде Н. В. Недоброво. В статье впервые приводятся 33 стихотворения с вариантами авторской правки из черновой тетради, принадлежащие В. П. Палею, 26 из которых ранее не публиковались. Изменение атрибуции данной черновой тетради из фонда 201 РО ИРЛИ позволяет ввести в научный оборот некоторые тексты В. П. Палея, предназначавшиеся им к публикации в третьем поэтическом сборнике, не вышедшем в связи со ссылкой и гибелью автора в 1918 году.

Ключевые слова: Н. В. Недоброво, В. П. Палей, РО ИРЛИ РАН, черновая тетрадь, атрибуционная гипотеза, атрибуция, почерковедческий анализ, публикация стихотворений, варианты авторской правки.

Abstract: The article is devoted to substantiating the author's attribution hypothesis in favor of recognition of the prince V. P. Paley's authorship of roughing notebook stored in the Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), in N. V. Nedobrovo's Foundation. 33 poems from the roughing notebook belonging to V. P. Paley, 26 of which have never been published, are presented with variants of the author's editing, for the first time. Changing the attribution of this roughing notebook from Fund 201 in the Manuscript Division allows us to enter into the scientific circulation some texts of V. P. Paley intended for publication in the third poetic compilation, not released in connection with the deportation and the death of the author in 1918.

Keywords: N. V. Nedobrovo, V. P. Paley, the Manuscript Division of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, roughing notebook, attribution hypothesis, attribution, handwriting analysis, publication of poems, versions of the author's edits.

В РО ИРЛИ хранится тетрадь 1917 г., архивированная под названием: «Недоброво Николай Владимирович. Тетрадь произведений. Стихи и проза. Черновые автографы» (фонд 201, архив Н. В. Недоброво). Она содержит тексты поэтических и драматических произведений на русском и французском языках, а также заметки и рисунки, относящиеся к этому времени.¹

¹ Тетрадь произведений. Стихи и проза. Черновые автографы. 1917 г. (РО ИРЛИ, ф. 201, № 32). Далее в тексте — черновая тетрадь.

Несмотря на то, что данная тетрадь в разное время была многократно востребована, с ней познакомились, в частности, Г. Г. Суперфин, Р. Д. Тименчик, М. М. Кралин, М. В. Толмачев и др., она все же не может считаться до конца изученной. За время исследований (1968—1991 гг.) из этой тетради было опубликовано только одно стихотворение с комментариями.² Возможно, это объясняется неразборчивым почерком, создававшим проблемы при прочтении текста источника.

Ознакомление с материалами данной черновой тетради подчас ставило вопросы, однозначные ответы на которые трудно, а иногда и невозможно дать, принимая во внимание специфику исторического контекста и обстоятельства личной жизни Н. В. Недоброво. Например, в связи с датировкой тетради 1917 г. особую остроту приобретает вопрос, поставленный М. В. Толмачевым,³ был ли Недоброво, находившийся в то время в Крыму на излечении от тяжелой формы туберкулеза и умерший 2 декабря 1919 г. в Ялте, в Петербурге в январе-феврале 1917 г.

Несмотря на то, что на титульном листе черновой тетради имеется надпись, сделанная рукою автора: «Начата в январе. Царское Село. 1917. Черновики»,⁴ в сохранившейся переписке и, в частности, в письме Н. В. Недоброво В. А. Знаменской от 24 янв. 1917 г. из Сочи ничего не говорится о его возможной поездке в Петербург в январе 1917 г.⁵

Мнения исследователей относительно пребывания Н. В. Недоброво в январе-феврале 1917 г. в Царском Селе расходятся. Г. П. Струве⁶ и Е. И. Орлова⁷ считают, что после 1916 г. попасть в Петербург ему было уже не суждено. Допуская возможность приезда Недоброво в столицу, М. В. Толмачев отмечает, что это не вяжется с перепиской.⁸

Кроме того, при изучении черновой тетради авторами данной публикации были выявлены четыре стихотворения с авторской правкой, изданные в разные годы под именем поэта князя Владимира Павловича Палея, в связи с чем возникла необходимость в их атрибуции.⁹

² Толмачев М. В. У забытой могилы в Сан-Ремо. Памяти Любови Александровны Недоброво // Бутылка в море. М., 2002. С. 75, 76. Далее — Толмачев М. В.

³ Толмачев М. В. С. 75.

⁴ Тетрадь произведений. Стихи и проза. Черновые автографы. 1917 г. (РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 1).

⁵ Письмо В. А. Знаменской к Н. В. Недоброво от 24 янв. 1917 г. (РНБ, ф. 1088, оп. 1, № 139, л. 33—34).

⁶ Струве Г. П. Ахматова и Н. В. Недоброво // Анна Ахматова: Pro et contra. СПб., 2001. С. 539—586.

⁷ Орлова Е. И. Литературная судьба Н. В. Недоброво. Томск, 2004. С. 219—220.

⁸ Толмачев М. В. С. 75.

⁹ Сын великого князя Павла Александровича (1897—1918), погиб в возрасте 21 года в шахте под Алапаевском вместе с другими представителями династии Романовых.

Из этих стихотворений три опубликованы во втором сборнике В. П. Палея в 1918 г. в Петрограде в том же порядке, что и в черновике, и датированы февралем 1917 г.: «Огоньки», «Ты к тихому дому поэта», «Мне снился чудный сад за золотой оградой».¹⁰ Четвертое стихотворение из данной тетради «Господь во всем, Господь везде...» было издано в 1996 году в Москве в сборнике В. П. Палея, составленном Т. Александровой и Л. Тютюнник, в разделе «Из неопубликованного»¹¹ и может быть датировано по черновой тетради сентябрем 1917 г.¹²

Стихотворения «Огоньки» и «Господь во всем, Господь везде...» приводятся также в подборке произведений В. П. Палея, помещенных Д. Серебряным на портале Стихи.ру¹³ и в публикации А. Чадаевой, содержащей, помимо вышеупомянутых, стихотворение «Ты к тихому дому поэта».¹⁴

Следует отметить, что стихотворение «Господь во всем, Господь везде...» в работах, посвященных анализу творчества В. П. Палея, цитируется как одно из основополагающих произведений его религиозно-философской лирики¹⁵ и даже квалифицируется как «хрестоматийное», «которое нужно было бы включить во все поэтические антологии».¹⁶ Практически ни одна публикация стихотворений В. П. Палея не обходится и без стихотворения «Огоньки», датированного февралем 1917 года и написанного под впечатлением наблюдения, сделанного автором во время его пребывания на фронте. А. Чадаева рассматривает его как одно из лучших стихотворений В. П. Палея.¹⁷ Как известно, Н. В. Недоброво на войне никогда не был, и подобное наблюдение с его стороны в одном отдельно взятом стихотворении выпадало бы из образной структуры его творчества.

Наличие данных стихотворений с авторской правкой в черновой тетради из фонда Н. В. Недоброво определило дальнейшее направление исследования. В качестве первого шага на пути решения вопроса

¹⁰ Кн. Владимир Палей. Стихотворения. Сборник второй. Пг., 1918. С. 66, 68, 69. Далее — Кн. Владимир Палей. Стихотворения.

¹¹ Князь Владимир Палей. Поэзия. Проза. Дневники. М.: Альма Матер, 1996. С. 188. Далее — Князь Владимир Палей. Поэзия. Проза. Дневники.

¹² Тетрадь произведений. Стихи и проза. Черновые автографы. 1917 г. (РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 70).

¹³ Князь Владимир Палей. Сборник стихотворений // Стихи.ру. URL: <https://www.stihi.ru/2004/04/18-1438> (дата обращения: 14.04.2019).

¹⁴ Чадаева А. Князь Владимир Палей из дома Романовых. Поэт. Мученик. Святой. Жизнь и житие // Чадаева А. Августейший поэт. Великий князь Константин Константинович. М.: Вече, 2013. С. 457, 458, 479. Далее — Чадаева А.

¹⁵ Александрова Т. А. Честь дороже, чем жизнь // Князь Владимир Палей. Поэзия. Проза. Дневники. С. 10.

¹⁶ Чадаева А. С. 433.

¹⁷ Чадаева А. С. 385.

об атрибуции данных стихотворений нами был проведен поиск в личном архиве князя В. П. Палея, хранящемся в ГА РФ¹⁸ и содержащем значительное число стихотворных текстов как в рукописном виде, так и в машинописи (на отдельных листах).

В ходе поисков были обнаружены 6 машинописных копий стихотворений из рассматриваемой черновой тетради. Таким образом, к уже известным нам четырем стихотворениям, напечатанным под именем В. П. Палея: «Огоньки», «Мне снился чудный сад», «Ты к тихому дому поэта...», «Господь во всем...»,¹⁹ прибавились еще два новых: «Твоим присутствием незримым...» и «Когда смолкает шум дневных волнений...». В варианте, находящемся в ГА РФ, к последнему стихотворению добавлено посвящение: «моему Отцу».²⁰

Наличие машинописных копий ряда стихотворений может свидетельствовать о том, что они предназначались В. П. Палеем для публикации. О готовящемся третьем сборнике стихов сына упоминает княгиня О. В. Палей в своих воспоминаниях.²¹

Еще одно, седьмое, стихотворение из черновой тетради «Тише, тише, друг счастливый...» было издано М. В. Толмачевым с его комментариями как принадлежащее Н. В. Недоброво и обращенное к его жене, Л. А. Недоброво (Ольхиной).²²

На этом основании нами была выдвинута гипотеза о том, что хранящаяся в фондах РО ИРЛИ тетрадь из архива Н. В. Недоброво на самом деле принадлежит князю В. П. Палею и является его черновой тетрадью.

Наиболее достоверным объяснением того, как тетрадь из царско-сельского великокняжеского дворца оказалась среди рукописей Н. В. Недоброво, также жившего в Царском Селе, является то, что это могло произойти случайным образом при распределении по архивам документов, изъятых из дворцов и частных собраний Царского Села после революции.²³ Узнать, каким образом в то время содержались и распределялись для дальнейшего хранения отобранные материалы,

¹⁸ Личный фонд кн. В. П. Палея (ГА РФ, ф. 614).

¹⁹ Стихи князя Палея В. П., 1914, б/д (ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 25, л. 79, 81, 82, 131).

²⁰ Там же, л. 78, 130.

²¹ Княгиня О. В. Палей. Воспоминания. М., 2017. С. 92.

²² М. В. Толмачев. С. 75, 76. Недоброво (Ольхина) Любовь Александровна – дочь поэта А. А. Ольхина, общественная деятельница (1875–1924). См.: Ольхина Г. К. Ольхины // Краско А. В., Ольхина Г. К. Санкт-петербургское купечество. Роды, возведенные в потомственное дворянское достоинство: Родословные росписи. СПб., 2016. Вып. 1. С. 57, 58. Далее – Ольхина Г. К.

²³ Документы личного архива Н. В. Недоброво были переданы в ИРЛИ из Государственного книжного фонда одним поступлением: пост. 1928 г., № 736, кроме № 33, пост. 1977 г., № 50.

сейчас вряд ли представляется возможным и, следовательно, точно установить обстоятельства, приведшие к подобной ошибке.

Можно также предположить, что данная черновая тетрадь могла попасть в фонд Н. В. Недоброво через адвоката А. Ф. Кони и Е. В. Пономареву,²⁴ которые имели давние дружеские связи с семейным окружением Ольхиных, были в близких отношениях с О. В. Палей и опекали Владимира до конца его жизни. В РО ИРЛИ, в архиве А. Ф. Кони, хранятся письма к нему представителей семьи Л. А. Недоброво: двоюродной сестры Л. А. Ольхиной, графини М. С. Ростовцевой (Ольхиной), в которых она благодарит А. Ф. Кони за присланный «любопытный семейный документ»,²⁵ и за слова утешения по смерти отца.²⁶ Написание фамилии *Ростовцов* претерпело эволюцию в соответствии с правилами современной орфографии. Муж последней, граф Я. Н. Ростовцев,²⁷ был заведующим Канцелярией императрицы Александры Федоровны и состоял в переписке с О. В. Палей,²⁸ и они также жили в Царском Селе. Его дед, адъютант императора Николая I, генерал Я. И. Ростовцев, был знаком еще с отцом А. Ф. Кони, Федором Алексеевичем.²⁹

Кроме того, светские и общественные связи жены Н. В. Недоброво были чрезвычайно широки. Познакомившись с Любовью Александровной Ольхиной в 1904 г., Н. В. Недоброво был сразу вовлечен ею в жизнь, полную светских развлечений, благотворительных базаров и художественных салонов. В круг ее общения входили и А. Ф. Кони с Е. В. Пономаревой,³⁰ и О. В. Палей.

Последние стихи черновой тетради могут быть датированы сентябрем-октябрем 1917 г. Хотя эта датировка и согласуется с письмом Недоброво к В. М. Жирмунскому, в котором он писал о возможной поездке в Петербург осенью 1917 г.,³¹ свидетельств пребывания Н. В. Недоброво в Петербурге в указанное время не обнаружено. Косвенным подтверждением этому является переписка супругов Недоброво

²⁴ Кони Анатолий Федорович (1844–1927) — юрист, литератор, Пономарева Елена Васильевна (1868–1929) — меценат, педагог, подруга О. В. Палей.

²⁵ Письмо М. Ольхиной к А. Ф. Кони, без даты (РО ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 1223).

²⁶ Письмо гр. М. Ростовцевой к А. Ф. Кони от 21 сент. 1916 г. (Там же, № 1464); *Ольхина Г. К. С.* 60–62.

²⁷ *Ольхина Г. К. С.* 61, 62.

²⁸ Письма заведующего канцелярией императрицы Александры Федоровны — графа Ростовцева к О. В. Палей. 1915 г. (ГА РФ, ф. 613, оп.1, № 455); *Ольхина Г. К. С.* 60–62.

²⁹ Письмо Я. И. Ростовцова к Ф. А. Кони 10 янв. 1840 г. (РО ИРЛИ, ф. 134, оп. 5, № 93).

³⁰ Недоброво Н. В. 6-ая тетрадь произведений. 1906 г. (РО ИРЛИ, ф. 201, № 30, л. 75).

³¹ Письмо Н. В. Недоброво к В. М. Жирмунскому от 6 июля 1917 г. (РО ИРЛИ, ф. 201, № 33, л. 1 об.).

с В. А. Знаменской, хранящаяся в РНБ, из которой следует, что они покинули Петербург в середине ноября 1916 г. и до 1919 г. оба, постоянно болея, находились в Крыму и на Кавказе.³²

В соответствии с вышеизложенным, встал вопрос о необходимости проведения сравнительного анализа почерка изученных документов из РО ИРЛИ и ГА РФ. Предварительный визуальный анализ почерка основывается на сопоставлении имеющихся образцов рукописей с точки зрения особенностей письменно-двигательного навыка по базовым и комплексным признакам, которые оцениваются опосредованно.³³

К сожалению, из найденных в ГА РФ машинописных копий стихотворений анализу почерка может быть подвергнута только дата, написанная пером, стоящая под стихотворением «Твоим присутствием незримым...». Поэтому для проведения предварительного сравнительного анализа почерка из собрания ГА РФ были взяты другие произведения В. П. Палея, близкие по времени написания к 1917 г.

Сравним образцы почерка стихотворений из черновой тетради РО ИРЛИ «Твоим присутствием незримым»³⁴ и «Тише, тише, друг счастливый»³⁵ с образцами из ГА РФ на материале двух стихотворений, переписанных автором набело: «Нам хорошо вдвоем...»³⁶ и «Мы докатились до предела...»,³⁷ а также двух черновых отрывков с правками: «Мой бедный друг! В твоей тиши холодной...»³⁸ и «На даче в Павловске...».³⁹

В первую очередь, мы можем оценить такой комплексный признак почерка, как его разборчивость, по первому впечатлению, интуитивно, просто взглянув на текст, рассматривая его составляющие. Видно, что стихотворения, переписанные набело, написаны твердым, аккуратным почерком, текст более разборчив и однороден.

Черновые записи сделаны свободным почерком, которым обычно пишут автоматически, не задумываясь, в личных записях, не предназначенных для посторонних. Бросается в глаза общая неразборчивость и неоднородность почерка, его меняющийся наклон, несвязность, непостоянные размер, ширина и форма букв, неровная линия левого поля, расширяющаяся к концу листа. Почерк плохо читаем, оставляет впечатление путанности.

³² Письма Л. А. Недоброво к В. А. Знаменской, 1913–1917 гг. (РНБ, ф. 1088, оп. 1, № 138, л. 7–12); Письма Н. В. Недоброво к В. А. Знаменской, 1913–1918 гг. (Там же, № 139, л. 33–46 об.).

³³ Чернов Ю. Г. Психологический анализ почерка. М., 2011.

³⁴ Недоброво Н. В. Тетрадь произведений. Стихи и проза. Черновые автографы. 1917 г. (РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 2, 3).

³⁵ Там же, л. 69 об.

³⁶ Стихи князя Палея В. П. (ГА РФ, ф. 614, оп.1, № 26, л. 3).

³⁷ Там же, л. 110.

³⁸ Там же, л. 119.

³⁹ Рукописи сочинений кн. Палея В. П. (ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 29, л. 45).

x x y

маме, маме! Дурна раскислена!
 раскислена мамини:
 мамини раскислена мамини
 мамини раскислена мамини...

Троекратное слово мамини раскислена
 мамини раскислена мамини
 мамини раскислена мамини
 мамини раскислена мамини...

Мамини... Сказанное слово раскислена?
 мамини раскислена мамини
 мамини раскислена мамини
 мамини раскислена мамини...

Сказанное слово раскислена
 мамини раскислена мамини
 (про мамини!)

Ил. 1. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 69 об.

мамини раскислена мамини раскислена мамини
 мамини раскислена мамини раскислена мамини
 мамини раскислена мамини раскислена мамини
 мамини раскислена мамини раскислена мамини
 мамини раскислена мамини раскислена мамини
 мамини раскислена мамини раскислена мамини

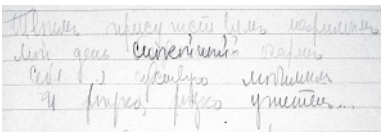
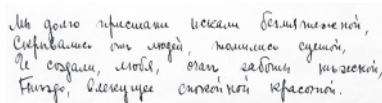
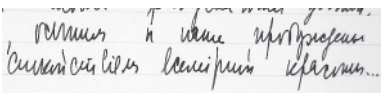
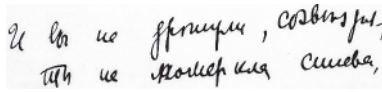
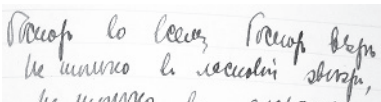
Ил. 2. Образец почерка ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 26, л. 119

Все эти признаки характерны для рассматриваемых образцов — черновой тетради РО ИРЛИ и произведений из ГА РФ, при этом сама манера письма, формы букв, вид текста имеют сопоставимый характер (ил. 1 и 2).

Рассмотрим подробнее примеры сравнения написания слов и букв из отобранных для анализа рукописей (табл. 1).

Таблица 1

**Образцы написания совпадающих элементов текста
из черновой тетради РО ИРЛИ и документов
из фонда В. П. Палея в ГА РФ**

РО ИРЛИ	ГА РФ
<p>1. Ил. 3. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 2.</p> 	<p>4. Ил. 6. Образец почерка ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 26, л. 3.</p>
<p>2. Ил. 4. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 63.</p> 	<p>5. Ил. 7. Образец почерка ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 26, л. 110.</p>
<p>3. Ил. 5. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 70.</p> 	

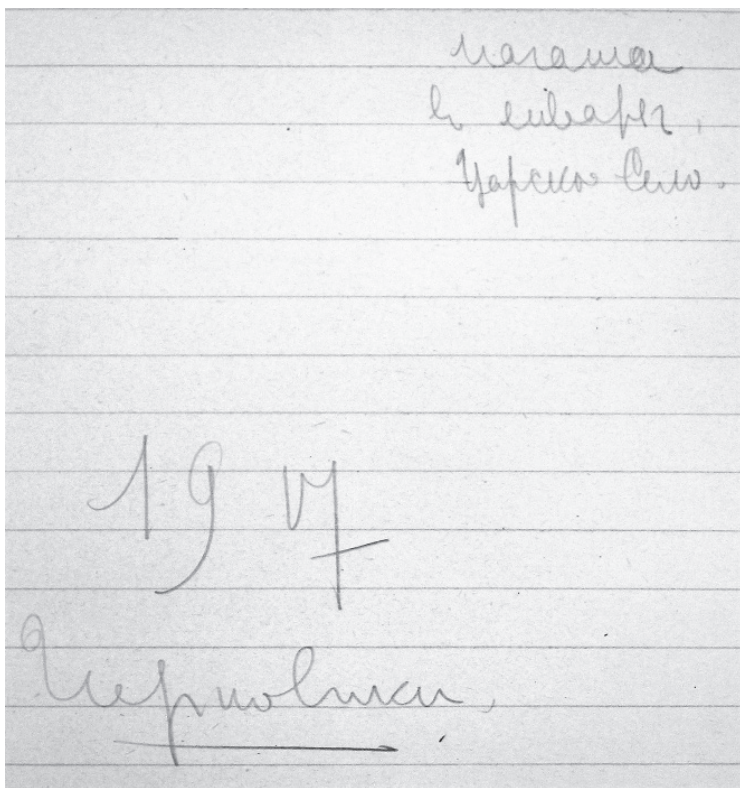
В публикуемых нами стихотворениях черновой тетради достаточно часто встречаются слово «спокойный» и его производные в различных сочетаниях: «день спокойный» (ил. 3), «спокойствием всемирной красоты» (ил. 4), «спокойный Вифлеем»,⁴⁰ «легко и спокойно».⁴¹

Словосочетание «спокойной красотой» имеется и в стихотворении из собрания ГА РФ (ил. 6). Видно, что это стихотворение переписано набело, поэтому почерк выглядит более уверенным и четким, меньше разрывов, буквы, линия письма и поля более ровные, но, тем не менее, левое поле имеет вогнутую форму и скошено влево.

При этом совпадении обнаруживается и в характере написания текста: рука движется «и»-подобно, снизу вверх и слева направо. Во всех

⁴⁰ Недоброво Н. В. Тетрадь произведений. Стихи и проза. Черновые автографы. 1917 г. (РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 60 об.).

⁴¹ Там же, л. 68 об.

Ил. 8. Титульный лист черновой тетради РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 1

случаях в написании слова «спокойный» линия письма прерывается только после шестой буквы «й».

В слове «красота» просматривается явное сходство в характере ведения линий между образцами из ГА РФ и из РО ИРЛИ (ил. 4). В беловом варианте разница только в ширине петель букв «к» и «р». Характерной особенностью написания строчной буквы «р» в обоих источниках является то, что ее верхняя петля заходит в верхнюю зону.

Слово «звезда» имеет сходство в написании в обоих источниках: характерно и начертание букв «з», «в», «д», «ѣ» (ил. 3, 7). Заглавные буквы «Г», «И», «В» (ил. 3, 4, 6)⁴² имеют одинаковую форму написания. Похожее написание имеет и слово «любовь»: соединения букв, верхняя дуга буквы «б», угловатая форма буквы «л» (ил. 3, 6).

На титульном листе черновой тетради справа вверху находится надпись: «Начата в январе / Царское Село 1917 / Черновики» (ил. 8).

⁴² Например: Там же, л. 4; Стихи князя Палея В. П. (ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 26, л. 110 и № 29, л. 45).

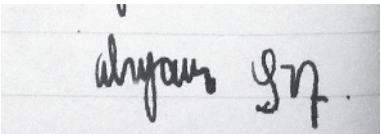
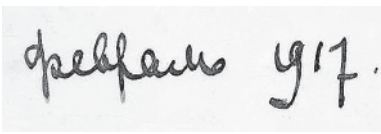
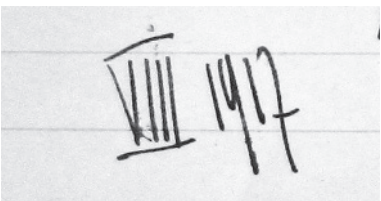
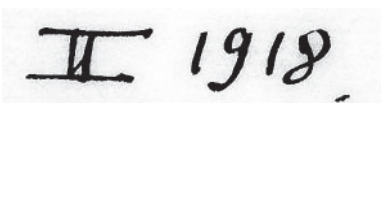
Приведенный выше образец отличается следующими особенностями начертания цифр: цифра «1» имеет размер строчных букв (средняя зона), а цифры «9» и «7», хотя по верхней границе и находятся с ними на одном уровне, вдвое превышают их по размеру. При этом они смещены вниз так, что нижняя зона цифр достигает линии нижней строки (бумага линованная). Такое написание чисел при датировке стихотворений характерно для всей тетради.

В некоторых случаях цифры «1» и «9» сливаются, образуя соединение, напоминающее заглавную букву «У» (например, ил. 1, 9, 15).

Такое же соединение цифр мы находим в датах под машинописным текстом стихотворения В. П. Палея «Твоим присутствием незримым...» (ил. 10, см. табл. 2) и рукописным «Нам хорошо вдвоем...»⁴³ из ГА РФ.

Таблица 2

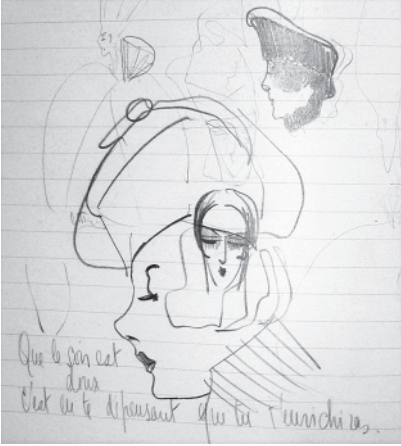

**Образцы написания дат из черновой тетради РО ИРЛИ
и документов фонда В. П. Палея из ГА РФ**

РО ИРЛИ	ГА РФ
<p>1. Ил. 9. Образец написания даты. РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 60 об.</p> 	<p>1. Ил. 10. Образец написания даты. ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 25, л. 78</p>
<p>2. Ил. 11. Образец написания даты. РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 62 об.</p> 	<p>2. Ил. 12. Образец написания даты. ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 25, л. 169.</p>

Очень важным фактором, указывающим на общую принадлежность рассматриваемых источников одному лицу, является обнаружение идентичных рисунков в рукописях (табл. 3).

⁴³ Стихи кн. Палея В. П. (ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 26, л. 3).

**Образцы рисунков из черновой тетради РО ИРЛИ
и документов из фонда В. П. Палея в ГА РФ**

РО ИРЛИ	ГА РФ
<p>Ил. 13. Рисунки из РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 81 об.</p> 	<p>Ил. 14. Рисунки из ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 29, л. 45</p>

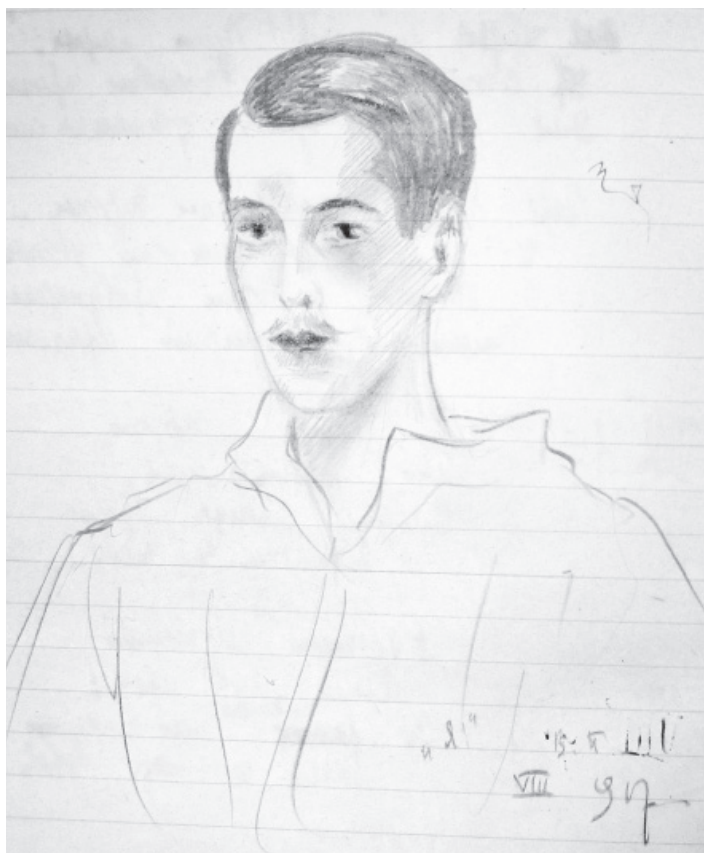
Основываясь на вышеизложенном, можно считать, что автопортрет с датировкой VIII. 1917 и надписью «Я» из черновой тетради⁴⁴ принадлежит князю В. П. Палею (ил. 15).

На втором этапе предварительного анализа почерка было проведено сравнение рукописного текста рассматриваемой нами черновой тетради с текстами из фонда 201, бесспорно принадлежащими Н. В. Недоброву.

Дневник Н. В. Недоброво 1906–1909 гг.⁴⁵ содержит тексты поэтических произведений. В приведенном образце стихотворения «Цар-

⁴⁴ Недоброво Н. В. Тетрадь произведений. Стихи и проза. Черновые автографы. 1917 г. (РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 63 об.).

⁴⁵ Недоброво Н. В. Дневник. 1906–1907 гг. (РО ИРЛИ, ф. 201, № 41).

Ил. 15. Автопортрет В. П. Палея. РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 63 об.

ское Село» сразу бросается в глаза, несмотря на многочисленные правки, другое, по сравнению с черновой тетрадью 1917 г., распределение текста, что является одной из важных характеристик почерка. Сам почерк разборчив, однороден, аккуратен, линии непрерывны, с постоянным наклоном, левое поле ровное (ил. 16). Характерной особенностью авторской работы Н. В. Недоброво, в отличие от В. П. Палея, являлась педантичная расстановка датировок в местах правок текста, с обязательным указанием числа, месяца и года.

Форма букв в рассматриваемых рукописях Н. В. Недоброво значительно отличается по написанию от образцов из черновой тетради. У Недоброво буквы имеют заостренную форму. Отличается форма петьль букв «д», «р», «у». В букве «й» у Недоброво верхний штрих расположен горизонтально, а у Палея — вертикально. Среди строчных букв «д» занимает верхнюю и среднюю зоны, «р» располагается

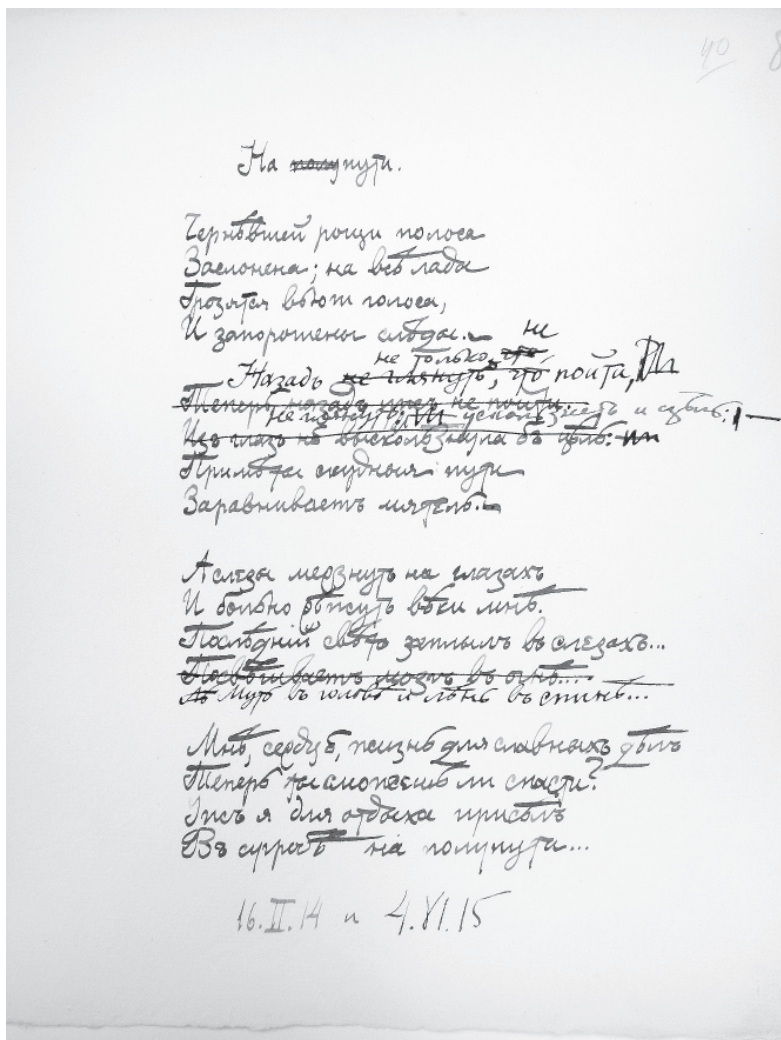
Царское Село.
 Тутта ~~пробавило~~ и народу
 дворца и ~~домов~~ ^{церкви} рожкоко,
~~одна, сити, врисе~~
~~и изотыивание~~ природу,
 се ~~отраженье~~ ^{сиди, которые гонимы}
 и пераши во римских улахъ,
 и градъ ~~неиспорченныхъ~~ ^{простоимыхъ} озеръ,
 и пещири правн на борлахъ,
 и градъ оскуженноко ховевъ. ^{он}
 Казе ~~во сраженъ~~ ^{вотле} некогда
 Европой ~~занимать~~ ^{урава}
 и ~~визитъ~~ ^{изъ болотъ} уренинъ
~~и сраженъ~~ ^{каменный} болотаго.
 Не видно нивъ и слега остода,
 и мичеб, возмичеувишаъ здѣсьб,
 умануеши надъ пещири тода,
 сдѣннѣя и чѣда ситѣб.
 10.II.05 - 10.VI.07.
 25.VIII.07. С.В. Недобро.

Ил. 16. Образец почерка Дневника Н. В. Недоброво (РО ИРЛИ, ф. 201, № 41, л. 10 об.)

в средней и нижней зонах. Датировки стоят в римских цифрах одной высоты. Каждая правка отмечена отдельной датой.

В автографах стихотворений Н. В. Недоброво, в отличие от черновой тетради РО ИРЛИ и образцов из ГА РФ из фонда В. П. Палея, видна хорошая выработанность почерка (ил. 17).

Выработанность, или беглость, почерка отражает навыки владения пером, способность писать быстро, не задумываясь, движения при этом остаются хорошо скоординированными. Она приходит с годами учебы, опытом конспектирования, ее трудно имитировать. Данная ха-

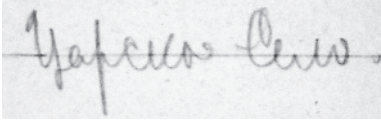
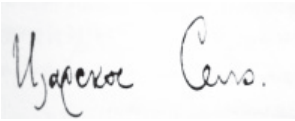
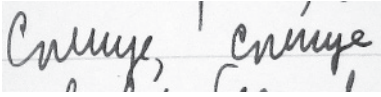
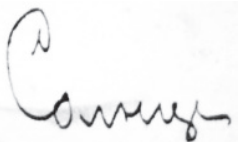
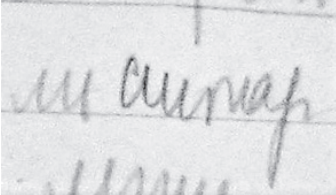
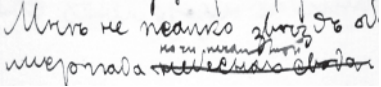
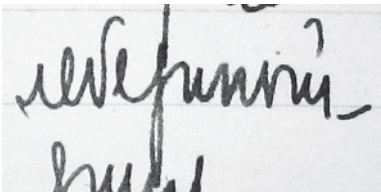
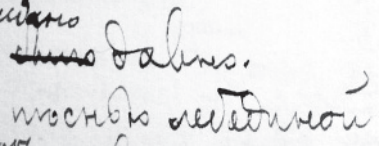
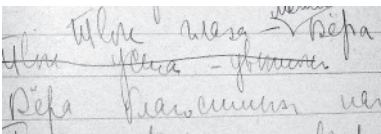
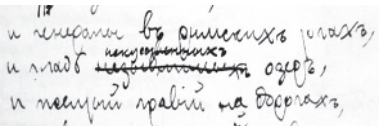

Ил. 17. Образец почерка Н. В. Недоброво 1915 г.
 РО ИРЛИ, ф. 201, № 78, л. 40

рактерная особенность почерка может быть объяснена тем, что, в отличие от В. П. Палея, получившего в основном домашнее образование, Н. В. Недоброво окончил гимназию и Санкт-Петербургский университет.

Видна разница в написании слов: Царское Село (ил. 18, 19), солнце (ил. 20, 21), листопад (ил. 22, 23), лебединый (ил. 24, 25), озера (ил. 26, 27), приведенных в табл. 4.

**Образцы написания слов из черновой тетради 1917 г.
и дневника Н. В. Недоброво РО ИРЛИ**

Черновая тетрадь	Дневник Н. В. Недоброво
<p>Ил. 18. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 69 об.</p> 	<p>Ил. 19. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 41, л. 10 об.</p>
<p>Ил. 20. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 63.</p> 	<p>Ил. 21. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 41, л. 13.</p>
<p>Ил. 22. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 84.</p> 	<p>Ил. 23. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 41, л. 11.</p>
<p>Ил. 24. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 69 об.</p> 	<p>Ил. 25. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 41, л. 25 об.</p>
<p>Ил. 26. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 74.</p> 	<p>Ил. 27. Образец почерка РО ИРЛИ, ф. 201, № 41, л. 10 об.</p>

По образцу почерка Н. В. Недоброво 1915 г. (ил. 17) видно, что при сохранении общей формы букв появились утолщенные горизонтальные линии и штрихи. Но в целом сохраняется четкость линий, ровное левое поле, горизонтальная линия строк (на нелинованном листе). Разница с черновой тетрадью становится еще более очевидной.

Таким образом, первичное сопоставление почерка из черновой тетради Н. В. Недоброво (РО ИРЛИ, ф. 201) и материалов из фонда В. П. Палея (ГА РФ, ф. 416) может служить аргументом, подтверждающим нашу атрибуционную гипотезу: тексты данных документов написаны одним и тем же автором, а именно В. П. Палеем. Разумеется, для окончательного подтверждения идентичности почерка черновой тетради РО ИРЛИ и материалов ГА РФ из фонда В. П. Палея требуется официальная почерковедческая экспертиза.

Кроме того, верификации атрибуционной гипотезы в отношении текстов шести стихотворений черновой тетради 1917 г. из фонда Н. В. Недоброво РО ИРЛИ в пользу авторства В. П. Палея методом распознавания образов М. А. Марусенко⁴⁶ посвящено отдельное исследование.⁴⁷ Значимыми критериями, по которым была подтверждена гипотеза о принадлежности перу В. П. Палея текстов стихотворений: «Огоньки», «Ты к тихому дому поэта», «Мне снился чудный сад за золотой оградой», «Господь во всем, Господь везде...», «Твоим присутствием незримым...», «Когда смолкает шум дневных волнений...» — являются количество бессоюзных предложений, количество деепричастных оборотов, количество предикативов, количество неосложненных простых предложений.

Таким образом, в связи с изменением атрибуции черновой тетради 1917 г. из фонда Н. В. Недоброво РО ИРЛИ в пользу авторства В. П. Палея, подлежит корректировке предположение, сделанное нами на первом этапе изучения этого архивного источника, о том, что некоторые стихотворения из данной тетради связаны с отношениями Недоброво — Ахматова, например: «Твоим присутствием незримым» (л. 2), «Мне снился чудный сад за золотой оградой» (л. 7), «Поймешь ли ты, о друг, мое молчанье?» (л. 63), «Память» (л. 67 об. — 68), «Будет вновь душа здорова» (л. 86 об.).⁴⁸

Подлежит корректировке и атрибуция некоторых публикаций из данной черновой тетради 1917 года. В частности, если рассматривать стихотворение «Тише, тише, друг счастливый!», опубликованное

⁴⁶ Марусенко М. А. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами распознавания образов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 164 с.

⁴⁷ Лисковец И. В., Ольхина Г. К., Кручинина А. А. Н. В. Недоброво или В. П. Палей? К проблеме атрибуции некоторых стихотворений // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2020): сб. науч. тр. СПб.: СПбГУПТД, 2020 [сдано в печать].

⁴⁸ Ольхина Г. К., Кручинина А. А. Н. В. Недоброво. Черновая тетрадь 1917 г. Проблемы прочтения: Доклад на XXII Научных чтениях РО ИРЛИ 18 окт. 2018 г.

Ил. 28. Рисунок революционного матроса
(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 88 об.)

М. В. Толмачевым в 2002 г. под именем Н. В. Недоброво,⁴⁹ как принадлежащее В. П. Палею, снимается справедливо возникший при публикации вопрос, почему под стихотворением автором, помимо даты, поставлена помета «Под арестом».⁵⁰ Как известно, вся семья великого князя Павла Александровича, в том числе и его сын Владимир Палей, находилась под домашним арестом в Царском Селе с 27 авг. по 13 сент. 1917 г. по распоряжению Временного правительства.⁵¹ Данной ситуации соответствует и рисунок карандашом, изображающий революционного матроса, возможно, одного из охранявших семью великого князя Павла Александровича (ил. 28).

⁴⁹ Толмачев М. В. С. 75, 76.

⁵⁰ Там же. С. 75.

⁵¹ *Княгиня Ольга Палей*. Воспоминания о России: С приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. М.: Захаров, 2017. С. 61. Далее — *Княгиня Ольга Палей; Великая княгиня Мария Павловна*. Мемуары. М.: Захаров, 2017. С. 273. Далее — *Великая княгиня Мария Павловна*.

Нуждается в корректировке и атрибуция материалов раздела «Поэты Серебряного века» постоянной экспозиции Историко-литературного музея в городе Пушкине, в которой размещены факсимиле автопортрета В. П. Палея и стихи из черновой тетради РО ИРЛИ под именем Н. В. Недоброво.

Изменение атрибуции данной черновой тетради как принадлежащей В. П. Палею позволяет отчасти заполнить лакуну, образовавшуюся в связи с утратой значительной части рукописей этого талантливого поэта, находившихся в царскосельском дворце его отца. Неожиданное обретение этой черновой тетради позволило обнаружить новые, неизвестные произведения В. П. Палея, относящиеся к последнему периоду его творчества.

Можно предположить, что черновая тетрадь 1917 г. из фондов РО ИРЛИ содержит некоторые произведения, предназначавшиеся В. П. Палеем для публикации в третьем сборнике, который он не успел до конца подготовить к изданию в связи со ссылкой 22 марта (4 апр.) 1918 г.

О. В. Палей, перед своим поспешным отъездом из России после ареста сына и расстрела мужа, по ее собственному признанию, не имела возможности вывезти все неизданные материалы сына. В частности, его третий поэтический сборник, отпечатанный на машинке, был оставлен у друзей.⁵²

В черновой тетради 1917 г., которую, основываясь на приведенных выше аргументах, можно считать принадлежащей В. П. Палею, содержится, наряду с набросками и не до конца разработанными фрагментами, ряд неопубликованных стихотворений, имеющих вполне законченный характер.

Нам представляется, что введение их в научный оборот позволит не только более точно воссоздать картину литературной жизни первых лет революционной эпохи, ознаменовавших собой исторический разлом, унесший жизни многих ее участников, но и восстановить историческую справедливость путем публикации неизвестных произведений из поэтического наследия князя В. П. Палея, которые должны были увидеть свет еще на заре XX века, но пролежали под спудом целое столетие.

Специфика работы над предлагаемой публикацией определялась и паратекстуальными особенностями источника, который представляет собой собрание черновых записей, не предназначавшихся для чтения третьими лицами, выполненных как карандашом (местами со слабым нажимом), так и чернилами, весьма неразборчивым почерком, что потребовало довольно трудной и кропотливой работы по их расшифровке. Следует отметить, что почерк В. П. Палея был сложным для понимания, даже когда написанные им тексты предназначались

⁵² Княгиня Ольга Палей. С. 92, 99.

для восприятия другими людьми. Сохранилось свидетельство его единокровного брата, великого князя Дмитрия Павловича, в письме Владимиру из Казвина (Персия) от 19 марта 1917 г.: «Спасибо, милый мой, за твое письмо от 22 февраля. Оно хотя и написано почерком, который лучшему графологу будет непонятен и на который он мог бы смотреть как бык на евангелие — все же оно меня очень, очень тронуло».⁵³

Поскольку перед нами черновик, содержащиеся в нем стихотворения записаны в хронологическом порядке, по мере создания, и не разделены по тематическим рубрикам.

По тематике публикуемые стихотворения находятся в русле мотивов, характерных для творчества Владимира Палея. Они отмечены юношеской непосредственностью восприятия, стремлением остановить быстротекущее мгновение, обрести тихие семейные радости, содержат полные нежности и меланхолии зарисовки ускользающих, эфемерных картин природы и мирной повседневной жизни. Автор стремится осмыслить проявления божественного в окружающем, передать чувство собственного единения с Богом, свое восприятие христианских ценностей, ужас и недоумение перед абсурдностью войны и воцаряющимся вокруг хаосом. Вместе с тем, среди стихотворений черновой тетради есть и своего рода литературные багатели, полные озорства и оптимизма миниатюры, отражающие естественное стремление молодого человека к бурному веселью и радостям жизни. Встречающиеся в ряде стихотворений обращения автора к собственной юности как к данности, сожаления о том, что она не вечна, являются свидетельством того, что их автор — совсем молодой человек. Это также может быть косвенным аргументом в пользу авторства В. П. Палея, так как в текстах Н. В. Недоброво, которому в 1917 г. было 35 лет, подобные высказывания выглядели бы неестественно. Например: «Я юность провожу в грозе событий властных, / И лира не звучит, и гаснет слог живой...».⁵⁴

В данной статье мы приводим 33 стихотворения из черновой тетради, 26 из которых публикуются впервые. Следует отметить, что предлагаемая публикация всех стихотворений, в том числе и когда-либо изданных, является единственной содержащей варианты авторской правки, отражающие процесс работы автора над текстами.

Возможность проникнуть в творческую лабораторию В. П. Палея представляет тем больший интерес, что, на основе свидетельства великой княгини Марии Павловны, единокровной сестры В. П. Палея, наблюдавшей за его творческим процессом летом 1917 г., существует мнение о том, что он сразу печатал свои стихотворения, почти не требовавшие правки, на пишущей машинке. В частности, со ссылкой на

⁵³ Письмо в. к. Романова Д. П. брату кн. Палею В. П. 8 февр. — 18 сент. 1917 г. (ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 98, л. 7—9 об.).

⁵⁴ Недоброво Н. В. Тетрадь произведений. Стихи и проза. Черновые автографы. 1917 г. (РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 76).

мемуары Марии Павловны, о такой манере работы В. П. Палея говорит А. Чадаева.⁵⁵ В своих мемуарах Мария Павловна характеризует подобный способ письма как «чисто механический» и торопливый, не позволяющий, по ее мнению, доводить стихи до совершенства. Мария Павловна приводит ответную реплику брата на высказанное ею мнение: «Все мои нынешние стихи являются мне в законченном виде; исправления только повредят им, нарушат их чистоту. Я должен писать. Когда мне исполнится двадцать один, я больше не буду писать. Все, что есть во мне, я должен выразить сейчас; потом будет слишком поздно...».⁵⁶ Приведенные ниже тексты со всеми содержащимися в них исправлениями свидетельствуют о том, что, несмотря на большой объем им созданного в 1917 г., в последнее лето в Царском Селе, В. Палей возвращался к написанному, совершенствовал средства выражения, шлифовал синтаксические конструкции, образы и рифмы.

Для более наглядного представления вариантов авторской правки, которые приводятся в постраничных сносках, строки всех приводимых ниже стихотворений пронумерованы.⁵⁷

СТИХОТВОРЕНИЯ В. П. ПАЛЕЯ ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ 1917 г.

1. Твоим присутствием незримым
2. Мой день спокойный озарен
3. Себя я чувствую любимым
4. И редко, редко угнетен...
5. Мечта любви сильнее разлуки:
6. Не раз так явно и легко
7. Твои заботливые руки
8. Чела касались моего.
9. И в одиночестве мечтанья⁵⁸
10. Мой друг далекий и родной
11. Я принимал твое лобзанье⁵⁹
12. Как будто ты была со мной.⁶⁰
13. И сбросив гнет тоски унылый⁶¹

⁵⁵ Чадаева А. С. 353

⁵⁶ Великая княгиня Мария Павловна. С. 266.

⁵⁷ Тексты стихотворений приводятся в соответствии с правилами современной орфографии, но с сохранением авторской пунктуации.

⁵⁸ Строка 9: *И в одиночестве мечтанья* – замена на *Не раз в тиши уединенья / Не раз вечернею порой* с последующим возвращением к первоначальному варианту.

⁵⁹ Строка 11: *Твое я чувствовал дыханье / Я принимал привет жены.*

⁶⁰ Строки 12–13: *А голос тихий, голос милый, / Звучал так близко в тишине* (строки вычеркнуты).

⁶¹ Строка 13: *Исполнен радости и силы.* В варианте ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 25, л. 78 строка 13 также имеет вид: «И сбросив гнет тоски унылый».

14. Тогда дышать я смел едва,
15. А голос тихий, голос милый
16. Шептал знакомые слова

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 2)

17. «Люблю тебя! Земли преграды
18. Не существуют для меня
19. С тобой делю я все отрады⁶²
20. И все печали бытия.
21. «Блаженство встреч — одно мгновенье,
22. Но в дни разлук еще нежней
23. Царит мое благословенье
24. Над думой юною твоей.⁶³
25. «Люблю тебя я беспредельно
26. И одиноко, как и ты
27. Живу с тобою нераздельно
28. Великой силою мечты.⁶⁴

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 3)

Огоньки

1. В июньских сумерках однажды на войне⁶⁵
2. Я помню, видел раз, как у лесной опушки⁶⁶
3. Под яркою звездой, сиявшей в вышине,⁶⁷
4. Зажегся слабый свет в окне простой избушки.⁶⁸
5. Маня к себе, в простор, в страну крылатых грез,
6. Вечерняя звезда горела горделиво,⁶⁹
7. А в дремлющем селе, внизу, среди берез,⁷⁰
8. Огонь земной мерцал неровно и пугливо...⁷¹
9. И чудилось в душе, неясною мечтой,⁷²
10. Что огоньки горят в связи неуловимой.⁷³

⁶² Строка 19: *С тобой делю я все преграды.*

⁶³ Строка 24: *Над думой светлую твоей.*

⁶⁴ Строка 28: *Великой волею мечты.*

⁶⁵ Строка 1: *В июльских сумерках недавно на войне.*

⁶⁶ Строка 2: *Я помню, видел раз, как у земной опушки*

⁶⁷ Строка 3: *Под яркою звездой, горевшей в вышине,*

⁶⁸ Строка 4: *Зажегся огонек в окне простой избушки.*

⁶⁹ Строка 6: *Небесный свет сиял, красуясь горделиво,*

⁷⁰ Строка 7: *А в сереньком селе, внизу, среди берез*

⁷¹ Строка 8: *Огонь мерцал так робко и пугливо...*

⁷² Строка 9: *Но чудилось в душе, неясною мечтой,*

⁷³ Строка 10: *Что все огни горят в связи неуловимой.*

11. Но серенький дымок всходил прямой чертой⁷⁴
12. От очага земли к звезде неугасимой.⁷⁵

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л.

1. В каждом будничном явленье
2. Надо радость находить.
3. Надо, ради вдохновенья,
4. Не вздыхать и не грустить.⁷⁶
5. Песня чистая поэта
6. Пронестись должна весной
7. Счастья бодрости и света —⁷⁷
8. Над тревогою земной.⁷⁸
9. А вдыхая звучный мир⁷⁹
10. Силу горя своего
11. Забываем мы, что в мире
12. Скорби много без него.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 5 — текст перечеркнут)

1. Ты к тихому дому поэта
2. С Цветами пришла на заре
3. Потоки румяного света
4. Скользили по синей горе.
5. Смирялась ночная тревога
6. В живительном блеске лучей
7. Я встретил тебя у порога
8. Влюбленною песнью своей...⁸⁰
9. Ты лилии мне протянула⁸¹
10. С улыбкой на милых устах...
11. Вдали от столичного гула
12. Все речи таятся в цветах...⁸²

⁷⁴ Строка 11: *И синеющий* (вар. *лиловатый / голубоватый*) *дым всходил прямой чертой*

⁷⁵ В варианте ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 25, л. 79 строки 8–12 имеют следующий вид: «Мерцал огонь земной неровно и пугливо / Но голубой дымок всходил прямой чертой / От очага земли к звезде неугасимой, / И чудилось в душе, неясною мечтой, / Что огоньки горят в связи неуловимой...». Этот вариант опубликован в сборнике: *кн. В. П. Палей. Стихотворения*, с. 66.

⁷⁶ Строка 4: *Не скорбеть и не грустить.*

⁷⁷ Строка 7: *Счастья, радости и света —*

⁷⁸ Строка 8: *Над заботою земной.*

⁷⁹ Строка 9: *Если скорбь доступна лире; стру* (вычеркнуто).

⁸⁰ Строка 8: *Взволн[ованной] песнью своей...*

⁸¹ Строка 9: *И розы ты мне протянула*

⁸² Строка 12: *Любовь расцвела в цветах...*

13. (3) И юности нежность святая⁸³
14. (4) С небес опускалась ко мне...⁸⁴
15. (1) Со счастьем моим нарастая
16. (2) Смеялась заря в вышине⁸⁵

4го февраля 1917 Царское

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 6)

1. Мне снился чудный сад за золотой оградой,
2. Лужайки розами казались полны⁸⁶
3. Был воздух напоен душистою прохладой
4. И свежим запахом весны.
5. Я чувствовал и знал, что вижу не впервые⁸⁷
6. Запретный этот край лучей, цветов и птиц⁸⁸
7. И вспомнил я, мой друг, твои глаза родные
8. За тенью трепетных ресниц...⁸⁹

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 7)

1. Я верю в жизнь не только потому,
2. Что телом и душою молод,⁹⁰
3. Что непонятен сердцу моему
4. Отчаянья гнетущий холод.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 8)

1. Деревья молятся, паломники в порфире.
2. Вечерний небосклон синее бирюзы, —⁹¹
3. В бездонность уронив печаль одной слезы,⁹²
4. И все задумалось, и все затихло в мире.⁹³

⁸³ Строка 13: *Какая-то нежность святая*

⁸⁴ Номера строк 1—4 проставлены рукой В. П. Палея. В варианте ГА РФ, ф. 614, оп. 1, № 25, л. 81 строки 13—16 имеют следующий вид: «Со счастьем моим нарастая / Смеялась заря в вышине / И юности нежность святая / С небес нисходила ко мне...». Этот вариант опубликован в прижизненном издании стихотворений В. П. Палея: *Кн. В. П. Палей. Стихотворения*, с. 68. Вариант строки 14 из черновой тетради 1917 г. РО ИРЛИ: *Сияла в небе и в лике*

⁸⁵ Нумерация перед строками 13—16 проставлена В. П. Палеем.

⁸⁶ Строка 2: *Где прелестью цветов казалось все полно*

⁸⁷ Строка 5: *И думал я во сне, что вижу не впервые*

⁸⁸ Строка 6: *Такой запретный край лучей, цветов и птиц.*

⁸⁹ См. *Кн. В. П. Палей. Стихотворения*, с. 69.

⁹⁰ Строка 2: *Что я еще душой и телом молод,*

⁹¹ Строка 2: *Осенний небосклон синее бирюзы, —*

⁹² Строка 3: *Две (зачеркнуто)*

⁹³ Строка 4а: *Деревья молятся под пень ручейка*

5. Замолк церковный звон и воздух свеж и нем...⁹⁴
6. Раскинув золото и пурпур свой широко,
7. Деревья молятся, как те цари с Востока,
8. Что некогда пришли в спокойный Вифлеем.
9. И только ручеек струит свои напевы,
10. Но святость сумерек так странно велика,⁹⁵
11. Что ясно слышится в журчанье ручейка⁹⁶
12. Лишь колыбельная богородившей Девы.⁹⁷

Август 1917

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 60 об.)

Chanson Insouciantе⁹⁸

1. Я пью за молодость, которую мы губим,
2. За счастье, что лежит у дальних берегов,⁹⁹
3. За тех кто любит нас, за тех, кого мы любим,
4. За дорогих друзей — и даже за врагов...¹⁰⁰
5. Я пью за радость, я пью за вдохновенье,
6. За пыл восторженный бушующей крови,
7. За долгие года, за каждое мгновенье
8. Святой любви!

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 61)

Русь¹⁰¹

1. Застыла бедная над озером лачуга...
2. Твердя родную быль, все ту же с давних пор.
3. Камыш у берега качается упруго.
4. Вдали, как спящий зверь, лежит сосновый бор.
5. И бродит белый конь, все поджидая друга...¹⁰²
6. И ржание коня несется, как укор
7. Над гладью, полною сонливого недуга,
8. Но богатырь исчез и молчалив простор...
9. Копье по озеру плывет чертою узкой...¹⁰³
10. Под серою волной, могилой мощи русской,

⁹⁴ Строка 5: *Растаял звон церквей и воздух свеж и нем...*

⁹⁵ Строка 10: *Но святость сумерек так нежно велика*

⁹⁶ Строка 11: *Что мне всё мерещится в журчанье ручейка / Что ясно слышится порой в журчанье ручейка*

⁹⁷ Строка 12: *Над яслями Христа] лишь колыбельная богородившей Девы.*

⁹⁸ Беззаботная песня (фр.).

⁹⁹ Строка 2: *нас* (зачеркнуто)

¹⁰⁰ Строка 4: *За милых нам людей и даже за врагов...*

¹⁰¹ Зачеркнутый вариант названия: **Утопившийся Богатырь**

¹⁰² Строка 5: *И белый конь стоит, всё поджидая друга...*

¹⁰³ Строка 9: *И на воде копьё плывет чертою узкой... / По озеру копьё плывет чертою узкой*

11. Русалка, полная холодной красоты,
12. С улыбкою глядит в бескровные черты.¹⁰⁴
13. И на песчаном дне едва блещит кольчуга.
14. А белый конь стоит, все поджидая друга.

7 августа 1917

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 61 об.)

Всадники у перекрестка

1. Здесь расходятся пути.
2. Друг прости!
3. Разойдемся без тревоги
4. Ты направо поскачи,
5. Где лучи
6. Ярko пляшут на дороге.
7. Я налево двинусь в бой.
8. За тобой.
9. Я умчаться недостоин:
10. Улыбаться рождена
11. Ты одна.
12. Я для счастья только воин.¹⁰⁵
13. Суждены мне не лучи,
14. А мечи,
15. Схватки мелкие, да битвы...¹⁰⁶
16. Ты же радостные дни
17. Помяни
18. В тихом шепоте молитвы.

VIII 1917

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 62 об.)

1. Поймешь-ли ты, о, друг, мое молчанье?
2. Прервав его ты будешь неправа:¹⁰⁷
3. Светлей других — безмолвное признание,
4. Для нежных чувств губительны слова.
5. Заря встает, как тихое виденье —
6. И молча распускаются цветы.
7. О, осеним и наше пробужденье
8. Спокойствием всемирной красоты...

VIII 1917

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 63)

¹⁰⁴ Строка 12: *С улыбкою глядит в могучие / спокой[ные] черты.*

¹⁰⁵ Строка 12: *Я же в мире только воин.*

¹⁰⁶ *И волнения* (вычеркнуто)

¹⁰⁷ Строка 2: *Для* (зачеркнуто)

1. Неба сердце жаркое,
2. Что горит, любя,
3. Солнце, Солнце яркое
4. Я влюблен в тебя...
5. Полосой лучистой¹⁰⁸
6. Осенй мой кров:
7. С гостьей золотистой¹⁰⁹
8. День не так суров.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 63)

9. И не так заботою
10. Сердце стеснено,
11. Если позолотою
12. Кроешь ты окно...
13. В комнате тоскливые
14. Чуть войдешь, поверь —
15. Немощи пугливые
16. Прячутся за дверь...
17. Все, что есть неправого,¹¹⁰
18. Злого на земле,¹¹¹
19. Грешного, лукавого —
20. Все живет во мгле...
21. Бог для мира тленного
22. Создал мрак большой.
23. Ты же — для смиренного
24. Телом и душой.
25. Неба сердце жаркое,
26. Что горит, любя,
27. Солнце, Солнце яркое
28. Я влюблен в тебя.

VIII 917

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 64)

1. О, молодость моя! Ужель исчезнешь ты,
2. С собою унося безумные мечты?
3. Мне все не верится, что годы вдохновенья,
4. Надежды и борьбы, любви и дерзновенья,
5. Неслышно отойдут, растают навсегда,¹¹²
6. Без тени жалости, быть может, без следа.

¹⁰⁸ Строка 5: *Радостью лучистой*

¹⁰⁹ Строка 7: *С рамой золотистой*

¹¹⁰ Строка 17: *Все, что есть лукавого,*

¹¹¹ Строка 18: *Незаятнанного*

¹¹² Строка 5: *Бесследно отойдут, растают навсегда*

7. Как? Этот бурный мир душевного избытка,
 8. И радость горькая, и сладостная пытка,
 9. И пламенный восторг, и взрывы торжества,
 10. И эти нежные, печальные слова.
 11. Вся эта трепетность напевов и мечтаний,¹¹³
 12. Все содержимое прекрасной, светлой дани,
 13. Что юности своей мы платим на пути —¹¹⁴
 14. Должно когда-нибудь бесследно отойти.¹¹⁵
 15. Так будем же вдыхать цветы и ароматы
 16. И музыку, и все, на чем печать утраты
- (РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 67)

Память

1. Обезжав в саду дорожки¹¹⁶
 2. Ветер ищет, с кем играть.
 3. Вот заметил на окошке
 4. Он раскрытую тетрадь.
 5. Подлетел бесшумной птицей,¹¹⁷
 6. На стихи едва взглянул
 7. И страницу за страницей
 8. Вмиг назад перевернул.¹¹⁸
 9. Как поэт посмотрит снова,¹¹⁹
 10. Против воли вспомнит он¹²⁰
 11. Строчки бледные былого,
 12. Невозвратно-милый сон...
 13. Станет больно от созвучий,
 14. Защемит опять в груди —
 15. Ветер легкий и певучий,
 16. Ветер хитрый, отойди!
- (РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 67 об.)

17. Облетай, роняя ласки,
18. В парке — листья, в поле — рожь,

¹¹³ Строка 11: *Как* (зачеркнуто) / *Вся эта красота* (зачеркнуто) *напевов и мечтаний,*

¹¹⁴ Строка 13: *Которую несем мы жизни на пути*

¹¹⁵ Строка 14: *Должно когда-нибудь бессмысленно уйти*

После строки 14 на л. 66 об. имеется вставка: *Пока, о молодость, еще ласкаешь ты / Мечты любимые, безумные мечты*

¹¹⁶ Строка 1: *Ветер* (зачеркнуто)

¹¹⁷ Строка 5: *И подкравшись / он хищной птицей,*

¹¹⁸ Строка 8: *В миг один перевернул.*

¹¹⁹ Строка 9: *Как писатель взглянет снова, —*

¹²⁰ Строка 10: *Не узнает ничего*

19. Но тетрадь забытой сказки
20. Не терзай и не тревожь.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 68)

1. Полночь реет небосклоном,
2. Звезды льют печаль свою...
3. Под узорчатым балконом
4. Я с гитарою стою...
5. Предо мной простор лагуны,
6. Скроет маска мне лицо,¹²¹
7. А когда бужу я струны,¹²²
8. На руке блестит кольцо...
9. И едва заметишь в щелку
10. Ты с улыбкой золотой —
11. Протяну я треуголку,
12. Как бедняга за лептой...
13. И под прозрачный, как грёза,¹²³
14. Шепот сладостный: лови!¹²⁴
15. Упадет мне в шляпу роза,
16. Роза алая любви.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 68)

1. Дай руку твою подержать.
2. С тобой мне легко и спокойно...
3. С тобой мне не страшно блуждать
4. Во всем, что людей недостойно.¹²⁵
5. С тобою светлее мой путь¹²⁶
6. И крепнет во мне упование.
7. Дай в очи родные взглянуть.
8. В них вечной весны ликование.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 68 об.)

1. Я хотел бы высоких и чистых страстей,
2. Беспредельных, зарей озаренных путей,
3. И порывов могучих,
4. И восторгов певучих,
5. И волшебных затей...

¹²¹ Строка 6: *Маска <...> на лице*

¹²² Строка 7: *А рука ласкает струны*

¹²³ Строка 13: *И с едва живым (зачеркнуто) / приснишься мне, как грёза*

¹²⁴ Строка 14: *Шепот сладостный: лови! / Сладким шепотом: лови! (Остановился на первоначальном варианте).*

¹²⁵ Строка 4: *Во всем, что кругом недостойно*

¹²⁶ Строка 5: *С тобою не страшен мой путь*

6. Я хотел бы великого счастья земли,¹²⁷
7. Я хотел бы прекрасной надежды вдали,¹²⁸
8. Чтобы в каждом творенье
9. Расцвело вдохновенье,
10. И вернулись все те, кто ушли...
11. Чтобы светом наполнился каждый чертог,
12. Чтобы не было темных, тернистых дорог,
13. И в глазах человека
14. До скончания века
15. Улыбался бы Бог...

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 69)

1. Тише, тише, друг счастливый!
2. Окружимся тишиной:
3. Этот вечер молчаливый
4. Умирает, как больной...
5. Проведем хоть миг единый
6. Не смеясь и не шутя
7. Этот вечер лебединый
8. Умирает, как дитя...
9. Тише... Слышишь вздох невнятный?
10. Сердце к грусти приготовь:
11. Этот вечер непонятный
12. Умирает, как любовь...

Сентябрь 1917

Царское село

(Под арестом!)

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 69 об.)

1. Господь во всем, Господь везде
2. Не только в ласковой звезде,
3. Не только в сладостных цветах,
4. Не только в радужных мечтах,
5. Но и во мраке нищеты,
6. В слепом испуге суеты,
7. Во всем, что больно и темно,
8. Что на страданье нам дано...
9. Господь в рыданье тихих мук,
10. В безмолвной горечи разлук,
11. В безверных поисках умом,
12. Господь в проклятии самом...

¹²⁷ Строка 6: *Я хотел бы прекрасной надежды вдали,*

¹²⁸ *Я хотел бы великого счастья земли,*

Перечеркнуто:¹²⁹

13. Мы этой жизнью должны
14. Достичь неведомой страны
15. Где помят каждую слезу
16. Где ценят каждую слезу
17. Где алым следом от гвоздей
18. Христос коснется ран людей...
19. И оттого так бrenна плоть,
20. И оттого во всем — Господь

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 70)

Покорность

Е. В. Пономаревой¹³⁰

1. Лесов предсмертная окраска,
2. Уже печальные луга —
3. Вся эта призрачная сказка
4. Мне бесконечно — дорога!
5. Затишье грустное природы,
6. Листвой усеянные воды,
7. И дрожь последняя реки
8. Мне и понятны, и близки...
9. Цвета и тающие звуки¹³¹
10. Неуловимы как мечта
11. В сознании близости разлуки
12. Еще ценнее красота...
13. Весь мир, с молитвою смиренья,
14. Отходит, бдимый тишиной,
15. Чтоб мог явиться мир иной
16. В великой тайне возрожденья.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 70 об.)

1. Нет, не исчезли чудеса —
2. Они всегда в земных просторах —¹³²
3. Они на лепестках — роса,
4. И слезы светлые во взорах...

¹²⁹ В варианте ГА РФ, ф. 614, оп.1, № 25, л. 131 перечеркнутые строки имеют следующий вид: «Мы этой жизнью должны / Достичь неведомой страны, / Где алым следом от гвоздей / Христос коснется ран людей... / И оттого так бrenна плоть, / И оттого во всем — Господь». Опубликовано в сборнике: *Князь Владимир Палей. Поэзия...* С. 188.

¹³⁰ Пономарева Елена Васильевна (1868–1929) — меценат, педагог, подруга О. В. Палей.

¹³¹ Строка 9: *Фонтана тающие звуки*

¹³² Строка 2: *Они еще в земных просторах —*

5. Они — заката алый час
6. И пробужденья час жемчужный,¹³³
7. Они — внутри и возле нас,
8. Но их не видит взор недужный.
9. Они — в улыбке матерей,
10. Во взгляде женщины любимой,
11. И мы становимся добрей,
12. В часы их близости незримой.
13. И подымаем мы чело
14. Опять навстречу всем невзгодам,
15. Когда их Божие крыло
16. Нас осеняет мимоходом.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 71)

1. За чередой твоих пасьянсов
2. С древнейшей из земных колод,¹³⁴
3. На эту стаю оборванцев
4. Я стал глядеть как на оплот...
5. Мне так знакомы эти лица¹³⁵
6. Валетов, дам и королей
7. Что не боюсь я ошибиться
8. В распределении ролей.
9. Король бубен ревнив и скучен,
10. Он мизантроп и агроном,
11. В своих зевках он крайне звучен,
12. И звучен также — в остальном.
13. Пока гнетет его подагра,¹³⁶
14. Валет настойчив и влюблен,
15. Читает громко Мелеагра
16. У ног владычицы бубен.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 71 об.)

17. А дама трэф подводит глазки,
18. Когда стучится к ней валет,¹³⁷
19. Зато и сказывают сказки
20. Про них обоих — сколько лет!
21. Слыхал я также, что и черви
22. Весьма ловки в делах земли,
23. Что строго бдительной Минерве
24. Они Венеру предпочли.

¹³³ Строка 6: *И час жемчужный пробужденья,*

¹³⁴ Строка 2: *Со стар ...* (зачеркнуто)

¹³⁵ Строка 5: *И не боюсь я оши<биться>* (зачеркнуто)

¹³⁶ Строка 13: *Его преследу<ет> подагра* (зачеркнуто)

¹³⁷ Строка 18: *Перед визитом ...* (зачеркнуто)

25. Характер дамы — своеволен,
26. И нравы — вовсе не кристалл,
27. Зато король все только болен,
28. Чего валет не испытал.
29. У дамы пик — рука прелестна,
30. Век целовал бы до утра —¹³⁸
31. Но нам по Пушкину известна
32. Ее коварная игра!

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 72)

33. А сам король вдвоем с валетом
34. Сидит порою битый час
35. И с награждением эполетом
36. Валет уходит каждый раз.
37. А вот тузы! За них слезами
38. Пускай наполнятся глаза!
39. Всем одиноко жить тузами,¹³⁹
40. Жалейте каждого туза!¹⁴⁰
41. (3) И между ними туз червонный¹⁴¹
42. (4) Мне очертаньем мил своим
43. (1) Как всякий человек влюбленный¹⁴²
44. (2) При виде сердца полоним <?>. ¹⁴³
45. Но счастлив счастьем он редким.¹⁴⁴
46. Его Амур насмешник злой,
47. Не поразит ударом метким,¹⁴⁵
48. Не ранит острою стрелой.

Август 1917

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 72 об.)

1. Когда смолкает шум¹⁴⁶ дневных волнений,
2. Когда снисходит ночи тишина, —¹⁴⁷
3. Люблю застыть на несколько мгновений
4. У темного раскрытого окна.

¹³⁸ Строка 30: *Ее целует до утра*

¹³⁹ Строка 39: *Им одиноко жить тузами*

¹⁴⁰ Строка 40: *Мне жалко всякого туза!*

¹⁴¹ Нумерация строк 41—44 поставлена рукой В. П. Палея. Строка 41: *Но между ними туз червонный*

¹⁴² Строка 43: *Он <...> иногда влюбленный*

¹⁴³ Строка 44: *Он иногда мечтаний полный*

¹⁴⁴ Строка 45: *О туз! И счастлив счастьем редким*

¹⁴⁵ Строка 47: *Не покорит ударом метким*

¹⁴⁶ Строка 1: *надежд* — вычеркнуто, *смолкает шум* — написано поверх строки

¹⁴⁷ Строка 2: *Когда уносит ночи тишина*

5. Луна с небес царит над садом сонным,¹⁴⁸
6. И отдаляя жизненное зло,
7. Ночь летняя дыханьем благовонным,
8. Ласкает мне усталое чело.
9. Вечерний ветерок в соседней роще,¹⁴⁹
10. Едва шуршит листвою тополей,
11. И в этот час все кажется мне проще
12. Все кажется понятней и милей...
13. И то, что днем я называл печалью,¹⁵⁰
14. Навянной бесплодной суетой —¹⁵¹
15. Отходит прочь пред этой звездной далью,¹⁵²
16. Пред этой необъятной красотой...

Август 17

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 73)

1. Раскройте окна! Раскройте шире!
2. Да будет солнцу везде привет, —
3. Всего нужнее нам в этом мире
4. Богатства Бога — простор и свет.
5. К нам входит небо в квадрат оконца,¹⁵³
6. К нам вечность входит струей тепла —¹⁵⁴
7. Раскройте души! Впустите солнце,
8. Пока далёка ночная мгла.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 73 об.)

1. Дай мне взглядеться, друг бесценный,
2. В твои счастливые черты,
3. На них горит огонь нетленный,
4. Огонь духовной красоты.
5. Дай мне ласкать твой лоб высокий,¹⁵⁵
6. Под зыбью длительной кудрей,
7. Дай прочитать любви уроки
8. В минутном трепете ноздрей...

¹⁴⁸ Строка 5: *Луна царит над нашим садом сонным,*

¹⁴⁹ Строка 9: *И в этот час всё...*

¹⁵⁰ Строка 13: *И всё, что днём казалось скорбью бурной,*

В варианте ГА РФ, ф. 614, оп 1, № 25, л. 130 строка 13 имеет следующий вид: «И все, что днем я называл печалью».

¹⁵¹ Строка 14: *Навянной усталой суетой,*

¹⁵² Строка 14: *Отходит все пред этой звездной далью*

¹⁵³ Строка 5: *К нам входит вечность в квадрат оконца*

¹⁵⁴ Строка 6: *Вся вечность входит струей тепла*

¹⁵⁵ Строка 5: *Как я люблю твой лоб высокий,*

9. Твои глаза — мечты озёра,¹⁵⁶
10. Озёра благостных начал,
11. Такого радостного взора
12. Мой взор печальный не встречал.
13. Твои уста цветок весенний
14. Живого розана алей.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 74)

1. Сегодня на окне забыла книгу ты,¹⁵⁷
2. Потом опять в рассказ хотела углубиться,¹⁵⁸
3. Но летний ветерок перевернул листы
4. И долго не могла найти ты вновь страницу...
5. Случилась и со мной такая же беда,
6. Над юностью моей смеялось время злое¹⁵⁹
7. И я, взглянув, теперь в минувшие года,
8. Себя не узнаю и все ищу былое...¹⁶⁰

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 75)

1. Я юность провожу в грозе событий властных,
2. И лира не звучит, и гаснет слог живой...¹⁶¹
3. Когда свирепствуют метели дней ненастных,
4. То птицы не поют под черною листвою...
5. Но вечный гнет грозы... Смирятся вновь стихии...¹⁶²
6. И песни полетят, и будет даль светла.¹⁶³
7. О, Боже! Дай и нам в измученной России
8. Дождаться радости, покоя и тепла!

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 76)

1. Ужель взаправду все потеряно,
2. Ужель надежды больше нет?
3. Не может быть! Душа уверена,
4. Что вновь придет за мраком Свет.

¹⁵⁶ Строка 9: *Твои уста — цветок* (зачеркнуто) / *Твои глаза — озера, грезы*

¹⁵⁷ Строка 1: *На кресле у окна забыла книгу ты,*

¹⁵⁸ Строка 2: *Потом опять в рассказ хотела углубиться* / *Потом опять в роман хотела углубиться* (Вернулся к первоначальному варианту)

¹⁵⁹ Строка 6: *Так поступила жизнь, о милая, со мной* / *Над книгой* / *Над юностью моей резвилось время злое* / *Над юностью моей шутило время злое*

¹⁶⁰ Строка 8: *Не знаю...* (зачеркнуто)

¹⁶¹ Строка 2: *В которой места нет для тихого певца* / *В которой места нет напеву моему* (зачеркнуто)

¹⁶² Строка 5: *Но вечный гнет грозы, смирятся стихии*

¹⁶³ Строка 6: *И песни вновь летят, и даль опять светла*

5. С такими чистыми порывами¹⁶⁴
6. Молился прежде край родной,
7. Что он повиснет над обрывами,
8. Не поглощаясь глубиной...
9. Пускай свистит метель унылая,
10. Пускай враги заносят плеть —
11. Воскреснет Русь, воскреснет милая —
12. Она не может умереть!

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 76 об.)

Primavera¹⁶⁵

1. Под сенью темных мирт собрались праздно боги,¹⁶⁶
2. Как свежие плоды в кругу живой корзины¹⁶⁷
3. Меркурий медленно срывает апельсины,
4. Растут везде цветы и лёгка ширь дороги...
5. Трех Граций — Талии, Аглаи, Ефрозины, —
6. В причуде плясовой переступают, или¹⁶⁸
7. За робкой Флорою, исполненной тревоги,¹⁶⁹
8. Шутя, летит Зефир. А посреди картины,
9. Над ищущей закон печального томленья¹⁷⁰
10. Венерой грустною эпохи Возрождения,¹⁷¹
11. Полет Амура полн блуждающих угроз.
12. И шествует Весна в возврате вечных роз,
13. И нежный лик пестря своим узором пышным,
14. Завидуют цветы ее стопам неслышным.

10го IX 1917

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 83)

Тень

1. Она бесшумно, ежедневно¹⁷²
2. По вечерам являлась мне¹⁷³

¹⁶⁴ Строка 5: *Явилась прежде Русь старинная / С такою верой без границ (зачеркнуто) / С такими светлыми порывами*

¹⁶⁵ Л. 82 об. содержит полный текст первоначального варианта стихотворения Ботичелли (I Primavera), расхождения которого с окончательным вариантом приводятся далее.

¹⁶⁶ Строка 1: *Под сенью темных мирт собрались боги...*

¹⁶⁷ Строка 2: *Как нежные цветы в кругу живой корзины...*

¹⁶⁸ Строка 6: *В движеньи плясовом переступают ноги*

¹⁶⁹ Строка 7: *За Флорой нежною, исполненной тревоги,*

¹⁷⁰ Строка 9: *Венера, полная печального томленья*

¹⁷¹ Строка 10: *Застыла в красоте печального томленья*

¹⁷² Строка 1: *Она ко мне являлась ежедневно / Она ко мне бесшумно приходила*

¹⁷³ Строка 2: *По вечерам в осенней тишине*

3. Когда дожди лились плачевно
4. В глухой осенней тишине.
5. Грустя, как тихая царица,¹⁷⁴
6. И улыбаясь, как во сне,
7. Она склонялась ежедневно¹⁷⁵
8. К моей тоскующей струне.
9. Но раз я засмеялся вслух
10. И взор загадочный потух.¹⁷⁶
11. Был взор ее глубок и светел.¹⁷⁷
12. С тех пор, — безумец, я заметил,¹⁷⁸
13. Как грубо счастье наяву,
14. И все зову, и все зову...

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 83 об.)

1. Стон прощального привета,
2. Золотистый листопад...
3. Умирающего лета
4. Грустный, грустный аромат.
5. Все забудем, все ни будем,
6. Бог смешал всю нашу рать...¹⁷⁹
7. Если б можно было людям
8. Так красиво умирать!
9. Род иной начнет страницу,
10. Дозвучит ли наша речь?
11. Душу, душу в багряницу
12. Перед смертью бы облечь...
13. Крик прощального привета¹⁸⁰
14. Тиховейный листопад,
15. Умирающего лета
16. Грустный, грустный аромат...

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 84)

1. Открой свое окно, когда умрет луна,
2. Когда вернется свет восточною дорогой...
3. Когда весь Божий мир восстанет ото сна,¹⁸¹
4. Я буду ждать тебя, я буду ждать с тревогой.

¹⁷⁴ Строка 5: Ты грустила как царица

¹⁷⁵ Строка 7: Она являлась ежедневно

¹⁷⁶ Строка 10: Не веря в сказку — и потух / И нежный взор потух

¹⁷⁷ Строка 11: А он был так глубок и светел

¹⁷⁸ Строка 12: Я только в этот миг заметил

¹⁷⁹ Строка 6: Рок смешал всю нашу рать

¹⁸⁰ Строка 13: Стон прощального привета

¹⁸¹ Строка 3: И тихий Божий мир восстанет ото сна,

5. Воскурят нам цветы свой ранний фимиам,¹⁸²
 6. И птицы огласят безгрешным гласом птичьим¹⁸³
 7. Природы благостный нерукотворный храм.¹⁸⁴
 8. Я буду ждать тебя, я буду ждать с волнением,
 9. Настанет светлая, как счастье, тишина,
 10. Душа очистится, внимая, славословью —
 11. Открой свое окно, когда умрет луна,¹⁸⁵
 12. Я буду ждать тебя, я буду ждать с любовью
- (РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 86)

1. Будет вновь душа здорова,
2. Будет взгляд ясней,
3. И вернусь, вернусь я снова
4. К маленькой моей...
5. К ней печальной, к ней невинной,¹⁸⁶
6. Что на склоне дня
7. Все грустит в аллее длинной
8. И зовет меня...
9. Это — сказка зорь забытых,¹⁸⁷
10. Греза детских дней,¹⁸⁸
11. Это — взор очей закрытых
12. Маленькой моей...
13. Далью призрачной влекомый
14. Я ушел тогда...
15. Плакал голос незнакомый¹⁸⁹
16. И звала звезда.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 86 об.)

17. Перенес я все мученья¹⁹⁰
18. На путях земли,
19. Но вернулись же виденья,
20. Грезы не ушли.
21. Жизни грешные объятя
22. Станут все слабей
23. И вернусь, вернусь опять я
24. К маленькой моей.

(РО ИРЛИ, ф. 201, № 32, л. 87)

¹⁸² Строка 5: *И утренней звезде лампадка загорится*

¹⁸³ Строка 6: *С молитвой звучною в листе проснется птица*

¹⁸⁴ Строка 7: *Долины и леса (зачеркнуто) / Природы тихий храм*

¹⁸⁵ Строка 11: *Открой свое окно, когда взойдет луна,*

¹⁸⁶ Строка 5: *Жизни грешныя (зачеркнуто) / К ней забытой, к ней невинной,*

¹⁸⁷ Строка 9: *Это сказка дней далёких*

¹⁸⁸ Строка 10: *Грёза детских зорь,*

¹⁸⁹ Строка 15: *Нежный голос незнакомый*

¹⁹⁰ Строка 17: *Испытал я все мученья*

Библиографический список

1. *Великая княгиня Мария Павловна*. Мемуары. М., 2017.
2. *Княгиня Ольга Палей*. Воспоминания о России: С приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. М., 2017.
3. *Кн. Владимир Палей*. Стихотворения. Сборник второй. Пг., 1918.
4. *Князь Владимир Палей*. Поэзия. Проза. Дневники. М., 1996.
5. *Князь Владимир Палей*. Сборник стихотворений // Стихи.ру. URL: <https://www.stihi.ru/2004/04/18> — 1438 (дата обращения: 14.04.2019).
6. *Марусенко М. А.* Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами распознавания образов. Л., 1990.
7. *Ольхина Г. К.* Ольхины // *Краско А. В., Ольхина Г. К.* Санкт-петербургское купечество. Роды, возведенные в потомственное дворянское достоинство: Родословные росписи. СПб., 2016. Вып. 1. С. 17–77.
8. *Орлова Е. И.* Литературная судьба Н. В. Недоброво. Томск, 2004.
9. *Струве Г. П.* Ахматова и Н. В. Недоброво // Анна Ахматова: Pro et contra: антология. СПб., 2001. Т. 1. С. 539–586.
10. *Толмачев М. В.* У забытой могилы в Сан Ремо. Памяти Любови Александровны Недоброво // *Бутылка в море*. М., 2002. С. 46–76.
11. *Чадаева А. Я.* Князь Владимир Палей из дома Романовых. Поэт. Мученик. Святой. Жизнь и житие // *Чадаева А. Я.* Августейший поэт. Великий князь Константин Константинович. М.: Вече, 2013. С. 339–485.
12. *Чернов Ю. Г.* Психологический анализ почерка. М., 2011.

IV. ИНФОРМАЦИЯ

ИНСКРИПТЫ И МАРГИНАЛИИ В АРХИВЕ О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ Часть 4. Дополнение

Обоснование необходимости и принципы публикации инскриптов и маргиналий из архива О. Ф. Берггольц, хранящегося в Пушкинском Доме, изложены нами в установочной статье к циклу работ.¹

В Часть 4 включены дарительные надписи Берггольц из новых поступлений книжных раритетов в ф. 870 и другие фонды Рукописного отдела. Здесь же публикуются инскрипты, сделанные поэтессой на книгах, которые хранятся в частных собраниях и воспроизводятся с разрешения их владельцев; публикатор выражает благодарность И. В. Ашихминой, О. М. Оконева за предоставленную возможность. Печатаются также надписи Берггольц на книгах, хранящихся в Литературном музее ИРЛИ.

Краткие пояснения даны под строкой, примечания выделены в отдельный раздел «Комментарии».

I. Дарительные надписи О. Ф. Берггольц

Андреевым и Молчановым – родственникам по линии Н. С. Молчанова (1909–1942), литературоведа, второго мужа О. Ф. Берггольц.

1. *Берггольц О.* Ленинградская поэма. Л.: Гослитиздат, 1942. 56 с.

На об. обл.: *Милым моим, родным, – / Торе, Володе, Леше, Алисе и / Танечке – / от сестры и тетки, / с глубокой любовью. / Ольга Берггольц / 19/1–43 / Ленинград / Второй день прорыва блокады.*

2. *Берггольц О.* Ленинградский дневник: Стихи и поэмы: 1941–1944 / Рис. А. Пахомова. Л.: Гослитиздат, 1944. 88 с.: ил.

¹ См. вступ. ст. к работе: *Прозорова Н. А.* Инскрипты и маргиналии в архиве О. Ф. Берггольц. Часть 1. Инскрипты на книгах, журналах, оттисках // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб., 2011. С. 1051–1094; а также: *То же.* Часть 2. Инскрипты на афишах, программах и других носителях // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 857–860; *То же.* Часть 3. Маргиналии на книгах и журналах // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 933–969.

- На об. обл.: *Родным, любимым / Торе, Володе, Леше, / Алисе и Танечке, — / с любовью и нежностью. / Ольга. / Ленинград / 1944.*
3. Берггольц О., Макогоненко Г. Они жили в Ленинграде: Пьеса в 4 д. М.; Л.: «Искусство», 1945. 112 с.
На тит. л.: *Моим дорогим Андреевым / и Молчановым — / с большой любовью. / Ольга*
4. Берггольц О. Избранное. М.: Сов. писатель, 1948. 147 с.; 1 л. портр. (Б-ка избр. произведений сов. литературы. 1917—1947)
На тит. л.: *Моим милым, родным / Фане и Володе, — / (а потом Володеньке и Сашеньке!) / — с любовью / от Ольги / 27/II—49 / Ленинград.*
5. Берггольц О. Верность: Стихи и поэмы / [Ил. Н. Альтман]. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1970. 358 с.: ил.
На тит. л.: *Моим дорогим и / всегда любимым / Володе и Фане. / с любовью / Ваша Ольга Бергг... / 29/ V—71 / Лени...²*
6. Берггольц О. Верность: Стихи и поэмы. [Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1970]. 358 с. с ил.
На тит. л.: *Виктории Степановне, / родной моей сестре / Торе, — сестре Коли / Ольга Бергг... / 1972 / Ленингра...³*
7. Берггольц О. Верность: Стихи и поэмы. [Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1970]. 358 с.: ил.
На тит. л.: *Ирине, Володе / и Машеньке / «от сердца к сердцу» / Ольга Бергголь...⁴ / 1930 — / 1971. / Ленинград / [Подпись:] <О. Б.>*
8. Берггольц О. Проспект собрания сочинений [в 3 т. изд-ва «Худож. лит.»]. Л.: Ленингр. типография № 1. [4 с.]
На развороте: *В магазин № 9 / Прошу подписать / на мое собрание / Андрееву Татьяну Владимир...⁵ / С приветом / [Подпись:] Ольга Бергг... VI—72 / Лен...⁶*

Банк Наталье Борисовне (1933—1997) — литературоведу, критику.

9. Берггольц О. Ленинградская поэма. Л.: Гослитиздат, 1942. 56 с.
На тит. л.: *Милой Наташе Банк / книгу военных лет / в день Поэта / Ольга Берггольц / 30/X—55*

² Слова «Берггольц» и «Ленинград» не дописаны.

³ Слово не дописано.

⁴ То же.

⁵ То же.

⁶ То же.

10. *Берггольц О. Твой путь / Грав. на дереве худ. С. Юдовина. Л.: Мол. гвардия, 1945. 126 с. с ил. и портр.*
На тит. л.: *Милой Наташе / умнице и хорошему человеку / Ольга Берггольц / 30/X—55*
11. *Рисуют дети блокады / Сост. Э. И. Голубева, А. А. Крестинский. Л.: Аврора, 1969. 80 с.*
На авантит.: *Милой моей Наташе / Ольга Берггольц / 6—IV / 1970 / Ленинград.*

Варламовой Людмиле Алексеевне (р. 1933) — врачу-терапевту, ленинградке-блокаднице.

12. *Берггольц О. Дневные звезды. Л.: Сов. писатель, 1971. 253 с. с ил.*
На тит. л.: *Людмиле Алексеевне Варламовой / и ее дочке Ирине / в знак первого знакомства / Ольга Берггольц / 30—V—72 / Ленинград.*
13. *Берггольц О. Память: Книга стихов / [С предисл. авт. / Ил.: М. Роммадин]. М.: Современник, 1972. 302 с. с ил., портр. и пластинкой. (Б-ка поэзии «Россия»).*
На тит. л.: *Людмиле Алексеевне / с любовью и доверием / Ольга Берггольц / 1973 / июнь / Ленинград*

Великанову Карпу Мироновичу (1909—1988) — экономисту, профессору Политехнического института, альпинисту.

14. *Берггольц О. Ф. Лирика / Сост. Е. Путилова / [С предисл. автора]; Рис. В. Тамбовцева. Л.: Дет. лит., 1974. 190 с.: ил. и портр. (Поэтич. б-чка школьника).*
На тит. л.: *Карпу Мироновичу / Великанову / с ленинградским / приветствием / и дружбой / Ольга Берггольц / <2>6/IX—75*

Захарову А. А. — инженеру.

15. *Берггольц О. Первороссийск: Поэма. М.: Гослитиздат, 1952. 55 с.*
На тит. л.: *А. А. Захарову / дружески — в День Поэта / Ольга Берггольц / 30/X — 55*

Оконева Ольге Максимовне (р. 1940) — заслуженному учителю Украины, писательнице, пропагандисту творчества О. Ф Берггольц.

16. *Берггольц О. Избр. произведения: В 2 т. / Предисл. А. Яшина; Оформление худ. М. Новикова. Л.: Худож. лит., 1967. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 363 с. с портр.*

- На тит. л.: *Ольге Оконеvской / моей дорогой / О. Берггольц / 25 / VII – 64 / Ленинград*
17. Берггольц О. Стихотворения / Худ. Н. Кузнецов. Л.: Лениздат, 1966. 115 с. с ил.
На тит. л.: *Моей дорогой Олечке Оконеvской / как всегда – сердечно / О. Берггольц / 8/1–67 / Ленинград*
18. Берггольц О. Верность: Стихи и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1970. 358 с. с ил.
На тит. л.: *Ольге, / прелестной моей / от сердца / О. Берггольц / 20 – VIII–70 / Ленин...⁷*
19. Берггольц О. Собр. соч.: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1972. Т. 1. 288 с.
На тит. л.: *Ольге, Олечке, / чудесной моей – / с нежнейшей любовью / Ольга Берг...⁸ / Ленинград <январь?> 1972.*
20. Берггольц О. Память: Книга стихов / [С предисл. авт.; Ил.: М. Ромадин]. М.: Современник, 1972. 302 с. с ил., портр. и пластинкой. (Б-ка поэзии «Россия»)
На тит. л.: *Милой моей / Оленьке, / с постоянной любовью / Ольга Берггольц / 26 / IX–74.*
21. Берггольц О. Поэмы / Вступ. ст. Д. Хренкова. Л.: Лениздат, 1974. 218 с. с портр.
На тит. л.: *Моей дорогой, любимой Оле / Ольга Берг... / 9/1–75 / Ленин...⁹*

Половникову Алексею Павловичу (1906–1976) – журналисту, писателю.

22. Берггольц О. Избр. произведения: В 2 т. / Предисл. А. Яшина; Оформление худ. М. Новикова. Л.: Худож. лит., 1967. Т. 1. 363 с. с портр.
На форзаце: *Алексею Павловичу / – старому другу / от автора / Ольга Берг... / 1941–1967 / Ленингр...¹⁰ [Подпись:] <О. Б.>*
23. Берггольц О. Память: Книга стихов / [С предисл. автора; Ил.: М. Ромадина]. М.: Современник, 1972. 302 с. с ил., портр. и пластинкой. (Б-ка поэзии «Россия»)
На тит. л.: *Дорогому / Алексею Павловичу / от любви / Ольга Берггольц / 1941 – / 1973 / Ленин...¹¹*

⁷ Слово не дописано.

⁸ То же.

⁹ То же.

¹⁰ То же.

¹¹ То же.

24. Берггольц О. Собр. соч.: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1972. Т. 1. 288 с.
На тит. л.: *Дорогому / Алексею Павловичу / Половникову, — / со старой, ленинградской / дружбой. / Ольга Берггольц / февр. / 1973*
- Фоминой Антонине Николаевне** († 2003) — помощнице по хозяйству О. Ф. Берггольц в последние годы жизни поэтессы.
25. Берггольц О. [Стихи]. Л.: Лениздат, 1967. 35 с. (Стихи о Ленинграде).
На авантит.: *Антонине, / — душе моей! / О. Берггол...¹² / 24/XII 69.*
26. Подвиг века: Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда / Сост. Н. Н. Паперная. Л.: Лениздат, 1969. 392 с. с ил.
На развороте авантит.: *Дорогой / Антонине Николаевне / Фоминой / от одного из действующих / лиц этой книжки / Ольги Берггольц
Милой, единственной моей / Мамке, от всего сердца, / которое было здесь, и сейчас всегда / с нею. / Ольга Бергг...¹³ / 5/XI—74 / Ленинград*
27. Берггольц О. Собр. соч.: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1972. Т. 1. 288 с.
На тит. л.: *Лучшему моему, / дорогому другу / Антонине Николаевне Фоминой, / с пожизненной дружбой / О. Берггольц / 23/XII 72 / Ленин...¹⁴*
28. Берггольц О. Верность: Стихи и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1970. 358 с. с ил.
На тит. л.: *Милой моей / Антонине Николаевне / с любовью и людской / верностью / Ольга Берггольц / 16—V—70 — Ленинград*
Там же, в правом верхнем углу: *Книга-подарок № 1*
29. День поэзии, 1971. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1971. 438 с.
На тит. л.: *Милой Антонине Николаевне, / от одного из самых / неудачных, представленных здесь — / поэтов / Ольга Берггольц / 5/X—7<1> / Ленинград*
30. Шедевры живописи в Эрмитаже: [Альбом / Вступ. ст. В. Ф. Левинсона-Лессинга. Л.: Аврора, 1971]. [19] с.; 61 л. ил.
На форзаце: *Моей милой и единственной / Антонине Николаевне, / новогодний подарок / от меня — от сердца к сердцу, / за всех мировых художников / Ольга Берггольц / 30/XII—74 / Ленинград.*

¹² То же.

¹³ То же.

¹⁴ То же.

31. День поэзии, 1972. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1972. 424 с.
На шмуцтит.: *Антонине Николаевне / с вечной дружбой / Ольга Бергг...*¹⁵

Эренбургу Илье Григорьевичу (1891—1967) — писателю, журналисту.

32. *Берггольц О.* Ленинградская поэма. Л.: Гослитиздат, 1942. 56 с.
На об. обл.: *Дорогой Илья Григорьевич! ~ Шестой день прорыва блокады*
Полный текст надписи см. в публикации Б. Я. Фрезинского в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы» (СПб., 2019. С. 774).
33. *Берггольц О.* «Говорит Ленинград» / [Сб. радиовыступлений за 1941—1945 гг. / Ил. М. А. Таранов. Л.]: Лениздат, 1946. 186 с. с ил.
На тит. л.: *Илье Григорьевичу Эренбургу ~ Ольга Берггольц*
Полный текст надписи см. в публикации Б. Я. Фрезинского в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы» (СПб., 2019. С. 774).
34. *Берггольц О.* Стихи, проза / Оформление худ. Л. Хижинского / [С предисл. авт.]. М.; Л.: Гослитиздат, 1961.
На форзаце: *Илье Григорьевичу Эренбургу ~ Москва*
Полный текст надписи см. в публикации Б. Я. Фрезинского в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы» (СПб., 2019. С. 774).

Неустановленному лицу (Зинаиде Васильевне).

35. *Берггольц О.* Стихотворения / Худ. Н. И. Кузнецов. Л.: Лениздат, 1966. 115 с. с ил.
На тит. л.: *Милой Зинаиде Васильевне / накануне нашего дня — женского! / от сердца — / — Ольга Берггольц / 7/III—67 / Ленинград*
На с. 4, рядом с рисунком: *Это — не я! / О. Бергг...*¹⁶

Институту русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

36. *Берггольц О.* Соч.: В 2 т. М.: Гослитиздат, 1958. / Оформление худ. Т. Цинберг. Т. 1. 224 с. с портр.
На тит. л.: *Пушкинскому Дому Академии Наук / с глубоким почитанием / от автора / февраль / Ленинград / Ольга Берггольц*

¹⁵ Слово не дописано.

¹⁶ Не дописано. О рисунке см. примеч. в разделе «Комментарии».

Редакции газеты «Электросила».

37. *Берггольц О.* Стихотворения и поэмы. М.: Гослитиздат, 1951. 179 с.: портр.

На тит. л.: *Редакции газеты «Электросила», — / — первой моей школе, / с любовью и уважением / от автора / Ольга Берггольц / 1931—1951 / Ленинград.*

II. Владельческая надпись

38. *Шкапская М.* Земные ремесла / [Стихи]. М.: ВСП, 1925. 30 с.

На авантит.: *О. Берггольц / 1933 г.*

III. Дарительная надпись, адресованная О. Ф. Берггольц

39. **Грибакин Герман Васильевич** (1909 — не ранее 1984) — полковник-инженер, участник спасения челюскинцев (бортмеханик в составе авиаотряда Н. П. Каманина в 1934 г.).

На отд. отг. (с. 105): *Дорогой Ольге Федоровне Берггольц / от сына Василия Грибакина (Гремякина) / Герм. Грибакин / 24. I. 1972 г.*

На обл. автограф Берггольц: *к Перворос...*¹⁷

Комментарии

№ 1—8 печатаются по автографам на книгах и проспекту, хранящихся в личной библиотеке И. В. Ашихминой.

В надписях упоминаются: *Тора — Андреева* (урожд. *Молчанова*; 1905—1978) *Виктория Степановна*, сестра Н. С. Молчанова, жена Андреева Владимира Петровича (1902—1958) — профессора Ленинградского политехнического института. Находилась в это время в эвакуации в Йошкар-Оле с тремя детьми; *Володя — Молчанов Владимир Степанович* (1911—1991) — брат Н. С. Молчанова. *Алиса, Леша, Танечка* — дети В. С. Андреевой: *Андреева Алиса (Аля) Владимировна* (1933—2013) — врач, окончила Ленинградский педиатрический институт; *Андреев Олег (Леша) Владимирович* (р. 1931) — военный инженер, служил в ракетных частях; *Андреева Татьяна Владимировна* (1941—2013) — инженер, окончила электромеханический факультет Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. *Фаня — Пекерман Фаина Михайловна* (1912—1992) — жена В. С. Молчанова, выпускница физического факультета ЛГУ; работала заведующей лабораторией люминесценции в ГИПХе. *Володенька — Молчанов Владимир Владимирович* (р. 1939) — сын В. С. Молчанова и Ф. М. Пекерман, филолог, выпускник филологического факультета ЛГУ; печатался в журнале «Вопросы литературы», автор работ и книг по социологии искусства; в настоящее время проживает в Германии. *Сашенька — Молчанов Александр Владимирович* (1948—1993) — младший сын В. С. Молчанова и Ф. М. Пекерман. *Ирина — Ашихмина Ирина Вячеславовна* (р. 1941) — выпускница физико-металлургического факультета Ленинградского политехнического инсти-

¹⁷ То же.

тута (тогда — им. М. И. Калинина), инженер-металловед, жена В. В. Молчанова. *Машенька — Силантьева* (урожд. *Молчанова*) *Мария Владимировна* (р. 1970) — дочь В. В. Молчанова и И. В. Ашихминой; кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургского института кино и телевидения киноинженеров. Подробнее о взаимоотношениях Берггольц с семьей Андреевых-Молчановых см.: Письма О. Ф. Берггольц к семье Молчановых (1941—1945 гг.): «Ленинграду отдано мною всё» / Публ. Н. А. Прозоровой // «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2015. С. 8—35.

№ 9—11 — печатается по автографам; пост. № 48 за 2017 г. в РО ИРЛИ, ф. 870.

О знакомстве с Берггольц Н. Б. Банк, дочь историка-византиниста *Алисы Владимировны Банк* (1906—1984) и внучка историка-медиевиста и библиотековеда *Владимира Эммануиловича Банка* (1876—1942), подробно написала в своих воспоминаниях (см.: *Банк Н.* «Запоминай все это!» // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979). Одну из надписей на книге «Лирика» (М., 1955), подаренной Берггольц в день защиты дипломной работы Банк, последняя приводит в своих воспоминаниях: «Милой Наташе Банк, юному другу поэзии, в день, большой для нее и для меня, с пожеланьем большой дороги труда и дерзаний. 6 IV 1956» (*Банк Н.* «Запоминай все это!»). С. 202.)

Банк была автором книги «Ольга Берггольц: Критико-биографический очерк» (М.: Л., 1962), экземпляр которой сохранился в архиве поэтессы с ее пометами (см. об этом: *Прозорова Н. А.* Инскрипты и маргиналии в архиве О. Ф. Берггольц. Часть 3. С. 936—937; 957—959).

День Поэта — 30 октября 1955 г. в Ленинграде состоялся праздник поэзии: в 15 книжных магазинах города прошли встречи поэтов с читателями. В Доме книги ко «Дню поэта» было приурочено открытие специального поэтического отдела (см. заметку: *Кежун Б.* Говорят поэты Ленинграда // Ленинградская правда. 1955. 30 окт. № 258. С. 2). «Уже к 12 часам, — сообщала на следующий день газета “Смена”, — в Доме книги, несмотря на заранее подготовленный запас, были распроданы все поэтические книги О. Берггольц, С. Смирнова, А. Прокофьева. Это наиболее дальновидные друзья поэзии заранее приобретали книги, чтобы затем получить автограф любимого поэта» (*Варустин Л.* Встречаются друзья // Смена. 1955. 1 нояб. № 259. С. 3). Праздник открылся в два часа дня. В Доме книги читали свои стихи Берггольц, А. Гитович, Смирнов и Прокофьев; в Книжной лавке писателя выступали Б. Лихарев, И. Авраменко и др.; в нотном магазине Музиздата (Невский, 27) покупатели встречались с поэтами-песенниками. Поэтическое слово звучало у Нарвских ворот, на Васильевском Острове, Петроградской стороне и в других районах города.

№ 12—13 — печатается по автографам; пост. № 27 за 2014 г. и пост. № 40 за 2017 г. в РО ИРЛИ, ф. 870.

Варламова была участковым врачом клинической больницы № 31 (с 1921 г. — им. Я. М. Свердлова; в городском обиходе — «Свердловка») Приморского района Ленинграда (Санкт-Петербурга), обслуживавшей с 1932 по 1990 г. партийных работников и руководящий состав города. С 1973 г. Людмила Алексеевна — лечащий врач Берггольц; в 1975 г. по ее направлению поэтесса была отправлена на лечение в Военно-медицинскую академию, где и скончалась 13 ноября.

Во время Отечественной войны и блокады Варламова оставалась в Ленинграде и слышала выступления Ольги Федоровны по радио. Позднее, по словам Людмилы Алексеевны, они с Берггольц не раз вспоминали об осадном времени.

№ 14 — печатается по автографу на книге, хранящейся в личной библиотеке И. В. Ашихминой.

К. М. Великанов — доктор экономических наук, автор многих трудов по эффективности новой техники, технологии и организации производства, а также учебных пособий для машиностроительных вузов. Участник Великой Отечественной войны, воевал на Волховском фронте, награжден орденом Отечественной войны II степени.

№ 15 — печатается по автографу; пост. № 27 за 2014 г. в РО ИРЛИ, ф. 870. Дополнительных сведений об адресате Захарове не найдено. Вероятно, один из читателей, посетивших в «День поэта» Дом книги, где выступала и надписывала свои сборники Берггольц. См. также коммент. к № 9—11.

№ 16—21 — печатается по ксерокопии; пост. № 50 за 2016 г. в РО ИРЛИ, ф. 870; книги с автографами хранятся в личной библиотеке О. М. Оконеvской.

О. Оконеvская лично познакомилась с Берггольц в 1964 г., будучи еще студенткой Харьковского университета, и до конца жизни поэтессы постоянно навещала ее во время летних отпусков, приезжая в Ленинград. О годах дружбы с Ольгой Федоровной она рассказала в кн.: *Оконеvская О.* «...И возвращаюсь опять»: Страницы жизни и творчества О. Ф. Берггольц. СПб.: Logos, 2010.

№ 22—24 — печатаются по сканированным копиям, предоставленным И. А. Половниковой; книги с автографами хранятся в библиотеке Литературного музея им. В. П. Астафьева (Красноярск). По воспоминаниям дочери, Инны Алексеевны, дружба А. П. Половникова с Берггольц началась еще с блокадных времен. См. также: *Прозорова Н. А.* Инскрипты и маргиналии в архиве О. Ф. Берггольц. Часть 1. С. 1056.

№ 25—27 — печатаются по автографам на книгах, хранящихся в Литературном музее ИРЛИ. КП 4939.

№ 28 — печатается по фотокопии; пост. № 50 за 2016 г. в РО ИРЛИ, ф. 870.

№ 29—31 — печатаются по автографам на книгах, хранящихся в Литературном музее ИРЛИ. КП 4939.

№ 29 — Возможно, Ольге Федоровне не понравилась не только подборка, но и сама презентация ее произведений в сб. «День поэзии, 1971» (Л., 1971); опубликованные стихотворения предварялись следующей преамбулой: «Эти стихи затерялись на страницах старых блокнотов и среди дневниковых записей. Сейчас они включаются Ольгой Федоровной Берггольц в трехтомник ее сочинений» (Там же. С. 35). В сб. были напечатаны: «Охотнику» («Слезам моим не веришь...»); «Песня» («Слышала, приедешь к нам не скоро ты...»); «Кирову» («Мы с мертвыми прощаемся не сразу...»); «Город» («Как уходила по утрам...»); «Синеглазый мальчик, синеглазый...»; «В Сталинграде» («Здесь даже давний пепел — так горяч...») (Там же. С. 35—39).

№ 31 — В сб. «День поэзии, 1972» опублик.: «Молодому добровольцу» («Товарищ юный, храбрый и веселый...»); «О, если бы дожить — дожить с тобою...»; «Я никогда не напишу такого...»; «Ничто не вернется. Всему предназначены сроки...»; «Во имя лучшего слова...»; «Город» («Как уходила по утрам...») (Л., 1972. С. 74—80).

№ 32–34 — пост. № 24 за 2017 г. в РО ИРЛИ, Р. I, оп. 31 (дар Б. Я. Фрезинского).

И. Эренбургу Берггольц посвятила цикл из шести стихотворений «Европа. Война 1940 года» (1940) (впервые: *Берггольц О.* Верность: Стихи и поэмы. Л., 1970. С. 20–25).

№ 35 — печатается по автографу на книге, хранящейся в личной библиотеке публикатора.

Инскрипт «Это не я!» зафиксировал критическое отношение Берггольц к рисунку женщины-блокадницы в платке художника Николая Ивановича Кузнецова (р. 1936?). Подразумевалось, что на портрете изображена автор книги; однако Берггольц, судя по помете, схождения с собою не находила.

Кузнецов работал в Лениздате в то время, когда главным художником там был О. И. Маклаков (1926–1980) (сообщено Л. И. Климовым). Николай Иванович оформлял книгу Берггольц «Дневные звезды» (Л., 1964), а также издания: «Фантастические повести и рассказы» Г. С. Гора (1970), «Молекулярное кафе» И. И. Варшавского (1964), «Стихотворения» В. С. Шефнера (1965; 1972) и др.

№ 36 — печатается по автографу на книге, хранящейся в Литературном музее ИРЛИ. КП 3186. Предполагаем, что в феврале 1958 г. Берггольц посещала Пушкинский Дом по случаю дня памяти Пушкина — 10 февраля. С учеными Института русской литературы у нее были тесные дружеские и творческие связи. Так, здесь в 1955 г. Ольга Федоровна выступала на Седьмой Всесоюзной Пушкинской конференции, проходившей 4–6 июня, с докладом «О лирике Пушкина». 30 окт. 1960 г. Берггольц и Г. П. Макогоненко выступали на традиционно-памятном собрании, посвященном 149-й годовщине со дня основания Лицея. В архиве поэтессы хранится папка от адреса с гравировкой поздравления от сотрудников Пушкинского Дома в день ее шестидесятилетия: «Ольге Федоровне в день 60-летия от коллектива Пушкинского Дома АН СССР 29 мая 1970» (цит. по: *Прозорова Н. А.* «Не может быть, чтоб жили мы напрасно!»: Топография выставки, посвященной 100-летию со дня рождения О. Ф. Берггольц // «Так хочется мир обнять»: О. Ф. Берггольц: Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 312). См. также дарительные надписи Д. С. Лихачева и А. И. Павловского на их книгах, подаренных Берггольц: *Прозорова Н. А.* Инскрипты и маргиналии в архиве О. Ф. Берггольц. Часть 1. С. 1068–1070.

№ 37 — републикуется по автографу; пост. № 7 за 2018 г. (дар Н. Е. Соколовской); впервые воспроизведено с комментарием: *Соколовская Н.* «Колонны шли мимо меня: оркестры играли о “счастливой жизни”» // Новая газета. 2018. 16 мая. С. 22–23.

№ 38 — воспроизводится по автографу: РО ИРЛИ, ф. 870.

№ 39 — печатается по автографу: РО ИРЛИ, ф. 870.

Автор дарительной надписи — племянник П. С. Грибакина, деятеля Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», сын революционера Василия Степановича Грибакина (1885–1919), основателя «Первого русского общества землеробов-коммунаров» на Алтае. В. С. Грибакин стал прототипом Гремякина из поэмы «Первороссийск» О. Ф. Берггольц.

Г. В. Грибакин был бортмехаником самолета Р-5 экипажа Н. П. Каманина, участвовавшего в спасении с дрейфующей льдины челюскинцев. По постановлению от 20 апр. 1934 г. Герман Васильевич был награжден орденом Ленина (вручен 23 июня

1934 г.). Об обстоятельствах экспедиции он вспоминал в мемуарной статье «Отряд Каманина» (Электронный ресурс) URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55774&p=1> (дата обращения: 07.12.2017). В 1939 г. Грибакин окончил Военно-воздушную академию им. Н. Е. Жуковского. Участвовал в Великой Отечественной войне, награжден Орденом Отечественной войны II степени. Позднее работал в Конструкторском бюро им. А. Н. Туполева (Москва).

Оттиск содержит правку рукой неустановленного лица: на с. 106 в тексте «по национальности – белорус», исправлено на «русский»; на с. 108 и 109 отмечены «галочками» по правому полю последние абзацы; на с. 110 «галочкой» отмечено примеч. 17 (о революционной деятельности В. С. Грибакина).

Н. А. Прозорова

АКТОВЫЙ МАТЕРИАЛ XVII—XIX вв. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ М. С. ЛЕСМАНА

Древнерусские материалы коллекции М. С. Лесмана поступили в Дрвнлехранилище Пушкинского Дома после кончины собирателя в 1985 году, и тогда же были описаны Р. П. Дмитриевой и Т. Р. Руди при участии В. П. Бударагина, Г. В. Маркелова и Н. В. Шухтиной.¹ Однако полноценному описанию тогда были подвергнуты лишь рукописные книги литературно-исторического содержания, а поступившая вместе с основным собранием коллекция документов и деловых бумаг XVII—XVIII вв. была отложена. Настоящая публикация восполняет имеющийся пробел.

Коллекция М. С. Лесмана актового материала древнерусской традиции состоит из 73 документов в виде целых столбцов, а также разрозненных сставов и листов, представляющих собой фрагменты документов. Описание коллекции было затруднено, поскольку в ряде случаев документы не сохранили начальные либо конечные части со строками, содержащими сведения о лицах, причастных к данному документу, либо даты написания, а также самоназвания актов. Многие документы написаны черновой писцовой скорописью и представляют собой заготовки к чистовым копиям. Датированные акты располагаются во временном диапазоне от 1618 до 1775 г. В целом коллекция дает любопытный, хотя и случайный, срез образцов русской деловой письменности почти за два столетия. В описании бумаги распределены по географическому принципу.

Интересны документы из архива Белозерской съезжей избы — уездной канцелярии, в которой представлены образцы деловой письменности за более чем полтора столетия. В этой подборке находится старейший документ коллекции, датированный 1618 г. и содержащий записи допросов по делу о завещании в Новоезерский монастырь дома с угодьями посадского человека Афонасия Дмитриева по прозвищу Чича (№ 1). Важные сведения содержатся в столбце со списками двух царских указов от 1654 года (№ 2), когда в Кирилло-Белозерском монастыре начались строительство и обновление каменных крепостных стен, дошедших до нашего времени. В первом указе предписывалось

¹ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 264–280.

белозерским кузнецам изготовить по присылаемым образцам шанцевый инструмент — лопаты, ломы, кирки, заступы — для разворачивающегося строительства. Во втором документе указывалось о прикомандировании к Кириллову монастырю смольянина Дмитрия Вернова (Дернова) для городского и каменного дела. Именно после начатого строительства в 1654 году монастырь становится одним из важнейших фортификационных сооружений в России.

В этой же подборке находится столбец с челобитной наследников капитана Александра Гаментова (шотландца Гамильтона), служившего в войске московского царя и награжденного за службу поместьями в Белозерском уезде (№ 5). Белозерские жители промышляли рыбой и часто доставляли улов целыми возами в разные города России, о чем свидетельствуют расписки, выданные по предъявлению к продаже товаров из таможен Москвы, Углича, Ярославля, Пошехонья, Весьегонска за 1716—1717 гг. (№ 50—58). Любопытно, что кроме возов с просольной, сушеной, мороженой рыбой белозерцы продавали в городах собственного изготовления деревянные ковши, ковшики, солонки, стаканы и ложки (№ 49). Несколько документов относятся к обычным для помещичьих семейных архивов XVIII в. деловым бумагам. От белозерских помещиков Коротневых: сохранились расписки и квитанции о приеме в казну всевозможных сборов: подушных крестьянских, за рыбные ловли, на содержание армейских полков, на строительство казенных дорог и т. п. документы 1724—1775 гг. (№ 60—73). К тому же типу документов относятся бумаги новгородского помещика Ивана Яковлевича Талызина за 1710—1724 гг. (№ 45—48). В коллекции присутствуют расписки в приеме оброчных денежных сборов от сборщиков Бежецкого уезда за 1695 и 1740 гг. (№ 41—45).

Особый комплекс документов середины XVII в. — 1714 г. составляют бумаги тульских помещиков Кузовлевых. Среди них выделяется редкое частное письмо без даты середины XVII столетия некоего Евсея Грецова к Филимону Яковлевичу Котосонову и Ивану Семеновичу Кузовлеву с просьбой об оказании помощи после ограбления (№ 29). Текст письма приводится ниже с сохранением авторской орфографии:

«Государю моему Фолимону Яковлевичю Котосонаву, Ивану Семенову сыну Кузовлеву бьет челом об нужи своей Евсей Грецов на Федора Зенина, что он меня разорил напрасна, взял твои ковѣтан да подьголовак, все твое побрала стрельцы и меня всего розарили да остатку. Пожалуйте, не покиньте, возьмите поне во грамоту, а з грамотою сами пожалуйте. А харьчи ваши я запълочю вам да Ларивона Филатова сына Козьекова, брата твоево, а у меня сидѣт в городе тетушка. Пожалу, Иван Яковлевич, не покинь своим жалованьем, не покинь, смилуйтеса, пожалуйте нас, не покинте при ну- жи».

Бумаги Кузовлевых содержат любопытные сведения о домашнем имуществе тульских жителей, которое принадлежало зажиточным го-

рожанам и было перечислено в документах по наследственному разделу (№ 31–33). Описаны в подробностях домовые строения, хлебные запасы, скот, одежды и проч. в долях на каждого из наследников и на прокорм отцу их с племянницей. Здесь же документы о продажах литовских пленных и других крепостных людей (№ 34–36), обменах поместьями (№ 38–39) и др.

Важными историческими сведениями обладают и другие документы XVII–XVIII вв., относящиеся к делам в уездах центральной России. Такова пространная роспись богатого приданого, оцененного в документе в крупную сумму 1500 рублей с присовокуплением вотчины в Рязанском уезде – села Казари о сорока дворах (№ 13, без даты). К сожалению, имени будущего владельца не узнать, т. к. начальные строки росписи утрачены.

Сохранилась опись 1684 г. имений вдовы княгини Татьяны Приимковой-Ростовской, располагавшихся во Владимирском уезде (№ 14). Погорелое имущество ямщиков Коломенского яма описано в столбце из 23 сставов (№ 12). Редкий документ представляет собой память от 1681 г. шуйскому кружечному голове Афонасию Гневашеву о составлении сметы на починку ветхого «завода» на кружечном дворе (№ 17). Имеются бумаги по разного рода имущественным делам тульских, рязанских, усманских, ряжских, борисоглебских и пошехонских помещиков. В документах упомянуты имена князя Григория Ухтомского (№ 16) и князя Алексея Кропоткина (№ 25). Отдельные документы содержат сведения по рекрутским наборам Петровского времени (№ 23, 24). К XVII столетию относятся перечни дворов и пахотных участков крестьян и казаков, расселявшихся в Диком поле Воронежского уезда (№ 26, 27). На обороте одного из документов писец оставил в качестве пробы пера поговорку: «Зелен виноград, да не сладок. Млад ум, да не крепок. Стоит море на пети столпех». Ниже на обороте записана черновая расписка беломестного воронежского атамана Игнатия Прокофьева сына Тюлькина о принятии к себе во двор зятя Андроса Гаврилова.

Документы из коллекции М. С. Лесмана нельзя отнести к какому-то единому фонду. Скорее всего, перед нами случайная подборка бумаг, которые собиратель приобретал, исходя из принципа каждого увлеченного и добросовестного коллекционера – не упускать ничего полезного, что оказывалось в поле зрения пусть даже случайно.

Актовый материал коллекции М. С. Лесмана пополнил фонд собирателя (Оп. 52) в Древлехранилище Пушкинского Дома, за общим номером № 38 (1–73).

В приложении публикуется описание небольшой коллекции старинной пластики, собранной М. С. Лесманом и поступившей также в фонды Древлехранилища вместе с собранием древнерусских рукописей и получившей общий номер 37.

Бумаги Белозерской съезжей избы:

1/1². 1618 г. Допросные речи по делу о завещании белозерца посадского человека Афонасия Дмитриева, по прозвищу Чичи, дома с угодьями в Новоезерский монастырь. 1 сстав, скоропись, конец утрачен.

2/24. Указы царские 1654 г.: 1) Указ белозерским кузнецам изготовить топоры, лопаты, заступы, ломы и кирки по присланным образцам. 1 сстав, скоропись (начало не сохранилось). 2) Указ белозерскому губному старосте о смолянине Дмитриии Петрове сыне Вернове, который должен находиться в Кириллове монастыре у городского и каменного дела. 1 сстав, скоропись.

3/57. 1668 г. Допросные речи крестьян по указу Симеона архиепископа Вологодского и Белозерского о наличии в Палежской волости оброчных и порожних земель. 5 сставов, черновая скоропись.

4/3. 1671 г. Указ белозерскому воеводе Василию Семеновичу Дохтурову по челобитью смолянина Григория Маищева (?) о занятии порожних пустошей. 1 сстав, скоропись, только первая часть документа, конец утрачен.

5/23. 1672 г. Дело по челобитью Дмитрия Александра сына Гаментова (Гамильтона) о родственном разделе поместья капитана Александра Гаментова в Белозерском уезде. 19 сставов, скоропись разных почерков. Содержит челобитные, списки указов, допросные речи, доезжие грамоты и др.

6/59. 1674 г. Указ из Поместного приказа по челобитью неустановленного лица о пустошах и угодьях по реке Шексне. 2 сстава, скоропись. Начало и конец не сохранились.

7/5. 1678 г. Указ стольника Никиты Ксенофонтовича Тороканова в Белозерскую съезжую избу. 1 сстав, только первые десять строк.

8/4. 1683 г. Указ в Белозерскую приказную избу провести следствие по делу о владениях Григория Козловского, сговорившего дочь свою Марью замуж за смолянина Дмитрия Кузмина. 4 сстава, скоропись, без начала и конца.

9/47. 1695 г. Расписка о принятии у сборщика Ивана Варезкина оброчных денег с пустошей Деревской пятины. 1 л., скоропись.

10/67. 1717 г. Расписка о принятии денег с различных волостей Белозерского уезда на выдачу солдатам Олонецкого батальона и на конскую пошлину. 1 л., скоропись.

11/66. 1731 г. Квитанция о получении подушных денег на Санкт-Петербургский гарнизонный полк с деревень Никиты Федорова сына Варакина в Кьянской волости Белозерского уезда. 1 л., скоропись.

² Цифра в дроби обозначает номер на документах, проставленный карандашом ранее без всякой системы, — вероятно, самим собирателем.

Документы уездов центральной России:

12/40. XVII в. (середина). Выпись из писцовых книг 1628 г. по челобитью ямщиков Коломенского яма Ильи Четкина со товарищи о выдаче им новых выписок на их погорелые имения в Коломенском селе взамен сгоревших. 23 сстава, скоропись.

13/14. XVII в. (3-я четверть). Роспись приданого. 10 сставов, скоропись, начало утрачено. В конце столбца приписано: «И всево приданова по цене на тысячу на пятьсот рублей, да вотчина в Резанском уезде жеребей села Казари, а в нем сорок дваров».

14/11. 1684 г. Выпись из Владимирских писцовых книг за 1637—1642 гг. о вотчинах и имениях вдовы княгини Татьяны Приимковой-Ростовской. 6 сставов, скоропись.

15/28. 1676—1677 гг. Записи черновые губных старост и черновики имущественных документов по Новой Рязани. 7 разрозненных сставов.

16/27. 1679—1696 гг. Отписки Ямского приказа о принятии ямских и полоняночных денег с поместья и деревень Пошехонского уезда вотчины князя Григория Ухтомского. 19 сставов, скоропись разных почерков.

17/9. 1681 г. Память из Шуйской съезжей избы кружечному голове Афонасию Гневашеву о составлении сметы на починку ветхого завода на кружечном дворе. 1 сстав, скоропись.

18/56. 1683 г. Данная воеводы Ивана Яковлева Мясново посадскому человеку Федору Муракову на место на городской площади в Туле. 2 сстава, скоропись. На обороте черновик 1683 г. допросных речей белозерца Максима Семенова сына Романова по имущественному делу.

19/55. 1690 г. Выпись с отказных книг на поместье усманца Наума Кокорева, отказавшего имение усманцу Фоме Артемьеву Бизяеву. 2 сстава, скоропись.

20/17. 1694 г. Указ Усманскому воеводе провести межевание угодий Федора Щеголеватого и других помещиков. 3 сстава, скоропись.

21/13. 1703 г. Отпускная крепость рейтара Трофима Веревкина на свою дворовую девку Марью Иванову, отпускаемую к Ивану Веревкину. 1 сстав, скоропись.

22/12. 1704 г. Список с выписи по челобитной подьячего приказа Казанского дворца Филиппа Катасонова о поместье в Борисоглебском уезде. 1 л., скоропись.

23/37. 1723—1735 гг. Квитанции (отписи) о наборе из сел Московской губернии новобранцев в рекрутские солдаты по разным полкам. 7 сставов, скоропись.

24/38. 1731 г. Описи (списки) «доимочных» солдат по рекрутским наборам 1720 и 1722 гг., приверстанных к Московской губернии. 3 л., скоропись.

25/31. 1732 г. Расписки Ря(ж)ской воеводской канцелярии о принятии от князя Алексея Михайлова сына Кропоткина денег за мельницу, бани и другое имение. 2 сстава, скоропись.

Бумаги Воронежского уезда:

26/61. XVII в. (середина). Выпись с перечнем дворов крестьян и казаков с пахотными участками в Воронежском уезде. 6 сставов, без начала и конца, скоропись. На обороте 1-го сстава проба пера: «Зелен виноград, да не сладок. Млад ум, да не крепок. Стоит море на пети столпах». На обороте 4-го сстава черновая расписка беломестного воронежского атамана Игнатия Прокофьева сына Тюлькина о принятии к себе во двор зятя Андроса Гаврилова. Строки документа местами выцвели.

27/7. 1687 г. Выписи из отказных книг Поместного приказа по челобитью воронежца Трофима Стерлигова со товарищи о пашнях в пустоши Дикое поле. 5 разрозненных сставов, скоропись.

28/62. XIX в. (1-я четверть). Перечень бумаг, поступивших с 1 по 9 сентября в Воронежский уездный суд. 1 л. из реестровой книги, скоропись.

Бумаги тульских помещиков Кузовлевых:

29/49. XVII в. (середина?). Письмо Евсея Грецова к Филимону Яковлевичу Котосонову и Ивану Семеновичу Кузовлеву с просьбой о помощи после ограбления. 1 л., скоропись.

30/2. XVII в. (середина?). Челобитная помещика Кузовлева на тулянина Сафонова и других, насильно отобравших его родовое имение. 1 сстав, без начала и конца. На обороте запись неизвестного лица о взятых у него Гаврилой Сафоновым платье и деньгах.

31/10. 1670 г. Раздельная память тулянина Семена Иванова сына Кузовлева на имущество, передаваемое своему сыну Семену Семенову Кузовлеву. 4 сстава, скоропись. Содержит подробный перечень строений, людей, скота и другого имущества.

32/26. 1670 г. Раздельная запись тулянина Семена Семенова сына Кузовлева, поделившего пополам с братом своим Емельяном Семеновым Кузовлевым имущество отца своего Семена Кузовлева. 4 сстава, скоропись. Содержит подробный перечень домашнего имущества, строений, хлебных запасов, скота, одежды и проч. в долях на каждого из братьев и на прокорм их отцу с племянницей. На обороте столбца рукоприкладства послухов.

33/29. 1670 г. Раздельная запись тулянина Емельяна Семенова сына Кузовлева, поделившего пополам с братом своим Семеном Семеновым Кузовлевым имущество отца своего Семена Кузовлева. 4 сстава, скоропись. Содержит подробный перечень домашнего имущества,

строений, хлебных запасов, скота, одежды и проч. в долях на каждого из братьев и на прокорм отцу их с племянницей.

34/52. 1670 г. Поступная тулянина Силы Куприянова сына Немцова Семену Семенову сыну Кузовлеву на полонного детину Ивана Матвеева. 1 сстав.

35/53. 1671 г. Выпись из полонных записных книг на поступочного человека, литовского пленного Ивашку Матфеева, данная туляку Семену Кузовлеву. 1 сстав, скоропись.

36/8. 1677 г. Столбец. Включает: А) Купчая запись на литовского полона вдову Зиновейцу, проданную тулянину Семену Иванову Кузовлеву туляником Федором Марковым сыном Грецовым. 1 сстав, скоропись; Б) Поступная запись на дворового человека тулянина Аввакума Минина, отданного за долги тулянину Семену Иванову Кузовлеву. 2 сстава, скоропись.

37/32. 1696 г. Допросные речи по челобитной тулянина Семена Семенова сына Кузовлева о покраже у него дворовой женкой Матрющкой из ларца письменной крепости на крестьянина, купленного у Филата Кузовлева. 3 сстава, скоропись.

38/42. 1697 г. Запись меновная лебедянина Данилы Анкудинова сына Сысоева, променявшего свои поместные угодья в Лебедянском уезде тулякам Федору Маслову и Демиду Кузовлеву. 1 сстав, скоропись.

39/60. 1697 г. Запись меновная лебедянина Данилы Анкудинова сына Сысоева, променявшего свои поместные угодья в Лебедянском уезде тулякам Федору Маслову и Демиду Кузовлеву на земли в селе Остапове Данковского уезда. 1 л., скоропись. Столбец без начала и конца.

40/50. 1714 г. Отписи о принятии провианта для полковых нужд со слободских жителей города Данкова. 1 л., черновая скоропись. На обороте черновик челобитной того же года прапорщика Иуды Кузовлева из полка полковника Гунца на коменданта г. Данкова Ивана Махова, задерживающего выдачу провианта.

Документы Бежецкого уезда:

41/16. 1695 г. Расписка Приказной палаты о приеме 23 рублей оброчных денег с Бежецких пустошей у сборщика Ивана Веревкина. 1 сстав, скоропись.

42/ 43. 1695 г. Расписка Новгородской приказной конторы о приеме оброчных, ямских и полоняночных денег с Бежецкой пятины у сборщика Ивана Веревкина. 1 сстав, скоропись.

43/25. 1740 г. Расписки Бежецкой воеводской канцелярии о приеме сборов от думного дворянина Верховского стана Степана Савича Нарбекова. 5 сставов, скоропись. Имеются квитанции о сборах с вотчин-

ных имений, о приеме провианта для Пермского пехотного полка, за драгунскую лошадь, с прибылых душ.

44/45. 1740 г. Расписка (копия) о приеме подушных денег с села Поречье Бежецкого уезда от Ивана Нарбекова. 1 л., скоропись.

Бумаги новгородского помещика Ивана Яковлевича Талызина:

45/65. 1710 г. Расписка о принятии оброчных денег от Ивана Яковлева сына Талызина за рыбные ловли. 1 л., скоропись.

46/48. 1717 г. Расписка четвертщика Богдана Ушакова о принятии оброчных денег от Ивана Талызина с рыбных ловель на реке Пола. 1 л., скоропись.

47/20. 1718 г. Расписка Иова Благово о принятии денег у Ивана Яковлева сына Талызина с окладных рыбных ловель Устьянского погоста за прошлые годы. 1 л., скоропись.

48/15. 1724 г. Расписка комиссара Василия Болкошина о принятии у дворянина Ивана Яковлева сына Талызина оброчных денег с рыбных ловель. 1 л., скоропись.

Таможенные расписки и квитанции белозерцев:

49/64. 1716 г. Расписка Санкт-Петербургской таможи о взятии таможенного сбора с белозерца Григория Павлова за привезенные из Белозерского уезда на продажу деревянные ковши, ковшики, солонки, стаканы и ложки. 1 л., скоропись. Приложена печать черного воска.

50/68. 1716 г. Расписка Московской большой таможи о принятии таможенных сборов с белозерца села Великоселья Ивана Фомина с товарищи, привезших в Москву возы со свежей рыбой. 1 л., скоропись. Приложена печать черного воска.

51/69. 1716 г. Расписка Весьегонской таможи о принятии таможенных сборов с белозерского посадского человека Василия Рудакова, привезшего свежую и сушеную рыбу. 1 л., скоропись. Приложена печать черного воска.

52/70. 1716 г. Расписка Московской большой таможи о взятии таможенного сбора с белозерца Матвея Локтева за предъявленную им к продаже рыбу. 1 л., скоропись. Приложена печать черного воска.

53/71. 1716 г. Расписка Угличской таможи о принятии таможенных сборов с белозерского посадского человека Василия Денисова сына Протопопова, привезшего свежую и сушеную рыбу. 1 л., скоропись. Приложена печать черного воска.

54/72. 1716 г. Расписка Ярославской таможи о взятии таможенного сбора с белозерца Григория Попонина за проданную им в Борисоглебске рыбу. 1 л., скоропись. Приложена печать черного воска.

55/74. 1716 г. Расписка Восьегонской таможи о взятии таможенного сбора с белозерца Василия Протопопова за привезенные из Белозерского уезда на продажу снетки и судаки. 1 л., скоропись. Приложена печать черного воска.

56/75. 1716 г. Расписка Ярославской таможи о взятии таможенного сбора с белозерца Ивана Филина за проданную им в Ярославле рыбу. 1 л., скоропись. Приложена печать черного воска.

57/39. 1717 г. Расписка Пошехонской таможи о взятии торговых пошлин с белозерского посадского человека за проданную им просоленную рыбу и снетки. 1 л., скоропись. Приложена печать черного воска.

58/73. 1717 г. Выпись «на простой бумаге» о взятии таможенного сбора с белозерца Тихона Захарьина за проданную им в Пошехонье рыбу. 1 л., скоропись. Приложена печать черного воска.

59/58. XVIII в. (1-я четверть). Отрывки из указателя к уставу о таможенных сборах. 1 л., скоропись. Содержит главу 8-ю о сборах на выкуп пленных и главу 9-ю о таможенных сборах. Лист поврежден.

Бумаги помещиков Белозерского уезда Коротневых:

60/44. 1724 г. Расписка о принятии в казну денег на армейский подряд с поместья Василия Коротнева в Белозерском уезде. 1 л., скоропись.

61/51. 1729 г. Расписка о принятии денежных сборов с села и деревень стольника Максима Елизарова сына Коротнева в Белозерском уезде на Санкт-Петербургский гарнизонный полк. 1 л., скоропись.

62/46. 1733 г. Расписка о принятии денежных сборов с села и деревень в Белозерском уезде стольника Максима Коротнева на Санкт-Петербургский гарнизон. 1 л., скоропись.

63/63. 1738 г. Приемное письмо о взятии в рекруты четырех человек «из наряда» сельца Вахнина Белозерского уезда вотчины Максима Елизарова сына Коротнева. 1 л., скоропись.

64/19. 1740 г. Квитанция о приеме соломы для артиллерийских лошадей с сел Белозерского уезда вотчины стольника Максима Коротнева. 1 л., скоропись.

65/30. 1740 г. Квитанция Белозерской провинциальной канцелярии о принятии подушных сборов с деревень Кьянской волости стольника Максима Коротнева. 1 л., скоропись.

66/21. 1764 г. Квитанция Белозерского магистрата о принятии недоимочных денег за рыбные ловли с крестьян сельца Вахнинского Кьянской волости. 1 л., скоропись.

67/18. 1765 г. Квитанция о приеме подушного сбора от Александра Коротнева с сельца Вахнинского Белозерского уезда. 1 л., скоропись.

68/54. 1770 г. Квитанция о взятии денег на ремонт дороги Москва — Санкт-Петербург с села Вахнинского Белозерского уезда вотчины Александра Коротнева. 1 л., скоропись.

69/34. 1771 г. Квитанция о получении подушных денег от Александра Васильева сына Коротнева с 39 душ села Вахнинского Кьянской волости Белозерского уезда. 1 л., скоропись.

70/35. 1771 г. Квитанция о получении подушных денег Александра Васильева сына Коротнева села Вахнинского Кьянской волости Белозерского уезда. 1 л., скоропись.

71/41. 1771 г. Квитанция о получении подушных денег на ремонт дороги Петербург — Москва с села Вахнинского Заозерского стана Белозерского уезда. 1 л., скоропись.

72/33. 1772 г. Квитанция о получении подушных денег от Александра Коротнева с 39 душ села Вахнинского Кьянской волости Белозерского уезда. 1 л., скоропись.

73/36. 1775 г. Квитанция о получении подушных денег от Александра Васильева сына Коротнева с 39 душ села Вахнинского Кьянской волости Белозерского уезда. 1 л., скоропись.

**Описание произведений старинной живописи и пластики,
собранных М. С. Лесманом.
Коллекция Лесмана, № 37 (1—8)**

1. Богородица всех скорбящих радость. XIX в. Икона, доска, левкас, темпера. 10,8 × 8,4 см. Имеются следы оклада. Икона вложена в карман холщевой ладанки, 13 × 16 см.
2. Складень. XIX в. Литье, латунь. Сохранились: 1) Средник с изображением Богоматери всех скорбящих радости. 10 × 6,3 см. В навершии — Спас нерукотворный, Троица и два херувима; 2) Правая часть створ с изображением Воскресения Христова (вверху) и Вознесения Господня (внизу). 6,3 × 3,1 см.
3. Средник створ с изображением Богоматери всех скорбящих радости. XIX в. Литье, латунь. 10,3 × 6,7 см. В навершии — Спас нерукотворный, Троица и два херувима.
4. Складень латунный. XIX в. Сохранились: 1) Средник с изображением Богоматери всех скорбящих радости. 5,7 × 5,9 см.; 2) Правая часть створ с изображениями Кирика и Улиты, Параскевы Пятницы и избранных святых. 5,2 × 5,1 см. Имеются следы голубой эмали. Выг?
5. Никола Явленный. XVIII—XIX в. Литье, медный сплав со следами эмали. 3 × 3,1 см. На обороте форма для перегородчатой эмали.
6. Рождество Христово. XVIII—XIX в. Литье, медный сплав. Ушко утрачено, в правом углу утраты металла. 6,13 × 5,5 см.
7. Застежки к переплету парные. XIX в. Литье, чеканка, латунь. 5 × 2,2 см. Обе застежки закреплены на остатках ремней.
8. Наугольник к переплету. XIX в. Чеканка, латунь. 7 × 6,3 см.

Г. В. Маркелов

**МАТЕРИАЛЫ М. Л. ГАЛЛАЯ
В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА
Фонд 840. Опись 13**

Марк Лазаревич Галлай, советский летчик-испытатель, писатель, Герой Советского Союза, родился 3 (16) апр. 1914 г. в Белоруссии в г. Волковыске Гродненской обл. — на родине семейства Галаев, многие представители которого в начале XX в. оказались в Петербурге. Отец Марка, Лазарь Моисеевич Галлай (1885—1953), был инженером-энергетиком, экономистом; мать, Зинаида Александровна Галлай (урожд. Ливенсон, 1895—1985), — актриса, впоследствии работавшая в Ленгорэстраде в амплуа сказительницы. Дядя по отцовской линии, Оскар Михайлович Галлай (1889—1963), — режиссер, начиная с середины 1920-х г. и до конца жизни подготовил несколько десятков научно-популярных фильмов на киностудиях Ленинграда. Семья была знакома с ленинградской артистической средой.

В 16 лет М. Л. Галлай начал работать токарем на заводе «Красный Октябрь». С 1932 по 1935 г. он учился в Ленинградском институте инженеров гражданского воздушного флота,¹ а в 1935 г. перевелся в Ленинградский политехнический институт, после окончания которого в 1937 г. поступил инженером на работу в крупнейший государственный научный авиационный центр — ЦАГИ.² С 1935 г. Галлай уже летал на планерах и прыгал с парашютом в Ленинградском аэроклубе, а в сентябре 1937 г., без отрыва от работы, окончил летную школу и стал летчиком-испытателем центра.

После начала Великой Отечественной войны с июля 1941 г. М. Л. Галлай состоял летчиком-истребителем 2-й отдельной истребительной авиаэскадрильи противовоздушной обороны Москвы. До сентября 1941 г. он участвовал в защите Москвы от налетов немецкой авиации и совершил 9 боевых вылетов. Во время первого ночного налета фашистской авиации на Москву 22 июля 1941 г. М. Л. Галлай сбил не-

¹ В 1941 г. преобразован в Военно-воздушную академию, а в 1955 г. к названию академии прибавилось имя А. Ф. Можайского, ныне Военно-космическая Краснознаменная академия имени А. Ф. Можайского.

² Ныне Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н. Е. Жуковского (ФГУП «ЦАГИ»).

мецкий самолет «Дорнье-215»³ — это была единственная вражеская машина, сбита им за время войны. За этот боевой эпизод он был награжден орденом Красного Знамени.

В январе-марте 1942 г. Марк Лазаревич служил заместителем командира эскадрильи 128-го бомбардировочного авиаполка на Калининском фронте и совершил 28 боевых вылетов, а с мая 1943 г. — летчиком 890-го полка авиации дальнего действия. В июне 1943 г. Галлай перелетал через линию фронта в составе экипажа самолета ТБ-7,⁴ который был сбит над оккупированной территорией в районе Брянска. Дотянув до леса, Марк Лазаревич и его штурман прыгнули с парашютами. После многодневных скитаний им удалось найти партизан Рогнединской партизанской бригады Брянской области, откуда через 12 дней на самолете Галлая вывезли за линию фронта.

В дальнейшем летчика направили на летно-испытательную работу в Летно-исследовательский институт имени М. М. Громова (ЛИИ), включающий в себя аэродром «Раменское» и научный центр, расположенные в г. Жуковском Московской обл. Здесь он проработал вплоть до своего увольнения в 1950 г., причиной которого считал начавшуюся кампанию по «борьбе с космополитизмом». После увольнения — с 1950 по 1953 г. — Марк Лазаревич работал летчиком-испытателем НИИ-17,⁵ куда его взяла заместитель начальника по летной части прославленная летчица В. С. Гризодубова, а в 1953—1958 г. был летчиком-испытателем Экспериментального машиностроительного завода им. В. М. Мясищева. За время летно-испытательной работы Галлай освоил около 125 типов самолетов, вертолетов и планеров. В 1957 г. за мужество и героизм, проявленные во время испытаний новой авиационной техники, Галлаю присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1958 г. Марк Лазаревич был уволен в запас из Вооруженных сил СССР в звании полковника. С этого времени и до 1975 г. он работал в ЛИИ старшим научным сотрудником. В 1959 г. Галлай получил звание заслуженного летчика-испытателя СССР и был назначен заместителем председателя методического совета Министерства авиационной промышленности СССР по летным испытаниям, а в 1960—1961 г. был инженером-методистом первого отряда космонавтов и готовил к по-

³ Немецкий двухмоторный моноплан цельнометаллической конструкции фирмы Dornier образца 1938 г. задумывался как экспортный вариант самолета Do-17Z. Во время Великой Отечественной войны применялся как разведчик и ночной истребитель.

⁴ Другие обозначения — Пе-8 и АНТ-42, советский четырехмоторный тяжелый бомбардировщик дальнего действия (иногда классифицируется как стратегический) периода Великой Отечественной войны.

⁵ В 1944 г. для разработки самолетных радиолокационных систем в Москве было создано Центральное конструкторское бюро № 17 (ЦКБ-17), переименованное в 1946 г. в научно-исследовательский институт, позднее Институт приборостроения, ныне Концерн радиостроения «Вега».

лему его первую группу — «гагаринскую шестерку». М. Л. Галлай награжден одиннадцатью орденами: трижды — орденом В. И. Ленина, четырежды — орденом Красного Знамени, дважды — орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почета», а также 15 медалями.

С 1945 г. Марк Лазаревич начал выступать в периодической печати со статьями, очерками, рецензиями на авиационно-технические темы. Всего за время работы в научно-исследовательских центрах он опубликовал около 30 научных работ, а также преподавал в Московском авиационном институте и Академии гражданской авиации. В 1972 г. ему была присвоена степень доктора технических наук, а в 1994 г. — звание профессора; он был действительным членом Академии транспорта Российской Федерации.

С конца 1950-х г. параллельно с научной и преподавательской работой М. Л. Галлай начинает писать документально-художественную прозу, в которой нашла отражение его многолетняя служба в советской авиации. Первые повести, получив одобрительную оценку А. Т. Твардовского, увидели свет в 1960-х г. в «Новом мире»: «Через невидимые барьеры: Из записок летчика-испытателя» (1960. № 6, 7), «Испытано в небе: Вторая книга записок летчика-испытателя» (1963. № 4, 5) и «Первый бой мы выиграли: Из записок летчика-испытателя» (1966. № 9). В предисловиях к своим произведениям автор не раз замечал, что его «записки» не являются автобиографией, хотя «все написанное в них — правда». Для Галлая рассказ о важных событиях в истории авиации, свидетелем и участником которых довелось ему быть, это прежде всего — рассказ «о людях, которые испытывают, исследуют и совершенствуют самолеты в полете».⁶

Помимо документального автор выступал и в биографическом жанре (см. книги из серии «Легендарные герои»: «Валерий Чкалов» (М.: Малыш, 1981) и «Летчик Валентина Гризодубова» (М.: Малыш, 1984); «Жизнь Арцеулова» (М.: Политиздат, 1985); см. также его вступительную статью «Не могу не участвовать» к книге Антуана де Сент-Экзюпери «Южный почтовый. Ночной полет. Планета людей. Военный летчик. Письмо заложнику. Маленький принц. Пилот и стихии» (М.: Худ. лит., 1983. С. 5—14)), и в мемуарном, — см. например, воспоминания о Константине Симонове «Менялся и оставался самим собой» (Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Сов. писатель, 1984. С. 27—32), и как популяризатор темы «авиаторы об авиации» (Третье измерение. М.: Сов. писатель, 1973).

Галлай интересовал тип писателя-авиатора. Скорее всего, именно этот интерес и сблизил Марка Лазаревича, человека открытого и общительного, с М. С. Лесманом. Их знакомство состоялось, очевидно,

⁶ Галлай М. Через невидимые барьеры. Испытано в небе: из записок летчика-испытателя. М.: Мол. гвардия, 1965. С. 3.

в первой половине 1960-х г. В письме от 22 окт. 1965 г. Галлай благодарил коллекционера за присланный материал о писателе, лингвисте и филологе, переводчике и журналисте Л. В. Успенском: «Я сейчас пытаюсь узнать у знакомых историков авиации — <...> что он представлял собой как летчик. <...> кем был Л. В. Успенский: подлетающим литератором или пописывающим летчиком?»⁷ Себя Галлай причислял ко второй категории писателей.

Со временем общение летчика-испытателя и коллекционера переросло в дружбу семей М. С. Лесмана и Н. Г. Князевой и М. Л. Галлая, его жены, Ксении Вячеславовны, и матери — Зинаиды Александровны Галлай (урожд. Ливенсон). В конце 1970-х г. по просьбе Лесмана Галлай передал в его коллекцию рукописи нескольких своих произведений. В письме от 4 дек. 1978 г., скромно причисляя свои сочинения к «литературному фону», в частности, он писал: «<...> я выполняю свое обещание (наверное, правильное было бы сказать: привожу в исполнение свою угрозу) и посылаю Вам — для пополнения упомянутого фона — “изначальную” рукопись моего первого не технического, а предназначенного для так называемого “широкого читателя” сочинения. Написано оно было в 1959 году, во время отпуска, на Рижском Взморье, а опубликовано в 1960 году в журнале “Новый мир” и далее четырьмя книжными изданиями в 60-х годах. В настоящее время проходит по рубрике “Забытые песни”. Так как я сам рукописи (тем более, свои собственные) не собираю, то и прилагаемые страницы предоставляю полностью на Ваше усмотрение. Найдете Вы их подходящими для того самого фона — сочту это за честь <...>».⁸ Впоследствии мать Галлая также передала в коллекцию Лесмана наиболее интересные материалы из личного архива.

В 1965 г. Марк Лазаревич был принят в члены Союза писателей СССР, а с 1975 г. и до своей смерти — более 20 лет — он занимался только литературным трудом. Практически все, написанное им, переиздавалось по нескольку раз. В 1990 г. увидел свет двухтомник произведений Галлая (Избранное: В 2 т. / [Ред. Б. И. Рыбин; вступ. ст. Л. Лазарева]. М.: Воениздат, 1990).

В 1963 г. писатель, журналист, спецкор газеты «Известия» А. А. Аграновский написал документальный очерк «Открытые глаза» (М.: Советская Россия, 1963) о создании советского реактивного истребителя МиГ-9, одним из персонажей которого стал М. Л. Галлай. В этом же году на основе очерка (сценарий А. Аграновского и Л. Аграновича) ре-

⁷ РО ИРЛИ, ф. 840, оп. 1 (находится в обработке). Об увлечении Л. В. Успенского авиацией в детстве см.: Филиппова Р. Лев Успенский и его книги // Успенский Л. В. Слово о словах: [Очерки о языке. Изд. 5-е, пересмотр и доп.] — Почему не иначе? [Этимол. словарик школьника. Переизд.] Л.: Детская литература, 1971. С. 5—22.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 840, оп. 13, № 1, л. 175—176.

жиссером Т. М. Лиозновой создан фильм «Им покоряется небо», прототипом одного из персонажей которого также стал Галлай.

В 1984 г. по сценарию М. Л. Галлая был поставлен художественный фильм «Три процента риска» (реж. Г. Полока, В. Шредель; в ролях: К. Лавров, П. Кадочников, И. Бортник, А. Демьяненко, В. Золотухин, И. Резникова, Ю. Лазарев), а в 1997 г. — документальный фильм «Единица порядочности — один Галлай» (реж. Э. Рязанов). Одной из малых планет Солнечной системы (№ 6719) присвоено наименование «Галлай». В день 100-летия со дня рождения выдающегося летчика 16 апр. 2014 г. в его честь была названа улица в Приморском районе Санкт-Петербурга на территории Комендантского аэродрома.

Марк Лазаревич Галлай скончался 14 июля 1998 г. и похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.⁹

Комплекс материалов М. Л. Галлая был передан в Рукописный отдел ИРЛИ РАН Н. Г. Князевой в составе первого поступления документов из коллекции М. С. Лесмана в 1994 г. (см.: пост. № 20 за 1994 г.). В издание «Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захаренко и др.» (М., 1989) вошло описание только одной единицы хранения с автографом Галлая — «Из воспоминаний о Константине Симонове».

Личного архива Марка Лазаревича Галлая в коллекциях Рукописного отдела ИРЛИ не имеется. На сегодняшний день в других архивохранилищах его документы нами также не обнаружены.

В результате НТО оп. 13 — «Галлай Марк Лазаревич. Творческие материалы; материалы матери, Галлай (урожд. Ливенсон) Зинаиды Александровны, в собрании М. С. Лесмана» — сформировано 20 ед. хр., включенных в одну опись и систематизированных по двум разделам.

В раздел 1 «Творческие материалы» в хронологическом порядке вошли 6 ед. хр. с автографами повестей «Через невидимые барьеры: Из записок летчика-испытателя», «Полоса точного приземления (почти документальная повесть)», «...и помножьте на девятьсот восемьдесят!», рассказа «Чему учит Север», воспоминаний о К. Симонове и рецензии на его книгу «Разные люди войны» (М., 1978) за 1959—<не позднее 1998> г. За *** вынесены 2 ед. хр.: единица хранения с биографическим

⁹ Кроме документов описи 13 в биографической справке использованы материалы: Балаков И. Б., Симонов А. А. Испытатели МиГов. Жуковский: Авиационный Печатный Двор, 1999. С. 26—96; Васин В. П., Симонов А. А. Испытатели ЛИИ. Жуковский: Авиационный двор, 2001. С. 12—192; Симонов А. А. Заслуженные испытатели СССР. М.: Авиамир, 2009. С. 54—55; Чернышева В. Наставник Гагарина, или Условно летная погода // Независимая газета. 2009. 10 апр. http://nvo.ng.ru/style/2009-04-10/12_gallai.html (Дата обращения: 20 июня 2019 г.). С. 26—96. Лазарев Л. Планета «Галлай» // Лехаим. 2003, март. 3 (131) <https://www.lechaim.ru/ARHIV/264/4x4.htm> [Дата обращения: 25 июня 2019 г.] 100-летие Марка Галлая отметили маркой // Мир истории. 2015. № 1. www.historia.ru (Дата обращения: 27 июня 2019 г.).

документом <1910> г. и письмом прозаика и поэта К. М. Симонова к М. Л. Галлаю 1974 г. с сопроводительным письмом последнего к М. С. Лесману.

В раздел 2 «Материалы матери, Галлай (урожд. Ливенсон) Зинаиды Александровны» включены два подраздела. В подразделе 2.1 с документами к биографии матери М. Л. Галлая в хронологическом порядке стоят 3 ед. хр. за 1908–1944 г., в том числе программы театральных и эстрадных спектаклей, в которых она принимала участие, и документы, привезенные ею в 1944 г. после выездного концерта перед войнами 2-го Белорусского фронта.

В подразделе 2.2 за 1941–1964 г. находятся 5 ед. хр. с письмами разных лиц к З. А. Галлай, среди которых народная артистка СССР Е. П. Корчагина-Александровская и актриса, педагог Е. И. Тиме-Качалова.

Подраздел 2.3 «Документы других лиц» включает 4 ед. хр. за 1883–<не позднее 1985> г. с дарительными надписями, адресованными З. А. Галлай и ее родителям, на фотографиях Е. И. Тиме-Качаловой, оперного певца, режиссера, педагога А. М. Давыдова (наст. фам. и имя Левинсон И. М.), А. Черномордик-Славиной и на авторизованной машинописи стихотворения «Сказка о том, как котенок стал котом» поэта, журналиста А. А. Прокофьева.

Е. М. Аксененко

МАТЕРИАЛЫ Т. Г. ГНЕДИЧ В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА Фонд 840. Опись 15

Татьяна Григорьевна Гнедич (1907–1976), переводчик, поэт, член Союза писателей СССР,¹ была знакома с М. С. Лесманом и Н. Г. Князевой, посещала их дом и, вероятно, в начале 1970-х г. отдала на хранение библиофилу наиболее интересные материалы из своего архива. Эти документы были переданы в Рукописный отдел ИРЛИ РАН Н. Г. Князевой в 1994 г., в составе первого поступления из собрания М. С. Лесмана (см.: пост. № 20 за 1994 г.).

В коллекциях Рукописного отдела ИРЛИ помимо личного фонда Т. Г. Гнедич (ф. 810) имеются отдельные ее документы в архиве Е. В. Дружининой (урожд. Георгиевская) (ф. 478). Архивные материалы Т. Г. Гнедич хранятся также в Историко-литературном музее г. Пушкина и Музее Театра комедии им. Н. П. Акимова (СПб.).

В результате НТО оп. 15 – «Гнедич Татьяна Григорьевна. Фотография и переписка в собрании М. С. Лесмана (<1926>–1974)» – сформировано 19 ед. хр., составивших одну опись и систематизированных по двум разделам.

Раздел 1 «Фотография» содержит единицу хранения с фотопортретом Т. Г. Гнедич 1970-х г.

Раздел 2 «Переписка» состоит из двух подразделов:

1.1 «Письма Т. Г. Гнедич к разным лицам», включающего 7 ед. хр. за <1938>–1969 г. и 1.2 «Письма разных лиц к Т. Г. Гнедич», в который вошли 10 ед. хр. за 1926–1974 г. Материалы раздела расположены в алфавите фамилий адресатов и корреспондентов, среди которых Н. П. Акимов, П. Г. Антокольский, Л. И. Борисов, В. А. Рождественский,² А. А. Смирнов, Н. С. Тихонов, К. И. Чуковский, Е. В. Юнгер.

За *** вынесено письмо Н. С. Тихонова 1961 г. к неустановленному лицу, Гале, ученице школы № 22 г. Пушкина.

Е. М. Аксененко

¹ Биографическую справку о Т. Г. Гнедич, а также информацию о ее архиве, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, см. в статье: *Виноградова Е. В. Гнедич Татьяна Григорьевна. Фонд 810 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2017 год.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 668–673.

² См. публикацию части переписки Т. Г. Гнедич с В. А. Рождественским: «...Увижу мой город свободным...»: Переписка Т. Г. Гнедич с В. А. Рождественским (1943–1944) / Публ. Е. М. Аксененко // «Верили в победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2015. С. 36–69.

**ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX–XXI вв.,
ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
В 2017 г.**

За принесение в дар архивных материалов Рукописному отделу Института русской литературы выражаем глубокую благодарность Г. Р. Азатову, В. Г. Аптер, В. Е. Багно, А. В. Балакиреву, Г. В. Бахаревой, Н. Е. Гаврилиной, А. П. Дмитриеву, Б. Ф. Егорову, А. Н. Захарову, Е. Е. Зингер, Е. Р. Измestьевой-Новожиловой, Н. Г. Князевой, В. Н. Кречетову, И. А. Лобаковой, В. А. Лукницкому, Д. И. Луковской, М. О. Малевичу, Б. Е. Мельникову, А. Г. Мецу, О. С. Наровчатовой, Е. Г. Недорубовой, О. М. Оконеvской, В. А. Петрицкому, С. М. Петровской, И. А. Половниковой, А. Г. Попофф, Н. А. Прозоровой, В. А. Ромодановской, И. Э. Рыженко, Т. Ф. Селезневой, Р. В. Сенчину, Т. Е. Сохор, В. В. Филичевой, М. А. Флит, Б. Я. Фрезинскому, П. Н. Чейгину, А. Ю. Чернову, Л. Е. Шахт, О. Г. Щербининой.

Новые фонды

Кречетов Виктор Николаевич (р. 1942) – писатель, поэт, публицист, литературный критик, член Союза писателей России. Фонд 943.

Малевич Олег Михайлович (1928–2013) – литературовед, богемист, переводчик, поэт; **Каменская** Виктория Александровна (1925–2001) – переводчица, литературовед, жена О. М. Малевича. Фонд 942.

Матвеев Герман Иванович (1904–1961) – писатель, драматург. Фонд 941.

Флит Александр Матвеевич (1891–1954) – поэт, писатель-сатирик. Фонд 940.

Дополнения к фондам

Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975) – поэт. Фонд 870.

«Дневные звезды». Сборник стихотворений. Типогр. экз. (Л., 1971) с дарительной надписью Л. А. Варламовой, вручу.

Письмо С. С. Наровчатову (1945). Автограф.
Магнитная пленка с записью юбилейного вечера, посвященного 60-летию О. Ф. Берггольц.

Авторские дарственные надписи О. Берггольц на книгах, подаренных Н. Б. Банк. Автографы (1942, 1945, 1970).

Кузьмин Александр Иванович (1916–2010) – писатель, литературовед.

Фотографии: портреты, групповые. Электронные копии.

Фотографии родственников: матери, дочери, жены и др. Электронные копии.

Лесман Моисей Семенович (1902–1985) – пианист, библиофил, коллекционер. Фонд 840.¹

Balzac H. de. Les Chouans ou la Bretagne en 1799 (Бальзак О. де. Шуаны, или Бретань в 1799 г.). Роман. Типогр. экз. (1834) с дарительной надписью Э. Ганской (урожд. Ржевуской).

Книги (35) с дарительными надписями М. С. Лесману и Н. Г. Князевой.

Лукницкий Павел Николаевич (1900–1973) – поэт, прозаик, собиратель материалов об А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилеве.

Письма к В. К. Лукницкой, жене, и С. П. Лукницкому, сыну. Машинопись, автографы (1940–1972).

Фотографии (4) семейные с женой (1950–1973).

В. А. Шошин. Стихотворения (2) из книги «Здравствуй, университет». Машинопись.

В. А. Шошин. Подвиг навсегда. Статья. Принтерный вывод (б. д.).

Материалы В. К. Лукницкой, жены. Фотографии: портреты (6), групповые (4), в т. ч. с сыном. Подлинники (1950–1993).

В. А. Шошин. Стихотворения, посвященные В. К. Лукницкой. Автографы (1973, 1985).

Рильке Райнер Мария (нем. Rilke Rainer Maria, полное имя: René Karl Wilhelm Johann Josef Maria Rilke; 1875–1926) – австрийский поэт-модернист.

Стихотворения в пер. с нем. А. А. Блока, С. В. Петрова. Из журн. «Звезда» рукой неустановленного лица. Тетрадь, машинопись (1966).

¹ Материалы коллекции М. С. Лесмана находятся в научно-технической обработке и будут доступны исследователям после завершения комплектования коллекции и ее научного описания.

Сологуб Федор Кузьмич (1863–1927) — поэт, писатель, драматург, публицист.

В. И. Корехин (псевд. В. Корин). Умирающая. Стихотворение. Автограф (б. д.).

Отдельные поступления

Довлатов Сергей Донатович (1941–1990) — писатель, журналист.

Письма к Б. Д. Довлатову, брату, 6 (кон. 1970-х). Машинопись.

Измestьева-Новожилова (урожд. Шлейфер) Елена Робертовна (1896–1985) — адвокат.

Воспоминания об учебе на Бестужевских курсах (<1915–1918>). Автограф (кон. 1960-х).

Мельников Борис Евгеньевич (р. 1948) — доктор технических наук, заведующий кафедрой сопротивления материалов Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

«Как я дошел до жизни такой». Эссе. Принтерный вывод.

Мухин Аркадий Андреевич (1867–1942) — преподаватель русского, латинского и греческого языков и логики, надворный советник.

«Е. А. Дацкевич об А. А. Мухине». Воспоминания. Краткая запись беседы с Е. А. Дацкевич (2015) и подготовка текста О. Е. Рубинчик. Принтерный вывод. С приложением фотографии класса школы № 204 г. Ленинграда. В центре — А. А. Мухин. Подлинник (1938).

О. Е. Рубинчик. «Наш Арканзончик». Воспоминания об А. А. Мухине. Принтерный вывод.

Островский Андрей Андреевич (1885–1924) — муж поэтессы Н. В. Грушко, племянник драматурга А. Н. Островского.

Письмо неустановленному лицу (1907).

Петрицкий Велимир (Вилли Александрович) (р. 1931) — российский культуролог и библиофил.

Дарительные надписи Б. М. Эйхенбаума, С. Ф. Платонова, П. Н. Беркова, А. С. Полякова и др. на авторских книгах (7), с газет, вклейками, комментариями (автографы) и экслибрисами В. Петрицкого.

Письмо В. Петрицкому Н. В. Измайлова, с приложением программы XXV Пушкинской конференции (1978).

Приглашение на доклад Н. К. Пиксанова «Мое Грибоедовское собрание» в Дом ученых им. М. Горького. Типогр. экз. (1949).

Поварнин Сергей Иннокентьевич (1870–1952) — философ, логик.

«Была и нет!..», «Я должен быть твердым, спокойным, разумным...», «Наполню лампу снова» и др. Стихотворения. Черновые автографы (б. д.).

Закон условной связи мыслей. Отрывок. Автограф (б. д.).

«А. К. Толстой. Критический набросок». Автограф (б. д.).

Страничка из дневника (31 января б. г.). Автограф (<1898?>).

Общие основания проекта учебного плана музейного отдела Института внешкольного образования на 1919–1920 и 1920–1921 учебные годы. Машинопись (1919).

Положения к диссертации С. И. Поварнина. «Логика. Общая теория доказательств». Типогр. экз. (1916).

Автобиография. Автограф (б. д.).

Прошения, письма, заявления в Императорский Санкт-Петербургский университет, правление Госкурсов техники речи, в НИИЭФП, МГУ, ЛГУ и др. (1896, 1920, 1926, 1945, 1948).

Членские билеты 3 (1924–1940), библиотечные билеты (1913, 1922), расчетная книжка научного сотрудника Государственной Публичной библиотеки (1926), страховое свидетельство (1936). Подлинники.

Фотографии: портреты 5; семейные 2. Подлинники (б. д.).

Фотография сотрудников библиотеки Института экспериментальной медицины. Подлинник (1930-е). Атрибутирован.

Г. Чочиа к Р. Б. Жуховицкому, доктору, рекомендательное письмо относительно лечения С. И. Поварнина (1947).

Письма его В. П. Головиной 2 (1944, 1947), И. В. Сталину (1939?).

Письма С. И. Поварнину родственников: А. Поварниной, матери (1912 и б. д.), Е. Поварнина, брата 3 (1931 и б. д.), К. И. Поварнина, брата (1912).

Письма от В. П. Головиной 2 (1945, 1948), из конторы типографии «Сириус» (<до 1914>).

Справки из РГВИА (Москва), исторических архивов Брянской, Брестской, Подольской, Орловской обл., выданные Т. Е. Сохор: автобиографии, личный листок по учету кадров, приказы по НИИЭФП, выписки из протоколов аттестационной комиссии и др. Подлинники, машинопись, ксерокопии (1945–1949).

Т. Е. Сохор, Л. Г. Тоноян. «Видеть истину во что бы то ни стало...» (С. И. Поварнин на рубеже веков). Статья в журн. «Логико-философские штудии» (СПб., 2014. Вып. 14). Типогр. экз.

В. И. Кобзарь. С. И. Поварнин и философско-логическая школа ЛГУ. Статья. Принтерный вывод.

Материалы М. Г. Поварниной (урожд. Кулжинская), жены. Удостоверения (2) машинистки при Петроградском педагогическом институте. С фотографией. Подлинник (1917). Без фотографии. Подлинник (1918).

Освобождение от трудовой повинности. Выписка из протокола Петрогубсовета от 27 авг. 1920 г. Подлинник (1920).

Фотографии: портреты 6 и в группе 2. Подлинники (б. д.).

К. И. Поварнин. Педагогические институты и их роль в науке и практике. Оттиск из журн. «Вестник психологии». 1916. Вып. 2. Типогр. экз. с дарственной надписью С. И. Поварнину.

Фотографии его: портреты 3. Подлинники, переснимок (б.д.).

Самойлов (наст. фам. Кауфман) Давид Самуилович (1920–1990) – поэт, прозаик.

Письмо С. С. Наровчатову (1944).

Сенчин Роман Валерьевич (р. 1971) – прозаик, литературный критик.

«Глупый мальчик», «Остров последнего лета», «Лед под ногами», «Барби», «Хоккей с мячом» и др. Рассказы (1992–2012). Черновые автографы. Тетради (10).

Чернов Андрей Юрьевич (р. 1953) – поэт, переводчик и историк литературы, пушкинист.

«СПб, или Нежилой фонд». Сборник стихотворений (Париж, 1991). Макет книги с вклейками стихотворений и рисунков (принтерный вывод).

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – писатель, поэт, журналист, публицист, переводчик.

Книги (325) из библиотек И. Г. Эренбурга и О. Г. и А. Я. Савичей, с авторскими дарительными надписями П. Г. Антокольского, Н. Н. Асеева, О. Ф. Берггольц, А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Н. А. Заболоцкого, Д. С. Лихачева, С. Я. Маршака, А. М. Ремизова, А. Т. Твардовского, А. А. Фадеева, В. Б. Шкловского, Е. Г. Эткинда и др.

Материалы фольклорных экспедиций, записанные О. Г. Щербининой: былички, легенды, частушки. Автографы, машинопись (1960-е).

Заговоры (наговоры) от болезней. Автограф рукой неустановленного лица. Расшифровка записей О. Г. Щербининой. Принтерный вывод.

О. Г. Щербинина. Статьи об итогах экспедиций по Свердловской области. Газет. вырезки, ксероксы (1990-е).

О. Г. Щербинина. «Балалаечка играет». Типогр. экз. (СПб., 2017), «Волшебные истории». Типогр. экз. (СПб., 2017).

Картоотека В. Э. Вацуро по истории русской литературы конца XVIII – первой трети XX в.

И. В. Кощиченко

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А. К. см. *Котляревский А. А.*
Аарон, архим. 306
Аббас-Мирза 107, 151, 154, 161, 170, 179, 181, 183, 189, 205, 208, 209, 218
Аббас-шах 191
Абдул-Баха 387, 390—402
Абдул-Беха см. *Абдул-Баха*
Абдул-Беха-хаджи см. *Абдул-Баха*
Абросимова В. Н. 73, 74
Авдеев М. В. 239 («Подводный камень»), 240
Аверин Б. А. 636
Авраменко И. К. 692
Ага-Мохаммад-шах-Каджар 163
Ага-Мухаммед-хан см. *Ага-Мохаммад-шах-Каджар*
Агафонов Н. Я. 25
Агранович Л. А. 709
Аграновский А. А. 709
Адамович Г. В. 632—634, 637
Аделунг А. Ф. 111—113, 131, 159, 195, 196
Аделунг Александр см. *Аделунг А. Ф.*
Аделунг Александрина см. *Кёппен А. Ф.*
Аделунг И.-Х. 113
Аделунг К. Ф. 102—104, 108, 112, 117, 164, 168, 172, 174, 193, 196—198, 200, 202, 209, 211
Аделунг Карл см. *Аделунг К. Ф.*
Аделунг Н. Н. 101, 112
Аделунг Н. Ф. 112, 113, 169, 210, 216
Аделунг Н.-М. см. *Аделунг Н. Ф.*
Аделунг Ф. П. 112, 113—117, 152, 160, 190, 216, 220
Аделунг Ф. Ф. 110—112, 154, 180, 210, 211, 216, 218, 219
Аделунг Ф.-Г. см. *Аделунг Ф. П.*
Аделунг Ф.-Й. см. *Аделунг Ф. Ф.*
Аделунг Фр. Ф. 109—110, 112, 115, 154, 177
Аделунг Фриц см. *Аделунг Ф. Ф.*
Адисон Р. 475
Адлерберг К. Ф. 135
Адрианова-Перетц В. П. 25
Ажаев В. Н. 626
Азадовский М. К. 492, 505, 506, 515, 524, 526
Азатов Г. Р. 713
Айвазовский И. К. 78
Айзеншток И. Я. 373, 374, 384
Айхенвальд Ю. И. 263, 271—273, 311, 312, 314, 315, 320

Акимов Н. П. 562, 712
Аксаков И. С. 26, 53, 54, 222, 224, 226, 227, 229, 232, 239, 241—244, 246—248, 250—255, 258—262, 317
Аксаков К. С. 225, 229, 237, 249, 262, 305—307, 322
Аксаков С. Т. 25, 249
Аксакова (урожд. Тютчева) А. Ф. 252, 253
Аксакова В. С. 226
Аксаковы, семья 24, 40, 224—226, 229, 232, 235, 239, 242—244, 248—253, 258, 262, 303, 306
Аксененко Е. М. 706, 711, 712
Александр I, имп. 105, 162, 304, 307, 321
Александр II, имп. 356, 380, 427
Александр III, имп. 366, 382
Александр Невский, вел. кн. 421
Александра Федоровна, имп. 649
Александров А. А. 275, 277, 279, 299, 307, 322
Александров А. С. 318, 320
Александров В. Я. 497, 500, 540, 542
Александрова Т. А. 647
Александровский М. А. 29, 30
Алексеев М. П. 603, 604, 613, 614, 618, 623, 631
Алексеева М. В. 625
Али Акбер см. *Мамедханлы Мирза Али Алекпер*
Алигер М. И. 514
Алисовы, род 229
Аллаяр-хан 170
Альтерман С. А. см. *Розанова С. А.*
Альтман Н. И. 686
Амбургер А. К. 106, 199, 206, 210
Амбургер К. Ф. 206
Амбургер Ф. К. 206
Амфитеатров А. В. 75, 312, 317
Ананьич Б. В. 406—408, 414
Андерсен Г.-Х. 504
Андерсон М. М. 125, 126
Андреев А. И. 16
Андреев В. П. 691
Андреев Л. Н. 286, 383
Андреев Н. Е. 608, 631, 632
Андреев О. В. (Леша) 685, 686, 691
Андреева (урожд. Молчанова) В. С. (Тора) 685, 686, 691
Андреева А. В. 685, 686, 691
Андреева В. В. 433, 459
Андреева Т. В. (Танечка) 685, 686, 691
Андреевы, семья 685, 686, 691
Андрей см. *Рышков А. М.*
Аникин А. А. 493—494, 497—498
Анна Павловна, вел. кж. 115
Анненков П. В. 230
Анри Ж. И. 475

Антави Мухаммад-Айяд 117
Антокольский П. Г. 712, 717
Антонелли П. Д. 50
Антоний Римлянин 454
Антонин (Грановский А. А.), еп. 304, 307, 311, 314, 320
Антонов С. 570, 600
Антошина (Врангель-Левицкая) Н. А. 525
Анфимов Я. А. 292, 293
Анциферов Н. П. 417, 459
Апрелева (урожд. Бларамберг, псевд. Е. Ардов) Е. И. 312, 316, 320
Аптер В. Г. 713
Арабажин (псевд. Solus) К. И. 296, 382
Арагатский А. 198, 206
Аргутинский М. З. см. *Аргутинский-Долгоруков*
Аргутинский-Долгоруков М. З. 185, 190, 191
Ардов Т. (наст. имя и фам. В. Г. Тардов) 312, 316
Аренский А. С. 467, 472
Ариосто Л. 520—521
Аристотель 294
Аркадакский К. В. 319
Аронсон Н. Л. 81
Арсеньева Н. А. 481
Арсланов В. Г. 485, 555
Артисевич В. А. 417, 459
Асафьев Б. В. 474
Асеев Н. Н. 717
Аснаш С. М. 419
Афанасьев А. Н. (псевд. И. М—к) 248
Афанасьева Е. А. (тетя Катя, Катенька) 335, 338, 371, 374, 376, 377
Афонин Л. Н. 603, 605, 606, 616, 617, 620, 622—626, 636
Ахмадулина Б. А. 627
Ахматова А. А. 522, 575, 576, 600, 601, 646, 660, 714
Ахмет-хан 183—185, 190, 202
Ашихмина И. В. 685, 686, 691, 692
Аштаракеци Нерсес 174, 189

Баб 387, 388, 390—392, 394—396, 399—403
Баба-хан см. *Фетх-Али-шах*
Бабореко А. К. 605, 608, 611, 612, 621, 622, 624, 626, 627, 633—635, 639, 641, 642
Бабушкин Я. Л. 479, 484, 490, 491, 493—495, 497, 501—504, 506, 507, 511, 512, 514, 515, 518, 519, 521—530, 534, 537, 539, 540, 542—545, 547, 551
Багалец Д. И. 409
Багно В. Е. 713
Базанкур (Штейнфельд) О. Г. 83
Байрон Дж. Г. 488
Бакеева (урожд. Букреева) М. А. 339, 377
Бакмансон Г. К. 71
Бакст (Розенберг) Л. С. 80, 81
Бакунин А. П. 525

Бакунин М. А. 295, 525
Бакунин М. Н. 525
Бакунина В. А. 522, 525
Бакунины, род 481, 496, 500, 525
Балакирев А. В. 713
Балаков И. Б. 710
Балановская Л. Н. 380
Бальзак О. де 492, 536—538, 714
Бандуров Б. А. 438
Банк А. В. 692
Банк В. Э. 692
Банк Н. Б. 686, 687, 692, 714
Барановский Г. В. 65
Баратов, князь-крестьянин 157, 162
Барду К.-В. 33
Барнель Г. И. 369, 370, 383
Бароцци А. И. 161
Бароцци И. С. 155, 161
Бароцци Я. И. 161
Барсуков Н. П. 263, 271, 311, 314, 320, 322
Барташева М. П. 470
Бартенев О. Г. 11
Бартоломей Ф. Ф. 102
Баскаков В. Н. 7
Баторевич Н. И. 63, 65—69, 82, 92
Батюшков К. Н. 44—51, 54, 55
Батюшков П. Н. 45
Батюшков Ф. Д. 319
Батюшкова (в замуж. Гревенс; Гревениц) А. Н. 44
Батюшкова (в замуж. Соколова) В. Н. 45
Батюшкова (в замуж. Шипилова) Е. Н. 45
Бах И. С. 463, 467, 469, 471
Бахарева Г. В. 713
Бахаулла (Баха-Улла) 387, 390, 402, 403
Бахмутский В. Я. 492
Бахрушин А. А. 330, 356, 374, 380, 384, 385
Бахрушин Ю. А. 380, 385
Бебутов Г. О. 158, 162
Беклемишев В. А. 92
Белецкий А. И. 506, 507
Белецкий П. И. 47—51, 54
Белинский В. Г. 26, 263, 270, 272, 283, 294—296, 308, 311—313, 315, 316, 320, 322—324
Белобровцева И. З. 606, 616, 632, 642
Белый Андрей (наст. имя и фам. Б. Н. Бугаев) 481
Беляев А. А., прот. 319
Белянина 465
Бем М. П. 527, 528
Бенкендорф К. Х. 106, 189
Бенуа А. Н. 77, 80, 81, 83, 85, 86

Бенуа Н. А. 9
Берберова Н. Н. 630, 631
Берг Н. В. 45
Берг Ф. Н. 279
Берггольц О. Ф. 325, 522–525, 544, 545, 685–694, 713, 714, 717
Бердоносос М. В. 307, 321
Бердяев Н. А. 273, 308, 320, 322
Бережков Р. П. 36
Березкина С. В. 479, 555
Беренштейн Н. Д. 476
Берков П. Н. 715
Бернард М. И. 474
Бернарден де Сен-Пьер Ж.-А. 167, 170, 200
Бернсон Б. 516
Бертенсон Л. Б. 292, 293
Бертух Ф.-И.-Ю. 155, 161, 202
Бессель В. В. 470, 474, 475
Бессонов П. А. 257, 258
Бестужев-Марлинский А. А. 223
Бетховен Л. ван 463–465, 467, 468, 470, 473, 475
Беха-Улла см. *Бахаулла*
Бехер И. Р. 524, 526
Бецкой И. И. 122
Бианки (урожд. Эмма Матильда Бланк) К. А. 365, 382
Бианки В. В. 377, 382
Бианки В. Л. 340, 377, 382
Бизяев Ф. А. 700
Бил Т. 475
Билибин И. Я. 80
Бильрот Ф. Ф. 120, 121
Биневич Е. М. 542
Биркис А. П. 512, 514
Благово И. 703
Благосветлов Г. Е. 235
Бланк К. И. 122
Блейман М. Ю. 599
Блигкен (Бликкен) И. 476
Блок А. А. 18, 415, 416, 431, 432, 438, 439, 443, 459, 513–515, 517, 526, 714
Блюм Л. 390
Боборькин П. Д. 25
Бобунов А. Г. 60
Богаевский К. Ф. 80, 83
Богданович А. В. 380
Бодуэн де Куртенэ И. А. 439
Божовский В. К. 357, 380
Боккер Р. М. 589
Болкошин В. 703
Большаков А. 462
Бонч-Бруевич В. Д. 495
Боргман И. И. 443

Борисов Л. И. 712
Борисов П. 526
Борисов-Мусатов В. Э. 83
Борисяк А. А. 20
Боровка И. А. 475
Боровкова-Майкова М. С. 420, 449
Бородина В. И. 477
Бороздин Н. М. 53
Бороздина (урожд. Жеребцова) Е. А. 53
Бортник И. С. 710
Боткин М. П. 78
Боткин С. П. 473
Ботьянов И. В. 214
Брамс И. 472
Брандт Р. Ф. 329
Браун Н. Л. 58, 601
Браун, семья 595
Брентано К. 524
Брешко-Брешковский Н. Н. (Н. Вериго, Гвид) 72, 75, 80, 81, 86
Бродский И. А. 87, 88
Бродский И. И. 69, 71
Бродский Н. Л. 272
Брокгауз Ф. А. 270, 296, 297, 302, 307, 312–314, 316, 320
Броун Г. Ю. 114
Броун Ю. Ю. 114
Брун Б. К. 169, 174
Брюллов П. А. 78
Брюммер Г. К. фон 333, 335, 376
Брюн (в замуж. Дмитриева) Н. Л. 11
Брюсов В. Я. 263, 264, 272, 311, 315, 320, 531
Брянчанинов А. П. 48
Брянчанинова Е. П. см. *Гревенс (Гревениц) Е. П.*
Бударагин В. П. 696
Буксгевден Ф. Ф. (Буксхёвден Ф. В. фон) 47
Буланин Д. М. 266, 290, 321, 322
Булатова А. И. 342, 377
Булгаков С. Н. 305, 308
Булгарин Ф. В. 109, 143, 213–215
Булич С. К. 439
Бунин И. А. 295, 602–642
Бунина В. Н. см. *Муромцева-Бунина В. Н.*
Буравцов П. С. 357
Буравцова В. 368
Бутягина (урожд. Руднева) В. Д. 278, 279, 291, 298, 319
Бутягина А. М. 278, 279
Бухарин Н. И. 620
Бухаркин В. И. 494, 498
Быстреевская (урожд. Бакеева) О. М. 361, 381
Бюснак (Бюснах) В. 382

В. В. 374, 385
В. В. см. *Соловьев В. В.*
Вавилов С. И. 16, 17, 20
Вавич М. И. 377
Вагнер В. А. 432, 447, 456
Вагхорн (Ваггорн) Д. 63
Вагхорн (Ваггорн) Е. 63
Вальховская (в замуж. Носова) А. В. 253
Вальховская (урожд. Малиновская) М. В. 253
Вальховский В. Д. 253
Ван Дейк А. 78
Вандик см. *Ван Дейк А.*
Варакин Н. Ф. 699
Варгунина Е. П. 426
Варежкин И. 699
Варламов А. Е. 475
Варламова Л. А. 687, 692, 713
Варустин Л. Э. 692
Варух, пророк 304, 307, 320
Варшавский И. И. 694
Вас. Вас. см. *Соловьев В. В.*
Васильев А. В. (Афонька) 280–282, 288, 290
Васильев А. И. 332, 333, 371, 374, 375
Васильев М. А. 25
Васильев П. П. 26
Васильева Д. Н. 473, 474, 478
Васин В. П. 710
Васнецов Ап. М. 80
Васнецов В. М. 80
Васютинский А. М. 307, 322
Вахитова Т. М. 557
Ваценко В. Я. 154, 183, 186, 187, 189, 193, 194, 196–198, 199
Ваценко Я. К. 154, 189
Вацуро В. Э. 718
Ващенко (урожд. Фаворская) Е. Н. 17
Введенский А. И. 424, 437, 441
Вебер К. М. фон 190, 467, 474
Вегенер О. Э. 379
Вейнберг П. И. 279, 284, 291–293, 321
Вейнберг Я. И. 293, 294
Вейсберг Ю. Л. 477
Великанов К. М. 687, 692
Величко В. Л. 279
Вельфлин Г. 516
Вельц Г. О. 355, 359–361
Вельяминов А. Д. 240
Вельяминовы, род 239, 240
Венгеров С. А. 9, 263–321
Венгерова В. С. 313
Венгерова (в замуж. Флеер) Е. С. 313

Венгерова Л. С. 313
Венгерова С. С. 313
Вендт, содержатель пансиона 349, 379
Вёр Г. 155, 156–158, 160, 161, 180, 211
Вера см. *Владимирова В. И.*
Вера Ильинична см. *Репина В. И.*
Вергилий 315
Верди Дж. 474
Веровкин И. 700, 702
Веровкин Т. 700
Веровкина М. В. 80
Веригин Н. И. 106, 146, 147, 152
Вернадская Н. В. 483, 500
Вернадский В. И. 325, 482, 483, 499, 500, 555
Вернадский Г. В. 481, 483, 499
Верне Э. 379
Вернов (Дернов) Д. П. 697, 699
Верцман И. Е. 479, 492, 499, 502, 504, 506, 507, 512, 515, 524, 529, 535, 541, 543, 551–554
Вершигора П. П. 59
Вершинский А. Н. 420
Веселитский-Божидарович Г. С. (псевд. Аргус) 388
Веселовская (Голицына) М. М. 500
Веселовский А. Н. 270
Веселовский В. С. 500
Веселитский см. *Веселитский-Божидарович Г. С.*
Вестеринен Г. 334, 376
Вестеринен С. 342, 376
Ветцель Н. Н. 348, 353, 378
Вещилов К. А. 627
Виардо П. 613
Виктор см. *Рышков Виктор А.*
Викторович В. А. 224, 309, 321
Виллевальде Б. П. 64
Вильборг А. И. 452
Вильборг В. И. 461, 463, 464, 468, 469, 474
Винеке А. Э. 300, 320
Виноградов Н. И. 497, 501, 526, 527, 536, 537
Виноградова Е. В. 712
Виньи А. де 509–511
Вирст см. *Вюрст*
Витберг А. Л. 122
Витол Я. (Витоль И. И.) 470, 475
Витте С. Ю. 405–411, 414
Виттенбург П. В. 384
Вишневецкая В. А. 383
Вишневецкая С. К. 59
Вишневский Вс. В. 57–59, 61
Владимир Александрович, вел. кн. 86
Владимиров (Никольский) А. П. 63

Владимиров В. (Попов В. Е.) 71
Владимиров Е. И. 65
Владимиров И. А. 62—71, 73—94
Владимиров И. И. 65
Владимилова В. И. 65
Владимилова Ек. И. 65
Владимилова Ел. И. 65
Владимилова З. И. 65
Владимилова М. Г. 65, 70
Владимилова Н. И. 65, 70
Владыков Г. А. 353
Влангали Г. М. 116, 117
Власов А. С. 47, 48, 55
Вознесенский А. А. 627, 717
Волчков С. С. 435
Волынский А. Л. (наст. имя и фам. Х. Л. Флексер) 295, 312, 315, 316, 321
Вольтер (наст. имя и фам. Ф. М. Аруэ) 519, 537
Вольф К. Ф. 13
Воронков К. В. 626
Воронцов М. С. 106, 219
Воронцов-Вельяминов Г. М. 617, 622
Востоков А. Х. 451, 452
Востриков А. В. 415, 417, 427, 437, 459
Второв Н. И. 222, 223
Выгодский А. Г. 484, 494, 495, 498, 501, 502, 515, 518, 547
Вьолле К. 326, 385
Вюрст Ф. Г. 150, 154, 157
Вяземский П. А. 47
Вячеславов П. Л. 611, 612, 618—621

Гааз Ф.-И. 122
Габе Г. (наст. имя и фам. И. Бекекси) 523, 526
Габихт К.-М. 214
Гаврилина Н. Е. 713
Гаврилов А. 698, 701
Гаврилюк А. М. 568, 599
Гагарин Ю. А. 708
Гаде Н. 476
Гайдн Ф.-Й. 190, 463, 467
Галлай (урожд. Ливенсон) З. А. 706, 710, 711
Галлай К. В. 709
Галлай Л. М. 706
Галлай М. Л. 706—711
Галлай О. М. 706
Гальперин (Гальперин-Каминская) Н. 390
Галя см. *Рышкова Г. В.*
Гамба Ж.-Ф. 130, 133, 147
Гамеева З. С. 562, 581—583, 601
Гаментов А. 697, 699
Гаментов (Гамильтон) Д. А. 699

Гамсун К. 510, 511
Гангеблов А. С. 144, 207
Ганелин Р. Ш. 406—408, 414
Ганибесов В. П. 58
Ганская (урожд. Ржевуская) Э. 714
Гапон Г. А. 67, 68
Гартман Э. 476
Гартман В. А. 454
Гартнох К. Э. 121, 122, 123
Гаршин Е. М. 223
Гасан-хан см. *Хасан-хан*
Гаспарини Ф. 474
Гауптман Г. 510, 511, 532
Гауш А. Ф. 80
Гегель Г. В. Ф. 294, 295, 313, 441, 506
Гедда Е. М. 431
Гейне Г. 513, 514, 526
Гекуба 287, 290
Геллер П. И. 71
Гельдерлин Ф. 523, 525, 529
Гельмерсен А. П. 182
Гендель Г. Ф. 463, 467, 469
Гензельт А. Л. 474
Георгий Пизида 420
Гердер И. Г. 517, 519
Геригк Х. 475
Герцен А. И. 295, 315, 316, 321, 433, 448, 459
Гершензон М. О. 312
Гессен С. Я. 13
Гёте И.-В. фон 444, 459, 527, 528
Гетман Ф. Д. 23, 40
Гиляров-Платонов Н. П. (псевд. Н. Г—в) 224, 237, 249, 317
Гинзбург Б. Б. 599
Гинзбург Л. Я. 172
Гиппиус В. В. 506
Гиппиус Г.-А. 160, 164, 165
Гитлер А. 550
Гитович А. И. 59, 692
Глазунов А. К. 471, 475
Глебов П. П. 529
Глебова М. А. 529, 538, 545
Глинка-Волжский А. С. 308
Глогов П. П. 223, 225, 226, 235—238, 241, 244, 250, 262
Гневашев А. 698, 700
Гнедич П. П. 381, 382
Гнедич Т. Г. 712
Гнесин М. Ф. 474
Гоббс Т. 504
Говоруха-Отрок Ю. Н. 278, 323
Гоголь Н. В. 14, 19, 20, 26, 27, 53, 223, 267, 273, 274, 276, 298, 321, 382, 631

Голике Р. Р. 452
Голицын К. Н., кн. 480—482, 484, 555
Голицын М. В., кн. 500
Голицын С. М., кн. 481—484, 499—500, 555
Голицына М. М. см. *Веселовская М. М.*
Голлербах Э. Ф. 308, 316, 321
Голованова Т. П. 603, 604, 607—612, 614, 617, 619, 620, 623, 630—633, 638, 640, 642
Головин А. Я. 80, 81, 83, 383
Головина В. П. 716
Голубева Э. И. 687
Гольденвейзер А. Б. 473
Гольц К. Ф. 474
Гомер 530
Гончаров И. А. 226, 231, 233 («Обломов»)
Гор Г. С. 694
Гораций (Квинт Гораций Флакк) 47—49
Горелов Г. Н. 69
Горин-Горяинов (Горин-Горяйнов) Б. А. 360, 381
Горнфельд А. Г. 310, 321
Городецкий М. И. 45
Горский А. А. 381
Горчинский П. А. 420, 421, 424, 428—430, 459
Горький А. М. см. *Горький М.*
Горький М. (наст. имя и фам. А. М. Пешков) 34, 35, 36, 499, 608, 716
Гофман И. 475
Гофман Э. Т. А. 509, 520—522
Гофштеттер И. А. 441, 442
Грбарь И. Э. 83
Градовский Г. К. (псевд. Гамма) 269, 285, 286
Грановский Т. Н. 619
Грачева А. М. 416
Гревенс (Гревениц; в замуж. Ивановна) А. Г. 45, 46, 48
Гревенс (Гревениц) А. И. 44
Гревенс (Гревениц) А. Н. см. *Батюшкова А. Н.*
Гревенс (Гревениц) Г. А. 44—46, 48, 51
Гревенс (Гревениц) Е. Г. 48
Гревенс (Гревениц; урожд. Брянчанинова) Е. П. 46, 48
Гревенс (Гревениц) П. Г. 47—51, 54
Гревенсы 50
Гревс И. М. 456, 457
Гредескул Н. В. 446, 447
Грек Максим 26
Греков Б. Д. 20
Грекова З. В. 366
Греф В. 214
Грефф см. *Греф*
Грецов Е. 697, 701
Грецов Ф. М. 702
Гречаная Е. П. 326, 385

Гриб В. Р. 538, 543
Грибакин В. С. 691, 694, 695
Грибакин Г. В. 691, 694, 695
Грибакин П. С. 694
Грибоедов А. С. 100, 107, 121, 123, 132, 137, 140, 141, 143, 146–149, 150, 153, 154, 156, 159, 163–168, 174–177, 179, 181, 183–188, 192–203, 208, 209, 212, 215, 217, 235 («Горе от ума»), 385, 416, 421, 445
Грибоедова А. Ф. 110, 121
Грибоедова Н. А. 156, 167, 175, 181, 187, 192, 194–197, 200, 201, 203, 208, 212
Григ Э. 465, 472
Григорович Д. Б. 25
Григорьев Андр. А. 335, 371
Григорьев Ап. А. 249, 316, 560
Григорьев В. Н. 102, 106, 168, 170, 172, 173, 219, 220
Григорьева А. А. 333, 335
Григорьевы, семья 372
Гризодубова В. С. 707
Грин М. Э. 606
Гринвуд Р. 523, 524, 526
Грингмут В. А. 267, 276, 278, 299
Гринеvская (урожд. Фрейдберг) И. А. 387–404
Грифцов Б. А. 538
Гриценко А. В. 32
Грознова Н. А. 560, 601
Громов А. А. 415–418, 420–422, 426, 430–459
Громов Вас. А. 431
Громов Вл. А. 610
Громов П. П. 513, 514, 546–548
Громова, подруга К. В. Рышковой 371
Громова А. А. 431
Громова Е. А. см. *Донченко Е. А.*
Громова М. В. 430, 431, 450
Гроссман Л. П. 264, 321
Груздев И. А. 562, 570, 573, 600
Груздева Е. Н. 382
Груздева Т. К. 562, 594
Груздевы, семья 559, 562, 570, 598
Грушко Н. В. 715
Грязнов М. П. 21
Грякалова Н. Ю. 266, 321
Гудзий Н. К. 542–543
Гуль Р. Б. 562
Гумилев Н. С. 714
Гуммель Я. Н. 122
Гунст Е. А. 538
Гунц, полковник 702
Гуревич Я. Г. 279, 284, 287, 290–292
Гурилев А. В. 475
Гурко В. И. 406
Гурлит К. 467, 473

Гус Я. 242
Гусейн Казвани Девелу Каджар см. *Гусейн-хан*
Гусейн-хан 189, 198, 206
Гутхейль А. Б. 470, 475
Гутхейль К. А. 470, 475
Гутхейль, семья 475
Гюго В. 505, 508–511, 517–521
Гюнтер Й. 475
Гюнтер Х. 57

Давыдов А. М. (наст. имя и фам. И. М. Левинсон) 711
Дадаш-бек см. *Дадашев В.*
Дадашев В. 108, 154
Даниил Заточник 420
Данилевский А. А. 265, 322
Данилова И. Ф. 265, 322
Данте Алигьери 488, 515
Дантес Ж.-Ш. 13
Дарий Гистасп 394
Дарский Д. С. 305, 308, 309, 321
Дацкевич Е. А. 715
Дашкова Е. Р. 457
Деборин А. М. 20
Дебюсси К. 471
Деманж Ж.-Ф. 116
Демиденко Ю. Б. 403
Демидов П. Я. 180, 181
Демин В. А. 406, 414
Демирчан (Демирчян) Д. К. 571
Демьяненко А. С. 710
Денисов И. С. 348, 349, 378
Денисовы, семья 349, 351
Де-Пуле М. Ф. 222–242, 244–262
Деревянко С. С. 528
Державин Г. Р. 55
Державин Н. С. 12, 20, 40
Де-Роберти Е. В. 271, 303, 306, 321, 322
Детайль Э. 64
Джафар-хан см. *Мирза-Джафар*
Джеймс Г. 631
Дживелегов А. К. 307, 322
Джимбинов С. Б. 264, 321
Джоник см. *Владимиров И. А.*
Джонс В. 214
Джонсон Б. 520–521
Дибич И.-К. 111
Дивов П. П. 219
Диккенс Ч. 452, 501, 509–511, 524, 526, 536
Димитрий Ростовский, св. 420
Димитров Г. 523, 525

Дмитриев А. (по прозвищу Чича) 696, 699
Дмитриев А. М. 59
Дмитриев А. П. 263, 268, 316, 324, 713
Дмитриева (Васильева) Е. И. 79
Дмитриева Р. П. 696
Дмитрий Павлович, вел. кн. 663
Добренко Е. А. 57, 61
Добровольский В. В. 525
Добровольский Л. М. 18, 28, 29, 30, 37, 42
Добролюбов Н. А. 308, 316
Добужинский М. В. 83
Довженко А. П. 548
Довлатов Б. Д. 715
Довлатов С. Д. 715
Долгоруков П. Д. 415
Дон-Аминадо (Д. Аминадо; наст. имя и фам. Аминад П. Шполянский) 637
Донченко Б. А. 431
Донченко Е. А. 431
Достоевский Ф. М. 230, 267, 278, 279, 298, 309, 310, 315, 321, 323, 324, 440, 441, 473, 512, 554
Достоевский Ф. М. (младший) 473
Дохтуров В. С. 699
Дроздов В. П. 481
Дружинин В. Г. 423, 424, 459
Дружинина (урожд. Георгиевская) Е. В. 712
Друзин В. П. 577, 601
Дубельт Л. В. 50, 55
Дубовиков А. Н. 631, 632
Дубовской Н. Н. 78, 92
Дудин С. М. 369, 383
Дурьлин С. Н. 308
Дьяконов В. М. 24, 41
Дьяконов И. М. 479, 480, 484, 495, 498, 533, 555
Дьяконов М. А. 424
Дьяконова Н. Я. 489, 484, 495, 498, 555
Дэвис Р. 607
Дюамель Ж. 553, 554
Дюваль Ж. 382

Евгений (Болховитинов Е. А.), митр. 263, 270, 271, 300, 311, 313, 314, 321
Евгений см. *Владимиров Е. И.*
Евдокимов В. Я. 319
Евтушенко Е. А. 717
Еголин А. М. 601
Егоров Б. Ф. 713
Егоров О. Г. 325
Егорова (в 1-м браке Мамонтова, во 2-м — Трубецкая) Л. Н. (А). 381
Ежов Н. И. 499
Екатерина см. *Владимирова Ек. И.*
Екатерина II, имп. 116, 442, 454

Екатерина Алексеевна см. *Афанасьева Е. А.*
Елена см. *Владимирова Е. И.*
Елена Павловна, вел. кн. 361, 381
Елизавета Алексеевна, имп. 125
Емельянов Б. С. 491, 492
Ермилов В. В. 576, 601
Ермолай Прегрешный 421
Ермолов А. П. 104, 136, 144, 147, 153, 154, 171, 205
Ерусалимский К. Г. 185–186, 191
Ершов Л. Ф. 603
Ершов П. П. 381
Ефимовская З. А. 420, 441, 449
Ефремов П. А. 295
Эфрон (Эфрон) И. А. 270, 296, 297, 302, 307, 312–314, 316, 320

Жарновский И. В. 290
Жданов А. А. 600
Жданов В. А. 31, 32, 33, 34, 42
Желтухин В. В. 33, 35
Жемчужников Л. М. 226
Жирмунский В. М. 649
Жихарев С. С. 318, 319
Жихарева К. М. 443
Жолковский А. К. 558, 601
Жорж Занд см. *Занд Жорж*
Жуковский Вал. А. 104
Жуковский Вас. А. 26, 55, 162, 164, 416, 421
Жуковский П. В. 380
Жуховицкий Р. Б. 716

Заболоцкий Н. А. 717
Завелейский П. Д. 103, 212, 213
Загоскин Н. М. 466
Загоскина Н. П. 466, 473
Заикина, владелица дачи 349, 379
Зайцев Б. К. 603, 627–630, 632, 634, 637, 638, 640, 641
Зайцева В. А. 628
Закгейм М. З. 28, 29, 30
Закружная З. С. 57, 58, 61
Залтет Й.-Б. 155, 162, 175, 211
Занд Жорж (наст. имя и фам. А.-А.-Л. Дюпен) 621, 622
Запара (урожд. Тихоцкая) 232
Запара Д. Ф. 232, 233, 257, 258
Заремба Ф. 155, 162, 211
Зародова Л. Д. 11
Захаревич, пристав 141
Захаренко Н. Г. 710
Захаров А. А. 687, 693
Захаров А. Н. 713
Захарьин Т. 704

Званцева Е. Н. 462
Зенгер Т. Г. 15
Зенин Ф. 697
Зенкин Б. А. 538
Зенкович (урожд. Лохвицкая, во 2-м браке Лавринович) Л. М. 255
Зенкович (в 1-м браке Мозговая, во 2-м — Краснокулова) М. О. 255
Зенькович В. В. (Вера Владимировна З.) 584, 586, 594, 596, 601
Зибольд В. Ф. 333, 337, 376
Зимин С. И. 474
Зими́на О. Г. 20
Зина см. *Владимирова З. И.*
Зина см. *Рышкова (урожд. Тихобразова) З. А.*
Зинат Ханум 402
Зингер Е. Е. 713
Зиновейц, вдова 702
Зиновьев Г. Е. 432
Знаменская В. А. 646, 650
Золотухин В. С. 710
Золя Э. 505, 506, 532, 537
Зорина С. Р. 73, 74
Зотов В. В. 230
Зощенко В. В. 557—601
Зощенко В. М. (Валя, Валерий, сын писателя) 565, 572, 573, 575, 580, 581, 585, 589, 592, 601
Зощенко В. М. (сестра писателя) 565, 567, 572, 573, 595
Зощенко М. М. 557—601
Зоя Петровна см. *Рышкова (урожд. Ильина) З. П.*
Зубов, почтальон 303
Зуров Л. Ф. 602—642

Ибаррури Д. 523, 525
Ибсен Г. 532, 549
Иван см. *Владимиров И. И.*
Иван IV Грозный, царь 421
Иванов Вс. В. 570
Иванов Ив. А. 452—454
Иванов Ив. И. 270, 271, 311, 314
Иванов Ил. А. 209—211, 215, 216, 217
Иванов К. А. 417, 424, 444, 459
Иванов К. М. 261
Иванов-Разумник Р. В. 272
Иванова А. Г. см. *Гревенс (Гревениц) А. Г.*
Иванова М. 700
Иванова Т. Г. 7, 20, 411, 414, 478
Ивановский П. Н. (отец Петр) 371, 373, 374, 384
Иващенко П. С. 435
Иезуитова Л. А. 416, 438, 439, 459
Измайлов А. А. 318—320
Измайлов Н. В. 10, 385, 386, 715
Измайлова (урожд. Платонова) Н. С. 385

Измостьева-Новожилова (урожд. Шлейфер) Е. Р. 713, 715
Ильинская Е. В. 483, 496, 500, 535, 537
Ильинская О. И. 479—556
Ильинская С. А. 481, 499
Ильинская С. Г. 480, 481, 491, 496, 499, 502, 514, 516, 538, 541, 543—545, 549
Ильинский А. А. 465, 472
Ильинский И. В. 480—484, 486, 492, 495, 496, 499, 500, 525
Ильичев Л. Ф. 624
Иннокентий (Борисов И. А.), архиеп. 53
Иоаннесян Ю. А. 391
Иогансен А. 471, 476
Ионеско Э. 492
Ионочкина В. В. 483
Ионсон Я. 435
Иордани Ф. К. 466, 473
Иракий II, царь 157, 162
Исаков И. С. 59
Исбах А. А. (наст. имя и фам. И. А. Бахрах) 59
Исленьев В. В. 306
Йованович М. Ж. см. *Петрова-Водкина М. Ф.*

Каблиц И. И. (псевд. И. Юзов) 267, 274, 277, 324
Каверин (наст. фам. Зильбер) В. А. 571, 578, 600
Каверина 590
Кадочников П. П. 710
Казаков М. Ф. 121
Казанович Е. П. 18, 419, 420, 423, 454
Казачковский, майор 144
Казбек Г. 142
Казин П. Н. 356, 380
Калатозишвили П. 154
Калатозов см. *Калатозишвили*
Калачев <Е. А. ?> 33
Каликин Ф. А. 39, 42, 43
Калинина А. Н. 477
Калинников В. С. 377
Калиновский 468, 474
Каманин Н. П. 694
Каменская В. А. 713
Каминка А. И. 573, 600
Кампиони С. Н. 525
Кандинский В. В. 80
Канкрин Е. Ф. 213
Канчеев А. А. 15
Каподистрия И. А. 126
Карамзин В. Н. 425
Карамзин Н. М. 55
Каратыгин В. Г. 477
Кареев Н. И. 287—289, 457, 458
Карпинский А. И. 318, 319

Карпов Е. П. 367, 382, 383
Кастрен М. А. 13
Катаев В. П. 631
Каталани А. 53
Катасонов Ф. 700
Катерли Н. С. 575, 577, 600
Катков М. Н. 54, 230, 240, 243
Кауфман М. 589, 601
Кафтанов С. В. 533, 535
Каченовский Д. И. 233
Каширская Л. П. 335
Каширская Н. П. 335, 345
Кебке Г. А. 355, 359, 360–362, 369, 380
Кежун Б. А. 692
Келдыш Г. В. 477
Келлер Г. 525
Кеменов В. С. 546, 547
Кёппен А. П. 111, 112
Кёппен А. Ф. 111, 112, 137, 159, 161
Кёппен В. П. 111, 112
Кёппен К. И. 128, 132
Кёппен П. И. 102, 111, 112
Кёппен Ф. П. 111, 112
Кетлинская В. К. 584, 585, 589
Кившенко А. Д. 64
Кийко Е. И. 603, 604, 607–612, 614, 617–620, 622, 623
Киплинг Дж. Р. 527
Кир, царь 394
Киреевский И. В. 312, 316, 321
Киреевский П. В. 225
Кириков Б. М. 375
Кирилл (Константин по прозвищу Философ), св. 51, 52, 54
Кисловский А. Е. 47
Клевер О. Ю. 66, 67
Клевер Ю. Ю. 66, 67
Клейнмихель П. А. 128, 132
Клеман М. К. 506
Клеменс Б. 526
Клеопатра 397, 398, 446, 519
Клименко 21
Климов Л. И. 694
Клодт М. К. 462
Ключевский В. О. 304, 307, 321
Кноп Х. И. 199, 206
Князев Г. А. 7, 13, 16, 20
Князева Н. Г. 709, 710, 712–714
Кобзарь В. И. 716
Кобрин К. Р. 326
Ковалевский М. М. 306, 322, 407
Кодрянская Н. В. 606, 613

Козловская М. 699
Козловский Г. 699
Козодавлев О. П. 161
Козьёков Л. Ф. 697
Кокорев Н. 700
Колубовский Я. Н. 289, 290
Колумбус А. П. 438
Колыванова Е. В. 476, 477
Кольцов А. В. 233, 245, 248
Комаров В. В. 299
Комаров В. Л. 384
Коммиссаржевская В. Ф. 381
Кондаков С. Н. 375
Кони А. Ф. 11, 407, 409, 410, 414, 648, 649
Кони Ф. А. 649
Коновницын П. П. 207
Константин Константинович, вел. кн. 72, 327, 329
Кончаловский П. П. 81
Копейкин К. В. 376
Коппель З. К. 425
Коппель К. М. 425
Коппель М. 426
Коппель Н. К. 245, 426, 429, 433, 442, 443
Корехин В. И. (псевд. В. Корин) 715
Коржавин Н. 484, 485, 490, 556
Корин П. Д. 541, 543
Корнель П. 55
Корнилов И. П. 227, 261
Коровин К. А. 80, 89
Коровин Н. М. 25, 26
Коровин П. Ф. 425
Коровин С. А. 80
Коровина Л. Н. 425, 426, 429, 431, 433, 437, 440—443, 445, 447, 455
Коровины, братья см. *Коровин К. А. и Коровин С. А.*
Короленко В. Г. 279, 608
Коротнев А. В. 704, 705
Коротнев В. 704
Коротнев М. Е. 704
Коротневы 697
Корф М. А. 244
Корчагина-Александровская Е. П. 711
Корш Ф. А. 382
Косаговский В. А. 104
Костомаров Н. И. 234
Котельников В. Г. 279, 284—286, 291, 292
Котляревский А. А. (псевд. А. К.) 226
Котляревский Н. А. 11, 327
Котов А. Э. 223, 262
Котосонов Филипп 700
Котосонов Филимон Я. 697, 701

Кохановская (наст. имя и фам. Н. С. Соханская) 222–258, 262
Коцебу А. Е. 119, 153
Коцебу А.-Ф.-Ф. 119, 153
Коцебу А.-Ю. 119, 153
Коцебу Авг. см. *Коцебу А.-Ф.-Ф.*
Коцебу Ал-др см. *Коцебу А. Е.*
Коцебу В. Е. 119
Коцебу (в замуж. Крузенштерн) В.-Ф. (Мими) 209, 210, 216, 217
Коцебу Вильгельм см. *Коцебу В. Е.*
Коцебу Георг см. *Коцебу Е. Е.*
Коцебу Е. Е. 119
Коцебу Е. Р. 123, 136, 149, 167–169
Коцебу Еня см. *Коцебу Э.-Э.*
Коцебу К. Е. 119, 174
Коцебу Карл см. *Коцебу К. Е.*
Коцебу М. Е. 102, 119, 136, 149, 153
Коцебу М. М. 136, 167, 171
Коцебу Мими см. *Коцебу В.-Ф.*
Коцебу Мориц см. *Коцебу М. Е.*
Коцебу Отто см. *Коцебу А. Е.*
Коцебу П. Е. 119, 136, 143, 145, 149, 153, 167, 168, 175, 202, 210
Коцебу Пауль см. *Коцебу П. Е.*
Коцебу Ф. Е. 119, 124, 136, 137, 149, 150, 155, 156, 158, 159, 163, 180, 193
Коцебу Фридрих см. *Коцебу Ф. Е.*
Коцебу Э.-Э. 124, 137, 212, 213
Кошелев В. А. 46–48, 55
Кошкарёв Н. И. 207
Кошкинко И. В. 713, 718
Кравченко Н. И. 67, 68, 70, 84
Краевский А. А. 173, 205, 229, 233, 234, 243, 246
Кралин М. М. 646
Крамер И. Б. 469
Крамской И. Н. 82
Краско А. В. 648
Краснобродько Т. И. 9, 416, 419, 459
Краснов Г. В. 309, 321
Краснов Н. П. 379
Красовский А. И. 170, 189, 197, 205, 206
Красюк М. Н. 319
Крачковский И. Ю. 18, 20
Крестинский А. А. 687
Крестовский см. *Хвоцинская Н. Д.*
Кречетов В. Н. 713
Кропоткин А. М. 698, 701
Крузенштерн И. Ф. 153, 210
Крузенштерн О.-В. 163
Крупская Н. К. 488, 532
Кручина А. А. 645, 660
Крыжицкий К. Я. 72
Крыжицкий С. П. 634, 635

Крылов И. А. 47, 48, 165, 306
Кугушев В. А. 407
Кузмин Д. 699
Кузнецов Н. И. 688, 690, 694
Кузнецов П. В. 80
Кузнецова В. А. 220
Кузнецова Г. Н. 633, 634
Кузовлев, помещик 701
Кузовлев Д. 702
Кузовлев Е. С. 701
Кузовлев И. 702
Кузовлев И. С. 697, 701
Кузовлев С. И. 701
Кузовлев С. С. 701, 702
Кузовлев Ф. 702
Кузовлевы, род 697
Кузьмин А. И. 714
Куинджи А. И. 71, 72, 78
Куликов Б. П. 306, 309, 310
Кулин В. П. 420
Кулябко Е. С. 630, 631
Кумпан К. А. 416, 437, 438, 459
Купер Ф. 447
Куприн А. И. 552, 612, 636
Куракины А. Б., М. А. 12
Курсанов А. Л. 499
Курсанов Д. Н. 496, 499, 538, 550, 551
Курсанов Л. И. 499
Курсанов Н. И. 481, 496, 499
Кустодиев Б. М. 69, 81, 83
Кучеров М. С. 377
Кушелёв-Безбородко Г. А. 234, 235, 247
Кюи Ц. А. 463, 464, 467, 470

Лаббе (Ляббе) В. (Воля) 373
Лаббе (Ляббе) Э. В. 361, 363, 365, 371–374, 377, 381, 382
Лавренев (наст. фам. Сергеев) Б. А. 59
Лаврентьев А. Н. 360, 381
Лавров А. В. 84, 95, 538
Лавров Б. Ф. 265, 318
Лавров К. Ю. 710
Лавров П. А. 439
Лаврова Н. Н. 435, 607
Лавровский П. А. 242
Лагурев А. С. 479, 555
Ладовский П. И. 249
Лазарев (наст. фам. Шиндель) Л. И. 709, 710
Лазарев И. Л. 383
Лазарев Ю. С. 710
Лазаревская Е. О. 361

Лазаревский И. И. 80, 81
Лазарчук Р. М. 45, 55
Ламброс К. Д. 101, 126, 218
Лангсдорф Г. И. 13
Лансере Е. Е. 81
Лаппо-Данилевский А. С. 424
Ларионов М. Ф. 85
Ласила М. (наст. имя и фам. А. Унтола) 565, 599
Ласунский О. Г. 223
Латыпова Т. Л. 47
Лауниайнен, семья 376
Левенсон А. А. 309, 321
Левинсон-Лессинг В. Ф. 20, 37, 39, 42, 43, 689
Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 384
Левицкая В. А. 481
Левицкие, род 525
Левицкий А. П. 522, 523, 525
Левицкий П. И. 481
Левкович Я. Л. 15
Левочская З. В. 326
Левушка см. *Толстой Л. Л.*
Лейбниц Г. В. 504
Лейбов К. Г. 417, 459
Лейбова А. В. 417, 459
Лейкин Н. А. 430
Ленин В. И. 446, 484
Ленский (наст. фам. Оболенский) П. Д. 382
Ленц Э. Х. 144
Лёня см. *Тихобразов Л. А.*
Леонкавалло Р. 505
Леонов В. П. 386
Леонтьев К. Н. 223, 266, 289, 294, 323
Леонтьев-Щеглов И. С. 330
Лермонтов М. Ю. 14, 18, 19, 20, 27, 29, 277, 294—296, 309, 322, 383, 454, 603, 608, 621—623, 628, 633
Лерхе В. В. 114
Лесман М. С. 696, 698, 706, 708—711, 712, 714, 795
Лесневская Е. 360
Лесневские, семья 360
Летранж Р. 435
Лешков (наст. фам. Ляшков) Д. И. 384
Лешковы, семья 384
Ливанов К. А. 325
Лившиц В. 569
Лида см. *Рышкова Л. Е.*
Лида см. *Тихобразова Л. А.*
Линтваревы, семья 374
Лиознова Т. М. 710
Лисковец И. В. 660
Лисовский Н. М. 477, 478

Лисснер Э. 277, 323
Лист Ф. 463, 465—468, 470, 472, 474
Литвинов И. М. 73
Лифшиц М. А. 479, 483, 485, 486, 498, 499, 501, 502, 507, 541, 543, 547, 551, 553—556
Лихарев Б. М. 692
Лихачев Д. С. 25, 694, 717
Лихачева М. И. 78
Лобакова И. А. 713
Лобачевский Н. И. 17, 19
Лобенвейн И. А. см. *Лобенвейн Й.-А.*
Лобенвейн Й.-А. 157, 162
Лобойков В. П. 71, 72, 92
Локтев М. 703
Ломоносов А. В. 265, 292, 320, 321
Ломоносов М. В. 7, 13, 16, 18, 19, 122
Лондон Дж. 527
Лопатин Л. М. 279
Лоренс А. 339, 377
Лосева И. С. 17
Лотман Л. М. 26, 27, 480
Лохвицкая (урожд. Алисова) А. И. 229, 240
Лохвицкая К. Г. 225, 236, 237, 254—256, 258
Лохвицкая-Скалон М. А. 431
Лохвицкие, род 229
Луговской В. А. 59
Луговцев 576
Лукач Д. (Г.) 506, 507
Лукницкая В. К. 714
Лукницкий В. А. 713
Лукницкий П. Н. 59, 714
Лукницкий С. П. 714
Луковская Д. И. 713
Лукомский Г. К. 84
Луначарский А. В. 547
Лурье Н. Г. 543
Лурье Р. Н. 516, 541, 543, 552, 554
Лурье С. Я. 487
Лурье Т. Н. 516
Лушков М. М. 338, 377
Лушкова М. О. 338, 377
Люба см. *Рышкова Л. А.*
Любавский М. К. 304—307, 309, 311, 313, 321
Любищенко Л. И. 13
Любимов Д. Н. 410, 411
Любимов Н. А. 411
Любомудров А. М. 602, 603, 642
Лютер М. 242
Лютин А. В. 443
Лядов А. К. 463, 464, 467, 470, 474, 475

Ляпунов С. М. 474
Ляцкий Е. А. 272

М. Л. см. *Ларионов М. Ф.*

Магазинер Н. Я. см. *Дьяконова Н. Я.*
Магомет (Мухаммад), пророк 52, 392

Мадатов В. Г. 132, 162

Мазарович С. И. 150, 152–154, 193, 198

Мазинг (урожд. Фоман) А.-Л. 379, 381

Мазинг А. Г. 351, 355, 359, 365, 366

Мазинг А. Ю. 381

Мазинг В. Г. 355, 380

Мазинг Г. А. 379, 381

Мазинг Ю. А. 381

Мазинги, семья 357, 358, 360, 361, 379, 380, 381

Мазуровский В. В. 71

Маищев Г. 699

Майданский А. Д. 485, 556

Майков Л. Н. 45

Маймон М. Л. 71

Мак-Дуэл Э. 471, 477

Маклаков О. И. 694

МакНейл Дж. 107, 164, 167, 170, 192, 221

Макнил (МакНил) см. *МакНейл Дж.*

Маковская-Люкш Е. К. 83

Маковские, братья см. *Маковский В. Е.* и *Маковский К. Е.*

Маковский В. Е. 81, 92

Маковский К. Е. 76, 81

Маковский С. К. 62, 76, 79, 80, 84, 92

Макогоненко Г. П. 545, 686, 694

Максимов (наст. фам. Самусь) В. В. 356, 357, 372, 374, 380, 384, 385

Максимов Д. Е. 84

Малевич М. О. 713

Малевич О. М. 713

Маликов А. И. 290

Малинов А. В. 222

Малиновские, семья 251, 253

Малкин 37

Маллинг (Mailing) О. 471, 476

Малозёмова О. 594, 601

Мальшев В. И. 603, 606, 610, 613, 615, 616, 618, 622, 627, 628, 633, 639, 641, 642

Мальшев М. Г. 71

Мальмберг В. К. 208

Мальмберг Ф. А. 202, 203, 207, 208

Мальцов И. А. 122, 124, 125

Мальцов И. С. 106, 119–123, 127, 130, 132, 137, 143, 147, 149, 150, 164, 167–169,
176, 181, 193–196, 198, 199, 201, 209, 215

Мамад-хан см. *Мухаммад-хан*

Мамедханлы Мирза Али Алекпер 387, 401, 402

Мамедханов Мирза Али Акпер см. *Мамедханлы Мирза Али Алекпер*

Мамин-Сибиряк Д. Н. 629
Мамонтов С. И. 379, 474
Манассеин В. А. 265, 269, 279, 284, 287, 289, 291
Мандельштам (урожд. Хазина) Н. Я. 649
Манн Т. 510, 511
Мануйлов В. А. 603, 605, 608–610, 612, 613, 615, 617, 618, 620, 621, 623–625,
628, 632, 633, 638, 642
Маргаритов С. 71
Мария Александровна, вел. кн. 253
Мария Александровна, имп. 252, 253
Мария Федоровна, имп. 114, 115, 216
Мария Магдалина 400
Мария Павловна, вел. кн. 661, 663, 664
Мария Сергеевна, знакомая С. Г. Ильинской 518, 519
Маркелов Г. В. 696
Марков С. В. 446
Маркс К. 482–484, 495, 496, 498, 499, 502, 517
Марлинский см. *Бестужев-Марлинский*
Мартен дю Гар Р. 524, 526
Мартынов Л. Н. 627
Марусенко М. А. 660
Маршак С. Я. 717
Маслов Ф. 702
Матвеев Г. И. 713
Матвеев И. 702
Матрюща, дворовая женка 702
Маттейсен 465
Матфеев И. 702
Матье М. Э. 39, 42, 43
Матэ В. В. 45, 49
Махов И. 702
Маштаков М. П. 9
Маштаков О. П. 9
Маштаков П. Л. 9
Маяковский В. В. 502
Медем А. Д. 453–455
Медем О. Л. 451–454
Медников М. М. 417, 459
Медокс В. 207
Мейерхольд В. Э. 383
Меллуп М. Г. 531, 533
Мельников Б. Е. 713, 715
Менакер А. С. 573, 590, 600
Менделеев П. П. 406
Мендельсон Ф. 463, 465, 467–469, 473, 475
Мензенкамф И. И. 145, 151, 154–161, 166–168, 175, 179, 180, 211
Мензенкамф Ф. А. 155, 161, 167
Меншиков А. С. 104, 131, 135, 152, 174, 198, 204, 205, 219
Мериме П. 501
Мерсье Л.-С. 521, 522

Местергази Е. Г. 326
Метерлинк М. 532
Метнер Н. К. 471, 476
Мефодий (Михаил), св. 51, 52, 54
Мефодьев В. М. 333
Мефодьева Е. В. 332–335
Мец А. Г. 713
Мечников Е. И. 135
Мещанова Л. Н. 473, 474, 478
Мещерский В. П. 317
Микешин М. О. 454
Микешина (урожд. Модзалевская) Т. Л. 8
Милиоти Н. Д. 81, 83
Милорадович К. М. 420, 422, 423, 427, 429, 437, 441, 448, 449, 459
Милочка см. *Лаббе (Ляббе) Э. В.*
Минин А. 702
Мирза Алекпер Мамедханлы см. *Мамедханлы Мирза Али Алекпер*
Мирза Али Акбер (Акпер, Алекпер) см. *Мамедханлы Мирза Али Алекпер*
Мирза-Джафар 167, 170
Мирза Масуд см. *Мирза Масуд-хан*
Мирза Масуд-хан 176, 178, 203
Мирза Нариман см. *Шахназаров Н.*
Миронова М. В. 573, 590, 600
Мир-Феттах-Сеид 176, 178
Мисайлиди Л. Е. 44
Митник Е. А. 387, 388, 403, 404
Митник С. Ю. 391
Михаил Клопский 453, 454
Михаил Николаевич, вел. кн. 375
Михаил Павлович, вел. кн. 53, 110, 115
Михайлов А. И. 543
Михайловский Н. К. 263, 268, 269, 272, 279, 280, 281, 284, 285, 291, 292, 306, 316
Михайловы 462
Михалевский В. Г. 290
Михеев М. Ю. 326
Мицкевич А. 389
Миша см. *Рышков М. А.*
Могиланская М. Д. 369, 383
Модзалевская А. Б. 8
Модзалевская (урожд. Гувениус, в 1-м браке Висковатова) В. Н. 8
Модзалевская (урожд. Фаворская) Е. А. 17
Модзалевская Е. Б. 8
Модзалевская (урожд. Решеткина) Е. В. 8
Модзалевская Н. Л. 8
Модзалевская Т. Л. 7
Модзалевский Б. Л. 8, 9, 11, 14, 18, 19, 101, 327, 330
Модзалевский В. Б. 8
Модзалевский Вс. Л. 8
Модзалевский Л. Б. 7–43

Можайский А. Ф. 706
Моисей, еп. 454
Молас А. 476
Молдавский Я. В. 353, 379
Молчанов А. В. (Сашенька) 686, 691
Молчанов В. В. 686, 691
Молчанов В. С. 685, 686, 691
Молчанов Н. С. 685
Молчановы, семья 685, 686, 691
Мольер (наст. имя и фам. Ж. Б. Поклен) 488
Монахов Н. Ф. 369, 383
Монахова Е. Н. 46, 55
Монтвид А. П. 317, 322
Монтрезор И. А. 197, 205
Монтэнь (Монтень) М. 390, 403
Мопассан Г. 537
Мордвинова В. А. 278, 323
Мордовченко Н. И. 26, 27
Мориер Дж. 185, 190, 214
Морозов Н. А. 458
Морошкин М. Я. 441, 442
Морошкин Ю. Ф. 441
Москвинов В. Н. 88
Московская Д. С. 57, 58, 61
Моцарт В. А. 190, 463, 467, 469
Мошелес И. 467, 474
Мошковский М. 469, 475
Муравьев М. Н. 420
Муравьев Н. Н. 163, 179, 169, 170, 179, 189, 206
Муравьев-Карсский см. *Муравьев Н. Н.*
Мураков Ф. 700
Мурильо Б. Э. 78
Муромцева-Бунина В. Н. 602—622, 624, 626—634, 636—638, 640, 642
Мусатов В. И. 599
Мухаммад-Айяд Антави 117
Мухаммад-бек см. *Мухаммад-хан*
Мухаммад-хан 183, 184, 189, 199
Мухин А. А. 715
Мухранская (Блейман) М. Д. 560—563, 567, 574, 578, 583—588, 590—592, 594, 595, 599
Мушникова А. Ф. 431
Мюральт И. 45
Мюссе А. де 531—533, 537
Мясковский Н. Я. 474, 475
Мясново И. Я. 700
Мятлев И. П. 239, 240

Набоков В. В. 100, 103, 122, 126
Навроцкий В. В. 299
Надеждин Н. И. 417, 427

Назаревский Б. В. 299
Назаревский В. В. 299
Назарова Л. Н. 602–642
Наполеон I Бонапарт 46, 48, 49
Нарбеков И. 703
Нарбеков С. С. 702
Наровчатов С. С. 714, 717
Наровчатова О. С. 713
Насонов Д. Н. 497, 500, 540, 542
Насонова С. Н. 497, 500
Наталья Борисовна см. *Нордман-Северова Н. Б.*
Наталья Алексеевна, царевна 420, 430
Наташа см. *Рышкова Н. А.*
Нахджавани Али, сын Нахджавани (Мамедханлы) М. А. 402
Нахджавани Мирза Али Акбар см. *Мамедханлы Мирза Али Алекпер*
Нащокин П. В. 14
Недоброво (Ольхина) Л. А. 646, 648–650
Недоброво Н. В. 645, 646, 648–650, 652, 655–663
Недорунова Е. Г. 713
Некрасов Н. А. 229, 275, 277
Немцов С. К. 702
Нерсес V см. *Аштаракецы Нерсес*
Нессельроде К. В. 108, 109, 115, 153, 179, 215, 216
Никитин И. С. 225, 244, 245, 248, 251, 252
Николаев С. И. 416, 421, 459
Николаев С. М. 279, 322
Николай I, имп. 50, 110, 115, 181, 212, 215, 219
Николай II, имп. 73, 281, 406, 411, 444
Николай Михайлович, вел. кн. 375
Николай Николаевич (старший), вел. кн. 375
Николай Павлович см. *Николай I, имп.*
Николай Чудотворец, св. 250
Никольский Н. К. 430
Николюкин А. Н. 264, 320
Никонов Н. Н. 65
Никулин (наст. фам. Олькеницкий) Л. В. 612, 619, 621, 622
Нилус П. А. 619–621
Нина см. *Владимирова Н. И.*
Нина Палладьевна см. *Рышкова (урожд. Букреева) Н. А.*
Нинов А. А. 629
Новалис (наст. имя и фам. Ф. фон Герденберг) 523, 525
Новиков Е. П. 242 («Гус и Лютер»)
Новиков М. Е. 687, 688
Новиков Н. Н. 47, 55
Новоселов М. А. 308
Нойперт (Нейперт) Э. 471, 476
Нордман-Северова Н. Б. 90
Носова А. Г. 62
Нусинов И. М. 506, 507

Обломиевский Д. Д. 480
Ободовский П. Г. 218, 219
Овсяннико-Куликовский Д. Н. 270
Огарев Н. Г. 144
Огарев Н. П. 559, 560, 601
Огарева А. П. 141
Одоевский В. Ф., кн. 257, 258
Одоевцева И. В. 637
Озаровский Ю. Э. 382
Ознобишин Д. П. 24, 25, 40
Оконеvская О. М. 685, 687, 688, 693, 713
Оксман Ю. Г. 9–12, 18, 19
Окунев Н. П. 326
Окутюрье М. 637
Оленин А. Н. 207
Ольга Николаевна, вел. кн. 113
Ольденбург С. Ф. 279, 284, 291, 292, 384
Ольденбургский А. 168, 171
Олькеницкий см. *Никулин Л. В.*
Ольхин А. А. 648
Ольхина Г. К. 645, 648, 649, 660
Ольхина Л. А. см. *Недоброво Л. А.*
Ольхина М. С. см. *Ростовцева М. С., гр.*
Ольхины 648, 649
Омельянчук И. В. 440
Омер-Врион, паша 219
Опекушин А. М. 380
Опперман К. И. 181
Опперманн А. К. 180, 181
Орбели И. А. 589
Орбелиани, княгиня 164, 180, 181
Орбелиани, кн. 164, 180, 181
Орлова Е. И. 646
Орлова Н. Х. 427, 437, 459
Оскоцкий В. Д. 325
Осоргин В. Н. 376, 380
Осоргин Н. В. 357
Осоргина (урожд. Обухова) З. Д. 376, 380
Осоргина А. В. (тетя Саша) 333, 335, 337, 338, 345, 357, 360, 384
Осоргина В. В. 373, 380, 384
Осоргина З. В. (тетя Зина) 333, 335, 338, 345, 360, 362, 376, 385
Осоргины, семья 357, 358, 360
Оссовский А. В. 477
Островский А. А. 715
Островский А. Н. 26, 382, 383, 715
Остроумова см. *Остроумова-Лебедева А. П.*
Остроумова-Лебедева А. П. 83
Оффенбах Ж. 383
Охотин Н. Г. 548

Очкин А. Н. 169, 173
Очкин П. Н. 169, 173

Павел, св. ап. 228, 230, 277
Павел I, имп. 174
Павел Александрович, вел. кн. 253, 646, 661
Павленков Ф. Ф. 324
Павлищев Л. Н. 330, 358, 380
Павлищев Н. И. 380
Павлищева (урожд. Доронина) О. П. 330, 358, 380
Павлищева (урожд. Пушкина) О. С. 330, 380
Павлищевы, семья 330
Павлов Г. 703
Павлов Г. В. 309
Павлова В. А. 223
Павловский А. И. 694
Палей В. П., кн. 645–650, 652–658, 660–664, 666, 667, 674, 676
Палей О. В., кн. 648, 649, 661, 662
Пален П. А. 114, 119
Палладий см. *Рышков П. В.*
Панаев И. И. 229
Пандер см. *Пандерс*
Пандер А. 135, 181, 182
Пандерс Х. А. 135, 181, 182
Пантелеевы, братья 317, 324
Панч П. (наст. имя и фам. П. И. Панченко) 568, 599
Паперная Н. Н. 689
Паррот И. Ф. 191
Паскевич И. Ф. 131, 149, 151, 153, 154, 162, 166, 168–170, 172, 176, 180, 185,
189, 191, 205, 209, 210, 212, 217
Паскевич-Эриванский см. *Паскевич И. Ф.*
Пастернак Б. Л. 504, 526
Пастухов, дипломат 623
Паустовский К. Г. 618, 620
Пахомов А. Ф. 685
Паша-хан 183, 190
Пашенная В. Н. 379
Пекерман Ф. М. 686, 691
Первов П. Д. 298, 300
Перетц В. Н. 424, 459
Перовский (псевд. Погорельский) А. А. 10, 12
Перро Ш. 381
Перцов П. П. 265, 266, 272, 297, 314, 321, 322
Перченоч Ф. Ф. 385
Пестинский Б. В. 9
Петерсен В. К. 313, 317, 321
Петерсен В. М. 335
Петин И. А. 55
Петр, священник см. *Ивановский П. Н.*
Петрашевский М. В. 50

Петрицкий В. А. 713, 715
Петров В. Р. 380
Петров М. М. 233
Петров С. В. 714
Петров-Водкин К. С. 69, 80, 464, 470—472, 477
Петрова-Водкина М. Ф. 470, 476
Петровская С. М. 713
Петровский А. П. 382
Петрозилиус И. Б. 123
Петрозилиус И. Д. см. *Петрозилиус И. Б.*
Петрункевич И. И. 407
Пешкова Е. П. 499, 500, 608
Пиксанов Н. К. 716
Пинский Л. Е. 535, 537
Писарев Д. И. 247, 248, 308
Писемский А. Ф. 226, 231, 232
Пияшев Н. Ф. 620, 621, 623
Платонов С. Ф. 385, 424, 432, 715
Платонова Н. Н. 224, 262
Плахов А. С. 490
Плетнев П. А. 226, 229, 239, 242, 243, 246—248, 253, 256—258, 262
Плетнева (урожд. кж. Щетинина-Ростовская) А. В. 237, 242, 246, 248, 252, 253, 256—258
Плеханов Г. В. 12, 316
Плеханова 466
Поварнин Е. И. 716
Поварнин К. И. 716, 717
Поварнин С. И. 716, 717
Поварнина (урожд. Кулжинская) М. Г. 717
Поварнина А. 716
Поггенполь М.-Б. 175, 178
Поггенполь П. Г. 178
Погодин М. П. 54, 232, 271, 313, 314, 320—322
Погодина С. И. 232
Подобедов В. А. 451, 452
Подольская (урожд. Венюкова, в замуж. Быкова) Е. А. 349, 350, 380
Покровский В. А. 81
Поленов В. Д. 80
Половников А. П. 688, 689, 693
Половникова И. А. 693, 713
Половцов (Половцев) А. А. 405—408, 414
Полока Г. И. 710
Полторацкий А. И. 587
Поль В. И. 622
Поляков А. С. 715
Пономарев Л. И. 15, 16
Пономарев С. И. 223, 226, 229, 262
Пономарева Е. В. 648, 649, 674
Пономаренко П. К. 573, 600
Понятовский А. И. 625, 626

Попкова Н. А. 417, 459
Попов В. Е. см. *Владимиров В.*
Попова О. И. 100
Попонин Г. 703
Попофф А. Г. 713
Портер К. 207
Портнягина Н. А. 407, 414
Порубиновская А. И. 468
Порубиновский В. И. 468
Порубиновский И. Р. 461, 463, 464, 468, 474
Поссе К. А. 279, 284, 291, 443
Постников Н. В. 357, 380
Потанин Г. Н. 25
Потебня А. А. 242
Потемкин П. С. 143
Прево Э. М. 504
Прегель С. Ю. 615, 637
Приам 290
Пригонников, врач 593
Придорогин И. А. 224, 262
Приимкова-Ростовская Т. 698, 700
Пристли Дж. Б. 542, 543
Пришвин М. М. 610
Прозорова Н. А. 325, 327, 376, 385, 386, 685, 692—695, 713
Прокофьев А. А. 59, 580, 589, 590, 601, 692, 711
Прокофьев С. С. 474, 475, 477
Проппер С. М. 73, 299
Протопопов В. Д. 703, 704
Протопопов М. А. 263, 272, 312, 315
Прудон П.-Ж. 295
Прутков Козьма (Кузьма) (коллект. псевд.) 10
Пуньи Ч. 381
Пургольд И. 476
Путилова Е. О. 687
Пушкин А. С. 10, 13, 14, 15, 19—22, 26, 27, 35, 36, 38, 43, 102, 122, 124, 165, 225, 230, 243 («Евгений Онегин»), 249, 255 («Евгений Онегин»), 258 («Евгений Онегин»), 281, 298, 309, 314, 315, 327, 358, 380, 381, 416, 419, 421, 452, 459, 485, 488, 501, 517, 519, 533, 617, 618, 633, 694
Пушкин В. Л. 125
Пушкина (урожд. Гончарова, во 2-м браке Ланская) Н. Н. 381, 502
Пушков Н. 66, 67
Пушин М. И. 178, 210, 211
Пыпин А. Н. 270, 442

Р. А. см. *Тихобразова (урожд. Яковлева) Р. А.*
Рабле Ф. 518—520
Радзиевская Т. В. 326
Радионов, майор 139, 143
Радищев А. В. 462, 463, 465
Радищев А. Н. 19, 462, 477, 478

Радищев Л. А. 461—469, 471, 475, 477, 478
Радищев П. А. (Петя) 461, 463—468
Радищева А. А. см. *Радищева Н. А.*
Радищева (урожд. Михайлова) А. Л. 462, 463, 465, 467, 470
Радищева Н. А. (Антонина, Нина) 461, 463—467, 470
Радищева (в замуж. Орехова) О. А. 463, 466, 470
Радлов Э. Л. 279, 289, 290, 322, 441
Радованович (Родованович) С. С. 317, 322, 312
Радонски Ф. А. см. *Мензенкампф Ф. А.*
Раевский С. П. 484, 490, 522, 556
Раевский Н. Н. 179
Раикина, владелица дачи 373
Раиса Алексеевна см. *Тихобразова (урожд. Яковлева) Р. А.*
Раковский Л. И. 608, 609, 612, 615, 617—618, 620, 622
Ралль 5-й 177, 179, 209, 214
Ралль А. А. 109, 114, 190
Ралль А. Ф. см. *Ралль 5-й*
Ралль Г.-Ф.-А. см. *Ралль 5-й*
Ралль Гарри см. *Ралль 5-й*
Ралль С. Ф. 110
Ралль Ф. Г. 109, 110
Ралль Ф.-В.-А.-М. см. *Аделунг Фр. Ф.*
Ралль Х.-Ф. см. *Ралль Ф. Г.*
Ралль Ш.-Ф. см. *Шерер Ш.-Ф.*
Рахманинов С. В. 471, 473, 475
Рачинский С. А. 277, 278, 300, 322, 323
Ревви А. А. 426
Ревви А. И. 426, 427, 451, 452
Рёдер, преподавательница 495
Рёдер Н. 495
Редин Е. К. 250
Редовский И. И. 13
Редько А. М. 319
Редько Н. А. 438
Резвых Т. Н. 290, 322
Резник Р. А. 538
Резникова И. В. 710
Реизов Б. Г. 506, 507
Рейнгардт Л. Я. 545—547, 551, 553
Рейтерн О. К. 473
Рембрандт Х. ван Рейн 516, 517
Ремизов А. М. 265, 322, 416, 613, 717
Ренан Ж. Э. 392, 405
Ренненкампф А. Я. 171
Ренненкампф П. Я. 168, 171, 176, 202, 203
Репин И. Е. 36, 62, 77, 78, 80, 81, 82, 86, 87—92, 94, 411
Репина В. И. 91
Рерих Н. К. 80, 81, 83
Рерих Ю. Н. 9
Рильке Р. М. 714

Римская-Корсакова (урожд. Пургольд) Н. Н. 464, 470, 476
Римский-Корсаков А. Н. 477
Римский-Корсаков В. А. 494, 495, 498, 502
Римский-Корсаков И. Н. 454
Римский-Корсаков Н. А. 464, 470, 472, 475–477
Риссанен Ю. 79, 80, 82, 83, 85
Рихтер М. И. 470, 476
Рихтер Н. А. см. *Рихтер Н. И.*
Рихтер Н. И. 461, 463, 464, 470–472, 475, 476
Робинсон (Робинзон) М. 476
Рогозина С. И. 22, 39
Родионов И. Ф. 316
Родичев Ф. И. 409, 413, 414
Родованович С. С. см. *Радованович С. С.*
Родофиникин К. К. 107–109
Родюкова М. В. 461, 462, 464, 477, 478
Рожанский М. 325, 330, 386
Рожанский М. Я. 325, 330, 386
Рождественский В. А. 712
Рождественский В. Г. 356, 380
Рождественский Р. И. 627
Рожнов В. Ф. 381
Рожнова Т. М. 380, 381
Розанов В. В. (1856–1919) 227, 263–324
Розанов В. В. (1899–1918) 293, 319
Розанов М. Н. 522
Розанов Н. В. 311, 314
Розанова Варвара В. 278, 279
Розанова Вера В. 278, 279
Розанова Н. В. (1892–1893) 266, 275
Розанова Н. В. (1900–1956) 319
Розанова (Альтерман) С. А. 479, 494, 498, 506, 507, 515, 524, 529, 535, 539, 541, 551–555
Розанова Т. В. 278, 279
Розен (урожд. Малиновская) А. В., бар. 253
Розен А. Е., бар. 253
Розмирович Е. Ф. 34–36, 42
Роллан Р. 36, 541, 543
Ромадин М. Н. 687, 688
Роман Ю. Ю. 277, 323
Романов И. Ф. см. *Рцы*
Романов М. С. 700
Романова (урожд. Луцевич) О. И. 281
Ромодановская В. А. 713
Ронсар П. де 520, 521
Роом (Ром) А. М. 628
Ропшин (наст. имя и фам. Б. В. Савинков) 310, 324
Росоловский В. С. (псевд. Варяг) 313, 317, 318, 322
Ростов А. (наст. имя и фам. С. В. Сигрист) 385
Ростовцев Я. И., гр. 50, 649

Ростовцев (Ростовцов) Я. Н., гр. 649
Ростовцева (Ростовцова) М. С., гр. 649
Ротенберги, семья 374
Рошин А. И. 63, 65, 66, 68–70, 73, 82, 93
Рошин М. М. 605
Рошин-Инсаров (наст. фам. Пашенный) Н. П. 379
Рошина-Инсарова (урожд. Пашенная) Е. Н. 350, 379
Рубашкин А. И. 542
Рубенс П. П. 78
Рубинчик О. Е. 715
Рубинштейн А. Г. 463, 467, 468
Рубинштейн Н. Г. 463, 467, 470, 476
Рубо Ф. А. 64
Руга В. 93
Рудаков В. 703
Рудзиевская С. В. 325
Руди Т. Р. 696
Руссо Ж. Ж. 125, 126, 130, 492
Рцы (наст. имя и фам. И. Ф. Романов) 266, 281, 312, 316, 317, 324
Рыбак Н. С. 568, 599
Рыбин Б. И. 709
Рыженко И. Э. 713
Рылеев К. Ф. 29
Рылов А. А. 69
Рышков (псевд. Тарусский) Е. В. (Женя) 335, 345, 376
Рышков А. М. (Андрей) 346, 378
Рышков Виктор А. 327, 330, 332, 335, 337–339, 342, 362, 376–378, 382
Рышков Вл. А. 325–378, 380, 381, 383–386
Рышков М. А. (Миша) 336, 338, 361, 371, 372, 377, 378
Рышков П. А. (Палладий) 348, 378
Рышков П. В. (Палладий) 345, 378, 371, 378
Рышков С. А. (Сергей) 345, 359, 378
Рышков Ю. М. (Юра) 336, 371–373, 377
Рышкова (в замуж. Керсновская) Г. В. (Гали, Галя) 345, 356, 378, 380
Рышкова (урожд. Тихобразова) З. А. (Зина) 327–330, 332–339, 341, 342, 346,
347, 349–351, 353, 356, 361–363, 365, 368, 372, 374, 384
Рышкова (урожд. Ильина) З. П. 345, 346, 353, 374, 378
Рышкова К. В. (Кира, Кирочка) 325–374, 381–385
Рышкова Л. А. (Люба) 332, 333, 335, 336, 338, 342, 345, 347, 349–351, 366, 372,
374
Рышкова Л. Е. 377, 378, 384
Рышкова (урожд. Букреева) Н. П. 333, 335, 338, 342, 375
Рышкова (урожд. Эбергардт) С. Е. 338, 339, 373, 377
Рышкова Н. А. (Нагаша) 332, 333, 335, 336, 338, 346, 372, 374
Рышкова С. А. (Соня) 333, 335, 338, 351, 375, 376, 379, 381, 384
Рышковы, семья 378, 380, 384
Рябушинский Н. П. 85
Рябушинский П. П. 316
Рязанов Э. А. 710

Сабанеев Л. П. 456
Сабашников С. И. 353, 379
Саблин В. М. 458
Савва Вишерский 455
Савин О. М. 478
Савина М. Г. 383
Савинков Б. В. см. *Ропшин*
Савицкий Г. К. 69
Савицкий К. И. 381
Савич А. Я. 717
Савич О. Г. 717
Савич С. Е. 319
Савонарола Дж. 517, 519
Садофьев Н. Н. 328
Сакулин П. Н. 272
Салиас де Турнемир Е. В., гр. (псевд. Евг. Тур) 234, 235, 238, 239
Салтыков-Щедрин М. Е. 20, 26, 27, 230, 505–506, 552, 554
Самарин Ф. Д. 308
Самарин Ю. Ф. 441
Самойлов (наст. фам. Кауфман) Д. С. 717
Самофал Р. Б. 616
Самошкин А. И. 28
Сандомирский Х. 389
Сапожникова О. С. 417, 260
Сапунов Н. Н. 80, 81, 83
Сарьян М. С. 80
Сафонов, тулянин 701
Сафонов Г. 701
Сафонов Н. Н. 351
Сац И. А. 479, 546, 547
Саша, иркутский школьник 512, 514, 533, 535
Саянов В. (наст. фам. и имя В. М. Махлин) 571, 589, 601
Свенцицкий В. П. 308
Сверчков Н. Е. 78
Свирин Н. Г. 57, 58, 60
Свифт Дж. 485
Северюхин Д. Я. 70, 75, 79
Седельников Т. И. 409, 413
Секундов, журналист 564, 599
Селезнева Т. Ф. 713
Семанова М. Л. 249
Семён, крепостной кн. Бебутовых 150, 156, 158, 162, 165, 166, 193, 194, 200
Семенов А. 540, 542, 549
Семенов Г. С. 546–548
Семенов Я. П. 379
Семеновский Н. А. 21
Сементковский Р. И. 284
Семино Б. 104, 107, 108
Семирадский Г. И. 78
Сенковский О. И. 109, 214, 216

Сент-Экзюпери А. де 708
Сенчин Р. В. 713, 717
Серафим (Веснин С. А.), иером. 53, 55
Сергеева-Клятис А. Ю. 48
Сергей см. *Рышков С. А.*
Серебряный Д. 647
Серов В. А. 80, 81
Сиверс П. Ф. 182
Сидоров А. Л. 411, 414
Силантьева (урожд. Молчанова) М. В. 686, 691
Симеон, архиеп. 699
Симеон Богоприимец, св. 237
Симон А. (наст. имя Отто Кац) 523, 526
Симонов К. М. 59, 513, 514, 523, 525, 708, 710, 711
Симонов А. А. 710
Сиповский В. В. 415, 434, 447
Сипягин Д. С. 67
Сипягин Н. М. 136, 149, 150, 167, 169, 175, 176, 194, 218, 219
Сипягина Е. С. 129, 133
Скабичевский А. М. 263, 271, 272, 303, 306, 312, 315, 324
Скалон М. П. 335
Скарлатти Д. 463, 467, 474
Сквирская Т. З. 478
Скворцова Н. В. 416, 438, 439, 459
Скотт В. 504
Скрипиль М. О. 25
Скрябин А. Н. 471
Слонимские, семья 570
Слонимский М. Л. 60
Смирдин А. Ф. 49
Смирнов А. А. 494, 498, 712
Смирнов С. В. 692
Смирнова (урожд. Россет) А. О. 53
Смирнова В. П. 333
Смирнов-Сокольский Н. П. 608
Смолетт Т. Дж. 508, 509
Смолич Н. Ю. 589
Смолянинов В. Н. 462
Снеговая И. А. 65
Соболев Л. С. 59
Соболева Е. И. 371
Соболевский А. И. 415, 439, 453, 454
Соболевский С. А. 164
Соколов Е. Т. 383
Соколова В. Н. см. *Батюшкова В. Н.*
Соколов-Микитов И. С. 609, 610, 612
Соколовская Н. Е. 694
Солдатёнков К. Т. 64
Солженицын А. И. 548
Соллогуб А. В. 627, 628, 632, 634, 637, 640, 641

Соллогуб Н. Б. 627, 628, 632, 634, 637, 640, 641
Соловьев В. В. 342–344, 345, 347, 352, 355, 356, 359, 360–370, 377
Соловьев Вл. С. 280, 281, 287, 290, 295, 296, 313
Соловьев С. М. 481
Соловьев Н. Ф. 458
Сологуб (наст. фам. Тетерников) Ф. К. 715
Солодовников Г. Г. 468, 474
Соломон, царь 304, 307, 320
Солоухин В. А. 605, 627
Сольский Д. М. 407
Сомов К. А. 80, 83
Соня см. *Рышкова (урожд. Эбергард) С. Е.*
Сорокина Н. Н. 569, 588, 600
Соснора В. А. 627
Соханская (урожд. Лохвицкая) В. Г. 229, 236, 237, 254–256
Соханский П. С. 225, 231, 232, 241
Соханский Пав. С. 225, 232
Сохор Т. Е. 713, 716
Спектор М. 389
Сперанский М. М., гр. 244
Спиноза Б. 519
Спонтини Г.-Л.-П. 190
Срезневский И. И. 452
Сталин (наст. фам. Джугашвили) И. В. 484, 559, 570, 571, 576, 577, 716
Сталь К. Ф. 135
Станиславский (наст. фам. Алексеев) К. С. 532
Станюкович В. К. 84
Станюкович К. М. 268, 279, 281, 284, 291
Стеллецкий Д. С. 83
Стендаль (наст. имя и фам. А. М. Бейль) 529, 536
Стенич В. И. 599
Степанов В. П. 327, 385
Степанов П. И. 20
Степанова Н. 333
Стерлигов Т. 701
Стивенсон Р. Л. 501
Столыпин П. А. 440, 444
Стороженко Н. И. 270
Стоюнин В. Я. 435
Стравинский Н. И. 332, 374
Страхов Н. Н. (1828–1896) 230, 266, 289, 294, 313, 314, 317, 324
Страхов Н. Н. (1852–1928) 313, 317, 324
Стрекалов С. С. 219
Стрелин Г. С. 490, 491, 496, 497, 499–501, 510, 522, 529, 534, 536, 537, 539, 541, 542, 544–547, 549
Стрелин С. Л. 496, 500
Стрелина А. С. 497, 500, 501, 536, 537, 542
Стрелина М. А. 497, 500, 501
Строганова Е. П. 454
Струве Г. П. 646

Стулов П. М. 16
Суворин А. С. (псевд. А. С.) 248, 249, 279, 317, 362, 382
Суворов Н. П. 333, 375
Суворов П. Н. 333, 335, 375
Сувчинский П. П. 477
Судейкин С. Ю. 80
Султанов Н. В. 380
Султанова Е. П. 319
Сумароков А. П. 416, 421, 435, 446, 459
Сумбатов-Южин (наст фам. Сумбаташвили) А. И. 383
Суперфин Г. Г. 646
Суриков В. И. 78, 80, 81, 89
Сурков А. А. 537, 600, 627
Сулова А. П. 268, 279
Сутерланд, герцогиня 388
Сутягина Л. Э. 330
Суханины, семья 425
Сухомлинов М. И. 452
Сухтелен П. П. 170, 188, 191, 219
Сучков Б. Л. 526
Сушкевич Б. М. 385
Схоль-Энгбертс В. Л. 425, 455
Схоль-Энгбертс Л. П. 425, 455
Схоль-Энгбертс Леонид Л. 425
Схоль-Энгбертс Любовь Л. 425, 455
Схоль-Энгбертс Р. Л. 425, 455
Сысоев Д. А. 702
Сысоева А. В. 56, 59, 61
Сыгин И. Д. 307, 321, 322

Таганцев Н. С. 279, 284–286
Талызин И. Я. 697, 703
Тамарченко А. В. 493–495, 497, 551–554
Тамарченко Г. Е. 481, 484, 497–499, 551–554, 556
Тамарченко Д. Е. 551, 554
Тамарченко М. Е. 554
Тамбовцев В. В. 687
Таранов М. А. 690
Тарасенков А. К. 59
Тарасов-Родионов А. И. 59
Таршис Н. А. 514
Тасс Т. 55
Татищевы, семья 362, 382
Твардовский А. Т. 605, 626, 627, 708, 717
Теребнев П. К. 379
Теренций 439
Тик Л. 520, 521, 550, 551
Тиме-Качалова Е. И. 711
Тименчик Р. Д. 646
Тимонен А. Н. 565, 569, 600

Тимофеева В. В. 603
Тихобразов А. И. 332, 348, 374, 375
Тихобразов Л. А. (Леня) 333, 335, 342, 358, 368, 369, 375
Тихобразова Л. А. (Лида) 332, 335, 338, 345—347, 349—351, 353, 356, 360, 361, 371—375, 377, 378, 381, 384
Тихобразова (урожд. Яковлева) Р. А. 332, 333, 335, 337, 338, 345, 353, 361, 374, 384
Тихомиров Л. А. 308
Тихонов Н. С. 712
Тишинова О. Ю. 325
Толмачев М. В. 646, 648, 661
Толстая А. Л., гр. 482, 495, 499
Толстой А. К., гр. (Козьма Прутков) 9, 10, 12, 26, 716
Толстой А. Н., гр. 496, 499, 610
Толстой И. А., гр. 33
Толстой И. И., гр. 67, 406
Толстой Л. Л., гр. (1869—1945) 62, 63, 70, 72—74, 94
Толстой Л. Л., гр. (Левушка; 1898—1900) 74
Толстой Л. Н., гр. 25, 26, 31, 33, 34, 73, 86, 178, 270, 295, 308, 309, 326, 328, 383, 386, 481, 495, 496, 498, 499, 514, 525, 554, 633
Толстой Н. И., гр. 33
Толстой С. Л., гр. 495, 496, 499
Тольятти П. (псевд. Эрколи) 523, 525
Томассен см. *Томашек В. Я.*
Томашевская И. Л. 601
Томашевские (семья) 595
Томашевский Б. В. 15, 601
Томашевский Ю. В. 601
Томашек В. Я. 466, 473
Тон К. А. 122
Тоноян Л. Г. 716
Топчибашев М. Д. 116, 130, 134
Тороканов Н. К. 699
Трилева Н. 372, 373
Трубецкой Е. Н., кн. 308
Трубецкой С. Н., кн. 279
Трубецкой П. Н., кн. 408
Трубников Г. (Ю.) В. 384
Трубников К. В. 299
Трубникова (урожд. Граве) А. П. 384
Трубникова Е. Ю. (Г.) 373, 384
Трутнев И. П. 63
Трушкин В. П. 487, 488, 513, 514, 517—519, 526, 556
Тункина И. В. 7
Тур Евг. см. *Салиас де Турнемир Е. В.*
Тургенев И. С. 27, 226, 231, 232, 252, 253, 267, 277, 309, 382, 383, 453, 608, 613, 623, 625, 629—631, 638, 640
Тургеневы, род 481, 496, 500
Турицев А. А. 634
Турчанинова, ученица В. И. Вильборга 469

Тухолка Л. А. 157, 162
Тюлькин И. П. 698, 701
Тюльпин Ф. Т. 354, 380
Тютчев Ф. И. 305, 308, 321
Тютчева А. Ф. см. *Аксакова А. Ф.*
Тютюнник Л. И. 647

Уваров П. А. 537
Уваров П. Ю. 537
Уваров Ю. П. 512, 514, 529, 533, 535–537, 539, 540, 542, 543, 545, 549, 551–553
Уварова Е. Г. 537
Удодов Б. Т. 223
Умисса И. И. 194, 204
Умисса Ф. И. 194, 204
Унгерн см. *Унгерн-Штенбург*
Унгерн-Штенбург О. Г. 157, 163
Уралов (наст. фам. Коньков) И. М. 361, 365, 381
Урусов Н. А. 53
Урусова (урожд. Бороздина) А. Н. 53
Усиевич Е. Ф. 531, 532, 546, 547, 554, 555
Успенский Л. В. 709
Уткин П. С. 80
Уфимцев А. Г. 286
Ухтомский Г. 698, 700
Ухтомский Э. Э. 299, 312, 317
Ушаков Б. 703
Ушинский К. Д. 378

Фаберже К. 65
Фаворская В. Н. 17
Фадеев А. А. 522, 524, 565, 717
Фатеев В. А. 267, 273, 324
Фатима Ханум 402
Февчук Л. П. 330, 386
Федин К. А. 557, 578, 585, 605, 610, 617, 620, 626
Федоров Д. А. 265, 316, 321, 324
Федоров М. М. 299
Федорова М. Г. см. *Владимирова М. Г.*
Федосеев М. Е. 21
Фейхтвангер Л. 540, 542
Фелейзен, немец 169, 173–174
Фелейзен К.-Л. 174
Фёлькерзам И. Е. 180, 181
Фёлькерзам И.-Ф.-М.-Э. см. *Фёлькерзам И. Е.*
Фельтен А. Ф. 383
Феноменов Н. Н. 293
Фердинанд Ф., эрцгерцог 382
Ферсман А. Е. 20, 384
Фет А. А. 308

Фетисенко О. Л. 222, 224, 225, 243, 262
Фетх-Али-шах 176, 179, 181, 212, 216, 217
Фешин Н. И. 71
Фигатнер Ю. П. 374, 385
Фидлер Ф. Ф. 390, 391, 402, 403
Филарет (Дроздов В. М.), митр. 52
Филдинг Г. 508
Филин И. 704
Филиппенко Р. И. 250
Филиппов Г. С. 497, 500
Филиппов Г. В. 560
Филиппов Т. И. (Тертий) 266, 274, 277, 280
Филиппова Р. 709
Филиппович Е. И. 333, 335, 376
Филичева В. В. 713
Фильдинг Г. см. *Филдинг Г.*
Финдейзен Н. Ф. 477
Фиш Г. С. 59
Флексер Х. Л. см. *Вольнский А. Л.*
Флинта К. см. *Владимиров И. А.*
Флит А. М. 713
Флит М. А. 713
Флобер Г. 492, 504, 532
Флорен Э. А. 350, 379
Флоренский П. А. 278, 305, 307, 308, 310, 311, 313, 323, 324
Флоринская Л. О. 615–617
Флоринский В. М. 309, 310
Флоринский Т. Д. 309, 310
Фогельгезанг С. А. 427, 429, 451, 452
Фомин И. 703
Фомина А. Н. 689, 690
Фонвизин Д. И. 13, 382
Фон-дер-Флит П. П. 279, 291–293
Фонтон А. А. 104, 116
Форш О. Д. 568, 570, 589, 601
Фредерикс П. А. 169, 174
Фрезинский Б. Я. 690, 693, 713
Фрейдберг С. 388
Френ Х. Д. 109, 216
Френкель З. Г. 616
Фридберг А. Ш. 389
Фридберг Авраам 388
Фридберг Берта (Изабелла, Изабель) (Спектор Белла) 389
Фридрици Е. К. 153
Фридлендер Андр. М. 483, 497, 555
Фридлендер Анж. М. 479, 491, 502–504, 519, 521, 526, 542, 547, 554, 555
Фридлендер Г. М. 479–556
Фридлендер М. В. 493, 497
Фурцева Е. А. 606, 617

Хаджи Ага Мамед 397
Харламов А. А. 82
Харлап М. Г. 553, 554
Харью, семья 376
Хасан-хан 167, 170, 188, 189
Хвоцинская Н. Д. (псевд. В. Крестовский) 238–240
Хижинский Л. С. 690
Хитрово Л. К. 7, 9
Хмельницкая Т. Ю. 548
Ховен, доктор 340
Ховин В. Р. 319
Ховен Е. Р. см. *Коцебу Е. Р.*
Ховен И. Р. 136
Ховен Р. И. 136, 149, 150, 154, 157, 167, 168, 180, 193
Ховен Р. Р. 106, 136, 149, 152, 168
Холм Ф. К. см. *Хольм Ф. К.*
Холодняк И. И. 439
Хольм (Холм) Ф. К. 78, 87
Хомутов, полковник 207
Хомяков А. С. 237, 307, 319
Хосров-мирза 110, 145, 171
Хохлов Е. С. 614, 615
Храбровицкий А. В. 608
Храповицкая С. 338, 377
Храповицкий А. 338, 377
Храповицкий Е. 338, 377
Хренков Д. Т. 688
Хрущев Н. С. 617
Хусейн хан см. *Гусейн Казвини Девелу Каджар*

Цагараев М. 579, 580, 600
Царькова Т. С. 327, 607
Цветаева М. И. 522
Цветков С. А. 308
Цветникова А. В. 17
Цезарь (Юлий Цезарь) 397
Цергелев Д. Н. 267, 275–278
Циллиакус К. 442, 443
Цинберг Т. С. 690
Цицианов П. Д. 144, 189, 197, 205
Цявловский М. А. 15

Чаадаев П. Я. 502
Чавчавадзе А. Г. 167, 171, 179, 187, 200, 201, 207, 213
Чавчавадзе Н. А. см. *Грибоедова Н. А.*
Чавчавадзе С. И. 193–195, 200, 201
Чагин Н. М. 348, 379
Чадаева А. Я. 647, 664
Чайковский П. И. 377, 381, 466, 468, 504
Чевакинский А. И. 424, 455, 456

Чейгин П. Н. 713
Чекалова И. В. 48
Челашвили см. *Челяев*
Челяев Б. Г. 146, 147, 151
Черепнин Н. Н. 472, 477
Черни К. 466, 467, 473
Черниговский Д. Е. 605
Чернов А. Ю. 713, 717
Чернов Ю. Г. 650
Черномордик-Славина А. 711
Черных Л. В. 490, 492, 516, 518, 526, 556
Чернышев А. И. 50
Чернышев Е. Г. 377
Чернышева В. И. 710
Чернышевский Н. Г. 19, 223, 241–243, 308, 316, 458, 515
Черубина де Габриак см. *Дмитриева Е. И.*
Четкин И. 700
Чехов А. П. 270, 295, 379, 532, 551, 608, 611, 612, 633
Чечулин Н. Д. 424
Чилиев, майор см. *Челяев*
Чистович Н. 365
Чистович Н. Я. 340, 377
Чистович С. (Сережа) 357
Чистович С. Я. 343, 346, 361, 363, 377
Чистович Я. А. 377
Чистовичи, семья 357, 358
Чихалова Ю. М. 435
Чопикашвили см. *Казбек (Казибег)*
Чочиа Г. 716
Чуковский К. И. 87, 325, 712
Чурлянис (Чурленис) Н. К. 80

Шагинян М. С. 563, 569, 598, 599
Шамбо А. И. 157, 162
Шамиссо А. фон 524, 526
Шапорин Ю. А. 477
Шарапов С. Ф. 299, 312, 317
Шаргородский Т. И. 25
Шарден Ж. 184, 190
Шармуа Ф.-Б. 116, 117
Шаскольский П. Б. 456, 457
Шатобриан Ф.-Р. 43
Шаумбург И. Х. 148, 152, 176, 210
Шахматов А. А. 25, 409, 415
Шахназаров Н. 193–195, 198, 199
Шахназарян см. *Шахназаров Н.*
Шаховская З. А., кн. 633, 634, 637
Шаховской Н. В., кн. 444
Шахт Л. Е. 713
Шашков С. С. 457, 458

Шверник Н. М. 547
Шевырёв С. П. 45, 55
Шекспир У. 290, 488, 498, 503, 504, 517, 519, 544
Шеллинг Ф. фон 520, 521
Шелом-Алейхем (наст. имя и фам. Ш. Н. Рабинович) 540, 542
Шерер А. А. 131, 134, 135
Шерер А. И. 134
Шерер А.-Н. см. *Шерер А. И.*
Шерер Амалия см. *Пандер А.*
Шерер М.-Ш. 131, 135, 181
Шерер Ш.-Ф. 131, 134, 181
Шернваль Л. Р. 318, 319
Шестов Л. И. 265, 322
Шефер У. 401, 404
Шефнер В. С. 694
Шиллер Ф. П. 383, 385
Шингарев А. И. 415
Шипилова Е. Н. см. *Батюшкова Е. Н.*
Шипшинский, фальшивомонетчик 258
Ширмаков П. П. 603
Ширяев Г. И. 44, 46, 48, 49, 51–55
Шитов М. А. 80
Шкапская М. М. 691
Шкловский В. Б. 717
Шлегель Ф. 520, 521
Шлёцер П. Ю. 465, 472
Шлиттер, доктор 144
Шлуглейт И. М. 71
Шляпкин А. И. 426
Шляпкин И. А. 415–460
Шляпкина А. М. 426
Шляпкина М. И. 426
Шмаров П. Д. 86
Шмидт В. В. 639
Шмидт Э. Г. 463, 466
Шмурло Е. Ф. 424
Шнитникова-Лагарп З. З. 615, 616
Шницлер И.-Г. 160, 164
Шолохов М. А. 523, 525
Шопен Ф. 463–465, 467, 468, 470
Шошин В. А. 714
Шперк Ф. Э. 313, 316, 317, 324
Шрадер О. 436, 456, 458
Шредель В. М. 710
Шредер И. Н. 454
Штакельберги 160
Штакеншнейдер Н. А. 379
Штегман, приятель Вл. А. Рышкова 345
Штейн А. П. 59
Штерн Ю. 476

Шуберт А. Ф. 112, 113
Шуберт Ф. 473
Шуберт Ф. И. 153, 171
Шуберт Ф. Ф. 113
Шульц, староста 159
Шуман Р. 463—465, 467—469, 470, 473
Шустер Б. 475
Шухтина Н. В. 696
Шюппе В. 448

Щеголев П. Е. 13, 14
Щеголеватый Ф. 700
Щербинина О. Г. 713, 717, 718
Щипачев С. П. 59

Эзоп 435
Эйзенштейн С. М. 548
Эйхенбаум Б. М. 9, 715
Эйхенгольц М. Д. 530, 532, 533, 535, 537, 538, 542, 549
Эйхендорф Й. фон 524, 526
Экснер С. К. 474
Экстрем (Экстрём) семья 464
Экстрем К. 476
Экстрем Я. Ф. 476
Эльманович О. С. 448
Эмануэль Г. А. 131, 135, 139, 144, 174
Эммануэль см. *Эмануэль*
Эмме А. В. см. *Тамарченко А. В.*
Эмме В. В. 497
Эмме Т. А. 551, 554
Энгель Ю. Д. 477
Энгельгардт А. Ф. 218, 219
Энгельгардт Е. А. 157, 219
Энгельс Ф. 487, 495, 498, 499, 502, 511, 531, 532, 538
Эндауров И. Н. 50
Эннекен (Геннекен) М. 382
Эренбург И. Г. 489, 545—547, 554, 690, 694, 717
Эристов Г. Е. 169, 179, 189
Эрн В. Ф. 305, 308
Эртель А. В. 629, 637
Эсленберг К. Ф. 153
Эткинд Е. Г. 533
Эткинд Е. Г. 717
Эфрон И. А. см. *Ефрон И. А.*

Юдовин С. Б. 687
Южаков С. Н. 263, 271, 272, 303, 306, 312, 320
Юнгер Е. В. 712
Юнкер И. В. 442, 443
Юон К. Ф. 83, 543

Юра см. *Рышков Ю. М.*
Юргенс А. Ф. 444
Юргенсон П. И. 470, 475
Юркевич П. Д. 241, 243
Юрчак А. В. 326
Юрьев Ю. М. 360, 364, 381, 382
Юсупова З. И., кн. 454
Юткевич С. И. 548
Юферева Н. Э. 376

Яашон Я. (Jasion J.) 388–390
Явленский А. Г. 80, 81, 84
Языков Н. М. 173
Якоби Б. С. 13
Яковенко В. И. 443
Яковлев А. Е. 80
Яковлев В. А. 458
Яковлев М. А. 493, 497
Якубенко В. 589, 601
Якулов Г. Б. 80, 83
Якушевская И. В. 525
Якушкин П. И. 225
Яремич С. П. 80
Ярослав Мудрый, вел. кн. 454
Ястребцов Е. 51, 54
Яфимович П. В. 361, 381
Яхонтов А. Н. 419
Яхонтов И. К., прот. 52, 53, 55
Яшин (наст. фам. Попов) А. Я. 687, 688

Kryzyski Serge см. *Крыжицкий С. П.*
Mirzá 'Alf-Akbar-i-Nakhjavání см. *Мамедханлы Мирза Али Алекпер*
Musset A. de см. *Мюссе А. де*
Renan E. см. *Ренан Ж. Э.*
Solus см. *Арабажин К. А.*

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ

<i>Хитрово Л. К. Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома</i>	7
<i>Мисайлиди Л. Е. «Собственность слепца Г. И. Ширяева»: из истории формирования батюшковских фондов в Пушкинском Доме</i>	44
<i>Сысоева А. В. Литературное объединение Красной армии и флота: пропаганда и творчество</i>	56
<i>Носова А. Г. К биографии художника И. А. Владимировна</i>	62

II. ПУБЛИКАЦИИ

«Письма из Персии» 1828 года секретаря русского посольства Карла Аделунга в полном переводе (<i>Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарии Е. В. Юдиной и И. М. Могилевич</i>)	99
«Все мы, благородно-простодушные провинциалы...» Письма Кохановской (Н. С. Соханской) к М. Ф. Де-Пуле (1860—1866 гг.) (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии О. Л. Фетисенко</i>)	222
Переписка В. В. Розанова и С. А. Венгерова (1898—1918) (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. П. Дмитриева</i>)	263
Дневник Вл. А. Рышкова о дочери Кире (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Прозоровой</i>)	325
И. А. Гриневская. Путешествие в Край Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (Продолжение) (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. А. Митник</i>)	387
Рукописный вариант речи С. Ю. Витте в Государственном совете 4 мая 1906 г. по вопросу амнистии (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. С. Левшиной</i>)	405
Илья Александрович Шляпкин в зеркале своих корреспондентов. Письма А. А. Громова. 1904—1918 гг. (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Вострикова</i>)	415
«Лев Ал<ексеевич> Радицев. Музыка в 1879—1914 гг.» (Из записной книжки) (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. В. Родюковой</i>)	461
О. И. Ильинская в воспоминаниях Г. М. Фридендера и письмах к нему в Коми АССР (1942—1945 гг.) (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии С. В. Березкиной</i>)	479
Зощенко Вера Владимировна. О болезни и литературной работе <М. М. Зощенко> Часть 5 (1950-е годы) (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. М. Вахитовой</i>) ...	557

«Сердца открылись...». Переписка Л. Ф. Зурова и Л. Н. Назаровой (1960–1971) (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. М. Любомудрова)	602
---	-----

III. ТЕКСТОЛОГИЯ

Ольхина Г. К., Кручинина А. А. Черновая тетрадь Н. В. Недоброво (1917 год): проблемы атрибуции	645
---	-----

IV. ИНФОРМАЦИЯ

Прозорова Н. А. Инскрипты и маргиналии в архиве О. Ф. Берггольц. Часть 4. Дополнение	685
Маркелов Г. В. Актовый материал XVII–XIX вв. из коллекции М. С. Лесмана	696
Аксененко Е. М. Материалы М. Л. Галлая в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Описание 13	706
Аксененко Е. М. Материалы Т. Г. Гнедич в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Описание 15	712
Кошценко И. В. Обзор архивных материалов XIX–XXI вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2017 г.	713
Указатель имен	719

*Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена для детей старше 16 лет*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
26 октября 2020 г., протокол № 8*

Научное издание

**ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 2020 ГОД**

Ответственный редактор *Т. С. Царькова*

Выпускающий редактор: *А. П. Дмитриев*
Верстка: *С. В. Степанов*

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Остava.
Печ. л. 48,0. Тираж 500 экз. Зак. № 516

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: <http://www.rostokbooks.ru>
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8-921-937-98-70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4